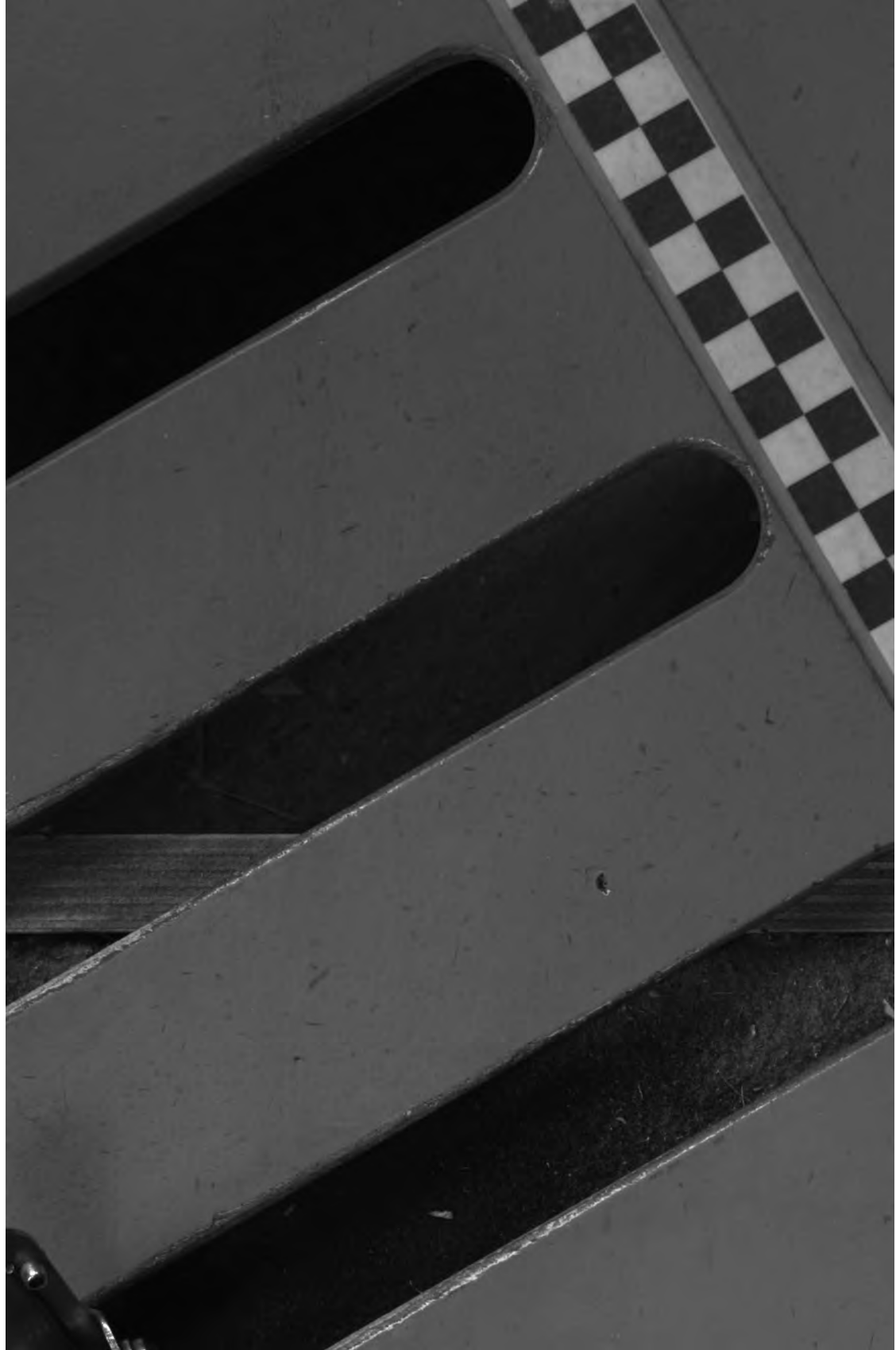

БЛЮЕ 1907/3-4

DK

1

NOTION

DK
1
B991
1968
1907
no. 3-4

07/3-4

DK

1

B991

1968

1907 no. 3-4

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

DATE DUE

GAYLORD			PRINTED IN U.S.A.

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY

3 1924 112 462 621

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by
C. H. VAN SCHOONEVELD
Indiana University

94/8

1969
MOUTON
THE HAGUE • PARIS

IN COOPERATION WITH EUROPE PRINTING, VADUZ

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 3₁₅. МАРТЪ 1907**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Енергія“, Загородный. 17.
1907.

386782C
187
LB

Printed in Germany

НОВАЯ КНИГА

НИКОЛАЙ МОРОЗОВЪ.

Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.

**ИСТОРИЯ
ВОЗНИКНОВЕНІЯ АПОКАЛИПСИСА.**

Съ рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ.
Пулковской обсерваторіи.

Изданіе редакціи журнала „БЫЛОЕ“.

X+304 стр.

Цена 1 руб. 35 коп.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ I. Прологъ.

ЧАСТЬ II. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ и въ четырехъ ударахъ патмоскаго землетрясенія 30 сентября 395 года.

ЧАСТЬ III. Когда написано „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ?“ Опредѣленіе времени по заключающимся въ немъ самомъ астрономическимъ указаніямъ.

ЧАСТЬ IV. Характеристика византійской жизни конца IV вѣка и посланія автора Апокалипсиса къ семи малоазіатскимъ собраніямъ вѣрныхъ.

ЧАСТЬ V. Личность автора „Откровенія въ Грозѣ и Бурѣ“. Іоаннъ Златоустъ изъ Антіохіи какъ революціонеръ и демагогъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ. Проверочныя вычисленія пулковскихъ астрономовъ М. М. Каменскаго и Н. М. Ляпина.

На 1907 годъ открыта подписка на историческій журналъ **„Б Ы Л О Е“.**

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая бібліографія.

Въ „Быломъ“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ слѣдующія статьи: В. П. Акинъ—Махновецъ—1-е мая въ Россіи. М. А. Антоновичъ—Арестъ Чернышевскаго. М. Ю. Ашкенеицъ—Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. В. Я. Богучарскій—1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. В. Л. Бурцевъ—Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. М. П. Бѣлоконскій—Изъ воспомин. объ А. И. Желябовѣ. А. И. Боловскій—Изъ прошлаго. П. И. Вейнбергъ—4 апрѣля 1866 года. Н. А. Виташевскій—Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ и Централка. М. И. Волковъ—Народов. пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 году. М. О. Гершензонъ—Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. Герасимовъ—Питомецъ воспитательнаго дома. Дм. Гильонъ—М. А. Бакунинъ. М. Р. Гоцъ—С. В. Зубатовъ. И. А. Гениеръ—Политич. каторга на Карѣ. Х. Г. Гринбергъ-Номъ—Къ процессу Ковальскаго. Л. Я. Гуревичъ—Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905-года. М. С. Джабадари—Въ неволѣ. М. П. Драгомановъ—Автобіографія. Д—чъ—Арестъ Нечаева. В. С. Иличъ-Савичъ—Мое знакомство съ Ковальскимъ. С. А. Иванковъ—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноселовки. С. А. Иванова-Борейша—Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. М. В. Корольковъ—Поручикъ Кречетовъ—шлис. узникъ XVIII вѣка. Ф. Я. Номъ—У подножія висѣлицы. М. И. Ленинъ—Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. О. С. Любатовичъ—Далекое и Недавнее. Н. А. Морозовъ—Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). И. Л. Манучаровъ—Мой процессъ и Эпизодъ изъ жизни въ Шлис. крѣп. Малецова-Дегаева—Судейкинъ и Дегаевъ. О. С. Минеръ—Якутская драма 1889 г. И. Я. Николадзе—Освобожденіе Чернышевскаго. М. В. Новорусскій—Въ Шлиссельб. крѣпости. Надимъ—Стрѣльниковскій процессъ. Г. Ф. Осмоловскій—Карійская трагедія. М. Р. Поповъ—Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. съѣзда. В. С. Памратовъ—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. А. П. Прибылова-Норба. С. П. Дегаевъ.

По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова
 Яхонтий—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ.
 З. Ралли—С. Г. Нечаевъ. С. Ф. Русова—Мартынъ Лангансъ. Н. Р.—Событіе
 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. В. М. Семеновскій—Вопросъ о преобразованіи госуд.
 строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Н. Сильванскій—Пес-
 тель предъ Верх. Угол. судомъ. Д. В. Стасовъ—Каракозовскій процессъ.
 А. А. Свядомъ—Страница изъ воспоминаній. Л. С.—Изъ воспоминаній сту-
 дента-солдата. С. А. Савинова—Годы скорби. С. С. Синегубъ—Воспоминанія
 чайковца. В. А. Старосельскій—Крестъянское движеніе въ Кутаисской губерніи.
 Старинъ—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). М. Н. Три-
 говъ—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. Е. В. Тарле—Само-
 державіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. Н. А. Тамъ—Коронація
 въ Колымскѣ. А. В. Тыриновъ—Къ событію 1 марта 1881 года. М. Ф. Фроленко—
 Милость и Побѣгъ Алеши Поповича. В. Н. Фигуръ—Шлиссельб. узница Л. А.
 Волкенштейнъ. А. Р. Хирьяновъ—Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. М. Н. Чер-
 ныховскій—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. П. Е. Щеголовъ—П. Г. Каховскій,
 Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни
 Бѣлинскаго. В. Е. Ялушницъ—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шев-
 ченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма
 Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова. Бакунина, Петрашевскаго, Желябова
 Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ
 отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя
 изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

И. Ю. Ашенбротеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); В. Я. Богучарскій—
 Декабристъ М. С. Луниновъ; В. Л. Бурцевъ—Изъ воспоминаній; И. П. Бѣлоконскій—
 Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; В. А. Вейнштокъ—
 Акатуевскій рудникъ; М. О. Гершензонъ—Западные друзья Герцена; В. А. Дани-
 ловъ—Изъ воспоминаній; В. Н. Дебагорій-Шахриевъ—Къ исторіи переговоровъ
 „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“;
 В. С. Ефремовъ—Маленькое дѣло; С. А. Жебуневъ—Изъ воспоминаній Н. И. Юрда-
 нова—Миссія П. С. Ванновскаго; Е. Д. Мускова—Политическія партіи въ 1906 году;
 Платонъ Лебедевъ—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; М. И. Лемке—Процессы
 Сулгурова, Блюммера, Головина и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ);
 Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ; И. А. Манучаровъ—Изъ Шлиссельбурга на
 Сахалинъ; Н. А. Морозовъ—Изъ воспоминаній; Э. И. Пенарскій—Рабочій Петръ
 Алексѣевъ (изъ воспоминаній); П. И. Пероверзевъ—Экспедиція генерала Реннен-
 кампфа; М. Р. Поповъ—Изъ моего революціоннаго прошлаго; А. С. Пругавинъ—
 Декабристъ въ монастырской тюрьмѣ. З. Ралли—Изъ воспоминаній о Драго-
 мановѣ и Бакунинѣ; И. А. Рубановичъ—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во
 Франціи; С. Г. Святиловъ—Очерки по исторіи студческаго движенія; Е. П.
 Соколовъ—Народовольческіе кружки въ Одессѣ; Э. А. Серебряновъ—Рево-
 люціонеры во флотѣ; С. Соколовъ—Рабочее движеніе въ Петербургѣ въ
 1905 году; Н. П. Стародворскій—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній:
 Я. Б. Струве—Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспо-
 минаній); Е. В. Тарле—Каннингъ и Николай Тургеневъ;—Герценъ и газета
 Прудона; И. А. Тамъ—Послѣдній періодъ „Народной Воли“ Л. Ш.—
 Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“. П. Е.
 Щеголовъ—Агитаціонная литература декабристовъ;—Конецъ императора
 Павла (историческое разслѣдованіе); Ф. Л. Ястрембскій—Записки петра-

шева; Записки императора Николая I о 14 декабря, неизданный произведение А. И. Герцена и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штурмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (официальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на $\frac{1}{2}$ года (съ 1 янв. по 1 июля)—4 руб.; на $\frac{1}{4}$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Перемѣна адреса—30 коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльные книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), Кіевѣ (Крещатикъ, 27), Ростевѣ на Д. (Казанская, 42) и Одессѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способъ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Знаменской ул. д. 19.

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій.
И. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Имѣются въ небольшомъ количествѣ компленты „Былого“ за 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1 Въ народъ! (<i>Изъ востоминаній семидесятника</i>). А. О. Лу- нашевича	1
2. Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Тавриче- скій“. (<i>Окончаніе</i>). А. М. Коваленко	46
3. Съездъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. въ Петер- бургѣ. (<i>По личнымъ востоминаніямъ</i>). Барона Р. Ю. Буд- берга	70
4. Опытъ примѣненія пассивнаго сопротивленія въ 70-хъ годахъ. Н. А. Бородина	93
5. Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 году. (<i>Окончаніе</i>). В. И. Семевскаго	96
6. Къ исторіи осужденія д-ра О. Э. Веймара. Г. А. Лопатина.	122
7. Четырнадцать мѣсяцевъ „свободы печати“. (<i>Замѣтки библио- графа</i>). С. Р. Минцлова	123
8. Петръ Сергѣевичъ Поливановъ въ Омскѣ. Щ—ва	147
9. Князь П. В. Долгоруковъ—эмигрантъ. М. Н. Лемне	153
10. Воспоминанія народовольца. (<i>Окончаніе</i>). А. Н. Баха	200
11. Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ пре- ступленіяхъ“ за 1901 годъ	237
12. Дѣла давно минувшихъ дней (<i>Окончаніе</i>). Л. Ф. Панте- лѣева	259
13. Первое марта 1881 г. и варшавскіе росіяне. Н. И. Карѣева.	279
14. Андрей Франжоли. Н. А. Морозова	283
15. Послѣ 1-го марта 1881 года. П. Е. Щеголева	290
16. Писма въ редакцію: Л. З. Слонимскаго, Л. Ф. Пантелѣева, С. Л. Чудиновскаго и А. М. Коваленко	306

На 1907 годъ открыта подписка на историческій журналъ **„Б Ы Л О Е“.**

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая бібліографія.

Въ „Быломъ“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ слѣдующія статьи: В. П. Анкивъ-Махновецъ — 1-е мая въ Россіи. М. А. Антоновичъ—Арестъ Чернышевскаго. М. Ю. Ашенбреннеръ — Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. В. Я. Богучарскій — 1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. В. Л. Бурцевъ — Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. М. П. Бѣлокомскій — Изъ воспомин. объ А. И. Желябовѣ. А. И. Бяловскій — Изъ прошлаго. П. И. Вейнбергъ — 4 апрѣля 1866 года. Н. А. Виташевскій — Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ и Централка. М. И. Волковъ — Народов. пропаганда среди московскихъ рабочихъ въ 1881 году. М. О. Гершензонъ — Къ характеристикѣ Чаадаева и Семьи декабристовъ. Герасимовъ — Питомецъ воспитательнаго дома. Дж. Гилемъ — М. А. Бакунинъ. М. Р. Гоцъ — С. В. Зубатовъ. Н. А. Геммеръ — Политич. каторга на Карѣ. Х. Г. Гринбергъ-Контъ — Къ процессу Ковальскаго. А. Я. Гуревичъ — Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. И. С. Джабадари — Въ неволѣ. М. П. Драгомановъ — Автобіографія. Д—чъ — Арестъ Нечаева. В. С. Иллitch-Сантичъ — Мое знакомство съ Ковальскимъ. С. А. Иванковъ — Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурноселовки. С. А. Иванова-Борейша — Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. М. В. Керельковъ — Поручикъ Кречетовъ — шлис. узникъ XVIII вѣка. Ф. Я. Контъ — У подножія вистѣлицы. М. И. Лешинъ — Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. О. С. Любатовичъ — Далекое и Недавнее. И. А. Морозовъ — Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). М. Л. Манучаровъ — Мой процессъ и Эпизодъ изъ жизни въ Шлис. крѣп. Шаляцова-Дегаева — Судейкинъ и Дегаевъ. О. С. Миноръ — Якутская драма 1889 г. Н. Я. Николадзе — Освобожденіе Чернышевскаго. М. В. Новорусскій — Въ Шлиссельб. крѣпости. Надинъ — Стрѣльничковскій процессъ. Г. Ф. Осмоловскій — Карійская трагедія. М. Р. Поповъ — Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. съѣзда. В. С. Памратовъ — Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. А. П. Прибылова-Корба. С. П. Дегаевъ.

По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова Ямтоский—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ. З. Ралли—С. Г. Нечаевъ. С. Ф. Русова—Мартынъ Лангансъ. Н. Р.—Событіе 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. В. М. Сомовъ—Вопросъ о преобразованіи государства въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. И. Сильванскій—Пестель предъ Верх. Угол. судомъ. Д. В. Стасовъ—Каракозовскій процессъ. А. А. Снядони—Страница изъ воспоминаній. Л. С.—Изъ воспоминаній студента-солдата. С. А. Савинкова—Годы скорби. С. С. Снегубъ—Воспоминанія чайковца. В. А. Старосельскій—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи. Старинъ—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). М. Н. Тригунъ—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. Е. В. Тарло—Самодержавіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. Н. А. Тамъ—Коронація въ Колымскѣ. А. В. Тыриновъ—Къ событію 1 марта 1881 года. М. Ф. Фроленко—Милость и Побѣда Алеши Поповича. В. Н. Фигуръ—Шлиссельб. узница Л. А. Волкенштейнъ. А. Р. Хирьяковъ—Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. М. Н. Чернышевскій—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. П. Е. Щеголевъ—П. Г. Каховскій, Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. В. Е. Якушкинъ—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шевченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціонныя изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

И. Ю. Ашенбромъ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); В. Я. Богучарскій—Декабристы М. С. Лукинъ; В. Л. Бурцевъ—Изъ воспоминаній; И. П. Бѣлокоискій—Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“; В. А. Вейнштейнъ—Ахатувскій рудникъ; М. О. Гершензонъ—Западные друзья Герцена; В. А. Даниловъ—Изъ воспоминаній; В. И. Дебагорій-Макрѣвичъ—Къ исторіи переговоровъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“; В. С. Ефремовъ—Маленькое дѣло; С. А. Жобуновъ—Изъ воспоминаній Н. И. Юрданскій—Миссія П. С. Ванновскаго; Е. Д. Кусова—Политическія партіи въ 1906 году; Ильяшъ Лободовъ—Красные дни въ Нижнемъ Новгородѣ; М. И. Лемке—Процессы Сунгурова, Блюммера, Головина и др. (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ; И. Л. Манучаровъ—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; Н. А. Морозовъ—Изъ воспоминаній; Э. И. Пенарскій—Рабочій Петръ Алексѣевъ (изъ воспоминаній); П. И. Переверзовъ—Экспедиція генерала Ренненкампфа; М. Р. Поповъ—Изъ моего революціоннаго прошлаго; А. С. Пругавинъ—Декабристы въ монастырской тюрьмѣ. З. Ралли—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; И. А. Рубановичъ—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; С. Г. Святиковъ—Очерки по исторіи студческаго движенія; Е. П. Сомовъ—Народовольческіе кружки въ Одессѣ; Э. А. Серебряковъ—Революціонеры во флотѣ; С. Сомовъ—Рабочее движеніе въ Петербургѣ въ 1905 году; Н. П. Стародворскій—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній: Я. Б. Струве—Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспоминаній); Е. В. Тарло—Каннинъ и Николай Тургеневъ; Герценъ и газета Прудона; И. А. Тамъ—Послѣдній періодъ „Народной Воли“ Л. Ш.—Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“. П. Е. Щеголевъ—Агитаціонная литература декабристовъ;—Конецъ императора Павла (историческое разслѣдованіе); Ф. Л. Ястржембскій—Записки петра-

швеца; Записки императора Николая I о 14 декабря, неизданныя произведенія А. М. Горькаго и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штюмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (официальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ, и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на $\frac{1}{2}$ года (съ 1 янв. по 1 июля)—4 руб.; на $\frac{1}{4}$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Перемѣна адреса—30 коп. (При перемѣнѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 5% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулочъ, 13), Киевѣ (Крещатикъ, 27), Ростовѣ на Д. (Казанская, 42) и Одессѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Знаменской ул. д. 19.

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій,
И. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого“ за 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
1 Въ народъ! (<i>Изъ воспоминаній семидесятника</i>). А. О. Лу- кашевича	1
2. Однинадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Тавриче- скій“. (<i>Окончаніе</i>). А. М. Коваленко	46
3. Съѣздъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 г. въ Петер- бургѣ. (<i>По личнымъ воспоминаніямъ</i>). Барона Р. Ю. Буд- берга	70
4. Опытъ примѣненія пассивнаго сопротивленія въ 70-хъ годахъ. Н. А. Бородина	93
5. Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 году. (<i>Окончаніе</i>). В. М. Семевскаго	96
6. Къ исторіи осужденія д-ра О. Э. Веймара. Г. А. Лопатина.	122
7. Четырнадцать мѣсяцевъ „свободы печати“. (<i>Замѣтки библио- графа</i>). С. Р. Минцлова	123
8. Петръ Сергѣевичъ Поливановъ въ Омскѣ. Щ—ва	147
9. Князь П. В. Долгоруковъ—эмигрантъ. М. К. Лемне	153
10. Воспоминанія народовольца. (<i>Окончаніе</i>). А. Н. Баха	200
11. Изъ „Обзора важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ пре- ступленіяхъ“ за 1901 годъ	237
12. Дѣла давно минувшихъ дней (<i>Окончаніе</i>). Л. Ф. Панте- лѣева	259
13. Первое марта 1881 г. и варшавскіе россіяне. Н. И. Карѣва.	279
14. Андрей Франжоли. Н. А. Морозова	283
15. Послѣ 1-го марта 1881 года. П. Е. Щеголева	290
16. Письма въ редакцію: Л. З. Слонимскаго, Л. Ф. Пантелѣева, С. Л. Чудновскаго и А. М. Коваленко	306

17. Историческая библиографія: I. *Iames Guillaume*. L'internationale Documents et Souvenirs. **Е. В. Тарле. П. А. Н. Брянчаниновъ.** Междодумье. Сборникъ матеріаловъ для характеристики положенія передъ созывомъ второй Думы. **Ю. Н. Лавриновича** 310
18. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 316
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Изъ дневника А. А. Стронина за 1882 годъ. Сообщилъ П. Гуревичъ.—45. Дѣло Янковскаго (1862 г.)—61. О числѣ жертвъ 14 декабря 1825 г.—192. Изъ писемъ лейтенанта П. П. Шмидта—257. Къ біографіи М. К. Кюхельбекера. **Н. А. Мурзанова.**—303). 321

Къ этой книгѣ приложены портреты: А. А. Франжоли, С. И. Бардиной, кв. П. В. Долгорукова и Г. А. Лопатина (съ карточки, снятой тотчасъ же послѣ его ареста въ 1884 году).

Софья Иларіоновна
БАРДИНА.

Въ народъ!

(Изъ воспоминаній семидесятника)

Посвящается памяти нашего отца,
незабвеннаго шестидесятника Митро-
фана Даниловича *Муравскаго*.

Въ Херсонской гимназіи, гдѣ я учился, начальство начинало усердно и съ самой суровой послѣдовательностью внѣдрять пресловутый режимъ классицизма. Со стороны «пасомыхъ» эти мѣры, насколько могу припомнить, не встрѣчали вообще противодѣйствія, хотя тайкомъ, въ дружескихъ кружкахъ, онѣ усиленно обсуждались и критиковались учениками старшихъ классовъ. Недавно окончившаяся тогда франко-прусская война, возбудивъ интересъ къ чтенію газетъ, сразу какъ то вывела юные умы изъ полной пассивности. Мы сдѣлались менѣе равнодушными вообще къ новостямъ не исключительно мѣстнаго характера. Впрочемъ, Коммуны парижской мы совсѣмъ тогда не поняли, отчасти, можетъ быть, и по неполнотѣ свѣдѣній объ ней въ жалкой провинціальной газеткѣ того времени. Въ такой критическій моментъ до насъ дошли необыкновенно подробные газетные отчеты о процессѣ Нечаевцевъ. Я говорю о судѣ не надъ самимъ Нечаевымъ, который былъ гораздо позже, когда Нечаевъ былъ выданъ швейцарскимъ правительствомъ, а надъ его товарищами: Прижовымъ, Кузнецовымъ и др.

Это было лѣтомъ 1871 года, когда я перешелъ изъ 6-го класса въ 7-й. Очень памятны мнѣ первые проблески еще робкой, безпомощной и критической мысли въ нашей и житейски, и политически совершенно еще невинной компаніи. Мы начали тогда *разговаривать* между собой, кромѣ маленькихъ событій, совершавшихся въ нашемъ тѣсномъ гимназическомъ міркѣ, о такихъ вещахъ, какъ крестьянская реформа, какъ способы взысканія податей. Благодаря обильному матеріалу, доставленному всѣмъ газетамъ «Правительственнымъ Вѣстникомъ», у насъ являются первые «проклятые вопросы». Мы спрашиваемъ себя, почему это тамъ, въ Москвѣ, вдругъ нашлись люди, недовольные тою самой крестьянской реформой, которая намъ, въ нашемъ глубокомъ невѣдѣніи даже цензурной литературы, представлялась чѣмъ то несомнѣнно великимъ, какою то святыней? Въ силу чего люди эти—какъ видно вполне здравомыслящіе, образованные—рисковали такъ ужасно,

выступая со своей противоправительственной проповѣдью, — чего, собственно, они хотѣли и т. д., и т. д. Процессъ на ряду съ ужаснымъ и полнымъ загадочности фактомъ — убійствомъ Иванова раскрывалъ очень много такого, что даже насъ, до того времени вполне далекихъ отъ критики правительственного и государственнаго механизма, скорѣе даже предубѣжденныхъ въ пользу «великихъ реформъ», невольно располагало къ сомнѣніямъ... Но чрезвычайно трудно представить себѣ всю глубину невѣдѣнія, въ какомъ тогда пребывали мы и, навѣрное, также и обитатели другихъ захолустій, подобныхъ нашему. Нѣтъ никакой возможности, какъ слѣдуетъ, оцѣнить теперь эффектъ, произведенный въ молодыхъ умахъ разоблаченіями, внезапно на насъ нахлынувшими непосредственно послѣ періода преисполненной неопредѣленныхъ страховъ глухой, зловѣщей тишины, выше охарактеризованной уже мною. Новые для насъ факты и попытки ихъ объяснить въ буквальномъ смыслѣ слова *будили* спавшую мысль молодежи, и главное, дразнили любознательность, показывая вдали, въ дымкѣ наполовину лишь раскрытой *тайны*, тотъ самый запретный плодъ, отъ котораго такъ ревниво начали охранять насъ представители недавно введеннаго тогда въ гимназіяхъ института классныхъ наставниковъ. Но намъ, совершенно еще лишеннымъ тогда руководителей, предоставленнымъ самимъ себѣ, было, съ другой стороны, не подъ силу разрѣшеніе такихъ вопросовъ, и при томъ, по нашей молодости, мы могли, чего добраго, послѣ каникулъ, и благополучно забыть о нихъ...

И вотъ начальство озабочивается прислать въ Херсонъ «подъ негласный надзоръ» одного студента-технолога, потомъ и другого...

Эти студенты завозятъ къ намъ... идеи Интернаціонала и сочиненія Берви-Флеровскаго, Лассалю, Писарева, Добролюбова... Въ числѣ поднадзорныхъ былъ и Андрей Франжоли, очень извѣстный пропагандистъ и агитаторъ, впоследствии принадлежавшій и къ организаціи Народной Воли. Его водворили въ Херсонъ («родина», какъ орудіе наказанія строптивыхъ!), съ отобраніемъ подписки о невыѣздѣ изъ него, за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ въ Петербургѣ — не особенно серьезныхъ — и онъ жилъ при мѣстной аптекѣ въ качествѣ лаборанта. Нѣмецъ-аптекарь геръ Мюллеръ, у котораго онъ и раньше, до поѣздки въ Петербургъ, служилъ фармацевтомъ, очень уважалъ Андрея Афанасьевича за умъ и честность. На насъ же, юношей, вполне неотразимо дѣйствовали, насъ неудержимо влекли къ нему его задушевность, искренность, прямота, и... тоже *честность*, но въ другомъ, высшемъ значеніи этого слова, едва-ли извѣстномъ аптекарю. Андрей Франжоли обладалъ драгоцѣннымъ даромъ въ самой высокой степени привлекать къ себѣ сердца и молодежи и всѣхъ вообще, кто къ нему имѣлъ случай подойти близко. Безпредѣльны были его горячность и преданность идеѣ. А въ своей критикѣ онъ бывалъ безпощадно откровененъ, когда дѣло касалось вѣрности убѣжденіямъ, которыя онъ умѣлъ отстаивать со всею силою обаянія своей глубоко симпатичной натуры. Всѣ близко знавшіе Андрея Франжоли подтверждали бы, я думаю слѣдующее: въ его присутствіи всегда хотѣлось быть лучшимъ, болѣе честнымъ, болѣе смѣлымъ, хотъ онъ и не думалъ *требовать* отъ своихъ единомышленниковъ какихъ-нибудь особен-

ных подвиговъ. Надо было только оставаться *втрнмъ себѣ*... Вылитый изъ бронзы огромный и суровый «князь Тавриды», и понинъ стоящій въ своей «великолѣпной» позѣ посреди херсонскаго городского сада, былъ въ 1871 году свидѣтелемъ того, какъ неотразимъ бывалъ подчасъ «призывъ» Андрея Франжоли, даже когда онъ былъ обращенъ къ едва еще знавшимъ его юношамъ. Это было должно быть очень скоро по прїѣздѣ его изъ Петербургъ и еще до настоящаго знакомства и сближенія съ нашей юной компаніей. Одинъ изъ товарищей, уже начинавшій «читать Лассаля» зазвалъ меня за нѣсколько времени передъ тѣмъ на собраніе, гдѣ читались статьи Добролюбова о «Темномъ царствѣ» и о «лучѣ свѣта» въ немъ. Мнѣ, при моемъ тогдашнемъ еще полу-дѣтскомъ развитіи, эти прекрасныя критико-публицистическія статьи казались не особенно интересными и были мало доступны. Монотонное чтеніе вслухъ меня, помню, почти-что усыпляло, и я совсѣмъ пересталъ было ходить на «добролюбовскія» и «лассалевскія» сходки, иниціаторомъ и руководителемъ коихъ былъ Франжоли. Но какъ-то разъ, на другой день послѣ одного такого собранія, на которомъ я не присутствовалъ, мы съ Андреемъ случайно встрѣтились въ саду. Онъ только взглянулъ на меня своимъ добрымъ и въ то же время открытымъ, мужественнымъ взглядомъ, едва лишь успѣлъ озабоченно спросить, отчего меня не было на чтеніи, какъ мнѣ вдругъ сдѣлалось невыразимо *стыдно* того, что я такъ позорно отлыниваю отъ хорошаго дѣла. И съ этой минуты я почувствовалъ сильное, непреодолимое *влеченіе* и лично къ проповѣднику и къ провозглашаемому имъ «ученію». Если бы, въ заключеніе происшедшаго здѣсь же у монумента краткаго разговора (мы оба спѣшили въ разныя стороны на уроки), онъ и не коснулся невзначай своей апостольской рукой моего смиреннаго плеча,—я все равно былъ уже пойманъ однимъ его чарующимъ взглядомъ, однимъ звукомъ его милого голоса. Если бы онъ и не повторилъ своего радушнаго приглашенія «бывать», я все равно пошелъ бы за нимъ не только на «добролюбовскія» чтенія, но, по всей вѣроятности, и на баррикады, если бы онъ существовали въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ.

Выступая—всегда съ большимъ успѣхомъ—на нашихъ сходкахъ и въ качествѣ чтеца-референта, и какъ неутомимый спорщикъ, Франжоли былъ одинаково чуждъ и какой либо тѣни рисовки и доктринерскаго педантизма. Каждое слово его дышало искреннимъ чувствомъ. Точно также и въ повседневномъ быту онъ неизмѣнно оставался блестящимъ, живымъ, находчивымъ собесѣдникомъ. Въ безконечныхъ спорахъ противъ болѣе умѣренныхъ элементовъ, называвшихъ его слишкомъ «краснымъ», его любимымъ оружіемъ были: шутка, насмѣшка, иѣткій эпитетъ — всегда «нигилистичій» а подчасъ и безнадежно нецензурный, въ народномъ духѣ.

Въ Херсонѣ около него скоро возникъ тѣсно сплоченный кружокъ единомышленниковъ, признававшій его—безъ словъ—своимъ главою и вождемъ. Мы всѣ очень многимъ обязаны въ дѣлѣ нравственной выработки вліянію Андрея Франжоли, слишкомъ рано, къ несчастію, унесеннаго безпощадной смертью. Но впечатлѣнія трагизма его безвременной кончины вдали отъ родины никто изъ знавшихъ

его, мнѣ кажется, не попытается усилить обычнымъ сѣтованіемъ, столь справедливымъ въ отношеніи слишкомъ многихъ нашихъ талантовъ, уходящихъ со сцены жизни, *не оставивъ слѣдовъ* своего пребыванія на землѣ... Нѣтъ, Андрей прожилъ на свѣтѣ не даромъ и память по себѣ оставилъ большую.

Память эта всегда свято хранилась и чтилась среди многочисленныхъ его друзей, и, надо надѣяться, и до будущихъ поколѣній дойдетъ преданіе о его по истинѣ свѣтлой личности.

Нашъ кружокъ былъ обладателемъ довольно солидной библіотеки, имѣвшей немало и постороннихъ подписчиковъ. Херсонской публикѣ вообще негдѣ было, помимо этой нашей подпольной библіотеки, утолять свою жажду знанія до открытія легальной общественной библіотеки, состоявавшей, если не ошибаюсь, только въ 1873 году. Но у насъ существовали и другія маленькія дѣла, напримѣръ, занятія съ гимназистами, рефераты, сношенія съ ремесленниками и рабочими мѣстнаго чугуно-литейнаго завода. Херсонскій юношескій кружокъ далъ нѣсколько человѣкъ серьезныхъ пропагандистовъ-народниковъ. Въ немъ получилъ первое революціонное воспитаніе и извѣстный народоволецъ Мартынъ Лангансъ.

Члены кружка очень серьезно и добросовѣстно относились къ вопросамъ революціонной подготовки и сильно увлекались по временамъ бесѣдами, клонившимися къ выясненію программъ предстоявшей революціонной дѣятельности. А въ иное время разговоръ оживлялся чисто анекдотическими и даже апокрифическими данными о правительствахъ, о цензурѣ, о столичныхъ литераторахъ и ихъ группировкахъ... Всѣ вообще свѣдѣнія, какими могли съ нами подѣлиться бывавшіе въ столицѣ, а особенно вѣсти о петербургскихъ студенческихъ кружкахъ съ ихъ разнообразными интересами поглощались нами съ неимоверной жадностью, ловились на лету.

Первое время бесѣды происходили чаще всего по ночамъ въ квартирѣ Андрея Франжоли и были до того привлекательны, что ради возможности предаваться имъ безпрепятственно я и мой товарищъ по классу Николай Маковѣевъ рѣшили даже совсѣмъ бросить ученіе въ гимназіи—промѣнять ее на маленькую комнатку при аптечной лабораторіи. Безконечно болѣе дорожа тѣмъ «свѣтомъ просвѣщенія», который исходилъ отъ обитателя этой тѣсной каморки, чѣмъ «казенной» наукой въ ея казенномъ храмѣ, мы, когда дѣло дошло до неизбежнаго конфликта между ними, не задумываясь, отказались и отъ недалекаго уже аттестата зрѣлости (седьмой классъ былъ тогда *выпускнымъ*) и связанной съ нимъ будущей «карьеры». Этотъ поступокъ—отказъ отъ будущей «интеллигентной» карьеры—не казался намъ жертвой, потому что уже въ началѣ 1872 г. мы съ этимъ товарищемъ рѣшили, что не будемъ нигдѣ кончать курса, а подготовимся хорошенько къ дѣятельности пропагандиста и тогда пойдемъ въ народъ.

Въ кружкѣ не разъ обсуждался вопросъ, оканчивать ли курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, или нѣтъ. Насколько помню, всѣ у

насъ были согласны въ томъ, что общаго обязательнаго для всѣхъ рѣшенія этого вопроса быть не можетъ, и что такой серьезный шагъ въ жизни каждый долженъ рѣшить для себя самъ.

Вышеупомянутое рѣшеніе Маковѣва и мое—идти въ народъ—раздѣляли Лангансъ съ Андреемъ Франжоли. И всѣ привели его въ исполненіе, но не вмѣстѣ и не одновременно.

Существовало еще другое теченіе, столкнувшееся съ нашимъ. Многие изъ молодежи стремились вонъ изъ Россіи, гдѣ такъ тяжело дышалось, въ какую-нибудь свободную страну—въ Швейцарію или, еще лучше, въ Америку. Но нашъ кружокъ отвергъ такой соблазнъ,—конечно, «по принципу». Я помню только одинъ вечеръ, когда вопросъ этотъ не шутя поднимался; но такъ какъ серьезныхъ адептовъ этого направленія въ нашей средѣ не было, то и не могло возникнуть продолжительныхъ преній. Возрѣнія членовъ кружка скоро сдѣлались революціонно-народническими. Онъ ставилъ очень высоко идеи Чернышевскаго, Добролюбова, Михайловскаго. На многочисленныхъ собраніяхъ, посѣщавшихся членами кружка и посторонними лицами, читались вслухъ и обсуждались сочиненія Лассалля, статьи Добролюбова, «Историческія Письма» Миртова (Лаврова). Послѣдняя книга, скоро ставшая своего рода евангеліемъ молодежи, очень выпукло поставила передъ нами страшно волновавшій всѣхъ насъ тезисъ *о неоплатномъ долѣ народу*, числящемся за русской интеллигенціей.

По поводу извѣстія о казни въ Парижѣ коммунаровъ Росселя и Ферре, расправа съ которыми была отсрочена, пріѣзжіе изъ Петербурга товарищи познакомили насъ съ исторіей парижской Коммуны, которой мы прежде не понимали. Потрясающія картины великой титанической борьбы возымѣли на этотъ разъ свое полное дѣйствіе. Теперь мы чувствовали себя въ полной мѣрѣ современниками Делеклюза и Вермореля, мы проникались суровымъ «классовымъ» патріотизмомъ интернаціональнаго пролетаріата и, конечно, отъ всей души ненавидѣли Тьера и версальцевъ.

Я всегда считалъ эти два факта: Нечаевскій процессъ и парижскую Коммуну тѣми двумя далеко видными вѣхами, которыми опредѣлился весь мой дальнѣйшій путь въ жизни.

Лѣтомъ 1873 года мнѣ удалось поѣхать въ Петербургъ, куда меня давно сильно тянуло. Очень хотѣлось пожить тамъ нѣкоторое время, потереться между людьми, набраться около нихъ ума-разума и потомъ уже приниматься за «настоящее дѣло». Такой планъ казался мнѣ наиболѣе умѣстнымъ, имѣя въ виду и мой возрастъ: мнѣ было въ то время только 18½ лѣтъ. Влеченіе къ Петербургу я раздѣлялъ съ очень многими молодыми провинціалами. Онъ справедливо считался тогда главнымъ идейнымъ центромъ въ Россіи, и не побывать тамъ представлялось такъ же тяжелымъ для «радикала», какъ непримѣръ, для мусульманина—не быть ни разу въ Меккѣ. Незадолго до моего отъѣзда изъ Херсона окончательно установилась и духовная связь нашего кружка съ организаціей чайковцевъ: нашъ городъ посѣтили два члена ея—одинъ Петербургскій—Николай Аполлоновичъ Чарушинъ и другой—Феликсъ Вадимовичъ Волховскій, жившій тогда въ Одессѣ. Названіе «чайковца», впрочемъ, не было

употребительно у насъ въ Херсонѣ, оно принадлежало, какъ извѣстно, наиболѣе видному въ свое время Петербургскому кружку, названному такъ столичною интеллигентной публикой по фамиліи одного изъ его основателей Николая Васильевича Чайковского.

Возникшій весною 1869 года, кружокъ чайковцевъ занимался сначала просвѣтительно-объединительной дѣятельностью среди интеллигентной молодежи, которой успѣлъ принести огромную пользу, а впослѣдствіи перешелъ къ чисто революціонной пропагандѣ въ средѣ рабочихъ. Я заимствую нежеслѣдующія свѣдѣнія о кружкѣ чайковцевъ изъ воспоминаній и замѣтокъ Л. Э. Шишко: «Такъ называемое «книжное дѣло» кружка чайковцевъ «заключалось въ распространеніи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ университетскихъ городахъ, хорошо подобранной тенденціозной легальной литературы, съ присоединеніемъ къ ней, гдѣ можно, запрещенныхъ или изъятыхъ сочиненій (преимущественно Чернышевскаго). Съ этою цѣлью кружокъ входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми изъ Петербургскихъ издателей и бралъ у нихъ на комиссію значительное количество экземпляровъ нужныхъ ему изданій, а иногда и прямо покупалъ за полцѣны цѣлыя изданія... Всѣ эти изданія распространялись кружкомъ въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ черезъ посредство мѣстныхъ студенческихъ группъ, а также политическихъ ссыльныхъ».

Дѣятели этой организаціи были одушевлены основной идеей, которая «заключалась въ представленіи о революціонной дѣятельности, какъ о служеніи народному дѣлу, вытекавшему изъ сознанія огромной отвѣтственности, лежавшей на интеллигенціи по отношенію къ обездоленнымъ рабочимъ массамъ... Людей объединяла тогда главнымъ образомъ интенсивность субъективнаго настроенія, а не приверженность къ той или другой революціонной доктринѣ».

Исходной точкой дальнѣйшаго развитія революціонныхъ идей кружка служилъ «соціализмъ, такъ какъ самая идея служенія рабочему народу уже содержала въ себѣ сущность соціализма, какъ *этической ученія*, какъ протеста противъ экономического рабства, какъ защиты правъ рабочаго человѣка. Тотъ нравственный переворотъ, который заставлялъ тогда людей отрекаться отъ окружающаго ихъ буржуазнаго міра и уходить въ станъ погибающихъ, совершался подъ вліяніемъ именно соціалистическихъ идей, внесенныхъ въ русскую общественную мысль Бѣлинскимъ, Герценомъ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ... Человѣкъ дѣлался прежде всего соціалистомъ и въ силу этого становился революціонеромъ; онъ возставалъ не столько противъ даннаго политическаго строя, не столько въ защиту своихъ политическихъ правъ или свободы совѣсти, сколько во имя правъ экономически и политически порабоженнаго русскаго народа; народныя бѣдствія и крайне тяжелое обездоленное положеніе только что освобожденнаго крестьянства заслоняли тогда собою въ глазахъ революціонеровъ всѣ другіе общественные вопросы. Въ этомъ именно

смыслъ движеніе 70-хъ годовъ и было народническимъ; оно непосредственно примыкало къ движенію 60-хъ годовъ, когда въ основѣ всего лежала все та же неотвязная, мучительная мысль о рускомъ мужикѣ; въ этомъ смыслѣ народниками одинаково слѣдуетъ признать Герцена, Чернышевскаго и Добролюбова, такъ какъ вся ихъ общественная борьба неразрывно связывалась для нихъ съ мыслью о судьбѣ поработеннаго русскаго народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та же самая мысль была неразрывно связана также и съ социализмомъ, такъ какъ именно въ социализмъ они видѣли единственно возможное разрѣшеніе вопроса».

Въ началѣ 1873 года дѣятельность Петербургскаго кружка чайковцевъ и связанныхъ съ нимъ общею организаціей провинціальныхъ кружковъ была еще, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Л. Э. Шишко, «очень замкнутая и строго конспиративная».

Пріѣхавшій къ намъ въ Херсонъ одесскій членъ организаціи—Феликсъ Вадимовичъ Волховскій былъ значительно старше насъ годами и уже пострадалъ передъ тѣмъ отъ правительственнаго преслѣдованія; онъ только незадолго передъ тѣмъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, гдѣ сидѣлъ, будучи привлеченъ къ нечаевскому процессу, хотя въ дѣйствительности не принадлежалъ къ сообществу Нечаева. Въ Одессѣ онъ жилъ въ качествѣ поднадзорнаго. Для насъ—юношей пріѣздъ этихъ двухъ «эмисаровъ» былъ великою радостью. Мы почувствовали, что это уже не «такъ себѣ» — не наша собственная, можетъ быть (почемъ намъ было знать?) и дѣтская затѣя... Тутъ пахло уже настоящей конспираціей. Прѣзжіе привезли *первая* видѣнные нами въ жизни нелегальныя изданія: литографированные экземпляры переведеннаго съ французскаго стараго, но сильно написаннаго памфлета *Ламене* противъ королей и царей подъ заглавіемъ «Слово вѣрующаго къ народу» и *Лаврова* — печатную программу готовившагося къ выходу журнала «Впередъ». (Самый журналъ сталъ появляться, когда я былъ уже въ Петербургѣ).

Мы убѣждались въ дѣйствительной необходимости для нашихъ гостей скрываться отъ непосвященныхъ взоровъ. А то обстоятельство, что *мы*, однакоже, допущены къ общенію съ ними, приглашены даже въ номеръ занятый ими въ гостинницѣ, гдѣ *не скрываясь отъ насъ*, они вынимаютъ изъ чемодана, биткомъ набитаго такими же опасными и тайными предметами — вынимаютъ и даютъ намъ въ руки экземпляры этихъ изданій,—все это очень возвышало насъ въ собственномъ мнѣніи и имѣло для насъ большое воспитательное значеніе.

Мои Петербургскія первыя впечатлѣнія были разнообразны и сложны. Петербургъ, конечно, болѣе чѣмъ оправдалъ всѣ самыя сангвиническія мои ожиданія. Столица дѣйствовала на меня и сама по себѣ, помимо идейнаго движенія въ ней. Я, между прочимъ, розы-

скалъ нашихъ херсонцевъ—медиковъ, жившихъ втроемъ въ одной комнатѣ, и хаживалъ иногда къ нимъ. Однажды—былъ, кажется, какой-то праздникъ—я пошелъ вмѣстѣ съ ними смотрѣть церемонію открытія памятника Екатерины II-й. Сверхъ всякаго ожиданія, впечатлѣніе получилось очень большое. Не знаю, съ какой цѣлью тогдашнее правительство устроило изъ этого открытія огромную демонстрацію милитаризма. Но и то можетъ быть, что только намъ показалось необыкновенно грандіознымъ то, къ чему привыкли столичные обыватели.

Мы стояли на Невскомъ, почти противъ самаго памятника, и мимо насъ двигались безконечнымъ шествіемъ войска всевозможныхъ родовъ оружія. Масса войскъ, штыки, султаны, и какія-то медвѣжьи шапки, и опять штыки, ряды штыковъ безъ конца. Я тутъ во-очію увидѣлъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, велика грубая матеріальная сила правительства и поддерживаемыхъ имъ господствующихъ классовъ. Особенно артиллерія казалась мнѣ и многочисленной и внушительной, хотя пушки были, по большей части, бронзовыя, и я немножко соображалъ, что онѣ—не новѣйшей системы, не стальные. Но самый *блескъ* бронзы въ видѣ множества пушекъ, касокъ и какихъ-то грудныхъ панцирей (кажется, у кирасиръ) производили на меня какъ-бы гипнотизирующее дѣйствіе. Я — тогда *начинающій* революціонеръ—проникался суевѣрно-преувеличенными представленіями о *силѣ* врага, противъ котораго намъ предстояло бороться, и это настраивало довольно скверно.

Съ теченіемъ времени яркость картины утратилась. Множество новыхъ впечатлѣній заслонило ее, и досадный кошмаръ уже не вспоминался.

Я привезъ съ собой рекомендацію къ чайковцамъ отъ Ф. В. Волховскаго и также встрѣтился лично съ Н. А. Чарушинымъ, пріѣзжавшимъ тогда къ намъ въ Херсонъ. Скоро я близко сошелся съ ихъ кружкомъ, и огромный интересъ этихъ оживленныхъ сношеній затмилъ почти все остальное въ моей петербургской жизни. Чаше другихъ я встрѣчался съ Купреяновымъ, Д. А. Клеменцомъ, А. Я. Ободовской (Сидорацкой), С. С. Синегубомъ, Перовской и Л. Э. Шишко. Въ это время у нихъ была уже въ полномъ ходу пропаганда среди рабочихъ въ нѣсколькихъ петербургскихъ фабрично-заводскихъ районахъ. Кому удалось близко наблюдать работу этихъ самоотверженныхъ дѣятелей, полныхъ непреклонной энергіи, но въ то же время идеально простыхъ, прекрасныхъ, искреннихъ товарищей, тотъ всю жизнь будетъ вспоминать потомъ зрѣлище яркаго свѣта, зажженного въ лицѣ чайковцевъ протестующею русской мыслью какъ разъ послѣ эпохи «полнаго застоя въ русской общественной жизни, наступившаго послѣ 1863 и 1866 гг.»,—послѣ такого періода, когда «немногія существовавшія революціонныя группы чувствовали себя... совершенно оторванными отъ общества, «отщепенцами», и когда, какъ сказалъ Л. Э. Шишко въ тѣхъ же своихъ «воспоминаніяхъ и замѣткахъ», эти революціонныя группы «таили исключительно въ себѣ самихъ» сѣ-

мена всѣхъ послѣдующихъ общественныхъ потрясеній». Надобно полагать,—скажу я отъ себя,—что сѣмена эти къ 1873 году уже пустили корни, дали хорошіе здоровые ростки. На близкомъ стоявшихъ къ чайковцамъ ихъ дѣятельность вліяла всего сильнѣе непосредственно, *какъ при мѣрѣ*. Не разъ, приходя въ одну изъ ихъ квартиръ и подолгу просиживая тамъ, я видалъ пропагандистовъ—лекторовъ, послѣ экскурсіи въ какую нибудь рабочую артель и бывалъ свидѣтелемъ того воодушевленія, съ какимъ они сообщали товарищамъ о новыхъ успѣхахъ этого дѣла и о томъ, какими дѣльными пропагандистами становятся въ свою очередь заводскіе и фабричныя рабочіе болѣе старой вербовки... Иногда приходили и сами эти рабочіе. Появлялся на столѣ самоваръ и... какая нибудь сырая рѣпа, принесенная изъ ближайшей овощной лавки... Болѣе чѣмъ скромная закуска вызывала шумное одобреніе со стороны однихъ, другіе, шутя, подвергали ее ѣдкой критикѣ; и всѣ были веселы, полны оживленія... Нерѣдко, въ промежуткахъ между двумя дѣловыми совѣщаніями о «текущихъ» конспираціяхъ или новыхъ предположеніяхъ по части, напримѣръ, иногороднихъ сношеній, строились самыя невѣроятныя воздушныя замки, слышались шутки, сарказмы, раздавался здоровый смѣхъ... Чайковцы вполне одобряли мой планъ, выработанный еще въ Херсонѣ. Онъ состоялъ какъ уже сказано, въ томъ, чтобы, послѣ соотвѣтствующей подготовки, превратиться въ рабочаго и заняться дѣятельностью въ народѣ гдѣ-нибудь въ центральной Россіи. Этому плану не противорѣчило сближеніе съ тою частію молодежи, которая хотѣла для себя того же, что и я замышлялъ,—и потому я познакомился при содѣйствіи Н. В. Чайковскаго съ воронежскимъ гимназистомъ Владиміромъ Богомоловымъ и еще двумя его земляками. Съ этой маленькой группой скоро сблизилась компанія бывшихъ юнкеровъ Михайловскаго Артиллерійскаго Училища, извѣстнаго въ то время своею радикальной закваской. Знакомства эти повели къ устройству нами сообща двухъ мастерскихъ: кузницы и слѣсарно-столярной, въ которыхъ всѣ мы принялись обучаться ручному труду, начиная осуществлять на дѣлѣ свой планъ подготовки къ будущей дѣятельности въ народѣ. Здѣсь мнѣ пригодились нѣкоторое знаніе слесарной работы, пріобрѣтенное еще въ Херсонѣ. Мои отношенія къ чайковцамъ становились ближе. Но, строго храня тайну организаціи, они не открывали до поры до времени мнѣ, непосвященному, тѣхъ формальныхъ основаній, на какихъ существовали ихъ кружки—петербургскій и московскій и отдѣленія въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ и другихъ крупныхъ центрахъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ давно давали замѣтить, когда я, бывало, заставалъ въ сборѣ почти всѣхъ петербургскихъ членовъ кружка, что на меня смотрятъ уже почти какъ на своего и, конечно, разсчитываютъ на мою конспиративность. Однажды, случайно придя именно во время одного изъ такихъ собраний, я увидѣлъ новое для меня лицо. Незнакомецъ уже своимъ возрастомъ и «окладистою», русской бородой (отъ которой, вѣроятно, былъ произведенъ его «псевдонимъ»—Бородинъ) выдѣлялся между всѣми собравшимися. Большой умъ и необыкновенная доброта чувствовались въ его глубокопроникающихъ глазахъ. Было и еще что-то

въ его наружности, особенно поразившее меня,—что-то такое солидное, внушившее мнѣ, помнится, предположеніе, ужъ не профессоръ ли какой пожаловалъ на это собраніе революціонно настроенной молодежи? Но если моя догадка была не далека отъ истины (на самомъ дѣлѣ не профессоръ это былъ, *какихъ мною*, а блестящій, выдающійся европейскій ученый)—то было очевидно и то, что вовсе не случайно попалъ онъ сюда,—что онъ былъ въ этой средѣ не посторонній. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ членъ Русскаго Географическаго Общества и Рабочаго Интернаціонала, анархистъ Петръ Алексѣвичъ Кропоткинъ, и что онъ—какъ это ни казалось мнѣ тогда парадоксальнымъ—былъ уже въ то время гораздо болѣе *крайнимъ*, чѣмъ большинство не столь солидныхъ его товарищей. Другой чайковецъ — Михаилъ Купреяновъ сталъ особенно часто бывать у меня на квартирѣ и бесѣдовать со мной по-долгу о разныхъ практическихъ дѣлахъ. Наконецъ, въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ, со своей очень нравившейся мнѣ, милой усмѣшкой объявилъ мнѣ «официально», что чайковцы постановили принять меня въ свою среду, и что ему поручено ознакомить меня съ главными основами ихъ организациі. Многія дѣла кружка я уже зналъ; о другихъ, не взирая на свою огромную наивность, все же догадывался. Но, конечно, и много новаго пришлось услышать... Я и теперь не могъ активно участвовать въ петербургской работѣ кружка. И кружокъ, принимая меня въ свою среду, зналъ, что я, по прежнему, буду заниматься только учебными мастерскими, а когда настанетъ время, пойду «въ народъ». Великую честь, оказанную такой серьезной организацией мнѣ — слишкомъ молодому и ровно ничего еще не сдѣлавшему, я въполнѣ искренно признавалъ не заслуженною; но считалъ и считаю это событіе самымъ счастливымъ въ моей ранней карьерѣ. На самое же присоединеніе свое къ организациі я по вышеупомянутымъ причинамъ былъ склоненъ смотрѣть скорѣе какъ на номинальное или формальное.

Наши мастерскія начали функционировать, если не ошибаюсь, только зимою 1873—1874 г., когда особенно усилилось въ Петербургѣ броженіе среди учащейся молодежи, выражавшееся въ шумныхъ и многолюдныхъ сходкахъ. На нихъ горячо дебатировались всевозможные вопросы, какъ программные, такъ и относившіеся до личной выработки и личнаго поведенія. На фонѣ этихъ шумныхъ собраній нерѣдко обозначались очень здоровыя теченія; было много и юношескаго задора и, какъ водится, не обходилось дѣло безъ того, что еще Добролюбовъ бичевалъ, какъ *словопрение*.

Занятые устройствомъ мастерскихъ и работой въ нихъ, мы рѣдко и неохотно посѣщали такія сходки; но, благодаря отчасти имъ, пополнялись ряды участниковъ нашего предпріятія. Нѣкоторые шли оттуда къ намъ, видя въ нашемъ начинаніи переходъ отъ словъ къ дѣлу. Кружки уже организованные, каковы были кружокъ чайковцевъ и, напримѣръ, кружокъ бакунинскаго направленія, группировавшійся около Лермонтова (рано арестованнаго и умершаго въ тюрьмѣ) высы-

лали на сходки своихъ представителей, которые или выступали на нихъ лично, или только направляли вербовку сообразно даннымъ, добытымъ во время преній. Началось то движеніе 1874 года, которое свидѣтели его характеризуютъ, какъ «массовое», подразумѣвая подъ этимъ, конечно, еще не движеніе народныхъ массъ, а только численно болѣе замѣтныя колонны учащейся молодежи, откликнувшейся болѣе или менѣе *en masse* на призывы, исходившіе отъ существовавшихъ уже ранѣе организацій. Ко времени охарактеризованнаго сейчасъ наружнаго и, такъ сказать, *видимаго* усиленія движенія относятся аресты чайковцевъ. Потерпѣли уронъ и наши учебныя мастерскія: одновременно съ чайковцемъ, Н. А. Чарушинымъ былъ арестованъ и одинъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ этихъ мастерскихъ, юноша Владиміръ Александровичъ Богомоловъ. Настоящихъ уликъ противъ него не было, но не было и никакой надежды на скорое освобожденіе: третье отдѣленіе собиралось пристегнуть его къ процессу чайковцевъ. Я до сихъ поръ—черезъ 32 года не могу забыть сильнаго потрясенія отъ ареста Владиміра Александровича Богомолова, съ которымъ я подружился на общей работѣ. Онъ и по возрасту очень подходилъ ко мнѣ и чѣмъ то напоминалъ товарищey по херсонскому кружку, среди которыхъ у меня остались близкіе друзья. Его арестъ я почувствовалъ, какъ глубокое *личное* горе. Мнѣ, еще не испытывшему тогда тюремнаго заключенія, представлялось глубоко-трагическимъ его положеніе тамъ, за рѣшеткой *въ полной власти враговъ*. Ударъ въ моиxъ глазахъ усугублялся тѣмъ, что товарищъ былъ оторванъ отъ дѣла въ моментъ приготовленій, когда онъ *не успѣлъ* какъ слѣдуетъ даже и приступить къ дѣлу. Я пытался вообразить себѣ, какую муку долженъ испытывать этотъ умный, симпатичный, преданный дѣлу юноша, этотъ любимый всѣми товарищъ... Вотъ онъ не успѣлъ и перваго шага сдѣлать и уже, какъ говорится, померъ безъ покаянія... Меня стала неотступно преслѣдовать мысль, что такая же злая участь, какая постигла его, ежеминутно грозить и каждому изъ насъ. Завтра, быть можетъ, сегодня, сейчасъ и мы будемъ изъяты, выхвачены—тоже «безъ покаянія»... Это настроеніе передалось и другимъ, и подъ вліяніемъ его мы рѣшили *ускорить* нашъ походъ, не ждать уже, когда мы будемъ «готовы» для пребыванія въ народѣ и для пропаганды въ его средѣ,—не ждать, а отправляться скорѣй, скорѣй, пока насъ—ничего не успѣвшихъ еще *сдѣлать*,—не забрали и не засадили въ каменный мѣшокъ, какъ Богомолова, котораго не суждено уже было никому изъ насъ увидѣть. Онъ погибъ трагически:—былъ доведенъ до самоубійства пыткой одиночнаго заключенія, продолжавшейся для него около двухъ лѣтъ. Онъ былъ, вѣроятно, *первою* жертвою ¹⁾ въ страшномъ по числу загубленныхъ жизней, тогда еще совсѣмъ новомъ петербургскомъ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

¹⁾ И, во всякомъ случаѣ, *одною изъ первыхъ*.

Нашу кузницу и слесарно-столярную мастерскую мы передали другому вновь сформировавшемуся кружку, подобному нашему, по цѣлямъ, а сами стали поспѣшно готовиться къ выступленію. Намъ было шесть въ этой группѣ рѣшившихъ немедленно выступить. Такъ какъ мы далеко не считали еще законченной свою подготовку къ революціонной пропагандѣ, то и рѣшили, что этотъ первый нашъ походъ не будетъ еще имѣть своей непосредственной цѣлью пропаганду или агитацію, — будетъ не болѣе, какъ рекогносцировкой на театрѣ будущихъ военныхъ дѣйствій, и что именно она, эта рекогносцировка должна будетъ доставить болѣе надежныя данныя для будущаго похода. Было рѣшено разбиться по-парно. Пары формировались, конечно, по личнымъ симпатіямъ, и со мной въ парѣ оказался одинъ изъ артиллеристовъ — Давидъ Александровичъ Антоновъ, съ которымъ я сошелся всего ближе и съ которымъ послѣ ареста Богомолова работалъ вмѣстѣ и въ кузницѣ, у одного горна. Мы выбрали себѣ для «рекогносцировки» Владимірскую губернію; другія двѣ пары, состоявшія изъ «артиллеристовъ» — товарищей и сожителей моего спутника, одна (Усачевъ и Ёоминъ) — Костромскую, другая (Тепловъ и Нефедовъ) — Нижегородскую. Намъ казалось, что населеніе именно этихъ губерній должно быть типичнымъ для всего великорусскаго племени, съ котораго мы желали начать наши изслѣдованія. Самые сборы въ дорогу не могли задержать насъ надолго; но выѣзжать изъ Петербурга не слѣдовало всѣмъ одновременно. Передъ отъѣздомъ каждый наблюдалъ нѣкоторое время прибывающихъ въ Петербургъ и выѣзжающихъ изъ него рабочихъ, съ цѣлью намѣтить для себя образцы для подражанія въ смыслѣ безукоризненной внѣшности. Вѣдь, каждому надо было рѣшить заранее, какой у него будетъ полушубокъ, «головной уборъ», какая котомка и т. п. Мы сътоварищемъ установили для себя всѣ эти детали съ обоюднаго согласія, и когда все необходимое было куплено, заготовлено, налажено, и мы простились съ наиболѣе близкими друзьями и получили ихъ сердечныя напутствія съ пожеланіями всяческаго успѣха, «побѣдъ», мы, наконецъ, 7-го марта 1874 года выѣхали изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ. На другой день мы доѣхали безъ всякихъ приключеній до Клина, уѣзднаго города Московской губерніи, откуда, по заранее предположенному маршруту, предстояло продолжать путь уже пѣшкомъ, направляясь черезъ Дмитровъ на востокъ, въ давно уже намѣченную Владимірскую губернію. Въ вагонѣ мы какъ-то сразу затерялись въ тѣснотѣ, шумѣ и гамѣ, среди сѣрой рабочей массы; но непривычность нашего положенія когда, по примѣру окружающей публики, мы расположились спать подъ скамейками, лично мной, кажется, не ощущалась особенно рельефно. Быть можетъ послѣ недавней суеты и напряженія послѣднихъ сборовъ и проводовъ теперь наступила реакція... Насколько могу припомнить, я даже отлично выспался на своемъ мягкомъ «ордынскомъ» полушубкѣ.

Но вотъ мы — на улицѣ маленькаго деревяннаго города и... соображаемъ съ полной отчетливостью, что почти уже сутки отдѣляютъ насъ отъ всего нашего прошлаго и что разстояніе около 500 верстъ легло между нами и покинутой «цивилизацией»... Вопросъ,

насколько намъ удалось *переодѣваніе*, всталъ теперь передъ нами со всею яркостью. Вѣроятность провалиться на первыхъ же порахъ изъ-за того, что въ насъ сразу признають переодѣтыхъ «студентовъ», до того сильно переоцѣнивалась нами, что уже изъ Клина рѣшено было послать нашимъ петербургскимъ друзьямъ письмо о благополучномъ прибытіи нашемъ въ этотъ городъ. Наивное предположеніе, что каждый встрѣчный при первомъ взглядѣ на насъ тотчасъ же догадается, что въ нашемъ лицѣ подъ новенькими полушубками и простонародными картузами скрыты враги правительства, а въ нашихъ котомкахъ заподозрить спрятанную эту самую пропаганду, даетъ представление о нашей полной неопытности. Но эти же наши преувеличенныя волненія показываютъ, какое большое значеніе имѣлъ въ нашихъ глазахъ совершившійся фактъ разрыва съ прошлымъ, со своимъ *привилегированнымъ* положеніемъ. Онъ нами совершенно, наконецъ, *въ дѣйствительности*, этотъ поступокъ, о необходимости, обязательности котораго такъ много говорили, о которомъ еще больше мечтали—каждый наединѣ съ самимъ собой,—къ которому такъ обстоятельно «готовились» и такъ нетерпѣливо рвались всей душой. Теперь это уже не сборы только, которые всякій воленъ былъ принять за пустыя похвалы.—Нѣтъ, мы *на дѣлѣ* «отряхнули прахъ» и—о радость!—не потерпѣли сразу же позорной неудачи, мысль о возможности которой (какъ и мысль, что «не успѣемъ») больше всего мучила насъ въ періодъ приготовленій. По себѣ, по своей собственной психологіи мы могли судить о настроеніи остававшихся еще въ Петербургъ товарищей. Мы *знали*, что друзьямъ нашимъ будетъ пріятно получить извѣстіе о «совершившемся фактѣ»,—въ особенности, Александръ Яковлевнѣ Ободовской, которая съ необыкновеннымъ, чуть не религіознымъ энтузіазмомъ относилась къ нашей миссіи и горячо, душевно симпатизировала всѣмъ намъ «собиравшимся и готовившимся исполнить священный долгъ,—*вѣрила* въ насъ»... Письмо было написано карандашомъ, на скорую руку; но адресъ необходимо было написать чернилами, и для этого я зашелъ въ аптеку. Если бы фармацевтъ, съ готовностью одолжившій «перышко» одѣтому въ полушубокъ молодому «мужичку», полюбопытствовалъ взглянуть на конвертъ, онъ увидѣлъ бы на немъ не совсѣмъ обыкновенный адресъ: «Его Сіятельству, князю Петру Алексѣевичу Кропоткину». Въ томъ же мѣсяцѣ Петръ Алексѣевичъ былъ выслѣженъ шпіонами и арестованъ. Но мое письмо было послано 8-го марта, т. е., вѣроятно, еще до начала травли и дошло исправно.

Тамъ же, въ Клинѣ мы разспросили про дорогу на Дмитровъ и тотчасъ отправились по ней, горя нетерпѣніемъ испробовать себя въ отношеніи пѣшаго хожденія. Незачѣмъ прибавлять, что мы нигдѣ не останавливались, пока насъ не застигла ночь въ какой-то бѣдной деревушкѣ. Встрѣчаясь на большой дорогѣ съ пѣшеходами, мы старались смотрѣть имъ прямо въ глаза и имѣть видъ «какъ ни въ чемъ не бывало», но не были вовсе увѣрены, что это намъ и въ самомъ

дѣлѣ вполне удастся. Мы все ожидали какой-нибудь нехорошей встрѣчи. Но ничего не случилось до наступленія ночи, и самый ночлег—нашъ *первый* ночлегъ въ великорусской деревенской избѣ—тоже сошелъ вполне благополучно. Наша новая жизнь *началась*. Огромная неопытность наша и полнѣйшая непрактичность выразились на первыхъ порахъ и въ неумѣннн поддерживать разговоръ при неизбѣжныхъ распросахъ каждый вечеръ, когда мы приходили на новой ночлегъ. Въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне очень неохотно пускали въ домъ прохожихъ. *Пшш*е гости возбуждали въ нихъ подозрительность. Крестьяне чуть-чуть по-богаче прямо отказывали намъ въ ночлегѣ или безъ всякихъ разговоровъ, или высказывали кратко и безцеремонно свой взглядъ относительно нечистоты на руку вообще прохожихъ. И это повторялось много разъ. Въ самыя бѣдныя избы насъ пускали, но почти вездѣ только послѣ тщательныхъ распросовъ,—въ особенности, о нашемъ маршрутѣ—предыдущемъ и послѣдующемъ, а также о нашихъ намѣреніяхъ... Такъ какъ насъ было двое, и мы не могли во всемъ заранѣе сговориться между собой, не предвидя характера вопросовъ, то мы сильно рисковали запутаться въ отвѣтахъ. Послѣ первыхъ не вовсе гладко сходившихъ опытовъ я въ большинствѣ случаевъ предоставлялъ первое слово товарищу, признавая его болѣе находчивымъ. Когда мы въ первый разъ слышали неизмѣнно всегда повторявшійся потомъ вопросъ: «чи будете», то мы его прямо *не поняли*, какъ будто съ нами заговорили на незнакомомъ иностранномъ языкѣ. Слово *чи* звучало такъ странно, казалось какимъ-то невѣроятнымъ остаткомъ отъ временъ рабства, когда, можетъ быть, и натурально было спрашивать у крѣпостныхъ, чи они, то есть, какому «господину» принадлежать... Потомъ уже мы сообразили, что это столь дико звучащее слово, въ устахъ крестьянъ просто замѣняло вопросъ *откуда*, т. е. какого уѣзда или какой волости «будутъ» прохожіе ¹⁾.

Такимъ образомъ, намъ пришлось-таки преодолевать кое-какія затрудненія на новомъ пути... Зато велики были и наши юные восторги! Особенно хорошо чувствовалось по утрамъ, когда, выйдя на просторъ изъ душной избы, и увидя себя на свободѣ, внѣ наблюденій посторонняго глаза, мы полной грудью вдыхали ароматъ полей и рощъ и обмѣнивались—уже *на своемъ* языкѣ, не подлаживаясь къ чуждому еще намъ «деревенскому» діалекту—богатыми впечатлѣніями отъ всего невиданнаго и не испытаннаго до тѣхъ поръ, или, что случалось рѣже,—наивно и горячо обсуждали какой нибудь «теоретическій» пунктъ той или иной программы. Здѣсь, на какомъ нибудь поворотѣ глухого проселка такой отголосокъ питерскихъ сходовъ, на которыхъ, навѣрное, продолжали по прежнему «гремѣть» витіи, являлся болѣе чѣмъ страннымъ диссонансомъ. Мы были счастливы въ эти минуты своею молодостью, здоровьемъ, избыткомъ энергіи и сознаниемъ добросовѣстно исполняемаго серьезнаго долга. Къ тому

¹⁾ Въ Сибири тоже спрашиваютъ, „чей (или чьихъ) будете?“ но тамъ,—по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ мѣстностяхъ,—это слово значить „какъ фамилія“, „какъ прозывается“.

же была ранняя весна — солнышко еще не сильно пригрѣвало, но хорошо и весело освѣщало придорожные пейзажи и золотило по утрамъ виднѣвшіяся вдаль изъ за зарослей главы «скромныхъ» сельскихъ храмовъ... По этимъ колокольнямъ мы старались ориентироваться, справляясь о названіяхъ селъ и деревень по картѣ Главнаго Штаба—десять верстъ въ дюймѣ—запасливо прихваченной въ Петербургѣ. Но существовалъ въ это время у насъ серьезный поводъ для огорченія: мы уже перешли границу между Московской и Владимірской губерніями, а не находили нигдѣ *работы*. Между тѣмъ, именно этотъ «экзамень» мы считали самымъ важнымъ и труднымъ, и только выдержавъ его, каждый изъ насъ могъ питать болѣе или менѣе основательную надежду на полное сліяніе съ народомъ хотя-бы въ будущемъ. Здѣсь, «на мѣстѣ», мы скоро поняли, до чего незрѣлой была наша петербургская «кабинетная» манера рѣшать вопросы. Тамъ мы воображали, что стоитъ намъ лишь захотѣть работать, и работа явится сама собой. На дѣлѣ оказывалось иначе; работу вообще бываетъ трудно найти въ мѣстностяхъ, какова намѣченная нами, откуда и «свой лишній народъ» расходится на заработки по всей Россіи. А въ то время, когда мы тамъ странствовали, т. е. незадолго до праздника Пасхи, и вовсе не кстати было искать тамъ работы: добрые-то люди, какъ разъ наоборотъ, къ Пасхѣ брали расчетъ и уходили на родину. Это и было намъ высказано гдѣ-то уже въ Александровскомъ уѣздѣ, когда мы въ сотый разъ заявили, что ищемъ работы.

По мѣрѣ того, какъ приближалась Пасха, наше хожденіе по дорогамъ изъ села въ село становилось все болѣе и болѣе непонятнымъ для мѣстныхъ жителей. Къ тому же мы были въ буквальномъ смыслѣ слова «иноземцы» здѣсь, въ центральной Россіи и о религіи и обычаяхъ мѣстнаго населенія имѣли только самое общее представленіе, потому что я — уроженецъ Таврической губерніи и происхожу отъ родителей *евангелической* вѣроисповѣданія, а Д. А. Антовъ, сынъ интеллигентнаго *маюметанина*, родился и выросъ въ Оренбургѣ. И мы спрашивали себя, какова же будетъ здѣсь наша роль во время праздника Пасхи съ нашимъ незнаніемъ религіозныхъ обычаевъ, которые, какъ мы слышали, соблюдаются строго въ центральныхъ губерніяхъ. Тогда, сообразивъ все это, рѣшили уѣхать на время въ Москву, тѣмъ болѣе, что до нея было недалеко, и мы знали, какъ разыскать тамъ людей, подобныхъ намъ. На минуту мы не шутя задумались было еще надъ вопросомъ, не будетъ ли это проявленіемъ слабости, непростительнымъ *отступленіемъ*... Ставя этотъ вопросъ, мы имѣли въ виду *обѣтъ*, который каждый изъ насъ въ глубинѣ души и безъ всякой показной торжественности давалъ самому себѣ—обѣтъ *порвать* съ цивилизаціей... и, конечно, «навсегда». Вообще, намъ приходилось иногда рѣшать среди дороги вопросы «нравственного порядка». Невозможно забыть, напримѣръ, какъ нашъ чрезвычайный ригоризмъ въ отношеніи пищи разъ чуть-было не дошелъ до самыхъ крайнихъ высотъ комизма: у насъ *возникла*—правда, только на одно мгновеніе—*вопросъ, позволительно ли* намъ, взявшимъ въ руки странническій посохъ... *постъ селедки?*! Это случилось, кажется, еще

въ самомъ началѣ нашего похода. Мы до того прониклись, вѣроятно, путемъ самовнушенія, воображаемо-«мужицкими» воззрѣніями, что проходя торговымъ селомъ, взирали на всѣ разставленные на базарѣ деревенскія приманки, какъ на грѣховную роскошь, отъ которой мы лично будемъ далеки... Между тѣмъ, молодые организмы, при серьезной работѣ—непривычной ходьбѣ—мощно требовали чего нибудь «азотистаго», а этотъ элементъ безусловно отсутствовалъ въ тѣхъ ужинахъ (пустые ши), которыми насъ продовольствовала деревня за нѣсколько копеекъ на ночлегахъ.

И вотъ, «лукавый» вздумалъ однажды, во время привала на кучѣ камней у дороги, искушать насъ соблазнительнымъ видѣніемъ селедки... И онъ побѣдилъ! Искушеніе имѣло тотъ результатъ, что въ ближайшей сельской лавченкѣ была куплена пара сельдей и Лукулловъ пиръ состоялся, опять-таки на большой дорогѣ, при гоме-рическомъ хохотѣ участниковъ... Любопытенъ и рядъ логическихъ построеній, склонившихъ тогда наше рѣшеніе въ сторону поблажки чревоугодію: «Если селедки продаются въ убогихъ лавченкахъ и въ большихъ количествахъ на всѣхъ базарахъ», такъ, приблизительно, разсуждали мы, «то, очевидно, ихъ покупаетъ не аристократія. *Ergo*, народъ иногда ѣстъ ихъ,—а потому можно ѣсть изрѣдка и намъ».

Въ смыслѣ поблажки слабости человѣческой былъ рѣшенъ и вопросъ объ «отступленіи» въ Москву на время Пасхи. Дѣло было въ уѣздномъ городѣ Александровѣ Владимірской губерніи, и мы отправились было на желѣзнодорожную станцію, чтобы немедленно привести свой новый планъ въ исполненіе. Но на станціи намъ сообщили, что поѣздъ будетъ только поздно ночью и не позволили остаться ожидать его, а вѣрнѣе—довольно грубо выпроводили. На дворѣ было холодно и, кажется, шелъ дождь. Приходилось вернуться въ городъ и тамъ переждать гдѣ-нибудь отъ обѣда до ночи. Тутъ-то и случилось происшествіе, безъ котораго наша первая экскурсія «въ народъ» была-бы, можетъ быть, черезъ-чуръ благополучной, и ее почти нечѣмъ было бы послѣ и помянуть. Идти на постоянный дворъ намъ и въ голову не приходило: мы знали, что тамъ спросятъ паспорта, а наши были хоть и хорошіе, но все-таки не настоящіе. Поэтому мы рѣшили пересидѣть въ трактирѣ.

Потребовавъ обычнымъ порядкомъ «двѣ пары чаю» и вынуть изъ своихъ узелковъ запасъ чернаго хлѣба—нашу повседневную пищу въ дорогѣ, мы принялись не спѣша угощаться.

За другимъ столомъ, недалеко отъ насъ сидѣли двое и громко разговаривали. Одинъ изъ этихъ двухъ собесѣдниковъ былъ хозяиномъ этого самаго трактирнаго заведенія, въ которомъ мы расположились пить чай, а другой только что окончилъ одну спеціальную работу при трактирѣ и теперь, послѣ трудовъ, выпивалъ и закусывалъ. Такіе спеціалисты въ народѣ зовутся золотарями. Мы съ товарищемъ, не умѣя вести разговоръ во всеуслышаніе, какъ эти туземцы, почти все время сидѣли молча и только изрѣдка переговаривались между собой въ полъ-голоса. По прошествіи нѣкотораго времени мы замѣтили, что хозяинъ трактира и золотарь что-то недружелюбно поглядываютъ въ нашу сторону. Дѣло этимъ не ограничилось. Когда мы,

Андрей Афанасьевич
ФРАНЖОЛИ.

1	1
2	1
3	1
4	1
5	1
6	1
7	1
8	1
9	1
10	1
11	1
12	1
13	1
14	1
15	1
16	1
17	1
18	1
19	1
20	1
21	1
22	1
23	1
24	1
25	1
26	1
27	1
28	1
29	1
30	1
31	1
32	1
33	1
34	1
35	1
36	1
37	1
38	1
39	1
40	1
41	1
42	1
43	1
44	1
45	1
46	1
47	1
48	1
49	1
50	1
51	1
52	1
53	1
54	1
55	1
56	1
57	1
58	1
59	1
60	1
61	1
62	1
63	1
64	1
65	1
66	1
67	1
68	1
69	1
70	1
71	1
72	1
73	1
74	1
75	1
76	1
77	1
78	1
79	1
80	1
81	1
82	1
83	1
84	1
85	1
86	1
87	1
88	1
89	1
90	1
91	1
92	1
93	1
94	1
95	1
96	1
97	1
98	1
99	1
100	1

расплатившись за чай, все же не ушли, а остались сидѣть за столомъ, по нашему адресу начали раздаваться нелестныя замѣчанія, а потомъ насъ уже прямо принялись экзаменовать... Спрашивали, разумеется, «чи» мы, куда идемъ и «за какимъ случаемъ»... Когда мы назвалиcя слесарями, работавшими на фабрикѣ въ Киржачѣ, гдѣ на самомъ дѣлѣ мы не были, золотарь спросилъ, гдѣ у насъ инструментъ. Товарищъ отвѣтилъ, что на фабрикахъ слесаря работаютъ хозяйскимъ инструментомъ. Но этотъ резонный отвѣтъ не удовлетворилъ неугомоннаго золотаря.

— Они, должно, и вправду мастера, только по другой части, сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину. Тутъ мы поняли, что насъ принимаютъ за профессиональных воровъ.

Почему-то два слишкомъ молодыхъ безбородыхъ и безусыхъ парня—оба черноволосые, съ «не нашимъ будто» обличемъ, можетъ цыгане,—да еще, въ добавокъ, оба въ новенькихъ, *бѣлыхъ* полушубкахъ, какихъ, вѣроятно, въ томъ уѣздѣ не носятъ, возбудили подозрительность доморощеннаго сердцевѣда, можетъ быть, уже потерпѣвшаго какъ-нибудь отъ прохожихъ жуликовъ.

Возможно и то, что ему вздумалось придирааться къ намъ просто *такъ*, отъ скуки или ради озорства, ради собственной потѣхи, и уже потомъ, во время самаго допроса наши неудачные отвѣты вызвали какъ будто основательныя подозрѣнія.

Одинъ наблюдатель народныхъ нравовъ, не особенно, впрочемъ, проницательный, утверждалъ, будто «русскій скандалу радъ». Но я далеко не увѣренъ въ правдивости этого афоризма, можетъ быть, подслушаннаго у какого-нибудь босняка. Какъ бы то ни было, но наше положеніе становилось натянутымъ. Теперь уже было бы небезопасно просто встать и уйти, и мы не знали, какъ поступить. Но вотъ, послѣ какихъ-то переговоровъ въ полъ-голоса съ хозяиномъ нашъ инквизиторъ опять заговорилъ, обращаясь уже прямо ко мнѣ:

— Такъ ты, говоришь, былъ въ Киржачѣ?

— Былъ...

— А сколько тамъ церквей?

Я, что называется, съ бацу, говорю:

— Пять!

Этотъ «несообразный» отвѣтъ видимо взволновалъ и хозяина; а «совопросникъ» прямо кипѣлъ и клекоталъ...

— Вотъ и видать, какіе «мастера»...—кричалъ онъ грозно: *одна* тамъ всего церковь и никогда не было больше одной. Вы не то, что въ Киржачѣ, знать и близко не были!

Онъ былъ очень разгоряченъ, и мнѣ уже, кажется, приходило въ голову, какъ бы онъ не полѣзъ въ драку. Но сцену прекратилъ хозяинъ, посовѣтовавшій намъ очень внушительнымъ тономъ уходить сейчасъ «по добру-по здорову изъ трактира, пока до полиціи дѣло не дошло».

Ну и уйдемъ!—сказалъ Аитовъ съ напускнымъ спокойствіемъ

Мы тотчасъ забрали свои котомки и палки и, не торопясь, вышли изъ трактира. Неугомонный «специалистъ» напутствовалъ насъ словами: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ».

Вѣроятно, онъ намекалъ на наши слишкомъ новые полушубки, хотя отъ нихъ до собственныхъ палатъ—еще очень большое разстояніе.

Происшествіе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Мы добрались до вокзала, который, по обыкновенію русскихъ путейцевъ, выстроенъ отъ города довольно далеко... Тамъ ожидающихъ поѣзда пассажировъ уже не гнали вонъ. Быть можетъ, уже и „часы вышли“. Мы дождались, наконецъ, поѣзда и безпрепятственно доѣхали до Москвы.

Д. А. Аитовъ, мой тогдашній спутникъ, напомнилъ мнѣ недавно, какъ, идя отъ трактира на станцію, я «непремѣнно хотѣлъ изорвать тотъ листъ десятиверстной карты, который въ случаѣ ареста могъ послужить уликой противъ насъ». Но этому вандальскому плану изо всѣхъ силъ воспротивился онъ, мой другъ (впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ и очень компетентнымъ *картографомъ*), и карта осталась не уничтоженной. Мнѣ, дѣйствительно, мерещилась погоня, которой на самомъ дѣлѣ не было. Но и то сказать: она *могла бы* быть и непремѣнно была бы, если бъ не такія спокойныя времена. Бумаги о пропагандистахъ еще не были въ то время разсылаемы по провинціи. Послѣ, придя въ себя, я, помню былъ не мало смущенъ и недоволенъ собой за эту исторію. Въ ней я проявилъ много ненаходчивости и мало самообладанія, чего нельзя было сказать про моего спутника. Во всякомъ случаѣ, по благополучномъ окончаніи инцидента у насъ оказывалась не одна, а нѣсколько причинъ быть только довольными этимъ финальнымъ приключеніемъ нашей рекогносцировки. Мы восприняли «боевое крещеніе»; полиція *не* была приглашена; насъ, какъ говорится, пальцемъ не тронули и—самое главное—мы *не* были признаны за переодѣтыхъ студентовъ.

Я уже упоминалъ, что мы имѣли возможность разыскать въ Москвѣ нашихъ. Но прямо и непосредственно этого нельзя было сдѣлать. Такіе адреса вообще бываютъ непостоянны. А отправляясь изъ Петербурга, мы не знали, *когда* будемъ въ Москвѣ и будемъ-ли когда-нибудь.

Лишь *на всякій случай* намъ было рассказано, какъ найти тамъ стоявшую «внѣ подозрѣній» сестру одного виднаго петербургскаго чайковца ¹⁾, которая дружески относилась къ нѣкоей «Наташѣ» ²⁾ и поддерживала съ нею постоянныя сношенія. Первая—уже пожилая дама—занимала хорошую квартиру, если не ошибаюсь, въ мѣстности, прилегающей къ Арбату. Предстояло одному изъ насъ войти въ ея квартиру съ чернаго хода (пока другой дожидался бы на улицѣ, въ условленномъ мѣстѣ) и черезъ прислугу вызвать на кухню «барыню». Передавъ ей поклонъ отъ ея брата Петра Алексѣевича, слѣдовало, соблюдая должную предосторожности *devant les gens*, спросить адресъ «Наташи», жившей, какъ оказалось, и въ то время въ родительскомъ

¹⁾ П. А. Кропоткина.

²⁾ Наталья Александровна Аршфельдъ, членъ московскаго кружка чайковцевъ. Она была впослѣдствіи сослана на Кару, нѣсколько лѣтъ просидѣла въ каторжной тюрьмѣ и умерла въ „вольной командѣ“.

домѣ. Здѣсь надо было опять, не возбуждая подозрѣній окружающихъ, такимъ же порядкомъ добраться до «барышни»... Все это, къ моему удивленію, удалось продѣлать безпрепятственно. Сестра была уже заранее предупреждена братомъ, что къ ней могутъ обратиться съ подобной просьбой; а у «Наташи» прислуга, повидимому, перестала уже удивляться ея «странностямъ», а можетъ быть и была посвящена въ нѣкоторыя дѣла своей барышни крестьянки. Но этимъ еще не оканчивались наши мытарства «Барышня» на-скоро переодѣлась по-проше, накинула на голову платочекъ и пошла самолично проводить насъ въ башмачную мастерскую, народившуюся гдѣ-то на Прѣснѣ или на «Плющихѣ». «Наташа» хорошо знала Москву и шла впереди насъ увѣреннымъ шагомъ, изрѣдка оборачиваясь къ намъ, чтобы спросить что-нибудь про Пигеръ или про наше путешествіе. Наконецъ мы благополучно прибыли на мѣсто, не встрѣтивъ на пути никакихъ приключеній, если не считать того, что прохожіе съ удивленіемъ оглядывались на нашу своеобразную группу. Двумъ неуѣренно выступавшимъ малорослымъ парнямъ, одѣтымъ въ чистенькіе, совершенно одинаковые полушубки, съ дорожными попошками въ рукахъ и котомками за плечами, указывала дорогу смѣло шагавшая дѣвица, которую могли принять за переодѣтаго мужика или гвардейца... Она была ростомъ на добрыхъ полъ аршина выше каждаго изъ насъ.

Въ Москву мы явились чрезвычайно кстати, чтобы сдѣлаться свидѣтелями единственного въ своемъ родѣ оживленія, которымъ навсегда отмѣчены въ русской исторіи весна и лѣто 1874 года. Тамъ происходило въ то время приблизительно то же, что двумя-тремя мѣсяцами ранѣе мы наблюдали въ Петербургѣ.

Но были и различія, вызванныя притомъ не одними только мѣстными условіями. Москва сдѣлалась, именно около Пасхи, мѣстомъ встрѣчи уже весьма многочисленныхъ наличныхъ революціонныхъ силъ, мобилизованныхъ прямо для пропаганды, то есть, элементовъ уже отфильтровавшихся отъ той массы молодежи, которая все еще продолжала заниматься словесными выясненіями жгучихъ вопросовъ. Тамъ собирались, временно, въ большемъ числѣ люди дѣла, люди, какъ сказали бы позже, немедленной *акціи*. Это *дѣловое* теченіе сливало свои волны съ потокомъ чисто мѣстнымъ, частію тоже дѣловымъ, включавшимъ элементы прежнихъ «строго конспиративныхъ» группъ. Но къ нимъ примыкала также масса юношей, едва лишь затронутыхъ духомъ времени, уже наглядно и ярко начавшимъ тогда обозначать свой «порядокъ дня». Для такихъ *выясненіе* волновавшихъ ихъ вопросовъ было еще насущною необходимостью, и имъ въ этомъ, какъ нельзя болѣе, помогла та «случайность», что какъ разъ въ это время тамъ были и испытанные уже дѣятели, которыхъ прошлый опытъ могъ послужить опорой неопитамъ въ ихъ горячемъ и беззаветномъ стремленіи.

А велѣнія «духа времени» все болѣе опредѣлялись...

«Точно какой-то могучій кликъ, исходившій неизвѣстно откуда», говорить про это именно время Степнякъ въ своей *Подпольной Россіи* «пронесся по странѣ, призывая всѣхъ, въ комъ была живая душа, на великое дѣло спасенія родины и человѣчества. И всѣ, въ комъ

была живая душа, отзывались и шли на этотъ кликъ, исполненные тоски и негодованія за свою прошлую жизньъ. и, оставляя родной кровъ... семью, отдавались движенію съ тѣмъ восторженнымъ энтузіазмомъ, съ той горячей вѣрой, которая не знаетъ препятствій, не мѣряетъ жертвъ»...

«Движеніе это... было... какимъ-то крестовымъ походомъ, отличающаея вполне заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ религиозныхъ движеній. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очищенія».

Одной изъ «центральныхъ фигуръ» былъ, во истину, тогда въ Москвѣ Порфірій Войнаральскій, бывшій помѣщикъ и мировой судья, который, между прочимъ, превосходно исполнялъ роль хозяина учебной пропагандистской мастерской въ родѣ нашихъ петербургскихъ, но съ несравненно болѣе многочисленными участниками, притомъ, часто мѣнявшимися. Временные гости, въ родѣ меня съ Аитовымъ, радушно принимались, получали колодки, шило, дратву и весело садились тачать сапоги или даже мастерить дамскіе ботинки. Исполняемая подъ руководствомъ приглашеннаго Порфіріемъ Ивановичемъ хорошо знавшаго свое дѣло питерскаго «настоящаго» мастера и помогавшаго ему въ исполненіи его инструкторскихъ обязанностей «подмастерья» изъ студентовъ—сельско хозяйственниковъ Петровско-Разумовской академіи М. Г. Соловцовскаго, работы наши выходили не вовсе изъ рукъ вонъ скверными... Было въ то время въ Москвѣ и нѣсколько человекъ петербургскихъ чайковцевъ, заѣхавшихъ туда на пути «въ народъ». Желая сдѣлать болѣе производительнымъ свое вызванное тѣми или иными обстоятельствами временное проживаніе въ Москвѣ, они усердно посѣщали, съ цѣлью пропаганды, сходки молодежи, дѣлавшіяся все болѣе и болѣе многолюдными, все болѣе похожими на открытыя, не запрещенныя собранія. Могу назвать изъ числа подвизавшихся вмѣстѣ съ нами по башмачной части Михаила Воронкова ¹⁾ и Алексѣя Знаменскаго, а изъ «старыхъ» чайковцевъ, опять встрѣченныхъ мною здѣсь—Кравчинскаго, Д. А. Клеменца и Л. Э. Шишко.

Коренные москвичи: Фроленко, Саблинъ и Наталія Армфельдъ принадлежали къ составу этой же сплоченной группы. Изъ младшихъ выдѣлялись Аркадакскій, съ которымъ мнѣ почти не пришлось познакомиться и чрезвычайно милый и какъ бы отмѣченный уже тогда печатью таланта, почти еще мальчикъ Н. А. Морозовъ ²⁾.

¹⁾ Мой товарищъ по процессу 50-ти, умершій послѣ суда.

²⁾ Очаровательный образъ Олимпіады Алексѣевой, такъ чудно очерченный Н. А. Морозовымъ въ его „Воспоминаніяхъ.“ (см. Р. Б. май 1906) лишь мимоходомъ, хотя и ясабвешнымъ видѣніемъ промелькнулъ передъ нами. Мы вѣдь только на короткое время попали тогда въ Москву и не были особенно усердными посѣтителями пѣвнтельнаго „салона“.

Я смутно помню впечатлѣніе какъ бы нѣкоего аскетическаго конфуза по поводу чрезмѣрнаго, какъ казалось кое-кому изъ насъ, преобладанія тамъ музыки и пѣнія, да еще пѣнія-то „цыганскаго“...

Незамѣтно подошла и прошла Пасха. Мы, мастеровые со своимъ превосходнымъ «хозяиномъ» во главѣ были «кабыть слѣдующимъ порядкомъ» у заутрени въ маленькой церкви въ Бутыркахъ, куда еще при насъ переселилась мастерская. Мы присутствовали также при чудесной сценѣ, когда мѣстные городовые въ числѣ четырехъ или пяти нижнихъ чиновъ пришли поздравить нашего мнимаго принцепала съ праздникомъ и получили за это по полтинѣ денегъ. Можно было уже подумать и о выступленіи въ новый походъ... Но меня задержало въ Москвѣ особое и еще небывалое у насъ обстоятельство: мы узнали, что въ Москву ѣдетъ изъ Орла талантливый и популярный пропагандистъ—одинъ изъ старшихъ и наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей—съ цѣлью прочесть намъ рядъ лекцій—проповѣдей въ духѣ объявившейся въ Орлѣ «новой религіи», иначе—богочеловѣчества. Онъ гостилъ довольно продолжительное время въ Орлѣ у Маликова—старого радикала, привлекавшагося еще по Каракозовскому дѣлу, который неожиданно выступилъ тамъ съ проповѣдью «богочеловѣчества»—ученія въ родѣ христіанскаго социализма, о «догматической» сторонѣ котораго я не рѣшусь говорить изъ опасенія многое перепутать, такъ какъ и тогда не былъ особенно силенъ въ пониманіи основъ этого ученія. Мы узнали, что новая религія предполагаетъ въ каждомъ человѣкѣ въ его душѣ какъ бы «бога», что принявшіе это ученіе проповѣдуютъ нѣчто подобное объявившемуся много позже непротивленію злу и считаютъ для себя обязательною открытую проповѣдь *мирнаго социализма всѣмъ и каждому*,—даже и служащимъ въ полиціи, признавая и «синихъ» за такихъ же *людей*, которые де тоже имѣютъ въ себѣ «божественную искру». Скоро лекторъ—проповѣдникъ дѣйствительно пріѣхалъ, и всѣ мы услышали его проповѣди передъ аудиторіей, превосходившей своею многочисленностію всѣ прежнія собранія. Эти проповѣди—особенно въ виду прошлаго лектора—были крупнымъ событіемъ. Онъ сводились къ ряду краснорѣчивыхъ доводовъ противъ какихъ бы то ни было насилій, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и особенно противъ кровавой *революціи*, которую мы, пропагандисты, считали, а прежде и самъ проповѣдникъ, увѣровавшій въ богочеловѣчество, считалъ печальнымъ, и страшнымъ, но, къ сожалѣнію, неизбѣжнымъ средствомъ освобож-

Не даромъ, на ряду съ промелькнувшими тамъ свѣтлыми видѣніями, мнѣ всегда вспоминается и сарказмъ (навѣрное, „Ельцинскаго“): „дѣло мѣшаютъ съ бедѣлемъ“.

А въ офицеры Н. А. произвелъ меня ошибочно: я никогда не состоялъ ни въ какомъ воинскомъ званіи. Тутъ что то такое, но давности времени, спуталось. (Можетъ быть, Н. А. Морозовъ смѣшалъ меня въ этомъ отношеніи съ Воронковымъ, которому вѣвчѣ была присвоена у насъ „поручикъ“,—притчемъ, по обыкновенію произвелъ его въ слѣдующій чинъ).

Съ Н. А. Морозовымъ мы, дѣйствительно, какъ то сразу стали друзьями въ Москвѣ въ 1874 г. (Меня, по крайней мѣрѣ, къ нему влекло сильное чувство привязанности). Но насколько помню, это случилось не весной, а, должно быть, позже, вѣроятно, въ августѣ, когда я вернулся изъ Нижняго и когда, увы, ни мастерской, ни салона уже не существовало. Наша близость въ этотъ періодъ выражалась, между прочимъ, въ томъ, что, какъ я твердо помню, Н. А. принималъ участіе въ совѣщаніяхъ, предшествовавшихъ поѣздкѣ Крылова (рабочаго, близко стоявшаго къ чайковцамъ, стойкаго, убѣжденнаго, развитого и практически-дѣльнаго чловѣка) на Волгу съ моимъ письмомъ къ „Нижегородцамъ“. Поѣздка эта погубила Крылова.

денія порабощенныхъ народныхъ массъ. Многіе были въ высшей степени опечалены неожиданнымъ переломомъ въ міросозерцаніи того, кто еще недавно занималъ въ нашей средѣ выдающееся положеніе, и могли утѣшиться развѣ только тѣмъ, что «увѣровавшихъ» оказывалось—въ Москвѣ по крайней мѣрѣ—не много: всего одинъ или двое. Пребываніе въ Москвѣ разлучило меня съ моимъ спутникомъ на все остальное время моего хожденія въ народъ. Послѣ Пасхи оба, и я и онъ, предприняли опять пѣшія путешествія въ крестьянскомъ образѣ. Но въ этотъ разъ мы пошли не вмѣстѣ. Я направился, теперь уже одинъ, въ ту-же Владимірскую губернію.

Москва съ ея оживленіемъ осталась позади. Я былъ снова на широкомъ просторѣ большой дороги, и кругомъ, несмотря на близость столицы, простиралась самая подлинная сѣрая деревенская Русь,—та «убогая и обильная, могучая и безсильная» мужицкая Русь, на идейное завоеваніе которой уже двигалась съ такимъ небывалымъ энтузіазмомъ наша молодая рать, только-что отбывшая въ Москвѣ большіе маневры... Бодрый видъ этихъ славныхъ «батальоновъ», рвавшихся на подвигъ, какъ рвутся въ бой настоящіе исполненные патріотизма повстанцы, и самонадѣянные рѣчи непримиримыхъ революціонеровъ въ отвѣтъ на проповѣдь новоявленныхъ мирныхъ христіанъ-непротивленцевъ, и трезвые, дѣловитые обсуждения пріемовъ революціонной техники, вплоть до отдѣльных спеціальностей, до деталей книжнаго дѣла, паспортнаго и т. д.,—вообще вся масса новыхъ жизней, радостныхъ впечатлѣній—все поддерживало приподнятое настроеніе духа въ чудной гармоніи съ пробуждавшейся природой. Недавняго недоувѣрія къ себѣ, неуувѣренности въ томъ, напимѣръ, съумѣю-ли я *разговаривать* съ деревенскими мужиками,—какъ не бывало. Я почувствовалъ себя какъ-то вдругъ уже обстрѣляннымъ и не уклонился даже отъ совмѣстнаго путешествія съ цѣлой маленькой артелью туляковъ подъ самою Москвой, пока не оставилъ еще рязанской дороги, на которую попалъ было первоначально, при выходѣ за заставу. Впрочемъ, изъ попытки хорошенько разговориться въ придорожномъ кабацѣ, куда мы всѣ зашли погрѣться, ничего не вышло, и притомъ оказалось, что моимъ временнымъ попутчикамъ надо было своротить въ проселокъ, я же долженъ былъ пробираться въ противоположную сторону, на дорогу, ведущую въ Орѣхово-Зуево. Хотѣлось осуществить прежній—еще петербургскій планъ,—пройти пѣшкомъ всю Владимірскую губернію и кусокъ Нижегородской, до Нижняго, становясь, гдѣ можно, на работу. Какъ-то рано утромъ, послѣ ночлега, съ которымъ у меня не связано никакихъ особенныхъ воспоминаній, я сталъ разспрашивать крестьянъ про дорогу и въ первый разъ услышалъ упоминаніе о старомъ почтовомъ трактѣ между Москвой и Нижнимъ Новгородомъ. На этотъ трактъ и мнѣ слѣдовало выйти послѣ извѣстнаго ряда „поворотовъ“. Когда я и въ самомъ дѣлѣ очутился на «столбовой» дорогѣ, огражденной канавками и протянувшейся между тощимъ кустарникомъ куда-то въ гору, на меня вдругъ напала ще-

мящая тоска... Я сообразилъ, что, вѣдь, этотъ большой трактъ и есть знаменитая „Владимірка“, про которую поется въ извѣстной трогательной пѣснѣ, какъ „за широкій, за вольный размахъ“ по ней, по Владиміркѣ „гонять“ неудачника-пахаря... Крестьяне въ одномъ мѣстѣ такъ, вѣдь, и называли ее мнѣ „Владиміркою“—совершенно, впрочемъ, безхитростно, безъ помысленія о „кандалахъ“. Она ведетъ черезъ Владиміръ не только въ Нижній, но и много дальше, восточнѣе, куда воронъ не заносить добровольно костей. Иносказательно, морально я, конечно, не тогда, а гораздо ранѣе ступилъ впервые на путь, роковымъ образомъ приводящій въ тѣ дали; но тутъ я уже и въ самомъ дѣлѣ, по настоящему „попиралъ ногами“ залывшую пескомъ и дорожной грязью щебенку подлинной Владимірки и печально улыбался этой „таинственной игрѣ случая“... Въ Орѣховѣ-Зуевѣ меня не приняли на фабрику ни у Саввы, ни у „Елиса“ (Морозовыхъ) и я побрелъ дальше. Та же неудача преслѣдовала и на остальномъ пути. Дорожныя встрѣчи и ночлеги смѣнялись довольно однообразно; съ каждымъ днемъ, однако же, я замѣтно приспособлялся къ своей роли „прохожаго“,—узнавалъ быть и придорожныхъ торговыхъ селъ, и убогихъ деревушекъ, вообще, обильно пропитывался полезными мелкими знаніями, набирался практической сноровки. Только одной необходимѣйшей „сноровкѣ“ пѣшехода я нигдѣ не научился, пока не привела нужда ее узнать, да не растолковали ужъ послѣ добрые люди: въ своемъ походѣ я не дѣлалъ дневокъ. Убѣдившись, что въ данномъ мѣстѣ нельзя попасть на работу безъ рекомендацій, — „безъ знакомства“, я тотчасъ же шелъ дальше и каждый день дѣлалъ по 30 и болѣе верстъ. Я не догадался остановиться для отдыха ни въ Ковровѣ, ни во Владимірѣ, гдѣ могъ бы свободно прожить на постоянныхъ дворахъ сколько угодно времени. Отъ продолжительнаго путешествія пѣшкомъ *безъ дневокъ* мои ноги, когда я дошелъ до Гороховца, города уже не Владимірской, а Нижегородской губерніи, настолько пострадали, что я никакъ не могъ уже надѣяться добраться до Нижняго пѣшкомъ и остававшееся небольшое разстояніе принужденъ былъ проѣхать „на машинѣ“.

Въ Нижнемъ я остановился на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ на *Нижнемъ Базарѣ*. Этотъ постоялый дворъ больше походилъ, впрочемъ, на ночлежный пріютъ для безработнаго городского пролетаріата. Тамъ, кромѣ немногочисленныхъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ на базаръ изъ ближнихъ деревень, находили ночлегъ преимущественно плотники, пильщики, два или три лишившихся мѣстъ трактирныхъ половыхъ, нищіе, одинъ уличный продавецъ табаку и папирсъ... Въ тѣ полторы или двѣ недѣли, которыя я прожилъ на этой квартирѣ, мало оставаясь тамъ днемъ, а почти только ночью, мнѣ впервые представился случай ближе наблюдать въ ихъ закулисной обстановкѣ городскіе типы безработныхъ и поденщиковъ,—не состоящихъ, однако же, босяковъ. Позже мнѣ пришлось гораздо больше времени проводить въ подобной средѣ и познакомиться съ нею ближе; но я думаю, что и эти первыя впечатлѣнія очень пригодились мнѣ

для скрытой работы формированія опредѣленныхъ взглядовъ на жизнь, на „народъ“, для чего не успѣла мнѣ дать необходимыхъ элементовъ ни школьная жизнь на югѣ, ни студенческая въ Петербургѣ, вдали отъ великорусской атмосферы, ни кратковременное странствованіе по большимъ дорогамъ. Моею первой заботой по прїѣздѣ въ Нижній было—разыскать въ одномъ изъ ярмарочныхъ рядовъ чайный магазинъ одной крупной фирмы, которымъ завѣдовалъ приказчикъ, сочувствовавшій нашимъ цѣлямъ. Въ качествѣ конспиратора, вѣрнаго старымъ прїемамъ, я не считъ возможнымъ, при моемъ простонародномъ переодѣваніи, просто войти въ магазинъ и спросить довѣреннаго, а сдѣлалъ видъ, что мнѣ надо купить чаю... Но молодой человекъ, къ которому я обратился, почему-то сейчасъ же *догадался*, „изъ какихъ“ я „буду“ и доложилъ обо мнѣ именно тому лицу—старшему въ магазинѣ—которое мнѣ надо было отыскать. Какъ оказалось, конспираціи здѣсь не признавали никакихъ. Приказчикъ, послѣ краткаго разговора, далъ мнѣ въ провозатые мальчика, и мы съ нимъ пошли черезъ весь городъ, почти къ самому острогу. Тамъ стоялъ въ концѣ пустынной улицы небольшой одноэтажный домикъ. Мальчикъ довелъ меня до него, сказалъ, что надо постучаться въ первое окно, а самъ куда-то исчезъ. Обитателями домика оказались два брата Серебровскіе. Старшій служилъ писцомъ въ какой-то канцеляріи, а младшій прежде учился въ духовномъ училищѣ, но долженъ былъ уйти оттуда вслѣдствіе какой-то исторіи. Оба брата были очень молоды. Ихъ квартира служила какъ бы станціей для всѣхъ народниковъ, направлявшихся на Волгу или возвращавшихся съ низу.

Не знаю, по какимъ соображеніямъ и къ кому собственно были первоначально „вовлечены“ эти какъ будто и симпатичные, но со всѣмъ мало развитые и далеко не сознательные юноши. Я даже не увѣренъ въ томъ, что привлеченіе ихъ къ „практикѣ“ нашего дѣла не произошло какъ-нибудь само собой, неумышленно и „по инерціи“. Возможно, что одинъ кто-нибудь, случайно, только разъ переночевалъ у нихъ, да въ порывѣ откровенности разсказалъ всю правду—кто онъ и куда идетъ... Другой, по примѣру перваго, тоже соблазнился для временнаго прїюта укромно расположеннымъ домикомъ и тоже не сдерживалъ языка передъ такими хорошими парнями. А потомъ нагрянула уже цѣлая компанія, да—такъ оно и пошло. Въ мое время братья Серебровскіе уже считались какъ бы „своими“: знали многое и многихъ, оказывали посильное содѣйствіе въ разныхъ мелкихъ заботахъ по части „снаряженія“... Въ это время показалось бы уже и неловкимъ, даже несправедливымъ особенно какъ-нибудь секретничать передъ ними. Послѣдствія не оправдали нашей довѣрчивости: Серебровскіе, попавъ въ тюрьму, оказались слабыми, стали давать откровенныя показанія. Конечно, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы были *сами виноваты*: не надо было довѣрять своихъ тайнъ мало знакомымъ, мало сознательнымъ и вовсе не испытаннымъ юношамъ.

Но этотъ „провалъ“ случился гораздо позже—въ августѣ; а, пока что, меня ждала здѣсь большая радость—встрѣча съ двумя то-

варищами—петербургскими „артиллеристами“. Это были—Усачевъ и Боинъ, выбравше себѣ для „рекогносцировки“ Костромскую губернію. Въ силу какихъ-то комбинацій они очутились временно въ Нижнемъ. Мы рассказывали другъ другу подробности о своихъ „походахъ“, дѣлились результатами путевого опыта, вѣстями о друзьяхъ и общихъ знакомыхъ. О третьей парѣ тоже были свѣжія извѣстія. Одинъ изъ „артиллеристовъ“ этой пары, почему-то разлучившейся,—Николай Тепловъ успѣлъ побывать въ извѣстномъ своими металлическими издѣліями селѣ Павловѣ на Окѣ. Тамъ еще до его появленія существовала пропаганда, и нижегородскіе товарищи много говорили объ удачныхъ ея результатахъ,—о переходѣ въ социализмъ двухъ самостоятельныхъ хозяевъ-кустарей. Меня это очень заинтересовало, и, притомъ, возникала нѣкоторая надежда найти въ Павловѣ работу. Поэтому я, не долго думая, отправился туда на пароходѣ по Окѣ. Благопріятныя свѣдѣнія въ общемъ вполнѣ подтвердились. Одинъ изъ обращенныхъ, Николай Алексѣвичъ Л—въ оказался главой семьи, состоявшей, кромѣ его жены, изъ младшихъ братьевъ (если не ошибаюсь, трехъ) и сестры.

Вслѣдъ за «большакомъ» и вся семья стала придерживаться его новыхъ вѣрованій... Этотъ интересный случай напоминалъ явленія прозелитизма въ мірѣ сектантовъ, между прочимъ той же Нижегородской губерніи. Кажется, я читалъ гдѣ-то, что тамъ, когда «хозяинъ» въ своихъ исканіяхъ «лучшей» вѣры, окончательно останавливаетъ свой выборъ на какой-нибудь сектѣ, то вмѣстѣ съ нимъ и вся его семья, отъ мала до велика, переходитъ изъ какихъ-нибудь, скажемъ безпоповцевъ, въ другое согласіе, напримѣръ въ бѣгуны. Семья Л—хъ давно лишилась отца и «домохозяиномъ» въ смыслѣ сельской тягловой единицы, обладавшимъ и правомъ голоса на сходѣ, былъ старшій братъ, именно Николай Алексѣвичъ. Это былъ очень развитой и дѣльный мастеровой-кустарь, много читавшій и сдумывшій пріобрѣсти вліяніе, благодаря своей честности — серьезной настойчивости въ мірскихъ дѣлахъ на многихъ своихъ односельчанъ ¹⁾.

Онъ былъ однимъ изъ выборныхъ не то членовъ правленія, не то ревизіонной комиссіи «Складочной Артели» павловскихъ кустарей, которая была основана тамъ стараніями «постепеновца» и поборника артельного начала инженеръ-технолога Зернова. Хотя самъ основатель артели (и ссудо-сберегательнаго товарищества) былъ вполнѣ умѣреннаго образа мыслей, но нѣкоторые его сотрудники ²⁾ оказались настолько «красными», что въ Павловѣ, по ихъ инициативѣ, завелась настоящая пропаганда. Въ составъ выборныхъ складочной артели, естественно, попадали болѣе развитые, болѣе сознательные элементы и они же, понятно, преимущественно интересовали и пропагандистовъ,

¹⁾ Общество села Павлова знаменито легальной борьбой въ его нѣдрахъ между простыми кустарями и богатыми-скупщиками, юридически такими же крестьянами, членами того же схода. — Дальнѣе статья г. П. Биборкина о селѣ Павловѣ и о «Складочной Артели» кустарей подъ заглавіемъ „Русскій Шеффилдъ“ печатались, если не ошибаюсь, въ „Отечеств. Запискахъ“.

²⁾ Можетъ быть, только одинъ сотрудникъ-секретарь артели Александровскій (см. ниже).

да и сами оказывались болѣе воспримчивыми въ отношеніи проповѣди революціонныхъ идей. Поэтому и оказалась возможной вербовка адептовъ революціоннаго социализма изъ состава правленія такого умѣренно-прогрессивнаго учрежденія, какъ павловская складочная артель. Семья Л — выхъ приняла меня очень радушно, и я поселился первоначально у нихъ въ домѣ. У нихъ дѣлались исключительно одного типа и размѣра висячіе замки, такъ называемые «тульскіе» (съ винтовыми ключами). Работа производилась кустарнымъ способомъ однонедѣльными партіями. Умѣя владѣть слесарными инструментами, я могъ добросовѣстно исполнять свою часть не весьма хитрой работы и проработалъ, кажется, недѣли двѣ въ этой превосходной русской семьѣ, въ которой я не замѣтилъ проявленій патріархальнаго деспотизма. Все въ ней дѣлалось дружно, съ общаго совѣта и согласія. Но, конечно, я смотрѣлъ на свое проживаніе у нихъ, какъ на временное. Они были уже «наши» и мнѣ, поэтому, какъ пропагандисту, у нихъ нечего было дѣлать. Между тѣмъ, на самую работу сходило очень много времени (я не хотѣлъ отставать отъ нихъ), и совсѣмъ не оказывалось досуга ни для ознакомленія и сближенія съ мѣстными жителями, ни вообще для какого бы то ни было *своего* дѣла, помимо работы ради хлѣба. Поэтому, какъ только представился случай, оставаясь въ томъ же селѣ, перейти на другую работу, я не преминулъ имъ воспользоваться. Именно, оказалось возможнымъ, опираясь на рекомендацію Л—ва, не являясь уже, стало быть, совершенно чужимъ, невѣдомо откуда взявшимся «прохожимъ», поступить въ артель плотниковъ. Я не умѣлъ плотничать, но это не было непреодолимымъ препятствіемъ: при рекомендаціи можно было поступить ученикомъ. Я такъ и сдѣлалъ. Артель, въ которую я попалъ, состояла сплошь изъ малоземельныхъ крестьянъ Кологривскаго уѣзда, Костромской губерніи, занимавшихся плотничной работой, какъ постояннымъ отхожимъ промысломъ. Ихъ было тутъ человѣкъ 12—15, все больше изъ одной деревни съ подрядчикомъ,—такимъ же, какъ и они, прирожденнымъ плотникомъ, но уже не работавшимъ. Никакого «артельнаго начала» не было и въ поминѣ въ ихъ отношеніяхъ между собой и къ подрядчику. Всѣ были просто наняты имъ, кто помѣсячно, а больше «въ лѣто», и наняты, конечно, еще съ зимы и, стало быть, дешево. Мнѣ было назначено «жалованіе» еще дешевле, какъ неумѣлому и очень молодому. Я, дѣйствительно, могъ имѣть притязаніе только на самый невысокій рангъ въ ихъ іерархіи, именно, я попалъ въ строгаля. Такъ они называютъ своихъ подростковъ учениковъ, которые исполняютъ почти исключительно одну работу: строгаютъ доски. Послѣ я постепенно переходилъ и на другія работы, но вначалѣ надо было строгать доски, столбы или брусья все больше вдвоемъ съ Яшкой, парнемъ лѣтъ 17 ти, который хвасталъ, что-де нынѣшней зимой его «безпремѣнно женять». Это былъ развеселый малый, все время болтавшій, воспроизводившій шаблонные, общеизвѣстные въ народѣ, но для меня свѣжіе и новые деревенскіе анекдоты и прибаутки... Я не только учился съ нимъ строгать, но имѣлъ въ его лицѣ и практическаго преподавателя прекраснаго народнаго великорусскаго языка,—лучше сказать, кологривскаго его отгѣнка. Такъ исполнилось,

наконецъ, мое завѣтное желаніе выдержать «экзаменъ» по «ручному труду». Я съ этими плотниками проработалъ конецъ весны и половину лѣта и хорошо втянулся и въ работу и вообще въ это спартанское существованіе. Вмѣстѣ съ ними меня будилъ утромъ еще «до солнышка» нарочно для этого назначенный специалистъ изъ болѣе покорныхъ подрядчику ребятъ; вмѣстѣ съ ними я безъ конца жарился на солнцѣ, работая часовъ до 8-ми вечера; вмѣстѣ съ ними ѣлъ (впроголодь) изъ общей миски не особенно здоровую хозяйскую стряпню. А въ «ригоризмѣ» личнаго существованія я, кажется, и ихъ превзошелъ, все оттого, что не хотѣлъ отъ нихъ отстать. Такъ, для спанья я купилъ себѣ на базарѣ рогожку (бывшую уже въ употребленіи) и клалъ ее на досчатая нары. Ветхая мочала скоро протерлась насквозь, и приходилось спать уже на голыхъ доскахъ; но долго еще и послѣ этого не отдавалъ себѣ отчета въ причинахъ не совсѣмъ спокойнаго сна... Не принималъ я только участія, по молодости, въ ихъ выпивкахъ по воскреснымъ днямъ... и по понедѣльникамъ, да въ той ругани, которою угощали они—по-за глаза и въ глаза—міроѣда-подрядчика за то, что онъ, скарედъ кормилъ насъ въ мясоѣдъ «сѣрыми щами» съ протухлой и какой-то особенно скверной убоиной, а въ долгій въ то лѣто постъ-петровки скупился давать сколько слѣдовало коноплянаго масла къ ежедневной нашей пищѣ въ обѣдъ — пшонной кашѣ. Обрядъ вливанія въ кашу этого прогорклaго масла онъ совершалъ почти всегда самолично. За обѣдомъ было принято ежедневно зубоскалить по поводу постоянныхъ обѣщаній подрядчика купить сазанины къ постнымъ щамъ, которой онъ регулярнѣйшимъ образомъ не покупалъ все время. Зачастую легкое зубоскальство переходило въ форменную перебранку «ребятъ» съ подрядчикомъ и меня въ этихъ случаяхъ изумляло равенство,—полная такъ сказать «равноправность» въ брани, свято признаваемая обѣими сторонами. Наблюдаемая особи, видимо, находились еще въ той стадіи «развитія гражданственности», когда еще не выработалось представление о *неравнaхъ* между собой по достоинству работниковъ и хозяинѣ. Только уже на одной изъ дальнѣйшихъ ступеней дифференціаціи (если можно такъ выразиться), работникъ, почесывая затылокъ, начинаетъ соображать, что его дѣло—помалкивать, когда хозяинъ «лается». Здѣсь еще лаялись *обоюдно* земляки, лишь случайно попавшіе въ положеніе работниковъ и нанимателя и — надо имъ отдать справедливость—лаялись очень хорошо...

Кологривцы—плотники очень рѣзко отличались и одеждой и всѣмъ обличеніемъ, а также и выговоромъ, отъ мѣстныхъ жителей—павловскихъ замочниковъ и находились въ открытомъ съ ними антагонизмѣ. Тѣ, бывало, какъ только завидятъ насъ (послѣ двухъ-трехъ недѣль работы, я почти пересталъ отличаться внѣшнимъ образомъ отъ строгалей-подростковъ артели), сейчасъ и кричатъ: «галка, галка!.. семьсотъ на рябинѣ проѣлъ». Это была стереотипная фраза, и ею насъ всегда дразнили, выкрикивая ее во все горло, даже съ далекаго разстоянія. *Галками* кологривцевъ дразнили, не отличая ихъ отъ ихъ сосѣдей изъ Галицкаго уѣзда той же Костромской губерніи, откуда приходитъ на Оку много плотниковъ. Но зачѣмъ приплетали

тутъ рябину и еще «семьсотъ» (рублей?), я не могъ узнать. Нашихъ плотниковъ эти насмѣшки очень бѣсили, и почти всегда кто-нибудь изъ нихъ отвѣчалъ павловцамъ также одной и тою же опредѣленной фразой, которую я очень хорошо помню, но отъ воспроизведенія которой здѣсь долженъ отказаться, по безусловной ея непечатности. Павловцы «чище» одѣвались, старались устроить свою домашнюю обстановку нѣсколько лучше по сравненію съ «галками» и вообще считали себя болѣе близкими къ горожанамъ, аттестуя плотниковъ «сѣрыми». За ихъ нескрываемое презрѣніе плотники платили имъ столь же искреннею ненавистью. Жизнь въ артели плотниковъ представляла для меня большой практической интересъ вначалѣ, пока дѣло шло о трудовомъ «экзаментѣ» и о моей, такъ сказать, акклиматизаціи въ рабочей средѣ, о приобрѣтеніи надлежащей внѣшности, умѣнія выражаться по-ихнему, и т. п. Но всѣ эти цѣли были болѣе или менѣе достигнуты довольно скоро, такъ же, какъ и нѣкоторое умѣніе владѣть топоромъ ¹⁾.

Къ серединѣ лѣта интересъ моего самовоспитанія, интересъ, такъ сказать, наружной выправки или приобрѣтенія «хорошихъ манеръ», (которое, надо сознаться, давалось мнѣ безъ всякаго труда), шелъ уже на убыль. А въ возможности идейнаго вліянія на этихъ плотниковъ въ желательномъ направленіи я совершенно разочаровался послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ разговориться „по душѣ“ съ болѣе толковыми изъ нихъ. Въ этихъ случаяхъ я начиналъ съ разспросовъ о ихъ деревнѣ, нуждѣ, о томъ, какъ у нихъ себя ведетъ начальство, и затѣмъ уже переходилъ къ своимъ заключеніямъ и обобщеніямъ. Но тутъ я наткался всякій разъ почти на одно и то же возраженіе: соглашавшійся съ моими послылками кологривецъ дѣлалъ изъ нихъ *свой* выводъ или подводилъ свой итогъ, а именно, утверждалъ, что сами они, деревенскіе, во всемъ виноваты... По этому воззрѣнію имъ приходится терпѣть нужду, обиды и скверное обращеніе, собственно, потому, что они сами всѣ поголовно *пьяницы и забыли Бога*. Не помню, за давностью, находилъ-ли я аргументы, пригодные для того, чтобы доказать имъ, что «слѣдствіе» въ данномъ случаѣ принималось за «причину», или пытался ослабить въ нихъ этотъ пессимизмъ какъ-нибудь иначе... Но остается фактъ, что я никакъ *не могъ* сбить моихъ собесѣдниковъ съ ихъ позиціи. Замѣтивъ свое безсиліе перубѣдить ихъ, я конфузился, но кстати вспоминалъ, что у меня еще не пробились усы, и прекращалъ разговоръ о политикѣ. Приходится пояснить въ скобкахъ, что я былъ очень застѣнчивъ. Мои попытки разговориться имѣли скорѣе характеръ неувѣренныхъ вопросовъ, и въ нихъ отнюдь не было претензіи «учить старшихъ себя». Подчеркивая еще въ Петербургѣ, въ разговорахъ съ товарищами, свою рѣ-

¹⁾ Именно, только нѣкоторое: я научился хорошо отесывать „по шнурку и по чертѣ“ крошки *досокъ* (напримѣръ, для половъ) и свосно—большія плоскости столбовъ или брусьевъ. Но впередъ оставались еще цѣлыя области искусства—закрытыми для меня. Даже и при методическомъ обученіи трудно было бы хорошо пройти за одно лѣто всѣ приемы; мнѣ же частенько, особенно въ началѣ, была дадена работа вовсе не плотничная: копать ямки для столбовъ (огораживали достаточный наборомъ какую-то большую усадьбу).

шимость «учиться у народа», а не наоборот, я здѣсь, на практикѣ, безусловно пересаливалъ въ скромности. Я, напримѣръ, умышленно скрывалъ отъ плотниковъ («до болѣе удобнаго времени», какъ я думалъ про себя) какое либо свое «ученіе книжное» (или школьное выше простой грамотности). Этимъ я безъ всякаго умысла достигъ того, что отношеніе товарищей—плотниковъ ко мнѣ—ученику «строгалю» все время продолжало оставаться доброжелательно-покровительственнымъ, не переходя все-таки въ отношеніе сверху внизъ, потому что уже и грамотность моя плюсъ знаніе «счета» давало мнѣ право на уваженіе среди нихъ, «на голо» неграмотныхъ. Братья Л—вы, съ которыми я дѣлился своимъ горемъ по поводу неумѣнія моего вести пропаганду среди плотниковъ, хорошо знали этотъ элементъ и насколько не удивлялись бесплодности моихъ попытокъ. Уже къ концу іюня я пришелъ къ заключенію, что мнѣ незачѣмъ оставаться въ павловской артели плотниковъ. Отъ нихъ же я слышалъ, что такіе же «галки» работаютъ и въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, но что тамъ составъ артелей менѣе однородный—попадаютъ плотники и изъ другихъ губерній. Я могъ думать, что авось мнѣ посчастливится сойтись тамъ съ болѣе подходящими людьми. Постепенно созрѣвавшее намѣреніе перебраться въ Нижний превратилось въ окончательное рѣшеніе, когда пришло изъ Петербурга шифрованное письмо, въ которомъ говорилось о многочисленныхъ арестахъ нашихъ народниковъ. Въ городѣ я удобнѣ могъ бы получать вѣсти о судьбѣ товарищей. Но тутъ вставала передъ мной не совсѣмъ легкая задача: сообщить подрядчику о своемъ намѣреніи его бросить. Я предвидѣлъ, что онъ не особенно охотно возвратитъ мнѣ паспортъ, потому что моя скромная личность лучше другого «путнаго» плотника служила къ приумноженію его наживы. Мнѣ онъ платилъ что-то невѣроятно дешево, а съ домовладѣльцевъ, у которыхъ велъ постройки, получалъ и за меня поденно какъ за настоящаго, вполне компетентнаго человѣка. Такъ и вышло.

Когда я, въ ближайшее воскресенье, сталъ говорить о своемъ намѣреніи «ребятамъ» и подрядчику, объясняя, какъ умѣлъ, что мнѣ, какъ начинающему ремесленнику будетъ «лестно» поработать еще и на Нижегородской ярмаркѣ, гдѣ я могу усовершенствоваться въ мастерствѣ—мнѣ пришлось выслушать цѣлую проповѣдь. Исправно морившій насъ голодомъ подрядчикъ, какъ оказывалось, принималъ близко къ сердцу мою дальнѣйшую судьбу (считая меня, почему то, даже сиротой) и опасался, что въ городѣ я, совсѣмъ молодой парень, могу избаловаться и вовсе пропаду... Потомъ, когда онъ увидѣлъ, что я не поддаюсь никакимъ самымъ убѣдительнымъ доводамъ, онъ окончательно разсердился и сталъ осыпать меня приблизительно такими упреками въ неблагодарности:

— Вѣдь, ты какимъ къ намъ пришелъ? Дуракъ-дуракомъ!.. Вовсе и говорить-то не умѣлъ по нашему, все равно какъ тотъ изъ Зырянъ, коего нонисъ этакъ же принялъ на работу...

— Болванъ ты былъ, необтесанный,—вотъ кто!.. Мы же тебя... *образовали*, человѣкомъ сдѣлали... большое-то съ тебя обтесали... Теперь вотъ ты куда хошь... И стало быть хпримѣру, за наше, за доброе...

И такъ далѣе...

Онъ на-отрѣзъ отказывалъ мнѣ въ выдачѣ расчета и паспорта, не подозрѣвая, конечно, того, въ какой восторгъ меня приводилъ и какими надеждами окрылялъ этотъ при всемъ честномъ народѣ выдаваемый мнѣ, хоть и съ бранью, атестатъ плотницкой зрѣлости. Только вмѣшательству одного изъ болѣе самостоятельныхъ плотниковъ, не пропускавшаго вообще случая сцѣпиться съ «лысымъ скаредомъ», я обязанъ болѣе или менѣе мирнымъ окончаніемъ этой исторіи. Я забралъ свое имущество и ушелъ ночевать къ Л—вымъ, чтобы на слѣдующее утро сѣсть на пароходъ и плыть обратно въ Нижній. Плотники простились со мной довольно сердечно. Оказалось, что, дѣля со мною ежедневно суровый трудъ и скудный харчъ, нѣкоторые изъ нихъ даже немножко ко мнѣ привязались, хотя мнѣ и не удалось ничемъ скрасить ихъ грубо-матеріальное существованіе.

Бѣдные темные люди.—Авось, теперь-то ужъ они или дѣти ихъ прозрѣли въ своихъ унженскихъ лѣсахъ...

Плотницкая карьера моя въ губернскомъ городѣ не представляетъ особеннаго интереса. Явившись прямо съ парохода на биржу плотниковъ-поденщиковъ въ «домагканыхъ» dospѣхахъ настоящаго колодрина, которые я предусмотрительно вымѣнялъ себѣ въ Павловѣ на свое болѣе космополитическое ситцевое одѣяніе, вооруженный топоромъ, пилой и «двоеручнымъ» стругомъ, съ кускомъ мѣлу и шнуромъ въ лыковомъ пестерѣ, надѣтомъ на плечо, я имѣлъ «внѣшній» успѣхъ на рынкѣ труда. Какой-то подрядчикъ, спросивъ, для того только, чтобы сбавить мнѣ цѣну, умѣю ли я настилать полы и «дѣлать окошки» (ему такого искусника вовсе не требовалось), нанялъ меня, послѣ моего отрицательнаго отвѣта, по семьдесятъ копѣекъ въ день. Всего я проработалъ на ярмаркѣ у разныхъ подрядчиковъ, должно быть, съ мѣсяцъ. Всѣ принимали меня за настоящаго «галку». Но товарищи по работѣ мѣнялись такъ же часто, какъ и наниматели, и до настоящей пропаганды и тутъ дѣло не дошло. Какъ-то пришлось работать съ однимъ силачемъ галкой, съ Ветлуги, который могъ шутя ворочать тяжелыя бревна. Чтобы, напримѣръ, поднять на верхъ стѣны бревно, онъ однимъ концомъ—именно толстымъ клалъ его себѣ на правое плечо; самъ онъ затѣмъ постепенно передвигался, приподымая бревно руками, съ такимъ расчетомъ, чтобы плечо пришлось уже на нѣкоторомъ разстояніи отъ поднятаго конца бревна. Послѣ этого онъ немного присѣдалъ подъ тяжестью *комля*, твердо упирался обѣими руками въ колѣни, и, весь красный отъ напряженія, говорилъ мнѣ глухимъ голосомъ, нѣсколько въ носъ:

— Чапай!

Это значитъ, что я долженъ, повиснувъ на концѣ бревна всею тяжестью своего тѣла, наклонить этотъ конецъ (комель) къ землѣ. Тогда другой, болѣе тонкій конецъ бревна-рычага поднимался до высоты стѣны и ложился на нее. А плотникъ-атлетъ, превращаясь изъ живой «точки опоры» рычага снова въ «дѣйствующую силу», двигалъ бревно навверхъ уже окончательно. Этотъ добродушный силачъ пока-

зался было мнѣ какъ будто болѣе отзывчивымъ; но, кажется, сила пониманія и мозговая энергія вообще была ему отпущена природой въ количествѣ обратно пропорціональномъ его мускульной силѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не могъ, при всемъ стараніи, ни путемъ втолковывать ему что либо, ни вызвать у него сколько нибудь замѣтное «шевеленіе» интеллекта. По воскреснымъ днямъ я приходилъ къ Серебровскимъ и познакомился у нихъ съ бывшими нижегородскими семинаристами изъ коихъ назову Цвѣткова и Александровскаго. Я не имѣлъ случая особенно съ ними сблизиться, но успѣлъ ихъ узнать настолько хорошо, чтобы убѣдиться, что оба они были хорошіе, душевные товарищи. Оба они сдѣлались жертвами уже грозившаго Нижегородской группѣ, какъ Дамокловъ мечъ разгрома. Арестованные оба впоследствии умерли въ тюрьмѣ.

Руководителя нижегородскаго кружка Александра Ивановича Ливанова, съ которымъ пришлось познакомиться еще до поѣздки въ село Павлово, я, насколько могу припомнить, уже не засталъ въ Нижнемъ, когда вернулся туда (Возможно, впрочемъ, что мнѣ измѣняетъ здѣсь память) Не знаю, ходилъ ли онъ въ это время въ народъ, или убѣждалъ на родину. Его судили съ нами по процессу 193 хъ, но ничего о судьбѣ его—въ ссылкѣ и живъ ли онъ теперь—я не знаю.

Александровскому приходилось уже скрываться: его розыскивали жандармы, какъ замѣшаннаго въ пропагандѣ въ селѣ Павловѣ. Въ половинѣ августа возвратился съ Волги нѣкто Милоглазкинъ, которому непременно нужно было скорѣе пробраться въ Петербургъ.

Подъ вліяніемъ скверныхъ слуховъ, слагавшихся въ еще болѣе скверныя предчувствія, и мнѣ захотѣлось взглянуть, что дѣлается въ средѣ интеллигенціи. Не вернуться совсѣмъ туда, нѣтъ,—такой измѣны «обѣту» я не замышлялъ,—а только попытаться разузнать подробнѣе объ арестахъ и вообще о положеніи дѣлъ... Насъ собралось такимъ образомъ трое попутчиковъ до Москвы: Милоглазкинъ, Александровскій и я. Было рѣшено ѣхать на этотъ разъ не въ крестьянскомъ образѣ, а подъ видомъ уволенныхъ семинаристовъ. Этого требовали предстоявшія въ Москвѣ розыски по студенческимъ квартирамъ уцѣлѣвшихъ товарищей и, съ другой стороны, также имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи искусственные виды на жительство.

Извернуться въ Москвѣ въ день прибытія туда оказалось не легкимъ дѣломъ. Два-три старыхъ адреса, которыми мы только и располагали, едва не привели насъ прямо къ генералу Воейкову въ жандармское управленіе. Не знаю, куда пришлось бы кинуться въ мало знакомомъ городѣ безъ адресовъ, почти безъ денегъ, еслибъ, совершенно случайно, не втрѣтился намъ на одномъ изъ бульваровъ Саблинъ, который хорошо зналъ меня съ весны. При его содѣйствіи удалось увидѣться еще кое съ кѣмъ изъ товарищей и завести новыя полезныя знакомства. Но свиданія были не радостныя: многихъ, очень многихъ, и между ними огромное большинство принадлежавшихъ къ «старымъ» организациямъ уже упрятали тогда по тюрьмамъ. Уцѣлѣвшіе пытались подводить итоги сдѣланному, достигнутому; но, оче-

видно, для итоговъ не наступило еще время: къ яснымъ, опредѣленнымъ выводамъ о результатахъ «рекогносцировокъ», къ такимъ выводамъ, которые годились бы, какъ матеріалъ для отвѣта на вопросъ: «что же дальше?»—никто не могъ прийти. Наши многочисленныя потери чувствовались во всемъ. Изъятіе многихъ испытанныхъ, закаленныхъ въ борьбѣ товарищей не только подавляло нравственно; ихъ отсутствіе было очень замѣтно и «въ совѣтѣ». Понравилось мнѣ высказанное въ разговорѣ однимъ изъ уцѣлѣвшихъ «стариковъ» мнѣніе, что слѣдовало бы всѣми наличными силами народничества занять одинъ избранный районъ, напримѣръ, Поволжье или Уральскую горнозаводскую область, гдѣ и разселиться такъ, «чтобы была возможность легко сноситься между собою». Заблаговременно каждый долженъ былъ приобрѣтать себѣ «какое-либо ремесло или опредѣленное занятіе», при помощи которыхъ было бы возможно «твердо укрѣпиться каждому на своемъ мѣстѣ». Предполагалось, что «такимъ образомъ весь этотъ районъ въ теченіе одного или двухъ лѣтъ» можно будетъ «довести до значительнаго градуса революціонности и потомъ изъ него черпать силы для другихъ мѣстностей» ¹⁾.

Но какъ собрать и объединить разбросанныя единицы и какъ, на основаніи какихъ данныхъ рѣшить, гдѣ именно произвести первый опытъ? Вообще это была еще только мечта, не успѣвшая вылиться въ конкретный планъ. Проектировавшійся вначалѣ осенній сѣздъ едва ли могъ состояться въ самый разгаръ жандармской травли. А самыя эти преслѣдованія возлагали на уцѣлѣвшихъ спеціальныя задачи чисто практическаго свойства. На разныя «текущія» дѣла и хлопоты надо было тратить значительную долю наличной энергіи. Около этого времени, т. е. въ августѣ 1875 г. я познакомился въ Москвѣ съ Крыловымъ, Львомъ Ивановымъ, Млодецкимъ, сестрами Панютиными, Союзовымъ, Орловымъ («борода»), Волгинымъ и др.

Желая временно удалиться за границу сильно скомпрометированнаго въ селѣ Павловѣ Александровскаго, я поѣхалъ въ Петербургъ. Но хлопоты эти пришлось бросить, не доведя до конца: пока я ѣздилъ въ Петербургъ, арестовали въ Москвѣ Александровскаго на общей его и моей квартирѣ въ Большомъ Козацкомъ переулкѣ, и причиной ареста былъ провалъ «станціи» братьевъ Серебровскихъ въ Нижнемѣ, случившійся 17 августа, т. е. на другой день послѣ нашего отъѣзда оттуда. Мы вращались, мы дышали и жили въ атмосферѣ травли; насъ все время преслѣдовали теперь по пятамъ. Если одинъ нашъ шагъ случайно избавлялъ насъ отъ неминуемаго ареста, то слѣдующій приводилъ непосредственно или приближалъ къ нему. И попутчика нашего Милоглазкина арестовали также въ одинъ и тотъ же день съ Александровскимъ. Но эти два ареста — въ разныхъ концахъ Москвы — не находились въ связи между собою. Милоглазкинъ попалъ «самостоятельно» въ какую-то ловушку.

Я не былъ арестованъ тогда же съ Александровскимъ только потому, что успѣлъ уже выѣхать по его дѣлу въ Петербургъ; съ

¹⁾ Это былъ зародышъ осуществлявшейся впоследствии программы поселенцевъ-народниковъ.

другой стороны, самый провалъ нашей московской квартиры навлекло мое письмо, захваченное въ Нижнемъ у Крылова, который отправился изъ Москвы на Волгу и, не зная объ арестѣ Серебровскихъ, явился вмѣстѣ съ Цвѣтковымъ, тоже ничего не знавшимъ, въ ихъ квартиру, имѣя при себѣ мое письмо. Въ квартирѣ Серебровскихъ въ Нижнемъ засѣвшею тамъ полиціей была устроена ловушка, и въ нее попали Крыловъ и Цвѣтковъ. Крыловымъ при арестѣ была сдѣлана попытка уничтожить мое письмо, написанное довольно откровенно именно въ виду того, что оно посылалось не почтой, а со своимъ — вѣрнымъ, надежнымъ человѣкомъ. Эта попытка не удалась ему: письмо, сильно измятое, попало въ руки жандармовъ и было мнѣ потомъ «предъявлено» на дознаніи.

Въ Петербургѣ царило тогда очень унылое настроеніе, и не являлось ни малѣйшаго желанія задерживаться тамъ на сколько-нибудь продолжительное время. Я добылъ себѣ адресъ одного деревенскаго кузнеца, съ помощью котораго надѣялся пристроиться въ Тверской губерніи въ селѣ, гдѣ онъ проживалъ. Но явившись уже въ самое село, я только тамъ узналъ, что кузнеца этого какъ разъ передъ тѣмъ «увезли въ острогъ». Я едва могъ убраться оттуда—былъ опять на волосокъ отъ ареста.

Приходилось опять рѣшать вопросъ, куда направиться, за что взяться. Прежняя ходьба по дорогамъ безъ опредѣленнаго пристанища, безъ операціонной *базы* уже не прельщала, и какой-то инстинктъ толкалъ туда, гдѣ, казалось, будетъ больше шансовъ хоть со временемъ подобрать товарищей, чтобы вмѣстѣ съ ними послѣ попытаться разработать какой-нибудь новый проектъ общей инициативы. Я вернулся въ Москву, рѣшивъ искать «пристанища» въ самой Москвѣ и притомъ именно такъ, какъ дѣлаютъ это тѣ безработные, которымъ нужна работа сама по себѣ, ради хлѣба, помимо какихъ либо идейныхъ цѣлей. Да и не походилъ ли я и въ самомъ дѣлѣ на такого безработнаго? Вѣдь я чувствовалъ себя въ достаточной степени одинокимъ, нравственно беспомощнымъ, почти уже деморализованнымъ... Высадившись въ Москвѣ, я, взявъ на плечо свою небольшую котомку, побрелъ вслѣдъ за какими-то парнями, пріѣхавшими на заработки въ одномъ со мною поѣздѣ, и скоро очутился вмѣстѣ съ ними въ одной изъ „квартиръ“ для безработныхъ у Тверской заставы. Эта „квартира“ сильно напоминала своимъ бытомъ и обстановкой ту, гдѣ я проживалъ весною въ Нижнемъ Новгородѣ. Цѣна ночлега была пять копѣекъ. Но рѣзкую разницу составляли полицейскія облавы, около которыхъ почти всегда вертѣлся разговоръ въ московской квартирѣ, тогда какъ въ Нижнемъ объ облавахъ и обходахъ въ мое время ничего не было слышно. А здѣсь, у Тверской заставы одинъ такой обходъ случился и при мнѣ. Въ глухой полуночный часъ, когда вся публика спала, явились вдругъ городовые со своимъ участковымъ начальствомъ и стали поднимать съ постели по порядку каждаго ночлежника, не примѣняя, къ удивленію моему, какихъ либо особенно невѣжливыхъ пріемовъ. Но кажется безпаспортные

благополучно улизнули прежде, чѣмъ полиція успѣла занять оба выхода. Мой паспортъ былъ сдѣланъ вполне безукоризненно и не внушилъ полиціи подозрѣній. Гроза миновала. Систематическіе поиски работы увѣнчались успѣхомъ, хотя и не такъ-то скоро: я опредѣлился молотобойцемъ въ кузницу, гдѣ почти вся моя энергія истощивалась тяжелой работой на алчнаго и тупоумнаго мелкаго хозяина. Въѣсть со мной тамъ работали: пожилой кузнецъ Филиппъ и другой молодой. Какъ звали молодого, я не помню; но обоимъ имъ принадлежитъ извѣстная роль въ моей карьерѣ, потому что здѣсь началась, наконецъ, моя самостоятельная „пропаганда въ народѣ“. Но, увы, именно только началась, а продолженія не имѣла. Однажды въ воскресенье, не занятый работой въ кузницѣ, я бродилъ по городу одинъ и размышлялъ о томъ, какъ, съ которой стороны лучше подойти съ „политическимъ“ разговоромъ къ моимъ товарищамъ по работѣ въ кузницѣ. Гдѣ-то, кажется на Ильинкѣ, я остановился передъ значительной книжной выставкой. Машинально разсматривая обложки лубочныхъ изданій—преимущественно „божественныхъ“ листковъ, я вдругъ чуть не вскрикнулъ отъ радости, когда прочелъ заглавіе одной невзрачной желтой книжечки. На ея обложкѣ было напечатано: „Житіе святого Филиппа Митрополита Московскаго“—и я тотчасъ же и купилъ ее, кажется, за четыре копейки. Когда вечеромъ я сталъ читать вслухъ моимъ товарищамъ это вполне легальное и даже клерикальное «житіе», то оба они—и пожилой и молодой были прямо наэлектризованы его содержаніемъ. Потребовалось сдѣлать только незначительныя добавленія отъ себя, двѣ-три ссылки на другіе общеизвѣстные факты изъ исторіи Іоанна Грознаго, чтобы вызвать въ моихъ слушателяхъ настроеніе самаго энергичнаго протеста. Оно выразилось у молодого въ угрожающихъ восклицаніяхъ по адресу *царей вообще*. А Филиппъ, соименникъ святителя, замученнаго по приказу царя, такъ даже прослезился. Тогда я позволилъ себѣ уже настоящій пиръ словесный. Мы были совершенно одни въ своей убогой конурѣ, куда хозяинъ заглядывалъ только одинъ разъ въ сутки—утромъ, когда будилъ насъ на работу. Никто не могъ намъ помѣшать. Я имъ разсказалъ, между прочимъ, содержаніе другихъ двухъ книжекъ уже нелегальныхъ, именно „сказки о 4-хъ братьяхъ“ и „хитрой механики“, не показывая самыхъ книжекъ, которыхъ и не было со мной. Но я хорошо помнилъ ихъ содержаніе. Моя пропаганда была встрѣчена вполне сочувственно. Люди были, безусловно, возбуждены, они пылали негодованіемъ, и, какъ мнѣ казалось, и жадной мести. И если бы можно было тогда же перейти къ призыву взяться немедленно за оружіе, если бы повести ихъ куда нибудь *на дѣло*, напримѣръ, освобождать изъ рукъ палачей какого-нибудь замучиваемаго царскими слугами проповѣдника соціальнаго обновленія, они пошли бы за нами въ тотъ моментъ безъ колебаній... А я могъ „призывать“ ихъ только... къ *ожиданію* революціи въ болѣе или менѣе близкомъ *будущемъ*. Я не могъ сказать имъ съ гордостью, что насъ собралось уже много, что все необходимое заготовлено, что и имъ тоже, если они хотятъ, будутъ *хоть завтра* выданы винтовки и револьверы для непосредственной борьбы съ врагомъ народа. Не

могъ я также предложить имъ, какъ исполнимый и полезный планъ, связать Майорова (нашего хозяина), котораго они ненавидѣли какъ міроѣда, конечно, интенсивнѣе моего, и заняться ковкой въ „его“ кузницѣ копій и топоровъ для отряда повстанцевъ, выступающихъ на *дѣло*, положимъ, черезъ мѣсяцъ... Чѣмъ же, какимъ практическимъ „планомъ дѣйствій“ могъ я увлечь моихъ слушателей, тотчасъ же желавшихъ ставить вопросъ практически; куда я могъ звать ихъ? Никуда. Я могъ только сказать, что мы стараемся тайно при-согласить побольше надежныхъ товарищей, такихъ, которые не выдадутъ насъ полиціи и вообще не будутъ измѣнниками нашему дѣлу, и что съ ними мы станемъ въ тайнѣ готовиться къ общенародному возстанію, ожидая того часа, когда вся Россія будетъ покрыта сѣтью такихъ подпольныхъ кружковъ. Цѣлую недѣлю послѣ того воскресенья мы не разговаривали ни о чемъ особенномъ, хотя ночевали всѣ вмѣстѣ, въ томъ же помѣщеніи, какъ всегда. Слишкомъ тяжелый трудъ при скудномъ питаніи, рабочій день, болѣе чѣмъ въ два раза превышавшій нормальный 8-ми часовой, настолько притупляли всякую умственную энергію, что мы только по праздникамъ, до сыта выпавшись, какъ будто опять превращались въ людей. Въ слѣдующее воскресенье я повелъ дѣло съ каждымъ изъ моихъ товарищей порознь. И тутъ открылось, что Филиппъ, на котораго меньше рассчитывалъ, потому что онъ не такъ энергично реагировалъ тогда негодующими восклицаніями, „понимаетъ“ теперь все съ полу-слова и даже отъ себя иллюстрируетъ характерными примѣрами мои положенія. Съ Филиппомъ, словомъ, пропаганда пошла совсѣмъ-было на ладъ, такъ что и послѣ съ нимъ у насъ бывали встрѣчи и совѣщанія... Но молодой оказался совсѣмъ не въ такомъ настроеніи, какъ за недѣлю передъ тѣмъ, когда онъ гнѣвно кричалъ, что нынѣшнему царю ужъ не сошло бы даромъ то, что сходило Іоанну Грозному. Теперь онъ сидѣлъ въ задумчивости и почти не давалъ реплики на мои слова. Когда же я прямо спросилъ, что онъ сталъ-бы дѣлать, если бы случился бунтъ противъ начальства, или люди отказывались бы платить подати, то онъ высказался противъ бунтовъ.

Не совсѣмъ связано, но по своему послѣдовательно онъ развилъ передо мной свои убѣжденія, повидимому, крѣпко въ немъ сидѣвшія. Аргументація его сильно напоминала воззрѣніе кологривцевъ-плотниковъ въ селѣ Павловѣ, съ которыми я не могъ сладить лѣтомъ. Выходило, что надо терпѣть, все терпѣть, что Господь посылаетъ намъ за наши грѣхи. Говоря о грѣхахъ, онъ воодушевлялся, особенно налегая на пьянство и „распутство“ русскихъ вообще и москвичей въ особенности, и еще на приверженность „нашу“ къ скверному бранному слову, изобличаемую святымъ Іоанномъ Златоустомъ. Онъ приводилъ при этомъ въ примѣръ себя самого, тяжкаго, по его словамъ, грѣшника, и все повторялъ, что Богъ караетъ насъ за грѣхи, и что нельзя противиться божьей волѣ.

Я понялъ, что его надо оставить въ покоѣ.

Скоро мнѣ пришлось и разсчитаться: пріѣхалъ изъ деревни какой-то прежній работникъ, кажется, землякъ или родня хозяина, и онъ безъ церемоніи мнѣ отказалъ, а того принялъ. Я поселился въ

знакомой ночлежкѣ у Тверской заставы, гдѣ уже проживалъ прежде, не имѣя работы. Потомъ я перенесъ свою главную квартиру на Хитровъ рынокъ. Понадобилось, въ интересахъ „текущихъ дѣлъ“, завести тамъ сношенія со специалистами паспортнаго дѣла, которые впрочемъ, только „нагнули“ насъ на нѣсколько рублей, а дѣла не сдѣлали. Съ Филиппомъ я иногда встрѣчался въ трактирахъ, которые служатъ въ Москвѣ обычными мѣстами свиданій для всѣхъ сословій. А когда въ Москву пріѣхалъ Михаилъ Грачевскій, и я ближе сошелся съ этимъ превосходнымъ пропагандистомъ-народникомъ, сдѣлавшимся послѣ однимъ изъ видныхъ народовольцевъ, я и его познакомилъ съ Филиппомъ. Къ сожалѣнію, кромѣ безусловно радикальныхъ словесныхъ съ его стороны заявленій, ничего путнаго у насъ съ Филиппомъ такъ и не вышло. Онъ оказался человекомъ слабохарактернымъ. Открылась „слабость“ и къ алкоголю. Онъ у насъ спасовалъ въ рѣшительный моментъ, когда предстояло осуществить одинъ имъ же предложенный и далеко не опасный планъ. Дѣло шло о намѣреніи открыть собственную кузницу въ подмосковной деревнѣ Тушино—когда то резиденціи знаменитаго самозванца и Марины Мнишекъ. Тамъ крестьянское общество, дѣйствительно, сдавало въ аренду общественную кузницу, и я началъ было вести съ обществомъ переговоры, истратилъ даже что-то болѣе пяти рублей на угощеніе водкой тушинскаго міра. Филиппу предназначалась въ кузницѣ роль мастера-арендатора, а мнѣ его родственника и молотобойца. Но дѣло разстроилось потому, что Филиппъ отъ насъ сбѣжалъ: совсѣмъ пересталъ почему-то являться къ намъ на свиданіе, хотя наведенныя справки показали, что онъ былъ живъ и здоровъ. Въ свою очередь, въ виду выяснившихся не особенно цѣнныхъ его качествъ мы не стали добиваться возвращенія себѣ его симпатій.

Старанія найти работу не приводили ни къ чему, кромѣ напрасныхъ огорченій. Пришлось испытать на себѣ самомъ, что значитъ простаивать часами у воротъ какого-нибудь завода, видѣть возникающія и затѣмъ гаснущія надежды, вступать въ секретные переговоры съ «земляками», сулящими за косушку «придѣлать къ мѣсту» и затѣмъ убѣждаться, что это были одни посулы. Но зато теперь я не былъ уже такимъ одинокимъ, какъ въ моментъ возвращенія съ сѣвера. Въ Москвѣ были уже хорошіе товарищи, вполне солидарные со мной во взглядахъ на дѣло. вмѣстѣ съ упомянутымъ уже Грачевскимъ пріѣхалъ его пріятель Василій, распропагандированный въ Петербургѣ заводскій мастеровой, родомъ изъ Тверской губерніи. Почти въ это же время въ Москву вернулся изъ экскурсіи къ себѣ на родину мой пріятель Иванъ Осиповичъ Союзовъ, столяръ, крестьянинъ Московской губерніи. Я съ нимъ подружился вскорѣ по пріѣздѣ изъ Нижняго, а теперь мы сблизились еще больше. Союзовъ былъ очень серьезный революціонеръ изъ народа, одинъ изъ болѣе раннихъ представителей грядущей рабочей интеллигенціи. Мы стали часто собираться всѣ четверо и много толковали о болѣе систематической дѣятельности среди рабочаго народа, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, и о необходимости новой организаціи, которая замѣнила бы старые разгромленные кружки. Пріѣхали изъ Петербурга еще новыя

лица: смоленскій крестьянинъ-фабричный Петръ Алексѣевъ, уже проживавшій прежде и работавшій въ Москвѣ,—тотъ самый, который прославился потомъ своей рѣчью на судѣ, и грузины: Георгій Феликсовичъ Здановичъ и Иванъ Спиридоновичъ Джабадари. Спустя нѣкоторое время явился еще ихъ землякъ и товарищъ Михаилъ Николаевичъ Чекоидзе. Благодаря общимъ мнѣ и имъ старымъ петербургскимъ связямъ (напримѣръ, Кравчинскій имѣлъ сношенія съ кавказцами), между всѣми нами съ первыхъ же шаговъ могли установиться близкія, товарищескія отношенія. Мы всѣ, какъ оказалось, держались болѣе или менѣе однородной программы дѣятельности, и у насъ начались собранія для выработки условій, на которыхъ мы могли бы тѣснѣе съорганизоваться для совмѣстной работы. На первомъ такомъ засѣданіи, гдѣ-то въ Замоскворѣчьи, были, кромѣ Союзова, меня, Грачевскаго и Василя, уже проживавшихъ въ Москвѣ ко времени прибытія новыхъ товарищей, еще: Петръ Алексѣевъ и Здановичъ,—последній, кажется, уже какъ представитель группы «кавказцевъ». Что именно говорилось, трудно теперь припомнить; но я не забылъ овладѣвшаго нами тогда бодрого, приподнятаго и, быть можетъ, слишкомъ даже оптимистическаго настроенія. Видно, къ концу 1874 года мы, пережившіе большой разгромъ того памятнаго лѣта, уже начинали оправляться послѣ нанесенныхъ намъ жестокихъ ранъ, доказывая на дѣлѣ живучесть въ нашей средѣ не только революціоннаго настроенія вообще, но и въ частности «идеи организаціи». На этомъ первомъ и на слѣдующихъ собраніяхъ новаго кружка (на которыхъ присутствовалъ уже И. С. Джабадари и, кажется, также В. Г. Георгіевскій), было принято серьезное рѣшеніе. Мы столковались въ главномъ—признали необходимость приступить немедленно къ систематической агитаціи и пропагандѣ среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ, ставя на первый планъ упроченіе и развитіе той дѣловой организаціи, первую маленькую ячейку которой должны были составить мы сами. При этомъ заранѣе имѣлось въ виду, какъ только наша организація нѣсколько окрѣпнетъ въ Москвѣ, начать развѣтвлять ее, выдѣляя въ другія мѣстности группы, связанныя федеративно съ нами.

Послѣ оказалось, что въ это же самое время стремилась въ Россію изъ за границы сплоченная группа русскихъ студентокъ (кружокъ «Фричъ»). Этотъ исключительно женскій кружокъ еще тамъ, въ Швейцаріи, рѣшилъ, что всѣ его члены пойдутъ «въ народъ», будутъ работать на фабрикахъ и гдѣ придется и займутся въ то же время соціально-революціонной пропагандой. Подобно тому, какъ *въ началѣ* года молодежь русскихъ учебныхъ заведеній бросала школьную скамью и отиравалась въ народъ, будучи не въ силахъ сдерживать въ себѣ болѣе осуществленіе этого порыва, такъ и теперь, въ концѣ этого же 1874 года является воодушевленный жаждой подвига отрядъ изъ «резерва» на пополненіе порѣдѣвшихъ рядовъ. Когда двѣ или три представительницы женскаго кружка уже были въ Москвѣ, наши Кавказцы, знакомые съ ними еще по Цюриху и Женевѣ, сообщили намъ въ общихъ чертахъ о ихъ намѣреніяхъ. Въ составъ кружка входили: Варвара Александрова, Софья Бардина, Бетя Каминская, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Евгенія, Марія и Надежда Субботины, Анна Топоркова,

Лидія Фигнеръ, Александра Хоржевская, Вѣра Шатилова и др. Кружокъ былъ вполне организованъ. У него была своя дисциплина, свои даже строгости; но, главное, онъ обладалъ большимъ единодушіемъ въ неукротимомъ стремленіи работать беззавѣтно—на пользу русскаго народа ¹⁾.

Не помню, въ какой именно послѣдовательности появлялись въ Москвѣ одна за другою перечисленныя студентки. Но изъ первыхъ были Вѣра Любатовичъ и Бетя Каминская. Онѣ-то и приняли участие въ работахъ «комиссіи», которая выработала проектъ тѣхъ *условій*, на какихъ мы могли *составить съ ними вѣсть единую дѣловую организацію*. Делегатами въ этой комиссіи отъ нашего «Московского кружка» были: Джабадари, Чекоидзе и я. Здановича уже не было въ Москвѣ: на него была возложена кружкомъ специальная миссія за границу—устроить путь для контрабанднаго ввоза въ Россію нелегальныхъ изданій, а Грачевскій былъ уже арестованъ. Наша «Комиссія» собиралась нѣсколько разъ. Изъ-за нѣкоторыхъ статей соглашения возникли очень оживленные дебаты, такъ какъ по многимъ вопросамъ предстоявшей практики взгляды наши—«московскіе» съ одной стороны и ихъ—«фричевскіе» съ другой часто не совпадали. Большое оживленіе въ занятія «комиссіи» вносила горячность «Волченка» (Вѣры Спиридоновны Любатовичъ) съ «ихъ» стороны и И. С. Джабадари—съ «нашей». Помню, не мало и комичнаго элемента бывало въ этихъ дружескихъ схваткахъ, что вовсе не помѣшало намъ добросовѣстно довести до конца возложенную на насъ товарищами очень серьезную задачу. Когда, наконецъ, «комиссія» нашла возможнымъ изложить письменно, въ извѣстной системѣ, проектъ соглашения двухъ кружковъ, было устроено въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова общее собраніе, на которомъ пунктъ за пунктомъ нашъ проектъ разсматривался, очень обстоятельно, со всѣхъ сторонъ, обсуждался, исправлялся и вотирировался. При этомъ снова возникали ожесточенные споры. Наконецъ, пришли къ полному соглашенію, лучше сказать, компромиссу, результатомъ котораго явилось нѣкоторое подобіе писаннаго устава-программы, чего совсѣмъ не имѣлось въ виду первоначально. И теперь *всѣ* были *противъ* храненія подобнаго «документа», сознавая, что его арестъ повлекъ бы за собой грандіозный провалъ. Были противъ, а все таки остановились на болѣе чѣмъ неудачной мѣрѣ: Статьи соглашения были переписаны мельчайшимъ почеркомъ на очень тонкой бумагѣ, такъ что весь документъ во время обыска легко было проглотить его хранителю. Но, вѣроятно, постановленіе о легкой уничтожаемости, о *свѣдѣнной* формѣ документа забылось послѣ того, какъ мы, его авторы были арестованы, (наша вина, что мы этого *не предвидѣли*) и копія этого quasi устава нашего была взята въ августѣ 1875 г. въ квартирѣ Г. Ф. Здановича. Онъ приведенъ цѣликомъ, безъ искаженій въ обвинительномъ актѣ по процессу 50-ти ²⁾ и былъ

¹⁾ Специально къ членамъ этого кружка относятся слова Степняка-Кравчинскаго въ „Подпольной Россіи“: „Лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя, съ спокойнымъ взоромъ и дѣтски безмятежной улыбкой на устахъ идуть туда, откуда вѣтъ возврата...“

²⁾ См. „Государственные преступленія въ Россіи“, т. II. Сбор. подъ ред. Богучарскаго (Русская Историч. Библіотека, № 6).

важнѣйшею уликой противъ насъ. Последнее обстоятельство, конечно, очень плачевно; но нѣтъ худа безъ добра. Если бы не «непростительная халатность» нашихъ современниковъ, не озаботившихся уничтоженіемъ бумажки, цѣнной для нашего врага, *исторія* не имѣла бы теперь въ рукахъ документа цѣннаго также и *какъ памятникъ* кристаллизованной *революціонной мысли*, вырабатывавшейся коллективно въ головахъ наиболѣе крайнихъ но и наиболѣе альтруистически настроенныхъ представителей молодежи тогдашней «переходной» эпохи—мужчинъ и женщинъ.

Но еще прежде, чѣмъ состоялось такимъ образомъ наше формальное объединеніе въ новую организацію, въ Москвѣ была начата нашими двумя кружками очень дѣятельная пропаганда среди фабричныхъ рабочихъ. Петръ Алексѣевъ завербовалъ своего стараго пріятеля Николая Васильева, извѣстнаго на многихъ фабрикахъ, и самъ поступилъ на фабрику Тимашева; Ольга Любатовичъ и Бетя Каминская опредѣлились работницами на фабрику Носовыхъ; Бардина—на фабрику Лазарева; Лидія Фигнеръ—на фабрику Гюбнеръ. Другіе товарищи тоже поступали на работы, какъ только находили себѣ мѣста. Мнѣ только въ февралѣ 1875 г. удалось поступить чернорабочимъ на котельный заводъ Дангаузера въ «Нѣмецкой слободѣ». Николай Васильевъ скоро выказалъ себя чрезвычайно энергичнымъ, неутомимымъ агитаторомъ—имѣлъ огромный успѣхъ между фабричными. Тотчасъ же по усвоеніи техники раздачи книжекъ—несложной въ томъ видѣ, какъ она тогда практиковалась у насъ—онъ сталъ «распоряжаться» пропагандой, какъ власть имѣющій. Его увѣренность основывалась на отчетливомъ знаніи людей, съ которыми приходилось имѣть дѣло. Будучи неграмотнымъ, онъ однако же умѣлъ различать по внѣшнему виду и ему одному извѣстнымъ примѣтамъ книжки, нѣсколько разъ прочитанныя вслухъ въ его присутствіи,—могъ отличить, напримѣръ, книжку «про Пугача» отъ «Хитрой Механики» и т. д. Отправляясь на пропаганду въ ту или иную артель, онъ всегда *зналъ*, какими книжками слѣдовало въ данномъ случаѣ запастись, и требовалъ изъ нашего маленькаго склада именно ихъ. Онъ роздалъ такимъ образомъ массу книжекъ. Раздачей книжекъ и бесѣдами съ рабочими въ различныхъ артеляхъ, встрѣчаясь съ ними въ облюбованныхъ трактирахъ по близости фабрикъ, занимались также: Джабадари, Чекоидзе, Грачевскій и Василій. Въ свою очередь, и завербованные ими, Николаемъ Васильевымъ и Петромъ Алексѣевымъ рабочіе раздавали книжки своимъ знакомымъ, а тѣ—опять своимъ. Начавшаяся дѣятельность не походила вовсе на прежнюю «основательную» пропаганду, напримѣръ, среди петербургскихъ рабочихъ, съ возможно осмотрительнымъ выборомъ людей. Чаше всего вербующіе просто обращались *ко всякому* знакомымъ фабричнымъ. Они старались заводить еще и новыя знакомства и почти всегда находили чрезвычайно отзывчивыхъ слушателей, горячо откликавшихся на ихъ собственное настроеніе. Этому была основательная причина: недовольство среди московскихъ фабричныхъ было въ 1874—75 годахъ всеобщее, и сѣмена падали на готовую почву. На наши книжки («Хитрая механика», «Сказка о 4-хъ братьяхъ» и т. п.) былъ огромный спросъ. Онъ былъ

бы еще больше, если бы процентъ грамотныхъ между фабричными былъ выше. Но если сами пропагандисты раздавали или читали вслухъ книжки почти безъ подбора людей, то завербованные ими дѣйствовали еще менѣе осмотрительно, хотя имъ и старались внушать, чтобы объ «этихъ дѣлахъ» они говорили только съ людьми вполне надежными. Хорошаго *критерія* надежности не только не могло быть у завербованныхъ на скорую руку рабочихъ, но не было тогда и у самихъ пропагандистовъ по отношенію къ этой почти еще незнакомой средѣ. Да и то сказать, *некогда* было слишкомъ строго разбираться, кто надежнѣе и кто—нѣтъ. Дѣйствіями многихъ, по причинамъ понятнымъ, по самымъ условіямъ нашей работы, руководили страсть, аффектъ, нетерпѣніе.

Результатъ такого образа дѣйствій былъ неизбѣженъ: книжки очень скоро попадали въ руки разныхъ «механиковъ», «мастеровъ» и тому подобныхъ представителей хозяйскаго надзора на фабрикахъ, которые немедленно передавали ихъ полиціи. При этомъ они, разумеется, указывали и «преступниковъ», у которыхъ находили наши «хвалышныя» ¹⁾ книжки.

«Преступниковъ» полиція забирала и сажала въ тюрьму, гдѣ третьестепенцы обращались со многими изъ нихъ болѣе чѣмъ сурово. Были нерѣдки случаи, когда арестованные за книжки рабочіе давали такія показанія, по которымъ власти разыскивали потомъ всѣ «корни и нити». Петербургская пропаганда чайковцевъ почти вовсе не сопровождалась такими проявленіями неустойчивости у распропагандированныхъ рабочихъ, и это можно объяснить, кромѣ осмотрительнаго подбора людей, еще и тѣмъ, что въ тотъ періодъ въ Петербургѣ въ распоряженіи пропагандистовъ-учителей, пропагандистовъ-лекторовъ было гораздо больше *времени*, чтобы болѣе или менѣе основательно и всесторонне ознакомить своихъ учениковъ съ распространяемымъ ученіемъ, довести ихъ почти до полной сознательности. Въ то болѣе спокойное время политическая полиція еще «не хватилась» преслѣдовать пропаганду при первыхъ же ея попыткахъ проникать въ рабочую среду. Между тѣмъ въ Москвѣ, да и по всей Россіи въ описываемое время, т. е. въ концѣ 1874 и началѣ 1875 года все уже было насторожѣ... Часто агитаторъ не имѣлъ достаточно времени даже для того, чтобы, какъ слѣдуетъ, ознакомить слушателей хотя-бы съ тѣми *цѣлями*, ради которыхъ онъ ожидалъ и требовалъ отъ нихъ извѣстныхъ рискованныхъ дѣйствій. Нерѣдко случалось, что пламенный и «наистинный» нашъ агитаторъ Николай Васильевъ, при поддержкѣ Джабади и Чекоидзе, которые опирались въ своихъ рѣчахъ на личное знакомство съ рабочимъ движеніемъ въ западной Европѣ, завербовывалъ мало знакомыхъ людей „въ свою партію“ послѣ одного-двухъ трактирныхъ сеансовъ. На особенную прочность результатовъ,

¹⁾ Выраженіе старика-сторожа у фабричныхъ воротъ въ Москвѣ, къ которому я однажды обратился съ просьбой вызвать къ воротамъ одного работавшаго на той фабрикѣ парня, якобы какъ-разъ моего земляка... У меня всѣ карманы были наполнены такими книжками, и вдругъ этотъ сторожъ сообщаетъ мнѣ (безъ особаго волненія), что мой „землякъ“ на дняхъ арестованъ жандармами „вадо быть за хвалышныя книжки“. Пришлось не *спѣша* ретироваться, сочувственно покачать головой...

добытыхъ при подобныхъ приѣмахъ, понятно, нельзя было разсчитывать; но нельзя было серьезно ратовать въ то время и за старые приѣмы. При усиленной бдительности противника, развернувшего всѣ свои шпионскіе ресурсы, провалы были все равно неизбежны. Только у ничего не дѣлающего были *нѣкоторые* шансы не быть арестованнымъ. Пропаганда, вообще, не являлась уже, при этихъ новыхъ условіяхъ борьбы, достаточно надежнымъ оружіемъ. Многіе это чувствовали и начинали осматриваться вокругъ, искать новыхъ путей. Но въ пылу битвы некогда было задумываться. Опускать руки было бы и зазорно: кругомъ падали жертвы... Попадая въ тюрьму, иные слишкомъ „скоропостижно“ завербованные рабочіе бывали совершенно сбиты съ толку всѣмъ случившимся съ ними за столь короткое время. До вчерашняго дня — глубокій непробудный сонъ, полная безпросвѣтлость, одни лишь страданія, однѣ обиды *и отсутствіе какихъ либо надеждъ*.

Еще вчера—это свѣтлое откровеніе, эти смѣлые призывы *взять* то, что принадлежитъ ему, такому же человѣку, какъ всѣ, съ человѣческими правами... И эта вдругъ нахлынувшая безконечная, вѣками накопленная великая, святая *злоба*, и откуда-то взявшаяся безумная увѣренность въ своихъ силахъ...

А сегодня?..

Сегодня неожиданный ударъ обухомъ по головѣ, моментально возвращалъ его къ „дѣйствительности“—такой же скверной и подлой, какъ эта скверная и подлая кутузка... Слишкомъ быстрые переходы. Сразу въ ухахъ арестованнаго переставалъ звучать голосъ, правдиво говорившій ему о лучшей жизни, отвѣчающей его собственнымъ полу-безотчетнымъ влеченіямъ, голосъ, который старался будить въ немъ дремавшіе инстинкты борца... И вмѣсто него теперь раздавался грубый окрикъ „барина“, рѣзко, съ привычной наглостью напоминавшій недавнему рабу вѣковѣчную приниженность его положенія...

И онъ—пасоваль.

Онъ видѣлъ себя какъ и прежде, какъ и *до* вчерашняго свѣтлаго откровенія,—въ полной власти того же своего исконнаго врага... Онъ съеживался и, по старой памяти, по укоренившейся *привычкѣ*, съ затаеннымъ проклятіемъ, *слушался* начальства, шумно и самоуувѣренно приказывающаго ему, стращающаго «разстрѣломъ» и дѣйствительно, гнушаго въ бараній рогъ. Я никогда не забуду глубоко печальнаго — не обвиняющаго или укоряющаго, нѣтъ, но именно *печальнаго*, безконечно грустнаго взгляда, какимъ посмотрѣлъ на меня во время очной ставки, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ или полтора послѣ своей кипучей дѣятельности нашъ *орелъ*—нашъ Николай Васильевъ, когда генераль Воейковъ съ майоромъ Новицкимъ приказали его привести въ жандармское управленіе и велѣли уличать меня въ томъ, что я именно есть Иванъ Ивановичъ, часто заходившій въ квартиру нашей «администраціи», когда она помѣщалась въ домѣ Костомарова...

Тѣ изъ недостаточно сознательныхъ рабочихъ, которые, подѣ влияніемъ запугиваній и грубого обращенія «начальства» давали разоблачающія показанія, на самомъ дѣлѣ вовсе не раскаивались, вовсе не проникались вѣрнопопуданническими чувствами, а только по своему пытались, конечно, неудачно, обмануть своего исконнаго врага — барина.

Это доказано случаями *рецидива*, когда выпущенные изъ тюрьмы рабочіе, какъ, на примѣръ, Семень Агаповъ и Иванъ Бариновъ, которые, уѣхавъ изъ Москвы, принимались на новыхъ мѣстахъ за ту же пропаганду, съ тою же раздачей книжекъ. Мы были свидѣтелями того, какъ, послѣ минутной слабости, такіе рабочіе, только тутъ, въ этой передрыгѣ всецѣло постигавшіе «всю суть» оказывались потомъ вполне уже закаленными для твердаго отпора. При болѣе благоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ для пропаганды эти же самые рабочіе явились бы, какъ 30 лѣтъ спустя ихъ родныя дѣти въ той же Москвѣ, на баррикадахъ, превосходнымъ контингентомъ для боевого воспитанія. Но организація не была въ состояніи *продержаться* достаточно долго для того, чтобы успѣло подѣйствовать такое воспитаніе. Организація была побѣждена, разбита, — она *слѣдовательно*, была *виновата*. Правы были «побѣдители», тащившіе въ тюрьмы и насъ и нашъ недовоспитанный рабочій контингентъ.

29 го марта 1875 года былъ арестованъ товарищъ нашъ и наиболѣе энергичный агитаторъ-рабочій Николай Васильевъ. Его сожительница Дарья, думая этимъ спасти его, выдала жандармамъ квартиру нашей администраціи въ домѣ Корсакъ. Увы, на дѣлѣ мы хранили дѣловыя тайны далеко не такъ строго, какъ это требовалось на бумагѣ, въ «уставѣ». Поздно вечеромъ 3 го апрѣля явилась въ эту квартиру полиція... Былъ произведенъ обыскъ и арестованы разомъ 9 членовъ изъ коихъ семь: Каминская, Бардина, Алексѣевъ, Джабадари, Чекоидзе, Георгіевскій и я принадлежали къ организаціи. Я, какъ и большинство арестованныхъ, въ этой квартирѣ не проживалъ, а пришелъ не за долго до обыска по дѣламъ организаціи. У всѣхъ у насъ не только уже было предчувствіе, но была почти полная увѣренность въ томъ, что квартира подвергается сильной опасности. И, тѣмъ не менѣе, мы собрались тамъ въ большомъ числѣ и не спѣшили расходиться. Это — нашъ общій великій грѣхъ. У меня была своя, до того момента совсѣмъ еще «чистая» квартира не далеко отъ завода Дангауэра, гдѣ я до самаго ареста продолжалъ работать, какъ чернорабочій. Осталось лично мнѣ хотѣ это удовлетвореніе: я до конца не вернулся въ «цивилизацию», отъ которой за годъ передъ тѣмъ отрекался, отправляясь «въ народъ». Такимъ образомъ мнѣ «посчастливилось» пробывать въ простонародномъ образѣ около одного года, т. е. гораздо дольше, чѣмъ это «дано» было большинству товарищей. При арестѣ наши, къ счастью, успѣли хоть сорвать «сигналъ» ¹⁾

¹⁾ Иначе: «тріумфъ». Словоцо это было сказано разъ кѣмъ-то изъ товарищей по ошибкѣ (языкъ запутался) вмѣсто «сигнала» и радостно подхвачено въ *argot* нашей любившей «каламбуры» довольно беззаботной и жизнерадостной публикой.

повѣшенный на окнѣ ситцевый платокъ, по которому снаружи, не входя въ квартиру, можно было видѣть, благополучно ли въ ней. По крайней мѣрѣ, квартира во время и послѣ обыска въ ней не сдѣлалась ни для кого ловушкой. (Эти «сигналы»—наше изобрѣтеніе).

Не поддается никакому измѣренію глубина того чувства горечи, которое осталось, вѣроятно, на всю жизнь у всѣхъ «участниковъ» этого провала — одного изъ самыхъ серьезныхъ, самыхъ жестокихъ проваловъ по тогдашнему времени. И не только эта первоначальная ячейка новой организациі была изъята, а и вся «Московская организациа», продержавшись еще нѣсколько мѣсяцевъ, погибла окончательно. Всѣ до одного ея члены были послѣдовательно арестованы въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ, Москвѣ — группа за группой въ маѣ, іюнѣ, августѣ, и сентябрѣ того же 1875 года. Уцѣлѣлъ, насколько мнѣ извѣстно, только *одинъ*—Василій. Союзовъ попалъ случайно въ другой процессъ (193-хъ), былъ на Карѣ и умеръ много лѣтъ спустя въ Сибири. Не попалъ въ процессъ 50-ти, а въ другіе процессы и Грачевскій, арестованный въ самомъ началѣ нашей работы въ Москвѣ, погибшій черезъ 12 лѣтъ такою страшною смертію въ Шлиссельбургской крѣпости.

Да, организациі наши, не успѣвъ развернуться, погибли. Отъ нихъ, можно сказать, нечего не осталось въ ближайшее время... Онѣ, правда, дали два крупныхъ процесса и рядъ другихъ, менѣе значительныхъ, которые, конечно, сослужили свою немалую идейную службу, заставили и «общество» нравственно встряхнуться хоть немного. *Этого* мы достигли, этого у насъ не отнимутъ, но... не этого мы хотѣли! И когда говорятъ о нашемъ пораженіи—плачевномъ и полномъ—тѣ, которые требуютъ отъ организаций, чтобы *онѣ вели къ любви* дѣйствительной, безспорной, матеріальной, они совершенно правы, что бы тамъ не говорилось о посѣянныхъ сѣменахъ и о позднѣйшихъ всходахъ.

* * *

Но можно взглянуть и съ другой точки зрѣнія на картину минувшей борьбы. И мнѣ, побѣжденному и остро чувствовавшему въ свое время всю горечь, всю обиду понесенныхъ неудачъ, пережитое нами движеніе представляется теперь въ такомъ видѣ: чаша терпѣнія русскаго народа переполнилась.... Враги хотѣли обмануть его поддѣльными реформами. Но *русская мысль* въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, опиравшихся и на результаты работы мысли интернаціональной, коллективной, общечеловѣческой, не далась въ обманъ, *забила тревогу*. Пока рабочій народъ протестовалъ и волновался по-своему, стихійно, его идейный авангардъ, который нація не сознательно, путемъ скрытаго біологическаго процесса всегда выдвигаетъ, какъ свою боевую *самооборону*, ощутилъ въ себѣ мощный приливъ энтузіазма, понялъ свою отвѣтственную миссію и ринулся, не долго думая, въ борьбу, чтобы отстоять свой народъ противъ наглыхъ покушеній, перешедшихъ уже тогда мѣру всякаго долготерпѣнія.

Кто какое оружіе имѣлъ, тотъ съ тѣмъ и шелъ.

Естественно, что на лицо имѣлось только такое оружіе, стиль котораго и система соотвѣтствовали времени его заготовленія, то есть періоду, во всякомъ случаѣ, *предшествовавшему* моменту борьбы.

Поэтому мы видимъ въ началѣ похода и старое «книжное дѣло» чайковцевъ, и «строго конспиративные» кружки, и кружки, наоборотъ, черезъ-чуръ уже *не* конспиративные... Видимъ, затѣмъ, въ одномъ случаѣ, даже подложные царскіе манифесты... *Перевооруженіе* приходилось производить во время самаго похода... Но—тѣмъ болѣе славы нашимъ непосредственнымъ преемникамъ, которыхъ нельзя, однако-же, отдѣлять отъ *нашего* движенія, потому что они выросли въ нашихъ собственныхъ кадрахъ,—тѣмъ больше славы имъ, счумѣвшимъ въ самый разгаръ битвы поставить на позиціи новѣйшей системы митральёзу, имя которой—«Исполнительный Комитетъ русской социаль-но-революціонной партіи». Не слѣдуетъ забывать, что и это *новое* оружіе, какъ и тѣ, заржавленные «самопалы», принадлежитъ даже и по времени *не* восьмидесятымъ, а тѣмъ же семидесятымъ годамъ: Осинскій, Свириденко и Брандтнеръ были казнены въ Кіевѣ—за его изобрѣтеніе 14-го мая 1879 года.

* * *

Да, авангардъ семидесятихъ годовъ погибъ въ неравной борьбѣ. Но свое значеніе боевой самообороны великаго народа онъ *оправдалъ*. Цѣли своей онъ достигъ, если не прямо, то косвенно тѣмъ, что безсовѣстное хозяйничаніе въ странѣ банды хищниковъ онъ *не оставилъ безъ отпора*. Правда, отпоръ этотъ не имѣлъ всей желательной мощи, онъ не въ силахъ былъ вырвать Россію изъ когтей озвѣрѣлой банды, но—хорошо и то, что онъ *былъ*. Погибшій боевой авангардъ народа достаточно показалъ уже тогда врагу и всему міру, что нельзя безнаказанно попираť ногами все и вся, и сошелъ со сцены, оставивъ преемникамъ *традицію* беззавѣтнаго служенія народу, традицію безпощадной *борьбы*.

И *въ этомъ смыслѣ* я могу сказать: *семидесятники погибли не даромъ!*

А. Лукашевичъ.

Отрывки изъ дневника А. И. Стронина за 1882 годъ ¹⁾).

„Наша текущая жизнь кишитъ теперь самыми различными слухами по поводу предстоящей коронаціи Александра III. Какова бы ни была степень ихъ вѣроятности, тѣмъ не менѣе, они прекрасно характеризуютъ настоящій моментъ и настроеніе нашего общества. То говорятъ, захвачена цѣлая партія мужицкихъ шапокъ съ динамитными лепешками вмѣсто дна, то обнаруженъ въ Кремлѣ подкопъ, который оказывается потомъ стариннымъ погребомъ, о чемъ московскій генераль-губернаторъ и считаетъ своимъ долгомъ опубликовать. То Государь пойдетъ на коронацію пѣшкомъ, во главѣ войска, какъ въ походъ, то, наконецъ, цѣлая исторія проекта электрическаго освѣщенія Кремля. Къ князю Воронцову-Дашкову являются будто-бы два представителя одной англійской компаніи: одинъ—англичанинъ, другой—русскій, архитекторъ Богдановичъ, который въ то же время является и переводчикомъ, и оба предлагаютъ свои услуги по освѣщенію Кремля. Воронцовъ направляетъ ихъ къ московскому генераль-губернатору; тотъ поручаетъ ихъ оберъ-полицейстеру, и они вмѣстѣ съ послѣднимъ осматриваютъ Кремль и его дворцы и изучаютъ планы ихъ. Когда дѣло было слажено и условія оказались подходящими, генераль-губернаторъ пригласилъ обоихъ представителей къ завтраку, при чемъ въ особенности понравился ему русскій. Каково же было его удивленіе, когда вслѣдъ затѣмъ получаетъ онъ телеграмму изъ Швейцаріи объ арестованіи выдающаго себя за англичанина такого-то, предлагающаго устроить электрическое освѣщеніе. И еще болѣе, когда другой телеграммой, уже изъ Петербурга, требуютъ ареста и архитектора Богдановича. Въ концѣ концовъ оказывается будто-бы, что Богдановичъ есть не кто иной, какъ Кобозевъ, хозяинъ сырной лавки въ Малой Садовой, но на этотъ разъ уже подъ своей собственной, а не чужой фамиліей. Это родной братъ того Богдановича, который замѣшанъ былъ въ дѣло Соловьева, будучи ни въ чемъ неповиннымъ, и вслѣдствіе этого сошелъ съ ума“.

Сообщилъ П. Гуревичъ.

¹⁾ Пожидаемъ какъ характерный образчикъ тѣхъ вѣдорныхъ слуховъ, которые обыкновенно распространяются въ обществѣ въ смутныя времена. Разумѣется, во всѣхъ передаваемыхъ Стронинимъ слухахъ не было ни юты правды. А сколько распространяется такихъ же слуховъ и въ наше время!

Ред.

Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій“.

(Окончаніе ¹⁾).

V.

Какъ только „Георгій Побѣдоносецъ“ сталъ на якорь, отсюда къ намъ пріѣхалъ выбранный командой на мѣсто командира кондукторъ, бывшій до этого на броненосцѣ старшимъ боцманомъ. Первое впечатлѣніе отъ его наружности было далеко неблагопріятное. Въ выраженіи его краснаго и жирнаго лица было что-то тупое, животное и отталкивающее; его маленькіе глазки, ни на минуту не останавливаясь, постоянно бѣгали, точно онъ только что проворовался; движенія и жесты были какъ-то неестественно развязны. Но принявъ во вниманіе то, что онъ былъ выбранъ самой командой, которая имѣла случай узнать его со всѣхъ сторонъ, на столь отвѣтственный постъ, я постарался подавить въ себѣ невольное брезгливое чувство, и, отправившись съ нимъ въ каютъ-компанію, по товарищески сталъ бесѣдовать относительно технической стороны новаго управленія „Георгіемъ Побѣдоносцемъ“. Узнавъ отъ него, между прочимъ, что тамъ нѣтъ еще боевого росписанія, я посоветовалъ ему, въ виду возможныхъ случайностей, сейчасъ же заняться составленіемъ его хотя бы въ главныхъ чертахъ. Поговоривъ нѣсколько минутъ еще съ нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей, онъ отправился обратно къ себѣ подъ предлогомъ заняться немедленно организаціей всей технической стороны управленія.

Между тѣмъ присоединеніе къ намъ новаго броненосца произвело должный эффектъ и на властей и на населеніе Одессы: къ борту „Потемкина“ подѣхалъ на паровомъ катерѣ капитанъ надъ портомъ и спросилъ, чего мы хотимъ. Отъ насъ ему отвѣтили: „Мы требуемъ, чтобы командующій войсками разоружилъ ихъ и передалъ оружіе народу, который такимъ образомъ могъ бы образовать національную гвардію для защиты своихъ правъ.“

¹⁾ См. „Былое“, 1907 г., январь, февраль.

Уголь, прѣсную воду и провизію намъ даетъ народъ. Капитанъ ухажалъ, а вслѣдъ за нимъ стали пріѣзжать капитаны частныхъ торговыхъ пароходовъ съ просьбой разрѣшить имъ выйти изъ гавани. Всѣмъ имъ было дано такое разрѣшеніе.

Вечеромъ въ адмиральскомъ помѣщеніи, гдѣ назначено было засѣданіе комиссіи, собралась масса матросовъ, которымъ сегодняшнее засѣданіе представлялось особенно интереснымъ. Тутъ же присутствовала депутація отъ команды „Георгія Побѣдоносца“.

Царило необыкновенное оживленіе. Это былъ моментъ, когда подъемъ духа команды достигъ своего апогея, когда вѣра въ свои силы и въ возможность счастливаго исхода начатой борьбы воодушевляла всѣхъ на какія угодно рѣшительныя дѣйствія. Воображеніе раскрывало передъ нами самыя блестящія перспективы, и день, въ который самъ народъ будетъ диктовать новому правительству новые законы, казался намъ такъ близокъ!..

Гулъ сотенъ голосовъ наполнялъ все помѣщеніе: всѣ продолжали дѣлиться другъ съ другомъ наблюденіями и впечатлѣніями сегодняшняго дня, и, когда собралась комиссія, мнѣ въ качествѣ предсѣдателя собранія стоило не мало труда водворить тишину и порядокъ и открыть засѣданіе.

Прежде всего былъ выслушанъ слѣдующій разсказъ одного изъ товарищей съ „Георгія Побѣдоносца“ о событіяхъ послѣднихъ дней въ Черноморскомъ флотѣ.

„14-го іюня практическая эскадра, въ составъ которой кромѣ прочихъ судовъ входили броненосцы: „Три Святителя“, „Ростиславъ“, „Двѣнадцать Апостоловъ“, „Синопъ“ и нашъ „Георгій Побѣдоносецъ“ начала кампанію, а 15-го неожиданно для всѣхъ вдругъ былъ полученъ отъ главнаго командира приказъ: броненосцамъ: „Три Святителя“, „Двѣнадцать Апостоловъ“ и „Георгій Побѣдоносецъ“, минному крейсеру „Козарскій“ и четыремъ контръ-миноносцамъ немедленно выйти въ море. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ означенныя суда снялись съ якоря и двинулись въ путь. Никому, кромѣ командировъ и, можетъ быть, старшихъ офицеровъ, не была извѣстна цѣль этого плаванія. Офицеры на нашемъ броненосцѣ съ озабоченными лицами о чемъ-то тайно переговаривались, а команда терялась во всякаго рода догадкахъ. Вечеромъ 16-го іюня мы подошли къ Тендрѣ и стали на якорь. На слѣдующій день рано утромъ на шканцахъ нашего броненосца была собрана вся команда, и командиръ прочелъ намъ приказъ контръ-адмирала Вышневецкаго, подѣ начальствомъ котораго находилась наша эскадра. Въ приказѣ говорилось, что команда броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“, взбунтовавшись 14-го іюня, часть своихъ офицеровъ, въ томъ числѣ командира и старшаго офицера, убила, а остальную часть высадила на берегъ и провела броненосецъ къ Одессѣ. Далѣе говорилось, что наша эскадра должна идти туда же съ цѣлью усмирить бунтовщиковъ, при чемъ адмиралъ успокаивалъ команду, что эскадра въ „Потемкина“ стрѣлять не будетъ, а овладѣетъ имъ безъ

одного выстрѣла, и приведетъ вмѣстѣ съ мятежниками въ Севастополь.

„Сейчасъ же послѣ этого эскадра снялась съ якоря и въ полномъ боевомъ порядкѣ двинулась въ путь. Вотъ показывается Одесса, а на ея рейдѣ, дыма всѣми тремя трубами, стоитъ „Потемкинъ“. Эскадра замедлила ходъ, но „Потемкинъ“ быстро приближался. Черезъ нѣсколько минутъ можно было ясно различить, что онъ идетъ на насъ. Эскадра остановилась. Но вдругъ по сигналу съ флагманскаго судна поворотила кругомъ и полнымъ ходомъ стала уходить отъ „Потемкина“...

— Безъ одного выстрѣла,—ядовито пошутили кто-то, и толпа разразилась веселымъ смѣхомъ...

„Въ морѣ къ намъ присоединились пришедшіе изъ Севастополя „Ростиславъ“, „Синопъ“ и еще два контръ-миноносца, и подкрѣпленная такимъ образомъ эскадра черезъ нѣкоторое время направилась снова къ Одессѣ. Скоро мы снова очутились лицомъ къ лицу съ „Потемкинымъ“, который опять несся на насъ на всѣхъ парахъ. Команда глухо волновалась. Когда же онъ подошелъ совсѣмъ близко и сталъ направлять на броненосцы зіяющія дула своихъ орудій, среди матросовъ поднялся ропотъ, слышались голоса: „Братцы, что жъ это будетъ? Вѣдь „Потемкинъ“ въ одну минуту пуститъ всю эскадру ко дну! За что же мы положимъ свои головы? Лучше выйдемъ всѣ на верхъ: потемкинцы не будутъ стрѣлять въ насъ, если они будутъ видѣть, что мы не идемъ противъ нихъ съ враждебными намѣреніями!.. Нѣсколько человѣкъ выбѣжали на палубу, приглашая слѣдовать за собою и другихъ, и вдругъ всѣ, оставляя орудія и свои посты, бросились за ними и укрыли всю палубу. То же произошло и на „Синопѣ“ и на «Двѣнадцати Апостолахъ». Когда эскадра поровнялась съ «Потемкинымъ» и когда оттуда донеслось до насъ «ура», команда пришла положительно въ экстазъ, и какъ одинъ человѣкъ грянула отвѣтное «ура».

Команда уже больше не уходила съ палубы, наоборотъ,—и тѣ немногіе, которые еще оставались на своихъ мѣстахъ, спѣшили присоединиться ко всей массѣ. Такимъ образомъ прошли мы и второй разъ мимо «Потемкина» и очутились въ морѣ. Эскадра стала идти полнымъ ходомъ, а мы начали отставать, пока совсѣмъ не остановились. Команда начала громко заявлять, что не позволить броненосцу двинуться, пока не узнаетъ, что случилось на «Потемкинѣ» отъ самой его команды. Начальство пришло въ явное замѣшательство. Этимъ воспользовался одинъ изъ товарищей и по семафору сталъ приглашать депутацію съ «Потемкина». Черезъ нѣсколько минутъ ваша депутація была на нашей палубѣ, а еще черезъ нѣсколько минутъ «Георгій Побѣдоносецъ» былъ въ рукахъ матросовъ, поднявшихъ знамя возстанія за народную свободу!..“

Товарищъ кончилъ свой докладъ; съ цѣлью дать время возбужденному его рассказомъ собранію нѣсколько успокоиться, былъ

объявленъ коротенькій перерывъ, послѣ котораго засѣданіе было возобновлено.

Рѣшено было, въ случаѣ неисполненія со стороны командующаго войсками предъявленныхъ нами требованій, завтра же съ утра открыть военныя дѣйствія на морѣ и на берегу съ цѣлью овладѣть городомъ. Постановлено также было обмѣняться частью команды съ «Георгіемъ Побѣдоносцемъ».

Послѣ обсужденія еще нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ засѣданіе было прекращено и собраніе распущено.

Передъ сномъ я обошелъ по палубамъ броненосца. Утомленная работой и пережитыми впечатлѣніями команда спала, только матросы вахтеннаго отдѣленія бодрствовали, стоя на своихъ постахъ и все еще продолжая оживленно дѣлиться другъ съ другомъ воспоминаніями сегодняшняго дня и надеждами на будущее.

Темныя силы у насъ были теперь парализованы!.. Зато не дремали онѣ, какъ это впоследствии обнаружилось, на «Георгіи Побѣдоносцѣ».

Въ эту ночь я долго не могъ уснуть. Возбужденное воображеніе раскрывало передо мной самыя блестящія перспективы, и я невольно уносился въ мечтахъ въ недалекое будущее, которое, казалось, готовить уже великія историческія событія... Можетъ быть завтра же, овладѣвъ вмѣстѣ съ возставшимъ народомъ Одессой, мы зажжемъ пожаръ всеобщаго возстанія по всему югу. А тамъ поднимутся давно уже волнующіяся окраины, и, если при этомъ всколыхнется и центръ и такимъ образомъ въ борьбѣ противъ ненавистнаго ига объединится вся Россія, то можетъ быть и Россія, и Финляндія, и Польша, и родная мнѣ Украина добудутъ наконецъ давно желанное право устроить у себя жизнь народа на началахъ свободы и справедливости.

Было уже за полночь, когда утомленный впечатлѣніями и размышленіями я наконецъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

VI.

Рано утромъ на слѣдующій день я проснулся съ пріятной мыслью о случившемся вчера. Я рѣшилъ начать вести хронику этихъ знаменательныхъ событій и только что хотѣлъ подняться, чтобы сейчасъ же вкратцѣ записать все происшедшее до сегодняшняго дня, какъ ко мнѣ въ каюту вошелъ одинъ изъ членовъ комиссіи, Дымченко. По его озабоченному лицу можно было догадаться, что онъ пришелъ съ важнымъ извѣстіемъ.

— Что случилось?—спросилъ я его.

— Съ «Георгіи Побѣдоносца» сейчасъ прибыло нѣсколько человѣкъ изъ тамошней комиссіи, — началъ онъ садясь ко мнѣ на койку, — и принесли печальную вѣсть, что тамъ произошелъ расколъ.

— Какъ расколъ?—изумился я.

— Большинство команды во главѣ съ командиромъ и другими кондукторами настаиваютъ на томъ, чтобы сейчасъ-же идти въ Севастополь, чтобы вступить въ переговоры съ начальствомъ, предоставивъ „Потемкину“ дѣйствовать какъ онъ хочетъ. Комиссія и съ нею сознательная часть команды не въ силахъ противостоятъ этому рѣшенію.

— Это вліяніе коварныхъ кондукторовъ!—сказать я.

— Безъ сомнѣнія.

— Надо сейчасъ-же ѣхать туда.

Съ этими словами я быстро одѣлся и вмѣстѣ съ Дымченкомъ вышелъ на палубу.

Пока подали къ трапу паровой катеръ, я подошелъ къ стоявшимъ на палубѣ вмѣстѣ съ прибывшими съ „Георгія Побѣдоносца“ нѣсколькимъ членамъ нашей комиссіи, въ числѣ которыхъ были Матющенко и Кирилль. Мы наскоро стали совѣтоваться о томъ, что предпринимать. Всѣмъ было ясно, что причиной этого раскола были главнымъ образомъ кондукторы.

Это люди, которые представляютъ яркій образчикъ деморализаціи нашего современнаго военнаго воспитанія и общаго политическаго режима Россіи. Оставаясь на сверхсрочной службѣ и всякими правдами и неправдами выслуживаясь передъ начальствомъ, они достигаютъ этого съ ихъ точки зрѣнія почетнаго званія и такимъ образомъ дѣлаютъ здѣсь такую карьеру, какой они не могли бы сдѣлать ни въ какой другой области. Такое положеніе, которое не только хорошо обезпечиваетъ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, но и даетъ имъ значительную власть надъ матросами, естественно дѣлаетъ изъ нихъ горячихъ приверженцевъ правительства и современнаго строя, а привычка постоянно прислуживаться начальству вырабатываетъ изъ нихъ крайне несимпатичный типъ кляузниковъ и доносчиковъ.

Теперь только мы спохватились, — какую непростительную ошибку сдѣлали мы вчера, не убѣдивъ команду „Георгія Побѣдоносца“ вмѣстѣ съ офицерами удалить съ броненосца и этихъ лицемѣровъ или по крайней мѣрѣ арестовать ихъ, какъ это было сдѣлано у насъ, и давать имъ свободу лишь постольку, поскольку они захотятъ исполнять свои спеціальныя обязанности... Но дѣлать было нечего,—оставалось хоть теперь какъ-нибудь исправить этотъ промахъ.

Я посоветовалъ немедленно арестовать на „Георгіѣ Побѣдоносцѣ“ всѣхъ кондукторовъ, но пріѣхавшіе оттуда товарищи возразили, что при теперешнемъ настроеніи команды это можетъ повести лишь къ лишнимъ осложненіямъ, и что лучше сначала постараться подѣйствовать на команду убѣжденіемъ. Это замѣчаніе всѣ нашли вполне основательнымъ и рѣшили послѣдовать совѣту товарищей съ „Георгія Побѣдоносца“. Тотчасъ же Кирилль, я, нѣсколько членовъ нашей комиссіи и докторъ сѣли въ катеръ и отправились туда.

Когда мы подъѣзжали къ „Георгію Побѣдоносцу“, тамъ на носовой части палубы была въ сборѣ вся почти команда. Катеръ

подошелъ къ трапу и мы стали выходить. Вахтенный унтер-офицеръ скомандовалъ на палубѣ: „смирно“.

У самаго входа на палубу насъ встрѣтилъ командиръ и, не сходя съ мѣста, какъ бы не желая насъ пропустить, увѣреннымъ тономъ заявилъ:

— Наша команда не желаетъ оставаться съ „Потемкинымъ“ и рѣшила сейчасъ-же идти въ Севастополь.

— Въ такомъ случаѣ вы ужъ позвольте намъ обратиться по этому поводу непосредственно къ командѣ, — сказать я, отстраняя его рукой съ дороги.

Онъ съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ отошелъ въ сторону, и мы взопли на палубу. Толпа зашевелилась и всѣ взоры устремились на насъ. Я вообразился на кучу лежавшихъ здѣсь бревенъ и обратился къ командѣ.

— Товарищи! — началъ я, стараясь пересилить все еще не смолкавшій говоръ толпы.

Тотчасъ-же послышались голоса: „замолчите“, господинъ инженеръ-механикъ съ „Потемкина“ хочетъ говорить!.. „Не сходите, стойте на мѣстахъ!“

— Да что тамъ слушать? — кричали нѣсколько голосовъ изъ группы, окружившей командира. — Идемъ въ Севастополь, и больше ничего!...

Однако скоро и они должны были уступить требованію большинства, и мнѣ дали продолжать.

— Товарищи! Въ ряду дней, пережитыхъ нами, „Потемкинцами“, съ самаго начала возстанія, вчерашній день былъ особенно знаменательнъ: вчера въ лицѣ „Георгія Побѣдоносца“ „Потемкинъ“ приобрѣлъ себѣ сильнаго союзника. Вы, товарищи, сами не захотѣли вчера слѣдовать за уходившей отъ „Потемкина“ эскадрой: вы сами просили насъ прислать къ вамъ депутацію, чтобы отъ самихъ Потемкинцевъ узнать, что привело къ возстанію нашъ броненосецъ, и, узнавши правду, вы сами по общему приговору удалили съ „Георгія Побѣдоносца“ офицеровъ и тѣмъ самымъ отдались вмѣстѣ съ броненосцемъ, созданнымъ народными трудами, на служеніе великому дѣлу освобожденія народа. И мы праздновали вчера ваше присоединеніе, какъ добрый знакъ того, что близокъ уже часъ, когда матросы и солдаты, понявши свою кровную связь съ трудовымъ народомъ, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, готовы будутъ встать вмѣстѣ съ нимъ на защиту его человѣческихъ правъ.

Мы отъ всей души привѣтствовали вчера ваше единодушное рѣшеніе идти съ нами рука объ руку на борьбу съ общимъ врагомъ... Но вотъ едва только минула одна короткая ночь, и вы уже колеблетесь. Между вами раздаются голоса, предлагающіе идти въ Севастополь, чтобы тамъ вступить въ переговоры съ начальствомъ.

Но кромѣ вашей сдачи вмѣстѣ съ броненосцемъ, какой можетъ быть иной исходъ переговоровъ съ начальствомъ, отъ котораго вы только вчера успѣли набавиться, и которое является

только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нашего общаго врага, правительства. Такъ неужели же вы вчера добровольно присоединились къ намъ только затѣмъ, чтобы уже сегодня стать измѣнниками великому дѣлу освобожденія народа? Неужели же вчерашняя рѣшимость ваша уступила мѣсто позорному малодушію? Какой же злой духъ заронилъ сомнѣніе въ ваши души?.. Что смущаетъ васъ?.. Или наши броненосцы не сильны? Или наше дѣло не правое?

Нѣтъ, товарищи!

Наши броненосцы непобѣдимы съ тѣхъ поръ, какъ они перешли на сторону возставшаго народа, ибо у его врага нѣтъ больше такой силы, которую онъ могъ бы противопоставить нашей силѣ, въ этомъ вы могли убѣдиться вчера, когда вся почти Черноморская эскадра должна была бѣжать отъ „Потемкина“, не будучи въ состояніи овладѣть имъ.

Наше дѣло, товарищи, правое, ибо за него стоитъ весь народъ, ибо вмѣстѣ съ народомъ мы идемъ на борьбу за его освобожденіе отъ вѣковаго ига, чтобы нанести послѣдній ударъ его первому и здѣйшему врагу—правительству, которое, затѣявъ по своей прихоти бессмысленную разорительную и позорную войну, съ жестокимъ упорствомъ ведетъ ее вотъ уже второй годъ, несмотря на раздающійся со всѣхъ сторонъ стонъ изнемогающаго отъ этого новаго испытанія народа; которое девятаго января на скромную просьбу петербургскихъ рабочихъ облегчить тяжелую участь трудящихся массъ отвѣчало градомъ пулъ; которое и теперь повсюду разстрѣливаетъ безоружный народъ, когда онъ подымаетъ голосъ за свои права; которое загоняетъ въ тюрьмы и ведетъ на висѣлицу лучшихъ защитниковъ народныхъ правъ и интересовъ; отъ котораго нѣтъ больше житья въ Россіи ни одному народу!!!

Итакъ, товарищи, и сила и правда теперь на нашей сторонѣ! Такъ будемъ же крѣпкимъ духомъ и вмѣстѣ съ нашими грозными броненосцами поспѣшимъ на помощь народу, готовому уже подняться на рѣшительную борьбу съ ненавистнымъ врагомъ! Да здравствуетъ грядущая революція!

Да здравствуетъ истинное народное правленіе!!

Да здравствуетъ свобода и справедливость!!!“

Дружное, многократное „ура“ грянуло въ отвѣтъ на мою рѣчь... Все снова зашевелилось, заволновалось.

„Не пойдемъ въ Севастополь!“

„Не оставимъ „Потемкина!“

Неслось со всѣхъ сторонъ.

Командиръ и его приспѣшники стояли точно пришибленные.

Но вотъ со мною рядомъ появился докторъ Голенко. Онъ знаками сталъ показывать, что хочетъ говорить, и толпа мало-по-малу стихла. Я сошелъ съ импровизированной трибуны. Докторъ началъ. Сначала онъ говорилъ о томъ, что онъ самъ сынъ крестьянина, что вышелъ изъ народа, потомъ увѣрялъ матросовъ, что онъ любитъ ихъ и желаетъ имъ добра и вдругъ, къ моему ужасу, началъ одобрять предложеніе идти въ Севастополь и вступить въ пере-

говору съ начальствомъ. Я опять взобрался къ нему и, понизивъ голосъ, попробовалъ въ короткихъ словахъ объяснить ему, что съ его стороны нетактично говорить въ такомъ тонѣ о походѣ въ Севастополь послѣ того, что было постановлено по этому вопросу нашей комиссіей и послѣ того, что было сказано только что мной, но докторъ не унимался: онъ уже выражалъ надежду на то, что и потемкинцы склонятся на это предложеніе, и оба броненосца сегодня же пойдутъ въ Севастополь.

Командиръ и вся его банда насторожились.

Видя, что докторъ можетъ снова поколебать команду, я рѣшился его перебить и громко заявить, что столь серьезный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только совместно обоими комиссіями и командами обоихъ броненосцевъ и что поэтому теперь, когда еще дѣло идетъ пока только о единодушіи среди матросовъ „Георгія Побѣдоносца“ и „Потемкина“, обсуждать этотъ вопросъ преждевременно и неумѣстно.

— Вы мнѣ не даете говорить,—съ явнымъ раздраженіемъ сказала мнѣ докторъ и сошелъ на палубу.

Тѣмъ не менѣе рѣчь доктора и вся эта сцена произвела на команду свое дѣйствіе. Опять появилась неувѣренность и колебаніе. Съ той стороны, гдѣ стоялъ командиръ, снова слышалось: Что тамъ разговаривать? Идемъ въ Севастополь, и больше ничего. Если „Потемкинъ“ не пойдетъ съ нами, пусть остается здѣсь одинъ!!!

Однако мало-по-малу толпа успокоилась, и я хотѣлъ было снова обратиться къ командѣ, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ матросовъ и заявилъ, что въ командѣ распространился слухъ, будто-бы я вовсе не инженеръ-механикъ „Потемкина“, а переодѣтый неизвѣстный человѣкъ, пришедшій на „Потемкинъ“ изъ Одессы. Я догадался, кто и съ какой цѣлью распространяетъ эту басню и рѣшилъ сейчасъ же положить этому конецъ.

— Товарищи—обратился я къ матросамъ,—мнѣ сейчасъ сказали, что между вами явилось сомнѣніе въ томъ, что я дѣйствительно бывший офицеръ и инженеръ-механикъ съ „Потемкина“. Я думаю, что между вами найдутся такіе, которые знали меня раньше, такъ какъ, когда я въ прошлую кампанію плавалъ на броненосцѣ „Екатерина II-я“, я часто бывалъ на вашемъ броненосцѣ, который тогда былъ флагманскимъ судномъ. Поэтому я прошу знавшихъ меня товарищей выйти впередъ“.

Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ со словами: „я знаю“ вышли впередъ.

— Засвидѣтельствуйте, пожалуйста, передъ вашими товарищами, что я дѣйствительно бывший инженеръ-механикъ флота поручикъ Коваленко,—обратился я къ нимъ.

Команда, не дожидаясь ихъ свидѣтельства, уже кричала:

— Да мы вѣримъ и такъ,—здѣсь многіе васъ знаютъ. Это чья-то интрига.

Инцидентъ такимъ образомъ былъ исчерпанъ, и я снова обратился къ командѣ.

Послѣ сцены, которая произошла между докторомъ и мной, я не могъ уже касаться вопроса относительно похода въ Севастополь и потому сталъ опять лишь призывать къ единодушію и убѣждать не принимать никакихъ рѣшеній безъ совместнаго обсужденія съ потемкинцами. Послѣ этого я сказалъ, что мы хорошо столкнемся сначала у себя, и потомъ всей комиссіей пріѣдемъ снова къ нимъ, чтобы уже окончательно рѣшить, что предпринять въ ближайшемъ будущемъ.

Когда я опять заключилъ свою рѣчь призывомъ къ единодушію и борьбѣ за свободу, въ отвѣтъ снова прозвучало дружное „ура“, снова слышались повсюду голоса за то, чтобы дѣйствовать съ потемкинцами заодно.

Нѣсколько успокоенные мы рѣшили поѣхать обратно на „Потемкинъ“, чтобы тамъ окончательно рѣшить, что предпринять по отношенію къ „Георгію Побѣдоносцу“. Дорогой я высказалъ мнѣніе, что данный моментъ наиболѣе благоприятный для того, чтобы арестовать кондукторовъ и потому слѣдуетъ съ этимъ поспѣшить. Всѣ бывшіе здѣсь товарищи согласились со мной.

* * *

Когда мы прибыли на „Потемкинъ“, тамъ вниманіе всѣхъ было привлечено коммерческимъ пароходомъ, нагруженнымъ очевидно углемъ, который входилъ на рейдъ. Тотчасъ же на встрѣчу ему былъ посланъ миноносецъ съ нѣсколькими надежными матросами, которымъ было поручено во первыхъ осмотрѣть, нѣтъ ли на немъ чегонибудь подозрительнаго, а во вторыхъ предложить капитану продать намъ уголь и подойти сейчасъ же къ борту „Потемкина“; въ случаѣ же онъ не согласится на это добровольно, привести пароходъ силою. Миноносецъ отправился, и черезъ нѣсколько минутъ пароходъ былъ уже у нашего борта. Команда приступила къ перегрузкѣ изъ него угля, а комиссія тотчасъ же собралась въ адмиральскомъ помѣщеніи.

Нечего и говорить, что предложеніе идти въ Севастополь единодушно было признано нелѣпостью и отвергнуто. Мы уже хотѣли перейти къ обсужденію слѣдующихъ вопросовъ, когда къ намъ вошли нѣсколько человѣкъ, пріѣхавшихъ съ „Георгія Побѣдоносца“. Они заявили, что такъ какъ ихъ команда рѣшила дѣйствовать въ полномъ согласіи съ потемкинцами, она проситъ, чтобы ктонибудь изъ господъ офицеровъ перешелъ сейчасъ же на „Георгій Побѣдоносецъ“ для того, чтобы такимъ образомъ установить еще болѣе тѣсную связь между обоими броненосцами; причемъ ей особенно хотѣлось бы видѣть у себя доктора Голенка. Желаніе команды „Георгія Побѣдоносца“ имѣть среди себя кого-нибудь изъ потемкинцевъ казалось намъ совершенно естественнымъ. Что же касается доктора, то, хотя послѣ того, что онъ проповѣдывалъ тамъ, мы не могли считать его подходящимъ для этой дѣли, тѣмъ не менѣе, не предполагая въ немъ какихъ-нибудь коварныхъ замысловъ и приписывая его поведеніе тамъ исключительно его неясному пониманію задачъ нашей комиссіи, мы не

считали для себя возможным не удовлетворить просьбу прихавших товарищей и съ этой стороны, тѣмъ болѣе, что и самъ докторъ весьма охотно соглашался на это. Кромѣ того мы были увѣрены, что снова подтвержденное на этомъ засѣданіи рѣшеніе ни подъ какимъ видомъ не идти въ Севастополь для переговоровъ съ начальствомъ подѣйствовало на него. Впрочемъ нѣкоторые изъ насъ все таки настояли, чтобы вмѣстѣ съ докторомъ были отправлены еще нѣсколько человѣкъ изъ числа сознательныхъ товарищей. Всѣ они вмѣстѣ съ присланными матросами сейчасъ же и отправились на „Георгій Побѣдоносецъ“. При отъѣздѣ мы просили еще разъ напомнить тамъ командѣ нашу просьбу ничего не предпринимать безъ совмѣстнаго съ нами обсуждения.

Проводивъ ихъ, мы занялись обсужденіемъ вопроса: какъ арестовать кондукторовъ на „Георгія Побѣдоносца“, чтобы не смутить такъ легко колебавшуюся команду. Какъ вдругъ къ намъ вбѣжалъ матросъ и въ большомъ волненіи объявилъ, что „Георгій Побѣдоносецъ“ снимается съ якоря. Мы тотчасъ же всѣ выбѣжали на палубу, гдѣ уже кучками толпились матросы. На „Георгія Побѣдоносца“ дѣйствительно поднимали якорь. У насъ подняли сигналъ: „Георгію Побѣдоносцу“ не сниматься съ якоря! Но якорь уже былъ поднятъ, и нашъ коварный союзникъ сразу полнымъ ходомъ двинулся въ море. У насъ снова подняли сигналъ: „Георгію Побѣдоносцу“ возвратиться и стать на якорь на прежнемъ мѣстѣ!.. Онъ продолжалъ уходить. Тогда было приказано отойти отъ борта „Потемкина“ пароходу съ углемъ, а горнистамъ и барабанщикамъ проиграть боевую тревогу и поднять боевой сигналъ. Раздались звуки рожковъ и барабановъ, команда разбѣжалась по обѣимъ мѣстамъ, а на мачтѣ взвился красный боевой флагъ; „Георгій Побѣдоносецъ“ вдругъ замедлилъ ходъ и, повернувшись обратно, сталъ идти по направленію къ намъ. Очевидно угроза подѣйствовала... Вотъ онъ поровнялся съ нами и сталъ проходить мимо. Думая что онъ хочетъ стать на якорь позади насъ, всѣ успокоились, пробили отбой, спустили боевой флагъ...

Вдругъ „Георгій Побѣдоносецъ“ круто поворотилъ и прежде, чѣмъ ктонибудь изъ насъ успѣлъ опомниться, вошелъ въ Одесскій портъ и за моломъ отдалъ якорь.

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, теперь поняли весь смыслъ этого маневра, и у насъ поднялась страшная суматоха, въ которой ничего нельзя было разобрать и которую никакимъ образомъ нельзя было унять. Кто-то обратилъ вниманіе, что отъ „Георгія Побѣдоносца“ отдѣлилась шлюпка и направилась къ намъ. Ей на встрѣчу послали миноносецъ, который черезъ нѣсколько минутъ велъ ее къ намъ на буксирѣ. Скоро можно было видѣть, что въ шлюпкѣ сидятъ посланные нами на „Георгія Побѣдоносца“ товарищи и съ ними одинъ изъ знакомыхъ уже намъ матросовъ тамошней команды Кошуба. Доктора съ ними не было. Еще издали они кричали намъ: „Докторъ Голенко—измѣнникъ! Это онъ предастъ „Георгія Побѣдоносца“!!!“

Когда они взошли на палубу, команда засыпала ихъ вопросами. Вотъ что разсказалъ намъ одинъ изъ нихъ:

— Какъ только мы съ докторомъ прибыли на „Георгій Побѣдоносецъ“, онъ началъ уговаривать команду идти въ Севастополь, увѣряя, что и „Потемкинъ“ послѣдуетъ за ними. Командиръ и всѣ его приспѣшники конечно поддерживали его. Команда была сбита съ толку и заволновалась. Напрасно мы старались уговорить ее не вѣрить доктору и лукавому командиру,—насъ никто уже не слушалъ. Командиръ, пользуясь замѣшательствомъ, сейчасъ же приказалъ сниматься съ якоря и всѣмъ разойтись по своимъ мѣстамъ. Самъ онъ вмѣстѣ съ докторомъ отправился на мостикъ, гдѣ они все время вдвоемъ и распоряжались. Всѣ разошлись, и мы такимъ образомъ были лишены возможности обращаться ко всей командѣ. Пока мы бѣжали отъ одной кучки къ другой, броненосецъ уже снялся съ якоря и далъ машинамъ полный ходъ. Мы догадывались о смыслѣ поднимаемыхъ на „Потемкинѣ“ сигналовъ, а между тѣмъ командиръ и докторъ, войдя въ соглашеніе съ сигнальщиками, разбиравшими сигналы, толковали ихъ командѣ въ томъ смыслѣ, что „Потемкинъ“ тоже сейчасъ снимется съ якоря и пойдетъ за „Георгіемъ Побѣдоносцемъ“. Только когда на „Потемкинѣ“ взвился боевой флагъ, команда догадалась, что ее обманываютъ, испугалась и стала настаивать возвратиться. Командиръ и докторъ, видя, что ихъ затѣя не удалась, уступили настоянію команды. Броненосецъ повернулся и мы пошли къ „Потемкину“. Когда мы стали проходить мимо него, всѣ почти думали, что командиръ хочетъ стать на якорь повади „Потемкина“. Но мы не успѣли опомниться какъ „Георгій Побѣдоносецъ“ круто поворотилъ, съ разгону вошелъ въ самый портъ и отдалъ якорь, уткнувшись носомъ въ мель. Тутъ команда совершенно растерялась; стало очевидно, что огромное большинство готово было отдаться въ руки властей. Видя, что здѣсь все уже погублено, мы, воспользовавшись замѣшательствомъ, спустили шлюпку, и вскочивъ въ нее вмѣстѣ вотъ съ этимъ товарищемъ, направились къ вамъ!..

На нашу команду такая измѣна произвела удручающее впечатлѣніе.

Никто не зналъ, что предпринять.

Одни кричали: Разстрѣлять „Георгія Побѣдоносца“! Другіе возражали, что мы въ такомъ случаѣ больше причинимъ вреда городу, чѣмъ ему, даже и потопить его нельзя, потому что онъ сталъ на мель. Да и не вся команда его виновата въ томъ, что случилось; на голову доктора сыпались проклятія...

Между тѣмъ къ „Георгію Побѣдоносцу“ уже со всѣхъ сторонъ направлялись военные катера.

Ясно было, что при такомъ положеніи дѣлъ и при такомъ упадкѣ духа въ командѣ нечего было и думать не только предпринимать что нибудь рѣшительное по отношенію къ Одессѣ или къ „Георгію Побѣдоносцу“, но даже пытаться добыть въ городѣ все, въ чемъ мы нуждались. Тутъ то и стали раздаваться голоса

за походъ въ Румынію. Нѣкоторые изъ болѣе сознательныхъ имѣли при этомъ въ виду снабдиться тамъ углемъ, прѣсной водой и провизіей, и на свободѣ обдумать дальнѣйшій планъ дѣйствій. Масса же смотрѣла на иностранный портъ, какъ на убѣжище. Всѣ моментально ухватились за эту мысль, и черезъ минуту толпа гремѣла:—Идемъ въ Румынію! Въ Румынію! намъ теперь тутъ нечего дѣлать, если „Георгій Побѣдоносецъ“ намъ измѣнилъ!..

Ничего не остается, какъ покориться и сниматься съ якоря. Напрасно нѣкоторые изъ членовъ комиссіи уговаривали не торопиться такъ съ исполненіемъ этого плана. Большинство не хотѣло ничего и слушать; слышались голоса:

— Если „Георгій Побѣдоносецъ“ такъ измѣнилъ, то что же ждать отъ эскадры, если она опять придетъ?! Надо идти въ Румынію!..

Снялись съ якоря, взяли на буксиръ миноносецъ, приказали „Вѣхи“, сигналомъ слѣдовать за броненосцемъ и тронулись въ путь... Дорогой было рѣшено взять курсъ на Констанцу.

На душѣ было ужасно тяжело. Было невыразимо обидно, что присоединеніе къ намъ „Георгія Побѣдоносца“, которое вчера принесло намъ столько радости и надежды, стало въ концѣ концовъ причиной нашего отступленія отъ Одессы, которая могла бы оказаться въ рукахъ возставшаго народа не только въ томъ случаѣ, еслибы «Георгій Побѣдоносецъ» дѣйствовалъ съ нами за одно, но даже, еслибы онъ ушелъ вмѣстѣ съ эскадрой въ тотъ моментъ, когда она уходила отъ „Потемкина“: не обольщаясь надеждой на присоединеніе эскадры, команда нашего броненосца вмѣстѣ съ тѣмъ перестала бы ее и бояться послѣ того, какъ она два раза ушла отъ насъ ни съ чѣмъ, и такимъ образомъ обратила бы все свое вниманіе на Одессу. Теперь же въ рукахъ военныхъ властей былъ броненосецъ, орудія котораго могли быть обращены противъ возставшихъ. Такимъ образомъ этотъ злосчастный день былъ критическимъ днемъ во всей революціонной кампаніи „Потемкина“. Команда не только упала духомъ, но и въ большей своей части была деморализована примѣромъ „Георгія Побѣдоносца“.

Темныя силы теперь подняли голову и у насъ и мы должны были до конца уже считаться съ ними и съ ихъ пагубнымъ вліяніемъ...

* * *

Спустя часа три, послѣ того какъ мы снялись съ якоря, я вышелъ на палубу и, посмотрѣвъ за корму, вдругъ замѣтилъ, что „Вѣхи“ нѣтъ. Я сталъ смотрѣть кругомъ,—нигдѣ не видно. Въ изумленіи я побѣжалъ на мостики и сталъ разсматривать, куда она дѣвалась. Оказалось, что никто не замѣтилъ, какъ она мало-по-малу отставая скрылась совершенно за горизонтомъ...

Было обидно и досадно: вся команда „Вѣхи“ и нѣсколько нашихъ матросовъ, перевезенныхъ на это судно, поступали въ руки властей! Правда, тѣ матросы, которые были перевезены отъ

насъ туда, были ранены своими же товарищами въ первый моментъ возстанія, когда они въ испугѣ бросались за бортъ; раны были достаточнымъ для нихъ оправданіемъ въ глазахъ начальства; матросы „Вѣхи“ были скорѣе наши плѣнники, чѣмъ союзники, а само это суденышко пожалуй при теперешнихъ условіяхъ могло скорѣе быть для насъ обузой, чѣмъ помощью. Все же справедливость требовала по крайней мѣрѣ взять оттуда къ намъ желающихъ, еслибы таковые оказались. Но дѣлать было нечего. Было уже поздно возвращаться отыскивать ее, и потому мы пошли дальше...

VII.

19-го іюня передъ вечеромъ наконецъ показалась на горизонтѣ Констанца. Я взойшелъ на мостикъ, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ изъ комиссіи. По мѣрѣ того, какъ все яснѣе и яснѣе вырисовывалась изъ тумана Констанца, насъ все болѣе и болѣе волновалъ вопросъ: удастся ли намъ здѣсь добыть все необходимое.

Вотъ мы уже приблизились на столько, что простымъ глазомъ можно было различить отдѣльныя зданія. Вдругъ внезапно налетѣвшій шквалъ въ густомъ облакѣ пыли и тумана скрылъ на нѣсколько минутъ отъ насъ Констанцу.

Недобрый знакъ,—полушута замѣтилъ кто-то. Но шквалъ быстро пронесся, и Констанца, омытая дождемъ, снова предстала передъ нашими взорами.

Черезъ нѣсколько минутъ „Потемкинъ“, не входя въ бухту, отдалъ якорь и сталъ вмѣстѣ съ миноносцемъ противъ порта.

Спустя нѣкоторое время мы замѣтили, что оттуда къ намъ направляется паровой катеръ, въ которомъ при помощи подзорной трубы мы разглядѣли двухъ румынскихъ морскихъ офицеровъ. Ихъ рѣшили встрѣтить согласно требованіямъ международнаго этикета: На палубѣ былъ выставленъ почетный караулъ, а, когда оба офицера вступили на трапъ нашего броненосца, на мачтѣ его взвился румынскій флагъ, и съ марса раздался салютъ изъ мелкихъ орудій. На палубѣ ихъ встрѣтили Кирилль, Фельдманъ, Матющенко, я и еще нѣсколько членовъ нашей комиссіи. Обмѣнявшись съ ними привѣтствіями, мы пригласили ихъ въ каютъ-компанію. Старшій изъ нихъ, который оказался капитаномъ надъ портомъ, сейчасъ же вступилъ съ нами въ переговоры, при чемъ мы объяснялись то по французски, то по нѣмецки. Онъ попросилъ дать ему списокъ всего, въ чемъ мы нуждаемся, который и былъ сейчасъ же составленъ и врученъ ему. На нашъ вопросъ, можемъ ли мы надѣяться на разрѣшеніе получить все это въ Констанцѣ—конечно за наличныя деньги—онъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, своей властью онъ этого сдѣлать не можетъ, но что онъ сейчасъ же телеграфируетъ объ этомъ министру-президенту и, какъ только получитъ отвѣтъ, уведомитъ насъ. Одинъ изъ румынскихъ матросовъ, пріѣхавшихъ съ офицерами,

который немного говорилъ по украински, сообщилъ намъ, что въ Констанцѣ ходитъ слухъ, будто бы какой-то контръ-миноносецъ, который управляется одними офицерами, ищетъ насъ съ цѣлью взорвать „Потемкинъ“. Такое сообщеніе не казалось намъ невѣроятнымъ, и потому мы рѣшили быть на сторожѣ и принять всѣ мѣры предосторожности. Поговоривъ съ нами еще нѣсколько минутъ, оба офицера стали собираться съѣзжать. Команда проводила ихъ со всѣми подобающими почестями. При разставаніи мы вручили имъ для передачи иностраннымъ консуламъ слѣдующіе два документа:

1.

Ко всему цивилизованно-му міру.

„Граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ! Передъ вашими глазами происходятъ грандіозныя событія великой освободительной борьбы: угнетенные и поработанные народы Россіи не вынесли вѣковаго гнета и своеволія деспотическаго самодержавія.

Розореніе, нищета и безправіе, до котораго русское правитель-ство довело многострадальную Россію, переполнили чашу терпѣнія трудящихся массъ. По всѣмъ городамъ и селамъ вспыхнулъ уже пожаръ народнаго возмущенія и негодованія.

Могучій крикъ многомилліонной груди „долой рабскія цѣпи деспотизма и да здравствуетъ свобода!“—какъ громъ раскатился по всей необъятной Россіи.

Но правитель-ство рѣшило, что лучше утопить страну въ народной крови, чѣмъ дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженныхъ борцовъ полилась цѣлыми потоками по всей Россіи.

Однако самодержавіе забыло одно, что темная и забитая армія—это сильное орудіе его кровавыхъ замысловъ—есть тотъ же самый народъ, есть силы тѣхъ же самыхъ трудящихся массъ, которыя рѣшили добиваться свободы. И вотъ мы, команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Тавричскій“, рѣшительно и единодушно дѣлаемъ этотъ первый великій шагъ. Пусть всѣ тѣ братскія жертвы рабочихъ и крестьянъ, которыя пала отъ солдатскихъ пуль и штыковъ на улицахъ и поляхъ, снимутъ съ насъ свое проклятіе, какъ ихъ убійцъ.

Нѣтъ, мы не убійцы, мы не палачи своего народа а защитники его. И нашъ общій девизъ—смерть или свобода для всего народа!

Мы требуемъ непремѣнной пріостановки безсмысленнаго кровопролитія на поляхъ далекой Манджуріи. Мы требуемъ немедленнаго созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. За эти требованія мы единодушно готовы, вмѣстѣ съ нашимъ броненосцемъ пасть въ бою или выиграть побѣду.

Мы глубоко увѣрены, что честные и трудящіеся граждане всѣхъ странъ и народовъ откликнутся горячимъ сочувствіемъ нашей великой борьбѣ за свободу!

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!!

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ и миноносца „№ 267“.

(Печать броненосца):

2.

Ко всѣмъ Европейскимъ державамъ.

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ начала рѣшительную борьбу противъ Россійскаго Самодержавія. Оповѣщая объ этомъ всѣ Европейскія правительства, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы гарантируемъ полную неприкосновенность всѣмъ иностраннымъ судамъ, плавающимъ по Черному морю и всѣмъ иностраннымъ портамъ, здѣсь находящимся.

Та же подпись и печать:

* * *

Едва я успѣлъ, проводивши румынскихъ офицеровъ, возвратиться въ каютъ-компанію, какъ ко мнѣ прибѣжалъ одинъ изъ матросовъ и сказалъ, что къ намъ ѣдетъ на шлюпкѣ командиръ стоящаго въ румынскихъ водахъ русскаго стаціонера ¹⁾. Я снова вышелъ на палубу, гдѣ уже собрались нѣкоторые изъ товарищей. Шлюпка пристала къ борту. Капитанъ съ рапортомъ въ рукѣ вбѣжалъ по трапу на палубу и, встрѣченный мною у входа, остановился, растерянно и въ недоумѣніи поглядывая на окружающихъ.

— Что вамъ угодно, капитанъ,—обратился я къ нему.

— Я... Собственно къ командиру... Съ рапортомъ,—отвѣчалъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—вашъ пріѣздъ сюда является недоразумѣніемъ. Дѣло въ томъ, что броненосецъ „Потемкинъ“ теперь принадлежитъ не правительству, а возставшему противъ него народу и управляется матросами... Развѣ вамъ ничего не извѣстно изъ иностранныхъ газетъ,—невольно удивился я.

— Я иностранныхъ газетъ не читаю, а русскія приходятъ сюда поздно,—отвѣчалъ капитанъ.

Тогда одинъ изъ товарищей въ краткихъ чертахъ разсказалъ ему о случившемся и въ заключеніе еще разъ повторилъ, что „Потемкинъ“ теперь является первымъ революціоннымъ броненосцемъ.

Капитану не оставалось ничего больше, какъ откланяться. Онъ сѣлъ въ свою шлюпку и хотѣлъ уже отваливать, какъ вдругъ опять налетѣлъ шквалъ, и поднялось сильное волненіе.

¹⁾ Военное судно, предназначенное для постоянного пребыванія въ иностранныхъ водахъ.

Видя, что гребцамъ трудно будетъ справиться съ волнами и вѣтромъ, мы предложили капитану отвести его на буксиръ нашимъ паровымъ катеромъ, на что онъ охотно согласился...

Поздно вечеромъ я вышелъ на палубу, чтобы немного подышать свѣжимъ воздухомъ. Ночь была тихая и звѣздная. Съ броненосца отъ прожекторовъ протягивались въ разныя стороны длинные свѣтлые снопы блѣдноглубокихъ лучей, постоянно перемѣщаясь и пересѣкаясь между собой и освѣщая на далекое разстояніе море. А въ сторонѣ Констанцы обрисовывались черныя силуэты зданій и церквей и блестяли безчисленные огоньки. Съ ярко освѣщеннаго приморскаго бульвара доносились звуки стройнаго оркестра... Мнѣ невольно представлялась гуляющая тамъ пестрая толпа, которая, оживленно и весело обсуждая необыкновенное происшествіе—приходъ революціоннаго броненосца, безмятежно любитъ легкой морской зыбью, изумрудомъ переливающейся въ лучахъ нашихъ прожекторовъ. И вся эта полоска земли, гдѣ жизнь шла столь обыденнымъ порядкомъ, казалась мнѣ другимъ міромъ, далекимъ и чуждымъ намъ всѣмъ...

* * *

Утро слѣдующаго дня принесло намъ съ собою разочарованіе. Товарищи, ѣздившіе въ Констанцу за окончательнымъ отвѣтомъ на нашу вчерашнюю просьбу, возвратясь привезли печальную вѣсть: министр-президентъ увѣдомилъ по телеграфу капитана надъ портомъ о томъ, что онъ признаетъ невозможнымъ удовлетворить нашу просьбу, такъ какъ это противорѣчило бы правиламъ международныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ они привезли телеграмму отъ министра, въ которой онъ предлагалъ командѣ „Потемкина“ сдать румынскимъ властямъ броненосецъ и высадиться на румынскую территорію; причемъ своимъ словомъ гарантировалъ всѣмъ неприкосновенность и полную свободу и даже предлагалъ паспорта. Товарищи рассказывали, что военныя власти въ Констанцѣ съ своей стороны уговаривали послѣдовать совѣту министра.

— Мы, конечно, отвѣтили имъ, что броненосца не сдадимъ,—сказалъ Матющенко, который былъ въ числѣ ѣздившихъ въ Констанцу,—и просили ихъ разрѣшить намъ купить въ городѣ хоть сколько нибудь провизіи, такъ какъ мы уже почти три дня питаемся только ржаными сухарями и водой, но намъ и въ этомъ отказали...

Тотчасъ же была собрана комиссія. На засѣданіи прежде всего единодушно было отвергнуто предложеніе министра, и рѣшено идти въ Россійскія воды, чтобы продолжать тамъ начатое дѣло.

Оставалось рѣшить въ какой именно портъ отправиться. Еще въ Одессѣ намъ приходила въ голову мысль пойти въ какой нибудь изъ приморскихъ городовъ Кавказа. Эта мысль и теперь напрашивалась сама собой, такъ какъ намъ было извѣстно, что Кавказъ настроенъ революціонно, болѣе всѣхъ иныхъ областей Россіи. Но нашъ небольшой запасъ угля съ каждымъ часомъ умень-

пался, такъ какъ во время стоянокъ на якорѣ мы должны были на всякій случай поддерживать въ котлахъ пары, вслѣдствіе недостатка прѣсной воды мы должны были питать котлы полусоленой водой, отъ которой они быстро портились, команда, которой приходилось много работать, была уже значительно истощена недостаткомъ пищи,—при такомъ состояніи ея намъ трудно было бы поддерживать въ ней бодрость духа, столь необходимую при какихъ-нибудь рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, а темнымъ силамъ наоборотъ было бы легче смутить ее. Все это заставило насъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы гдѣ-нибудь снабдиться всѣмъ необходимымъ, и мы должны были поэтому остановиться на томъ изъ портовъ, гдѣ намъ было бы легче всего это сдѣлать? Такимъ портомъ единогласно была признана Θεοδοσία, и потому было рѣшено идти прежде всего туда, и если тамъ удастся достать все необходимое, направиться оттуда на Кавказъ.

Послѣ этого на палубѣ была собрана команда, которой были сообщены результаты сегодняшнихъ переговоровъ съ властями Констанцы и предложеніе министра-президента, а также рѣшеніе комиссіи. Послѣ нѣсколькихъ горячихъ рѣчей, обращенныхъ къ собравшимся, всѣ постановленія сегодняшняго засѣданія были почти единодушно одобрены командой. Еще сходка не разошлась, когда къ намъ снова пріѣхали капитанъ надъ портомъ и офицеръ, который пріѣзжалъ съ нимъ раньше и который въ самыхъ горячихъ словахъ выражалъ намъ свое сочувствіе. Они еще разъ попробовали склонить насъ принять предложеніе министра-премьера.

— Вѣдь та задача, которую вы беретесь выполнить, непосильна для одного броненосца,—говорилъ мнѣ симпатичный офицеръ.—Эскадра къ вамъ не присоединилась,—что же въ такомъ случаѣ ждетъ васъ въ російскихъ водахъ?

— Что дѣлать,—отвѣчалъ я ему,—надо, пока можно, не терять надежды на успѣхъ.

Видя, что комиссія остается непреклонной, капитанъ и офицеръ распрощались съ нами, причемъ послѣдній крѣпко и долго пожмать мнѣ руку.—Еслибы я былъ русскій офицеръ, я тоже былъ бы съ вами!—сказалъ онъ мнѣ на прощанье, и мы разстались.

Черезъ часъ „Потемкинъ“ и миноносецъ № 267 снова неслись по волнамъ Чернаго моря, беря курсъ на Θεοδοσίю....

* * *

Въ морѣ, гдѣ каждый часъ не ставилъ передъ нами для разрѣшенія неотложныхъ вопросовъ, какъ это было въ Одессѣ и до нѣкоторой степени въ Констанцѣ, на броненосцѣ все какъ то успокоилось. Я иногда съ невольнымъ любопытствомъ наблюдаю въ теченіе этого двухсуточного перехода оригинальную жизнь нашей вольницы подъ сѣнью вымпела, ¹⁾ Андреевскаго флага и

¹⁾ Вымпелъ—длинная бѣлая лента, имѣющая форму узкаго флага, которая подымается на военныхъ судахъ на одной изъ мачтъ для обозначенія того, что судно въ кампаніи.

краснаго знамени, жизнь, въ которой остатки прежней военной организаціи должны были приноравливаться ко вновь провозвѣщеннымъ принципамъ свободы и равенства и въ которой вообще старое и обычное своеобразно сочеталось съ совершенно новымъ и необычайнымъ. Раздается, напримѣръ, столь обычный на военномъ суднѣ звукъ дудки ¹⁾ вахтеннаго унтеръ-офицера и вслѣдъ за этимъ слышится совсѣмъ уже необычная команда его: „комиссіи собраться въ адмиральскомъ помѣщеніи на засѣданіе!“ или „желающіе и свободные отъ занятій ходи въ адмиральское помѣщеніе на засѣданіе комиссіи!“ Или опять едва замирали послѣдніе звуки рожковъ и барабановъ, которыми обыкновенно сопровождается на военномъ суднѣ спускъ флага при заходѣ солнца, какъ на палубѣ раздавалась свободная рѣчь кого нибудь изъ ораторовъ...

Несмотря на недостатокъ пищи и тяжелую работу впродолженіе обоихъ дней этого перехода, на бакѣ царило большое оживленіе: тамъ, смѣнившись съ вахты и пообедавши сухарями и водой, свободная отъ службы часть команды веселилась. Въ одномъ углу подъ незатѣйливую музыку скрипки и бубна двое самымъ добросовѣстнымъ образомъ, точно на свободѣ у своего лучшаго друга, отплясывали гопака, въ другомъ группѣ матросовъ, усѣвшись въ кружокъ, играла въ карты, въ третьемъ цѣлая толпа забавлялась какой нибудь изъ матросскихъ игръ. Повсюду слышался говоръ, смѣхъ и пѣсни. Невольно на мысль приходили рассказы о запорожцахъ, которые когда-то носились на своихъ байдакахъ по волнамъ этого самаго Чернаго моря, тѣмъ болѣе, что повсюду слышалась почти исключительно украинская рѣчь. Но несмотря на бодрое въ общемъ настроеніе команды, нѣкоторые отдѣльные факты и явленія озабочивали насъ: Алексѣевъ былъ мрачнѣе тучи и часто таинственно перешептывался съ кондукторами; Калюжновъ походилъ скорѣе на тѣнь, чѣмъ на живого человѣка и почти не вставалъ со своего дивана. Я серьезно началъ бояться, что онъ умретъ раньше, чѣмъ мы придемъ въ Θεοδοсію. Одинъ изъ кондукторовъ началъ обнаруживать явные признаки психическаго разстройства. Ко мнѣ, вслѣдствіе ослабленія организма или простуды, привязалась лихорадка, которая меня порядочно угнетала. Темныя силы уже не дремали: одного изъ кондукторовъ пришлось посадить снова подъ арестъ...

Во время этого перехода я часто сживалъ на верхнемъ мостикѣ, откуда можно было видѣть весь почти броненосецъ. Ко мнѣ приходилъ туда Матюшенко, и мы завязывали съ нимъ долгую бесѣду или затягивали пѣсню... Иногда къ намъ подсаживалось еще нѣсколько человѣкъ, появлялись кости, и мы на часъ, другой увлекались игрой.

Въ концѣ втораго дня показались Россійскіе берега. Чтобы

¹⁾ Дудка—свистокъ, въ который унтеръ-офицеры свистятъ передъ отдачей всякаго распоряженія или команды, чтобы предварительно обратить этимъ вниманіе команды, а иногда также и во время исполненія матросами отданнаго приказанія для ихъ подбадриванія.

своимъ появленіемъ не навести страха на мирныхъ жителей Θεодосіи, рѣшено было, подходя къ ней, разцвѣтить броненосецъ флагами.

VIII.

22-го іюня, около 8 часовъ „Потемкинъ“ сталъ на якорь на Θεодосійскомъ рейдѣ. Отъ носа его черезъ обѣ мачты и до кормы протянулась гирлянда разноцвѣтныхъ флаговъ, а надъ кормовой башней двѣнадцатидюймовыхъ орудій развѣвалось красное знамя съ надписями,—съ одной стороны: „Свобода, равенство, братство“, а съ другой: „Да здравствуетъ народное правленіе!“

Скоро вся набережная была усыяна народомъ, стекавшимся туда со всѣхъ сторонъ. Съѣхавшіе на берегъ товарищи потребовали на броненосецъ представителей города, которые не замедлили къ намъ явиться. Мы сказали имъ, что пришли въ Θεодосію лишь затѣмъ, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ, и что мы надѣемся, что городъ намъ въ этомъ не откажетъ. Представители попросили дать имъ списокъ всего, въ чемъ мы имѣемъ нужду, и общались въ возможно скоромъ времени все доставить. Списокъ тотчасъ же былъ составленъ и врученъ имъ. Кромѣ того имъ были вручены: описаніе начала возстанія на броненосцѣ и наши воззванія, причемъ мы просили ихъ сегодня же устроить экстренное и публичное засѣданіе городской думы и тамъ это прочесть.

Днемъ дѣйствительно состоялось такое засѣданіе, и на немъ было постановлено удовлетворить требованіе команды „Потемкина“ относительно снабженія броненосца всѣмъ необходимымъ и просить военныя власти и администрацію не препятствовать городу въ этомъ, чтобы не довести такимъ образомъ до конфликта съ революціоннымъ кораблемъ.

Часовъ около 12-ти дня на горизонтѣ показалось какое то коммерческое судно, которое направлялось къ Θεодосіи. Когда оно приблизилось, ему былъ данъ съ „Потемкина“ сигналъ остановиться и подождать отъ насъ посланныхъ. Пароходъ сталъ, и къ нему направился нашъ миноносецъ, на которомъ были отправлены нѣсколько человекъ съ цѣлью освидѣтельствовать пароходъ.

Черезъ полчаса миноносецъ возвратился, и посланные сказали, что на пароходѣ не оказалось ничего подозрительнаго. Тамъ они между прочимъ слышали подтвержденіе слуха о контръ-миноносцѣ, который ищетъ „Потемкинъ“. Пароходу сигналомъ было разрѣшено войти на рейдъ и стать на якорь.

Съ берега между тѣмъ была привезена выпущенная мѣстной газетой телеграмма, заключающая въ себѣ правительственное сообщеніе о „Потемкинѣ“ и „Георгіи Побѣдоносцѣ“. Изъ нея мы узнали, что на „Георгіи“ раскаявшейся командой были выданы 67 человекъ, какъ зачинщики. Это извѣстіе произвело

на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Между командой послышались опять проклятія по адресу Георгіевскихъ кондукторовъ и доктора Голенка.

Передъ вечеромъ намъ была доставлена часть провіанта. Между прочимъ нѣсколько живыхъ быковъ, куръ и пѣтуховъ. Другую часть представители города обѣщали доставить завтра утромъ. Относительно же угля и прѣсной воды сказали, что градоначальникъ всякими мѣрами препятствуетъ снабженію „Потемкина“ этици матеріалами, и что у нихъ есть еще нѣкоторая надежда на губернатора, который долженъ пріѣхать сегодня ночью и который, можетъ быть, окажется благоаумнѣе и не станеть вынуждать „Потемкинъ“ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

Такимъ образомъ вопросъ относительно снабженія нашего броненосца углемъ и прѣсной водой, которые были намъ даже болѣе необходимы, чѣмъ провіантъ, и здѣсь осложнился. На благоауміе губернатора, конечно, было наивно со стороны представителей города возлагать какія бы то ни было надежды. Тѣмъ не менѣе у насъ рѣшено было подождать до утра.

Взглянувъ какъ-то на берегъ, я не безъ удивленія замѣтилъ, что склонъ холма, возвышавшагося за Теодосіей, устѣянъ народомъ который валилъ туда изъ города по всѣмъ дорогамъ. Взявъ подозрную трубу, я сталъ всматриваться въ эту шевелящуюся, словно муравейникъ, массу людей, и у меня невольно сжалось сердце: Это жители Теодосіи убѣгали изъ города, вѣроятно боясь, что „Потемкинъ“ и здѣсь, какъ въ Одессѣ, откроетъ стрѣльбу изъ орудій. Другъ друга обгоняя, другъ съ другомъ сталкиваясь, съ узлами и дѣтьми на рукахъ эти объятые паникой люди спѣшили поскорѣе и подальше уйти отъ своихъ пепелищъ и отъ грозныхъ орудій „краснаго“ броненосца.

* * *

Утромъ кто-то принесъ съ берега вѣсть, что въ порту есть около 15-ти тысячъ пудовъ антрацита въ баркасахъ. Хотя антрацитъ былъ и мало пригоденъ для нашихъ котловъ, тѣмъ не менѣе въ крайности можно было употреблять и его, и потому рѣшено было отправить нѣсколько человекъ, чтобы купить этотъ антрацитъ у владѣльца и прибуксировать его миноносцемъ къ борту „Потемкина“.

Тотчасъ же нѣсколько товарищей, въ томъ числѣ Матющенко и Фельдманъ, сѣли на катеръ и въ сопровожденіи миноносца отправились въ портъ.

Не прошло и получаса послѣ этого, какъ на берегу раздался трескъ ружейныхъ выстрѣловъ. Я выбѣжалъ на палубу. Отъ берега къ броненосцу неслись полнымъ ходомъ миноносецъ и катеръ, а съ берега продолжали доноситься звуки выстрѣловъ. Нѣсколько пуль ударились о броню башни двѣнадцатидюймовыхъ орудій и упали на палубу.

Когда катеръ подошелъ къ трапу, всѣ бывшіе на палубѣ бросились къ борту, чтобы скорѣе узнать, что случилось. Въ

катерѣ около штуръ-вала стоялъ Матющенко, а на днѣ лежали матросы: Циркуновъ съ раздробленной головой и окровавленный Козленко. Обоихъ ихъ сейчасъ же отнесли въ лазаретъ, а Матющенко, взойдя на палубу, въ большомъ волненіи разсказалъ намъ слѣдующее:

„Когда мы подошли къ баркасамъ съ антрацитомъ, мы нашли тамъ ихъ владѣльца, который въ отвѣтъ на наше предложеніе продать антрацитъ отвѣтилъ, что онъ его даритъ намъ съ тѣмъ, чтобы мы въ цѣлости возвратили баркасы. Тотчасъ же нѣсколько человѣкъ изъ насъ вошли на одинъ изъ баркасовъ и начали выбирать якорь, чтобы потомъ взять его на буксиръ; я съ другими товарищами остался въ катерѣ. Всѣ мы были совершенно спокойны, такъ какъ и не подозрѣвали о какой-нибудь засадѣ. Вдругъ откуда-то изъ-за угла раздался ружейный выстрѣлъ. Бывшіе въ баркасѣ попадали въ воду и на уголь; около меня повалились на дно катера Циркуновъ и Козленко. Миноносецъ помчался по направленію къ броненосцу. Одной изъ пуль на катерѣ былъ поврежденъ регуляторъ паровой машины, и онъ, никто изъ насъ не успѣвъ, пошелъ было полнымъ ходомъ прямо въ берегъ. Я едва успѣлъ ухватиться за руль и направилъ его сюда. Всю дорогу насъ осыпали градомъ пуль. Всѣ бывшіе на баркасѣ навѣрно погибли.

Среди команды произошло необыкновенное смятеніе. Нѣкоторые кричали: „Разгромимъ Θεодосію!“—и даже бросились было къ пушкамъ. Болѣе благоразумные однако остановили ихъ, убѣдивъ, что городъ въ этомъ не виноватъ, а предатели солдаты и военныя власти сумѣютъ укрыться отъ ядеръ. Одинъ командоръ былъ такъ взволнованъ всѣмъ происшедшимъ, что тутъ же упалъ замертво, пораженный параличомъ сердца.

Вся команда столпилась на палубѣ. Среди неимовернаго шума и гама раздавались голоса: „Нѣтъ намъ ни откуда поддержки! Въ Одессѣ намъ измѣнилъ „Георгій Побѣдоносецъ“, здѣсь въ насъ предательски стрѣляютъ армейцы, и мы должны терять товарищей, чтобы добыть угля. Самыхъ смѣлыхъ изъ насъ скоро перебьютъ поодиночкѣ, а остальныхъ голыми руками заберутъ вмѣстѣ съ обезсиленнымъ броненосцемъ!“

„Намъ остается только идти въ Румынію, пока мы еще способны двигаться!

— „Въ Румынію! Въ Румынію!“ — кричала скоро вся тѣла.

Напрасно болѣе стойкіе старались уговорить идти на Кавказъ или хотя узнать, прежде чѣмъ уходить отсюда, что стало съ товарищами, которые были въ баркасѣ съ углемъ,—убѣжденія уже не дѣйствовали, тѣмъ болѣе, что всѣмъ было павѣстно состояніе самого броненосца и его экипажа, ставшее къ этому времени дѣйствительно плачевнымъ: котлы отъ употребленія соленой воды, а отчасти и отъ недостатка ухода, готовы уже были отказаться служить; нѣкоторые механизмы и части главныхъ машинъ требовали тщательной переборки; запасъ угля

съ каждымъ часомъ истощался, такъ какъ необходимо было все время держать котлы подъ парами, и мы черезъ сутки, даже при стоянці на якорѣ, могли остаться почти безъ угля и такимъ образомъ лишиться возможности двинуться съ мѣста. Команда была страшно истощена, многіе изъ машинистовъ и кочегаровъ начали болѣть; вся организація сильно расшаталась. Темныя силы, пользуясь упадкомъ духа среди команды, почти открыто стали проповѣдовать походъ въ Севастополь, чтобы сдать въ власть и принести повинную начальству. Передъ глазами невольно вставалъ печальный исходъ дѣла на „Георгія Побѣдоносца“.

Положеніе было въ высшей степени критическое, и стоявшіе во главѣ возстанія были теперь безсильны прогнать стоящую намѣренію огромнаго большинства подги сейчасъ же въ Румынію.

Исполнявшій подъ надзоромъ комиссіи обязанности командира кондукторъ, пользуясь такимъ настроеніемъ, сейчасъ же началъ хлопотать относительно съѣмки съ якоря; скоро вся команда разошлась по своимъ мѣстамъ для поднятія якоря, и черезъ какихъ нибудь четверть часа мы были уже снова въ морѣ, держа курсъ къ Румынскимъ берегамъ.

Убитый Циркуновъ и умершій командоръ были похоронены въ морѣ...

* * *

24-го іюня, около одиннадцати часовъ вечера мы прибыли въ Констанцу. Лишь только мы стали на якорь, какъ съ берега на броненосецъ донесся чей-то голосъ, нѣсколько разъ окликнувшій „Потемкинъ“. Тогда же нѣсколько товарищей отправились туда. Тамъ ихъ встрѣтилъ румынскій офицеръ, который спросилъ о цѣли нашего прихода въ Констанцу. Узнавъ о состояніи нашего броненосца и команды, онъ сталъ убѣждать въ необходимости высадиться на Румынскую территорію и увѣрять въ полной безопасности команды „Потемкина“ подъ покровительствомъ румынскихъ законовъ.

Утромъ къ намъ пріѣхалъ знакомый уже намъ капитанъ надъ Констанцкимъ портомъ, и „Потемкинъ“ былъ сданъ и введенъ въ портъ, гдѣ собравшіяся на берегу толпа народа привѣтствовала его появленіе съ большимъ энтузіазмомъ.

Въ нашихъ переговорахъ съ румынскими властями большую услугу оказать намъ одинъ изъ тамошнихъ социалистовъ болгаринъ докторъ Раковский, который пріѣхалъ на броненосецъ вѣдѣ за капитаномъ надъ портомъ.

Послѣ обѣда всѣ мы съѣхали со своего броненосца, а въ 3 часа пополудни на мѣсто спущеннаго Андреевскаго флага былъ поднятъ румынскій.

Мининосцы вмѣстѣ со всей почти его командой отправились въ Севастополь, не смогши изъ увѣщаній съ нашей стороны, гдѣ, какъ оказалось, и сдать начальству, принеся повинную.

Въ Констанцѣ между командой были раздѣлены оставшіяся на „Потемкинѣ“ двадцать четыре тысячи рублей.

Скоро мы были окружены попеченіями румынскихъ соціалистовъ. Къ вечеру Матющенко и я были уже въ штатскомъ платьѣ. Всѣ свои знаки офицерскаго званія: саблю, кортикъ, погоны и нагрудный инженерскій знакъ я раздарилъ на память новымъ румынскимъ друзьямъ.

На слѣдующее утро Матющенко, Кирилъ и я уже были въ Бухарестѣ...

Спустя нѣсколько дней мы узнали, что „Потемкинъ“ сданъ пришедшей въ Констанцу русской эскадрѣ. Алексѣевъ, Калужновъ, всѣ кондукторы и съ ними около 60 человекъ команды тотчасъ же явились къ адмиралу, командовавшему эскадрой, и сдались.

Такъ кончилось возстаніе на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій“.

Уже нескоро послѣ этого я узналъ, что студентъ Фельдманъ, перешедшій къ намъ съ „Георгія Побѣдоносца“, матросъ Кашуба и матросъ Заулошиновъ не были убиты въ Феодосіи, а были лишь арестованы тамъ.

Впослѣдствіи Фельдману удалось бѣжать, Кашуба былъ разстрѣлянъ въ Севастополѣ, а Заулошиновъ сосланъ въ каторжныя работы.

А. Коваленко.

Дѣло Янковскаго.

(1862 годъ).

12 января 1857 г. былъ уволенъ изъ Ольвiопольскаго уланскаго графа Остенъ-Сакена полка, съ чиномъ поручика, Янковскій. По увольненіи въ отставку онъ проживалъ въ Варшавѣ до 1860 г., откуда затѣмъ уѣхалъ въ Краковъ. Здѣсь мѣстная власть обнаружила связь Янковскаго съ тайнымъ политическимъ обществомъ изъ тамошнихъ студентовъ, почему Янковскій 7 iюня того же года уѣхалъ въ Парижъ. На возвратномъ пути, въ Щаковѣ онъ былъ подвергнутъ полицейскому обыску, которымъ у него обнаружена была наличность запрещенныхъ брошюръ и предосудительныхъ бумагъ; онъ былъ арестованъ и препровожденъ въ Краковъ.

Съ своей стороны и русская правительственная власть, освѣдомившись объ арестѣ Янковскаго, распорядилась произвести обыскъ въ его квартирѣ въ Варшавѣ, гдѣ также была найдена нелегальная литература и переписка съ лицами, заподозрѣнными въ политической неблагонадежности. По препровожденіи Янковскаго въ Россію онъ былъ преданъ военному суду.

Изъ допроса Янковскаго выяснилось, что онъ по выходѣ въ отставку, познакомясь въ Варшавѣ съ артистами и студентами — медиками, открылъ для нихъ въ своей квартирѣ, по средамъ и субботамъ, собранія, гдѣ прочитывались статьи изъ „Колокола“, „Обзоръ дѣлъ Польши“ и переводы съ французскихъ запрещенныхъ книгъ. Была также образована денежная складчина для отправки въ университеты неимущихъ молодыхъ людей и пріобрѣтенія для нихъ книгъ; денежный взносъ установленный въ незначительномъ объемѣ, по 50 коп. въ мѣсяцъ, поступалъ отъ членовъ исправно, и вскорѣ сборъ денегъ былъ совершенно прекращенъ. Переписка же, найденная у Янковскаго, доказывала мечты его о вооруженномъ возстаніи Польши.

Военный судъ приговорилъ Янковскаго къ заключенію въ крѣпости на два года. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ сослать его въ каторжные работы на четыре года. 14 iюня 1862 г. заключеніе генераль-аудиторіата было Высочайше подтверждено.

Съѣздъ земскихъ дѣятелей 6—9 ноября 1904 года въ Петербургѣ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Съѣзды земскихъ дѣятелей начались по инициативѣ Д. Н. Шипова давно, кажется, еще въ годъ коронаціи 1894 года. Сначала Шиповъ началъ приглашать предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ для обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые подлежали проведенію въ ближайшихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ; съ самаго же начала въ число приглашенныхъ началъ входить и кружокъ лицъ близкихъ инициаторамъ этого дѣла, близкихъ, въ качествѣ и друзей и единомышленниковъ. Съѣзды скоро завоевали себѣ любовь участниковъ, а высочайшее неодобреніе, объявленное имъ въ 1902 году, вызвало къ нимъ интересъ и вообще лѣвыхъ земскихъ группъ. Общее направленіе Шиповскихъ съѣздовъ было несомнѣнно прогрессивное, несомнѣнно культурное, но имъ былъ приданъ съ самаго начала славянофильскій оттѣнокъ; основное ихъ положеніе состояло въ тезисѣ: государство должно быть основано не на правовомъ началѣ, а на началѣ любви Государя къ подданнымъ и наоборотъ. Не знаю когда изъ Шиповскихъ съѣздовъ, а отчасти и помимо нихъ образовалась группа земцевъ, ставившая своею цѣлью проведеніе въ жизнь началъ права, т. е. созданіе государства не на началахъ социальнo-этическихъ, а на началахъ чисто правовыхъ; группа эта, въ отличіе отъ первыхъ, называлась конституціоналистами. Когда она образовалась, кто былъ первый инициаторъ этого—я достовѣрно не знаю, такъ какъ до 23 февраля 1904 года я зналъ объ этихъ организаціяхъ только по наслышкѣ и самъ участія ни въ какихъ съѣздахъ не принималъ.¹⁾

Въ январѣ 1904 года я получилъ приглашеніе отъ А. А. Стаховича пріѣхать въ Москву къ Ю. А. Новосильцеву на чашку чая съ предупрежденіемъ, что тамъ соберутся и другіе земцы для обсужденія нѣкоторыхъ земскихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, я не

¹⁾ Олѣты на всѣ вопросы, которые ставитъ здѣсь авторъ настоящей статьи, — предсѣдатель Валуйской уѣздной земской управы (Воронежской губ.) баронъ Р. Ю. Будбергъ.—читатели найдутъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ „Вѣстога“ въ статьѣ И. П. Бѣлоконскаго „Земское движеніе до образованія „Союза Освобожденія“.

записать тогда всѣхъ участниковъ этого перваго съѣзда и теперь не могу всѣхъ вспомнить. Народу было душъ около 40 отъ 20 или 21 губерніи; изъ Воронежцевъ были кромѣ меня В. И. Колубакинъ и Д. А. Перелешинъ. Для всѣхъ участниковъ съѣзда было совершенно ясно, что то положеніе, въ которомъ находится Россія, долѣе продолжаться не можетъ; культурная работа при режимѣ Плеве невозможна, а отсутствіе ея слишкомъ опасно для Россіи, такъ какъ ведетъ даже не къ революціи, а прямо къ Пугачевщинѣ; въ силу такихъ соображеній, и находя, что единственными организованными общественными силами въ Россіи являются земства, всѣ земцы пришли еще и раньше къ заключенію, что на обязанности современныхъ земствъ лежитъ довести до свѣдѣнія правительства о необходимости введенія въ Россіи конституціоннаго образа правленія. Вопросъ этотъ не вызывалъ принципиальныхъ разногласій и всѣ пренія сводились къ вопросу о своевременности внесенія такихъ предложеній въ земскія собранія. Ввиду войны вопросъ обострился еще болѣе. Изъ рѣчей помню: первую рѣчь г. Петрово-Соловово, доказывавшаго невозможность внесенія подобныхъ предложеній, ввиду страшнаго подъема патріотическаго чувства въ странѣ, благодаря только что объявленной войнѣ; рѣчь Н. Н. Львова, доказывавшаго, что монархизмъ стоитъ несомнѣнно неизмѣнно, что авторитетъ Царя огроменъ и непоколебленъ, но что въ то же время реформы въ освободительномъ духѣ до представительнаго собранія включительно не только не уменьшаютъ ореолъ Царя, но наоборотъ, поднимаютъ его авторитетъ въ глазахъ народа, такъ какъ снимутъ съ него отвѣтственность за ошибки и злоупотребленія бюрократіи. Помню сильное впечатлѣніе отъ рѣчи Ф. И. Родичева, который говорилъ, что „если вы, господа, не скажете вашего слова въ земскихъ собраніяхъ, то его скажутъ другіе слои общества“, и что этимъ историческая роль земства будетъ сведена къ нулю, что онъ и такъ думаетъ, что вопросъ о конституціи подвергнется обсужденію общества ранѣе декабря этого года (времени губернскихъ земскихъ собраній) и что такимъ образомъ мы, земцы, опоздаемъ. Помню, общее впечатлѣніе съѣзда было таково: я никогда въ жизни не видѣлъ такой массы людей уже не первой молодости, съ большимъ и у многихъ славнымъ прошлымъ и въ области общественной работы, и въ области науки, такихъ прямыхъ, честныхъ, какъ мнѣ казалось подъ часъ и увлекающихся, но, во всякомъ случаѣ, живыхъ и очень юныхъ духомъ. Постановленія, кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ, относящихся до поведения на ближайшихъ экстренныхъ губернскихъ земскихъ собраній по случаю войны, сводились къ тому, что ввиду того, что событія идутъ съ ужасающей быстротой, пока ничего определеннаго сказать нельзя, ибо нельзя предвидѣть, какъ пойдетъ война, да и вообще что будетъ къ декабрю, почему необходимо собраться еще разъ передъ очередными губернскими собраніями и тогда обсудить все снова; до тѣхъ же поръ предоставить каждому, по его усмотрѣнію, проводить въ жизнь что будетъ возможно изъ общей программы.

Такъ обстояло дѣло до начала ноября. Смерть Плеве, рѣчи Мирскаго, свѣжая струя въ печати—все это дало возможность вдохнуть свободнѣе; цѣлый рядъ адресовъ и пригѣтствій Мирскому вызвалъ интересъ въ обществѣ къ земству, а насъ, рядовыхъ земскихъ работниковъ, окрылилъ надеждой на возможность болѣе широкой культурной работы на мѣстахъ; сейчасъ же пошелъ притокъ новыхъ силъ въ земства, были случаи, когда люди, раньше отказывавшіеся отъ непосредственной земской работы, только благодаря словамъ Мирскаго, шли на нее, платно и бесплатно, бросая свое подѣ часть большое личное дѣло. Въ большинствѣ уѣздныхъ земскихъ собраній впервые была борьба изъ-за званія губернскихъ гласныхъ и почти вездѣ эта борьба кончалась тѣмъ, что составъ губернскихъ гласныхъ избирался болѣе лѣвый, т. е. болѣе культурный, болѣе способный къ созидательной работѣ. Понятно поэтому съ какимъ удовольствіемъ я получилъ во второй половинѣ октября опять приглашеніе на чашку чая къ Ю. А. Новосильцеву въ Москву на 2-е ноября.

Первое засѣданіе 2-го ноября въ Москвѣ было у Ю. А. Новосильцева. На этотъ разъ собралось уже болѣе 60 душъ отъ 29 губерній. Засѣданіе началось сообщеніемъ И. И. Петрункевича и князя Львова о томъ, что объявленный на 6-е ноября въ Петербургѣ съ Высочайшаго соизволенія съѣздъ предсѣдателей губернскихъ управъ и другихъ земскихъ дѣятелей не можетъ состояться 6-го ноября, такъ какъ Государь нашелъ нужнымъ перенести его на время послѣ окончанія земскихъ собраній, то есть на конецъ января 1905 года; намъ было сообщено, что программа, изложенная въ пригласительномъ письмѣ Ф. А. Головина и выработанная наскоро Шиповымъ, Петрункевичемъ и кн. Львовымъ, была показана Мирскому и имъ одобрена; бюро было у Мирскаго два или три раза и повидимому ему были сообщены и тезисы къ запискѣ профессора Якушкина, по вопросу „объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго развитія нашей общественной жизни“. Противъ тезисовъ Мирскій замѣчаній не сдѣлалъ. На заявленіе депутаціи, что большинство приглашенныхъ со всѣхъ концовъ Россіи уже ѣдетъ, и что отмѣнить приглашеніе уже нельзя, что люди съѣдутся и обязательно соберутся для обсужденія земскихъ вопросовъ, а также и на вопросъ о томъ, не будутъ ли участники съѣзда подлежать отвѣтственности за свои рѣчи въ этомъ совѣщаніи, Мирскій отвѣтилъ уклончивой фразой: „если земцы соберутся здѣсь (т. е. въ Питерѣ) въ частной квартирѣ за чашкой чая, то я прикажу полиціи смотрѣть на это сквозь пальцы“. Сдѣлаю маленькое отступленіе: запишу, какимъ образомъ возникла мысль и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на съѣзды земскихъ дѣятелей 6-го ноября въ Питерѣ. Предсѣдатель Харьковской губернской управы В. Г. Колокольцевъ, обѣдая какъ-то у Гербеля (начальника главнаго управленія по дѣламъ хозяйств.), въ разговорѣ сообщилъ ему, что въ ноябрѣ предстоитъ въ Москвѣ съѣздъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей, по вопросамъ подлежащимъ проведенію въ очеред-

ныхъ декабрьскихъ губернскихъ собраніяхъ, а также по вопросамъ связаннымъ съ войной. На это Гербель (самъ участвовавшій въ сѣздѣ предсѣдателей губернскихъ управъ въ 1902 году и получившій за это высочайшее неодобреніе, чѣмъ нынѣ сильно гордится), сказалъ, что очень неудобно такіе сѣзды устраивать нелегально безъ разрѣшенія, да еще въ Москвѣ, гдѣ великій князь Сергій Александровичъ на это смотритъ очень косо, и предложилъ переговорить съ Мирскимъ, чтобы получить разрѣшеніе. Мирскій отвѣсилъ къ предложенію сочувственно. Тогда были приглашены въ Петербургъ еще нѣкоторые предсѣдатели, кажется, князь Львовъ, Масленниковъ, Головинъ и Шиповъ; они переговаривали съ Мирскимъ и рѣшили устроить сѣздъ 6 ноября, на что и было получено высочайшее соизволеніе. Условіемъ было поставлено, что будутъ приглашены предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ и лица участвовавшія раньше въ Шиповскихъ сѣздахъ; исключеніе было сдѣлано для одного И. И. Петрункевича. Такъ обстояло дѣло до 31 октября или 1 ноября, когда разрѣшенный сѣздъ былъ отложенъ. Теперь продолжаю о московскихъ засѣданіяхъ. По выслушаніи сообщенія И. И. Петрункевича и князя Львова въ совѣщаніи возникъ вопросъ, какъ держать себя намъ, т. е. конституціоналистамъ. Не разрѣшенный сѣздъ сильно развязывалъ намъ руки. Во первыхъ, программа становилась необязательною, во вторыхъ, составъ сѣзда могъ сильно измѣниться, такъ какъ въ него могли войти и лица, не бывшія ранѣе на Шиповскихъ сѣздахъ, и, въ третьихъ, исчезла опасность имѣть предсѣдателя съ большимъ колокольщикомъ, — кого либо вродѣ Гербеля; съ другой стороны, явилось опасеніе, что сѣздъ, имѣя въ числѣ членовъ значительное количество предсѣдателей губернскихъ управъ, можетъ постановить резолюціи для насъ нежелательныя.

Послѣ прочтенія записки Якушкина и тезисовъ къ ней, засѣданіе, принявъ почти всѣ ея пункты такъ, какъ они были изложены, и не углубляясь особенно въ редакцію каждаго положенія, перешло довольно быстро къ 9 пункту тезисовъ, къ вопросу объ участіи въ законодательствѣ. Редакція этого пункта не удовлетворила почти никого изъ участниковъ московскаго совѣщанія: въ ней увидѣли возможность ловушки, возможность созданія совѣщательнаго органа при одномъ изъ существующихъ правительственныхъ учрежденій. Такой исходъ, по мнѣнію москвичей, былъ бы проваломъ дѣла. Въ самомъ совѣщаніи сейчасъ же обозначалось два мнѣнія; болѣе крайнее требованіе созыва учредительнаго собранія и всеобщей подачи голосовъ, и болѣе умѣренное. Крайнихъ съ ехидствомъ спрашивали: „если при всеобщей подачѣ голосовъ Іоаннъ Кронштадтскій выставитъ свою кандидатуру, то кто, по ихъ мнѣнію, получитъ больше голосовъ, чѣмъ онъ?!! Тѣ отвѣчали, что несомнѣнно никто, но что вѣдь Іоаннъ Кронштадтскій одинъ. Вообще пренія были очень оживленныя, и подѣль часъ страстныя. Въ концѣ концовъ рѣшили просить представителей обоихъ направлений представить редакціи желательныхъ для нихъ постановленій.

Редакція крайнихъ состояла изъ слѣдующихъ 4 пунктовъ: 1) необходимость введенія въ Россіи конституціоннаго образа правленія, 2) въ выработкѣ формъ русской конституціи правоспособенъ лишь русскій народъ, а поэтому съѣздъ и не признаетъ себя въ правѣ предложить какой-либо проектъ такого законодательнаго акта. Этотъ пунктъ отвергнуть окончательно; однимъ изъ мотивовъ было указано на то, что если конституція будетъ намъ и Высочайше дарована, то вѣдь мы отъ нея не откажемся. 3) Для выработки органическаго конституціоннаго закона необходимо призвать народъ въ лицѣ: а) или учредительнаго собранія, или в) свободно избранныхъ представителей; (этотъ пунктъ оставленъ открытымъ). 4) Свобода печати, совѣсти, сходамъ, собраній и т. д., какъ гарантія выборовъ, и политическая амністія.

Резолюція болѣе умѣренныхъ: для нормальнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо участие всего народа: 1) въ осуществленіи законодательной власти, 2) въ утвержденіи государственнаго бюджета, 3) въ контролѣ; а) за дѣятельностью отвѣтственныхъ министровъ и в) за исполнительною властью черезъ представительное выборное собраніе.

Съѣздъ принялъ полностью послѣднее мнѣніе и рѣшилъ проводить это на съѣздѣ въ Петербургѣ 6 ноября. Здѣсь у съѣзда явилось опасеніе, удастся-ли провести такую резолюцію и отчасти ввиду этихъ опасеній, а главное ввиду желанія многихъ изъ неучаствовавшихъ въ Шиповскихъ съѣздахъ попасть въ Питеръ на 6 ноября, возникъ вопросъ о пополненіи Петербурскаго съѣзда новыми членами изъ числа москвичей. Тѣ представители бюро Шиповскаго съѣзда, которые были въ нашемъ засѣданіи, не нашли возможнымъ пригласить всѣхъ москвичей по двумъ причинамъ: во-первыхъ, ввиду трудности подыскиванія частной квартиры, въ которой могло бы помѣститься болѣе 150 человекъ, а главное они боялись обвиненія въ умысленномъ подборѣ лицъ, заведомыхъ противниковъ славянофильскихъ взглядовъ Шипова и другихъ членовъ бюро. Поэтому было рѣшено, что всѣ желающіе попасть въ Питеръ должны записаться на листѣ, и бюро пригласитъ того, кого найдетъ нужнымъ. Всѣхъ записавшихся было около 35; изъ нихъ было приглашено только 16 въ томъ числѣ и я; чему и кому я обязанъ приглашеніемъ — я положительно не знаю; въ основу приглашенія было положено еще и болѣе равномерное распределеніе по губерніямъ; отъ нашей Воронежской губ. ранѣе было приглашено двое и я попалъ 3-мъ, остальнымъ тремъ воронежцамъ было отказано.

Первое засѣданіе въ Петербургѣ было назначено 6 ноября въ 2 часа дня на Фонтанкѣ, № 52, въ квартирѣ земскаго дѣятеля И. А. Корсакова; членамъ совѣщанія рекомендовалось, по возможности, сохранять адресъ въ секретѣ, дѣлалось это изъ боязни демонстрацій, которыя могли устроить студенты и рабочіе и которыя, конечно, помѣшали бы хладнокровному обсужденію вопросовъ, и, вѣроятно, вызвали бы со стороны полиціи репрессіи по отношенію къ самому съѣзду. Уже по дорогѣ меня спрашивалъ

извозникъ, который везъ меня: „что это, баринъ, въ домѣ № 52! покойникъ что ли? уже пятаго везу туда“. Я ничего ему не отвѣтилъ, но про себя подумалъ: „дай Богъ, чтобы теперешнее безправіе было дѣйствительно покойникомъ?!“ Квартира Корсакова помѣщалась въ 3 мѣ этажѣ. Какъ только я вошелъ, то сразу почувствовалъ атмосферу земскаго собранія. При входѣ вамъ предлагался листъ, на которомъ просили расписаться, здѣсь-же, кажется, студентъ вручалъ вамъ списокъ участниковъ совѣщанія и доклады, подлежащіе обсужденію (записка Якушкина и тезисы къ ней). Затѣмъ я попалъ въ довольно большой для частной квартиры залъ, биткомъ набитый участниками съѣзда, такъ что многимъ пришлось лѣзть по стѣнамъ на маленькихъ диванчикахъ.

Было приступлено къ избранію предсѣдателя; большинство кричало: „Шиповъ“! Онъ сначала отказывался, потомъ изъявилъ согласіе быть предсѣдателемъ при томъ условіи, что когда онъ найдетъ нужнымъ говорить въ качествѣ простого участника съѣзда, то сохранять за собой это право; кромѣ Шипова были избраны: предсѣдателями: кн. Львовъ и И. И. Пентрункевичъ. Собраніе открылось рѣчью Шипова, въ которой онъ сначала изложилъ исторію съѣздовъ, всѣ перипетіи разрѣшенія съѣзда и отложенія его до января. Далѣе Шиповъ выяснилъ огромную нравственную отвѣтственность съѣзда передъ обществомъ и рекомендовалъ умѣренность выраженій и созданіе резолюцій удобоприемлемыхъ для правительства. Послѣ рѣчи Шипова Якушкинъ заявилъ, что въ бюро съѣзда получена масса привѣтствій и адресовъ, что количество подписей подъ ними между 5 и 6 тысячъ. и что по его мнѣнію „ввиду того, что мы не знаемъ какъ долго продолжатся занятія съѣзда, быть можетъ по независящимъ обстоятельствамъ они прекратятся много скорѣе, чѣмъ мы думаемъ“, нѣтъ возможности читать всѣ адреса, такъ какъ это займетъ часа три, четыре времени, а потому онъ предложилъ прочесть адреса въ выдержкахъ, для чего и составилъ табличку. Послѣ короткихъ прервій собраніе большинствомъ голосовъ рѣшило ввиду краткости времени читать адреса только въ извлеченіяхъ. Я, къ сожалѣнію, не помню точно, отъ кого были адреса; помню адресъ Московскаго Университета съ болѣе чѣмъ 1,200 подписями студентовъ и профессоровъ, Московскаго Сельскохозяйств. Института, Техническаго училища, Петербургскаго политехникума, Саратовскаго Общества, а потомъ и Думы, многихъ кружковъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, многихъ врачей, группъ земцевъ и кружковъ разныхъ лицъ. Общее содержаніе ихъ было таково: почти всѣ начинали съ вопроса о томъ, кто уполномочилъ съѣздъ заявлять тѣ или другія нужды русскаго народа. И всѣ рекомендовали намъ не стѣсняться отсутствіемъ полномочій; одни, говоря, что въ Россіи нѣтъ такого учрежденія, которое могло бы дать подобныя полномочія, другіе говорили, что волна исторіи, что обстоятельства насъ уполномочили, третьи говорили, что за насъ вся мыслящая Россія—и этого совершенно достаточно, чтобы имѣть право честно и открыто высказать свои убѣжденія тѣмъ

болѣе, что и сами мы часть того народа, права котораго рѣшили отстаивать, и т. д., и т. д. Относительно пожеланій тоже сомнѣній не было; всѣ находили существующія условія невыносимыми и вредными для всѣхъ сторонъ русской жизни до экономической включительно, но одни ограничивались только пожеланіями всякихъ свободъ, не говоря о гарантіяхъ проведенія ихъ въ жизнь, а другіе прямо указывали на необходимость этихъ гарантій, въ видѣ представительнаго образа правленія. Слово конституція, въ извлеченіяхъ изъ адресовъ прочитанныхъ въ первый день не употреблялось; вѣроятно помня московскую-купчиху, которая боится „жупела“

По прочтеніи всѣхъ привѣтствій первымъ открытъ пренія председателю Херсонской губернской управы графъ Стенбокъ-Ферморъ. Онъ началъ придирается къ бюро за то, что не былъ своевременно извѣщенъ, что Высочайше разрѣшенный съѣздъ отложенъ, что ему не была прислана программа, что въ приглашеніи значится только перечень вопросовъ; здѣсь же ему дали какую то бумажку (тезисы къ запискѣ Якушкина) съ такими общими вопросами, что онъ „положительно не знаетъ о чемъ будемъ здѣсь говорить: о конституціи или о животноводствѣ?“. Поэтому онъ предлагаетъ избрать комиссію изъ председателей губернскихъ управъ для выработки программы занятій съѣзда Шиповъ сразу замѣтилъ огоньки въ глазахъ у многихъ и, чтобы набѣжать бурныхъ преній, сразу поставилъ предложеніе на баллотировку. За предложеніе Стенбока-Фермора высказался онъ одинъ; обидѣвшись, онъ ушелъ, но ушелъ не демонстративно, а потихоньку. На слѣдующія засѣданія онъ приходилъ, иногда на $\frac{1}{2}$ —1 часть, и молча стоялъ у двери, и больше ни въ преніяхъ, ни въ голосованіяхъ, ни въ подписаніи резолюцій не участвовалъ. Чтобы покончить со Стенбокомъ запишу рассказъ, слышанный мною отъ Д. А. Перелешина. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней Стенбокъ ходилъ и показывалъ телеграмму изъ Херсона, примѣрно слѣдующаго содержанія: „до нашего свѣдѣнія дошло, что вы ведете себя предосудительно на земскомъ съѣздѣ; помните, что вы тамъ не частное лицо, а представитель избравшаго васъ населенія, и что вы должны будете дать объясненія земскому собранію“ подпись: „предводитель дворянства“, (фамиліи не знаю). Самъ я этой телеграммы не читалъ, записываю только что слышалъ.

Послѣ инцидента со Стенбокомъ говорилъ графъ П. А. Гейденъ, для меня лично одинъ изъ симпатичныхъ членовъ съѣзда, человѣкъ огромнаго ума и эрудиціи, крупный ораторскій талантъ, не взирая на заиканія, а главное кристаллически чистый и убѣжденный человѣкъ; онъ очаровалъ меня въ Москвѣ, когда ему однажды пришлось говорить въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства; здѣсь я сразу понялъ, что Гейдена можно яръзать на куски, но нельзя заставить отказаться отъ своего мнѣнія, иначе, какъ доказавши ему логически, что онъ неправъ. Гейденъ началъ съ того, что для него и до баллотировки предложенія Стенбока было совершенно ясно, что мы собрались сюда не для того, чтобы гово-

рять о животноводствѣ. Всякій изъ насъ чувствуетъ, что жить далѣе при современныхъ условіяхъ не только до невозможности тяжело, но и преступно, т. к. современные условія лишаютъ возможности страну развиваться во всѣхъ направленіяхъ; его не смущаетъ отсутствіе полномочій, ибо совѣсть говоритъ ему, что разѣ обстоятельства складываются такъ, что нашъ голосъ можетъ быть услышанъ, то мы должны честно, искренно и открыто сказать то, что чувствуемъ, то, во что вѣримъ. Я думалъ, что эти слова вызовутъ бурю со стороны консервативныхъ элементовъ, присутствіе которыхъ мы легко могли ожидать, и они дѣйствительно вызвали бурю— только аплодисментовъ и возгласовъ „вѣрно“. Послѣ этой рѣчи засѣданіе приняло совершенно фizioномію обыкновеннаго земскаго собранія, разсуждающаго даже не о какомъ либо жгучемъ вопросѣ, а о самыхъ обыкновенныхъ текущихъ земскихъ дѣлахъ, совершенно для всѣхъ ясныхъ, не заставляющихъ разыгрываться страсти, а просто требующихъ чисто дѣлового обсужденія. Правда, была существенная разница въ составѣ собранія: здѣсь были несомнѣнно лучшія земскія силы всей Россіи, представители науки и литературы, была цѣлая серія ораторовъ, но обсуждения велись, по наружности, совершенно спокойно, дѣловито; правда, мнѣ приходилось видѣть, какъ у опытныхъ ораторовъ дрожали руки, но голосъ былъ ровенъ, мысль спокойна и ясна, политическій задоръ отсутствовалъ; чувствовалось, что основныя положенія не только продуманы, они прочувствованы, пережиты, вошли въ плоть и кровь и что такое спокойное обсужденіе деталей возможно только тогда, когда существуетъ полная увѣренность въ непоколебимости основныхъ принциповъ.

И другая черта земскихъ собраній тоже ясно сквозила во всѣхъ преніяхъ—это отсутствіе какихъ либо корыстныхъ видовъ, эгоистическихъ побужденій. Всѣ права, которыхъ добивались, нужны были всѣмъ намъ въ такой же мѣрѣ, какъ и другимъ членамъ русскаго общества; ни въ одной изъ рѣчей не было и тѣни жажды власти или личныхъ выгодъ, всюду сквозила только увѣренность въ необходимости высказать нужды страны, такъ какъ понималъ ихъ каждый изъ участниковъ съѣзда, вовсе не думая, чѣмъ это можетъ кончиться лично для него. Не парилъ надъ собраніемъ ни призракъ всякихъ „неодобреній“ высокихъ и высочайшихъ, ни страхъ губерній начинающихъ съ „А.“ и „В.“ и кончая „Я“ (Архангельская, Астраханская, Вятская, Вологодская и т. д. до Якутской) объ этомъ просто не думали, все это казалось такимъ пустякомъ, такою мелочью, что просто не приходило въ голову.

Послѣ прочтенія доклада Якушкина началось обсужденіе тезисовъ по пунктамъ. Первые 4 пункта приняты единогласно и безъ преній, по пункту 5 первымъ началъ говорить В. Д. Кузьминъ Караваневъ. Онъ доказывалъ, что мало настаивать на гарантіи соблюденія условій преданія суду, что необходимо еще измѣнить и матеріальный законъ. А. А. Савельевъ доказывалъ необходимость дополнить этотъ пунктъ введеніемъ въ него отвѣст

венности администраціи передъ общимъ судомъ, помимо всякихъ формальностей, за нарушеніе правъ частныхъ лицъ, произведенное представителями администраціи. „Попробуйте, господа, теперь добиться преданія суду хотя бы урядника или земскаго начальника, ужъ я не говорю о губернаторахъ, относительно перныхъ это хотя страшно трудно, но всетаки возможно, а послѣдніе, т. е. губернаторы, тѣ абсолютно ненаказуемы даже и тогда, когда имъ, какъ тамбовскому (барону Рокасовскому), вдумалось выпороть одного изъ тамбовскихъ отбывателей. Хотя Сенатъ и усмотрѣлъ въ этомъ дѣяніи нарушеніе какихъ то статей, и даже составилъ обвинительный актъ, но на немъ было начертано „предать дѣло забвенію“ и несчастный тамбовскій обыватель получилъ только копію Сенатскаго Указа съ помѣткой на ней, вѣроятно для хранения ея въ назиданіе потомству“.

Изъ остальныхъ рѣчей не помню особенно выдающихся вѣроятно потому, что онѣ говорили объ очень уже павѣстныхъ сценахъ обысковъ и административныхъ высылкахъ; слѣдуетъ только отмѣтить замѣчаніе Гейдена о необходимости отмѣны положенія объ усиленной охранѣ со всѣми къ нему примѣчаніями и дополненіями; „Вспомните, какъ у Щедрина: къ судѣ пришли спрашивать, можно ли намъ на основаніи закона это сдѣлать; судья долго рылся въ законахъ и говоритъ: по закону то можно, но вотъ по продолженію 13-му пунктъ 7 сказано, „а попробуй“, такъ же и въ нашихъ законахъ есть примѣчаніе, кажется, къ ст. 39, гдѣ говорится о томъ, что въ исключительныхъ случаяхъ губернаторы могутъ примѣнять правила объ усиленной охранѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковая не введена.“

Пунктъ шестой о свободѣ совѣсти, слова и печати, собраний и союзовъ и не вызвалъ особыхъ преній, да и принятъ былъ почти безъ всякихъ измѣненій.

По пункту 7 пренія были очень оживленныя. Первые ораторы начали доказывать, что всѣ положенія, уже принятые нами, да и тѣ, которыя еще очевидно будутъ приняты, настолько общи, настолько захватываютъ и обезпечиваютъ права всѣхъ гражданъ Россіи, что нѣтъ основанія выдѣлять вопросъ о крестьянахъ въ особый пунктъ, тѣмъ болѣе, что этимъ вопросомъ затрогиваются частности и какъ бы умалется значеніе всѣхъ остальныхъ пожеланій. На это возражали, что 90% жителей нашего отечества—крестьяне, что правовое положеніе ихъ, даже по сравненію съ тѣми ничтожными правами, которые имѣемъ мы, ужасно, что безъ измѣненія правопорядка для крестьянъ немыслимъ никакой прогрессъ—ни умственный, ни нравственный, ни даже экономическій. Теперь идетъ пересмотръ положенія крестьянъ въ комитетахъ, невозможныхъ по составу, а само положеніе представляетъ какой то ужасный кодексъ, чуть-ли не превосходящій Аракчаевскіе; въ такую минуту не выдѣлять вопроса о крестьянахъ и не указать на необходимость восстановленія и ихъ правъ мы не имѣемъ никакого права, тѣмъ болѣе, что всѣ наши пожеланія, даже при желаніи правительства, могутъ быть проведены въ жизнь только чрезъ

болѣе или менѣе значительный періодъ времени, а указанія относительно крестьянскаго правопорядка могутъ имѣть немедленный результатъ. Послѣ общаго мнѣнія, по предложенію В. В. Илмائیлова, совѣщаніе постановило: выдѣлить въ особый пунктъ положеніе о правахъ и вообще редактировать его такъ: „Личныя (гражданскія и политическія) права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны“. Вопросъ же о крестьянахъ выдѣлили тоже въ особый параграфъ, причемъ первыя два положенія этого параграфа (а) объ уравниваніи въ правахъ и (б) объ уничтоженіи опеки) приняты почти безъ преній, третье же положеніе о необходимости оградить крестьянина правильной формой суда вызывало довольно большія пренія. Явились сторонники обычнаго права, указывая на необходимость сохраненія и проведенія его въ жизнь; нѣмъ возражали, что когда какой то ученый юристъ попробовалъ сдѣлать сводку всѣхъ существующихъ въ Россіи обычаевъ, то послѣ долгихъ вопросовъ и собираній матеріаловъ онъ съ увѣренностью вывелъ только одинъ обычай: „пить на сходахъ водку“.

Говорилось и о различныхъ инородцахъ, начиная съ кавказцевъ, калмыковъ, всякихъ азіатскихъ племенъ и кончая обитателями крайняго сѣвера, причемъ указывалось, что къ нимъ непримѣнимы общія судебныя положенія и формы суда, годныя для Европейской Россіи.

Волостной судъ тоже нашелъ и много противниковъ, и ярыхъ защитниковъ, особенно въ лицѣ князя Н. С. Волконскаго, указывавшаго на самостоятельность этого учрежденія, на его вѣковую исторію, на необыкновенную внимательность и добросовѣстность судей при рѣшеніи даже самыхъ ничтожныхъ, съ нашей точки зрѣнія, дѣлъ. Въ концѣ концовъ совѣщаніе нашло, что вопросъ этотъ, вопросъ громадной важности и объема, не можетъ быть рѣшенъ въ совѣщаніи детально, и что совѣщаніе должно только отмѣтить его — сдѣлавъ такое общее указаніе, какъ „оградить его правильной формой суда“.

На этомъ окончился первый день засѣданія и большинство участниковъ человѣкъ около 60 отправились обѣдать въ Европейскую гостиницу.

Несмотря на наружное спокойствіе, съ которымъ велись пренія, нервы всѣхъ были напряжены страшно; все время засѣданія каждый изъ участниковъ чувствовалъ, что нельзя проронить ни одного слова изъ преній, что нельзя сказать ничего лишняго, и въ то же время нельзя упустить ничего важнаго, въ виду громадной нравственной ответственности, лежавшей на насъ; это напряженіе страшно всѣхъ утомило, и первое время всѣ казались усталыми, скучными и лѣными. Въ сосѣдней комнатѣ сейчасъ же появились корреспонденты различныхъ газетъ, которые, будучи лишены возможности поспѣть на засѣданіе въ совѣщаніе, стремились хоть однимъ ушкомъ послушать, что дѣлается хоть здѣсь за обѣдомъ. Конечно, если бы не подписка, которой были обязаны

всѣ газеты не писать нечего о съѣздѣ, всѣ свѣдѣнія нужныя для печати были бы немедленно переданы корреспондентамъ, но мы знали, что такая подписка отобрана и поэтому допущеніе корреспондентовъ въ засѣданіе считалось неудобнымъ. Видя нѣсколько угнетенное настроеніе обѣдающихъ, А. А. Стаховичъ и другіе начали просить В. М. Лодыжинскаго развеселить публику какимъ-нибудь тостомъ, зная его за незамѣнимаго застольнаго оратора. Обѣдъ былъ скромный: кромѣ водки было больше пиво, нарезанъ да сельтерская вода, квасъ и нѣрѣдка бутылка краснаго вина. Послѣ супу Лодыжинскій сказалъ первый тостъ. Вотъ онъ приблизительно: „Многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ (Шиповъ), много лѣтъ потрудились вы надъ сплоченіемъ земствъ всей Руси въ одно цѣлое—и вотъ результатомъ почти исключительно вашихъ трудовъ мы сегодня здѣсь присутствуемъ, какъ мнѣ кажется, при закладкѣ какого то зданія, и зданіе это, кажется мнѣ земскимъ соборомъ. Вы положили первый камень этого собора, и такъ какъ въ каждомъ соборѣ долженъ быть и протопопъ, то позвольте мнѣ выпить за ваше здоровье, какъ перваго будущаго протопопа земскаго собора“. Рѣчь эта была встрѣчена дружными аплодисментами. Д. Н. Шиповъ отвѣтилъ на это слѣдующее: „Позвольте мнѣ отвѣтить вамъ, В. М., вашими же словами. Два года тому назадъ, въ маѣ 1902 года, на такомъ же товарищескомъ обѣдѣ какъ и сегодня, вы намъ рассказывали, какъ провинціалка пріѣхала осматривать Москву; конечно, прежде всего она отправилась въ Кремль. Идетъ и видитъ стоитъ соборъ; она спрашиваетъ: „это что за соборъ?“—„это Успенскій“. „А это?“ „это Архангельскій“. „Послушайте, а гдѣ же земскій?“ „Земскій? Пожалуйте къ городовому“. А вотъ теперь, какъ видите, мы собрались всѣ здѣсь, говоримъ свободно, и насъ къ городовому не зовутъ. Пью за то, чтобы впредь русская публика—ваша провинціалка свободно находила тотъ соборъ, въ протопопы котораго вы меня просите, и не попадала за это ни къ городовому, ни въ участокъ.“ Въ это время одинъ изъ редакторовъ журнала „Право“, Гессенъ, войдя въ залъ, гдѣ мы обѣдали, подсѣлъ къ А. А. Стаховичу и о чемъ то съ нимъ не громко бесѣдовалъ. Вдругъ, съ другого конца зала кажется тотъ же В. М. Лодыжинскій, а можетъ быть и кто другой, произнесъ такой гостъ: „Сегодня днемъ мы присутствовали при появленіи заря права на Руси (въ совѣщаніи обсуждался вопросъ о необходимости положить въ основу русской жизни правовое начало), а вотъ смотрите право, положимъ въ кавычкахъ, уже присосалось къ Стаховичу; отъ души желаю, чтобы право и, конечно, безъ кавычекъ, присосалось не только ко всѣмъ намъ, но и ко всей Россіи“.

Въ этотъ же день говорилъ и саратовскій Маслянниковъ. Онъ сказалъ приблизительно слѣдующее. „Когда мы уѣзжали сюда изъ Саратова, насъ провожалъ весь городъ, т. е. столько публики, сколько могъ вмѣстить Саратовскій вокзалъ; говорили намъ почувствованныя рѣчи, провожали насъ самыми теплыми пожеланіями,

но въ то же время приказали намъ безъ всякихъ свободъ домой не возвращаться. Сегодня, принявъ первые 7 пунктовъ доклада, вы дали намъ возможность возвратиться къ нашимъ семьямъ, и теперь мы бьемъ вамъ челомъ и просимъ васъ принять и остальные пункты доклада. Тогда вы обезпечите намъ радостное возвращеніе не только въ наши собственные семьи, но и въ семью саратовцевъ“.

Разошлись мы около половина десятого, конечно, съ совершенно свободными отъ паровъ алкоголя головами, но я лично былъ настолько утомленъ, что когда попалъ въ театръ, то утомленные и иначе настроенные нервы не могли ничего воспринять, такъ что отъ театра въ памяти не осталось ничего. Писать, читать и вообще работать головой я не могъ окончательно всѣ вечера послѣ засѣданій. Засѣданіе 7 ноября происходило на Кирочной № 34. Когда я съ Мих. Ильичемъ Петрунkevичемъ, подъѣхавъ къ дому № 34, направились не въ тотъ подъездъ, въ которомъ находилась квартира Брянчанинова, то стоящій въ воротахъ дома окологородный, вѣжливо взявъ руку подъ казырекъ, указалъ намъ слѣдующій подъездъ со словами: „Вамъ, господа, сюда“. Мы улыбулись и рѣшили, что полиція насъ охраняетъ хорошо. Квартира Брянчанинова расположена на 7 этажѣ. Залъ, въ которомъ происходило засѣданіе, предназначался для домашняго театра, отдѣланъ темносиней матеріей съ какими то не то звѣздами, не то декадентскими рисунками, на сценѣ, за колоннами, помѣщался столъ, за которымъ на стульяхъ съ высокими готическими стѣнками помѣщались наши председатели, въ мѣстахъ для оркестра—столы для секретарей (ихъ было 4—Врюхатовъ, Кокошкинъ, Хмѣлевъ, и Ф. А. Головинъ).

Засѣданіе началось прочтеніемъ привѣтствій сѣзду. Большинство изъ нихъ было телеграммы, при чемъ всѣ онѣ адресовались такъ: Петербургъ. „Сѣзду земскихъ дѣятелей“ и всѣ аккуратно доставлялись намъ какъ въ засѣданія сѣзда, такъ и во время обѣдовъ въ гостиницы безъ малѣйшаго замедленія. Изъ телеграммъ полученныхъ въ этотъ день особенно обратили на себя вниманіе двѣ, одна адресованная такъ: Сѣзду Земскому. Представители политическихъ ссыльныхъ города Архангельска; содержаніе приблизительно: „Мы можемъ быть съ вами солидарны только въ томъ случаѣ, если вы будете требовать самую демократическую конституцію; ни одинъ честный человѣкъ не можетъ теперь предъявлять требованій ниже слѣдующихъ, и слѣдовали примѣрно пожеланія, изложенныя въ резолюціи во мнѣніи большинства. Телеграмма эта была доставлена нераспечатанной чиновникомъ Министерства. Другая телеграмма была официальное постановленіе Саратовской думы съ привѣтствіемъ сѣзду и съ выраженіемъ совершенно опредѣленныхъ конституціонныхъ пожеланій. Вообще, мнѣ казалось, что въ это время въ Петербургѣ былъ классъ людей убѣжденныхъ въ томъ, что свобода слова уже на Руси существуетъ—это гг. телеграфисты: никогда еще имъ не приходилось получать и передавать такихъ депешъ, какъ въ это время, а главное отправлять ихъ въ подлинникахъ адресатамъ.

И въ этотъ день привѣтствій было много и отъ частныхъ

лицъ, и отъ кружковъ, и различныхъ общественныхъ группъ; всѣ они были съ пожеланіями успѣха въ достиженіи возможно широкихъ политическихъ правъ.

По окончаніи чтенія привѣтствій приступили къ обсужденію пункта 8 тезисовъ оземскихъ учрежденіяхъ. Пренія шли спокойно, дѣловито, принципиальныхъ разногласій не вызывали; положенія доклада были дополнены по предложенію проф. Васильева и Кузьмина-Караваева, во первыхъ, распространеніемъ нормальной организации и на городскіе самоуправленія, и, во вторыхъ, дополнены указаніемъ на необходимость распространенія органовъ мѣстнаго самоуправления на всѣ области Имперіи. Во время этихъ преній произошелъ слѣдующій инцидентъ. Нѣкоторые изъ участниковъ совѣщанія вдругъ увидѣли подъ сценой огонь; какъ я уже сказалъ, это былъ 7 этажъ, залъ небольшой, но набитъ биткомъ членами съѣзда, да и выходъ былъ извѣстенъ намъ только одинъ; слово пожаръ могло бы вызвать панику, а то и катастрофу, но тѣ, кто замѣтилъ огонь, не подали вида, спокойно нѣсколько душъ вышли въ другую комнату и заглянули подъ сцену; оказалось, что тамъ два студента и, кажется, барышня лежали и записывали пренія, и такъ какъ имъ стало темно, то они и зажгли свѣчку; изъ студентовъ одинъ оказался сыномъ А. А. Стаховича; онъ умолялъ отца взять его съ собой на засѣданіе, но когда тотъ отказалъ, то онъ пробрался раньше въ квартиру и забрался вмѣстѣ съ товарищемъ подъ сцену. Всѣхъ извлекли и усадили въ соседней комнатѣ, гдѣ было все слышно.

Послѣ перерыва 7-го ноября начались пренія по самому важному вопросу—по вопросу объ участіи народа въ законодательной власти. Первый заговорилъ Ив. Ил. Петрункевичъ. Рѣчь его, длившаяся около получаса, была цѣлымъ научнымъ трактатомъ по вопросу о славянофильствѣ. Иванъ Ильичъ далъ историческій очеркъ того, чѣмъ былъ въ жизни основный принципъ славянофильства—устройство государства не на основѣ права, а на основѣ, какъ онъ выразился, социальна-этического принципа, на основѣ взаимной любви народа къ Царю и наоборотъ; самое тщательное изученіе русской исторіи привело его къ выводу, что начиная съ 1600 годовъ до половины прошлаго столѣтія результатомъ этого начала—было рабство, а съ половины прошлаго столѣтія—та бюрократія, тонеограниченное своевластіе чиновничества, съ которымъ мы теперь боремся. Весь этотъ періодъ исторіи отличается стремленіемъ къ полному уничтоженію свободной мысли, свободной личности; любовь къ отечеству, разъ она не совпадаетъ со взглядами правительства,—карается какъ самое тяжкое преступленіе. Положительныхъ же результатовъ Иванъ Ильичъ не видитъ и проситъ указать ихъ, если кто либо можетъ это сдѣлать.

Послѣ Петрункевича говоритъ Кузьминъ-Караваевъ, поддерживавшій и развивавшій доводы Петрункевича. Затѣмъ говоритъ Ф. И. Родичевъ—это по моему ораторъ вдохновенія, человекъ уже немолодой, лѣтъ подъ 55—60, худой, нервный, съ блестящими глазами; его рѣчи нужно слушать, а не читать: онъ весь

въ томъ, что говорить. Онъ начать съ того, что ему будетъ одинаково больно и оскорбительно, съ какою цѣлью бы его не выпороли; съ цѣлью ли оскорбить, или съ цѣлью исправить, и поэтому онъ не можетъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что разъ въ основу государственнаго строя положена любовь, то во имя этой любви возможно творить насиліе и надъ духомъ и надъ плотью гражданъ, а именно это мы и видимъ въ государственномъ строѣ, основанномъ не на строго правовыхъ началахъ; вѣдь именно любовь помѣщика, какъ отца къ дѣтямъ, и была положена въ основу крѣпостнаго права; можетъ быть и были гдѣ либо исключенія, гдѣ создавалась идиллія въ крѣпостномъ правѣ, но вѣдь эти исключенія только подтверждаютъ общее правило о неправильности основнаго принципа. Онъ не понимаетъ людей, кладущихъ въ основу всякаго общежитія только любовь; возьмите такой союзъ, который по самому существу своему долженъ всецѣло зиждиться на любви, союзъ брачный—и нѣтъ страны, гдѣ бы онъ не былъ строго регламентированъ закономъ и, конечно, не это послѣднее обстоятельство служить поводомъ къ несчастнымъ супружествамъ и расторженію браковъ. Весь трагизмъ послѣднихъ рѣчей заключался въ томъ, что всѣ онѣ были направлены противъ славянофиловъ, во главѣ которыхъ стоитъ Дм. Ник. Шиповъ. Для всѣхъ насъ, уже не говоря о заслугахъ Д. Н. въ дѣлѣ объединенія земцевъ, личность Шипова окружена извѣстнымъ ореоломъ. Человѣкъ огромнаго ума и знаній, крупный ораторскій талантъ, давно уже живущій исключительно общественною дѣятельностью въ ущербъ личной, обаятельная личность въ частныхъ отношеніяхъ, со многими изъ противниковъ его возрѣній онъ въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ, и вотъ такого то дѣятеля пришлось проваливать, да еще въ самыхъ завѣтныхъ его желаніяхъ; тяжело было, но не было другого исхода и ораторамъ пришлось „не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ“ проводить свои убѣжденія. Родичевъ кончить. Всталъ Дм. Ник. и вся зала замерла въ ожиданіи того, что онъ скажетъ; для меня было ясно, что доводы логики не за него, ихъ опровергнуть онъ не можетъ, но въ то же время и логика другихъ его не убѣдила, для него это вопросъ вѣры. Существенно важныхъ доводовъ въ защиту своихъ положеній Дмитрій Николаевичъ привести не могъ. Онъ началъ съ того, что русскій народъ совершенно особенный, совсѣмъ непохожій на народы Запада, указать на его добродушіе и долготерпѣніе, на поразительную умѣренность его нуждъ, потребностей, на его любвеобильное сердце въ подтвержденіе чего привелъ освободительныя войны съ турками (но развѣ онѣ начинались по волѣ народа?). Далѣе указывать на любовь народа къ Царю, на его религіозность. Между прочимъ привелъ примѣръ, что одинъ изъ иностранныхъ ученыхъ, пробывъ три дня на хорахъ въ Московскомъ земскомъ собраніи, говорилъ ему, что пробывъ три дня въ средѣ аграріевъ и представителей крупнаго капитала все время слышалъ рѣчи только о томъ, какъ добиться правъ и удобствъ для тѣхъ слоевъ общества, которые здѣсь не имѣютъ своихъ представителей; этого у насъ

на западъ не могло бы случиться, закончить иностранецъ свою бесѣду; все это, по мнѣнію Дмит. Ник., создаетъ настолько особенныя условія русской жизни, что если престолу будутъ извѣстны истинныя нужды народа, то, несомнѣнно, онѣ будутъ удовлетворены, и что бюрократическое средостѣіе падетъ само собой, а слѣдовательно и гарантіи всѣхъ тѣхъ правъ, о которыхъ говорится въ первыхъ 9 пунктахъ, не будетъ нужно. На меня рѣчь произвела довольно грустное впечатлѣніе: мнѣ казалось, что самъ Дмит. Никол. понималъ, что логика не на его сторонѣ, что убѣдить кого либо онъ едва ли можетъ, и въ то же время онъ вынужденъ былъ защитить свою вѣру.

Послѣ рѣчи Шипова приступили къ баллотировкѣ мнѣнія большинства, при чемъ противъ него высказались 27 и за него 81. За контроль финансовъ было 106 противъ 2 и за контроль надъ администраціей были всѣ 107. Такимъ образомъ въ голосованіи участвовало на 5 человекъ меньше, чѣмъ подписало резолюцію. Въ этотъ же вечеръ было поручено бюро къ завтрашнему дню окончательно редактировать резолюцію большинства и вписать ее вмѣстѣ съ другими пунктами въ краткій журналъ, который можно было бы подписать на другой день. Сейчасъ же, не помню кѣмъ, было заявлено, что мы здѣсь такъ много говоримъ о свободѣ мнѣній и слова, что не въ правѣ насиловать меньшинство, и что если голосовавшіе въ меньшинствѣ пожелаютъ внести въ журналъ и свое мнѣніе, то они имѣютъ на это несомнѣнное право—это положеніе было принято единогласно и этимъ объясняется внесеніе въ окончательную резолюцію двухъ мнѣній: большинства и меньшинства.

Опять сначала обѣдъ не клеился, пока не начались рѣчи. Сначала говорилъ Котляревскій, а потомъ Родичевъ—рѣчи были адресованы къ Шипову, были сказаны въ примирительномъ духѣ; онѣ очень успокоительно подѣйствовали на насъ.

Потомъ кто-то прочелъ корреспонденцію изъ Самарской газеты о томъ, какъ изъ Петербурга пріѣхалъ нѣкто въ Самару; на него набросились и облѣпили со всѣхъ сторонъ. „Ну что? Какъ“? Но, къ несчастью, пріѣзжіи оказались заикой; послѣ долгихъ потугъ онъ наконецъ произнесъ: „раз...“ и опять заикнулся; со всѣхъ сторонъ ему начали подсказывать: „развратъ? разгулъ? разбой? разгонъ?“ и т. д., послѣ долгихъ усилій онъ, наконецъ, выговорилъ: „разговоры“. „О комъ? о чемъ?“ засыпали его со всѣхъ сторонъ. Опять послѣ долгихъ усилій онъ выговорилъ: „кон...“ и опять со всѣхъ сторонъ ему начали подсказывать: „коньякъ, кондуктъ, конка, кондукторъ“ и т. д.; но на этотъ разъ такъ бѣднягу затуржали, что онъ, не договоривши слова, выскочилъ въ другую комнату и исчезъ“.

Посмѣялись отъ души. Далѣе вспомнили, что сегодня, т. е. 7 ноября, праздникъ лейбъ-гусарскаго полка, и начали предполагать тосты за здоровье находившихся въ средѣ насъ двухъ бывшихъ лейбъ-гусаръ Свѣчина и Стаховича, предпочешихъ нашу скромную трапезу тому морю вина и наслажденія, которое лилось

для нихъ сегодня въ другомъ мѣстѣ. Былъ и такой тостъ. Ужъ коли такіе лейбъ-гусары, какъ Свѣчинъ и Стаховичъ, пошли въ атаку на существующій строй, то ему не устоять. Свѣчинъ отвѣтилъ приблизительно слѣдующее: „Позвольте отвѣтить вамъ, господа, маленькой справкой изъ военного устава: главная задача кавалеріи—развѣдки, но цѣнится только такое донесеніе, которое вѣрно; ни одинъ начальникъ не похвалитъ начальника развѣзда, если тотъ, примѣняясь къ диспозиціи или желанію главнокомандующаго, доставитъ свѣдѣнія невѣрныя; въ развѣдкѣ цѣнится только одна—правда,—правда не взирая ни на что. Въ нашихъ теперешнихъ засѣданіяхъ мы тоже дѣлаемъ развѣдку, мы собираемъ нужды страны и такъ-же, какъ въ военномъ дѣлѣ, мы должны донести только одну правду, не считаясь ни съ диспозиціей, ни съ мнѣніемъ главнокомандующаго, что сдѣлаютъ съ нашей правдой—мы за это не отвѣчаемъ.“

Въ половинѣ обѣда намъ подали карточки трехъ финляндцевъ изъ Гельсингфорса. Депутація состояла, какъ кажется, изъ одного сенатора, одного профессора и одного гражданина; адресъ былъ на французскомъ языкѣ, поэтому я не запомнилъ хорошо, но главная мысль его состояла въ томъ, что финляндцы привѣтствуютъ земцевъ; желаютъ имъ добиться возможно широкихъ политическихъ правъ для „Вашего отечества“ (кажется тамъ-же говорилось о томъ, что земцы поступаютъ совершенно правильно, добиваясь правъ „культурнымъ европейскимъ путемъ, а на путемъ насилія).“

Въ этотъ же вечеръ І. В. Гессенъ пригласилъ всѣхъ участниковъ съѣзда на 9 ноября въ тенишевское училище, гдѣ представители 12 петербургскихъ редакцій желаютъ видѣть земцевъ своими гостями.

8 ноября засѣданіе происходило въ квартирѣ В. Д. Набокова на Большой Морской, № 47. Какъ въ предыдущіе дни оно началось чтеніемъ привѣтственныхъ телеграммъ. Далѣе были прочтены редакціи мнѣній большинства и меньшинства, не вызвавшія преній и принятія безъ поправокъ. Теперь осталось совѣщанію рѣшить только послѣдній вопросъ, редактированный въ первоначальныхъ тезисахъ такъ: „Совѣщаніе, признавая себя случайнымъ по составу собраніемъ лицъ, выражающихъ свои личныя мнѣнія, полагаетъ, что разрѣшеніе вопроса объ основаніяхъ и формахъ взаимодѣйствія правительства и народнаго представительства въ государственной жизни должно быть предоставлено представителямъ народа, избраннымъ при наличности указанныхъ выше условій, необходимыхъ для свободы выборовъ“. Пунктъ этотъ вызвалъ много возраженій. Начали возражать противъ слова „случайнымъ по составу“, говоря, что совѣщаніе хотя и частное, но тѣмъ не менѣе его нельзя назвать случайнымъ собраніемъ лицъ встрѣтившихся гдѣ-либо въ театрѣ или у буфетной стойки ресторана; что хотя мы высказываемъ и свои личныя мнѣнія, что хотя мы и не имѣемъ ни отъ кого формальныхъ полномочій, но тѣмъ не менѣе, мы не можемъ присвоить исключительно себѣ все сказанное нами, такъ

какъ на Руси не мало лицъ, думающихъ такъ же какъ и мы. Тѣмъ не менѣе мнѣніе, что положенія совѣщанія должны быть провѣрены черезъ опросъ представителей народа, не вызвало возраженій—съ этимъ всѣ были согласны, но возникъ вопросъ, какъ это сдѣлать. Первое предложеніе было о созывѣ учредительнаго собранія путемъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Графъ Гейденъ поэтому вопросу сказать приблизительно слѣдующее: „Мы не находимся въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась Франція, когда, по словамъ Тьера, власть была выброшена на улицу и народъ ее поднялъ. Да и самый результатъ выборовъ, даже и при немедленномъ уничтоженіи стражниковъ и урядниковъ и при немедленномъ проведеніи въ жизнь всѣхъ предыдущихъ пунктовъ нашихъ постановленій, едва ли можно будетъ называть „свободнымъ“; зло бюрократіи, зло административной опеки и произвола великое, господа, зло и однимъ почеркомъ пера его не уничтожишь; боюсь, что еще и слѣдующимъ поколѣніямъ придется считаться съ нимъ“. Послѣ оживленныхъ преній мнѣ начало казаться, что совѣщаніе попало въ тупикъ, изъ котораго я лично, откровенно долженъ сознаться, не видѣлъ выхода. Вывела собраніе изъ затруднительнаго положенія рѣчь Ник. Ник. Львова. „Мы должны, господа, такъ же откровенно, какъ говоримъ правительству въ настоящую минуту о нуждахъ страны, сказать и себѣ, что силы у насъ нѣтъ; за нами нѣтъ ни толпы, ни штыковъ; принципъ монархизма, понятый правильно или нѣтъ,—это безразлично, въ нашемъ народѣ, особенно въ крестьянствѣ, стоитъ незыблемо и считается съ этимъ мы должны; созывъ учредительнаго собранія при существующей сильной власти вещь, конечно, невозможная. Единственное наше оружіе—сила мысли, сила логики да твердая вѣра въ то, что пока единственное спасеніе отечества тѣ реформы, которыя мы предлагаемъ, и я вижу единственный выходъ изъ положенія—это обращеніе къ той же верховной власти; если мы съумѣемъ убѣдить ее, что мы не революціонеры, и что не жажда власти и личные расчеты собрали насъ сюда и побудили откровенно и свободно высказать свое мнѣніе, указать средства для исцѣленія нашего больного отечества, а я убѣжденъ что оно въ данный моментъ серьезно больно; пусть же сама верховная власть и спроситъ народъ, но, конечно, черезъ свободно избранныхъ его представителей, правы мы или нѣтъ“. Рѣчь эта была покрыта аплодисментами, и былъ назначенъ перерывъ для редактированія въ окончательной формѣ резолюціи послѣдняго пункта. Бюро редактировало его такъ, какъ, какъ онъ изложенъ въ печатной резолюціи, и собраніе приняло его безъ преній. Предсѣд. Пет. Губ. Упр. Марковъ всталъ и заявилъ слѣдующее. „Я прошу занести въ протоколъ, что я явился сюда на совѣщаніе съ Высочайшаго соизволенія, но такового здѣсь не нашего; я участвовалъ какъ частный человѣкъ и мнѣніе свое подавалъ тоже какъ частный человѣкъ и прошу это тоже занести въ протоколъ; я могъ бы сказать многое въ защиту мужаика, но я не говорилъ ничего, голосовалъ я за резолюцію меньшинства; надѣюсь, что мои кол-

леги (т. е. предс. губ. упр.) меня поддержать!" Я передалъ рѣчь почти дословно, и если содержаніе ея не особенно понятно, то въ этомъ не моя вина. По счастью для Маркова послѣ его рѣчи говорилъ кто-то изъ очередныхъ ораторовъ и въ это время онъ успѣлъ уйти; какъ только кончилъ свою рѣчь говорившій, вскочилъ Свѣчинъ и довольно рѣзко началъ протестовать, доказывая свою несолидарность съ Марковымъ; вмѣстѣ съ нимъ всѣ председатели губернскихъ управъ заявили, нѣкоторые въ коротенькихъ рѣчахъ, а другіе просто въ двухъ словахъ, что они тоже не солидарны съ г. Марковымъ; инцидентъ этотъ окончился рѣчью председателя Пензенской губернской управы Алекс. Атрыганьева, который сказалъ приблизительно слѣдующее: „Я человѣкъ простой, живу въ глуши, и можетъ быть поэтому рѣшительно не могу понять, какъ это у людей можетъ быть два мнѣнія—одно съ Высочайшаго соизволенія, а другое безъ него; у меня всегда одно мнѣніе—по совѣсти, и если что-либо нужно записывать въ протоколъ, то запишите мое мнѣніе какъ хотите, какъ частнаго чловѣка или какъ предс. губ. упр., для меня это все равно, но отмѣтьте обязательно, что это мое единственное мнѣніе и что подано оно только по совѣсти“. Рѣчь эта вызвала громъ рукоплесканій. Чтобы покончить съ этимъ инцидентомъ, сдѣлаю маленькое отступление. На слѣдующій день при открытіи собранія, председателемъ его Петрункевичемъ было прочитано письмо Маркова, адресованное совѣщанію, въ которомъ онъ говоритъ, что вчера онъ былъ очень взволнованъ и нервно настроенъ, и потому можетъ быть и сказать не то, что хотѣлъ, или его не такъ поняли, почему онъ и налагаетъ письменно свою рѣчь; къ сожалѣнію я не нашелъ въ ней больше смысла, чѣмъ въ сказанной имъ; заканчивалось письмо просьбой разрѣшить и ему подписать краткій журналъ, для представленія министерству.

Когда всѣ пункты были вписаны, рѣшили, что всѣ участники съѣзда должны подписать эту резолюцію и черезъ особо избранную депутацію передать ее Мирскому, прося его испрохотать аудіенцію у государя, а если это окажется невозможнымъ, то просить Мирскаго передать постановленія совѣщанія Государю Членами депутаціи были избраны: Шиповъ, князь Львовъ, Иванъ Петрункевичъ, графъ Гейденъ и Пр. Екатеринославской губ. зем. управы Родзянко. Подписали резолюцію сначала бюро, Шиповъ, князь Львовъ и Иванъ Петрункевичъ, а затѣмъ подписывали уже по алфавиту губерній.

Послѣ подписи Карышевъ возбудилъ вопросъ объ амнистіи по политическимъ дѣламъ. Пренія велись довольно безпорядочно. Были замѣчанія такого рода: если я посажу васъ въ погребъ, продержу тамъ мѣсяцъ—другой, а потомъ выпущу—развѣ это будетъ амнистія? Возникалъ вопросъ о томъ, какія категоріи должны подлежать амнистіи, какъ быть съ отбывающими наказаніе по суду и т. д., тогда князь Пет. Дм. Долгоруковъ заявилъ: „Мы здѣсь, господа, еще хранимся, а они то вѣдь уже были храбры, о чемъ же здѣсь можно разговаривать? Мы должны высказаться

за полное восстановление въ правахъ всѣхъ пострадавшихъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія“. Совѣщаніе присоединилось къ этому предложенію и просило бюро редактировать и этотъ пунктъ къ слѣдующему дню. Изъ присутствовавшихъ въ совѣщаніи подписали резолюцію всѣ, за исключеніемъ Павлова (Сарат. губ.), о немъ намъ сказали, что его вызвали по телефону и онъ куда то уѣхалъ, но подпишетъ потомъ. По окончаніи засѣданія бюро предложило благодарить хозяина квартиры за гостепріимство; тогда В. Д. Набоковъ заявилъ, что наоборотъ, онъ долженъ благодарить насъ за то, что такой, по его словамъ, важный историческій актъ, какъ подпись резолюции, произошелъ именно въ его домѣ, на что кто-то крикнулъ, что со временемъ на домѣ № 47 по Б. Морской будетъ прибита мраморная доска.

Уходя В. М. Ладыжинскій подходитъ и говоритъ: У меня уже есть вещь для будущаго русскаго національнаго музея. „Гдѣ же вы ее взяли?“. „Сейчасъ укралъ здѣсь“. Что же это такое? Покажите. „Онъ вынулъ изъ кармана ручку, которой подписывали постановленія, и сказалъ, что сохранить ее на память.

Въ засѣданіи 9-го ноября былъ принятъ рядъ резолюцій по вопросамъ народнаго образованія, земскихъ организацій на Дальнемъ-Востокѣ и различнымъ культурнымъ мѣропріятіямъ, постановленій уже чисто земскихъ и для земскихъ собраній. Тогда же было рѣшено организовать составъ сѣздовъ, и дабы избавиться отъ упрека въ самозванствѣ, рѣшено было просить губернскія земскія собранія всѣхъ губерній въ ближайшихъ губернскихъ собраніяхъ избрать изъ числа членовъ собранія по 4 человека и по 2 канд. къ нимъ и на будущіе сѣзды приглашать уже только: 1) избранныхъ земскими собраніями или, за вынѣтѣемъ, ихъ кандидатомъ, 2) председателей губернской упр., 3) тѣхъ изъ участниковъ ноябрскаго сѣзда, въ губерніяхъ которыхъ не будутъ произведены выборы ни въ Земскихъ Собраніяхъ ни въ частныхъ совѣщаніяхъ, 4) тѣхъ членовъ бюро ноябрскаго сѣзда, участіе которыхъ будетъ признано необходимымъ.

Такъ закончился Петербургскій земскій сѣздъ, имѣвшій такое большое вліяніе на ходъ освободительнаго движенія.

Р. Будбергъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Приводимъ полностью текстъ резолюцій сѣзда земскихъ дѣятелей 6—8 ноября 1904 года въ Петербургѣ ¹⁾).

Частное Совѣщаніе земскихъ дѣятелей въ засѣданіяхъ, происходившихъ 6-го, 7-го и 8-го ноября 1904 г. въ Петербургѣ, обсудивъ вопросъ объ общихъ условіяхъ, необходимыхъ для правильнаго теченія и развитія нашей общественной и государственной жизни, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1. Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2. Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасенія развитія общественной самостоятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ государственномъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и къ опеке надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядок лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждого и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

¹⁾ См. Листокъ Освобожденія. № 18. Парижъ. 20 ноября 1904 года.

5. Для устранения возможности проявления административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частнаго жилища. Никто безъ постановленія независимой судебной власти не долженъ быть подвергаемъ взысканію и ограничиваемъ въ своихъ правахъ. Для вышеуказанной цѣли необходимо, кромѣ того, установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечилъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6. Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія общественныхъ нуждъ и для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свободы собраний и союзовъ.

7. Личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи должны быть равны.

8. Самодѣтельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни страны. Такъ какъ значительное большинство населенія Россіи принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то слѣдуетъ прежде всего поставить это послѣднее въ положеніе, благоприятствующее развитію въ немъ самодѣтельности и энергіи, а это достижимо только путемъ кореннаго измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянства. Въ этихъ цѣляхъ необходимо: а) уравнивать крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сословій, б) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и в) оградить его правильной формой суда.

9. Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ по преимуществу сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнить обязанности, присущія правильно и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія: для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участию въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣтельность, в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учреждений простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ и г) чтобы названнымъ учреждениямъ были предоставлены должныя устойчивость и самодѣтельность, при наличности которыхъ только и возможно правильное развитіе ихъ дѣятельности и созданіе необходимаго взаимодѣйствія правительственныхъ и общественныхъ учреждений. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи

10. Мнѣніе большинства. ¹⁾

Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильного развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, ²⁾ въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ ³⁾ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи. ⁴⁾

Мнѣніе меньшинства. ²⁾

Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильного развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе въ законодательствѣ народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія.

11. Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія переживаемаго Россіей, частное Совѣщаніе выражаетъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Предсѣдатель Совѣщанія Д. Шиповъ.
Товарищъ предсѣдателя Ив. Петрунkevичъ.
Товарищъ предсѣдателя кн. Г. Львовъ.

Секретарь Ф. Кокошкинъ.
Секретарь Л. Брюхатовъ.
Секретарь Ф. Головинъ.

Члены: баронъ Александръ Федоровичъ СтUARTъ, С. А. Петровъ, Н. Масленниковъ, Г. А. Смирновъ, А. Еремѣевъ, В. Кудравый, Дмитрій Перелешинъ, Алексѣй Урсулъ, баронъ Р. Будбергъ, Л. В. Юмашевъ, М. Родзянко, Н. Карышевъ, И. Геркенъ, В. В. Марковниковъ, А. Н. Баратынскій, А. В. Васильевъ, Н. В. Лесли, В. С. Соколовъ, Н. В. Раевскій, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, Э.

¹⁾ 71 голосъ.

²⁾ 27 голосовъ.

³⁾ Формула „въ осуществленіи законодательной власти“ принята большинствомъ 60 голосовъ противъ 38.

⁴⁾ Формула „въ установленіи государственной росписи“ принята большинствомъ 91 голоса противъ 7.

⁵⁾ Формула „въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи“ принята большинствомъ 95 голосовъ противъ 3.

Загорскій, А. ф.-Рутценъ, В. Г. Якушкинъ, Н. Ширковъ, Евгений Артыновъ, Н. Рихтеръ, М. В. Челноковъ, В. Ф. Мейенъ, С. Муромцевъ, Ал. Ал. Савельевъ, Георгій Килевейнъ, В. Горинъ, Ал. Иконниковъ, Мих. Прокофьевъ, С. Бередниковъ, А. М. Колубакинъ, Ив. Корсаковъ, Сергѣй Масловъ, Ф. В. Татаринъ, А. Стаховичъ, Вс. В. Михалевскій, А. А. Атрыганьевъ, В. Ковалевскій, Влад. Ладыженскій, Ф. Лизогубъ, Василій Горбуновъ, гр. П. Гейденъ, Мих. Калитинъ, Александръ Брянчаниновъ, В. Эманъ, кн. Н. С. Волконскій, Влад. К. Федоровскій, Андрей Андреевичъ Ушаковъ, В. Племянниковъ, Николай Шишковъ, Г. Костромитиновъ, Д. Протопоповъ, К. Арсеньевъ, Авчинниковъ, С. Гвоздевъ, И. Аладовъ, Владиміръ Набоковъ, князь С. М. Баратаевъ, Н. И. Метальниковъ, В. Т. Садовскій, В. М. Вороновскій, И. Г. Полуектовъ, Н. А. Хомяковъ, В. П. Энгельгардъ, А. Д. Юматовъ, С. А. Котляревскій, А. М. Масленниковъ, К. Б. Веселовскій, Н. Н. Львовъ, Я. Т. Харченко, В. Г. Колокольцовъ, П. М. Линтваревъ, В. Вернадскій, М. Колобовъ, В. Измайлъ, А. Павловъ, Новосильцовъ, В. фонъ-Дервизъ, В. Кузьминъ-Караваевъ, М. Петрункевичъ, Н. Милуковъ, Ф. Родичевъ, князь М. В. Голицынъ, Р. А. Писаревъ, П. Коропочинскій, И. Жуковскій, А. Свѣчинъ, В. М. Хижняковъ, А. Крыловъ, Н. Глѣбовъ, кн. Д. И. Шаховской, В. Марковъ.

Опытъ примѣненія пассивнаго опротивленія въ 70-хъ годахъ.

Пассивное сопротивление, послѣ такъ называемаго Выборгскаго воззванія, настолько заинтересовало въ данное время общество и печать, что намъ казалось умѣстнымъ подѣлиться нѣкоторыми свѣдѣніями о довольно крупномъ опытѣ его примѣненія, правда, при другихъ условіяхъ и по другому поводу,—уральскими казаками. Этотъ опытъ относится къ 1874—1875 гг. и, какъ частичное во всякомъ случаѣ, хотя и массовое по отношенію къ данной мѣстности, примѣненіе пассивнаго сопротивления,—онъ является довольно сильнымъ доказательствомъ того, какъ опасно и безцѣльно такое частичное выступленіе, въ особенности имѣя въ виду обычную жестокость военныхъ судовъ, карательныхъ экспедицій и воинскаго постоя.

Обстоятельства этого «недоразумѣнія» въ самыхъ краткихъ чертахъ таковы: согласно выс. утв. 5 марта 1874 г. мнѣнія госуд. сов. въ уральскомъ казачьемъ войскѣ должны были быть введены: новое положеніе о воинской повинности и положеніе объ общественномъ хозяйственномъ управленіи. Новое положеніе о воинской повинности вносило крупное измѣненіе въ прежній способъ отбыванія этой повинности уральцами, вводя *обязательную для каждого* молодого казака службу въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ въ строю и требуя обязательную явку на ежегодные учебные сборы и содержаніе наготовѣ строевой лошади и снаряженія ¹⁾.

Новое положеніе объ общественномъ управленіи требовало, чтобы казаки выбрали представителей отъ станицъ для рѣшенія хозяйственныхъ вопросовъ, въ которыхъ были и вопросы о распредѣленіи самообложенія на военныя нужды. Главное недовольство казаковъ было вызвано тѣмъ, что новый порядокъ, значительно отягчавшій несеніе воинской повинности, свалился имъ на голову совсѣмъ неожиданно, безъ всякаго предварительнаго обсужденія его самими казаками. Находя «новое положеніе» неудобопримѣнимымъ къ условіямъ своей экономической и общественной жизни, казаки начали хлопотать о временномъ приостановленіи его введенія и просили у мѣстнаго начальства

¹⁾ До этого уральскіе казаки вызывались на службу лишь во время войны, и полки распускались по мѣстнымъ надобностямъ.

объяснений и отвѣта на возникающіе у нихъ по поводу новаго закона вопросы.

Вмѣсто разъясненій начальство разослало циркуляръ съ угрозой, что «за распространіе ложныхъ толковъ о новомъ положеніи» виновные будутъ предаваемы суду. «Но казаки утвердились въ мысли, что новое положеніе вводится неправильно и, отказываясь принять его, въ октябрѣ посылаютъ въ Ливадію казаковъ, которымъ и удалось подать государю прошеніе. Эти казаки—Стяговъ и Гузиковъ—были первые преданы военному суду, который ихъ, «какъ оказавшихся въ числѣ главныхъ дѣятелей по возбужденію въ войскѣ неповиновенія властямъ при введеніи въ дѣйствіе выс. утв. 9 марта 1874 г. положенія о воинской повинности и общественномъ хозяйственномъ управленіи, позволявшихъ себѣ распространять ложные слухи и нелѣпные рассказы о правахъ войска,—присудивъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія сослать въ каторжную работу въ рудникахъ и на заводахъ на восемь лѣтъ каждого съ приведеніемъ въ исполненіе надъ ними обрядности по силѣ 1040 ст. XIV кн. С. В. П. 1869 г.—возведеніе на эшафотъ».

Чтобы привести массу казаковъ, отказавшихся принять новое положеніе, къ раскаянію и повиновенію, тогдашнее начальство придумало совершенно нелѣпую вещь: поголовный допросъ всѣхъ казаковъ и отбираніе на бѣлыхъ листахъ подписки въ томъ, что они подчиняются властямъ и новое положеніе принимаютъ. Эта мѣра подняла на ноги еще большее количество казаковъ, заподозрѣвшихъ въ такой подпискѣ подвохъ. Отказывались отъ подписки сначала всѣ поголовно. Ихъ велѣно было предавать суду, но очевидно выполнить это было физически невозможно, и тогда рѣшили выслать всѣхъ продолжающихъ ¹⁾ упорствовать въ административномъ порядкѣ въ Туркестанъ.

Пассивное сопротивленіе не ограничилось отказомъ отъ подписки; оно перешло въ отказъ добровольно идти въ ссылку. Первую партію пришлось тащить силою. Начальство, выведенное изъ себя, примѣнило къ нимъ звѣрское избиеніе до полусмерти и въ такомъ видѣ поклало арестантовъ на подводы и увезло. Пассивное сопротивленіе продолжалось на мѣстѣ ссылки—въ Казалинскѣ, гдѣ изъ казаковъ предполагали устроить нѣчто вродѣ рабочихъ командъ, отдавъ ихъ въ распоряженіе мѣстной командѣ солдатъ. Казаки не шли въ казармы, не называли фамилій, не надѣвали одежды, не исполняли никакихъ работъ, имъ назначаемыхъ, хотя бы и для собственной пользы (устройство жилища). Чтобы какъ-нибудь разбираться среди этой безыменной массы, солдатскіе унтеры придумали выжигать казакамъ знаки *на лбу ляписомъ*; но и эти знаки казаки за ночь вмѣстѣ съ кожей сдирали... Борьба велась съ ожесточеніемъ чуть не годъ, при чемъ казаки какъ бы въ религіозномъ изступленіи, считая, что страдаютъ за вѣру, не употребляли насилія; въ сущности, если бы они захотѣли его примѣнить, командѣ было бы трудно съ ними справиться. Уральцы оставались до конца исключительно на почвѣ пассивнаго сопротивленія.

Властямъ удалось выслать съ Урала 2500 чел. взрослыхъ муж-

¹⁾ Часть казаковъ пошла на уступки.

чинъ (отдѣльными партіями), къ нимъ выселить въ послѣдствіи силою же ихъ семьи, занять казачьи станицы воинскимъ постоемъ, конфисковать имущество сосланныхъ и вообще продѣлать такую бездну беззаконія, насилія, произвола, форменнаго грабежа, что трудно вѣрится въ возможность такихъ дѣяній въ 70-хъ годахъ XIX вѣка. Въ результатъ—цѣлыя селенія были раззорены окончательно, во многихъ другихъ масса домовъ осталась надолго забытыми, а движимое имущество частью распродано, частью расхищено. Новое положеніе введено было силою оружія, и та часть казаковъ, которая осталась въ предѣлахъ войска, вынуждена была ему подчиниться.

Такимъ образомъ, несмотря на массу жертвъ и страданій, благодаря тому, что пассивное сопротивленіе было примѣнено, хотя и очень дружно въ первое время, но лишь отдѣльною, сравнительно небольшой частью населенія (уральскихъ казаковъ всего то было тогда менѣе 100 т. обоего пола), оно дало печальные результаты.

Н. Бородинъ.

Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 году.

(Окончаніе ¹⁾).

VII.

Мы уже говорили о приказѣ императора Александра отъ 2 ноября 1820 г., уничтожившемъ прежній составъ Семеновскаго полка. Прежніе семеновцы были распределены между очень многими армейскими полками.

4 ноября начальникъ Главнаго Штаба, кн. Волконскій, далъ, по повелѣнію государя, слѣдующее предписаніе Закревскому: 1) Изъ отправленнаго въ Свеаборгъ 2-го батальона, выбравъ 15 унтеръ-офицеровъ, 6 музыкантовъ и 180 рядовыхъ оставить ихъ въ Финляндіи въ 23-ей пѣхотной дивизіи, а прочихъ людей этого батальона послать сухимъ путемъ чрезъ Выборгъ, минуя Петербургъ, черезъ Ижору и Лугу во Псковъ. Тамъ оставить почти такое же количество людей, какъ въ Финляндіи, для распределенія въ полки 1 пѣх. дивизіи, остальныхъ же отправить одну половину въ Ригу, а другую въ Витебскъ для распределенія въ полки 2-й и 3-й пѣх. дивизіи. 2) 3-й батальонъ изъ Кексгольма отправить чрезъ Новую Ладугу до Вышняго Волочка Оттуда, выбравъ изъ всѣхъ ротъ 36 унтеръ-офицеровъ, 16 музыкантовъ и 400 рядовыхъ, послать въ Переславль Залѣсскій; оставивъ въ этомъ городѣ одну половину всего числа для распределенія въ 13-й пѣх. дивизіи, другой половинѣ идти въ Муромъ для распределенія въ 5-й пѣх. дивизіи; остальныхъ же 400 человекъ отправить въ Коломну, и оставивъ тамъ половину для распределенія въ 15-й пѣх. дивизіи, остальныхмъ идти въ Рязань для размѣщенія въ 4-й пѣх. дивизіи. 3) Всѣхъ оставшихся въ Петербургѣ въ казармѣ, не содержащихся въ крѣпости унтеръ-офицеровъ, музыкантовъ, рядовыхъ и нестроевыхъ 1-го батальона выслать въ Лубны для распределенія въ 8 пѣх. дивизію. 4) Всѣхъ оставшихся въ казармахъ въ Петербургѣ людей 2-го батальона выслать во Псковъ, а 3-го батальона въ Новую Ладугу для соединенія тамъ съ людьми своихъ батальоновъ. 5) Изъ музыкантовъ, оставшихся въ Петербургѣ, дозволялось включить въ новый составъ Семеновскаго полка тѣхъ, которые нисколько не были причастны

¹⁾ См. Бѣлое январь и февраль 1907 г.

«своевольству». 6) Всѣхъ военныхъ кантонистовъ моложе 10 лѣтъ велѣно было оставить въ полку, а старше 10 лѣтъ разослать по ближайшимъ отъ Петербурга отдѣленіямъ: въ новгородское, Выборгское, Фридрихсгамское, Нарвское и Псковское. 7) Солдатскихъ женъ съ дѣтьми моложе тѣхъ, которые были назначены для помѣщенія въ военно-сиротскіе дома, оставить въ Петербургѣ до теплой весенней погоды. 8) Артельныя деньги разослать по расчету въ тѣ полки, куда люди поступятъ, на что корпусному командиру обратить особенное вниманіе, «дабы послѣдняя даже копѣйка дошла до каждого, кому принадлежить.» 9) Офицеровъ, бывшихъ въ Семеновскомъ полку, отправить съ командами для отвода людей въ тѣ полки, куда они назначены. ¹⁾

Главнокомандующему 1-й арміи было предписано распорядиться, чтобы полковые, батальонные и ротные командиры тѣхъ полковъ, въ которые поступятъ солдаты Семеновскаго полка, обратили особенное вниманіе не только на ихъ поведеніе, но даже и на разговоры относительно происшествія, вызвавшаго уничтоженіе ихъ полка, и старались бы вывѣдывать отъ нихъ о началѣ этого происшествія и не подбуждали ли ихъ кто либо. Васильчиковъ просилъ оставить въ Петербургѣ подпрапорщиковъ и портупей прапорщиковъ Семеновскаго полка, потому что они не участвовали въ извѣстномъ происшествіи, такъ какъ не жили въ казармахъ и съ нижними чинами не имѣли никакихъ связей; если же признано неудобнымъ оставить ихъ въ Петербургѣ въ Семеновскомъ полку, то перевести ихъ въ армейскіе полки съ офицерскимъ чиномъ. Сначала государь не согласился ни на то, ни на другое, но въ началѣ 1821 г. подпрапорщики были произведены въ офицеры.

Въ Петербургѣ судьба семеновцевъ, какъ мы уже знаемъ, возбуждала общее сочувствіе. Вотъ фактъ, хорошо рисующій настроеніе городского населенія. 22-го ноября 1820 г. должна была выступить изъ Петербурга отправляемая въ Полтавскую губернію въ 8 пѣхотную дивизію команда изъ 120 семеновцевъ, находившихся 17 и 18 октября въ госпиталяхъ и разныхъ отлучкахъ, слѣдовательно, рѣшительно ни въ чемъ неповинныхъ. Пока команда собиралась, къ начальствовавшему ея офицеру подошелъ человекъ въ купеческомъ платьѣ и, подавая ему сторублевую ассигнацію, просилъ истратить эти деньги на водку для солдатъ во время похода. На вопросъ офицера, нѣтъ-ли у него между нижними чинами какого либо родственника или близкаго, онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, батюшка, никого нѣтъ, а у меня свой домъ въ (Семеновскомъ) полку; я привыкъ видѣть каждый день этихъ добрыхъ людей и, не имѣвъ отъ нихъ ни малѣйшей обиды или неудовольствія, всѣхъ ихъ считаю своими». Офицеръ Михайловъ, нѣсколько опасавшійся продолжительнаго похода съ мало извѣстными ему солдатами, былъ ободренъ этимъ выраженіемъ мнѣнія о хорошей

¹⁾ 14 ноября 1820 г. Захаревскій извѣстилъ Бенкендорфа, что нижніе чины бывшаго Семеновскаго полка во время слѣдованія ихъ въ пути не могутъ довольствоваться мясной пищею, такъ какъ ихъ слѣдуетъ вести какъ армейскихъ солдатъ, а не какъ гвардейскихъ.

нравственности семеновцевъ, и дѣйствительно онъ довелъ порученную ему команду до мѣста назначенія безъ малѣйшей непріятности.¹⁾

Не такъ благополучно прошли семеновскіе солдаты чрезъ Псковъ. 15 января 1821 г. сюда прибылъ изъ Свеаборга переведенный полковникомъ въ Костромской пѣх. полкъ Вадковскій съ батальономъ, назначеннымъ для распредѣленія въ полки 1-го пѣх. корпуса. Являсь къ дивизионному командиру, ген. Лаптеву, онъ просилъ дозволенія дать людямъ отдыхъ въ 4—5 дней, но получилъ отказъ. Вадковскій заявилъ, что ему нужно раздать деньги солдатамъ, Лаптевъ же приказалъ представить ихъ при спискѣ въ дивизионное дежурство, откуда они будутъ разосланы по принадлежности. Однако Вадковскій деньги солдатамъ роздалъ. Та часть солдатъ, которая была назначена во вторую и третью дивизіи, выступила изъ Пскова 16 и 17 числа, опредѣленные же въ 1-ю дивизію остались въ этомъ городѣ. Лаптевъ встрѣтилъ трехъ солдатъ пьяными, и на сдѣланное имъ «увѣщаніе» получилъ, по его словамъ, «грубые и дерзкіе отвѣты». На другой день онъ поручилъ подполковнику Вейдлову наказать ихъ розгами въ присутствіи всѣхъ товарищей и потомъ представить ихъ для освидѣтельствованія, достаточно-ли они наказаны. Наказаніе было нещадное, и бывшіе семеновцы стали роптать, жаловались, что ихъ товарищей наказываютъ безвинно и что даже наказаніе шпицрутенами «менѣе жестоко». Кричали также: «если начали уже наказывать, то наказывайте всѣхъ насъ». Вейдловъ сталъ искать зачинщиковъ ропота, но это ему не удалось, такъ какъ говорили сзади или издалека. Тогда онъ разставилъ унтеръ-офицеровъ съ приказаніемъ вывести впередъ перваго, кто будетъ роптать, и тѣмъ заставилъ всѣхъ молчать. Осмотрѣвъ наказанныхъ, Лаптевъ сказалъ: «вотъ такъ-то у насъ заставляють повиноваться». Такъ же жестоко были наказаны еще 3 солдата другимъ полковникомъ будто бы «за буйственные противъ обывателей поступки»²⁾, а по донесенію губернатора всѣ шестеро подверглись наказанію за грубости Лаптеву. Губернаторъ, вопреки заявленію Лаптева, донесъ, что во время двухдневнаго пребыванія во Псковѣ бывшіе семеновцы «обывателямъ стѣсненія не дѣлали», кромѣ того, что они кормили солдатъ двое сутокъ даромъ. До границы лифляндской и витебской губерній партіи прошли также совершенно спокойно.

Слухъ о событіи во Псковѣ дошелъ до Петербурга. Отвѣтъ Лаптева былъ настолько неясенъ, что Закревскій послалъ для негласнаго разслѣдованія подполковника Жуковского 2-го. По его донесенію, бывшіе семеновскіе офицеры, узнавъ, что на путевое продовольствіе

¹⁾ Рыльскъ въ своей статьѣ о волненіи Семеновскаго полка говоритъ, что нѣкоторые офицеры «являлись точно достойными своего званія». Одинъ изъ нихъ подпоручикъ М. много разъ доводилъ до свѣдѣнія начальства, что у людей нѣтъ сапоговъ, и, получивъ отвѣтъ, что его дѣло вести, а не представленія дѣлать, употребилъ свои 2000 рублей для шитія сапоговъ солдатамъ.

²⁾ Фельдшеръ, которому поручено было развѣдать о происшествіи, донесъ въ Петербургъ, что, какъ онъ слышалъ отъ мѣстныхъ жителей, всего было наказано до 12 человекъ, и такъ жестоко, что нѣкоторые были отнесены съ мѣста наказанія на шпалы.

положено на человѣка въ сутки по 14 коп., сказали при солдатахъ, что за эти деньги ничего достать нельзя, „и потому готовы каждый дать отъ себя людямъ по 1,000 рублей“. Вадковскій за раздачу денегъ, вопреки приказанію Лаптева, получилъ выговоръ.

Послѣ ареста 1-го батальона Семеновскаго полка и отправленія 2-го и 3-го батальоновъ въ Свеаборгъ и Кексгольмъ жены солдатъ, оставшіяся въ казармахъ, по словамъ Закревскаго, „не имѣли никакого пропитанія“, между тѣмъ у многихъ изъ нихъ были большія семейства. Такихъ женщинъ оказалось 273. Закревскій просилъ военнаго министра приказать выдавать каждой изъ нихъ по 50 коп. въ день. Мы видѣли, что мужей ихъ изъ Свеаборга и Кексгольма отправляли такъ, чтобы они не могли зайти въ Петербургъ, слѣдовательно, они лишены были возможности повидаться съ женами. Солдатокъ велѣно было оставить въ столицѣ до наступленія теплой весенней погоды. 23 мая Волконскій уже торопилъ отправленіемъ ихъ изъ Петербурга.

Новый Семеновскій полкъ былъ сформированъ изъ 3-хъ батальіоновъ армейскихъ гренадерскихъ полковъ имени императора Австрійскаго, короля Прусскаго и наслѣднаго принца. Закревскій въ письмѣ къ Волконскому не совѣтовалъ поручать сформированіе его вел. кн. Михаилу Павловичу, такъ какъ онъ «вовсе къ сему неспособенъ». Новому полку, который былъ сформированъ къ 18 января 1821 г., были переданы георгіевскія знамена стараго полка, и дано было на обмундированіе офицеровъ, вслѣдствіе ихъ бѣдности, 68.452 р. асс. Гвардейцы другихъ полковъ относились къ офицерамъ новаго Семеновскаго полка недружелюбно, какъ изъ сочувствія къ прежнимъ семеновцамъ, такъ и потому, что съ переводомъ въ гвардію тѣми же чинами офицеры новаго Семеновскаго полка получили по два чина безъ всякой заслуги. Петербургское общество также относилось къ новымъ семеновцамъ презрительно и враждебно.

Было уже упомянуто, что для суда надъ нижними чинами Семеновскаго полка была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ ген. Левашова. Мы видѣли также, какъ горячо общественное мнѣніе высказывалось въ пользу семеновцевъ; за нихъ стояли и нѣкоторые генералы, въ томъ числѣ и самъ Левашовъ, предсѣдатель судной комиссіи. Настроеніе общественнаго мнѣнія было настолько неблагопріятно для Васильчикова, что онъ нашелъ нужнымъ оправдываться въ письмѣ къ государю. «Меня обвиняютъ въ томъ, что я подалъ поводъ къ этому бунту, слишкомъ строго наказавъ роту Его Величества. Взываю къ Вашей справедливости, Государь: могли ли я, не подрывая совершенно дисциплины, позволить ротѣ собраться ночью, послушаться фельдфебеля; требовать вызова капитана, чтобы жаловаться на полковника». (Мы приводили мнѣніе ген. аудитора Буличева, что въ законѣ нѣтъ запрещенія приносить жалобу и не на инспекторскомъ смотрѣ). «Предвидѣть, что весь полкъ заступится за роту, было немислимо; но, предполагая даже возможнымъ такой случай, не было ли моимъ долгомъ внушить страхъ остальному войску? Меня обвиняютъ еще въ томъ, что я не зналъ о неудовольствіи полка. Я зналъ о немъ, но я зналъ также, что оно вызывалось болѣе

или менѣе строгими требованіями службы». Словомъ, Васильчиковъ былъ изъ тѣхъ генераловъ, составлявшихъ въ то время большинство, для которыхъ на первомъ мѣстѣ были не люди, а дисциплина, не дисциплина существовала для войска, а войско для дисциплины, на алтарь которой приносилась масса человѣческихъ жизней, которая поддерживалась не разумнымъ пониманіемъ дѣйствительно необходимыхъ требованій службы, а розгами и шпицрутенами ¹⁾).

Въ письмѣ къ Волконскому Васильчиковъ высказывался еще откровеннѣе: «Энергическія мѣры, вызванныя важностью обстоятельствъ», писалъ онъ, «навлекли на меня осужденіе всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ ни солдатъ, ни дисциплины; къ этимъ лицамъ присоединились мои личные враги и измѣнившіе мнѣ друзья» (Васильчиковъ видѣлъ только личную интригу тамъ, гдѣ было лишь чело-вѣчное отношеніе къ людямъ); «на моей сторонѣ въ первые дни были только одни старики и нѣсколько благомыслящихъ лицъ. Военные, которые по своимъ чинамъ и занимаемымъ ими мѣстамъ могли бы имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, забыли, что въ минуту, подобную этой, на нихъ лежитъ обязанность (по крайней мѣрѣ въ обществѣ) поддерживать власть, поставленную правительствомъ; они же, напротивъ того, поддались своимъ собственнымъ расчетамъ и громко провозгласили себя защитниками (Семеновскаго) полка; такое поведеніе повліяло на мнѣніе казармъ, женщины подняли крики противъ тиранства, и нашлись военные, которые, подражая женщинамъ, какъ эхо, отвѣчали на подобные вопли... Возгласы нѣкоторыхъ гвардейскихъ генераловъ, подслушанные полиціей разговоры солдатъ, болтовня офицеровъ... были болѣе чѣмъ достаточными причинами, чтобы заставить меня желать скорѣйшаго возврата» государя. «Самое прощеніе» (полка) «въ ихъ глазахъ было бы только справедливостью» ²⁾).

Волконскій добивался узнать, о какихъ генералахъ говорилъ Васильчиковъ въ своемъ письмѣ, а тотъ хотѣлъ назвать ихъ имена лишь по возвращеніи государя, но, наконецъ, уже въ самомъ исходѣ 1820 г., онъ сообщилъ подъ секретомъ Волконскому слѣдующее. Потемкинъ, прежній командиръ Семеновскаго полка, «позволилъ себѣ заступаться за него, вездѣ проповѣдовать, что онъ невиненъ, что онъ давно замѣчалъ, что я хотѣлъ погубить войско, которое оказало столь большія услуги государству, и что изъ за бездѣлицы, о которой не стоило говорить, дѣлаютъ такой шумъ и постараются

¹⁾ А между тѣмъ впоследствии Васильчиковъ говорилъ своему сыну, что «всѣ полки были болѣе или менѣе подготовлены къ возстанію» 14 декабря «неудовольствіемъ, возбужденнымъ излишнею взыскательностью фронтальной службы». Отчего же Васильчиковъ не только не протестовалъ противъ этой изыскательности, а даже поддерживалъ ее, будучи командиромъ гвардейскаго корпуса?

²⁾ Васильчикова осуждали не только въ Петербургѣ. Ген. Сабанѣевъ писалъ П. Д. Киселеву 11 дек. 1820 г. изъ Тirasполя: «Тиранство гвардейское есть необходимое послѣдствіе фронтового педантизма, а уныніе войскъ предвѣстникъ большихъ несчастій... Благодаря за присылку письма Мещерскаго. Если все сказанное въ немъ справедливо, то заключить должно, что Васильчиковъ не смѣлъ быть начальникомъ Шварца, поступилъ малодушно и дорожилъ болѣе фронтовымъ мастерствомъ, нежели полкомъ Семеновскимъ и благомъ общественнымъ. А о прочихъ герояхъ сей плачевной драмы и говорить печально».

вести въ заблужденіе государя. Наконецъ онъ до появленія приказа государя не снималъ семеновскаго мундира, рисуясь имъ на разводѣ, когда полки его дивизіи вступали въ карауль. Можете себѣ представить, какое дѣйствіе должно было производить на войска его поведеніе. Левашовъ, закадычный другъ Петемкина, громко объявлялъ, что рота Его Величества совершенно невинна и что военно-судная коммиссія не можетъ поступить иначе, какъ оправдать ее... Нечего и говорить о военномъ губернаторѣ“ (Милорадовичѣ), «который съ своимъ обычнымъ легкомысліемъ шумѣлъ въ томъ же духѣ. Начальникъ дивизіи, бар. Розенъ, не упускалъ случая вставлять свое словечко, но, по крайней мѣрѣ, осторожно.» Васильчиковъ утверждалъ, будто бы приказъ государя прекратилъ непріятные для него толки, но изъ письма Закревскаго къ Волконскому отъ 14 января 1821 г. видно, что они продолжались еще и въ это время.

Государь требовалъ отъ военно судной коммиссіи, чтобы она непременно открыла зачинщиковъ волненія. Въ томъ случаѣ, если ей это не удастся, Васильчикову дано было право прекратить дѣйствія этой коммиссіи и назначить другую. 12 января 1821 г. Волконскій сообщилъ волю государя, чтобы солдаты 1-го батальона Семеновскаго полка, оказавшіеся невинными, были переведены въ 3-й армейскій корпусъ, тѣхъ же, которые будутъ хотя только названы въ дѣлѣ, приказано было отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость для того, чтобы, если „Государь не будетъ доволенъ производствомъ суда и прикажетъ нарядить новый, эти люди были близко для разныхъ вопросовъ и справокъ“

Коммиссія военного суда надъ нижними чинами по тогдашнимъ правиламъ постановила грозный приговоръ, который обыкновенно до извѣстной степени смягчался высшими инстанціями. Она нашла виновными: 1) трехъ рядовыхъ 2-й роты и одного 1 й роты въ подстрекательствѣ нижнихъ чиновъ къ неповиновенію начальству и въ ослушаніи, выразившемся словами и дѣйствіемъ; 2) 164 человекъ рядовыхъ 1-й роты и 52 чел. 2-й роты, не возвратившихся въ казарму послѣ перваго выхода роты,—въ самовольномъ выходѣ въ коридоры и въ подаваніи примѣра общаго безпорядка; 3) роты Его Величества—172 человекъ коммиссія хотя и не признала зачинщиками, но нашла ихъ виновными въ нарушеніи порядка службы и въ неповиновеніи фельдфебелю; 4) рядовые 3-й фузелерной роты, 147 чел., были обвинены въ томъ, что послѣдовали примѣру другихъ ротъ; 5) всѣхъ фельдфебелей и унтеръ офицеровъ, какъ не участвовавшихъ въ безпорядкахъ, а также и всѣхъ рядовыхъ фузелерныхъ ротъ, не выходившихъ изъ казармъ, коммиссія виновными не признала. Поэтому она опредѣлила: нижнихъ чиновъ, признанныхъ зачинщиками, лишить жизни, людей 1-й и 2-й ротъ, подавшихъ примѣръ безпорядка (т. е. 164 человекъ 1-й роты и 52 человекъ 2-й роты) повѣсить и затѣмъ всѣхъ остальныхъ, виновныхъ одинаково съ людьми другихъ батальоновъ, выписать, согласно приказу государя, въ армію.

Приговоръ поступилъ на разсмотрѣніе начальника дивизіи бар. Розена, дежурнаго генерала Закревскаго и командующаго корпусомъ Васильчикова. Первые два согласились, хотя и не во всемъ, съ рѣше-

нієм коміссіи, Васильчиковъ же нашель, что судъ произведенъ слабо, и въ веденіи дѣла сдѣланы упущенія, и если и не требоваль смертныхъ казней, то все же повысилъ наказаніе для многихъ обвиненныхъ. Онъ предложилъ 4-хъ рядовыхъ наказать кнутомъ (отъ 30 до 50 ударовъ) и сослать въ каторжныя работы, одному дать 2000 шпицрутеновъ и сослать въ дальнѣйшій гарнизонъ, одного за дерзкія слова, уже въ крѣпости, наказать 50-ю ударами плетей и сослать въ крѣпостную работу. Рядовыхъ 1-й и 2-й роты—216 чел.—наказать шпицрутенами, каждого чрезъ батальонъ три раза и разослать въ дальніе гарнизонные батальоны. Рядовыхъ роты Его Величества—172 чел. наказать шпицрутенами чрезъ батальонъ по одному разу и потомъ разослать въ разные армейскіе полки. Признавая также виновными еще 69 чел. второй фузелерной и 147-человѣкъ третьей фузелерной ротъ, разослать ихъ въ армейскіе полки; туда же направить 133 человекъ, не участвовавшихъ въ происшествіи. Фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, которыхъ судъ призналъ невинными, Васильчиковъ предлагалъ разжаловать въ рядовые и разослать по армейскимъ полкамъ.

Затѣмъ дѣло пошло на ревизію въ аудиторіатскій департаментъ. Тамъ произошло разногласіе между ген. аудиторомъ Булычевымъ и совѣтникомъ Пашенко. Государь, недовольный тѣмъ, что не найдено зачинщиковъ въ ротѣ Его Величества, поручилъ разслѣдовать это обстоятельство подполковнику Жуковскому и оберъ-аудитору Андреевскому, которые и раскрыли то обстоятельство, что фельдфебель роты Его Величества Брагинъ вечеромъ 16-го октября подавалъ Кошкареву записку съ именами 12-ти человекъ. 5-го іюля государь приказалъ, принявъ во вниманіе вновь добытые факты, покончить дѣло комиссіи, состоящей изъ Закревскаго, Булычева и Пашенко, подъ предсѣдательствомъ перваго.

Эти три лица не могли согласиться только относительно роты Его Величества, для остальныхъ же ротъ приговоръ былъ единогласный. Они постановили: 7 человекъ наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу ¹⁾, одного наказать 50-ю ударами плетями и сослать въ каторжную работу, изъ 216-ти человекъ—наказать *по жребію десятию кнутомъ*—25 ю ударами и сослать въ каторжную работу, а 195, лишивъ знаковь отличія, наказать чрезъ батальонъ три раза; одного наказать шпицрутенами чрезъ 1000 чел.—два раза и отправить въ дальній гарнизонъ; 166 чел. роты Его Величества прогнать сквозь строй чрезъ батальонъ одинъ разъ (а Булычевъ предлагалъ вмѣнить имъ въ наказаніе девятимѣсячное заключеніе и разослать въ армейскіе полки); 14 унтеръ-офицеровъ роты Его Величества перевести въ армію съ разжалованіемъ въ рядовые (Булычевъ высказался противъ разжалованія); 4-хъ фельдфебелей и 40 унтеръ-офицеровъ перевести въ армію безъ разжалованія; 212 рядовыхъ перевести въ армію безъ наказанія и наконецъ 132 человекъ было оправдано. Слѣдовательно,

¹⁾ Булычевъ предлагалъ тремъ изъ нихъ наказать шпицрутенами: 2-хъ чрезъ батальонъ три раза, одного—1 разъ.

800 человекъ ¹⁾ томились въ заключеніи въ ожиданіи этого суроваго приговора.

Резолюція государя (29 августа 1821 г.), написанная рукою Аракчеева, была такова: 8 человекъ прогнать сквозь строй чрезъ батальонъ по 6 разъ cadaго и отослать въ рудники. Такимъ образомъ количество приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію было сильно уменьшено, причемъ кнутъ и плети были замѣнены шпицрутенами, но въ такомъ количествѣ, что жизни наказываемыхъ грозила опасность. Фельдфебель Брагинъ за представленіе Кошкареву списка зачинщиковъ былъ произведенъ въ подпоручики; двухъ унтеръ офицеровъ велѣно было разжаловать въ рядовые, а всѣхъ остальныхъ обвиняемыхъ, приведя вновь къ присягѣ, разослать безъ наказанія въ Оренбургскій, Сибирскій и Кавказскій корпуса. Назначенные для распредѣленія по корпусамъ сибирскому и оренбургскому должны были быть зрителями при наказаніи шпицрутенами. Государь былъ недоволенъ дѣйствіями комиссіи военнаго суда, производившей дѣло о нижнихъ чинахъ, и приказалъ сдѣлать ей выговоръ за «безпорядочное и несогласное съ закономъ производство дѣла», а оберъ-аудитора Бѣльева велѣлъ даже посадить на мѣсяцъ въ крѣпость и отставить отъ службы. Солдатъ, отсылаемыхъ въ рудники, государь велѣлъ вести только въ ручныхъ кандалахъ.

Комиссія, судившая Шварца, состояла изъ ген. А. Ѳ. Орлова и пяти полковниковъ гвардейскихъ полковъ. Она нашла его виновнымъ: 1) въ томъ, что «онъ занимался во время церковныхъ парадовъ обученіемъ, отчего нижніе чины опаздывали въ церковь»; 2) не искалъ любви подчиненныхъ и потому «потерялъ довѣренность какъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ и ослабилъ уваженіе, присвоенное его чину»; 3) въ нарушеніи закономъ опредѣленныхъ правъ самоуправствомъ и въ униженіи привилегій, установленныхъ въ память военныхъ дѣйствій», т. е. въ тѣлесномъ наказаніи нижнихъ чиновъ, имѣющихъ военный орденъ; 4) «въ производствѣ презрительныхъ наказаній, на которыя не давали ему права ни военныя, ни гражданскія узаконенія»; 5) въ предосудительной для военнаго робости и въ томъ, что, «несмотря на клятвенное обѣщаніе тѣломъ и кровью защищать государственныя права во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто пожертвованія и самую жизнь, прицѣлъ въ уныніе и, пользуясь ночнымъ временемъ, былъ зрителемъ безпорядка.» Комиссія опредѣлила: Шварца лишить жизни.

Васильчиковъ въ своемъ мнѣніи нѣсколько защищалъ Шварца и предлагалъ лишить его штабъ-офицерскаго чина и орденовъ и опредѣлить на службу въ армію. Государь нашелъ его виновнымъ только «въ несообразномъ выборѣ времени для ученій и въ нерѣшимости лично принять должныя мѣры для прекращенія неповиновенія во ввѣренномъ ему полку» (такъ что производимыя имъ жестокия наказанія какъ будто были признаны совершенно обычными) и, принимая во вниманіе его прежнюю «долговременную и усердную службу, храбрость и отличіе на полѣ сраженія», повелѣлъ отставить Шварца отъ службы

¹⁾ Передано суду было 802 человека: 4 фельдфебеля, 54 унтеръ-офицера, 740 рядовыхъ, 2 барабанщика и 2 флейтщика.

съ тѣмъ, чтобы впредь никуда его не опредѣлять. Однако, по ходатайству гр. Аракчеева, Шварцъ былъ зачисленъ въ корпусъ военныхъ поселеній, но не получилъ въ команду никакой части войскъ, и, когда въ 1826 г. подалъ въ отставку, его не уволили, а по прежнему оставили отъ службы, такъ что онъ просилъ вел. кн. Михаила Павловича «исходатайствовать ему отставку, приличную благородному вѣрноподанному» ¹⁾

Тѣмъ же приказомъ 29 августа 1821 г., которымъ была рѣшена (уже по возвращеніи имп. Александра изъ за границы) судьба находившихся въ заключеніи семеновскихъ солдатъ и полковника Шварца, былъ отданъ подъ судъ командиръ роты его величества Кошкаревъ за то, что не представилъ ни начальству, ни военному суду поданнаго ему фельдфебелемъ Брагинымъ списка зачинщиковъ, и командиръ 1-го батальона Вадковскій, которому поручили отвезти въ Свеаборгъ 2-й батальонъ и осыпали тогда похвалами. Теперь его обвиняли въ томъ, что онъ «слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы поведеніемъ далъ усилиться безпорядкамъ».

Судъ надъ Кошкаревымъ и Вадковскимъ производился въ Витебскѣ. Предсѣдателемъ суда былъ генераль А. Ѳ. Орловъ, впоследствии бывший при Николаѣ I шефомъ жандармовъ. Приговоромъ военного суда (22 апрѣля 1822 г.) подполковникъ Кошкаревъ былъ признанъ виновнымъ, какъ въ непредставленіи записки фельдфебеля, такъ и въ томъ, что, имѣя, по толкованію на 137 артикулъ, «полное право не только употребить сейчасъ, въ случаѣ упрямства и возмущенія, всякое наказаніе и даже умертвить на мѣстѣ, позволилъ себѣ въ противность 134 артикула слушать жалобу, скопомъ принесенную на полкового командира, а при взысканіи за неисправности рядовыхъ» объяснялъ, что дѣлаетъ это потому, что строго взыскиваетъ полковой командиръ, «какъ будто не правила службы, а только строгія распоряженія командира обязывали его къ тому».

Полковникъ Вадковскій былъ обвиненъ въ томъ, что 1) получилъ донесеніе Кошкарева о происшествіи, не приступилъ немедленно къ отысканію зачинщика; 2) что утратилъ донесеніе Кошкарева и, имѣя повелѣніе вел. кн. Михаила Павловича привести людей въ раскаяніе, не старался выполнить его подъ тѣмъ предлогомъ, что ему было дано на это только $\frac{3}{4}$ часа; 3) что послѣ арестованія 1-й гренадерской роты общалъ тремъ другимъ собравшимся ротамъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о прощеніи 1-й роты «и оставилъ ихъ скопище въ казармѣ 3 й фузелерной», чѣмъ и далъ имъ возможность произвести безпорядки во 2-мъ и 3-мъ батальонѣ и 4) «въ безпокойномъ поведеніи, потому что, не взирая на сдѣланные ему главнокомандующимъ 1-ю арміею и при судопроизводствѣ выговоры за дерзкія объясненія, въ оправданіяхъ своихъ осмѣлился и послѣ того написать, что свѣдѣнія, доставленные ген. - адъютантомъ Васильчиковымъ по производству суда, не согласны... съ строгою справедливостію.»

Кошкаревъ и Вадковскій были приговорены комиссіей военного

¹⁾ Въ 1827 г. Михаилъ Павловичъ предложилъ Шварцу опредѣлиться на службу въ Грузію, но тотъ отказался.

суда къ лишенію чести, имѣнія и живота. Командиръ гвардейскаго корпуса Уваровъ, замѣнившій Васильчикова, въ виду прежней усердной службы подсудимыхъ, считалъ достаточнымъ заключить обвиненныхъ въ крѣпость: Кошкарева на 2 года, Вадковскаго на 2½ года и затѣмъ Кошкарева опредѣлить по прежнему на службу, а Вадковскаго исключить изъ нея. Въ генераль-аудиторіатѣ произошло разногласіе: совѣтникъ Пашенко предлагалъ разжаловать ихъ въ солдаты, а генераль-аудиторъ считалъ нужнымъ Кошкарева заключить въ крѣпость на два года, Вадковскаго же признавалъ совершенно невиннымъ.

Дѣло оставалось очень долго нерѣшеннымъ, и обвиненные продолжали томиться въ заключеніи въ Витебскѣ. Императоръ Александръ I, подозрѣвая Тайное Общество въ подстрекательствѣ солдатъ Семеновскаго полка, желалъ, чтобы Вадковскій указалъ членовъ общества, но тотъ не имѣлъ о немъ никакого понятія. Вопросъ былъ заданъ въ такой формѣ: не принадлежалъ ли кто изъ офицеровъ къ обществу мясоновъ? Вадковскій въ апрѣлѣ 1824 г. отвѣчалъ, что въ 1812 г. былъ принятъ въ одну изъ ложъ генераломъ Сипягинимъ, но за неаккуратныя посѣщенія въ 1818 г. былъ изъ нея исключенъ. На вопросъ объ офицерахъ вообще Вадковскій между прочимъ отвѣчалъ: «для большей части офицеровъ споры о политикѣ представляли мало интереса. Хотя по временамъ и слышались клички: «карбонари, либералъ», но этими словами лишь забавлялись какъ игрушкой, введенной въ моду журналами, и эти прозвища давались иногда въ шутку тѣмъ, кто не любилъ въ точности исполнять служебныя обязанности. Никакого преступнаго намѣренія я въ офицерахъ не замѣчалъ». Александръ I подавалъ Вадковскому, въ случаѣ его полной откровенности, надежду на милость и снисхожденіе и требовалъ отъ него окончательнаго объясненія, не было ли какихъ «постороннихъ» причинъ происшествія въ Семеновскомъ полку; но Вадковскій въ письмѣ къ государю отъ 7 іюня 1825 г. писалъ, что «считаетъ невозможнымъ думать», чтобы «оно могло быть приписано политическимъ видамъ или подстрекательству со стороны общества офицеровъ, хотя признавалъ это возможнымъ, если бы происшествіе случилось шесть лѣтъ ранѣе, когда (послѣ заграничнаго похода) «узы дружбы и привычки связывали 60 существъ, которые составляли какъ бы одно».

Это желаніе найти вліяніе Тайнаго Общества въ волненіи Семеновскаго полка заставляло тянуть дѣло Кошкарева и Вадковскаго.

Въ январѣ 1826 г. императоръ Николай предполагалъ Вадковскаго и Кошкарева разжаловать въ рядовые, но поручилъ начальнику Главнаго Штаба Дибичу спросить объ этомъ дѣлѣ мнѣніе Константина Павловича. Цесаревичъ, «зная прежнюю службу» ихъ, предложилъ заключить обвиненныхъ въ крѣпость на два съ половиною или три года и потомъ отставить отъ службы. Когда Дибичъ доложилъ это мнѣніе государю, Николай Павловичъ приказалъ препроводить къ цесаревичу докладъ аудиторіатскаго департамента съ просьбою сообщить свое заключеніе по этому дѣлу. Есть извѣстіе, будто Вадковскій и Кошкаревъ были отправлены на Кавказъ безъ лишенія чиновъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ записокъ Лорера видно, что Кошкаревъ при Николаѣ I командовалъ полкомъ на Кавказѣ.

Въ одно цѣлое съ дѣломъ Вадковскаго и Кошкарева было соединено дѣло еще двухъ бывшихъ семеновскихъ офицеровъ Ермолаева и кн. Щербатова.

Капитанъ Ермолаевъ ¹⁾, переведенный въ армію полковникомъ во время производства дѣла Семеновскаго полка, домогался увидѣться съ нижними чинами, содержащимися на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, и посылалъ туда своего кучера, чтобы достать ихъ списокъ.

Это вызвало подозрѣніе, и Ермолаевъ былъ арестованъ, причѣмъ взяты у него бумаги. Въ нихъ между прочимъ оказались два письма отъ капитана кн. Ив. Дмитр. Щербатова, товарища Ермолаева по полку, и два письма отъ нижнихъ чиновъ, выписанныхъ въ армію. Щербатовъ, находившійся во время происшествія въ Семеновскомъ полку въ Москвѣ, въ письмѣ отъ 30 октября 1820 г. писалъ: «ты не повѣришь, какъ жалко было мнѣ узнать, что офицеры не остались при солдатахъ (ибо я полагалъ, что ихъ заперли въ казематахъ), теперь же, такъ какъ они, такъ сказать, живутъ въ крѣпости, то я вижу, что нашему брату нужно было не отставать въ благородной рѣшимости (отъ) сихъ не обыкновенно расположенныхъ, хотя нѣкоторымъ образомъ преступныхъ, людей» ²⁾. Очевидно, Щербатовъ желалъ этимъ сказать, что и офицеры Семеновскаго полка должны были бы протестовать противъ жестокости полкового командира. Въ перепискѣ Ермолаева нашли также рѣзкіе отзывы его о полковникѣ Шварцѣ (еще до волненія), а одинъ рядовой по переводѣ въ армію писалъ Ермолаеву, что причина происшествія и виновники его ему извѣстны. Все это показалось очень подозрительнымъ. Щербатовъ былъ также арестованъ и, по повелѣнію государя 30 октября 1821 г., оба они были отданы подъ судъ и отправлены въ Витебскъ для производства ихъ дѣла въ комиссіи, предсѣдателемъ которой былъ Орловъ.

Кн. И. Д. Щербатовъ былъ обвиненъ въ одобрителномъ отзывѣ о благородномъ поведеніи семеновскихъ солдатъ и въ томъ, что допускалъ нижнихъ чиновъ въ своемъ присутствіи забавляться неприличными шутками насчетъ Шварца. Отставной полковникъ Ермолаевъ былъ признанъ виновнымъ въ томъ: 1) что «по выходѣ въ отставку изготавилъ очернить (!) оскорбительное письмо» полковнику Шварцу (слѣдовательно оно не было даже отправлено по назначенію); 2) что на ученіяхъ смѣялся при нижнихъ чинахъ надъ Шварцемъ и «въ публикѣ» говорилъ о немъ много дурного; 3) что въ письмахъ къ двумъ бывшимъ семеновскимъ солдатамъ 3-й гренадерской роты, которою командовалъ, выражалъ мнѣніе, что она виновна лишь въ томъ, что вышла на площадь, а не на ротный дворъ, между тѣмъ какъ 88-й артикулъ Воинскаго Устава воспрещаетъ выходъ съ квартиръ послѣ пробитія зари подъ угрозою жестокаго наказанія, и 4) что домогался

¹⁾ Ермолаевъ, пользовавшійся большою довѣренностью солдатъ, въ то время когда Семеновскій полкъ вели въ крѣпость, нѣсколько разъ ѣздилъ въ казармы и спрашивалъ солдатокъ, не хотятъ ли онѣ послать что набудъ мужьямъ; многимъ онъ успѣлъ доставить такимъ образомъ неща и деньги.

²⁾ Кн. Ив. Дм. Щербатовъ былъ внукомъ извѣстнаго историка кн. М. М. Щербатова. Есть извѣстіе, что онъ дѣлалъ пожертвованія для увеличенія артельной сужини солдатъ своей роты.

«узнать и видѣть» арестантовъ, содержащихся въ лазаретахъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ, несмотря на отказъ въ томъ комиссара лазарета. Коммиссія Орлова приговорила кн. Щербатова, по лишеніи чиновъ, орденовъ, дворянскаго и княжескаго достоинства, «наказать на тѣлѣ», а Ермолаева лишить жизни.

Командиръ гвардейскаго корпуса Уваровъ не согласился съ этимъ жестокимъ и ни съ чѣмъ не сообразнымъ приговоромъ и полагалъ кн. Щербатова заключить на годъ въ крѣпость и затѣмъ попрежнему опредѣлить на службу, а Ермолаева продержатъ въ крѣпости два года и назначить ему опредѣленное мѣсто жительства. Относительно этихъ лицъ въ аудиторіатѣ не произошло разногласія: и Пашенко, и генераль-аудиторъ согласились съ мнѣніемъ Уварова.

Казалось бы судьба по крайней мѣрѣ этихъ двухъ лицъ могла быть рѣшена немедленно. Но и послѣ отсылки кн. Волконскому доклада генераль-аудиторіата 11 августа 1822 г. всѣ четверо обвиняемые продолжали томиться въ заключеніи въ Витебскѣ до 1826 г. На Щербатова падало подозрѣніе, что онъ можетъ знать что-нибудь о существованіи Тайнаго Общества вслѣдствіе короткаго знакомства съ нѣкоторыми его членами ¹⁾. Щербатову обѣщали совершенное прощеніе, если онъ сообщитъ свѣдѣнія о Тайномъ Обществѣ. Хотя онъ не былъ его членомъ, но многое зналъ о немъ; однако онъ не показывать рѣшительно ничего. 27 февраля 1826 г., по конфирмаціи имп. Николая, кн. Щербатовъ и Ермолаевъ были разжалованы въ рядовые и опредѣлены съ выслугою въ Кавказскій корпусъ. Кн. Щербатовъ, когда ему объявили о разжалованіи въ солдаты, рѣшилъ ни въ чемъ не отличаться отъ своихъ товарищей нижнихъ чиновъ: онъ жилъ и спалъ вмѣстѣ съ ними, ѣлъ изъ артельного котла, вмѣсто высшаго сорта американскаго табака, сталъ курить махорку и, говорятъ, отказывалъ себѣ даже въ карманномъ платкѣ. Съ производствомъ въ унтеръ-офицеры и выше онъ сообразовался съ положеніемъ бѣднѣйшихъ изъ своихъ сослуживцевъ. Кн. Щербатовъ умеръ на Кавказѣ въ 1829 г., дослужившись до чина штабсъ-капитана.

Во второй нашей статьѣ («Былое» 1907 г. № 2, стр. 93, 98) было уже упомянуто о флейтчикѣ Преображенскаго полка Васильевѣ, сочинившемъ бумагу о «вызовѣ преображенцевъ отъ семеновцевъ на выручку». Теперь, благодаря найденному рѣшенію этого дѣла, мы можемъ выяснитъ его. Оно сдѣлаетъ для насъ вполне понятными и слѣдующія слова министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея въ письмѣ къ государю: «сообщили агентамъ только слухъ, что ходитъ по рукамъ бумага и т. д., и этого было достаточно, чтобы заставить ихъ сочинить ее при посредствѣ флейтщика и полкового писаря». Дѣло было такъ.

Мѣщанинъ Иванъ Осиповъ, имѣвшій порученіе отъ пристава 2-й

¹⁾ Декабристъ кн. Шаховской былъ женатъ на родной сестрѣ кн. Щербатова, который былъ знакомъ также съ Якушкинымъ, Лореромъ и переписывался съ С. И. Муравьевичъ-Апостоломъ. Вѣроятно вслѣдствіе открывшагося знакомства кн. Щербатова съ Якушкинымъ 6 декабря 1821 г. было послано изъ Главнаго Штаба смоленскому губернатору секретное отношеніе съ просьбою немедленно подробно разузнать о поведеніи и образѣ жизни Якушкина.

Адмиралтейской части Фрейганга секретно узнавать, не получали ли нижние чины Преображенского полка какой-либо бумаги от нижних чинов Семеновского полка, в ноябре 1820 г. пригласил к себе на квартиру своего крестного сына флейтщика Преображенского полка Василия Васильева и спрашивал его об этой бумаге. Тот отвечал, что она есть в канцелярии у фельдфебеля его роты и что всякий, приходивший туда к нему, мог ее видеть и читать, и что принес ее писарь Семеновского полка. Когда Осиповъ представил Васильева приставу Фрейгангу, то и предъ нимъ Васильевъ подтвердилъ сказанное и на другой день принесъ ему копию съ бумаги, о которой онъ говорилъ. Но приставъ призналъ ее негодною и просилъ доставить подлинную, обещая за то награду. Тогда Васильевъ представилъ другую бумагу съ двумя черными печатями и сказалъ, что это подлинная и что онъ досталъ ее у ротного писаря. За это приставъ подарилъ Васильеву 25 р. Вотъ, что было написано въ этой бумагѣ:

«Семеновскаго полка для обѣжденія (?) ¹⁾ полковаго командира Шварца, тогда Семеновскій полкъ попалъ по несчастію, некому выручить насъ, ахъ, братцы, Преображенцы,—объ чемъ просимъ васъ не оставить насъ, знаете, что мы не сами тому дѣлу ради, неужели до этого дослужили по разнымъ мѣстамъ насъ потащили и коли хотите вступить, такъ скорѣй, что мы сдѣлали, и вы то дѣлайте, а не хотите вступить, то Богъ съ вами и неужели до этого дожили, что по разнымъ мѣстамъ насъ всѣхъ потащили: преображенскіе насъ провожали и братьями насъ называли. Писалъ Семеновскаго полка І. О. Т. В.»

19 ноября флейтщикъ Васильевъ и рядовой того же полка Моторовъ были посажены въ Шлиссельбургскую крѣпость ²⁾. 29 декабря было предписано назначить комиссію военнаго суда изъ семи офицеровъ корпуса внутренней стражи и аудитора. Предъ судомъ Васильевъ, молодой солдатъ (21 года), показалъ, что его крестный отецъ Осиповъ спрашивалъ его о новостяхъ и о какой то бумагѣ Семеновскаго полка, о которой онъ никогда и не слыхалъ, «но единственно по глупости своей и желая привлечь къ себѣ любовь Осипова и получить награду, сказалъ ему, что таковая бумага есть въ Преображенскомъ полку; потомъ, уйдя отъ него, сочинилъ вчернѣ бумагу и принесъ къ рядовому Моторову, чтобы посмотрѣлъ и, гдѣ слѣдуетъ, поправилъ. Онъ, занимаясь ротными дѣлами, прочиталъ ее и отдалъ ему, Васильеву, обратно, сказавъ, что та бумага нескладно и скверно написана. Послѣ чего онъ пошелъ къ лазаретному писарю Егорову, который переправилъ и переписалъ на бѣло ту бумагу, на коей онъ, Васильевъ, приложилъ печати... Унтеръ-офицера Семеновскаго полка никакого онъ, Васильевъ, не зналъ и увѣрялъ Осипова и пристава Фрейганга ложно, что та бумага принесена отъ нижнихъ чиновъ того полка. „Моторовъ, который бывалъ въ нѣсколькихъ походахъ и

¹⁾ Бумага, составленная Васильевымъ, сохранилась только въ копіи, такъ какъ подлинное дѣло о немъ (по крайней мѣрѣ въ архивѣ Глав. Военно-Суд. управленія) уничтожено.

²⁾ Въ вѣдомостяхъ Шлиссельбургской крѣпости Моторовъ былъ неправильно названъ Мотыревымъ.

сраженіяхъ и имѣлъ прусскій орденъ желѣзнаго креста (ему было 27 лѣтъ) призналъ, что Васильевъ дѣйствительно приносилъ къ нему написанную вчернѣ бумагу и просилъ исправить; онъ же, «считая ее шуткой или выдумкой», оставилъ ее «безъ всякаго вниманія», и дѣйствительно сказалъ, что она «нескладно и скверно написана». Егоровъ сознался, что переписалъ бумагу, думая, что она сочинена Моторовымъ, который «сочинялъ подобныхъ бумагъ много, но никому не давалъ читать».

Военный судъ нашелъ Васильева виновнымъ «въ сочиненіи единственно изъ интереса бумаги съ зловердными выраженіями къ разрыву долга присяги между подчиненностью, повиновеніемъ и самою военною дисциплиною», а Моторова—въ знаніи и недонесеніи объ этой бумагѣ начальству и приговорилъ Васильева къ лишенію жизни, а Моторова—къ отобранію знака отличія желѣзнаго креста и наказанію шпицрутенами чрезъ батальонъ 2 раза. Шлиссельбургскій комендантъ, ген. маіоръ Плуталовъ, предложилъ замѣнить Васильеву смертную казнь наказаніемъ шпицрутенами чрезъ 1,000 человекъ 12 разъ (что обыкновенно являлось, при такомъ количествѣ шпицрутеновъ, тою же смертною казнью только еще болѣе мучительною) и отправленіемъ (конечно, если онъ останется живъ) въ отдаленные отъ столицы полки. Аудиторіатскій департаментъ, считая Васильева «опаснымъ и вреднымъ въ службѣ» высказался за исключеніе его изъ нея и предложилъ наказать 100 ударами плетей и сослать въ Нерчинскіе рудники, съ Моторовымъ поступить согласно приговору военного суда, Егорова же, переписавшаго бумагу, также прогнать шпицрутенами чрезъ батальонъ 2 раза и вновь опредѣлить обоихъ на службу. Эти наказанія были утверждены государемъ.¹⁾

Каразинъ, арестованный 26 ноября 1820 г., просидѣлъ въ заключеніи до весны слѣдующаго года. 9-го мая 1821 г. кн. Волконскій отправилъ по повелѣнію государя изъ Галиціи предписаніе Закревскому «нарядить одного изъ надежнѣйшихъ фельдфебелей для сопровожденія статскаго совѣтника Каразина» изъ Шлиссельбурга въ его деревню въ Харьковской губерніи. Онъ долженъ былъ везти Каразина чрезъ Ладогу, Тверь, минуя Москву, въ Харьковъ и тамъ сдать его губернатору. Фельдъегерь долженъ былъ обходиться съ Каразинымъ «учтиво и не торопиться въ ѣздѣ», чтобы онъ не заболѣлъ. Волконскій поручалъ Закревскому передать письмо отъ него женѣ Каразина, жившей въ Петербургѣ. Начало путешествія было не совсемъ благополучно. Лошади понесли, и Каразинъ ударился головою о землю. Остальное путешествіе было безъ приключеній.

Даже Шлиссельбургская крѣпость не отъучила Каразина писать письма къ имп. Александру. Въ тотъ же день, 2 іюня 1821 г., когда его привезли въ Харьковъ, онъ въ письмѣ къ Кочубею просилъ его исходатайствовать у монарха позволеніе «написать *последнее* письмо въ собственныя руки» государю и указалъ на грозящее ему разореніе вслѣдствіе ареста. Нельзя не признать, что заточеніе Каразина

¹⁾ Архивъ Главн. Военно Судн. Упр. За указаніе этого дѣла приносимъ глубочайшую признательность начальнику архива И. С. Фильчакову.

было дѣломъ возмутительнымъ, однако имп. Александръ не только не призналъ своей ошибки, но еще предписалъ, чтобы Каразинъ безвыѣздно жилъ въ своей харьковской деревнѣ, причемъ вѣрно было наблюдать, съ кѣмъ онъ имѣетъ сношеніе и чѣмъ занимается.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Каразинъ вздумалъ прислать Кочубею нѣкоторыя книги для возвращенія одной изъ нихъ государственному канцлеру гр. Н. П. Румянцеву, а остальныхъ—одному изъ его знакомыхъ. Кочубей въ секретномъ предписаніи слободско-украинскому губернатору просилъ извѣстить Каразина, чтобы онъ впредь не обращался къ нему съ такими порученіями «и вообще съ отношеніями своими», такъ какъ «по положенію, въ которое онъ поставилъ себя разными дѣйствіями, навлекшими неудовольствіе государя», Кочубей, по своему званію, не находитъ возможнымъ имѣть съ нимъ переписку.

VIII.

Незадолго до того, какъ въ мартѣ 1821 г. австрійцы вступили въ Неаполь, въ Пьемонтѣ вспыхнула революція. Тогда имп. Александръ изъявилъ готовность предоставить свои войска въ распоряженіе Австріи. Императоръ Францъ принялъ предложеніе, и болѣе 100,000 человекъ русскаго войска получили приказаніе явиться на помощь австрійцамъ въ Италію.

Между тѣмъ недовольство молодежи въ Петербургѣ и распространеніе среди нея либеральныхъ идей все усиливались. «Извѣстіе о Пьемонтской революціи», писалъ Васильчиковъ Волконскому, «произвело здѣсь сильное впечатлѣніе». Люди благоразумные въ отчаяніи, но большая часть молодежи въ восторгѣ отъ всего, что происходитъ, и не скрываетъ своего образа мыслей. Обстоятельства болѣе чѣмъ затруднительны. Замалчивать правду или обманывать себя было бы преступленіемъ... Недовольство всеобщее, и неизбѣжность жертвъ для веденія войны, необходимость которой не очевидна простымъ смертнымъ, должна несомнѣнно произвести дурное впечатлѣніе. Извѣстіе о выступленіи войскъ въ походъ не могло долго остаться тайною. Солдаты довольны, но нельзя того же сказать объ офицерахъ, которые раздражены походомъ противъ неаполитанцевъ.—Вы можете по этому судить, какъ распространились у насъ либеральныя идеи. Не отвѣчайте мнѣ на это избитою фразою: «заставьте ихъ молчать». Число говоруновъ слишкомъ велико...; революція въ умахъ совершилась, единственное средство—не опрокинуть корабля, не натягивать паруса сильнѣе чѣмъ позволяетъ вѣтеръ. Повторяю, присутствіе государя здѣсь необходимо, необходимо ему самому видѣть состояніе дѣлъ, настоятельно нужно, чтобы онъ принялъ мѣры для улучшенія и учредилъ средоточіе власти, которое двигало бы дѣла во время его отсутствія. Не смотрите на меня, какъ на мечтателя... и не воображайте, что я все вижу въ черномъ свѣтѣ; я вовсе не думаю, что нѣтъ средства для устраненія существующаго зла, но я убѣжденъ, что время настало употребить его въ дѣло. Въ противномъ случаѣ я не поручусь ни за что... Если провидѣнію угодно, чтобы война вспыхнула,

мнѣ кажется нужно было пустить въ дѣло гвардію, а не держать ее въ резервѣ. Нѣсколько хорошихъ битвъ успокоили бы молодыя головы и приучили бы ихъ къ строгой дисциплинѣ, а когда кончится война, Государь могъ бы уменьшить численность гвардіи и сохранить ее лишь въ самомъ необходимомъ количествѣ, что было бы большимъ благомъ... Мы слишкомъ многочисленны—вотъ въ чемъ большое зло, и вотъ почему войска производятъ революціи». Это письмо показываетъ, что Васильчиковъ, по крайней мѣрѣ, ясно понималъ широкое распространение въ обществѣ либеральныхъ идей, но онъ, конечно, совершенно ошибочно думалъ, что военныя дѣйствія и строгая дисциплина во время войны могли бы остановить распространение либерализма въ войскахъ; наоборотъ, новый походъ только увеличилъ среди военныхъ либеральныя теченія.

14-го мая 1821 г. выступили изъ Петербурга назначенныя въ походъ войска. Офицеры объясняли его себѣ тѣмъ, что правительство опасалось пребыванія гвардіи въ столицѣ, но, по свидѣтельству Якушкина, походъ имѣлъ послѣдствія, совершенно обратныя тѣмъ, которыхъ ожидалъ отъ него Александръ I: «Офицеры всѣхъ полковъ, болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, и не подвергаясь такому строгому надзору, какъ въ столицѣ, часто сообщались между собою, и много новыхъ членовъ поступило въ Тайное Общество» ¹⁾.

24 мая 1821 г. государь возвратился въ Царское Село послѣ отсутствія изъ Россіи, продолжавшагося почти годъ. Вскорѣ послѣ того Васильчиковъ доложилъ ему о полученномъ доносѣ относительно Тайнаго Общества. Есть основаніе думать, что это не было новостью для государя. Выслушавъ докладъ Васильчикова, онъ долго оставался въ задумчивости и затѣмъ сказалъ: «дорогой Васильчиковъ! Ты служишь мнѣ съ начала моего царствованія и знаешь, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти мечты и заблужденія», и послѣ долгаго молчанія прибавилъ: «не мнѣ быть жестокимъ». Тѣмъ не менѣе мы видѣли, какъ сурово поступилъ онъ съ Семеновскимъ полкомъ; извѣстно также заключеніе ни въ чемъ неповиннаго Каразина, лишеніе мѣста Греча и преданіе военному суду семеновскихъ офицеровъ Кошкарева, Валковского, Ермолаева и кн. Щербатова.

Пьемонтская революція была усмирена безъ помощи русскихъ войскъ, которымъ и не пришлось перейти границу. 12-го сентября 1821 г. имп. Александръ присутствовалъ на маневрахъ въ западномъ краѣ около мѣстечка Бѣшенковичи. Государь, повидимому, остался доволенъ состояніемъ гвардіи и принялъ приглашеніе отъ офицеровъ на обѣдъ, состоявшійся черезъ недѣлю, на которомъ присутствовали всѣ офицеры и по десяти человѣкъ нижнихъ чиновъ отъ каждаго батальона и эскадрона. Однако, гвардія получила приказаніе зимовать въ Литвѣ и была возвращена въ Петербургъ лишь въ слѣдующемъ году. По всей вѣроятности такое рѣшеніе было вызвано опасеніями

¹⁾ Упомянутое членовъ было тѣмъ болѣе желательно, что, по словамъ Пущина, передававшимъ Рылѣвымъ въ его показаніи, послѣ семеновской исторіи многіе члены вышли изъ Общества. Объ этомъ Рылѣвъ говорилъ и Штейнгелю.

либеральнаго настроенія гвардейскихъ полковъ ¹⁾. Мы видѣли эти опасенія въ письмѣ Васильчикова къ Волконскому. Они выразились и въ одномъ безыменномъ посланіи, переданномъ имп. Александру въ ноябрѣ 1821 г. и найденномъ послѣ его смерти въ его кабинетѣ. Составитель посланія писалъ: «отъ какихъ либо злыхъ умовъ русскихъ или иностранныхъ вселяются въ резиденціи Твоей, а паче въ полкахъ многочисленной гвардіи, желанія видѣть какую-либо конституцію саомомысленную, можетъ быть болѣе для блага своего, а не для отечественнаго... Слухи и до отдаленныхъ мѣстъ Твоего владѣчества распространились, что яко бы многіе оставшихъ полковъ гвардіи, а паче молодой, говорили: *не такъ повели дѣло: коли-бъ за роту, отъ полку отлученную, полкъ пошелъ къ военнымъ поселянамъ сказать, что случилось, не такъ бы скоро уняли*». Составитель посланія, считая не нужнымъ скопленіе въ Петербургѣ такого большаго количества гвардіи, предлагалъ распредѣлить отдѣльныя ея части въ разныхъ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Астрахани ²⁾.

IX.

Вотъ какія распоряженія, были сдѣланы, по волѣ государя, относительно офицеровъ и нижнихъ чиновъ бывшаго Семеновскаго полка.

20 декабря 1820 г. велѣно было впредь до повелѣнія прошеній объ отставкѣ отъ офицеровъ не принимать ³⁾. 8-го марта 1821 г. велѣно было офицеровъ въ другіе полки, по желанію ихъ, не переводить. 25 марта 1821 г. главнокомандующему I-й арміей было дано предписаніе не увольнять офицеровъ въ отпускъ впредь до разрѣшенія. Подпрапорщиковъ, произведенныхъ уже въ офицеры, предписано было содержать по службѣ въ строгости и за поведеніемъ ихъ и нравственностью имѣть неослабное наблюденіе.

Главнокомандующему I-й арміи 20 декабря 1820 г. было предписано: нижнихъ чиновъ увольнять отъ службы только тѣхъ, которые не находились при полку во время случившагося происшествія, и именно тѣхъ, которые находились въ госпиталяхъ, въ командировкахъ и въ отпуску, а прочимъ не давать отставки, а также не отставлять ни одного изъ тѣхъ, которые выслужать положенный къ отставкѣ срокъ, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія государя. 11 іюня 1821 г. начальнику штаба I-й арміи было предписано не представлять впредь до разрѣшенія о производствѣ на вакансіи рядовыхъ въ унтеръ-офицеры. 18-го августа 1821 г. главнокомандующій I-й арміей

¹⁾ Васильчиковъ, какъ видно изъ письма его къ Закревскому отъ 22 окт. 1821 г., былъ очень доволенъ пребываніемъ гвардіи въ Петербургъ, такъ какъ тамъ нѣтъ „группы полиціи“ Милорадовича, „нѣтъ великихъ князей, нѣтъ двора“.

²⁾ Посланіе это, за подписью „Неизвѣстной“ (sic), было получено съ московскою почтою 20 ноября 1821 г. М. М. Сперанскимъ, котораго составитель просилъ передать его государю, если будетъ найдено въ немъ что либо этого достойное. Не Каразинъ ли авторъ посланія?

³⁾ Кн. Волконскій въ письмѣ отъ 18 янв. 1821 г. сообщалъ Дибичу волю государя, чтобы бывшихъ семеновскихъ офицеровъ пока не назначали полковыми командирами, батальонными же командирами имъ разрѣшалось быть.

относительно нижних чинов 1-го батальона, отправленных по полкам 7-й пѣх. дивизіи и кавказскаго отдѣльнаго корпуса, сообщил Ермолову, чтобы унтеръ-офицеры не производились въ офицеры за выслугу лѣтъ.

12-го іюля 1821 г. главнокомандующій 1-й арміей сообщил командиру финляндскаго отдѣльнаго корпуса, чтобы женамъ нижних чиновъ не было даваемо паспортовъ на жительство въ обѣихъ столицахъ имперіи.

8-го декабря 1820 г. было предписано дѣтей бывшихъ семеновцевъ, отданныхъ въ кантонисты, никуда на службу не назначать безъ особаго предписанія инспекторскаго департамента. 21 января 1821 г. было предписано имѣть особенный присмотръ за поведеніемъ такихъ кантонистовъ и, въ случаѣ ихъ наказаній, каждый разъ доносить, кто провинился, въ чемъ состоялъ его проступокъ и какъ былъ наказанъ виновный.

По словамъ историка царствованія Александра I, Богдановича, „судьба нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, переведенныхъ въ армію, была горестна.., малѣйшіе ихъ проступки были непростительны въ глазахъ начальниковъ, „усердныхъ не по разуму“, либо думавшихъ преувеличенною взыскательностью угодить государю“. Какъ мы видѣли, бывшимъ семеновскимъ офицерамъ не только запрещено было выходить въ отставку, но имъ не разрѣшались даже временные отпуска. По свидѣтельству Каховскаго въ письмѣ къ императору Николаю (4-го апрѣля 1826 г.), тѣ изъ офицеровъ, бывшихъ семеновцевъ, которые настаивали на отставкѣ, основываясь на дворянской грамотѣ, „отставлены отъ службы по неспособности и слабости ума“. Бестужевъ-Рюминъ во время слѣдствія по дѣлу Тайнаго Общества показалъ: „всѣмъ сослуживцамъ моимъ извѣстно, что съ тѣхъ поръ“, какъ „изъ подпрапорщиковъ Семеновскаго полка я безвинно переведенъ въ армію, единственное желаніе мое было оставитъ службу“. Получивъ извѣстіе о смерти матери, Бестужевъ-Рюминъ просилъ уволить его на нѣсколько дней для свиданія съ отцомъ, но получилъ отказъ ¹⁾.

Само собою разумѣется, что разсылка семеновскихъ офицеровъ по армейскимъ полкамъ и преслѣдованіе ихъ привело къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ тѣ, какія при этомъ имѣло въ виду правительство. Еще Вигель въ своихъ запискахъ замѣтилъ, что «разсѣянные по арміи, недовольные офицеры, встрѣчали другихъ недовольныхъ и вмѣстѣ съ ними, распространяя мнѣнія свои, приготовили другія возстанія, которыя чрезъ пять лѣтъ унять было труднѣе“. Это понималъ даже Константинъ Павловичъ, который однажды сказалъ имп. Александру, что «не кто иной, какъ онъ самъ, заразилъ всю армію, разославъ въ ея нѣдра семеновцевъ, и что это распрост-

¹⁾ Тютчевъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, во время слѣдствія показалъ: „Я былъ записанъ въ Семеновскаго полка и полагалъ себя невнятнымъ. Просился въ отпускъ, въ отставку и, получивъ на все отказъ, въ отчаяніи рѣшился, что бы ни стояло, идти изъ сего положенія“.

ранить заразу повсюду“ ¹⁾. Дѣйствительно, мы видимъ, что на ряду съ Пестелемъ весьма важную роль въ южномъ Тайномъ Обществѣ играютъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ, служившіе прежде въ Семеновскомъ полку; прежнимъ семеновцемъ былъ и Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, которому поручались не маловажныя сношенія между Южнымъ и Сѣвернымъ обществами. Тютчевъ, капитанъ Пензенскаго полка, сообщившій Бестужеву-Рюмину о существованіи Общества Соединенныхъ Славянъ ²⁾ и такимъ образомъ содѣйствовавшій ихъ соединенію, былъ также офицеромъ Семеновскаго полка ³⁾.

Солдаты бывшаго Семеновскаго полка, по словамъ Горбачевского, „были ревностными агентами Тайнаго Общества, возбуждая въ своихъ товарищахъ ненависть и презрѣніе къ правительству“. Когда въ собраніи Общества Соединенныхъ Славянъ одинъ изъ членовъ заявилъ, что командиръ одной роты Саратовскаго полка притѣсняетъ своихъ подчиненныхъ, чрезвычайно несправедливъ и жестокъ съ ними и даже запрещаетъ своимъ солдатамъ имѣть сношенія съ солдатами бывшаго Семеновскаго полка, то рѣшено было взбунтовать его роту, что и было исполнено членомъ общества, юнкеромъ Саратовскаго полка Шеколою. Полковой командиръ, боясь потерять полкъ, смѣнилъ ротнаго командира.

Рылѣевъ во время слѣдствія по дѣлу Тайнаго Общества сообщилъ слова кн. Трубецкаго по приѣздѣ его изъ Кіева въ Петербургъ, что дѣла Южнаго Общества въ самомъ хорошемъ положеніи, и что корпуса кн. Щербатова и генерала Рота совершенно готовы, не исключая нижнихъ чиновъ, «на которыхъ найдено прекрасное средство дѣйствовать чрезъ солдатъ стараго Семеновскаго полка». Трубецкой призналъ справедливость показанія Рылѣева. Пестель заявилъ, что на третій корпусъ рассчитывали между прочимъ потому, что тамъ было много семеновскихъ солдатъ, „которые своимъ жребіемъ весьма недовольны и притомъ вліяніе имѣютъ на другихъ солдатъ“. Члены Васильковской Управы Южнаго Тайнаго Общества узнали объ этомъ во время лагеря 1825 года. „Они говорили съ семеновскими солдатами о ихъ положеніи и замѣтили сильный между ими духъ неудовольствія“ (объ этомъ Пестелю рассказывалъ Бестужевъ-Рюминъ). На первый и второй корпусъ, по словамъ Пестеля, надѣялись также потому, что въ нихъ находились семеновскіе солдаты, о которыхъ «полагали, что они вѣрно въ томъ же духѣ, какъ и солдаты 3-го корпуса. Сношенія съ ними не имѣли, но изъ семеновскаго происшествія видно было единодушіе прежнихъ солдатъ» этого полка. За-

¹⁾ Еще въ 1821 г. членъ Тайнаго Общества В. Ф. Раевскій въ Кшиневѣ съ похвалою отзывался о семеновцахъ, а подчиненный ему солдатъ говорилъ: „придетъ время, въ которое должно будетъ, ребята, и вамъ опомниться“.

²⁾ По словамъ Горбачевского, члены Общества Соединенныхъ Славянъ „съ давняго времени замѣчали, что офицеры бывшаго Семеновскаго полка имѣютъ какія то тайныя предпріятія противъ правительства, и думали, что они состоятъ въ какомъ либо тайномъ обществѣ“.

³⁾ Во время слѣдствія Тютчевъ показывалъ, что былъ принятъ въ Общество Соединенныхъ Славянъ въ 1825 г. „Во время службы моей въ Семеновскомъ полку“, прибавилъ онъ, „я не зналъ Тайнаго Общества и оному не принадлежалъ“.

явленіе Бестужева Рюмина объ ихъ увѣренности въ семеновскихъ солдатахъ, „находившихся почти во всѣхъ полкахъ 3-го корпуса, представляло“, по мнѣнію Пестеля, „силы и надежды Васильковской Управы въ болѣе положительномъ видѣ“.

Бестужевъ-Рюминъ на заданный ему вопросъ, къ какимъ полкамъ принадлежали тѣ, служившіе прежде въ Семеновскомъ полку, солдаты, которыхъ С. Муравьевъ Апостолъ «преклонялъ къ своей цѣли и взялъ съ нихъ присягу», 27 января 1826 г. отвѣчалъ: «По мѣрѣ того, какъ семеновскіе солдаты узнавали, что С. Муравьевъ въ лагерь, они къ нему приходили. Всѣ изъясняли величайшее негодованіе; мы же имъ говорили, что если у нихъ духу станеть, то ихъ участь скоро переимѣнится; чтобы теперь они ничего не предпринимали, но, когда мы имъ дѣйствовать прикажемъ, они бы все то дѣлали, «что нами повелѣно будетъ». Тѣ общали это, но клятвы съ нихъ никакой не брали. В. Л. Давыдовъ (въ показаніи 1-го февраля) передалъ слова Пестеля, что С. И. Муравьевъ-Апостолъ склонилъ на сторону Тайнаго Общества нѣсколько сотъ солдатъ, что онъ дѣйствовалъ чрезъ бывшихъ семеновцевъ и взялъ съ нихъ обѣщаніе или присягу. С. Муравьевъ-Апостолъ 6-го февраля призналъ, что во время лагеря при Лещинѣ (15 верстъ отъ Житомира) въ 1825 г. къ нему приходили солдаты, бывшіе прежде въ Семеновскомъ полку, и называлъ фамиліи солдатъ: одного—Пензенскаго, двухъ—Тамбовскаго и трехъ—Саратовскаго полковъ¹⁾. «Я съ ними разговаривалъ», показалъ Муравьевъ-Апостолъ, «о тягости службы, бранилъ ее, вспоминалъ имъ старый полкъ, спрашивалъ ихъ: помнятъ ли они своихъ старыхъ офицеровъ, помнятъ ли меня? Говорилъ имъ, что я увѣренъ, что они отъ своихъ старыхъ офицеровъ никогда и нигдѣ не отстанутъ, и тому подобныя говорилъ имъ рѣчи, особеннаго же никакого обѣщанія я съ нихъ не бралъ». Бестужеву-Рюмину сдѣлано было замѣчаніе, что онъ умолчалъ объ именахъ Семеновскихъ солдатъ, приходившихъ къ Муравьеву-Апостолу. Тогда 7 и 11 февраля онъ показалъ, что, кромѣ солдатъ Пензенскаго, Тамбовскаго и Саратовскаго, были еще солдаты 15 и 16 Егерскаго полковъ²⁾, и называлъ нѣсколько фамилій, прибавивъ, что приходило по десяти и болѣе человекъ, за исключеніемъ немногихъ, все бывшіе семеновцы, находившіеся въ 8-й дивизіи. На ихъ жалобы, заявилъ Бестужевъ-Рюминъ, «мы имъ говорили, что скоро все переимѣнится, если они пристанутъ къ намъ, когда мы начнемъ возмущеніе.. Многіе уже готовы за нами послѣдовать, да время еще не пришло, а когда придетъ, то мы имъ скажемъ... При прощаніи мы имъ давали по полтинъ и по рублю на дорогу».—Позднѣе Бестужевъ Рюминъ на заданный ему слѣдственною комиссіею вопросъ отрицалъ

¹⁾ Про одного изъ этихъ послѣднихъ, по фамиліи Аноиченко, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, майоръ Пензенскаго полка Спиридовъ, показалъ, что онъ, придя къ нему, жаловался на непопулярную строгость ротнаго командира, на то, что и на постоянныхъ квартирахъ покоя не будетъ, и когда Спиридовъ сказалъ: „надѣйтесь на начальниковъ, которые васъ не попятятъ и которые готовы за васъ пропастъ“, то Аноиченко и его товарищи отвѣчали: „И мы за такихъ начальниковъ готовы лечь“.

²⁾ Точнѣе называлъ еще семеновцевъ Троицкаго полка и доказывалъ, что Муравьевъ-Апостолъ совѣтовалъ семеновцамъ возбуждать въ товарищахъ неудовольствіе къ службѣ.

(такъ же, какъ и С. Муравьевъ-Апостоль) то, что одинъ семеновскій солдатъ давалъ имъ клятву застрѣлить государя. Бестужевъ-Рюминъ утверждалъ, что съ солдатами они всегда говорили неопредѣленно и ни о какомъ планѣ не толковали. Онъ готовъ былъ признать, что, можетъ быть, сказалъ: «старый семеновецъ, исполнишь ли ты, что тебѣ прикажется,» на что тотъ отвѣчалъ—«исполню». По словамъ Бестужева Рюмина, они надѣялись, что семеновскіе солдаты, по данному ими обѣщанію, взбунтуютъ полки, въ которыхъ они находятся. Они рассчитывали на Пензенскій полкъ болѣе нежели на другіе, такъ какъ тамъ, кромѣ семеновскихъ солдатъ, были два члена Тайнаго Общества—маіоръ Спиридовъ и капитанъ Тютчевъ. На Саратовскій полкъ также возлагали особенныя надежды, такъ какъ въ лагерь при Лещинѣ одна рота его взбунтовалась, и солдатъ Анойченко, по приказанію Муравьева, ее усмирить, но предлагалъ привести ее, когда будетъ найдено нужнымъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ¹⁾. «Мы же всегда думали», прибавляетъ послѣдній, «что солдаты къ солдатамъ пристанутъ» и что достаточно одной роты, «чтобы увлечь весь полкъ.»²⁾

14-го февраля 1826 года начальникъ главнаго штаба 1-й арміи, генералъ адъютантъ бар. Толь, сообщилъ командиру 3-го пѣх. корпуса, ген. лейт. Роту, о возникшемъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сильнымъ подозрѣніемъ, что состоящіе въ 8 пѣх. дивизіи нижніе чины изъ бывшаго состава Семеновскаго полка, а также многіе нижніе чины 8-й артиллерійской бригады (гдѣ служило не мало членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ) «испорчены офицерами, принадлежащими къ тайному обществу, такъ что нѣкоторые изъ помянутыхъ нижнихъ чиновъ введены въ тайну заговора.» Поэтому главнокомандующій арміей приказалъ «учредить тайный, но притомъ самый осторожный и скрытный надзоръ за поведеніемъ и духомъ помянутыхъ нижнихъ чиновъ, особливо же 2-й легкой роты 8 й артиллерійской бригады, стараясь развѣдать, какъ они говорятъ и мыслятъ» о возмущеніи Черниговскаго пѣх. полка (подъ предводительствомъ С. И. Муравьева-Апостола) «и не замѣчаются ли въ нихъ понятія, сходныя съ возмутительнымъ катехизисомъ.»

Ротъ отвѣчалъ главнокомандующему 1-й арміи гр. Сакену, что между нижними чинами 3-го пѣхотнаго корпуса «нигдѣ не замѣчено ослабленія въ повиновеніи». Относительно бывшихъ семеновцевъ онъ

¹⁾ Анойченко служилъ въ Семеновскомъ полку, въ 3-й фузелерной ротѣ, командиромъ которой былъ С. Муравьевъ-Апостоль. Бестужевъ-Рюмина Анойченко также зналъ еще въ Петербургѣ, въ Семеновскомъ полку, портуней-прапорщикомъ. По словамъ Анойченко, Бестужевъ Рюминъ «часто ходилъ подъ знаменами и любилъ шутить съ солдатами».

Тютчевъ, ведя пропаганду среди бывшихъ семеновцевъ, служившихъ теперь въ саратовскомъ полку, напоминалъ имъ и о волненіи Семеновскаго полка. Онъ сказалъ имъ: «мы начали въ Петербургѣ дѣло, но не кончили,—надобно окончить его здѣсь. Старайтесь подговорить своихъ товарищей» и совѣтовалъ семеновцамъ, служившимъ въ Петербургѣ въ ротѣ С. Муравьева-Апостола, сходять къ нему.

²⁾ Рыльцевъ предполагалъ отправить царскую фамилію моремъ за границу, когда же Торсовъ возражалъ противъ этого, Рыльцевъ сказалъ, что оставить ее можно развѣ въ Шлиссельбургѣ, приставивъ тамъ бывшій Семеновскій полкъ, въ случаѣ же возмущенія — «примѣръ Миропича»,—т. е. предписаніе убить узниковъ.

сообщилъ, что «они вообще болѣе свѣдуши, нежели прочіе чины, почему и могутъ имѣть на нихъ вліяніе,» что, исключенные изъ гвардіи и не имѣя «преимуществъ», которыми пользуются ихъ товарищи въ арміи, они могутъ питать «въ себѣ тайное озлобленіе, которое, укоренясь, можетъ сообщиться и другимъ». Принимая это во вниманіе, Ротъ считалъ наиболѣе полезнымъ или удалить всѣхъ семеновскихъ нижнихъ чиновъ изъ 8 пѣх. дивизіи, гдѣ «нѣкоторые могли позаимствовать вредное правило отъ членовъ Тайнаго Общества», или, удаливъ однихъ только виновныхъ, остальнымъ, какъ въ этой дивизіи, такъ и вообще, которые по своему поведенію будутъ этого достойны, исходатайствовать у государя прощеніе съ дозволеніемъ пользоваться преимуществами ихъ армейскихъ товарищей, распространить это и на офицеровъ, которые окажутся «неприкосновенными ни къ какому злоумышленію.» При этомъ Ротъ, ссылаясь на всѣхъ начальниковъ, свидѣтельствовалъ, что служба и поведеніе бывшихъ семеновцевъ «во все время пятилѣтняго ихъ нахожденія въ корпусѣ были очень хорошіе.»

Узнавъ изъ показанія Бестужева-Рюмина, что С. И. Муравьевъ-Апостолъ, подполковникъ Черниговскаго полка, гдѣ произошло возмущеніе, былъ въ сношеніяхъ съ нижними чинами 8-й пѣх. дивизіи, находившимися прежде въ Семеновскомъ полку, имп. Николай приказалъ главнокомандующему I-й арміи обратить особенное вниманіе на названныхъ Бестужевымъ-Рюминымъ нижнихъ чиновъ и изслѣдовать, въ какихъ сношеніяхъ они находились съ Бестужевымъ-Рюминымъ и Муравьевымъ-Апостоломъ.

Допрошенные солдаты Саратовскаго и Тамбовскаго полка, бывшіе семеновцы, посѣщавшіе Муравьева-Апостола въ лагерѣ при Лещинѣ, показали, что онъ бранилъ имъ государя, начальство и службу, говорилъ, что тяжесть службъ происходитъ отъ государя, внушалъ имъ слѣдовать за нимъ, Муравьевымъ, когда онъ этого потребуетъ, и подговаривать къ тому же лучшихъ солдатъ. Когда одинъ изъ семеновцевъ разсказалъ Муравьеву, что его товарищъ «отъ утѣсненій» застрѣлился, Муравьевъ сказалъ: «это большое дурачество стрѣлять въ себя; онъ глупъ, не дождался времени» и потомъ, снявъ со стѣны пистолетъ и сдѣлавъ видъ, что онъ въ кого то стрѣляетъ, сказалъ: «вотъ какъ надобно!» Этотъ послѣдній разсказъ, брань на государя и просьбу уговаривать товарищей Муравьевъ-Апостолъ отрицалъ ¹⁾. Въ позднѣйшемъ показаніи онъ обратилъ вниманіе на то, что его сношенія съ солдатами-семеновцами не могли имѣть никакого вліянія на возстаніе Черниговскаго полка, такъ какъ въ этомъ полку не было ни одного семеновскаго солдата ²⁾.

По приговору военнаго суда и конfirmaціи главнокомандующаго I-ю арміей, утвержденной государемъ, солдаты, бывшіе семеновцы и нѣкоторые другіе изъ полковъ 8-й пѣхотной дивизіи, имѣвшіе сно-

¹⁾ Напротивъ 12 солдатъ Пензенскаго полка (бывшіе семеновцы) не дали никакихъ показаній противъ Тютчева, Громыцкаго и Лисовскаго, какъ ни вынуждала у нихъ эти показанія коммиссія военнаго суда.

²⁾ Есть однако указаніе, что и въ Черныговскомъ полку были бывшіе семеновцы. «Рус. Арх.» 1871 г., «Бунтъ Черныговскаго полка», стр. 278.

шенія съ Муравьевымъ-Апостоломъ и другими декабристами, подверглись жестокому наказанію. Рядовые Саратовскаго полка Анойченко, Николаевъ и Малафѣевъ, были обвинены въ томъ, что содѣйствовали Муравьеву въ его замыслахъ, что по нѣсколькимъ разамъ приходили къ нему и выслушивали отъ него поношенія государя и внушеніе и подговоры къ мятежу. Николаеву, по словамъ его, Муравьевъ, выражая сочувствіе, что его заставляютъ оставаться на службѣ, когда онъ уже отслужилъ свои лѣта, говорилъ: «что ему теперь не грѣхъ изъ чистаго ружья застрѣлить государя». Малафѣеву, въ отвѣтъ на его жалобы на службу и притѣсненія отъ начальства, Муравьевъ, будто бы, показывалъ пистолетомъ, какъ нужно кого-то застрѣлить. Анойченко и Николаевъ обѣщали Муравьеву оказывать ему содѣйствіе, а первый изъявлялъ готовность содѣйствовать и майору Пензенскаго полка Спиридову. Малафѣевъ, по приказанію Муравьева, приводилъ къ нему многихъ своихъ товарищей, бывшихъ семеновцевъ, служившихъ съ нимъ въ одномъ полку. Анойченко, Николаевъ и Малафѣевъ были приговорены къ наказанію шпицрутенами чрезъ тысячу человекъ каждого по 12 разъ (т. е. каждый къ 12.000 шпицрутеновъ!) Нужно думать, что они были засѣчены до смерти. 39 человекъ Саратовскаго, Тамбовскаго, Пензенскаго и 15 и 16 Егерскаго полковъ были приговорены къ наказанію шпицрутенами отъ 2 до 6 тысячъ. Семь рядовыхъ Саратовскаго и Тамбовскаго полковъ (изъ армейскихъ) за недонесеніе получили по 300 розогъ. Фельдфебель Саратовскаго полка былъ разжалованъ въ рядовые и, наконецъ, 70 человекъ оставлены въ подозрѣніи и отправлены въ кавказскій корпусъ. Приговоръ былъ утвержденъ имп. Николаемъ 11 декабря 1826 г.

Являлось предположеніе отправить въ кавказскій корпусъ всѣхъ бывшихъ семеновцевъ, находившихся въ I-й арміи, но въ концѣ концовъ, какъ сообщилъ 13 мая 1826 г. начальникъ Главнаго Штаба Дибичъ, главнокомандующему I-й арміею гр. Сакену, государь не нашелъ этой мѣры «необходимою, тѣмъ болѣе, что и въ самомъ 3-мъ корпусѣ не могло бы зло сіе распространиться, если бы ближайшіе начальники обращали болѣе вниманія на нижнихъ чиновъ и употребляли на счетъ ихъ должную осторожность».

Семеновскіе офицеры, бывшіе членами Тайнаго Общества и переведенные въ армію, возбудили къ себѣ тамъ уваженіе и сочувствіе. С. И. Муравьевъ-Апостолъ пользовался и въ Петербургѣ глубокимъ уваженіемъ своихъ товарищей. Очевидно, большое сочувствіе съумѣлъ приобрести въ Пензенскомъ полку и Тютчевъ, также бывший семеновецъ. О послѣднемъ можно заключить изъ отношенія Константина Павловича къ главнокомандующему I-й арміею отъ 7 марта 1826 г. До свѣдѣнія Константина Павловича дошло, что офицеры Пензенскаго полка „крайне сожальютъ“ объ арестованныхъ офицерахъ этого полка, особенно же о бывшихъ семеновцахъ, „и превозносятъ ихъ щедрость и воспитаніе“, о чемъ „съ похвалою отзываются и всѣ нижніе чины“ этого полка. 1-го марта въ городѣ Старо-Константиновѣ, въ трактирѣ за обѣдомъ, всѣ находившіеся тамъ офицеры Пензенскаго полка выражали состраданіе несчастнымъ товарищамъ, увезеннымъ въ Петербургъ. При этомъ поручикъ Мисюринъ сталъ съ

жаромъ говорить о недавнихъ происшествіяхъ и заявилъ во всеуслышаніе, что „судящіеся“ теперь „не были вредны и не искали возмущеній и кровопролитій, но требовали лучшихъ учрежденій къ общему благу и улущенію“. Затѣмъ начался разговоръ о напечатанномъ въ газетахъ объявленіи о заговорѣ на жизнь императорской фамиліи, и всѣ офицеры утверждали, что такихъ намѣреній не было, а Мисюринъ увѣрялъ, что напечатанное объявленіе несправедливо и выдуманно правительствомъ, чтобы увеличить наказаніе арестованныхъ.

Х.

Самое волненіе въ Семеновскомъ полку уже описывалось военными историками Карцевымъ, Диринымъ, Богдановичемъ, но оно оцѣнивалось съ военной точки зрѣнія. А между тѣмъ очень скоро послѣ этого событія настоящій писатель, самъ прошедшій военную школу, но оставившій службу въ 1818 году, чтобы занять гражданскую должность, и затѣмъ предавшійся литературной дѣятельности, а въ 1823 г. принятый Пушинымъ въ Сѣверное Тайное Общество, однимъ словомъ, К. Θ. Рылѣевъ написалъ талантливый очеркъ подъ названіемъ „Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1820 года“¹⁾. Весьма возможно, что по вступленіи Рылѣева въ Тайное Общество этимъ очеркомъ могли пользоваться съ цѣлью пропаганды въ военныхъ сферахъ, хотя прямыхъ указаній на это нѣтъ. Очеркъ Рылѣева былъ написанъ въ очень близкое къ событію время, но, конечно, по рассказамъ, а не по безспорнымъ матеріаламъ, и потому содержитъ въ себѣ не мало фактическихъ ошибокъ и неточностей. Однако, общая оцѣнка событія и его причинъ у Рылѣева совершенно вѣрна: „начальникамъ пришла мысль превратить войско въ машину, пріятную глазамъ...; люди ограниченные и низкіе съ радостью приняты на себя исполненіе высшей воли: первые потому, что нашли дорогу по себѣ, вторые—потому, что всякая воля—имъ законъ. Сихъ людей, какъ удобнѣйшее оружіе деспотизма, искали, поддерживали, возвышали. Въ замѣну требуемыхъ услугъ прощали видимыя недостатки, какъ-то грубость, непросвѣщеніе... Они не имѣли понятія о достоинствѣ чловѣка, стали съ людьми поступать, какъ съ животными и сдѣлались жестокими. Возвышеннаго духа въ подчиненныхъ боялись и стремились истребить его. Большая власть, имъ данная, сдѣлала ихъ страшными, а неотвѣтственность, ненаказанность произвели несправедливость. Люди все терпятъ: труды, болѣзни, самое униженіе, но несправедливости производятъ негодованіе и при возможности—мщеніе!“ Мы видѣли, что Шварцъ былъ только однимъ изъ наиболѣе яркихъ олицетвореній этой системы, истиннымъ виновникомъ которой былъ самъ императоръ Александръ.

Эту статью Рылѣева впервые попытался напечатать П. А. Ефре-

¹⁾ Изъ одного мѣста этого очерка (изд. И. Балашева, стр. 16), видно, что онъ былъ написанъ еще до возвращенія гвардіи въ Петербургъ, следовательно не позднѣе 1822 года.

мовъ въ «Русской Старинѣ» 1871 г. (№ 10) съ нѣкоторыми исключеніями по цензурнымъ соображеніямъ. Но цензурному вѣдомству этихъ исключеній показалось недостаточно: статья была вырѣзана и появилась въ слѣдующемъ номерѣ журнала съ большими сокращеніями. Теперь, въ 1906 г., очеркъ Рылѣва изданъ г. Балашовымъ отдѣльною брошюрою въ томъ видѣ, въ какомъ ее предполагала первоначально напечатать редакция «Русской Старины», но все еще съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ ¹⁾.

Позднѣе, уже въ царствованіе имп. Александра II прочувствованныя строки въ стихотвореніи посвятилъ Семеновскому полку другой членъ Тайнаго Общества, менѣе талантливый и не имѣвшій столь опредѣленнаго міросозерцанія, какъ Рылѣвъ: мы разумѣемъ Ѳ. Н. Глинку.

Послѣ разгрома полка наиболѣе выдававшіеся въ немъ офицеры сыграли огромную роль въ пропагандѣ въ арміи освободительныхъ идей. Что касается вновь сформированнаго полка, офицеры котораго, какъ мы уже упоминали, возбуждали крайнее нерасположеніе въ обществѣ, то онъ въ день 14 декабря 1825 г. не участвовалъ въ протестѣ нѣкоторыхъ другихъ полковъ противъ восшествія на престолъ Николая I-го, пользовавшагося въ гвардіи вполне заслуженною ненавистью, и въ требованіи конституціи. Онъ въ десятомъ часу утра присягнулъ на вѣрность новому императору, а затѣмъ, когда войска, участвовавшія въ военной демонстраціи противъ новаго государя, собрались на площади, два батальона Семеновскаго полка были поставлены на Исакиевской площади, по лѣвую сторону отъ собора, прямо противъ гвардейскаго экипажа, участвовавшаго въ возстаніи. Нужно замѣтить, однако, что и въ новомъ полку были не совсѣмъ увѣрены нѣкоторые представители военной власти. Въ наслѣдіе отъ стараго ему достался одинъ ферментъ—музыканты, лица которыхъ очень не понравились нѣкоторымъ генераламъ, какъ, на примѣръ, Закревскому, на первомъ смотрѣ вновь сформированнаго полка; за ними рѣшено было имѣть строжайшее наблюденіе и, при малѣйшемъ проявленіи стараго духа, переводить въ армію. Прежній начальникъ гвардейскаго корпуса Васильчиковъ, находившійся 14 декабря въ свитѣ Николая I, не былъ увѣренъ въ новомъ Семеновскомъ полку. Онъ самъ разсказывалъ впоследствии сыну, что государь, выѣхавъ на Сенатскую площадь, сказалъ ему: «Ларіонъ Васильевичъ! Я хочу выбрать войска для атаки бунтовщиковъ; вы командовали гвардіею, потрудитесь объѣхать полки и скажите мнѣ, на которые изъ нихъ я могу навѣрное положиться?» Васильчиковъ поѣхалъ и возвратился съ отвѣтомъ: «на одинъ I-й ба-

¹⁾ По сличеніи съ копіею статьи Рылѣва, пропуски въ изданіи И. Балашова оказались не особенно существенными,—они заключаютъ въ себѣ преимущественно рѣзкіе отзывы о в. к. Михаилѣ Павловичѣ. Отмѣтимъ только два мѣста. Когда Васильчиковъ читалъ въ гвардейскихъ полкахъ указъ Александра I о расформированіи Семеновскаго, по словамъ Рылѣва, «нѣкоторые слушали оный съ негодованіемъ, другіе (Конногвардейскій и Павловскій), къ стыду своему, кричали: ура! какъ будто радуясь погибелѣ товарищей и заранѣе оправдывая тѣ жестокости, которыя и съ ними могутъ быть произведены». Общее заключеніе Рылѣва таково: «Что касается до духа гвардіи—кажется успѣли въ ней погасить послѣднюю искру разсужденія!» День 14 го декабря показавъ, что этотъ приговоръ слишкомъ строгъ. За сообщеніе копія статьи Рылѣва приносимъ искреннюю признательность В. Е. Якушкину.

тальонъ Преображенскаго полка». Въ своей оцѣнкѣ настроенія войска онъ близко сошелся съ мнѣніемъ декабриста Завалишина, который, разсматривая, насколько Тайное Общество могло рассчитывать на успѣхъ возстанія, утверждаетъ: «Положительно можно сказать, что противная сторона», т. е. правительство, «могла рассчитывать только на два батальона,—на первый батальонъ Преображенскаго полка» (за преданность котораго государю ручался и Васильчиковъ) «да на Саперный, и то на отрицательныя только ихъ дѣйствія, какъ опытъ и доказалъ относительно Сапернаго батальона, который, если не перешелъ на сторону возстанія, то и не осмѣлился сопротивляться ему» ¹⁾. Нерѣшительность декабристовъ и сдѣланныя ими 14 декабря ошибки не дали возможности проявиться оппозиціоннымъ элементамъ, которые, очевидно, существовали и въ новомъ Семеновскомъ полку. Въ шестомъ часу батальонъ этого полка былъ отправленъ съ площади для занятія крѣпости; одинъ взводъ его былъ посланъ для отысканія и задержанія укрывшихся въ домахъ, и одинъ штабсъ-капитанъ Семеновскаго полка со своею ротою задержалъ 130 нижнихъ чиновъ лейбъ-гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ.

Съ тѣхъ поръ Семеновскій полкъ участвовалъ въ подавленіи польскаго возстанія въ 1831 г., въ подавленіи венгерской революціи въ 1849 г. и, наконецъ, приобрѣлъ себѣ чуть ни всесвѣтную извѣстность карательными экспедиціями во время московскаго возстанія въ 1905 г. За то вѣрный оплотъ самодержавія въ 1825 году—первый батальонъ Преображенскаго полка нынѣ оказался на сторонѣ освободительнаго движенія.

В. Семеvскій.

¹⁾ Завалишинъ объясняетъ, что въ этихъ двухъ батальонахъ офицеры пользовались очень дурною нравственною репутаціею, и большинство изъ нихъ было на жалованіи у великихъ князей.

Къ исторіи осужденія д-ра О. Э. Веймара.

Въ статьѣ Иванчина-Писарева («Былое», январь, 1907, стр. 42) я читаю: «Револьверъ былъ пріобрѣтенъ Веймаромъ для своего друга Г. А. Лопатина, жившаго въ его квартирѣ подъ именемъ Севастьянова». Это невѣрно. Друженъ съ Веймаромъ я былъ, но никогда не проживалъ у него ни подъ именемъ Севастьянова, ни подъ какимъ либо инымъ; также и пресловутый револьверъ былъ пріобрѣтенъ имъ вовсе не для меня. Дѣлаю эту поправку не потому, чтобы считалъ это сообщеніе неудобнымъ для себя въ данную минуту, а просто потому, что это фактическая неправда. А что Веймаръ былъ осужденъ въ каторгу совершенно *невинно*,—это истинная правда. Въ свое время я настойчиво заявлялъ объ этомъ тогдашнему начальнику III отдѣленія (Шмидту). Въ подтвержденіе моихъ словъ я открылъ ему фактъ, неизвѣстный полиціи и обнаруженіе котораго было очень невыгодно тогда для меня (я сидѣлъ въ Петропавловкѣ и привлекался по Соловьевскому и другимъ «висѣличнымъ» дѣламъ), а именно, что въ день убійства Мезенцева я былъ не въ Парижѣ, а въ Петербургѣ, и провель все это утро въ компаніи Веймара. Говорилъ и многое другое. Какъ мнѣ показалось тогда, Шмидтъ былъ внутренно *убѣжденъ* моими доводами. Однако это *личное* впечатлѣніе не передалось тѣмъ людямъ, въ руки которыхъ попала потомъ судьба Веймара. Я даже не былъ выставленъ свидѣтелемъ по этому дѣлу (по моимъ позднѣйшимъ соображеніямъ—*умышленно*), но былъ отправленъ незадолго до суда въ Туркестанъ, въ административную ссылку, и Веймаръ былъ осужденъ въ каторгу за дѣло, въ которомъ онъ не только не принималъ никакого участія, но о которомъ *онъ ничего не зналъ* до самаго его совершенія.

Германъ Лопатинъ.

Вяльно.

24 февраля 1907 г.

14 мѣсяцевъ „свободы печати“.

17 Октября 1905 г. — 1 Января 1907 г.

Замѣтки библиографа.

Истекшій годъ—яркая и оригинальная полоса въ исторіи русской печати. Почти полтора вѣка администрація и цензура, какъ прессомъ, давили всякое проявленіе мысли, но мысль ширилась и росла подъ нимъ, и наконецъ прессъ не выдержалъ, лопнулъ и широкая волна свободнаго слова бурно хлынула по всей Россіи. Разомъ появились и страстно заговорили десятки живыхъ газетъ и журналовъ; на полусонномъ раньше книжномъ рынкѣ закипѣлъ водоворотъ книгъ и брошюръ, главнымъ образомъ популярныхъ по всѣмъ наболѣвшимъ вопросамъ. Всѣ распоряженія исходившія отъ ненавистной цензуры были отринуты: ни одна газета, ни одно издательство не посылали узаконенныхъ 9 экземпляровъ своихъ изданій въ цензуру, и вслѣдствіе этого крупнѣйшія книгохранилища наши, вродѣ Императорской Публичной Библіотеки, питающіяся почти исключительно черезъ цензурный комитетъ, не имѣютъ теперь ни газетъ, ни цѣлаго ряда книгъ того времени; библіотеки частныя, за весьма малыми исключеніями, тоже не успѣли запасться ими, а между тѣмъ быстро наступившая реакція обрушилась на печать. Огромное количество газетъ и др. произведеній печати исчезло съ арены и для большинства публики онѣ теперь неизвѣстны или забыты и, во всякомъ случаѣ, уже почти не находимы.

Цѣль настоящей статьи дать краткій обзоръ жизни прессы за 14 мѣсяцевъ «свободы» и сохранить для будущаго историка нашего времени точныя свѣдѣнія о книгахъ, журналахъ, и газетахъ, подвергшихся преслѣдованіямъ за время этихъ «свободъ».

Оговариваюсь: данныя мои касаются исключительно Петербурга и только въ списокъ конфискованныхъ книгъ включены нѣкоторыя московскія и другія изданія, о которыхъ я имѣлъ точныя свѣдѣнія.

14 октября 1905 г. въ послѣдній разъ вышли въ Петербургъ газеты. Началась знаменитая всеобщая забастовка, и въ это время молчанія періодической печати (по 22-е октября) появился органъ возникшей тогда особой организациі рабочихъ: «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ».

Первый № этого органа выпущенъ былъ 17 октября; 18-го одновременно вышли № 222 «Правительственнаго Вѣстника» съ манифестомъ о свободахъ и № 2 «Извѣстій».

Наступили дни «свободы». На улицахъ заалѣли красныя флаги, раздалась марсельеза и другіе гимны. Городовые и околоточныя казались переодѣтыми маркизами,—такъ галантна и предупредительна сдѣлалась полиція. Газетчиковъ, продававшихъ революціонныя листки, не тащили въ участки и первые хвастались, что даже «сами» г.г. пристава покупали №№ «Извѣстій» и,—что еще необыкновеннѣе—платили при этомъ деньги.

20 октября вышелъ 3 № «Извѣстій», а съ 22 по 2-ое ноября, до вторичной забастовки, стали выходить и всѣ газеты.

3, 5 и 7 ноября вышли № 5, 6 и 7 «Извѣстій»; послѣдній напечатанъ былъ въ типографіи «Новаго Времени» и крикъ добродѣтельной газеты всполошилъ, наконецъ, полицію. За «Извѣстіями» началась охота, а съ 13 ноября, дня выхода перваго № сатирическаго журнала «Пулеметъ»,—полился безудержный потокъ конфискацій всевозможныхъ произведеній печати.

8 ноября опять появились газеты, но большая часть ихъ существовала лишь до 2 декабря: въ этотъ день всѣ прогрессивныя органы—«Начало», «Новая Жизнь», «Сынъ Отечества», (эти изданія очень рѣдки въ настоящее время), «Русь», «Наша Жизнь», «Русская Газета», «Буревѣстникъ», и др. помѣстили «манифестъ» «Совѣта» и были за это приостановлены.

Закрытыя газеты возродились черезъ три дня: 5 декабря, кромѣ № 8 «Извѣстій», вышла «Русь» подъ псевдонимомъ «Молва»; 6 декабря объединившіяся «Начало» и «Новая Жизнь» подъ именемъ «Сѣверный Голосъ» и «Русская Газета», переименовавшаяся въ «Набатъ»; 7 декабря появился и «Сынъ Отечества», переодѣтый въ «Наши Дни», (№ 40-ой). Останавливаясь на этихъ органахъ, какъ на наиболѣе яркихъ того періода и въ настоящее время очень рѣдкихъ.

Съ 10 по 14 декабря—новая забастовка; вечеромъ 11 декабря распространялись въ публикѣ приложенія къ № 9 «Извѣстій»; самый № 9 былъ захваченъ полиціей на мѣстѣ печатанія и истребленъ почти цѣликомъ. «Извѣстія», какъ и Совѣтъ, доживали послѣдніе дни: 14 декабря вышелъ 10 №, послѣ чего изданіе «Извѣстій» прекратилось.

Кромѣ поименованныхъ выше періодическихъ изданій особеннымъ преслѣдованіямъ подвергались и въ настоящее время почти совершенно ненаходимы слѣдующія:

Названія.	Свѣдѣнія о нихъ.
1. „Наши Дни“.	1905 г. Вышло всего 2 №№: 40 и 41.
2. „Сѣверный Голосъ“.	Вышло 3 №; № 3-й напечатанъ на полудлисть и былъ захваченъ и почти весь уничтоженъ въ типографіи.
3. „Нашъ голосъ“.	Одинъ № 1. Вышелъ взаимнѣ приостановленнаго „Сѣвернаго Голоса“.
4. „Набатъ“.	Вышло 4 №; всѣ были конфискованы.
5. „Рабочій Голосъ“.	Вышло 3 №.
6. „Радикалъ“.	1906 г. Вышло 6 №; конфискованы № 2, 4, 5, 6, послѣдній въ типографіи.
7. „Голосъ Среднеучебныхъ Заведеній“.	Вышло 3 №; № 3 конфискованъ въ типографіи.
8. „Молодая Россія“.	Былъ только одинъ, первый №, захваченный въ типографіи.
9. „Голосъ Молодой Россіи“.	Былъ только одинъ, 1-й №, захваченный въ типографіи.
10. „Наша Мысль“.	Вышло 5 №№; сперва былъ конфискованъ № 3—4 (двойной), затѣмъ всѣ остальные.
11. „Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ“.	Вышло 11 №№, изъ которыхъ конфискованы №№ 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11.
Вмѣсто нихъ вышла:	
12. „Трудовая Россія“.	Было 8 №№; изъ нихъ конфискованы №№ 1, 5, 6, 7, 8. №№ 5 и 8 захвачены въ типографіи.
13. „Крестьянскій Депутатъ“.	Всѣ смѣнилъ:
14. „Дѣло Народа“.	Вышло 10 №№. Конфискованы №№ 1, 2, 3, 9, 10. № 1 захваченъ въ типографіи.
Его смѣнилъ:	Вышло 9 №№; конфискованы №№ 1, 3, 5, 6, 7, 9.
15. „Народный Вѣстникъ“.	Начался № 8-мъ; приостановленъ по выходѣ № 20 го. Конфискованы №№ 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 18.
Вмѣсто него вышелъ:	Начался № 10 и на 17 мѣ приостановленъ.
15. „Голосъ“.	Конфискованы №№ 10, 14, 15, 16, 17. №№ 14 и 15 захвачены въ типографіи, причемъ № 14 напечатанъ не былъ, такъ какъ полиція разбросала наборъ.
Взаимнѣ вышла:	Вышло 15 №№; конфискованы №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 15. Затѣмъ послѣдовалъ разгромъ редакціи и полное уничтоженіе всѣхъ, еще остававшихся въ ней, комплектовъ четырехъ газетъ.
17. „Мысль“.	

Въ декабрѣ начался ливень изъ сатирическихъ журналовъ. Они сыпались одинъ за другимъ, какъ звѣзды въ августовскую ночь, одни остроумные и язвительные, другіе пошлые и тупые; ихъ ловили на улицахъ, кромсали на куски въ типографіяхъ, но они, какъ «неизвѣстные» въ былинѣ, все росли и росли въ числѣ и на «витязей» съ боемъ шли.

ПЕРЕЧЕНЬ

сатирическихъ журналовъ, расположенный въ порядкѣ выхода ихъ въ свѣтъ.

Названіе журнала.	Количество вышедшихъ №№	Свѣдѣнія о нихъ.
1. „Зритель“. Вмѣсто закрытаго „Зрителя“ вышелъ: 2. „Журналъ“. Вмѣсто него вышли: 3. „Маски“. 4. „Пулеметъ“. 5. „Стрѣлы“. 6. „Пламя“. 7. „Нагаечка“. 8. „Митингъ“. 9. „Сигналъ“. Вмѣсто него вышли: 10. „Сигналы“. 11. „Буреломъ“. Вмѣсто него вышла съ продолженіемъ его нумераціи: 12. „Буря“. Вмѣсто нея вышелъ: 13. „Буреваль“. 14. „Пули“. 15. „Жупель“. 16. „Фонарь“. 17. „Волшебный Фонарь“. 18. „Свобода“. Вмѣсто него вышелъ: 19. „Девятый Валъ“. 20. „Дятелъ“. Вмѣсто него вышелъ: 21. „Клювъ“. 22. „Молотъ“. 23. „Вампиръ“. 24. „Спрутъ“. 25. „Гудокъ“. 26. „Паляцъ“. Вмѣсто него вышелъ: 27. „Паляцы“.	25 и одинъ „экстренный“. 2 и одно приращеніе „Великая Москва“. 9 5 и одинъ № „экспрессъ“. 9 4 5 4 №№ 1905 г. и 2 № 1906. 4 4 4 2 4 2 №№ 1905 г. и 7 №№ 1906 г. 3 3 3 №№ 1905 г. и 5 №№ 1906 г. 2 2 1 2 2 8 15 6 3 1	Конфискованы и уничтожены въ типографіи №№ 24 и 25; особенно рѣдокъ послѣдній. Конфискованъ № 2. №№ 6 и 7 конфискованы и уничтожены въ типографіи. Конфискованы №№ 1 и 5, но очень рѣдокъ только № 1, за который любители платили до 60 р. Конфискованы №№ 2 и 9. Конфискованы №№ 1 и 4. № 4 отбирался у газетчиковъ; № 5 конфискованъ въ типографіи. Конфискованъ № 4. Конфискованъ № 4. Конфискованъ № 2. Нумерація ихъ путаная; вышли: № 1. 2. 1 и „Рождественскій, № 3“. №№ 2 и 3 конфискованы. №№ 4 и 5, оба конфискованы. Конфискованы №№ 2, 3 и 4. Конфискованы №№ 1 и 2 1906 г. Конфискованы №№ 1 и 3. Одинъ изъ наиболѣе безопасно преслѣдовавшихся и художественныхъ журналовъ. Конфискованъ № 2. Конфискованъ № 2. Отбирался у газетчиковъ черезъ 2 дня послѣ выхода. Конфискованы оба №№. № 10 конфискованъ въ типографіи. № 3 конфискованъ. } Оба журнала Конфискованъ. } очень рѣдки.

Название журнала.	Количество вышедших №№.	Свидѣнія о нихъ.
28.	„Ядъ“.	Конфискованъ.
29.	„Забіяка“.	Конфискованъ № 3.
30.	„Гвоздь“.	№№ 1 и 3 были арестованы и изрѣзаны на куски въ типографіи и представляютъ собой величайшую рѣдкость. Былъ выпущенъ еще № „Экстра“, на полулистѣ, но общаго ничего съ прекращеннымъ журналомъ онъ не имѣетъ и является наглою поддѣлкой подъ „Гвоздь“, пользовавшійся огромнымъ спросомъ.
31.	„Зернало“.	Конфискованъ. Вышелъ въ видѣ маленькой книжечки-альманаха.
32.	„Знамя“.	Конфискованъ. Большая рѣдкость; № цѣнится отъ 10 до 15 р.
33.	„Страна Мечты“.	Конфискованъ.
34.	„Сатира“.	Конфискованъ № 4.
35.	„Красный Ситѣхъ“.	Конфискованъ № 1.
36.	„Фискаль“.	№ 6 конфискованъ въ типографіи. Конфискованы №№ 6 и 7. Последній очень рѣдокъ, такъ какъ захваченъ былъ въ типографіи.
37.	„Бомбы“.	Конфискованъ. Большая рѣдкость. Оба №№ конфискованы и очень рѣдки, особенно № 2, котораго уцѣлѣло всего 10 экземпляровъ.
38.	„Сѣнира“.	Конфискованъ № 6. Конфискованъ № 2. Выходилъ въ видѣ небольшихъ книжекъ.
39.	„Оводъ“.	Конфискованъ. Большая рѣдкость. Оба №№ конфискованы и очень рѣдки, особенно № 2, котораго уцѣлѣло всего 10 экземпляровъ.
40.	„Замоза“.	Конфискованъ № 6. Конфискованъ № 2. Выходилъ въ видѣ небольшихъ книжекъ.
41.	„Заринцы“.	Конфискованъ № 14. Выходилъ въ видѣ маленькихъ книжекъ.
42.	„Сюрпизъ“.	Конфискованъ № 6. Конфискованъ № 2. Выходилъ въ видѣ небольшихъ книжекъ.
43.	„Зарево“.	Конфискованъ. Большая рѣдкость. Оба №№ конфискованы и очень рѣдки, особенно № 2, котораго уцѣлѣло всего 10 экземпляровъ.
44.	„Пчела“.	Конфискованъ № 6. Конфискованъ № 2. Выходилъ въ видѣ небольшихъ книжекъ.
45.	„Воронъ“.	Конфискованъ. Большая рѣдкость. Оба №№ конфискованы и очень рѣдки, особенно № 2, котораго уцѣлѣло всего 10 экземпляровъ.
46.	„Злой Духъ“.	Конфискованъ. Большая рѣдкость. Оба №№ конфискованы и очень рѣдки, особенно № 2, котораго уцѣлѣло всего 10 экземпляровъ.
47.	„Отбой“.	
48.	„Носа“.	
49.	„Сѣтаетъ“.	
50.	„Альманахъ“.	
51.	„Аргусъ“.	
52.	„Залая“.	
53.	„Штыки“.	
54.	„Дикарь“.	
55.	„Анчаръ“.	
56.	„Къ свѣту“.	
57.	„Бичъ“.	
58.	„Ансьона“.	
59.	„Букетъ“.	
60.	„Вольница“.	

Названіе журнала.	Количество вышедших №№.	Свѣдѣнія о нихъ.
61. „Виттова Пляска“.	3 №№ и № „Гурьевская каша“.	
62. „Мой пулеметъ“.	5	
63. „Булатъ“.	1	
64. „Ювеналь“.	1	Конфискованъ въ типографіи. Очень рѣдокъ.
65. „Фугасъ“.	3	
66. „Лѣшій“.		
67. „Буравчинъ“.	2	№ 2 конфискованъ въ типографіи.
68. „Извѣстія совѣта безработныхъ юмористовъ“.	1	Конфискованъ.
69. „Поединокъ“.	3	Конфискованы всѣ три №№.
70. „Маляръ“.	5	№ 5 конфискованъ въ типографіи.
71. „Жало“.	1	Плохой журналъ, одноименный съ московскимъ, вышедшимъ въ декабрѣ 1905 г. и конфискованнымъ; какъ петербургское, такъ и московское „Жало“ прекратились на первомъ же №; московское является большой рѣдкостью.
72. „Пѣсни безъ словъ“.	1	
73. „Игла“.	1	
74. „Партизанъ“.	1	Конфискованъ въ типографіи. Большая рѣдкость.
75. „Думскій Альманахъ“.	1	
76. „Плювиумъ“.		
77. „Факиръ“.	1	Конфискованъ.
78. „Застрѣльщикъ“.	3	№ 3 конфискованъ въ типографіи.
79. „Адская Почта“.	4	№ 4 конфискованъ въ типографіи.
80. „Водоворотъ“.	9	№ 1 и 6 конфискованы въ типографіи.
81. „Шутенокъ“.	7	Конфискованъ № 7.
82. „Щитъ“.	6	Конфискованъ № 6.
83. „Руки“.	1	Конфискованъ
84. „Сноморохъ“.	1	На № 1 стоитъ дата—1907 г.—вышелъ же онъ на Рождествѣ 1906 г.

Кромѣ русскихъ сатирическихъ журналовъ въ Петербургѣ выпущено было и нѣсколько на еврейскомъ языкѣ. Изъ нихъ отмѣчу «Дерь-Шейгецъ», единственный первый № котораго былъ конфискованъ и въ настоящее время рѣдокъ.

Кромѣ сатирическихъ журналовъ, раскупавшихся на расхватъ, лицами пользовавшимися революціоннымъ временемъ для устройства своихъ дѣлишекъ, распространялись порнографическія произведенія; какъ образцы назову двѣ противоположности: журналъ «Подъ звуки Шопена», ничего кромѣ грубой порнографіи не содержащій (№ 1 его былъ конфискованъ) и открытку-карточку «Рескриптъ на имя артистки Балетта», весьма энергично преслѣдовавшійся полиціей и не менѣе энергично продававшійся изъ подъ полы особыми типами продавцовъ исключительно конфискованныхъ произведеній.

Почти на каждомъ углу Невскаго проспекта, неподалеку отъ газетчиковъ, торчали Горьковскаго пошиба фигуры съ папками въ рукахъ, гдѣ хранились для предъявленія бдительному оку полиціи №№ «Рускаго Знамени» и со свертками другого «товара» за пазухой. Въ нѣсколькихъ чайныхъ были устроены «склады» конфискованныхъ №№ журналовъ и газетъ; поговоривъ съ заказчикомъ, субъектъ Горьковскаго типа исчезалъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращался съ требуемымъ.

«Витте пляшетъ, Треповъ барабанитъ!» выкрикивали мальчишки, размахивая «Виттовой пляской» и удирая отъ приближавшихся око-лодочныхъ...

Но золотые дни Аранжуэца были непродолжительны, полиція все лютѣла; заподозрѣнныхъ въ продажѣ запрещенныхъ изданій от-волакивали въ ближайшія дворницкія и тамъ любознательно изслѣ-довали; при находкѣ поличнаго отправляли въ тюрьмы.

Редакторы и авторы направлялись туда же непрерывной чередой, и сатирическіе журналы становились все блѣднѣй и неинтереснѣе; къ марту—апрѣлю мѣсяцу публика, бравшая ихъ сначала у газетчи-ковъ чуть не съ боя и по повышенной цѣнѣ, охладѣла къ нимъ; немно-гіе, неприконченные «свыше» журналы стали умирать естественной смертью, и въ настоящее время, не считая извѣстныхъ «Стрекозы», «Шута» и «Осколковъ», влачатъ жалкое существованіе только «За-ноза», «Водоворотъ», «Плюиумъ» и разные юмористическіе выпуски, никакого отношенія къ сатирѣ не имѣющіе.

Боевая роль сатирическихъ журналовъ въ этомъ періодѣ нашей революціи окончена.

Гнетъ администраціи испытала и вся остальная періодическая печать. №№ газетъ не только конфисковались на улицахъ, но все-видящее око предрежащихъ властей усматривало даже будущія пре-ступленія газетъ еще до рожденія ихъ: сплошь и рядомъ по ночамъ являлись въ типографіи г.г. пристава съ арміями городовыхъ, разбира-сывали наборы и опечатывали даже преступныя машины.

Въ провинціи вопросъ о крамольной печати разрѣшался проще.

Чтобъ не утруждать разсмотрѣніемъ крамольныхъ изданій губер-наторскіе мозги, владѣльцы послѣднихъ просто отдавали приказы о воспрещеніи продажи *всѣхъ* газетъ; керченскій сатрапъ, напр., объ-явилъ за ввозъ и продажу газетъ штрафъ въ 3000 рублей, или въ замѣнъ его заключеніе въ тюрьму на 3 мѣсяца; во Владивостокѣ судъ штрафуетъ редакторовъ по 500 рублей за «неосторожное пере-печатываніе статей изъ другихъ газетъ»; въ Кіевѣ генераль-губерна-торъ, за что только его превосходительной ногѣ ни вздумается, нала-гаетъ штрафы по 3000 рублей до тѣхъ поръ, пока разоренное изданіе не приостанавливается выходомъ; въ Полтавѣ и въ другихъ городахъ для достиженія той же цѣли систематически конфискують безъ раз-бора *всѣ* №№ и т. д., и т. д.; остроуміе и «простота» дѣйствій властей замѣтно увеличиваются по мѣрѣ приближенія къ окраинамъ.

Вотъ перечень пострадавшихъ отъ конфискацій Петербургскихъ журналовъ и газетъ:

Название періодического изданія.	Конфискованные №№.
1. „Арабески“. журналъ.	1.
2. „Библиотека рабочаго“, журналъ.	5.
3. „Виржевыя Вѣдомости“, утреннее изд.	9584; 9636.
4. „Вечерній Голосъ“.	17, 20, 51.
5. „Вечерняя Почта“.	Рождественскій № 1905 г.; конфиск. въ типографіи.
6. „Всеобщая Маленькая Газета“.	203.
7. „Всемирный Вѣстникъ“, журналъ.	10.
8. „Военный Голосъ“.	195.
9. „Волна“.	3, 5, 6, 7, 10, 18, 19, 22, 23.
10. „Восходъ“.	23.
11. „Впередъ“.	1, 2, 12, 13, 14.
12. „Встанки Жизни“, журналъ.	10, 11, 12.
13. „Вѣстникъ Народной Свободы“.	3, 16, 30.
14. „Вѣстникъ Печатника“.	9, 11, 21 сент. конфискованы и всѣ прочіе, еще оста- вавшіеся №№.
15. „Вѣстникъ Рабочаго“.	1.
16. „Вѣсть“, журналъ.	1, 5.
17. „Газета Шебуева“.	7.
18. „Голосъ Приказчика“.	3, 6, 12.
19. „Голосъ Ткача“.	1, уничтоженъ въ тип.; 2.
20. „Голосъ Труда“.	4, 5, 6, 8, 9.
21. „Голосъ Фармацевта“, журналъ.	2.
22. „Двадцатый Вѣкъ“.	67, 69, 79, 102, 107, 112.
23. „Два Пути“.	1.
24. „Для Смѣха“, журналъ.	2.
25. „Дума“.	12.
26. „Дневникъ социалдемократа“.	6, 7.
27. „Еврейскій народъ“.	9.
28. „Еврейскій Рабочій“.	1.
29. „Жизнь и Соціализмъ“.	3, 4, 5.
30. „Жизнь и Школа“.	1.
31. „Журналъ для Всѣхъ“.	7, 8, 9. Затѣмъ были кон- фискованы №№ съ 1 по 6 и 12 1905 г.
32. „Земля и свобода“.	2.
33. „Земля и Трудъ“.	3, 4.
34. „Зеркало Россіи“.	1.
35. „Знаніе—Сила, Сила—Знаніе“, журн.	3, 7—8.
36. „Истина“.	№ 5.
37. „Клико“, журналъ.	8, 10, 11
38. „Корреспондентъ“.	10.
39. „Крестьянинъ и Рабочій“.	1. Конфискованъ въ типо- графіи.
40. „Курьеръ“.	№ 5 съ прилож.; 9, 20, 21, 22, 23.
41. „Міръ Божій“, журналъ.	8.
42. „Мірское Дѣло“.	4.
43. „Молва“.	18.
44. „Молотъ“, журналъ п. сіонистовъ.	2.
45. „Наканунъ“, журналъ.	2.
46. „Народная Вѣсть“.	2.
47. „Народный Вѣстникъ“.	18, 19

Название периодического издания.	Конфискованные №№.
48. „Народная Жизнь“.	1, 3.
49. „Народная Дума“.	Экстренный выпуск 30 июля 1906. г.
50. „Народный Листок“, журналъ.	1, конфиск. въ типогр.; 2.
51. „Народно-Социалистическое Обозрѣніе“, журналъ.	1, 2, 3, 4.
52. „Народъ“.	1.
53. „Народное Хозяйство“.	3.
54. „На очереди“.	1.
55. „Наша Жизнь“.	412, 414, 473, 477, 478.
56. „Наше Слово“, журналъ.	5, 6, 7, 8, 9.
57. „Невскій Вѣстникъ“.	1.
58. „Невская Газета“.	6, 7.
59. „Недѣля“.	3, 23 конфискованы въ тип.
60. „Новая Газета“.	9, 39.
61. „Образованіе“, журналъ.	10.
62. „Обрывъ“.	1, 2, 3, 6, 8, 21.
63. „Огни Жизни“, журналъ.	1. Конфискованъ въ типогр.
64. „Освобожденная Мысль“, журналъ.	1. Конфискованъ въ типогр.
65. „Отклики“, журналъ.	1.
66. „Первый Лучъ“.	1. Конфискованъ въ типогр.
67. „Петербургскій Листокъ“.	№ отъ 11 июля 1906.
68. „Петербургскій Сапожникъ“.	4.
69. „Петербургское Эхо“.	4, 5.
70. „Печатный Вѣстникъ“.	5.
71. „Полярная Звѣзда“, журналъ.	8.
72. „Понедѣльники „Народъ и Дума“.	2.
73. „Понедѣльники „Трудъ и Свобода“.	4, 5.
74. „Потокъ“, журналъ.	1. Конфискованъ въ типогр.
75. „Прибалтійскій Голосъ“.	1.
76. „Приказчикъ“.	2, 3, 4.
77. „Призывъ“.	77, 89, 100, 101, 102.
78. „Природа и Школа“, журналъ.	1.
79. „Прометей“, журналъ.	1.
80. „Рабочій Вѣстникъ“.	1.
81. „Рабочій Народъ“.	Сводный № 1—2.
82. „Рабочій Миръ“, журналъ.	4.
83. „Рабочая Мысль“.	2. Затѣмъ были отобраны и всѣ оставшіеся №№.
84. „Рабочая Недѣля“.	1. (1905 г.; конфискованы въ типогр.).
85. „Реформа“.	86.
86. „Русская Жизнь“.	1.
87. „Русскій Набатъ“.	3, 4.
88. „Русское Свободное Слово“.	1.
89. „Русь“.	33, 61.
90. „Рѣчь“.	110, 123, 131, 132.
91. „Свобода и Жизнь“.	1.
92. „Сегодня“.	1, 27.
93. „Семафоръ“.	2. Конфискованы въ тип.
94. „Современная Жизнь“.	94, 100, 106, 111, 120, 121, 127, 136.
95. „Современная Мысль“.	59, 74.
96. „Сознательная Россія“.	1, 2, 3, 4.

Название периодического издания.	Конфискованные №№.
97. "Соколы", журналъ.	1.
98. "Социалистическая Библиотека", журн.	2, 3. 70, 121, 122 (конфисков. въ тип.); 149, 237.
99. "Страна".	14.
100. "Скопичная Почта".	1. Конфиск. въ типогр.
101. "Студенческая Жизнь".	2, 3, 4, 5.
102. "Сѣверная Земля".	2.
103. "Текущие Дни".	3, 9.
104. "Темы Жизни", журналъ.	1, 2.
105. "Тернии Труда".	1.
106. "Техникъ", журналъ.	25, 67, 72, 89, 107, 126, 150.
107. "Товарищъ".	8.
108. "Ткачъ".	1, 2.
109. "Трудовой Народъ", журналъ.	1, 2.
110. "Хлѣбъ и Работа", журналъ.	23, 35.
111. "Хроники Еврейской Жизни", журналъ.	1.
112. "Ясная Поляна", журналъ.	1, 2, 3, 4, 6, 7
113. "Эхо"	

Преслѣдованія легальной прессы повлекли за собою, разумѣется, усиленіе нелегальной. Мнѣ извѣстна лишь часть ея, а именно:

А. Газеты, издаваемые партіей социалистовъ-революціонеровъ:

1. "Военный Листокъ". (Въ 1906 г. вышло 8 №№).
2. "Военный Союзъ", органъ комитета офицерскаго союза.
3. "Солдатская газета". (Въ 1906 г. вышло 4 №№).
4. "Солдатская Доля". (Въ 1906 г. вышло 16 №№; послѣдній захваченъ во время печатанія).
5. "Солдатская Мысль".
6. "Солдаты".
7. "Солдатское Чтеніе".
8. "Голосъ Солдата". (Существуетъ 3 изданія въ разныхъ городахъ).
9. "Еженедѣльный Листокъ".
10. "Нижегородскій Солдатскій Листокъ".
11. "Трудъ". (Въ 1906 г. вышло 7 №№).

Б. Партіи социаль-демократовъ:

1. "Борьба".
2. "Впередъ".
3. "Голосъ Солдата".
4. "Голосъ Пролетарія".
5. "Казарма". (№ 3 былъ захваченъ въ типографіи).
6. "Красноярскій Рабочій".
7. "Партійныя Извѣстія".
8. "Пролетарій".
9. "Летучій Листокъ".
10. "Нарвскій Рабочій Листокъ".
11. "Событія Дня".
12. "Соціалъ-Демократъ".
13. "Уфимскій рабочій".

В. Анархистовъ-коммунистовъ:

1. "Хлѣбъ и Воля".
2. "Буревѣстникъ".

Книжный рынок преслѣдовался съ неменьшею безпощадностью, но здѣсь застѣночный геній администраціи безпомощно барахтается въ болотѣ изъ циркуляровъ и предписаній однообразнаго содержанія: ташшитъ и не пущать ту или иную книгу.

Арестовать какую нибудь двухъ-копѣчную брошюрку—значить перерыть сверху до низу много болѣе полусотни магазиновъ и складовъ и перевернуть до милліона книгъ; задача непосильная даже усиленной полиціи, особенно принявъ во вниманіе два обстоятельства: среднимъ числомъ на каждый день приходится по одному аресту книгъ, и второе—малограмотность опоры отечества—исполнителей, приводящая зачастую къ большимъ курьезамъ.

Я лично былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Иду мимо небольшого книжнаго магазина и вижу, что въ окнахъ выставлено нѣсколько книгъ давно уже подвергшихся аресту. Захожу въ магазинъ. У прилавка уже стоитъ молодой, румяный околочный, передъ нимъ высится цѣлая стопка книгъ и онъ перебираетъ ихъ хотя съ глубокомысленнымъ, но нѣсколько безпомощнымъ видомъ. Книжки отложены все подозрительныя: въ красныхъ и, въ лучшемъ случаѣ, въ розовыхъ обложкахъ ¹⁾. Взглянулъ на нихъ поближе—отобраны „Капитанская дочка“, какой то пѣсенникъ, значительно меньше касательствъ къ социализму имѣющій, чѣмъ самъ г. околочный, и цѣлый рядъ столь же преступныхъ книгъ.

Выбравъ, видно наудачу, еще нѣсколько брошюръ, околочный велѣлъ ихъ завернуть и отослать къ нему.

— Всю ночь придется теперь просидѣть... перечитать...—важно и нѣсколько съ укоромъ произнесъ онъ неизвѣстно по чьему адресу. Разсмотрю... Если ничего не окажется, пришлю завтра.

И власть удалилась, совершивъ спасеніе отечества отъ Капитанской Дочки и совершенно не подозрѣвая предательства сѣрыхъ и бѣлыхъ брошюръ на окнѣ.

Любопытнѣе всего, что владѣльцамъ книжныхъ магазиновъ списокъ запрещенныхъ книгъ не давали, а только приносили ихъ къ нимъ „на прочтеніе и для расписки въ ономъ“. Благодаря такой таинственной осторожности огромное большинство не помнило и не знало о конфискаціяхъ тѣхъ или другихъ книгъ, но тѣмъ не менѣе, въ случаѣ „оказательства“, отвѣчало „по формѣ“.

Чтобъ избавиться отъ справедливыхъ нареканій, инспекторъ типографій напечаталъ въ октябрѣ 1906 г. „Списокъ книгъ, подлежащихъ конфискаціи“. Спискомъ этимъ (въ продажу онъ не поступалъ), снабдили сперва только полицію, а затѣмъ и книжные магазины, но составитель сдѣлалъ все, чтобы книга его никуда не годилась; составитель не додумался даже до алфавитнаго расположенія названій, что, конечно, облегчило бы справки.

Прилагаю къ концу настоящей статьи мой списокъ, провѣренный, за исключеніемъ нѣсколькихъ №№, по книгамъ моей бібліотеки и вдвое полнѣйшій названнаго выше. Въ него внесены также книги

¹⁾ Въ Царскомъ Селѣ журнлы въ красныхъ обложкахъ къ продажѣ на улицахъ не допускались.

освобожденныя судомъ отъ ареста, но на основаніи разныхъ „охранъ“ все же конфискованныя высшей суда инстанціей — администраціей. Рѣдкостью поименованныя въ немъ книги пока не являются, такъ какъ только весьма немногія изъ нихъ были захвачены полиціей въ типографіяхъ и уничтожены: виртуозность уловляющихъ изощрила въ „уклоненіяхъ“ и преслѣдуемыхъ.

Въ заключеніе—чуть чуть статистики.

Въ вышедшей въ 1904 г. работѣ моей „Рѣдчайшія русскія книги“, посвященной обзору книгъ, уничтоженныхъ цензурой съ начала книгопечатанія по октябрь 1904, зарегистрировано около 250 №№. Списокъ этотъ не полонъ, такъ какъ при отсутствіи точныхъ данныхъ о годѣ, мѣстѣ печатанія и времени уничтоженія книги я о таковой не упоминалъ вовсе. Въ общемъ число книгъ, подвергшихся карѣ за 2¹/₂ вѣка всяческаго и въ томъ числѣ сугубаго, Николаевского гнета, можно считать около 300.

За 14 же мѣсяцевъ свободы администраціи:

1. Конфисковано книгъ	361
2. Конфисковано только въ СПБ. номеровъ періодическихъ изданій	433
3. Насильственно прекращено періодическихъ изданій въ Россіи	371
4. Подвергнуто заключенію въ тюрьму, штрафамъ и другимъ взысканіямъ редакторовъ и издателей въ Россіи.	607
5. Запечатано типографій.	97

Цифры эти краснорѣчивѣе словъ.

С. Р. Минцловъ.

СПИСОКЪ

конфискованныхъ книгъ и брошюръ.

1. Абрамовъ, С. Деревенскіе очерки. Книгоиздательство „Свободная Жизнь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
2. Автобіографія Г. Галона.
3. Ашкеновъ, В. (Махновецъ). Очерки развитія социаль-демократіи въ Россіи. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Петербургъ, 1906 года.
4. Ал. Палеръ.—Наша программа, М. 1906 года.
5. Амнистія. Сказка. Типографія Шака. С.-Петербургъ.
6. Амнистію! Полную амнистію! Долой смертную казнь! Не К. и Д. Типографія Генералова.
7. Анфитеатровъ, А. а. Современныя сказки. Изданіе „Шиповникъ“. С.-Петербургъ 1907 года. Книга вышла и конфискована въ декабрь мѣсяцъ 1906 года.
8. б. Женщина въ общественныхъ движеніяхъ Россіи. № 27. Изданіе редакціи журнала „Всемирный Вѣстникъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
9. Анархическій индивидуализмъ. Изданіе „Индивидъ“.
10. Арабидзе, А. О баррикадной и уличной борьбѣ. Книгоиздательство „Амиранъ“. С.-Петербургъ. 1906 года.
11. Аріель, Ариольдъ. Красное знамя. Москва. 1905 года.
12. Арцыбашевъ. Кровавое пятно. Въ деревнѣ. Разказы. Изданіе Смирмунга. Москва. 1906 года.
13. А. С. Г. Заслуга рядового Пантелѣева. Разказъ. № 30. Книгоиздательство Е. Мягкова „Народная Мысль“. Москва. 1906 года.
14. Асиль, В. а. Вѣднота отъ темноты и темнота отъ бѣдноты. Изданіе Трудового Товарищества. С.-Петербургъ. 1906 года.
15. б. Преступники. Изданіе „Свободный Трудъ“.
16. Алсальродъ, П. Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи.
17. Бабочка. № 1. Типографія Михайловой. С.-Петербургъ.
18. Бакуиниъ, М. А. а. Политика Интернаціонала. Книгоиздательство „Свобода“. Москва. 1906 года.
19. б. Статья Герцена о Бакуиниъ; біографическій очеркъ М. Драгоманова; рѣчи и воззванія. Съ 2-мя портретами. Изданіе Балашова. С.-Петербургъ. 1906 года.
20. в. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Изданіе И. Балашова.
21. г. Народное дѣло. Книгоиздательство „Набатъ“. С.-Петербургъ. 1906 года.
22. д. Богъ и государство. Переводъ съ французскаго. Москва. 1906 года.
23. Бальмонтъ, И. Д. Злыя чары. Изд. ж. Золотое Руно, 1906 года.
24. Баль, А. И. Экономическіе очерки. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. Ростовъ на Дону. 1906 года.

25. Б. А. Городское самоуправление въ Россіи. Книгоиздательство „Колоколъ“, В. Мягкова. Москва. 1906 г. Брошюра была дозволена цензурой.
26. Бебель, А. Христіанство и социализмъ. Книгоиздательство „Новый Міръ“.
27. Безродный, А. Ткачи. Повѣсть изъ жизни русскихъ ткачей. Книгоиздательство В. Мягкова „Колоколъ“. С.-Петербургъ. 1906 года.
28. Вещды о землѣ. Изданіе „Земли и Воли“. С.-Петербургъ. 1906 года.
29. Берчъ, Гуго. Долой безработицу! Переводъ съ нѣмецкаго изданія. Книгоиздательство „Свободная пресса“. С.-Петербургъ, 1906 года.
30. Б. А. Декабрьскіе дни. Москва. 1906 года.
31. Б—въ, М. и Дамъ, Ф. Рабочіе депутаты въ 1-ой Государственной Думѣ. Изданіе Глаголара. С. Петербургъ.
32. Борисовъ. Кому нужны погромы? С. С. Р. П. Изданіе „Другъ Народъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
33. Бране, В. Долой социаль-демократовъ! Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе В. Алексѣевой. Одесса, 1906 года.
34. Тоже изданіе В. Мягковой, книгоиздательство „Колоколъ“. Москва 1906 г.
35. Бумаковъ. Трагедія Россійской революціи. Изданіе „Донской Рѣчи“. Конфискована въ типографіи.
36. Бутень. Сборникъ № 3. Изданіе „Многоточіе“.
37. Бѣлостонскій погромъ. „Русское свободное издательство“. Москва, 1906 года.
38. Бѣлорѣцкій, Г. Безъ идеи. Изданіе журнала „Русское Богатство“. С.-Петербургъ. 1906 года.
39. Васильевъ, М. 10 заповѣдей социаль-демократа. Изданіе М. Малыхъ. С.-Петербургъ.
40. Бандервальде, З. Социализмъ и земледѣліе. Переводъ съ французскаго З. Кочетковой. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. СПб.
41. Великая французская революція. Р. З. Изданіе О. Рутенбергъ. С.-Петербургъ.
42. Вернеръ, М. Куда идетъ развитіе общества. С.-Петербургъ, 1906 года.
43. Верхожскій, С. Что дѣлалъ со своимъ народомъ французскій король и что народъ сдѣлалъ съ нимъ. Книгоиздательство „Братство“. С.-Петербургъ, 1906 года.
44. а. Веселый смѣхъ. Сборникъ. С.-Петербургъ.
45. Взятіе Бастиліи. Эпизодъ изъ времени великой французской революціи. Переводъ съ французскаго. Типографія Везобразова и К^о.
46. Виантъ, О. Анархическій индивидуализмъ. Издательство „Индивидъ“. Москва. 1906 года.
47. Вишневскій, В. и Хмурый, А. Набатъ. Сборникъ стихотвореній. Книгоиздательство „Правдой“. Москва. 1906—1907 года.
48. Витенскій, М. Что такое законы и какъ они намѣняются. Книгоиздательство „Молотъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
49. Владимировъ, В. Очерки современныхъ казней. Москва, 1906 года.
50. Воззваніе къ русскому народу. Причины всѣхъ несчастій въ Россіи. Мѣры пресѣченія зла отъ евреевъ. С.-Петербургъ. (Листокъ).
51. Волгинъ, Р. Верка усмиритель. Очеркъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
52. Волковской, Ф. Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался. Сказка. С.-Петербургъ, 1906 года.
53. Сказаніе о царѣ Симеонѣ. С.-Петербургъ, 1906 года.

53. Друзья среди враговъ. Изъ воспоминаній стараго революціонера. Изданіе „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
54. Вылѣченный принцъ. Сказка. С.-Петербургъ, 1906 года. Книгоиздательство „Народная Воля“.
55. Про воинское устройство. Книгоиздательство В. Мягкова „Народная Мысль“, № 31. Москва, 1906 года.
56. Волигъ, А. Сила въ объединеніи. Типографія Шукай. Кіевъ.
57. Воскресенскій, В. М. Передъ грозой. Разсказъ. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
58. Впередъ! Гимнъ рабочему народу. Слова А. М. Хирьякова.
- 59 В. Э. Письмо анархиста брату рабочему. Открытое письмо рабочимъ социаль-демократамъ и социаль-революціонерамъ. Книгоиздательство „Солидарность“. Москва, 1906 года.
60. Вѣтровъ, И. Анархизмъ, его теорія и практика. Книгоиздательство „Обновленіе“. 1906 года.
61. Въ борьбѣ. Сборникъ. Выпускъ 2-й. Книгоиздательство „Ворьба“. С.-Петербургъ, 1906 года.
62. Въ каменномъ мѣшкѣ. Воспоминанія политическаго каторжанина. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
63. Въ помощь читателю. Книга IV. Исторія и историческая беллетристика. Подъ редакціей В. Аршеневскаго, В. Воронцова и др. Выпускъ 1. Изданіе А. Сурагъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
64. Гарденинъ, Ю. Памяти Н. П. Михайловскаго. Книгоиздательство „Земля и Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
65. Г. А. С. Слово въ москва. Изъ лѣтописей . . . скаго баталіона.
66. Георгіевскій кавалеръ. Разсказъ. Книгоиздательство „Пахарь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
67. Гейеръ, Б. Элегія и другіе разсказы. Книгоиздательство „Амиранъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
68. Герцезъ, Ш. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Москва, 1906 года.
69. Государственная Дума или учредительное собраніе. Книгоиздательство „Молоть“. С.-Петербургъ, 1906 года.
70. Государственная дума о положеніи казаковъ. Изданіе Ноя Жорданія. Типографія „Будущность“. (Листокъ).
71. Грейлинъ, Г. Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса. Переводъ В. Смирнова. Изданіе „Просвѣщеніе“. С.-Петербургъ.
72. Григорьевъ, Я. Изъ исторіи смертной казни въ Россіи. Книгоиздательство „Набатъ“. Москва, 1906 года.
73. Гукавинъ, А. М. Народъ и Дума. Книгоиздательство „Народная Воля“ С.-Петербургъ, 1906 года.
74. Гымына, Иванъ. Жныва. (На малороссійскомъ языкѣ). Книгоиздательство „Новый міръ“, типографія „Энергія“
75. Гадъ, М. Коллективизмъ. Книгоиздательство „Колоколъ“, В. Мягкова. Москва, 1906 года. Была дозволена цензурою.
76. Гадъ и Лафаргъ. Чего хотятъ социаль-демократы. Книгоиздательство „Колоколъ“, В. Мягкова. Москва, 1906 года.
77. Два закона. Книгоиздательство „Рабочій Народъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
78. Десятинскій. Устройство Россіи. Нижній Новгородъ, 1906 года.

79. Девятое января. Историческій обзоръ. С.-Петербургъ. 1906 года.
80. Дейчъ, Л. Къ 25-ти лѣтію 1 марта. 1881—1906 годовъ. Дѣло 1 марта 1881 года. Изданіе „Свободный Трудъ“. С.-Петербургъ 1906 года.
81. Деде, Л. Солдатки. Издавниство „Боротьба“. С.-Петербургъ. 1906 года (на малороссійскомъ языкѣ).
82. Деревенскій, Степанъ. Что говорятъ про землю социаль-революціонеры и социаль-демократы. С.-Петербургъ. 1906 года.
83. Дмитриева, В. Г. Ява. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ. 1906 года.
84. Д—нъ. Пѣсни пролетаріевъ. Книгоиздательство „Нашъ Голосъ“. С.-Петербургъ. 1907 года.
85. Долой забастовщиковъ! Изданіе Н. Парамонова. С.-Петербургъ, 1906 года.
86. Его Превосходительству и Предсѣдателю Совѣта Министровъ отъ Кіевскаго союза русскаго народа. Кіевъ. (Листокъ).
87. Елпатьевскій, Сергій. а. Къ русскимъ людямъ. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ. 1906 года.
88. б. Земля и Свобода. „Земля и Свобода“ № 2. СПб. 1906 г.
89. Ерманскій, А. И. Наши ближайшія требованія и конечная цѣль. Книгоиздательство „Новый Міръ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
90. Идамовъ, С. Три мѣсяца въ одиночкѣ. Впечатлѣнія и воспоминанія. 2-е изданіе. Балашова. С.-Петербургъ, 1906 года.
91. За вѣру, царя и отечество! Москва, 1906 года.
92. За что они борятся. Книгоиздательство „Искра“. Москва, 1906 года.
93. Заявленіе передъ судомъ Жоржа Отьевана. Изданіе „Свободная Коммуна“. 1906 года.
94. Заѣринцевъ Б. Академисты за работой.
94. а. Земля и Трудъ. Выпускъ 1 и 2. Изданіе А. Бѣляева 1906 года.
95. Златинскій, А. а. Земля. Разсказъ. Книгоиздательство „Вѣрный Путь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
96. б. Рядовой Ошбаловъ. Разсказъ. Книгоиздательство „Вѣрный Путь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
97. Зининъ, А. Нужда крестьянская. Книгоиздательство „Молодая Россія“. Популярная библіотека, № 6. Москва, 1906 года.
98. Зыковъ, П. П. Какъ поправить наши финансы. Простыя рѣчи № 1. С.-Петербургъ, 1906 года.
99. Ивановичъ, М. Д. Ворцы и мученики за свободу Болгаріи. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
100. Ивановъ, Н. Пролетаріатъ въ современной борьбѣ. С.-Петербургъ.
101. Идальсонъ. О еврейской социаль-демократіи. С.-Петербургъ. 1906 года.
102. Издалека. Вестѣда. 1-ая рукопись найдена и издана Александровой. Типографія Отто Инфугъ.
103. Ильинскій, В. Перлы кадетской тактики. Книгоиздательство „Свободная пресса“.
104. Исаявъ, Павелъ. Кому должна принадлежать земля?
105. Исаявъ. Обуховская оборона. 7 мая 1901 года—7 мая 1906 года. Посвящается героямъ-борцамъ. Изд. „Библіотека для всѣхъ“, О. Руттенбергъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
106. Исповѣдь Сазонова. Годъ и мѣсто печати не обозначены 32.

107. Исторія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Изданіе Н. Глаголева. С.-Петербургъ.
108. Юрданскій, І. а. Наши братья. Изданіе Н. Парамонова.
— б. Какъ выбирать рабочихъ депутатовъ въ Государственную Думу? СПб. 1906.
109. в. Задача революціи. Изданіе С. Демина. С.-Петербургъ, 1906 года.
110. Какъ смотрятъ социаль-революціонеры и социаль-демократы на крестьянство и земскій вопросъ. С.-Петербургъ. 1905 года. 1906 года. Изданіе П. С. Р.
111. Какъ обираютъ и закабаляютъ народъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
112. Маламидзе, Владимиръ и Шкендзе, Владимиръ. Очерки революціоннаго движенія въ Гуріи. Книгоиздательство „Эпоха“. С.-Петербургъ, 1906 года.
113. Мальверъ, Рихардъ. Христіанство и социаль-демократія.
114. Маринскій. Новая нагорная проповѣдь. Книгоиздательство „Народное Дѣло“, а также и Н. Парамонова, „Донская Рѣчь“.
115. Маринскій. За что? Изданіе книгоиздательства „Впередъ“. 1906 года.
116. Метлау, М. Взаимная отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочаго класса. Книгоиздательство „Свободное соглашеніе“. 1906 года.
117. Мельманъ, Б. О красныхъ и черныхъ. Составлено по М. Шархель. Книгоиздательство „Пахарь“. С.-Петербургъ.
118. Мутески, М. а. Русскій и американскій рабочій. Предисловіе и редація А. Луначарскаго. Книгоиздательство „Утро“. Отдѣлъ І. Библіотека общественно-политическихъ знаній, № 17. С.-Петербургъ.
119. б. Еврейскіе погромы и еврейскій вопросъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Е. Александровой. С.-Петербургъ, 1906 года.
120. в. Общественныя реформы. Книгоиздательство „Колоколь“. Москва. 1906 г.
121. г. Современное положеніе Россіи.
122. д. Движуція силы и перспективы русской революціи. Переводъ съ нѣмецкаго. Книгоиздательство „Новая эпоха“. Москва. 1906—1907 г.
123. Мальчевскій, В. Справочный листокъ, козевный для крестьянъ. Москва, 1906 г.
124. Мирный. Одиннадцать дней на „Потемкинѣ“. С.-Петербургъ, 1907 г. Книга вышла въ ноябрѣ 1906 г.
125. Классъ противъ класса. Изданіе Е. Алексѣевой. С.-Петербургъ, 1906 г.
126. Книжность. Расправы и разстрѣлы. Москва, 1906 г.
По приговору суда книга была освобождена отъ ареста, тѣмъ не менѣе отбирается на основаніи «положеній» объ охранахъ.
127. Мальцевъ, М. М. Памяти павшихъ жертвъ изъ среды Московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни. Москва, 1906 г.
128. И. А. О совѣщательномъ представительствѣ. С.-Петербургъ, 1906 г.
129. Иосифовичъ Ф. Ф. а. О правахъ національности. Москва, 1906 г.
130. б. Конституціонно-демократическая партія передъ судомъ совѣа 17 октября. Москва, 1906 г.
131. Кешнеръ-Морель. Задачи пропаганды въ деревнѣ. Съ предисловіемъ Поля Лафарга. С.-Петербургъ, 1906 г.
132. Морелло, В. Г. Трагедія генерала Ковалева и нравы военной среды.
По приговору суда книга была освобождена отъ ареста; конфискуется по распоряженію администраціи.
133. Иосифовичъ, Б. Что такое социалистическій строй? Книгоиздательство „Молоть“. С.-Петербургъ.

134. Моста, Андреа. Что такое социализмъ. Книгоиздательство „Свобода“. С.-Петербургъ, 1907 г.
Книга вышла въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1906 г.
135. Крестьянамъ отъ конституціонно-демократической партіи. Книгоиздательство „Народное Право“. Москва, 1906 г.
136. Красная сотня. Библіотека общественно-политическихъ знаній, № 9. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ.
137. Кропоткинъ, П. а. Узаконенная месть, называемая правосудіемъ. Книгоиздательство „Свободное Соглашеніе“. 1906 г., и книгоиздательство „Свобода“. Москва, 1906 г.
138. б. Завоеваніе хлѣба. С.-Петербургъ, 1906 г.
139. в. Записки революціонера. Изданіе товарищества „Знаніе“. С.-Петербургъ 1906 года.
Изданіе было задержано въ переплетной и изъ него вырѣзаны и перепечатаны страницы 395—6. Со страницы 395 выброшена фраза: „однажды онъ выстрѣлилъ въ своего адъютанта, когда послѣдній сдѣлалъ рѣзкое движеніе и царю показалось, что офицеръ хочетъ убить его“. Безъ перепечатки уцѣлѣло весьма малое количество экземпляровъ.
140. з. Анархія и ея мѣсто въ социалистической эволюціи. Книгоиздательство „Волна“, С.-Петербургъ, 1906 года и другое изданіе — С.-Петербургъ, 1907 года.
141. д. Хлѣбъ и воля. Съ портретомъ автора и предисловіемъ Э. Реклю. Книгоиздательство „Свободная Мысль“. Лондонъ—Петербургъ.
142. е. Анархія, ея философія, ея идеалы. Переводъ съ французскаго. Книгоиздательство „Мысль“, А. Миллеръ. С.-Петербургъ, и книгоиздательство „Свобода“. Москва, 1906 года.
143. ж. Представительное правительство. Изданіе „Свободная Коммуна“. Москва 1906 года.
144. з. Безначальный коммунизмъ или экспроприация. Книгоиздательство „Свобода“. Москва, 1906 года.
145. и. Русскій рабочій союзъ. Книгоиздательство „Свобода“. Москва, 1906 года.
146. Кропоткинъ, П. и Берисъ, Дж. Всеобщая стачка, П. Кропоткинъ. Всеобщая стачка, Дж. Верисъ. Стачка портовыхъ рабочихъ въ Лондонѣ. Чему учить насъ Лондонская стачка. Книгоиздательство—„Другъ Народа“. С.-Петербургъ.
147. ир—новъ. Программа занятій въ кружкахъ высшаго типа. Конспектъ лекцій. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ.
148. Круссъ Эрнстъ. Сборникъ научныхъ и литературныхъ произведеній.
149. Кулакова, А. Великая крестьянская война въ Германіи. Типографія „Общественная Польза“. С.-Петербургъ, 1906 года.
150. Нусиова, Е. Сонъ подъ 1-е мая. Сказка—правда. Книгоиздательство „Донская Рѣчь“. С.-Петербургъ, 1905 года. Арестована въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1906 года.
151. Купріяновъ, М. 1-е мая. Разсказъ. Книгоиздательство „Народное Дѣло“.
152. Къ организаціи трудового общества. Типографія Муллера. С.-Петербургъ.
153. Лазаревъ, Е. Какъ крестьянамъ дали волю. Книгоиздательство „Новое Товарищество“. Москва, 1906 года.

154. Ламонэ. Слова вѣрующаго. Памфлетъ. Переводъ съ французскаго. В. Андрусонъ. Изданіе А. Бадяева. С.-Петербургъ, 1906 года.
155. Лафаргъ, Поль. Христіанская благотворительность. Переводъ съ французскаго 2-е изданіе. Книгоиздательство „Новый Міръ“.
156. Вѣра въ Бога. Издательство „Колоколъ“, Е. Мягковой. С.-Петербургъ.
157. Мифъ о непорочномъ зачатіи. Книг. Малыхъ. С.-Петербургъ.
157. а. Лесина, Е. С. Мститель. Изданіе 2. Алексѣевой. С.-Петербургъ, 1906 года.
158. Левина Сысоева, Е. С. а. Въ темную ночь. Разсказъ. Книгоиздательство „Новый Міръ“. С. Петербургъ.
159. б. Разсказы и стихотворенія. С.-Петербургъ, 1906 года.
160. Левин. Чего хотятъ социалисты. Книгоиздательство „Другъ Народа“. С.-Петербургъ, 1906 года.
161. Ленинъ, И. Роспускъ Государственной Думы и задачи пролетаріата. Книгоиздательство „Новая Волна“. Москва, 1906 года.
162. Докладъ объединительнаго съѣзда Россійской социаль-демократической партіи. Москва, 1906 г.
163. Пересмотръ аграрной программы рабочей партіи № 1. С.-Петербургъ.
164. Побѣда ка-детовъ и задачи рабочей партіи.
165. Социаль-демократія и избирательныя соглашенія. Книгоиздательство „Впередъ“. С. Петербургъ, 1906 года.
166. Либинетъ, В. Пауки и мухи. Изданіе Н. Парамонова, С.-Петербургъ.
167. Рыцари труда. Соціальныя рманъ. Книгоиздательство „Волна“.
168. Лихачевъ, И. А. Русскому народу. С.-Петербургъ, 1905 года.
169. Лукановъ, П. Чего требуютъ крестьяне. „Земля и свобода“, № 2. С.-Петербургъ, 1906 года.
170. Лучачарскій, А. Три ка-дета. Памфлетъ. Изданіе „Шиповникъ“. С.-Петербургъ, 1907 года (вышла въ 1906 году).
171. Людямъ нашего времени. Изданіе Содружества Патріотическихъ Кіевскихъ рабочихъ. Кіевъ. (Листокъ).
172. Люисенбургъ, Роза. а. Русская революція. Переводъ съ предисловіемъ П. Гуревича. Изданіе „Міръ“.
173. б. Чего мы хотимъ. Комментаріи къ программѣ социаль-демократіи Литвы и Польши. Переводъ съ польскаго. Книгоиздательство „Эпоха“. С.-Петербургъ, 1906 года.
174. Лидовъ, М. Исторія російской социаль-демократической рабочей партіи. Часть 1-я. Книгоиздательство „Колоколъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
175. М. А. Усмирили. За что? Книгоизд. „Сила“. С. Петербургъ, 1906 года.
176. Макарычъ, А. Ивашка-Дурачекъ. Народная сказка. Книгоиздательство К. Союзова. Казань, 1906 г.
177. Мартовъ, Л. а. Новый законъ. Изданіе Е. Алексѣевой. 1906 года.
178. б. Рабочее Дѣло въ Россіи. 4-е, переработанное изданіе, Е. Алексѣевой. 1906 года.
179. в. Пролетарская борьба въ Россіи. 2-е изданіе, дополненное, Н. Глаголева.
180. г. Политическія партіи въ Россіи. Книгоиздательство „Новый Міръ“. С.-Петербургъ.
180. а. Международное единеніе пролетаріата. Москва.
181. Шенингъ, Сергій. Письма къ пролетарію. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ, 1907 года. Вышла въ ноябрѣ 1906 года.
182. Ширбе, О. Дневникъ горничной. Изданіе С. Скирмунта.

183. Миренковъ, М. Солдатскій подвигъ. Разсказъ. Изданіе „Народное Дѣло“. С.-Петербургъ, 1906 года.
184. Москва въ декабрь 1905 года. Москва, 1906 года.
185. Московское вооруженное возстаніе по даннымъ обвинительныхъ актовъ въ и судебныхъ приговоровъ. Вып. 1. Книг. „Лѣтопись“. М. 1906 г.
186. Ш. С. О баррикадной и уличной борьбѣ въ западно-европейскихъ революціяхъ. Изданіе „Амиранъ“. А. Арабидзе.
- 186а. Мужики въ Государственной Думѣ. Москва, 1906 года.
187. На разные темы. Книгоиздательство „Книжныя Новости“. С.-Петербургъ 1906 года.
188. Науменъ, О. Правда о черной сотнѣ: Подъ редакціей Н. Рожкова. Книгоиздательство „Рабочая Мысль“. Москва, 1906 года.
189. Науменъ, Ф. а. Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Италіи. Москва. 1906 года.
190. Б. Какъ французы завоевали себѣ волю и землю. Книг. Мягкова. „Народная Мысль“. М. 1906 г.
191. Не въ могоутъ. Изданіе Н. Новожилова. Подъ редакціей Ф. Дѣдова, М. Максимовъ, С. Нечетнаго и А. Рудина. Складъ при издательствѣ „Донская Рѣчь“.
- 191а. Некасовъ С. а. У кого земли много и почему много. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
192. Б. Кто не желаетъ дать народу ни земли, ни воли. Книгоиздательство. „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
193. в. Неотложныя нужды трудящагося народа. Книгоиздательство „Земля и Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
194. з. Ничего съ нами не подѣлаешь. Повѣсть изъ жизни рабочихъ. С.-Петербургъ, 1905 года.
195. Нестроевъ, Гр. Библиотека спеціалиста. Систематическій указатель книгъ Москва, 1906 года.
196. Новая нагорная проповѣдь. Изданіе Н. Парамонова. С.-Петербургъ 1906 года.
197. Новомірскаѣ. Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ. Книгоиздательство „Свободная коммуна“. Москва, 1906 года.
198. Новотомскій, Г. Значеніе права на землю для рабочаго класса. Популярная библиотека, № 12.
199. Что такое правовое государство. С.-Петербургъ, 1906 года.
200. Новиковъ, А. Наши братья. Изданіе А. Сурагъ. № 200.
201. Враги народа. Изданіе Н. Парамонова.
202. Новый законъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
203. Новиковъ. Обуховская оборона. Изданіе „Библиотека для всѣхъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
204. Нотлау, М. Взаимная отвѣтственность и солидарность въ борьбѣ рабочаго класса. Книгоиздат. „Свободное соглашеніе“. С.-Петербургъ, 1903 года.
205. Николаевъ, А. А. Крестьянская библиотека № 2. Первая Государственная Дума.
206. Нича, Фр. Антихристъ. Книгоиздательство „Прометей“. С.-Петербургъ 1907. Книга вышла въ сентябрѣ и была конфискована въ декабрѣ 1906 года.
207. Н. П. Истина о Христѣ. Типографія І. Лурье и К°, С.-Петербургъ.

208. *Ньюсангуэз, Довела.* Соціализмъ въ опасности. Съ предисловіемъ Э. Реклю. Выпускъ I-й. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей А. Ванина. Книгоиздательство „Просторъ“.
209. *Обининъ, В.* Полгода русской революціи. Изданіе Холчева. Москва, 1906 года.
210. *Обуховъ, С.* Не въ моготу. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
211. *О крестьянскомъ союзѣ.* № 1. „Крестьянское Дѣло“. С.-Петербургъ, 1906 года.
212. *Ольминскій, М.* Памяти погибшихъ. Изданіе „Впередъ“. С.-Петербургъ 1907 года. Книга вышла въ 1906 году.
213. *О налогахъ.* Изданіе П. С. Р. С.-Петербургъ, 1905 года.
214. *Парусъ, а.* Настоящее политическое положеніе и виды будущаго. Изданіе О. Рутенбергъ. Спб.
215. *б.* Россія и революція. Изданіе Н. Глаголева, С.-Петербургъ.
216. *Паль.* Изъ недавняго революціоннаго движенія. С.-Петербургъ. 1907 года, (Книга вышла въ октябрь мѣсяцъ 1907 года).
217. *Передъ грозой.* Сборникъ статей изъ газеты „Озверная Россія“. Москва, 1906 года.
218. *Петрищевъ, А. Б.* 300 лѣтъ. 1906—1906 гг. С.-Петербургъ, 1906 года.
219. *Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи.* Изданіе журнала „Природа и Школа“. № 2.
220. *Петровицъ, А.* Пролетаринъ всѣхъ странъ, соединяйтесь! Книгоиздат. „Молоть“. С.-Петербургъ.
221. *Пикантный смѣхъ.* Сборникъ. С.-Петербургъ.
222. *Пикантный юмористическій сборникъ „Кушетка“.* Текстъ Соловущки.
223. *Пильскій, П.* Охранный шпіонатъ. Типографія Чуйкова. С.-Петербургъ.
224. *Платоновъ М.* Какъ начала работать Государственная Дума. Изданія Вятскаго Товарищества. С.-Петербургъ, 1906 года. Конфискованы въ типографіи. Уцѣлѣло небольшое количество экземпляровъ.
225. *Плехановъ, Г. В. а.* О задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. Приложение къ дневнику № 5. Редакторъ-издательница М. Малыхъ. Изданіе „Пролетаріатъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
226. *б.* Всероссийское разореніе. Книгоиздательство Маріи Малыхъ. Приложение къ журналу „Соколы“ № 1.
227. *а.* Письма о тактикѣ и безтактности. Изданіе Маріи Малыхъ. С.-Петербургъ, 1906 года.
228. *г.* Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомірова. Сѣрія: „Пролетаріатъ“. Приложение къ журналу „Соколы“ № 3. Изданіе Маріи Малыхъ. С.-Петербургъ.
229. *Подъ краснымъ знаменемъ.* Сборникъ 1-й и 2-й. Книгоиздательство „Искра“. Москва, 1906 года.
230. *Полное собраніе рѣчей Императора Николая II.* Книгоиздательство „Другъ Народа“. С.-Петербургъ, 1906 года. Книга находилась въ магазинахъ 2 недѣли, но за полнымъ отсутствіемъ спроса не продавалась и все изданіе было отобрано почти цѣликомъ.
231. *Политическая стачка въ Россіи и революціонная борьба.* Изд. А. Арабидзе. Спб.

232. Положеніе трудового крестьянства въ связи съ социализмомъ. Типографія Вешке.
233. Популярная Библіотека, № 12. Книгоизд. „Новое Товарищество“.
234. Постановленіе съѣздовъ крестьянскаго союза. Спб.
235. Правительство, „Дума и революція“. Е. С. Р. П. Изданіе П. К. С.-Петербургъ, 1906 г.
236. Правительственная казна и народный карманъ. (Долой косвенные налоги!) Книгоизд. „Безработица“, № 2.
237. Приговоръ сельскаго схода крестьянъ села Маркова, Московской губерніи. Книгоизд. Е. Мягкова „Колоколъ“. М. 1905 г.
238. Программы русскихъ политическихъ партій. Изд. Харитоновъ. С.-Петербургъ, 1905 г.
239. Программа, принятая на 2 съѣздѣ российской социаль-демократической партіи. Изд. „Пролетаріатъ“, М. Малыхъ, Спб.
240. Пролетаріатъ и его конечная цѣль. Программа максималистовъ.
241. Пролетаріатъ и конечная цѣль русской революціи. Спб. 1906 г.
242. Протоколы 1-го Сѣвернаго областного съѣзда всероссийскаго крестьянскаго союза. Приложение къ № 2. журнала „Крестьянское Дѣло“, 1906 года.
243. Протоколы делегатскаго совѣщанія Всероссийскаго Крестьянскаго Союза 6-го ноября 1905 г. въ Москвѣ. Составлено подъ редакціей Центральнаго Бюро содѣйствія Всероссийскому Крестьянскому Союзу. Книгоизд. „Новое Товарищество“. М. 1906 г.
244. Прямо къ цѣли. № 1. Книгоизд. „Максималистъ“. Типогр. Муллера.
245. П. і. Якъ собираются і куди повертаються народні гроші. Видавництво „Праця“. Слб. 1906 г.
246. П. Н. Истина о Христѣ. Типогр. І. Лурье и К^о.
247. Пѣсни революціи. Сборникъ революціонныхъ пѣсенъ и стихотвореній Книгоизд. „Красное Знамя“. Слб. 1905 г.
248. Пѣсни революціи. ц. 15 к.
249. Пѣсни революціи. Книгоизд. „Народное Дѣло“ ц. 25 к.
250. Пѣсни свободы. Слб. 1905 г.
251. Пѣсни и стихи революціи. Солдатскій сборникъ. Книгоиздательство К. Союзова. Казань 1906 г.
252. Пьерро, М. Синдикализмъ и революція. Библіотека синдикализма. Книгоизд. „Просторъ“. Слб.
253. Рабочая борьба. Буржуазная революція и рабочее дѣло.
254. Революція 1848 года въ Вѣнѣ. Изданіе „Донской Рѣчи“. С.-Петербургъ, 1906 года.
255. Революціонныя пѣсни. Изданіе Я. Крупина. С.-Петербургъ.
256. Ромновъ, Н. Аграрный вопросъ въ Россіи и его рѣшеніе въ программахъ различныхъ партій.
257. Какъ идетъ аграрное крестьянское движеніе въ Россіи. Книгоиздательство „Впередъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
258. Судьбы русской революціи. Изданіе „Вѣкъ“. С.-Петербургъ, 1907 года. Вышла въ 1906 году.
259. Рель, П. Какъ происходили революція въ Западной Европѣ. Изданіе А. Суратъ. С.-Петербургъ, 1906 года.

260. Рубаничъ, Н. А. Черносотенцы и правда о землѣ. Разсказъ земскаго доктора о черносотенскомъ погромѣ. Книгоиздательство „Паллада“.
261. Руссова, С. Въ странѣ свободнаго крестьянства (въ Норвегіи). Изданіе Н. Парамонова „Донская Рѣчь“. С.-Петербургъ, 1906 года.
262. Рудинъ, А. Что говорятъ русскіе социаль-демократы о деревенской бѣднотѣ. Книгоиздательство Е. Мягкова „Колоколь“. Москва, 1905 года.
263. Русскій рабочій союзъ. Книгоиздательство „Свобода“. ц. 3 коп.
264. Разановъ, Н. 19 февраля. Книгоиздательство „Библиотека марксизма“. С.-Петербургъ, 1906 года.
265. Роминскій, В. Духовенство и народъ. „Свободная Земля“ № 3. С.-Петербургъ. Типографія товарищества „Общественная Польза“.
266. Саблинъ, Н. Женщина-работница. Книгоиздательство „Пролетаріатъ“.
267. Салинскій Зах. (Степанъ). Международное единеніе пролетаріата. М. 1907 г. (вышла въ декабрѣ 1906 г.).
268. Самойловъ, Б. Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. С.-Петербургъ.
- 269—272. Сборники VI, VII, VIII и IX. Изданіе „Народный Трудъ“. С.-Петербургъ.
273. Сборникъ на очередныя темы. № 1. Книгоиздательство „Новая мысль“ С.-Петербургъ, 1906 г.
274. Сборникъ программъ политическихъ партій въ Россіи. Подъ редакціей В. Водозова. (съ программой партіи с.-р.). С.-Петербургъ, декабрь 1906 года.
275. Сборникъ книгоиздательства „Набатъ“ М. 1906 г.
276. Сборникъ новѣстей крестьянскихъ депутатовъ и трудовой Россіи М. 1906 г.
277. Сборникъ Индивидуалиста. Книгоизд. „Индивидъ“, М. 1907 г. Вышла и конфискована въ декабрѣ 1906 г.
278. Сборникъ статей, № 2. Книгоиздательство „Новая Мысль“. 1906 года.
279. Семеновъ, А. За землю и волю., Книгоиздательство „Народная Воля“ С.-Петербургъ, 1906 года.
280. Сейсмскій, М. Правда народная. Разсказъ. Книгоиздательство „Сила“. С.-Петербургъ, 1906 года.
281. Сгезъ. Що такое народная воля? Издавництво „Праца“.
282. Сказка о 4-хъ братьяхъ. Книгоиздательство „Народная Воля“. № 7. С.-Петербургъ, 1906 г.
283. Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
284. Слѣдуетъ-ли переселиться? Книгоиздательство „Земля и Воля“. Листокъ.
285. Смерть агитатора. Посвящается павшимъ въ борьбѣ за власть и землю для народа. С.-Петербургъ, 1906 года.
286. Смѣхъ черезъ край. Сборникъ. С.-Петербургъ.
287. Союзъ новой Государственной Думы и отдача подъ судъ правительства. Типографія Кровницкаго. С.-Петербургъ. (Листокъ).
288. Соціалиста словили. Разсказъ. Книгоиздательство „Народная Воля“. С.-Петербургъ, 1906 года.
289. Стачка лжи. Волшебная сказка. № 1. Книгоиздательство „Безработица“.
290. Степановъ, Б. Домой вернулся. Разсказъ. Книгоиздательство Е. Мягкова. „Народная Мысль“. Москва, 1906 года.

291. Степнякъ Кравчинскій. Тайны Россіи. Переводъ Э. Янсона. Изданіе Шу-бура.
292. Стефановичъ, Я. Дневникъ каріѣца. Книгоиздательство „Новый Міръ“ С.-Петербургъ, 1906 г. Ковфискована въ типографіи.
293. Струмилинъ, С. Долой забастовщиковъ! Изданіе „Донской Рѣчи“. 1906 г.
294. Стрѣльскій, П. Партія и революція 1905 года. Книгоиздательство „Молоть“. Рабочая бібліотека подъ редакціей Парвуса. С.-Петербургъ.
295. Сущность максимализма. Книгоизд. Максимова. Спб. 1906 г.
296. Та—гмъ, 2. Огвѣтъ Виктору Чернову. С.-Петербургъ, 1906 года.
297. Тамъ. а. Стихотворенія. 3-е исправленное изданіе, 14-ая тысяча. Изданіе Глаголева.
298. б. На тракту. Повѣсть изъ житія Спб. рабочихъ. Изд. Саблина, М. 1907 г. (вышла въ декабрѣ 1906 г.).
299. Тарасовъ, Евгений. стихи 1902—1905 г. Книгоиздательство „Новый Міръ“. 1906 года.
300. Таръ, Н. М. Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90 годовъ. Изданіе 2-е исправленное. Книгоиздательство „Новый Міръ“.
301. Тактическіе вопросы. Выпускъ II, Всеобщая Забастовка.
302. Текущій моментъ. Сборникъ. Книгоиздательство „Колоколь“. Москва 1906 года.
303. Театральная звѣздочка. С.-Петербургъ.
304. Тимофеевъ, А. Г. Смертная казнь въ эпохи революціи. Книгоиздательство „Народное Благо“. С.-Петербургъ, 1906 года. Изданіе было захвачено въ типографіи и уничтожено.
305. Толстой, Левъ графъ. а. Краткое изложеніе евангелія. Изданіе „Посредникъ“. и „Обновленіе“. Безъ года и мѣста печати.
306. б. Исповѣдь. Книгоиздательство „Народъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
307. в. Гдѣ выходъ? Серія сочиненія, бывшихъ подъ запретомъ въ Россіи. С.-Петербургъ, 1906 года.
308. г. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. № 1. С.-Петербургъ, 1905 года.
309. д. Къ политическимъ дѣтелямъ. Изданіе „Всемирный Вѣстникъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
310. е. Христіанство и воинская повинность. № 14. Книгоиздательство „Обновленіе“. С.-Петербургъ, 1906 года.
311. ж. Солдатская памятка. Листовка 2-ая. Книгоиздат. „Народное Дѣло“.
312. з. Обращеніе къ русскимъ людямъ.
313. и. Собраніе сочиненій. Томъ I-й. Книгоиздательство „Обновленіе“.
314. к. Николай Палкинъ. 2 войны. Москва, 1906 года.
315. л. Не убій! СШБ.
316. Троцкий, Н. Наша революція. Изданіе Н. Глаголева. С.-Петербургъ 1906 года.
317. Третій сборникъ. Изданіе „Многоточіе“. С.-Петербургъ.
318. Федоровичъ, С. Какъ собираютъ и на что расходуются народныя деньги. Книгоиздательство „Молоть“. С.-Петербургъ, 1906 года.
319. Фигнеръ, Віра. Шлиссельбургская узница, Л. А. Волкенштейнъ. Съ портретомъ. Цѣна 10 коп. Изданіе „Молодая Россія“. Москва, 1906 года.
320. Форъ, Себастьянъ. Преступленія Бога. Переводъ съ французскаго В. Э. Книгоиздательство „Солидарность“. Москва, 1906 года.
321. Фтига. Христіанство и политика. Изданіе безцензурное. С.-Петербургъ 1905 года, ноябрь.

322. Хватить-ли земли на всѣхъ. Изданіе Н. Парамонова. С.-Петербургъ, 1906 года.
323. Хитрая механика. Книгоиздательство „Народное Дѣло“. 1906 года.
324. Хлѣбъ и воля. Статьи П. Кропоткина, В. Черкесова, Л. Вертона и др. Книгоиздательство „Священный Огонь“.
325. Христіанство и социаль-демократія. Книгоизданіе О. Рутенбергъ. С.-Петербургъ.
326. Цамитъ, Эд. революція и контр-революція. Изд. Злетинъ. Спб.
327. Царь-голодъ. Изд. Н. Парамонова. Спб. 1906 г.
328. Цѣбринова, М. К. Письмо къ Александру III. Библіотека „Свѣточа“, № 25. Спб. 1906 г.
329. Чего ждать отъ современнаго движенія. Книгоиздательство „Свѣточъ“. С.-Петербургъ, 1906 года.
331. Чего требуетъ народъ отъ Государственной Думы. Книгоиздательство „Земля и Воля“. Выпускъ I-й.
332. Чего требуютъ люди, которые ходятъ съ краснымъ флагомъ. Книгоизд. „Народное Дѣло“. Спб. 1906 г.
333. Черновъ, В. а. Прошлое и настоящее. Изд. В. Распопова. Спб. 1906 г.
334. б. Конечный идеалъ социализма и повседневная борьба. Изд. В. Распопова. Спб. 1906 г.
335. Черное знамя. Книгоизд. „Священный огонь“, А. Морского.
336. Черный, Федоръ. Стихійно. (Изъ современной жизни). Книгоизд. „Прогрессъ нашей жизни“. Спб. Конфискована въ типографіи.
337. Чиновничій законъ и народное право. Спб. 1906 г.
338. Что нужно крестьянину. Книгоизд. „Народная Воля“, № 4. Спб. 1906 г.
339. Чумановъ, Н. О народномъ самоуправленіи въ Новой Зеландіи. Книгоизд. Е. Мягкова „Колоколъ“. М. 1906 г.
340. Чужой, Константинъ. Примирились. Очеркъ изъ крестьянскихъ дней. Типогр. Квасниковой въ г. Глуховѣ, Черниговской губ.
341. Чѣмъ обираютъ и закабляютъ русскій народъ. Изд. А. Лебедева. Спб 1905 года.
342. Швецовъ, С. П. (Марусинъ). Въ ожиданіи казни. Разсказъ. № 13. Спб. 1906 года.
343. Шебуевъ, Н. Г. Сочиненія. Выпуски: 4-ый „Провокаторъ“ и 5-ый „Хвастунъ“. Изд. „Пулемета“.
344. Шишко, Л. а. С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ. Изъ воспоминаній и замѣтокъ. Изд. В. Распопова. Спб. 1906 года.
345. б. Разсказы изъ русской исторіи. Ч. 1-я и 2-я. Книгоизд. „Земля и Воля“ Спб. 1906 г. Тоже, изд. „Донской Рѣчи“.
346. в. Откуда произошла частная собственность на землю. „Свободная Земля“. № 2. Спб. 1906 г.
347. Шихтеръ, А. Государственная Дума и ея роль въ освободительномъ движеніи. Книгоизд. „Эпоха“. Спб. 1906. г.
348. Шоголо, В. А. О поддержкѣ лѣвыхъ. Типогр. Люндорфа. Спб.
349. Эльснеръ, А. О. (Юлій Кэръ). Дуэль передъ судомъ общества. Спб.
350. Энгъ. О реакціи и политическихъ партіяхъ буржуазіи. Ц. 10 к.
351. Эрве, П. Разгаръ революціи. Книгоизд. „Земля“. Спб. 19.6 г.
352. Эхъ, пора бы, братцы, взяться вамъ за умъ! Книгоизд. „Народное Дѣло,

353. Эндеръ. Современный социализмъ. Изд. „Гранатъ“. М. 1906 г.
354. Якоби, М. Къ аграрному вопросу, Новыя теченія у социаль-демократовъ и старая программа у социалистовъ-революционеровъ. Книгоизд. „Народъ и Воля“. Кіевъ.
355. Яшиновъ, Евг. Въ каменномъ городѣ! Тип. тов. „Трудъ“, Спб. 1906 года
Конфискована въ типографіи.
356. Въ столицѣ. М. 1906 г.

С. Р. Минцловъ.

Петръ Сергѣевичъ Поливановъ въ Омскѣ.

Это было въ 1903 г. около 15—20 марта. Однажды утромъ въ конторѣ товарищъ по работѣ, мой близкій пріятель, подходитъ ко мнѣ и пониженнымъ голосомъ сообщаетъ:

— Поливановъ пріѣхалъ и сейчасъ онъ у меня.

— Какъ... когда?

— Тише, остановилъ меня пріятель,—онъ бѣжалъ.

И въ полголоса, хотя мы были одни въ комнатѣ, онъ разсказалъ мнѣ, что наканунѣ поздно вечеромъ къ нему кто то позвонилъ. Онъ отперъ, и передъ нимъ оказалась невысокая мужская фигура въ енотовой шубѣ и теплой шапкѣ. «Вы такой-то?»—Да, это я. «Мнѣ нужно поговорить съ вами».—Пожалуйста зайдите. Незнакомецъ раздѣлся и въ сильномъ волненіи съ нервнымъ дрожаніемъ въ голосѣ проговорилъ: «Я Поливановъ... я бѣжалъ изъ Атбасара и прямо съ поѣзда къ вамъ... мнѣ сказали, что я могу обратиться или къ К. Н. или къ вамъ,—что мнѣ дѣлать?».

Волненіе Поливанова передалось и моему пріятелю, и они долго не могли рѣшить, что дѣлать. Сначала было хотѣли привлечь къ совѣщанію еще кое-кого, но за позднимъ временемъ это было неудобно. Соображали о томъ, что пожалуй слѣдовало бы тотчасъ же съ поѣздомъ, отходящимъ ночью, отправиться дальше на западъ, но Петра Сергѣевича удержало отъ этого то обстоятельство, что у него не было паспорта, каковой онъ рассчитывалъ получить здѣсь, и необходимость измѣнить свой внѣшній видъ. Въ концѣ концовъ рѣшили, что утро вечера мудренѣе и отложили рѣшеніе на завтра. Но Поливановъ, хотя и успокоился, долго не могъ улечься спать, все ходилъ по комнатѣ и разсказывалъ, какъ онъ бѣжалъ, каково жилось въ Атбасарѣ, или переходилъ на шлиссельбургскія воспоминанія.

Утромъ пріятель отправился въ контору, а Петръ Сергѣевичъ пошелъ въ городъ за кое-какими покупками. Прежде всего ему хотѣлось сбросить свою шубу, которая могла выдать его, и вообще нѣсколько измѣнить свою внѣшность. Они условились пригласить къ вечеру кое-кого, и тогда общими силами рѣшить, что дѣлать.

Вечеромъ въ квартирѣ пріятеля собралось человѣкъ 6—7. Я какъ сейчасъ вижу смуглое, съ впалыми выбритыми щеками лицо Петра Сергѣевича съ большими, темными, нѣсколько безпокойными глазами, съ большимъ тонкимъ носомъ, съ подстриженными волосами, въ которыхъ не замѣтно было сѣдины. Въ общемъ лицо его было не

русскаго типа. Порывистость движеній обличала сильную нервность, онъ мало сидѣлъ, и все ходилъ по комнатѣ, не переставая говорить. Разсказывалъ онъ живо, образно и его можно было слушать безъ конца. О своемъ побѣгѣ онъ разсказалъ, сколько помнится, слѣдующее. Жизнь въ глуши атбасарской его страшно томила, и онъ чуть ли не съ перваго же дня началъ думать о томъ, какъ бы бѣжать. Онъ пользовался полной свободой, ходилъ къ обывателямъ въ гости и принималъ ихъ у себя. Одинъ изъ знакомыхъ все приглашалъ его къ себѣ на заимку, находившуюся верстахъ въ 20 отъ города. И вотъ однажды Петръ Сергѣевичъ нашелъ подводчика и уѣхалъ какъ будто бы на заимку, а на самомъ дѣлѣ на первую станцію къ Кокчетову. Тамъ, въ поселкѣ, взялъ лошадей дальше и такъ не останавливаясь до Петропавловска. На одной изъ станцій, какъ ему показалось, онъ былъ опознанъ ямщикомъ—киргизомъ. Онъ присматривался къ нему и наконецъ сказалъ: «однако ты тутъ проѣзжалъ?» но этимъ и ограничился. Наконецъ Петръ Сергѣевичъ въ Петропавловскѣ и передъ нимъ встаетъ вопросъ куда ѣхать, на востокъ, или на западъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшаетъ—на востокъ и ѣдетъ въ Омскъ.

Теперь передъ нами стоялъ вопросъ—какъ быть?—оставаться ли П. С. въ Омскѣ, пока вся исторія уляжется, или уѣзжать тотчасъ же и куда—на востокъ или на западъ? Поливановъ предполагалъ достать у насъ паспортъ, но такового не было. Безъ паспорта ѣхать казалось ему рискованнымъ, а получить его можно было или гдѣнибудь дальше на востокѣ, или уже за Ураломъ. Прикинувъ такъ и сякъ, мы рѣшили, что самое лучшее прожить съ мѣсяцъ въ Омскѣ, а тамъ видно будетъ. Но тутъ явился вопросъ—гдѣ прожить? Не мало было такихъ, которые были готовы дать пріютъ Петру Сергѣевичу, но нужно было найти такое помѣщеніе, куда полиціи не пришло бы и въ голову заглянуть въ случаѣ поисковъ. Въ концѣ концовъ рѣшили обратиться къ одному изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, а предстоящую ночь провести здѣсь же, или въ квартирѣ другого нашего сослуживца.

Переговоры насчетъ пристанища для П. С. были поручены мнѣ, и на другой день, заручившись согласіемъ нашего знакомаго, я заѣхалъ вечеромъ за П. С. и перевезъ его на новую квартиру. Изъ предосторожности мы просили Петра Сергѣевича поменьше показываться на улицахъ, да и то только по вечерамъ, и сами избѣгали посѣщать его слишкомъ часто; но тѣмъ не менѣе каждый вечеръ насъ собиралось двое-трое послушать разсказы П. С. о шлиссельбургской жизни. Впрочемъ, тема разговоровъ была самая разнообразная и почти всегда переходила на современныя событія. Не разъ П. С. сводилъ рѣчь на фонъ-Валя и Плеве и говорилъ, что былъ бы счастливъ, если бы ему удалось уничтожить когонибудь изъ этихъ наиболѣе злостныхъ враговъ русскаго народа. Видно было, что онъ лелеялъ мечту взять на себя эту трудную задачу.

Между прочимъ, въ первый же день Петръ Сергѣевичъ купилъ себѣ дешевенькій револьверъ и тотчасъ же прицѣпилъ его себѣ на поясъ подъ пиджакъ. Какъ мы ни уговаривали его бросить револьверъ,

онъ не согласился. «Оставьте, это привычка старого революціонера, съ этимъ товарищемъ я чувствую себя спокойнѣе». И хотя мы доказывали, что здѣсь этотъ товарищъ ему не поможетъ, а повредить можетъ, и что тамъ, въ Россіи онъ можетъ достать товарища понадежнѣе, онъ остался непреклоненъ. Признаюсь, уговаривая его бросить револьверъ, я думалъ, да и не я одинъ, а всѣ мы думали, что Поливановъ имѣетъ полное право на покой, на полный отдыхъ, что это право оплачено имъ слишкомъ дорогой цѣной 22-хъ лѣтняго заключенія. Мы думали, что необходимо было всѣми силами помѣшать ему еще разъ пойти въ бой съ ненавистнымъ ему правительствомъ, намъ показалась чудовищной одна мысль, что онъ вновь можетъ попасть въ руки этихъ палачей, продержавшихъ его почти $\frac{1}{4}$ вѣка въ каменномъ мѣшкѣ. Но мы не знали Поливанова; не знали того, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ нѣтъ жизни внѣ борьбы.

Въ то время, когда около него никого не было, П. С. писалъ свои воспоминанія, письма, чертилъ планъ шлиссельбургской тюрьмы. По словамъ своего хозяина онъ плохо спалъ по ночамъ, громко разговаривалъ, часто вскакивалъ съ постели и начиналъ ходить. Такъ прошло дней 5—6. Стало извѣстнымъ, что его хватились въ Атбасарѣ и что идутъ розыски. Посовѣтовавшись, мы рѣшили на время отвезти П. С. на одну изъ глухихъ заимокъ въ окрестностяхъ Омска. Онъ согласился на это, и мы условились, что онъ пріѣдетъ обратно на Өоминой недѣлѣ и тогда спокойно отправится за Уралъ.

Но вышло не такъ, какъ мы предполагали, и Петръ Сергѣевичъ, соскучившись на безлюдной заимкѣ, не выдержалъ и пріѣхалъ раньше срока. Снова водворился онъ на прежнюю квартиру и теперь мы уже вплотную занялись вопросомъ какъ быть дальше. Петру Сергѣевичу очень хотѣлось имѣть паспортъ и особенно почему-то ему улыбалось положеніе отставного военнаго. „Военную фуражку, пальто и смѣло ѣзжай, никто и не подумаетъ“. Но насчетъ паспорта у насъ было плохо и не только военнаго въ отставкѣ, но и вообще-то никакого предложить П. С. мы не могли. Приходилось, стало быть, ѣхать безъ паспорта. Но мысль П. С. о роли военнаго въ отставкѣ намъ всѣмъ показалась весьма удачной, и мы начали хлопотать о приобрѣтеніи военной фуражки и одежды. Фуражку достали настоящую, но насчетъ тужурки и пальто вышла заминка. Кто-то сообщилъ, что на толкучкѣ продается офицерское пальто и тужурка. Рѣшили купить. Одинъ изъ насъ отправился на рынокъ и купилъ какое-то сѣрое пальто и тужурку, но когда П. С. облекся въ нихъ и предсталъ на заключеніе лица, знающаго толкъ въ этихъ дѣлахъ, такъ тотъ съ присущей ему рѣзкостью сказалъ:—„какое-жъ это пальто, развѣ такое бываетъ офицерское,—это просто гимназическое пальто... и тужурка никуда не годится—какая это тужурка“...

Мы и сами видѣли, что что-то не ладно, а П. С. хотя и находилъ, что „ничего... можно“, но должно быть только для того, чтобы не огорчать насъ. Въ концѣ-концовъ онъ рѣшилъ не откладывать отъѣзда изъ-за костюма и ѣхать въ штатскомъ платьѣ, кажется, впрочемъ, онъ взялъ военную фуражку.

Было рѣшено, что одинъ изъ насъ отправится на вокзалъ раньше съ вещами П. С., возьметъ билетъ и займетъ мѣсто, а П. С. сядетъ прямо въ вагонъ, чтобы поменьше показываться на глаза разной публикѣ. Все это было продѣлано хорошо и П. С. благополучно отбылъ изъ Омска въ одну изъ ненастныхъ весеннихъ ночей, чуть-ли не въ первый день Пасхи.

Два-три дня мы были въ тревогѣ—какъ-то онъ проѣхалъ? Приходило въ голову, что слѣдовало его во что бы то ни стало удерживать на глухихъ заимкахъ, пока все совершенно не успокоится, что лучше бы ему поѣхать на востокъ и оттуда уже съ хорошимъ паспортомъ, такъ или иначе, тѣмъ или инымъ путемъ уйти „за предѣлы досягаемости“. Но вотъ пришла открытка, извѣщавшая о благополучномъ минованіи Челябинска, а затѣмъ длинное письмо, въ которомъ П. С. рассказывалъ намъ о своемъ путешествіи. Письмо было очень хорошо написано,—живо, остроумно ¹⁾. Оказывается, П. С. въ пути познакомился съ какимъ-то инженеромъ и его женой и настолько сошелся съ ними за длинную дорогу, помнится до Златоуста, что получилъ отъ нихъ настоящее приглашеніе заѣхать къ нимъ погостить, а инженерша взяла слово съ П. С., что онъ побываетъ у нихъ.

Помнится мнѣ, что вскорѣ было получено еще письмо отъ Петра Сергѣевича, извѣщавшее, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Потомъ мы узнали, что онъ уѣхалъ за границу и искренно, порадовались этому, но вслѣдъ затѣмъ были поражены присланной намъ къмъ-то вырѣзкой изъ французской газеты, сообщавшей о самоубійствѣ Поливанова.

Щ — въ.

Кажется, это письмо сохранилось.

Кн. П. В. Долгоруковъ—эмигрантъ ¹⁾.

(1859—1868 гг.).

I.

Въ этой статьѣ я познакомлю читателей съ тѣми матеріалами, которые обрисовываютъ послѣдній періодъ жизни князя Долгорукова, уже въ роли эмигранта.

Благодаря тайнѣ, которой покрывались въ Россіи всѣ политическія «преступленія», бѣгство Петра Владиміровича за границу не было достояніемъ широкой молвы. Настолько мало знали о немъ въ первое время, что Долгоруковъ, за полной своей подписью, напечаталъ въ январской книжкѣ приличнаго тогда «Русскаго Вѣстника» письмо изъ Парижа, въ которомъ знакомилъ соотечественниковъ съ первыми своими впечатлѣніями Запада, съ встрѣченными имъ выдающимися людьми.

Прежде чѣмъ пріѣхать въ Парижъ, Петръ Владиміровичъ побывалъ въ Туринѣ, Миланѣ, Пармѣ, Моденѣ, Болоньѣ, Флоренціи, Генуѣ, и Марсели, быстро передъ тѣмъ проѣхавъ негостепріимныя Германію и Австрію.

Въ Туринѣ онъ возобновилъ прежнее свое знакомство съ графомъ Камилломъ Кавуромъ, проведя у него цѣлый день въ живой бесѣдѣ на европейскія злобы дня. Запасшись отъ него нѣсколькими рекомендательными письмами, нашъ эмигрантъ побывалъ въ другихъ городахъ у пармскаго диктатора Фарини, Леонетто Чиприани, Марко Мингетти, министра финансовъ Романьи—маркиза Пеноли, тосканскаго министра внутреннихъ дѣлъ барона Беттино Риказоли, министра иностранныхъ дѣлъ маркиза Козимо Ридальфа, военнаго министра Кадорна, у маркиза Джано Каппони и многихъ другихъ.

Повидимому, Долгоруковъ искалъ сильныхъ связей, чтобы хоть этимъ потѣшить свое неудовлетворенное въ Россіи честолюбіе. Разумѣется, его, потомка Рюриковичей, принимали вездѣ хорошо: кто по родовитости происхожденія, кто по сочувствію къ бѣглецу изъ подъ русскаго гнета... На почвѣ поисковъ популярности у Долгорукова была даже дуэль во Флоренціи. Вотъ что онъ самъ объ этомъ раз-

¹⁾ Статья „Кн. П. В. Долгоруковъ въ Россіи“ — напечатана въ февральской книжкѣ текущаго года.

сказывалъ: «Нѣкто затѣялъ со мною ссору по случаю мнѣній моихъ объ итальянскомъ вопросѣ. Вы знаете, что я горячъ и вообще не одаренъ добродѣтелями агнца, и рѣшено было стрѣляться. Баронъ Риказоли взялъ съ меня слово, чтобы не имѣть дуэли на тосканской землѣ, и я съ моими секундантами отправился, близъ Лукки, на виллу св. Панкратія, принадлежащую княгинѣ О. Ѳ. Т. На другой день мы стрѣлялись на берегу рѣки Серкіо. Я былъ слегка раненъ въ ногу, но такъ легко, что на другой день могъ уже ходить. Въ тотъ же вечеръ мы возвратились во Флоренцію. Вѣсть о дуэли разнеслась, и народъ, находившійся у желѣзной дороги, обступилъ вагонъ, спрашивая о моемъ здоровьѣ. На другой день въ гостиницу, гдѣ я жилъ, прїѣзжали ко мнѣ не только знакомые, но и незнакомые; дамы присылали свои карточки: слѣпой старикъ Каппони велѣлъ себя везти ко мнѣ. Въ слѣдующіе дни на улицахъ меня иногда останавливали незнакомые, спрашивая о моемъ здоровьѣ. Когда я уѣзжалъ изъ Флоренціи, то кучеръ, привезшій меня на желѣзную дорогу, сказалъ находившимся тутъ, что это тотъ русскій, который имѣлъ дуэль за итальянскій вопросъ. Тогда весь народъ, тутъ находившійся, окружилъ меня, благодаря за сочувствіе къ Италіи, и желая счастливаго пути. На желѣзной дорогѣ мнѣ дали, разумѣется безъ всякой просьбы съ моей стороны, особое купе» ¹⁾).

Счастливыи и довольный вѣхалъ Долгоруковъ въ Парижъ.

Тамъ онъ быстро завелъ видныя знакомства. Такъ, онъ бывалъ у Тьера, бывшаго канцлера Франціи—герцога Папье, Персиньи и т. д.

Все это способствовало очень вызывающему поведенію въ отношеніи своихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ русской камарильѣ. На этой почвѣ, въ началѣ 1860 г. у Долгорукова чуть-чуть не было двухъ дуэлей: съ совѣтникомъ посольства Дубри и флигель-адъютантомъ гр. Шуваловымъ, которыя не состоялись только благодаря поспѣшности князя въ принесеніи извиненій.

Долгоруковъ много работалъ надъ книгой, которая, по его мнѣнію, должна была открыть Европѣ глаза на ужасное состояніе его родины и тѣмъ побудить русское правительство вступить на рѣшительный путь коренныхъ реформъ. Въ апрѣлѣ 1860 г. она была выпущена въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «La vérité sur la Russie» par le prince Pierre Dolgoroukow.

Я не буду останавливаться на книгѣ слишкомъ долго. Правда, дѣйствительно, была высказана, хоть и не вся, съ полной откровенностью и, надо признать, не безъ публицистическихъ способностей. Долгоруковъ разбиралъ русское правосудіе и его органы, администрацію, чины, крѣпостное право, дворянство, сословія, войско, финансы, откупную систему, тайную полицію съ ея канцеляріей III Отдѣленія, цензуру, духовенство и пр. Все это было вскрыто настолько достаточно, чтобы европейское общество оцѣнило результаты работы Николая I и его сподвижниковъ. Лично къ Александру II Долгоруковъ отнесся въ книгѣ съ полнымъ довѣріемъ, вполне гармонизировавшимъ съ герценовскимъ: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!».

¹⁾ „Современная Лѣтопись“ „Русскаго Вѣстника“, т. XXV, 1860 г., 10—11.

„Императоръ Александръ Николаевичъ—писалъ Петръ Владиміровичъ—не можете оскорбиться нашими словами: онъ честный человѣкъ и болѣе всѣхъ жаждетъ прочнаго преобразованія Россіи. Одно изъ общихъ заблужденій, наиболѣе распространенныхъ, заключается въ томъ, будто русскій царь—самодержецъ! Великое заблужденіе! Самодержецъ по праву, онъ, на дѣлѣ не пользуется обширною властію. Онъ можетъ сослать кого ему угодно, можетъ отнять у всякаго русскаго имѣніе, свободу, жизнь, можетъ рубить головы по волѣ своей прихоти, но всякій пойметъ, что Александръ Николаевичъ, Государь добрый и просвѣщенный, не пользуется дикими правами, какія имѣетъ въ рукахъ. На самомъ дѣлѣ Царь только сочинитель Законовъ, иногда даже просто издатель ихъ, и не въ его власти заставить исполнять эти Законы. Если Законъ, Царемъ изданный, полезенъ интересамъ чиновной орды, или Министровъ, или царской дворни, то вы можете быть увѣрены, что онъ будетъ исполненъ съ замѣчательнымъ усердіемъ; если онъ не приноситъ никакихъ выгодъ тремъ вышеименованнымъ властямъ, то онъ будетъ исполненъ плохо и вѣрадиво, а если онъ наноситъ ущербъ ихъ интересамъ, то можете быть увѣрены, что законъ этотъ никогда и ни подъ какимъ видомъ исполненъ не будетъ. Но изъ этихъ трехъ властей, самая могущественная—чиновная орда, эта нравственная язва Россіи. Мнимо-послушная Государю, она, съ помощію Царской дворни, крѣпко держитъ Царя въ рукахъ, и обѣ, общими силами заставляютъ Царя плясать по своей дудкѣ. Царь царствуетъ, а чиновная орда властвуетъ! Золото—вотъ истинный самодержецъ и чиновной орды и царской дворни: ему одному они служатъ усердно и повинуются безпрекословно!“¹⁾.

А вотъ реформы, введеніе которыхъ Долгоруковъ признавалъ безотлагательно необходимымъ:

- 1) Уничтоженіе всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, безъ исключенія.
- 2) Равенство всѣхъ русскихъ передъ Закономъ.
- 3) Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, съ предоставленіемъ крестьянамъ въ полное владѣніе, не только усадьбъ ихъ, но еще и нѣкотораго количества земли; немедленное уничтоженіе всѣхъ правъ помѣщичьихъ надъ крестьянами, всякаго оброка и всякихъ повинностей крестьянина къ помѣщику.

Примѣчаніе. Въ имѣніяхъ, состоящихъ на пашнѣ, безопасно было бы предоставить крестьянамъ всю землю, которою они пользуются въ настоящее время. Въ имѣніяхъ оброчныхъ слѣдуетъ отдѣлить имъ количество земли особенно определенное для каждой губерніи, и чѣмъ въ какой губерніи земля дешевле, тѣмъ большее количество ея можно отдѣлить крестьянамъ.

- 4) Каждый крѣпостный человѣкъ могъ бы платить правительству по пяти рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, съ правомъ заплатить, если пожелаетъ, всю сумму разомъ. Однажды расплатившись съ правительствомъ, онъ дѣлается потомственнымъ владѣтелемъ своей усадьбы и нарѣзаннаго ему участка земли.

- 5) За cadaго крѣпостнаго человѣка правительство должно заплатить помѣщику сто рублей серебромъ.

Примѣчаніе. Жены, вдовы и дочери крѣпостныхъ людей должны быть освобождены немедленно и бесплатно.

- 6) Въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, цифра долга вычитается изъ суммы платежа помѣщикамъ, и вся земля, за помѣщи-

¹⁾ Цитирую по русскому изданію той же книги въ Парижѣ, 1861 г.

комъ оставленная, объявляется свободною отъ казеннаго долга. Помѣщичьихъ имѣній находится въ залогѣ, въ кредитныхъ установленіяхъ, на сумму около 500,000,000 рублей серебромъ. Сверхъ того правительство могло бы учинить заемъ въ 200,000,000 рублей серебромъ, и могло бы выпустить на 385,000,000 рублей серебромъ *земскіе билеты*, приносящихъ 3 процента: билеты эти были бы принимаемы правительствомъ, во всѣхъ платежахъ, за нихъ нарицательную цѣну, а между частными лицами пріемъ билетовъ предоставленъ былъ бы совершенно на произволъ взаимнаго соглашенія (какъ то нынѣ происходитъ съ билетами серій).

7) Правительство, въ теченіе шести или семи лѣтъ, продавало бы съ публичнаго торга: оброчныя статьи министерства государственныхъ имуществъ; казенныя фабрики, казенныя заводы, казенныя рыбныя ловли, соляныя промыслы и часть лѣсовъ казенныхъ, доколѣ вырученныя деньги не достигли бы до суммы 350,000,000 рублей серебромъ. Продажу эту слѣдовало бы производить подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имущества, съ публичнаго торга казною продаваемые, не могли бы быть покупаемы на монету, а ни на какіе бумажные знаки иные, какъ вышеупомянутые *земскіе билеты*, и чтобы права покупки этихъ имуществъ и владѣнія ими предоставлены были бы и всѣмъ русскимъ подданнымъ и всѣмъ иностранцамъ, безъ всякаго исключенія.

8) Казенные крестьяне могли бы продолжать платить казнѣ, въ теченіе тридцати-трехъ лѣтъ, то же самое, что платятъ нынѣ за земли, состоящія въ ихъ пользованіи, а по истеченіи тридцати трехъ лѣтъ они сдѣлались бы потомственными владѣтелями этихъ земель.

9) Необходимо уничтожить министерство государственныхъ имуществъ, столь бесполезное государству, столь отяготительное и столь вредное для казенныхъ крестьянъ. Слѣдуетъ даровать всему населенію сельскому, и крестьянамъ помѣщичьимъ и крестьянамъ казеннымъ, управленіе, основанное на выборномъ началѣ, но основанное дѣльнымъ и настоящимъ образомъ, а не на словахъ и не на бумагѣ лишь (какъ нынѣшнее устройство государственныхъ имуществъ).

10) Всѣ общинныя начальники должны подлежать выбору, и въ выборахъ этихъ должны принимать участіе всѣ лица, живущія въ округѣ той общины.

11) Городовое управленіе, подобно сельскому, должно быть основано на выборѣ и на началѣ всеобщаго равенства. Всѣ городскіе жители, владѣющіе имуществомъ извѣстной цѣны, должны имѣть право голоса и право выбора въ собраніяхъ городскихъ, безъ всякаго различія происхожденія.

12) Въ каждомъ уѣздѣ слѣдовало-бы созывать, каждое трехлѣтіе, *уѣздное собраніе* изъ: 1) всѣхъ лицъ, безъ различія происхожденія, владѣющихъ опредѣленнымъ количествомъ земли или имуществомъ опредѣленной цѣны въ городѣ или уѣздѣ, и 2) опредѣленнаго числа депутатовъ, избранныхъ сельскими общинами.

13) Уѣздное собраніе избирало-бы всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ. Оно избирало-бы уѣзднаго предводителя, уѣзднаго исправника и *уѣздный советъ*, изъ десяти или двѣнадцати членовъ, коимъ порученъ былъ-бы постоянный надзоръ за дѣйствіями предводителя, исправника и прочихъ властей.

14) Въ каждой губерніи слѣдовало-бы созывать, каждое трехлѣтіе, *губернское собраніе*, составленное изъ: 1) всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ городскихъ собраніяхъ той губерніи; 2) одной трети депутатовъ сельскихъ общинъ въ уѣздныхъ собраніяхъ (треть эта могла быть избрана въ каждомъ уѣздѣ, депутатами сельск. общ. изъ среды своей); 3) всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ городскихъ собраніяхъ той губерніи.

15) Губернское собраніе набирало-бы членовъ губернскаго правленія, которые, въ числѣ 25, или 30, или 35 человекъ, имѣли-бы постоянный надзоръ за управленіемъ губерніею и за дѣйствіями губернскихъ властей. Губернаторъ и вице-губернаторъ были бы назначаемы отъ правительства, какъ и нынѣ.

16) Централизацію дѣлъ слѣдуетъ значительно уменьшить, и не требовать, какъ нынѣ, всѣ дѣла въ Петербургъ для рѣшенія. Всѣ дѣла, не относящіеся до Россіи вообще, и касающіеся лишь одной губерніи, могли бы быть рѣшаемы губернскимъ правленіемъ той губерніи, и всякому губернскому собранію предоставлено было бы право предлагать правительству проекты законовъ и постановленій по части законодательной равно, какъ и по части административной. Всѣ дѣла, не относящіеся до цѣлой губерніи, но касающіеся одного изъ уѣздовъ, могли бы быть рѣшаемы уѣзднымъ совѣтомъ того уѣзда, и каждому уѣздному собранію слѣдовало-бы предоставить право рѣшать, слѣдуетъ-ли передать или нѣтъ просьбу уѣзднаго собранія на разсмотрѣніе правительства.

17) Казенныя палаты, комитетъ земскихъ повинностей, коммиссія строительныхъ и дорожныхъ, слѣдуетъ упразднить, и управленіе всѣми дѣлами, подлежащими кругу ихъ вѣдомства, сосредоточить въ губернскомъ правленіи. Тогда значительно уменьшилось-бы число чиновниковъ: это было-бы весьма выгоднымъ для дѣла и для губерніи, и составило бы значительную экономію для казны.

18) Судопроизводство должно перестать быть письменнымъ и тайнымъ, каково оно донынѣ, къ сраму русскаго правительства. Оно должно быть открытымъ и гласнымъ съ адвокатами и присяжными.

19) Инстанція должно быть не болѣе трехъ: а. уѣздный судъ; б. палата гражданская или уголовная (смотря по тому, какого рода дѣло), и в. департаментъ сената. Апелляцію изъ уѣзднаго суда въ гражданскую палату слѣдовало-бы даровать лишь въ дѣлахъ, въ коихъ искъ оцѣненъ не менѣе трехъ—ста рублей, а изъ гражданской палаты въ сенатъ въ искъ не менѣе двухъ тысячъ рублей.

20) Въ Москвѣ слѣдуетъ учредить верховный кассаціонный судъ для всей Россіи (на подобіе французскаго кассаціоннаго суда), составивъ его изъ пожизненныхъ членовъ, сенаторовъ, выбранныхъ товарищами своими, сенаторами.

21) Званіе сенатора слѣдуетъ объявить пожизненнымъ; предоставить каждому сенатору, ежегодно, выборъ города и департамента, въ коемъ онъ жаждетъ присутствовать, и чтобы не увеличивать черезъ — мѣру число сенаторовъ, имѣть въ сенатѣ (какъ нынѣ въ Варшавѣ), совѣтниковъ съ титуломъ: „членовъ сената“. А чтобы избавить тягущихся жителей дальнихъ губерній отъ убыточныхъ поѣздокъ въ столицы, слѣдуетъ учредить департаменты сената въ Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ и Иркутскѣ.

22) Число чиновниковъ, во всѣхъ министерствахъ, слѣдуетъ уменьшить на основаніи мѣръ, нынѣ принятыхъ въ морскомъ министерствѣ ¹⁾.

23) Чины гражданскіе и табель о рангахъ слѣдуетъ уничтожить, къ

¹⁾ Эта превосходная мѣра въ морскомъ министерствѣ нынѣ допущена *еще лишь съ видъ опыта* государственнымъ совѣтомъ—всероссійскою богадѣльною незначительныхъ старо-дуровъ.

вящему огорченію всѣхъ пройдохъ, всѣхъ глупцовъ и всѣхъ плутовъ, конми запружена русская администрація.

24) Третіе отдѣленіе Собственной Канцеляріи, выкопанную Незабвеннымъ Николаемъ, слѣдуетъ уничтожить, и тайную полицію подчинить министерству внутреннихъ дѣлъ. Пора уже русскому правительству не возводить на степенъ государственнаго учрежденія то, что есть подлѣйшаго въ мірѣ—шпіонство!

25) Число министровъ слѣдовало-бы ограничить десятью, а именно:

Министры: 1) юстиціи; 2) внутреннихъ дѣлъ; 3) народнаго просвѣщенія; 4) иностранныхъ дѣлъ; 5) военныхъ; 6) морской; 7) финансовъ; 8) земледѣлія и торговли; 9) путей сообщенія и публичныхъ зданій; 10) императорскаго двора.

Почтовое вѣдомство можно бы обратить въ главную дирекцію, какъ оно и было до 1823 года, а что касается до государственнаго контроля, то полувѣковъ опытъ ясно доказалъ всю бесполезность его существованія въ настоящемъ его видѣ. Необходимо учредить въ Россіи *Счетную Палату* (*compt des comptes*), на подобіе французской.

26) Бюджетъ долженъ быть опубликованъ ежегодно, а на расходы императорскаго двора слѣдуетъ опредѣлить сумму, выше коей расходъ простирается-бы не могъ.

27) Православныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ слѣдуетъ правительству назначать по выбору между тремя кандидатами, представленными духовенствомъ той епархіи, и съ тѣмъ, что однажды поступивъ на епархію, іерархъ не можетъ быть удаленъ изъ оной безъ суда, развѣ въ случаѣ собственнаго желанія. Перемѣщать іерарховъ изъ одной епархіи въ другую не слѣдуетъ иначе, какъ по желанію духовенства той епархіи, въ которую они переводятся, и съ согласія перемѣщаемога іерарха.

28) Синодъ слѣдовало-бы составить изъ митрополитовъ Новгородскаго, Кіевскаго и Московскаго, и сверхъ того изъ шести или семи пожизненныхъ членовъ, іерарховъ, по выбору изъ товарищей, прочихъ іерарховъ.

29) Оберъ-прокурору синода слѣдуетъ наблюдать лишь за тѣмъ только, чтобы синодъ не вмѣшивался въ дѣла политическія и въ дѣла мірскія, а вовсе не подобаетъ оберъ-прокурору вмѣшиваться въ дѣла духовныя.

30) слѣдовало-бы, каждые пять, или шесть, или семь лѣтъ, сзывать въ Москвѣ Соборъ Всероссійской православной церкви, коему синодъ отдавалъ-бы отчетъ въ своемъ управленіи. Соборъ этотъ слѣдовало бы составить изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ и депутатовъ духовенства, какъ городскаго, такъ и сельскаго.

31) слѣдовало-бы упразднить семинаріи, учредить богословскіе курсы въ университетахъ и въ гимназіяхъ, и допускать къ хиротоніасію въ епископы тѣхъ, которые имѣли-бы дипломы на званіе магистра университетскаго,

32) Вѣлomu духовенству слѣдовало-бы разрѣшить безбрачное состояніе для всякаго, кто пожелаетъ, и открыть доступъ въ санъ епископа бѣлomu духовенству, безъ различія брака или безбрачія ¹⁾.

¹⁾ Долгоруковъ разсказываетъ, что русскій священникъ въ Парижѣ Іосифъ Васильевъ, остроумно величаемый имъ „протопресвитеромъ III Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи“, былъ посвященъ имъ въ подготовку книги и даже получалъ отъ автора корректурные листы. Отъ него между прочимъ Долгоруковъ заимствовалъ мысль о необходимости разрѣшить духовенству быть при желаніи и безбрачнымъ. На исповѣди въ мартѣ 1860 г. Васильевъ благословилъ князя продолжать служить „доброму дѣлу“, какъ онъ выразился. Когда же правительство избленилось

33) Въ Россіи слѣдуетъ установить полную вѣротерпимость и полную свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ вѣръ, кромѣ сектъ противъ-общественныхъ, коихъ даже нельзя и считать вѣроисповѣданіями, а именно, кромѣ *шоттоновъ и блуновъ*. Чтоже касается до *малакановъ*, то имъ нельзя даровать полной свободы вѣроисповѣданія: необходимы нѣкоторыя ограниченія.

34) Раскольникамъ—старообрядцамъ слѣдуетъ разрѣшить, не только свободу открытаго вѣроисповѣданія, но и церковную іерархію, ими самими избираемую.

35) Гражданскія права и равенство передъ закономъ должны быть одинаковыми для всѣхъ русскихъ подданныхъ, безъ всякаго различія вѣроисповѣданій.

36) Предварительную цензуру слѣдуетъ отменить, и даровать свободу книгопечатанія, съ установленіемъ строгаго закона противъ злоупотребленій книгопечатанія“.

Будучи горячимъ сторонникомъ конституціоннаго образа правленія, Долгоруковъ былъ увѣренъ въ рациональности учрежденія двухъ думъ. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу:

„При учрежденіи Конституціи въ Россіи, необходимо имѣть двѣ думы, составленныя обѣ изъ выборныхъ лицъ всего земства, избранныхъ *губернскими собраніями*, составленными изъ лицъ всѣхъ сословій, безъ различія происхожденія, какъ мы то предлагали въ этой книгѣ (см. выше). *Думу Земскую* слѣдовало бы составить по крайней мѣрѣ изъ пяти или шести-ста членовъ, избираемыхъ каждые три или четыре года. *Думу Боярскую* слѣдовало бы, на первое время, составить изъ двухъ сотъ пятидесяти или трехъ-ста членовъ, избранныхъ тѣми же *губернскими собраніями* на три или на четыре года. Членовъ думы Земской можно бы избирать начиная съ двадцати-пятилѣтняго возраста и не требуя отъ нихъ никакихъ вещественныхъ условий. Въ бояре же можно было бы избирать лишь начиная съ сорока-лѣтняго возраста, и только тѣхъ лицъ, которые владѣютъ имуществомъ, закономъ опредѣленнымъ. По истеченіи срока трехъ-лѣтняго или четырехъ лѣтняго, можно было бы снова приступить къ избранію бояръ на три или на четыре года. Наконецъ, впоследствии, по истеченіи шести или осьми лѣтъ послѣ введенія Конституціи, когда ходъ дѣлъ и событій выставилъ бы, въ обѣихъ думахъ, на видѣ и на уваженіе общественнаго мнѣнія значительное число личностей, тогда уже можно было бы приступить къ составленію думы Боярской пожизненной, отчасти по назначенію царскому, отчасти по выбору думы Земской, облекая въ званіе боярское, на всю жизнь ихъ, всѣ тѣ личности, которыя своимъ умомъ и характеромъ своимъ заслуживали бы всеобщее уваженіе. Такимъ образомъ всѣ русскія знаменитости, по всѣмъ поприщамъ безъ исключенія, могли бы на будущее время имѣть доступъ въ думу Боярскую, или по назначенію царскому, или, что гораздо болѣе лестно, по выбору думы Земской. При введеніи конституціи въ Россіи, необходимо помѣстить въ эту конституцію статью о возможности пересмотра ея по общему желанію министровъ царскихъ и думы Земской, окруживъ обрядъ пересмотра нѣкоторыми формальностями, которыя не допускали бы дѣйствій поспѣшныхъ и на скорую руку. Напримѣръ можно бы постано-

противъ книги, Васильевъ сталъ вездѣ за глаза критиковать ее и поносить, а при встрѣчѣ съ княземъ оказывалъ ему всякое вниманіе... („Листокъ“, № 7).

вить, что для приступленія къ пересмотру необходимо изъявленіе письменнаго о томъ желанія по крайней мѣрѣ ста членами думы Земской, и что перемѣны приняты быть могутъ не по большинству голосовъ, какъ прочіе законы, а лишь съ согласія трехъ четвертей голосовъ изъ числа наличныхъ членовъ думы.

Въ заключеніе скажемъ, что еще по одной *важнѣйшей* причинѣ слѣдовало бы Александру Николаевичу даровать Россіи конституцію—добровольно, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ не исторгли ее у него насильно".

Приведеннаго достаточно, чтобы читатель зналъ главное содержаніе книги.

II.

По тогдашнимъ временамъ она была государственнымъ преступленіемъ. Правда, вину автора осложняли многія указанія на лица и факты, дѣлавшія книгу памфлетомъ по адресу російской бюрократіи, тѣсно окружавшей тронъ.

Парижскій посолъ гр. П. Д. Киселевъ сейчасъ же, вслѣдъ за появленіемъ книги въ продажѣ, вызвалъ Петра Владиміровича въ посольство, долго съ нимъ бесѣдовалъ и предложилъ ему дать письменный отвѣтъ на предложенные вопросы.

Привожу очень любопытный отвѣтъ Долгорукова въ точномъ переводѣ съ французскаго подлинника, нѣсколько отличномъ отъ напечатаннаго имъ своевременно въ «Колоколѣ».

*Парижъ,
3 апрѣля 1860 г.*

„Господинъ Посолъ,

„Вы меня пригласили заѣхать въ посольство и предложили мнѣ три вопроса, прося дать вамъ письменный отвѣтъ для представленія правительству.

1. Согласенъ ли я взять изъ продажи книгу мою: „La vérité sur la Russie?“.

2. Согласенъ ли я оставить Парижъ?

3. Считаю ли я себя русскимъ подданнымъ?

На первые два вопроса отвѣчаю рѣшительно: нѣтъ, на третій—да.

„Я выселился въ чужіе края по истинному глубокому убѣжденію быть полезнымъ моей родинѣ своими сочиненіями. Не повторяя здѣсь уже сказаннаго въ моей книгѣ, прибавлю лишь, что безъ гласности, самыя честныя, самыя благія намѣренія безсильны направить какую бы то ни было страну по пути прогресса. Моя эмиграція не есть результатъ минутнаго увлеченія. Въ мои лѣта такъ уже не увлекаются. Она есть развязка плана, издавна задуманнаго, занимавшаго меня въ теченіе многихъ лѣтъ и осуществленнаго съ величайшею осторожностью. Зарожденіе этого плана въ чувствѣ искренней, пламенной и безграничной привязанности моей къ родному краю, къ русскому народу, среди котораго я имѣлъ счастье родиться. Поселясь теперь въ чужихъ краяхъ, въ положеніи матеріально обезпеченномъ, я считаю долгомъ честнаго гражданина, долгомъ истиннаго русскаго писать о Россіи и говорить истину моему отечеству, безпредѣльно мною любимому.

Кн. Петръ Владиміровичъ
ДОЛГОРУКОВЪ.

„Книга моя „La vérité sur la Russie“ вовсе не направлена противъ личностей, но противъ злоупотребленій и существующаго у насъ печальнаго порядка вещей. Въ ней имя Его Величества Государя Императора Александра прозвучено не только съ чувствомъ почтенія, котораго онъ заслуживаетъ, но и съ чувствомъ признательности, столь понятной относительно государя, исполненнаго благихъ намѣреній. Въ совершенно независимомъ положеніи, въ которое я поставилъ теперь себя, слова мои, конечно, не могутъ быть приняты за голосъ лести, я могу говорить все, что думаю, и выраженія почтенія и признательности — отголосокъ чувствъ человѣка свободнаго, патріота истиннаго.

„Отказаться отъ жительства въ Парижѣ я не вижу никакой причины: напротивъ, на будущее время я буду ежегодно проводить въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

„Переимѣнить свою національность можно только по причинамъ самымъ важнымъ, особенно человѣку, любящему свое отечество, какъ я. Я считаю себя русскимъ подданнымъ, но, если бы русскому правительству пришла мысль меня преслѣдовать, то я принужденъ буду поставить себя подъ покровительство другой державы.

„На будущее время я предполагаю издать слѣдующія книги:

- 1) Россія съ 1847 по 1859 годъ.
- 2) Исторія заговора 14 декабря 1825 г.
- 3) Исторія Россіи.
- 4) Записки о Россіи, съ 1682 г. по 1834 годъ.
- 5) Біографическій и родословный словарь русскихъ фамилій.
- 6) Мои собственныя записки, начатыя въ 1834 г. (онѣ ускользнули отъ осмотра бумагъ моихъ въ III отдѣленіи въ 1843 г.) Эти записки не появятся въ свѣтъ вплоть ранѣе моей смерти.

„Примите господинъ посолъ изъясненіе моего почтенія

князь Петръ Долгоруковъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Долгоруковъ писалъ Киселеву еще и очень рѣзкую (уже по-русски) записку, повидимому, для передачи ее въ III Отдѣленіе, куда она въ дѣйствительности и попала.

„Князь Петръ Долгоруковъ, принявъ за правило вовсе не вмѣшиваться во французскую политику, не имѣетъ никакой причины предполагать, чтобы французское правительство, столь умное и благоразумное, стало дѣлать ему не-пріятности. Пока онъ въ Парижѣ, онъ будетъ щадить Императора Александра и царскую фамилію, но если бы онъ встрѣтилъ во Франціи препятствія къ печатанію своихъ книгъ, то онъ переселится въ Англію, гдѣ уже находятся всѣ его рукописи и бумаги. И тогда, переселясь въ Англію, онъ уже не будетъ щадить ни императора Александра, ни членовъ Россійскаго царскаго дома, предастъ гласности всѣ подробности ихъ частной жизни, ихъ взаимныхъ отношеній и о всѣхъ интригахъ петербургскаго двора.

„Не совѣтую русскому правительству меня задѣвать!

„Что же касается до сволочи, составляющей въ Петербургѣ царскую дворню, пусть эта сволочь узнаетъ, что значить не допускать до государя людей умныхъ и способныхъ. Этой сволочи я задамъ не только соли, но и перцу“.

Киселевъ на другой же день писалъ (по-французски) министру иностранныхъ дѣлъ, Горчакову:

„Князь Долгоруковъ, извѣстный по своимъ прежнимъ сочиненіямъ, только что издалъ въ Парижѣ скандальную книгу съ напыщеннымъ заглавіемъ: „La vérité sur la Russie“. Она должна быть отнесена къ числу самыхъ худшихъ памфлетовъ. Авторъ нападаетъ одинаково и на людей и на поступки, и, афектированно щадя особу нашего августѣйшаго повелителя, въ то же время недостойно изливаетъ свою жолчь на всѣ акты его и прошлаго царствованія. Подъ предлогомъ исцѣлить путемъ гласности, книга разоблачаетъ всѣ слабыя стороны нашего положенія. Пока онъ обсуждался только иностранными писателями, до тѣхъ поръ отсутствіе у нихъ основательныхъ знаній нашихъ порядковъ подрывало въ корнѣ авторитетность ихъ сужденій въ глазахъ иностранныхъ правительствъ и общества, заставляя думать, что они судятъ такъ по недоброжелательству или просто по непониманію. Подъ перомъ же русскаго автора и при томъ съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, эти слабыя разоблаченія получаютъ серьезное значеніе и придаютъ всей книгѣ цѣнность, которой она, безъ сомнѣнія, не имѣетъ, но которую ей придадутъ вышеупомянутыя исключительныя обстоятельства.

„Всѣ эти соображенія побуждаютъ меня послать вашему Сіятельству экземпляръ этой книги, являющейся къ тому же лишь прологомъ къ другимъ сочиненіямъ, составленнымъ въ томъ же духѣ. Своеобразные отзывы автора о разныхъ личностяхъ, вѣзодящихся въ настоящее время въ Парижѣ, заставили его вычеркнуть нѣкоторыя, но лишь послѣ того, какъ онъ чуть было не нарушилъ нѣсколькими дуэлями спокойную жизнь адѣйшей русской колоніи, состоящей изъ лицъ, пріѣзжающихъ сюда лѣчиться и отдыхать, а не ссориться и безчинствовать.

„Это отступленіе было необходимо, чтобы вы поняли дальнѣйшее.

„Не имѣя, по смыслу французскихъ законовъ, никакой власти надъ писателемъ, пока онъ не затрагиваетъ французскихъ учрежденій, кромѣ обращенія къ суду за диффамачію, что въ большинствѣ случаевъ только способствуетъ распространенію взглядовъ преслѣдуемаго автора, я принужденъ былъ ограничиться выраженіемъ князю Долгорукову моего личнаго мнѣнія какъ чиновника и какъ русскаго, о его памфлетѣ и его поведеніи. Вызавъ его въ посольство, я сначала откровенно высказалъ ему, какъ мнѣ прискорбно видѣть, что русскій такъ жестоко критикуетъ порядки своей страны и еще на иностранномъ языкѣ. Затѣмъ я сказалъ ему, выразивъ строгое порицаніе по поводу личныхъ намековъ, которые онъ себѣ позволилъ, что мое официальное положеніе вмѣняетъ мнѣ въ обязанность спросить его: 1. намѣренъ ли онъ изъять изъ обращенія выпущенную имъ книгу, 2. согласенъ ли онъ уѣхать изъ Парижа, гдѣ его присутствіе съ минуты на минуту можетъ вызвать оо-всѣмъ нежелательные инциденты и 3. не угодно ли ему заявить мнѣ, считатьъ ли онъ себя еще русскимъ подданнымъ государя императора.

„Отвѣты князя на два первые вопроса были, что онъ не можетъ изъять изъ обращенія книгу, болѣе 60 экземпляровъ которой онъ уже разослалъ своимъ друзьямъ и которая уже получила распространеніе вслѣдствіе соглашенія съ издателемъ, не встрѣтившимъ никакихъ затрудненій въ ея напечатаніи. Чѣмъ же до выѣзда изъ Парижа, то онъ предпочитаетъ жить въ немъ но чернѣзъ нѣсколько недѣль намѣревается съѣздить въ Англію, гдѣ у него

въ надежномъ мѣстѣ хранятся самыя важныя секретныя бумаги. На третій вопросъ онъ заявилъ, что не намѣренъ отъ него отказываться, если только его къ этому не принудятъ, что почина на себя онъ не возметъ и что принять, съ своей стороны, мѣры, не боится никакихъ шаговъ правительства.

„Такъ какъ онъ пустился въ длинныя разглагодованія о томъ, какъ заблаговременно подготавлилъ свой отъѣздъ и принималъ мѣры къ тому чтобы уѣхать изъ Россіи, уже запасшись всѣми книгами и документами, необходимыми для завершенія его политико-историческихъ трудовъ, то я прекратилъ разговоръ, прося его изложить свои отвѣты письменно. И вотъ честь мнѣю представить присланное мнѣ письмо.

„Дѣлая это, я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду узнать, какъ онъ намѣренъ поступать въ дальнѣйшемъ и въ какомъ направленіи должны дѣйствовать мы сами. Заканчивая нашъ разговоръ, я объявилъ кн. Долгорукову, что жду дальнѣйшихъ приказаній отъ правительства, но, съ своей стороны, уже теперь считаю наши отношенія прерванными и что какъ первое слѣдствіе этого моего рѣшенія, я отнынѣ буду лишенъ возможности видѣть его у себя. Во время нашего разговора я старался пробудить въ немъ лучшія чувства и привести его къ болѣе здравой и менѣе личной оцѣнкѣ нынѣшняго положенія Россіи. Онъ увѣрялъ, что дѣйствуетъ по своему глубокому убѣжденію и готовъ нести всѣ непріятныя послѣдствія. Безпристрастіе обязываетъ меня добавить, что онъ все время заявлялъ о своей преданности государю, передъ которымъ, по его словамъ, благоговѣть не изъ лести, какъ куртизанъ, а какъ независимый человѣкъ, и о своей преданности Россіи, которой, по его словамъ, желаетъ только учрежденій, подобныхъ существующимъ въ современной Франціи. Выраженіе этихъ чувствъ вы найдете и въ письмѣ, которое онъ мнѣ прислалъ. „Надо, говорилъ Долгоруковъ мнѣ между прочимъ,—чтобы государь узналъ правду и для того, чтобы трудъ, предпринятый мною, принесъ желанныя плоды, я долженъ былъ напечатать свою книгу на иностранномъ языкѣ передъ лицомъ Европы, которая одѣла только у насъ внушаетъ къ себѣ уваженіе. Гласность—единственное средство вывести насъ изъ нашего печальнаго положенія. И я ее проповѣдую и самъ подаю примѣръ. Наши социальные условія къ тому же обязывали меня сдѣлать это за границей, такъ какъ въ Россіи я не могъ бы издать этой книги“.

„Личная обида, задрѣтое самолюбіе, зависть, и желаніе мести, безъ сомнѣнія, не чужды оцѣнкамъ автора, который, желая добра своей странѣ, начинаетъ съ того, что волоочитъ ее по грязи передъ глазами иностранцевъ. По этому поводу онъ сознался мнѣ, что обхожденіе съ нимъ въ началѣ его карьеры, тѣ щелчки и удары, которые онъ постоянно получалъ, выражая желаніе привносить пользу своей родинѣ, толкнули его на тотъ путь, которымъ онъ теперь идетъ въ интересахъ своего отечества. Когда я далъ ему понять, что его могутъ у насъ лишить по суду его гражданскихъ правъ, онъ не задумался отвѣтить, что приготовленъ къ этому и снесетъ послѣдствія, но что серьезно ему это не повредитъ потому, что онъ слишкомъ высокъ. Преслѣдованіе могло бы довести дѣло до суда и придать книгѣ еще болѣе значенія, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Потому я воздержался отъ внимательства власти, которое въ давномъ случаѣ было бы бесполезнымъ. Но если объ этомъ заговаривать въ газетахъ, то я думаю обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ и просить его своимъ офиціознымъ вліаніемъ смягчить неблагоприятное для насъ впечатлѣніе. Но уже теперь долженъ сознаться, что

всѣ эти мѣры могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе, потому что на распущенную печать никакой узды не надѣнешь. Что касается личности самого автора книги, я не считаю важнымъ, будетъ ли онъ въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ и, если говорилъ съ нимъ объ этомъ, то лишь въ виду возможныхъ столкновеній и для того, чтобы заставить его объясниться на счетъ его дальнѣйшихъ намѣреній и узнать, насколько онъ цѣнитъ свою національность“.

Легко себѣ представить то непріятное положеніе, въ которое попалъ Киселевъ. Онъ принималъ у себя Долгорукова вплоть до выпуска въ свѣтъ скандальнаго памфлета, принималъ, несмотря на его таинственное исчезновеніе изъ Россіи. Правительство это знало, и только высокое положеніе, личное и служебное, парижскаго посла гарантировало его отъ непріятныхъ внушеній изъ Петербурга.

Любопытно, что Киселевъ на крайній конецъ готовъ былъ просить министра внутреннихъ дѣлъ напечатать въ нѣсколькихъ офиціозныхъ органахъ рѣзкую критику долгоруковской книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ все безсиліе этого средства. Странно, что онъ ничего не говоритъ о рѣзкой запискѣ, которую, однако, послалъ одновременно.

16 апрѣля депеша Киселева была доложена государю и, по его приказанію, послана Горчаковымъ шефу жандармовъ кн. Василю Долгорукову, съ которымъ предстоялъ разговоръ въ первый же докладъ. 24 апрѣля Александръ II приказалъ объявить Петру Долгорукову, чтобы немедленно возвращался въ Россію. Въ тотъ же день III Отдѣленіе просило министра юстиціи распорядиться о немедленномъ наложеніи запрещенія на имѣнія князя въ Тульской и Костромской губерніяхъ, которыми управлялъ тогда родственникъ его, кн. Юрій Вас. Толстой. При этомъ министра предупреждали, что при отъѣздѣ за границу Долгоруковъ оставилъ московскому банкиру Ценкеру доверенность на продажу костромскаго имѣнія.

По свидѣтельству одного очевидца, еще и нынѣ живущаго и пожелавшаго остаться въ неизвѣстности, «Правда о Россіи» произвела въ Петербургѣ, при дворѣ, ужасающее впечатлѣніе. Всѣ чувствовали, что Долгоруковъ можетъ поразсказать такую правду, которая была бы въдесятеро опаснѣе всякой фантастической лжи.

Его родственники, графиня А. С. П—нина, кн. М. А. М—ерская, кн. Н. П. М—ерскій и др., поспѣшили завѣрить Дворецъ въ своемъ полномъ антагонизмѣ съ княземъ Петромъ... Министры бѣгали и справлялись о цѣлости секретныхъ государственныхъ бумагъ. Кн. Горчаковъ далъ особыя наставленія по охранѣ государственнаго архива. Адлербергъ съ «Миной» крѣпко задумались...

Многихъ страшилъ конецъ записки, пересланной въ III Отдѣленіе, гдѣ говорилось о «сволочи»...

Узнавшая о книгѣ жена Долгорукова, Ольга Дмитріевна, поспѣшила адресоваться къ шефу жандармовъ съ жалобнымъ французскимъ письмомъ:

„Князь, всякое русское сердце должно страдать при оскорбленіи, которое хотятъ нанести его родинѣ, и надо жалѣть того, у кого нѣтъ ни любви, ни почитанія его родины. Не мнѣ обвинять моего мужа за его послѣдній поступокъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ причинъ, чтобы я и мой ребенокъ были принесены въ жертву его блажи, что должно, между тѣмъ, непременно случиться, если правительство не поспѣшитъ вмѣшаться и если оно не предприметъ *рѣшительныхъ* мѣръ, чтобы предотвратить потерю *последнихъ остатковъ* нашего состоянія.

„У меня *ничего* нѣтъ, князь, и, несмотря на это, въ моментъ столь тяжелаго испытанія я покойна, потому что моя святая вѣра въ божье правосудіе и въ правосудіе моего царя есть моя защита. Со времени рожденія моего ребенка я жила въ однихъ лишеніяхъ и перенесла самыя оскорбительныя клеветы и обвиненія, чтобы сохранить ему достойное его состояніе, охраняя его на каждомъ шагу отъ ужаснѣйшаго характера моего мужа. Если бы вы, мой князь, могли только знать все, что я вытерпѣла, вы, возвышенная и благородная душа, вы давнымъ давно сжалились бы надо мною, но признаюсь, моя гордость заставляла меня скрывать отъ *всѣхъ* болѣзненные раны моего сердца и я открывалась только моему Богу и моему государю, потому что я сохраняю святую вѣру, что они оба никогда не покинутъ ни преслѣдуемую сироту, ни его несчастную мать.

„Предполагаемымъ наслѣдникомъ моего мужа, если бы у него не было ни жены, ни ребенка, былъ бы нѣкій Юрій Толстой, человекъ, предки котораго могутъ служить подтвержденіемъ его характера, весьма мало уважительнаго и глубоко искательнаго, впрочемъ, достойно оцѣненнаго при министерствѣ двора и внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ въ самое послѣднее время посланъ моимъ мужемъ для продажи имѣній за ничтожную плату, уничтожавшую послѣдній источникъ для меня и сына.

„Находясь наканунѣ *крайней нищеты*, я прибѣгаю къ вамъ, князь, какъ къ джентельмену, какъ къ главѣ фамиліи, къ которой принадлежитъ мой сынъ, чтобы умолять васъ понять ужасъ моего положенія и чтобы вы довели объ этомъ до свѣдѣнія нашего обожаемаго монарха.

„Вго Величество съ его рыцарскимъ и отеческимъ сердцемъ, которыми отличается нашъ августѣйшій властитель, почувствуетъ, вѣрите мнѣ, глубже, чѣмъ кто либо, то *ужасное* будущее, которое грозитъ намъ безъ вмѣшательства его могущественной власти. Разрѣшеніемъ моему сыну проводить со мной нѣкоторое время въ болѣе мягкомъ климатѣ его величество даетъ жизнь моему сыну, но это разрѣшеніе было бы совершенной фикціей, если я буду нуждаться въ средствахъ существованія. И я предпочитаю, если необходимость меня осудитъ на то, зарабатывать средства своимъ трудомъ на родинѣ, чѣмъ въ чужихъ странахъ.

„Вы, мой князь, вы никогда не уклонялись съ пути чести. Неправда ли, вы поторопитесь довести до свѣдѣнія нашего справедливаго и милостиваго монарха факты таковыми, каковы они есть, и я остаюсь въ священной увѣренности, что въ такомъ случаѣ мое бѣдное дитя и я будемъ спасены“.

Шефъ жандармовъ ограничился очень лаконическимъ отвѣтомъ: письмо было доведено до свѣдѣнія государя, о чемъ и имѣю честь сообщить... Краткость, свидѣтельствующая о совершенномъ нежеланіи правительства путаться въ семейныя дѣла Долгоруковыхъ... Пови-

димому, Ольга Димитріевна не успокоилась на такомъ отвѣтѣ и добилась, всетаки, кое какой охраны своихъ матеріальныхъ обстоятельствъ, потому что потомъ Ланской извѣстилъ III Отдѣленіе о высочайшемъ повелѣніи наложить на имѣнія Долгорукова опеку, предоставивъ женѣ и сыну избрать со стороны ея опекуна.

Въ тотъ же день Долгоруковъ-жандармъ отвѣчалъ Юрію Толстому на его просьбу, заключавшуюся въ задержаніи сына Петра Владиміровича, Владиміра, бывшаго кадетомъ московскаго корпуса, котораго мать, подъ видомъ болѣзни, хочетъ везти за границу безъ разрѣшенія на это со стороны отца. Шефъ жандармовъ отвѣчалъ, что такъ какъ о болѣзни кадета «было сообщено одновременно и отцу и матери, послѣ чего первый молчитъ, а вторая немедленно пріѣхала изъ Лиссабона, то высочайше повелѣно считать молодого Долгорукова отданнымъ на попеченіе матери».

Черезъ нѣсколько дней главноуправляющій III Отдѣленіемъ получилъ письмо отъ гр. Якова Толстого, въ которомъ тотъ разсказывалъ, какъ оскорбившись отзывомъ о немъ въ «*La vérité sur la Russie*», онъ, по совѣту своихъ друзей, послалъ къ Долгорукову двухъ посредниковъ съ письменнымъ требованіемъ удовлетворенія. Долгоруковъ не призналъ себя виновнымъ. Тогда отъ него было потребовано объясненіе, данное безъ замедленія и найденное посредниками удовлетворительнымъ. Оба документа напечатаны въ «*Les Debats*» 11 апрѣля и приводятся мною здѣсь въ переводѣ:

ТОЛСТОЙ—ДОЛГОРУКОВУ

9 апрѣля 1860 г.

„Князь, въ только что въ выпущенной вами книгѣ на стр. 208 находятся фамилія и инициалъ, соотвѣтствующіе мнѣ. Я прекрасно знаю, что вы не желали говорить обо мнѣ, но чтобы не вводить читателей въ досадное заблужденіе, которое могло бы возникнуть по тому поводу, что, будучи въ 1843 г. корреспондентомъ министерства народнаго просвѣщенія, я послалъ вашу книгу, въ числѣ другихъ сочиненій, касающихся Россіи, г. министру безъ всякихъ комментаріевъ съ своей стороны, а называю къ вашему безпристрастію и прошу довести мое письмо до всеобщаго свѣдѣнія“¹⁾.

ДОЛГОРУКОВЪ—ТОЛСТОМУ.

„Милостивый Государь,

„Я получилъ ваше письмо отъ сегодняшняго утра. Авторъ, совершенно не помѣщающій собственныхъ именъ, или отмалчивающійся инициалами, или даже первыми буквами, не называетъ въ сущности никого. Слѣдуя вашему обращенію къ чувству моего безпристрастія, я спѣшу предать гласности ваше и мое письма“.

Одновременно Толстой сообщилъ, что тотчасъ же послѣ этого инцидента, его двоюродный братъ, генераль Кутузовъ-Толстой, тоже

¹⁾ Читатели первой моей статьи о Долгоруковѣ („Близко“ 1907 г. III) помнятъ это—„безъ всякихъ комментаріевъ“. Толстой послалъ книгу Петра Владиміровича не министру просвѣщенія, а своему истинному начальству—шефу жандармовъ.

считая себя указаннымъ авторомъ памфлета на стр. 92, написалъ ему точно такое же письмо, также послалъ его съ двумя посредниками и также получилъ удовлетворившій его отвѣтъ.

III.

Объявленіе высочайшаго повелѣнія о возвращеніи въ Россію необходимо было сдѣлать лично и для этого генеральный консулъ въ Лондонѣ, куда поѣхалъ Долгоруковъ, пригласилъ его къ себѣ на 12 мая. Петръ Владиміровичъ отвѣтилъ, что если консулъ имѣетъ сообщить ему что либо, то онъ проситъ его сдѣлать это 13 мая у себя въ отелѣ... Консулъ отвергъ такое приглашеніе и 12 мая сообщилъ письменно, что правительство требуетъ возвращенія князя въ Россію и ждетъ отъ него письменнаго увѣдомленія о полученіи этого предписанія. На слѣдующій день Долгоруковъ написалъ слѣдующій отвѣтъ:

Лондонъ,

13 мая 1860 г.

„Издавая мою книгу: „La vérité sur la Russie“ и объявляя о будущемъ изданіи мною другихъ книгъ, я дѣйствовалъ по внушенію искренней любви къ отечеству, но ни одной минуты не сомнѣвался, что моя откровенность и мой либеральный образъ мыслей навлекутъ на меня ненависть всѣхъ стародуровъ, равно и всѣхъ бюрократовъ, носящихъ либеральную маску, однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые живутъ злоупотребленіями или навлекаютъ изъ нихъ пользу. Ненависть подобныхъ людей приноситъ честь тѣмъ, которые ея удостаиваются. Но самые злѣйшіе враги мои никогда не отрицали во мнѣ нѣкоторой степени ума, и потому ясно, что человѣкъ въ мои лѣта не могъ сдѣлать такой глупости, чтобы не принять, высялаясь за границу, необходимыхъ мѣръ къ обезпеченію своего существованія. Такъ я и сдѣлалъ.

„Теперь спрашиваю: какую же *логическую* цѣль русское правительство можетъ имѣть въ виду, *предписывая мнѣ возвратиться въ Россію* и еще *немедленно*? Предполагать, что я повинуюсь этому приказанію, значитъ считать меня дуракомъ; отвѣтомъ на это можетъ быть только громкій смѣхъ! А такъ какъ я не возвращусь, то отдадутъ ли меня подъ судъ, подъ русскій судъ, который не что иное, какъ гнусная карриатура на правосудіе; приговорятъ ли меня къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь... Здѣсь, вопреки моей воли, не могу удержаться отъ смѣха! Пусть посмотрятъ въ моей книгѣ мнѣніе людей благоразумныхъ о правахъ состояній въ Россіи, о правахъ русскаго дворянства! Что же касается до приговора къ ссылкѣ въ Сибирь, то это для меня совершенно все равно, что если бы меня приговорили къ ссылкѣ на луну! Полагаю, что русское правительство не предается тому пошлѣнному заблужденію, чтобы воображать себѣ, что приговоръ русскихъ судовъ можетъ, хотя бы мало мальски, измѣнить мое общественное положеніе въ тѣхъ странахъ Европы, въ концы я буду имѣть пребываніе.

„Мнѣ 43 года; родился и жилъ я, подобно всѣмъ русскимъ дворянамъ, въ званіи привилегированнаго холопа, въ странѣ холопства всеобщаго. Это положеніе мнѣ опротивѣло, стало мнѣ тошно, и я рѣшился окончить дни мои въ странахъ свободныхъ, гдѣ бы на людей не взирали, какъ на барановъ,

принадлежащихъ такому или такому то семейству. Желая быть полезнымъ отечеству, я буду въ чужихъ краяхъ писать истину о Россіи и заниматься русскою исторіею. Я возвращусь въ отечество, но только тогда, когда порядокъ правленія, на законахъ основанный, заступитъ у насъ мѣсто самовласти и беззаконности. Если государь постигнетъ истинныя выподы своей династіи, если онъ захочетъ избѣгнуть опасностей и ужасовъ революціи, то онъ внимаетъ разумнымъ желаніямъ и законнымъ требованіямъ своихъ подданныхъ и даруетъ вамъ конституцію. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ неотразимый потокъ событій увлечетъ и съ корнемъ вырветъ въ Россіи нынѣшній порядокъ вещей. Получить ли мое отечество конституцію отъ государя, или революція своимъ насильственнымъ путемъ учинитъ у насъ реформы, которыя въ настоящее время еще зависятъ отъ правительства совершить мирно и спокойно, въ обоихъ случаяхъ я возвращусь въ Россію.

„Въ нашемъ вѣкѣ неоднократно видѣли, какъ политическіе эмигранты возвращались на родину, а члены правительства ихъ, дотошъ преслѣдовавшіе, обрекались на изгнаніе. Искренно желаю, чтобы домъ..., нынѣ возсѣдающій на престолѣ Всероссійскомъ, понялъ, наконецъ, гдѣ находятся его истинныя выгоды. Желаю, чтобы онъ снялъ, наконецъ, съ себя опеку царедворцевъ жадныхъ и неспособныхъ (минимая къ нему преданность конѣхъ не переживетъ годовъ его могущества); желаю, чтобы онъ учредилъ въ Россіи порядокъ правленія дѣльный и прочный, даровалъ бы конституцію и черезъ то отклонилъ бы отъ себя въ будущемъ неурядицу, во весьма возможную случайность протѣна Всероссійскаго престола на вѣчное изгнаніе...

Князь Петръ Долгоруковъ.*

Посланникъ призналъ это письмо столь неприличнымъ, что вернулъ его князю въ тотъ же день, доведя обо всемъ до свѣдѣнія правительства.

Долгоруковъ же рѣшилъ посмѣяться еще и надъ своимъ сородичемъ, шефомъ жандармовъ, и написалъ ему коротенькую записку:

«Почтеннѣйшій князь Василій Андреевичъ, вы требуете меня въ Россію, но мнѣ кажется, зная меня съ дѣтства, вы могли бы догадаться, что я не такъ глупъ, чтобы явиться на это востребованіе? Впрочемъ, желая доставить вамъ удовольствіе видѣть меня, посылаю вамъ при семъ мою фотографію, весьма похожую. Можете фотографію эту сослать въ Вятку или въ Нерчинскъ, по вашему выбору, а самъ я — ужъ извините — въ руки вашей полиціи не попадусь и ей меня не поймать!

Князь Петръ Долгоруковъ.*

Все это было доложено государю, отдавшему приказаніе поступить съ Петромъ Владиміровичемъ по всей строгости законовъ*.

IV.

Теперь Долгоруковъ увидѣлъ себя отрѣзаннымъ отъ родины навсегда, и ему съ особенной остротой захотѣлось во что бы то ни

стало стать въ положеніе обличителя текущей жизни своего отечества. Лавры Герцена не давали покоя. На континентѣ не было второго «Колокола».

Очень скоро онъ вошелъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ книжной фирмы Франка—Фивегомъ и принялъ на себя редактированіе русскаго журнала «Будущность». Онъ выходилъ нерегулярно, иногда номеръ отъ номера черезъ нѣсколько дней, иногда—черезъ два мѣсяца. Размѣръ журнала тоже колебался, но въ среднемъ былъ немного меньше «Колокола». Первый номеръ вышелъ 15 сентября 1860 г. и былъ напечатанъ въ Лейпцигѣ. Въ передовой статьѣ Долгоруковъ высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Россіи, совершенно совпадавшій со сказаннымъ въ «La vérité sur la Russie». При этомъ онъ заявилъ: «мы не любимъ ни революцій, ни революціонеровъ, въ особенности тѣхъ, которые являются защитниками старыхъ злоупотребленій, защитниками отжившаго порядка вещей и врагами потребностей современныхъ». «Единственная цѣль наша—истина и въ этомъ отношеніи мы будемъ слѣдовать примѣру лондонскаго «Колокола». Политическія мнѣнія издателей «Колокола» совершенно расходятся съ нашими: они социалисты, но мы глубоко уважаемъ А. И. Герцена и Н. П. Огарева за ихъ душевное благородство, за ихъ высокую благонамѣренность и за ту истинную пользу, которую приносятъ «Колоколь», усердный обличитель всякой неправды».

Отношеніе къ русскому императору было все еще доброжелательное. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Долгоруковъ взывалъ къ нему: «Государь! Вы человѣкъ добрый и честный, вамъ лично не только никто не желаетъ малѣйшаго зла, но всѣ желаютъ вамъ добра. Но рабами оставаться мы не намѣрены! мы хотимъ быть людьми свободными, оставаясь вашими вѣрными подданными, но не холопами, какъ нынѣ. Добрый и честный государь, васъ со всѣхъ сторонъ обманываютъ и обкрадываютъ. Выйдите сами и насъ выведите изъ положенія унижительнаго, дайте русскимъ свободу гражданскую и политическую, и потомство благословитъ имя Александра II, которое тогда возсіяетъ въ исторіи выше именъ всѣхъ русскихъ государей. Дайте намъ конституцію или—по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ мы сами введемъ ее въ Россіи»...

Манифестъ 19 февраля 1861 г. Долгоруковъ привѣтствовалъ горячо: «Да благословитъ Господь Бога добраго, честнаго царя!» и т. д. «Будущность». заявляла, что

„Корень зла въ Россіи гнѣздится не въ людяхъ, а въ образѣ правленія. Какихъ людей ни назначай, при нынѣшнемъ образѣ правленія они не въ состояніи будутъ совершать ничего дѣльнаго и прочнаго. Улучшить этотъ образъ правленія, отжившій и гнилой, людямъ невозможно, а онъ, между тѣмъ, портитъ хорошихъ людей. Необходима перемѣна въ образѣ правленія въ Россіи. Два пути предстоятъ въ Россіи: одинъ мирный и блистательный; это перемѣна, совершенная самимъ Государемъ, если онъ, принявъ себѣ въ образецъ просвѣщеннѣйшихъ монарховъ Европы въ девятнадцатомъ вѣкѣ, даруетъ Россіи государственную грамоту свободы (конституцію). Другой путь—бурный, исполненный тревоженій и опасностей: если Государь не захочетъ или не сумѣетъ

спасти своей династии, не даст грамоты государственной свободы; тогда реформа совершится в России путем революционнымъ, чего, Боже, упаси! но къ чему Россія въ случаѣ упорства или ошибокъ Государя, будетъ неминуемо и неизбежно приведена логическимъ, неотразимымъ ходомъ событій. Этого именно мы желали бы избѣгнуть“.

„Девизъ нашего изданія—монархія конституціонная, основанная на слѣдующихъ началахъ:

1) Власть законодательная должна быть раздѣлена между Государемъ, думою Земскою и думою Воярскою;

2) Дума Земская должна быть составленною изъ выборныхъ людей земли русской, избранныхъ на извѣстный срокъ;

3) Дума Воярская можетъ быть составленною изъ членовъ пожизненныхъ, отчасти по назначенію Государя, отчасти по выбору думы Земской;

4) всѣ повелѣнія и распоряженія Царскія должны быть подписаны министромъ; иначе никто не обязанъ ихъ исполнять;

5) Государь не даетъ отвѣта никому, но Министры должны отвѣчать передъ думою Земскою за всякое незаконное дѣйствіе свое и за всякую противозаконную подпись свою;

6) Дума Земская должна опредѣлять государственные доходы и получать полный и безграничный отчетъ въ государственныхъ расходахъ;

7) никакой налогъ, никакая пошлина не должны быть взимаемы безъ согласія думы Земской;

8) тѣлесныя наказанія должны быть уничтожены;

9) всѣ русскіе должны быть равны передъ закономъ;

10) въ Россіи должна быть полная свобода вѣроисповѣданія;

11) никто не долженъ быть арестованъ безъ преданія суду, правильному и законному;

12) военнымъ судомъ должны быть судимы только военные, и въ такихъ только дѣлахъ, гдѣ нѣтъ соприкосновенныхъ лицъ не военнаго званія;

13) судопроизводство должно быть гласнымъ и публичнымъ съ присяжными и съ адвокатами;

14) мѣстная администрація должна быть основана на выборномъ началѣ, равномъ для всѣхъ русскихъ безъ исключенія;

15) предварительная цензура должна быть отменена;

16) необходимы: гласность бюджета и публичность засѣданій обеихъ думъ: Земской и Воярской“¹⁾.

По вспыхнувшему польскому вопросу Долгоруковъ высказывался тоже въ духѣ тогдашнихъ конституціоналистовъ. Русскому правительству онъ совѣтовалъ возстановить въ Польшѣ конституцію 1815 г. и немедленно даровать конституцію Россіи, а полякамъ—не требовать болѣе того, на что они имѣютъ право, не претендовать на коренныя русскія губерніи до береговъ Двины, Днѣпра и Чернаго моря, потому что, даровавъ конституцію, правительство всегда сможетъ опереться на весь народъ въ увѣренности, что каждый русскій будетъ защищать свой родной край.

„Будущность“ нельзя и сравнить съ „Колоколомъ“ по ихъ вліянію въ Россіи. Первая была почти исключительно личнымъ голосомъ

¹⁾ № 1-й.

редактора, второй—отголоскомъ либеральной русской массы. Органъ Долгорукова и не слѣдилъ такъ за текущей жизнью, какъ это дѣлалъ «Колоколъ». Въ нѣкоторыхъ номерахъ «Будущности» нѣтъ буквально строки на злобу дня, «Колоколъ» былъ полонъ ею. Не говорю уже о талантливости лондонской редакціи сравнительно съ парижской. Но во всякомъ случаѣ Долгоруковъ дѣлалъ свое дѣло недурно, если принять во вниманіе центръ тяжести его журнала: очень освѣдомленный о жизни двора и бюрократическихъ верховъ, лично знавшій половину камарилы съ малыхъ лѣтъ, слыхавшій массу такихъ вещей, о которыхъ имѣли понятіе развѣ только единицы, Долгоруковъ былъ страшенъ правительству постоянными разоблаченіями всевозможныхъ интригъ и закулисныхъ дразгъ среди выдающихся его членовъ; своими біографіями Муравьева-Вѣшателя, Тимашева, Ланского и др. Долгоруковъ вскрывалъ многое, безъ него надолго, если не навсегда оставшееся бы неизвѣстнымъ. «Будущность» пользовалась большимъ успѣхомъ въ Европѣ, всегда больше интересовавшейся русскимъ дворомъ и камарилей, чѣмъ народомъ.

Не даромъ Александръ II находилъ «Колоколъ» лучше долгоруковскихъ изданій, говоря для прикрытія истинныхъ чувствъ, что Герценъ иногда хоть что нибудь предлагаетъ дѣльное, а Долгоруковъ только бранится... ¹⁾).

Лично, какъ публицистъ, Долгоруковъ не обнаружилъ выдающагося таланта. Его языкъ не обладалъ и половиной остроты и красочности Герцена, формы его были грубы и стары, но и въ этомъ отношеніи князь былъ не такъ плохъ, какъ казался нѣкоторымъ. Разумѣется, онъ всегда копировалъ Герцена, но иногда настолько хорошо, что заимствованіе нужно было простить. Кромѣ того, у него нельзя отнять серьезной исторической подготовки, позволявшей знать многое, чего не знали его современники.

Послѣдній номеръ «Будущности» вышелъ 31 декабря 1861 г. Журналъ прекратился, благодаря стараніямъ русскаго посольства. Оно вошло въ соглашеніе съ Линднеромъ и Герольдомъ, преемниками Фивега, продавашаго имъ свой магазинъ. Первый изъ нихъ скоро умеръ, а второй издалъ книгу о царствованіи Александра II, написанную по заказу чиновникомъ французскаго военнаго министерства Фурместро ¹⁾ и заявилъ Долгорукову, что прекращаетъ изданіе журнала, не желая дѣлать непріятнаго петербургскому правительству.

V.

Въ концѣ ноября 1861 г. Долгорукову пришлось испытать не мало непріятныхъ минутъ, благодаря веденному противъ него гражданскому процессу со стороны князя Воронцова. Дѣло это настолько въ свое время на шумѣло и пользовалось вниманіемъ не только Европы, но и Россіи, съ другой стороны—оно бросаетъ на честь Долгорукова

¹⁾ «Русская Старина», 1891 г., VI. 725.

²⁾ E. Fourmestranx. Etude sur Alexandre II. Paris. 1862.

такое тяжкое обвинение, что его необходимо изложить здѣсь съ соотвѣтствующей полнотой.

Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго изданія «La vérité sur la Russie» въ парижской газетѣ «Kourrier du Dimsnche», 29 апрѣля 1860 г., была помѣщена библиографическая замѣтка о ней за подписью А. Мишенскаго. Рецензентъ писалъ между прочимъ:

„Недавно мы имѣли намѣреніе приступить къ разбору одной книги, которая съ перваго взгляда казалась намъ очень любопытной. Содержаніе ея — родословныя біографіи аристократическихъ родовъ одной иностранной земли. Но вдругъ намъ сообщили письмо отъ автора этой книги къ одному изъ значительныхъ лицъ, родословная котораго должна была появиться въ его сочиненіи. Этимъ письмомъ категорически предлагалось заплатить автору сумму въ 50 т. рублей, за что онъ обязывается уничтожить бывшіе у него документы, дѣлавшіе, по его мнѣнію, сомнительнымъ прямое происхождение и родъ того лица, къ которому письмо было обращено. Это лицо, въ благородномъ негодованіи, видя въ такомъ предложеніи постыдную продѣлку, велѣло снять фотографическіе снимки съ наглой записки автора и разослало ихъ въ тысячахъ экземпляровъ. Одинъ изъ этихъ снимковъ попалъ къ намъ въ руки и, показавъ намъ нравственное значеніе писателя, заставилъ насъ отказаться отъ задуманнаго разбора его сочиненія, которое въ нашихъ глазахъ было не что иное, какъ низкій насквиль“.

Дальше шли похвалы «La vérité sur la Russie», которую Мишенскій находилъ все-таки заслуживающей серьезнаго вниманія.

6 мая въ той же газетѣ былъ помѣщенъ отвѣтъ Долгорукова, въ которомъ находимъ такое мѣсто:

„Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ Россіи я надалъ на русскомъ языкѣ 4 тома родословныхъ. Это сочиненіе возбудило много неудовольствій и создало мнѣ многочисленныхъ враговъ. Въ числѣ лицъ, древнее родопроисхожденіе которыхъ невозможно было допустить и котораго они между тѣмъ добивались, былъ фельдмаршалъ князь Михаилъ Воронцовъ. Въ 1856 г. онъ въ послѣднюю свою бытность въ Петербургѣ не переставалъ зансикать и просить меня, чтобы въ 4 томѣ, который я готовился выдать въ свѣтъ, я сказалъ, что теперешніе Воронцовы происходятъ отъ древнихъ бояръ Воронцовыхъ (фамилія которыхъ исчезла въ концѣ XVI вѣка). Онъ утверждалъ мнѣ, что въ доказательство имѣетъ документы. Я зналъ, что это домогательство его противно истинѣ, но не могъ въ немъ прямо отказать изъ уваженія къ сѣдымъ волосамъ восьмидесятилѣтняго старца. Поэтому всякій разъ, когда онъ мнѣ объ этомъ говорилъ, я отвѣчалъ, что очень желаю бы видѣть и разобрать документы, на которые онъ ссылался. Послѣ того я поѣхалъ въ деревню и, рассчитывая по возвращеніи въ Петербургъ, печатать свой 4 томъ, сталъ приличнымъ, съ своей стороны въ память любезностей, оказанныхъ мнѣ фельдмаршадомъ, написать ему о скоромъ появленіи этого тома и выразить искреннее сожалѣніе, что не могу удовлетворить его желанію, такъ какъ онъ не доставилъ мнѣ случая видѣть документы“.

Далѣе Долгоруковъ излагалъ, какъ онъ былъ огорошенъ, когда въ отвѣтѣ Воронцова нашелъ упоминаніе о какой то запискѣ, вложенной въ его письмо къ фельдмаршалу, въ которой говорилось о

какихъ то 50,000 рубляхъ за исполненіе его завѣтнаго желанія. Онъ просилъ Воронцова немедленно прислать ему эту наглую записку, чтобы принять мѣры къ отысканію ея автора. Кромѣ того, вернувшись въ Петербургъ, онъ отправился къ шефу жандармовъ, просилъ доложить обо всемъ государю и ходатайствовать о назначеніи немедленнаго слѣдствія. Жандармскій начальникъ отнесся къ дѣлу довольно равнодушно, сказавъ, что Воронцовъ, какъ андреевскій кавалеръ и фельдмаршалъ, избавленъ отъ всякаго слѣдствія. Черезъ нѣсколько дней Воронцовъ умираетъ. Дѣло это, казалось, предано было забвенію...

Рецензія Мишенскаго и отвѣтъ на нее Долгорукова дали поводъ сыну Воронцова начать дѣло противъ Долгорукова. Передавъ процессъ въ руки парижскаго адвоката Матье, онъ обратился въ гражданскій судъ, избѣгнувъ такимъ образомъ уголовного суда присяжныхъ. На гражданскій судъ, состоявшій изъ чиновниковъ, несомнѣнно, могъ вліять президентъ законодательнаго корпуса, Шарль Морни, женатый на княгинѣ Трубецкой, родной племянницѣ княгини М. В. Воронцовой. Долгорукова защищаль адвокатъ Мари. Матье старался доказать, что записка о деньгахъ была написана самимъ Долгоруковымъ и въ доказательство ссылался на сходство почерковъ письма Долгорукова и анонимной записки. Мари доказывалъ невозможность такого случая и указывалъ на политическую сторону процесса: именитое, но не признанное древнимъ, родовымъ, русское дворянство мстило Долгорукову, для чего пользовалось очень некрасивыми средствами. Дѣйствительно, въ почеркахъ письма и записки было сходство, но мы уже знаемъ, напримѣръ, изъ процесса Чернышевскаго ¹⁾, какой это скользкій путь при опытности поддѣлывателя почерковъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, 3 января 1862 г., судъ призналъ Долгорукова поносителемъ чести фельдмаршала Воронцова, клеветникомъ и авторомъ анонимной записки, вслѣдствіе чего присудилъ его къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и къ опубликованію приговора на его счетъ въ пяти временныхъ изданіяхъ, по выбору Воронцова ²⁾.

Очень трудно взять на себя смѣлость высказать истинное и справедливое рѣшеніе о томъ, кто былъ правъ въ данномъ случаѣ. Но вотъ доводы въ пользу Долгорукова. Первый и самый, по моему, вѣскій, это—его дальнѣйшія отношенія съ Герценомъ. Еще непосредственно послѣ процесса Герценъ написалъ въ «Колоколѣ» всего лишь нѣсколько строкъ, которыя указываютъ на безусловную симпатію его

¹⁾ См. мою о немъ работу.

²⁾ Всѣ эти подробности я изыскала изъ нѣсколькихъ источниковъ: „Процессъ кн. Воронцова противъ кн. Долгорукова. Рѣш. г. Матье, адвоката кн. Воронцова, произнесенная въ засѣданіи первой палаты гражданского суда въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго. Берлинъ, 1862 г. „Журналъ Министерства Юстиціи“ 1862 г. Май: статья Л. Ближнера въ „Свободномъ Словѣ“; Le prince P. Dolgoroukow contre le prince Worontzow. Plaidoyer de M-e Marie defenseur du prince Dolgoroukow“. Paris. 1861 г.; Procès du prince P. Dolgoroukow contre le prince Worontzow. Plaidoyers et observations de M-e Marie, defenseur du prince Dolgoroukow, devant le tribunal civil de la Seine“. Leipzig. 1862; „Procès du prince Worontzow et le Courier du Dimanche. Tribunal civil de la Seine, première instance. President: M. Benoit—Champy. Procureur Imperial M. S. Dumas. 1861—1862“. Paris. 1862,—и др.

къ Долгорукову. Вотъ онѣ: «До насъ доходятъ крики радости русской аристократической сволочи, живущей въ Парижѣ, о томъ, что, натянувши всевозможныя вліянія, имъ удалось получить какое-то бессмысленно осужденіе кн. Долгорукова. Не знаемъ, насколько прилична или неприлична эта радость—нравы передней намъ мало знакомы. Но что французскимъ юристамъ не до смѣха отъ такого приговора, въ этомъ мы увѣрены. Процессъ этотъ дѣлаетъ своего рода черту въ ихъ традиціи. *Независимые* отъ положительныхъ доказательствъ судъ рѣдко поступалъ,—внѣ той страны, въ которой судьи избираются изъ русской аристократической сволочи, живущей въ Россіи»... ¹⁾ Если даже объяснять эту замѣтку поспѣшностью, съ которою «Колоколъ» высказался по злободневному вопросу, недостаточно въ немъ разобравшись—чего на самомъ дѣлѣ не могло быть,—то нѣтъ сомнѣнія, что если бы Александръ Ивановичъ въ послѣдствіи имѣлъ достаточно сильное убѣжденіе въ виновности Долгорукова, онъ не только не велъ бы съ нимъ пріятельскаго знакомства, но просто не подавалъ бы руки. И сдѣлалъ бы это, прибавлю, не только въ силу личной порядочности и отвращенія къ шантажистамъ, но и въ видахъ поддержанія своего достоинства передъ лондонскимъ и русскимъ обществомъ. Второй доводъ: неужели Долгоруковъ не зналъ, какого козыря даетъ Воронцову вложеніемъ грязнаго анонима въ свое письмо? Неужели онъ не понималъ, что этимъ онъ губитъ себя на всю жизнь?.. На такія вещи могъ пуститься только круглый глупецъ и негодяй да притомъ до нельзя нуждавшійся въ деньгахъ. Долгоруковъ никогда не былъ милліонеромъ, но и никогда не нуждался, обладая достаточными, особенно по тому времени, средствами. Наконецъ, третье соображеніе: вся жизнь Долгорукова говоритъ о его неровности, сумасбродствѣ, честолюбіи, горячности, невыдержанности и пр., но нѣтъ никакихъ основаній обвинять его въ подобныхъ подлостяхъ.

Вскорѣ послѣ приговора парижскаго суда имя Долгорукова фигурировало гласно въ другомъ приговорѣ, уже російскаго производства.

Въ іюлѣ 1861 г. закончилось судебное производство дѣла начатое въ черномъ уѣздномъ судѣ Тульской губерніи, затѣмъ переданное на ревизію тульской палаты уголовного суда, потомъ въ сенатъ и, наконецъ, въ государственный совѣтъ. Въ первой инстанціи преступленіе Долгорукова было квалифицировано, во-первыхъ, какъ неповиновеніе правительству, во-вторыхъ—оскорбленіе Величества въ возвращенномъ лондонскимъ консуломъ письмѣ. Поэтому уѣздный судъ постановилъ: лишить его всѣхъ правъ состоянія и признать вѣчнымъ изгнанникомъ изъ предѣловъ государства, а буде возвратится въ Россію—сослать въ каторжныя работы на заводахъ на восемь лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда. Палата не нашла возможнымъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ, потому что составъ второго преступленія за возвращеніемъ письма Долгорукову и отсутствіемъ копій съ него не опредѣленъ и потому постановила: лишить Петра Владиміровича княжескаго достоинства (sic !) и всѣхъ правъ

¹⁾ № 119, отъ 15 января 1862 г.

состоянія и изгнать изъ предѣловъ отечества навсегда. Тульскій губернаторъ согласился съ послѣднимъ рѣшеніемъ. Иначе посмотрѣлъ на дѣло сенать, состоявшій тогда (по первому отдѣленію шестого департамента) изъ генераль-лейтенантовъ: барона Х. Х. фонъ-дербъ-Ховена, И. С. Тимирязева, П. К. Мердера, В. И. Пестеля, И. Н. Хотяинцева и В. М. Самарина.

Господа сенаторы, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла и опредѣленія суда и палаты, признали «излишнимъ подчинять дѣло сіе формальностямъ въ законѣ установленнымъ»... и нашли, что Долгоруковъ виновенъ во-первыхъ, въ томъ, что ослушался вызова правительства и, во-вторыхъ, въ неуваженіи требованія императорскаго консула. За первое преступленіе онъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства, а за второе подлежалъ бы строгому наказанію, если бы отвѣтъ его былъ сообщенъ суду, а не возвращенъ самому обвиняемому. Государственный совѣтъ утвердилъ сенатское опредѣленіе, а государь согласился съ мнѣніемъ совѣта 5 іюля 1861 года.

Долгоруковъ узналъ объ этомъ тотчасъ же и очень рѣзко отвѣтилъ сенаторамъ, назвавъ ихъ именемъ упрямаго животнаго... Другимъ его отвѣтомъ русскому суду былъ выпускъ русскаго перевода «Правды о Россіи», напечатаннаго двумя томиками, очень портативными, въ Парижѣ.

Когда же, спустя восемь мѣсяцевъ послѣ высочайшаго утвержденія—очевидно, послѣ продолжительнаго раздумыванія, какъ поступить—приговоръ былъ опубликованъ въ русскихъ газетахъ, Петръ Владиміровичъ рѣшилъ отвѣтить правительству въ лицѣ самого Александра II.

Вотъ его отвѣдъ, напечатанная одновременно по-французски и по-русски.

Государь,

„Вчера прочелъ я въ русскихъ журналахъ рѣшеніе Московскаго Сената, подтвержденное Государственнымъ Совѣтомъ, и приговаривающее меня, за отказъ возвратиться въ Россію, къ лишенію княжескаго титула и правъ состоянія, и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ отечества. Рѣшеніе это, подтвержденное В. В. 5 іюля 1861 года, то есть восемь мѣсяцевъ тому назадъ, никогда не было мнѣ объявлено, и дошло до моего свѣдѣнія черезъ послѣдніе ЖЖ русскихъ журналовъ.

„Государь, строки эти пишу я безъ всякой желчи, безъ малѣйшаго раздраженія, и доказательство тому, что вчера вечеромъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ прочтенія мною приговора, находясь въ ежемѣсячномъ засѣданіи Французскаго Общества Политической Экономіи, гдѣ зашла рѣчь объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи, я хвалилъ В. В., и воздавалъ должную справедливость тѣмъ чувствамъ, которыя побудили Васъ предпринять эту благоуголную реформу.

„Вы видите, Государь, что я не дѣлаю Вамъ оппозиціи систематической, предвѣренной, и никогда дѣлать не буду... Но будучи преданнымъ сыномъ родины моей, моя искренняя, горячая любовь къ отечеству, въ совокупности съ независимостію моего положенія, возлагаютъ на меня, по моему мнѣнію, обязанность, подѣль часть весьма тяжкую, доводить до гласности истины, подѣль часть весьма непріятныя...

„Государь, приговоръ, противъ меня произнесенный, не можетъ посягнуть не только на мою честь, но даже ни на мою свободу, ни на мое вещественное благосостояніе. Но именно потому, что я нахожусь въ положеніи отъ Васъ независимомъ, я считаю долгомъ, Государь, для пользы Вашихъ подданныхъ, указать В. В. и на безобразіе, истинно-азиатское, съ какимъ противъ меня поступлено, и на смѣшную сторону произнесеннаго приговора.

„Выселился я изъ Россіи добровольно (Вамъ это извѣстно, Государь), съ цѣлію свободно писать и печатать, а приговоръ объявляетъ меня изгнаннымъ навсегда изъ страны, въ которомъ, конечно, я и безъ того никакъ бы не возвратился дотолѣ, пока образъ правленія и политическое устройство не были бы совершенно преобразованы... Не внушаетъ ли смѣха подобный приговоръ?...

„Приговоръ объявляетъ меня лишеннымъ правъ состоянія. Государь, въ моей книгѣ: „Правда о Россіи“, я оцѣнилъ по достоинству права состоянія и мнимыя привиллегіи русскаго дворянства. В. В. согласитесь, что съ тѣхъ поръ какъ эти мнимыя привиллегіи были даны, ровно сто лѣтъ тому назадъ, единственная привиллегія, непоправная правительствомъ, единственная, имъ соблюдаемая, и заключалась въ томъ, что вмѣсто сѣченія публичнаго, употребляемаго для крестьянъ, дворянъ сѣкли втихомолку, въ тайной полиціи. В. В. не удивитесь, узнавъ, что я не намѣренъ возвращаться для пользованія подобною привиллегіею...

„Приговоръ объявляетъ меня лишеннымъ княжескаго достоинства. Государь, къ нашъ вѣкъ, титулъ, не сопряженный съ политическими правами, не значить ровно ничего, и я своимъ княжескимъ титуломъ не дорожу ни на волосъ, но отнять его у меня Вы не въ правѣ: предки мои не получили титула этого отъ Вашихъ предковъ, но пользовались имъ потому, что сами были Государями и владѣли подданными, точно такъ, какъ Вы нынѣ владѣете Вамъ извѣстно, Государь, что предки мои были Великими Князьями, и управляли Россіею въ то время, когда предки В. В. еще не были и графами Ольденбургскими...

„Въ официальномъ актѣ, изданномъ правительствомъ, не должно быть ничего, кромѣ истины. Но въ моемъ приговорѣ сказано, будто В. В. повелѣли мнѣ возвратиться, имѣя въ виду неблагопріятныя свѣдѣнія о моихъ дѣйствіяхъ за границею. Вамъ извѣстно, Государь, что повелѣніе возвратиться послано было мнѣ въ слѣдъ за появленіемъ моей книги: „Правда о Россіи“. До появленія въ свѣтъ этой книги, я находился въ самыхъ лучшихъ сношеніяхъ съ посломъ В. В. въ Парижѣ. Графъ Киселевъ—человѣкъ почтенный, онъ знаетъ меня слѣшкомъ двадцать лѣтъ, и если-бы обо мнѣ были „неблагопріятныя свѣдѣнія“, то онъ, конечно не находился бы со мною въ такихъ хорошихъ сношеніяхъ, какія существовали между нами до самого дня появленія въ свѣтъ „Правда о Россіи“. Слова, помѣщенные въ приговорѣ—чистая ложь, а ложь, которая срамить частныхъ лицъ, позоритъ правительство! Государь! употребленіе клеветы слѣдуетъ предоставить тѣмъ подлецамъ, для коихъ она доставляетъ орудіе мщенія политическаго или мщенія личнаго, но правительству, имѣющему во главѣ своей честнаго человѣка, подобнаго В. В., никогда не слѣдуетъ прибѣгать къ этого рода продѣлкамъ.

„Приговоръ обо мнѣ составленъ былъ въ министерствѣ юстиціи, гдѣ не хотѣли объявить гласно, что я печатаю въ Россіи и что за это именно послано мнѣ повелѣніе возвратиться. Какая дѣтская трусость, и тупоумная и

смѣшная вѣсть! Изданія мои ходятъ по всей Россіи, и еще на дняхъ получить я изъ Иркутска письмо, въ коемъ идетъ рѣчь о нихъ.

„Въ приговорѣ сказано, что В. В., пославъ мнѣ повелѣніе возвратиться, повелѣли между тѣмъ на мое имѣніе наложить запрещеніе. Государь, для приобрѣтенія свободы и независимости я пожертвовалъ, предназначенно, частію своего состоянія, и считаю себя счастливымъ, что могъ это сдѣлать: свобода, первое изъ благъ земныхъ—достойна всякихъ жертвованій, но считаю долгомъ замѣтить В. В., что секвестры и конфискація есть мѣры, неприличныя для правительства, имѣющаго притязаніе на уваженіе, имѣющаго притязаніе на образованность! Налогать запрещеніе на имѣніе человека, прежде чѣмъ знать, повинется ли онъ или нѣтъ посланному ему повелѣнію возвратиться, значитъ наказывать прежде совершенія проступка. Этимъ нарушаются и всякая справедливость, и всякое приличіе.

„Въ приговорѣ сказано, что Сенатъ напелъ излишнимъ подчинять сіе дѣло формальностямъ, въ такихъ и такихъ то статьяхъ уголовныхъ законовъ установленнымъ (!!!). Государь, во всемъ томъ, что мнѣ случалось писать о русскихъ судахъ, нѣтъ ничего столь удивительнаго, столь характеристичнаго—какъ этотъ поступокъ Сената! Какъ! Присутственное мѣсто объявляетъ, что считаетъ излишнимъ соблюдать законы! Послѣ этого спрашиваю, правду или нѣтъ напечаталъ я, говоря, что въ Россіи законы издаются лишь съ цѣлію морочить Европу? Вѣдь иначе не поступили бы въ самой Азіи? Представляю общественному мнѣнію образованнаго міра произнести свой приговоръ надъ наглостію и нахальствомъ русскихъ сенаторовъ...

„Государь, имѣю честь почтительно довести до свѣдѣнія В. В., что твердо намѣренъ продолжать идти по избранному мною пути; что буду продолжать печатать истину, обличать злоупотребленія и злоупотребителей, буду заниматься русскою исторіею, и что возвращусь въ Россію тогда только, когда въ ней исчезнутъ произволъ и самодержавіе.

„Взгляните, государь, до чего самодержавіе довело Россію? Вы имѣете доброе сердце, и не властны помѣшать Вашимъ чиновникамъ и Вашимъ приближеннымъ совершать дѣла гнусныя! Вы честный человекъ, и не властны защитить подданныхъ своихъ отъ грабежа! Вы благородный человекъ, а между тѣмъ свобода совѣсти, свобода вѣроисповѣданія попираемы самымъ гнуснымъ образомъ! Вы царствуете надъ самою обширною Имперіею въ Европѣ, а казачество Ваше пусто! Вы имѣете семьдесятъ пять милліоновъ подданныхъ и не въ силахъ вести войны, потому что у Васъ нѣтъ ни денегъ, ни правильной администраціи! Вы носите титулъ самодержца, а невластны заставить исполнять своей воли; невластны искоренять злоупотребленія! Помѣщики раззорены; торговли раззорены; крестьяне угнетены и недовольны; всюду въ Россіи жалуются; недовольство всеобщее...

„Государь! подробный порядокъ вещей не можетъ устоять; онъ ведетъ Россію къ переворотамъ; онъ ведетъ насъ, русскихъ, къ бѣдствіямъ; онъ ведетъ Вашу династію къ паденію и къ изгнанію! Отъ Васъ зависитъ, Государь, спасти насъ и спасти себя отъ этихъ опасностей. Провозгласите уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній; провозгласите равноправіе передъ законами, свободу вѣроисповѣданія, свободу личную; уничтоженіе конфискацій и секвестровъ; созовите Земскую Думу изъ выборныхъ людей всего земства; учредите въ Россіи представительный образъ правленія; составьте сообща съ Думою Земскою мудрый Государственный Уставъ; даруйте свободу книгопечатанія, безъ

какой всѣ прочіе виды свободы останутся лишь призраками,—и Вы, Государь, сдѣлаетесь благодѣтелемъ Россіи! Что потеряете Вы? Титулъ самодержца? Но титулъ этотъ не представляетъ Вамъ ровно никакой существенной власти и ведетъ Васъ лишь къ тому, что повелѣнія Вашихъ не исполняютъ, что Васъ постоянно обманываютъ и постоянно обкрадываютъ! Даровавъ Конституцію, Вы приобретете благословеніе и любовь своихъ подданныхъ; исторія поставитъ Васъ на ряду съ величайшими монархами, и Вы упрочите потомство свое на престолѣ всероссійскомъ.

„Прошу Ваше Императорское Величество принять изъясненіе моего глубочайшаго почтенія.

Парижъ, 6 марта (22 февраля) 1862.

Князь Петръ Долгоруковъ ¹⁾

Письмо это произвело въ Петербургѣ довольно сильное впечатлѣніе, именно благодаря тону, съ которымъ оно написано, благодаря уваженію къ особѣ государя, все еще продолжавшаго быть для Долгорукова роднымъ императоромъ... Документу этому придавали такое серьезное значеніе, что онъ не былъ сданъ, на ряду съ другими, въ архивъ, III отдѣленія, а сохраненъ въ собственномъ его величества архивѣ, гдѣ находится и понынѣ въ числѣ интереснѣйшихъ бумагъ.

Европа перепечатывала письмо и всячески его комментировала, не мало останавливаясь на дѣйствительно смѣха достойномъ лишеніи Долгорукова его княжескаго достоинства...

VI.

Съ 27 марта 1862 г. Долгоруковъ сталъ выпускать подъ своей редакціей второй журналъ—«Правдивый»—(«Le Véridique»), издававшийся лейпцигскимъ книгопродавцемъ Вольфгангомъ Гергардомъ. Направленіе «Правдиваго» то же, что и «Будущности». Впрочемъ, Долгорукову не пришлось долго работать въ этомъ изданіи: нашъ лейпцигскій генеральный консулъ, Томтаве, посѣтилъ Гергарда, возбудилъ въ немъ небезкорыстное расположеніе къ русскому правительству и получилъ согласіе на продолженіе изданія, но уже безъ Долгорукова. Послѣдній протестовалъ противъ изданія журнала безъ него, но съ тѣмъ же названіемъ; Гергардъ послѣ двухъ номеровъ уступилъ и назвалъ журналъ «Правдолюбивымъ», совершенно не измѣнивъ французскаго названія, несмотря на неоднократные протесты князя. Такимъ образомъ Петръ Владиміровичъ отвѣтственъ только за первыхъ четыре номера. Въ нихъ нѣтъ ничего выдающагося, кромѣ двухъ статей: «Письмо изъ Петербурга» въ № 2 и «Чего хотятъ константиновцы» въ № 4.

Въ августѣ 1862 г. Долгоруковъ замѣнилъ русскаго «Правдиваго» французскимъ «Le Véridique», выходившимъ книжками. Затѣмъ

¹⁾ „Правдивый“, № 1; вздано п отдѣльно: „Lettre adressée à l'empereur Alexandre II. Paris. 1862 г. и Leipzig, 1862 г.

вышли еще четыре номера, но я, къ сожалѣнію, нигдѣ не могъ достать этого изданія, а потому принужденъ пройти его молчаніемъ ¹⁾.

Но Долгоруковъ не хотѣлъ оставаться безъ русскаго органа, и, зная уже по опыту, что значить быть неполнымъ хозяиномъ журнала, рѣшилъ открыть собственную типографію въ Брюсселѣ (куда онъ въ это время переѣхалъ), въ которой и сталъ печатать свой третій русскій органъ — «Листокъ», вышедшій впервые въ ноябрѣ 1862 г. Въ Брюсселѣ журналъ издавался до пятаго номера включительно (январь 1863 г.), а съ шестого былъ перенесенъ въ Лондонъ, куда переселился и самъ Долгоруковъ.

Переселеніе въ Лондонъ было вынужденнымъ и о немъ стоитъ разсказать.

Переѣхавъ въ Брюссель, Долгоруковъ рѣшилъ реабилитировать себя по приговору парижскаго суда по дѣлу съ Воронцовымъ и для этого выпустилъ напечатанную въ своей типографіи брошюру «La vérité sur le procès du prince Pierre Dolgoroukow», скрывшись подъ именемъ «Русскаго» (un Russe) и обозначивъ подложно мѣсто печатанія: «Г. Смитъ, типографщикъ, № 33, Ричардстритъ въ Лондонѣ». Въ брошюрѣ онъ разсказалъ многое про Воронцовыхъ и французскіе суды вообще и не пощадилъ очень многихъ близкихъ къ Воронцовымъ и русскому правительству. Графъ Григорій Строгановъ, сынъ извѣстнаго Сергѣя Григорьевича, проѣзжая черезъ Брюссель, купилъ брошюру въ магазинѣ Классеуса. Просмотрѣвъ ее и увидѣвъ тамъ отзывъ о двоюродномъ братѣ своей жены, гр. Петрѣ Шуваловѣ, онъ увѣдомилъ его объ этомъ. Засвидѣтельствовавъ въ русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ подпись своего родственника, Шуваловъ обратился къ брюссельской прокуратурѣ съ жалобою на ложное означеніе типографщика. Дѣйствительно, по розыскамъ, въ Лондонѣ такой типографіи не оказалось. Вскорѣ удалось узнать, что брошюра напечатана въ Брюсселѣ. По мѣстнымъ законамъ, въ случаѣ неизвѣстности автора и типографщика, отвѣтчикомъ является распространитель. Привлекли къ суду Классеуса. Тотъ признался, что получилъ 150 экз. отъ Долгорукова, не подозревая, однако, о подложности мѣста ея печатанія. Долгорукову грозило шестинедѣльное тюремное заключеніе. Онъ предпочелъ немедленно выѣхать въ Лондонъ, написавъ изъ Роттердама: «Я отправляюсь на жительство въ Англію. Я оставилъ Бельгію, не живу болѣе въ ней и имѣю честь препроводить вамъ при этомъ билетъ для прожитія, выданный мнѣ брюссельскимъ муниципалитетомъ».

Кстати скажу, что эта же самая брошюра создала процессъ и въ Парижѣ. Но тамошній судъ не обратилъ вниманія на подложность имени типографщика и, оправдавъ Долгорукова, уже не жившаго на французской территоріи, оштрафовалъ его слугу Дре за раздачу брошюры, направленной противъ французскаго правительства ²⁾.

¹⁾ Оглавленіе всѣхъ пяти номеровъ интересующіеся найдутъ на стр. 191 перваго приложенія къ сборникамъ „Госуд. преступленія въ Россіи“ подъ ред. В. Богучарскаго.

²⁾ „Современная Лѣтопись“ 1863 г. № 8 и № 6 „Истца“.

Въ шестомъ номерѣ «Листка», выпущенномъ уже въ Лондонѣ, Долгоруковъ не совсѣмъ вѣрно разсказалъ эту исторію и заявилъ, что его молчать не заставятъ ни подъ какимъ видомъ. И, дѣйствительно, «Листокъ» давалъ массу матеріала очень непріятнаго для русскаго двора и камарилы. Многое, какъ и въ «Будущности», увидѣло свѣтъ только благодаря Долгорукову. Самое содержаніе «Листка» стало живѣе, образность языка издателя сдѣлалась нѣсколько красочнѣе... Видно явное вліяніе Герцена, съ которымъ Долгоруковъ былъ все время въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Петръ Владиміровичъ зло обличалъ Муравьева-Вѣшателя, Тимашева, Шувалова, митрополита Исидора, своего родственника жандарма Долгорукова, предсѣдателя всевозможныхъ внѣзаконныхъ слѣдственныхъ комиссій кн. А. Ѳ. Голицина и многихъ другихъ. Онъ напоминалъ такіе факты изъ дѣятельности ихъ личной и предковъ, что почтенные сановники не знали словъ для названія титулованнаго лондонскаго публициста.

Послѣдній (22-й) номеръ «Листка» вышелъ 28 іюля 1864 года. Любопытно, что осенью 1862 г. Долгоруковъ дѣлалъ первые шаги для привлеченія главы бѣлокриницкихъ старообрядцевъ, Кирилла, къ революціонной работѣ. По словамъ Субботина, онъ написалъ ему письмо, которое Кириллъ долженъ былъ отослать для прочтенія своему архиіакону Филарету, находившемуся тогда въ Вѣнѣ. Филаретъ уведомилъ архиерея, что въ неразборчивомъ письмѣ князя говорится о деспотизмѣ русскаго правительства, не позволяющаго въ предѣлахъ Россіи каждому свободно слѣдовать своей религіи, угнетающемъ старообрядство и расколъ и т. д. Филаретъ не хотѣлъ отвѣтить Петру Владиміровичу отказомъ и рѣшилъ оттянуть время, написавъ князю, что преосвященный ждетъ отъ него болѣе разборчиваго посланія. Долгоруковъ написалъ сейчасъ же вторично и уже прямо Филарету. Кромѣ содержанія перваго письма, онъ прибавилъ просьбу сообщить ему возможно подробныя свѣдѣнія о притѣсненіяхъ старообрядцевъ въ Россіи, чтобы напечатать ихъ въ «Листкѣ». Филарету ничего не оставалось, какъ дать какой нибудь отвѣтъ. Онъ попробовалъ вывернуться и выразилъ свое согласіе удовлетворить просьбу князя лишь съ разрѣшенія пастырей изъ Россіи... На этомъ и кончились попытки князя Долгорукова, потомъ, какъ извѣстно, повторенныя Бакунинымъ и Кельсіевымъ ¹⁾.

VII.

Остановимся вкратцѣ на жизни Долгорукова въ Лондонѣ.

По моему мнѣнію, Кельсіевъ, очень мѣтко охарактеризовалъ роль его въ эмиграціи, сравнивъ князя съ Бонапартами при Орлеанахъ. Герценъ запечатлѣлъ то же самое въ шуточномъ прозвищѣ князя «императоръ Петръ IV-й». Дѣйствительно Долгорукову не давали

¹⁾ Заимствую эти свѣдѣнія изъ весьма тенденціозной и мѣстами клеветнической книжки Субботина: «Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій», изд. 1867 г. стр. 139—151. Въ сообщенномъ врядъ-ли много вѣдору.

покая ни его рюриковское происхождение, ни высокое служебное положение его недостойных сверстниковъ. Съ Герценомъ у него были въ общемъ хорошія отношенія, хотя, разумѣется, не обходилось иногда безъ рѣзкихъ ссоръ и разногласій. Долгоруковъ не понималъ социализма и органически, пожалуй, не былъ способенъ раздѣлять его принципы,—такъ глубоко сидѣло въ немъ княжество и чванство. Несмотря на это, Герценъ признавалъ, что «съ Долгоруковымъ у него общій языкъ». На замѣчаніе Самарина о возмутительности союза его съ Долгоруковымъ Александръ Ивановичъ отвѣчалъ: «тутъ нѣтъ союза, а скорѣе предлогъ, чтобы напомнить каламбуры 1845 г.»¹⁾. Это надо понимать именно такъ, что особенной близости у нихъ не было, но хорошее знакомство, несомнѣнно, существовало.

Кстати, я считаю небезынтереснымъ привести здѣсь кое-какіе рассказы г. Огаревой-Тучковой, которые дадутъ читателю понятіе о характерѣ Петра Владиміровича и помогутъ лучше уяснить себѣ эту личность.

«Онъ былъ ужасно горячъ и неводержанъ на языкъ въ минуты гнѣва, что въ послѣдствіи обходилось дорого его самолюбію; когда ему давали отпоръ на его выходки и удалялись отъ него, скучая одинъ, онъ кончалъ тѣмъ, что извинялся и желалъ только, чтобы его простили. Разъ въ воскресенье у насъ (т. е. у Герцена—М. Л.) обѣдало нѣсколько человѣкъ, между которыми были князь Долгоруковъ, Чернецкій и Тхоржевскій. Это было послѣ варшавскихъ происшествій. Разговорились, толковали о происшествіяхъ того времени. Вдругъ князь Д. сталъ дерзко гдворить о сумасбродствѣ поляковъ и грубо кричать, по своему обыкновенію, когда онъ выходилъ изъ себя. У Герцена голосъ былъ громкій и звучный, но онъ имѣлъ привычку говорить не возвышая голоса, исключая очень хорошаго расположенія духа. Тутъ онъ не выдержалъ и гнѣвно закричалъ: «Я не позволю въ моемъ домѣ нападать на Польшу, это тѣмъ не деликатнѣе, что эта страна побѣждена и что за этимъ столомъ сидятъ поляки». Это происходило послѣ обѣда, мужчины сидѣли еще за столомъ, а я съ другими дамами перешла въ гостиную. Сама я лично ничего не слышала, я рассказываю со словъ Герцена. Черезъ нѣсколько секундъ въ гостиную вошелъ кн. Д.; онъ взялъ шляпу и трость, въ которой скрывался кинжалъ и которая всегда была при немъ, потомъ вѣжливо раскланялся и ушелъ, не подавъ мнѣ руки, что меня нѣсколько удивило. Но скорѣ пришелъ Герценъ и подробно рассказалъ ссору съ кн. Д. Послѣдній долго не ѣздилъ къ намъ, потомъ извинился передъ Тхоржевскимъ и Чернецкимъ и написалъ Герцену письмо, въ которомъ просилъ извинить его глупую выходку противъ поляковъ, и опять сталъ ѣздить къ намъ».

Сопутствовавшій часто Долгорукову въ его прогулкахъ и маленькихъ экскурсіяхъ Тхоржевскій рассказывалъ Герцену слѣдующій эпизодъ.

«Разъ они были гдѣ то у моря, взяли въ гостинницѣ комнату, встали по утру въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Къ завтраку

¹⁾ *Пассекъ*, „Изъ дальнихъ лѣтъ“, 111, 160, изд. 1889 г. и „Русь“ 1883 г. № 1.

къ несчастью, имъ подали черствата хлѣба (надо замѣтить, что англичане считаютъ черствый хлѣбъ здоровѣе и предпочитаютъ его свѣжему). Кн. Долгоруковъ страшно разсердился, вскочилъ, взявъ хлѣбъ и выбѣжавъ въ корридоръ, бросилъ его со второго этажа внизъ. Прибѣжалъ швейцаръ, сбѣжались ветеры (половой или гарсонъ). Для выдержаннаго англійскаго характера поступокъ русскаго князя былъ необъяснимъ».

Вотъ еще разсказъ.

«Долгоруковъ, Вырубовъ и еще какіе то посѣтители обѣдали у Герцена. Когда встали изъ-за стола, Долгоруковъ вышелъ изъ залы и хотѣлъ отдать какое то приказаніе нашему повару. Чтобы дойти до кухни, нужно было сойти нѣсколько ступеней. Тамъ князь остановился, услыша разговоръ, въ которомъ упоминалось его имя. Жюль (поваръ Герцена—*М. Л.*) жаловался громко на князя, говоря, что онъ доставляетъ гораздо болѣе хлопотъ прислугѣ, чѣмъ остальные гости. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать видъ, что ничего не слыхалъ, и позвать Жюля, Петръ Владиміровичъ толкнулъ дверь и, выхвативъ кинжалъ изъ трости, началъ бранить Жюля и кричать, замахиваясь на него кинжаломъ. Жюль не остался въ долгу и поднялъ руку на князя. Слыша страшный шумъ внизу и зная безпокойный нравъ князя, Герценъ позвавъ съ собой Вырубова, поспѣшно спустился въ кухню, чтобы во-время остановить разгоряченныхъ, готовыхъ вступить въ бой. Герценъ схватилъ за руки П. В. и попросилъ Вырубова держать Жюля. Князя отвели въ столовую; послѣдній былъ въ изступленіи отъ бѣшенства, схватилъ графинъ и разбилъ его въ дребезги объ столъ; потомъ взялъ стулъ и бросилъ его такъ, что онъ разбился на куски. Герценъ смотрѣлъ на него молча и въ недоумѣніи. Князь задыхался отъ гнѣва; наконецъ, онъ произнесъ: «Нога моя не будетъ болѣе въ этомъ домѣ»,—и уѣхалъ. Но ему невозможно было не видать Герцена, и черезъ недѣлю онъ прислалъ послѣднему письмо, въ которомъ просилъ выгнать Жюля за его дерзость къ нему. Только по исполненіи этой просьбы П. В. можетъ снова бывать у Герцена. На это посланіе Герценъ отвѣчалъ, что жалѣетъ о случившемся, но не въ его правилахъ увольнять служащаго только за дерзость, тѣмъ болѣе, что онъ считаетъ князя болѣе виноватымъ, чѣмъ Жюля». . . Мало по-малу князь начиналъ успокаиваться. Онъ велѣлъ своему повару, когда тотъ встрѣтитъ на рынкѣ Жюля, позвать его къ себѣ. Жюль явился. Долгоруковъ при его появленіи всталъ и, отвѣчая на поклонъ, протянулъ ему руку. «Я хочу, Жюль помириться съ вами, хотите?»—«Хочу, хочу, весело отвѣчалъ Жюль, не все же сердиться.»—«Въ такомъ случаѣ выпьемъ за наше примиреніе»—сказалъ князь, наливая два стакана вина и подаль одинъ Жюлю. Они чокнулись и выпили. Съ тѣхъ поръ Долгоруковъ сталъ опять ѣздить къ Герцену.¹⁾

Кельсиевъ говоритъ, что Долгоруковъ «сживалъ у Герцена или у него какъ то насупившись, чрезвычайно важно, съ соблюденіемъ

¹⁾ Огарева-Тучкова, „Воспоминанія“, изд. 1903 г., 164—166, 232—234.

такого достоинства, что имъ становилось неловко, ни дружескій разговоръ, ни веселый хохотъ при немъ не удавались». ¹⁾

Судьба преслѣдовала Петра Владиміровича. Его петербургскіе враги употребляли всевозможныя средства, чтобы хоть чѣмъ нибудь скомпрометировать его въ глазахъ русскаго и западно-европейскаго общества.

Въ іюль 1863 г. Долгорукову пришлось защищать себя отъ очень тяжкаго обвиненія въ составленіи тѣхъ извѣстныхъ анонимныхъ писемъ, которыя привели къ смерти великаго Пушкина. Еще и раньше великосвѣтская сплетня приписывала Петру Владиміровичу авторство этихъ грязныхъ документовъ, но она не была вынесена на судъ общества. Въ 1863 г. нѣкій Аммосовъ выпустилъ книжку— «Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина», написанную якобы со словъ лицейскаго товарища поэта, а потомъ его секунданта— Данзаса. Въ ней прямо говорится, что сначала анонимы приписывались кн. И. С. Гагарину (впослѣдствіи вступившему въ орденъ іезуитовъ), а теперь, де, извѣстно изъ его собственнаго признанія, что они писаны были на его бумагѣ, но не имъ, а жившимъ у него тогда кн. Долгоруковымъ. ²⁾

«Современникъ», рецензируя книжку Аммосова, передалъ это мѣсто своими словами, усиливъ ихъ нѣкоторыми выраженіями и кстати выразивъ явное нерасположеніе къ публицистической дѣятельности Долгорукова ³⁾. Послѣднее было вполнѣ понятно: послѣ ареста Чернышевскаго «Современникъ» особенно пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отшлепать либераловъ-конституціоналистовъ, да еще такихъ, какимъ былъ Долгоруковъ. Но зачѣмъ понадобилось рецензенту оперировать съ явно ошибочными утвержденіями?— непонятно...

Долгоруковъ рѣшился протестовать и послалъ въ редакцію «Современника» слѣдующее возраженіе, которое и было напечатано въ сентябрьской книжкѣ журнала безъ предпослѣднихъ словъ, выкинутыхъ цензурой и приводимыхъ мною курсивомъ. Привожу письмо изъ № 10 «Листка»:

„М. Г. Въ іюньской книжѣ Вашего журнала прочелъ я разборъ книжки г. Аммосова: „Послѣдніе дни жизни А. С. Пушкина“ и увидѣлъ, что г. Аммосовъ позволяетъ себѣ обвинять меня въ составленіи подметныхъ писемъ въ ноябрѣ 1836 г., а князя И. С. Гагарина въ соучастіи въ такомъ гнусномъ дѣлѣ и увѣряетъ, что Гагаринъ, будучи за границею, *признался* въ томъ.

„Это клевета и только: клевета и на Гагарина, и на меня. Гагаринъ не могъ *признаваться* въ томъ, чего никогда не бывало, и онъ никогда не говорилъ подобной вещи, потому что Гагаринъ человекъ честный и благородный, и лгать не будетъ. Мы съ нимъ соединены съ самаго дѣтства узами тѣснѣйшей дружбы, неоднократно бесѣдовали о катастрофѣ, положившей столь преждевременный конецъ поприщу нашего великаго поэта, и всегда сожалѣли, что не могли узнать именъ лицъ, писавшихъ подметныя письма.

„Г. Аммосовъ говорить, что писалъ свою книжку со словъ К. К. Дан-

¹⁾ „Заря“, 1871 г. Іюль, 5—6.

²⁾ Стр. 9—10 книги.

³⁾ Іюньская книжка 1863 г.

заса. Не могу вѣрить, чтобы г. Данзасъ обвинялъ Гагарина или меня. Я познакомился съ г. Данзасомъ въ 1840 г. черезъ три года послѣ смерти его знаменитаго друга и знакомство наше продолжалось до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 г., т. е. 19 лѣтъ. Г. Данзасъ не сталъ бы знакомиться съ убійцею Пушкина и не оиъ конечно подучилъ г. Аммосова напечатать эту клевету.

„Г. Аммосову неизвѣстно, что Гагаринъ и я, послѣ смерти Пушкина, находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ людьми бывшими наиболѣе близкими къ Пушкину. Г. Аммосову неизвѣстно, что я находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ друзьями Пушкина: гр. М. Ю. Вильгорскимъ, гр. Гр. А. Строгановымъ, кн. А. М. Горчаковымъ, кн. П. А. Вяземскимъ, П. А. Валуевымъ; съ первыми двумя до самой кончины ихъ, съ тремя послѣдними до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 г. Г. Аммосову неизвѣстно, что уже послѣ смерти Пушкина я познакомился съ его отцомъ и его роднымъ братомъ и находился въ знакомствѣ съ ними до самой смерти ихъ.

„Начальнику III отдѣленія, по officialному положенію его, лучше другихъ извѣстны общественныя тайны. Л. В. Дубельтъ, младшій сынъ коего женатъ на дочери великаго поэта, никогда не обвинялъ ни Гагарина, ни меня по дѣлу Пушкина. Когда въ 1843 г. я былъ арестованъ и сосланъ въ Вятку, въ предложенныхъ мнѣ вопросныхъ пунктахъ не было ни единого намека на подметныя письма.

„Съ негодованіемъ отвергаю, какъ клевету, всякое обвиненіе, какъ меня такъ и Гагарина въ какомъ бы то ни было соучастіи въ составленіи или распространеніи подметныхъ писемъ. Гагаринъ, нынѣ находящійся въ Вейрутѣ, въ Сиріи, вѣроятно, самъ напишетъ Вамъ тоже. Но обвиненіе—и какое ужасное обвиненіе!—напечатано было въ „Современникъ“, и *долга чести предписываетъ русской цензурѣ разрыть напечатаніе этого письма моего*. Прося Васъ помѣстить его въ ближайшей книгѣ „Современника“, имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Князь Петръ Долгоруковъ.

12—24 іюля 1863 года.

Вскорѣ послѣ появленія книги Аммосова, какой-то досужій фельетонистъ, пользуясь правомъ лаять на всѣхъ эмигрантовъ, даннымъ русской легальной печати мудрымъ министромъ народнаго просвѣщенія, Головинымъ, политичнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валуевымъ и злобствующимъ шефомъ жандармовъ, обрушился на Долгорукова въ «Голосѣ» цѣлымъ фельетономъ. Можно себѣ представить, что писалъ старавшійся угодить Краевскому щелкоперъ. Анонимный «обличитель» находилъ очень остроумной выпущенную къмъ то заграницей литографію. Она изображала поясной портретъ Петра Владиміровича; на головѣ была больничная шапочка съ ослиными ушами, увѣнчанная надписью: «50,000 рублей». Одѣтъ былъ князь въ сумасшедшую рубашку съ длинными рукавами, а на шеѣ висѣла фигура полосатаго осла... Это, видите ли, было отвѣтомъ на призывъ князя въ «Листкѣ» основать въ Россіи орденъ полосатаго осла въ честь вступленія ея во второе тысячелѣтіе... Дальше шли только одни ругательства и громкія слова... ¹⁾).

¹⁾ „Голосъ“ 1863 г. № 195, „Вседневная жизнь“.

Петръ Владиміровичъ не стерпѣлъ и адресовался въ своемъ «Листкѣ» прямо къ Александру II.

„Ваше Императорское Величество.

„Въ странѣ самодержавія имѣются лишь влѣститель и рабы. Изъ этого жалкаго порядка вещей проистекаетъ тотъ горестный выводъ, что Государь несеть, передъ общественнымъ мнѣніемъ, нравственную отвѣтственность за всѣ поступки своего правительства.

„Въ № 30 іюля издаваемой въ Петербургѣ газеты „Голосъ“ помѣщена рѣзкая, ругательная и клеветами исполненная пасквильная статья противъ эмигрантовъ вообще и противъ меня въ особенности. Поборникъ неограниченной свободы книгопечатанія, я, еслибы свобода эта въ Россіи существовала, если-бы сочиненія мои не подвергались строгому запрещенію, не придавалъ-бы ни малѣйшаго значенія пасквильнымъ статьямъ, подобнымъ напечатанной въ „Голосѣ“, будучи вполнѣ убѣжденнымъ, что истина всегда окончательно восторжествуетъ и что клеветы всегда окончательно падутъ на тѣхъ, которые унижаются до изобрѣтенія ихъ. Но обстоятельства иные: сочиненія эмигрантовъ въ Россіи запрещены, не могутъ проникать въ Россію иначе, какъ путями окольными; лица, ихъ распространяющія и читающія, подвергаются ссылкѣ на каторгу въ рудники или даже разстрѣліанію, какъ-то доказывается примѣромъ юридически-умерщвленныхъ: Аригольдта, Сливицкаго и Ростковскаго, *убійство* конхъ совершено было въ іюнѣ 1862 года, по приказанію генерала Лидерса и съ согласія Вашего Величества. А велѣдъ за тѣмъ три молодыхъ офицера, *за то лишь, что отслужили панихиду за упокой души* трехъ разстрѣлянныхъ товарищей своихъ, приговорены были Е. И. В. Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ къ изгнанію изъ арміи и заключенію въ крѣпость, и приговоръ этотъ, возмущающій челоувѣчество, утвержденъ Вашимъ Величествомъ въ высочайшемъ приказѣ 15 сентября 1862 года. Съ другой стороны, самыя гнуснѣйшія нападки на эмигрантовъ не только разрѣшаются Вашей цензурою, но еще къ нимъ подстрекають Ваши царедворцы и желающіе попасть въ кругъ царедворцевъ Вашихъ.

„И почему же сочиненія эмигрантовъ запрещены въ Россіи? Если-бы въ нихъ печаталась ложь, никто-бы не сталъ ихъ читать; если-бы они не соответствовали ихъ нуждамъ, то нашли бы самый ограниченный кругъ читателей; тоже самое съ ними, конечно, послѣдовало бы, если бы Ваше правительство точно пользовалось *истиннымъ сочувствіемъ и довѣріемъ* русскихъ. Тогда не существовало бы для Васъ ни малѣйшаго повода къ запрещенію сочиненій эмигрантовъ; никто-бы не сталъ ихъ читать. Но вовсе не то: въ сочиненіяхъ этихъ провозглашается истина, сочиненія эти соответствуютъ стремленіямъ и желаніямъ русскихъ: это именно и пугаетъ Васъ, Государь! Вы царствуете надъ семидесятью милліонами людей, и трепещете передъ нѣсколькими напечатанными листами бумаги!..

„Если-бы изданія мои были доступны русской публикѣ, въ Россіи, тогда публика эта имѣла-бы возможность оцѣнить и опредѣлить, до какой степени нападки, на меня чинимые, заслуживаютъ довѣрія, а люди, на меня напа-

даючіе, заслуживають уваженія. Но дозволять ругательства и клеветы, можетъ быть даже подстрекая къ нимъ, когда сочиненія мои запрещены, это значитъ, Ваше Величество, *нарушить самыя основныя начала справедливости, добросовѣстности и чести*

Князь Петръ Долгоруковъ¹⁾.

Фулгамъ воздѣ Лондона.

7, Parsons—Green

4—16 августа 1863.

VIII.

Въ концѣ 1864 г. Герценъ выѣхалъ изъ Лондона навсегда и поселился въ Женевѣ. За нимъ перебрался туда и Долгоруковъ. Онъ уже не велъ никакого своего органа и жилъ какъ то вдали отъ политическихъ тревоженій, хотя не порывалъ связи съ эмиграціей. Въ это время ему пришлось не мало испытать, какъ отцу и мужу. Нѣсколько бумагъ въ дѣлахъ III Отдѣленія и очень немногія, хранящіяся въ рукописномъ отдѣленія публичной библіотеки, проливаютъ на это нѣкоторый свѣтъ.

Имѣнія въ Тульской и Костромской губерніи частью подверглись сначала конфискаціи, а потомъ были обращены въ собственность сына Долгорукова—Владимира. Какъ только ему исполнилось 17 лѣтъ, мать потребовала отъ сына своей седьмой части или закладной на одно изъ имѣній. Видя, что отецъ не получилъ отъ него за шесть лѣтъ ни одного письма, юноша счелъ необходимымъ лично повидаться съ нимъ и, увѣренный въ томъ, что не получитъ на это соотвѣтствующаго разрѣшенія, просто бѣжалъ въ Женеву, по подложному паспорту. Тамъ онъ пробылъ очень недолго, и прежде чѣмъ ему возвратиться, Петръ Владиміровичъ описалъ нашему швейцарскому консулу, своему родственнику Орлову, зачѣмъ пріѣзжалъ къ нему сынъ, и сообщилъ о своемъ совѣтѣ не давать матери ни доли, ни закладной, а платить ей пожизненно часть доходовъ. Сынъ явился съ этимъ письмомъ въ консульство.

Орловъ немедленно адресовался къ шефу жандармовъ съ слѣдующимъ весьма секретнымъ отношеніемъ отъ 21 февраля 1866 г.:

«Поспѣшаю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, что сего числа былъ выданъ мною паспортъ для возвращенія въ Россію тайно отправившемуся за границу 17-лѣтнему сыну выходца князя Петра Долгорукова, Владиміру. Предъявитель сего паспорта отправляется отсюда въ будущую среду, 23 февраля, прямымъ путемъ, черезъ Германію, въ Петербургъ.

«При семъ честь имѣю представить В. С. подлинное письмо отца юноши, вслѣдствіе котораго сей послѣдній лично явился ко мнѣ, вполне сознавъ всю важность своего противозаконнаго поступка, искренно объяснилъ мнѣ всѣ обстоятельства, побудившія его

¹⁾ „Листокъ“, № 11.

къ тайному побѣгу подѣ чужимъ именемъ, и подробности путешествія черезъ Одессу, Константинополь, Грецію и Францію до Женевы. Онъ знаетъ, что подвергнется строгой отвѣтственности, зналъ даже это рѣшившись бѣжать, но твердо стоитъ на томъ, что въ этой рѣшимости не слѣдовалъ ничему внушенію и другой цѣли не имѣлъ, какъ повидаться съ отцомъ столько же по сыновному чувству, сколько по вопіющимъ семейнымъ и дѣловымъ, до состоянія его относящимся требованіямъ.

«При семъ честь имѣю равномѣрно приложить отобранные у него паспортъ, съ коимъ онъ совершилъ бѣгство и который, по показанію его, взятъ имъ съ письменнаго стола матери его, и двѣ дорожныя. Всѣ остальные подробности объяснить В. С. виновный лично, не скрывая ничего.

«О жизни и занятіяхъ отца своего онъ ничего не знаетъ и здѣсь не видѣлся ни съ кѣмъ изъ постороннихъ лицъ. Во все время пребыванія его въ Женевѣ дверь отца его оставалась закрытой для всѣхъ его обычныхъ друзей и знакомыхъ, а, такъ какъ по средамъ у него собираются къ обѣду всѣ здѣшніе выходцы наши, то онъ управляетъ сына своего утромъ въ этотъ день, дабы не вводить его въ это общество. ¹⁾

«Юноша просилъ меня убѣдительно поручить его великодушному заступленію В. С. Зная отца его и мать, я былъ удивленъ скромности и откровенности его сужденій. Положеніе его невольно внушаетъ участіе; онъ мнѣ показался неиспорченнымъ нравственно и, по лѣтамъ его, твердо стоящимъ въ правилахъ чести и въ чувствахъ вѣрноподаннаго. Участъ свою онъ съ полнымъ раскаяніемъ повергаетъ милости Государя Императора».

На оборотной сторонѣ конверта была приписка: «Пакетъ мой уже былъ закрытъ, когда молодой кн. Долгоруковъ принесъ мнѣ открытое письмо къ княгинѣ Екатеринѣ Дмитриевнѣ, ²⁾ которая проситъ меня доставить черезъ благосклонное посредство В. С.».

Шефъ жандармовъ доложилъ обо всемъ государю и, по его приказанію, сообщилъ о содержаніи письма министру внутреннихъ дѣлъ.

Повидимому, рѣшено было принять бѣглаго юношу не очень свирѣло, потому что онъ пріѣхалъ благополучно въ Петербургъ и остановился въ одномъ изъ отелей. Объ этомъ какъ то узналъ московскій генералъ-губернаторъ и 3 марта (1866 г.) шифрованной телеграммой увѣдомилъ шефа жандармовъ. Имѣя въ виду, что когда нибудь могутъ быть найдены цѣнныя зашифрованныя бумаги, къ которымъ изслѣдователи не нашли бы ключа, какъ это есть на данной телеграммѣ, я считаю необходимымъ познакомить здѣсь съ самымъ

¹⁾ Какъ разъ къ этому времени относится ужасное обвиненіе Долгорукова, недавно появившееся себѣ мѣсто въ извѣстной тогда брошюрѣ Александра Серно-Соловьевича — „Наши домашнія дѣла“ (Вене, 1867 г.) будто Долгоруковъ „донесъ жевевской полиціи на существованіе у одного изъ русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ типографскаго станка“ (стр. 14). Ровно ни строки нигдѣ больше. Что сдѣлалъ Петръ Владимировичъ на самомъ дѣлѣ такъ и остается неизвѣстнымъ.

²⁾ Долгорукова, старѣйшая въ родѣ Долгоруковыхъ почетная статсъ дама.

шифромъ. Разумѣется, ихъ было нѣсколько, но шифръ III Отдѣленія для сношеній съ Москвой, конечно, былъ не изъ послѣднихъ.

Вотъ точный текстъ депеши:

№ 22. 53 41 28 65 66 24 66 26 65 13 41 32 13 26 30 18 13
В л а д и м и р Д о л г о р у к о
53 53 66 65 49 41 53 39 34 67 34 53 49 13 35 20 28 35 34 61 34
в в и д ѣ л в Ж е н е в ѣ о т ц а т е п е
26 15 53 61 34 35 34 26 37 30 26 32 49 32 13 20 35 66 67 67 66 20
р ь в П е т е р б у р г ѣ г о с т и н н и ц
28 17 26 28 67 20 66 33 67 34 61 26 66 14 67 28 34 35 34 41 66
а Ф р а н ц и я н е п р и з н а е т е л и
67 30 39 67 27 24 28 26 34 20 35 13 53 28 35 15 34 32 13
н у ж н ы м а р е с т о в а т ь е г о.

т. е.: «Владиміръ Долгоруковъ видѣлъ въ Женевѣ отца, теперь въ Петербургѣ, гостиница Франція. Не признаете ли нужнымъ арестовать его?»

Шефъ жандармовъ отвѣтилъ, что все это знаетъ и будетъ отвѣчать почтой. ¹⁾

Сынъ Петра Владиміровича благополучно проѣхалъ въ Москву а оттуда въ Тульскую деревню. Вскорѣ онъ просилъ своего жандармствовавшего родственника переслать отцу письмо, прибавивъ, что безпокоится, не получая отъ отца ничего вотъ уже двѣ недѣли. Слѣдовательно, переписка была теперь разрѣшена. Въ іюнѣ (1866 г.) Владиміръ Петровичъ жалуется шефу жандармовъ, что мать «вездѣ говорить Богъ знаетъ что» про него. Она просила черезъ своего довѣреннаго кн. А. И. Шаховскаго заплатить ей двѣ седьмыхъ имѣнія, около 40000 рублей, но сынъ, помня совѣтъ отца, отказался, предложивъ уплачивать ежегодно по 4 тысячи рублей. Уговорившись въ подробностяхъ, они подписали съ Шаховскимъ частное условіе. Но мать отказалась принять его. Кромѣ того, молодой князь жаловался, что бывшимъ его крѣпостнымъ крестьянамъ, а теперь сосѣдямъ, поѣхавшимъ по дѣламъ въ Москву, мать его говорила: „я вашего князя въ право послать работать какъ простого мужика на шоссе и я скоро буду тамъ для расправы съ нимъ“... И указывалъ, что это подрываетъ его положеніе среди окрестнаго крестьянства. ²⁾

Долгоруковъ началъ чувствовать въ Женевѣ уже сильнѣе прежняго припадки болѣзни и очень хотѣлъ видѣть подлѣ себя сына, которому тоже необходимо было лѣченіе испорченнаго зрѣнія. Съ этою цѣлью онъ написалъ 14 февраля 1867 года довольно длинное посланіе своему родственнику-жандарму, которое я привожу въ русскомъ переводѣ.

¹⁾ Архивъ III Отдѣленія, I экспедиція, 1843 г. № 60, ч. 2.

²⁾ Обѣ послѣднія бумаги въ рукописномъ отдѣленіи публичной бібліотеки.

„Мой кузень,

„Прошу Васъ принять выраженіе моей полнѣйшей благодарности за любезную готовность, съ какою въ отвѣтъ на мою телеграмму вы успокоили меня относительно здоровья Володи, за ваше благорасположеніе и доброе чувство къ моему сыну, за покровительство, вами ему оказываемое, и за ваше живое участіе къ его столь исключительному и щекотливому положенію.

„Я заинтересованъ тѣмъ, чтобы мой сынъ пріѣхалъ ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ и вотъ по какимъ причинамъ. Его глаза, его зрѣніе требуютъ серьезнаго и внимательнаго ухода: для этого ему необходима консультація знаменитаго Грефе въ Берлинѣ; его здоровье послѣ бывшаго съ нимъ ужаснаго случая ¹⁾ требуетъ поѣздки на нѣсколько недѣль въ Швейцарію; наконецъ, я хочу его повидать, потому что видѣлъ его лишь девять дней.

Въ теченіе пяти послѣдовательныхъ лѣтъ я не получалъ ни строки отъ Володи, которому мѣшала писать его негодная мать, руководимая совѣтами вице-канцлера ²⁾. Онъ далъ распоряженіе русскимъ консульствамъ въ случаѣ моей смерти послѣшить овладѣть всѣми моими бумагами, кассой и т. п. Для умнаго человѣка, каковъ вице-канцлеръ, каковъ онъ былъ, особенно пока не сталъ впадать въ дѣтство, (что началось съ нимъ два-три года назадъ: подтвержденіемъ этого служить его политика въ Придунайскихъ княжествахъ и въ восточномъ вопросѣ, политика нерѣшительности колебаній и малодушія), для умнаго человѣка это значитъ сдѣлать два колоссальныхъ промаха. Неужели онъ воображалъ, что я такъ глупъ (онъ, который меня знаетъ такъ давно), чтобы я сталъ держать у себя дома мои процентныя бумаги на произволъ первому попавшемуся вору? Развѣ не приходило ему въ голову, что ничто не могло мнѣ помѣшать составить завѣщаніе? Это завѣщаніе было уже сдѣлано и сдѣлано на имя швейцарскаго гражданина Александра Герцена, политическихъ убѣжденій котораго я далеко не раздѣляю, но характеръ котораго я уважаю и въ слово котораго можно имѣть полную вѣру. Это завѣщаніе было мною уничтожено послѣ пріѣзда Володи.

„Я удержалъ Володю здѣсь только девять дней съ двойной цѣлью: чтобы не дать времени его распутной матери интриговать противъ него и чтобы въ то же время дать возможность правительству дѣйствовать разумно и цивилизованнымъ образомъ, какъ оно и поступило; правительство поняло, что поѣздка Володи не имѣла и нѣ когда не будетъ имѣть никакой политической цѣли, но служить только выполненіемъ священнаго долга видѣть отца.

„Я прекрасно знаю, что сердце Володи совершенно чуждо скаредныхъ интересовъ, но *наслѣдованіе состоянія, которымъ я владѣю за границей, состояніе весьма значительнаго для него, вполне зависитъ отъ послушанія, которое отъ мнѣ выкажетъ*. Итакъ, я дорожу тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ провести со мною нѣсколько недѣль въ нынѣшнемъ году, и чтобы впредь онъ каждые два года пріѣзжалъ проводить со мною нѣсколько недѣль. Вы спросите, почему я настаиваю именно на нынѣшнемъ годѣ? Въ этомъ случаѣ, у меня очень серьезные причины, и я вамъ о нихъ скажу.

„Война разразится слѣдующей весной, если не въ Сентябрѣ или Октябрѣ нынѣшняго года. Мнѣ достоверно извѣстно:

¹⁾ Неизвѣстно, о какомъ случаѣ говорится.

²⁾ Кн. А. М. Горчакова.

1) что Бонапартъ обѣщалъ полякамъ поднять вопросы восточный и польскій и вмѣстѣ ихъ связать;

2) что есть условный и секретный договоръ, заключенный между Франціей и Австріей, договоръ, главный шкворень котораго Вейс. Мѣй неизвестны пункты этого договора, но я навѣрное знаю, что Австріи обѣщаны расширенія владѣній насчетъ славянскихъ народностей Турціи.

3) что дряннымъ Бонапартомъ были сдѣланы Пруссіи предложенія обезпечить современныя территоріальныя владѣнія Пруссіи при условіи уступить ему *что нибудь* на лѣвомъ берегу Рейна, предоставить ему Бельгію и чтобы Пруссія сохраняла нейтралитетъ во время войны Франціи и Австріи противъ Россіи. Бисмаркъ согласился на нейтралитетъ и на уступку Бельгіи, но онъ объявилъ, что не можетъ отдать ни одной нѣмецкой деревушки. Что касается стараго и честнаго короля Прусскаго, онъ положительно и твердо отклонилъ всякіе переговоры такого рода и заявилъ о своемъ нежеланіи союза съ Бонапартомъ ни за какую цѣну и ни въ какой-либо формѣ.

4) Англія рѣшила оставаться спокойной до момента, когда поднимется восточный вопросъ и стать тогда на сторону сильнѣйшаго, чтобы получить возможно лучшую часть отъ наслѣдія „больного“.

5) Добавились присоединеніе Италіи къ франко-австрійскому союзу. Итальянцы ненавидятъ французовъ и отдають должное Бонапарту, т. е. они выказываютъ ему глубочайшее презрѣніе, но, чтобы приобрести свою естественную границу, т. е. южный Тироль, Триестъ, Истрію и Далмацію они готовы заключить союзъ хоть съ самимъ дьяволомъ. Я думаю, что для Россіи все таки было бы весьма выгодно заключить съ Италіей условный и секретный договоръ, чтобы въ случаѣ войны съ Австріей Россія не сложила оружіе иначе, какъ присоединивъ къ Италіи южный Тироль и т. д. Армія и флотъ итальянскіе не блестящи, но они всегда могли бы послужить для того, чтобы сдерживать часть австрійскихъ силъ, а что касается Бонапарта, то этотъ негодяй никогда не рѣшится пойти противъ итальянцевъ. Около сорока лѣтъ назадъ, когда онъ былъ принятъ въ число (саббонаго) карбонаріевъ, онъ подписалъ бумагу, которою обязывался содѣйствовать объединенію Италіи и уничтоженію свѣтской власти папства, эта бумага находится теперь въ Англіи и въ ней самъ Бонапартъ даетъ итальянцамъ право убить его, если онъ нарушитъ свою клятву. Я думаю, что до сентября миръ обезпеченъ не только изъ-за Парижской выставки, но еще и особенно потому, что съ 1-го марта каждаго 1-го числа начнется приемка 50,000 ружей системы Шассепе. Бонапартъ заказалъ 600,000 ружей, приемка будетъ продолжаться двѣнадцать мѣсяцевъ, но въ сентябрѣ будетъ уже принято 350,000 ружей, что достаточно для войны.

„Посѣщенія моего сына на будутъ имѣть отношенія къ политическимъ интересамъ: напротивъ. Я не хочу, чтобы онъ въ нихъ вмѣшивался, и въ этомъ меня вполне поддерживаютъ его вкусы, которые обращены къ наукамъ: химіи, геологій, минералогіи, агрономіи и я въ восторгѣ отъ этихъ его научныхъ стремленій. Нечего бояться, чтобы онъ задумалъ заняться политикой, въпрямь, я бы ему это и не позволялъ...“

„Я самъ эмигрировалъ потому, что находился въ совершенно иныхъ условіяхъ. Мнѣ было сорокъ два года и на родинѣ мнѣ отказывали въ правѣ участія въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ меня влекли мои вкусы и на которое мнѣ давали право мое достоинство и мое происхожденіе. Въ то же время у меня было стремленіе къ историческимъ изученіямъ, а я могъ печатать

только генеалогическія изслѣдованія и притомъ!... существовала цензура и дѣлала невозможнымъ печатаніе сочиненій, написанныхъ съ правдивостью и прямою. Я отправился за границу искать свободныхъ дѣйствій, идей и возможности описать то, что мнѣ было отказано въ родной странѣ. Володѣ восемнадцать лѣтъ, у него впереди еще широкое будущее; Россія за послѣдніе годы во многомъ измѣнилась къ лучшему; онъ не подумаетъ эмигрировать, и я бы его не допустилъ до этого.

„На слѣдующій день послѣ полученія вашей телеграммы пришло письмо отъ Володи. Написанное имъ въ деревнѣ 20 января (1 февраля), отправленное вами изъ Петербурга, со свойственной вамъ точностью, 25 января (6 февраля), на немъ штемпель Гейдельберга отъ 12 февраля, т. е. оно шесть дней странствовало по Пруссіи, тогда какъ письма и даже журналы приходятъ изъ Петербурга въ Женеву черезъ четыре дня (я это хорошо знаю, потому что подписанъ на Женевской почтѣ на четыре газеты и шесть русскихъ обзорѣй (или журналовъ?).

„Примите, мой Кузенъ, выраженіе моей глубокой признательности и моего высокаго уваженія

Князь Петръ Долгоруковъ.

„P. S. Не откажитесь передать вашему брату мое сочувствіе къ постигшему его горю; поблагодарите его отъ меня за благосклонный пріемъ, оказанный имъ моему сыну, о которомъ сынъ мнѣ пишетъ, и попросите, прошу васъ, князя Владиміра оказать моему сыну покровительство, если случится необходимость, противъ попытокъ преслѣдованія со стороны моей гнусной бывшей жены, живущей въ Москвѣ ¹⁾.

Просьба была удовлетворена. Сынъ Долгорукова пріѣхалъ въ Женеву. Болѣзнь отца развивалась. На почвѣ прирожденной раздражительности она выросла въ постоянное нервное состояніе. Петръ Владиміровичъ подозрѣвалъ сына въ форсированіи своей болѣзни, отсюда масса неприятныхъ сценъ, въ которыхъ поневолѣ долженъ былъ участвовать, не всегда однако въ качествѣ зрителя, Герценъ—единственный человѣкъ, которому Долгоруковъ вполнѣ довѣрялъ... ²⁾.

6 (18) августа 1868 г. князь умеръ въ Бернѣ, куда поѣхалъ на лѣто, на рукахъ герценовскаго сотрудника Тхоржевскаго, которому и завѣщалъ все свое движимое имущество.

Мих. Лемне.

¹⁾ Письмо это хранится въ Публичной Библіотекѣ.

²⁾ Объ этомъ на страницахъ 175, 177—178, 179—180, 222 и др. третьяго тома книги Т. Пассека и 242, 243—245 и др. книги г. Огаревой-Тучковой.

О числѣ жертвъ 14 декабря 1825 года.

До сихъ поръ число убитыхъ и раненыхъ въ день 14 декабря точно не опредѣлено, да и врядъ-ли оно можетъ быть опредѣлено съ желательной точностью. Безъ риска ошибокъ можно утверждать, что, какъ и во всѣхъ „усмиреніяхъ“, наибольшее количество жертвъ падаетъ на долю ни въ чемъ неповинныхъ зрителей, созерцавшихъ событіе съ различныхъ концовъ Сенатской площади. Приводимъ нѣкоторыя данныя, освѣщающія въ извѣстной мѣрѣ вопросъ. Изъ вѣдомости о числѣ *людей и лошадей*, убитыхъ, раненыхъ 14 декабря и умершихъ отъ ранъ по 24 декабря „въ войскахъ, оставшихся вѣрными“ видно, что въ полкахъ кавалергардскомъ, конномъ, московскомъ, семеновскомъ, гренадерскомъ, павловскомъ, конно-піонерномъ 14 декабря было убито всего 2 человѣка и ранено 33 (изъ нихъ по 24 декабря 2 умерли отъ ранъ). Число пострадавшихъ повстанцевъ опредѣляется не такъ точно; мы помѣщаемъ лишь списокъ раненыхъ повстанцевъ. Число же убитыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ и не заявившихъ о своихъ ранахъ остается неизвѣстнымъ. Такихъ раненыхъ, находившихся съ 14 декабря подъ арестомъ, оказалось всего 49 человѣкъ (изъ нихъ 2 умерло отъ ранъ). Наконецъ, приводимъ поразительный разсказъ чиновника III отдѣленія, извѣстнаго „учителя В. Г. Бѣлинскаго“ Мих. Мак. Попова. Уже въ 40-хъ годахъ онъ по документамъ и даннымъ, находившимся въ распоряженіи III отдѣленія, составилъ записку подъ заглавіемъ: „Конецъ и послѣдствія бунта 14 декабря 1825 года“. Изъ этой записки мы приводимъ лишь начальныя страницы, въ которыхъ идетъ рѣчь о числѣ жертвъ. Врядъ ли возможно заподозрить М. М. Попова въ желаніи увеличить это число.

Разсказъ М. М. Попова.

Во весь день 14 Декабря 1825 г., кромѣ войскъ, толпилось множество народу на Адмиралтейской и Сенатской площади, въ концахъ ближайшихъ къ нимъ улицъ, на Исаакіевскомъ мосту и набережныхъ обѣихъ сторонъ Невы. Изъ народа почти никто не участвовалъ въ бунтѣ: большею частію были только зрители.

Къ вечеру часа въ четыре начали стрѣлять изъ пушекъ, поставленныхъ противъ всѣхъ пунктовъ, гдѣ находились толпы: въ Галер-

ную улицу, вдоль по Исаакиевскому мосту, по набережнымъ, черезъ гранитныя перила на Васильевскій островъ. Пальба продолжалась съ часъ. Тутъ не могло быть и не было никакого разбора: не столько участники мятежа, сколько простые зрители ложились рядами. Въ толпахъ отъ испуга и давки, отъ неловкости или слабости люди давили другъ друга и гибли, догоняемые ядрами и картечами. Какъ далеко дслетали заряды, видно изъ того, что одно ядро ударило въ третій этажъ Академіи Художествъ, въ квартиру учителя *Колашникова*, прошибло стѣну и ранило кормилицу этого учителя, которая держала на рукахъ его ребенка. Во всѣхъ домахъ ворота и двери были заперты и не отпирались ни на какой вопль, всякій боялся отвѣчать за мятежника. Народу легло такъ много, что Нева, набережныя и улицы были покрыты трупами.

Тотчасъ по прекращеніи стрѣльбы, новый Государь приказалъ Оберъ полицмейстеру, *Шульшину*, чтобъ трупы были убраны къ утру. Шульгинъ распорядился безчеловѣчно. Въ ночь по Невѣ отъ Исакиевского моста до Академіи Художествъ и дальше къ сторонѣ Васильевского острова, сдѣлано было множество прорубей, величиною какъ только можно опустить человѣка, и въ эти проруби къ утру опустили не только всѣ трупы, но (ужасное дѣло) и раненыхъ, которые не могли уйти отъ этой кровавой ловли. Другіе ушедшіе раненые таили свои раны, боясь открыться медикамъ и правительству, и умирали не получивъ помощи. Отъ этого то въ Петербургѣ почти не осталось въ живыхъ изъ тѣхъ которые были ранены 14-го Декабря.

Государь былъ очень недоволенъ *Шульшинымъ* и смѣнилъ этого господина. Безразсудность его распоряженія открылась еще больше весною. Когда по Невѣ начали добывать ледъ, то многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ рукой, ногой или цѣлымъ человѣческимъ трупомъ. Правительство должно было запретить рубку льда у берега Васильевского острова и назначило для этого другія мѣста по Невѣ. Со вскрытіемъ рѣки, трупы погибшихъ унесены въ море.

Не меньше неприятно то, что полиція и помощники ея въ ночь съ 14-го на 15 Декабря пустились въ грабежъ. Не говоря уже, что съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ опускали въ проруби, снимали платье и обирали у нихъ вещи, даже убѣгающихъ ловили и грабили!

Во всю эту ночь вѣрные полки расположены были биваками по площадямъ около адмиралтейства, по улицамъ адмиралтейскихъ частей и Васильевскому острову. Вездѣ горѣли бивачные огни и ѣздили густые патрули. Зимній дворецъ обведенъ былъ непрерывной цѣпью пушекъ, артиллеристами, піонерами и кавалергардами. Дня два или три послѣ того патрули продолжались день и ночь не давая собираться толпамъ и не пропуская людей сомнительныхъ. Во дворцѣ же недѣли двѣ были въ опасеніяхъ. Каждую ночь какъ только засыпалъ городъ, безмолвно шли по Милліонной нѣсколько ротъ Преображенцевъ, и везли пушки. Преображенцы помѣщались во дворѣ, а пушки ставили въ воротахъ дворца. Утромъ передъ тѣмъ, какъ просыпаться городу, Преображенцы и пушки съ тою же тишиной удалялись изъ дворца.

СПИСОКЪ

раненымъ нижнимъ чинамъ 14-го декабря со стороны противной,
которые находятся въ госпиталяхъ.

1825 года.

Подковъ лейбъ-гвардіи.	Чѣмъ оныя ранены.	Въ какихъ именно госпиталяхъ.
Московскаго:		
У н т е р ъ - о ф и ц е р ы :		
2 б. 6 р.		
1. Корней Назаровъ. Помре 22 декабря.	Картечью въ правый бокъ.	Въ Финляндскомъ.
2. Тимошъ Шафеевъ.	Картечью въ ляжку лѣвой ноги.	Въ Сухопутномъ.
Рядовые:		
1 б. 2 р.		
3. Яковъ Виноградовъ.	Саблею въ голову, лицо и лѣвое плечо разбито.	Въ Конногвардейскомъ.
1 б. р. Его Высоч.		
4. Матвей Аверьяновъ.	Отъ ушиба лошадыю въ спину, по выздоровленіи отправленъ въ крѣпость.	
1 б. 2 р.		
5. Максимъ Кондратьевъ	Контузія отъ картечи въ лѣвый бокъ.	Въ Финляндскомъ.
1 б. 3 р.		
6. Иванъ Савельевъ.	Картечью въ правую ногу съ переломомъ кости.	Въ Семеновскомъ.
2 б. 5 р.		
7. Афанасій Сергѣевъ.	Картечью. На правой рукѣ два пальца отняты.	
2 б. 22 р.		
8. Григорій Рышкняъ.	Картечью въ правое плечо.	

Подковъ лейбъ-гвардіи.	Чѣмъ оны ранены.	Въ какихъ именно госпиталяхъ.
2 б. 6 р. 9. Афанасій Никитинъ.	Картечью контузія въ лѣвую ногу.	Къ Семеновскомъ.
2 б. 6 р. 10. Никифоръ Вылетковъ.	Саблею въ голову.	Въ Артиллерійскомъ.
2 б. 5 р. 11. Леонтія Лебедевъ. Помре 30 декабря.	Картечью сзади въ правый бокъ на вылетъ.	
1 б. роты Его Высоч. 12. Алексѣй Храпцовъ.	Картечью въ лѣвую ногу.	
1 б. роты Его Высоч. 13. Семенъ Губинъ.	Пулею въ лѣвую ногу.	Въ Сухопутномъ.
2 б. 5 р. 14. Тарасъ Афанасьевъ.	Картечью въ лѣвое плечо опасно.	
Доставленъ изъ крѣпости.	1 б. 2 р. 15. Семенъ Ефимовъ.	
	1 б. 2 р. 16. Ермолай Латушинъ.	
Гренадерскаго:		
Рядовые:		
2 б. 2 Гр. р. 17. Михайло Савиновъ.	Картечью въ голову.	Въ Конно-гвардейскомъ.
8 б. 7 р. 18. Павелъ Бакуринъ.	Контуженъ въ правую ляжку отъ картечи.	
2 б. 2 Гр. р. 19. Ларіонъ Ивановъ.	Картечью въ голову легко.	
2 б. 4 р. 20. Матвѣй Кожинъ.	Картечью въ правую ляжку.	Въ Артиллерійскомъ.
1 б. 2 р. 21. Дементій Патраповъ.	Картечью въ лѣвую ногу на вылетъ.	
22. Герасимъ Шелапутовъ, умершій 15 декабря, прирезанъ былъ въ гошпиталь.		

Полковъ лейбъ-гвардіи.	Чѣмъ оныя ранены.	Въ какихъ именно госпиталѣхъ.	
2 б. 4 р. 23. Никифоръ Гурьяновъ.	Картечью въ лѣвое плечо сзади и остановилась въ груди.	Въ Сухопутномъ.	
4 б. 1 р. 24. Василій Николенько.	Картечью въ правую ногу выше колѣна.		
1 б. 1 р. 25. Петръ Стрѣлковъ.	Картечью въ правую руку въ палецъ.		
2 б. 6 р. 26. Вельяминъ Янъ.	Картечью въ голову контузія.		
2 б. 6 р. 27. Тимофей Иконниковъ.	Картечью въ ладонь лѣвой руки.		
2 б. 5 р. 28. Иванъ Тимофѣевъ. Изъ крѣпости.	Вывихомъ шеи отъ ударовъ.		
1 б. 1 р. 29. Леонтій (или Иванъ) Тимофѣевъ. Изъ крѣпости.	Вывихомъ шеи отъ ударовъ.		
2 грена. р. 30. Никифоръ Давиловъ.	Картечью въ щиколотку правой ноги.		
Гвардейскаго эскадрона: Рядовые:			Въ Финляндскомъ.
Арт. р. 31. Сидоръ Зайцевъ.	Отнята правая рука и другою картечью въ грудь.		
Арт. р. 32. Василій Куликовъ.	Отнята лѣвая рука.		
2 р. 33. Петръ Тулапинъ. Помре 22 декабря.	Прострѣломъ въ грудь картечью на вылетъ.		
Арт. р. 34. Макарь Крыловъ.	Контузія въ лѣвый високъ отъ картечи.		
Арт. р. 35. Николай Ивановъ. Умре 17 января.	Картечью въ грудь и въ руку въ двухъ мѣстахъ на вылетъ.		
2 р. 36. Федоръ Пеговъ.	Картечью въ животъ на вылетъ.		

Полковъ лейбъ-гвардіи.	Чѣмъ оныя ранены.	Въ какихъ именно госпиталяхъ.
5 р. 37. Музыкантъ Бирьянъ Соколовъ. Помре 28 декабря.	Картечью въ грудь на вылетъ.	
Рядовые:		
5 р. 38. Тимофѣй Захаровъ.	Картечью въ щеку съ поврежденіемъ нижней челюсти.	
2 р. 39. Осипъ Канаповъ.	Картечью въ ляжку на вылетъ.	Въ Финляндскомъ.
2 р. 40. Юганъ Алатынинъ. Помре 28 декабря.	Картечью въ грудь на вылетъ.	
5 р. 41. Никифоръ Труповъ.	Картечью контузія въ верхнюю челюсть.	
1 р. 42. Федулъ Суровой.	Контузія отъ картечи въ щеку.	
1 р. 43. Иванъ Зайцовъ.	Картечью въ правое плечо.	
2 р. 44. Петръ Крыгинъ.	Картечью въ лѣвое плечо и контузія въ голову.	
5 р. 45. Родионъ Волковъ.	Контузія въ правое плечо.	
2 р. 46. Василій Кириловъ. Помре 30 декабря.	Картечью ниже праваго колѣна.	Въ Артиллерійскомъ.
6 р. 47. Иванъ Хватовъ.	Подавлена грудь лошадыи. Выадоровъ 14 января отправленъ въ крѣпость.	
4 р. 48. Маркъ Крюковъ.	Картечью въ кисть лѣвой руки.	Въ Сухопутномъ.
3 р. 49. Николай Шин-маловъ.	Контузія отъ картечи выше ляжекъ.	

Изъ крѣ-
пости.

Итого въ госпиталяхъ подъ арестомъ:

Въ конно-гвардейскомъ	Московского Гренадерскаго 1 4	5
Въ Финляндскомъ	Московского Гренадерскаго Экипажа 2 1 12	15
Въ Семеновскомъ	Московского	4
Въ Артиллерійскомъ	Московского Гренадерскаго Экипажа 3 1 5	9
Въ Сухопутномъ	Московского Гренадерскаго Экипажа 5 7 2	14
16 декабря 1825 г.		47 челов.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о числѣ людей и лошадей, убитыхъ и раненыхъ 14 декабря 1825 г. въ войскахъ?
бывшихъ при Его Императорскомъ Величествѣ и въ послѣдствіи отъ ранъ
умершихъ по сіе число 24 декабря 1825 г.

	Убито.			Ранено и получили ушибы.								Впослѣд- ствіи отъ ранъ умерли.	
	Улитеръ-офицеровъ.	Рядовыхъ.	Лошадей строевыхъ.	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Улитеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Денщиковъ.	Лошадей строевыхъ.	Штабъ-офицеровъ.	Рядовыхъ.
Кавалергардскаго									1		1		
Коннаго			1		1	1	1		7	1	5		
Московского				1	1		1		1				
Семеновскаго									3				
Гренадерскаго												1	
Павловскаго							1	1	4				1
Конно-піонернаго	1	1					2		6				
ИТОГО	1	1	1	1	2	1	3	1	22	1	6	1	1

Показаніи по сему списку ранены офицеры:

Командиръ л. гв. Московскаго полка генералъ-маіоръ баронъ Фридриксъ—саблею въ голову, съ поврежденіемъ черепа и полковникъ Хвощинскій—саблею въ плечо.

Командиръ л.-гв. Гренадерскаго полка полковникъ Стюрдьеръ—пулею въ грудь на вылетъ и 17 декабря умеръ.

Л.-гв. Коннаго полка флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Веліо лишился правой руки, которая отнята выше локтя, отъ раны пулею раздроблена кость.

Штабсъ-ротмистръ Игнатьевъ—ушибомъ ноги.

Кромѣ сего раненъ командиръ 1 бригады 1 гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Шеншинъ саблею въ голову съ поврежденіемъ черепа.

Воспоминанія народовольца.

(Окончаніе ¹).

Х.

Пріѣздъ Лопатина и планы на будущее.

Съ отъѣздомъ Иванова работы въ типографіи продолжались по заведенному порядку, и уже было приступлено къ печатанію перваго листа номера. Это было въ 20 числахъ августа, когда пріѣхалъ Лопатинъ. Случайно вышло такъ, что раньше, чѣмъ попасть ко мнѣ на дачу, Лопатинъ долженъ былъ пройти черезъ три передаточныхъ пункта (нормальныхъ явокъ было двѣ, одна общая, другая ко мнѣ) и, по своему обыкновенію, онъ подошелъ ко мнѣ съ шутивнымъ замѣчаніемъ:

— Ну, къ вамъ какъ къ сказочному принцу трудно добраться!

Когда я взглянулъ на Лопатина, я увидалъ, что все лицо его носило грустное и усталое выраженіе. Въ какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ Лопатинъ постарѣлъ на много лѣтъ.

— Германъ Александровичъ, вы больны?

— Не боленъ, а нервы совсѣмъ оголились.

И онъ сталъ рассказывать мнѣ, какъ Распорядительная Комиссія «заслуживала свои шпоры».

Послѣ нашего отъѣзда Александръ Ивановичъ сталъ требовать, чтобы въ программу партіи былъ внесенъ аграрный и фабричный терроръ, и, такъ какъ Распорядительная Комиссія на это не согласилась, то онъ дѣятельно сталъ готовиться къ выпуску органа Молодой Россіи, названнаго имъ «Народная Борьба». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разослалъ всюду эмиссаровъ.

Въ самомъ Петербургѣ Александръ Ивановичъ долженъ былъ выдержать натискъ Лопатина, блестящія дарованія и престижъ котораго скоро привели обратно на лоно старой Народной Воли всѣхъ заблудшихъ овецъ. Насколько помнится дошло до того, что сама типографія, въ которой должна была печататься «Народная Борьба», оказалась въ рукахъ Лопатина, послѣ чего Александръ Ивановичъ окончательно сдался и присталъ къ Старой Народной Волѣ.

¹) См. Былое, январь и февраль.

Справившись съ миссіей Народной Воли, Лопатинъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ у Распорядительной Комиссіи были кой-какія связи и гдѣ революціонные элементы были поистинѣ въ состояніи *chaos rudis*. Пробывъ тамъ довольно продолжительное время, Лопатинъ успѣлъ кое-что дифференцировать и организовать кружокъ главнымъ образомъ среди Петровцевъ и студентовъ, во главѣ котораго стояли М. П—въ, Миноръ, Ф—въ и др.

Онъ очень хотѣлъ, чтобы я переѣхалъ въ Москву и продолжалъ дѣло организаціи.

Не долго размышляя, я принялъ его предложеніе, потому что меня соблазнила возможность поработать надъ большимъ революціоннымъ матерьяломъ.

Дальше Лопатинъ сообщилъ, что въ другихъ мѣстахъ, какъ въ Одессѣ и Кіевѣ, намѣчены организаціи, что въ Дерптѣ печатается подъ руководствомъ Александра Ивановича 10-й номеръ Народной Воли.

Словомъ, дѣло обстоитъ такъ, что единство организаціи всюду восстановлено, и что теперь остается только работать во всю въ намѣченномъ направленіи.

Когда Лопатинъ спросилъ меня, что мы успѣли сдѣлать за это время, я первымъ дѣломъ показалъ ему отпечатанный листъ Народной Воли, и тутъ у насъ произошла маленькая непріятность.

Видя, что въ некрологъ внесено имя Бердичевского, Лопатинъ возмущился и выразилъ удивленіе, какъ я могъ допустить такой фактъ. Я съ полной правдивостью рассказалъ ему какъ было дѣло и почему я не снесся относительно этого инцидента съ Распорядительной Комиссіей.

Когда онъ сказалъ, что вопросъ этотъ надо уладить, я заявилъ ему, что съ величайшей готовностью буду содѣйствовать ему.

Затѣмъ Лопатину было очень непріятно, что мы съ Ивановымъ позволили себѣ шлифовать текстъ сообщенія Исполнительнаго Комитета. Онъ старался убѣдить меня, что я не долженъ былъ налагать руку на «официальный документъ». На это я возразилъ ему, что «официальнымъ документъ этотъ долженъ былъ стать только *послѣ* напечатанія его въ народной Волѣ, и, такъ какъ мы ни на іоту не измѣнили смысла его, то совѣсть моя чиста. Но въ виду того, что въ Дерптѣ печатается другимъ изданіемъ тотъ же 10-й номеръ, то конечно прійдется восстановить первоначальный текстъ. На томъ и порѣшили, и легонькое облачко, которое возникло между нами, разсѣялось. Я уже упомянулъ выше, что Лопатину легко удалось въ отсутствіи Иванова уговорить типографщиковъ сдѣлать необходимыя перемѣны въ наборѣ.

Лопатинъ оставался дня три въ Ростовѣ, и между нами установились отношенія, болѣе сердечныя, болѣе товарищескія, чѣмъ раньше. Мы почти все время провели въ разговорахъ. Познакомилъ я его съ членами мѣстной группы, рассказалъ ему о всѣхъ нашихъ связяхъ и передалъ ему ключи и пароли, которые даже Иванову остались неизвѣстны.

Между прочимъ я далъ ему пароль къ К. и на случай моего

исчезновенія просилъ его обратить особое вниманіе на этого человека, который для нашего дѣла будетъ очень цѣнной силой.

Наше вооруженіе заинтересовало и нѣсколько возбудило Лопатина, и онъ даже попросилъ меня дать ему одинъ изъ нашихъ револьверовъ.

Нѣкоторое впечатлѣніе произвелъ на него штампель, выбитый на разрывныхъ снарядахъ: «Исполнительный Комитетъ Партіи Народной Воли». Внизу стояло «Динамитный снарядъ № такой то».

Снаряды эти Лопатинъ увезъ съ собой въ Петербургъ и впоследствии они были взяты полиціей при арестѣ Саловой.

Не знаю, по какой причинѣ, снаряды носили номера, начинавшіеся съ 6. Полиціи удалось взять 4, но первыхъ номеровъ она такъ и не могла найти, перерывши всю Россію.

Изъ К-хъ денегъ я передалъ Лопатину нѣкоторую сумму, такъ что онъ уѣхалъ отъ насъ, увозя съ собой не только военные припасы, но и, что не менѣе важно, «нервъ войны».

Разсказалъ еще мнѣ Лопатинъ о своихъ любопытныхъ сношеніяхъ въ Москвѣ, съ Бѣлино-Бржозовскимъ, который оказался смѣлымъ шпиономъ-провокаторомъ, и послѣднія дѣла котораго я видѣлъ въ Москвѣ въ ноябрѣ того же года. Но объ этомъ разскажу потомъ.

Между Лопатинымъ и мною было условлено, что я, захвативши съ собой какъ можно больше готовыхъ листовъ 10-го номера, объѣду Саратовъ, Казань, Нижній и Ярославль, гдѣ у насъ были организованныя группы или элементы возможныхъ группъ. Затѣмъ я долженъ былъ возвратиться на югъ и, проведя дней десять у Ч—хъ, которые переѣхали въ Ялту, отъ нихъ направиться въ Ейскъ къ К—ву, чтобы окончательно условиться насчетъ будущаго, и оттуда въ Ростовъ. Покончивши тамъ съ печатаніемъ номера, я долженъ былъ ликвидировать типографію—такъ какъ она имѣла временный характеръ—и переѣхать въ Москву.

Чтобы не терять другъ друга изъ виду, мы условились правильно обмѣниваться письмами. Лопатинъ долженъ былъ написать мнѣ одно письмо въ Казань къ 16-му сентября, другое въ Ростовъ къ 1-му октября, а третье въ Москву, куда я долженъ былъ пріѣхать около 16-го октября.

Со свѣтлыми надеждами на будущее мы распрощались съ Лопатинымъ,—увъ! На многіе-многіе годы! Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ больше не видались...

* * *

Дней десять послѣ отъѣзда Лопатина я тоже двинулся въ путь по условленному маршруту, увозя съ собой въ чемоданъ часть отпечатанныхъ въ нашей типографіи листовъ 10-го номера «Народной Воли». Путешествіе мое сошло гладко, за исключеніемъ томительнаго инцидента, который при нѣкоторой неблагоприятности судьбы могъ бы принять дурной оборотъ. Не разобравшись какъ слѣдуетъ въ поѣздахъ, я въ Козловѣ вынужденъ былъ сѣсть въ товаро-пассажирскій, такъ называемый, «воловій» поѣздъ, который даже въ тѣ времена

славился своей убійственной медленностью. Пассажиры избѣгали его, какъ чумы.

Передъ самымъ отходомъ поѣзда изъ Козлова въ вагонъ, въ которомъ я былъ единственнымъ пассажиромъ, вошелъ жандармскій унтеръ-офицеръ въ походной амуниціи съ сумкой черезъ плечо,—повидимому онъ возвращался изъ какой-нибудь экспедиціи «сопровожденія».

Расположившись по дорожному недалеко отъ моего мѣста, онъ сталъ отъ нечего дѣлать обозрѣвать меня. Судя по выраженію его лица, обзоръ этотъ первое время носилъ профессиональный характеръ. Но не открывая во мнѣ «ничего» такого, бравый унтеръ успокоился и вступилъ со мной въ разговоръ. Сначала обмѣнялись замѣчаніемъ насчетъ медленности поѣзда, а затѣмъ мнѣ пришлось отвѣчать на три *сакраментальныхъ* вопроса, на которые русскій путешественникъ долженъ быть готовъ отвѣчать каждую минуту: чей онъ будетъ? куда ѣдетъ? по какимъ дѣламъ? Къ счастью, для всякаго нелегальнаго люда, коррективомъ къ этой пагубной привычкѣ вопрошать является крайняя нетребовательность вопрошающаго, который удовлетворяется ничего не значащими отвѣтами вродѣ: «по всякимъ дѣламъ» или «по собственнымъ дѣламъ».

То, что *жандармъ* задалъ мнѣ первый вопросъ въ его быта-тельской редакціи: «вы чьи будете?», было для меня хорошимъ знакомъ, я, вѣроятно, почувствовалъ бы себя не очень пріятно, если бы вопросъ былъ поставленъ мнѣ въ его профессиональной формулировкѣ: «господинъ, позволите узнать какъ ваша фамилія».

Не помню уже, что я отвѣтилъ жандарму, но отвѣтами моими онъ удовлетворился и началъ нескончаемый разговоръ о всякой всячинѣ.

Я долженъ былъ давать ему реплику. По истеченіи часа я былъ въ состояніи, близкомъ къ изступленію. Къ счастью поѣздъ сталъ подходить къ станціи, и я началъ собирать чай (со мной всегда были всѣ атрибуты солиднаго пассажира), жандармъ вызвался сходить на станцію за кипяткомъ. Мы пили чай и закусывали вмѣстѣ.

Потомъ спали, потомъ опять пили чай. А когда—наконецъ!—мы вышли изъ поѣзда въ Саратовѣ, жандармъ попрощался со мною за руку, назвавъ меня по имени отчеству, и пожелалъ мнѣ всякихъ успѣховъ въ моихъ дѣлахъ.

Въ Саратовѣ тогда было неспокойно и шпіонья на вокзалѣ было, вѣроятно, не мало. Но кому бы пришло въ голову заподозрить въ неблагонадежности человѣка, котораго жандармскій унтеръ-офицеръ мѣстной бригады величалъ по имени отчеству.

Явку въ Саратовѣ мнѣ дали довольно оригинальную: въ арестантскія роты.

А такъ какъ тюремный замокъ былъ въ двухъ шагахъ отъ арестантскихъ ротъ, то, въ случаѣ чего, не пришлось бы далеко идти. Мнѣ даже совѣтовали не перепутать этихъ двухъ учреждений и не попасть сразу въ тюрьму.

Очень симпатичный молодой человѣкъ, который принялъ меня, и съ которымъ мы обмѣнялись паролями, далъ мнѣ весьма неутѣши-

тельные свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Саратовѣ. Изъ наиболѣе дѣятельныхъ революціонеровъ одни сидятъ въ тюрьмѣ, другіе уѣхали; оставшіеся же считаютъ невозможнымъ вести теперь дѣло организаціи. Въ этомъ духѣ говорилъ со мною господинъ, съ которымъ меня свели на другой день, и о которомъ у меня сохранилось довольно смутное воспоминаніе. Помню только, что видъ у него былъ скучающій и не совѣмъ любезный, точно онъ неожиданно объявившагося бѣднаго родственника принималъ, къ появленію номера «Н. В.» котораго всѣ ждали съ страстнымъ нетерпѣніемъ, онъ отнесся какъ къ факту, совершенно безразличному. Для меня стало очевиднымъ, что послѣ *Поливановской* встряски Саратовъ нуждается въ отдыхѣ. Я такъ и сказалъ своему собесѣднику, который желанія противорѣчить мнѣ не обнаружилъ. При прощаніи онъ, *вѣрный* саратовскимъ традиціямъ, предложилъ мнѣ денегъ на дорогу. Предложеніе его я съ благодарностью отклонилъ и, повидавшись еще разъ съ симпатичнымъ юношей, въ которомъ мнѣ видѣлся представитель будущаго революціоннаго поколѣнія въ Саратовѣ, я поѣхалъ въ Казань.

Въ Казани я нашелъ большое оживленіе среди революціонной молодежи. Проведя каникулярное время на «*подножномъ* корму», студенты вернулись въ городъ не только съ запасомъ физическихъ силъ, но и съ изрядной долей бодрости духа. Дошли и до Казани слухи о «Молодой Народной Волѣ» и о ея борьбѣ со старой организаціей. *Декаевская* исторія тоже толковалась на всѣ лады. Но въ общемъ настроеніе было хорошее. А когда я предъявилъ революціонной молодежи долго-жданннй 10-й номеръ Н. В., энтузіазмъ ея значительно повысился. Опять таки долженъ сказать, что самый фактъ появленія номера игралъ здѣсь несравненно большую роль, чѣмъ содержаніе его. Номеръ появился послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтняго перерыва,—значить партія опять имѣетъ сплоченную организацію, въ этомъ вся суть. Содержаніе особаго восторга не вызвало, но послѣ нѣкоторыхъ комментариевъ было принято въ общемъ недурно. Сторонниковъ молодой Народной Воли въ Казани почти что не было. Кружокъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло въ предшествующемъ году, разросся и окрѣпъ. Были въ немъ элементы, изъ которыхъ могла составиться хорошая группа. Такъ какъ въ Казани я долго оставаться не могъ, то и инициативу сформированія группы я не хотѣлъ брать на себя и рѣшилъ поддерживать съ казанцами сношенія изъ Москвы и, разобравшись тамъ въ революціонномъ матеріалѣ, направить къ нимъ толковаго и надежнаго человѣка. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Казань, я получилъ отъ Лопатина, согласно уговору, письмо, о содержаніи котораго у меня не сохранилось ясныхъ воспоминаній.

Со своей стороны я послалъ ему письмо, которое впоследствии было взято въ бумагахъ Саловой и фигурировало цѣликомъ въ обвинительномъ актѣ по дѣлу организаціи 1884 г. Относительно этого письма скажу только одно: еслибы мнѣ на одну секунду пришла въ голову мысль, что оно попадетъ въ число «историческихъ матеріаловъ» я, конечно, далъ бы ему болѣе академическую редакцію. Но тогда я объ исторіи менѣе всего думать и *еще* писалъ, писалъ.

Условившись съ казанцами на счетъ явокъ, паролей, ключей,

и адресовъ, я въ концѣ сентября выѣхалъ изъ Казани въ Нижній, гдѣ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ ссыльныхъ жилъ тогда мой кievскій знакомый А. Богдановичъ. Я надѣялся черезъ него установить правильныя сношенія съ Нижнимъ.

Богдановичъ по внѣшнему виду мало измѣнился за два года, которые прошли со времени нашего послѣдняго свиданія въ Кіевѣ. Передо мною была все та же тонкая, изящная фигура. Но съ первыхъ же словъ нашего разговора я увидѣлъ, что Богдановичъ, какъ и *Бать* смотреть не въ ту сторону, что я.

Когда, думая обрадовать его, я сказалъ ему, что вышелъ 10-й номеръ Н. В., онъ спокойно отвѣтилъ, что моя новость была бы умѣстна два года тому назадъ, но что теперь я не удивлю его. Интересовался онъ больше философскими вопросами, съ упоеніемъ изучая «Фауста» и не безъ таланта декламировалъ изъ него цѣлые монологи по нѣмецки (Въ ушахъ у меня застряла патетическая фраза: *entbehren sollst du mich, entbehren!*.)

Тогда для меня еще было не совсѣмъ понятно, почему такія незаурядныя и безусловно достойныя уваженія личности, какъ Бать и Богдановичъ стали смотрѣть въ сторону отъ революціоннаго движенія. Но вскорѣ и мнѣ пришлось подвести итоги своей трехлѣтней дѣятельности и познать несоотвѣтствіе нашихъ революціонныхъ плановъ и надеждъ съ тогдашнимъ политическимъ и социальнымъ состояніемъ Россіи.

Какъ бы то ни было, потому ли что революціонное движеніе дѣйствительно пошло на убыль, потому ли, что я не умѣлъ какъ слѣдуетъ взяться за дѣло, но въ Нижнемъ мои старанія также мало увѣнчались успѣхомъ, какъ и въ Саратовѣ. Чувствовалось, что порвана какая то струна, которую ужасно трудно было вновь связать.

По своему первоначальному плану я рѣсчитывалъ изъ Нижняго проѣхать пароходомъ въ Ярославль. Но наступилъ пагубный для меня сезонъ—осень съ ея холодной слякотью,—я схватилъ въ Нижнемъ жестокую простуду и, по опыту прошлаго, могъ ожидать, что прійдется слечь. Поэтому я направился въ Москву, куда я пріѣхалъ въ сильномъ жару. У меня разыгрался бронхитъ, и четыре дня мнѣ пришлось пролежать въ гостинницѣ гдѣ то недалеко отъ вокзала. На пятый день мнѣ стало легче и я рѣшилъ проѣхать въ Ялту къ Ч—мъ, приглашеніе которыхъ пришлось мнѣ теперь очень ко двору. У нихъ я рѣсчитывалъ передохнуть и отправиться потомъ въ Ейскъ и Ростовъ.

Въ Ялту я пріѣхалъ 5-го или 6-го октября. На пароходной пристани меня встрѣтилъ молодой Ч—въ (членъ Ростовской группы), отъ котораго я узналъ, что писемъ онъ для меня не получилъ. Это меня смутило, потому что Лопатинъ былъ со мною всегда аккуратенъ.

Но революціонеръ не всегда воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и могла выйти задержка. Когда же прошло еще нѣсколько дней, а письмо отъ Лопатина все не приходило, я сталъ серьезно беспокоиться. Беспокойство мое возросло еще вслѣдствіе того обстоятельства, что и Ч—въ не получилъ ожидаемыхъ писемъ отъ ростовскихъ товарищей. Я рѣшилъ ѣхать въ Ейскъ и Ростовъ и, несмотря на всѣ

уговоры моихъ гостепріимныхъ хозяевъ, я 11-го или 12-го октября полубольной сѣлъ на пароходъ.

К—въ очень обрадовался, когда я къ нему заявился въ Ейскъ. Мы опять провели день въ задушевныхъ разговорахъ, и я чувствовалъ бы себя очень хорошо въ этой семьѣ добрыхъ и благородныхъ людей, если бы меня не грызло мучительное безпокойство за Лопатина и за ростовскую типографію,—безпокойство, которое можно было бы принять за предчувствіе, если бы оно не было результатомъ сложнаго процесса самовнушенія. Съ К—вымъ мы условились, что онъ поселится въ Харьковъ и войдетъ въ тамошнюю организацію, явки я долженъ былъ прислать ему изъ Ростова, такъ какъ имѣвшіяся у меня не были свѣжи.

Денегъ онъ далъ мнѣ, если не ошибаюсь, 1000 р. Больше я не хотѣлъ брать съ собой, такъ какъ я боялся, что въ случаѣ моей гибели, деньги пропадутъ для дѣла. Было между нами условлено, что, по приѣздѣ въ Москву, я пришлю адресъ, по которому старшій братъ К—ва будетъ высылать деньги по мѣрѣ ликвидаціи дѣла. Помню, что у москвичей я просилъ впослѣдствіи указать мнѣ надежный адресъ, по которому можно было бы получить изъ провинціи 10,000 р. Значить, приблизительно эта сумма должна была поступить отъ К—ва въ партію первое время.

К—въ очень уговаривалъ меня остаться у него нѣсколько дней. Но мое безпокойство достигло апогея, я не могъ, физически не могъ сидѣть на мѣстѣ. Видя это мое настроеніе, К—въ пересталъ уговаривать меня и только предложилъ своему старшему брату, у котораго были дѣла въ Таганрогѣ, поѣхать въ одно время со мною.

— Смотри, береги его!—наказывалъ онъ ему усаживая насъ на пароходъ послѣ дружескаго прощенія.

Но, повидимому, берегъ меня не старшій К—въ, берегла меня сама судьба.

XI.

Разіромъ.

Путешествіе мы совершили съ большимъ комфортомъ и вечеромъ того же дня остановились въ одной изъ лучшихъ гостинницъ Ростова, гдѣ старшій К—въ всегда останавливался.

На другое утро К—въ вошелъ ко мнѣ въ комнату съ телеграммой въ рукахъ и, передавая ее мнѣ, сказалъ:

— Это васъ касается.

Телеграмма была отъ жены младшаго К—а и извѣщала, что *вексель Павла Ивановича* (одна изъ моихъ кличекъ) *опротестованъ въ Екатеринодарѣ.*

Громъ грянулъ! Я зналъ, что въ жандармскомъ отношеніи Ейскъ зависитъ отъ Екатеринодара. Очевидно, вскорѣ послѣ моего отъѣзда жандармы прибыли въ Ейскъ и искали меня тамъ. Но почему? Въ

тотъ моментъ это было для меня непонятно. Впослѣдствіи обнаружилось, что это были результаты ареста Лопатина ¹⁾).

Долго раздумывать тутъ нечего было, надо было дѣйствовать, такъ какъ съ минуты на минуту могли нагрянуть жандармы.

Черезъ двадцать минутъ отходилъ поѣздъ. Я распрощался съ К—вымъ, быстро сложилъ свои вещи, поѣхалъ на вокзалъ и взялъ билетъ въ Новочеркасскъ. На первой станціи, которая находится противъ Нахичевани, я вышелъ изъ поѣзда, оставилъ вещи у буфетчика, прошелъ пѣшкомъ въ Нахичевань и оттуда на извозчикѣ вернулся въ Ростовъ: я не могъ уѣхать, не узнавши, что случилось съ товарищами, которые должны были сидѣть въ типографіи и ждать моего приѣзда,

Подхожу къ типографіи. Вижу, условленного сигнала—горшка съ кактусами нѣтъ на окнѣ. Значитъ, товарищи погибли! Какъ ни былъ я готовъ къ худшему, что то ударило меня въ сердце, и голова у меня закружилась. Я медленно поплелся дальше и сдѣлалъ усиліе, чтобы собраться съ мыслями. Что дѣлать? По правиламъ конспираціи, я долженъ былъ пойти по явкѣ, вызвать кого-нибудь изъ ростовцевъ и узнать, что случилось. Но передъ тѣмъ какъ уйти, меня потянуло еще разъ посмотрѣть на домикъ, въ которомъ была типографія. Я зналъ, что безъ боя товарищи не сдались бы. Поразило меня, что по наружному виду никакихъ признаковъ борьбы не было замѣтно. Улица носила свой будничныи характеръ, а обитатели имѣли свой обычный сонный видъ захолустныхъ мѣщанъ. Если бы по со-сѣдству съ ними взяли съ бою тайную типографію, это все таки должно было нѣсколько оживить ихъ. У меня явилось полусознанное желаніе потянуть звонокъ. Въ это желаніе входила и доля отчаянія: поскорѣй бы конецъ! И я позвонилъ...

Въ окнѣ промелькнуло блѣдное лицо Сергѣя Иванова, затѣмъ раздался топотъ бѣгущихъ ногъ, дверь открылась и черезъ секунду мы крѣпко обнимали другъ друга.

— Мы уже считали васъ мертвымъ,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Въ сѣни выбѣжали Руня и Сахаръ Сахарычъ, и раньше чѣмъ я успѣлъ задать какой либо вопросъ, мнѣ сообщили, что въ Ростовѣ арестованы всѣ члены центральной группы съ Добрускиной во главѣ и всѣ тѣ, кто дали свои адреса для явокъ и писемъ (въ томъ числѣ писательница Барыкова); сердце у меня упало. Сопоставляя эти печальныя извѣстія съ утренней телеграммой изъ Ейска, я могъ прийти только къ одному выводу, а именно, что Лопатинъ арестованъ... Можно представить себѣ, какъ огорчились товарищи, когда я сообщилъ имъ свой выводъ.

Оправившись нѣсколько отъ удара, мы стали совѣтоваться, что дѣлать. Размѣровъ провала мы не знали, и первое, что необходимо было сдѣлать, это привести въ извѣстность, что именно уцѣлѣло отъ

) 1. А. Лопатинъ былъ арестованъ въ октябрѣ 1884 года. Прилагаемый его портретъ относится именно ко времени ареста знаменитаго дѣятеля освободительнаго движенія.

організації. Было принято такое рѣшеніе: типографія должна была быть снята и спрятана у одного изъ уцѣлѣвшихъ сочувствующихъ (если не ошибаюсь, она была сдана П., который была агентомъ компаніи «Зингеръ» въ Нахичевани). Я долженъ былъ по первоначальному плану поѣхать въ Москву, основаться тамъ и постараться войти въ сношенія съ Петербургомъ и съ городами, съ которыми у меня сохранились связи.

Сергѣй Ивановъ долженъ былъ побывать въ Одессѣ, Кіевѣ и Харьковѣ и недѣли черезъ три пріѣхать ко мнѣ въ Москву.

Руня и Сахаръ Сахарычъ изъявили желаніе немного отдохнуть. Имъ тоже даны были явки. Затѣмъ мы подѣлили деньги и паспорта. Проведя съ товарищами остатокъ дня, я вечеромъ пробрался опять на желѣзнодорожную станцію, взялъ свои вещи и сѣлъ въ поѣздъ, который благополучно довезъ меня въ Москву.

Совершенно не припомню, какъ типографскіе товарищи объяснили мнѣ причину, по которой они сняли съ окна типографіи сигналъ. Очевидно, сигнала никоимъ образомъ не слѣдовало снимать, такъ какъ типографія оставалась чистой. Моя счастливая звѣзда и тутъ спасла меня. Если бы вмѣсто того, чтобы слѣдовать полусознательному побужденію, я поступилъ по правиламъ и пошелъ по явкамъ, я по всей вѣроятности попалъ бы въ руки жандармамъ. Замѣчу здѣсь кстати, что когда я говорю о своей «счастливой звѣздѣ», я не придаю этому выраженію ни малѣйшаго суевѣрнаго значенія. Я слишкомъ долго занимался точными науками, чтобы сохранить въ душѣ тѣнь суевѣрія. Но для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что я принадлежу къ той малочисленной категоріи людей, которымъ въ жизни, что называется, везетъ. Не то, чтобы у меня не было житейскихъ непріятностей. Но изъ всякаго затруднительнаго положенія я всегда выходилъ невредимый такъ сказать *автоматически*, т. е. безъ особаго участія моей воли и сознанія. И въ общемъ все, что жизнь можетъ дать лучшаго, я имѣлъ и имѣю. Объяснить эту незаслуженную удачу во всемъ также трудно, какъ объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что существуютъ бѣдные Макары, какъ будто надѣленные специфическимъ свойствомъ притягивать на свою голову всевозможныя шишки.

XII.

Московскіе революціонеры и провокаторъ Бѣлино-Бржозовскій.

Пріѣхавъ въ Москву, я остановился въ Иверской гостинницѣ, гдѣ я уже нѣсколько разъ раньше останавливался — конечно, по одному и тому же паспорту — и гдѣ меня встрѣтили какъ уже болѣе или менѣе знакомаго проѣзжаго. Такъ какъ полиція несомнѣнно усиленно разыскивала меня, то очень важно было для меня сойти на новомъ мѣстѣ за нѣсколько извѣстную величину, заподозривать которую въ тождествѣ съ разыскиваемымъ государственнымъ преступникомъ не было особыхъ поводовъ.

Какъ только паспортъ мой вернулся изъ прописки, я снялъ ком-

Германъ Александровичъ
ЛОПАТИНЪ.

нату со столомъ у какихъ то нѣмцевъ на Садовой, которымъ я объяснилъ, что пріѣхалъ изъ имѣнія провести зиму въ Москвѣ, а у нихъ де тѣмъ охотнѣе готовъ поселиться, что буду пользоваться случаемъ освѣжить свой разговорный нѣмецкій языкъ. Въ занимаемую нѣмцами квартиру вель отдѣльный парадный ходъ съ улицы, такъ что ни дворника, ни его подручныхъ я въ глаза не видалъ.

Устроившись, я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ поскорѣй войти въ сношенія съ оставшимися революціонерами.

Пароль и явку Лопатинъ далъ мнѣ, если не ошибаюсь, къ студенту Петровской Академіи Е—ву, адресъ котораго можно было узнать въ Академіи. Раньше чѣмъ сунуться туда, я счелъ благоразумнымъ разузнать стороною, насколько арестъ Лопатина отразился на Московскихъ революціонерахъ. Для этого я разыскалъ въ редакціи Русскаго Курьера моего ярославскаго знакомаго К—го и, объяснивши ему въ точности свое положеніе, просилъ его разузнать, были ли въ послѣднее время аресты въ Петровской Академіи и, если возможно, разыскать одного изъ бывшихъ членовъ Ярославскаго Кружка, помощника присяжнаго повѣреннаго М—ва, который состоялъ при извѣстномъ въ то время присяжномъ повѣренномъ Ильинѣ.

К—ій тутъ же сказалъ мнѣ, что въ Москвѣ были многочисленныя аресты и что у Ильина въ конторѣ былъ надняхъ обыскъ. Но, несмотря на царившую тогда панику, онъ безъ малѣйшаго колебанія согласился исполнить мою просьбу.

На другой день онъ сообщилъ мнѣ, что разыскалъ М—ва и назначилъ ему свиданіе со мною. К—ій предложилъ мнѣ и на будущее время свои услуги. Но я уже разсказалъ выше, почему я отказался отъ предложенія К—го и какъ я разставался съ этимъ во всякомъ случаѣ не зауряднымъ человѣкомъ.

М—ва я лично не зналъ, такъ какъ онъ отбывалъ воинскую повинность гдѣ то въ одной изъ центральныхъ губерній, когда я былъ въ Ярославлѣ. Но ярославскіе товарищи хорошо отзывались о немъ, и я надѣялся, что онъ приметъ дѣятельное участіе въ работѣ организациі московскихъ революціонныхъ силъ. Представленіе, которое я составилъ о М—вѣ, подтвердилось при личномъ знакомствѣ. Но принятыя немедленно за дѣло онъ считалъ неудобнымъ въ то смутное время, главнымъ образомъ потому, что онъ состоялъ подъ негласнымъ надзоромъ полиціи. Тѣмъ не менѣе онъ охотно вызвался съѣздить въ Петровскую Академію и разузнать о моей явкѣ. На другой день онъ сообщилъ мнѣ при свиданіи, что Е—въ арестованъ.

Это было очень непріятнымъ осложненіемъ. Говоря о кружкѣ Петровцевъ, Лопатинъ указалъ мнѣ, какъ на одного изъ болѣе видныхъ членовъ его, на студента П—ва. Я рѣшилъ поэтому обратиться непосредственно къ послѣднему и опять попросилъ М—ва разыскать мнѣ его адресъ. Въ тотъ же вечеръ М—въ сообщилъ мнѣ адресъ П—ва, —гдѣ то на дачахъ въ Петровскомъ Паркѣ.

На слѣдующее утро я на извозчикѣ поѣхалъ въ Петровскій Паркъ и тамъ на одной изъ дачъ, которыя на зиму сдаются колоніямъ студентовъ, я разыскалъ указанную мнѣ квартиру. Меня встрѣтилъ молодой студентъ, который на мой вопросъ о Михаилѣ П—вѣ

сказалъ мнѣ, что послѣдняго нѣтъ дома, но что онъ вернется часамъ къ двѣнадцати. Я снялъ шубу и расположился ждать П—ва, извлекиши изъ глубины своего духа запасъ покорнаго терпѣнія, безъ котораго, кажется, ни одно дѣло не дѣлается на Руси.

Минутъ черезъ пятнадцать въ комнату заглянулъ тотъ же молодой студентъ, который встрѣтилъ меня, и задалъ мнѣ такой вопросъ:

— Вамъ собственно какого П—ва нужно?

— Студента Михаила П—ва,—отвѣтилъ я.

— Вотъ те и разъ! А вѣдь тутъ живетъ Николай П—въ,—сказалъ онъ, пріятно улыбаясь

— Почему же вы раньше мнѣ объ этомъ не сказали? Я же васъ спрашивалъ о Михаилѣ П—въ,—сказалъ я ему съ укоризной.

— Не сообразилъ какъ то сразу, — отвѣтилъ онъ, продолжая улыбаться.

Что съ него взяты! Чтобы утѣшить меня, онъ сообщилъ мнѣ, что Михаилъ П—въ настоящій живетъ гдѣ то на выселкахъ за Академіей, и что точный адресъ его я могъ узнать изъ адресной книги студентовъ, которая лежитъ на столѣ въ передней Академіи.

Дѣлать было нечего, пришлось кончить тѣмъ, съ чего, можетъ быть, сразу слѣдовало начать, т. е. идти самому разыскать П—ва.

Къ счастью, мой извозчикъ остался поблизости кормить лошадей, такъ что я могъ договориться съ нимъ на счетъ дальнѣйшихъ странствованій. Подѣхавъ къ Академіи, я вошелъ въ переднюю и сразу направился къ адресной книгѣ. Но не успѣлъ я еще разыскать букву П, какъ ко мнѣ подскочило двое педелей и одинъ изъ нихъ спросилъ меня:

— Вамъ, баринъ, кого нужно? (На мнѣ была дорогая шуба, и общій видъ у меня былъ сравнительно внушительный).

— Благодарю Васъ, я уже нашелъ адресъ, отвѣтилъ я закрывая книгу.

Меня стала разбирать злость, и я рѣшилъ непремѣнно разыскать П—ва, чтобы не тянуть опять канители. Сѣвъ въ пролетку, я приказалъ извозчику ѣхать на выселки, намѣреваясь спросить перваго встрѣчнаго студента съ подходящимъ лицомъ, гдѣ живетъ П—въ. Пропустивъ двоихъ, фізіономіи которыхъ мнѣ не понравились, я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что навстрѣчу мнѣ идетъ очень симпатичный, блѣднолицый юноша, одѣтый въ крайне поношенное платье.

Когда на мой вопросъ онъ отвѣтилъ, что знаетъ Михаила П—ва, я попросилъ его поѣхать со мною и показать мнѣ квартиру, пояснивъ, что не хотѣлъ бы путаться зря по деревнѣ.

Юноша смущенно и подозрительно посмотрѣлъ на меня.

— Пожалуйста, не смущайтесь,—какъ могъ убѣдительно сказалъ я ему,—вы этимъ окажете мнѣ большую услугу.

Онъ, должно быть, проникся ко мнѣ довѣріемъ, потому что лицо его прояснилось, и онъ безъ колебанія сѣлъ рядомъ со мной; въ дорогѣ онъ успѣлъ сообщить мнѣ, что П—въ страшно измученъ и разстроенъ.

Черезъ нѣсколько минутъ юноша привелъ меня въ избу, гдѣ

меня встрѣтилъ высокій молодой человѣкъ лѣтъ 28, съ длинной, черной бородой. Это былъ наконецъ Михаилъ П—въ. Когда я ему сказалъ, что я отъ «Карла Налимыча» (пароль) и что меня зовутъ Алексѣемъ Павловичемъ, онъ пришелъ въ сильное волненіе и къ моему удивленію слезы закапали у него изъ глазъ.

—Если бы вы знали, какъ я измучился, ожидая васъ! — проговорилъ онъ съ усиліемъ.—Александръ Петровичъ (одна изъ кличекъ Лопатина) сказалъ мнѣ ничего не предпринимать безъ васъ, я боялся что и вы арестованы, и у меня голова кружится отъ всего того, что здѣсь происходитъ.

Оказалось, что П—въ бился въ когтяхъ Бѣлино-Бржозовскаго, этого ловкаго провокатора, который лѣтомъ 84 г. служилъ посредникомъ между московскими революціонерами и политическими заключенными (Ковалевымъ и потомъ Бѣляевскимъ), провоцировалъ въ тюрьмѣ покушеніе на прокурора судебной палаты Муравьева, добился свиданія съ Лопатинымъ и, давши жандармамъ возможность арестовать его, искалъ новыхъ жертвъ.

Въ бытность свою въ Ростовѣ Лопатинъ разсказалъ мнѣ о дѣятельности этого Бѣлино-Бржозовскаго слѣдующее: Лѣтомъ 84 г. къ студенту Бѣляевскому явился видный мужчина лѣтъ 30, богато одѣтый и съ замашками большого барина, и передалъ ему зашифрованную записку отъ Ковалева, который содержался, если не ошибаюсь, въ Бутыркѣ. Мужчина сказалъ Бѣляевскому, что зайдетъ за отвѣтомъ на другой день. Въ запискѣ Ковалевъ писалъ, что податель взялся служить посредникомъ между нимъ и волей, и что дѣлаетъ онъ это изъ мести русскому правительству. Посовѣтовавшись съ товарищами, Бѣляевскій отвѣтилъ Ковалеву тоже зашифрованной запиской, въ которой онъ предлагалъ ему продолжать сношенія, но осторожно. На другой день Бѣлино-Бржозовскій зашелъ за отвѣтомъ, но на разспросы Бѣляевскаго отвѣчалъ уклончиво и высокомерно.

Еще нѣсколько разъ Бѣлино привозилъ записки отъ Ковалева и передавалъ отвѣты въ тюрьму, причемъ Бѣляевскому назначалъ свиданія въ богатыхъ ресторанахъ и ѣздилъ всегда на великолѣпныхъ ликачахъ.

Въ серединѣ іюля (если не ошибаюсь) Бѣлино привезъ Бѣляевскому зашифрованную записку, въ которой Ковалевъ извѣщалъ, что, если товарищи признаютъ это нужнымъ, онъ имѣетъ возможность привести въ исполненіе смертный приговоръ надъ измѣнникомъ и злостнымъ предателемъ Р—мъ, который въ началѣ 84 г. выдалъ и погубилъ многихъ московскихъ революціонеровъ. Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія онъ просилъ, чтобы ему прислали черезъ посредника яду. Посовѣтовавшись и рѣшили принять предложеніе Ковалева. Черезъ Бѣлино-Бржозовскаго передали не знаю ужъ какого яду Ковалеву, который, улучшивъ минуту, подсыпалъ его въ ѣду Р—ву. Но, должно быть, ядъ былъ плохой, потому что Р—въ отдѣлся легкой рвотой и расстройствомъ желудка.

Въ слѣдующее свое сзиданіе съ Бѣляевскимъ Бѣлино сообщилъ о неудачномъ исходѣ покушенія на огрзвленіе Р—ва, подсмѣивался надъ несмѣлостью революціонеровъ и мало по малу *распаясь*, заявилъ,

что, если на то пошло, онъ, Бѣлино-Бржозовскій могъ бы устроить революціонерамъ такое террористическое предпріятіе, которое имъ и во снѣ не снилось. Но для этого ему необходимо было бы имѣть дѣло не съ мальчишками, а съ отвѣтственными людьми.

Когда Бѣляевскій сталъ допрашивать его, о какомъ предпріятіи онъ говоритъ, онъ долго не хотѣлъ ничего сказать и только требовалъ, чтобы его свели съ кѣмъ нибудь изъ членовъ Исполнительнаго Комитета. Послѣ долгихъ настояній онъ наконецъ согласился сказать, что могъ бы помочь партіи отдѣлаться отъ ея злѣйшаго врага, извѣстнаго Муравьева, который былъ тогда прокуроромъ Московской судебной палаты. Дѣло приняло настолько серьезный оборотъ, что Лопатинъ, который тогда жилъ въ Москвѣ и который зналъ о сношеніяхъ съ Бѣлино-Бржозовскимъ, рѣшилъ самъ повидаться съ нимъ. При свиданіи Лопатинъ сказалъ ему, что Исполнительный Комитетъ узналъ о его сношеніяхъ съ молодыми революціонерами, о его предложеніи и его желаніи переговорить съ кѣмъ нибудь изъ членовъ И. К. Само собой разумѣется, что И. К. не можетъ вступать въ какіе бы то ни было непосредственные переговоры съ лицомъ, совершенно ему неизвѣстнымъ. Вотъ почему онъ поручилъ человѣку вполнѣ легальному и не занимающемуся революционными дѣлами узнать, кто такой Бѣлино, какъ онъ попалъ въ тюрьму, какъ онъ можетъ выходить изъ нея и что побудило его оказывать услуги революціонерамъ?

По словамъ Лопатина, Бѣлино былъ великолѣпенъ въ своихъ отвѣтахъ. Кто онъ? Дворянинъ Бѣлино-Бржозовскій, польскаго происхожденія, бывшій офицеръ. Какъ онъ попалъ въ тюрьму? Это революціонеровъ нисколько не касается. Почему онъ имѣетъ возможность выходить изъ тюрьмы? Потому что въ тюрьмѣ всякіе заключенные бываютъ: однихъ обстоятельства подавляютъ, другіе пользуются обстоятельствами. Что побуждаетъ его оказывать услуги революціонерамъ? Конечно, не социалистическія и революціонныя идеи, къ которымъ онъ вполнѣ равнодушенъ. Если онъ хочетъ помогать революціонерамъ, то только для того, чтобы отомстить правительству за обиды, нанесенныя ему лично и его народу. Закончилъ онъ гордымъ заявленіемъ, что его надо брать такимъ, каковъ онъ есть, не копаясь въ его душѣ. Если революціонеры желаютъ пользоваться его содѣйствіемъ, онъ готовъ помогать имъ, а если нѣтъ, тѣмъ хуже для нихъ.

Лопатинъ сказалъ ему на это, что передастъ его объясненія Исполнительному Комитету и, если они будутъ признаны удовлетворительными, его предложенію относительно Муравьева будетъ данъ ходъ. Какъ рассказывалъ мнѣ тогда Лопатинъ, Бѣляевскій продолжалъ видѣться съ Бѣлино, такъ какъ дѣло съ Муравьевымъ шло на ладъ. Было рѣшено передать Ковалеву черезъ Бѣлино заряженный револьверъ. Ковалевъ долженъ былъ спрятать револьверъ на животѣ и вызвавшись на допросъ къ Муравьеву, въ удобный моментъ застрѣлить этого безпощаднаго врага. Выслушавъ внимательно рассказъ Лопатина, я выразилъ опасеніе, что Бѣлино-Бржозовскій можетъ оказаться ловкимъ и опаснымъ провокаторомъ. На это Лопатинъ возразилъ мнѣ, что и ему самому приходила въ голову эта мысль, но что изъ личнаго свиданія съ Бѣлино онъ вынесъ впечатлѣніе, что послѣдній

—несомнѣнно запятанный, но сильный человѣкъ, у котораго есть интересъ и желаніе вредить русскому правительству. Вотъ что я зналъ объ этомъ *мутномъ* дѣлѣ отъ Лопатина, когда я пріѣхалъ въ Москву. Продолженіе его я узналъ теперь отъ Михаила П—ва.

Въ сентябрѣ Бѣляевскій былъ арестованъ во время манифестации подъ окнами «Московскихъ Вѣдомостей», и сношенія съ Бѣлино-Бржозовскимъ сталъ вести Е—въ. Въ свое время Ковалеву былъ переданъ пистолетъ, заряженный—чуть-ли не по совѣту Бѣлино-Бржозовскаго—летками (очень крупной дробью, которой бьютъ волковъ). Ковалевъ былъ вызванъ, по его прошенію, къ прокурору судебной палаты, но какъ только онъ вошелъ въ комнату, въ которой сидѣлъ Муравьевъ, жандармъ запустилъ ему руку за пазуху и вытащилъ у него пистолетъ. Такъ разсказалъ это событіе Бѣлино-Бржозовскій, который выражалъ горестное сожалѣніе по поводу того, что покушеніе не удалось, но настаивалъ на томъ, что унывать не слѣдуетъ, и тутъ же просилъ П—ва опять свести его съ кѣмъ нибудь изъ членовъ Исполнительнаго Комитета.

Какъ только я узналъ положеніе дѣла, у меня не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что Бѣлино-Бржозовскій шпионъ провокаторъ, который, выудивъ Лопатина, надѣялся поймать еще кого нибудь изъ разыскиваемыхъ жандармами революціонеровъ. Я такъ и сказалъ П—ву. Какъ и Лопатинъ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что ему тоже приходила въ голову эта мысль, тѣмъ болѣе, что Бѣлино-Бржозовскій давалъ ему свѣдѣнія въ извѣстномъ шпионскомъ гнѣздѣ—трактирѣ «Ростовъ», который былъ штабъ-квартирой извѣстнаго въ то время начальника охраны Бердяева. Я предложилъ тогда П—ву взять у меня денегъ и паспортъ, сбрить свою апостольскую бороду и немедленно уѣхать въ провинцію—въ Казань или Ростовъ, гдѣ еще были кой-какія связи.

Къ моему удивленію, П—въ отвѣчалъ на мое предложеніе упорнымъ отказомъ. Онъ говорилъ, что онъ все равно пропащій человѣкъ, но что, можетъ быть, Бѣлино-Бржозовскій еще вовсе не шпионъ, что лучше еще подождать и т. д. Я положительно не понималъ П—ва. Если онъ вопреки моему опредѣленному мнѣнію могъ такъ упорно стоять на своемъ, то зачѣмъ ему было ждать съ такимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ моего пріѣзда въ Москву? Въ другое время я, вѣроятно, въ свою очередь настоялъ бы на своемъ мнѣніи и потребовалъ бы отъ П—ва, именемъ организациі, чтобы онъ немедленно выѣхалъ изъ Москвы. Но я самъ тогда слишкомъ былъ деморализованъ разгромомъ организациі, чтобы прибѣгать къ героическимъ средствамъ. Къ тому же я нисколько не былъ увѣренъ, что эти средства подѣйствуютъ. Мнѣ отъ души жаль было П—ва, который съ самоотверженіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, лѣзъ прямо въ пасть волка,—лѣзъ безъ какой бы то ни было пользы для дѣла. Но все, что я отъ него добился, это было обѣщаніе прервать по конспиративнымъ соображеніямъ всякія сношенія съ московскими революціонерами. Отъ П—ва я узналъ, что кружокъ, намѣченный Лопатинымъ, большей частью уцѣлѣлъ. П—въ указалъ мнѣ, какъ войти съ нимъ въ сношенія. Кромѣ того, если не ошибаюсь, онъ посовѣтовалъ мнѣ повидаться съ М—мъ, который занималъ видное мѣсто въ контрѣ

Ворау и тогда только что вернулся из за границы. Вообще П—въ былъ настроенъ пессимистически и былъ не очень высокаго мнѣнія о революціонныхъ силахъ Москвы. Отъ него же я узналъ впервые, что большіе аресты были произведены почти во всѣхъ сколько нибудь замѣтныхъ центрахъ Россіи. Разгромъ организаціи, вызванный арестомъ Лопатина, былъ очевидно всеобщимъ.

Разскажу здѣсь пару словъ о финалѣ авантюры съ Бѣлино-Бржозовскимъ.

Черезъ два дня послѣ моего свиданія съ нимъ П—въ былъ арестованъ: за нѣсколько минутъ до его ареста неизвѣстный человѣкъ вручилъ ему записку, повидимому отъ Бѣлино-Бржозовскаго, въ которой говорилось, что жандармы хотятъ арестовать П—ва, но что охрана противится. Когда пришли жандармы, П—въ попытался проглотить какія то имѣвшіяся у него записки, но жандармы чуть не задушили его и вынули у него изо рта то, что онъ хотѣлъ проглотить. Обыскъ въ его квартирѣ былъ произведенъ жандармами такъ небрежно, что на другой день послѣ ихъ посѣщенія товарищи П—ва нашли за балкой на потолкѣ цѣлую кипу нелегальной литературы и 100 руб. партійныхъ денегъ. Михаилъ П—въ отдѣлался сравнительно дешево: онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на 3 года въ Уфимскую губернію.

Послѣ ареста П—ва Бѣлино-Бржозовскій, который былъ профессиональнымъ червоннымъ вылетомъ и только случайнымъ провокаторомъ, заявился къ одной курсисткѣ, знакомой П—ва, и попросилъ ее познакомить его съ кѣмъ нибудь изъ серьезныхъ «революціонеровъ»: та отвѣтила ему, что никакихъ революціонеровъ, ни серьезныхъ, ни несерьезныхъ не знаетъ. Онъ отретировался, но черезъ нѣкоторое время опять пришелъ къ ней все за тѣмъ же. Она тогда заявила ему, что если онъ еще разъ появится у нея въ квартирѣ, она пожалуется полицеймейстеру. Онъ исчезъ. Вынырнулъ Бѣлино-Бржозовскій черезъ нѣсколько лѣтъ на скамѣ подсудимыхъ въ Саратовскомъ окружномъ судѣ, и вотъ по какому дѣлу: Въ 86 или 87 г. въ Москвѣ проживалъ и вращался въ революціонныхъ кругахъ нѣкій молодой человѣкъ, сынъ богатаго саратовскаго купца. Этотъ молодой человѣкъ не совсѣмъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи, и когда Бѣлино-Бржозовскій облюбовалъ его и припугнулъ жандармами, молодой человѣкъ сталъ откупаться отъ него деньгами. Червонному валету только этого и нужно было. По мѣрѣ того, какъ требованія Бѣлино-Бржозовскаго росли, молодой человѣкъ оказался въ болѣе и болѣе затруднительномъ положеніи. Дошло дѣло до того, что, по требованію своего мучителя, молодой человѣкъ подписалъ какой то вексель, на которомъ, если не ошибаюсь, самъ Бѣлино-Бржозовскій поддѣлалъ подпись отца своей жертвы. Онъ, вѣроятно, надѣялся, что до скандала дѣло не дойдетъ, но ошибся въ своихъ расчетахъ. Сотворивъ бѣду, молодой человѣкъ испугался, поѣхалъ къ своему родителю и принесъ ему повинную. А родитель, который оказался человѣкомъ съ характеромъ, подалъ жалобу прокурорскому надзору. Бѣлино-Бржозовскаго судили въ окружномъ судѣ и приговорили къ ссылкѣ на поселеніе.

XIII.

Приведеніе въ извѣстность революціоннаго положенія.

По указаніямъ, даннымъ мнѣ Поповымъ, я вошелъ въ сношенія съ народовольческимъ кружкомъ, наиболѣе замѣтными членами котораго были Е-въ (братъ арестованнаго), Ф-въ и Миноръ. О другихъ членахъ у меня сохранились только очень смутныя воспоминанія. Всѣ они были очень молоды, нѣкоторые изъ нихъ недавно вернулись изъ странствованій по идейнымъ дебрямъ «Молодой Народной Воли», но въ общемъ они производили хорошее впечатлѣніе. Повидавшись съ нѣкоторыми изъ нихъ порознь, я предложилъ имъ собраться всѣмъ вмѣстѣ для того, чтобы обмѣняться мыслями и выяснить положеніе. Смутно припоминаю собранія, на которыхъ присутствовало человѣкъ 8—10, но хорошо помню, что утѣшительнаго изъ этихъ собраній я вынесъ мало. Готовыхъ элементовъ для созданія серьезной группы, которая могла-бы взять въ свои руки веденіе революціонной работы въ Москвѣ, не было, а былъ только болѣе или менѣе сырой матеріалъ, изъ котораго со временемъ могли выработаться такіе элементы. Дѣло представлялось мнѣ въ такомъ видѣ, что въ Москвѣ долго еще придется заниматься исключительно революціонно-воспитательной работой раньше, чѣмъ можно будетъ приступить къ организаціи революціонныхъ силъ въ собственномъ смыслѣ слова. Осложнялось еще въ значительной степени положеніе той специфически-московской особенностью, въ силу которой между московскими революціонными кругами и охраной существовала непрерывная связь. Буквально трудно было опредѣлить, гдѣ кончалась революціонная организація и гдѣ начиналась шпіонская. Знаменитый Зубатовъ, который въ то время впервые появился на революціонномъ горизонтѣ, былъ однимъ изъ продуктовъ этой пагубной особенности. Къ своему великому огорченію, я не замедлилъ убѣдиться, что я самъ попалъ въ сферу дѣйствія ея.

Говоря съ членами кружка о положеніи партіи, я упомянулъ, что въ ближайшемъ будущемъ предвидится полученіе сравнительно крупной суммы денегъ, и между прочимъ попросилъ ихъ дать мнѣ хорошій адресъ, по которому можно было бы перевести въ Москву 10,000 руб. Черезъ нѣкоторое время мнѣ былъ указанъ адресъ М—ра въ конторѣ Вогану. Такъ какъ о М—рѣ я уже раньше кое-что слышалъ, то я рѣшилъ познакомиться съ нимъ лично, и черезъ нѣкоторое время между нами состоялось свиданіе у него же на квартирѣ.

М—ръ тогда только что вернулся изъ за границы, гдѣ видѣлся съ Лавровымъ и нѣкоторыми другими эмигрантами, и былъ еще полонъ заграничныхъ впечатлѣній. Несмотря на то, что ему было уже лѣтъ подъ тридцать, онъ показался мнѣ совершеннымъ новичкомъ въ революціонномъ дѣлѣ, —новичкомъ не только въ практическомъ, но и въ идейномъ отношеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ несомнѣнно видна была большая преданность дѣлу и готовность служить ему. Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ нимъ, мнѣ пришла въ голову

мысль, что, благодаря прочности его положенія, онъ могъ-бы быть очень полезенъ партіи въ роли секретаря, который на первое время вель-бы наименѣ конспиративную часть партійныхъ сношеній и хранилъ бы зашифрованными соотвѣтственные адреса. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ разгрома, послѣдовавшаго за арестомъ Лопатина, я часто думалъ о неудобствѣ централизованія всѣхъ партійныхъ свѣдѣній въ рукахъ одного—двухъ человѣкъ, которымъ чрезвычайно трудно обращаться конспиративно съ такимъ громаднымъ матеріаломъ. Конечно, нѣтъ никакой надобности вести поименный списокъ членовъ организаціи. Но и помимо такого списка накапливается масса конспиративныхъ свѣдѣній. Мнѣ казалось, что это неудобство и сопряженная съ нимъ опасность могли бы до извѣстной степени быть устранены, если бы весь конспиративный матеріалъ можно было разсортировать на двѣ части, особо важную и менѣ важную. Последняя могла бы быть передана для манипулированія одному или нѣсколькимъ надежнымъ лицамъ съ вмѣненіемъ имъ въ обязанность хранить всѣ свѣдѣнія только въ зашифрованномъ видѣ, тогда какъ первая оставалась бы исключительно въ рукахъ власти имущихъ и могла бы вслѣдствіе ограниченности ея размѣровъ быть предметомъ сугубо-бережного обращенія.

Первый опытъ въ указанномъ направленіи я думалъ сдѣлать съ М—мъ, который показался мнѣ подходящимъ человѣкомъ для этого дѣла, и поэтому я сталъ ближе присматриваться къ нему. Видѣлся я съ нимъ у него дома, въ богатой квартирѣ съ швейцаромъ въ одной изъ хорошихъ частей Москвы.

Разъ вечеромъ я пришелъ къ нему безъ предварительнаго уговора и, по обыкновенію, былъ введенъ въ гостинную. Когда М—ръ вышелъ ко мнѣ, я былъ пораженъ его разстроеннымъ и испуганнымъ видомъ.

— Боже мой, зачѣмъ вы пришли?—сказалъ онъ съ тоской.— Васъ могутъ сейчасъ арестовать. Швейцаръ васъ видѣлъ?

— Не только видѣлъ, но даже почтительно проводилъ до самыхъ вашихъ дверей. Въ чемъ дѣло?

— Мнѣ дали знать, что за мной усиленно слѣдятъ жандармы, надѣясь захватить у меня революціонеровъ, которые будто бы должны явиться ко мнѣ изъ за-границы. Кромѣ того полиція знаетъ, что вы здѣсь. Объ этомъ вамъ скажетъ писатель Щ., который настоятельно требуетъ свиданія съ вами. А теперь вамъ, немедля ни минуты, надо выбраться отсюда.

Давши мнѣ указанія насчетъ того, гдѣ видѣться съ Щ., М—ръ выпроводилъ меня черезъ кухню во дворъ, откуда я вышелъ черезъ ворота на пустынный переулокъ, параллельный улицѣ, на которой стоялъ домъ. На скамейкѣ у воротъ сидѣло какихъ-то два молодца въ чуйкахъ. Я не обратилъ на нихъ особаго вниманія, считая, что они принадлежатъ къ прислугѣ богатаго дома. Но какъ только я отошелъ шаговъ на двадцать, я услышалъ, что они поднялись и пошли за мной. Я незамѣтно ускорилъ шагъ, но не замедлилъ убѣдиться съ очень непріятнымъ чувствомъ, что они не отстаютъ отъ меня. Когда я свернулъ съ переулка на большую улицу, я увидалъ въ нѣсколькихъ

шагахъ впереди себя лихача, съ которымъ рассчитывался только-что привезенный имъ господинъ. Послѣдній уходилъ въ домъ, когда я приблизился къ лихачу.

— Свободный?

— Пожалуйте, баринъ!

Нѣсколько секундъ, и я уже ѣхалъ въ санкахъ по прекрасному зимнему пути, кинувъ лихачу имя моднаго трактира.

Опять судьба улыбнулась мнѣ! Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ, что молодцы въ чуйкахъ остановились на углу и смотрятъ мнѣ вслѣдъ...

На другой день М—ръ былъ арестованъ. Высланный административнымъ порядкомъ въ Челябинскъ, онъ тамъ умеръ отъ чахотки.

Писателя Щ., бывшего ссыльнаго, я видѣлъ мелькомъ въ Ярославлѣ, но слышалъ о немъ многое отъ нашего общаго ярославскаго знакомаго К—го. Онъ былъ, если не ошибаюсь, народникомъ, но къ народовольческой дѣятельности относился сочувственно.

По указаніямъ М—ра я въ 10 ч. того же вечера, въ который произошелъ описанный инцидентъ, поѣхалъ въ глухую часть города гдѣ-то за Сухаревой Башней и тамъ по плохо освѣщеннымъ улочкамъ добрался до совершенно темнаго церковнаго двора — имя церкви я забылъ — и въ домикъ направо, который служилъ квартирой священнику, я встрѣтился съ Щ. Онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ обо мнѣ отъ К—го, съ которымъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ. Изъ вполне вѣрнаго источника онъ узналъ, что жандармамъ извѣстно мое пребываніе въ Москвѣ; извѣстно имъ также, что я просилъ достать мнѣ надежный адресъ для получения 10,000 р. Они надѣются выслать и взять меня. Относительно М—ра Щ. не могъ сообщить мнѣ ничего больше, чѣмъ самъ М—ръ сказалъ мнѣ. На мой вопросъ объ источникѣ его свѣдѣній Щ. отвѣтилъ, что далъ слово ничего не говорить о немъ, но что источникъ вполне вѣрный.

Сообщилъ мнѣ еще Щ., что въ Москвѣ находится жена одного кавказскаго адвоката, очень дѣльнаго человѣка, съ которымъ я видѣлся въ Ростовѣ-на-Дону. Она очень желала бы повидаться со мною передъ возвращеніемъ домой.

Поблагодаривъ Щ. за услугу и условившись съ ними насчетъ дальнѣйшихъ свиданій, я вернулся къ себѣ. Нельзя сказать, чтобы на душѣ у меня было легко. Тотъ фактъ, что власти знали не только о моемъ приѣздѣ, но и объ адресѣ для 10,000 р., показывалъ съ полной очевидностью, что, если не въ самомъ кружкѣ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, то гдѣ нибудь близко около него, былъ предатель. Теперь, послѣ того какъ у меня въ рукахъ былъ обвинительный актъ по процессу Лопатина и товарищей, дѣло представляется мнѣ въ значительно менѣе дурномъ свѣтѣ. Сознательнаго предателя не было ни въ самомъ кружкѣ, ни, вѣроятно, по близости. Но за то были люди съ широкой московской душой и легкіе на языкъ. Зная изъ замѣтки Лопатина, что я долженъ былъ быть въ Москвѣ, жандармы отлично могли кое-что разузнать про меня при посредствѣ лицъ, стоящихъ на границѣ революціонныхъ и шпіонскихъ круговъ. Для этого вовсе не было надобности разспрашивать прямо про меня или описывать мои примѣты. Московскій революціонеръ, одаренный широкой душой, скорѣе отку-

силь-бы себѣ языкъ, чѣмъ выдалъ-бы меня. Но, если-бы ему сказали, что дѣла партіи стоятъ плохо и что всѣ члены организаціи арестованы, онъ не преминулъ-бы сказать, что нѣтъ, кое-кто остался. А если-бы ему на это возразили, что остался, вѣроятно, ктонибудь изъ молодыхъ, онъ не затруднился бы сказать, что самъ видѣлъ или вѣрный человѣкъ видѣлъ собственными глазами, и не дальше, какъ вчера одного изъ старыхъ членовъ партіи. Этого одного было бы достаточно. А чтобы показать, что дѣла партіи стоятъ вовсе не такъ плохо, революціонеръ съ широкой душой могъ бы—для вящей славы партіи—добавить, что этотъ самый старый членъ получить вскорѣ 10,000 р., такъ какъ онъ просилъ указать ему адресъ для этой получки.

По всей вѣроятности, такимъ путемъ жандармы и добыли свѣдѣнія, которые сообщилъ мнѣ Щ. Но какъ-бы то ни было, я поступилъ такъ, какъ по моему мнѣнію, слѣдовало поступить. Собравъ членовъ кружка, я рассказалъ имъ то, что узналъ отъ Щ. и заявилъ, что вынужденъ прекратить всякія дѣла съ ними и выѣхать изъ Москвы, такъ какъ ктонибудь изъ нихъ несомнѣнно состоитъ въ сношеніяхъ съ предателемъ. Но съ двумя членами этого кружка, которые показались мнѣ лучшими, — съ Ф—мъ и, кажется, Е—мъ—я продолжалъ видѣться и даже назначалъ имъ свиданія у себя на квартирѣ,—довѣріе къ ихъ конспиративности, которое я оказывалъ немногимъ.

Положеніе, въ которомъ я очутился, было въ высшей степени непріятнымъ и затруднительнымъ. Оставаться при указанныхъ условіяхъ въ Москвѣ значило дерзко рисковать не только собою, но и тѣмъ дѣломъ, которое привело меня туда. Конечно, планы, съ которыми я пріѣхалъ, въ значительной степени сгузились при столкновеніи съ московской дѣйствительностью. Но я все еще надѣялся кое-что устроить и для этого я и видался съ Ф—мъ и Е—мъ. Кромѣ того я ждалъ свѣдѣній изъ мѣстъ, куда я написалъ, а главное, я ждалъ Сергѣя Иванова, которому я назначилъ свиданіе въ Москвѣ. Отъ результатовъ объѣзда, который онъ долженъ былъ совершить, цѣликомъ зависѣлъ планъ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Я рѣшилъ поэтому остаться въ Москвѣ, усилить конспиративность и положиться въ остальномъ на свое счастье. Всякій повѣритъ мнѣ на слово, когда я скажу, что чувствовалъ я себя въ это время не особенно хорошо. Мнѣ когда-то рассказывалъ офицеръ, участвовавшій въ турецкой кампаніи, что при отступленіи отъ Шибки, гдѣ турецкія пули косили русскихъ солдатъ десятками тысячъ, онъ чувствовалъ неловкость въ затылкѣ. «Неловкость» эту я ощущалъ въ спинѣ всякій разъ, когда выходилъ на улицу. Меня буквально преслѣдовалъ страхъ, что шпіоны, по тогдашнему методу, схватятъ меня сзади за руки и лишатъ возможности дѣйствовать револьверомъ. А я твердо былъ намѣренъ оказать вооруженное сопротивление и покончить съ собою послѣднимъ зарядомъ. Въ виду этого страха я по очень люднымъ улицамъ совсѣмъ не ходилъ, а въ другихъ мѣстахъ по возможности сторонился отъ встрѣчныхъ, особенно когда они шли не поодиночкѣ. Моя правая рука держала всегда въ карманѣ шубы револьверъ, готовый къ стрѣльбѣ.

Въ квартирѣ у себя я тоже принималъ надлежащія мѣры. Дверь своей комнаты я на ночь никогда не запиралъ. Сонъ у меня былъ

очень чуткій, и я былъ увѣренъ, что меня не застанутъ врасплохъ. Если бы я запиралъ дверь, то въ случаѣ прихода жандармовъ, пришлось бы или пойти открыть дверь и быть подъ рукой у нихъ, или дать взломать ее, и тѣмъ заставить ихъ быть на сторожѣ. На ночь я всегда отодвигалъ большой умывальный столъ, который стоялъ близъ моей кровати, и устраивалъ себѣ изъ него баррикаду, изъ за которой меня не сразу можно было-бы извлечь.

Случай оказывается иногда большимъ шутникомъ. Онъ заставилъ меня продѣлать генеральный маневръ, пославъ въ неурочный часъ полицію въ квартиру моихъ хозяевъ-нѣмцевъ.

Разъ ночью я былъ разбуженъ рѣзкимъ звонкомъ, отъ котораго трепещетъ сердце русскаго обывателя. Когда я очнулся, я оказался сидящимъ въ кровати съ револьверомъ въ рукахъ. Наружную дверь открыли, произошелъ короткій разговоръ, слышались тяжелые шаги нѣсколькихъ паръ ногъ, шашка стукнулась о деревянную дверь. Я моментально занялъ свою позицію.

Въ эти минуты, которыя я считалъ послѣдними своей жизни, я ощутилъ не страхъ смерти и не тотъ подъемъ духа, въ силу котораго люди, умирая, бросаютъ міру звонкую фразу,—я почувствовалъ большую, чисто-дѣтскую жалость къ самому себѣ. Чувство это было до того неожиданнымъ для меня, что комическая сторона положенія заставила меня улыбнуться: притаился человекъ въ ночномъ туалетѣ за умывальникомъ съ револьверомъ въ рукахъ и преисполняется жалости къ себѣ...

Какъ во снѣ, я слышалъ, что шаги, прошли мимо моей двери и затихли въ глубинѣ корридора. Неужъ-то рядомъ со мною жилъ неизвѣстный мнѣ товарищъ? Съ четверть часа—цѣлую вѣчность—я простоялъ въ томительномъ ожиданіи. Я продрогъ, и зубы у меня стучали отъ холода и, вѣроятно, отъ волненія. Если-бы теперь полиція пришла ко мнѣ, рука моя не была-бы такъ тверда, какъ вначалѣ. Но она опять прошла мимо меня, увлекая за собою свою жертву. Когда наружная дверь закрылась, я опять легъ въ постель.

Утромъ я узналъ причину переполоха. У хозяевъ моихъ жилъ ихъ богатый родственникъ, который, несмотря на свое тевтонское происхожденіе и сопряженную съ нимъ высшую культуру, отлично усвоилъ себѣ привычки московскихъ саврасовъ.

Напившись пьянымъ въ загородномъ трактирѣ, онъ натравилъ на сидѣльца свою собаку, которая и покусала эту обычную жертву московскихъ гулякъ. За этотъ подвигъ нѣмецъ былъ приговоренъ къ мѣсячному заключенію. Послѣ тщетныхъ попытокъ застать его дома днемъ, полиція нагрянула на него ночью, причемъ явилась въ достаточномъ числѣ, чтобы отнять у него всякую охоту къ сопротивленію.

А мои хозяева—нѣмцы очень извинялись передо мною за безпокойство, которое причинилъ мнѣ этотъ «höchst unangenehmer Fall»...

Въ 20-хъ числахъ ноябрю пріѣхалъ Сергѣй Ивановъ. Я очень обрадовался его пріѣзду, но нерадостны были вѣсти, которыя онъ привезъ. Всюду болѣе зрѣлая революціонныя силы были вырваны изъ рядовъ, осталась зеленая молодежь, надъ которой надо работать,

чтобы создать изъ нея будущую организацію партіи. Это было въ общемъ то-же заключеніе, къ которому я пришелъ въ Москвѣ. Ивановъ былъ очень разстроенъ и чувствовалъ большую усталость духа. На счетъ дальнѣйшей работы у него опредѣленныхъ плановъ не было. Онъ рѣшилъ поэтому уѣхать на время за границу, чтобы немного отдохнуть и столкнуться съ заграничными дѣятелями партіи.

Звалъ онъ и меня въ Парижъ, но я отказался выѣхать изъ Россіи.

Въ отдыхѣ я особенной потребности не ощущалъ, а къ результату «столковыванія» съ эмигрантами я относился скептически: опытъ организаціи, испеченной заграницей, не могъ дѣйствовать на меня ободряющимъ образомъ. Кромѣ того положеніе казалось мнѣ менѣе безнадежнымъ, чѣмъ Иванову. Я потому просилъ его остаться со мною нѣкоторое время въ Москвѣ, чтобы общими силами выдѣлить элементы, пригодные для образованія хоть небольшой дѣлоспособной группы.

Если-бы это удалось, я поѣхалъ-бы въ Петербургъ, гдѣ тогда впервые появилась социаль-демократическая группа, и посмотрѣлъ-бы, нельзя-ли тамъ что нибудь сдѣлать. А тамъ дальше видно было-бы.

Ивановъ съ моимъ мнѣніемъ на счетъ безполезности переговоровъ съ старыми народовольцами не согласился, но остался, какъ я его просилъ, въ Москвѣ. Когда-же черезъ нѣкоторое время мы общими силами пришли къ убѣжденію, что въ организаціонномъ отношеніи сейчасъ ничего нельзя было сдѣлать, да и не очень видно было, за что можно было приняться, Ивановъ уѣхалъ за границу. Я рѣшилъ остаться, чтобы сдѣлать еще одну попытку, о которой сейчасъ будетъ рѣчь.

Я уже упоминалъ, что Щ. говорилъ мнѣ о женѣ кавказскаго адвоката, которая желала видѣть меня. Адвокатъ этотъ, человѣкъ умный и энергичный, но съ нѣкоторыми личными особенностями, которая мнѣ не нравилась, ходилъ когда-то въ народъ, но уцѣлѣлъ. Теперь онъ по идеямъ своимъ былъ народовольцемъ, но по обстоятельствамъ матеріальнаго и семейнаго характера активнаго участія въ революціонныхъ дѣлахъ не принималъ.

Въ бытность свою въ Ростовѣ, куда онъ нарочно пріѣзжалъ, чтобы повидаться съ революціонерами, онъ мнѣ говорилъ, что, какъ только устроятся его дѣла, онъ болѣе дѣятельно займется партійной работой. Жена его, симпатичная, немолодая уже женщина тянулась къ революціонному дѣлу, кажется, больше, чѣмъ онъ самъ. Передъ тѣмъ, какъ вернуться на Кавказъ, она хотѣла поговорить со мною о положеніи дѣлъ и посоветоваться, что ей дѣлать. Я совершенно откровенно рассказалъ ей о полномъ разгромѣ народовольческой организаціи—у меня вообще было правиломъ шила въ мѣшкѣ не утаить—и о своемъ стремленіи сплотить какую нибудь группу, которая могла-бы сколько нибудь направлять ту революціонно-подготовительную работу, которой теперь, вѣроятно, еще долго придется заниматься. Не скрылъ я отъ нея и то, что мои попытки окончились до сихъ поръ полной неудачей. Какъ на причину этой неудачи я указалъ главнымъ образомъ на то, что за послѣднее время въ органи-

зацію были втянуты всѣ болѣе зрѣлые, активные элементы, которые теперь погибли сразу, не успѣвъ приготовить себѣ преемниковъ.

Тутъ она сказала мнѣ, что, если всѣ *активные* элементы погибли, то все же имѣется резервъ революціонно-мыслящихъ и сочувствующихъ Народной Волѣ людей, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не принимали въ послѣднее время активного участія въ революціонномъ дѣлѣ. Для той революціонно-подготовительной работы, о которой я говорю, они, можетъ быть, пригодятся. И она указала мнѣ нѣсколько человѣкъ, жившихъ на Кавказѣ и болѣе или менѣе участвовавшихъ въ движеніи 70-хъ годовъ.

Мысль ея показалась мнѣ правильной, и я рѣшилъ во всякомъ случаѣ сдѣлать попытку въ этомъ направленіи. Смушало меня нѣсколько, что аналогичныя попытки, которыя мнѣ пришлось до тѣхъ поръ сдѣлать, кончились неудачей. Но я склоненъ былъ объяснять это частными причинами.

Такъ какъ въ Москвѣ ничто меня не удерживало, то въ 10-хъ числахъ декабря я выѣхалъ оттуда на югъ съ цѣлью привести въ извѣстность резервъ революціоннаго движенія. Кромѣ указаній, данныхъ мнѣ женою адвоката и относившихся къ лицамъ, которыя ушли на Кавказъ, я получилъ нѣсколько свѣдѣній, казавшихся мнѣ тогда очень цѣнными, отъ московскихъ знакомыхъ.

Объ этомъ своемъ послѣднемъ объѣздѣ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ очень тяжелаго чувства. Люди, несомнѣнно интеллигентные, которые раньше какъ-ни-какъ рисковали своимъ благополучіемъ во имя идеи, оказались объятymi шкурнымъ страхомъ, — тѣмъ рабскимъ, постыднымъ, ланическимъ страхомъ, который, какъ повѣтріе, прошелъ по всей Россіи и который, напр., побудилъ тогда, одного, нынѣ выдающагося общественнаго, почти государственнаго дѣятеля сжечь письма, которыя Г. А. Лопатинъ писалъ ему когда-то по вопросамъ философскимъ и научнымъ! Страдалъ я внутренне не столько отъ непривлекательности зрѣлища, которое было у меня передъ глазами, сколько отъ сознанія, что изъ подъ этого страха за шкуру почти у всѣхъ несомнѣнно сквозило *недовѣріе* къ революціонной организации. Какъ мнѣ не больно сказать это, я чувствовалъ, что непримѣрное по своему характеру и размѣрамъ дегаевское предательство подорвало довѣріе къ нравственной устойчивости руководителей организации, а разгромъ, послѣдовавшій за арестомъ Лопатина, подорвалъ довѣріе къ ихъ дѣлоспособности. Слѣдуя одно за другимъ, въ короткій промежутокъ времени, эти два ужасныхъ событія могли бы потрясти психику гораздо болѣе устойчивую, чѣмъ та, которой была одарена тогда средняя революціонная интеллигенція.

Но и это еще было не все. По совѣсти, я не могъ не видѣть, что страхомъ за собственное благополучіе и недовѣріемъ къ организации нельзя было всецѣло объяснить отрицательное отношеніе «резерва» къ продолженію революціонной дѣятельности въ прежнемъ направленіи. Не всѣ представители его были одержимы въ одинаковой степени этими нехорошими чувствами. Кавказскій адвокатъ, напр., былъ вполнѣ отъ нихъ свободенъ, также какъ и нѣкоторые другіе прежніе дѣятели, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло до ареста

Лопатина. Кромѣ того сильное убѣжденіе очень и очень часто торжествуетъ надъ побужденіями низшаго порядка. Но именно этого сильнаго убѣжденія у «резерва» не было. Какъ въ лучшихъ, такъ и въ худшихъ представителяхъ его чувствовалась полная *неудовлетворенность* прежними путями. Мало-по-малу въ моемъ умѣ стала вырисовываться такая картина положенія: престижъ партіи, завоеванный героической плеядой первыхъ борцовъ Народной Воли, погибъ; людей, которые могли бы поднять упавшее знамя и понести его дальше, нѣтъ; вѣра въ жизненность, въ цѣлесообразность программы и тактики партіи исчезаетъ. Невольно мысль стала искать внутренней связи между этими явленіями, старалась выяснитъ *общую* причину безотраднaго положенія партіи. Я почувствовалъ, что та строгая идейная дисциплина, которую я сознательно наложилъ на себя, чтобы избѣжать «гамлетствованія» въ области живого революціоннаго дѣла, начинаетъ колебаться...

Съ тяжелымъ сердцемъ и съ тяжелой головой я докатился до Тифлиса, гдѣ у меня были революціонныя связи.

XIV.

Ликвидация.

И вдругъ, какъ сквозь прорванную плотину вода, на меня хлынулъ потокъ мыслей, сомнѣній, воспоминаній, отъ которыхъ я до тѣхъ поръ упорно и болѣе или менѣе успѣшно отбивался.

Оглушенный, я растерялся и почувствовалъ предсмертную тоску... Но мало-по-малу я сталъ приходить въ себя, и умъ сталъ работать болѣе методически. Что случилось? Что измѣнилось?

Сидя часами неподвижно въ неуютной комнатѣ, которую я снялъ у какой-то старой, доброй грузинки, я вновь переживалъ все свое идейное прошлое и старался уяснить себѣ свое положеніе...

Я выросъ въ деревнѣ и любилъ народъ раньше, чѣмъ я былъ способенъ воспринять какія бы то ни было идеи о «долгѣ» по отношенію къ нему. Любилъ я его, какъ любилъ ниву, волнуемую легкимъ вѣтромъ въ жаркій лѣтній день, или жаворонка, который, трепеща крылышками высоко надъ землею, бросаетъ въ пространство свою жизнерадостную, серебристую пѣсню. Я любилъ его, потому, что былъ въ общеніи съ нимъ. Когда пришли идеи, онѣ только освѣтили и осыятили эту любовь, но вызвана она была не ими.

Любя природу, я рано почувствовалъ стремленіе къ познанію ея, но осмыслилось это стремленіе только послѣ того, какъ я прочелъ Писарева,—мнѣ было тогда 15 лѣтъ. Отъ него же я узналъ, что я долженъ приносить пользу обществу. И, смотрите, какъ все это тогда хорошо и складно выходило! Занимаешься себѣ естествознаніемъ—меня и тогда уже особенно интересовала біологическая химія,—излагаешь популярно (непремѣнно!) свои и чужія изслѣдованія, и выходитъ изъ этого сама собою польза обществу. А что такое «общество», объ этомъ вопросъ опредѣленно не ставился, потому что и такъ все было ясно.

Но вскорѣ—это было въ 1874 г., и я былъ тогда въ 7-мъ классѣ кievской 2-й гимназіи—ко мнѣ стали попадать запрещенныя книжки того времени, и глаза у меня стали открываться. Я узналъ, что общество распадается на «народъ»—это тѣ самые люди, Грицьки и Опанасы, которыхъ я съ дѣтства любилъ, самъ не зная за что—и не народъ. У народа я оказался въ неоплатномъ долгу и обязанъ былъ ему служить, не народу же я никакой пользы не долженъ былъ приносить.

И опять это очень хорошо сложилось, что въ качествѣ неоплатнаго должника и безсрочнаго слуги я былъ прикомандированъ именно къ народу, который я любилъ, и вышелъ чистымъ передъ не-народомъ, къ которому опредѣленныхъ чувствъ не питалъ. Но была тутъ и обратная, для меня очень непріятная, сторона медали. Дѣло въ томъ, что обществу я могъ служить, занимаясь въ свое удовольствіе естествознаніемъ, потому что само это занятіе составляло опредѣленную и даже почетную службу. Но народу отъ моихъ научныхъ занятій было ни тепло, ни холодно. Скорѣе даже холодно, потому что я тратилъ—по тогдашнему—на пустяки мое время и силы, которыя принадлежали по праву народу. Цѣльность моего міровозрѣнія потерпѣла крушеніе. Въ душѣ моей возникъ конфликтъ между «долгомъ» и стремленіемъ уйти всецѣло въ науку,—конфликтъ, который прошелъ черезъ всю мою жизнь сознательнаго человѣка и который кончится только вмѣстѣ съ нею...

Окончивъ гимназію (въ 1875 г.), я поступилъ въ кievскій университетъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета и сталъ заниматься науками. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я немало времени посвящалъ на изученіе «соціального вопроса». Я внимательно прочелъ все, что могъ достать по этому вопросу, включая «Капиталъ» Маркса. Мало по-малу у меня выработалось соціалистическое міровозрѣніе, которому я остаюсь вѣренъ до сего дня.

Замѣчательно, что въ этотъ періодъ моей жизни (76 и 77 гг.) это мое соціалистическое міровозрѣніе не носило императивнаго характера и мирно уживалось рядомъ съ чисто-научными занятіями. Вышесказанный конфликтъ между долгомъ и наклонностями дремалъ въ глубинѣ моего духа. Въ значительной степени это объясняется тѣмъ, что я не видѣлъ, какъ примѣнить это міровозрѣніе къ служенію народу.

Движеніе въ народъ, которое несомнѣнно было пробнымъ полетомъ молодой революціонно-соціалистической интеллигенціи—здѣсь не мѣсто останавливаться на тѣхъ благоглупостяхъ, которыя были наговорены объ этомъ замѣчательномъ историческомъ явленіи иностранными и отечественными мудрецами, невидящими дальше своего носа—движеніе въ народъ закончилось неудачей и возобновлять попытку не представлялась тогда возможнымъ. Правда, Кіевъ былъ тогда центромъ группы такъ называемыхъ «бунтарей», которые тоже собирались въ народъ ни болѣе, ни менѣе, какъ для того, чтобы поднять его на вооруженный бунтъ. Но, хотя одинъ изъ главныхъ дѣятелей этой группы, Чубаровъ («капитанъ», казненный въ Одессѣ въ 1879 г.), довольно часто приходилъ ко мнѣ на квартиру и велъ разговоры, я

не чувствовалъ ни малѣйшей склонности пристать къ бунтарямъ. Какъ извѣстно, эти послѣдователи Бакунина считали возможнымъ произвести революцію посредствомъ небольшихъ, но отборныхъ отрядовъ, которые, переходя изъ деревни въ деревню, будутъ поднимать народъ, передѣлять землю и увеличивать свои ряды все новыми и новыми силами до тѣхъ поръ, пока расходившееся народное море... и т. д. Для этого они вербовали людей и запасались револьверами и даже сѣдлами. Я недурно стрѣлялъ и держался на лошади не хуже, если не лучше, чѣмъ любой изъ бунтарей. Но я не могъ тогда связать въ практическую программу дѣйствія, мое умѣніе стрѣлять и ѣздить верхомъ съ тѣми идеями, которыя я составилъ себѣ о социализмѣ и, вѣроятно, поэтому остался въ сторонѣ отъ этого движенія.

Замѣчу кстати, что Чубаровъ приходилъ въ мою квартиру не столько ради меня, сколько для одного рослаго деревенскаго парня, моего земляка, который жилъ у меня и готовился при моемъ содѣйствіи къ экзамену въ учительскую семинарію ¹⁾. Кромѣ бунтарей въ концѣ 77-го и началѣ 78-го г. существовали среди молодежи и другія группы съ революціонными или, правильнѣе, съ оппозиціонными тенденціями. Существовалъ такъ называемый студенческій «клубъ», однимъ изъ главныхъ дѣятелей котораго былъ «черный» Михалевичъ (былъ еще одинъ Михалевичъ, свѣтлый блондинъ, и онъ назывался «бѣлымъ»). Бывалъ и я въ этомъ клубѣ и слышалъ рефераты Подолинскаго, тогда только что вернушагося изъ за границы. Насколько припоминаю, эти рефераты, также какъ и тенденціи «клуба», носили украинно-фильски-конституціонный характеръ и были, вѣроятно, отраженіемъ идей Драгоманова. Пристать къ этому теченію я тоже не чувствовалъ ни малѣйшей склонности.

Въ это же время стали возникать слухи объ образованіи «партіи» съ новой социально-революціонной программой, а весною 78-го года появились прокламаціи за красной печатью «Исполнительнаго Комитета Соціально-Революціонной Партіи». Это были первые отблески приближавшейся грозы. Я вышелъ изъ душевнаго равновѣсія, и «два сердца» стали бороться въ моей груди. Въ концѣ концовъ къ чорту пошла наука, и, когда весною того года возникли студенческія волненія, я съ головою окунулся въ нихъ и вынырнулъ черезъ нѣкоторое время въ не столь отдаленныхъ...

Сначала въ Бѣлозерскѣ, а потомъ въ Новомосковскѣ и Бахмутѣ, Екатеринославской-губ., куда меня перевели по болѣзни (у меня обнаружился туберкулезъ легкихъ), я слѣдилъ, какъ могъ, за тѣмъ, что творилось тогда на Руси. Въ концѣ 78-го года мнѣ попалъ въ руки номеръ «Земли и Воли», но по немъ я не могъ выяснитъ себѣ характеръ новаго движенія. Гораздо яснѣе стало для меня положеніе, когда годъ спустя «Земля и Воля» распалась на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ».

Программа «Чернаго Передѣла» показалась мнѣ не реальной,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ и объ участіи этого парня я рассказывалъ въ небольшомъ очеркѣ „Прокopf“, который я написалъ въ Парижѣ въ 1895 г. Онъ долженъ храниться гдѣ нибудь въ архивѣ „Вѣстника Народной Воли“.

главнымъ образомъ потому, что, отвергая всякую политическую борьбу, она заранѣе отказывалась отъ могучаго орудія для поднятія самосознанія массъ и крайне нецѣлесообразно суживала сферу своего дѣйствія. Кромѣ того «Черный Передѣлъ» игнорировалъ городскихъ рабочихъ, которые гораздо болѣе подготовлены жизнью къ воспріятію соціалистическихъ идей, чѣмъ крестьяне.

Рѣшеніемъ «судебъ капитализма» я тогда не занимался, но зналъ, что въ Россіи существуетъ капиталистическое производство съ его фабриками и заводами, и что существуютъ поэтому фабричные и заводскіе рабочіе, которые должны были быть авангардомъ соціально-революціонной арміи.

Я стараюсь по возможности передать свои *тогдашнія* мысли и впечатлѣнія, избѣгая тѣхъ поправокъ и видоизмѣненій, которыя были внесены въ нихъ позднѣйшими наслоеніями. Поэтому я ничуть не утверждаю, что правильно постигъ тогда сущность «Чернаго Передѣла». Возможно и даже вѣроятно, что при нѣкоторомъ стараніи въ немъ можно найти зачатки того единоспасающаго пониманія соціализма, которое изъ Чернопередѣльцевъ сдѣлало российскихъ соціалъ-демократовъ... Теперешнимъ потомкамъ «Чернаго Передѣла» покажется, вѣроятно, смѣшнымъ упрекъ, который я нѣкогда мысленно обращалъ къ ихъ прародителю въ игнорированіи городского пролетаріата. Да отнесутся они снисходительно къ этому грѣху моей молодости!

Насколько не понравилась мнѣ программа «Чернаго Передѣла», настолько же пришлась мнѣ сразу по вкусу программа «Народной Воли»... Я пишу здѣсь не исторію «Народной Воли», а даю только «свидѣтельскія показанія» о ней. Историкъ опредѣляетъ, чѣмъ въ дѣйствительности была знаменитая «Программа Исполнительнаго Комитета», я же могу только сказать, какъ она отразилась въ моемъ умѣ, какъ направила мои дѣйствія.

Прежде всего очень по душѣ пришлась мнѣ первая же фраза программы: «По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы соціалисты-революціонеры». Я зналъ, что существуетъ одинъ только соціализмъ, революціонный, потому что онъ является единственно логическимъ выводомъ изъ классовой структуры современнаго общества. Былъ я также болѣе или менѣе знакомъ съ соціалистическимъ движеніемъ въ Западной Европѣ и чувствовалъ, что этимъ своимъ заявленіемъ партія «Народной Воли» какъ бы пріобщается къ всемірному соціализму, выразителемъ котораго былъ «Интернаціоналъ». А это мнѣ казалось чѣмъ то очень хорошимъ.

Что касается примѣненія этихъ «основныхъ учреждений» къ условіямъ русской жизни, то и тутъ мнѣ казалось, что программа Исполнительнаго Комитета ставитъ вопросъ вполне правильно.

Какъ извѣстно, движеніе въ народъ вызвало со стороны правительства жестокія преслѣдованія противъ передовой части интеллигенціи. Преслѣдованія эти показали, что правительство не намѣрено допустить пропаганду соціалистическихъ идей, въ какую бы мирную форму она не отливалась. Какъ естественная реакція противъ правительственныхъ гоненій, у болѣе активныхъ элементовъ революціонно-

настроенной интеллигенції возникло стремление вступить въ непосредственную борьбу съ полицейскимъ строемъ, который мѣшалъ осуществленію ихъ завѣтныхъ желаній. Отсюда до общаго положенія, что нельзя работать для распространенія социалистическаго идеала, игнорируя политическія условія, оставался одинъ только шагъ, и шагъ этотъ былъ сдѣланъ «Народной Волей». Ставя въ первую линію борьбу съ самодержавіемъ, Народная Воля вполнѣ, какъ мнѣ казалось, рачительно учитывала тогдашнее настроеніе общества. Турецкая кампанія и предшествовавшее ей движеніе на Балканахъ расшевелили общественную мысль и вызвали въ ней запросы, болѣе или менѣе ясное отраженіе которыхъ можно найти даже въ легальной литературѣ того времени. «Всѣ» желали и ждали чего то, причемъ повѣтріе распространилось даже на такіе элементы общества, которые не умѣли въ точности опредѣлить, хотѣлось ли имъ «конституціи» или «сврюжины съ хрѣномъ». Особенное оживленіе замѣтно было среди болѣе передовой интеллигенціи. Я помню рѣзкіе толки и горькія нареканія по поводу того, что Болгарія и даже Турція удостоились конституціи, а мы остаемся въ положеніи безправныхъ рабовъ и т. д. И, такъ какъ повѣтріе фрондированія замѣчалось болѣе или менѣе всюду, то ничего не было легче, какъ вывести изъ него заключеніе, что самодержавіе подгнило, что въ обществѣ и—скачекъ!—въ народѣ назрѣли и назрѣваютъ революціонные элементы, которые нужно только сорганизовать для совмѣстнаго и единовременнаго напора, чтобы переворотъ совершился. Такъ думалось мнѣ, такъ думалось и многимъ другимъ моимъ современникамъ, которые въ программѣ Исполнительнаго Комитета съ радостью увидѣли какъ бы отраженіе и осуществленіе своихъ мыслей.

Введеніе политической борьбы въ программу социально-революціонной партіи представлялось мнѣ тогда въ высшей степени рачиональнымъ и по соображеніямъ «научнаго» характера. Я не даромъ начитался исторіи. Изъ моихъ чтеній я вынесъ понятіе, что прогрессъ общества осуществляется борьбою общественныхъ группъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Вся исторія наполнена борьбою. Боролась въ Западной Европѣ королевская власть съ феодализмомъ, буржуазія съ феодализмомъ и королевской властью, а теперь «четвертое сословіе» вступаетъ во имя своихъ классовыхъ интересовъ въ борьбу съ буржуазіей. А у насъ? Съ тѣхъ поръ какъ царская власть раздавила остатки народнаго самоуправленія и раздѣлалась съ слабыми попытками бояръ внести въ нее кой какія ограниченія, элементъ сознательной групповой борьбы, главный двигатель общественнаго прогресса, отсутствуетъ въ русской исторіи. И вотъ теперь Народная Воля впервые поднимаетъ знамя организаціонной борьбы противъ самодержавной царской власти. Борьбы во имя интересовъ буржуазіи, господство которой должно было повидимому стоять на исторической очереди? Нѣтъ, потому что социалистическая по своему міровозрѣнію и по своимъ стремленіямъ, революціонная интеллигенція, создавшая «Народную Волю», ставила себѣ задачи, которыя только частью совпадали съ интересами буржуазіи, а въ остальномъ были прямо противоположны имъ. Тотъ фактъ, что борьбу противъ самодержавія подняла

не російская буржуазія, аморфное состояніе которой было тогда для всѣхъ очевидно, а революціонная интеллигенція, выступившая, какъ представительница интересовъ эксплуатируемыхъ, казался мнѣ въ высшей степени знаменательнымъ.

Какъ и многіе другіе, я умилялся тогда духомъ передъ знаменитыми «устоями» народной жизни, пѣвцомъ которыхъ былъ Златовратскій. Связывая вышеуказанный фактъ съ «общинными идеалами» русскаго народа, я видѣлъ въ немъ проявленіе своеобразности русской исторіи,—своеобразности, открывавшей весьма широкіе горизонты на будущее...

Повторяю, я стараюсь воспроизвести какъ можно точнѣе тѣ взгляды, которые выработались у меня въ то время на «Народную Волю» и которые я неоднократно развивалъ въ кружкахъ молодежи. Впослѣдствіи знаніе и опытъ внесли въ эти взгляды кой-какія поправки, но не объ этомъ теперь рѣчь.

И такъ вотъ какой представлялась мнѣ теоретическая основа программы «Народной Воли». Что касается до практическаго примѣненія ея, то были стороны, которыя я принималъ, такъ сказать, всею душой, но были и другія, которыя оставались у меня подъ сомнѣніемъ.

Исходя изъ положенія, что во всѣхъ слояхъ русскаго общества существуютъ революціонные элементы, готовые ринуться въ бой съ самодержавіемъ, нельзя было не признать раціональнымъ планъ, выработанный Исполнительнымъ Комитетомъ. Прежде всего необходимо было сплотить всѣ наличныя революціонныя силы въ крѣпкую организацию и тѣмъ координировать ихъ дѣйствія въ пространствѣ и во времени.

Но имѣющіяся силы, революціонныя по своему настроенію, не были однородны ни по своимъ тенденціямъ, ни по степени сознательности. Поэтому абсолютно необходимо было вести среди нихъ дѣятельную пропаганду соціально-революціонныхъ идей, которыя легли въ основу программы партіи, такъ какъ только выработка сознательныхъ соціалистовъ-революціонеровъ изъ болѣе или менѣе революціонно настроенныхъ людей могла привести къ осуществленію задачъ, которыя ставила себѣ партія.

Кромѣ уже существующихъ революціонныхъ силъ были элементы, которые ждали, такъ сказать, внѣшняго толчка, чтобы стать революціонными. Отсюда необходимость агитаціи. И, такъ какъ революціонное положеніе, если можно такъ выразиться, распространялось (въ теоріи) на всѣ слои общества, то ближайшей задачей партіи должна была быть постановка дѣла организациі, пропаганды и агитаціи во всѣхъ слояхъ общества. Это казалось мнѣ въ высшей степени логичнымъ и цѣлесообразнымъ, и подъ этой частью программы Исполнительнаго Комитета я подписывался обѣими руками.

Затѣмъ шла часть, которая была у меня подъ сомнѣніемъ. Я плохо понималъ, какъ соціально-революціонная партія можетъ стремиться къ захвату власти путемъ *заговора*. Опять таки на основаніи того, что я вычиталъ изъ исторіи, дѣло представлялось мнѣ такъ, что совершить переворотъ путемъ заговора означаетъ насильственно подставить одного правителя вмѣсто другого въ предѣлахъ одного и

того-же режима, а не замѣнить одинъ режимъ другимъ, радикально ему противоположнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до сихъ поръ. Для замѣны же одного режима другимъ требуется соучастіе того класса, которымъ и въ пользу котораго совершается эта замѣна, т. е. требуется ни больше, ни меньше, какъ *классовая революція*, въ которой заговоръ можетъ, пожалуй, играть роль инцидента, но не плановѣрнаго средства. Впрочемъ на мой взглядъ, эта часть программы не имѣла существеннаго значенія, по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго. Какъ ни былъ я склоненъ къ оптимизму, но я не представлялъ себѣ, чтобы дѣло могло скоро дойти до захвата власти. Будемъ готовить социальную революцію путемъ распространенія социально-революціонныхъ идей, а какимъ способомъ медвѣдь будетъ сваленъ, тамъ въ свое время видно будетъ.

Гораздо больше смущалъ меня вопросъ о цѣлесообразности такъ называемаго систематическаго террора. Всякій террористическій актъ громко говорилъ чувству, главнымъ образомъ, самихъ-же революціонеровъ, на массы же оставался безъ замѣтнаго дѣйствія. Въ этомъ отношеніи удручающее впечатлѣніе произвело на меня время, послѣдовавшее за смертью Александра II, когда вмѣсто ожидаемаго взрыва народной революціи во многихъ мѣстахъ можно было слышать плачь по царь-освободителю..... Смущало меня главнымъ образомъ то, что терроръ, какъ бездонная пропасть, поглощалъ лучшія силы партіи, которая, работая въ другомъ направленіи, принесли-бы, можетъ быть, большую пользу дѣлу народнаго освобожденія. Не хочу приводить здѣсь аргументы за и противъ террора, потому что и тѣ, и другіе вращаются исключительно въ области, недоступной точному опредѣленію. Какъ учесть вредъ и пользу террора? И если даже допустить, что это можно сдѣлать, то какъ установить балансъ, какъ опредѣлить, какое количество пользы нужно положить на вѣсы, чтобы уравновѣсить понесенный вредъ? Желябовъ говорилъ, что ведя террористическую борьбу, Народная Воля проживаетъ свой капиталъ. И дѣйствительно, капиталъ свой она прожила, можно сказать, до послѣдней копейки. На первый взглядъ можетъ показаться, что это глубоко вѣрное замѣчаніе Желябова должно быть разсматриваемо, какъ аргументъ *противъ* террора. Но оказывается, что даже и онъ служитъ аргументомъ *за* терроръ, а не противъ него, потому что исторической миссіей Народной Воли было—полечь костями за введеніе непосредственной политической борьбы въ русскую жизнь! Очевидно, разсужденія тутъ ни къ чему не могутъ привести. Въ окончательномъ счетѣ признаніе цѣлесообразности террора является предметомъ *вѣры*, а не результатомъ умственныхъ выкладокъ. У меня этой вѣры никогда не было и теперь нѣтъ, и я могу только искренно жалѣть, что по этому вопросу расхожусь съ товарищами, которыхъ я глубоко уважаю и люблю...

Я полагаю, что даже самыя строгіе критики не обвиняютъ меня въ беззаботности насчетъ принциповъ и теорій, когда я скажу, что несмотря на свое несогласіе съ нѣкоторыми частями программы партіи Народной Воли, я твердо рѣшилъ стать въ ряды этой партіи и принять дѣятельное участіе въ ея работѣ. Дѣло въ томъ, что та часть

программы, которую я принималъ безъ оговорокъ, была такъ важна въ моихъ глазахъ, что я считалъ возможнымъ войти въ партію, оставляя подъ сомнѣніемъ другую часть программы. Если можно было сомнѣваться насчетъ цѣлесообразности террора, если разсужденія о захватѣ власти не были непогрѣшимыми, то въ безусловной необходимости и полезности пропаганды социалистическихъ идей и организаціи революціонныхъ силъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Этой части партійной работы я и рѣшилъ посвятить свои силы, къ ней я готовился, находясь въ ссылкѣ.

Такимъ образомъ, когда въ началѣ 1882 г. я вступилъ въ партію, я зналъ, на какую работу я иду, зналъ также, почему именно я выбралъ эту работу, а не другую. Такъ какъ особенно вреднымъ для успѣшности работы я признавалъ шатаніе мыслей и «гамлетствованіе», то, выяснивши себѣ заранѣе теоретическія основы и линію своей дѣятельности, я твердо намѣренъ былъ не перерѣшать рѣшенныхъ вопросовъ и идти своимъ путемъ. Внутреннія сомнѣнія и колебанія я старался подавить въ себѣ, а возраженіямъ извнѣ противопоставлялъ готовые отвѣты, не вступая въ разсужденія по существу. Такъ шель я втеченіи трехъ лѣтъ по намѣченному пути, упорно не снимая наглазниковъ, которые я сознательно надѣлъ себѣ, пока не пришелъ къ мѣсту, откуда выхода я не видѣлъ. Тутъ поневолѣ пришлось снять наглазники и осмотрѣться. И, когда я осмотрѣлся, я не могъ не увидѣть, что случилось и что измѣнилось.

Случилось то, что основная посылка народовольческаго силлогизма—существованіе въ русскомъ обществѣ революціонныхъ силъ въ количествѣ, достаточномъ для совершенія переворота—оказалась невѣрной. Всѣ эти силы олицетворялись въ нѣсколькихъ тысячахъ болѣе или менѣе сознательныхъ революціонеровъ, которые въ нѣсколько лѣтъ были истреблены правительствомъ. Массы совсѣмъ не были затронуты движеніемъ. А разъ основная посылка невѣрна, то и весь силлогизмъ не годится.

Что измѣнилось? Измѣнилась вся постановка революціоннаго дѣла. Если нѣтъ достаточно силъ, чтобы совершить переворотъ въ ближайшемъ будущемъ, то нѣтъ надобности стремиться къ сплоченію ихъ въ крѣпкую, централизованную организацію. Въ революціонный моментъ такая организація можетъ оказать рѣшающее дѣйствіе на исходъ борьбы. Но въ періодъ подготовительной работы—если нѣтъ силъ, то надо готовить ихъ!—такая организація, какъ бы конспиративно она ни велась, фатально осуждена на гибель. Кто-то сказалъ, что тайна только тогда остается тайной, когда изъ двухъ человѣкъ, заинтересованныхъ въ ней, знаетъ ее только одинъ. А тутъ дѣло идетъ не о двухъ, а о десяткахъ и сотняхъ людей. Какъ бы ни быть тщательнъ подборъ членовъ организаціи, всегда среди нихъ найдутся и люди, не достаточно осторожные, и люди, способные въ критическій для нихъ моментъ стать предателями. Достаточно вспомнить мартирологъ Народной Воли, чтобы убѣдиться въ томъ, что не ловкость политической полиціи, а только неосторожность и предательство въ средѣ революціонеровъ были причиной гибели слѣдовавшихъ одна за другой организацій. Это было совершенно неизбѣжно, и на это вполнѣ

сознательно рассчитывали болѣе умные изъ высшихъ полицейскихъ дѣятелей. Извѣстно, что Судейкинъ очень охотно вступалъ въ теоретическія разсужденія со своими жертвами, при чемъ бывалъ иногда цинично-откровененъ. Минъ передавали, что въ одинъ изъ такихъ przypadковъ откровенности онъ сказалъ, не помню ужъ какому, подневольному собесѣднику, что напрасно революціонеры считаютъ правительство такимъ невѣжественнымъ. Оно, правительство, тоже знаетъ исторію и отлично понимаетъ, что революціонное движеніе нельзя искоренить; но оно также понимаетъ, что революціонное движеніе можно вполне обезвредить своевременно принятыми репрессивными мѣрами. «Вы подрастаете, а мы васъ подкосимъ, вы подрастаете, а мы васъ подкосимъ», говорилъ Судейкинъ, иллюстрируя свои слова жестомъ косаря. Сильно централизованная организація имѣла несомнѣнно свои преимущества. Но она-же была причиной того, что отборнѣйшіе и цѣннѣйшіе представители революціоннаго движенія подводились систематически и притомъ болѣе или менѣе компактными массами за-разъ, подъ неумолимую косу правительства. При поверхностности тогдашняго революціоннаго движенія, результатъ долженъ былъ быть именно такимъ, какимъ онъ оказался.

Итакъ, истинное значеніе фактовъ, на которые я до тѣхъ поръ упорно закрывалъ глаза, или которые я криво толковалъ, стало для меня яснымъ. Людей нѣтъ, потому что ограниченный запасъ революціонныхъ силъ, медленно накопленный предшествующими поколѣніями, былъ быстро растраченъ, новыя же силы формировались слишкомъ медленно, чтобы замѣнить павшіе ряды. По мѣрѣ того, какъ развившіяся событія давали возможность сличать дѣйствительность съ апріорными построеніями, полное несоотвѣтствіе плановъ и надеждъ Народной Воли съ тогдашнимъ социальнымъ и политическимъ положеніемъ Россіи вырисовывалось все болѣе и болѣе. Это несоотвѣтствіе неизбѣжно должно было вызвать въ революціонной средѣ неудовлетворенность партійной программой и партійной дѣятельностью. Люди, болѣе чуткіе или менѣе предубѣжденные, чѣмъ я, стали чувствовать и обнаруживать эту неудовлетворенность раньше меня. Впервые я встрѣтилъ ее болѣе или менѣе ясно выраженной у казанскихъ скептиковъ и пессимистовъ, но тогда я преднамѣренно не сталъ вдаваться въ обсужденіе причинъ ея. Теперь, когда желѣзная рука дѣйствительности приперла меня къ стѣнѣ и заставила меня подвергнуть провѣркѣ руководящія начала моей дѣятельности, пришла и моя очередь не только почувствовать полную неудовлетворенность, но и понять смыслъ ея. А понявши, я безъ колебанія ликвидировалъ прошлое, потому что вновь надѣтъ наглазники я не могъ, если бы даже хотѣлъ.

Но будущее? Какъ ни велико было мое разочарованіе, моя вѣра въ жизненность революціонныхъ идей ни малѣйше не была поколеблена, и я ни на минуту не впалъ въ то пессимистическое настроеніе, порожденіемъ котораго были такія, смѣю сказать, уродливыя явленія русской общественной жизни, какъ толстовство, декадентство, нищезнство и, не знаю еще, что. Но я не могъ не видѣть, что для русскаго общества наступалъ долгій періодъ новаго накопленія рево-

люціонныхъ силъ. Поэтому задачей 'уцѣлѣвшихъ' остатковъ революціонной интеллигенціи должно было быть не продолженіе непосредственной борьбы съ правительствомъ, а сознательное и планомѣрное содѣйствіе этому процессу революціоннаго накопленія. До тѣхъ поръ дѣло происходило такъ, что наиболѣе дѣятельные революціонеры вырывались изъ ихъ естественной среды и становились *профессіональными* революціонерами. Мнѣ казалось, что эта экстенсивная система должна была быть замѣнена интенсивной, при которой сознательные революціонеры, занимаясь какой-нибудь отраслью практической дѣятельности, воздѣйствуютъ въ то же время на окружающую среду. Нужно было тщательно выращивать революціонные всходы и заботиться о томъ, чтобы они дали зерно. Для передовой интеллигенціи наступалъ періодъ *культурно-революціоннаго воздѣйствія на массы*.

Оглядываясь назадъ, на путь, пройденный Россіей за послѣдніе 20 лѣтъ, я и теперь еще думаю, что взглядъ, къ которому я пришелъ тогда, подводя итоги своей дѣятельности, былъ въ общемъ вѣренъ. Чѣмъ, какъ не стремленіемъ къ культурно-революціонной работѣ было неударжимое общественно-образовательное движеніе, напоръ котораго не могло противостоять даже правительство Александра III? А вѣдь воскресныя школы, бібліотеки, издательства въ значительной мѣрѣ были въ рукахъ революціонно и соціалистически мыслящей интеллигенціи. Но даже работа чистыхъ культурниковъ фатально сводилась на предварительную обработку сырого матеріала для послѣдующаго революціонно-соціалистическаго воздѣйствія.

Да и соціаль-демократическое движеніе, которое одно время грозилъ выродиться въ чистый *экономизмъ*, въ борьбу исключительно за улучшеніе экономическаго положенія рабочаго класса, было втеченіи долгихъ лѣтъ культурнымъ по существу и революціоннымъ только по идеѣ...

Результаты этой долгой культурно-революціонной работы теперь на лицо.

Да не подумаетъ читатель, что я тутъ мудрствую заднимъ числомъ. Напуганный разоблаченіями экспериментальной психологіи на счетъ безсознательныхъ, но тѣмъ не менѣе неблагоприятныхъ продѣлокъ памяти, я и самъ не довѣрялъ бы себѣ. Но, какъ будетъ упомянуто ниже, у меня случайно сохранился документъ, который доказываетъ объективную вѣрность сказаннаго относительно результата произведенной мною идейной ликвидаціи.

XV.

Заключеніе.

По мѣрѣ того, какъ истинное положеніе революціонныхъ дѣлъ вырисовывалось передъ моими глазами, въ моей душѣ происходила неожиданная для меня самого перемѣна. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ нелегальнымъ, исходъ моей революціонной дѣятельности, поскольку это касалось лично меня, представлялся мнѣ не иначе, какъ въ видѣ

моей смерти. На торжество революції въ ближайшемъ будущемъ я не рассчитывалъ, здоровье мое было въ очень плохомъ состояніи, такъ что, если бы даже не удалась моя попытка не отдаться живымъ въ руки жандармамъ, то все таки я былъ увѣренъ, что недолго проживу въ заключеніи. А что встрѣтиться лицомъ къ лицу съ жандармами въ окончательной формѣ мнѣ придется, въ этомъ я ни минуты не сомнѣвался. Тѣмъ не менѣе даже въ самые критическіе моменты моей революціонной жизни, мысль о какомъ-нибудь другомъ исходѣ даже не приходила мнѣ въ голову. Когда, пріѣхавъ въ Москву, Сергѣй Ивановъ звалъ меня за-границу, я отказался поѣхать только потому, что поѣздка казалась мнѣ нецѣлесообразной въ дѣловомъ отношеніи и что, какъ я думалъ, я долженъ былъ не прекращать работы въ Россіи. Вопросъ о возможности уйти на время изъ подъ Дамоклова меча, который висѣлъ у меня надъ головою, даже не дебатировался въ моей душѣ, потому что я такъ втянулся въ дѣло, что Дамокловъ мечъ казался мнѣ однимъ изъ вполне естественныхъ атрибутовъ его. Долгъ принудилъ меня остаться въ рядахъ до естественнаго финала, который отъ моей воли не зависѣлъ. Тѣмъ болѣе я былъ удивленъ, замѣтивъ, что по мѣрѣ того, какъ я подводилъ итоги, принудительный характеръ этого чувства долга все болѣе и болѣе слабѣлъ въ глубинѣ моего духа. И когда я пришелъ къ окончательному выводу, я почувствовалъ себя *свободнымъ человекомъ*! Свободнымъ, не какъ каторжникъ, которому удалось разбить цѣпь и вырваться на волю, а какъ солдатъ, вѣрою и правдою отслужившій тяжелую службу и отпущенный по билету. Дѣлу революціи и социализма я оставался вѣренъ душою, но я не видѣлъ своего пути, и потому не чувствовалъ себя обязаннымъ идти.

Теперь, разсуждая заднимъ числомъ, я склоненъ думать, что не чувство долга ослабѣло во мнѣ потому, что я не видѣлъ своего пути, а наоборотъ, что пути я не видѣлъ, потому что чувство долга во мнѣ ослабѣло. А ослабѣло оно, потому что за три года напряженной революціонной жизни истощился отпущенный мнѣ запасъ того рода энергіи, который необходимъ для веденія революціоннаго дѣла.

Какъ бы то ни было, я почувствовалъ себя свободнымъ и *захотѣлъ* уѣхать за-границу, и для того, чтобы уйти изъ подъ Дамоклова меча, и, можетъ быть, для того, чтобы пожить другой половиной своей жизни.

Пока у меня шла ликвидація, я видѣлся время отъ времени съ немногочисленными тифлисскими народниками, наиболѣе выдающимися изъ которыхъ былъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ, бывший студентъ Петровской Академіи, высланный въ Тифлисъ подъ надзоръ полиціи. Если не ошибаюсь, онъ въ Москвѣ принадлежалъ къ кружку П—ва, Е—ва и др. Когда ликвидація была покончена, для меня возникъ вопросъ, имѣю ли я нравственное право подѣлиться съ революціонерами, бывшими въ сношеніяхъ со мною, тѣми результатами, къ которымъ я пришелъ. Вѣдь результаты эти вѣрны были пока только *для меня*. Вѣрны-ли они вообще?

А между тѣмъ, если-бы я сталъ излагать ихъ, они были бы неминуемо приняты за выраженіе мнѣній организаціи Народной Воли,

сколько бы я не утверждалъ, что говорю исключительно отъ своего имени. Кромѣ того, для меня дѣло осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, почувствовавъ себя свободнымъ, я тѣмъ самымъ какъ бы порвалъ свою внутреннюю связь съ организаціей, и на мнѣ слѣдовательно лежала нравственная обязанность не дѣлать такихъ шаговъ, отвѣтственность за которые могла пасть на организацію въ прошедшемъ или будущемъ. Вотъ почему я о своихъ окончательныхъ водахъ съ революціонерами не говорилъ, но ничуть не скрывалъ отъ нихъ, что организація разбита, что не видно пока, какъ пойдетъ дѣло въ будущемъ, и что я намѣренъ поѣхать въ Парижъ для того, чтобы сообщить находящимся тамъ народовольцамъ все, что мнѣ извѣстно о теперешнемъ положеніи партіи.

Узнавъ о моемъ намѣреніи уѣхать за границу, Аргутинскій вызвался добыть мнѣ заграничный паспортъ. Когда, какъ я рассказывалъ это выше, ко мнѣ пріѣхалъ въ Тифлисъ Крыловъ-Воскресенскій и сталъ убѣждать меня создать новую организацію, я, чтобы отдѣлаться отъ него, уѣхалъ во Владикавказъ, куда Аргутинскій обѣщалъ мнѣ прислать заграничный паспортъ. Это было приблизительно въ 10-хъ числахъ января 1885 г.

Во Владикавказѣ, гдѣ я сидѣлъ около мѣсяца въ ожиданіи паспорта, я видѣлся съ кавказскимъ адвокатомъ, который пріѣхалъ спеціально для свиданія со мною. Все еще исходя изъ мысли, что я не имѣю права обрубить канаты вокругъ себя, я условился съ нимъ насчетъ дальнѣйшихъ сношеній и далъ ему парижскій адресъ, который имѣлся у меня. И съ нимъ я говорилъ откровенно о настоящемъ положеніи партіи, но о будущемъ не говорилъ.

И въ Тифлисъ, и во Владикавказъ я получалъ письма отъ уцѣлѣвшихъ ростовскихъ революціонеровъ, которые образовали небольшую группу. Во главѣ ея стояли Остроумовъ, впоследствии ставшій злымъ предателемъ, и Цейтлинъ.

Остроумовъ сообщалъ, что группа продолжаетъ работать и звалъ меня пріѣхать въ Ростовъ. Я обѣщалъ ему извѣстить его, когда и какимъ поѣздомъ я буду проѣзжать черезъ Ростовъ, для того, чтобы онъ могъ поѣхать тѣмъ же поѣздомъ до Таганрога и поговорить со мною по дорогѣ. Это было не очень благоразумно съ моей стороны, но отказать ему у меня не хватило духа.

Около половины февраля Аргутинскій прислалъ мнѣ, наконецъ, заграничный паспортъ, и я, не теряя времени выѣхалъ изъ Владикавказа, направляясь прямо въ Парижъ. Денегъ у меня было въ обрѣзъ, такъ что я рѣшилъ ѣхать, не останавливаясь нигдѣ. Между Ростовомъ и Таганрогомъ я видѣлся въ поѣздѣ съ Остроумовымъ, отъ котораго, впрочемъ, абсолютно ничего интереснаго не узналъ. Я сказалъ ему, что ѣду за границу и далъ ему парижскій адресъ.

Подѣзжая къ Волочискѣ, я еще разъ имѣлъ случай убѣдиться въ особой милости ко мнѣ судьбы. Я зналъ, что граница была однимъ изъ пунктовъ, гдѣ Дамокловъ мечъ легче всего могъ обрушиться на мою голову. Меня очень усердно разыскивали, и Остроумовъ, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ, что за нѣсколько дней до нашего свиданія всѣмъ полицейскимъ и жандармамъ, включая желѣзнодорож-

ныхъ (онъ зналъ это отъ брата), показывали мою фотографію. О качествѣ паспорта, которымъ меня снабдили, я ничего не зналъ, такъ что мнѣ предстояло пройти черезъ послѣднее испытаніе, которое могло оказаться послѣднимъ и въ хорошемъ, и въ дурномъ смыслѣ. Когда по примѣру другихъ пассажировъ, которые обнаруживали какое-то странное даже нѣсколько жуткое для меня волненіе, я сталъ собирать свой ручной багажъ, ко мнѣ неожиданно подошелъ кондукторъ и спросилъ:

— Вы, господинъ, за границу ѣдете?

— Да, отвѣтилъ я.

— Если желаете, я понесу вашъ паспортъ для явки, чтобы вамъ не беспокоиться самимъ.

— А почему же всѣ другіе пассажиры должны сами предъявить свои паспорта?—спросилъ я его.

— Такое правило. Но у меня тамъ есть жандармскій вахмистръ знакомый, онъ наложитъ явку на паспортъ и принесетъ его сюда.

Я былъ убѣжденъ, что я узнаю, и что меня хотятъ взять безъ скандала, когда всѣ пассажиры уйдутъ изъ вагона и будутъ заперты въ вокзалѣ. Я внимательно посмотрѣлъ на кондуктора, но на его простомъ, нѣсколько деревянномъ лицѣ я ничего не могъ прочесть. Для моихъ цѣлей мнѣ было гораздо выгоднѣе ждать прихода жандармовъ въ вагонъ, чѣмъ идти къ нимъ въ ихъ берлогу. На побѣгъ у меня надежды не было никакой, а шуму, который произведетъ мой арестъ при болѣе или менѣе сенсационныхъ обстоятельствахъ, я большаго значенія не придавалъ. Всѣ эти мысли съ быстротою молніи пронеслись въ моей головѣ, и собравши все хладнокровіе, на которое я былъ способенъ, я сказалъ кондуктору, что съ удовольствіемъ принимаю его предложеніе, и даже попросилъ его передать мой багажъ до Подволочиска (это тогда требовалось), для чего вручилъ ему вмѣстѣ съ паспортомъ багажную квитанцію.

Когда послѣдній пассажиръ вышелъ изъ вагона, кондукторъ оставилъ меня одного и заперъ за собою снаружи дверь. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, какъ пассажиры медленно проходили между двумя рядами жандармовъ въ какой-то залъ.

Я выбралъ себѣ позицію по срединѣ вагона и сталъ ждать. Минутъ черезъ десять на площадкѣ вагона раздались шаги и дверь стала открываться. Я приготовился. Вошелъ старый, благообразный жандармъ, весь увѣшанный медалями и крестами, и, прихрамывая, приблизился ко мнѣ.

— Вы г-нъ П.?

— Я.

Онъ возвратилъ мнѣ паспортъ и пожелалъ мнѣ счастливаго пути. И это было все. Передъ лицомъ этого убѣленнаго сѣдинами жандармскаго патріарха мнѣ почти неловко стало за свои приговлєнія.

Вагонъ сталъ вновь наполняться пассажирами, которые всѣ имѣли какой-то просвѣтленный видъ, точно они съ причастія. Передъ самымъ отходомъ поѣзда вошелъ кондукторъ и передалъ мнѣ багажную квитанцію. Я далъ ему всѣ мелкія русскія деньги, какія были у

меня—рубля полтора,—сказавши, что онѣ мнѣ не нужны, потому что я не скоро вернусь на родину, и пожалѣ ему руку. Это былѣ послѣдній русскій человѣкъ, которому я пожалѣ руку на русской территоріи.

Черезъ четыре дня я пріѣхалѣ въ Парижѣ и, оставивъ свои вещи на вокзалѣ, отправился прямо къ Тихомирову, адресъ котораго мнѣ далѣ Воскресенскій. Знакомства съ Тихомировымъ я ждалѣ съ большимъ интересомъ. Добравшись до avenue Reille, 9, я позвонилѣ въ указанной мнѣ консьержкой квартирѣ на пятомъ этажѣ. Дверь открыла мнѣ немолодая уже дама съ широкимъ некрасивымъ русскимъ лицомъ.

— M. Dolinski?

— C'est ici.

Видя, что передо мною несомнѣнно русская дама, я сказалѣ ей, что я только что пріѣхалѣ изъ Россіи и что желалѣ бы видѣть Л. А. Тихомирова. Она стала спрашивать меня, кто я такой. Я отвѣтилѣ. Вдругъ дверь сосѣдней комнаты открылась, и на порогѣ появился мой дорогой товарищъ, Сергѣй Ивановъ! Съ великой и обоюдной радостью мы обняли другъ друга. Послѣ первыхъ привѣтствій Сергѣй Ивановъ повелѣ меня въ комнату, гдѣ за столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами, сидѣлъ Тихомировъ. Съ перваго же взгляда на него я почувствовалѣ нѣкоторое разочарованіе. Дѣло въ томъ, что, зная Тихомирова только по нѣкоторымъ рассказамъ Сухановой и по писаніямъ его, я почему-то не иначе представлялѣ себѣ его физическую личность, какъ въ видѣ очень высокаго роста блондина, съ красивымъ лицомъ, большой бѣлокурой бородой и большими сѣрыми глазами, которые должны были выражать все, что полагается выражать глазамъ такого выдающагося революціонера и писателя. А передо мною стоялъ довольно коренастый человѣкъ лѣтъ 33, ниже средняго роста, съ широкимъ, украшеннымъ рыжевато-каштановой растительностью, лицомъ и непрерывно двигающимися изъ стороны въ сторону глазами. Такія лица встрѣчаются сотнями среди смѣшаннаго населенія новороссійскаго края и сѣвернаго Кавказа. Но глаза его, несмотря на ихъ непріятную бѣготню, несомнѣнно блистали умомъ. Одѣтъ онѣ былѣ очень неряшливо. Платье его, которое, по-видимому, никогда не чистилось, было испещрено жирными пятнами алиментарнаго происхожденія. Но мое первое непріятное впечатлѣніе, вину котораго я добросовѣстно сваливалѣ на свою нелѣпую фантазію, не замедлило изгладиться, когда между нами завязался разговоръ. Вопросы, которые задавалѣ мнѣ Тихомировъ, изобличали въ немъ очень умнаго человѣка, который отлично зналъ, гдѣ лежать узловые пункты революціоннаго движенія, и не говорилѣ пустыхъ словъ. И по его вопросамъ и по выраженію его лица, когда онѣ слушалѣ мой подробный рассказъ о положеніи дѣлъ, можно было заключить, что выводъ, къ которому я пришелѣ въ Тифлисѣ, для него не новость, и что онѣ въ значительной степени раздѣляетъ его. За то Сергѣй Ивановъ ничуть не былѣ согласенъ со мною. Онѣ думалѣ, что упадокъ народолюбческаго движенія временный, что организація вновь возродится, особенно, если удастся хорошо поставить за-границей

литературное дѣло. Говорилъ онъ еще, что, когда я отдохну за-границей, я стану смотрѣть менѣ мрачно на положеніе вещей.

Послѣ обѣда Тихомировъ повелъ меня къ М. Н. Оловенниковой, которая жила тогда на rue Flatters съ моей старой знакомой Г. О. Чернявской. Такъ какъ былъ день редакціоннаго собранія «Вѣстника Народной Воли», то туда-же вскорѣ пришелъ и П. Л. Лавровъ. Меня опять спрашивали, я опять рисовалъ безотрадную картину положенія партіи. И опять я увидѣлъ на необыкновенно энергичномъ и умномъ лицѣ М. Н. Оловенниковой подтвержденіе своихъ печальныхъ выводовъ. Что касается Петра Лавровича, то съ той теоретической высоты, на которой онъ стоялъ, хорошо видно было только неизбежное, окончательное торжество социализма—перипетіи-же борьбы, которая приведетъ къ этому торжеству социализма, болѣе или менѣ скрадывались перспективой....

Изъ разговоровъ съ членами редакціи я не замедлил убѣдиться, что и «Вѣстникъ Народной Воли» находится въ состояніи агоніи. Это былъ послѣдній якорь, который могъ бы спасти идею партіи. Выводъ, къ которому я пришелъ въ Тифлисѣ, принялъ окончательную форму.

Вѣрный своимъ взглядамъ, Сергѣй Ивановъ уѣхалъ въ іюлѣ 1885 г. въ Россію съ цѣлью попытаться возстановить организацію. Осенью того же года онъ былъ арестованъ.

А я сталъ жить другой половиной своей жизни. Вскорѣ послѣ отъѣзда Сергѣя Иванова я былъ принятъ, благодаря своему знанію языковъ и знакомству съ химіей, въ редакцію одного химическаго парижскаго журнала, въ которомъ я состою сотрудникомъ до сихъ поръ. Это было для меня исходнымъ пунктомъ долготѣйшей и небезуспѣшной научной работы.

Еще одинъ только разъ мнѣ пришлось выступить въ качествѣ бывшаго члена организаціи Народной Воли, и это при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ то разъ лѣтомъ 1886 г. я зашелъ въ русскую библіотеку, чтобы почитать газеты и, по обыкновенію, нашелъ тамъ нѣсколькихъ читателей. Занявшись газетой, я сталъ вдругъ чувствовать на себѣ упорный взглядъ одного изъ моихъ сосѣдей. Я оглянулся. Мой сосѣдъ, смуглый молодой человѣкъ лѣтъ 18, быстро отвелъ отъ меня глаза. Еще раза два повторился этотъ самый маневръ, а потомъ я пересталъ обращать на него вниманіе: если молодому человѣку доставляетъ удовольствіе глазѣть на меня, пусть глазѣтъ.

Начитавшись, я собрался уйти домой. На площадкѣ лѣстницы я былъ настигнутъ глазѣвшимъ на меня молодымъ человѣкомъ, который взволнованнымъ голосомъ спросилъ меня:

— Извините, пожалуйста, вы Алексѣй Павловичъ?

— Былъ когда-то имъ.

Тутъ молодой человѣкъ, путаясь и волнуясь, сталъ говорить мнѣ, что онъ меня узналъ, потому что я нѣсколько разъ имѣлъ свиданія у него на квартирѣ съ «Заикой», и что теперь у него ко мнѣ есть дѣло. Я присмотрѣлся къ молодому человѣку, и вдругъ мнѣ вспомнилась большая комната въ мезонинѣ одноэтажнаго дома гдѣ то въ Замоскворѣчѣ, а въ комнатѣ гимназистъ съ живыми, черными гла-

зами, другія фигуры гимназистовъ. Всѣ гимназисты куда то исчезали, и мы съ Ивановымъ оставались вдвоемъ въ этой комнатѣ. Прежній гимназистъ и теперешній молодой человѣкъ былъ Матвѣй Фундаминскій, прїѣхавшій въ Парижъ по порученію московскаго кружка народовольцевъ, юныхъ годами, но богатыхъ энергіей. Однимъ изъ членовъ его былъ М. Р. Гоцъ. Фундаминскій привезъ отъ имени этого кружка докладную записку, въ которой обсуждалось положеніе партіи Народной Воли и предлагались мѣры къ возрожденію ея. По словамъ составителей записки, народовольческихъ силъ въ Россіи было много, но силы эти оставались разрозненными и безплодными вслѣдствіе отсутствія надлежащаго импульса. Надо было опять взяться за террористическую борьбу съ правительствомъ, возобновить и влить новую жизнь въ партійную литературу, а главное, устроить крѣпкую и сплоченную организацію. Но образованію такой сплоченной организаціи мѣшаетъ... избытокъ нелегальныхъ народовольцевъ, которые злоупотребляютъ престижемъ своей нелегальности, стремятся захватить въ свои руки веденіе революціоннаго дѣла и тѣмъ уничтожаютъ самостоятельность въ молодыхъ членахъ партіи.

Чтобы уменьшить вредное вліяніе нелегальнаго элемента, составители записки предлагаютъ ограничить число нелегальныхъ революціонеровъ въ организаціи опредѣленнымъ процентомъ... Кружокъ обращается къ эмигрантамъ-народовольцамъ съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ его начинаніяхъ.

Прочитавъ записку, я сказалъ Фундаминскому, что революціонными дѣлами я больше не занимаюсь, ни къ какой организаціи не принадлежу и поэтому отвѣчать на записку не считаю возможнымъ. И я предложилъ Фундаминскому понести записку Лаврову и Тихомирову, съ которыми я его свелъ. Но я не скрылъ отъ него своихъ личныхъ взглядовъ на дѣло. Оказалось, что ни Лавровъ, ни Тихомировъ не пожелали отвѣчать на записку и отослали Фундаминскаго ко мнѣ. Я тоже отказался. Но Фундаминскій сталъ говорить, что безъ отвѣта онъ не можетъ вернуться, и просилъ меня изложить письменно мое мнѣніе, съ которымъ онъ во многомъ соглашался. Тогда я исполнилъ его желаніе и написалъ контръ-записку, въ которой я подробно развилъ выводы изъ своей трехлѣтней революціонной дѣятельности. Фундаминскій носилъ записку Лаврову и Тихомирову, но насколько помню, отъ нихъ ни порицанія, ни похвалы не услышалъ.

Въ день отъѣзда Фундаминскаго я подъ его диктовку снялъ на всякій случай копію съ своей контръ-записки, и копію эту я недавно нашелъ въ своихъ бумагахъ.

Какъ передавалъ мнѣ недавно М. Р. Гоцъ, моя контръ-записка произвела большое разочарованіе въ московскомъ кружкѣ. Особенно огорчили ихъ мои разсужденія противъ цѣлесообразности террора при тогдашнемъ состояніи революціонныхъ силъ. Прочитавъ мою контръ-записку, Богоразъ, который былъ тогда въ Москвѣ и вмѣстѣ съ Оржихомъ возстановлялъ организацію, разсердился и сталъ писать брошюру въ защиту традиціонныхъ идей Народной Воли. Вскорѣ вся ихъ организація была скошена рукою мастеровъ, тоже знавшихъ исторію...

Еще разъ взмахнула правительственная коса послѣ 1-го марта 1887 г., и Народная Воля умерла...

Народная Воля умерла, и враги ея ликовали. Но могила ея осталась у всѣхъ на виду, какъ напоминаніе и завѣтъ, и противъ нея торжествующіе враги были безсильны. Тогда пришли Иваны Непомнящіе и стали топтать могилу, чтобы сравнять ее съ землею, потому что могила мѣшала имъ быть Иванами-Непомнящими. Но растоптать и сравнять съ землею могилу Иваны-Непомнящіе не могли, потому что она большая. А большая она, потому что много положено въ нее.

Народная Воля умерла, но сѣмя, брошенное ею въ землю, дало всходы...

А. Бахъ.

1903—1904 гг.

Изъ Обзора важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ преступленіяхъ за 1901 годъ ¹⁾).

Положеніе Эмиграціи въ 1901 году.

„Русскіе эмигранты въ отчетномъ году, какъ и раньше, составляли два главныхъ лагеря: социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ, которые въ свою очередь распадались на фракціи самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Направляющій центръ революціонныхъ силъ оставался, однако же, въ предѣлахъ Имперіи, и эмигранты подчинялись рѣшеніямъ, исходившимъ изъ Россіи. Подъемъ или упадокъ энергіи среди русскихъ выходцевъ всегда обуславливался общимъ положеніемъ агитаціи на ихъ родинѣ. Успѣхъ ея за послѣдніе два года наглядно отразился за границей: и социаль-демократы и социалисты-революціонеры приняли болѣе крайній революціонный характеръ. Умѣренные социаль-демократическія организаціи, какъ „Рабочая Мысль“ ступеньваются, а на первый планъ выдвигаются „Искра“ и „Заря“; у социалистовъ-революціонеровъ замѣчается желаніе возродить традиціи старой „Народной Воли“, что и выразилось сформированіемъ „соціально-террористической“ группы.

Затѣмъ, у эмигрантовъ явилось стремленіе придать своей дѣятельности возможно болѣе практическій характеръ. Въ этихъ видахъ даже забываются обычныя пререканія между различными группами, и онѣ готовы совместно работать противъ современнаго въ Россіи государственнаго строя. Пользуясь удобствами

¹⁾ Текстъ настоящаго „Обзора“, какъ это должно быть понятно само собою, составляетъ дѣло полиціи. Мы печатаемъ его безъ малѣйшихъ комментариевъ, хотя во многихъ случаяхъ неосознанность авторовъ „Обзора“ видается въ глаза. Недавно „Русская Истор. Библіотека“ надала одинъ изъ такихъ „Обзоровъ“ (за 1902 годъ) полностью, но также безъ всякихъ комментариевъ. Это понятно: по поводу такихъ вещей надо писать или очень много или ничто. Не имѣя пока возможности дѣлать первое, дѣлаемъ второе, полагая, что и въ „сиротѣ“ видъ опубликованіе данныхъ матеріаловъ все же сослужитъ свою службу дѣлу познанія исторіи русскаго освободительнаго движенія. Имя, однако, въ виду все вышесказанное, читатель долженъ относиться къ сообщаемому въ „Обзорахъ“ съ величайшей осторожностью. Ред.

революціонной дѣятельности внѣ предѣловъ своего отечества, эмигранты оказываютъ существенныя услуги движенію въ Имперіи, публикуя разныя сообщенія, печатая и пересылая въ Россію разныя нелегальныя изданія и т. п.

Соціально-демократическое направленіе среди эмигрантовъ долгое время было преобладающимъ надъ соціально-революционнымъ; но съ нѣкоторыхъ поръ послѣднее стало приобретать видимый перевѣсъ, благодаря сліянію разрозненныхъ группъ въ одну партію.

Польскіе эмигранты и заграничныя „толстовцы“ стояли въ сторонѣ отъ упомянутыхъ теченій.

Личный составъ революціонныхъ силъ эмиграціи въ значительной мѣрѣ пополнялся временно прибывавшими и уѣзжавшими обратно въ Россію оппозиционными дѣятелями, большой процентъ коихъ составляли евреи.

Соціально-демократы.

Группа „Искры“ и „Заря“. Въ послѣднемъ обзорѣ было сказано, что въ концѣ 1900 г., по рѣшенію петербургской „Центральной соціально-демократической рабочей партіи“, заграницей была основана самостоятельная организація въ качествѣ главнаго представителя интересовъ партіи въ Россіи. Тогда же приступили къ изданію органовъ новой группы—газеты „Искра“ и журнала „Заря“; въ редакціи первой изъ нихъ работаютъ Владиміръ Ульяновъ въ сотрудничествѣ съ Александромъ Потресовымъ и Юліемъ Цедербаумомъ. „Искра“ печатается въ Мюнхенѣ, но ей старательно придается видъ и характеръ изданія, выходящаго въ предѣлахъ Россіи.

Центръ партіи „Искры“ находится въ Берлинѣ, гдѣ ея сторонники представляютъ довольно большой кружокъ, имѣющій свою нелегальную бібліотеку и складъ подпольной литературы, переправляемой при всякомъ удобномъ случаѣ въ Россію.

Во главѣ Берлинскаго кружка „искровцевъ“ стоятъ эмигранты: Михаилъ Вячесловъ, Анна Елизарова, Петръ Сидовичъ, онъ же Червинскій. Къ этому кружку примыкаетъ группа „Сибирскихъ соціально-демократовъ“, весьма немногочисленная по своему составу, но имѣющая свою кассу.

Газета „Искра“ съ первыхъ же своихъ номеровъ стала проповѣдывать завоеваніе политической свободы и борьбу съ русскимъ самодержавіемъ. Такъ въ статьѣ „На порогѣ двадцатаго вѣка“ говорится: „Разрушеніе самодержавія безусловно необходимо для развитія нашей партіи. Если между западно-европейскими соціалистами и ихъ великой цѣлью стоитъ эгоизмъ имущихъ классовъ, то между нашей зарождающейся партіей и западно-европейской соціалистической семьей стоитъ самодержавный царь съ его полицейскимъ государствомъ. Но нѣтъ той стѣны, которую не могла бы разрушить человѣческая энергія. Россійская

соціалъ-демократическая партія возьметъ на себя инициативу борьбы съ абсолютизмомъ и нанесетъ ему смертельный ударъ, опираясь на болѣе или менѣе энергичную, прямую или косвенную, поддержку всѣхъ недовольныхъ элементовъ, и политическая свобода будетъ первымъ культурнымъ завоеваніемъ Россіи въ двадцатомъ вѣкѣ“.

Въ изданіи „Зари“ видное участіе принимали: Георгій *Плехановъ*, Пинхусъ *Аксельродъ*, Вѣра *Засуличъ* и Овшій *Нахамкисъ*. Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ первой книжки „Зари“, редакціей ея была издана въ Штутгартѣ брошюра „Самодержавіе и Земство“, содержащая въ себѣ конфиденціальную записку статсъ-секретаря Витте къ дѣйствительному тайному совѣтнику Горемыкину, по вопросу о повсемѣстномъ введеніи въ Россіи земскихъ учреждений. Брошюра эта выдержала нѣсколько изданій и принесла редакціи большія деньги. Рукопись ея была передана въ редакцію „Зари“ лицомъ, оставшимся невыясненнымъ, въ видѣ копій съ подлинника, причемъ то же самое лицо вручило Аксельроду и Плеханову на изданіе брошюры 6000 рублей; изъ нихъ на отпечатаніе было израсходовано 1800 рублей, остальные же деньги поступили въ кассу редакціи..

Весною 1901 г. Сергій *Андроновъ* и Викторъ *Носинъ*, въ интересахъ сліянія соціалъ-демократическихъ группъ, тайно выѣхали въ Россію, но тамъ были задержаны.

Затѣмъ, въ половинѣ октября, состоялся въ Женевѣ съѣздъ представителей заграничныхъ соціалъ-демократовъ, названный ими „объединительнымъ“; но вмѣсто желательнаго сплоченія отдѣльныхъ группъ въ одну организацію между ними произошелъ еще большій расколъ. Нахамкисъ заявилъ, что онъ образуетъ новую соціалъ-демократическую группу съ органомъ „Борьба“, а организаціи „Соціалъ-демократъ“, „Искра“ и „Заря“ рѣшили слиться въ „Заграничную лигу революціонной соціалъ-демократіи, поставившей себѣ задачей—активное содѣйствіе революціоннымъ элементамъ въ Россіи въ дѣлѣ выработки боевой соціалъ-демократической организаціи.

„Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ“ „Рабочее Дѣло“; „Союзъ“, какъ и въ предшествовавшемъ году, занимался преимущественно издательской дѣятельностью. Такъ, имъ были выпущены: 1) „Доклады Международ. Соц. Конгрессу въ Парижѣ 1900 г. о русскомъ и еврейскомъ соц.-демократ. рабочемъ движеніи; 2) „Русскій политическій строй и рабочіе“; 3) „Судъ надъ Брянскими рабочими“; 4) Прокламація „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ“, мартъ 1901 г.; 5) „Историческій поворотъ“, оттискъ изъ 6-го № листка „Рабочее Дѣло“; 6) „1-е мая 1901 г.“; 7) „Маіская картина: общественная пирамида“; 9) „Судъ надъ Карповичемъ и Лаговскимъ“, съ предисловіемъ.

Органъ „союза“ „Рабочее Дѣло“ также выходилъ отъ имени „Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи“ и въ 1901 г. его вышло только три номера. Кромѣ того, „Союзъ“ продолжалъ изданіе листковъ „Рабочаго Дѣла“

Въ организаціи „Рабочее Дѣло“ происходили уже послѣ сѣзда серьезныя разногласія представителей ея, эмигрантовъ Боруха *Кричевскаго*, Владиміра *Иванишина* и Владиміра *Махновца*, съ прибывшимъ незадолго до того изъ Екатеринослава именуемымъ себя Мартыновымъ, въ коемъ подозрѣвается административно-ссылный Хаймъ *Поляковъ*.

Послѣ совершеннаго отдѣленія на сѣздѣ отъ „искровцевъ“, „Союзъ русскихъ социаль-демократовъ“ сблизился съ „Бундомъ“, и въ концѣ года слился съ нимъ на федеративныхъ началахъ, принявъ одну и ту же программу, кромѣ вопросовъ о еврейскомъ пролетариатѣ. Каждая изъ этихъ группъ имѣла въ Берлинѣ свой отдѣльный складъ революціонной литературы и устраивала собранія для выясненія программныхъ разногласій съ другими организаціями.

Во главѣ Берлинскихъ сторонниковъ „Союза русскихъ социаль-демократовъ“ стояли: Исаакъ *Бискъ* и Викторъ *Залле*.

„Русская социаль-демократическая рабочая партія „Рабочее Знамя“. Группа эта, по своей программѣ почти тождественная съ социально-революционными, въ 1901 г. ничѣмъ себя не проявила. Заграничные ея представители, Андроповъ и Ногинъ, какъ сказано выше, были арестованы въ самомъ разгарѣ ихъ партійной дѣятельности. Той же участи, но нѣсколько раньше, подвергся третій выдающийся членъ „Рабочаго Знамени“, *Мовша Дурія*.

„Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. „Рабочая Мысль“. Въ 1901 г. печатаніе газеты „Рабочая Мысль“ было перенесено въ Россію, вслѣдствіе чего оставшаяся за границей небольшая группа „Союза борьбы“ почти совершенно бездѣйствовала.

Социаль-демократическая группа „Ворьба“. Вскорѣ послѣ описаннаго сѣзда социаль-демократовъ къ сформированной Нахамкисомъ группѣ „Ворьба“ примкнулъ Давидъ *Симха Гольдендагъ*. Зимою 1901 г. послѣдній прибылъ въ Берлинъ, и съ тѣхъ поръ тамъ сосредоточилась центральная организація „Ворьбы“. Въ Берлинѣ Гольдендагъ тотчасъ сошелся съ прусскимъ подданнымъ Вильгельмомъ *Бухюльцемъ*, который проживалъ ранѣе въ Россіи и вращался среди революціонеровъ. Вслѣдъ затѣмъ названныя лица основали нѣсколько кружковъ, охотно посѣщаемыхъ живущей въ Берлинѣ русской молодежью, которой такимъ образомъ прививается революціонное направленіе.

Программа группы „Ворьба“ не отличается отъ взглядовъ „Россійской социаль-демократической рабочей партіи“. Признавая засимъ рабочій пролетариатъ за главный элементъ русскаго революціоннаго движенія, „Ворьба“ распространяетъ свою дѣятельность среди аграрнаго пролетариата русской деревни, въ надеждѣ объединить и сьорганизовать его для ниспроверженія государственнаго строя Россіи. Въ отношеніи къ русскимъ революціоннымъ организаціямъ „Ворьба“ проповѣдуетъ товарищескія отношенія, полагая, что кружковыя распри идутъ только на пользу реакціи.

Съ „Искрой“ „Ворьба“ расходится лишь въ немногомъ, вмѣсто газеты она предпочитаетъ популярную брошюрную литературу, предполагая развивать ее возможно шире.

Первымъ изданіемъ „Ворьбы“ обѣщанъ „Календарь на 1902 г. для русскихъ рабочихъ“, по плану и въ объемѣ известнаго „Календаря Народной Воли“. Руководить издательствомъ взялись Нахамкисъ, Гольдендахъ и Эммануиль Гуревичъ.

Въ „Календарь“ войдутъ статьи о „Народной Воли“ и ея вліяніи на будущее революціонное движеніе въ Россіи, „Польская революція“, сочиненія Чернышевскаго съ его портретомъ, біографіи Петра Алексѣева и Халтурина, рядъ мелкихъ статей о современной Россіи и общій обзоръ революціоннаго движенія за 1901 г. въ Европѣ.

Вслѣдъ за изданіемъ „Календаря“ группа полагаетъ приступить къ печатанію журнала „Ворьба“ и цѣлаго ряда отдѣльныхъ брошюръ. Матеріальныя средства группы пока весьма незначительны, но Нахамкисъ надѣется получить деньги изъ Россіи.

„Всеобщій еврейскій рабочій союзъ въ Россіи и Польшѣ“ или „Бундъ“. Дѣйствующій въ Россіи и заграницей, а главнымъ образомъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, означенный „союзъ“ представляетъ одну изъ самыхъ стойкихъ сплоченныхъ революціонныхъ организацій. Онъ завязалъ сношенія съ „Россійской социаль-демократической рабочей партіей“ и нелегальною средою въ Привислянскомъ краѣ, пользуясь большимъ авторитетомъ какъ въ Имперіи, такъ и за ея предѣлами. Это объясняется тѣмъ, что въ данное время евреи повсемѣстно составляютъ преобладающій элементъ въ революціонной средѣ, причемъ контингентъ ихъ почти всецѣло состоитъ изъ недоучившихся молодыхъ людей безъ опредѣленнаго социальнаго положенія; поэтому „Бундъ“ является самою многочисленною изъ всѣхъ заграничныхъ революціонныхъ группъ. Кромѣ того, значеніе „Бунда“ поддерживается его связями въ Россіи, посредствомъ которыхъ онъ водворяетъ туда массы нелегальной литературы, превосходя въ этомъ отношеніи всѣ другія заграничныя революціонныя организаціи.

Въ концѣ апрѣля 1904 г. „Бундъ“ организовалъ 4-й съѣздъ, въ которомъ участвовали 24 представителя мѣстныхъ комитетовъ и входящихъ въ него отдѣльныхъ организацій. Отчетъ о результатахъ этого съѣзда отпечатанъ „Бундомъ“ отъ имени „Россійской социаль-демократической рабочей партіи“ отдѣльной брошюрой.

Съѣздомъ были разработаны нѣкоторые вопросы, относящіеся къ дѣятельности партій, причемъ рѣшено было принять участіе въ быстро развивающемся еврейскомъ движеніи на югѣ Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено замѣнить названіе „Бунда“ — „Всеобщимъ рабочимъ союзомъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“.

Кромѣ еврейскихъ брошюръ, „Бундъ“ издаетъ и другія, общаго значенія, а также относящіяся специально къ русскому

населенію. Для корреспонденції съ заграничнымъ „Бундомъ“ указанъ нижеслѣдующій адресъ: Mr. Abraham Nathanson, 13 Branttridge street, Burolet Road, London.

По числу членовъ, Берлинское отдѣленіе „Бунда“, во главѣ коего стоялъ Цемахъ *Копельзонъ* и Іосифъ *Миль*, было самымъ большимъ, такъ какъ къ нему примкнули всѣ эмигрировавшіе изъ Россіи евреи рабочіе. Къ Берлинскому отдѣленію „Бунда“ принадлежитъ также и эмигрантъ Аронъ *Ханжи*, который вслѣдствіе ссоры вышелъ изъ партіи и проповѣдуетъ чисто анархистскіе взгляды.

13 ноября происходило собраніе берлинской секціи „Бунда“, подъ предсѣдательствомъ Бухгольца. На собраніи этомъ были всѣ выдающіеся члены колоніи и болѣе 100 человекъ постороннихъ. При обсужденіи послѣднихъ мѣропріятій русскаго правительства относительно еврейской социаль-демократіи, были высказаны упреки за преслѣдованіе партій исключительно экономическихъ цѣлей.

Независимо вышеуказанныхъ органовъ, „Бундъ“ издаетъ заграницей гектографированные „летучіе листки“, въ коихъ помѣщаются тенденціозныя извѣстія изъ русскіхъ городовъ.

Соціалисты-революціонеры въ 1901 г.

„Союзъ социалистовъ - революціонеровъ“. Въ октябрѣ 1900 г., въ Москвѣ состоялся съѣздъ представителей группъ социалистовъ-революціонеровъ, на которомъ произошло объединеніе всѣхъ дѣйствовавшихъ въ Россіи социальнo-революціонныхъ фракцій, а черезъ три мѣсяца въ лондонской типографіи „Рабочаго Знамени“ былъ отпечатанъ манифестъ, выработанный на этомъ съѣздѣ.

Вслѣдъ за объединеніемъ социалистовъ-революціонеровъ въ Россіи, заграничный „Союзъ русскіхъ социалистовъ-революціонеровъ“ рѣшилъ прекратить изданіемъ свой органъ „Русскій рабочий“, замѣнивъ его другимъ періодическимъ изданіемъ. На запросъ по этому поводу, проживающіе въ Россіи единомышленники „Союза“ отвѣтили, что при современныхъ условіяхъ ихъ дѣятельности—въ заграничномъ органѣ партіи существенной надобности не замѣчается.

Получивъ такой отвѣтъ, Хаймъ *Житловскій* и Викторъ *Черновъ* рѣшили заняться изданіемъ отдѣльныхъ брошюръ по крестьянскому вопросу въ Россіи и вербовкой наибольшаго числа членовъ „Союза“. Къ названной группѣ присоединились: Аронъ *Глазбергъ*, нѣкій *Чулокъ* и г-жа *Вейнштейнъ*.

Единеніе социальнo-революціонныхъ группъ продолжалось долго. Въ февралѣ 1901 г. въ Харьковѣ собрался новый съѣздъ представителей социальнo-революціонныхъ организацій, на которомъ находящіеся въ Россіи социалисты-революціонеры раздѣлились на двѣ фракціи: сѣверную съ „Союзомъ“ во главѣ, и южную,

объединившуюся съ „Группой политическаго освобожденія Россіи“. Но и этотъ расколъ не повліялъ на улучшеніе дѣлъ заграничнаго Союза социалистовъ-революціонеровъ“.

Въ концѣ зимы, Елена *Полубояринова* получила извѣстія изъ Россіи, подтверждающія, что къ Житловскому и его компаніи русскіе ихъ товарищи относятся крайне недружелюбно и смѣются надъ тѣмъ, что они уже объявили себя „Союзомъ“, тогда какъ въ Россіи никакого „Союза“ нѣтъ, и сѣверные социалисты-революціонеры попрежнему ожесточенно спорятъ съ южными своими товарищами.

Конецъ 1901 года ознаменовался полнымъ разгромомъ социалистовъ-революціонеровъ въ Россіи и арестомъ въ гор. Томскѣ типографіи „Союза социалистовъ-революціонеровъ“. Уцѣлѣвшіе ничтожные остатки социально-революціонныхъ группъ поспѣшили объединиться въ одну „Партію социалистовъ-революціонеровъ“.

Это обстоятельство не замедлило существенно повліять на положеніе социалистовъ-революціонеровъ за границей. По настояніямъ *Мовши Гоца*, редакцію „Вѣстника Русской Революціи“ угоризировали издавать этотъ журналъ отъ имени партіи социалистовъ-революціонеровъ, къ которой присоединились „Молодые народо-вольцы“, и „Лига аграрнаго социализма“.

Объединившаяся такимъ образомъ „партія“ рѣшила дѣятельность свою поставить на слѣдующихъ началахъ:

1) Теоретическимъ выразителемъ идей „партіи“ оставить „Вѣстникъ Русской Революціи“, подъ редакціей Гоца, пишущаго подъ псевдонимомъ „А. Левицкій“, при сотрудничествѣ Эли Рубановича, Чернова и Николая Русанова (Тарасова);

2) Возстановить изданіе „Революціонной Россіи“, съ тѣмъ однако, чтобы она была официальнымъ боевымъ органомъ партіи и выходила каждый мѣсяцъ, и

3) Изъ состава „Лиги аграрнаго социализма“ выдѣлить особую комиссію для изданія сочиненій, съ цѣлью пропаганды въ крестьянской средѣ.

Группа „молодыхъ народо-вольцевъ“. Въ концѣ 1900 г., согласно полученныхъ изъ Россіи инструкцій, въ Парижѣ образовалась группа „молодыхъ народо-вольцевъ“, во главѣ съ *Антономъ Гнатовскимъ* и *Шейнисомъ*, усвоившая себѣ программу „Исполнительнаго Комитета“ 70-хъ годовъ. Приэтомъ организаторы партіи разсчитывали не только привлечь къ ней такія крупныя силы, какъ *Владиміръ Бурцевъ*, *Евгеній Стетинковъ*, *Алексѣй Тетловъ* и *Иванъ Кашиничевъ*, но полагали обратить въ собственность молодыхъ народо-вольцевъ издаваемые Бурцевымъ журналы „Народо-волецъ“ и „Былое“. Бурцевъ на это не согласился, и задуманное такимъ образомъ сліяніе „молодыхъ“ и „старыхъ“ народо-вольцевъ не состоялось.

Немалыхъ трудовъ и времени стоило новой группѣ основаніе партійнаго органа. Лишь послѣ долгихъ переговоровъ, „старый народо-волецъ“ Русановъ (Тарасовъ) согласился наконецъ редактировать спеціальнй народо-вольческій журналъ, которому

дано названіе „Соціалъ-Револуціоннаго Вѣстника“. Въ изданіи его приняли непосредственное участіе *Аркадакій* и *Рубановичъ*, причемъ первый номеръ „Вѣстника“ отпечатанъ *Богановскимъ* въ типографіи „старыхъ народовольцевъ“ въ Женевѣ, причемъ онъ названъ „Вѣстникомъ Русской Революціи“, и на немъ не указано, какою именно партіей онъ изданъ.

Почти въ то же время заграничные социалисты-революционеры, принадлежавшіе къ „Союзу социалистовъ-революціонеровъ“, присоединились къ „молодымъ народовольцамъ“, что въ значительной мѣрѣ подняло значеніе послѣднихъ и за границей, и въ Россіи.

За недостаткомъ вначалѣ матеріальныхъ средствъ на правильное изданіе упомянутаго „Вѣстника“, „молодые народовольцы“ рѣшили ограничиться на первое время выпускомъ отдѣльныхъ брошюръ и устройствомъ безпрепятственной пересылки своихъ подпольныхъ изданій въ Россію для пропаганды народовольческихъ идей, съ цѣлью ослабить преобладающее вліяніе социалъ-демократовъ и направить молодежь на путь чисто революціонной борьбы.

„Старые народовольцы“. Въ концѣ 1900 г. Бурцевъ отправилъ въ Россію съ революціоннымъ порученіемъ *Александру Лебедеву*, которая по пріѣздѣ въ Петербургъ вошла въ сношенія съ мѣстными народовольцами.

Въ началѣ 1901 г. Бурцевъ закончилъ № 2 своего революціоннаго сборника „Былое“ и отослалъ его въ Женеву *Михаилу Сущинскому* для напечатанія. Этотъ сборникъ пользовался большою популярностью среди революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ, и Бурцевъ получилъ на него много заказовъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ эмигрантомъ *Иваномъ Добровольскимъ* было получено извѣстіе изъ Россіи объ образовавшейся тамъ новой террористической фракціи, присвоившей себѣ наименованіе „Группы двадцати“ и задумавшей организовать нѣсколько террористическихъ фактовъ. Извѣстіе это было подтверждено проживавшими въ Женевѣ Вѣрой Величкиной и Владиміромъ Вончъ-Вруевичемъ, которые прибавили, что Лаговскій принадлежалъ къ этой группѣ.

Значительно усилившаяся къ концу года въ революціонныхъ группахъ Имперіи тенденція политической борьбы вызвала за границей стремленіе старыхъ народовольцевъ къ активной работѣ. Еще до полученія ближайшихъ свѣдѣній изъ Россіи о положеніи дѣлъ и настроеніи различныхъ партій заграничные народовольцы отпечатали въ Женевѣ брошюру „Долой Царя!“, съ предисловіемъ Бурцева, въ которомъ онъ резюмируетъ все сказанное имъ въ трехъ номерахъ „Народовольца“, „Былого“ и „За сто лѣтъ“. Кромѣ этой брошюры, напечатанной въ типографіи *Михаила Сущинскаго*, тамъ же отпечатаны: „Надгробное слово *Александру II*“, „Терроръ“ *Алисова*, 4-й номеръ „Народовольца“ и № 3-й „Былого“ Бурцева. *Сущинскій* и *Махновецъ* ждали изъ Россіи сестру перваго изъ нихъ, *Марію Сущинскую*, полагая найти въ ней круп-

наго сотрудника для вновь народившейся социаль-демократической группы „Борьба“.

„Лига аграрнаго социализма“. Центромъ „Лиги аграрнаго социализма“ былъ г. Бернъ.

Вслѣдствіе особой легкости условій поступленія въ бернскій университетъ, туда являлись массы учащихся русскихъ безъ образовательнаго ценза. Среди такой молодежи, Житловскій, при содѣйствіи Чернова, распространялъ аграрно-социалистическія идеи, пропаганда которыхъ была ими поставлена на самую широкую ногу.

„Лига аграрнаго социализма“ состояла изъ эмигрантовъ: Феликса Волховскаго, Х. Житловскаго, В. Житловской, С. Краснополскаго, Б. Оленина (Чернова), Егора Лазарева, Эли Рубановича, Эспера Серебрякова, Давида Соскиса, Кисіеля Терешковича, Николая Чайковскаго, Леонида Шишко и др.

Парижскій агитационный комитетъ. Въ апрѣлѣ 1901 г. въ Парижѣ организовался особый „комитетъ“ изъ представителей всѣхъ русскихъ революціонныхъ группъ, который заданъ агитаціей среди французской публики по поводу событій, происходившихъ въ Россіи, желая главнымъ образомъ дискредитировать франко-русскій союзъ и всѣми способами позорить русское правительство. Съ этою цѣлью, комитетъ рѣшилъ издавать брошюры на французскомъ языкѣ, съ краткимъ изложеніемъ „дѣйствительнаго“ положенія дѣлъ въ Россіи. Кромѣ того, положено организовать спеціальныя комитеты изъ нѣсколькихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Франціи, которые должны агитировать въ предѣлахъ французской территоріи по вопросу о политической свободѣ въ Россіи.

Объединительныя попытки. Весною 1901 г. въ виду крайне возбужденнаго настроенія противоправительственныхъ группъ въ Россіи, по инициативѣ эмигрантовъ Хаима Леви, Николая Паум и Волховскаго, предполагалось къ осени объединить всѣ дѣйствующие заграничныя революціонныя элементы въ одну общую партію. Выдающиеся дѣятели разныхъ фракцій заявили, что въ принципѣ они согласны съ такимъ проектомъ, но сомнѣваются въ его успѣхѣ, не усматривая для объединенной дѣятельности общаго практическаго дѣла, тѣмъ не менѣе, они высказывали увѣренность, что подобное объединеніе несомнѣнно будетъ имѣть большое значеніе въ Россіи, особенно если оно совершится подъ знаменемъ „Народной Воли“. Лазаревъ полагалъ, что если въ Россіи повторяется „славное прошлое“ 70-хъ годовъ, то и возобновленіе „Народной Воли“ должно имѣть успѣхъ, какъ напоминаніе объ этомъ прошломъ, но что во всякомъ случаѣ слѣдовало бы предварительно снестись съ петербургскою „Группой двадцати“.

Лѣтомъ отчетнаго года, въ Парижѣ образовался спеціальныя комитетъ изъ Рубановича, Гнатовскаго, Шишко, Нахамкиса и Русанова, съ цѣлью рѣшать всѣ вопросы по объединенію всѣхъ заграничныхъ группъ. Комитетъ этотъ выпустилъ брошюру на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „La Russie en revolte“ и пропаганду „Къ русскимъ офицерамъ“.

Проектъ оппозиціоннаго заграничнаго органа. Наряду съ существующими уже революціонными органами, въ началѣ лѣта въ Россіи возникла мысль объ изданіи заграницей ежемѣсячнаго революціоннаго органа, въ которомъ пожелали принять участіе конституціоналисты, народовольцы и социаль-демократы. Инициатива этого изданія принадлежала извѣстному литератору Венгерову, который прибылъ въ Лондонъ для окончательныхъ переговоровъ съ Бурцевымъ, Волховскимъ и Чайковскимъ.

Въ качествѣ главнаго сотрудника упомянутаго изданія рѣшено было пригласить нѣкоего *Линицкаго*, земскаго дѣятеля, имѣвшаго быть представителемъ русскаго конституціоннаго движенія.

По идеѣ основателей этого органа, предполагалось сгруппировать въ немъ всѣ оппозиціонные элементы русскаго общества, которые или не нашли себѣ мѣста въ существующихъ революціонныхъ организаціяхъ Имперіи или разошлись съ ними.

Ближайшею задачею упомянутой организаціи поставлена политическая борьба въ самомъ широкомъ смыслѣ и стремленіе добиться хотя бы самой умѣренной конституціи.

Одинъ изъ проживающихъ въ Россіи революціонеровъ, состоящій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ эмигрантомъ *Касперомъ Турскимъ*, выразилъ намѣреніе пожертвовать черезъ него на революціонное дѣло весьма большую сумму. Изъ нея 25000 рублей предполагалось отдать въ распоряженіе Бурцева и Теплова для печатанія крайняго террористическаго журнала „Народоволецъ“. Жертвователю долженъ былъ пріѣхать изъ Россіи за границу и лично вручить свое пожертвованіе Турскому.

Группа „соціалистовъ-террористовъ“. Въ началѣ сентября 1901 г., среди эмигрантовъ, проживающихъ въ Швейцаріи, возникли толки о прибытіи въ Женеву уполномоченнаго отъ образовавшейся въ Россіи группы соціалистовъ-террористовъ, для переговоровъ съ заграничными народовольцами и социалистами-революціонерами по дѣламъ упомянутой фракціи.

Вскорѣ выяснилось, что названный уполномоченный вошелъ въ предварительные переговоры съ Серебряковымъ, на предметъ обращенія издаваемого имъ журнала „Наканунъ“ въ органъ группы соціалистовъ-террористовъ, дѣйствующихъ въ Россіи, но Серебряковъ на это не согласился. Далѣе были получены свѣдѣнія, что прибывшій делегатъ имѣлъ рекомендацію къ Лазареву. И дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, появился нѣкій *Леонъ Якобсонъ*, вступившій въ переговоры съ *Бурцевымъ*, *Бохановскимъ*, *Абрамомъ Бахомъ*, членами „Аграрной Лиги“ и другими представителями главнѣйшихъ революціонныхъ организацій. Якобсонъ выдавалъ себя за социалиста-террориста и велъ себя настолько конспиративно, что никто изъ эмигрантовъ не подозрѣвалъ въ немъ *Михаила Бойкова*, выѣхавшаго за границу по легальному паспорту и принадлежащаго къ разряду въ высшей степени серьезныхъ революціонныхъ дѣятелей. Группа его, въ коей главную роль играли *Екатерина Брежковская* и *Михаилъ Омировъ*, отводитъ пер-

вое мѣсто въ своей программѣ политическому террору. Въ разговорахъ съ главарями эмигрантовъ, Бойковъ объяснилъ, что организація социалистовъ-террористовъ озабочена устройствомъ въ Россіи динамитной мастерской, съ цѣлью совершенія цѣлаго ряда покушеній, причемъ первыми намѣчены были Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, а затѣмъ предполагалось приступить къ совершенію другихъ террористическихъ фактовъ первостепенной важности. Съ этой цѣлью рѣшено было обратиться къ проживающему въ Америкѣ эмигранту *Льву Гартману*, съ просьбой дать соотвѣтственные техническія указанія для прорытія подкопа.

Исполнѣ сойдясь съ Бурцевымъ по всѣмъ вопросамъ о террорѣ, Бойковъ обѣщалъ ему поддержку въ Россіи. Къ содѣйствію того же Бурцева онъ обратился по вопросу о водвореніи террористическихъ изданій въ Имперію, для чего Бурцевъ съ своей стороны завязалъ необходимыя сношенія.

Отправляясь въ Россію, Андроповъ и Ногинъ,—раздѣлявшіе идеи социалистовъ-террористовъ,—обѣщали Бойкову, что если бы они и не сошлись въ этомъ со своими единомышленниками въ Россіи, то сами они во всякомъ случаѣ, по возвращеніи за границу, примкнутъ къ социалистамъ-террористамъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Бойковъ два раза ѣздилъ въ Женеву для свиданія съ Иваншинымъ и Лейзеромъ Гольдбергомъ (Кобылянскимъ); съ послѣднимъ Бойковъ сошелся очень близко и предполагалъ черезъ него войти въ непосредственныя сношенія съ польской партіей „Пролетаріатъ“. Наканунѣ отъѣзда изъ Швейцаріи Бойковъ обѣщалъ Лазареву поддерживать съ нимъ сношенія. И дѣйствительно, онъ сообщилъ послѣднему уже изъ Россіи о своемъ благополучномъ прибытіи на родину и о случайномъ задержаніи его въ Смоленскѣ. При отбытіи въ Россію Бойковъ предполагалъ побѣхать въ Москву, Рязань, Казань и Уфу, а оттуда—въ Бирскъ, для свиданія съ Смирновымъ и устройства его побѣга.

Революціонно-соціалистическая группа „Свобода“. Въ маѣ 1901 г., въ Женевѣ возникла революціонно-соціалистическая группа „Свобода“, а въ августѣ выпустила № 1 своего періодическаго изданія подъ тѣмъ же названіемъ, предпославъ въ предисловіе свое мнѣніе, что насущнѣйшею потребностью данной минуты является борьба съ самодержавіемъ, „съ которымъ немислимы никакія соглашенія, никакіе переговоры объ уступкахъ“.

Группа „Свобода“ задалась мыслью осуществить „сразу“ и „сегодня же“ слѣдующія политическія задачи: представительство интересовъ трудящихся классовъ населенія; полную неприкосновенность личности; свободу слова и печати; свободу собраний, сходокъ и ассоціацій; свободу религій и право самоуправленія Польши и Финляндіи.

Не входя пока въ оцѣнку тѣхъ или другихъ формъ правленія, означенная группа ставитъ на первое время своей задачей

возбужденіе ненависти рабочихъ массъ противъ существующаго государственнаго строя и поднятіе ихъ самосознанія путемъ демонстрацій и печатнаго слова. „Свобода“ обѣщаетъ постоянно указывать рабочимъ четыре пункта, которые надо помнить каждому изъ нихъ, а именно: 1) что онъ долженъ быть социалистомъ; 2) что новые порядки могутъ быть завоеваны лишь благодаря сознательной, организованной и постоянной борьбѣ съ капиталистами и правительствомъ; 3) что „сейчасъ необходимое всего покончить съ своеволіемъ“, и 4) что онъ „борется не только за себя, но и за все трудящееся населеніе Россіи, за его правду, честь и свободу“.

Группа „Свобода“ рѣшила издавать для простого народа сборники подъ названіемъ „Лучина“, который долженъ объяснять положеніе русскаго крестьянства и отношеніе къ нему правительства.

Появленіе новаго органа вызвало среди эмиграціи сильное волненіе, такъ какъ руководитель его тщательно скрывалъ свое имя и мѣстопробываніе.

Это обстоятельство, какъ равно и то, что незнакомецъ въ одно и то же время являлся и социаль-демократомъ, и конституціоналистомъ и народникомъ и ярымъ приверженцемъ террора—породило слухи, что инициаторомъ „Свободы“ является какая то таинственная и весьма темная личность.

Приблизительно въ іюнѣ появилась новая брошюра, изданная подъ фирмою „Свободы“, озаглавленная „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“, *Д. Надеждина*, проповѣдующая о необходимости организаціи систематическаго террора и революціонной пропаганды среди крестьянъ.

Вскорѣ выяснилось, что какъ „Свобода“, такъ и послѣдняя брошюра—были дѣломъ исключительно одного лица, за которымъ нѣтъ рѣшительно никакой организаціи, причѣмъ ни „Искра“, ни „Рабочее Дѣло“ ни „Вѣстникъ Русской Революціи“ не имѣли съ нимъ ни личной, ни принципиальной связи.

Изъ сопоставленія нѣкоторыхъ данныхъ можно было заключить, что авторъ „Свободы“ и брошюры „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“ есть мѣщанинъ г. Харькова, Евгенийъ Зеленскій, который въ маѣ 1900 г. тайно выѣхалъ за границу, и за принадлежность къ организованной имъ „саратовской социаль-демократической группѣ“—подлежитъ высылкѣ въ Вологодскую губернію.

Официальнымъ представителемъ редакціи журнала „Свобода“ былъ *Богановскій*, а ближайшими сотрудниками—*Успенскіе*, мужъ и жена, и *Александръ Масленниковъ*; журналъ печатался въ типографіи *Михаила Сущинскаго*.

Кромѣ названныхъ лицъ, въ составъ заграничной организаціи „Свобода“ входятъ *Суровцева*, *Шостакъ*, *Архиповъ*, *Заславская*, *Рубинштейнъ*, *Хана Кременчугская* и сестры *Анна* и *Евста Моргулева*.

По словамъ одного изъ членовъ группы, въ Россіи къ ней принадлежатъ весьма энергичные и очень серьезные люди, которые вскорѣ перейдутъ будто бы къ активной революціонной дѣятельности.

Въ октябрѣ между редакторомъ „Свободы“ и Сущинскимъ возникли разногласія, вслѣдствіе чего послѣдній отказался печатать этотъ журналъ. Въ настоящее время „Свобода“ имѣетъ собственную печатню, которою завѣдуетъ нѣкій *Петровский*, проживающій въ Женевѣ. Редакція „Свободы“ стала въ открытую оппозицію къ „Народной Волѣ“, и въ рядѣ враждебныхъ статей намѣрена доказать несостоятельность этой группы въ борьбѣ съ русскимъ правительствомъ, что будто бы и послужило къ усиленію социаль-демократическаго движенія въ Россіи.

Матеріальныя дѣла „Свободы“ къ концу года находились въ плачевномъ состояніи, и намѣреніе редактора издать въ отчетномъ году второй номеръ не осуществилось; равнымъ образомъ не состоялось и изданіе „Лучины“.

Взаимныя общія брошюры „Мятежная Русь“, посвященной февральскимъ и мартовскимъ безпорядкамъ, редакція „Свободы“ выпустила въ концѣ года № 1 обзорнаго, озаглавленнаго: „Канунъ революціи“, подъ редакціей Л. Надеждина. Въ этомъ очеркѣ доказывается, что послѣ совершившихся минувшею весною фактовъ одѣлалась ясною необходимостью политической борьбы.

Русскіе анархисты. Въ началѣ 1901 г. въ Женевѣ снова возникла анархистская группа при нѣскольکو видоизмѣненной обстановкѣ. Въ составъ ея входили болгарскіе и сербскіе анархисты, вслѣдствіе чего она и получила названіе „Славянская группа анархистовъ“. Во главѣ ея стояли: *Мендель Дайновъ*, завѣдующій архивомъ и складомъ, болгаринъ *Чашинъ*, *Желковскій*, завѣдующій сношеніями и корреспонденціей, и *Михайлъ Сущинскій*—наборщикъ. Послѣдній—бывшій ранѣе социаль-демократомъ,—сначала примкнулъ къ Бурцеву и работалъ у него, какъ народоволецъ, потомъ—какъ террористъ, и, наконецъ, какъ это и предсказывалъ Бурцевъ,—сталъ убѣжденнымъ анархистомъ. По инициативѣ Сущинскаго, проектированъ специальный анархистскій органъ, имѣющій быть выразителемъ идеи „славянской группы анархистовъ“; къ этому предпріятію весьма сочувственно отнеслись русскіе эмигранты—анархисты *Кропоткинъ* и *Черкезовъ*. Въ тип. Сущинскаго въ началѣ 1901 г. были отпечатаны: „Анархизмъ“, брошюра *Кропоткина* и „Будущее общество“, переводная брошюра *Граве*.

Къ названному кружку присоединился проживающій въ Бернѣ студентъ *Нимчиновъ*, который въ половинѣ января вручилъ Сущинскому довольно значительную сумму денегъ на расходы по изданію анархистскихъ брошюръ. Благодаря этому пожертвованію, а также и ранѣе имѣвшимся у Сущинскаго средствамъ, онъ рѣшилъ перепечатать нѣсколько анархистскихъ брошюръ: „Рѣчь на судѣ Эмиля Анри“, „Анархія“ *Элизе Реклю*, „Религіозная язва“ *Юганна Моста*, „Парижская коммуна и понятіе о государственности“ *М. Вакунина*, „Распаденіе современнаго строя“ *П. Кропоткина*, „Рѣчь на судѣ Софіи Бардиной“, „Анархія, ея философія и идеаль“ *П. Кропоткина* и нѣкоторыя социалистическія, какъ „Рѣчь и формы социалистической пропаганды“, *П. Л. Лаврова* и другія.

Отвѣтственнымъ редакторомъ-издателемъ брошюръ и предполагаемаго спеціальнаго анархистскаго органа состоитъ иностранецъ Е. Held, проживающій въ Женевѣ, имя коего и адресъ стоятъ на обложкахъ всѣхъ русскихъ анархистскихъ брошюръ.

Весною 1901 г., заграничная „Русская группа анархистовъ“ напечатала по случаю происходившихъ тогда волненій въ университетахъ воззваніе „къ товарищамъ въ Россіи“; посылая свой привѣтъ студентамъ и присоединившимся къ нимъ рабочимъ, русскіе анархисты приглашаютъ ихъ продолжать „великую и славную борьбу“ за политическую свободу и низверженіе самодержавія, которое „не устоитъ подъ напоромъ молодыхъ силъ“.

Въ концѣ года матеріальныя средства этой группы были крайне ничтожны, и русскіе анархисты пока не имѣютъ возможности печатать даже начатыя брошюры.

„Польская социалистическая партія“. Центрами дѣятельности польскихъ революціонеровъ были, попрежнему, Варшава и Галиція. Проживающіе въ Лондонѣ единомышленники ихъ, съ цѣлью придать манифестаціямъ перваго Мая боевой характеръ, рѣшили выпустить прокламаціи, призывающія все польское общество присоединиться въ этотъ день къ рабочимъ. Такъ, „Польская социалистическая партія“ (*Енджеевскій, Плохоцкій*), „Пролетаріатъ“ во Львовѣ (*Кульчицкій, Гольденбергъ, Кобылянский*) и „Польская социаль-демократическая организація“ (прежняя организація „*Sprawa Robotnicza*“, *Грозовскій* и *Роза Люксембургъ*) отпечатали рядъ воззваній, съ приглашеніемъ къ вооруженному сопротивленію полиціи посредствомъ револьверовъ, палокъ, ножей и кастетовъ.

Кромѣ названныхъ группъ, въ предѣлахъ Царства Польскаго революціонною пропагандой среди рабочихъ занималась еще революціонная организація, извѣстная подъ именемъ „Социаль-демократы Царства Польскаго и Литвы“.

Подъ вліяніемъ этихъ группъ, была сдѣлана попытка устроить въ Варшавѣ 15 апрѣля майскую демонстрацію, но порядокъ вскорѣ былъ восстановленъ.

Латино-польская пропаганда. Одновременно съ этимъ въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ усиленно ведется изъ-за границы латино-польская пропаганда.

Въ Краковѣ существуетъ особый тайный кружокъ подъ названіемъ „Кружокъ борьбы съ Россіей“, къ которому примыкаютъ нѣкоторые поляки и католическіе священники, живущіе въ Россіи. Основная задача кружка—противодѣйствовать русскому правительству путемъ тайной пропаганды и распространеніе въ народѣ ложныхъ слуховъ, а также поддержаніе идеи восстановленія Польши.

Затѣмъ, въ Краковѣ издается журналъ „Полякъ“, редактируемый извѣстнымъ польскимъ агитаторомъ Каспаромъ Войнаромъ. Журналъ этотъ отличался крайнею враждебностью ко всему русскому, причемъ главное вниманіе редакціи обращено на тенденціозныя сообщенія изъ Провисіянскаго Края.

Въ Римѣ также существуютъ антирусскіе кружки, поддерживаемые конгрегаціею пропаганды и находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Краковомъ и Львовымъ. Конгрегація эта, основанная бѣжавшимъ изъ Россіи римско-католическимъ священникомъ *Струемъ*, представляетъ собою духовно учебное заведеніе, цѣль котораго — пропаганда католицизма въ отдаленныхъ пунктахъ Россіи, а также — соращеніе малолѣтнихъ уніатовъ въ католицизмъ и доставка ихъ въ римскіе монастыри.

Въ послѣднее время означенная конгрегація расширила сферу своей дѣятельности и приобрѣла значительное количество учениковъ, по большей части изъ уніатскихъ мѣстностей.

Въ м. Треви, близъ Рима, также организована антирусская конгрегація, поставившая себѣ цѣлью латинно-польскую пропаганду въ Россіи. Члены конгрегація, въ сотрудничествѣ съ ксендзами польскаго монастыря „Воскресенцевъ“, выпустили прокламаціи, въ которыхъ они призываютъ польскую молодежь въ конгрегацію, какъ центръ антирусской дѣятельности.

„Лига народовъ“. Въ Лембергѣ издавна функционируетъ польскій комитетъ „Лиги народовой“, представители коей издають въ царствѣ польскомъ подпольный органъ „Факель“. За послѣднее время комитетъ настолько успѣшно повелъ свое дѣло, что къ его организаціи примкнули новые элементы, ранѣе принадлежавшіе къ другимъ революціоннымъ фракціямъ. Во главѣ „Лиги“ стоитъ эмигрантъ Сигизмундъ *Балицкий*; къ „Лигѣ“, кромѣ того, принадлежатъ: Федоръ Цихоцкій, Марія Ратынская, Яковъ Боровскій, нѣкій Цертовичъ и Павелъ Янковскій. Благодаря энергичной пропагандѣ Цихоцкаго, масса студентовъ — поляковъ въ Цюрихѣ, Бернѣ и Женевѣ, недовѣрчиво относящіеся къ „Лигѣ“, въ настоящее время примкнули къ ней; вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ заинтересовалъ своей программой рабочихъ. „Лига народовъ“ стремится къ объединенію всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ польскаго общества, привлекая ихъ девизомъ „свободной, независимой, демократической Польши“, которая для осуществленія этого должна вступить въ борьбу съ русскимъ правительствомъ.

Иезуиты. Несмотря на запрещенія иезуитамъ вѣзда въ Россію, они тайно прѣзжаютъ въ свѣтскомъ платьѣ, съ паспортами на чужое имя. Цѣль побѣдокъ иезуитовъ — распространеніе въ народныхъ массахъ идей непримиримости и возстановленія Польши, причемъ извѣстно, что иезуиты вѣдятъ, главнымъ образомъ, въ рабочіе центры, гдѣ охотно помогаютъ революціонерамъ въ распространеніи среди рабочихъ социаль-демократическихъ идей.

Польская группа „Пролетаріатъ“. Въ отчетномъ году Лондонскій „Центральный Комитетъ Польской Соціалистической партіи“ былъ крайне озабоченъ усиленіемъ революціонной агитаціи въ Россіи, и стремился возстановить заглохшее террористическое направленіе. Для этого было рѣшено объединиться съ группою „старыхъ народовольцевъ“ и съ анархистскимъ комитетомъ въ Петербургѣ. Убіеніе президента Макъ-Кинлея поль-

скимъ выходцемъ дало поводъ вожакамъ рабочаго класса въ Лондонѣ изобразить всю важность этого историческаго событія и распространиться на тему объ угнетеніи русскимъ правительствомъ многихъ національностей, о его злоупотребленіяхъ и т. д. Центральный польскій комитетъ постановилъ совершить нѣсколько покушеній, исходя изъ того мнѣнія, что такія покушенія вызовутъ въ Россіи принятіе еще болѣе строгихъ мѣръ, которыя усилятъ существующее неудовольствіе, и скорѣе приведутъ къ общему возстанію. Въ Лондонѣ проживалъ въ то время итальянскій анархистъ графъ *Малатеста*, съ которымъ польскій комитетъ завязалъ сношенія. Изъ Лондона въ Патерсонъ были командированы польскіе эмиссары для возбужденія агитаціи противъ русскаго правительства и, по рекомендаціи графа Малатеста, ихъ приняли въ составъ анархистскаго комитета въ Патерсонѣ.

Русскіе эмигранты въ Болгаріи. Въ 1901 г. русскіе эмигранты въ Болгаріи, изъ коихъ выдающимися были: *Андрей Брейтфусъ*, *Иванъ Кашинецъ*—въ Софіи, *Владиміръ Дебагоріо-Мокріевичъ* въ Старой Загорѣ, *Лидія Шишманова*, *Александръ Атабекъ* (*Атабекянцъ*)—въ Варнѣ, профессоръ *Минцесъ*—въ Софіи—нѣтъмъ особеннымъ себя не проявили. Нѣкоторые изъ нихъ подерживали оживленныя сношенія съ Вурцевымъ, который пересылалъ имъ свою брошюру „Былое“ и получалъ отъ нихъ матеріалы для предполагаемаго изданія — „Процессъ 1-го Марта 1881 года“.

Еврейское движеніе. Въ отчетномъ году въ Берлинѣ существовали два сіонистскихъ кружка. Одинъ, подъ названіемъ „Кади́ма“, пропагандировалъ лишь выселеніе евреевъ изъ Россіи и переселеніе въ Палестину, съ цѣлью образованія автономнаго еврейскаго государства, и воздерживался отъ всякой нелегальной дѣятельности. Въ кружкѣ имѣется около 40 членовъ. Правленіе состоитъ изъ *Моши Бермана*, *Лейзера Кунина*, *Иосифа Дубосарскаго* и *Сруля Янушпольскаго*.

Другой кружокъ—„сіонистовъ-соціалистовъ“—выставлялъ идеаломъ образованіе еврейскаго государства на чисто соціалистическихъ началахъ. Во главѣ этого кружка стоитъ докторъ *Нацманъ Сыркинъ*, переводчикъ сочиненій графа Толстого на нѣмецкій языкъ. Изъ членовъ извѣстны: *Маркусъ Коссъ*, *Лео Моцкинъ*, *Нохимъ Миркинъ* и др.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Весною 1901 г. въ Америку приѣхалъ изъ Лондона П. Кропоткинъ и поднялъ среди мѣстной публики антирусскую агитацію. Почва для нея старательно подготовлялась еще раньше извѣстнымъ американскимъ журналомъ „Форумъ“, въ которомъ появилась болшая статья Волховскаго, подъ заглавіемъ: „Надежды и страхи Россіи“. Статья эта имѣла серьезное вліяніе на американскую прессу, благодаря такту Волховскаго—не упомянуть о соціализмѣ и говорить лишь о народной демократіи и земствѣ, ссылаясь на ихъ адреса правительству.

Съ приѣдомъ Кропоткина былъ выдвинутъ, главнымъ обра-

вомъ, вопросъ о студенческихъ безпорядкахъ, какъ о движеніи наиболѣе грозномъ для русскаго правительства.

Посѣтивъ Чикаго, Кропоткинъ вернулся въ Нью-Йоркъ, гдѣ его ожидалъ специально пріѣхавшій изъ Вашингтона *Кеннанъ* и два радикала: профессоръ *Эронъ* и Джонъ *Свинтонъ*. Сообщивъ Кеннану, что на югѣ Россіи и въ другихъ центрахъ организовано большое возстаніе рабочихъ, Кропоткинъ просилъ его немедленно организовать среди американцевъ помощь для „россійской революціи“.

Возбужденная Кропоткинымъ агитація въ Америкѣ не осталась безъ отголоска и въ европейской прессѣ. Такъ, во французской газетѣ „*Journal*“ появилась телеграмма изъ Нью-Йорка, сообщавшая о сборѣ денегъ среди русскихъ революціонеровъ и анархистовъ на поддержаніе студенческаго движенія, которому придавалось весьма важное значеніе.

Несмотря, однако, на временный успѣхъ, агитація Кропоткина едва ли могла бы имѣть какія-нибудь практическія послѣдствія, если бы она не сопровождалась болѣе серьезнымъ движеніемъ еврейскихъ рабочихъ массъ, незадолго до того эмигрировавшихъ изъ Россіи. Сплотившіеся въ социаль-демократическія фракціи, русскіе эмигранты-евреи заручились сочувствіемъ американцевъ и рѣшили, что политическая революція въ Россіи должна предшествовать социальной. Вопреки своимъ западно-европейскимъ товарищамъ, американскіе эмигранты признаютъ совершенно ненужными всякія теоретическія подготовки и намѣрены заняться чисто практической дѣятельностью. Для этой цѣли въ Нью-Йоркѣ имѣется отдѣленіе „Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Россіи и Польшѣ“ съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ во главѣ; послѣдній представляетъ собою центральную организацію для всѣхъ русскихъ революціонеровъ въ Америкѣ.

Благодаря пріѣзду Кропоткина и свидѣніямъ изъ Россіи, еврейскія рабочія массы въ Америкѣ проявили небывалую энергію: вездѣ стали устраиваться кружки, производиться денежные сборы, давшіе въ короткое время тысячи долларовъ „для русскаго дѣла“.

Нью-Йоркское отдѣленіе „Вунда“ издало прокламацію „къ рабочимъ и друзьямъ народа“, въ которой указываетъ на ужасныя страданія, претерпѣваемыя еврейскими рабочими „въ мрачной царской странѣ, гдѣ запрещено каждое свободное слово, гдѣ рабочихъ бросаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ въ Сибирь, какъ только они осмѣлятся поднять голову и пожелать малѣйшаго облегченія“. Далѣе, впрочемъ, въ воззваніи говорится, что несмотря на массу кровавыхъ жертвъ, „Вундъ“ дѣлаетъ въ Россіи просто чудеса: онъ успѣлъ основать массу рабочихъ обществъ, создалъ кассы на случай забастовокъ, организовалъ массу стачекъ, распространялъ социалистическое ученіе о всемірномъ освобожденіи и создалъ большую армію противъ царской тираніи. Утверждая, что рабочее еврейское движеніе въ Россіи и Польшѣ растетъ и укрѣпляется съ каждымъ днемъ, прокламація приглашаетъ американскихъ товарищей брать примѣръ съ русскихъ.

Къ концу отчетнаго года эмигрантская агитація въ Соединенныхъ Штатахъ еще болѣе оживилась, благодаря пріѣзду туда бывшаго ссыльно-каторжнаго Дейча. При содѣйствіи Кеннана, озлобленнаго своей высылкой изъ Россіи, предположено организовать побѣги политическихъ ссыльныхъ изъ Сибири и даже помогать совершенію террористическихъ фактовъ“.

Изъ писемъ лейтенанта П. П. Шмидта.

Предлагаемъ вниманію читателей переданныя въ наше распоряженіе отрывки изъ писемъ покойнаго П. П. Шмидта, относящихся къ 1904 году. Изъ нихъ видно, какъ еще задолго до того времени, когда имя «краснаго адмирала» стало извѣстно всей Россіи, болѣло сердце и скорбѣла душа П. П. при видѣ безграничныхъ несчастій нашей родины...

I.

20-го ноября 1904 г.

...Мы все стоимъ въ Либавѣ и думаю уйдемъ только съ 3-й эскадрой, которую, кажется, собираются формировать. Вы, вѣроятно, читали въ «Нов. Врем.» превосходныя статьи Кладо (Прибой) о необходимости усилить эскадру Рождественскаго. Въ этихъ статьяхъ превосходно освѣщено положеніе дѣла и становится яснымъ, какъ трудно намъ будетъ выйти съ честью изъ нынѣшняго положенія. Нужно проснуться, нужно встряхнуться, но, увы, я близко теперь стою къ дѣлу и вижу съ ужасомъ, что никто не просыпается и все спитъ глубокимъ сномъ отъ 20-го до 20 го числа.

Если же эскадра не будетъ подкрѣплена всѣми наличными силами, а придетъ въ томъ составѣ, въ которомъ ушла, то несомнѣнно она будетъ разбита, а тогда и всю кампанію надо вести многіе годы, пока не выстроимъ новаго флота, такъ какъ безъ флота окончить войну побѣдой нельзя. Теперь у меня твердая надежда, что мы проведемъ Рождество въ Либавѣ.—Грустный городъ. Тоскливо. Дожди. Думаю, у васъ теперь сплошная ночь, я бы не выдержалъ, но вѣдь Вы привыкли жить безъ солнца, въ специально приспособленныхъ для этого квартирахъ. Помните мою борьбу съ К. изъ за квартиры! Въ этой мрачной Либавѣ вдвое тяжелѣе переносятся всѣ непріятности, а ихъ, какъ всегда, достаточно. И чѣмъ больше непріятностей, тѣмъ больше хочется къ вамъ отдохнуть и обновиться. Счастливый Р., что онъ можетъ ѣхать куда хочетъ, а не прикованъ къ «Иртышу», какъ я. Но я все таки твердо вѣрю, что и мнѣ Богъ поможетъ пріѣхать къ вамъ... Будьте благополучны. Христосъ съ вами.

Вашъ П. Шмидтъ.

II.

Я командированъ на «Дунай» и пробудемъ тамъ вѣроятно мѣсяца 2—3. Меня посылаютъ для охраны рыбныхъ промысловъ. Мнѣ это очень грустно, потому что намъ съ сынкой очень хорошо въ Севастополѣ и я люблю этотъ городъ, да и больно бросить Россію въ такіе тревожные дни, когда каждый день несетъ новыя бѣды и каждый день ждешь обновленія жизни и возрожденія, вмѣсто гибели, къ которой насъ ведутъ наши обанкротившіеся, бездарные, безконтрольные правители.

Пишите пожалуйста.

Бессарабія. Г. Измаиль № 253. Лейтенанту П. П. Шмидту.

Цѣлую и крѣпко обнимаю и люблю Васъ всѣхъ.

Вашъ П. Шмидтъ.

III.

...Это все давить, какъ кошмаръ, всѣ эти несчастья. Несчастливая Россія или вѣрнѣе несчастный русскій народъ, который можетъ быть вовлеченъ въ новую войну и въ новыя испытанія. Неужели и теперь, послѣ всего переживаемаго, наше несчастное правительство не признаетъ полной своей неспособности и непригодности къ управленію страной, неужели и теперь не поймутъ, что страна не можетъ управляться канцеляріями и чиновниками, а что надо призвать представителей народа, близко стоящихъ къ его нуждамъ и болѣзнямъ. Съ глубокимъ горемъ вижу, что если не послѣдуетъ въ ближайшемъ будущемъ кореннаго переустройства всего нашего государственнаго строя, то насъ ждетъ полный погромъ. Трудное время переживаемъ мы, тяжело приходится расплачиваться русскому народу, расплачиваться за то, что его цѣлое столѣтіе искусственно удерживали въ темнотѣ и невѣжествѣ. Послѣдній мѣсяцъ какъ будто само правительство начало ощущать свою полную непригодность, и въ рѣчи Святополка Мирскаго протягиваетъ руки за помощьюъ къ общественнымъ земскимъ силамъ. Если только это такъ, если только дѣйствительно неудачи войны раскроютъ глаза и поведутъ къ переустройству государства, тогда мы признаемъ, что не даромъ умерло и искалѣчено столько людей, мы признаемъ, что они своею неповинной кровью приготовили жизнь и дали вздохнуть слѣдующимъ поколѣніямъ. Тогда и самая ихъ смерть получить смыслъ, какъ святая жертва. Знаете, я чувствую близость грозы, чувствую давящее все общество удушье и думаю, что мы близки отъ великихъ событій. Пошли Господи пережить все это и дожидаться лучшихъ дней!

Либава. Портъ императора Алек. III. Транспортъ *Иртышъ*.

П. П. Ш.

Дѣла давно минувшихъ днѣй.

(Окончаніе ¹⁾).

Поѣздъ тронулся, и понемногу скрылись черты дорогихъ лицъ. Присутствіе тестя отчасти смягчало для жены горечь первыхъ минутъ разлуки съ дочерью и матерью. Мы ѣхали въ 3-мъ классѣ; посидѣвъ съ нами нѣкоторое время, тестъ ушелъ въ свой вагонъ, чтобы нѣсколько отдохнуть: онъ за послѣдніе дни порядочно измучился въ сборахъ насъ въ дорогу; жена пока занялась разговоромъ съ случайной спутницей С—ой, молодой дамой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему жениху С—ну, изъ политическихъ ссыльныхъ. По времени я досталъ изъ саквояжа первую попавшуюся книгу; то были «Легенды русскаго народа», изданныя Афанасьевымъ; большую часть ихъ я зналъ чуть не наизусть.— Не хотите ли, обратился я къ жандармамъ, я буду читать вслухъ.—Можетъ что мудреное?—Нѣтъ, вы все поймете.—Почитайте. И я принялся довольно громко читать легенду «солдаты и смерть». Моимъ чтеніемъ видимо заинтересовались не только жандармы, но и ближайшіе сосѣди. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за похожденіями хитроумнаго солдата, нерѣдко прерывая мое чтеніе замѣчаніями: ай да молодчина, вотъ такъ штукарь. Кончилась легенда.—А вы еще чтонибудь почитайте, слышались многіе голоса. Почти до самыхъ сумерекъ продолжалось мое чтеніе.

При остановкахъ жандармы не стѣсняли меня выходить въ вокзалъ; конечно, при этомъ одинъ изъ нихъ всегда оставался у дверей, а другой выстраивался сзади меня. Время было сильнаго ссыска и наблюденій; жандармскіе офицеры (не желѣзнодорожные) сновали на всѣхъ скольконибудь значительныхъ станціяхъ. Однако, должно быть никто изъ нихъ не сдѣлалъ моимъ проводникамъ какогонибудь замѣчанія, что они въ отношеніи меня допускаютъ излишнія послабленія, хотя всѣ они требовали къ себѣ жандармовъ, вели съ ними какое то собесѣдованіе и иногда даже что то записывали. Такъ мы благополучно проѣхали Николаевскую и Нижегородскую дороги, но жандармы были въ постоянномъ страхѣ и поминутно говорили:—ахъ, поскорѣ бы добраться до парохода, пронесъ бы Богъ безъ бѣды желѣзную дорогу.

¹⁾ См. Былое 1907 г. январь и февраль.

Въ Нижнемъ насъ встрѣтила холодная и дождливая погода. Не помню на какой пароходъ сѣли; капитанъ парохода, если не измѣняетъ память, Протопоповъ, отвелъ намъ каюту 1-го класса, хотя нашъ проѣздъ былъ оплаченъ только по 3-му классу; жандармы оставались на палубѣ. До Козмодемьянска ѣхалъ съ нами тестъ; передъ тѣмъ, какъ ему распрощаться съ нами, неожиданно всплыло крайне непріятное обстоятельство: жандармы заявили ему, что вмѣстѣ съ нимъ должна вернуться и жена.—Да вѣдь она ѣдетъ съ мужемъ въ Сибирь.—Нѣтъ, у насъ есть распоряженіе только о мужѣ, о женѣ намъ начальство ничего не говорило; вотъ, смотрите, и въ бумагѣ о ней не значится. Долго шли у насъ пререканія съ жандармами; наконецъ, тестю удалось какъ-то уломать ихъ; думаю, что дѣло не обошлось безъ бакшиша.

На пароходѣ жандармы признались, что Зыбинъ (начальникъ пет. жанд. дивизіона), который запримѣтилъ меня еще въ лѣто 62 г., когда я былъ въ Вологдѣ, далъ имъ обо мнѣ такую устрашающую аттестацію:—смотрите день и ночь въ оба, а то онъ у васъ на глазахъ пропадетъ. Этотъ же самый Зыбинъ въ Петербургѣ передъ отправкой говорилъ тестю:—можете быть совершенно спокойны за проѣздъ вашего зятя; я назначилъ самыхъ лучшихъ жандармовъ и имъ даны инструкціи ни въ чемъ его не затруднять.

Въ Козмодемьянскѣ мы разстались съ тестемъ, человѣкомъ выдающимся для своего времени, хотя и получившимъ только домашнее образованіе въ глухомъ Устьсысольскѣ; разстались навсегда, такъ какъ несмотря на свои 55 лѣтъ и, повидимому, могучій организмъ, онъ умеръ въ слѣдующемъ году.

На другой день начали подходить къ Казани; между тѣмъ погода установилась отличная, мы съ женой большею частью проводили время въ рубкѣ. Въ Казани, конечно, заявили новые пассажиры и въ числѣ ихъ... мѣстный жанд. генераль Слезкинъ, столь прославившійся потомъ въ Москвѣ. Его провожали семья и адъютантъ; вся компанія размѣстилась въ рубкѣ, изъ которой мы заблаговременно удалились. Мои жандармы пришли въ неописуемый трепетъ и ни на шагъ не отходили отъ меня; кромѣ того, они объявили мнѣ, что когда я буду находиться въ каютѣ, они поочередно станутъ дежурить у ея дверей. Я отвѣчалъ, что мнѣ лично все равно, но для публики это будетъ непріятно.—Въ такомъ случаѣ оставайтесь на палубѣ.

Но вотъ въ рубкѣ началась какая-то суматоха; вскорѣ оттуда вышелъ адъютантъ и сталъ спрашивать,—чья карта Сибири была разложена въ рубкѣ; ему указали на меня. Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и въ вѣжливыхъ выраженіяхъ сталъ извиняться, что карту случайно залили кофе. Я сказалъ, что это ничего не значитъ; но воспользовался этимъ случаемъ и просилъ адъютанта доложить генералу на счетъ требованія жандармовъ. Черезъ минуту адъютантъ вернулся и объявилъ жандармамъ, что я могу, когда захочу, оставаться въ каютѣ, а они по прежнему пусть будутъ на палубѣ.

Скоро пароходъ отошелъ; генераль остался одинъ. Мы съ женой были на палубѣ; по времени генераль вышелъ изъ рубки и сталъ прогуливаться. Спустя недолго замѣтилъ меня и пригласилъ

въ рубку. Тамъ, предложивъ мнѣ сѣсть, спросилъ кто я, откуда и по какому дѣлу отправляюсь въ Сибирь. Въ короткихъ словахъ я удовлетворилъ его любопытство; въ отвѣтъ онъ держалъ такую рѣчь:—вы молоды, передъ вами еще большое будущее, отъ васъ самихъ вполне оно зависить. Помните одно: гдѣ бы вы ни были, какъ бы далеко отъ васъ не находилось высшее начальство, оно всегда будетъ знать не только, что вы дѣлаете, но даже и что думаете. Еще разъ говорю, не забывайте этого никогда.

Кажется, въ тотъ же день подъ вечеръ Слезкинъ оставилъ пароходъ, чему конечно были рады не одни только мои жандармы; по крайней мѣрѣ капитанъ, съ которымъ иногда удавалось перебраться двумя-тремя словами, не скрывалъ своего удовольствія.

Какъ по желѣзной дорогѣ, такъ и на пароходѣ можно было замѣтить любопытные взгляды, направлявшіеся въ мою сторону: но лишь немногіе набирались храбрости предложить иногда вопросъ: далеко ѣдете?

Кончилась Волга, прошли Каму до Перми, откуда начинался колесный путь въ Тобольскъ (около 900 в.). Тестъ далъ письмо къ кому то изъ своихъ знакомыхъ въ Перми, прося оказывать содѣйствіе къ устройству нашего переѣзда. Тотъ пріѣхалъ на почтовую станцію, куда мы тотчасъ же перебрались съ парохода. Первый разговоръ конечно пошелъ о пріобрѣтеніи тарантаса.—У меня есть тарантасъ, онъ мнѣ теперь не нуженъ.—Что будетъ стоить?—Ничего, вы сдайте его въ Тюмени такому то, причемъ назвалъ фамилію какого-то поляка, служившаго по дѣламъ Паклевскаго, и скажите ему, чтобы онъ вернулъ тарантасъ съ какимъ нибудь надежнымъ проѣзжимъ.

Въ Тюмени такая же исторія; полякъ въ свою очередь далъ намъ тарантасъ до Тобольска. Меня это тогда не мало удивляло: отдавать тарантасъ на проѣздъ въ нѣсколько сотъ верстъ въ надеждѣ, что онъ вернется съ кѣмъ нибудь изъ проѣзжихъ (и отъ Томска до Красноярска мы ѣхали такимъ же манеромъ). Но потомъ, обжившись въ Сибири, я узналъ, что такая операція была дѣломъ самымъ обыкновеннымъ для разстояній даже несравненно большихъ, и самъ въ свою очередь безъ страха давалъ свой тарантасъ даромъ на прокатъ.

Весь путь до Тобольска проѣхали безъ особенныхъ приключеній, если не считать того, что разъ жандармы едва-едва согласились остановиться на ночевку, кажется, въ Кунгурѣ, чтобы дать женѣ хоть сколько нибудь отдохнуть; ее сильно расколотила непривычная ѣзда въ тарантасѣ, да еще довольно тряскомъ. Вообще отъ этой части пути почти не осталось никакихъ воспоминаній; даже проѣздъ черезъ Уралъ должно быть не произвелъ особеннаго впечатлѣнія. Помню только, что около Кунгура ѣхали съ нѣкоторой оглядкой, такъ какъ съ давнихъ поръ это мѣсто считалось классическимъ по грабежамъ. Но имѣя двухъ вооруженныхъ тѣлохранителей, мы, конечно, ничего не боялись.

Потомъ въ Тобольскѣ узнали, что ссыльные поляки въ Кунгурѣ пытались пробраться на свиданіе съ нами, но ихъ не допустили жандармы. Въ дорогѣ одинъ изъ жандармовъ обыкновенно

сидѣлъ на козлахъ, а другой въ тарантасѣ, но при этомъ свѣшивалъ свои ноги за облучекъ. Когда я ему говорилъ, что вѣдь такъ должны ноги затекать, что тарантасъ достаточно просторенъ, то онъ флегматично отвѣчалъ:—ничего, мы люди привычные.

На станціяхъ нашъ проѣздъ не возбуждалъ ни малѣйшаго вниманія или особеннаго любопытства; видно было, что къ такимъ путешественникамъ, какъ мы, уже привыкли; скорѣе можно было замѣтить желаніе заполучить лишнее за самовары, молоко и т. п. Оно и понятно, такъ какъ проѣздъ съ жандармами всегда возбуждалъ ошибочную мысль объ относительномъ богатствѣ путешественника; на самомъ же дѣлѣ большая часть, направлявшихся въ Сибирь съ жандармами, ѣхала на собранныя деньги.

Наконецъ мы въ Тобольскѣ. Какъ только очутились въ городѣ, жена сейчасъ же взяла извозчика и поѣхала въ гостинницу, а жандармы со мной прямо заявили къ губернатору. Алек. Ив. Деспоть-Зеновичъ, принявъ отъ нихъ запечатанный конвертъ, спросилъ мою фамилію и велѣлъ жандармамъ отправиться къ полицеймейстеру; онъ, видимо, не узналъ меня, да и не мудрено; мы всего мелькомъ два раза встрѣчались у тестя.

Доставили меня къ полицеймейстеру; тотъ, хмурясь, точно чѣмъ недовольный, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—не имѣете ли какихъ претензій къ жандармамъ?

— Нѣтъ, не имѣю.

— Всѣ-ли деньги при васъ?—При мнѣ. Затѣмъ у полицеймейстера вышло какое то столкновеніе съ жандармами; тѣ ссылались на генерала Трепова, на что и получили въ отвѣтъ:—а мнѣ какое дѣло до вашего Трепова, это для васъ онъ все, а я его и знать не знаю.

Въ заключеніе меня препроводили въ острогъ. На прощанье жандармы попросили отъ меня записку, что никакого утѣшенія отъ нихъ не было (это, конечно, для тестя, чтобъ получить добавочный бакшишъ); я написалъ нѣсколько строкъ и далъ еще красенькую, чѣмъ они были весьма довольны и нѣсколько разъ пожелали мнѣ всякаго благополучія и даже скорѣйшаго возвращенія въ Россію.

Въ то время Тобольскъ былъ еще центральнымъ пунктомъ, въ которомъ стекались почти всѣ ссыльные, направляемые въ Сибирь; тутъ была такъ называемая Тобольская экспедиція о ссыльныхъ, которая производила распредѣленіе всѣхъ ссыльныхъ по разнымъ частямъ Сибири; здѣсь на каждого составлялся «статейный списокъ», основной документъ, опредѣлявшій всю дальнѣйшую судьбу ссыльнаго. Впослѣдствіи все это было перенесено въ Тюмень. Неудивительно, что Тобольскій острогъ представлялъ изъ себя для того времени грандіозное сооруженіе; вѣдь въ распутицу тамъ скапливались тысячи арестантовъ. Онъ находился на горѣ, между тѣмъ какъ большая часть города размѣщалась на низменности, часто затопляемой, но за то близкой къ рѣкѣ (Тоболу).

Въ Тобольскомъ острогѣ политическихъ содержали въ особомъ отдѣленіи, которое почему то называлось «дворянскимъ». Тамъ я встрѣтилъ цѣлую компанію поляковъ, выжидавшихъ лѣтней отправки; нѣкоторые изъ нихъ, осужденные въ каторжныя работы, были приз-

наны въ Тобольскѣ неспособными къ нимъ и на основаніи какой-то статьи устава о ссыльныхъ высиживали въ острогѣ опредѣленные сроки, а затѣмъ уже назначались на поселеніе. Была еще совѣмъ особая группа поляковъ изъ Царства Польскаго, въ самомъ началѣ возстанія высланныхъ солдатами въ сибирскіе батальоны и отказавшихся отъ присяги. Они судились военнымъ судомъ и имъ неминуемо предстояла каторга. Ихъ не столько смущала эта перспектива, сколько истомила необычайная медленность, съ которой тянулось дѣло; прошло около трехъ лѣтъ, а оно все еще продолжало странствовать по разнымъ инстанціямъ.

Опять же и въ Тобольскѣ мнѣ не пришлось встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ видныхъ дѣятелей возстанія; тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли отъ смертной казни, уже давно были на каторгѣ. Только благодаря численности въ Тобольскѣ рѣзче бросалась въ глаза пестрота какъ въ отношеніи принадлежности къ разнымъ общественнымъ классамъ, такъ и по уровню образованія. Да еще можно было замѣтить явное распаденіе на умѣренныхъ и красныхъ; послѣдніе, въ то же время и антиклерикалы, почти всегда были изъ Царства Польскаго. Наружно обѣ стороны поддерживали приличныя¹⁾, вѣрнѣе сказать, дипломатическія отношенія, но держались особнякомъ. Умѣренные въ разговорахъ со мной замалчивали это распаденіе, но красные, совѣмъ наоборотъ, при всякомъ случаѣ подчеркивали, причемъ нисколько не щадили нѣкоторыхъ лицъ, напримѣръ, Венцлововича, помѣщика изъ Могилевской губерніи, указывая на него, какъ на типичнаго пана-крѣпостника, и другого съ Волыни (фамиліи не помню, его сопровождала молодая дочь); послѣдняго не иначе называли, какъ «волынское быдло». Вообще я замѣтилъ, что даже у мягкихъ литвиновъ поляки съ Волыни были на весьма невысокомъ счету, и при словѣ «волынское быдло» широко примѣнялось къ нимъ.

Венцлововичъ былъ горбунъ, притомъ съ недоразвитыми или калѣченными ногами, такъ что ходилъ на костыляхъ; онъ получилъ хорошее французское образованіе, отличался живымъ и острымъ умомъ, что и дѣлало его весьма интереснымъ собесѣдникомъ; такъ что, хотя за нимъ и водился всѣмъ извѣстный грѣшокъ,—онъ былъ профессиональный игрокъ въ карты (эту практику онъ не покидалъ даже и въ острогѣ, т. е. не стѣснялся обыгрывать людей по большей части съ послѣдними деньгами), кромѣ завѣдомыхъ красныхъ, всѣ относились къ нему хорошо, даже Новицкій, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Въ то время какъ другіе въ разговорахъ со мной лишь вскользь, и то крайне рѣдко, касались аграрной политики русскаго правительства въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, возмущаясь, главнымъ образомъ, конфискаціями и обязательной продажей, Венцлововичъ, наоборотъ, не упускалъ случая, чтобы направить всю свою критику въ эту сторону. Даже положенія 61 г. онъ находилъ черезчуръ радикальными, напримѣръ обязательный надѣлъ; но особенно порицалъ отмѣну полицейской власти помѣщиковъ. О новѣйшихъ же

¹⁾ Не такъ, помнится, бывало на каторгѣ, гдѣ иногда обостреніе доходило до настоящихъ побоевъ.

мѣропріятіяхъ говорилъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ; онъ утверждалъ, что онѣ создали въ краѣ такую анархію, изъ которой нѣтъ выхода, и что черезъ нѣсколько лѣтъ она перебросится на всю остальную Россію. И тѣмъ характернѣе, что этотъ человѣкъ былъ сужденъ, какъ начальникъ революціонной организаціи одного изъ уѣздовъ Могилевской губерніи, за что и былъ сосланъ въ каторжныя работы (вмѣсто нихъ отсидѣлъ сколько-то времени въ тобольскомъ острогѣ). Разъ онъ далъ мнѣ прочитать свою оправдательную записку, куда-то поданную. Она была написана умно и ловко; но возвращая ее, я не скрылъ отъ Венцлововича, что совершенно понимаю,—почему она осталась безъ всякихъ послѣдствій. Онъ не сталъ спорить по существу, только улыбаясь замѣтилъ:—Но согласитесь сами, все же они не достаточно обратили вниманія на самый главный аргументъ въ мою пользу,—что я калѣка и, значить, не могъ принимать участія въ возстаніи. Насколько припоминаю, главными обвинителями противъ Венцлововича была его прислуга.

Было бы болѣе чѣмъ наивно думать, что Венцлововичъ и люди его взглядовъ (мнѣ иногда приходилось встрѣчаться съ такими, припоминаю въ эту минуту, напримѣръ, Р—ча изъ Царства Польскаго) приняли участіе въ движеніи лишь изъ одного враждебнаго отношенія къ крестьянской реформѣ; вѣдь они понимали, что въ случаѣ успѣха возстанія—старого уже не вернуть; болѣе: возстаніе могло имѣть шансы на успѣхъ только при широкомъ участіи крестьянской массы; а побѣдоносная масса, руководимая, такъ называемыми, красными, могла предъявить требованія даже болѣе радикальныя, чѣмъ тѣ, которыя провела потомъ русская власть. Потому участіе въ возстаніи людей типа Венцлововича ясно говоритъ, что національное чувство было въ 63 г. главнымъ двигателемъ и доминировало надъ узкословными интересами.

Францъ Ивановичъ Новицкій, холостякъ лѣтъ около 60, былъ небольшой помѣщикъ изъ Минской губерніи (то ли Борисовскаго, то ли Игуменскаго уѣзда), по профессіи докторъ. По общимъ отзывамъ онъ на родинѣ пользовался исключительнымъ уваженіемъ за свою доброту и честность (съ этой стороны онъ былъ извѣстенъ и Деспоту-Зеновичу, который и сдѣлалъ все возможное, чтобы измѣнить его участь), а потому и былъ всеобщимъ опекуномъ малолѣтнихъ и посредникомъ нерѣдко въ весьма щекотливыхъ семейныхъ дѣлахъ. Новицкій еще въ 30-мъ году, будучи студентомъ виленскаго университета, принималъ нѣкоторое участіе въ тогдашнемъ возстаніи (это не было обнаружено, а потому и сошло ему благополучно); по 63 г. онъ былъ сосланъ въ каторжныя работы, но какъ и Венцлововичъ, отдѣлался высидкою въ Тобольскѣ,—за время ареста онъ подвергся параличу, отъ котораго впослѣдствіи почти совсѣмъ оправился. Въ тобольской тюрьмѣ не только бѣлые, но и красные относились къ нему со всевозможнымъ вниманіемъ и почтеніемъ; онъ, несомнѣнно, и здѣсь являлся умиротворителемъ и посредникомъ въ разныхъ конфликтахъ, которые такъ неожиданно возникаютъ въ тюрьмахъ изъ-за самыхъ пустыхъ поводовъ.

Съ Фр. Ив. я скоро сошелся; онъ показывалъ ко мнѣ болѣе

чѣмъ обыкновенное доброе отношеніе; не только въ Сибири (онъ жилъ въ Красноярскѣ ¹⁾) и я часто останавливался у него, когда по дѣламъ прїѣзжалъ изъ Енисейска) мы были, несмотря на разницу возрастовъ, въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ, но даже когда вернулись въ Россію, не теряли совсѣмъ другъ друга изъ виду. Потому я имѣлъ возможность хорошо узнать Фран. Ив. Добрый полякъ и католикъ, но безъ тѣни фанатизма и національной исключительности, въ политическомъ отношеніи онъ былъ такихъ умѣренныхъ взглядовъ, пожалуй даже архаическихъ, что я по Фр. Ив. живо представлялъ себѣ французскаго легитимиста, не изъ тѣхъ рисующихся съ трибуны, имена которыхъ знаетъ весь большой свѣтъ, а изъ глухой провинціи мелкаго помѣщика, сохранившаго въ своемъ сердцѣ вѣрность графу Шамбору. Но какъ только заходила рѣчь о родномъ краѣ, во всякомъ словѣ Фран. Ив. сказывалась такая горячая любовь къ нему, что становилось совершенно понятнымъ, какъ волна движенія захватила и этого въ сущности мирнѣйшаго человѣка.

Жена имѣла письма къ Деспоту-Зеновичу и Ямонтамъ (дочь ихъ, какъ я уже говорилъ выше, была замужемъ за Родзевичемъ). Ямонты сейчасъ же переселили жену къ себѣ, а Деспотъ-Зеновичъ принялъ ее самымъ сочувственнымъ образомъ, но сообщилъ ей неожиданную новость: въ бумагѣ, при которой меня доставили, ничего не было сказано, — какой я ссыльный, политическій или гражданскій. — Но, прибавилъ Александръ Ивановичъ, я сейчасъ же пошлю по телеграфу запросъ Кауфману и, какъ только получу подтвержденіе, что вашъ мужъ политическій, переведу его на поселеніе.

Это обстоятельство повело за собой совсѣмъ непредвидѣнную задержку въ Тобольскѣ. Отвѣтъ Кауфмана не могъ получиться скоро. тогда еще не было телеграфа до Тобольска; потому телеграмма пошла почтой до Тюмени, откуда уже начинался телеграфъ. А затѣмъ, пароходы съ арестантскими партіями отправлялись только въ двѣ недѣли разъ, такъ что я прожилъ въ Тобольскѣ около трехъ недѣль. Перевозка арестантовъ пароходами была дѣломъ Деспота-Зеновича; онъ цифрами доказалъ петербургскимъ властямъ, что это будетъ выгоднѣе для казны; для арестантовъ же чуть ли не полугодовое пѣшее странствованіе замѣнялось двухъ-трехнедѣльнымъ ²⁾. Отвѣтъ Кауфмана былъ, конечно, тотъ, что я осужденъ по политическому дѣлу, и развязалъ руки Деспоту-Зеновичу; онъ далъ приказаніе экспедиціи перечислить меня на основаніи указа 16 апрѣля съ каторги на поселеніе; предварительно же черезъ жену спросилъ меня, въ какую

¹⁾ Въ Красноярскѣ Новикій пользовался общимъ уваженіемъ среди мѣстнаго населенія и имѣлъ недурную практику; даже сама администрація въ виду недостатка врачей нерѣдко поручала ему исполненіе официальныхъ обязанностей. Въ Красноярскѣ онъ пробылъ до начала 70-хъ годовъ; затѣмъ ему было позволено переѣхать въ Екатеринбургъ. Но величайшей для него радостью было послѣдующее разрѣшеніе — переѣхать въ Вильно, гдѣ онъ проживалъ въ домѣ бискупа Цвинскаго; умеръ въ глубокой старости въ началѣ 90-хъ годовъ.

²⁾ Если не ошибаюсь, вообще благодаря Д.-З.-чу была введена конная перевозка ссыльных, по крайней мѣрѣ въ Западной Сибири.

губернію желаю я быть назначенъ,—въ Енисейскую или Иркутскую (съ которги переводились на поселеніе только въ восточную Сибирь). Предстояло рѣшить трудную дилемму. Енисейская губернія сама по себѣ была предпочтительнѣе; тамъ братъ жены, хотя и рѣшившій перебраться на житье въ Петербургъ, имѣлъ довольно крупное золотопромышленное дѣло, а тестъ отъ стараго времени, когда жилъ въ Сибири, сохранилъ со многими золотопромышленниками очень хорошія отношенія; такимъ образомъ я могъ рассчитывать получить занятіе. Но имя Пав. Ник. Замятина ¹⁾ наводило страхъ; имъ пугалъ уже Суворовъ; къ тому же Замятинъ былъ въ крайне дурныхъ отношеніяхъ съ М. К. Сидоровымъ, женатымъ на родной сестрѣ моей жены и, хотя онъ не зналъ моего тестя, но по нѣкоторымъ дѣламъ и къ нему обнаруживалъ враждебность. Однако я рискнулъ и отвѣтилъ Деспоту-Зеновичу, что выбираю Енисейскую губернію. Алек. Ив. сказалъ еще женѣ, что намъ нѣтъ надобности ѣхать до Томска на свой счетъ; что онъ по контракту имѣетъ право на извѣстное число мѣстъ на пароходѣ (пересылаемые везлись на баржахъ) и что онъ насъ помѣститъ на него; и въ этомъ смыслѣ отдалъ распоряженіе экспедиціи ссыльныхъ. Экспедиція, чтобъ оформить дѣло, составляя мой статейный списокъ, отмѣтила меня «дрихлымъ», хотя въ графѣ лѣтъ стояло только 25; кромѣ того уже безъ всякой надобности обратила меня и жену въ «католиковъ», каковыми мы и оставались до выѣзда изъ Сибири.

Наконецъ насталъ нетерпѣливо ожидаемый день отправки, пришелъ изъ Тюмени пароходъ съ баржей для арестантовъ; это было въ самыхъ первыхъ числахъ іюля. Насъ всѣхъ препроводили на пристань; тутъ партію уже ждалъ чиновникъ, распоряжавшійся отправкой; по списку онъ отдѣлилъ тѣхъ, кто были назначены на пароходъ, въ томъ числѣ и меня съ женою, и предложилъ капитану размѣстить насъ. Но капитанъ заявилъ, что у него есть пассажиры изъ Тюмени, что онъ не можетъ принять на пароходъ указанныхъ ему лицъ. Чиновникъ стоялъ на томъ, что онъ только исполняетъ распоряженіе губернатора, а капитанъ опять возражалъ, что у него нѣтъ свободныхъ мѣстъ. Послѣ довольно долгаго пререканія чиновникъ уѣхалъ, чтобъ доложить губернатору.

Два слова объ Алек. Ив. Деспотѣ-Зеновичѣ. Полякъ и католикъ (происходилъ изъ старинной польской фамиліи Западнаго края), по родственнымъ отношеніямъ онъ воспитывался въ Москвѣ въ домѣ Тучковыхъ; окончивъ блестяще университетъ, Д.-З-чъ по совѣту Грановскаго собирался держать экзаменъ на магистра, но совершенно неожиданно въ 48 г. былъ арестованъ въ Вильно и скоропалительно, въ чемъ былъ, отправленъ въ Пермь, а оттуда за письмо къ шефу жанд. Орлову, въ которомъ доказывалъ необходимость либеральныхъ реформъ, былъ высланъ въ восточную Сибирь. Здѣсь его принялъ на службу Муравьевъ и нерѣдко возлагалъ на него весьма важныя по-

¹⁾ Благодаря своему брату министру юстиціи, изъ московскихъ полнеймейстеровъ получилъ енисейское губернаторство и тотчасъ же его лишился, какъ только братъ вышелъ въ отставку.

рученія по урегулированію политическихъ и торговыхъ отношеній съ Китаемъ. Постепенно при Муравьевѣ Д. З. достигъ должности градоначальника Кяхты, а въ концѣ 62 г., будучи только 34 лѣтъ, получилъ назначеніе тобольскимъ губернаторомъ, причемъ Александръ II изъ трехъ кандидатовъ, представленныхъ Валуевымъ, лично выбралъ Д. З-ча. Какъ въ Кяхтѣ, такъ равно и въ Тобольскѣ, Алек. Ив. оставилъ по себѣ глубоко признательную память во всѣхъ слояхъ населенія, благодаря своей честности, просвѣщенной дѣятельности и неутомимой борьбѣ со всякимъ произволомъ и беззаконіемъ. Спустя слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ онъ оставилъ Тобольскую губернію, мнѣ приходилось слышать отъ тамошнихъ крестьянъ:—такого губернатора, какъ Д. З-чъ еще никогда у насъ не бывало ¹⁾. Само providѣніе послало его въ Тобольскъ, черезъ который за время губернаторства Ал. Ив. прошли десятки тысячъ ссыльныхъ поляковъ ²⁾. Доносы сыпались на него градомъ не отъ одной только жандармеріи, но и разныхъ мѣстныхъ эксплуататоровъ, хищничество которыхъ онъ старался обуздать; но Алек. Ив. умѣло ихъ парировалъ и оставался на своемъ мѣстѣ, пока не былъ назначенъ въ 66 г. генералъ-губернаторомъ Хрущовъ. Онъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и былъ назначенъ членомъ Совѣта М. В. Д. Служебное поприще его было кончено; свой досугъ онъ дѣлилъ между книгами (ничто новое и выдающееся не оставалось, имъ не прочитаннымъ), и постоянными хлопотами за кого нибудь изъ пострадавшихъ, безъ различія исповѣданія и національности. И хотя онъ никогда не скрывалъ своего либеральнаго образа мыслей, всегда подчеркивалъ, что онъ полякъ и католикъ,—на самомъ же дѣлѣ былъ рационалистъ и чуждъ всякой исключительности, но его умъ и прямота внушали къ нему такое уваженіе, что рѣдкое его ходатайство оставалось безуспѣшнымъ. Онъ умеръ въ 1895 ³⁾ на 67-мъ году.

Мои личныя наблюденія въ Тобольскѣ, конечно, не простирались далѣе стѣнъ острога; я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ, какое отвратительное обмундированіе получали арестанты въ Вильно, какъ большая часть политическихъ бросала его при первой возможности.

Въ Тобольскѣ всѣ его брали, такъ какъ все строилось изъ хорошаго и прочнаго матеріала; напимѣръ, такъ называемыя «бродяжки» изготовлялись изъ верблюжьяго сукна и ихъ потомъ, по прибитіи на мѣсто, передѣлывали на пальто; если не было личной надобности въ казенной одеждѣ, то передавали ее болѣе бѣднымъ, И кормили въ острогѣ хорошо. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что тобольская администрація располагала только тѣми средствами,

¹⁾ Его преемникомъ былъ Чебыкинъ, изъ петербургскихъ полицейскихъ, во всѣхъ отношеніяхъ прямая противоположность Д. З-чу.

²⁾ Въ Львовѣ, въ музеѣ Оссолинскихъ, я видѣлъ фотографическую карточку Ал. И. съ польской надписью: „протекторъ выгнанцовъ“.

³⁾ Разъ Ал. Ив. въ Петербургѣ разсказывалъ мнѣ:—когда привезли въ Тобольскъ Чернышевскаго, мѣстный архіерей обратился ко мнѣ за разрѣшеніемъ свиданія съ Чернышевскимъ. — Я много слышалъ, говорилъ архіерей, что Чернышевскій ужасный безбожникъ и хочу попытаться обратить его на путь вѣры. Не безъ труда мнѣ удалось отговорить его отъ этой странной фантазіи; какъ председатель тюремнаго комитета онъ даже не нуждался въ моемъ разрѣшеніи.

которая отпускала казна, такъ какъ мѣстный попечительный комитетъ почти не имѣлъ никакихъ поступленій со стороны,—Тобольскъ былъ бѣдный городъ.

Алек. Ив. входилъ въ положеніе cadaго ссыльнаго, къ нему обращавшагося, и дѣлалъ все, чтобъ облегчить его положеніе, если только была хоть малѣйшая формальная прицѣпка. Тѣмъ изъ политическихъ, которые оставались въ Тобольской губерніи, онъ старался пріискать занятіе и нисколько не стѣснялъ ихъ въ дѣловыхъ разгѣздахъ; многихъ даже опредѣлялъ на службу по найму въ канцеляріи. Надо еще прибавить къ характеристикѣ Д. З-ча, что онъ отличался вспыльчивымъ характеромъ и, если былъ чѣмъ нибудь разстроенъ или раздраженъ, то не стѣснялся даже съ начальниками независимыхъ отъ него управленій; потому, когда онъ кого-нибудь вызывалъ къ себѣ, то вызываемый предварительно справлялся,—въ какомъ расположеніи духа генералъ.

Возвращаясь къ прерванному разсказу. Вотъ, видимъ, мчится Д. З-чъ; едва онъ успѣлъ соскочить съ долгуши (сибирскій городской экипажъ), какъ накинудся на капитана.—Какъ вы смѣете задерживать отправку партіи? развѣ вы не знаете, что я по контракту имѣю право на десять мѣстъ на пароходѣ? Я задержу выдачу вамъ денегъ за рейсъ, я привлеку васъ къ законной отвѣтственности!

— Я знаю, В-ше Пр-во, что вы имѣете право на десять мѣстъ на пароходѣ, у меня это число и есть въ запасѣ, но здѣсь гораздо больше назначенныхъ на пароходъ (безъ малаго два десятка).

— Какъ больше? считайте. Капитанъ обрадовался и принялся считать: разъ, два, три... но Д. З-чъ не далъ ему продолжать: шесть, семь... десять! сразу закончилъ онъ, указывая на послѣдняго.

— Слушаю, Ваше Пр-во, будетъ доставленъ другой пароходъ. Не довольствуясь одержанной побѣдой, Алекс. Ив., уже усѣвшійся въ экипажъ, крикнулъ:—Пантелѣевъ. Я подошелъ.—На васъ возлагаю отвѣтственность, чтобъ во всей точности было исполнено мое распоряженіе,—и съ этими словами укатилъ. Я былъ повергнутъ въ полное недоумѣніе, и обратился къ товарищамъ съ вопросомъ, какъ понимать слова Д. З-ча.—Такъ, вспылить, а то, пожалуй, приказалъ вамъ быть какъ бы старостой надъ тѣми, кто назначенъ на пароходъ.

Часа черезъ два-три былъ поданъ другой пароходъ «Сибирякъ». Всѣ мы хорошо знали, что по меньшей мѣрѣ на двухъ-недѣльномъ пути до Томска будетъ довольно трудно провіантироваться, и потому заблаговременно забрали въ Тобольскѣ изрядное количество всякихъ не портящихся запасовъ.

Вотъ что я потомъ писалъ, между прочимъ, тестю, о нашемъ плаваніи. ¹⁾

«Пароходъ «Сибирякъ», въ 120 силъ, считается однимъ изъ лучшихъ на всей Обской системѣ; черезъ 15 дней онъ доставилъ насъ въ Томскъ, ²⁾. Все время тянулъ онъ за собой двѣ баржи: одну съ

¹⁾ Это письмо единственный письменный матеріалъ, которымъ я пользовался при составленіи моихъ воспоминаній; все остальное разсказываю на память.

²⁾ Нынѣ этотъ рейсъ совершается вдвое скорѣе.

товарами, другую съ арестантами, которыхъ было человѣкъ до 500, въ томъ числѣ болѣе 100 политическихъ, но случается, что количество арестантовъ доходитъ до 900 человѣкъ.

«Помѣщены мы были на пароходѣ такъ удобно, какъ это только на немъ возможно. Каюты наши были 1-го класса, но онѣ не могутъ быть сравнены, по удобству, даже съ второкласными волжскихъ пароходовъ. Стекла въ окнахъ перебиты, двери плотно не затворяются, грошевые обои растрескались, въ добавокъ замѣчательная нечистота. И неудивительно: въ теченіе нашего 2-хъ недѣльнаго странствованія прислуга парохода ни разу даже не подумала вымести въ каютахъ, мы уже сами заботились объ этомъ. Имѣйте при этомъ въ виду, что пароходъ оснащенъ нынѣшней весной. Начальство его отличалось самыми добродушными свойствами. Капитанъ, уже седьмой годъ состоящій въ этомъ рангѣ, или спалъ или пилъ чай, или наконецъ, отъ нечего дѣлать, въ шашки игралъ. Машинистъ, русскій, все время посвящалъ стуколкѣ и хорошо зарабатывалъ; ни до чего другого онъ уже не касался. Когда я разъ указалъ ему на страшную нечистоту, въ которой содержалась машина, онъ отвѣчалъ, что вѣдь здѣсь не Россія, а Сибирь, и что его главная забота состоитъ лишь въ томъ, чтобъ скорѣе дѣлать рейсъ, а тамъ, зимой успѣемъ все перечистить. Была каюта съ надписью «помощникъ капитана», но самого его въ наличности не имѣлось. О двухъ лоцманахъ капитанъ говорилъ, что имъ хоть глаза завяжи, они и тутъ промаху не дадутъ. Справедливѣе сказать, что пароходъ могъ бы ничуть не хуже идти, еслибъ ихъ и совсѣмъ не было.

«Въ буфетѣ, какъ говорилось, все можно было получить, а на самомъ дѣлѣ тамъ ничего не было. Весь жизненный запасъ парохода заключался въ мукѣ и солонинѣ. Правда, почти черезъ каждые три четыре дня, при остановкахъ парохода, закупался скотъ, но сохранять мясо негдѣ было, — ледника не имѣлось. Мясо развѣшивалось на палубѣ, а такъ какъ погода стояла весьма жаркая, то и портилось оно необыкновенно скоро, — на третій день остатки, и въ большомъ количествѣ, выбрасывались въ воду. Когда разъ сказали капитану, что вѣдь нѣтъ никакой хитрости завести на пароходѣ ледникъ (мы въ каждой деревнѣ находили ледъ), и что этимъ можно избѣжать убытковъ, не говоря уже объ удобствахъ для пассажировъ, то онъ пренаивно отвѣтилъ: «а что же, вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ правда — надо подумать». Но мы съ голоду не умерли; выбраны были фуражиры, на обязанности которыхъ было забирать въ каждой деревнѣ все, что попадалось, — обязанность эта, какъ я на себѣ испыталъ, весьма не легкая въ здѣшнихъ мѣстахъ. Когда удавалось добыть теленка (и притомъ весьма невзрачнаго), то былъ рѣшительный праздникъ. Надо отдать полную справедливость г-жѣ Эсьманъ, женѣ одного политическаго, (да перейдетъ ея имя въ отдаленнѣйшее потомство), — изъ ничего она умѣла накормить насъ.

«Къ нашему благополучію, общество было весьма пріятное; къ тому же погода стояла отличная, такъ что я все путешествіе спалъ на палубѣ. Отъ тучи мошекъ хорошей защитой служила мнѣ сѣтка (везъ ее изъ Петербурга, по совѣту тестя); глядя на меня, и дру-

гіе понадѣляли себѣ такія же сѣтки, благо у кого-то нашелся кусокъ кисеи.

«Время шло довольно незамѣтно, чему помогали карты (я съ Новицкимъ особенно увлекались пикетомъ), отчасти шашки. По вечерамъ иногда устраивались концерты; скрипка, флейта отлично исполняли свое дѣло. Былъ между нами одинъ чудакъ, воображавшій себя не только красавцемъ, но и замѣчательнымъ пѣвцомъ; подзадорить его запѣть одну любимую имъ малороссійскую пѣсенку съ припѣвомъ: го-я, го-я, го-я! было для всѣхъ источникомъ самаго неподдѣльнаго веселья и смѣха.

«Кромѣ нашей компаніи на пароходѣ находилось нѣсколько и другихъ пассажировъ; между прочимъ ѣхала приісковая партія, снаряженная владѣльцемъ парохода Тюфинымъ. Меня, еще не знакомаго съ сибирскими порядками, не мало удивляло, что во главѣ ея стоялъ бывший содержатель постоялаго двора въ Тюмени, т. е. человѣкъ безъ всякой технической подготовки. Какъ всѣ приіскатели, онъ былъ увѣренъ, что найдетъ сокровища и, должно быть, въ надеждѣ на нихъ съ утра до ночи игралъ въ стуколку. Вообще эта игра имѣла необыкновенный ходъ въ Сибири; даже дѣвочки лѣтъ 15 считали ее самымъ пріятнымъ времяпрепровожденіемъ. Въ Томскѣ ставка доходила до 5 рублей.

«Отъ Тобольска до Томска водой считаютъ 2.500 вер., а впрочемъ, никто не мѣрилъ. Ничего нельзя себѣ представить болѣе унылаго, какъ берега въ нижнемъ теченіи Иртыша и той части Оби, которую пришлось намъ проплыть. Они низменны и поросли тальникомъ; настоящихъ лѣсовъ не видно, — удалены отъ береговъ на весьма далекое разстояніе. Хотя мы ѣхали въ іюлѣ, но разливъ былъ еще весьма значителенъ, зачастую кромѣ воды ничего не видно было; пейзажъ по временамъ разнообразился лишь островами тальника. Если иногда и показывался берегъ, то опять тотъ же тальникъ и ничего другого. Мѣсть сколько нибудь возвышенныхъ очень мало, потому и деревни встрѣчаются рѣдко, да и тѣ въ большіе разливы затопляются. Когда мы проѣзжали, жалобы на разливъ слышались вездѣ, потому ловъ рыбы еще не начинался, скота некуда было выгнать. Хлѣбопашества здѣсь нѣтъ, да и быть не можетъ, по причинѣ же разливовъ и скотоводство слабо развито. Скотъ былъ до такой степени заморенъ, что мясо не имѣло никакого вкуса; разъ даже гражданскіе арестанты отказались принять только что убитую скотину. Весь край находился въ рукахъ немногихъ капиталистовъ. Съ однимъ изъ нихъ пришлось познакомиться въ Сургутѣ (до 300 жителей); онъ принялъ насъ очень радушно, поставилъ хорошую закуску, чай съ московскими сухарями и сайкой (они тогда были въ большомъ ходу по всей Сибири, какъ теперь бисквитное печенье). Его называли полнымъ властелиномъ всего Сургутскаго края, сырье котораго: мѣха, кожи, мамонтовую кость онъ отвозилъ на нижегородскую ярмарку. Я пожелалъ купить себѣ что-нибудь на память и онъ предложилъ мнѣ за два рубля небольшой мамонтовый клыкъ; потомъ оказалось, что клыкъ и гроша не стоилъ, такъ какъ весь прогнилъ. Во время нашего проѣзда у него гостилъ молодой сынъ, чи-

новникъ изъ Березова.—Что Сургутъ, говорилъ онъ, гиблое мѣсто; совсѣмъ другое дѣло Березовъ, тамъ прекрасное общество, жизнь идетъ очень весело, каждый день бываетъ стуковка по 2 р. ставка.

«Отъ Сургута до Нарыма кажется болѣе 700 верстъ, на всемъ этомъ разстояніи настоящихъ деревень только одна; за то въ этой сторонѣ много кочуетъ остяковъ. На нихъ мы возлагали большія надежды въ продовольственномъ отношеніи; какъ только бывало показывалась лодочка съ остякомъ, все на пароходѣ приходило въ движеніе: начинали подавать ему знаки, чтобъ спѣшилъ причалить къ пароходу,—такъ всѣмъ хотѣлось полакомиться свѣжею рыбою; но ловъ почти не начинался и въ большинствѣ случаевъ остякъ не обращалъ вниманія на наши призывы. Видали издали ихъ лѣтнія становища; разъ удалось въ одной русской деревнѣ встрѣтить остяцкую семью, но, завидя насъ, она разбѣжалась, куда кто могъ. Потомъ оказалось, что они насъ приняли за чиновниковъ. По поводу остяковъ у насъ были постоянныя столкновенія съ капитаномъ, онъ не шутилъ сердился, говоря, что мы совсѣмъ избалуемъ ихъ; что гдѣ мы даемъ за десятокъ средней величины стерлядей 50 к., совершенно достаточно фунта махорки (10 к.) или небольшой краюхи хлѣба.

«Выше Нарыма (въ немъ считали тогда до 1000 жителей) характеръ страны мало по малу мѣняется; берега дѣлаются болѣе возвышенными, нерѣдко встрѣчаются лѣса, хотя настоящихъ по близости береговъ все-таки не случилось видѣть. Чаше и чаще попадаютъ большія и хорошо выстроенныя деревни, хлѣбъ уже сѣется и изрядно родится, лѣсъ и рыбные промыслы служатъ хорошимъ подспорьемъ».

Конечно, партію сопровождалъ офицеръ конвойной команды, которая находилась на баржѣ; былъ-ли кто-нибудь изъ нихъ на пароходѣ—не помню; вѣроятно былъ какой-нибудь унтеръ; сохранилось только въ памяти, что при всѣхъ остановкахъ мы свободно сходили на берегъ и иногда дѣлали нѣсколько верстъ, чтобъ добраться до живого поселенія, какъ напр., въ Нарымѣ; конвойные при этомъ не столько сопровождали насъ, сколько занимались разными коммерческими оборотами.

«Наконецъ, кончилось утомительное по однообразію плаваніе по Оби; мы вошли въ Томъ, ширина которой въ обыкновенное время не выше 400 саж. Томъ имѣетъ высокіе берега, вода въ ней зеленоватая и особенно красива въ солнечный день. Мы всѣ словно ожили, когда пароходъ вошелъ въ эту рѣку, отчасти и потому, что близился конецъ нашего воднаго странствованія: до Томска оставалось не больше 60 вер. Но командиръ парохода не раздѣлялъ нашу радость; вода стала такъ быстро спадать, что явилось опасеніе за возможность пароходу, особенно баржамъ, подойти къ самому Томску. Къ счастью этого не случилось, и мы были уже верстахъ въ семи отъ Томска. Если тутъ и наткнулись на какую-то мель, что насъ задержало часовъ на пять, то это рѣшительно ничего не значило, такъ какъ ни одинъ пароходъ не проходилъ благополучно въ этомъ мѣстѣ».

Едва пароходъ сталъ подходить къ пристани, какъ среди довольно многочисленной публики, толпившейся на берегу, я замѣтилъ Рудомину (онъ недолго оставался въ Петербургѣ и еще зимнимъ пу-

темъ отправился въ западную Сибирь, гдѣ и былъ водворенъ въ Томскѣ); а какъ только установилось сообщеніе съ берегомъ, Рудомина съ двумя польскими дамами пришелъ на пароходъ; дамы предложили женѣ поселиться у нихъ и увезли ее къ себѣ.

Высадка съ парохода не заняла много времени; не то было съ баржей, гдѣ, какъ я уже говорилъ, находилось около 500 человѣкъ. Затѣмъ началась приемка. Какой-то гарнизонный или этапный офицеръ, уже немолодой, спрашивалъ наши фамиліи, причемъ ко всѣмъ полякамъ адресовался съ вопросомъ: съ кондъ панъ? и очень обрадовался, получивъ отъ кого-то въ отвѣтъ:—изъ Люблина.—Я тамъ былъ очень пріятный городъ. Вообще офицеръ старался быть сколько возможно любезнѣе, особенно по отношенію къ дамамъ, что при его замухрышной фигурѣ производило довольно комическій эффектъ. Кромѣ Рудомина мнѣ еще представился Леонъ Самаринъ. Онъ въ мое время былъ студентомъ спб. университета; почему-то осенью 61 г. его имя было окружено нѣкоторой атмосферой недовѣрія; затѣмъ совершенно неожиданно узнаемъ въ началѣ 63 года, что онъ арестованъ въ Вильно и осужденъ въ солдаты, причемъ ему въ вину, помнится, было поставлено намѣреніе уйти въ банду. Теперь онъ оказался солдатомъ въ томскомъ гарнизонномъ баталіонѣ.

Наконецъ мы тронулись въ путь; отъ мѣста остановки парохода до острога было нѣсколько верстъ,—но погода стояла отличная и пройти было только одно удовольствіе. Рудомина сопровождалъ меня. Первая новость, и притомъ крайне важная, которую онъ сообщилъ, была о такъ называемомъ кругобайкальскомъ возстаніи. На всѣхъ эта новость произвела удручающее впечатлѣніе, такъ какъ прямымъ послѣдствіемъ этого дѣла надо было ожидать ухудшенія режима ссыльныхъ въ Сибири.

Далѣе, Рудомина объяснилъ мнѣ, что имъ уже приняты надлежащія мѣры, чтобъ помѣстить меня въ острогъ возможно удобнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, когда пришли къ острогу, смотритель сейчасъ же отдѣлилъ меня и еще нѣсколько человѣкъ; всѣхъ остальныхъ направилъ въ настоящій арестантскій корпусъ, а для насъ оказалось особое помѣщеніе.

Свою, сравнительно, небольшую квартиру смотритель разбилъ на маленькія клѣтушки и превратилъ ихъ въ номера, которые и сдавалъ, кѣмъ нибудь рекомендованнымъ ему, пересылаемымъ политическимъ за умѣренное вознагражденіе, даже не таксированное, а кто что дастъ при отъѣздѣ ¹⁾. Когда я устроился, Рудомина сейчасъ же предложилъ мнѣ пойти съ нимъ въ городъ къ Булгаку, у которыхъ остановилась жена.—Какъ, развѣ это можно? (даже въ Тобольскѣ не допускались такія вольности; только изрѣдка, и то съ особаго разрѣшенія Д. З-ча, позволялось сходить на базаръ для покупокъ).—Можно, я уже переговорилъ съ смотрителемъ.—Да вѣдь меня не пропустить караульный (квартира смотрителя была у самой калитки); нѣтъ, я хочу лично услышать отъ смотрителя. Рудомина разыскалъ

¹⁾ Въ пользу смотрителя оставались еще и кормовые, такъ какъ всѣ жившіе у него кормились за свой счетъ.

смотрителя и тотъ сказалъ, что я могу итти въ городъ. Послѣ того я уже не спрашивалъ смотрителя, и ходилъ, когда вздумается,—обыкновенно съ утра, а возвращался къ вечеру; караульный же всѣхъ изъ квартиры смотрителя пропускалъ безпрепятственно. По времени, наконецъ, у меня зашевелилась совѣсть; разъ и говорю смотрителю: пожалуйста, скажите откровенно, нисколько не стѣсняясь, не затрудняятъ ли васъ мои отлучки въ городъ, я не желаю злоупотреблять вашей любезностью.—Ходите, лаконически отвѣтилъ смотритель. Онъ вообще былъ крайне скупъ на разговоръ. Точно также и всѣ прочіе, жившіе у смотрителя уходили въ городъ безвозбранно.

Партію отправили дня черезъ два; но насъ составила компанія ѣхать до Красноярска на свой счетъ; подали объ этомъ заявленіе и были задержаны, пожалуй даже забыты, потому что только послѣ неоднократныхъ хожденій въ полицію и настоятельныхъ просьбъ съ нашей стороны, дней черезъ десять добились отправки.

Я каждый день видался съ Рудомина; онъ былъ человѣкъ со средствами и недурно устроился въ Томскѣ. Красивый собой, хорошо воспитанный, Рудомина вездѣ былъ принятъ, былъ даже въ модѣ, приглашали на вечеръ «съ Рудоминой». Потому что только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ оказался въ курсѣ не только дѣлъ мѣстной ссыльной колоніи, но и вообще городскихъ отношеній. Въ Томскѣ было много ссыльныхъ поляковъ, и между ними не малое число нелегалныхъ, т. е. бѣжавшихъ съ каторги или съ мѣстъ причисленія.

Архаическая мѣстная администрація, несмотря на нѣкоторую острастку послѣ дѣла „сибирскихъ сепаратистовъ“, вѣроятно, многое знала, но не принимала никакихъ особенныхъ мѣръ. А что касается до мѣстнаго жандармскаго начальника Тица, то вотъ какъ онъ себя держалъ. Онъ нанималъ домъ, при которомъ былъ большой садъ, нанималъ ради сада. Но въ другомъ домѣ того же хозяина поселились Булгаки; у нихъ съ утра до ночи было становище и легальныхъ и нелегалныхъ поляковъ. Тогда Тицъ пересталъ выходить въ садъ, чтобы какъ нибудь не столкнуться и не вызвать исторіи.

Посѣщалъ Булгаковъ ежедневно и я, такъ какъ именно у нихъ пользовалась радушнымъ гостепріимствомъ моя жена. Булгаки (изъ Могилевской губерніи) были люди уже не молодые; старикъ во второй разъ попалъ въ Сибирь и даже въ Томскъ; въ первый разъ онъ былъ сосланъ въ 40-хъ годахъ. Какъ Булгаки, такъ и жившій съ ними докторъ (Добровольскій?), равно и жена послѣдняго, были люди не только образованные, но и передовыхъ идей; такъ, дамы были горячими поклонницами Жоржъ-Зандъ и исповѣдницами идей женскаго равноправія, тогда совѣмъ непопулярныхъ между польскими женщинами.

Докторъ имѣлъ хорошую практику и кромѣ того занимался въ острожной больницѣ. Разъ при мнѣ онъ вернулся домой, видимо, чѣмъ то разстроенный; успокоившись нѣсколько, рассказалъ слѣдующее: ему въ этотъ день пришлось оказывать медицинскую помощь одному арестанту, только что наказанному за побѣгъ съ каторги.

Несчастный былъ, помнится, литвинъ; онъ чуть ли не десять разъ бѣгалъ, попадался въ Западной Сибири и, наказанный, вновь

высылался на каторгу.—Не могу, говорилъ онъ, усидѣть; какъ только подходитъ весна, такъ и тянетъ на родину.—Что же, ты и еще разъ побѣжишь? спросилъ докторъ.—Да вотъ поправиться, дойти до каторги, да дожить бы до весны, а тамъ, кто знаетъ—усижу ли.

Бывалъ еще я у нѣкогого Иванова, средней руки обывателя, онъ состоялъ чѣмъ то довѣреннымъ по дѣламъ. Въ свое время Рудомина, характеризуя мѣстное общество, говорилъ мнѣ, что въ Томскѣ единственный разговоръ о картахъ.

Разъ Ивановъ устроилъ для меня обѣдъ, на который кромѣ обязательнаго Рудомина, пригласилъ двухъ-трехъ пріятелей, несомнѣнно, изъ мѣстныхъ либераловъ; одинъ изъ нихъ даже высидѣлъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ за непочтительное отношеніе къ губернскимъ властямъ. И прежде всего разговоръ начался о томъ, кто и гдѣ вчера игралъ, а затѣмъ перешелъ на горячій протестъ противъ произвола губернатора, запретившаго въ клубѣ какую-то игру; всѣ соглашались, что такъ дѣло оставить нельзя, а надо обжаловать минист. вн. дѣлъ. За обѣдомъ зашла рѣчь о Б—и, недавнемъ жильцѣ Иванова, только что передъ моимъ пріѣздомъ вернувшимся въ Россію. Ивановъ восторженно говорилъ о Б—и—Ученѣйшій человѣкъ, все писалъ, все писалъ и мнѣ все написанное читалъ.—О чемъ же онъ писалъ?—Да все о государствѣ.—Это правда, заговорила жена Иванова, Б—и очень хорошіе люди, добрые, простые, можно сказать, рѣдкіе люди, только ужъ очень неосторожны; у нихъ маленькая дочка, лѣтъ пяти-шести, такъ вѣдь она при всѣхъ громко говоритъ: ни ц... ни б... не надо.—Ты ничего не понимаешь, съ жаромъ прервалъ ее довольно тучный супругъ, весь при томъ раскраснѣвшійся отъ плотнаго обѣда. Ты думаешь, что они такіе же люди, какъ и мы? нѣтъ, они пропагандисты; что бы они не дѣлали, прежде всего пропагандируютъ; мы вотъ просто ѣдимъ, а они, когда и ѣдятъ, то и тутъ пропагандируютъ. Супругъ оставалось только замолчать отъ такой энергической отповѣди.

Послѣ обѣда сынъ Иванова, только что покинувшій 5 классъ гимназіи, увелъ меня въ садъ, и тамъ послѣ разговора о дѣлѣ Г. Н. Потанина и Комп., держалъ такую рѣчь:—конечно, послѣ этой исторіи здѣсь нѣкоторая заминка въ политикѣ; но мы все-таки дѣла не бросаемъ. У насъ въ Томскѣ двѣ партіи—умѣренная и радикальная; первая это Леонъ Самаринъ, а радикальная—я.—Что же вы дѣлаете?—Да пока присматриваемся.

Когда мы возвращались съ Рудоминой, онъ замѣтилъ мнѣ:—вотъ вы сегодня видѣли, кажется, всѣхъ томскихъ либераловъ.

За время моего пребыванія въ Томскѣ я исходилъ городъ вдоль и поперекъ. Несмотря на то, что и тогда Томскъ былъ очень оживленнымъ и даже главнымъ торговымъ городомъ Сибири, съ внѣшней стороны онъ выглядѣлъ весьма неказисто, а на многихъ улицахъ навозъ былъ въ такомъ же изобиліи, какъ на скотномъ дворѣ. Для туриста самой главной достопримѣчательностью являлись развалины собора, начатаго постройкой въ 40-хъ годахъ,—обрушился куполъ. Такія же развалины вскорѣ пришлось увидѣть въ Красноярскѣ, тоже по причинѣ крушенія купола. Планы были высланы изъ Петербурга,

но, какъ объясняли мнѣ, мѣстные строители употребляли кирпичъ болѣе тяжелый.

Изъ частныхъ построекъ выдѣлялись: домъ раззорившагося золотопромышленника Горохова, въ немъ находилось общественное собраніе, и И. Д. Асташева, золотопромышленника, миллионера, какъ о немъ говорили. Асташевъ въ началѣ 40-хъ годовъ былъ незначительнымъ чиновникомъ въ Томскѣ. О началѣ его карьеры мнѣ рассказывали: два золотопромышленника Енисейской губерніи, владѣя пополамъ однимъ богатымъ пріискомъ, возгорѣли желаніемъ вытѣснить другъ друга изъ дѣла; начался процессъ, который и тянулся безъ всякаго результата, пока одна сторона не взяла себѣ въ повѣренныя Асташева на условіи: въ случаѣ выигрыша дѣла онъ получитъ 25 паевъ. Съ этого момента процессъ сталъ принимать явно неблагопріятное направленіе для другой стороны. Тогда и она пригласила Асташева, тоже предложивъ ему 25 паевъ. Кончилось тѣмъ, что Асташевъ помирилъ стороны, получивши съ каждой по 25 паевъ; а по времени сталъ и единственнымъ владѣльцемъ. Постепенно въ руки Асташева перешли очень богатые пріиски совѣмъ запутавшагося Горохова, а также и другія дѣла; такъ что онъ сталъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ золотопромышленниковъ. У Асташева была своя система, благодаря которой его дѣло рѣзко выдѣлялось отъ другихъ: поразительно нищенскіе оклады жалованья служащимъ и крайне низкая рабочая плата; за то царило повальное воровство; въ этомъ отношеніи за асташевскими служащими установилась столь прочная репутація, что они лишь съ трудомъ находили службу въ другихъ компаніяхъ, если почему нибудь оставляли асташевское дѣло. Все это не мѣшало И. Д. стать камергеромъ и въ мое время пользоваться всякимъ почетомъ и уваженіемъ.

Только по дорогѣ отъ Томска въ Красноярскъ началось мое нѣкоторое знакомство съ Сибирью. Наша компанія ѣхала въ трехъ экипажахъ; хотя мы въ Томскѣ заплатили прогоны за почтовыхъ, но везли насъ на обывательскихъ. Отсюда вѣчная ругань содержателей обывательскихъ подводъ съ нашими конвоирами (казаками, какъ они назывались) и всякія задержки; кромѣ того мы и сами ежедневно останавливались на ночлегъ, для чего пріискивали какую нибудь болѣе удобную крестьянскую избу. Наши конвоиры ничего изъ себя грознаго не являли, а были обязательнѣйшей прислугой.

Дорога отъ Томска до Красноярска нѣсколько гористая, встрѣчаются частые и хорошіе лѣса; деревни, меня, видѣвшаго только вологодскій край, поражали своей величиной,—въ 200, 300 и болѣе дворовъ. Много очень хорошо выстроенныхъ домовъ, но часто встрѣчались полуразвалившіяся избы, съ заколоченными окнами. На вопросъ о послѣднихъ, всегда получался одинъ отвѣтъ: — ходятъ на пріиски, хозяйство совѣмъ забросили. Бросалась въ глаза и зажиточность сибиряка по сравненію съ нашимъ сѣвернымъ крестьянствомъ; большія стада сытаго и крупнаго рогатаго скота приводили въ немалое удивленіе моихъ спутниковъ—поляковъ (они всѣ были изъ западнаго края); крѣпкія лошади лихо мчали насъ. И рядомъ съ этимъ вездѣ рѣзали глазъ въ большомъ числѣ не то нищія, не то безпріютныя

старики поселенцы. Но что особенно поражало, и притомъ въ горячую лѣтнюю пору, это обиліе пьяныхъ, даже въ будничные дни они цѣлыми толпами двигались по деревнямъ, а непечатная брань просто заполняла воздухъ. Безъ нея, казалось, сибирякъ не могъ выговорить двухъ словъ; старикъ Новицкій просто диву давался, да головой покачивалъ; помню разъ говорилъ онъ: — въѣзжая въ сибирскую деревню надо плотно затыкать уши.

Не могъ не замѣтить я основной особенности хозяйственного распорядка сибирской деревни; ее прежде всего окружаетъ выгонъ, діаметръ котораго, смотря по размѣру деревни, превышалъ иногда десятокъ верстъ. Только за выгономъ начинались поля, дѣленные земли, и еще дальше, такъ называемыя, заимки. Такой хозяйственный складъ, конечно, исключалъ возможность удобренія и велъ къ большой потерѣ времени; но за все вознаграждалъ просторъ еще мало тронутыхъ земель и плодородіе почвы. Выгонъ въ Сибири называется «поскотиной»; какъ при въѣздѣ въ него, такъ и выѣздѣ, всегда были затворенные отводы; тутъ же въшалашъ находился, за ничтожную плату по найму отъ деревни, какой-нибудь старикъ, который днемъ и ночью отворялъ отводъ для проѣзжающихъ. Къ слову о поскотинѣ.

Одно время судьба свела меня на прискахъ съ товарищемъ по университету О. П. Готовскимъ, кончившимъ курсъ на юридич. факультетѣ. — Что вы на первыхъ порахъ дѣлали въ Сибири, когда жили въ деревнѣ. — Стережь поскотину.

О. П. Готовскій хотя происходилъ изъ небогатой, но все же съ нѣкоторымъ достаткомъ семьи; его отецъ былъ нотаріусомъ въ Равѣ (Ц. Польское). Поляки въ Сибири первымъ дѣломъ ставили себѣ не получать денегъ изъ дому, а добывать средства къ существованію на мѣстѣ, не отказываясь ни отъ какого заработка (отъ казны ничего не шло). Вспоминается типичная фигура Мышковскаго (съ множественствомъ разныхъ титуловъ) изъ Ц. Польскаго. Разъ на прискахъ на официальный вопросъ жан. офицера Купенко, — что онъ дѣлалъ на родинѣ, Мышковскій отвѣчалъ: — странный вопросъ, былъ сынъ помѣщика (и очень богатаго).

Такъ вотъ этотъ сынъ помѣщика, водворенный въ деревню (Усть-Тунгузску или Казачинское — не помню), выучился свѣчи лить, сапоги тачать, колеса дѣлать и т. п. и группировалъ около себя всѣхъ прибывавшихъ туда ссыльныхъ. Я довольно близко зналъ въ Енисейскомъ краѣ, можетъ быть, съ сотню поляковъ и не помню ни одного, кто бы хоть что-нибудь получалъ изъ дому; напротивъ всякій при первой возможности старался откладывать на дорогу на случай разрѣшенія выѣзда.

Возвращаюсь къ дорогѣ. Другая особенность Сибирскаго тракта — это бѣглые, загорѣлые, какъ вороново крыло, «горбачи», такъ ихъ называли. Они попадались не только въ одиночку, но нерѣдко и небольшими группами, какъ по дорогѣ, такъ и проходящими днемъ черезъ деревни. Я какъ то при одной остановкѣ разговаривалъ о нихъ съ крестьяниномъ. — А много же у васъ идетъ бѣглыхъ. — Да много, прежде бывало деревни обходили стороной, или по ночамъ, а нынѣ даже и днемъ идутъ безъ всякой опаски, потому что отъ начальства есть

приказъ, чтобъ ихъ на мостахъ и переправахъ не задерживать.— Почему такой приказъ?—А разное говорятъ; одни сказываютъ, что сюда поляковъ шлютъ, а на ихъ мѣсто будутъ селить бѣглыхъ, другіе говорятъ, что въ Россіи хотятъ ссыльными чугунокъ строить.

На самомъ дѣлѣ особенная снисходительность начальства за это время объясняется сильнымъ неурожаемъ, который уже не первый годъ господствовалъ въ Иркутской губерніи и Забайкальи; потому тамъ, на каторгѣ, смотрѣли совсѣмъ сквозь пальцы на побѣги, такъ какъ благодаря имъ администрація избавлялась отъ заботъ прокормленія лишнихъ ртовъ.

— А что, не пошаливаютъ они у васъ?

— Нѣтъ, подходятъ и просятъ хлѣба, ну имъ и даютъ.

Но всякому путешествію бываетъ конецъ; въ одинъ довольно сѣренькій день, проѣхавъ деревню Заледѣво, въ семь верстъ длиною, но какъ и всѣ подгородныя деревни въ Сибири, довольно-таки бѣдную, мы вскорѣ завидѣли Красноярскъ. Миновавъ его окраину, Теребиловку (потому что и днемъ тамъ не совсѣмъ безопасно было показываться) сначала направились въ полицейское управленіе; тамъ никакого начальства не оказалось; повезли насъ на квартиру полицеймейстера Борщова,—его дома не было. Наши конвоиры не знали, что и дѣлать. Между тѣмъ, наши экипажи замѣтилъ проходившій полякъ изъ ссыльныхъ, д-ръ Демартре, и подошелъ къ намъ. Узнавъ мою фамилію, онъ сказалъ, что обо мнѣ есть уже распоряженіе губернатора оставить меня въ Красноярскѣ. По его совѣту поѣхали въ какой-то домъ, гдѣ долженъ былъ находиться въ гостяхъ полицеймейстеръ. Тамъ его и нашли. Борщовъ отдалъ приказъ отвезти насъ въ пересыльную. Между тѣмъ жена отправилась къ довѣренному Сидорова С. И. Розингу, такъ какъ брать ея уже уѣхалъ въ Петербургъ; это узнали отъ Демартре. Вскорѣ Розингъ пріѣхалъ въ пересыльную, предъявилъ какую-то записку, и я былъ выпущенъ. Дѣйствительно, по просьбѣ золотопромышленника Ал. Кир. Щепетковскаго, добрейшаго человѣка, и за его поручительствомъ, мнѣ было разрѣшено проживать въ Красноярскѣ, съ причисленіемъ въ Минусинскій уѣздъ, сначала въ Шушинскую волость, а потомъ въ Лубенскую.

Съ этого времени началась моя восьмилѣтняя жизнь въ Енисейской губерніи, содержаніе которой уже не представляетъ интереса для читателей «Былого». Скажу только, что «страшный» Замятинъ, вообще крайне недалекій и достаточно-таки взбалмошный ¹⁾, по отноше-

¹⁾ Вотъ характерный случай его взбалмошности. Въ 66 году проѣзжала черезъ Красноярскъ научная экспедиція, снаряженная Академіей Наукъ, для изслѣдованія Туруханскаго края; она состояла изъ академика О. В. Шмидта, А. П. Шапова и гор. ин. Ин. Ал. Лопатина. Съ разрѣшенія Замятина, экспедиція взяла съ собой сосланнаго поляка Феликса Пав. Мерло, который выразилъ согласіе пробыть два года близъ устья Енисея для производства метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій. Экспедиція вернулась осенью того же года, а Мерло остался на мѣстѣ; Замятинъ оиить ничего противъ этого не возражалъ. Прошелъ съ чѣмъ то годъ; разъ Замятинъ, просматривая списки ссыльныхъ, пришелъ въ священный ужасъ, что есть

нію ко мнѣ во многихъ случаяхъ, и при томъ довольно щекотливыхъ, держалъ себя съ большимъ тактомъ. Не прошло, можетъ быть, и трехъ недѣль, какъ я устроился въ Красноярскѣ, а Замятинъ получилъ изъ Иркутска телеграфный запросъ: почему Пантелѣевъ оставленъ въ Енисейской губерніи? Онъ отвѣтилъ, что на основаніи распоряженія тобольской экспедиціи о ссыльныхъ. Послѣ того вскорѣ пришла изъ Иркутска бумага о высылкѣ меня туда. Замятинъ по моей просьбѣ отложилъ ея исполненіе до ожидаемаго проѣзда генералъ-губернатора Корсакова. Тотъ сказалъ, что если меня не требуютъ въ Иркутскъ по какому-нибудь дѣлу, то можно оставить въ Красноярскѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія изъ Петербурга. Оказалось, что въ Петербургѣ былъ возбужденъ вопросъ о неправильномъ примѣненіи ко мнѣ указа 16 апрѣля. Мѣсяца черезъ два тестъ телеграфировалъ, что все кончилось благополучно, а потомъ писалъ, что въ концѣ концовъ III отдѣленіе рѣшило: хотя и сдѣлана яко бы въ отношеніи меня ошибка, тѣмъ не менѣе оставить на поселеніи.

Но Валуевъ, можетъ быть, не безъ давленія Шувалова, притянулъ Деспота-Зеновича къ отвѣту въ Сенатѣ. Однако, Сенатъ нашелъ, что Деспотъ Зеновичъ поступилъ совершенно правильно, примѣнивъ ко мнѣ указъ 16 апрѣля.

Л. Пантелѣевъ.

Р. С. Можетъ быть черезъ мѣсяцъ, какъ я поселился въ Красноярскѣ, разъ вечеромъ прислуга говоритъ, что меня кто-то спрашиваетъ. Я выхожу въ полутемную залу и тамъ наталкиваюсь на В. К—го. Видъ его привелъ меня въ полное замѣшательство.—Что вамъ угодно?—Я бы хотѣлъ объясниться.—Дѣлать нечего, предложилъ ему пристѣсть. Путаясь, онъ сталъ объяснять, что мой арестъ произошелъ не по его винѣ, что комиссія имѣла относительно меня какія-то стороннія свѣдѣнія, что онъ только подтвердилъ ихъ.—Прекрасно,—помнится, отвѣчалъ я, нѣсколько придя въ себя,—вы поступили, какъ находили за лучшее и, значить, намъ не о чемъ болѣе продолжать разговоръ. У меня не хватило духу напомнить ему его поведеніе въ судѣ. Вѣроятно, этотъ визитъ былъ вызванъ тѣми крайними неудобствами, которыя В. К—му приходилось выносить въ пути отъ своихъ земляковъ.

Л. П.

такой политической, который находится въ фактическаго надзора полиціи, а именно—Мерло. Немедленно помчалась эстафета Туруханскому отдѣльному застѣдателью съ приказомъ сейчасъ же забрать Мерло и доставить его въ Красноярскъ. Все это, конечно, и было въ точности исполнено. Мерло, ничего не зная, зачѣмъ его везутъ, по прибытіи въ Красноярскъ, былъ отпущенъ на свободу и, по нѣкоторомъ времени, даже получилъ разрѣшеніе уѣхать на енисейскіе пріиски. Надо еще прибавить, что въ то время въ устьи Енисея не приходили суда изъ Европы.

Наблюденія Мерло, хотя и незаконченныя, были въ свое время напечатаны въ Извѣстіяхъ нашей Академіи Наукъ.

Первое марта 1881 г. и варшавскіе россіяне.

По временамъ мнѣ весьма приходится сожалѣть о томъ, что мною не была усвоена привычка вести запись видѣннаго и слышаннаго. Обыкновенно это чувство посѣщаетъ меня, когда я читаю какіе-либо дневники или мемуары, или когда въ бесѣдахъ о прошломъ вспоминаешь тѣ или другія «исторіи», а не то и просто отдѣльныя обстоятельства, свидѣтелемъ которыхъ приходилось быть по волѣ судьбы. Въ особенности часто испытываю я сожалѣніе по указанной причинѣ, вспоминая разные эпизоды изъ своей варшавской жизни въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, изъ періода, къ которому относится и то, что я собираюсь рассказать въ этой замѣткѣ.

Мысль о написаніи настоящаго разсказа возникла у меня при чтеніи мартовской книжки «Былого» за прошлый годъ, въ значительной мѣрѣ посвященной событію 1 марта 1881 года, и вотъ сегодня, въ новую годовщину катастрофы, оказавшей такое громадное вліяніе на наши внутреннія судьбы, я привожу свое намѣреніе въ исполненіе. То, что я собираюсь рассказать,—фактъ мелкій, далеко не соответствующій грандіозности событія, но именно потому его и стоитъ отмѣтить, какъ черточку, кое-что дающую для характеристики настроеній нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ группъ въ мартѣ 1881 г.

Какъ я уже упомянулъ, въ то время я жилъ въ Варшавѣ, профессорствуя въ тамошнемъ университетѣ. Польское общество для насъ, «россіянъ», почти не существовало, и даже по отношенію къ тѣмъ немногимъ русскимъ, которые все-таки находились въ какомъ-нибудь общеніи съ поляками, со стороны послѣднихъ можно было наблюдать одну сдержанность, которая и насъ заставляла избѣгать разговоровъ на щекотливыя темы. Если мнѣ и доводилось бесѣдовать со знакомыми поляками о значеніи событія, то почти исключительно на тему, ихъ интересовавшую съ чисто національной точки зрѣнія: чего-де можно ожидать для Польши отъ новаго императора. Какъ извѣстно, въ концѣ царствованія Александра II по отношенію къ Царству Польскому начались кое-какія льготы и уступки, поселявшія въ польскомъ обществѣ надежды на лучшее будущее,—которымъ, какъ потомъ оказалось, не суждено было сбыться. Съ другой стороны, о томъ, какъ было принято извѣстіе о событіи въ народной

массѣ, я тотчасъ же узналъ со словъ своей прислуги, польки. Эта особа, считавшая меня «россіяниномъ» и даже не допускавшая, «жебы панъ (т. е. я) былъ москалемъ», приходившая ко мнѣ однажды жаловаться на своего мужа, который ее обругалъ «москewкою», безъ всякихъ дипломатическихъ околичностей сообщила мнѣ, что «цесаржа забилъ якись ксендзъ»,—такая была молва въ народѣ и что Богъ это допустилъ за преслѣдованіе вѣры. Быть можетъ, впрочемъ, такое объясненіе лично принадлежало пани Винцентовой, у которой была уніатская родня.

Гораздо больше доступно было моему наблюденію русское общество. Половина профессорскаго состава была русская, а кромѣ того, я, по примѣру многихъ соотечественниковъ, жившихъ на холостомъ положеніи, пользовался, какъ рестораномъ, столовой русскаго клуба, гдѣ притомъ можно было въ читальнѣ имѣть массу журналовъ и газетъ; поневолѣ тамъ приходилось встрѣчать массу всякаго народа, собиравшагося главнымъ образомъ для игры въ карты. Въ извѣстные дни въ этомъ учрежденіи происходили особыя собранія съ патріотическимъ характеромъ, и тогда я уже искалъ себѣ пріюта гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Варшавскій россійскій патріотизмъ былъ прежде всего обрусительствомъ, хотя въ немъ, конечно, были и другіе ингредиенты, изъ смѣси которыхъ состоитъ теперешнее черносотенство. Настоящимъ богомъ варшавскихъ обрусителей въ это время былъ попечитель учебнаго округа Апухтинъ, а особенно разжигался тогда этотъ своеобразный патріотизмъ «контрами», въ какихъ духовный вождь обрусителей находился съ «полякующимъ» генераль-губернаторомъ Альбединскимъ.

Судьбѣ было угодно, чтобы я узналъ о трагическомъ концѣ Александра II какъ разъ въ этомъ самомъ русскомъ клубѣ и сдѣлался свидѣтелемъ того, какъ принята была вѣсть о событіи 1 марта въ самомъ «центрѣ русской жизни» города Варшавы. Вечеромъ 1 марта въ залѣ клуба былъ назначенъ какой-то концертъ, и я рѣшилъ не заходить въ этотъ вечеръ въ клубъ поужинать и почитать газеты, какъ это почти всегда дѣлалъ. Весь день послѣ ранняго обѣда я провель дома за работой, и только позднимъ вечеромъ вышелъ прогуляться и зайти куда-нибудь закусить. Мой путь лежалъ мимо клуба, и я очень удивился, не увидѣвъ около его подъѣзда экипажей. Собразивъ, что, вѣроятно, концертъ кончился, я рѣшилъ зайти. Оказалось, что и въ передней было довольно ограниченное количество верхняго платья, между тѣмъ для окончанія концерта часъ былъ еще довольно ранній. Изъ прислуги на мѣстѣ былъ только одинъ швейцаръ. «Что же, спрашиваю, концертъ значить не состоялся, никто не пріѣхалъ?»—Какъ не пріѣзжали! Много пріѣзжало, да всѣхъ назадъ отправляли: какіе тутъ концерты, когда государя убили! Развѣ вы этого не знаете? «Какъ такъ! Что вы говорите?»—Да вотъ извольте сами прочесть: въ столовой телеграмма вывѣшена.—Говорилъ все это швейцаръ взволнованнымъ голосомъ, да и на немъ самомъ что называется лица не было. Его волненіе передалось и мнѣ независимо отъ содержанія извѣстія.....

Я опрометью бросился въ столовую, и былъ моментъ, когда я

подумалъ, что это неправда, что швейцаръ сошелъ съ ума, что своими безумными рѣчами онъ и заставилъ уѣхать всѣхъ прїѣхавшихъ на концертъ. Трудно было не сдѣлать такого предположенія при видѣ того, что происходило въ ближайшихъ комнатахъ. Ихъ нужно было пройти двѣ, прежде нежели попасть въ столовую, а въ этихъ двухъ комнатахъ все было, какъ въ обычные дни нѣсколько бѣльшаго притока публики. По комнатамъ на обычныхъ мѣстахъ стояли столики, съ двумя свѣчами на противоположныхъ углахъ каждаго; за столиками, какъ водится, сидѣло по четыре человѣка съ картами въ рукахъ, нѣкоторые въ военной формѣ, другіе въ партикулярномъ платьѣ; такъ же какъ всегда, было накурено. И въ остальномъ все, какъ полагается по заведенному порядку: сосредоточенно-озабоченныя лица игроковъ, короткія восклицанія о червяхъ и бубнахъ, и нѣсколько скупающихся фигуръ, присоединившихся къ уголку того или другого столика для безмолвнаго созерцанія чужой игры.

У меня еще звучали въ ушахъ слова швейцара: «развѣ вы не знаете, что государя убили?»—а тутъ эта повседневная картина клубныхъ картежныхъ комнатъ, какъ будто ничего не случилось. И у меня мелькнула мысль: швейцаръ, очевидно, рехнулся.

Въ столовой, однако, около маленькой дверцы, изъ которой былъ ходъ по узенькой и крутой лѣстницѣ въ читальню, дѣйствительно, висѣла припиленная булавкой къ обоямъ бумажка: это и была телеграмма. Еще болѣе взволнованный подтвержденіемъ извѣстія, я бросился наверхъ, въ читальню, къ газетамъ, какъ будто въ нихъ что-нибудь можно было найти о томъ, что совершилось.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ пришлось опять увидѣть картежниковъ и на этотъ разъ невольно слышать ихъ разговоръ по поводу совершившагося. И на этотъ разъ не было никакого отступленія отъ установившагося обычая. У одного конца не особенно длиннаго обѣденнаго стола,—я сидѣлъ одинъ у другого конца,—сидѣла небольшая, человѣкъ въ десять-двѣнадцать, компанія только что окончившихъ карточную игру. Были больше военные, въ высшихъ чинахъ, пожилые, старые, большею частью все знакомыя мнѣ лица, хотя мало кого изъ нихъ я и тогда могъ бы назвать по имени. Сколько разъ за этимъ же самымъ столомъ я видѣлъ этихъ же самыхъ «генераловъ», и не одинъ разъ я задавалъ себѣ вопросъ, какое же должны получать жалованіе нѣкоторые изъ этихъ господъ, что такъ часто за ихъ скромными клубными ужинами послѣ картъ появляется шампанское. И на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ шампанскаго: быть можетъ, это былъ заведенный порядокъ для праздничныхъ вечеровъ (1 марта 1881 г. было въ воскресенье); быть можетъ пропивался выигрышъ,—кто ихъ знаетъ, но меня это шампанское на сей разъ какъ-то шокировало. Велся и разговоръ обычнымъ тономъ—тономъ нѣсколько утомленныхъ людей, безъ особеннаго внутренняго интереса къ предмету разговора, какъ и всегда эти люди обмѣнивались замѣчаніями о погодѣ, о картахъ, о балетѣ... Только тема на этотъ разъ для обычно вялой бесѣды была особая. Пока я ждалъ заказанной порціи, я слышалъ, какъ невдалекѣ отъ меня спорили, но безъ всякаго увлеченія, и о томъ, въ какой мундиръ одѣнуть тѣло покойнаго, и о томъ, отъ

какихъ частей какія будутъ дежурства у гроба, и еще о чемъ-то все въ томъ же родѣ. И если бы я не зналъ, что произошло, а только слышалъ этотъ разговоръ, я, право, могъ бы подумать, что умеръ какой-нибудь военный чинъ, товарищъ или знакомый собесѣдниковъ, къ которому, однако, всѣ они были безконечно равнодушны.

Черезъ годъ, по дѣламъ своимъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и завелъ тогда первыя свои знакомства въ литературномъ мірѣ. Событіе 1 марта еще не отошло въ область прошлаго; о немъ еще говорили, какъ о чемъ-то случившемся чуть не наканунѣ. «Ну, спрашивали меня, а у васъ въ Варшавѣ какое впечатлѣніе произвела вѣсть о катастрофѣ?» Мнѣ оставалось только рассказать то, что рассказано выше, быть можетъ, съ какими нибудь еще мелкими но характерными подробностями, теперь ускользнувшими изъ моей памяти. «Запишите,—сказалъ, помнится, кто-то: пригодится для *«Русской Старины»*. Отъ комментаріевъ я воздерживаюсь и не строю никакихъ гипотезъ относительно внутренняго смысла того, что я видѣлъ и слышалъ. Въ одномъ я убѣжденъ: это именно то, что умногихъ не было сколько-нибудь яснаго пониманія того, что совершилось и что отсюда могло или должно было произойти.

Le roi est mort, vive le roi! А политическіе разговоры въ ближайшіе дни шли почти исключительно на тему, кто же кого теперь съѣстъ—«истинно русскій» Апухтинъ или «полякующій» Альбединскій, которому приписывалась особая близость къ покойному государю. О степени политическаго пониманія, конечно, кое-что говоритъ и слѣдующій фактъ.

О манифестѣ 29 апрѣля того же 1881 г. я узналъ случайно на улицѣ отъ одного профессора, пользовавшагося, сказать къ слову, особымъ фаворомъ Апухтина. «Читали манифестъ?»—Какой?—«А вотъ сегодня въ газетахъ; я только что его прочиталъ».—Что же такое? Расскажите.—«Да ничего особеннаго, ну, говорится о необходимости хорошаго воспитанія молодежи и другое въ подобномъ родѣ». Sancta simplicitas! подумалъ я о своемъ истинно русскомъ коллегѣ, когда въ тотъ же день ознакомился съ содержаніемъ манифеста. Это «ничего особеннаго», о которомъ мнѣ тоже не разъ приходилось рассказывать, неволью сближается теперь въ моемъ умѣ съ воскресающими въ моей памяти видѣніями картежной и столовой русскаго клуба въ Варшавѣ позднимъ вечеромъ 1 марта 1881 года.

Н. Карѣвъ.

СПБ.

1 Марта 1907 г.

АНДРЕЙ ФРАНЖОЛИ.

(Очеркъ изъ движенія въ «народъ» въ 70-хъ годахъ и изъ послѣднихъ дней «Народной Воли»).

Въ тяжелые періоды борьбы съ абсолютизмомъ во всѣхъ странахъ появляются свои герои и мученики. Однимъ изъ нихъ бываетъ суждено сдѣлаться знаменитостями, другимъ погибнуть въ неизвѣстности, но если бы мы могли проникнуть въ сокровенную глубину ихъ душъ, то часто убѣдились бы, что и тѣ и другіе были одинаково полны самоотверженія и безкорыстной любви къ свободѣ и человечеству.

Едва ли кто нибудь помнитъ теперь Франжоли и Завадскую, за исключеніемъ оставшихся въ живыхъ ихъ товарищей, а между тѣмъ и въ томъ и въ другой скрывались всѣ задатки для того, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ, стать въ ряду самыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей своей родной страны, а героями они всегда были.

Франжоли родился въ бѣдной семьѣ, въ одной изъ тѣхъ жалкихъ квартиркъ города Херсона, гдѣ и до сихъ поръ обитаютъ семьи небогатыхъ ремесленниковъ и «разночинцевъ». Но и въ этомъ уголкѣ господствовало стремленіе пробиться къ свѣту и къ лучшей, въ идеальномъ смыслѣ, жизни. Только непреодолимое препятствіе—недостатокъ матеріальныхъ средствъ могло помѣшать молодому поколѣнію этой вѣчно нуждающейся семьи закончить свое образованіе такъ, какъ имъ хотѣлось этого. Одинъ изъ братьевъ Франжоли передъ поступленіемъ на должность сельскаго учителя попалъ въ Сибирь на каторгу, другой, по недостатку средствъ, получить среднее образованіе, принужденъ былъ еще мальчикомъ поступить въ булочную.

Только жизнь Андрея Франжоли пошла инымъ путемъ, чѣмъ у большинства людей...

По недостатку матеріальныхъ средствъ онъ долженъ былъ покинуть гимназію послѣ четвертаго класса, но черезъ три года выдержалъ экзаменъ на аптекарскаго помощника и поступилъ сначала въ одну изъ Херсонскихъ аптекъ. Но и тамъ неугомонная натура и природенная любовь къ наукѣ гнала его впередъ все далѣе и далѣе. Она заставляла его цѣлыя ночи проводить надъ книгами и въ 1877 го-

ду (несмотря на всѣ препятствія), онъ подготовился къ поступленію въ Петербургскій Технологическій Институтъ.

Однако сырой климатъ Петербурга сильно повліялъ на его легкія и черезъ годъ онъ снова долженъ былъ возвратиться въ Одессу, чтобы поступить тамъ фельдшерскимъ ученикомъ при городской больницѣ.

Въ это время среди учащейся молодежи только что начиналось большое стихійное движеніе «въ народъ», съ цѣлью слиться съ простой крестьянской массой и идти вмѣстѣ съ ней на бой за освобожденіе своей родины отъ всякаго политическаго, религіознаго и общественнаго гнета. Все живое въ учащейся молодежи было захвачено этимъ движеніемъ съ непреодолимой силой.

Впечатлительная душа Франжоли тоже не могла сопротивляться вліянію этого направленія.

Въ 1872 году у него уже успѣли завязаться близкія связи съ одесскими революціонерами-пропагандистами, во главѣ которыхъ стоялъ тогда Феликсъ Волховской. Этотъ кружокъ былъ, собственно говоря, только отдѣленіемъ образовавшагося въ началѣ 70-хъ годовъ, «Большого Общества Пропанды» и называвшагося въ публикѣ «кружкомъ Чайковцевъ» по имени одного изъ своихъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ.

Франжоли вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами по одесскому кружку тоже рѣшилъ пожертвовать своими научными влеченіями и поступилъ въ концѣ 1873 года народнымъ учителемъ въ одно изъ селеній Борзенскаго уѣзда Черниговской губерніи.

Но положеніе сельскаго учителя, вѣчно окруженнаго всевозможными стѣсненіями администраціи, не долго удовлетворяло его. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ оставилъ это занятіе, уѣхалъ въ Одессу и, посоветовавшись со своими товарищами, почти немедленно возвратился въ то же село, но уже въ рабочемъ костюмѣ и съ цѣлью вести, въ положеніи простаго земледѣльца, соціально-революціонную пропаганду. Какъ и вездѣ, это продолжалось недолго. Въ концѣ того же лѣта онъ былъ арестованъ и послѣ небольшого пребыванія въ Конотопской тюрьмѣ перевезенъ съ двумя жандармскими унтеръ-офицерами въ Нѣжинъ; тамъ онъ пробылъ въ мѣстной темницѣ почти два года, сначала въ одиночномъ заключеніи, а потомъ вмѣстѣ съ М. Кацемъ, тоже арестованнымъ въ началѣ 1876 года за пропаганду въ народѣ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ готовился грандіозный «большой процессъ» пропагандистовъ въ народѣ, гдѣ должны были фигурировать 193 человекъ. Франжоли былъ тоже привлеченъ къ нему и въ августѣ его отправили подъ стражей двухъ жандармовъ въ Петербургъ.

Во время дороги онъ понялъ, что если не воспользуется этимъ случаемъ, то ему уже долго не видать свободы. За нимъ не было еще никакихъ другихъ обвиненій, кромѣ простыхъ разговоровъ объ общественныхъ вопросахъ съ крестьянами, но и это по тому времени грозило каторгой. Не видя никакой возможности обмануть на станціяхъ бдительность жандармовъ, онъ рѣшился наконецъ на отчаянный шагъ. Единственнымъ средствомъ отдѣлится себя отъ стражи—было

войти въ уборную вагона и, затворивъ за собою дверь, оставить унтеръ-офицеровъ стоять за нею... Но это допускалось только во время полнаго хода поѣзда, когда жандармамъ не могло и въ голову притти о возможности для кого нибудь выскочить изъ вагона...

Но для Франжоли теперь не оставалось другого выбора. Онъ долго обдумывалъ свое положеніе и наконецъ рѣшилъ или сдѣлаться свободнымъ и снова бороться за освобожденіе своей родины, или сразу умереть.

Войдя въ уборную онъ плотно прихлопнулъ ея дверь, заперъ ее изнутри задвижкой передъ носомъ сопротивлявшагося этому жандарма и, отворивъ окно вагона, выскочилъ черезъ него на полотно дороги на всемъ ходу поѣзда. Это было на Одесско-Балтійской желѣзной дорогѣ около станціи Раздѣльной. Быстрое движеніе поѣзда бросило его сначала впередъ на шпалы, потомъ, перевернувшись, онъ ударился спиной о какой то столбикъ сбоку полотна, и наконецъ упалъ въ ровъ въ двухъ или четырехъ десяткахъ шаговъ отъ мѣста своего первоначальнаго паденія. Здѣсь онъ нѣсколько минутъ пролежалъ безъ памяти, но, наконецъ, очнувшись и, несмотря на страшную боль во всѣхъ своихъ членахъ, съ трудомъ вылѣзъ изъ рва.

Напрягая свои послѣднія силы, шатаясь и падая, онъ направился въ сторону отъ дороги по прилегающему лѣсу. Вся мѣстность кругомъ была ему неизвѣстна, и не было кругомъ ни одной души, которой бы онъ могъ довѣриться, не рискуя немедленно быть выданнымъ. А тревога уже распространилась по всѣмъ окрестностямъ. Встревоженные жандармы сначала остановили поѣздъ, но не найдя бѣглеца по близости, поспѣшили на слѣдующую станцію и устроили на него цѣлую облаву, изъ окружающихъ крестьянъ и рабочихъ ближайшихъ станцій. Нѣсколько часовъ скрываясь отъ нихъ Франжоли, направляясь къ югу, параллельно полотну дороги, въ лихорадочномъ жару отъ начавшагося воспаления въ спинѣ, но, наконецъ, уже въ 20 верстахъ отъ мѣста своего паденія, онъ долженъ былъ выйти снова на полотно, чтобы напиться у избушки желѣзнодорожнаго сторожа. Предупрежденный полиціей сторожъ сейчасъ же задержалъ его и далъ знать жандармамъ на ближайшей станціи. Франжоли былъ снова арестованъ и отправленъ по назначенію въ Петербургскій Домъ Предварительнаго Заключенія, одиночныя камеры котораго почти всѣ были заняты въ это время учащейся молодежью, захваченной еще въ 1874 году въ различныхъ мѣстахъ Россіи.

Но въ Домъ Предварительнаго Заключенія онъ пробылъ только нѣсколько дней. Его отчаянная попытка къ бѣгству заставила смотрѣть на него, какъ на одного изъ самыхъ рѣшительныхъ и предпримчивыхъ людей и онъ немедленно былъ переведенъ въ Трубецкой равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ уже сидѣли важнѣйшіе дѣятели «процесса ста девяносто трехъ». Только передъ самымъ судомъ его перевезли снова въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Всѣ слѣды паденія и серьезной болѣзни, которую онъ вынесъ потомъ въ мрачныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости, повидимому, были уже залѣчены. Его смуглое лицо южанина казалось мало измѣнившимся отъ продолжительнаго заключенія. Когда насъ вывели всѣхъ

193 обвиняемыхъ изъ нашихъ одиночныхъ камеръ въ коридоръ Дома Предварительнаго Заключенія и поставили въ длинный рядъ между раздѣлявшими насъ жандармами съ саблями на голо, онъ показался мнѣ даже менѣ блѣднымъ и изнуреннымъ, чѣмъ большинство другихъ. Длинной вереницей потянулись всѣ подсудимые по мрачнымъ извилистымъ коридорамъ, соединяющимъ Домъ Предварительнаго Заключенія со зданіемъ Окружного Суда. Тамъ засѣдало уже Особое Присутствіе Правительствующаго Сената. Подсудимые шли по лѣстницамъ и длиннымъ коридорамъ все время раздѣленные другъ отъ друга жандармами съ саблями на голо, то ускорявшими, то замедлявшими свои шаги по командѣ залитаго серебромъ синяго офицера. Всѣ вошли, наконецъ, въ одну изъ залъ Окружного Суда, гдѣ, послѣ опроса имени и званія, начали читать обвинительный актъ. На слѣдующіе дни повторилось нѣсколько разъ то же самое, но затѣмъ свиданія заключенныхъ окончились, потому что большинство изъ нихъ отказалось ходить на судъ сената, какъ учрежденія, составлявшаго часть того же самаго правительства, съ деспотизмомъ котораго они боролись. Наконецъ, черезъ три мѣсяца заочнаго суда въ январѣ 1878 г. былъ вынесенъ приговоръ.

Франжоли былъ пущенъ на свободу вмѣстѣ съ другими «Чайковцами», которые и начали собираться каждый вечеръ въ одной изъ отдѣльныхъ квартиръ Знаменской гостиницы у Перовской. Франжоли тоже принялъ участіе въ ихъ попыткѣ возобновить погибшее въ непосильной борьбѣ «Большое Общество Пропagанды» начала 70-хъ годовъ. Но времена уже сильно перемѣнились. Жизнь выдвинула на первый планъ новыя задачи и возвращеніе къ прошлому было невозможно. Изъ возобновленнаго общества ничего не вышло, кромѣ поселенія Богдановича, Соловьева и Вѣры Фигнеръ съ нѣсколькими товарищами въ Саратовской губерніи, гдѣ имъ удалось продержаться только до весны 1878 года.

Франжоли сначала уѣхалъ на югъ въ свои родныя мѣста. Онъ навѣстилъ тамъ село, гдѣ когда то былъ учителемъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Желябовымъ, который въ это время (осенью 1878 г.) все еще оставался сторонникомъ народническаго направленія, сдѣлалъ попытки обзавестись въ Крыму собственнымъ хуторомъ, гдѣ можно было бы жить на артельныхъ началахъ среди окружающаго простого народа, не выдѣляясь изъ него ничѣмъ особеннымъ въ матеріальномъ отношеніи.

Но и этому предпріятію не суждено было осуществиться. Самодержавное правительство уже успѣло раскаяться въ своемъ «слишкомъ мягкомъ» приговорѣ по процессу 193. Всѣ изъ участниковъ этого процесса, которые попали на свободу и не успѣли благоразумно скрыться, были неожиданно арестованы и разосланы по сѣвернымъ окраинамъ Россіи. Въ числѣ ихъ былъ и Франжоли.

Его отправили на жительство въ Сольвычегодскъ, куда попала также и одна изъ возвратившихся въ Россію цюрихскихъ студентокъ медичка Евгенія Флоріанова Завадская, его товаришъ по процессу 193-хъ.

Оторванные отъ всего живого міра въ продолженіи полутора лѣтъ, они оба близко сошлись другъ съ другомъ и болѣе уже не разставались до самой смерти, дѣля и радость и горе.

Во время этого их невольнаго отсутствія въ центрѣ политической жизни Россіи снова произошли перемѣны первостепенной важности. Возникло и окончило свое существованіе общество «Земли и Воли», и завязалась вооруженная борьба Исполнительнаго Комитета «Народной Воли» съ царившимъ въ Россіи абсолютизмомъ. То тамъ, то здѣсь раздавались выстрѣлы и взрывы въ отвѣтъ на смертныя приговоры военныхъ и сенатскихъ судовъ надъ всѣми выдающимися дѣятелями освободительнаго движенія. Ни Франжоли, ни Завадская не могли оставаться безучастными зрителями этой героической борьбы своихъ бывшихъ товарищей за свѣтъ и свободу и ихъ гибели одного за другимъ въ тюрьмахъ и на эшафотахъ. Въ февралѣ 1880 года, почти одновременно съ взрывомъ въ Зимнемъ Дворцѣ, они оба бѣжали изъ ссылки, избравъ для большей вѣрности обходную дорогу черезъ Казань. Въ Казани у нихъ не было ни одной души знакомыхъ, денегъ до Петербурга не хватало, всѣ адреса знакомыхъ по другимъ городамъ были утрачены. Чувствуя безвыходность своего положенія, Франжоли пошелъ по направленію къ университету и, обрѣтшіе къ одному изъ выходившихъ студентовъ, физиономія котораго ему показалась симпатичной, рассказалъ ему все. Его довѣріе не оказалось напраснымъ. Студентъ отвелъ его и Завадскую къ своимъ товарищамъ. Обоимъ дали надежное убѣжище, и собравъ между собою необходимое количество денегъ, отправили ихъ въ Москву.

Въ Москвѣ они сошлись съ мѣстными представителями «Народной Воли», направившими ихъ въ Петербургъ, гдѣ, почти тотчасъ же по пріѣздѣ, они оба были приняты въ члены «Исполнительнаго Комитета».

Однако годы страданій и лишеній уже сильно надорвали въ это время силы Франжоли. Если бы не самоотверженныя заботы жены, онъ не былъ бы способенъ такъ энергично работать для распространенія организаци «Народной Воли»; какъ это онъ дѣлалъ въ восьмидесятомъ году. Его вліяніе на постороннихъ лицъ, приходившихъ съ нимъ въ личныя сношенія, было настолько замѣтно, что лѣтомъ 1880 года его специально командировали вмѣстѣ съ Завадской въ Москву для возстановленія ослабѣвшей тамъ организаци. Зимой онъ снова возвратился въ Петербургъ, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ редактированіи только что возникшей тамъ подпольной «Рабочей Газеты». Въ это время уже установились у Исполнительнаго Комитета сношенія съ Ширяевымъ и Нечаевымъ, заключенными на всю жизнь въ таинственномъ Алексѣевскомъ Равелинѣ, расположенномъ тогда на маленькомъ отдѣльномъ островкѣ подъ семью бастіонами Петропавловской крѣпости. Въ этомъ страшномъ мѣстѣ одиночнаго заключенія, куда по временамъ въ тѣ годы можно было видѣть входящихъ, но никогда выходящихъ, существовала особая стража, уже сильно подавшаяся вліянію заключеннаго тамъ въ продолженіи 9 лѣтъ Нечаева. Но у Нечаева не было въ Петербургѣ ни единой души знакомыхъ, и потому онъ и не могъ воспользоваться расположеніемъ къ нему значительнаго числа равелинскихъ солдатъ. Только послѣ заключенія туда Ширяева сношенія равелинцевъ съ дѣйствующими революціонерами установились: какъ только Франжоли пріѣхалъ въ Петер-

бургъ, Исполнительный Комитетъ началъ готовить побѣгъ обоимъ заключеннымъ при содѣйствіи сторожившихъ ихъ солдатъ. Франжоли, умѣвшій лучше всякаго другого внушать къ себѣ довѣріе простыхъ людей, принялъ на себя руководящую роль въ этомъ предпріятіи, но быстро усиливавшаяся хроническая болѣзнь скоро сдѣлала для него невозможнымъ выходить изъ своей квартиры. Руководство предпріятіемъ было передано другому, но затѣмъ дѣло пошло на замедленіе, потому что всѣ выдающіяся силы Комитета были сосредоточены въ это время на подготовленіи покушенія 1-го марта.

Почти инвалидъ, неспособный уже не только ходить, но даже и двигаться, Франжоли не былъ въ это время годенъ для активной революціонной работы, при которой его вліяніе, какъ говорятъ, было не меньше вліянія его давнишняго друга Желябова, еще не сдѣлавшагося такой революціонной знаменитостью, какой онъ сталъ послѣ своей казни по дѣлу 1-го марта. Но эта самая болѣзнь и обусловливаемая ею необходимость вѣчно сидѣть дома дѣлали его наиболѣе удобнымъ для устройства такого предпріятія, мѣсто котораго должно было особенно бдительно и непрерывно охраняться. Такимъ предпріятіемъ въ то время была мастерская ручныхъ бомбъ и динамита для наиболѣе важнаго изъ всѣхъ наступательныхъ ударовъ Исполнительнаго Комитета, готовившагося къ 1-му марта. Франжоли, уже неспособный болѣе бѣжать въ случаѣ опасности, предложилъ себя въ хозяева этой тайной мастерской. Предложеніе было принято Комитетомъ и Кибальчичъ съ Грачевскимъ перенесли къ нему свою химическую лабораторію.

Послѣ 1-го марта, когда по настоянію Льва Тихомирова и его сторонниковъ, при сильной оппозиціи остальныхъ, всѣ дальнѣйшія вооруженныя дѣйствія Исполнительнаго Комитета были приостановлены, Франжоли вмѣстѣ съ Завадской согласился уѣхать для излеченія на Кавказъ.

Тамъ пробылъ онъ все лѣто. А въ столицахъ тѣмъ временемъ произошли опять сильныя перемѣны.

Въ дѣятельности заговорщиковъ противъ самодержавнаго правительства каждый просроченный день есть торжество ихъ враговъ. Все равно: дѣйствуютъ заговорщики, или бездѣйствуютъ, каждый лишній часъ приноситъ имъ одинаковую опасность быть открытыми и захваченными. Даже больше: при бездѣйствіи революціонеровъ слуги господствующаго абсолютизма могутъ совершать свои розыски спокойнѣе и цѣлесообразнѣе.

Пока Исполнительный Комитетъ выжидаль результатовъ уже совершенныхъ имъ революціонныхъ ударовъ, умышленно не принимая никакихъ другихъ, его важнѣйшіе дѣятели въ Петербургѣ были арестованы и заточены въ рavelинахъ Петропавловской крѣпости. Добровольное бездѣйствіе скоро превратилось въ бездѣйствіе безсилія и ослабленія. Мало-по-малу началась дезорганизация. Взамѣнъ поощренія вновь возникающихъ группъ къ вооруженной борьбѣ Комитетъ сталъ сдерживать эту борьбу. Напрасно Вѣра Фигнеръ, Богдановичъ и нѣкоторые другіе напрягали всѣ усилія, чтобы возобновить прежній героическій періодъ дѣятельности «Народной Воли». Сдѣланная послѣ 1 марта политическая ошибка бездѣйствія была непоправима...

Больной Франжоли возвратился обратно съ Кавказа въ Москву, чтобы участвовать въ попыткахъ возстановленія былой силы организациі, хотя у него и началось уже медленное разрушеніе костей отъ какой то хронической болѣзни. Завадская съ неслыханнымъ самоотверженіемъ все время ухаживала за нимъ. Въ виду полного безсилія партіи продолжать вооруженную борьбу, дѣятельность «Народной Воли» въ эти дни направлялась на болѣе легкое занятіе—пропаганду среди рабочихъ. Франжоли и Завадская пытались организовать къ протесту гонимыхъ въ то время раскольниковъ и завели съ ними сношенія. Но изъ этого ничего не вышло.

Въ Москвѣ опять начались аресты и оба были принуждены бѣжать въ провинцію. У Франжоли кости въ это время до того ослабли, что стали ломаться отъ простыхъ неосторожныхъ движеній. Однако онъ все еще не хотѣлъ уѣзжать, какъ ему совѣтовали всѣ товарищи, за границу и скрывался до самаго февраля 1883 г., когда была выдана и арестована послѣдняя блестящая представительница стараго періода «Народной Воли»—Вѣра Фигнеръ. Пытаться продолжать дѣло въ старомъ героическомъ родѣ послѣ ея ареста казалось невозможнымъ, особенно для лежащаго въ постели больного. Никакого энергичнаго и умѣлаго дѣятеля не было видно въ этотъ печальный періодъ деморализациі и упадка общества. Франжоли и Завадская рѣшили временно уѣхать за границу.

Дорогой при переноскѣ у Франжоли сломалась рука. Нога была переломлена еще раньше. Пріѣхавъ въ Женеву, онъ уже не могъ сдѣлать ни одного быстрого движенія безъ опасности новыхъ переломовъ. Въ ногахъ началась водянка, въ легкихъ—воспаленіе. Вся жизнь его была теперь лишь медленная агонія, а жизнь не разстававшейся съ нимъ ни на минуту Завадской—одинъ рядъ сплошныхъ терзаній за него. Однако оба героически выносили свое положеніе и принимали живое участіе во всѣхъ новыхъ замыслахъ своихъ товарищей возобновить прежнюю борьбу и не разъ мечтали снова возвратиться въ Россію.

Но ни одному изъ нихъ не было уже суждено этого. 6 августа 1883 года пришедшій къ нимъ товарищъ-эмигрантъ нашелъ обоихъ на постели холодными. Франжоли умеръ отъ своей неизлѣчимой болѣзни, Завадская—отъ огромнаго приѣма опія послѣ его смерти. Она не могла пережить своего несчастнаго друга, потому что не видѣла въ близкомъ будущемъ никакой надежды на новый героическій приступъ борьбы.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и новыя, молодая и полная силъ поколѣнія пришли на смѣну старымъ борцамъ за свободу. Никто теперь не помнитъ ни Франжоли, ни Завадской. Но и ихъ доля есть въ томъ могучемъ потокѣ жизни, какимъ разлился теперь ручей освободительнаго движенія 70-хъ гг.

Оба были типическими представителями того матеріала, изъ котораго строился когда то «Исполнительный Комитетъ Народной Воли» въ самый громкій періодъ своей дѣятельности.

Николай Морозовъ.

Послѣ первого марта 1881 года.

Засѣданіе подѣ председательствомъ новаго государя, происходившее 8-го марта 1881 года и посвященное обсужденію проекта графа Лориса-Меликова, не внесло опредѣленнаго курса въ дѣятельность высшаго правительства ¹⁾. Правда, проектъ не прошелъ, но отъ него не отказались окончательно, какъ не были окончательно отринуты и либеральный путь въ политикѣ. Первые недѣли послѣ катастрофы прошли въ колебаніяхъ. Колебанія эти отнюдь не вызывались перемѣнами въ настроеніи новаго государя, который высказался противъ малѣйшихъ либеральныхъ попытокъ, еще будучи наслѣдникомъ. Колебанія объяснялись исключительно возможностью ошибаться въ оцѣнкѣ момента и значенія дѣйствующихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ силъ страны. Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, о которомъ мы говоримъ, правительство было склонно считать революціонеровъ гораздо болѣе сильными и могущественными, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Вспомнимъ, что много позже, когда правительство нанесло уже сильные удары революціонной партіи, оно все-таки считало возможнымъ и нужнымъ вступить въ переговоры съ „Народной Волей“. Періоды колебаній отъ одной системы управленія къ другой противоположной, переходовъ отъ однихъ совѣтчиковъ къ другимъ—характерная черта исторіи верховной власти въ Россіи во вторую половину прошлаго вѣка.

Первое время послѣ смерти Александра II убѣжденные и послѣдовательные реакціонеры, которые въ царствованіе царя-миротворца явились вершителями судебъ Россіи, еще не сумѣли сплотиться и оказать мощную поддержку своему государю. Но уже въ засѣданіи 8-го марта выдѣлился человекъ съ руководящимъ вліяніемъ: это—К. П. Побѣдоносцевъ. Впрочемъ, періодъ колебаній продолжался недолго, но въ мартѣ и апрѣлѣ мы наблюдаемъ рядъ правительственныхъ начинаній, весьма противорѣчащихъ одно другому и по сущности и по мотивамъ. Члены правительства тасуются подобно картамъ въ колодѣ. Никто не можетъ отвѣтить на вопросъ, кто же сидитъ прочно. Моментами кажется, будто даже Лорисъ-Меликовъ пользуется вліяніемъ.

¹⁾ Объ этомъ засѣданіи см. статью П. Е. Щеголева, „Изъ исторіи „конституціонныхъ“ влѣній въ 1879—1881 годахъ“ (Вѣстникъ, 1906, № 12) и записку въ январьской книгѣ „Вѣстника“ за 1907 годъ.

На страницахъ дневника ¹⁾ графа П. А. Валуева, бывшаго тогда председателемъ Комитета Министровъ, но уже утратившаго все свое значеніе и лишь наблюдавшаго ходъ событій, мы находимъ любопытныя свидѣтельства о сумятицѣ, царившей въ это время въ правящемъ Петербургѣ. Старый царедворецъ, онъ старался держать въ своихъ рукахъ нить придворныхъ интригъ, умѣло читалъ смыслъ всякаго назначенія и давалъ точныя объясненія изнанкѣ всѣхъ „мѣропріятій“. Просматривая въ сентябрѣ 1882 года свой дневникъ, Валуевъ сдѣлалъ слѣдующій итогъ влияніямъ съ 8-го марта по 29-е апрѣля:

„Въ теченіе всего періода царствованія съ 8-го марта по 29-е апрѣля, противоположныя теченія скрещивались около государя, и на первый взглядъ могло казаться, что то одно, то другое брало верхъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ продолжалъ, т.-е. сказать наружно играть прежнюю роль; но въ сущности онъ утратилъ свое руководящее или рѣшающее значеніе. Безпрерывно обнаруживались отрывочныя вліянія Побѣдоносцева и гр. Воронцова, преимущественно по части личныхъ назначеній и аномальной независимости дѣйствій, предоставлявшейся разнымъ лицамъ. Градоначальникъ Барановъ былъ самымъ рѣзкимъ выраженіемъ того и другого. Ни гр. Лорисъ-Меликовъ, ни его вдохновитель Абаза не рѣшались бороться съ этими вспышками прямого самодержавія. Они думали, какъ выразился Абаза, что пора такихъ вспышекъ пройти и они успѣютъ окончательно утвердиться на своей почвѣ и утвердить за собою прочное вліяніе. Послѣдствія показали, что они ошиблись. Между тѣмъ рядомъ съ ними и съ Побѣдоносцевымъ, съ гр. Воронцовымъ начинало упрочиваться еще другое вліяніе въ лицѣ гр. Игнатьева“.

Приведемъ изъ дневника нѣкоторые наиболѣе характерныя отрывки о положеніи лицъ и событій.

11 марта. Вчера въ Комитетѣ Министровъ — нѣчто вродѣ сцены между Абазою и Маковымъ. Послѣдній безъ надобности и безъ предусмотрительности и такта, послѣ происходившаго 8-го числа Совѣта, пустился въ длинныя разсужденія по винокуренію, не соглашаясь съ однимъ пунктомъ заключенія Министра Финансовъ по дѣлу о ходатайствѣ Екатеринославскаго Дворянства. Когда я спросилъ Министра Финансовъ, не сочтетъ ли онъ нужнымъ со своей стороны что-либо объяснить, онъ сухо отвѣтилъ: „нѣтъ“, и дѣйствительно оставилъ элукубраціи Макова безъ всякаго вниманія и отвѣта. Всѣмъ стало неловко. Я далъ этому эпизоду оборотъ выражаемаго такимъ образомъ несогласія Министра Финансовъ съ Министромъ Почты и настоянія на своемъ мнѣніи, — чѣмъ дѣло и окончилось.

Маковъ написалъ мнѣ въ теченіе дня нервную записку, которая могла во мнѣ возбудить предположеніе о намѣреніи личнаго вызова, или требованія т. н. сатисфакціи. Позже онъ былъ у меня и оказалось, что онъ разумѣлъ дѣло иначе. Въ городѣ

¹⁾ Мы пользуемся современной копіей этого дневника.

распространились слухи о выходѣ въ отставку гр. Лорисъ-Меликова и Абазы, и Маковъ, предполагая, что это случилось изъ-за него (?!?), хотѣлъ заявить Государю, что лучше пожертвовать имъ, Маковымъ, чѣмъ Абазою.—Satis.

Градоначальникомъ назначенъ Г.-М. Барановъ, — извѣстный по столкновению съ Генераломъ-Адмираломъ.—Характеристично и знаменательно въ отношеніи къ сему послѣднему.—Предсѣдатель въ будущемъ совѣщаніи по квадратурѣ круга реформъ будетъ, говорятъ, Великій Князь Владиміръ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ въ лагерѣ Michel I-er—большой переполохъ. Что будетъ,—теперь предусмотрѣть невозможно. Слишкомъ много игры въ жмурки въ нашей правительственной сферѣ.

15 Марта. Вчера опять дежурилъ при панихидѣ въ 12 дня. Видѣлъ на этотъ разъ всѣхъ иностранныхъ Принцевъ и Принцессъ въ Соборѣ. Принцесса Валлійская—замѣчательно хороша и что называется *élégante*. Время у нея, до сихъ поръ, еще ничего не отняло.

Третьяго дня былъ у Кронпринца Прусскаго, вчера—у Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго, по ихъ желанію. Съ тѣмъ и другимъ—довольно продолжительные разговоры о нашихъ дѣлахъ. Замѣчательно, что подобныя бесѣды до сихъ поръ были невозможны съ какимъ бы то ни было Русскимъ Августѣйшимъ лицомъ. Даже покойная великая княгиня Елена Павловна имѣла извѣстный *pli*, который для меня, по крайней мѣрѣ, былъ постоянною пыткой.

У входа въ Соборъ видѣлъ вчера въ первый разъ новаго градоначальника. И это назначеніе—*signum temporis*. Оно состоялась помимо Michel I-er, хотя Michel I-er утверждаетъ противное. Curriculum: Московская выставка, „Vesta“, добровольный флотъ, судебное дѣло, утрата вензелевыхъ аксельбантовъ и удаленіе изъ службы, вступленіе въ нее вновь, въ артиллерійскомъ мундирѣ, командировка за границу по полицейской части,—губернаторство въ Ковно,—и теперь С.-Петербургское градоначальство.

Послѣ уставной пальбы, когда новый Государь и Императрица вышли изъ церкви, — заиграла по прежнему молчавшая двѣ недѣли военная музыка, войска и случайные представители устроеннаго полицейскими предосторожностями „народа“ кричали ура. Новое царствованіе вполне заняло мѣсто предшедшаго.—Да благословитъ оное Богъ.

19 марта. Указомъ, состоявшимся 16 вечеромъ, но опубликованнымъ вчера, 18-го, Министерство Почтъ и Телеграфовъ упразднено и эти части воссоединены съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Маковъ ничего о томъ не вѣдалъ и узналъ случайно 17-го въ 3 часа пополудни отъ забѣжавшаго къ нему ген. Богдановича, а затѣмъ отъ меня, захватившаго изъ Комитета Министровъ, гдѣ и самъ получилъ первую о томъ вѣсть отъ Министра Юстиціи. Комментаріи излишни.

Маковъ назначается, конечно, членомъ Государственнаго Совѣта.

Въ сентябрѣ 1882 года Валуевъ приписалъ къ этому мѣсту дневника слѣдующее:

«Внезапное и безъ соблюденія всякихъ обычныхъ предвареній состоявшееся упраздненіе Макова можетъ быть объяснено только прежнимъ на него наговоромъ по части перлюстраціи. Гр. Лорисъ-Меликовъ воспользовался накопившеюся въ Государѣ „gancine“, ни сколько впрочемъ не заслуженною. Въ отношеніи къ Макову просѣдѣ былъ тѣмъ болѣе жестокъ, что онъ письменно испрашивалъ аудіенцію по званію Министра Почтъ, но отвѣта на просьбу не получилъ и безъ всякаго предувѣдомленія былъ списанъ со списка министровъ, хотя и съ оставленіемъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Ему не помогла и рѣзкая оппозиція гр. Лорисъ-Меликову въ засѣданіи 8-го марта, соединенная съ подобающимъ восхваленіемъ самодержавія».

Съ тѣхъ поръ Маковъ не видалъ Государя, не имѣвъ безусловно обязательнаго повода ему представиться.

Продолжаемъ выписки изъ дневника подъ 19 марта 1881 г.

«Вчера гр. Лорисъ-Меликовъ будто бы сказалъ представлявшемуся (по почтамъ) Перфильеву, что у него будетъ другой начальникъ. Кн. Урусовъ говорилъ мнѣ также, что изъ лагеря Скальковскихъ будто бы идетъ новый слухъ объ уходѣ гр. Лорисъ-Меликова. Ничего не разберешь и я никому и ничему не вѣрю, но все невозможное признаю возможнымъ».

Сегодня газеты извѣщаютъ объ особомъ совѣтѣ выборныхъ при градоначальникѣ. Нѣчто въ родѣ выборовъ *a deux degrés*... *Ergatica* множатся. ¹⁾

Выборы во временный Совѣтъ Градоначальника состоялись вчера. Замѣчательно, что первымъ, по числу голосовъ (176), оказался ген. Треповъ. Избирателей (2-ой ст. *wahlmänner*) было около 228.

Въ общемъ положеніе дѣлъ—пока нѣтъ просвѣта.

23 марта. Эргатическій ходъ дѣлъ продолжается и изъ драмы порою переходитъ въ комедію. Окапываются дворцы; запрещаютъ ходить по ихъ панелямъ; временный совѣтъ при Градоначальникѣ воображаетъ, что онъ призванъ управлять полиціей и самимъ градоначальникомъ; Министръ Внутреннихъ Дѣлъ стушевался и даже не обнаруживаетъ никакого участія въ дѣлахъ охраненія или возстановленія общественнаго порядка въ столицѣ; патристическое балагурство Москвы продолжается подъ ладъ призыванія туда центральной власти и Аксаковского лозунга: „пора домой“, т. е. въ Китай-городъ; однимъ словомъ, нигдѣ настоящаго правительства не видно и ни въ чемъ направляющая и объединяющая правительственная идея не обнаруживается. Быстро катится шаръ по наклонной плоскости и надтрескивается.

24-го марта. Горизонтъ болѣе и болѣе хмурился. Кавалерійскій кордонъ кругомъ города и заставы.—Безуміе!

Вчера былъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Тамъ какъ будто

¹⁾ Ниже мы сообщимъ кое-какіе данныя объ этомъ „бараньемъ“ парламентѣ.

ничего не сбылось. Не видать Michel I-ег. Онъ обозначаетъ свою должность только своимъ присутствіемъ въ Аничковскомъ дворцѣ. Градоначальникъ хозяйничаетъ, докладываетъ и опять хозяйничаетъ, какъ будто диктатора „новыхъ вѣяній“ никогда не бывало. Безсознательный, но не самоотверженный Валленродъ изъ армянъ.

25-го марта. Валленродъ окончательно подпалъ подъ руководство Министра Финансовъ. Онъ, т.-е. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, ежедневно видитъ Государя и по соглашенію съ Эгеріей-Абазой проводитъ перемѣны въ личномъ составѣ нашего pseudo-кабинета... Вчера, наконецъ, спустился Сабуровъ. Онъ замѣщенъ барономъ Николаемъ. Далѣе спускается кн. Ливень и замѣняется гр. Игнатьевымъ.

Возмездіе расточается выше. Маковъ заплатился за униатовъ; кн. Ливень—за порядочно гнусное себялюбие и, могу сказать, порядочно гнусную неблагодарность; Сабуровъ за то, что при недалнемъ умѣ думалъ выѣхать на новыхъ вѣяніяхъ. Великій князь Генераль-Адмиралъ также будетъ спущенъ на дняхъ сперва въ отпускъ, а тамъ и радикально. Ему по дѣломъ, за разнообразное, по всѣмъ частямъ причиненное зло и за низость преклоненія передъ безсодержательнымъ временщикомъ...

На-дняхъ Государь переѣзжаетъ въ Гатчину. Мѣра о двухъ цвѣтахъ.

Между тѣмъ наложенъ тормазъ на нѣкоторыя проявленія самодурства новаго градоначальника. Отмѣненъ кавалерійскій кордонъ вокругъ столицы. Но ген. Барановъ еще силенъ въ Аничковскомъ и Абаза мнѣ еще вчера говорилъ: „il faut laisser passer le tourbillon“.

Вчера же Ихъ Императорскія Величества переѣхали въ Гатчину. Переѣздъ, изъ предосторожности, приготовленъ и совершенъ безъ огласки.

Какой эпилогъ для системы и періода „умиротворенія“ pseudo-диктаторомъ!

Бывшій Самодержецъ—въ могилѣ; нынѣшній—en châte privée въ Гатчинѣ. Продолжаютъ говорить о единеніи Царя и „народа“, о разныхъ видахъ вѣрноподданническаго усердія и самоотверженія, и пр., и пр.; а между тѣмъ Гатчина и процессъ, въ которомъ Желябовъ рисуется героемъ своихъ доктринъ,—власти играютъ весьма блѣдную роль, а Министры ѣздятъ въ суды, какъ въ спектакль.

29-го марта. Замѣчательна близорукость нашихъ властей. Процессъ о царевубійствѣ ведется такъ, что наиболѣе видную роль играютъ подсудимые и отчеты о засѣданіяхъ такъ печатаются, что они могутъ выставить себя героями-жертвами, воевавшими за народъ... „Иностранцы изумляются“. Но Министръ Юстиціи вѣроятно доволенъ.

„Никогда,—говорилъ онъ мнѣ, съ торжествующей физиономіей, еще до начала процесса, такое дѣло не было такъ хорошо обставлено“!!!

30-го марта. Гатчинскіе порядки еще не установились. Грородъ полонъ толковъ и слуховъ. Иностранцы изумляются и глумятся.

„Ein Land“,—сказать сегодня графиня Клейнмихель ген. Швейницъ,—„wo gen. Ignatieff, Baranoff und Benkendorff eine rolle spielen können!“

Утромъ былъ гр. Коцебу. Онъ рассказывалъ, что третьяго дня, на лекціи проф. Соловьева, въ Солянномъ городкѣ, онъ будто бы сказалъ, что если Государь будетъ дѣйствовать въ духѣ русскаго народа, не сочувствующаго смертной казни,—онъ помиуетъ цареубійцу. Ему хлопали и только отставной военный, подоидя къ оратору, ему пригрозилъ кулакомъ. Проф. Груберъ, медицинской хирургической академіи,—сказать Австрійскому послу, что всѣ студенты пропитаны однимъ духомъ и онъ затруднился бы указать, кого изъ нихъ слѣдовало бы повѣсить.

1-го апрѣля. Вчера въ комитетахъ министровъ и кавказскомъ были въ первый разъ гр. Игнатьевъ и баронъ Николай... Michel I-ег какъ будто развѣнчанъ, но любезенъ, смиренъ и по кавказскимъ дѣламъ замѣчательно толковъ. Какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,—ни одинаго признака сознанія своей роли и памятованія своихъ дѣйствій.

4-го апрѣля. Вчера на Семеновскомъ плацу казнены пять участниковъ 1-го марта. Шестая, Еврейка Гельфманъ,—беременна.

Въ мірѣ дѣлъ—одни слухи. Только гр. Воронцовъ выступилъ въ новой роли охраннаго „maître du palais“ въ Гатчинѣ. Ему подчинены, по части охраны Высочайшихъ Особъ, всѣ власти.

8-го апрѣля. Вчера въ комитетѣ министровъ слышалъ отъ Абазы, что великій князь Михаилъ будетъ председателемъ Государственнаго Совѣта и Кавказское намѣстничество преобразится въ Генераль-Губернаторство. Кн. Горчакову изобрѣтенъ юбилейный подарокъ—двойной портретъ. Видѣлъ кн. Паскевича. Вслушиваясь въ рѣчи людей его круга, болѣе и болѣе укореняется смутное ощущеніе безнадежности нашего общественнаго положенія.

Узналъ разныя дополнительные низости,—притомъ злыя низости, князя Ливена.

Князь Павелъ Вяземскій замѣняетъ временно ушедшаго наконецъ въ Сенатъ Абазу—печати.

10-го апрѣля. Третьяго дня было совѣщаніе у Великаго Князя Михаила Николаевича по вопросу о новыхъ формахъ кавказскаго управленія. Въ тотъ же вечеръ послалъ Великій Князь, въ видѣ „Punctuation“, сущность заявленныхъ мною въ совѣщаніи предложеній.

18-го апрѣля. Вчера я оказался юбиляромъ за 50 лѣтъ службы...

Государемъ присланъ Рескриптъ, заурядный, безъ всякой приписи и даже передѣланный,—кажется при содѣйствіи Побѣдоносцева,—чтобы его сдѣлать позауряднѣе противъ проектированнаго Государственнымъ Секретаремъ Перетцемъ.

Варонъ Веліо замѣщенъ (по Департаменту полиціи), прокуроромъ Плева.

21-го апрѣля. Третьяго дня былъ въ Гатчинѣ для благодаренія. Обѣдня, потомъ завтракъ у Ихъ Императорскихъ Величествъ. Императрица была любезна. Государь любезенъ, но „lauwarth“.

18-го ѣздилъ благодарить Великихъ Князей, бывшихъ у меня 17-го. Великій Князь Константинъ Николаевичъ мнѣ прямо указалъ, что ему „приказано уѣхать, но что для избѣжанія скандала позволено,—пока,—дождаться закрытія сессіи Государственнаго Совѣта“.

Вечеромъ получилъ отъ графа Лорисъ-Меликова приказаніе Государя отложить сегодняшнее засѣданіе Комитета министровъ, потому что нѣкоторые „Министры“ вызваны въ Гатчино, для особаго совѣщанія.—Это второе мнѣ предостереженіе. Первое заключалось въ Рескриптѣ... Между тѣмъ Великій Князь Владимиръ мнѣ говорилъ, что я буду вызванъ. I will keep my temper to the last.

Государь сказалъ о графѣ Игнатьевѣ, что хорошо, что онъ у „дѣлъ“, потому что „настоящій коренной Русскій“ (sic).

Чѣмъ дальше, тѣмъ сообщенія Валуева становятся все интереснѣе:

24-го апрѣля. По словамъ Абазы въ Гатчинѣ происходило слѣдующее: Рѣчь шла о томъ, что сильное Правительство должно быть единодушнымъ, и слѣдовательно нужно нѣчто въ родѣ „Кабинета“; нужно, чтобы Министры прямо докладывали Государю только по предметамъ своего specialнаго вѣдѣнія, а по всѣмъ общимъ вопросамъ предварительно между собою совѣщались и соглашались, а въ случаѣ несогласія испрашивали Высочайшаго указанія. Далѣе нужно, чтобы Министры, по своимъ убѣжденіямъ несогласные съ внесенными мѣропріятіями, уходили,—а въ случаѣ неухода,—были увольняемы.—Однимъ словомъ, говорилъ мнѣ Абаза, „tout a été fortement souligné et le resultat a dépassé l'attente“.

Между прочимъ Абаза прямо говорилъ о невозможности писать и ссылаться на какія нибудь газеты, какимъ нибудь министрамъ за спиною своихъ товарищей,—прямое указаніе на Побѣдоносцева и „Московскія Вѣдомости“. Вообще Абаза понимаетъ результатъ въ смыслѣ побѣды надъ Побѣдоносцевымъ. Государь, по словамъ Абазы, d'un air grave, mais calme, поддался на все это, но сказалъ, что „ненужно особаго предсѣдателя, что „они“ должны собираться у „кого-нибудь“, и что ихъ „совѣщанія“ должны происходить помимо обычныхъ дѣлъ Комитета Министровъ“.

Затѣмъ въ концѣ совѣщанія оказалось, что къ г.г. Министрамъ наличнымъ присоединился tacite В . . . К . . . В Сіе оказалось въ фразѣ съ его стороны съ мѣстоимѣніемъ: „мы“. Нѣлпо были: Графъ Лорисъ-Меликовъ, Абаза, Графъ Игнатьевъ, Набоковъ, Баронъ Николай, Побѣдоносцевъ и Графъ Милютинъ. Имъ предоставлено приглашать и Министра Путей Сообщенія, когда сочтутъ нужнымъ, и Государственнаго Контролера.—Князь Урусовъ и Принцъ Ольденбургскій (Главноначальствующие), признаны не изъ нужныхъ. Въ концѣ концовъ Графъ Лорисъ-Меликовъ и Абаза чрезвычайно довольны.

Изъ всего этого оказывается, по моему мнѣнію, что мы только вступили въ новый кругъ недоразумѣній.

1. Государь не имѣетъ яснаго понятія о томъ, что желалось и что рѣшено. Онъ между прочимъ сказалъ: „вы соберетесь раза два на недѣлѣ, а потомъ я васъ вновь соберу“. Ergo,—предполагалось, съ его стороны, что какойнибудь агаши будетъ найденъ in continenti. Между тѣмъ члены Совѣщанія имѣли преимущественно въ виду нѣчто вроде новаго постоянного устройства въ механизмахъ дѣлъ.

2. Государь отдѣлялъ Комитетъ Министровъ отъ „Кабинета“, между тѣмъ они весьма мало помышляли объ отдѣльности Комитета.

3. Государь счелъ Предсѣдателя „Кабинета“ ненужнымъ и придалъ ему Великаго Князя Владимира,—а члены Совѣщанія были на Предсѣдателя и не помышляли о Великомъ Князѣ.

4. Кромѣ того въ Совѣщаніи была рѣчь о будущемъ участіи „земскихъ людей“, въ надобности или ненадобности какогонибудь Манифеста и т. п., но всѣ эти вопросы остались пока неразрѣшенными. Однимъ словомъ, кромѣ мысли объ особомъ, такъ сказать руководящемъ или привилегированно-довѣренномъ отдѣлѣ Министерства, составленномъ изъ излюбленныхъ людей, никакая другая мысль не установилась. Далѣе видно, что Графъ Лорисъ-Меликовъ нѣсколько отдѣльно отъ Абазы билъ на роль premier'a, — но пока цѣли не достигъ.

Мое личное положеніе среди всего этого весьма неопредѣленно и щекотливо.

... Не хочу быть стѣсненъ и не хочу натолкнуться на несоблюденіе приличій. . .

27-го апрѣля. Есть какое-то расхожденіе взглядовъ между Государемъ и Великимъ Княземъ Владимиромъ. . .

Вообще на здѣшней сценѣ все спутано. . . Туманныя картины. Точнѣе dissolving views.

За гр. Воронцовымъ прячутся разные, болѣе, чѣмъ онъ самъ, грамотные сочинители разныхъ проектовъ.

28-го апрѣля. Alea jacet. Вчера — Государственный Совѣтъ. Не совѣщаніе, — а представленіе по дѣлу о выкупѣ и пр.

30-го апрѣля. Вчера два событія: 1. Наконецъ парадъ войскамъ, — торопливый, но все-таки парадъ, гдѣ войска видѣли Государя. 2. Манифестъ, подписанный яко бы вчера, — чтобы не быть гатчинскимъ, — а то бы нельзя угадать почему. Манифестъ, самъ по себѣ, въ комментаріяхъ не нуждается. Этотъ первый актъ du „cabinet homogène“ сохранить навсегда историческое значеніе.

1-го мая. Imbroglia до того обостряется, что я ничего не могу понять въ происходящемъ. Говорятъ, что Манифестъ изданъ безъ вѣдома гр. Лорисъ-Меликова, Абазы и гр. Игнатьева. Последнему рѣшительно не везло.

2-го мая. Ходъ дѣла былъ слѣдующій. Во вторникъ вечеромъ наканунѣ парада, „гомогенный“ кабинетъ собрался при Великомъ Князѣ Владимирѣ у гр. Лорисъ-Меликова. Министръ юстиціи пріѣхалъ поздно и молчалъ. Около полуночи Великій князь уѣхалъ. Тогда Набоковъ заявилъ о Манифестѣ. — Какой мани-

фестъ? — Общее изумленіе. Набоковъ предъявляетъ бумагу. — Откуда? — Отъ Побѣдоносцева. Печатается. Завтра будетъ разосланъ. Затѣмъ перекрестные вопросы и бурная сцена, въ которой, какъ говорятъ, Министръ Финансовъ совершенно выходитъ изъ себя, предлагалъ всѣмъ коллективно подать въ отставку, съ экстреннымъ поѣздомъ ѣхать въ Гатчину и пр., и пр. . . Гр. Игнатьевъ оказался болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Онъ стоялъ разными ногами въ разныхъ лагеряхъ. Гр. Милютинъ относился къ дѣлу хладнокровно, а Побѣдоносцеву пришлось выслушать непріятныя рѣчи. Въ среду въ день парада Министръ Внутреннихъ Дѣлъ написалъ къ Государю письмо, прося увольненія по болѣзни. Согласіе послѣдовало, по версіи однихъ — съ выраженіемъ сожалѣнія и привѣтливости, — по версіи другихъ — съ отмѣткою: „Съ Богомъ — въ трудное время больному неудобно быть министромъ“.

Въ тотъ же день рѣское объясненіе Абазы съ В. К. . . В. . . , въ которомъ Абаза сказалъ (по его словамъ): „qu' un homme qui se respecte ne peut pas être le laquais de M. Pobédonostzeff“.

Въ четвергъ Министръ Финансовъ отправилъ просьбу объ увольненіи, написанную съ достоинствомъ и мотивированную несогласіемъ между министрами, обнаруженнымъ манифестомъ. Просьба возвратилась съ отмѣткой: „Сожалѣю“, — далѣе съ указаніемъ на то, что поводомъ было заявленіе Государя о неприкосновенности самодержавія (т. е. поводомъ къ манифесту) и съ заключительными словами: „Сожалѣю, что вы не нашли болѣе приличнаго повода“. Я видѣлъ письмо и отмѣтку.

Вчера вмѣсто Абазы поѣхалъ съ докладомъ Бунге (какъ товарищъ). Государь поручилъ сказать Абазѣ, что онъ его проситъ остаться до вакансій Государственного Совѣта (недѣли двѣ). Вчера же былъ въ Гатчинѣ гр. Игнатьевъ. Онъ повидимому будетъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Вчера же тамъ были для представленія Грейсъ, Мансуровъ и другіе. Государь былъ особенно въ духѣ и любезенъ. Говорятъ, что и гр. Милютинъ будетъ просить увольненія.

. . . . Dessous de cartes слѣдующій: Побѣдоносцевъ выписалъ себя на помощь изъ Москвы Каткова. Манифестъ написать ими. Заодно съ ними были градоначальникъ Барановъ и Островскій, который очень доволенъ манифестомъ. Гр. Игнатьевъ повидимому участвовалъ за кулисами.

4-го мая. Третьяго дня вечеромъ скончался Принцъ П. Г. Ольденбургскій. . . Онъ былъ добродѣтельный, добрый, до юродства благонамѣренный человекъ, истинно набожный и вѣровавшій. На дѣло, при всемъ томъ, конечно, мало пригодный.

Былъ вчера утромъ на панихидѣ по немъ. Видѣлъ тамъ, между прочимъ, градоначальника Баранова въ новой имъ сочиненной формѣ, новаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министра Юстиціи.

Первый сказалъ, что аресты продолжаются, второй успѣлъ солгать, сказавъ, что его назначеніе еще не рѣшено окончательно,

третій дополнилъ и исправилъ мои свѣдѣнія о засѣданіи 28 и Манифестъ 29-го. Черновой манускриптъ былъ присланъ Министру Юстиціи отъ Государя. Набоковъ увѣдомилъ о томъ Графа Лорисъ-Меликова еще въ теченіе дня (хотя повидимому Графъ Лорисъ-Меликовъ не читалъ увѣдомленія); затѣмъ текстъ манифеста читалъ Графъ Лорисъ-Меликовъ и Абаза (про себя) еще во время засѣданія, при Великомъ Князѣ Владимірѣ; но сдѣлался предметомъ толковъ и сценъ только послѣ его ухода. — Государь говорилъ Набокову 30-го при докладѣ, что онъ нѣсколько разъ требовалъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ проекта Манифеста или объясненія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, но Графъ Лорисъ-Меликовъ уклонялся.

Министромъ Государственныхъ имуществъ назначается Островскій. Оказывается, что онъ былъ mit Ignatieff, Katkoff und Pobedonostzeff.

Въ Гатчинѣ, говорятъ, очень довольны тѣмъ „qu'on a retrouvé le Самодержавіе“. Замѣчательно наивная (или ненаивная) смѣлость алукубраціи Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ о „Царѣ и Народѣ“, живой связи между ними, 100 милліонахъ и одномъ Государѣ, — и пр. и пр., — какъ будто возможны, безъ посредствующаго механизма прямыхъ сношенія между 100 милліонами и однимъ властелиномъ, какъ будто наше нынѣшнее положеніе не есть результатъ самодержавнаго правительствованія, а какъ будто d'avoir un seul maître за все вознаграждаетъ“.

Приведенныя выписки ярко характеризуютъ періодъ, протекавшій со времени 1-го марта по 29-ое апрѣля. Прибавимъ къ этой характеристикѣ нѣкоторыя данныя о Временномъ совѣтѣ при с.-петербургскомъ градоначальникѣ. Собственно говоря, это „учрежденіе“ подлежитъ скорѣе вѣдѣнію юмориста и сатирика, чѣмъ историка. Прочтите текстъ повелѣнія, и вамъ кажется, что оно сорвалось со страницъ Н. Щедрина: такъ оно напоминаетъ его знаменитыя пародіи на „законъ“. Вотъ текстъ повелѣнія, объявленнаго 18-го марта министромъ внутреннихъ дѣлъ:

Въ виду цѣлаго ряда злодѣйскихъ замысловъ, имѣвшихъ цѣлю поколебать государственный порядокъ и окончившійся событіемъ 1-го Марта, потрясшимъ всю Россію, Государь Императоръ, принявъ твердую рѣшимость положить предѣлъ дальнѣйшему развитію преступной дѣятельности злоумышленниковъ и оградить столицу отъ позора быть мѣстомъ и свидѣтельницею совершаемыхъ въ ней преступленій и даровать жителямъ оной полное спокойствіе, Высочайше повелѣтъ соизволилъ на принятіе слѣдующихъ чрезвычайныхъ мѣръ:

1) Призвать къ содѣйствію выборныхъ отъ всего столичнаго населенія, изъ которыхъ образовать при С.-Петербургскомъ Градоначальникѣ временный Совѣтъ, въ коемъ, независимо отъ выборныхъ, принимаетъ участіе С.-Петербургскій Городской Голова.

2) Предоставить С.-Петербургскому Градоначальнику предлагать на обсужденіе Совѣта тѣ мѣры, принятіе которыхъ онъ считаетъ необходимымъ въ видахъ огражденія общественной безопасности.

3) Каждая мѣра, одобренная большинствомъ Совѣта, немедленно воспри-

нимаеъ обязательную силу и приводится въ исполненіе—Градоначальникомъ, по испрошеніи на то, въ случаѣ надобности, чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайшаго одобренія.

4) Если мѣра, предложенная Градоначальникомъ, большинствомъ Совѣта не будетъ одобрена, Градоначальнику воспрещается давать ей дальнѣйшій ходъ.

5) Порядокъ избранія выборныхъ отъ населенія столицы въ Совѣтъ устанавливается слѣдующій:

а) отъ каждаго изъ 288 околотковъ, на которые раздѣленъ городъ, избирается одинъ выборный;

б) правомъ голоса пользуются всѣ домовладѣльцы, всѣ хозяева квартиръ, т. е. лица, занимающія на свое имя квартиры въ частныхъ или казенныхъ зданіяхъ, всѣ хозяева промышленныхъ и торговыхъ заведеній, всѣ собственники лавокъ и заводовладѣльцы;

в) каждое изъ лицъ, принадлежащихъ къ одному изъ выше поименованныхъ разрядовъ, указываетъ одно лицо, которое, по его личному убѣжденію, достойно чести быть выборнымъ;

г) для отобранія такихъ отзывовъ, по распоряженію Градоначальника, образуются особыя комиссіи, по числу околотковъ, которыя обходятъ всѣ дома въ околоткѣ, также квартиры и другія мѣста, указанные выше, въ парагр. б) и отбираютъ отзывы отъ лицъ, имѣющихъ право выбора. Отзывы должны быть письменные и заключать въ себѣ званіе и фамилію избираемаго, а также подпись избирателя съ обозначеніемъ его адреса;

д) указанные въ предыдущемъ параграфѣ комиссіи образуются изъ полицейскаго чиновника, назначаемаго Градоначальникомъ, гласнаго Городской Думы, живущаго въ предѣлахъ околотка или въ сосѣднемъ околоткѣ, и двухъ военныхъ офицеровъ или гражданскихъ чиновниковъ, приглашенныхъ Градоначальникомъ;

е) С.-Петербургскому Градоначальнику предоставляется для образованія означенныхъ комиссій потребовать въ свое распоряженіе служащихъ какъ въ войскахъ, такъ и въ гражданскихъ вѣдомствахъ лицъ, не занимающихъ такихъ должностей, отвлеченіе отъ которыхъ, хотя бы временно, могло повлечь остановку въ ходѣ дѣла;

ж) выбраннымъ отъ околотка считается тотъ, кто, по счету числа голосовъ, получить простое большинство голосовъ избиравшихъ;

з) выборные отъ околотковъ собираются Градоначальникомъ и производятъ изъ своей среды выборъ 25 человекъ и кандидатовъ къ нимъ, списокъ которыхъ представляется Градоначальникомъ Государю Императору чрезъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

4) Выборы должны быть начаты и окончены во всей столицѣ въ одинъ день, назначенный для того Градоначальникомъ.

5) По объявленіи о днѣ и часѣ производства выборовъ всѣ лица, которымъ принадлежитъ право избранія, должны находиться дома и ожидать прибытія комиссіи, назначенной для отбирания голоса. Кто не будетъ найденъ комиссіею дома, тотъ тѣмъ самымъ лишается голоса.

6) По Высочайшемъ утвержденіи списка выборныхъ и ихъ кандидатовъ, Совѣтъ немедленно открываетъ свои дѣйствія при Градоначальникѣ.

7) Мѣры, принятыя Совѣтомъ, объявляются во всеобщее свѣдѣніе Градоначальникомъ и сохраняютъ обязательную силу по отмигнѣ ихъ въ томъ же порядкѣ.

10) Если для приведения мѣръ, принятыхъ Совѣтомъ, въ исполненіе потребуются денежныя средства,—таковыя отпускаются въ распоряженіе Градоначальника изъ Государственнаго Казначейства.

Въ нашемъ распоряженіи находятся и „труды“ этого смѣшного учрежденія. Дѣятельность совѣта свелась къ представленію записки по вопросу о причинахъ безпорядковъ и волненій среди учащихся и къ избранію комиссіи объ устройствѣ внутренняго надзора въ домахъ. Комиссія выработала 1) „Проектъ правилъ о взысканіи по нарушеніямъ правилъ о порядкѣ объявленія полиціи о прибывающихъ и выбывающихъ въ Петербургъ“.—2) Проектъ временныхъ правилъ общаго надзора за домами въ С.-Петербургѣ.—3) Проектъ правилъ для отвѣтственныхъ дворниковъ по полицейскимъ ихъ обязанностямъ.—4) „Проектъ правилъ околоточнымъ надзирателямъ, специально назначеннымъ для внутренняго надзора за домами“.

Нѣтъ, конечно, необходимости приводить эти проекты. Достаточно сказать, что они находились на такой высотѣ либерализма, до которой ни раньше, ни позже не достигали обязательныя постановленія Петербургскихъ градоначальниковъ. Отвѣтственный дворникъ, напримѣръ, зависѣлъ не столько отъ полиціи, сколько отъ домовладѣльца, штрафы были наложены весьма умѣренные, нарушенія правилъ во многихъ случаяхъ должны были подвергаться судебному разбирательству и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство слишкомъ спѣшно учредило „Временный Совѣтъ“. Очнувшись отъ перепуга, оно поняло всю смѣшную сторону этого парламента и, конечно, игнорировало его. Уже 30-го іюня 1881 года градоначальникъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ.

„Во исполненіе предложенія вашего сіятельства 17-го текущаго іюня, за № 2568, имѣю честь представить результаты трудовъ временнаго совѣта и избранной имъ комиссіи объ устройствѣ внутренняго надзора *въ домахъ, трисовокупляя*, что записка по вопросу о причинахъ безпорядковъ и волненій въ средѣ учащейся молодежи представлена мною вашему сіятельству 13-го іюня, за № 4973.

Что касается ходатайства моего объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на закрытіе временнаго Совѣта,—то, усматривая изъ предложенія вашего сіятельства, что вы изволите признавать основательность представленнаго мною соображенія, что дѣятельность Совѣта по многимъ вопросамъ представляется теперь неудобною, такъ какъ въ трудахъ своихъ Совѣтъ можетъ войти въ противорѣчіе съ результатами занятій особыхъ, нынѣ учрежденныхъ, комиссій,—я имѣю честь доложить, что нахожусь вынужденнымъ болѣе не назначать собраній Совѣта.

Засимъ отъ вашего сіятельства будетъ зависѣть повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе вопросъ объ окончательномъ закрытіи Совѣта. въ то время, когда вы изволите признать подобную мѣру своевременной“.

Такъ умеръ естественной и медленной смертію выборный отъ обывателей совѣтъ при градоначальникѣ, получившій назва-

ніе, по имени градоначальника Баранова „бараньяго парламента“ Отъ былъ комическимъ учрежденіемъ, возникшимъ въ періодъ колебаній и сумятицы, но въ этотъ періодъ возникло еще и другое учрежденіе противоположнаго характера. Мы говоримъ о „Священной дружинѣ“—тайномъ сообществѣ, которое, пользуясь высокимъ покровительствомъ, поставило цѣлью борьбу съ крамолой.

Со временемъ исторія раскроетъ всю таинственную и нужно сказать—мало чистоплотную дѣятельность этого сообщества, откроетъ высокихъ покровителей, вдохновителей и исполнителей. На страницахъ „Вылого“ намъ не разъ придется говорить о священной дружинѣ. Въ настоящей статьѣ мы приведемъ лишь нѣсколько строкъ графа Валуева, относящихся къ этой дружинѣ. Подъ 6-ое мая 1881 года Валуевъ записалъ:

„Противъ крамольниковъ образуется, не знаю,—по чьей инициативѣ,—дружина, именуемая святою и предназначающая себя для охраны Государя и общественного порядка, и набираемая, à la carbonari, небольшими группами изъ пяти членовъ, изъ которыхъ только одинъ, старшій братъ, знаетъ дальнѣйшее связующее звено... На проѣздѣ Государя, съ желѣзной дороги и обратно, члены дружины были распределены по улицамъ на пути слѣдованія.

Къ этому мѣсту дневника Валуевъ въ послѣдствіи приписалъ:

„Первоначальная идея Св. дружины была при данныхъ обстоятельствахъ правильная. Члены дружины принимали на себя такъ сказать роль „спеціальныхъ констаблей“, но негласно, потому что цѣль заключалась въ отпорѣ тайнымъ покушеніямъ, а не явнымъ нарушеніямъ общественного порядка. На первыхъ порахъ къ дружинѣ примкнули многіе офицеры, такъ понимавшіе цѣль учрежденія. Но вскорѣ подъ вліяніемъ неумѣлыхъ, легкомысленныхъ и тщеславныхъ вожаковъ дѣла (графа Воронцова, графа „Boby“ Шувалова и пр.) она приняла другой характеръ. Св. дружина обратилась въ соперника Государственной полиціи и приняла типъ бывшаго III-го отдѣленія по части разныхъ доносовъ и сплетней. Отъ нея отшатнулись порядочные элементы и вмѣсто ихъ къ ней примкнули элементы неприглядные и недобросовѣстные. Произошло нѣчто въ родѣ столкновенія между великой княгиней Маріей Павловной и графомъ Шуваловымъ (Boby) адъютантомъ великаго князя Владимира. Великая княгиня лично просила Шувалова перестать быть адъютантомъ ея супруга, или перестать подвергаться нареканіямъ въ шпіонствѣ.—Графъ Шуваловъ вышелъ въ отставку; а черезъ два мѣсяца вновь поступилъ на службу и былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Но это не помѣшало св. дружинѣ утратить всякій кредитъ въ глазахъ людей съ толкомъ, хотя, повидимому, она продолжаетъ дѣйствовать съ личною для дѣйствующихъ членовъ выгодною“.

П. Щеголевъ.

Къ біографіи М. К. Кюхельбекера.

Въ дневникѣ В. К. Кюхельбекера („Русская Старина“ 1891 г., т. LXXII, стр. 89) подъ 7 мая 1841 г., между прочимъ, занесено, что при чтеніи романа Калашникова „Камчадалка“ у автора дневника „нѣсколько разъ мелькала мысль, что, быть можетъ, черезъ 50, черезъ 100 лѣтъ, точно такъ помянуть какой-нибудь даровитый романистъ о *Кюхельбекерахъ*, особенно о Михаилѣ“.

Что Кюхельбекеры не забыты, это доказываютъ и русская литература и различныя замѣтки о нихъ въ историческихъ журналахъ. Для дополненія имѣющихся уже свѣдѣній, кажется, не лишними будутъ и приводимыя ниже сего, данныя о семействѣ М. К. Кюхельбекера.

Михаилъ Карловичъ, во время пребыванія своего въ Сибири, женился на мѣщанкѣ Аннѣ Степановнѣ Токаревой и имѣлъ уже двухъ дочерей, когда бракъ этотъ свят. синодомъ былъ расторгнутъ,—оказалось, что Кюхельбекеръ вступилъ въ союзъ со своею кумою. Однако, Кюхельбекеръ, уступая закону природы и не признавая никогда, какъ лютеранинъ, въ кумовствѣ препятствія къ супружеству, продолжалъ свой союзъ съ Анной Степановной и прижилъ съ нею еще 4-хъ дочерей.

Въ 1859 году Михаилъ Карловичъ умеръ, и жена его обратилась къ Наталіи Григорьевнѣ и Францу Викентьевичу Одинцамъ съ письмомъ, въ которомъ просила ихъ принять подъ свое покровительство дочерей ея, съ правомъ усыновленія.

Генераль-маіоръ Ф. В. Одинецъ, по чувству состраданія къ несчастнымъ сиротамъ, которыя по закону не пользовались ни званіемъ, ни фамиліею отца, и будучи самъ бездѣтенъ, въ 1860 году просилъ Государя Императора о позволеніи ему дочерей покойнаго Кюхельбекера: Юлію (Іуліанія) родившуюся въ 1840 г., Александру, родившуюся въ 1845 г., Екатерину, родившуюся въ 1846 г., и Анну, родившуюся въ 1852 году, причислить къ его семейству, съ правами на принадлежащія ему фамилію и дворянство.

Указывая во всеподданнѣйшемъ прошеніи на полученное Кюхельбекеромъ прошеніе, Одинецъ добаазилъ. „Довершите, Государь, милость, оказанную отцу, открытіемъ послѣднимъ дочерямъ его возможности получить образованіе и занятія въ обществѣ мѣсто, соотвѣтственное съ его происхожденіемъ и равное съ своими старшими сестрами“.

Надо сказать, что другихъ дочерей Кюхельбекера просьба Франца Викентьевича не касалась потому, что старшая изъ нихъ, Анна Михайловна, была въ то время замужемъ за колл. асс. Миштовичемъ и пользовалась правами потомственнаго дворянства, младшая же, Анастасія, родившаяся въ 1857 году, въ концѣ 1860 г., передъ подачею прошенія, умерла.

Одновременно съ прошеніемъ Одинца, генераль-адъютантъ Борисъ Григорьевичъ Глинка послалъ (11 ноября 1860 г.) письмо къ статсъ-секретарю князю Голицыну. Называя артиллеріи генераль-маіора Одинца своимъ зятемъ, Глинка просилъ повергнуть на Всемиловѣйшее воззрѣніе то обстоятельство, что и онъ, по родству съ дѣтми покойнаго Михаила Кюхельбекера, осмѣливается присоединить всеподданнѣйшую просьбу свою къ ходатайству генераль-маіора Одинца.

По Высочайшему повелѣнію, прошеніе Ф. В. Одинца было послано на заключеніе министра юстиціи Д. Н. Замятина, который высказалъ мнѣніе свое по этому дѣлу въ слѣдующихъ чертахъ:

По ст. 133 т. X ч. 1 закон. гражд., участь дѣтей, происшедшихъ отъ брака, въслѣдствіи расторгнутаго, можетъ быть повергаема на Монаршее воззрѣніе, когда кто-либо изъ супруговъ окажется невиновнымъ въ противозаконномъ бракѣ. Но этотъ законъ къ дѣтямъ Кюхельбекера не можетъ быть примѣненъ потому, что они прижиты съ Токаревою уже въ то время, когда бракъ ея съ Кюхельбекеромъ былъ расторгнутъ св. синодомъ.

Равнымъ образомъ, настоящее ходатайство генераль-маіора Одинца о передачѣ фамиліи и дворянства воспитанницамъ его не можетъ быть примѣняемо и къ общимъ узаконеніямъ объ усыновленіи дворянами, неимѣющими потомства, такъ какъ симъ закономъ дозволяется усыновлять только дворянъ и притомъ ближайшихъ и законорожденныхъ родственниковъ усыновляющаго, къ разряду каковыхъ воспитанницы Одинца не принадлежатъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что просьба генераль-маіора Одинца объ усыновленіи ему лицъ, не принадлежащихъ къ его родству и обязанныхъ, по происхожденію своему, записаться въ податное состояніе, по силѣ законовъ удовлетворена быть не можетъ.

Что касается соображеній о томъ, можетъ ли быть удовлетворена настоящая просьба генераль-маіора Одинца въ видѣ Монаршей милости, то въ семъ отношеніи остается лишь руководствоваться бывшими въ послѣднее время неоднократно примѣрами Монаршаго снисхожденія на просьбы о соприченіи къ законнымъ дѣтей незаконорожденныхъ, а равно на просьбы о дарованіи фамилій и правъ состоянія воспитанникамъ и пріемышамъ неизвѣстнаго происхожденія.

Изъ послѣдовавшихъ по дѣламъ сего рода разрѣшеній видно, что воспитанникамъ предоставлены были фамиліи ихъ воспитателей или другія какія-либо приличныя прозванія и при этомъ Всемиловѣйше дарованы однимъ потомственное почетное гражданство, другимъ личное почетное гражданство, третьимъ личное дворянство, четвертымъ потомственное дворянство, но безъ правъ на наслѣдство въ имуществѣ воспитателя или усыновляющаго, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ, по особеннымъ уваженіямъ дарованы воспитанникамъ неизвѣстнаго происхожденія не только фамиліи, но даже права дворянства и наслѣдованія въ имуществѣ воспитателей.

Примѣняясь къ таковымъ примѣрамъ Монаршаго милосердія и принимая во вниманіе, что находящіися нынѣ на воспитаніи у бездѣтнаго генераль-маіора Одинца четыре незаконорожденныя дочери Михаила Кюхельбекера прижиты послѣднимъ въ тяжкіе годы ссылки его въ Сибирь; что помянутый Михаилъ Кюхельбекеръ до ссылки его въ 1825 г. имѣлъ чинъ лейтенанта и слѣдовательно, пользовался правами потомственного дворянства, что онъ въслѣдствіи получилъ Всемиловѣйшее прошеніе, но умеръ въ 1859 году, не

успѣвъ возвратиться изъ Сибири, и что о сихъ дѣтяхъ нынѣ ходатайствуетъ не только генераль-маіоръ Одинецъ, женатый на родной племянницѣ Кюхельбекера, но и другой родственникъ Кюхельбекера—генераль-адъютантъ Глинка,—министръ юстиціи, съ своей стороны, полагалъ, что ходатайство ихъ заслуживаетъ уваженія и что, вслѣдствіе того, могло бы быть испрошено Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на дарованіе четыремъ дочерямъ Михаила Кюхельбекера, по Монаршему милосердію и благоусмотрѣнію, правъ и фамиліи воспитателя ихъ, бездѣтнаго генерала Одинца, но безъ правъ наслѣдованія въ его имуществѣ, или же, по крайней мѣрѣ, правъ почетнаго гдажданства и фамиліи Михайловыхъ, по примѣру дарованія дѣтямъ возвращеннаго изъ Сибири барона Штейнгеля правъ личнаго почетнаго гдажданства и фамили Бароновыхъ и по примѣру подобной милости, оказанной двумъ воспитанницамъ возвращеннаго изъ Сибири дворянина Матвѣя Муравьева-Апостола, коимъ Все милостивѣйше дарованы фамиліи Матвѣевыхъ, по имени ихъ воспитателя, и права личнаго почетнаго гдажданства.

24 декабря 1861 года былъ подписанъ Государемъ Императоромъ Высочайшій указъ о Все милостивѣйшемъ дозволеніи означеннымъ воспитанницамъ генераль-маіора Одинца пользоваться фамилією и правами состоянія воспитателя ихъ, безъ права токмо наслѣдованія въ родовомъ его имѣніи.

Къ сказанному не лишне, можетъ быть, добавить, что Ф. В. Одинецъ въ 1861 году жилъ въ Екатеринбургѣ, занимая должность главнаго пріемщика орудій, снарядовъ и металловъ въ сухопутную артиллерію съ заводовъ хребта уральскаго.

Н. А. Мурзановъ.

Письма въ редакцію.

I.

(Лекція В. С. Соловьева по поводу 1-го марта 1881 года).

Въ мартовской книгѣ «Былого» за прошлый годъ былъ напечатанъ рассказъ о лекціи Владиміра Соловьева въ залѣ Кредитнаго Общества, 28 марта 1881 года, по поводу событія перваго марта, со словъ одной изъ слушательницъ.

Я присутствовалъ на этой лекціи отъ начала до конца и видѣлъ Соловьева при его уходѣ, когда его окружали восторженные лица молодежи. Содержаніе его рѣчи было вполне опредѣленное: онъ говорилъ на этотъ разъ не о Богородицѣ, а о народно-христіанскомъ идеалѣ Царя, о высшемъ нравственномъ значеніи царской власти и объ ея обязательныхъ качествахъ и условіяхъ. Упомянувъ о краснорѣчивомъ изложеніи идеи Царя въ недавней лекціи Ивана Аксакова (а не Бестужева-Рюмина), пріѣзжавшаго изъ Москвы для пропаганды своихъ взглядовъ, Вл. Соловьевъ ярко изобразилъ предъ нами тѣ возвышенныя свойства, которыми долженъ обладать монархъ, чтобы соответствовать своему назначенію. Онъ нарисовалъ такой идеально-высокій образъ Царя, какого не могло существовать въ дѣйствительности, и затѣмъ прямо перешелъ къ волновавшему всѣхъ процессу царевубійцъ. Онъ говорилъ медленно, отчеканивая отдѣльные слова и фразы, съ короткими паузами, во время которыхъ онъ стоялъ неподвижно, опустивъ свои удивительные глаза съ длинными рѣсницами. «Царь *можетъ* ихъ простить»,—сказалъ онъ съ удареніемъ на словѣ «можетъ», и послѣ недолгой остановки продолжалъ, возвысивъ голосъ: «Царь *долженъ* ихъ простить». Особая напряженная тишина господствовала въ залѣ, и никому не приходило въ голову прерывать ее рукоплесканіями. Никакихъ возгласовъ не было: никто не поднимался передъ эстрадой съ угрожающими словами, никто не кричалъ: «Тебя перваго казнить, измѣнникъ! Тебя перваго вѣшать, злодѣй!» Это было бы совершенно немыслимо при общемъ тогдашнемъ настроеніи. Не было также криковъ: «Ты нашъ вождь! Ты насъ веди!» Соловьеву была устроена овація только по окончаніи лекціи, когда онъ сходилъ съ кафедры и направлялся потомъ къ выходу мимо взволнованной публики; и если къ нему «протягивались десятки трепетныхъ рукъ», преимущественно курсистокъ, то вовсе не для того, чтобы качать его «высоко» надъ головами толпы. Рассказъ о томъ, какъ «тѣ же руки бережно несутъ свою ношу съ

эстрады въ залъ» и «два или три раза обносятъ его кругомъ», составляетъ очевидно плодъ галлюцинаціи. Ничего подобнаго не было и быть не могло.

Я рѣшительно протестую также противъ утвержденія, что будто бы тамъ-же среди публики, тотчасъ по окончаніи лекціи, «на очередь всталъ вопросъ объ административной карѣ, ожидающей Соловьева». Очень можетъ быть, что по гнусной холопской привычкѣ нѣкоторые изъ слушателей заранѣе предупреждали вѣроятныя намѣренія администраціи и этимъ косвенно оправдывали будущія репрессивныя мѣры, какъ неизбѣжныя будто бы по тогдашнему положенію вещей,—но никакого вопроса объ этомъ не возникало и не могло возникнуть въ самый вечеръ 28 марта, въ помѣщеніи Кредитнаго Общества. Передаваемый «слушательницею» разговоръ министра народнаго просвѣщенія съ Соловьевымъ въ вестибюлѣ не могъ имѣть мѣста по двумъ причинамъ: во-первыхъ, министръ народнаго просвѣщенія вовсе не присутствовалъ на лекціи, и во вторыхъ, если бы даже онъ присутствовалъ, то конечно не сталъ бы тутъ же совѣтовать Соловьеву «сейчасъ же ѣхать къ Лорисъ-Меликову» и не грозилъ бы ссылкой въ Колымскъ въ присутствіи многочисленныхъ возбужденныхъ слушателей. Никакихъ сановниковъ вообще не было на лекціи, а въ первыхъ рядахъ были только профессора, изъ которыхъ я запомнилъ типическую фигуру Ореста Миллера.

Нѣсколько дней спустя, вслѣдствіе представленія, сдѣланнаго государю К. П. Побѣдоносцевымъ объ опасныхъ для казеннаго православія «лжеученіяхъ» Соловьева, послѣднему было сообщено о запрещеніи впредь читать какія бы то ни было публичныя лекціи. Къ этому официальному мѣропріятію относилось письмо Соловьева къ императору Александру III, напечатанное въ той же мартовской книжкѣ «Былого». Запрещеніе выступать публично оставалось въ силѣ для Соловьева въ теченіе многихъ лѣтъ, и этимъ онъ былъ обязанъ К. П. Побѣдоносцеву, какъ говорилъ мнѣ неоднократно впоследствии самъ Вл. С. Соловьевъ.

Февраль 1907 г.

Л. Слонимскій.

II.

Въ статьѣ «Молодость отца Митрофана» («Былое», № 1, 1907 г.) М. К. Лемке, въ выноскѣ на стр. 191, цитируетъ мои «Воспоминанія изъ прошлаго», гдѣ я говорю, что Кіево-Харьковскій студенческій кружокъ конца 50-хъ годовъ былъ «просто замкнутымъ кружкомъ, задававшимся просвѣтительными цѣлями», и противопоставляетъ моимъ словамъ, что Муравскій (впоследствии «отецъ Митрофанъ») дважды говоритъ о тайномъ обществѣ. Мои слова основаны на томъ, что я слышалъ отъ Я. П. Бекмана и М. С. Гулевича. Они опредѣленно говорили, что практической задачей кружка была просвѣтительная работа, направленная на широкія народныя массы и, какъ ближайшее средство—школа, по условіямъ того времени,—воскресная. Конечно, кружокъ былъ тайнымъ, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ при-

нято понимать тайное общество, ставящее себя непосредственной задачей политическія цѣли.

По словамъ тѣхъ же лицъ самое раскрытіе этого дѣла произошло такъ. Екат. Степ. Гаршина покинула своего мужа и жила у Завадскаго. Вслѣдствіе требованія мужа, явилась къ Завадскому полиція, кажется, чтобы забрать Екат. Степ. и водворить къ законному мужу; при этомъ былъ произведенъ обыскъ, и у Завадскаго нашли нѣчто въ родѣ протоколовъ кружка (если не ошибаюсь, веденныхъ имъ лично для себя). Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы при наличности такого документа дѣло могло закончиться одной только административной высылкой, еслибы члены кружка завинялись въ политическомъ сообществѣ, особенно, если придавать хоть малѣйшую вѣру позднѣйшей запискѣ (62 г.) сенатора Жданова, что въ тайномъ обществѣ остановились на необходимости истребленія всей царской фамиліи и что исполненіе этого намѣренія брался выполнить Завадскій, отдѣлавшійся, какъ и всѣ другіе, высылкой—въ Олонецкую губернію.

На стр. 192 М. К. Лемке приводитъ письмо Е. С. Гаршиной къ Завадскому; въ немъ есть фраза: «ты боишься, чтобы я не попала въ крѣпость? Поэтому самое лучшее мнѣ убраться подъ благословенный кровъ Г-на». Тутъ надо разумѣть Гаршина, мужа Е. С., а не Герцена, какъ истолковываетъ М. К. Лемке. Въ томъ же письмѣ есть еще инициалы С. У. Это ст. Пет. Университета, Пет. Лук. Спасскій и Н. Утинъ.

Ек. Ст. была урожденная Акимова, а не Завадская.

Л. Пантелѣвъ.

III.

«Повѣствователь долженъ прежде всего быть правдивымъ», говорить на 58-й страницѣ журнала «Былое» за декабрь 1906 г. г. «Старикъ» въ XI главѣ его интереснаго очерка: «Движеніе семидесятыхъ годовъ по Большому процессу (193-хъ)».—Это—святая истина, которая, къ сожалѣнію, имъ же рѣзко нарушается какъ въ общемъ освѣщеніи характера народническаго движенія, такъ и въ частномъ утвержденіи его въ той же главѣ того же очерка двумя страницами выше, когда онъ утверждаетъ, что «ни одинъ» изъ лавровцевъ даже случайно не былъ привлеченъ къ процессу 193-хъ». Какъ одинъ изъ участниковъ въ этомъ процессѣ, я категорически утверждаю, что не только къ дознанію, но и къ суду по этому процессу привлекались завѣдомые «лавровцы», никогда къ «анархистамъ» никакого отношенія не имѣвшіе. Лично я принималъ участіе въ народническомъ движеніи съ перваго момента его зарожденія, но всегда къ анархизму относился совершенно отрицательно,—а я, какъ извѣстно, г. «Старику» привлекался не только къ дознанію, но и судился (и былъ осужденъ) въ числѣ 193-хъ по Большому процессу. Позволяю себѣ категорически утверждать, что и привлекавшіеся къ тому же процессу 193-хъ А. И. Желябовъ, Ф. В. Волховской, С. А. и В. А. Жебуневы, и нѣкоторые другіе къ анархистамъ не примыкали, и что, во всякомъ случаѣ,

отожествленіе «народничества» 70-х годовъ съ анархизмомъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно.

Я хотѣлъ бы надѣяться, что г. «Старикъ», въ интересахъ «правдивости», которую онъ самъ считаетъ обязательной для «повѣствователя», вновь тщательно просмотритъ свой очеркъ, сличитъ его съ фактическими данными и исправитъ всѣ его какъ фактическія, такъ и тенденціозныя погрѣшности. Самъ я непосредственно «въ народѣ» не работалъ, да и изъятъ былъ изъ жизни въ январѣ 1874 года, т. е. до того момента, когда народники «двинулись въ народъ». Полагаю, что кто-нибудь изъ послѣднихъ, еще нынѣ здравствующихъ, сочтетъ своимъ долгомъ прійти на помощь г. «Старику» при просмотрѣ имъ своего очерка...

С. Чудновскій.

3 марта 1907 года.

IV.

Отрывки изъ помѣщенныхъ въ журналѣ «Былое» моихъ воспоминаній, были даны въ англійскій журналъ «The Strand Magazin» и были напечатаны въ 1-ой и 2-ой книжкахъ этого журнала за 1906 годъ. Редакція журнала, однако, искажила текстъ этихъ отрывковъ, вставивъ туда цѣлыя страницы отъ себя, безъ всякихъ оговорокъ, только въ 3-ей книжкѣ, по моему настоянію, было помѣщено по этому поводу разъясненіе редакціи.

Въ томъ же 1906 году въ 1-ой и 2-ой книжкѣ «Новаго журнала литературы, искусства и науки», издаваемого въ Петербургѣ, появился переводъ съ англійскаго этихъ отрывковъ. Къ сожалѣнію, редакція «Новаго Журнала» не только сохранила, вопреки упомянутому разъясненію редакціи «The Strand Magazin'a» всѣ искаженія, но даже не указала, что публикуемые ею отрывки представляютъ переводъ. Въ такомъ видѣ этотъ переводъ былъ позже кѣмъ-то изданъ отдѣльной брошюрой. Ввиду этого считаю необходимымъ замѣтить здѣсь, что изъ всѣхъ появившихся до сихъ поръ на русскомъ языкѣ текстовъ воспоминаній о «Броненосцѣ Потемкинѣ» подъ моимъ именемъ, я считаю правильнымъ и всецѣло мнѣ принадлежащимъ только текстъ, напечатанный въ журналѣ «Былое».

А. Коваленко.

V.

Въ статьѣ С. А. Савинковой, «На волосъ отъ казни» въ 1 № «Былого» за 1907 г. было сказано, что въ освобожденіи Б. В. Савинкова изъ тюрьмы принималъ участіе В. М. Сулятицкій, вольноопредѣляющійся 51 *Митавскаго* полка. Насъ просятъ заявить, что В. М. Сулятицкій служилъ вольноопредѣляющимся въ 6-й ротѣ 51 пѣхотнаго *Литовскаго* полка.

Историческая библиографія.

L'Internationale. Documents et Souvenirs (1864—1878). Par James Guillaume. Tome Second. Avec un portrait de Michel Bakounine. Paris 1907.

Предъ нами лежитъ новый, только что вышедшій томъ воспоминаній Жемса Гильома (извѣстнаго читателямъ „Вылого“ по краткой біографіи Бакунина). Гильомъ являетъ собою наглядный образецъ того, какъ беззаветно, на всю жизнь умѣлъ привязывать иной разъ къ себѣ людей русскій агитаторъ. Любовью къ Бакунину, благоговѣйнымъ отношеніемъ къ его памяти проникнута каждая строка этихъ воспоминаній объ Интернаціональномъ обществѣ рабочихъ. Нужно сказать, что самыя воспоминанія Гильома представляютъ собою иногда цѣнный сырой матеріалъ для исторіи знаменитаго общества, но не блещутъ ни широтою исторической перспективы, ни глубиною мысли, ни—last not least—художественностью изложенія,—тѣмъ свойствомъ, которымъ русскій читатель политическихъ мемуаровъ избалованъ разъ навсегда со времени Герцена,—избалованъ и поэтому требователенъ, не взирая на крайній (и уже давно ощущаемый) недостатокъ у насъ въ новыхъ Герценахъ. — У Гильома не совсѣмъ свободна мысль и, особенно, чувство — отъ всякаго рода партійныхъ условностей и соображеній: партійный, вѣрнѣе, фракціонный человекъ не умеръ въ немъ, и это отчасти вредитъ мемуаристу. Не обинуясь признаемъ, что страницы, относящіяся къ Бакунину, — лучшая часть воспоминаній не только потому, что Бакунинъ былъ крупнѣйшей исторической фигурой изъ всѣхъ, съ кѣмъ Гильому приходилось встрѣчаться, но и вслѣдствіе живого чувства, которымъ эти страницы согрѣты: читателю ясно, что Бакунинъ самую свою широкую натуру, своимъ дантоновскимъ темпераментомъ, своимъ яркимъ талантомъ—плѣнилъ Гильома и сталъ центральной фигурой въ его жизни, — даже независимо отъ фракціонныхъ симпатій и антипатій швейцарскаго социалиста. Въ нынѣ вышедшемъ второмъ томѣ этихъ воспоминаній можно отмѣтить нѣсколько небезынтересныхъ чертъ, касающихся Бакунина въ послѣдніе годы его жизни (т. е. собственно только до 1872 года).

Любопытно, напр., до чего доходило раздраженіе бакунистовъ и марксистовъ въ ихъ борьбѣ за преобладающее вліяніе въ „Интернаціоналѣ“. Въ числѣ противниковъ Бакунина особенно непримиримымъ былъ Утинъ, который на конгрессѣ 4-го Апрѣля 1870 года заявилъ по поводу бакунистовъ, что если-бы когда нибудь при побѣдѣ революціи гильотина функционировала, то они достойны были-бы, чтобы народъ ихъ гильотинировалъ. (I. Guillaume,

стр. 9). Рѣчь Утина была полна самыхъ яростныхъ обвиненій противъ Бакунина: онъ, между прочимъ, обвинялъ Бакунина въ пропагандѣ „безправственныхъ средствъ“, въ іезуитскомъ ученіи о средствахъ, оправдываемыхъ цѣлью и т. д. Тогда въ полемикѣ противъ Бакунина часто ему приписывались нечаевскія дѣйствія и нечаевскія прокламаціи. А между тѣмъ Бакунинъ былъ уже наканунѣ разрыва съ Нечаевымъ. Объ этомъ разрывѣ Гильомъ сообщаетъ кое-какія любопытныя детали. Разрывъ произошелъ въ срединѣ лѣта 1870 г. послѣ того, какъ „открыли мало-по-малу, что Нечаевъ для обезпеченія за собою диктатуры прибѣгалъ къ всякаго рода іезуитскимъ маневрамъ, ко лжи, похищенію документовъ и т. д., дѣло дошло въ одинъ прекрасный день до рѣшительнаго объясненія съ нимъ, вслѣдствіе котораго онъ внезапно покинулъ Женеву, увозя съ собою цѣлую коллекцію бумагъ, похищенныхъ имъ у Бакунина и у другихъ русскихъ эмигрантовъ“. Къ этой эпохѣ относится и извѣстное письмо Бакунина въ Лондонъ, гдѣ онъ дѣлаетъ характеристику Нечаева и совѣтуетъ остерегаться его, какъ опаснѣйшаго человѣка, который для достиженія своихъ цѣлей способенъ на самые безправственные поступки. („...онъ обманулъ довѣріе насъ всѣхъ къ нему, онъ кралъ наши письма, онъ страшно насъ компрометтировалъ, однимъ словомъ повелъ себя какъ подлецъ. Единственное его извиненіе — это его фанатизмъ. Онъ страшно честолюбивъ, хотя не сознаетъ этого, — ибо кончилъ тѣмъ, что отождествилъ совершенно дѣло революціи со своею особою; но это не эгоизмъ въ пошломъ смыслѣ слова, такъ какъ страшно собою рискуетъ и ведетъ жизнь мученика, жизнь полную лишеній и неслыханныхъ трудовъ... Большая часть его обмановъ шиты бѣлыми нитками... Но несмотря на эту относительную наивность, онъ очень опасенъ, такъ какъ ежедневно совершаетъ поступки, вродѣ злоупотребленія довѣріемъ, измѣны, противъ которыхъ тѣмъ труднѣе себя обезопасить, что считаешь ихъ почти невозможными. Со всѣмъ тѣмъ Нечаевъ — сила, потому что это—огромная энергія. Съ большимъ трудомъ разстался я съ нимъ, потому что служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи, а рѣдко можно ее встрѣтить столь развитою. Но истощивши всѣ средства убѣжденія, я долженъ былъ разстаться съ нимъ, а разъ разставшись, я долженъ былъ съ нимъ сражаться до послѣдней крайности. Его товарищъ и компаньонъ С.—откровенный мошенникъ, лгунъ съ мѣднымъ лбомъ, безъ извиненій, безъ возможности оправданія фанатизмомъ“). Къ этому Гильомъ добавляетъ и личныя свои воспоминанія. Нечаевъ прятался въ 1870 году, ибо русское правительство со всѣми своими шпіонами и дипломатами уже предприняло за нимъ по всей Швейцаріи ту охоту, которой суждено было окончиться блестящимъ успѣхомъ. Однажды вечеромъ Нечаевъ, спасаясь отъ полиціи, переночевалъ у Гильома, а спустя нѣкоторое время, прислалъ Гильому чемоданъ, попросивши предварительно сохранить его нѣсколько дней у себя. Затѣмъ Нечаевъ въ сопровожденіи одного итальянца, бывшаго у него какъ-бы на положеніи слуги, побывалъ у Гильома и просилъ отдать чемоданъ одному его другу, который явится. На другой день явился другъ, называвшій себя Салье и бывшій на самомъ дѣлѣ Владиміромъ Серебrenниковымъ (буква С. въ вышеприведенномъ письмѣ Бакунина относится по словамъ Гильома именно къ нему). Чемоданъ былъ куда-то увезенъ. Проходитъ еще день-другой и является Озеровъ (русскій эмигрантъ) и нечаевскій итальянецъ. Узнавши, что стало съ чемоданомъ, оба воздымаютъ руки и восклицаютъ: „Слишкомъ поздно!“ Оказалось слѣдующее: Послѣ отъѣзда Нечаева изъ Женевы Бакунинъ замѣтилъ, что у него укра-

денъ бумаги, и сообразилъ, что виновникъ Нечаевъ. Онъ не зналъ только, куда тотъ отправился, — но здѣсь вдругъ явился молодой итальянецъ и съ плачевнымъ видомъ разсказалъ, что *radione* былъ очень сердитъ, обходился съ нимъ, какъ съ собакой, угрожалъ ему револьверомъ, чтобы добиться повинности, и вотъ онъ отъ него ушелъ. По слѣдамъ они бросились искать украденныхъ бумагъ. Опоздавши у Гильома, они пустились въ дальнѣйшую погоню, столь-же безуспѣшную. На другой день у Гильома побывала „молодая дама съ таинственными манерами“, которая оказалась Натальей Александровной Герценъ. Дѣло въ томъ, что она рѣшила путемъ убѣжденія повліять на Нечаева, чтобы онъ отдалъ похищенное. Она даже добилась, въ концѣ концовъ, свиданія съ Нечаевымъ, но успѣха—не имѣла. Похищенные бумаги были найдены лишь въ 1872 году въ Парижѣ. Зачѣмъ Нечаевъ ихъ взялъ? Въ вышецитированномъ письмѣ Бакунина есть, одна фраза, желающая объяснить подобныя поступки:... „онъ долженъ овладѣть вами безъ вашего вѣдома. Чтобы этого достигнуть, онъ... въ ваше отсутствіе, оставшись одинъ въ вашей комнатѣ откроетъ всѣ ваши ящики, прочтетъ всю вашу корреспонденцію и, когда какое нибудь письмо покажется ему интереснымъ, т. е. въ какомъ нибудь отношеніи компрометирующимъ васъ или кого-либо изъ вашихъ друзей, онъ его украдетъ и тщательно его сохранить“...

Громъ пушекъ на Рейнѣ заставилъ, конечно, забыть обо всѣхъ этихъ передрыгахъ. Объ участіи Бакунина въ революціонномъ движеніи въ Ліонѣ и Марселѣ Гильомъ не говоритъ ничего новаго. Вся эпоха франко-прусской войны прошла у Бакунина въ кипучей литературной дѣятельности, послѣдовавшей за его революціонными выступленіями во Франціи. А нужда дожимала его, по обыкновенію, жесточайшимъ образомъ въ эти именно мѣсяцы. Вотъ его дневникъ: „2 Января. Кошелекъ пустъ. Дано Антони 5 франковъ. 3 Янв. Безъ денегъ. Занято у Маріи 45 фр. 5-е. Дано Антони 20 фр. 9-е. Дано Антони 3 фр. 11-е. Безъ денегъ. 13-е. Безъ денегъ. 14-е. Взято у Маріи 40 фр.“ и т. д. Подъ 25-мъ Января: Нѣтъ чаю. Подъ 2-мъ Марта: Только 16 фр. въ карманѣ. 6-е Марта. 5 фр. въ карманѣ. Что дѣлать? Обратиться къ м-ше Францони? 7-е. Францони нѣтъ. Всего есть 5 фр. 8-е Марта. Боленъ. 5 фр. всего. 9-е. Въ карманѣ 3 фр. 50 сантимовъ“. 10-го 1 франкъ 85 сантимовъ. 11-го. Остается 5 сантимовъ и т. д. Эта безвыходная нужда именно оттого такъ жестоко его терзала въ эту зиму, что изъ тощаго своего кошелька онъ истратилъ большія для него деньги на революціонную поѣздку во Францію. Только случайные и скудные займы у окружающихъ спасали отъ голодной смерти.—Къ „утопленной въ крови пролетаріевъ“ парижской коммуны онъ относился, какъ къ грандіозному историческому факту, способному будто-бы приблизить время социальной „ликвидациі“. И знаменитая его полемика противъ Мадзини, собственно, и началась изъ за нападенія стараго итальянскаго революціонера на парижскую коммуну, такъ и непонятую имъ до конца жизни. Просто не вѣрится, что вся эта разносторонняя, лихорадочная, боевая дѣятельность обнаруживалась старикомъ, столько на своемъ вѣку вынесшимъ, да еще находящимся какъ разъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, незнающимъ гдѣ перехватить денегъ на завтрашній хлѣбъ и чай. (Онъ въ эту эпоху даже письма иной разъ посылалъ безъ марокъ, ибо не было на марки денегъ).

Настоящій томъ доводитъ наложеніе до 1872 года и преимущественно посвященъ, какъ сказано, раздорамъ въ „Интернаціональ“ (уже утратившей былое значеніе въ это время). Изъ документовъ и воспоминаній Гильома

явствует, что лично Бакунинъ въ 1870—72 гг. въ всякаго сравненія меньше принималъ участія въ междупартизанной борьбѣ, чѣмъ его приверженцы.—Въ началѣ 1872 года, между прочимъ, Гильомъ впервые познакомился съ Петромъ Кропоткинскимъ, съ жадностью изучавшимъ тогда (только что прѣхавъ изъ Петербурга) „Интернаціональ“ и ея короткую, но бурную исторію. Анархистскія воззрѣнія уже явственно овладѣвали тогда Юрскою федераціей подъ прямымъ воздѣйствіемъ Бакунина. Кропоткинъ такъ увлекся рабочимъ движеніемъ, что рѣшился было остаться въ Швейцаріи,—но Гильомъ не говоритъ обстоятельнѣе о теоретическихъ взглядахъ Кропоткина въ это время. „Послѣ своего возвращенія въ Невшателъ Кропоткинъ подѣлялся со мною мыслью, которая только что ему представилась, и относительно которой онъ спросилъ, каково будетъ мое мнѣніе: если, вмѣсто возвращенія въ Россію, онъ-бы остался въ Швейцаріи и, выучившись какому нибудь ручному ремеслу, остался бы среди насъ, чтобы всцѣло посвятить себя социалистической пропагандѣ и социалистическому дѣлу,—не было ли бы самымъ лучшимъ — подобное направленіе его дѣятельности? Я его разубѣдилъ: я ему указалъ на то, что ему, русскому князю, много труда будетъ стоять, чтобы швейцарскіе рабочіе приняли его, какъ настоящаго товарища; что его пропаганда будетъ гораздо болѣе дѣйствительна, если она будетъ происходить въ Россіи, среди его соотечественниковъ, нужды которыхъ онъ хорошо знаетъ и съ которыми онъ могъ бы говорить языкомъ, наиболѣе соответствующимъ ихъ особымъ условіямъ; что въ его странѣ жатва огромна, а работниковъ слишкомъ мало для того, чтобы безъ абсолютной необходимости можно было отрывать хотя бы одного отъ его работы, — въ то время какъ на Западѣ, въ особенности въ Швейцаріи, при подкрѣпленіяхъ, которыя къ намъ только что явились вслѣдствіе французской проскрипціи (послѣ усмиренія Коммуны Е. Т.) у насъ есть много борцовъ. Онъ призналъ, что я правъ и сказалъ мнѣ. Я возвращусь въ Россію. Я ему пожелалъ удачи и мы разстались, спрашивая себя, увидимся ли мы еще когда либо. Впродолженіе двухъ лѣтъ я ничего о немъ не слышалъ; весною 1874 года газеты сообщили, что онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость“.

Чтобы высказать наше мнѣніе относительно раздора между приверженцами Маркса и Бакунина (чему посвящено болѣе всего мѣста въ этихъ воспоминаніяхъ), т. е. точнѣе, чтобы опредѣлить степень исторической значительности тѣхъ матеріаловъ, которые приводитъ по этому вопросу Гильомъ, необходимо подождать появленія еще третьяго тома воспоминаній, — гдѣ будутъ затронуты событія 1872—1878 гг. Только тогда историческая критика будетъ въ состояніи высказаться по этому поводу съ достаточной полнотой и обстоятельностью.

Е. Тарле.

А. Н. Брячаниновъ. *Мемдодумье. Сборникъ матеріаловъ для характеристики политическаго положенія передъ созывомъ второй Думы. Выпускъ I. С.-Петербургъ, 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.*

Для оцѣнки значенія и сущности властвованія министерства П. А. Столыпина, будущему историку переживаемой нами эпохи не понадобится дѣлать ни сложныхъ и кропотливыхъ архивныхъ изысканій, ни анализа тѣхъ условій, въ которыхъ протекала дѣятельность современныхъ вершителей судьбы русскаго народа. Достаточно взглянуть на акты, изданные кабинетомъ г. Столыпина,

чтобы передъ вами встала яркая, образная, красочная картина той „полноты власти“, которою такъ своеобразно пользуется этотъ необыкновенный кабинетъ. Самое пламенное перо публициста или историка не въ состояніи болѣе соперничать въ силѣ изобразительности съ безстрастными, спокойными, почти равнодушными заявлениями г. Столыпина, разсѣянными въ изданныхъ имъ между двумя Думами въ безконечномъ числѣ законахъ, циркулярахъ, деклараціяхъ, распоряженіяхъ, разъясненіяхъ, приказахъ и т. п. Почти каждая бумага, выпущенная изъ кабинета г. Столыпина, начинается и кончается заявленіемъ о томъ, что правительство стремится къ успокоенію страны, къ огражденію благосостоянія населенія, къ охранѣ порядка, къ насажденію законности. Но стоитъ только собрать воедино всѣ эти документы, какъ вы ясно увидите, что за всѣми этими хорошими словами стоитъ совсѣмъ иная программа.

Книга г. Брянчанинова даетъ поразительную картину беззаконности, самовласти и жестокости, положенныхъ высшимъ правительствомъ въ основу управленія странюю. Въ этомъ отношеніи отдѣлы книги, гдѣ приведены примѣры репрессивныхъ мѣръ кабинета г. Столыпина и репрессивныхъ распоряженій мѣстныхъ властей, несмотря на крайнюю неполноту ихъ, представляютъ тягчайшій обвинительный актъ противъ правительства, хотя здѣсь собраны исключительно только официальные документы и къ нимъ не прибавлено ни одного слова составителя книги. Остальные отдѣлы, заключающіе примѣры неконституционности законодательныхъ распоряженій правительства и антиконституционности актовъ, изданныхъ кабинетомъ г. Столыпина на основаніи 87 ст. осн. законовъ, характеристику условий выборной кампаніи передъ второю Думою, нѣсколько данныхъ объ отношеніи правительства къ партіямъ, стремящимся возстановить неограниченное самодержавіе и т. п.,—все это дѣлаетъ картину еще болѣе яркою, положеніе еще болѣе безотраднымъ.

Краспорѣчивость собраннаго г. Брянчаниновымъ матеріала выступаетъ съ особенною рельефностью, если принять во вниманіе, что рассматриваемая книга составлена далеко несовершенно и въ отношеніи полноты собранныхъ документовъ оставляетъ желать весьма многого. Въ своемъ предисловіи г. Брянчаниновъ говоритъ, что хотя сборникъ его былъ задуманъ, какъ приложение къ опыту анализа политическаго положенія передъ второю Думою, но выпущенъ имъ отдѣльно „въ виду того, что коллекція матеріаловъ по разнообразію и обилію можетъ имѣть практической справочный интересъ для лицъ, слѣдящихъ за первыми шагами Думы“. „Если предлагаемый сборникъ, заканчиваетъ г. Брянчаниновъ свое предисловіе, облегчитъ хоть нѣсколькимъ читателямъ, политикамъ, а въ особенности, членамъ Думы, нахожденіе нужнаго для нихъ матеріала, разсыпаннаго въ различныхъ мѣстахъ, и собраніе котораго *post factum*, при неимѣніи времени, представляетъ значительныя трудности, то издатель почтетъ себя вполне вознагражденнымъ за потраченные труды и время“.

Хотя обиліе и разнообразіе собраннаго г. Брянчаниновымъ матеріала не подлежатъ никакому сомнѣнію—книга его заключаетъ 357 большихъ страницъ, заполненныхъ компактною печатью,—но въ томъ, что книга его можетъ принести ту пользу, на которую онъ рассчитываетъ—приходится сильно усомниться, такъ какъ для этого въ трудѣ г. Брянчанинова нѣтъ основного элемента подобныхъ изданій—полноты и систематичности. Такимъ образомъ, книгу никоимъ образомъ нельзя рекомендовать, какъ справочное изданіе. Какъ историческій документъ, она страдаетъ еще большимъ недостаткомъ—совершеннымъ

отсутствіемъ такихъ документовъ, которые характеризуютъ цѣлыя огромныя отрасли дѣятельности правительства г. Столыпина. Такъ, читатель ничего не узнаетъ изъ книги г. Брянчанинова о томъ, какъ относилось правительство къ безконечному ряду жестокостей, творившихся надъ заключенными политическими въ тюрьмахъ, къ множеству убійствъ, погромовъ, набіевъ, совершенныхъ агентами правительства и черносотенцами. А между тѣмъ, такіе документы, какъ приказъ начальника гвардейской пѣхотной дивизіи ген. Лечицкаго, благодарившаго убійцу заключенной въ пересыльной тюрьмѣ Семеновой рядового Алексѣя Лискина или приказъ командира Гроховскаго полка въ Варшавѣ о награжденіи и благодарности убійцѣ поляка Дынды рядовому Павлову „за его честныя русскія убѣжденія“—опубликованіе однихъ только официальныхъ документовъ этого рода дало бы весьма яркую характеристику отношенія кабинета г. Столыпина къ обѣщаніямъ манифеста 17 октября о неприкосновенности личности. Напечатаніе краткихъ приказовъ о назначеніи въ составъ Петербургской полиціи выдающихся полицейскихъ „дѣятелей“: минскаго полиціимейстера Норова, Кіевскаго—Нихонькаго и Бѣлостокскаго пристава Шереметева—могло бы лучше всякихъ пламенныхъ статей характеризовать отношеніе кабинета г. Столыпина къ погромамъ. Но если можно еще допустить, что такіе факты могли ускользнуть отъ вниманія составителя книги, то трудно понять отсутствіе въ ней такихъ документовъ, какъ знаменитое письмо директора департамента полиціи г. Попухина объ организаціи погромовъ или обошедшій недавно всю печать рапортъ жандармскаго ротмистра Пѣтухова объ отношеніи полковника Тихановскаго къ Съдлецкому погрому. Въ этихъ двухъ документахъ, какъ въ фокусѣ, отразилась та система миролюбиваго воздѣйствія, о которой такъ часто упоминалось въ правительственныхъ заявленіяхъ. Не менѣе замѣчательна политика Столыпинскаго кабинета въ отношеніи элементовъ населенія объединяющихся въ политическія и общественныя организаціи. Ярче всего эта политика выразилась въ постановленіяхъ особыхъ присутствій по регистраціи обществъ и союзовъ, гдѣ съ постоянствомъ и систематичностью отвергались всякія попытки легализаціи, дѣлавшіяся неугодными правительству, хотя въполнѣ лойальными, обществами, союзами и партіями, и гдѣ явнымъ покровительствомъ пользовались всякія реакціонныя организаціи. Опубликованіе двухъ-трехъ протоколовъ этихъ присутствій дало бы для характеристики кабинета г. Столыпина драгоценнѣйшій историческій матеріалъ; между тѣмъ, объ этой сторонѣ дѣятельности правительства въ книгѣ г. Брянчанинова нѣтъ никакихъ указаній, какъ будто бы такой дѣятельности и не существовало.

Отмѣченныхъ нами пробѣловъ было бы совершенно достаточно для того, чтобы констатировать, что книга „Междодумье“ представляетъ далеко неполный матеріалъ для характеристики политическаго положенія передъ созывомъ второй Думы. Поэтому второстепенная цѣль г. Брянчанинова — облегчить читателямъ, политикамъ и членамъ Думы нахожденіе нужнаго имъ матеріала—достигнута имъ далеко не вполне: ни одинъ изъ отдѣловъ „Междодумье“ не можетъ похвалиться не только исчерпывающею полнотою, но полной наличностью хотя бы наиболѣе характерныхъ и важныхъ документовъ. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ „Примѣры репрессивныхъ распоряженій мѣстныхъ властей“ г. Брянчаниновъ привелъ около десятка административныхъ приказовъ, распоряженій губернаторовъ, градоначальниковъ, временныхъ ген.-губернаторовъ и т. п., но только одинъ изъ этихъ документовъ можетъ достаточно ярко характеризовать размахъ административнаго своеволія ставленниковъ каби-

нета г. Столыпина; это — приказъ временнаго курляндскаго ген.-губернатора отъ 5 сент. 1906 г. о томъ, что „при первомъ случаѣ грабежа, насилія, разбоя, убійства и вообще преступнаго факта бунтовскаго характера, въ волостяхъ будутъ немедленно взяты подъ стражу всѣ лица, которыя уже раньше привлекались къ дознаніямъ, а также всѣ извѣстные полиціи своей неблагонадежностью, и таковыя будутъ содержаться подъ стражею до тѣхъ поръ, пока не обнаружатся виновные“. Хотя этотъ приказъ достаточно говорить самъ за себя и за его автора, но читая этотъ документъ въ сборникъ, имѣющемъ цѣлью служить справочною книгою для политиковъ, приходится недоумѣвать, почему составитель извлекъ только одинъ этотъ документъ изъ множества приказовъ, которые имѣли бы гораздо болѣе правъ на увѣковѣчіе ими переживаемой нами эпохи „мѣстнаго законодательства“, созданнаго арміею административныхъ царьковъ изъ числа временныхъ генераль-губернаторовъ городовъ, уѣздовъ и волостей. Въ этомъ отношеніи достаточно привести одинъ изъ послѣднихъ перловъ этого рода—приказъ Екатеринославскаго генераль-губернатора ген. Давыдова отъ 26 декабря 1906 г.; въ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ документъ ген. Давыдовъ грозитъ военно-полевымъ судомъ всѣмъ домовладѣльцамъ и квартирантамъ, во владѣніяхъ или квартирахъ которыхъ будутъ обнаружены бомбы, и штрафомъ до 3000 руб. или тюремнымъ заключеніемъ до 3-хъ мѣсяцевъ—тѣмъ домовладѣльцамъ, которые докажутъ, что они не знали о присутствіи въ ихъ домахъ бомбъ. Центральная власть, допуская эту оргію самовластия и дикаго произвола, сама становилась участницей ея. Не собравъ во едино всѣ подобныя документы и ограничившись приведеніемъ лишь случайныхъ, далеко не наиболѣе характерныхъ изъ нихъ, составитель книги свелъ почти къ нулю значеніе самаго интереснаго изъ ея отдѣловъ.

Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ для сужденія о законодательныхъ предположеніяхъ кабинета г. Столыпина“ не вошли такіе важные документы, какъ программа правительства, опубликованная 24 августа, и законопроекты по рабочему вопросу. Кромѣ этихъ документовъ, здѣсь отсутствуетъ и множество другихъ, но мы отмѣчаемъ лишь такіе, которые такъ или иначе могутъ ярко характеризовать кабинетъ Столыпина: вѣдь программа 24 августа—это и курсъ всей политики г. Столыпина, а законопроекты по рабочему вопросу — точный показатель степени „либерализма“ его кабинета и благожелательности его въ отношеніи рабочаго класса.

Помѣстивъ въ отдѣлѣ репрессивныхъ мѣръ г. Столыпина Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ и циркуляръ министра-президента о примѣненіи этихъ судовъ, г. Брянчаниновъ обошелъ молчаніемъ цѣлый рядъ вопіющихъ нарушеній этого закона, вродѣ противозаконной отмены оправдательныхъ или мягкихъ приговоровъ военно-полевыхъ судовъ съ цѣлью добиться смертныхъ приговоровъ или вродѣ казни или приговора къ смерти совершенно невинныхъ людей; официальные документы по поводу такихъ случаевъ (казнь 5 оправданныхъ и вторично преданныхъ военно-полевому суду по приказанію прибалтійскаго ген.-губернатора Соллогуба, казнь Звѣрева въ Москвѣ, вторичное преданіе военно-полевому суду оправданнаго Суркова въ Севастополѣ, и т. п.),—а такіе документы были опубликованы и въ общей прессѣ—представляютъ лучшую характеристику этой мрачной эпохи и роковой роли „либеральнаго кабинета“.

Болѣе половъ отдѣлѣ „мѣръ для характеристики условій выборной кам-

павін для второй Думы". Здѣсь г. Брянчаниновымъ собранъ почти исчерпывающій документальный матеріалъ и даже приведенъ „примѣръ результатов“ стѣсненія предвыборныхъ собраній. Но богатѣйшая коллекція распоряженій и всякихъ мѣръ, принимавшихся мѣстными властями для проведенія въ Думу ставленниковъ г. Столыпина, осталась совершенно неиспользованной.

Мы не перечислили и десятой доли пробѣловъ и пустотъ, отличающихъ книгу г. Брянчанинова и, конечно, такая критика должна была бы привести насъ къ выводу о совершенной непригодности этой книги. Такого вывода мы, однако, сдѣлать не можемъ. При всемъ своемъ несовершенствѣ, при всей непригодности своей служить для справокъ, трудъ г. Брянчанинова заслуживаетъ вниманія и принесетъ пользу всею совокупностью сгруппированнаго въ немъ матеріала. Если историкъ найдетъ въ книгѣ г. Брянчанинова не все, что нужно ему для анализа условій переживаемой нами эпохи, то для историческихъ обобщеній книга эта представляетъ документъ далеко не послѣдняго порядка. Необходимо, въ интересахъ справедливости, упомянуть, что разбираемый сборникъ первоначально не былъ предназначенъ г. Брянчаниновымъ къ отдѣльному изданію: онъ былъ задуманъ, какъ приложение къ опыту анализа политическаго положенія передъ второй Думой⁴. Такъ какъ указанный трудъ въ печати еще не появился, то мы не имѣемъ возможности судить о томъ, насколько онъ достигаетъ этой цѣли. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что и независимо отъ того, появленіе сборника г. Брянчанинова представляетъ явленіе положительное въ исторической литературѣ.

Ю. Лавриновичъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Шукинскій сборникъ. Вып. VI. Изд. Имп. Рос. Ист. Музея имени Имп. Александра III. П. И. Шукина.
- Политическая Энциклопедія подъ ред. Л. З. Слонимскаго т. I вып. 1, 2 и 3-й. Библиотека „Юнаго Читателя“.
- М. Сабакина. Война и миръ въ царствѣ животныхъ ц. 15 к.
- Э. Пименова. Страна великихъ озеръ (Канада) ц. 25 к.
- Сборникъ разсказовъ для дѣтей ц. 25 к.
- Записки С. Трубецкого. Изд. его дочерей.
- И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. Очеркъ дѣятельности первой русской Думы и Государств. Совѣта. Изд. В. М. Саблина. М. 1907. Ц. 85 к.
- В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Изъ эпохи освободительнаго движенія. Вып. II. 17 окт. 1905 г.—8 июля 1906 г. Спб. 1907 г. 2 р.
- Ив. Наживинъ. Менэ... тэкель... фаресь... Романъ. М. 1907. 2 р.
- Э. Вандервельде. Соціализмъ и земледѣліе. Пер. съ франц. Владимировой. Ц. 35 к.
- В. В. Кротковъ. Современные вопросы. Спб. 1907. Ц. 30 к.
- К-во „Новое Товарищество“:
- В. Дмитриева. Пчелы жужжатъ. Разсказъ. М. 1907. Ц. 20 к.
- Борисъ Талинъ. Кѣмъ и какъ управлялся русскій народъ. Спб. 1907. Ц. 20 к.
- І. Биккерманъ. Россійская революція и Государственная Дума. Спб. 1907. Ц. 10 к.
- Популярная Библиотека „Новое Товарищество“.
- Мироновъ. У сторожа. Ц. 3 к.
- Ө. Тищенко. Кормилецъ въ тюрьмѣ. Ц. 5 к.
- В. Муйжель. Аренда. Ц. 15 к.
- Вступленіе Бунда въ Р. С.-Д. Р. II. Ц. 7 к. Спб.
- Ароновъ. Принципы пролетарскаго сіонизма. Симф. 1906 г.
- Изданія „Посредника“:
- Л. Н. Толстой. За что? Разсказъ изъ временъ польскихъ возстаній. Ц. 8 к.
- „ „ I. О жизни. II. О нономъ жизнепониманіи. Изд. 2 е. 35 к.
- „ „ Въ чемъ моя вѣра? Изд. 2 е. Ц. 40 к.
- Викторъ Гюго. Осужденный на смертную казнь. Ц. 15 к.
- И. П. Ювачевъ. Шлиссельбургская крѣпость. Ц. 80 к.
- В. Ф. І. Можно ли человѣку безъ работы жить? Быль. II. Последній день. Ц. 2 к.
- Е. Милицина. Не по закону. Ц. 3.
- С. Семеновъ. Призывной. Ц. 2 к.
- О. Мирбо. На войнѣ. Ц. 3 к.
- А. Шиманскій. Тоска по родинѣ. Разсказъ политическаго ссыльнаго. Ц. 2 к.
- Обвинительный актъ по Чигиринскому дѣлу 1879 года.
- Уфимскій рабочій. № 12. 11 фев. 1907. Уфим. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

- Бюллетень № 4. Нижегород. окруж. организ. Р. С.-Д. Р. П.
Молотъ № 2. Органы Поалей-Ціонъ. Іюль 1906 г.
Солдатская газета № 1. Изд. Уральск. Обл. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Муромскій Листокъ № 3. Ефем. орг. Мур. гр. В. С. О. п. с.-р. февр. 1907.
Летучій Листокъ. Амурской гр. Сибир. Союза Р. С.-Д. Р. П. № 2 янв. 1907.
Къ пастырямъ-монархистамъ. П. С.-Р. Бѣл. гр. февр. 1907.
Товарищи приказчики! Бѣл. гр. п. с.-р. 1907.
Уставъ организаціи Б. Д. при Кіев. рабоч. сов. п. с.-р.
Къ учащимся Ученик. И. К. п. с.-р.
Граждане! (Предв. листокъ). Изд. Амур. гр. Сиб. Союза Р. С.-Д. Р. П.
янв. 1907.
Уставъ Всерос. Желѣзнодорожн. Союза и отчетъ о 3-мъ съѣздѣ. Изд. В. Б.
союза янв. 1907.
Wsprawie z X Zjazdu P. P. J. 1906. Warszawa.
Towarzysze. C. K. Rob. P. P. J. (Frak. Rev). 1906
Sprawozdanie z IX Zjazdu P. P. J. 1907 г.
Sprawozdanie z posiedzen i konferencji sekci i grup oddzialu zagron. P. P. S.
I марсу 1907 г.
Второй районный съѣздъ Крымскаго союза Евр. С.-Д. Р. П. Поалей-Ціонъ
Районъ Ком.
Революціонеры или... воры? Севаст. Орг. Е. С.-Д. Р. П. мартъ 1906 г.
Царская Дума и первое мая и другія листки. Е. С.-Д. Р. П. Ц. Ком. Поалей-
Ціонъ.
Извѣстіе о всеросійскомъ съѣздѣ Е. С.-Д. Р. П. Поалей Ціонъ мартъ 1906 г.
Открытое письмо къ офицерамъ. Организациа офицеровъ 27 пѣхот. дивиз.
авг. 1906 г.
Союзъ помощи народному освобожденію 1907.
Памяти Ивана Петровича Пуликова. февр. М. Ком. Сѣв. Зап. Обл. Ор.
п. с.-р.
Отчетъ Комитета Либаво-Ром. ж. д. янв. 1907. Всерос. желѣзнодорожн. союзъ.
Денежный Отчетъ и листки Воронеж. Ком. п. с.-р. съ 1 мая—1 янв. 1907.
Товарищи! Юго-Вост. Ком. Всерос. желѣзнодорожн. Союза. Изд. Воронеж. Ком.
п. с.-р.
Какъ выбирать въ Государственную Думу. Всерос. Крестьян. Союз. Изд.
Ворон. Ком. п. с.-р.
Дума и революція переизд. изъ газ. „Трудъ“. Воронеж. Ком. п. с.-р.
Провокаторъ Маркусъ Замштейгманъ (Листокъ съ фотографіей и снимкомъ
съ почерка).
VI съѣздъ объединенной организаціи группъ содѣйствія Бунду за границей:
Изл. Ц. Б. Объед. орг. рабоч. фер. и группъ Сод. Бунду за границей. Женева
1907 г.
Какія главныя партіи борются на выборахъ въ Гос. Думу въ г. Баку. Объ-
единен. С.-Д. избир. ком. Р. С.-Д. Р. П. Арм. С.-Д. раб. организ. и Мус. С.-Д.
группы „Гуммедъ“.
Отчетъ Верхнеудинскаго уѣз. Ком. п. с.-р. съ 23-го ноября по 1 янв. 1907.
Отчетъ Читинскаго Отдѣленія Рабочаго Союза Вост. Сибири и Забай-
калья ноябрь и декабрь 1906 г.
Уставъ Центральной Союзной рабочей кассы. Проектъ устава кассы.
Тип. газеты „Трибунъ“ (1897).
Къ сельскимъ и городскимъ рабочимъ! Группа рабочихъ анархистовъ-
коммунистовъ. Черкаскы февраль 1907.
Желѣзнодорожнымъ служащимъ и рабочимъ. Всеросійск. Желѣзн. Союзъ
Линское Отд. Пол. ж. д. февраль 1907.
Земля и Воля, дарованныя самодержіемъ Ворон. Ком. п. с.-р. февр. 1907.
(переп. изъ „Труда“ № 8).
Черная сотня. Ворон. Ком. п. с.-р. февраль 1907.
5 листовъ Пет. Ком. п. с.-р.
1 листовка Област. Ком. п. с.-р. мартъ 1905 г.
2 листовка Двин. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
4 листовка Воен. Рев. Организации Варшав. Воен. Окр. 1905 г.

Солдатская Доля № 2. 16 янв. 1906 г. Изд. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен.

листокъ Либав. Воен.-Рев. Организациі.
листокъ Либав. Ком. Лат. С.-Д. Р. П. 1905 г.
1 листокъ Вилен. гр. „Анархистовъ-Коммунистовъ“.
10 листовъ Р. Р. S.
Царская гаспадарка.
Война и самодержавіе Ц. К. Бунда. 1904.
1 листокъ Рѣжицкой группы С.-Д. Р. П. 1906.
1 листокъ Рѣжицкой С.-Д. Орг. „Бунда“.
Къ населенію. Федер. Ком. Рѣжицкой Самообороны.
1 листокъ Рѣжицкой сіон. соц. р. п.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ получено:

Отъ недостаточныхъ студентовъ-батурцевъ для Сибири 70 р. Отъ Р. К. Руденко—2 р. Отъ юзовскихъ рабочихъ—30 р. Отъ ред. газ. „Русскій Туркестанъ“—8 р. 85 к. (для Сибири) Отъ Е. К. К. изъ Костромы—75 к. Отъ д-ра И. В. С.—15 р. Черезъ врача Г. М. Капланскаго отъ кружка интеллигенціи, собравшейся 16 фев. въ Ветлужскомъ обществен. клубѣ на чествованіе деп. Гос. Думы В. Л. Петерсона—25 руб. 66 к. Отъ Корестерова изъ пос. Яровской ст. Чарымская—7 р. Отъ врачей—5 р. Изъ Решта (Персія)—15 руб. Отъ неизвѣстнаго—5 руб. (для Нарым. края). Домашнія вещи изъ Кіева отъ П.
Деньги и вещи переданы по назначенію.

Въ пользу голодающихъ.

Изъ Решта (Персія)—4 р. 50 к.
Деньги переданы по назначенію.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

Только что вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ
книжныхъ магазинахъ новая книга:

„ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ“

подъ редакціей *И. Ф. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семева и Л. Ф. Якубовича.*

Біографическіе очерки: И. И. Пущина, Н. А. и М. А. Бестужевыхъ, І. В. Поджіо, Вал. Лукасинскаго, Н. И. Гулана, М. А. Бакунина, А. В. Долгушина, Е. И. Минакова, М. Ф. Фроленка, Н. А. Морозова, П. Л. Антонова, Н. Д. Похитонова, І. Д. Лукашевича, М. И. Новорусскаго, М. Ф. Лаговскаго, М. Р. Полова, Л. Варынскаго, Л. Ф. Яновича, Д. Я. Суровцева, М. П. Шебалина, М. Ю. Ашенбрённера, Г. А. Лопатина, А. И. Ульянова, П. Я. Шевырева, В. Д. Генералова, П. И. Андреюшкина, В. С. Осипанова, Л. А. Волкенштейнъ и В. Н. Фигнеръ.

Въ составленіи очерковъ приняли участіе С. В. Аскеназы, В. Я. Богучарскій, Л. Василевскій (Плохоцкій), С. А. Венгеровъ, С. Я. Елпатьяевскій, С. А. Ивановъ, Н. Е. Кудринъ, Л. Мельшинъ, М. В. Новорусскій, А. С. Пругавинъ, С. Г. Сватиковъ, В. И. Семева, Е. В. Тарле, А. И. Ульянова, В. Н. Фигнеръ и С. А. Щепотьевъ.

Часть 1, съ 29-ю портретами.

Цѣна ТРИ рубля:

Весь чистый сборъ съ этого изданія поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссельбургскихъ узниковъ.

„БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ

издававшийся за границую подъ редакціей

Вл. Льв. Бурцева.

СОДЕРЖАНІЕ перваго выпуска.

1. Отрывокъ изъ завѣщанія Гриневицкаго; 2. Памяти Гриневицкаго; 3. Три письма Исполнительнаго Комитета „Народной Воли“ къ Рошфору, Гартману и К. Марксу; 4. Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, П. Кропоткина; 5. Революціонный Петербургъ; 6. Статьи изъ „Народной Воли“ и „Рабочей Газеты“; 7. Процессъ 20-ти В. Бурцева; 8. Завѣщаніе А. И. Баранникова; 9. Завѣщаніе А. Д. Михайлова; 10. Казнь П. Е. Суханова; 11. Письмо П. В. Карповича; 12. Изъ воспоминаній Л. Гартмана; 13. Программа рабочихъ—членовъ партіи „Народной Воли“; 14. О сѣверно-русскомъ рабочемъ союзѣ и пр.

СОДЕРЖАНІЕ втораго выпуска.

1. Изъ жизни саратовскихъ кружковъ Н. Волкова; 2. Два письма С. Г. Ширяева; 3. Воспоминанія о С. М. Кравчинскомъ, Рабочаго; 4. „Воспоминанія протагандистки“ Е. Брешковской; 5. Пропаганда среди рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону въ 1882-84 г.г.; 6. Памяти Каховскаго; 7. Международный конгрессъ въ Хурѣ; 8. „М. Л. Михайлову“ стих. Н. Огарева; 9. „Узнику“ стих. Н. Утина; 10. Прокламации 60-хъ г.г.; 11. Дѣло С. Г. Нечаева; 12. „Южно-Русскій Рабочій Союзъ въ 1880-81 г.г.“ Ел. Ковальской; 13. „Взрывъ царскаго поѣзда въ 1879 г.“ князя Д. Л. Оболенскаго; 14. „Завѣщаніе Юрія Богдановича“ (стих.).

Цѣна за каждый выпускъ 50 коп.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.
РУССКАЯ ПРАВДА
Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе П. Е. Щеголева.

XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „ПРОМЕТЕЙ“, С.-Петербургъ,
Загородный, 28.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, свѣренное съ рукописью, представленною Радищевымъ въ Управу благотвiнiи. Портретъ Радищева, сдѣланный гелиографіею съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. Приложеніе съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXX + 4 нон. + 296 * Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ т-вѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владимиръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Сиб., Б. Подъячская, 39).

80 стр. Цѣна 30 коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Исслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г.г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Сиб., Невскій 40).

Цѣна 10 рублей.

Николай Морозовъ.

ИЗЪ СТѢНЪ НЕВОЛИ

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЯ И ДРУГІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ книжкѣ приложены:

Рисунокъ „Шлиссельбургскіе Мотивы“ академика И. Е. Рѣпина;
Портретъ автора, сфотографированный съ картины художника Я. А. Чахрова, и предисловіе П. Ф. Якубовича (Мельшина).

Цѣна 25 коп.

Изданіе Н. Е. Пармонова. Складъ—Лиговская ул., д. № 44.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Спб., Вас. Остр., Тучкова набережная, д. 2, кв. 12.

Поступили въ продажу:

- 1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. 75 к.
- 2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Балмашева, Волкостейнъ, Гершуни, Карповича, Новорусскаго, Сазонова и Фигнеръ, всѣ въ двухъ видахъ.
Аленбреннера, Антонова, Иванова, Калыева, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Мышкина, Поливанова, Попова, Стародворскаго, Тригони, Фроленка.
Ц. каждого портрета—35 к.

Доходъ отъ изданія поступить въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОРТРЕТЪ МИХАИЛА БАКУНИНА.

Цѣна 35 коп.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

НОВАЯ КНИГА

Варонъ А. Е. Розенъ.

Записки декабриста.

Первое полное (появляющееся въ Россіи) изданіе съ портретомъ, приложениями и изложеніемъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла о Розенѣ, подъ редакціей П. Е. Щеголева.

XVI + 484 стр. большого формата. ✱ Цѣна ТРИ рубля.

Изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Спб., Б. Подъячская, 39).

НОВЫЯ КНИГИ:

Изданія Е. и И. Леонтьевыхъ

П.-Ж. ПРУДОНЪ. *Что такое Собственность?* Полный переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 75 к.

А. НЪМОЕВСКІЙ. *Заявіе конфисковано.* Переводъ Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб., 1907. Ц. 1 руб.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВѢЙШАГО СОЦІАЛИЗМА

К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго, Э. Бернштейна

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

Переводъ Е. и И. ЛЕОНТЬЕВЫХЪ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ предисловіемъ К. Каутскаго къ этому русскому изд.

Спб., 1907. Цѣна 1 руб. 50 коп. за томъ.

Складъ изданій при типографіи М. М. Стасюлевича: СПБ. Вас. Остр. 5 лин., д. 28., продажа повсемѣстно въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Скидка книгопродавцамъ—25%

„Библіотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (д. мильшинъ).

ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный критико-библіографическій журналъ

„КНИГА“

издаваемый книжнымъ складомъ „ЗЕМЛЯ“

при участіи слѣдующихъ лицъ:

М. А. Антоновичъ, С. Ашевскій, Н. А. Бердяевъ, Н. И. Березинъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, А. И. Богдановичъ, Т. А. Богдановичъ, В. Богучарскій, Н. Борецкій, В. В. Брусянинъ, С. Н. Булгаковъ, В. Л. Бурцевъ, Н. Валентиновъ, П. И. Вейнбергъ, К. Л. Вейдемиллеръ, С. А. Венгеровъ, М. О. Гершензонъ, В. Г. Громанъ, А. И. Даринскій, Н. А. Дубровский, Д. В. Жуковский, Ф. Ф. Зѣлинскій, Ивановъ-Разумникъ, Н. И. Йордаевскій, Н. И. Каръевъ, А. А. Кауфманъ, Л. Н. Клейнбортъ, Н. П. Коломійцевъ, П. А. Ковскій, К. Р. Кочаровскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, І. Ларскій, М. К. Лемке, Е. К. Леонтьева, И. Н. Леонтьевъ, Н. М. Лисовскій, Н. П. Ложкинъ, Н. О. Лосскій, Г. А. Лучинскій, Е. А. Ляцкій, Н. В. Марковский, И. Ю. Марковъ, П. Ш. Маслово, Д. С. Мережковский, А. В. Меркуловъ, А. П. Налямовъ, Ш. И. Новгородцевъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, В. А. Поссе, А. С. Пругавинъ, А. Н. Рымскій Корсаковъ, М. А. Ростовцевъ, Н. А. Рубакинъ, П. П. Румянцевъ, С. Ф. Русова, А. А. Русовъ, П. П. Семеновъ, М. Н. Слѣпцова, В. Ф. Соловьевъ, П. Б. Струве, Е. В. Тарле, А. С. Токаревъ, В. Ф. Тотоміанецъ, М. Н. Туганъ-Варановскій, В. Н. Тукалевскій, А. Ю. Фининъ, В. И. Чарнолуцкий, П. В. Щеголевъ и др.

Журналъ „Книга“ ставитъ своей задачей дать возможность читателю, интересующемуся текущей литературой, а также бібліотекамъ, учебнымъ заведеніямъ, книжнымъ складамъ и магазинамъ, ориентироваться въ той массѣ литературы, которая въ послѣднее время поступила и поступаетъ на книжный рынокъ.

Являясь внѣпартийнымъ органомъ, „Книга“ будетъ давать читателямъ сводные критико-библіографическіе обзоры и отдѣльныя рецензіи книгъ, по социальнымъ наукамъ, вопросамъ общественной жизни и народнаго образованія, философіи, психологіи, исторіи, исторіи литературы, беллетристики и искусства.

Литература социалистическихъ партій будетъ рецензироваться соотвѣтствующими специалистами. Въ тѣхъ случаяхъ, если представителемъ одной изъ этихъ партій будетъ написанъ обзоръ литературы по какому-либо вопросу текущего момента, то въ слѣдующемъ же номерѣ будетъ данъ обзоръ той же литературы, написанный представителемъ другой партіи.

Считая одной изъ главныхъ своихъ задачъ широкое удовлетвореніе читателей, ищущихъ систематическаго самообразованія, редакция „Книги“ обратитъ особенное вниманіе на отдѣлы отвѣтовъ на вопросы по организаціи самообразованія, чтенія вообще, а также книжнаго дѣла. Кромѣ того въ журналѣ будутъ помѣщаться хроника литературной жизни и книгоиздательскаго дѣла. Всѣ книги, присланныя въ редакцію для рецензій, будутъ регистрироваться въ особомъ отдѣлѣ.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по четвергамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой **2 р. 50 к.** на полгода **1 р. 50 к.**, на 3 мѣс. **85 к.** и на 2 мѣс. **60 к.** (мѣсячная подписка не принимается).

Адресъ редакціи и конторы журнала „Книга“. — книжный складъ «ЗЕМЛЯ» СПБ. Владимірскій пр., д. № 7. Телеф. 51 — 01.

Книгоиздательство „ДОНСКАЯ РѢЧЬ“ Е. Н. Парамонова.
Лиговская ул. д. 44.

„Новая Библіотека“:

Редакція А. Н. Потресова (Старовѣра).

ПРИНЦИПЫ И ТАКТИКА ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛДЕМОКРАТІИ

(По протоколамъ партійныхъ съѣздовъ и другимъ источникамъ).

ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ.

Планъ изданія разработанъ

ГЕНРИЕТОЙ РОЛАНДЪ-ГОЛЬСТЪ и АНТОНОМЪ ПАНЕКОКЪ.

Каждый томъ снабженъ подробными примѣчаніями, вступительной статьей, написанной специально для настоящаго изданія, и статьями изъ „Neue Zeit“ и другихъ партійныхъ органовъ. Въ одномъ изъ томовъ будетъ помѣщена статья *А. Н. Потресова (Старовѣра): «Германская социалдемократія и русское общественное движеніе».*

- ТОМЪ I. *Организация и программа германской социалдемократіи.* Вступительная статья *Г. Роландъ-Гольствъ.*
- ТОМЪ II. *Первыя тактическія разногласія въ герм. соц.-дем.* Вступительная статья *А. Панекока.* Статьи Шиппеля, Каутскаго и др.
- ТОМЪ III. *Начало ревизионизма.* Вступительная статья *А. Панекоки.* Статьи Бернштейна изъ „Neue Zeit“, рѣчь Гейне въ Берлинѣ и др.
- ТОМЪ IV. *Пораженіе ревизионизма.* Вступительная статья *Р. Люксембургъ.*
- ТОМЪ V. *Парламентаризмъ и коммунальная политика герм. соц.-дем.* Вступительная статья *Августа Бебеля,* депутата.
- ТОМЪ VI. *Политика партій порядка (таможенная политика, міровая политика, милитаризмъ).* Вступительная статья *Георга Ледебура,* депутата.
- ТОМЪ VII. *Профессиональное движеніе. Охрана труда. Майскій праздникъ.* Вступительная статья *Г. Гортгери* (Голландія).
- ТОМЪ VIII. *Всеобщая стачка.* Вступительная статья *Г. Роландъ-Гольствъ.* Статьи Каутскаго, Роландъ-Гольствъ, Гильфердинга и др.
- ТОМЪ IX. *Вопросы культуры. Женское движеніе.* Вступительная статья *Кларры Цеткинъ.*

Послѣсловіе Франца Меринга.

Въ изданіе войдутъ доклады Ауэра, Бебеля, Вурма, Гейера, Гершша, Гуго-Линдемана, Зимгера, Зюдекума, Кальвера, Каутскаго, Кварка, Класса, Ледебура, Лейсана, В. Либкнехта, Молькевбура, Тима, Фишера, Фольмара, Цеткинъ, Цяцъ, Шенлянка, Шиппеля, Шульца и рѣчи Вернера, Рюдта, Давида, Вольмана, К. Либкнехта, Капеништейна, Грюнвальда, Люксембургъ, Эльма, Р. Шмидта, Шгадтгегена, Грандпауэра, Царвуса, Фроме, Гейне, Ульриха, Пфанкуха Генриха и Лили Браунъ, Берварда, Гёре, Меринга, Гоффмана, Кольба, Гаазе, Баадера, Гэка, Хоха, Шейлова, Зандермана, Аронса, Симона, Мюллера и мног. друг.

Первый томъ: „Организация и программа германской социалдемократіи“. со вступит. статьей и примѣчаніями Роландъ-Гольствъ, выйдетъ въ декабрѣ.

Въ непродолжительномъ времени будетъ напечатанъ полный проспектъ настоящаго изданія и объявлена на него подписка.

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 15 и 17. Въ нихъ помѣщены:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщений. Составленъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. ПЕРВОЕ приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Цѣна 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакцію и съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся ЗА ГРАНИЦЕЮ подъ редакцію В. Л. Бурцева. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. В. Я. Богучарскаго. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся ЗА ГРАНИЦЕЮ подъ редакцію В. Л. Бурцева. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. ТОМЪ ВТОРОЙ. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Ц. 1 р.

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, ВТОРОЕ приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. ТРЕТЬЕ приложение къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Выпускъ первый. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго. Ц. 30 к.

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.

13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. В. Л. Бурцева. Ц. 6 к.

15) Декабристъ Пестель передъ Вѣрховнымъ Уголовнымъ судомъ Н. Павлова-Сильванскаго. Ц. 70 к.

17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. Н. А. Виташевскаго. Ц. 8 к.

Печатаются:

14) Литература партіи Народной Воли. Выпускъ второй.

16) Убіиство императора Павла. (Разказы современниковъ).

18) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). С предисловіемъ В. Л. Бурцева.

19) Общество „Земля и Воля“. I. В. Аптекина.

20) Къ событію 1-го марта 1881 года. А. В. Тырнова.

21) Государственныя преступленія въ Россіи. Т. IV. Сборникъ подъ редакціей В. Я. Богучарскаго.

22) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ преступленіяхъ за 1901 годъ.

Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрѣ 1905 года, получаютъ за внесенную ими плату первый, второй и третій тома „Государств. преступленій“ и три тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего шесть томовъ.

Всѣ остальные изданія „Русской исторической Библіотеки“ приобретаются не путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

**ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 4₁₆. АПРѢЛЬ 1907**

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія „Енергія“, Загородный, 17.
1907.

НОВЫЯ КНИГИ:

В. П. Сильванскій.

Декабристъ Лестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(„Русская историческая библіотека“, № 15).

Стр. VIII+174. Цѣна 70 коп.

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

О Б З О Р Ъ

ВАЖНѢЙШИХЪ ДОЗНАНІЙ,

производившихся

въ жандармскихъ управленіяхъ

за 1902 годъ.

(СОДЕРЖАНІЕ: Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, Дѣла Мельникова, Гершуни, Кочуры и др. Сѣверный рабочій союзъ (Москва). Студенческіе кружки въ Ярославлѣ. Дѣятельность социаль-демократовъ въ Саратовѣ. Кіевскій и Харьковскій Комитеты Р. С.-Д. Р. П. Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Екатеринославскіе социалисты-революціонеры. Революціонное движеніе въ Одессѣ. Дѣятельность Бунда. Польская Соціалистическая Партія. Русская эмиграція въ 1902 году).

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“

Цѣна 50 коп.

На 1907 годъ открыта подписка на историческій журналъ **„Б Ы Л О Е“.**

Журналъ—внѣпартійный и посвященный исторіи освободительнаго движенія—издается подъ редакціей В. Я. Яковлева-Богучарскаго и П. Е. Щеголева при ближайшемъ участіи В. Л. Бурцева по слѣдующей программѣ.

Статьи и изслѣдованія по исторіи освободительнаго движенія въ Россіи.

Біографіи дѣятелей движенія, воспоминанія о нихъ, ихъ собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворенія и проч.

Документы и другіе матеріалы, касающіеся движенія.

Отдѣльные факты и эпизоды изъ исторіи движенія.

Историческая бібліографія.

Въ „Быломъ“ за 1906 годъ были помѣщены, между прочимъ слѣдующія статьи: В. П. Акимовъ-Махновецъ—1-е мая въ Россіи. М. А. Антоновичъ—Арестъ Чернышевскаго. М. Ю. Ашенбрешеръ—Двадцать лѣтъ въ Шлис. тюрьмѣ и Военная организація пар. Нар. Воли. В. Я. Богучарскій—1-е марта—3 апрѣля 1881 года и Событіе 1 марта и Н. К. Михайловскій. В. Л. Бурцевъ—Сѣверно-русскій рабочій Союзъ. М. П. Бѣломонскій—Изъ воспомин. объ А. И. Желябовѣ. А. М. Блосовскій—Изъ прошлаго. П. И. Вейнбергъ—4 апрѣля 1866 года. И. А. Виташевскій—Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ и Централка. И. И. Волковъ—Народов. пропаганда среди москов. рабочихъ въ 1881 году. М. О. Гершензонъ—Къ характеристикѣ Чаадаева и Семья декабристовъ. Герасимовъ—Питомецъ воспитательнаго дома. Дм. Гильбергъ—М. А. Бакунинъ. М. Р. Гоцъ—С. В. Зубатовъ. Н. А. Готшеръ—Политич. каторга на Карѣ. Х. Г. Гринбергъ-Монтъ—Къ процессу Ковальскаго. А. Я. Гуревичъ—Народ. движ. въ Петербургѣ 9 января 1905 года. И. С. Дмабадари—Въ неволѣ. М. П. Драгомановъ—Автобіографія. Д—тъ—Арестъ Нечаева. В. С. Кляичъ-Савичъ—Мое знакомство съ Ковальскимъ. С. А. Иванковъ—Изъ воспоминаній о 1881 г. и Возникновеніе и паденіе Дурнословки. С. А. Иванова-Берейша—Воспоминанія о Перовской и Первая типографія Народной Воли. М. В. Корольковъ—Поручикъ Кречетовъ—шлис. узникъ XVIII вѣка. Ф. Я. Монтъ—У подножія висѣлицы. М. И. Ленинъ—Дѣла бр. Критскихъ, Михайлова, Писарева, Чернышевскаго, Серно-Соловьевича и др. О. С. Любатовичъ—Далекое и Недавнее. Н. А. Морозовъ—Изъ Шлис. мотивовъ (стих.). И. Л. Манучаровъ—Мой процессъ и Эпизодъ изъ жизни въ Шлис. крѣп. Маллоцова-Дегаева—Судейкинъ и Дегаевъ. О. С. Миноръ—Якутская драма 1889 г. И. Я. Николаевъ—Освобожденіе Чернышевскаго. М. В. Новорусскій—Въ Шлиссельб. крѣпости. Надитъ—Стрѣльниковскій процессъ. Г. Ф. Осоловской—Карійская трагедія. М. Р. Повозъ—Къ біографіи И. Н. Мышкина и Земля и Воля наканунѣ Воронеж. съѣзда. В. С. Памратовъ—Изъ дѣятельности среди рабочихъ въ 1881—1884 гг. А. П. Прибылова-Норба. С. П. Дегаевъ.

По поводу письма Исп. К-та къ Александру III и Къ портрету Желябова
 Мухоморовъ—Польская партія „Пролетаріатъ“ и „Пролетаріатъ“ передъ судомъ.
 3. Ралин — С. Г. Нечаевъ. С. Ф. Русова — Мартынъ Лангансъ. Н. Р.—Событіе
 1 марта и Н. В. Шелгуновъ. В. М. Семеновъ—Вопросъ о преобразованіи госуд.
 строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Н. Сильванскій—Пес-
 тель предъ Верх. Угол. судомъ. Д. В. Стасевъ — Каракозовскій процессъ.
 А. А. Гландовъ—Страница изъ воспоминаній. А. С.—Изъ воспоминаній сту-
 дента-солдата. С. А. Савицкова — Годы скорби. С. С. Синегубъ — Воспоминанія
 чайковца. В. А. Старооельскій—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи.
 Старикъ—Движеніе 70-хъ годовъ по Большому процессу (193-хъ). М. Н. Тра-
 говъ—Мой арестъ въ 1881 году и Послѣ Шлиссельбурга. Е. В. Тарло—Само-
 державіе Николая I-го и франц. обществ. мнѣніе. Н. А. Тамъ — Коронація
 въ Колымскѣ. А. В. Тыриновъ—Къ событію 1 марта 1881 года. М. Ф. Фроленко—
 Милость и Побѣда Алеши Поповича. В. И. Фигуръ—Шлиссельб. узница Л. А.
 Волкенштейнъ. А. Р. Хрилановъ—Событіе 1 марта и Л. Н. Толстой. М. Н. Чер-
 нышевскій—Къ дѣлу Н. Г. Чернышевскаго. П. Е. Щеголовъ—П. Г. Каховскій,
 Сем. Олейничукъ, Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ, Эпизодъ изъ жизни
 Бѣлинскаго. В. Е. Якушинъ—Изъ бумагъ декабриста Якушкина.

Кромѣ того были помѣщены неизданныя произведенія Герцена, Шев-
 ченко, Лермонтова, Никитина, Огарева, Поливанова, Саблина и др. Письма
 Чернышевскаго, Тургенева, Салтыкова, Бакунина, Петрашевскаго, Желябова,
 Зотова, Гаусмана, Коганъ-Бернштейна и мн. др.; Матеріалы (между прочимъ
 отчеты о процессахъ 20-ти и 17 народовольцевъ), рѣдчайшія революціоннымъ
 изданія и др. документы, характеризующіе освободительное движеніе.

Въ 1907 году между многими другими статьями будутъ напечатаны:

М. Ю. Ашенбреннеръ—Воспоминанія (60-ые и 70-ые годы); В. Я. Богучарскій—
 Декабристъ М. С. Лукинъ; В. А. Бурцовъ—Изъ воспоминаній; И. П. Бѣлоносскій—
 Земское движеніе до образованія партіи „Народной Свободы“; В. А. Вейн-
 штейнъ—Акатуевскій рудникъ; М. О. Гершензонъ—Западные друзья Герцена;
 В. А. Даниловъ — Изъ воспоминаній; В. С. Ефремовъ—Маленькое дѣло; С. А.
 Жебуневъ—Изъ воспоминаній Н. М. Юрданскій—Миссія П. С. Ванновскаго; Е. Д.
 Мусюкова—Политическія партіи въ 1906 году; Платонъ Лебедевъ—Красные дни въ
 Нижнемъ Новгородѣ; М. И. Лешинъ—Процессы Сунгурова, Блюммера и др. (по
 неизданнымъ архивнымъ даннымъ); Е. Е. Лазаревъ—Гавайскій сенаторъ; И. Л.
 Манучаровъ—Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ; Н. А. Морозовъ—Изъ воспоми-
 наній; Э. И. Покарскій—Рабочій Петръ Алексѣевъ (изъ воспоминаній); П. И.
 Пероворезовъ—Экспедиція генерала Ренненкампа; М. Р. Поповъ—Изъ моего
 революціоннаго прошлаго; А. С. Пругавинъ—Декабристы въ монастырской
 тюрьмѣ. 3. Ралин—Изъ воспоминаній о Драгомановѣ и Бакунинѣ; М. А. Ру-
 баловичъ—Дѣло Гоца въ Италіи и Савицкаго во Франціи; С. Г. Святиковъ—
 Очерки по исторіи студческаго движенія; Е. П. Семеновъ—Народовольческіе
 кружки въ Одессѣ; И. П. Стародворскій—Дегаевъ и Судейкинъ. Изъ воспоминаній;
 Я. Б. Струве — Заграничный журналъ „Освобожденіе“ (изъ моихъ воспо-
 минаній); Е. В. Тарло—Каннингъ и Николай Тургеневъ;—Герценъ и газета
 Прудона; И. А. Тамъ — Послѣдній періодъ „Народной Воли“ Л. Ш.—
 Страница изъ исторіи идейныхъ теченій въ „Народной Волѣ“. П. Е.
 Щеголовъ — Агитаціонная литература декабристовъ;—Конецъ императора
 Павла (историческое разслѣдованіе); Ф. А. Яотрмембойскій—Записки петра-
 шевца; Записки императора Николая I о 14 декабря, неизданныя произведенія
 А. И. Горца и др.

Будутъ напечатаны также: „Сводъ указаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о госуд. преступленіяхъ“ (полностью); Докладъ (официальный) о дѣлѣ В. И. Засуличъ; Разгромъ тверского земства (извлеченіе изъ доклада г-на Штюмера); Къ исторіи русской „конституціи“ (официальные матеріалы и документы); Обзоры по дѣламъ политическимъ за разные годы (изъ изданій д-та полиціи); Отчеты о процессахъ, не бывшіе въ печати (дѣло 1 марта 1887 г., военныхъ кружковъ 1887 и др.); рѣдчайшія революціонныя изданія, письма разныхъ общественныхъ дѣятелей, документы и очерки по исторіи освободительнаго движенія послѣднихъ двухъ лѣтъ. и т. д.

Журналъ будетъ выходить по прежнему ежемѣсячно, книжками въ 20 печатныхъ листовъ каждая.

Въ журналѣ помѣщаются — на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ — портреты дѣятелей, факсимиле, рисунки, имѣющіе отношеніе къ исторіи движенія.

Цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ (съ 1 янв. по 1 янв.)—8 руб.; на $\frac{1}{2}$ года (съ 1 янв. по 1 іюля)—4 руб.; на $\frac{1}{4}$ года (съ 1 янв. по 1 апр.)—2 руб. Переменная адреса—30 коп. (При переменѣ адреса контора проситъ подписчиковъ сообщать старый адресъ, внесенную сумму и срокъ подписки). Книжные магазины при подпискѣ получаютъ 50% скидки.

Цѣна отдѣльной книжки въ книжныхъ магазинахъ—1 руб., для покупающихъ въ конторѣ—85 коп., для выписывающихъ изъ конторы—1 р. 10 коп. съ пересылкой. Книжнымъ магазинамъ на отдѣльныя книжки—30% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала—(ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 до 4 час. дня)—С.-Петербургъ, Лиговская ул., 44 и въ отдѣленіяхъ книгоиздательства „Донская Рѣчь“—въ Москвѣ (Срѣтенка, Ащеуловъ переулокъ, 13), Киевѣ (Крещатикъ, 27), Ростовѣ на Д. (Казанская, 42) и Одессѣ (Колодезный пер., 13).

Вниманію заграничныхъ подписчиковъ. Въ виду интересовъ заграничныхъ подписчиковъ, контора журнала „Былое“ проситъ ихъ подписываться не черезъ контору, а черезъ ихъ мѣстное (заграничное) учрежденіе. При этомъ способѣ подписки годовой экз. журн. будетъ, стоитъ только 8 р. 50 к. вмѣсто тепереш. 10 р. Кромѣ того, выгода подписчиковъ будетъ та, что журналъ будетъ получаться аккуратнѣе. Новый способъ подписки начнется съ 1-го января 1907 г., при чемъ будетъ приниматься подписка на годъ и по четвертямъ года.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Знаменской ул. д. 19.

Личныя объясненія съ редакторами—по понед., вторн., четверг., пятницамъ (кромѣ праздниковъ) отъ 3 до 5 час. дня.

Редакторы { В. Я. Богучарскій,
П. Е. Щеголевъ.

Издатель Н. Е. Парамоновъ.

Имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты „Былого“ за 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. Воспоминанія (шестидесятые и семидесятые годы). М. Ю. Ашенбреннера	1
2. Изъ исторіи социалдемократическаго движенія въ Петербургѣ въ 1905 году. (Личныя воспоминанія). С. И. Сомова . .	22
3. Къ вопросу о переговорахъ «Исполнительнаго Комитета Народной Воли» съ «Добровольной Охраной». (Изъ воспоминаній). В. К. Дебагорія-Мокріевича	56
4. Западные друзья Герцена. (По неизданнымъ даннымъ). М. О. Гершензона	62
5. Революціонеры во флотѣ. (Очеркъ второй). Э. А. Серебрянова.	96
6. Карательная экспедиція ген.-лейт. П. К. Ренненкампа въ Забайкальской Области. (Очеркъ первый). П. Н. Переверзева. .	140
7. Стихотворенія П. С. Поливанова	164
8. Записки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 года. В. Е. Янушкина	167
9. Въ Мценской «гостинницѣ». Н. А. Виташевского	173
10. Матеріалы для біографіи А. А. Серно-Соловьевича. М. Н. Лемке. .	192
11. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. И. П. Бѣлоконскаго	231
12. Къ событію 4 августа 1878 года. В. Г.	256
13. Въ Архангельской ссылкѣ. Ю. Н. Лавриновича	259
14. По поводу статьи Н. С. Русанова «П. Л. Лавровъ». М. А. Антоновича	290
15. По поводу «Воспоминаній Народовольца» А. Н. Баха. Г. А. Лопатина	298
16. Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ. (Некрологъ). В. Б.	300

17. Историческая библиографія: 1) А. К. Брячаниновъ.—Роспускъ Государственной Думы. 2) Т. В. Локоть.—Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ. 3) В. П. Алексѣевъ.—Первый русскій парламентъ. 4) Т. В. Локоть.—Первая Дума. 5) Н. Езерскій.—Государственная Дума первого состава. 6) Н. П. Семенюта.—Первая Государственная Дума. 7) М. Б-овъ и Ф. Данъ.—Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ. 8) В. Г. Танъ.—Мужики въ Государственной Думѣ. 9) В. В. Брусянинъ.—Судьба первыхъ депутатовъ. Ю. Н. Лавриновича. 10) И. П. Ювачевъ. Шлиссельбургская крѣпость. М. В. Новорусскаго. 11) Галлерей Шлиссельбургскихъ узниковъ. В. В. Водовозова 302
18. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 316
19. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (Прокламація 1862 г. по поводу высылки проф. Павлова—21. Дѣло Карпинскаго (1862 г.)—95. Правила работы въ мастерской Шлиссельбургской крѣпости. С. Мир—а.—130. Открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о невыдачѣ Л. Н. Гартмана—191. Къ исторіи ограниченія гласности судопроизводства—230).
20. Объявленія 322

Къ этой книгѣ приложены портреты: И. Аригольда, П. Сливни-
каго, П. С. Поливанова, барона А. П. Штромберга и бр. Н. А. и
А. А. Серно-Соловьевичей.

Мартовская книжка находится еще подъ арестомъ и будетъ
разслана подписчикамъ тотчасъ по ея освобожденіи. Въ случаѣ обрат-
номъ—редакція приметъ мѣры къ удовлетворенію подписчиковъ.

При этой книжкѣ иногороднимъ подписчикамъ разсылается объ-
явленіе объ изданіи журнала „Сѣверъ“.

Петръ Сергѣевичъ
ПОЛИВАНОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

(Шестидесятые и семидесятые годы).

I.

60-е и 70-е годы—время моей юности и молодости; съ этой поры я и начну свои воспоминанія. На своемъ отрочествѣ я не останавливаюсь. Мои записки не имѣютъ автобіографическаго значенія, а старо-кадетская жизнь описывалась многократно. На чисто художественное изображеніе дѣтства и отрочества я не дерзаю. Но сказать нѣсколько словъ о старо-кадетскомъ укладѣ нужно.

Въ корпусъ я поступилъ при старыхъ, суровыхъ порядкахъ. Носили тяжелыя каски съ султанами и тесаки. Большая каска на маленькомъ кадетѣ была смѣшна и мучительна; внутренніе винты и гайки больно давили голову. Небольшой вѣтеръ, раскачивая султана, валилъ съ ногъ мальчика. Зимой носили шинели, подбигывая вѣтромъ, т. е. безъ подкладки, и нитеные чулки: допускались только суконные рукавицы и наушники. Плохіе учителя неумѣло передавали свои скудныя знанія, поселяя въ ученикахъ лѣнь и отвращеніе къ ученію и недобрыя отношенія къ учителю. Педагогія нашихъ воспитателей—ротныхъ офицеровъ, исчерпывалась подзатыльниками, тумаками, лишеніемъ обѣда и пр. Слушались и учились хорошо только у тѣхъ, кто умѣлъ внушить къ себѣ любовь, а такія странныя непонятныя исключенія бывали, только не для дѣтей младшаго возраста. Напр., въ старшихъ классахъ въ серединѣ 50-хъ годовъ преподавалъ словесность другъ Герцена и Бѣлинскаго, поэтъ Василій Ивановичъ Красовъ. Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» говоритъ, что пылкій «жрецъ павоса», при каждомъ свиданіи съ Бѣлинскимъ, со слезами восторга сообщалъ своему другу о народженіи новаго генія среди его учениковъ кадетъ ²⁾. Нашъ тогдашній строй покоился на 4-хъ китахъ: суровая дисциплина, шагистика, «рукоприкладство» и субботняя порка въ цейхгаузѣ. Въ день моего

¹⁾ Первая глава этихъ воспоминаній М. Ю. Ашенбреннера была напечатана въ 1904 году за подписью М. А-б-ръ въ газетѣ „Наша Жизнь“. Всѣ остальные главы печатаются въ первый разъ.

Ред.

²⁾ О Красовѣ Тургеневъ говоритъ въ „Рудинѣ“: „Полусумасшедшій и милѣйшій поэтъ нашего кружка“.

поступленія, ротный командиръ капитанъ С. очень добрый человекъ и семьянинъ, погладилъ меня по головкѣ и сказалъ мнѣ съ кроткой улыбкой:

— Учись и веди себя хорошо. У мини всякая вина виновата: за единички и дурное поведеніе высику: будь у тиби семь пядей во лбу—высику! У мини законъ: помни день субботній. Виновать—значить—маршъ въ чикауэзъ!

И дѣйствительно, по субботамъ водили въ «чикауэзъ» по нѣсколько человекъ. Надъ одними производилась экзекуція, другіе, попадавшіе въ первый разъ, только смотрѣли. Регулярная порка, превратившаяся въ обычай, создала особый видъ молодечества: тѣлеснаго наказанія не стыдились и не страшились, но стыдились кричать, плакать и отпрашиваться, стараясь переносить наказаніе, не выдавая своихъ страданій—и заслуживали этимъ общее одобреніе товарищей. Бывали молодцы, которые хвалились, что молча выносили 50, 100 ударовъ. Начальство на это реагировало тѣмъ, что давало одной розгой менѣе, т. е. вмѣсто 50—49, приговаривая: «Не хвались, что получилъ 50!» Въ младшихъ ротахъ ближайшій надзоръ за поведеніемъ внѣ классовъ поручался кадетамъ старшаго возраста—унтеръ-офицерамъ. Эта была первая административная инстанція. Унтеръ-офицеръ имѣлъ право поставить провинившагося «подъ лампу», «у доски», «къ стѣнѣ», наказать «безъ пирога». И строгіе изъ нихъ этимъ правомъ пользовались широко; а другіе «рукоприкладствовали» и наказывали «безъ пирога», смотря «по своему аппетиту» и съѣдали на глазахъ у наказаннаго конфискованный пирогъ. Правда, присвоеніе пирога было противозаконно, но кадетъ никогда не жаловался на кадета: это считалось фискальствомъ. Корпусной міръ дѣлился на двѣ части, между которыми мало было общаго: съ одной стороны кадеты, съ другой—воспитатели, учителя и начальство. Фискаловъ и дурныхъ унтеръ-офицеровъ жестоко допекали и подводили. Маленькіе мстители за нарушеніе товарищескаго неписаннаго закона были очень изобрѣтательны и неутомимы въ преслѣдованіи, и побѣда всегда склонялась на ихъ сторону, какъ у Лилипутовъ надъ Гулливеромъ. И образованіе въ военной закрытой школѣ 50-хъ годовъ не могло быть рациональнымъ. Старые, заслуженные наставники и наблюдатели преподавали по устарѣвшимъ учебникамъ «отъ сихъ до сихъ», а ученики зубрили, подсказывали или тупо молчали. Притязанія таковыхъ далѣе 6 балловъ не простирались ¹⁾. Особенно типичны были нѣмецкіе и французскіе учителя. Напр., Штюрцваге грузно подымался на кафедру, не спѣша садился, вызывалъ мальчика, протягивалъ ноги и командовалъ: «снять сапоги!» На этотъ урокъ кадеты носили съ собой ваксу и щетки, для того чтобы чистить Ш. сапоги. Мстили такимъ учителямъ безпощадно. Расплатились съ Ш. остроумно и окончательно. Однажды съ него сняли обычнымъ порядкомъ сапоги и забросили ихъ на печь, очень высокую и доходившую почти до потолка, и затѣмъ подняли страшный шумъ, чтобы привлечь дежурнаго офицера и помощника инспектора. Ш. сначала оторопѣлъ, потомъ, должно быть, сообразилъ,

¹⁾ 6 балловъ, по 12 балльной системѣ, удовлетворительная отмѣтка.

что на шумъ непремѣнно придутъ и увидятъ его безъ сапогъ, и сталъ упрасивать не шумѣть и отдать ему сапоги, обѣщая за это поставить хорошіе баллы. Шумъ затихъ. Начались переговоры: «Доставай самъ!» отвѣчали ему.—Но какъ же, господа, я ихъ достану? Будьте умники, достаньте пожалуйста.—«Полѣзай самъ!»—Какъ же я туда влѣзу?—«Мы поставимъ доску и подсадимъ!» Надо было спѣшить, и Ш. полѣзъ на печь, проклиная кадетъ, упрасивая ихъ не шумѣть и угрожая имъ. Какъ только онъ усѣлся на печкѣ и сталъ натягивать сапоги, доску приняли: врагъ попалъ въ ловушку, и классъ огласился криками торжествующаго побѣдителя, на которые сбѣжалось со всѣхъ сторонъ начальство. «Что за гамъ? Старшій! Гдѣ учитель?» спросилъ помощникъ инспектора. Школьники молча смотрѣли на печь, и туда обратились взгляды начальства. Тамъ сидѣлъ на карнизѣ, свѣсивъ ноги, учитель, весь измазанный известью и пылью, съ забранными панталонами, не рѣшаясь прыгнуть. Дѣло было слишкомъ скандально, чтобы его выяснить при открытыхъ дверяхъ. Послѣ этого кадеты не видѣли больше Ш. Добрые учителя развлекали дѣтей любопытными, а чаще незанимательными баснословными сказаніями, или историческими анекдотами, которые повторялись уже много разъ.

Въ 4-мъ общемъ классѣ попадались взрослые, возмужалые, изъ тѣхъ, которые заживались по 2 года въ классѣ. Они занимались разнообразнымъ спортомъ, особенно гимнастикой, акробатикой, развивали въ себѣ басытый голось, читали въ церкви апостола, окунались холодной водой, ходили переваливаясь, растегнувъ 3 нижнія пуговицы на курткѣ. Это были «старые кадеты или слоны». Учитель математики любилъ слоновъ, подтрунивалъ надъ ними и ставилъ имъ всегда 6 балловъ. «Г. N., пожалуйста къ доскѣ!» вызывалъ онъ слона и задавалъ ему самый элементарный вопросъ:

«Скажите, пожалуйста, сколько въ окружности можно провести діаметровъ?»—«Сколько хочешь!» отвѣчалъ басомъ широкоплечій слонъ.—«Прекрасно, но позвольте, г. N. я, кажется, говорю съ вами вѣжливо? Какое же право вы имѣете говорить со мною на «ты»? Вы полагаете, что вѣжливость необязательна для слона?! Потрудитесь раздѣлить данную линію на 7 частей». Молчаніе.—«Что же-съ? Пожалуйста на Парнасъ; что въ умѣ держите, несите на Парнасъ!»—Молчаніе... Тогда учитель басомъ начинаетъ нараспѣвъ: «Братіе! взгляните на моя плечи!». и запѣваетъ на 7-ой гласъ «Славы и нынѣ:

«Украсилъ Богъ небо звѣздами,
«А кадетскій корпусъ дураками.
Пѣснь тебѣ всегда приносимъ!»

Весь классъ тихо повторяетъ эти стихи церковнымъ напѣвомъ.—Идите, господинъ слонъ: 6 балловъ.—Это было, по крайней мѣрѣ, забавно. Въ высшихъ классахъ спеціальныя, т. е. военныя науки преподавались едва-ли лучше. Полковникъ К. заслуженный преподаватель фортификаціи излагалъ свой предметъ очень картинно: «Гг.! чему, скажемъ, теперича равняется высота бруствера полевого укрѣпленія? Очень просто: средній баллъ, скажемъ теперича, 6, въ этомъ окнѣ 6

стеколь; у человѣка 6 отверстій; митрополить ѣздить на 6 лошадяхъ, высота бруствера, скажемъ теперича, 6 футъ.»

Эта система—наслѣдіе мрачныхъ временъ, не считалась съ психикой; дисциплинарный уставъ и катехизисъ были ея нравственнымъ закономъ. Своей цѣлью она поставила созданіе безусловныхъ исполнителей усмотрѣнія и храбрыхъ безотвѣтныхъ воиновъ и творила бы она покорныхъ слушателей-автоматовъ, еслибъ попутно и непринужденно не сложилась кадетская спартанская община. Единицы обезличивались: онѣ склонялись подъ желѣзной рукой устава, а спартанская община, сильная взаимной выручкой и чувствомъ товарищества, служила защитительной оболочкой въ неизбежномъ антагонизмѣ кадета съ начальствомъ. Эта система, описанная здѣсь бѣлыми штрихами, существовала неизмѣнно многіе годы и, казалось, пустила глубокіе несокрушимые корни. А при первомъ дыханіи свѣжаго весенняго воздуха, при первомъ лучѣ свѣта, она исчезла, какъ дурной сонъ, правда, оставивъ послѣ себя кое-какіе пережитки. Но все дикое, грубое, омертвѣлое обречено на гибель, а хорошее, жизнеспособное осталось.

Когда наступила перемѣна, ¹⁾ бурбоны-офицеры исчезли, какъ «привидѣнія при крикѣ пѣтуха». Явились хорошо воспитанные офицеры. Одинъ ротный командиръ капитанъ О. изучалъ за границей педагогію. Ручная расправа исчезла вмѣстѣ съ бурбонами и тѣлесное наказаніе стало выходить изъ обихода, хотя директоръ корпуса генералъ Л. частенько возглашалъ: «стыдъ, срамъ, срамота, розгу дамы!» Но чудомъ изъ чудесъ было появленіе образованныхъ учителей иностранныхъ языковъ. Лукавые кадетики, желая поднять насмѣхъ нѣмца, попросили однажды объяснить что-то изъ тригонометріи; учитель не только хорошо объяснилъ, но затѣмъ охотно помогалъ и по другимъ предметамъ. Специальныя науки преподавали молодые офицеры съ академическими значками. Простое перечисленіе преподавателей по общимъ предметамъ въ специальныхъ классахъ покажетъ, какъ измѣнилась учебная часть: ихъ имена еще до сихъ поръ не забыты. Статистику преподавали Корсакъ, Покровский, С. С. Муравьевъ (потомъ проф. казанскаго университета). Законовѣдѣніе—Лялинъ (перев. Шиллера), исторію Альбертини, Ватсонъ, Дювернуа. Въ 3-мъ специальномъ, который былъ учрежденъ только что, преподавали Н. С. Тихонравовъ (словесность), М. Н. Капустинъ (законовѣденіе), С. М. Соловьевъ (исторію), Покровскій (статистику), Я. И. Вейнбергъ (физич. геогр.). Когда я былъ во второмъ специальномъ, и составъ учителей, и ихъ отношенія къ намъ, и способы преподаванія, да и самые предметы преподаванія измѣнились. Между учителемъ и учениками возникло сближеніе. Съ почтеніемъ я вспоминаю двухъ учителей, нашихъ друзей, М. и Л. Отъ М. мы впервые услышали о Бѣлинскомъ, Чернышевскомъ и Добролюбовѣ. Онъ указалъ намъ на Современникъ. Я попалъ во 2-ой спец. классъ очень юнымъ, 16 лѣтъ, по успѣхамъ на экзаменахъ, но не по развитію, и читалъ до знакомства съ М. только романы. Первая серьезная статья, которую я прочелъ сознательно, съ увлеченіемъ это—«Литературныя мелочи за прошлый годъ» Добролюбова. Добро-

¹⁾ При военномъ министрѣ А. А. Милютинѣ.

любова мы читали и читали, но Чернышевскій имѣлъ на насъ болѣе сильное и прямое вліяніе. Его мы знали наизусть, его именемъ клялись, какъ правовѣрный магометанинъ клянется Магометомъ, пророкомъ Аллаха; такъ что Тургеневъ ошибался, когда называлъ «Чернышевскаго простой змѣей, а Добролюбова очковой». Лучше сказать наоборотъ. Другой учитель Л. сдѣлалъ для насъ не менѣе. Онъ познакомилъ насъ съ Герценомъ. Были и между нами молодые люди, которые, познакомившись съ этимъ писателемъ, полюбили его всей душой. Знакомство же съ идеями Герцена сообщило имъ направленіе, которому они остались вѣрны до старости. Ихъ плѣнила въ Герцена глубина мысли, выраженной въ такой красивой формѣ, широта проницательнаго ума, блестящее остроуміе, великая сила сарказма—но этимъ могли восхищаться и эстетики; эти же нѣкоторые чувствовали за его сатирой «невидимыя слезы», любовь къ родинѣ, истинѣ, справедливости, жажду свободы—и увѣровали въ этого учителя и остались вѣрны его завѣтамъ. Другіе же, когда съ нихъ слетѣлъ блескъ молодости, «поумнѣли». Л. входилъ въ классъ. Мы ставили «махальнаго», и начиналось чтеніе: онъ читалъ намъ соч. Герцена «Колоколъ», «Полярную Звѣзду», изданія эмигрантовъ Головина, Долгорукова и т. д. 3-ій спеціальный классъ существовалъ недолго нѣсколько лѣтъ и состоялъ изъ 3-хъ отдѣленій: инженернаго, артиллерійскаго и генеральнаго штаба. Общіе предметы преподавали профессора Московскаго университета. Я шелъ по отдѣленію генеральнаго штаба, и весь курсъ нашъ состоялъ въ томъ, что профессора читали лекціи по поводу данныхъ намъ темъ для сочиненій. Сочиненія же давались для того, чтобы приучить писать по источникамъ. Наши сочиненія были, конечно, ребяческими компиляціями, лучшую часть которыхъ составляли мысли и данныя, записанныя за профессоромъ и выписки изъ источниковъ. Но эти чужія мысли мало согласовались съ кадетской отсебятиной. Приучить насъ къ обращенію съ источниками и критическому отношенію къ нимъ и къ самостоятельности выводовъ, конечно, не удалось. По словесности была напр. такая тема: Сравнить типы Гамлета и Донъ-Кихота и разобрать тургеневскій взглядъ на эти типы». Для сочиненія служили источниками кромѣ Гамлета въ переводѣ и Донъ-Кихота на испанскомъ языкѣ и во французскомъ переводѣ, Гervинусъ о Шекспирѣ на нѣмецкомъ, Гизо о Шекспирѣ по-французски, статьи Бѣлинскаго и проч. По исторіи: исторія распространенія христіанства въ Россіи, исторія казачества, исторія Галицкой Руси — источники: лѣтописи, акты историческіе, акты археографической комиссіи, многотомныя исторіи христіанства Филарета, Макарія и многія другія книги на разныхъ языкахъ. По законовѣдѣнію: права дворянства до изданія жалованной грамоты Екатерины II. Источники: Токвиль «Старый порядокъ и революція» еще что-то и, наконецъ, Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

II.

Я былъ произведенъ въ офицеры и остался на службѣ въ Москвѣ. Связи съ корпусомъ у меня не порвались: тамъ еще учился бывший мой родственникъ Л. А.; вмѣстѣ съ тѣмъ завязались знакомства со студентами. Отъ нихъ я получилъ слѣдующія литографированныя изданія: Фейербаха: «Сущность религіи», его-же «Сущность христіанства». Герцена «Съ того берега» и «Былое и Думы», Бюхнера «Сила и Матерія», и нѣсколько нумеровъ «Колокола». Однажды 2 или 3 пріятеля Л. А., кадеты старшаго возраста (но другого кадетскаго корпуса), мнѣ повѣдали, что они составили тайное общество и собираются въ корпусныхъ подвалахъ по ночамъ. Въ одной классной комнатѣ былъ небольшой закоулокъ съ дверью — складъ географическихъ картъ, военныхъ плановъ и т. д. Въ этомъ мѣстѣ они подняли половицы и спустились въ подполье, изслѣдовали его, выбрали довольно изолированный уголокъ и, вырубивъ въ капитальной стѣнѣ небольшую камеру увѣшали ея бока одѣялами, поставили столъ, покрытый чернымъ сукномъ, а на столѣ положили черепъ и 2 обнаженныхъ кинжала. Вся обстановка была натаскана постепенно изъ цейхгауза, артиллерійскаго, зоологическаго и физическаго кабинетовъ, а затѣмъ тамъ явился литографскій станокъ. Въ это время университетская тайная литографія должна была на время прервать свою работу и мнѣ передали одну рукопись, которую я и предложилъ кадетскому тайному обществу налитографировать, что и было исполнено очень хорошо. Коридорному сторожу они платили, и тотъ имъ содѣйствовалъ. Въ это время въ корпусѣ появились обличительныя стихотворенія: предметомъ обличенія было начальство, особенно директоръ корпуса генералъ Л. Вскорѣ тайная кадетская литографія провалилась. Ночью фельдфебель нестроевой роты, дѣлая обходъ, замѣтилъ, какъ изъ подполья вылѣзалъ сторожъ. Сторожъ на допросѣ покаялся. Литографія была захвачена, но директоръ корпуса О. не разглашалъ инцидента, и открытіе обошлось безъ послѣдствій для участниковъ кадетъ. Вскорѣ ко мнѣ зашли 3 кадета и заявили, что они хотятъ для небольшого, ручного, самодѣльнаго типографскаго станка добыть шрифтъ и просили меня отправиться съ ними въ воскресенье въ словолитню Семена въ качествѣ офицера-воспитателя. По праздникамъ учащіеся допускались къ осмотру такихъ заведеній. Машины показывалъ молодой парень. Я долженъ былъ отвлечь его вниманіе, для того, чтобы дать возможность кадетамъ набить свои карманы шрифтомъ, который лежалъ въ большихъ и глубокихъ ящикахъ вдоль стѣнъ. Такъ и было сдѣлано. Но когда мы дома осмотрѣли добычу, оказалось что у насъ не хватало нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ, а слишкомъ много восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ. Нужно было сдѣлать новый и болѣе осмотрительный поискъ. Второе, хорошо разсчитанное покушеніе, было удачнѣе. Затѣмъ въ корпусѣ появились печатныя обличенія и начальство страшно всполошилось. На Л. А. пало подозрѣніе потому, что онъ прославился своими стихотворными произведениями еще въ среднихъ классахъ и эта поэтическая слава довела

его до солдатской шинели. Экзамены кончились. Въ старшей ротѣ готовились къ спектаклю: въ актовомъ залѣ устраивали сцену. Во время этой праздничной, веселой суеты А. былъ арестованъ въ карцерѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ Л. обратился къ старшей ротѣ съ такими словами: «Среди васъ есть дурной товарищъ, который васъ выдаетъ: откуда я узналъ, что Б. вернулся изъ отпуска пьяный?—отъ А. Кто мнѣ донесъ, что у В. дурная болѣзнь? а С., Д. и Е. играютъ въ карты? — Опять А.! — Стыдъ! Срамъ! Срамота! Такого испорченнаго кадета я исключу изъ корпуса!» Кадеты слушали его съ иронической улыбкой. Когда же онъ кончилъ, раздались голоса: «Мы не вѣримъ ни одному вашему слову! Мы знаемъ доносчика! Зачѣмъ вы посадили А. въ карцеръ, а теперь черните его за глаза?! Позовите его сейчасъ и повторите при немъ ваши слова!» — «Я не могу его освободить,—отвѣтилъ директоръ,—онъ арестованъ за распространение пасквилей и за это пойдетъ въ солдаты!»—«Это новая ложь»!.. Объясненіе принимало бурный характеръ и генераль удалился, а кадеты въ ту же минуту побѣжали въ карцеръ, сломали двери и сообщили А. о томъ, что было, А. бросился въ кабинетъ директора,—квартира котораго выходила на большую площадку обширныхъ сѣней, по обѣимъ сторонамъ которыхъ вели внизъ въ швейцарскую двѣ широкія лѣстницы. А. бѣшено ворвался въ кабинетъ почти по слѣдамъ директора, Л. хотѣлъ забѣжать за письменный столъ, но былъ настигнутъ, и А., безъ дальнихъ объясненій, обозвавъ его «подлецомъ», далъ ему пощечину и отправился въ роту. Вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ на площадку и Л. По лѣстницѣ въ эту минуту поднимались рабочіе съ досками и переводинами для театральной сцены и дежурный по корпусу вышелъ изъ своей комнаты должно быть для наблюденія за ними. Л. былъ внѣ себя и прокричалъ: «Бросай тесъ! Лови разбойника А.!» и обращаясь къ дежурному капитану С. сказалъ: «Арестуйте этого разбойника: онъ меня сейчасъ ударилъ по лицу!» — Но арестовать его уже было невозможно безъ крупнаго скандала. Онъ былъ среди товарищей, которые его не выдавали. На другой день былъ праздникъ; въ 7 часовъ вечера распускали въ отпускъ по домамъ. За А. пріѣхала мать: но въ пріемной ее уже ожидали товарищи А. и, рассказавъ ей въ чемъ дѣло, предупредили, чтобы она не вызывала сына къ себѣ потому, что его тутъ же арестуютъ. Старшая рота въ отпускъ не пошла. Кадеты хорошо знали, что ночью будетъ сдѣлана попытка арестовать А. и рѣшили отразить ночное нападеніе. Раздѣвшись, они положили около себя обнаженные тесаки, выбрали караульныхъ, изголовье А. перевязали съ изголовьемъ другой кровати, а его тюфякъ прикрѣпили къ кровати, чтобы его не вынесли соннаго на тюфякъ, или вмѣстѣ съ кроватью. Затѣмъ всѣ улеглись. Наступила тишина. Ночью два или три раза прослѣдовалъ по спальнѣ дежурный офицеръ и отдалъ приказаніе служителю убавить огня въ лампахъ. А потомъ съ двухъ сторонъ спальни вошли двѣ команды солдатъ служительской роты, подъ начальствомъ дежурнаго по корпусу и командира служительской роты. Когда солдаты направились къ кровати А., раздались сильные крики, и вся рота въ нижнемъ бѣлѣ съ тесаками, бросилась на солдатъ и жестоко ихъ избивала. Атака была

отбита и противникъ бѣжалъ. Но нужно было закрѣпить за собой результаты побѣды и вотъ, въ 8 часовъ утра на другой день, той долѣ Москвы, которая рано встаетъ, довелось увидѣть на улицахъ удивительную процессію. По серединѣ улицы шла стройнымъ порядкомъ рота взрослыхъ кадетъ, со своими унтеръ-офицерами на мѣстахъ, въ самомъ растерзанномъ видѣ: куртки, панталоны были разорваны въ клочья, лица и руки въ крови, многіе несли въ рукахъ разорванныя и окровавленные подушки, одѣяла, рубахи и проч. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ бойцамъ и довелось получить нѣсколько ударовъ кулакомъ въ жару битвы, по солдатской неосторожности, при самозащитѣ, а можетъ быть и умышленно. Но несомнѣнно также, что побиты были солдаты, а не кадеты и что кадеты измазали себѣ лица и рубахи солдатской кровью, изсрвавъ умышленно въ клочья свое бѣлье и платье. Одинъ кадетъ выломалъ себѣ зубъ, который шатался и наколотилъ себѣ синяки. И эта процессія шла по Москвѣ, привлекая къ себѣ изумленныхъ прохожихъ, шла къ генераль-губернатору. Генераль-губернаторъ Тучковъ привѣтливо принялъ кадетъ, довѣрчиво выслушалъ ихъ разсказъ, не скрывъ отъ нихъ своего возмущенія и отпустилъ ихъ, сказавъ, что сію минуту телеграфируетъ Государю о ночномъ избіеніи сонныхъ кадетъ. Черезъ день генераль Л. былъ отставленъ. Но взволнованная среда не можетъ сразу успокоиться. Вмѣстѣ съ главнымъ, основнымъ теченіемъ, возникаютъ побочныя, сообщающія ему особенную окраску. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Одинъ кадетъ, товарищъ А. по классу и ротѣ, въ минуту общаго упоенія побѣдой, собралъ около себя слушателей и съ большимъ пафосомъ сталъ проповѣдывать, что Бога нѣтъ. Сначала его выслушивали молча и довольно равнодушно: но дальнѣйшая аргументація заинтересовала нѣкоторыхъ. Онъ говорилъ, указывая на ротный образъ: «Вы видите этотъ образъ, я надругаюсь надъ нимъ; если есть Богъ, то пускай меня за это разоразитъ громъ небесный, или пусть подо мной разступится полъ и я провалюсь въ преисподнюю! Если же этого не случится, значитъ Бога нѣтъ!»—«Вѣрно!»—отвѣтили ему нѣкоторые увлеченные такой постановкой вопроса. Сейчасъ же М. снялъ образъ, сорвалъ ризу и, сложивъ икону, сталъ топтать обломки ногами... Ну, что же г.г.! гдѣ громы небесные?» За этимъ послѣдовало краткое молчаніе какъ бы въ ожиданіи свидѣтельства свыше. «Вы видите, я цѣлъ—значитъ Бога нѣтъ!»—«Вѣрно»—отвѣтило нѣсколько голосовъ. Тогда они схватили обломки и бросили въ каминъ. Дня черезъ 3 пріѣхалъ изъ Петербурга генераль-адъютантъ Ж. для разслѣдованія обоихъ случаевъ. А. и М. были арестованы. Директоръ отрицалъ пощечину, утверждая, что А. обругалъ его подлечомъ и только замахнулся на него, но ему удалось отвести ударъ. А. заявилъ, что далъ ему полновѣсную пощечину и дастъ при первомъ случаѣ еще другую. Дѣло окончилось тѣмъ, что А. былъ назначенъ въ солдаты на 6 лѣтъ въ дальніе гарнизоны, а М. на 3 года. Директоръ уволенъ въ отставку и выѣхалъ за границу лечиться отъ флюса.

III.

Та войсковая часть, гдѣ я началъ службу, была переведена на новыя квартиры верстахъ въ 35 отъ Москвы и къ намъ былъ назначенъ новый командиръ полковникъ Б., пожилой, заслуженный воинъ, украшенный крестами за венгерскую и крымскую кампаніи. Съ прежнимъ командиромъ полковникомъ П., мы ладили и повѣрили недоброй оцѣнкѣ, сдѣланной имъ новому командиру. «Г. г.! сказалъ онъ намъ,—на васъ идетъ гроза и я думаю это васъ соединить». Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе разнохарактернаго состава общества офицеровъ и въ силу того, что тогда существовали выборныя должности: казначея и квартирмейстера ¹⁾, за которыхъ общество отвѣчало своимъ карманомъ,—возникали почти повсемѣстно въ войскахъ партіи. Желаніе провести на эти должности своихъ кандидатовъ, желаніе, поддерживаемое нѣкоторой наиболѣе вліятельной по своему служебному положенію частію общества, было несомнѣнной причиной разлада. Полковникъ П. былъ уступчивъ и тактиченъ и при немъ мы жили довольно согласно и неизбѣжныя столкновенія вызывались разнохарактерностію состава и причинами общаго характера. Для общества было важно знать, какъ отнесется къ предстоящимъ выборамъ новый командиръ: внесетъ ли въ нашу среду смуту и разладъ, или соединить насъ? Наружность Б. не располагала въ его пользу. Простоватое лицо съ зачесанными впередъ височками, узенькія бакенбарды отъ ушей до угловъ рта, высоко подвязанный галстухъ, грудь колесомъ, безпокойная и ненужная суетливость человѣка, который видимо хотѣлъ быть вездѣсущимъ и все исполняющимъ. Вѣчно онъ носился въ своей длинной, ветхой шинели на распашку по казармамъ, кухнямъ, цейхгаузамъ, конюшнямъ, мастерскимъ, всюду вступая съ офицерами въ разговоры часто безполезные, словно ему хотѣлось убить какъ нибудь время. Положимъ, это были служебныя встрѣчи; но съ нимъ невозможно было разминуться и тамъ, куда мы ходили по своимъ личнымъ дѣламъ: въ библіотекѣ, столовой, даже на мѣстномъ базарѣ и въ мѣстныхъ лавкахъ. Встрѣчнаго офицера онъ осматривалъ съ ногъ до головы, словно мѣрку снималъ, и отрывисто задавалъ ему чисто формальные вопросы: давно ли на службѣ, гдѣ учился, сколько лѣтъ отъ роду, женатъ или холостъ? Одинъ острякъ уверялъ даже, что командиръ спросилъ у кого-то, не имѣетъ ли онъ особенныхъ примѣтъ на тѣлѣ. Наши свѣдѣнія о новомъ командирѣ дополняли нѣкоторые добровольцы: младшій штабъ-офицеръ Г.—самое значительное по чину лицо послѣ командира, взявшій на себя миссію сближенія общества офицеровъ съ командиромъ, но въ сущности имѣвшій въ виду только свое личное сближеніе съ нимъ, и адъютантъ Ч. по обязанности посѣщавшій ежедневно Б. на квартирѣ.—Г. г., говорилъ Г. въ столовой, я узналъ, что вчера изъ Москвы привезли

¹⁾ А также библіотекари и завѣдующіе столовой, въ избраніе которыхъ также имѣли вѣдѣніе командиры—и въ этомъ случаѣ приходилось платиться своимъ желудкомъ и читать отгарадательныя „Московскія Вѣдомости“.

командиру цѣлый обозъ мебели, ковровъ, фортепіано, ящики, должно быть съ книгами, картинами, и множество роскошныхъ вещей: честное слово, видѣлъ своими глазами!—«Должно быть забѣжалъ на кухню и пошептался съ деньщиками!» пояснилъ сосѣду острякъ N. N. «Сегодня, г. г., прѣхали поваръ, кондитеръ, домоправительница и горничная»,—Ручаюсь вамъ, что Г. лизалъ тарелки!—комментировалъ N. N. «Изъ послужнаго списка командира видно, что онъ женатъ на очень знатной полкѣ: чуть ли не изъ рода Ягеллоновъ» сообщилъ адъютантъ Ч. Это окончательно спутало всѣ наши представленія о Б. А черезъ недѣлю прибыла въ отличномъ дорожномъ экипажѣ съ остальнымъ своимъ штабомъ и сама командирша, красивая, стройная молодая дама съ темными строгими глазами въ черномъ платьѣ. Черезъ нѣсколько дней новое событіе очень взволновало кой кого, особенно адъютанта Ч. М-ме Б. посѣтилъ ксендзъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ Б. показался намъ въ новомъ видѣ: по прежнему онъ бѣгалъ всюду, но теперь фамиллярно хваталъ встрѣчнаго за рукавъ, спрашивалъ: «Обѣдали? Ужинали?» и тащилъ къ себѣ. Увидитъ издали на улицѣ офицера, прибавитъ шагу и закричитъ: «Кушали? идите ко мнѣ завтракать!» Выборы прошли какъ нельзя лучше: командиръ не только не вмѣшивался, а остался совсѣмъ въ сторонѣ. М-ме Б. принимала насъ очень любезно, гостепріимно, но казалась холодной и гордой; однако ея тихій, музыкальный голосъ былъ очень привлекателенъ: «тихій нѣжный голосъ большая прелесть въ женщинѣ.» Съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ приходилось измѣнять первоначальное мнѣніе и молодые люди входили въ гостинную къ М-ме Б. съ неувимымъ чувствомъ ожиданія встрѣтить что-то новое, неиспытанное, интересное, увлекательное. И болѣе чуткіе скоро поняли, что ихъ отчуждала и умаляла не гордость и холодность аристократки и чужестранки, а нравственная прелесть ея высоко-развитой личности. Какая-то обаятельная зона, которая и притягивала и ставила на свое мѣсто—отталкивала отъ нея мало развитыхъ и испорченныхъ; а лучшіе, юные легко и охотно поддавались ея вліянію. М-ме Б. была очень образованная женщина, отличная музыкантша, а самъ Б. игралъ недурно на віолончели, къ великому изумленію старшихъ офицеровъ, которые этимъ были нѣсколько скандализированы. Хозяева пригласили насъ бывать за-просто ежедневно, а по воскресеньямъ и праздникамъ были назначены обѣды, по четвергамъ вечера, обязательные для всего общества: семейныхъ и холостыхъ. 4 молодыхъ офицера занимались музыкой, и М-ме Б. стала руководительницей этого музыкальнаго кружка. Другая небольшая группа была привлечена къ ней силою иного средства. Она намъ рассказывала съ такой теплотой о несчастіяхъ своей дорогой родины, которая тогда возстала, и это была простая и трогательная жалоба; но по временамъ въ ея рѣчахъ мы слышали голосъ возмущенной до глубины гражданки. Умышленной тонкой пропаганды не было: она свободно провозглашала свои задушевныя убѣжденія и открывала свою взволнованную душу: истина какъ бы говорила сама за себя. Когда она замѣтила, что мы слушали ее съ уваженіемъ и симпатіей, она стала съ нами такъ проста, добра и довѣрчива, какъ сестра. Но въ одномъ случаѣ мы рѣшительно не поддавались ея

вліанію. Эта искренно вѣрующая женщина была глубоко огорчена невѣріемъ своихъ новыхъ друзей. Мы дѣйствительно тогда исповѣдовали философское ученіе Людвига Фейебарха. Можетъ быть она опасалась за наше вѣчное спасеніе, а можетъ быть она знала, какую силу даетъ вѣра, и горячо желала сообщить эту силу тѣмъ, кому предстояли особенныя испытанія, и тутъ обнаруживалась пылкость ея характера. Она совѣтывала, упрашивала, умоляла и встрѣчая непреодолимое упорство, угрожала, стучала съ досадой ногой и наконецъ, обращалась къ мужу съ просьбой: «Б. да помоги же мнѣ!» Б. ставилъ вопросъ иначе: я вамъ дамъ батюшка, такую книгу, что вы пальчики облизаете! Читали вы Лакордера? Нѣтъ! Вотъ это человѣкъ! Вы только прочтите, останетесь довольны.—Прошу васъ, прочтите пожалуйста, уговаривала М-те Б.: Лакордеръ другъ Ламэне. Если вы возьмете книгу, продолжалъ Б., я вамъ въ ножки поклонюсь, а когда вы ее прочтете, вы мнѣ въ ножки поклонитесь!

— Но мнѣ некогда: я занятъ службой: я читаю по французски очень медленно, а между тѣмъ нужно ходить въ казармы, отговаривался А.—Б., обращалась къ мужу М-те Б. — Освободи А. отъ службы: чтобы онъ не ходилъ въ казармы... Изволь мой другъ! Освобождаю васъ отъ казарменныхъ занятій, а когда читаете, мы вамъ дадимъ книгу еще почище этой! Такъ и было сдѣлано. М-те Б. играла намъ польскіе гимны и революціонныя пѣсни. Отъ нея мы впервые услышали запрещенную тогда марсельезу. Носила она глубокой трауръ. Встрѣчали мы часто у нея ксендзовъ, людей несравненно болѣе свѣтскихъ и просвѣщенныхъ, чѣмъ наши попы и, наконецъ, познакомились тамъ съ капитаномъ генеральнаго штаба Жверждовскимъ. Жверждовскій заходилъ къ одному изъ нашихъ товарищей Г-му, недавно исключенному за «исторію» изъ инженерной академіи, и тамъ онъ откровенно бесѣдовалъ съ офицерами о текущихъ событіяхъ. Я по неволѣ долженъ судить о тогдашнихъ обстоятельствахъ ретроспективно. Но мнѣ кажется, что и тогда мое юношеское, неопытное разумѣніе постигало непреклонную и желѣзную силу характера этого человѣка и его прямолинейность. Для него не существовало никакихъ сомнѣній. Чувство долга повелѣвало ему ломить все, что мѣшаетъ достиженію цѣли; но вмѣстѣ съ тѣмъ бросалась въ глаза его практичность, умѣлость, безсознательная ловкость, можетъ быть, укрѣпленная наслѣдственностью. Сочетаніе этихъ свойствъ и поразило меня вѣроятно потому, что мы русскіе въ этомъ отношеніи отставали отъ поляковъ. Эта характеристика можетъ показаться недостаточно обоснованной: я видѣлъ Жверждовскаго два, три раза и, повидимому, не долженъ довѣрять своему юношескому сужденію. Но впечатлѣнія молодости такъ ярки; а моя настоящая опытность не вноситъ никакой поправки въ ту юношескую оцѣнку. Историческая же справка подтвердитъ мои выводы: дѣятельность въ Литвѣ Жверждовскаго-Топора была энергична, хотя и кратковременна; а кратковременность такой дѣятельности у насъ является общимъ правиломъ. Жверждовскій состоялъ при штабѣ гренадерскаго корпуса въ Москвѣ. Въ Московскомъ гарнизонѣ было достаточно войсковыхъ частей для пристрѣлки новыхъ ружей. Между тѣмъ Жверждовскій обратился къ

Б. съ просьбой пристрѣлять для ускоренія значительную партію этихъ ружей при нашемъ баталіонѣ, въ виду немедленнаго отправленія ружей въ дѣйствующую армію. Эту пристрѣлку очень тщательно исполнилъ нашъ завѣдующій оружіемъ. Черезъ нѣкоторое время мнѣ пришлось по дѣламъ ѣхать въ Москву и командиръ просилъ зайти на квартиру Жверждовскаго за какой-то справкой. Когда я позвонилъ, мнѣ отворилъ двери жандармскій унтеръ-офицеръ и пригласилъ войти. Я сообразилъ, что случилось что-то неладное. Тамъ меня спросили, кто я и зачѣмъ явился. Я объяснилъ, что командиръ приказалъ мнѣ зайти въ штабъ гренадерскаго корпуса за служебной справкой, что, не заставъ тамъ капитана Жверждовскаго, я по указанію писаря отправился къ нему на квартиру. Меня спросили, почему же я пошелъ за справкой не въ свой штабъ, а въ штабъ гренадерскаго корпуса. Я отвѣтилъ, что нашъ штабъ въ г. Ярославлѣ и за всѣми справками мы обращаемся въ ближайшій штабъ. Мое имя и мѣсто служенія записали: я поспѣшилъ домой, чтобы предупредить Б. Но тамъ уже все было извѣстно. М-ме Б. меня встрѣтила словами: «Вотъ это патріотизмъ: Жверждовскій ушелъ умирать за свободу отчизны и ушелъ не съ пустыми руками!» Жверждовскій воспользовался совершеннымъ довѣріемъ командира корпуса барона Рамзая и вызвался самъ доставить въ дѣйствующую армію громадный транспортъ съ оружіемъ, боевыми припасами, деньгами, мундирными и амуниционными вещами подъ прикрытіемъ сильнаго отряда, и сдалъ этотъ транспортъ вмѣстѣ съ прикрытіемъ въ Литовскихъ лѣсахъ повстанцамъ; а затѣмъ скорѣе явился подъ именемъ Топора однимъ изъ главныхъ начальниковъ Литовскаго революціоннаго отдѣла. Карьера его была непродолжительна: онъ сдѣлалъ неудачную попытку овладѣть городомъ Борисовымъ, былъ отбитъ, а потомъ въ одной битвѣ попалъ въ плѣнъ и повѣшенъ Муравьевымъ. Однажды вечеромъ Б. разсказалъ намъ, что въ одномъ гвардейскомъ полку, въ послѣднемъ дѣлѣ, было изъ строя нѣсколько офицеровъ, и что я назначенъ начальствомъ въ этотъ полкъ, какъ имѣющій право, по успѣшному окончанію курса, на переводъ въ гвардію, а потому долженъ отправиться на войну. Я отвѣтилъ при всѣхъ, что не желаю этого перевода. «Почему?» навивно спросилъ Б., вѣдь васъ переводятъ въ гвардію съ пониженіемъ одного чина и такимъ образомъ вы выигрываете чинъ; да тамъ заперстрѣлки схватите крестикъ, другой; мой совѣтъ ѣхать и ѣхать!» Я отвѣтилъ, что «не желаю принимать участіе въ этой несправедливой войнѣ»... Что это за странный человѣкъ этотъ Б., думалъ я, неужели онъ думаетъ, что намъ суждены лишь благіе порывы, а совершить ничего не дано?—Но вѣдь я не могу сдѣлать такого донесенія, добавилъ Б., я донесу, что вы по болѣзни не можете воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ. Если это представленіе будетъ уважено—счастье ваше!—Я знала, что вы такъ отвѣтите! сказала М-ме Б., протянувъ мнѣ руку. Однако, командиру замаскировать мой отказъ не удалось. Одинъ изъ постоянныхъ нахлѣбниковъ Б—хъ давно и пристально слѣдилъ за тѣмъ, что тамъ творится, и написалъ обстоятельный доносъ, въ которомъ и меня не забылъ. Высшее начальство прислало слѣдователя. Б. держалъ себя при разслѣдованіи ук-

лончиво и неловко, М-те Б. открыто и гордо. «Почему вы ходите въ траурѣ?»—По отчизнѣ... что вы тамъ ищете г-нъ офицеръ?—Я ищу, сударыня, Марсельезу и революціонныя пѣсни.—Это вотъ здѣсь. Скажите пожалуйста, полковникъ, чей это портретъ въ арестантскомъ халатѣ виситъ надъ роялемъ? Это, знаете ли, портретъ одного родственника жены. Но отчего же онъ изображенъ въ кандалахъ? Я думаю, это причуда художника! Ахъ! нѣтъ, Б., зачѣмъ ты говоришь неправду?! Это портретъ Канарскаго. Офицерамъ не предлагали вопросовъ. Для меня дѣло кончилось благополучно. Въ теченіе слѣдующаго года меня переводили четыре раза: изъ Москвы въ Аккерманъ, оттуда въ Екатеринославъ, затѣмъ въ Миргородъ и наконецъ въ Ташкентъ. Два товарища были переведены въ армейскіе полки на Волгѣ. Одинъ изъ нихъ не хотѣлъ служить и вышелъ въ отставку. А командиръ былъ исключенъ изъ службы безъ пенсіона.

Лѣтъ черезъ 5, вернувшись изъ Туркестана, я разыскалъ въ Петербургѣ стараго своего сослуживца и очевидца только что разсказанной исторіи и узналъ о дальнѣйшей судьбѣ четы Б.—хъ М те Б. то же «не съ пустыми руками» пришла на служеніе своей отчизнѣ. Все свое большое состояніе она отдала на «дѣло» и затѣмъ осталась съ мужемъ въ нищетѣ. Б. постарѣлъ и опустился. Они жили въ Петербургѣ въ глухихъ мѣстахъ, на чердакѣ. Уроки музыки, которые давала М те Б., были ихъ единственнымъ ресурсомъ. Она сама стирала, мыла полы, обшивала мужа, чистила ему сапоги... Послѣдній разъ товарищъ встрѣтилъ его у гостиннаго двора: какъ прежде, онъ бѣжалъ и длинная, ветхая его шинель развѣвалась по вѣтру. Онъ страшно обрадовался встрѣчѣ: расцѣловался и прослезился... вспоминали старину... Потомъ Б. внезапно промолвилъ: Пойдемте: я вамъ покажу хорошее мѣстечко. Они пошли къ Казанскому мосту. Смотрите! Убей меня Богъ! черезъ три года здѣсь будутъ рѣзаться: славная будетъ потасовка!.. Вскорѣ они съ женой покинули Россію и поселились гдѣ-то за границей.

IV.

Главный нашъ начальникъ генералъ Г. учился кажется во времена Пушкина въ Царскосельскомъ лицѣѣ и былъ человѣкъ деликатный, стойкій и просвѣщенный. Онъ вводилъ во ввѣренныя ему войскахъ новое тогда стрѣлковое искусство и, повидимому, полюбилъ всей душою это дѣло и связанныя съ нимъ другія занятія. Должно быть мысль его была совершенно поглощена этимъ дѣломъ, ибо о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ, къ тѣлодвиженіямъ сопутствующимъ слова, припутывалъ невольно какія нибудь техническія движенія: гимнастическія, фехтовальныя и проч. Мнѣ приказали явиться къ нему передъ отъѣздомъ. Когда я вошелъ въ пріемную, онъ на одинъ моментъ принялъ фехтовальную позицію *en garde*, а потомъ очень привѣтливо поздоровался со мною. «Ну, вамъ придется ѣхать далеко! сказалъ онъ и приподнялъ нѣсколько голову, открылъ ротъ и протянулъ впередъ руки, изображая стрѣльбу на большое разстояніе при

высокомъ прицѣлѣ. Тамъ жарко, очень жарко... Я смотрю на увлеченія молодежи вотъ такъ: онъ приставилъ ладонь передъ правымъ глазомъ, прищуливъ лѣвый, какъ будто держалъ въ рукѣ ручную мишень съ дырочкой въ центрѣ для повѣрки спуска курка. «Я за вами буду слѣдить»... Онъ сдѣлалъ шагъ вправо и сталъ смотрѣть на какую то далекую точку черезъ мою голову, изображая должно быть процессъ глазомѣрнаго опредѣленія разстоянія... «И возьму васъ обратно черезъ нѣсколько лѣтъ». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ уже занималъ очень высокій постъ, онъ меня возвратилъ изъ Туркестана и встрѣтилъ очень ласково. Новый ближайшій начальникъ, смѣнившій Б. такъ спѣшилъ меня выслать, что не выдалъ даже денегъ на дорогу, объявивъ, что прогонныя я долженъ получать въ попутныхъ интендантствахъ ¹⁾. Но денегъ и тамъ мнѣ не дали потому, что я не имѣлъ свидѣтельства о неполученіи ихъ дома въ своемъ батальонѣ. Такъ какъ мнѣ очень не хотѣлось возвращаться за свидѣтельствомъ туда, откуда меня выслали въ 24 часа, а своихъ денегъ у меня было рублей 15—18, то я и послѣдовалъ совѣту знакомыхъ студентовъ, поискать случая и отправиться съ какимъ нибудь обозомъ, которые тогда перевозили товары изъ одного большого города въ другой. До Харькова я ѣхалъ на пароконномъ фургонѣ съ приказчикомъ колоніальнаго магазина. Въ Харьковѣ я очень скоро пристроился къ обозу, который везъ въ Одессу разные товары на 20 или 25 повозкахъ. Красивый, кудрявый, могучаго сложенія парень лѣтъ 30—35, Асѣвъ запросилъ съ меня 5 рублей. Я согласился. «Ну такъ пойдемъ баринъ въ полпивную». Тамъ Асѣвъ спросилъ водки и закуски и, когда я сказалъ, что не пью, онъ огорчился и удивился: «Какъ же ты ахвицеръ, а не пьешь?.. Ты выпей хоть французской!» Намъ дали краснаго цвѣта сладкую водку. «Что ты баринъ не ѣхалъ по казенной почтѣ? Или ты бѣдный такой? Такъ я тебѣ уступлю». Я возсталъ противъ уступки, сказавъ, что въ Одессѣ у меня будутъ деньги. Мой чемоданъ положили на дно воза, упаковали товары, обернули возъ рогожами и увязали, сдѣлавъ впереди рогожныя будки. Асѣвъ подстелилъ для меня свой полушубокъ, на который я положилъ подушку, а подъ нее узелокъ съ бѣльемъ, и вотъ мы тронулись. Каждую повозку везли три крупныя, сильныя лошади. Самый возъ со стороны походилъ на большую копну сѣна. Лошади шли мѣрнымъ шагомъ, а рогожная копна тихо качалась, вздрагивая слегка, когда колеса натыкались на неровную колею. Вozy поскрипывали. Лошади тихо качали головами и отмахивались хвостами. Пахло дегтемъ, а по временамъ наносило струю махорки. Съ ближняго воза доносился тихій говоръ, а иногда и пѣсня. Выѣзжали мы рано утромъ и дѣлали по холодку первую упряжку верстъ въ 25. По большимъ торговымъ трактамъ тогда всюду на этомъ разстояніи были разбросаны постоянныя дворы, иногда по два напротивъ другъ друга. Тамъ мы кормили лошадей и отдыхали всю жаркую пору дня и по холодку дѣлали вторую упряжку, подвигаясь еще верстъ на 25.

¹⁾ Окружныя интендантства тогда были только что учреждены и офицеры, не стоявшіе въ постоянныхъ отношеніяхъ къ нимъ, не знали толкомъ новыхъ порядковъ.

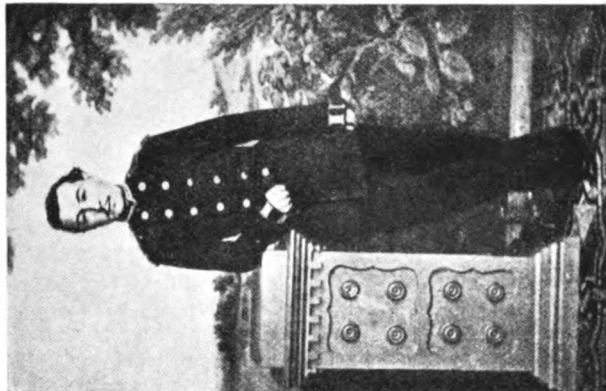
Передовая повозка вела весь обозъ и потому на очередномъ извозчикѣ лежала большая отвѣтственность. Остальные, свободные спали въ будкахъ, если не было своего или общаго дѣла, за исключеніемъ послѣдняго, хвостового тоже очереднаго, который слѣдилъ и за цѣлостью вещей, и за порядкомъ. Обозъ заѣзжалъ только въ свои излюбленные дворы на основаніи хозяйственныхъ или другихъ соображеній. Конечно для хозяина было выгодно накормить 60—70 лошадей и 20 извозчиковъ; а кормили извозчики своихъ лошадей отлично и сами ѣли хорошо и пили не мало. Вотъ почему, когда обозъ подъѣзжалъ ко двору, на крыльцо на встрѣчу выходилъ хозяинъ съ привѣтомъ и большой посудиною водки и подносилъ «встрѣчную чару» тутъ же; такъ же при отѣздѣ хозяинъ подносилъ «отвальную». И эти чарки въ счетъ не ставились. За лошадьми они любовно ухаживали, давая имъ въ волю овса и сѣна. Сами ѣли вкусно и много: жирныя, прѣлыя щи съ мясомъ, крупную гречневую кашу съ масломъ, жареную баранину, иногда птицу; пшенную кашу съ молокомъ, пироги, огурцы, арбузы, запивая это изряднымъ количествомъ водки, квасу и чая. Иногда разгуляются и начинаютъ угощать другъ друга водкой, затягиваютъ пѣсню и пускаются въ плясъ; тутъ и я не могъ уклониться отъ общаго веселія и угощенія. Самъ я не имѣлъ возможности ѣсть такъ много и хорошо, несмотря на всѣ ихъ настоятельныя просьбы, что ихъ видимо смущало, такъ какъ они, взявъ меня съ собой, считали меня какъ будто несовершеннолѣтнимъ членомъ своей артели. Я тратилъ на харчи 10—15 коп. въ день и этого было для меня довольно. Мнѣ давали на 5 коп. большую миску щей съ кускомъ хлѣба и на 5 коп. достаточную порцію каши. Однажды въ пути я захотѣлъ переѣннить бѣлье: изъ полушубка Асѣва на меня насѣли насѣкомыя. Я поднялъ подушку, и узелка съ бѣльемъ не нашель: полушубокъ сбился на сторону и мой узелокъ провалился черезъ петли веревочнаго переплета. Асѣвъ посовѣтывалъ мнѣ отдать кухаркѣ на постояломъ дворѣ помыть бѣлье, которое было на мнѣ. Около 11 часовъ утра мы остановились на постояломъ дворѣ въ какомъ-то небольшомъ городѣ. Пообѣдали и артель завалилась спать, а я пошелъ на кухню и сталъ просить кухарку помыть бѣлье; къ нашему разговору прислушивался молодой широкоплечій парень въ рубахѣ и босикомъ и сказалъ: «Пойдемъ баринъ со мной въ баню, я васъ вымою и выпарю, и бѣлье помою». Мнѣ понравилось такое предложеніе и я пошелъ къ нашему возу для того, чтобъ положить подъ подушку золотыя часы съ цѣпочкой. Изъ будки торчали ноги Асѣва. Я осторожно сталъ прятать часы; но Асѣвъ вскочилъ и спросилъ: «чего тебѣ родимый?» Когда я рассказывалъ въ чемъ дѣло, лицо Асѣва дѣлалось все строже. «Что ты родимецъ? Господь съ тобой! Одумайся! Съ кѣмъ ты пойдешь въ баню? Это первый жуликъ. Онъ тебя исколотитъ, отниметъ деньги, а то и убьетъ: за нимъ водится. А еще ахвицеръ, ученый! Словно ребенокъ не понимаешь! Ну, погоди рыжая собака!! Слушай, ты поди какъ будто идешь съ нимъ въ баню, а я побужу нашихъ ребятъ: мы его поучимъ!»—и проучили... Другой разъ, когда мы ѣхали по Херсонской степи, ночью, Асѣвъ велъ обозъ. Ему захотѣлось спать. Онъ толкнулъ меня и говоритъ: «Спать

хочется: садись, родимецъ. На 7-ой верстѣ будетъ косогоръ, разбуди. Пуще всего не трогай возжу, не путай коней: кони сами знаютъ». Я съ удовольствіемъ сѣлъ на его мѣсто, а онъ свалился и захрапѣлъ. Ночь была тихая, свѣтлая; на встрѣчу ласково шелестилъ вѣтерокъ. Мнѣ чудился тихій шопотъ и какъ будто степь дышала. Я замечтался... Гдѣ я былъ тогда—не знаю, только не на своемъ мѣстѣ. Когда я очнулся, мнѣ показалось, что мы ѣдемъ косо; я инстинктивно схватилъ возжи и сталъ неумѣло заворачивать тройку. Лошади топтались, я дергалъ и вотъ нашъ возъ пошелъ какъ то бокомъ, наклоняясь правой стороною куда то внизъ. Лошади прибавили шагу, потомъ пошли рысцой, колеса застучали. Сзади загрохотали другія повозки. Движеніе все ускорялось и наконецъ наша и слѣдующія повозки бухнулись, словно выпалили изъ двустволки вдвоеннымъ ударомъ. Асѣвъ мгновенно поднялся на ноги и осматривался кругомъ съ недоумѣніемъ, «Что ты надѣлалъ, родимецъ!» зашепталъ онъ: «эка бѣда, эка бѣда! А еще ахвицеръ! Я же тебѣ говорилъ разбуди меня на 7-ой верстѣ! Что теперь будетъ съ нами?! Ну ахвицеръ! Ну!» Къ мѣсту катастрофы сбѣгались съ крикомъ извозчики. Насъ окружали. Всѣ кричали, размахивая руками. Асѣвъ молча и сокрушенно поворачивался то въ ту, то въ другую сторону. Изъ общаго крика выдѣлялись слова: «Ты спать?..—Братцы, это не я, а ахвицеръ!—Какъ ахвицеръ? Почему ахвицеръ? А ты ахвицеръ не за свое дѣло взялся?!... Такъ ты спалъ, а за себя посадилъ ахвицера!» Наконенъ этотъ нестройный хоръ завершился единогласнымъ восклицаніемъ: «Штрахъ! Оштраховать обоихъ! Штрахъ и на ахвицера: не берись не за свое дѣло!» Тогда говоръ принялъ болѣе спокойный характеръ, и самъ Асѣвъ повеселѣлъ и занялъ въ сужденіи равновѣсное положеніе. На Асѣва наложили ведро водки, а на меня четвертную (2½ штофа). Но Асѣвъ сталъ горячо защищать меня, ссылаясь на мою бѣдность. Однако, никто не сомнѣвался въ моей виновности. Послѣ упорныхъ переговоровъ, пошли на компромисъ: рѣшено было, что я поставлю штофъ, а Асѣвъ отъ себя прибавитъ что-то еще. На первомъ же постояломъ роспили штрафное вино, и я пилъ—иначе и быть не могло; а потомъ пѣли и плясали; а надо мною смѣялись и говорили: «А вотъ завтра на вторую упряжку посажу вмѣсто себя ахвицера, а самъ завалюсь какъ баринъ!»....

Когда мы ѣхали между Вознесенскомъ и Одессой, гдѣ-то на открытомъ полѣ, какъ мнѣ казалось, мы увидѣли колодезь-журавель. Обозъ свернулъ, и сталъ поить лошадей. И по мѣрѣ того какъ справлялись съ дѣломъ, одна повозка за другой выѣзжали на дорогу и наконецъ, весь обозъ вытянулся, только послѣдній возъ стоялъ противъ колодца на дорогѣ, окруженный большою толпой евреевъ, которые страшно галдѣли. Сюда сбѣжалась изъ какой-то невидимой лоцины, словно изъ подъ земли выросла, вся еврейская колонія съ дѣтьми и женами. Обозъ остановился и туда побѣжали всѣ наши. Что тамъ дѣлалось, я не понималъ, но ко мнѣ подбѣжалъ взволнованный Асѣвъ и тогда дѣло объяснилось: «Родимецъ! поди прикажи жидамъ отдать ведро! Надень цаблю, да крикни на нихъ: какъ вы смѣете, жида, обижать мужиковъ! Отдайте ведро, а то я васъ такіе, сякие! Да

Подпоручикъ Петръ СЛИВИЦКІЙ 2-ой.

Поручикъ Иванъ ЯРНОГОЛЬДТЪ.

DC
HC
12
9
A
CT
20
X
D

H
H
C
H
H
B

M
C
S
R
I
V
P
A
P
C

погрознѣ!» Я было прыгнулъ съ воза, чтобы бѣжать на выручку; но Асѣевъ остановилъ меня и убѣдительно доказывалъ, что «безъ цабли жида не признають тебя за ахвицера, и не послушаютъ.» И я нацѣпилъ саблю, однако жида были гораздо умнѣе, чѣмъ думалъ Асѣевъ, и меня не испугались, и пришлось мужикамъ, взамѣнъ арестованнаго ведра, заплатить кажется по копѣйкѣ, или по грошу за лошадь. Съ тѣхъ поръ мой престижъ нѣсколько упалъ. Но тѣмъ не менѣе мы дружно доѣхали до Одессы, и очень тепло распрощались, особенно съ Асѣевымъ.

V.

Въ мѣстахъ моего послѣдующаго служенія, я встрѣтился съ нѣсколькими офицерами и однимъ солдатомъ, живыми и достовѣрными свидѣтелями драматическаго эпизода, случившагося въ 63—64 году. Отчеты объ этихъ событіяхъ были помѣщены въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ. О началѣ этой исторіи я имѣю скудныя свѣдѣнія; но развитіе ея давало тогда несомнѣнное право на нѣкоторые выводы, можетъ быть не слишкомъ смѣлые.

Вопросъ объ отношеніяхъ благожелательнаго дворянина къ вскормившему и вспоившему его мужику, или интеллигенціи къ народу, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ считался неразрѣшимымъ, проклятымъ вопросомъ. Говорили, что между мужикомъ и интеллигентомъ существовала непроходимая бездна, а между тѣмъ чуткая совѣсть призывала послѣдняго посвятить свою жизнь служенію этому народу для того, чтобы уплатить ему священный долгъ. Появленіе на сцену интеллигента-разночинца мало измѣнило это положеніе. По прежнему между двумя лагерями лежала пропасть. Исторія, о которой я разсказываю ниже, даетъ интересное разрѣшеніе конфликту: она показываетъ, при какихъ обстоятельствахъ «мужикъ въ сѣрой солдатской шинели и дворянинъ въ эполетахъ» протянули другъ другу руку черезъ эту бездну. Въ этомъ состоитъ высокій интересъ совершенно забытой исторіи, о которой я говорю.

Небольшая группа молодыхъ офицеровъ бригады, расположенной въ Варшавѣ, сблизилась съ извѣстными польскими революціонными дѣятелями-офицерами Сѣраковскимъ, Домбровскимъ, который былъ впослѣдствіи главнокомандующимъ войскъ парижской коммуны, и Потеней¹⁾. На своихъ совѣщаніяхъ они пришли къ признанію необходимости и практической осуществимости организаціи военной силы для борьбы съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ Россіи. Истинными учредителями первой организаціи, или, какъ они выражались, ядра или кадровъ русской революціонной арміи, были русскіе офицеры Арнольдъ, Сливицкій 2-й и Каплинскій. Были-ли Домбровскій и Сѣраковскій вдохновителями русскихъ офицеровъ, я не знаю. Возможно, что эти высокодаровитые и опытные люди сооб-

¹⁾ Потеня былъ также русскій офицеръ, перешедшій на сторону польскихъ повстанцевъ и убитый въ битвѣ съ русскими войсками подъ Песчаной Скалой 4 марта 1863 г.

шили имъ первый толчекъ. Какъ бы тамъ ни было, они скоро отошли въ сторону: у нихъ было на рукахъ много своего дѣла, такъ что первый революціонный кружокъ состоялъ, кажется, изъ слѣдующихъ офицеровъ стрѣлковой бригады: Арнгольта, Сливицкаго 2-го, Каплинскаго, Өенина, Новицкаго, Кутузова, а послѣднюю фамилію я забылъ. Они постановили организовать другіе кружки въ ближайшихъ войсковыхъ частяхъ и приступить къ пропагандѣ между солдатами, для чего захватить въ свои руки сводную учебную команду стрѣлковой бригады. Въ составъ учебной команды входило, если не ошибаюсь, около 75 молодыхъ солдатъ, которые по окончаніи годового курса возвращались въ свои роты, а составъ учебной команды возобновлялся. При командѣ находилось человѣкъ 12 унтеръ-офицеровъ инструкторовъ и человѣка 4 офицеровъ преподавателей. Завѣдовалъ учебной командой Арнгольтъ, его ближайшими помощниками были Сливицкій 2-й и Каплинскій. Пропаганда дала поразительные и неожиданные результаты, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ эпоху общественнаго пробужденія, связанныя силы переходятъ въ живую форму и усчитать перераспредѣленіе вызванныхъ силъ не легкое дѣло. Пропаганда между солдатами оказалась дѣйствительнѣе, чѣмъ между офицерами.

Конспирація въ военной средѣ невозможна: офицеры слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ разными узами. Школьныя связи, личная дружба, совмѣстная служба, ежедневныя встрѣчи, весь бытовой складъ соединяютъ ихъ въ одну семью. Около членовъ кружка группируются близкіе членамъ его офицеры, которые знаютъ слишкомъ много, но способные только на сочувствіе чисто платоническое. Горячія, неосторожныя рѣчи въ присутствіи такихъ лицъ дѣло неизбежное. Святые узы товарищества выручаютъ 99 разъ изъ 100, но для провала достаточно и одного случая. Когда дѣло было въ полномъ развитіи, Арнгольтъ и Сливицкій 2-й напечатали въ «Колоколѣ» прокламацію къ офицерамъ русской арміи и призывали ихъ къ борьбѣ съ существующимъ политическимъ и общественнымъ строемъ, оканчивая воззваніе словами: «Мы, на смерть идущіе, вамъ кланяемся». Эту прокламацію я прочиталъ впослѣдствіи. «Колоколъ» тогда не попадалъ къ офицерамъ. Старшій братъ Сливицкаго 2-го Сливицкій 1-й (капитанъ) зналъ очень много. Однажды онъ явился къ командиру 4-го стрѣлковаго баталіона полковнику Х. и сообщилъ ему, что по долгу службы и присяги онъ сейчасъ же отправится къ намѣстнику и доложить ему о военномъ заговорѣ, составленномъ Арнгольтомъ и Сливицкимъ 2-мъ, съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка. Х. конечно былъ изумленъ этимъ откровеніемъ, можетъ быть онъ не повѣрилъ бы доносчику, во всякомъ случаѣ, его болѣе поразила необычайная особенность этого доноса — предательство товарищей и брата. Онъ сталъ умолять Сливицкаго 1-го оставить это намѣреніе. Сливицкій 1-й отвѣтилъ, что по обязанности службы онъ пришелъ только заявить, что идетъ съ доносомъ къ старшему начальнику, и что его намѣреніе непоколебимо. Говорили, что Х., стараясь смягчить его, упалъ на колѣни и со слезами умолялъ отложить, по крайней мѣрѣ, свой доносъ на нѣсколько часовъ, чтобы дать возмож-

ность спастись брату и товарищам за границу. Тогда Сливацкий 1-й стал угрожать и самому командиру. Въ эту минуту вошелъ адъютантъ и, увидѣвъ такую небывалую сцену, вообразилъ, что командиръ сошелъ съ ума... Сливацкий 1-й отправился прямо къ намѣстнику. Намѣстникъ давалъ аудіенцію по опредѣленнымъ днямъ, и Сливацкому 1-му пришлось направиться къ помощнику намѣстника генералу Рамзаю. Сдѣлавъ доносъ, Сливацкий 1-й, въ награду за вѣрность, просилъ перевода тѣмъ же чиномъ въ гвардейскій царскосельскій стрѣлковый баталіонъ—награда, которую въ военное время даютъ за особенные военные подвиги, такъ какъ это равняется повышенію на два чина. Рамзай общалъ ходатайствовать. Арнгольтъ, Сливацкий 2-й и Каплинскій были арестованы. Кажется Фенинъ и еще кто-то другой пытались бѣжать за границу, но были остановлены. Одинъ изъ нихъ отравился, другой застрѣлился ¹⁾. Новицкій и Кутузовъ также были арестованы. Ночью объ арестѣ Арнгольта, Сливацкаго 2-го и Каплинскаго узнала учебная команда и, по своему почину, съ оружіемъ въ рукахъ бросилась въ Александровскую цитадель, ворвалась туда, обезоружила караулъ и освободила арестованныхъ офицеровъ. Но въ крѣпости ударили тревогу, со всѣхъ сторонъ собирались большія массы войска, Арнгольтъ, Сливацкий и Каплинскій, не желая безполезнаго кровопролитія, уговорили команду удалиться, простились съ нею и остались подъ арестомъ. Въ ту же ночь они были перевезены въ Ивановгородъ. Молодой офицеръ Берлинскій, совершенно непричастный къ дѣлу, потребовалъ, чтобы и его арестовали, такъ какъ солидаренъ съ арестованными. По приговору полевого суда были разстрѣляны Арнгольтъ, Сливацкий 2-й и унтеръ-офицеръ Ростковскій. Каплинскій пошелъ на 6 лѣтъ въ каторжныя работы ²⁾. Учебная команда была арестована. На допросѣ «съ пристрастіемъ» никто изъ солдатъ не проговорился. Унтеръ-офицеръ Щуръ умеръ подъ розгами, не сказавъ ни слова. Остальные пошли въ арестантскія роты, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, переведенныхъ на нестроевыя должности въ отдаленные баталіоны.

Между тѣмъ командиръ царскосельскаго стрѣлковаго баталіона графъ Ш. собралъ своихъ офицеровъ и держалъ имъ рѣчь въ такомъ смыслѣ: «Гг! я никогда не оказывалъ давленія на ваши рѣшенія. Мы жили согласно, и я предвижу вашъ отвѣтъ. Въ нашу семью просится капитанъ Сливацкий, предавшій своего брата и своихъ товарищей».

Конечно, общество офицеровъ заявило командиру о своемъ нежеланіи служить съ такимъ человѣкомъ. Говорили, что и другія гвар-

¹⁾ Такъ ли это? Офицеръ Фенинъ перешелъ на сторону польскихъ повстанцевъ и затѣмъ скрылся за границу, гдѣ и умеръ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть это другой Фенинъ? *Ред.*

²⁾ Офіціальныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ перепечатаны изъ № 130 „Русскаго Ииваида“ за 1862 годъ въ сборникѣ Богучарскаго „Государственные преступленія въ Россіи“. Т. I, стр. 114—115 (Русская Историческая Библиотека № 1), а нѣкоторые дополнительные, напечатанныя въ № 143 „Колокола“, перепечатаны въ сбор. Богучарскаго 8 „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“ стр. 2—29 (Русская Историческая Библиотека № 2). *Ред.*

дейскія части отказались принять его въ свою среду. Артиллерійскій офицеръ Огородниковъ съ товарищами отслужили панихиду по разстрѣляннымъ. Какой-то батюшка «прошепталъ Господу Богу на ухо» эту панихиду. За это Огородниковъ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ были уволены изъ службы и заключены въ крѣпости. Огородниковъ оставилъ очень интересныя записки о своемъ заключеніи въ Новогеоргіевской крѣпости, напечатанныя, кажется, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ¹⁾.

М. Ашенбреннеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ См. „Историческій Вѣстникъ“, 1882 г. №№ 6—9.
Ред.

Прокламація 1862 г. по поводу высылки профессора Павлова ¹⁾).

(съ печатнаго подлинника).

Профессоръ Павловъ сосланъ въ Ветлугу. Кѣмъ? За что? Кѣмъ—не сказано. Кто же распоряжается нами: III Отдѣленіе? Неужели какой нибудь Долгорукій или Валуевъ рѣшаютъ судьбу людей? А будетъ еще хуже. Всеннымъ начальникамъ дозволено же стрѣлять крестьянъ, отчего же гражданскимъ властямъ не ссылатъ; отчего не дать это право губернаторамъ, квартальнымъ и становымъ?

И общество молчитъ! Или честныхъ людей у насъ нѣтъ; или не грозитъ каждому изъ насъ опасность очутиться въ какой нибудь Ветлугѣ только за то, что человѣкъ не созданъ мерзавцемъ и идиотомъ, что правду Долгорукихъ и Валуевыхъ человѣкъ считаетъ ложью и развратомъ? Куда же идемъ мы? Позоръ и стыдъ, малодушіе и трусость.

И чего трусить. Всѣхъ не сошлютъ. Пусть выхватили Павлова, сослали Михайлова, собираются сослать еще нѣсколькихъ.—что же! Или уже нѣтъ людей имъ на смѣну?..

Протестуйте, подавайте адресъ, жертвуйте деньгами, придумайте, что хотите, но не сидите сложа руки. Откликнитесь на нашъ призывъ—покажите, что въ Россіи есть еще честные и энергическіе люди!

¹⁾ Офіціальное сообщеніе о высылкѣ проф. Павлова напечатано въ № 51 „Русскаго Пивалида“ за 1862 г. и печатано въ сборникѣ Богучарскаго „Государственные преступленія въ Россіи“ т. I. стр. 111—112 (Русская Историческая Библіотека № 1), а рѣчь, за которую Павловъ былъ высланъ, напечатанная въ № 3 заграничнаго журнала кн. П. В. Долгорукова „Правдивый“ (1862 г.), перепечатана въ сбор. Богучарскаго „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“ стр. 52—53 (Русская Историческая Библіотека № 2). *Рев.*

Изъ исторіи соціалдемократическаго дви- женія въ Петербургѣ въ 1905 году.

(Личныя воспоминанія).

Начало описываемыхъ мной событій относится къ осеннимъ мѣсяцамъ 1904 года, когда въ туманѣ петербургской грязи и слякоти, подъ отдаленнымъ грохотомъ пушекъ и потоками народной крови на Дальнемъ Востокѣ, повѣяло слабыми признаками «весны». Наверху въ «надпольномъ» мірѣ газеты впервые заговорили смѣлымъ, достойнымъ человѣка, неслыханнымъ въ Россіи, языкомъ, начался періодъ банкетовъ, кончавшихся неизмѣнной резолюціей о необходимости «реформы» и ограниченія всевластія «бюрократіи». Все оживилось, напряглось и ждало перемѣнъ; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе освѣжающей бури. Какъ же отзывалась «весна» на скрытомъ отъ непосвященныхъ подпольномъ мірѣ, гдѣ сотни людей вели свою кропотливую и самоотверженную работу? Какъ вообще обстояло дѣло къ тому времени въ подпольномъ мірѣ?

Мои замѣтки будутъ касаться лишь соціалдемократической работы въ Петербургѣ, но насколько я знаю, за исключеніемъ окраинъ, въ другихъ мѣстахъ Россіи дѣло немногимъ отличалось отъ того, что происходило въ Петербургѣ, и поэтому я имѣю право считать петербургскія условія довольно типичными, характерными для всей Россіи.

Петербургская соціалдемократическая организація того времени была необыкновенно слаба. Борьба между фракціями большинства и меньшинства достигла во всей Россіи своего апогея и парализовала даже ту небольшую работу, которая дѣлалась. Во главѣ петербургской соціалдемократической организаціи стоялъ мѣстный комитетъ, состоявшій преимущественно изъ интеллигентовъ, студентовъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Петербургъ былъ раздѣленъ на 6 районовъ: городской, петербургская сторона, васьилевскій островъ, выборгскій, невскій и нарвскій (къ которому присоединялась также и московская застава) районы, изъ которыхъ каждый имѣлъ, или по крайней мѣрѣ, долженъ былъ имѣть, свою районную организацію. Организационные планы старой «Искры» были выдержаны крайне строго, по крайней мѣрѣ, въ своихъ отрицательныхъ чертахъ, настолько строго, что доходили порой до карикатурности. Демократизмъ былъ изгнанъ

изъ организациі: отъ него не осталось и слѣдовъ, и о немъ говорили не иначе, какъ съ насмѣшкой. Комитетъ считался руководящей организацией, отъ которой исходили безапелляціонныя рѣшенія по всѣмъ возникающимъ вопросамъ, которая вырабатывала общія директивы партійной работы и имѣла право смѣщать отдѣльныхъ людей, кассировать цѣлыя организациі и т. д. Для каждого района комитетъ изъ числа своихъ членовъ назначалъ организатора, который обязанъ былъ однако только «руководить» работой, а для того, чтобы въ своемъ «руководствѣ», въ проведеніи руководящихъ принциповъ и лозунговъ, не отвлекаться повседневной мелкой работой въ организациі, организаторы районовъ обыкновенно не занимались текущей работой въ своемъ районѣ: они время отъ времени,—а нѣкоторые очень рѣдко—наѣзжали въ свои «владѣнія», контролировали работу пропагандистовъ, выдавали деньги на расходы, сообщали директивы партійныхъ центровъ, извѣщали о затѣваемыхъ листкахъ; вся же остальная работа лежала на ихъ помощникахъ, пропагандистахъ и агитаторахъ. Такимъ образомъ въ подпольѣ создавался міръ, нѣкоторыми существенными своими чертами напоминавшій надпольный режимъ. Во главѣ подпольнаго міра стояла безконтрольная группа революціонеровъ, своего рода партійная бюрократія. Она обладала всѣми недостатками бюрократіи. И какъ въ надпольномъ мірѣ, въ низахъ организациі также шло глухое броженіе и недовольство, и также сначала не объединенное какими-либо общими принципами, а поддерживаемое лишь неспособностью и бездѣтельностью партійной бюрократіи. Руководящій органъ, петербургскій партійный комитетъ, былъ не только оторванъ отъ широкихъ слоевъ пролетаріата, онъ былъ оторванъ и отъ своей собственной организациі. Желая стоять надъ организацией, онъ фактически стоялъ внѣ ея. Желая концентрировать въ своихъ рукахъ всѣ техническія и идейныя средства, всю «полноту власти», онъ, чуждый своей организациі, подобно всякой «всесильной» бюрократіи, страдалъ полнымъ безсиліемъ и крайне плохо выполнялъ даже функціи техническаго руководства. Листки появлялись крайне рѣдко и не на темы, которая требовали низы партіи; впрочемъ, требованія низовъ по большей части игнорировались или застрѣвали по пути къ высшимъ сферамъ: техническія средства дѣйствовали крайне несовершенно.

Недовольство росло. Интеллигентовъ, желавшихъ работать для партіи и предлагавшихъ ей свои услуги, было очень много, но за отсутствіемъ всякаго выработаннаго плана работы и руководящихъ практическихъ принциповъ всѣ они толклись на одномъ мѣстѣ, жаловались на то, что комитетъ не даетъ имъ работы, усиливали атмосферу недовольства и неудовлетворенности и тѣмъ способствовали лишь еще большей дезорганизациі дѣятельности мѣстной социалдемократической организациі. И снова точно такъ же какъ въ надпольномъ мірѣ нуженъ былъ громкій крикъ и сильное пораженіе, чтобы заставить скрытую, накопившуюся горечь и неудовлетворенность вырваться наружу и превратить потенциальную энергію оппозиціи въ силу активную, точно такъ же партіи нужно было потерпѣть сильную, уничтожающую и очевидную для всѣхъ неудачу, чтобы заставить недовольные элементы сплотиться и напречъ всѣ силы для того, чтобы положить конецъ

ненормальному положенію. Такимъ ударомъ, приведшимъ въ движеніе всѣ активныя силы подпольнаго міра, послужила неудавшаяся демонстрація 28 ноября, назначенная комитетомъ безъ предварительнаго обсужденія вопроса низами партіи, лишь на основаніи теоретическаго убѣжденія мѣстнаго центра, что демонстрація противъ войны необходима. Мы не будемъ описывать здѣсь этой демонстраціи, и скажемъ лишь, что, несмотря на то, что она была назначена въ періодъ повышенной общественной температуры, съ крайне популярнымъ лозунгомъ, направленнымъ противъ войны, петербургскій пролетаріатъ не откликнулся на призывъ социалдемократической организаціи, и отдѣльныя единицы изъ рабочаго класса незамѣтно мелькали въ негустой массѣ учащейся молодежи.

Послѣ этой неудачи начались, какъ это всегда бываетъ послѣ всякихъ неудачъ, взаимныя обвиненія, нареканія и упреки партійныхъ верховъ и низовъ. Низы партіи упрекали комитетъ въ томъ, что онъ принялъ рѣшеніе устроить демонстрацію вопреки явно выраженному низами мнѣнію, что демонстрація несвоевременна и кончится неудачей. Комитетъ съ своей стороны обвинялъ низы и периферію партіи въ недисциплинированности, въ агитаціи противъ рѣшенія мѣстнаго партійнаго центра, даже въ уничтоженіи листовъ, призывавшихъ къ демонстраціи, которые кстати въ нѣкоторые районы попали въ день демонстраціи за часъ или 2 до предполагавшагося ея начала. Кто правъ, кто виноватъ былъ въ этой ссорѣ, конечно, неинтересно. Вѣрно то, что тогда и низы и верхи были одинаково неправы въ оцѣнкѣ основной причины всякихъ неудачъ россійской социалдемократіи, и нужна была еще не одна неудача и не одно пораженіе, чтобы внутри партіи образовалось теченіе съ болѣе правильной оцѣнкой какъ задачъ партіи, такъ и причины ея слабости и оторванности отъ массъ. Какъ бы то ни было, но послѣ демонстраціи 4 района изъ шести вынесли резолюцію, въ которой они констатировали бездѣтельность и неспособность комитета и отказались впредь признавать его своей руководящей организаціей, да и въ остальныхъ районахъ голоса за и противъ комитета раздѣлились приблизительно пополамъ. Недовольные интеллигенты начинаютъ устраивать общія собранія, гдѣ также принимаются рѣшенія дѣйствовать самостоятельно, независимо отъ комитета, и наконецъ изъ нихъ выдѣляется небольшая группа, которая рѣшаетъ взять на себя функціи и задачи комитета и дѣлается центромъ *меньшевистскаю* теченія въ Петербургѣ.

Но при чемъ же тутъ принципы меньшинства? спросить читатель. Вѣдь неспособность руководить и бездѣтельность не принадлежатъ къ тактическимъ приемамъ исключительно большинства? Приходится дѣйствительно признать, что оппозиція противъ комитета не стояла на какомъ либо опредѣленномъ принципиальномъ базисѣ, что въ нее входили самые разнообразныя элементы, что ее объединяли лишь общая неудовлетворенность бюрократическимъ отношеніемъ къ партійной работѣ со стороны руководящей организаціи и общее желаніе работать безъ всякихъ внутреннихъ помѣхъ, которыя часто неожиданно и властно останавливали не очень, конечно, большое, но полезное дѣло. Но этотъ порой несознаваемый протестъ противъ «бю-

рократического централизма» сближалъ оппозицію съ меньшевиками, и потому когда группа, состоявшая преимущественно изъ меньшевиковъ и отчасти изъ отдѣльныхъ старыхъ рабочедѣльцевъ сдѣлала попытку взять на себя роль объединяющей и руководящей организаціи, она была встрѣчена почти повсюду сочувственно.

Новой группѣ, получившей впослѣдствіи названіе *Петербургской группы при центральному комитетъ російской социалдемократической рабочей партіи*, пришлось прежде всего выхлопывать у центрального комитета право на существованіе, что ей и удалось послѣ нѣкоторыхъ треній. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ ея основанія она фактически сосредоточила въ своихъ рукахъ всю социалдемократическую работу въ Петербургѣ; петербургскій комитетъ влачилъ въ эти мѣсяцы самое жалкое существованіе.

Каково же было вліяніе и организованность социалдемократіи въ Петербургѣ за это время? Центральная группа прежде всего и постаралась освѣдомиться о состояніи социалдемократической работы въ разныхъ районахъ. Картина получилась крайне печальная. Правильно функционировавшія организаціи оказались лишь въ нарвскомъ районѣ, на петербургской сторонѣ и отчасти на Васильевскомъ островѣ. Да и въ нихъ организованность слѣдуетъ понимать съ значительными оговорками. Въ нарвскомъ районѣ напр., съ его 30.000 рабочихъ вся социалдемократическая организація состояла изъ 6—7 кружковъ рабочихъ Путиловскаго и вагоностроительнаго заводовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было 5—6 рабочихъ, причемъ работа велась по стародавнимъ приемамъ съ продолжительными занятіями по политической экономіи и по первобытной культурѣ.

Правда, была также и районная организація изъ представителей кружковъ, но содержаніе ея работы довольно трудно опредѣлить. Заводская жизнь не находила въ кружкахъ никакого отклика; глухое броженіе, которое началось тогда въ петербургскомъ пролетаріатѣ и нашло себѣ выраженіе въ мощно развивавшемся гапоновскомъ движеніи, въ которомъ столь ярко проявилось стремленіе рабочихъ массъ къ широкой организаціи и къ классовому объединенію, игнорировалось, какъ зубатовщина. Да и рабочіе—члены нашихъ кружковъ были по большей части люди крайне молодые, только что вышедшіе ученики, не пользовавшіеся никакимъ вліяніемъ въ своей заводской средѣ. Еще хуже обстояло дѣло въ другихъ районахъ. Авторъ этихъ строкъ, вошедшій въ центральную группу, былъ назначенъ организаторомъ невскаго района и вотъ какое положеніе дѣлъ ему пришлось констатировать въ этомъ громадномъ рабочемъ центрѣ. За невской заставой было всего 3 кружка: одинъ на обуховскомъ заводѣ, одинъ на семяновскомъ и одинъ—смѣшанный фабричный на фабрикахъ Торнтонъ и Наумана. Никакого общаго плана пропагандистской работы не было, прежній организаторъ даже въ лицо не зналъ кое-кого изъ пропагандистовъ, и пишущему эти строки стоило не малаго труда отыскать какъ кружки, такъ и ихъ руководителей интеллигентовъ. Послѣдніе иногда сходились, мечтали о томъ, что хорошо было бы, если бы группа назначила имъ «настоящаго» организатора, но далѣе мечтаній дѣло не шло, и кружки вели вялое и мертвое существованіе. Послѣ немалыхъ

усилій мнѣ удалось устроить собраніе наиболѣе видныхъ партійныхъ рабочихъ за невской заставой и потолковать съ ними о дальнѣйшей работѣ. Собраніе это было крайне интересно. Оно назначено было въ одно изъ воскресеній утромъ на квартирѣ одного уже не молодого рабочаго Обуховскаго завода. Я пришелъ на собраніе часовъ въ 10 и долженъ былъ часовъ до двухъ ждать, пока медленно собирались рабочие. Однако я не потерялъ даромъ своего времени. Хозяйкой квартиры оказалась умная, опытная, рѣдко развитая и толковая ткачиха, пережившая уже не одинъ періодъ нашей партійной жизни. Говорила она прекрасно, чисто литературнымъ языкомъ и хорошо разбиралась въ тактическихъ вопросахъ; впоследствии я узналъ, что она была извѣстна въ своей средѣ подъ именемъ «курсистки». Встрѣтила она меня не то съ недовѣріемъ, не то съ какой-то трогательной жалостью. Такъ мы часто относимся или къ безнадежно больнымъ или къ людямъ, носящимся съ безнадежно химерическими планами. У насъ скоро завязался разговоръ о нашей соціалдемократической работѣ, и она мнѣ откровенно заявила, что, по ея мнѣнію, лучшіе рабочие къ намъ не идутъ и не пойдутъ; что результаты нашей работы настолько ничтожны, что за нихъ подвергаться риску быть арестованнымъ и оставить на голодъ и холодъ семью, ни одинъ разумный человѣкъ, даже склонный къ самопожертвованію, не рѣшится. «Я помню», говорила она, что у васъ были раньше кружки и не мало приверженцевъ. Гдѣ они теперь? За всей нашей заставой у васъ теперь есть какой-нибудь десятокъ рабочихъ, а вы все продолжаете говорить о широкихъ планахъ, зовете на политическую борьбу. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ все сводится лишь къ регулярнымъ и скучнымъ занятіямъ въ кружкахъ и изрѣдка къ предоставленію намъ недурной книженки. Нѣтъ, лучше идите въ гапоновскія организаціи, туда идутъ тысячи народу, народъ вѣрится въ нихъ и надѣется на нихъ. Не бѣда, что они теперь ставятъ себѣ мелкія задачи, это не можетъ долго продолжаться и отчасти отъ васъ можетъ зависѣть расширеніе тамошней работы. Впрочемъ не слѣдуетъ и отпугивать народъ сразу слишкомъ рѣзкими и непрактичными требованіями».

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что я отъ нея впервые узналъ о дѣйствительно широкомъ вліяніи гапоновскихъ организацій. До тѣхъ поръ съ презрѣніемъ произносимое по отношенію къ нимъ слово: «зубатовщина» совершенно прекращало у насъ всѣхъ всякія заботы о болѣе точномъ опредѣленіи нашихъ отношеній къ громадному пролетарскому движенію, скрывавшемуся подъ этимъ именемъ.

Къ часу собрались рабочие. Всего явилось человѣкъ около десятка: 3 обуховцевъ, человѣка 2 отъ семяниковскаго завода, 1 или 2 отъ александровскаго завода и 2 отъ фабрики Торнтонъ. Народъ былъ очень скептически настроенъ, былъ убѣжденъ, что рабочие не откликнутся на нашъ призывъ итти въ нашу организацію, да и организація наша, по ихъ мнѣнію, была ничего не стоящая, ничего не дѣлающая и ничего не желающая дѣлать. Я попытался въ довольно подробной рѣчи доказать имъ, что соціалдемократическая партія должна быть организаціей, стоящей не внѣ рабочей массы, а въ крѣпкой связи съ ней, что сами рабочие должны взять созданіе партіи въ свои руки, что

лишь самостоятельность—тотъ нервъ, который придаетъ жизненность партіи. Я пытался изобразить имъ организацію, построенную на заводскихъ группахъ, листками, рѣчами отзывающихся на всѣ бѣды заводской жизни и мало-по-малу превращающуюся благодаря этому въ глазахъ всей рабочей массы въ защитницу рабочихъ интересовъ, для которой все, что имѣетъ отношеніе къ пролетарской борьбѣ,—свое родное дѣло. Созданіе такой партіи, говорилъ я, возможно однако лишь тогда, когда сами рабочіе перестанутъ надѣяться, что чужіе ихъ классу люди придутъ и будутъ дѣлать все необходимое для жизни партіи, а сами направятъ свои силы на то, чтобы связать партію съ рабочими массами и чтобы внутри партіи всѣ функціи выполнялись преимущественно рабочими.

Успѣхъ моей рѣчи былъ очень небольшой. Рабочіе, хотя и не возражали по существу, и соглашались, что только партія, отзывающаяся на всѣ классовыя проявленія рабочей жизни, можетъ имѣть успѣхъ, но все время чувствовалось, что между мной и ими лежитъ какая то стѣна, какой-то нарастающій ледъ. Лишь значительно позже я узналъ главную причину недовѣрія, которое встрѣтила моя рѣчь. Отношеніе къ партіи у моихъ слушателей было, какъ я говорилъ уже, полно недовѣрія; ко всякимъ ея обѣщаніямъ относились съ вѣжливымъ скептицизмомъ. Ее упрекали за то, что она даже кружки ведетъ не какъ слѣдуетъ, неаккуратно и неинтересно. Что касается отклика на рабочія нужды, то тутъ рабочіе наталкивались на такое игнорированіе и непониманіе, что у нихъ просто руки опускались. Я между прочимъ узналъ, что незадолго до того на Обуховскомъ заводѣ произошелъ слѣдующій любопытный фактъ. Во время войны заводъ работалъ очень усиленно и почти во всѣхъ цехахъ были повышены расцѣнки. Но въ одной мастерской мастеръ безъ вѣдома администраціи,—изъ злобнаго ли чувства къ рабочимъ или изъ личныхъ выгодъ—установилъ такія расцѣнки, которыя даже понизили средній заработокъ рабочихъ. Рабочіе этой мастерской обратились въ нашу организацію съ просьбой выпустить по этому поводу коротенькій листокъ, и пригрозить забастовкой этой мастерской въ случаѣ если злоупотребленія не прекратятся. Рабочіе были убѣждены, что до забастовки дѣло, вѣроятно, и не дойдетъ, такъ-какъ мастеръ испугается, что изъ за листка его продѣлки откроются, и постарается удовлетворить рабочихъ и замаять дѣло. Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль тянулись хлопоты рабочихъ у организаціи, но рабочіе такъ таки и не дождались листка и вѣроятно ни безъ озлобленія махнули рукой на помощь организаціи и отвернулись отъ нея. При подобномъ отношеніи социаль-демократической организаціи къ насущнымъ вопросамъ рабочей жизни, у рабочихъ естественно было мало вѣры въ ея обѣщанія и ко всякимъ разговорамъ о задачахъ партіи они часто относились съ нескрываемой насмѣшкой. Мой призывъ къ самостоятельности рабочихъ они поняли, какъ желаніе свалить вину съ больной головы на здоровую, какъ стремленіе партійной интеллигенціи отказаться вообще отъ всякой работы и слѣдовательно отъ всякой отвѣтственности и предоставить всю работу имъ, рабочимъ. Словомъ моя рѣчь произвела впечатлѣніе идейной защиты, оправданія партійной бездѣтельности

ности. Но повторяю, что я понял это лишь впоследствии, на самом же собрании слова одного рабочего: «что же, товарищ, мнѣ токaremъ быть, и въ типографіи работать, и пропагандистскій кружокъ вести, а можетъ и листки писать» — казались мнѣ страннымъ недо-разумѣніемъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ ушелъ я съ этого рабочего собрания, на которомъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ нашими лучшими рабочими за невской заставой. До того времени мнѣ всегда казалось, что при-зывъ къ самостоятельности затрагиваетъ наиболѣе чуткія струны въ сердцѣ рабочихъ, что онъ является отвѣтомъ на самые наболѣвшіе вопросы нашей партійной жизни. Оказалось однако, что почва недо-вѣрія настолько неблагоприятна, что не даетъ всходить и самымъ луч-шимъ сѣменамъ, а для возбужденія и развитія этого недовѣрія наша организація не жалѣла никакихъ трудовъ. Приходилось поэтому по-степенно втягивать рабочихъ во всю работу, совмѣстно съ ними вы-работывать планъ работы, и пытаться въ процессѣ работа разбить недо-вѣріе и пріучить ихъ къ мысли, что партійная работа — ихъ соб-ственное рабочее дѣло. Мы устроили нѣсколько собраний изъ всѣхъ лучшихъ рабочихъ и интеллигентовъ работавшихъ или желавшихъ ра-ботать за невской заставой, для собесѣдованій о планѣ нашей работы. Приступить однако къ осуществленію плана намъ уже не пришлось, такъ какъ русская жизнь уже начала напоминать двинувшуюся ла-вину, которая вскорѣ, раскрывъ предъ нами болѣе широкіе горизонты, окончательно насъ поглотила; начались историческіе гапоновскіе дни, предвѣстники январскихъ событій. Прежде чѣмъ я перейду, однако, къ нимъ или вѣрнѣе къ нашему участию въ январскихъ событіяхъ, я еще нѣсколько останавлиюсь на всей петербургской социалдемократиче-ской работѣ, руководимой центральной группой.

Не лучше, чѣмъ за невской заставой, обстояло дѣло въ город-скомъ районѣ. Въ другихъ районахъ кружковъ было больше, они собирались аккуратнѣе, но общаго плана работы и тамъ не было, а еще меньше было реагированія на пролетарскія повседневныя нужды. Характеръ партіи былъ исключительно кружковой и вся организація представляла собой общество пропаганды социалдемократическихъ идей, — преимущественно политическихъ — имѣвшее свои самосто-ятельныя, лишенныя общаго руководства и разбросанныя по всему Петербургу, отдѣленія. Центральная группа прежде всего и попыта-лась внести единство въ социалдемократическую работу въ Петер-бургѣ. Однимъ изъ членовъ ея былъ выработанъ и предложенъ на обсужденіе организаціонный планъ, въ основѣ котораго лежали прин-ципы, о которыхъ я кратко упомянулъ, рассказывая о своемъ дебютѣ за невской заставой. Основной ячейкой организаціи должна была быть, согласно этому плану, заводская группа, состоящая изъ наиболѣе соз-нательныхъ и вліятельныхъ рабочихъ даннаго завода. Главной зада-чей этой группы должно было быть реагированіе листками на всякія болѣе крупныя событія заводской жизни, столкновенія съ администра-ціей, злоупотребленія послѣдней, какъ въ области вопросовъ, касаю-щихся матеріальныхъ условій жизни рабочихъ, такъ и затрагивающихъ рабочего, какъ гражданина, напр., въ случаѣ часто практиковавшагося

тогда сбора пожертвованій на войну или на икону, которая должна была быть послана на поле военных дѣйствій. Отзвываясь на подобные факты, заводская группа должна была приучить рабочую массу обращаться къ ней за помощью и прислушиваться къ ея голосу при возникновеніи всякихъ вопросовъ, затрагивающихъ рабочаго, какъ наемника и гражданина, и такимъ образомъ, стать выразительницей рабочихъ интересовъ всего завода, настоящимъ пролетарскимъ авангардомъ завода. Представители всѣхъ заводскихъ группъ даннаго района должны были образовывать районное собраніе, вѣдающее вопросы всего района, между прочимъ и занятіями въ пропагандистскихъ кружкахъ. Авторъ этого проэкта предполагалъ, что эти заводскія группы могутъ послужить зародышемъ будущихъ профессиональныхъ союзовъ въ свободной Россіи подобно тому, какъ районныя собранія станутъ инициаторами политическихъ клубовъ и политическихъ союзовъ. Это было, однако, крайнее мнѣніе, которому въ группѣ же противостояло другое крайнее мнѣніе, отрицавшее вообще возможность какой бы то ни было организаціи при полицейскихъ условіяхъ самодержавной Россіи и сводившіе всю роль социаль-демократическихъ комитетовъ къ политической агитаціи листками, брошюрами и ихъ распространенію среди рабочихъ. Согласно этому мнѣнію, центральная организація должна была быть литературной коллегіей, совмѣстно вырабатывающей политическіе лозунги, редактирующей соответствующіе листки и при помощи остального крайне простого организаціоннаго аппарата распространяющей ихъ возможно шире. Между этими двумя крайними мнѣніями колебалось большинство центральной группы, которая не успѣла, однако, прійти къ опредѣленному рѣшенію по этому вопросу, такъ какъ наступили событія, когда было не до организаціонныхъ экспериментовъ надъ сотней—другой молодыхъ рабочихъ.

Само собой разумѣется, что центральная группа, будучи, въ сущности, какъ уже было сказано, главой социалдемократическаго пропагандистскаго общества, не мирилась съ этой своей ролью, подобно всей социалдемократической партіи, смотрѣла на себя, какъ на организацію, объединяющую авангардъ петербургскаго пролетаріата, какъ на руководителя его классовой борьбы. Она поэтому не довольствовалась своей кружковой дѣятельностью и пыталась приспособить свою работу къ вопросамъ выдвинутымъ сильно поднявшимися волнами освободительнаго движенія въ Россіи. При этомъ однако интересно и крайне поучительно, что въ то время, какъ петербургская организація социаль-демократической *рабочей* партіи оставалась глуха къ той громадной стихійно совершающейся у всѣхъ на глазахъ работѣ организаціоннаго и классоваго самоопредѣленія петербургскаго пролетаріата, она старалась очень интенсивно реагировать на общее оппозиціонное движеніе другихъ классовъ, на либеральное движеніе въ земствахъ и на банкетахъ. Вопросъ объ участіи партійныхъ рабочихъ на банкетахъ не разъ обсуждался въ петербургскихъ группахъ. По поводу декабрьскаго банкета литераторовъ было даже создано собраніе наиболѣе выдающихся партійныхъ рабочихъ всего Петербурга, которое послѣ продолжительныхъ и страстныхъ преній опредѣлило какъ свое отношеніе къ банкетамъ, такъ и свою относительно ихъ тактику.

Большинство собранія смотрѣло на участіе въ банкетахъ съ точки зрѣнія необходимаго классоваго самоопредѣленія и разграниченія либераловъ и социалдемократовъ, и потому рабочимъ рекомендовалось участвовать на банкетахъ въ цѣляхъ педагогическихъ. На этихъ банкетахъ социалдемократы должны были прежде всего рѣзко и выпукло выяснять классовую основу социалдемократіи и тѣмъ заставить другія оппозиціонныя партіи обнаружить свой непролетарскій характеръ. Рабочимъ эти банкеты должны были дать возможность проникнуться сознаніемъ той принципиальной пропасти, которая отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ оппозиціонныхъ теченій. Въ виду этого, всѣ рѣчи, которыя вырабатывались для этихъ банкетовъ, имѣли своимъ содержаніемъ рѣзкую критику какъ принциповъ, такъ и тактики либеральной оппозиціи и осмѣивали безсильныя банкетныя резолюціи и затѣвавшіяся петиціи.

Въ этихъ псевдо-педагогическихъ задачахъ проповѣдывавшагося тогда «хожденія во всѣ классы» при полномъ игнорированіи классоваго объединенія рабочихъ въ гапоновскомъ движеніи ярче всего сказывалась *интеллигентская нерабочая психологія социалдемократической организаціи*. Въ самомъ дѣлѣ, интеллигентъ, выходецъ непролетарскаго класса, доходитъ чисто теоретическимъ книжнымъ путемъ до сознанія принципа классовой борьбы, онъ нуждается поэтому въ возможно большемъ числѣ иллюстрацій и доказательствъ классовыхъ противорѣчій, существующихъ въ обществѣ. Ему крайне интересно въ педагогическихъ цѣляхъ, для «доказательства отъ противнаго», посѣщать всякіе непролетарскіе оппозиціонные слои и организаціи, чтобы на нихъ учиться и въ нихъ раскрывать ихъ непролетарскую сущность. Рабочій же обыкновенно «учится» классовой борьбѣ ежедневно, для него она не столько теоретическій принципъ, сколько голый, никогда не прекращающійся жизненный фактъ, который онъ постоянно видитъ предъ собой и который ему диктуетъ и классовое объединеніе, и классовыя средства борьбы. Для него «педагогическое» участіе на банкетахъ совершенно излишняя и ненужная роскошь. Его лучшій учитель—сама классовая борьба, коллективная и организованная.

Этотъ же непролетарскій характеръ партіи помѣшалъ ей, несмотря на всю ея классовую фразеологию, предвидѣть и противопоставить банкетнымъ резолюціямъ и истинно пролетарское, классовое средство политической борьбы. Это пролетарское средство борьбы было выдвинуто не партіей: оно вышло изъ глубинъ рабочихъ массъ, явившись продуктомъ стихійнаго пролетарскаго творчества. Этому средству борьбы,—общей стачкѣ—и пришлось сыграть, какъ извѣстно, рѣшающую роль во всей русской революціи, а въ частности и въ январскіе дни 1905 года, къ которымъ я и перейду.

II.

Объ участіи социалдемократіи въ январскихъ событіяхъ существуетъ въ литературѣ два совершенно противоположныхъ мнѣнія. Одни—противники социалдемократической партіи,—утверждаютъ, что январскія событія прошли безъ всякаго ея участія и вліянія, что она

не только не была причастна къ подготовкѣ движенія, но что роль ея даже въ самые январскіе дни равна нулю. Напротивъ, въ социал-демократической прессѣ можно было читать такія описанія указанныхъ событій, на основаніи которыхъ легко вывести заключеніе, что социалдемократія была душой движенія, что, если лозунги и требованія рабочихъ росли и оформились въ процессѣ событій, то это произошло благодаря растущему вліянію социалдемократіи. Мы склонны думать, что то и другое мнѣніе одинаково далеки отъ истины, и попытаемся въ дальнѣйшемъ, на основаніи личныхъ наблюденій, дать матеріаль для болѣе вѣрной характеристики какъ участія, такъ и роли социалдемократіи въ январскихъ событіяхъ, причемъ считаемъ необходимымъ оговориться, что въ наши намѣренія не входитъ ихъ полное описаніе.

Путиловская стачка, послужившая поводомъ для январскаго гапоновскаго движенія, была совершенной неожиданностью для петербургской социалдемократической организаціи. До этого до насъ черезъ рабочихъ стали доходить слухи, что гапоновскія собранія привлекаютъ массу рабочихъ, что на нихъ произносятся рабочими смѣлыя, горячія рѣчи, что къ 19 февраля 1905 года готовятся огромныя собранія, на которыя Гапонъ хотѣлъ бы пригласить и социалдемократовъ. Мало того, мы узнали, что нѣсколько оппозиціонныхъ литераторовъ попытались читать на этихъ собраніяхъ еженедѣльные обзоры событій по легальнымъ газетамъ, и что это встрѣчено было шумными одобреніями рабочихъ. Всѣ эти извѣстія заставили насъ принять рѣшеніе слѣдить болѣе внимательно за гапоновскимъ движеніемъ, но въ то же время мы настойчиво продолжали совѣтовать какъ рабочимъ, такъ и интеллигентамъ не выступать на гапоновскихъ собраніяхъ, такъ какъ для насъ зубатовское происхождение гапоновщины заслоняло все то, что въ этомъ движеніи было здороваго и многообщающаго. Къ тому же у отдѣльныхъ рабочихъ, и въ отдѣльныхъ кружкахъ нашимъ пропагандистамъ приходилось встрѣчаться съ Гапономъ, вступать съ нимъ въ побѣдоносныя диспуты, и мы изъ-за этихъ легкихъ побѣдъ въ кружкахъ склонны были смотрѣть на Гапона, какъ на *quantité négligéable*; благодаря этому, мы и проглядѣли громадное массовое движеніе, связанное съ его именемъ. Такимъ образомъ январскіе дни застигли насъ *совершенно врасплохъ* и потому какого-либо одного общаго рѣшенія мы по отношенію къ нимъ не приняли. Наша организація, какъ цѣлое, вообще не функционировала за эти дни, и каждый районъ дѣйствовалъ на свой собственный счетъ и по собственному усмотрѣнію. При этомъ событія насъ до такой степени захватили, что, когда группа собралась лишь за дня 2 до 9 января опредѣлить свою тактику, было уже поздно. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что *въ непосредственной подготовкѣ событій, въ выработкѣ плана ихъ мы не принимали никакого участія*. Но столь же несомнѣнно, что когда событія начались, социалдекратамъ удалось въ отдѣльныхъ районахъ пріобрѣсти значительное вліяніе на движеніе. Они были тѣмъ постоянно недовольнымъ и неудовлетвореннымъ элементомъ, который не могъ успокоиться на настоящемъ и постоянно толкалъ, по край-

ней мѣрѣ, идейно, движеніе впередъ и влѣво. Первые выступленія социалдемократическихъ ораторовъ, ихъ непривычныя рѣчи съ рѣзкими, порой столь далекими, столь чуждыми настроенію массы лозунгами и требованіями, часто раздражали собраніе, вносили диссонансъ въ столь цѣльную тогда своимъ мистическимъ настроеніемъ толпу, но они заставляли призадумываться, не позволяли движенію застыть на одномъ, созданномъ лишь общимъ недовольствомъ, настроеніи, будили мысль и обогащали ее новыми, невѣдомыми Гапоновцамъ вопросами. Правда, социалдемократы не столько влияли на толпу, сколько сами поддавались громадному захватывающему влиянію толпы. Общее настроеніе массы сообщалось и имъ, и всѣ острые углы, всѣ созданныя далекимъ отъ дѣйствительной жизни съ ея реальными вопросами, искусственнымъ, маленькимъ партійнымъ міркомъ, интересы и тактическія положенія обрубались, перерабатывались и преображались при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Но въ результатъ этого взаимодействія создавалось,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ районахъ,—болѣе определенное революціонное направленіе движенія, являвшееся противѣсомъ сильной вѣры въ «батьшку царя», который выслушаетъ своихъ «дѣтей» и положитъ конецъ ихъ страданіямъ. Поясню сказанное своими личными наблюденіями за это время.

Крайне слабо было влияніе социалдемократіи въ городскомъ и нарвскомъ районахъ. Сильнѣе оно было на выборгской сторонѣ, вассильевскомъ островѣ и петербургской сторонѣ и особенно за невской заставой, гдѣ пишущему эти строки пришлось главнымъ образомъ наблюдать и участвовать въ движеніи. Большое влияніе социалдемократовъ въ невскомъ районѣ объясняется тѣмъ, что само гапоновское движеніе было здѣсь очень молодо и наиболѣе слабо: гапоновскій отдѣлъ былъ основанъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до январскихъ событій. Кромѣ того уровень развитія рабочихъ металлургическихъ заводовъ этого района былъ гораздо выше, чѣмъ этого требовало гапоновское движеніе. Долгая работа социалдемократовъ въ этомъ районѣ, сравнительно крупное влияніе, которое удалось приобрести въ этомъ районѣ петербургскому союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса въ концѣ 90-хъ годовъ, а главное, довольно широкая культурная дѣятельность вечернихъ и воскресныхъ школъ, частныхъ легальныхъ библіотекъ, имѣли своимъ результатомъ, что въ этомъ районѣ гуще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, разбросаны были отдѣльныя единицы и кучки рабочихъ, сравнительно очень культурныхъ, начитанныхъ, съ большими духовными и политическими интересами. Гапоновское движеніе захватило поэтому въ этомъ районѣ,—въ противоположность другимъ районамъ—сравнительно менѣе культурную и даже совсѣмъ отсталую часть рабочихъ. Въ этомъ районѣ не мало было социалдемократовъ—рабочихъ, которые, хотя и не шли въ партію, но сохраняли полувраждебный нейтралитетъ къ гапоновскому движенію, а когда разгорѣлись январскія событія и этихъ рабочихъ также потянуло въ гапоновскіе отдѣлы, сдѣлавшіеся центрами охватившаго рабочихъ броженія, они создавали сочувствующую аудиторию для социалдемократическихъ ораторовъ. Способствовала влиянію

соціалдемократіи, пожалуй, и сама слабость ея організації. Работавшіе тамъ соціалдемократы были такъ мало связаны интересами своей собственной організації, что совершенно ушли въ гапоновское движеніе: они менѣе всего могли думать о томъ, чтобы использовать это громадное движеніе въ интересахъ своей почти несуществовавшей організації.

Какъ только стачка охватила весь Путиловскій заводъ, и сталъ распространяться лозунгъ расширять забастовку на весь Петербургъ, соціалдемократы вечеромъ 3 января созвали за невской заставой своихъ немногихъ рабочихъ и рѣшили на слѣдующій день утромъ отправиться по заводамъ и останавливать ихъ. Такъ какъ рабочихъ для этого было мало, то нѣсколько интеллигентовъ присоединилось къ нимъ сначала съ намѣреніемъ утромъ рѣчами воздѣйствовать на остановку работъ, но этого дѣлать не пришлось, такъ какъ рабочіе и безъ всякихъ рѣчей охотно и легко поддавались первому призыву къ остановкѣ работъ. Громадныя толпы забастовавшихъ рабочихъ повалили въ гапоновскія собранія, и вмѣстѣ съ ними туда проникли и мы, всѣ дѣйствовавшие въ этомъ районѣ соціалдемократы, съ твердымъ намѣреніемъ заставить себя выслушать.

Мнѣ еще теперь памятно то громадное впечатлѣніе, которое произвело на меня и на моихъ товарищей это собраніе. Въ собраніи царилъ все время какой-то мистическій, религіозный экстазъ; въ страшной тѣснотѣ и жарѣ часами стояли другъ возлѣ друга тысячи народу и жадно ловили безыскусственныя, поразительно сильныя, простыя и страстныя рѣчи измученныхъ своихъ ораторовъ рабочихъ. Содержаніе рѣчей все время было бѣдное, на всѣ лады повторялись фразы: «мы не можемъ уже больше терпѣть», «нашему терпѣнію уже пришелъ конецъ», «страданія наши превзошли уже всякую мѣру», «лучше смерть, чѣмъ подобная жизнь», «нельзя драть съ человѣка три шкуры» и т. д. Но всѣ онѣ произносились съ такой удивительной, трогательной искренностью, настолько выходили изъ самыхъ глубинъ измученной человѣческой души, что та же фраза, произнесенная въ сотый разъ, вызывала слезы на глаза, заставляла глубоко ее чувствовать и вливала твердую увѣренность, что дѣйствительно нужно на что нибудь рѣшиться, чтобы дать выходъ этому переливавшему черезъ край рабочему горю, рабочей неудовлетворенности. Эта необычная мистическая обстановка сначала насъ совершенно ошеломила, и когда первый нашъ ораторъ съ большой неохотой, и лишь повинувшись раньше принятому нами рѣшенію, взялъ слово, рѣчь его, по содержанію несомнѣнно гораздо болѣе богатая, чѣмъ другія рѣчи и въ общемъ очень хорошая, хотя и гораздо менѣе «крайняя», чѣмъ было рѣшено, прозвучала какъ-то странно чуждо, необыкновенно слабо, какъ будто то былъ отголосокъ другого далекаго міра. Нѣсколько хлопковъ, которые бросили ему по обязанности партійные рабочіе, очень скоро замерли. Въ рѣчи своей онъ, главнымъ образомъ, указывалъ, что нужно говорить всю правду рабочимъ, что не слѣдуетъ потворствовать ихъ предразсудкамъ, какъ дѣлаютъ гапоновцы, а расширить ихъ горизонты новыми требованіями, преимущественно по-

литическими, неотдѣлимыми отъ экономическихъ. Выясненію этихъ требованій главнымъ образомъ посвящена была его рѣчь.

Послѣ его рѣчи наступило неловкое молчаніе въ нѣсколько секундъ, а затѣмъ предсѣдатель собранія, рабочій, который, въ общемъ, относился враждебно къ социалдемократамъ, не желая, очевидно, добивать и безъ того безсильнаго и неопаснаго врага, мягко и очень вѣжливо сказалъ, что все сказанное ораторомъ о необходимости политическихъ реформъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо и вѣрно, но пусть имъ дадутъ работать спокойно, и они мало-по-малу сами до всего договорятся. Послѣ этого опять полились прежнія простыя, но сильныя рѣчи, одна толпа уходила и смѣнялась другой, у подъѣзда на дворѣ открывались новые, еще большіе митинги, настроеніе все росло, и наконецъ и мы не выдержали, подѣлились общему настроенію и, вмѣсто прежней критики гапоніады, наши ораторы стали выступать съ призывомъ къ борьбѣ, съ яркими описаніями невозможнаго положенія рабочихъ и необходимости положить ему конецъ, съ проповѣдью самой широкой борьбы во всѣхъ сферахъ. Словомъ и отъ насъ полились рѣчи, хотя и болѣе содержательныя, чѣмъ рѣчи гапоновцевъ, но тонъ ихъ, но ихъ настроеніе были уже иные, всецѣло созданные этой мятущейся толпой. Съ этого времени вліяніе социалдемократическихъ ораторовъ растетъ, толпа ихъ охотно слушаетъ, не разбираясь совершенно въ томъ, что отличаетъ ихъ отъ гапоновцевъ. Многіе такъ и называютъ ихъ «гапоновскими социалдемократами» и твердо убѣждены, что при гапоновскомъ отдѣлѣ состоятъ особыя должностныя лица, называемыя социалдемократами. Они кромѣ этого видятъ, что социалдемократы довольно свѣдущіе «умственные» гапоновскіе чиновники, и потому рабочіе отдѣльныхъ заводовъ обращаются къ нимъ, когда приходится вырабатывать отдѣльныя заводскія требованія своей заводской администраціи. Такимъ образомъ наряду съ общими, публичными собраніями начинается рядъ полуконспиративныхъ собраній наиболѣе зрѣлыхъ рабочихъ каждаго завода и фабрики, собранія, на которыхъ социалдемократы помогаютъ рабочимъ составлять листки со спеціальными заводскими и фабричными требованіями. Мнѣ приходилось быть на нѣсколькихъ такихъ собраніяхъ, и характерной чертой ихъ являются проникавшіе всѣ требованія «поиски справедливости», общее стремленіе покончить съ создавшимися невозможными условіями. При выработкѣ требованій рабочіе не только занимались будущими улучшеніями, но также старались получить реваншъ за всѣ свои прежнія, давнишнія долготѣнія обиды и злоупотребленія. Такъ они требуютъ, чтобы рабочимъ выдавали наградныя, отмѣненныя уже десятки лѣтъ за всѣ эти годы, вознагражденія за пониженія расцѣнокъ, практиковавшіяся долгіе же годы. На одномъ собраніи рабочій даже предложилъ мнѣ вписать въ листокъ требованіе, чтобы при введеніи восьмичасоваго рабочаго дня рабочимъ выдали вознагражденіе за неуплаченные имъ лишніе ежедневные 2—3 часа работы въ продолженіи послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ. И мнѣ казалось, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ рабочіе руководились не столько соображеніями матеріальнаго характера, сколько чисто моральнымъ стремленіемъ устроить все «по справедливому» и

заставить хозяевъ искупить свои прежніе грѣхи. А грѣховъ открылось на этихъ собраніяхъ чрезвычайно много! И листокъ съ требованіями на каждомъ заводѣ обыкновенно грозилъ растянуться до безконечныхъ размѣровъ.

Эти собранія, на которыхъ обыкновенно участвовало отъ 50 до 100 рабочихъ, также способствовали росту симпатій рабочихъ къ социалдемократіи, но, конечно, главную роль все таки играло то, что социалдемократическіе ораторы подчинились настроенію толпы и приспособляли къ нему свои рѣчи. Политическія требованія являлись лишь вѣнцомъ, заключеніемъ рѣчи, которая уже предварительно успѣвала завоевать симпатіи. За эти дни у социалдемократовъ выдвигаются видныя агитаторскія силы. Интеллигентъ подъ названіемъ «Андрей Обуховецъ» былъ любимой фигурой на трибунѣ, на бочкѣ на дворѣ, на крышѣ какого то сарая во дворѣ. Онъ овладѣлъ тайной говорить 20 разъ въ день объ одномъ и томъ же съ равнымъ, никогда себѣ не измѣнявшимъ, искреннимъ увлеченіемъ, лишеннымъ всякихъ патетическихкихъ фразъ, въ самыхъ простыхъ и понятныхъ выраженіяхъ. Къ нему относились крайне нѣжно и трогательно. Разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ какой-то рабочій, посмотрѣвъ на его драные сапоги, отозвалъ его въ сторону, скинулъ свои галоши и упротилъ его взять ихъ себѣ. Другой разъ, когда онъ, стоя на дворѣ на бочкѣ, въ треску морозъ говорилъ передъ большой толпой, я вдругъ замѣтилъ въ сторонѣ маленькаго старика рабочаго, который тихо плакалъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ о причинѣ, вызвавшей его слезы, и получилъ отвѣтъ: «Эхъ, и какой же это парень, а вѣдь погибаетъ, губить себя парень, вѣдь не сносить ему головы». Нѣкоторое вліяніе имѣлъ также и другой интеллигентъ, говорившій очень невнятно, но въ то же время съ такимъ жаромъ и такой живой жестикуляціей, что рабочіе съ снисходительной ироніей такъ и прозвали его «Трясучкой». Появился у насъ также и имѣвшій большой успѣхъ, бродячій ораторъ, у котораго глубоко прочувствованная рѣчь соединялась съ превосходнымъ артистическимъ дарованіемъ. Худой и очень блѣдный, съ мягкой длинной бородой и нервнымъ измученнымъ лицомъ, одѣтый въ жалкій зипунишко и въ русскихъ высокихъ сапогахъ, онъ напоминалъ тѣхъ бѣдныхъ, нѣсколько запуганныхъ, но умственныхъ крестьянъ, которые только что попали въ большой городъ и не успѣли еще прійти въ себя отъ всего того новаго, что имъ пришлось увидѣть. Онъ вездѣ, на дворѣ, у воротъ, на углахъ улицъ останавливалъ рабочихъ, образовывалъ кучки и толпы, тихимъ, тягучимъ голосомъ, чуть-чуть заикаясь, но замѣчательно просто и душевно, съ нѣкоторымъ поэтическимъ лиризмомъ, говорилъ рабочимъ о лучшемъ будущемъ, о необходимой борьбѣ, растолковывалъ элементарныя и сложныя политическія требованія и повсюду вызывалъ къ себѣ напряженное вниманіе, а нерѣдко и страстные диспуты. Его потомъ стали встрѣчать очень охотно, просили говорить, предлагали вопросы, а онъ, начиная издалека, постоянно тянулъ одну линію и всегда возбуждалъ огромное довѣріе къ себѣ. Мнѣ пришлось видѣть однажды, какъ онъ явился утромъ на дворъ гапоновскаго собранія и немедленно былъ окруженъ стариками и пожилыми «сѣрыми» рабо-

чими, которые охотно вступали съ нимъ въ бесѣду. Онъ поклонился имъ въ ноги. Всѣ кругомъ отвѣтили ему, какъ одинъ человекъ, тѣмъ же глубокимъ поклономъ. А затѣмъ полилась приблизительно слѣдующая, не совсѣмъ обычная, рѣчь: «Съ добрымъ утромъ, товарищи! Славный у насъ сегодня денекъ, у насъ, у рабочихъ. И славный онъ не потому, что солнце сегодня не по зимнему грѣть и свѣтить, что снѣгъ пріятно хруститъ подъ ногами, а потому, что у насъ въ душѣ должно быть хорошо. А хорошо у насъ на душѣ потому, что мы впервые опомнились, почувствовали себя людьми, впервые всѣ дружно пошли на борьбу съ своими врагами. На какую борьбу и съ какими врагами?» И тутъ пошли длинные прекрасныя разъясненія, кто врагъ рабочаго, за что нужно бороться,—разъясненія, настолько просто и артистически «по крестьянски» изложенныя, что даже мы забывались и съ удивленіемъ слушали, какъ этотъ захудалый мужиченко такъ умно рассказываетъ такія интересныя вещи. «Все это театрално и нѣсколько фальшиво», скажетъ какой нибудь трезвый читатель. Можетъ быть, но въ то время естественный здравый смыслъ часто пасовалъ передъ повышенной, мистической театральностью. Другой разъ у меня на глазахъ произошла слѣдующая комическая сцена. Упомянутый агитаторъ остановился на крыльцѣ и открылъ собесѣдованіе. Вдругъ откуда-то выскочилъ дворникъ и сталъ разгонять народъ, «здѣсь не мѣсто собираться», кричалъ онъ, «здѣсь къ тому же говорятъ всегда тѣ, которымъ не позволяютъ говорить внутри помѣщенія, бунтовщики. Кто здѣсь говоритъ? кто бунтуетъ?» Нашъ агитаторъ спокойно подошелъ къ сердитому дворнику, и смотря на него своимъ нѣсколько робкимъ взглядомъ, самымъ ласковымъ голосомъ произнесъ: «Да это я здѣсь говорю, товарищъ». Дворникъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сразу понизилъ тонъ. «А? это ты? Ну тебѣ то говорить можно. Что ты, дуракъ, можешь дурного сказать?» Раздался громкій хохотъ стоявшихъ кругомъ рабочихъ, очевидно уже слышавшихъ «дурныя» рѣчи «дурака». И дворникъ, обидѣвшись за «дурака», уходя, бросилъ слѣдующія сентенціонныя слова: «Стыдно, ребята, смѣяться надъ сѣрымъ человекомъ. Ну глупъ онъ еще, успѣетъ поумнѣть, а смѣяться надъ нимъ все же не слѣдуетъ».

Начиная съ 3 января движеніе съ каждымъ днемъ или вѣрнѣе съ каждымъ часомъ расширялось и углублялось. Настроеніе повышалось. За невской заставой, въ помѣщеніи гапоновскаго отдѣла, собранія шли цѣлый день съ 8—9 часовъ утра до 10 или 11 вечера. Каждый часъ одна толпа смѣняла другую. Кромѣ этого на огромномъ дворѣ, несмотря на жестокіе морозы, все время шли грандіозные митинги. Намъ приходилось работать ежедневно до полной потери силъ. Фактически социалдемократы преимущественно и говорили. Былъ разъ 2 какой-то неизвѣстный мнѣ литераторъ, разъ говорилъ на дворѣ социалистъ революціонеръ, но въ общемъ всю тяжесть непрерывной агитаціи пришлось выдерживать нѣсколькимъ социалдемократамъ и одному-двумъ гапоновскимъ рабочимъ. Вначалѣ послѣдніе относились съ нескрываемой враждебностью къ «конкуренціи» социалдемократовъ. Но потомъ, когда они убѣдились, что никакихъ конфликтовъ отъ этого не

проистекаетъ, что мы вмѣстѣ съ ними ведемъ одну линію, и, наконецъ, когда ими было рѣшено не замалчивать политики, они стали даже нѣсколько зависѣть отъ насъ, такъ какъ въ области политической агитаціи они чувствовали себя довольно таки безпомощными. Впослѣдствіи они намъ сами заявили, что раньше нашъ разговоръ съ толпой казался имъ смѣшнымъ, но потомъ, когда мы переняли ихъ приемы и ихъ умѣнье дѣйствовать на массу, мы такъ расширили содержание рѣчей, что уже имъ отъ насъ приходилось учиться.

Въ виду этого мы все время работали очень дружно, сообща исполняли даже такія функціи, какъ раздачу помощи стачечникамъ, контролированіе дѣйствительно нуждающихся и т. п. Вліяніе наше за эти дни настолько окрѣпло, что въ первый день, когда Гапонъ сталъ читать на собраніяхъ свою петицію, онъ пригласилъ насъ на совмѣстное совѣщаніе. Задачей совѣщанія было, по словамъ Гапона, его желаніе выяснить отношеніе социалдемократовъ къ хожденію къ Зимнему дворцу 9 января и столкнуться съ ними о необходимыхъ практическихъ приѣмахъ. Это совмѣстное совѣщаніе состоялось 7 января отъ 9 часовъ вечера до 2 часовъ ночи. Со стороны Гапоновцевъ, кромѣ самого Гапона, присутствовало 6—7 наиболѣе выдающихся его рабочихъ разныхъ районовъ; со стороны социалдемократовъ 1 рабочий и 3 интеллигента, среди которыхъ былъ и авторъ этихъ строкъ. Въ виду большого интереса какъ личности Гапона, такъ и вообще этого совѣщанія, постараюсь воспроизвести его возможно точнѣе.

Встрѣтили насъ гапоновскіе рабочіе съ торжествующей воинственностью. «Смотрите, говорили они, на плоды нашей работы: какія массы народа удалось намъ привести въ движеніе. Что представляютъ собой въ сравненіи съ ними ваши маленькіе кружки? Гдѣ результаты вашей долготѣйшей работы?» Мы отвѣтили, что въ гапоновскомъ движеніи, безъ сомнѣнія, учитывается и наша долготѣйшая работа, что во главѣ у нихъ часто находятся люди, получившіе революціонное крещеніе въ нашихъ кружкахъ, что, наконецъ, и масса отчасти была нѣсколько подготовлена нашими листками, распространявшими революціонно-боевые лозунги, и что она настолько привыкла къ нашимъ листкамъ и вѣрить имъ, что даже гапоновскую петицію очень многіе называютъ прокламаціей. «Но, въ такомъ случаѣ, спросили гапоновцы, зачѣмъ вы насъ позорили, называли зубатовцами, провокаторами?»

Мы откровенно отвѣтили, что они въ настоящее время несомнѣнно наши товарищи по борьбѣ, но нельзя отрицать, что въ началѣ гапоновское движеніе находилось въ сношеніяхъ съ Зубатовымъ. Разговоръ грозилъ принять щекотливый оборотъ, и Гапонъ вмѣшался. Онъ правдиво призналъ, что начало движенія, связаннаго съ его именемъ, дѣйствительно «темное», но нѣсколько грубоватой лестью скоро успокоилъ, какъ своихъ обидѣвшихся приверженцевъ, такъ и озлившисьшихся социалдемократовъ—послѣднихъ преимущественно тѣмъ, что онъ «въ сторону» шепнулъ своимъ—однако такъ, что мы всѣ слышали: «Какіе восхитительные парни—эти социалдемократы!»

Послѣ этого маленькаго инцидента у насъ пошла продолжительная товарищеская бесѣда до поздней ночи. Гапонъ производилъ впечатлѣніе челоуѣка несомнѣнно хитраго, себѣ на умѣ, очень често-

любиваго, съ большими личными планами, но въ то же время крайне и искренно увлеченнаго событіями, захватившими его цѣликомъ, морально выросшаго, благодаря своей роли, и дѣйствительно глубоко проникнутаго сильнымъ желаніемъ служить рабочимъ и быть имъ полезнымъ. Въ то же время онъ, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ непосредственныхъ опасностяхъ движенія; я бы сказалъ даже, что онъ не вполне замѣтилъ и все то громадное развитіе, котораго оно достигло, а поскольку замѣтилъ,—недостаточно проникся мыслью, что для событий такихъ размѣровъ требуются и большіе горизонты и большая отвѣтственность. Подобно намъ, но, конечно, въ безконечно большей степени, онъ былъ захваченъ могучей, съ силой естественнаго потока развивавшейся стихіей; незамѣтно очутившись на ея гребнѣ, онъ сразу всталъ передъ фактомъ ея чудовищной силы, которую онъ не только не былъ въ силахъ какъ либо направить, измѣнить, но которую не могъ даже умственно охватить. Въ этой его несознательности и заключалась, на мой взглядъ, одна изъ главныхъ тайнъ той огромной роли, которую этой въ общемъ невѣжественной, не выдающейся личности, этому не блестящему человѣку и даже плохому оратору суждено было играть: несложность и цѣльность его натуры, его неспособность широко и всесторонне охватить явленія огромной важности, его неумѣніе ориентироваться въ сложныхъ событіяхъ и предвидѣть ихъ возможныя послѣдствія позволили ему, предоставляя событіямъ естественно развиваться, спокойно идти къ намѣченной цѣли, не глядя ни назадъ, ни слишкомъ далеко впередъ. Ему, повидимому, были чужды какъ сильныя угроженія совѣсти, такъ и внутренняя борьба, вызываемая сознаніемъ сильной отвѣтственности, равно какъ и глубокія долгія думы надъ событіями. Не мудрствуя лукаво, онъ всецѣло подчинился толкавшей его все дальше и дальше стихіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ былъ очень мало «испорченъ» излишними знаніями и свѣдѣніями. По своему умственному уровню онъ едва ли стоялъ выше развитыхъ рабочихъ. Это сближало его съ массой, психологіей которой онъ совершенно проникался и даже ей подчинялся: онъ прекрасно понималъ рабочихъ, какъ и они его. Даже способъ выраженія онъ заимствовалъ у рабочихъ, и если-бы не священническая ряса, мы бы въ тотъ вечеръ приняли его за средняго рабочаго. Словомъ, «герой» былъ вполне дѣтищемъ «толпы», русская политически мало сознательная рабочая масса могла выдвинуть тогда только мало сознательнаго вожака, и потому послѣдній и былъ ей такъ близокъ, такъ понятенъ и такъ обаятеленъ.

На самомъ совѣщаніи мы, по предварительному рѣшенію, не высказывали своего отношенія къ хожденію къ Зимнему дворцу, а занимались больше «интервьюированіемъ» Гапона. Въ тотъ вечеръ онъ вполне вѣрилъ, что народъ будетъ допущенъ къ Зимнему дворцу, о возможности кровавыхъ расправъ онъ даже и не думалъ. Онъ былъ убѣжденъ, что правительство для вида, быть можетъ, попытается полицейскими мѣрами задержать рабочія массы и не допустить ихъ до Зимняго дворца, но что при настойчивости масса добьется своего. Но онъ сильно сомнѣвался въ устойчивости, прочности и выдержанности боевого настроенія массы. По его мнѣнію, широкое броженіе, охва-

тившее рабочія массы, хотя и проявляется въ шумныхъ и трогательныхъ формахъ, но очень поверхностно, не глубоко и можетъ при первомъ серьезномъ сопротивленіи исчезнуть. «Я прошу васъ, социал-демократовъ, говорилъ онъ, поставить свои кадры въ послѣднихъ рядахъ манифестаціи. Социал-демократы—народъ стойкій, убѣжденный и не испугаются первыхъ насильственныхъ дѣйствій полиціи. Мой же народъ, какъ и «соціаль-революціонеры»—народъ хотя и славный и умереть готовъ за дѣло, но способны ли они на что нибудь другое, кромѣ мгновеннаго порыва, за которымъ слѣдуетъ упадокъ духа, я не знаю». Чтобы поддерживать все время боевое настроеніе рабочихъ, онъ совѣтовалъ по пути ломать шлагбаумы, прогонять полицейскихъ съ ихъ постовъ и прибѣгать ко всякимъ «мелкимъ» формамъ проявленія силы массъ. Но въ то же время онъ просилъ социал-демократовъ не выкидывать красныхъ знаменъ, не дѣлать слишкомъ рѣзкихъ восклицаній и вообще избѣгать всего того, что можетъ нарушить цѣльность настроенія массъ и отпугнуть рабочихъ. На нашъ вопросъ, какъ онъ представляетъ себѣ ходъ предстоящихъ событій 9 января, онъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «Я думаю, что тѣмъ или инымъ путемъ масса доберется до Зимняго дворца. Передъ дворцомъ мы, конечно, встрѣтимъ много войска. Я и другіе рабочіе депутаты приблизимся однако къ войску и, отъ имени всего рабочаго народа Петербурга, попросимъ ауденціи у Государя. Я думаю, что мы получимъ аудіенцію. Если царя не окажется въ Петербургѣ, мы заявимъ, что мы остаемся передъ дворцомъ ждать его пріѣзда, и, по всей вѣроятности, его дождемся. На аудіенціи мы, отъ имени петербургскаго народа, передадимъ Государю нашу петицію, которую я предложу обсудить, но я въ то же время заявлю, что не уйду, если не получу немедленнаго торжественнаго обѣщанія удовлетворить слѣдующіе два требованія: амнистію пострадавшимъ за политическія убѣжденія и созывъ всенароднаго земскаго собора. Если я получу удовлетвореніе, я выйду на площадь, махну бѣлымъ платкомъ, принесу радостную вѣсть и начнется великій народный праздникъ. Въ противномъ случаѣ я выкину красный платокъ, скажу народу, что у него нѣтъ царя, и начнется народный бунтъ». Впрочемъ на послѣднемъ случаѣ онъ мало останавливался, считая его, очевидно, мало вѣроятнымъ: онъ только говорилъ, что тогда всѣмъ разрушительнымъ элементамъ, къ числу которыхъ онъ между прочимъ относилъ и всѣ революціонныя партіи, должна быть предоставлена полная свобода дѣйствій. Но онъ очень подробно развивалъ послѣдствія благопріятнаго оборота дѣлъ. Лишь только два основныхъ требованія будутъ удовлетворены, всеобщая стачка должна прекратиться: всенародному земскому собору должна быть предоставлена выработка основныхъ законовъ; но въ числѣ немедленныхъ временныхъ мѣръ, подлежащихъ осуществленію еще до созыва земскаго собора, долженъ быть введенъ восьмичасовой рабочій день: необходимо дать немедленно крупное удовлетвореніе рабочимъ массамъ, тѣмъ болѣе, что послѣ громаднaго броженія, послѣ душевныхъ бурь, пережитыхъ петербургскимъ пролетаріатомъ, онъ психологически не будетъ въ состояніи проводить цѣлые дни на заводахъ и фабрикахъ. Но есть еще болѣе важная причина, дѣлающая необходи-

мымъ соединить восьмичасовой рабочій день съ созывомъ всенародного земскаго собора: отъ самихъ народныхъ массъ будетъ зависѣть ихъ дальнѣйшая судьба, онѣ сами будутъ призваны выковывать свое собственное будущее счастье. Нужно поэтому дать народу достаточный досугъ, чтобы развиваться, учиться и ориентироваться въ государственныхъ дѣлахъ. Это мыслимо лишь при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ.

Изъ такой смѣси наивныхъ дѣтскихъ химеръ и вѣрныхъ наблюдений, свидѣтельствующихъ о глубокомъ знаніи рабочей души этого періода, состоялъ весь планъ, всѣ предвидѣнія этого загадочнаго перваго руководителя пролетарскихъ массъ Петербурга.

Не входя въ обсужденіе плановъ Гапона по существу, мы заявили, что никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній по вопросу о нашемъ участіи въ предполагавшемся хожденіи 9 января мы дать не можемъ, такъ какъ наша центральная организація вопроса этого не обсуждала, но что мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что организація наша постановить принять самое активное участіе въ назначенной демонстраціи. Мы, однако, не скрывали передъ Гапономъ своихъ болѣе пессимистическихъ взглядовъ, сказали ему, что мы предвидимъ кровавый оборотъ движенія и, повидимому, намъ удалось нѣсколько поколебать его оптимизмъ. На слѣдующій день утромъ, послѣ дальнѣйшихъ разговоровъ съ социалдемократами, заночевавшими съ нимъ въ той же квартирѣ, Гапонъ написалъ свое извѣстное письмо къ князю Святополкъ-Мирскому.

На слѣдующій день мы созвали два собранія социалдемократическихъ рабочихъ невскаго района, число которыхъ за эти дни значительно увеличилось, — одно въ селѣ Смоленскомъ, другое въ селѣ Александровскомъ, — для совмѣстнаго обсужденія вопроса нашего участія въ событіяхъ 9 января. Рабочіе, въ особенности обуховцы, въ общемъ отрицательно относились къ гапоновскому движенію, и сильно настаивали на томъ, что социалдемократы должны отказаться отъ всякаго участія въ немъ. Позорно и недостойно социалдемократіи, говорили они, идти крестнымъ ходомъ подъ предводительствомъ попа къ Зимнему дворцу просить тамъ сжалиться и пожалѣть рабочихъ, тѣмъ болѣе, что все это кончится лишь разстрѣлами и массовымъ избіеніемъ. Лишь послѣ долгихъ преній намъ удалось убѣдить ихъ въ томъ, что наше участіе или неучастіе въ демонстраціи не можетъ имѣть никакого вліянія на самый фактъ ея осуществленія, но что мы не имѣемъ права повернуться спиной къ этому первому массовому выступленію петербургскаго пролетаріата и обязаны своимъ участіемъ въ немъ бороться противъ отрицательныхъ чертъ гапоніады и пытаться внести въ него болѣе широкіе лозунги. И въ самой петербургской центральной группѣ раздавались голоса, видѣвшіе измѣну принципамъ социалдемократіи въ нашей совмѣстной дѣятельности съ Гапономъ; по ихъ мнѣнію, обязанностью социалдемократовъ было — вести борьбу и самую упорную борьбу какъ съ Гапономъ, такъ и съ его планами. Большинство группы, однако, вполне отдавало себѣ отчетъ въ міровомъ значеніи развертывавшихся передъ нами событій и высказывалось за самое рѣшительное участіе въ нихъ.

Событія 9 января настолько извѣстны, что я считаю излишнимъ останавливаться на нихъ подробно. Рабочіе невскаго района, на мой взглядъ, дали меньшій процентъ участниковъ демонстраціи, чѣмъ другіе районы, при чемъ въ сторонѣ отъ движенія остались наиболѣе передовые слои рабочихъ. Извѣстно, что невскіе рабочіе были задержаны на границѣ города, что послѣ нѣсколькихъ холостыхъ залповъ, послѣ нѣкоторыхъ попытокъ разогнать толпу казаками, которые наталкивались на колѣнопреклоненныхъ женщинъ и стариковъ, вся толпа бросилась черезъ Неву, и разными путями проникла въ городъ. Кромѣ городскихъ рабочихъ, преимущественно рабочіе изъ за невской заставы наполняли собой Невскій проспектъ и площадь у Александровскаго сада. Жертвы, понесенныя рабочими невскаго района, были поэтому меньше, чѣмъ въ другихъ районахъ. Не стану я также описывать всѣхъ ужасовъ этого дня. Скажу лишь, что правительственная расправа превзошла даже самыя мрачныя опасенія и носила провокаціонный характеръ: до того она противорѣчила терпимому отношенію полиціи къ революціонной агитаціи предшествующихъ дней. Что мы, активные участники движенія, которые чувствовали и свою долю отвѣтственности, должны были пережить въ тотъ памятный день, едва ли поддается описанію. Убивались и разстрѣливались не только тысячи молодыхъ жизней, но и наивная вѣра, воспитанная и выросшая въ народѣ долгими вѣками, та непосредственная дѣтская вѣра въ то, что стоитъ только громко провозгласить свое горе, такъ громко, чтобы оно было услышано, наконецъ, тамъ гдѣ оно всегда скрывается недругами народа, — и спасеніе сразу явится: былъ нанесенъ смертельный ударъ тому стихійному энтузіазму, который впервые рабочія массы вложили въ дѣло своего освобожденія. Хорошо ли это освобожденіе народа отъ вредныхъ и нежизненныхъ иллюзій такими средствами—вопросъ другой. Но въ тотъ кровавый день этотъ отвѣтъ пулями и саблями на трогательное довѣріе массъ порождалъ не только негодованіе и жажду мести, но и горькую обиду за эту рабочую массу и безконечную жалость къ ней.

Съ тяжелымъ чувствомъ отправился я вечеромъ того же дня на собраніе центральной социалдемократической группы, на которомъ присутствовало, кромѣ членовъ группы, еще много другихъ социалдемократическихъ работниковъ изъ всѣхъ районовъ. На собраніе должны были стекаться отчеты о событіяхъ этого дня и здѣсь же должны были вырабатываться рѣшенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Оказалось, что повсюду произошло одно и то же: во всѣхъ районахъ безоружный народъ разстрѣливался, не оказывая никакого сопротивления. Только на Васильевскомъ островѣ была сдѣлана слабая попытка строить баррикады. Но какъ это ни странно, оказалось, что общій тонъ собранія противорѣчилъ индивидуальному настроенію каждого изъ насъ. Тонъ собранія былъ крайне бодрый, большинство его участниковъ выражало твердую увѣренность, что теперь рабочіе окончательно распростиются съ своими прежними иллюзіями и что на слѣдующій же день начнется активное выступленіе рабочихъ массъ уже подъ истинно революціонными лозунгами. Отчеты о настроеніи рабочихъ изъ разныхъ районовъ изображали его сильно повышен-

нымъ, боевымъ и жаждущимъ мщенія за погубленныя жизни и разбитыя иллюзіи. Рѣшено было поэтому на слѣдующій день вызывать новыя выступленія и продолжать начавшуюся революцію. Нѣкоторые, вновь прїѣхавшіе, товарищи были откомандированы въ районы на помощь старымъ, усталымъ работникамъ. Слѣдующій день принесъ намъ, однако, большое разочарованіе. Продолжаю разсказъ свой о невскомъ районѣ, тѣмъ болѣе, что все, что относится къ нему, въ большей или меньшей степени примѣнимо ко всему Петербургу.

Утромъ я и одинъ новый товарищъ отправились за невскую заставу. Самый видъ улицъ предмѣстья принесъ первое опроверженіе нашихъ разсчетовъ на то, что теперь у рабочихъ можетъ быть лишь одно настроеніе—революціонное, и одно желаніе—идти на борьбу, чтобы отомстить за убитыхъ товарищей и поруганныя надежды. По пути намъ то и дѣло попадались большіе плакаты—треповскія объявленія, которыя молчаливо читались группами рабочихъ, а порой возлѣ объявленія стоялъ треповскій же ораторъ съ характерной «переодѣтой» фizioноміей и комментировалъ объявленіе. И нужно отдать справедливость полиціи: за одну ночь она не дурно успѣла съорганизовать дѣло. Нужно было во что бы то ни стало изобрѣсти жертву, на которую могъ бы быть направленъ гнѣвъ рабочихъ, нужно было найти виновника его разочарованія,—и объ этомъ полиція позаботилась самымъ отеческимъ образомъ. «Переодѣтые» ораторы убѣждали рабочихъ, что во всемъ виноваты студенты съ переодѣтымъ студентомъ Гапономъ во главѣ, которые завлекли рабочихъ не въ свое дѣло, подвели подъ выстрѣлы и сами скрылись, воспользовавшись деньгами, собранными у рабочихъ и якобы для рабочихъ. Мнѣ лично пришлось выслушать рѣчь одного такого «оратора» передъ треповскимъ объявленіемъ, въ которой онъ подробно разсказывалъ о видѣнныхъ имъ многочисленныхъ изуродованныхъ трупахъ убитыхъ рабочихъ; доведя своимъ разсказомъ негодованіе рабочихъ до высокой степени, онъ прибавилъ, что все это были трупы «русскаго народа» и что ни одного студента или «демократника» тамъ не было. Всѣ они 9 января попрятались. Сбитые съ толку, рабочіе въ первые дни очень легко поддавались на эту удочку. Попытки гапоновскихъ вожаковъ и нашихъ агитаторовъ бороться противъ такихъ «объясненій» успѣха не имѣли, и тѣ же рѣчи, которыя раньше зажигали энтузіазмъ рабочихъ, выслушивались ими теперь угрюмо и съ мрачнымъ недоувѣріемъ. Кромѣ того рабочая масса, сильная своимъ единствомъ, была раздроблена: гапоновскіе отдѣлы были почти повсюду закрыты, и рабочіе не могли собираться и совмѣстно разбираться въ той страшной загадкѣ, которую создалъ для нихъ день 9 января. Мы съ товарищемъ прежде всего направились въ невскій гапоновскій отдѣлъ, который почему-то еще не успѣли закрыть. Намъ удалось собрать небольшую толпу, открыть собраніе и въ небольшой рѣчи попытаться подвести итоги вчерашняго дня. Но на первое рѣзкое слово критики существующихъ политическихъ условій, изъ толпы раздался голосъ: «Въ пропасть ты насъ тащишь!» «Повѣсить тебя надо!» Хотя эти возгласы и не были поддержаны толпой, но въ общемъ настроеніе было такое вялое и растерянное, что послѣ нѣкоторыхъ тщет-

ныхъ попытокъ расшевелить ее, намъ пришлось закрыть собраніе. Послѣ этого и этотъ послѣдній гапоновскій отдѣлъ былъ закрытъ полиціей, и гапоновское движеніе, какъ нѣчто организованное и самостоятельное, сошло со сцены.

Черезъ два-три дня наша невяская организація получила приглашеніе отъ нѣсколькихъ гапоновцевъ явиться къ нимъ по какому-то конспиративному дѣлу. Я и еще одинъ товарищъ пошли по приглашенію и застали наиболѣе видныхъ изъ уцѣлѣвшихъ гапоновцевъ этого района. Они заявили намъ, что теперь они убѣдились въ правотѣ нашихъ взглядовъ, что раньше можно было работать лишь «по гапоновски», т. е. выставляя только наиболѣе понятныя и близкія требованія и замалчивая болѣе отдаленныя, политическія—теперь же, послѣ всего совершившагося, остается работать лишь по нашимъ указаніямъ. Мы могли бы считать себя удовлетворенными этимъ успѣхомъ, если бы тотчасъ же не оказалось, что о нашихъ взглядахъ у нихъ составилось нѣсколько своеобразное представленіе. Они намъ заявили, что и они убѣдились въ томъ, что рабочая масса крайне инертна, тупа и не сознательна, что она теперь неспособна бороться за себя, и что если ожидать, пока она разовьется,—пройдутъ долгіе годы безъ всякихъ перемѣнъ. Остается поэтому наиболѣе сознательнымъ, наиболѣе самоотверженнымъ рабочимъ взять дѣло борьбы за рабочіе интересы въ свои руки. Эта небольшая группа рабочихъ должна прежде всего въ ближайшее воскресенье выйти съ бомбами и револьверами, чтобы отомстить за своихъ товарищей и добиться терроромъ сознательнаго меньшинства того, чего не могла достичь вся рабочая масса. На нашъ вопросъ, много-ли у нихъ приверженцевъ, они отвѣтили, что наиболѣе сознательные гапоновцы всѣ склоняются къ такимъ взглядамъ. Мы, конечно, попытались имъ дать болѣе вѣрное пониманіе нашихъ воззрѣній и отклонить ихъ отъ ихъ безнадёжнаго предпріятія, но, кажется, они разстались съ нами, нѣсколько разочарованные нашей холодностью и несочувствіемъ къ ихъ презрѣнію къ массѣ и къ своеобразной теоріи ея замѣстительства. Приблизительно съ такими же тенденціями мнѣ пришлось встрѣтиться нѣсколько позже среди гапоновскихъ приверженцевъ на Путиловскомъ заводѣ за нарвской заставой, куда я былъ командированъ послѣ январскихъ событій центральной группой и гдѣ мнѣ приходилось принимать активное участіе въ дальнѣйшихъ фазахъ рабочаго движенія этого бурнаго года.

III.

Оцѣпененіе, въ которое впалъ петербургскій пролетаріатъ подъ влияніемъ ужасовъ 9 января, продолжалось нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ полиція дѣлала все зависящее отъ нея, чтобы сбить его съ толку и направить его разочарованіе по ложному адресу, мимо главныхъ виновниковъ только-что пережитаго издѣательства надъ народной вѣрой. Стачка медленно умирала. Но какъ это уже часто случалось съ нашими властью имущими, они и на этотъ разъ пере-

усердствовали. Треповъ такъ вошелъ въ роль благодѣтеля петербургскихъ рабочихъ, что рѣшилъ удовлетворить и самую завѣтную мечту ихъ: допустить ихъ до царя. Была импровизирована знаменитая царская депутація. Ко всѣмъ фабричнымъ и заводскимъ администраціямъ Треповымъ были отправлены вѣстники съ приказомъ разыскать наиболѣе подходящихъ и благонамѣренныхъ рабочихъ и наложить на нихъ новую повинность,—идти во дворецъ. Иногда полиція сама выбирала въ депутаты рабочихъ, которые были ей извѣстны по постояннымъ «служебнымъ» сношеніямъ съ ними. Трудно представить себѣ негодованіе рабочихъ, когда они изъ газетъ и объявленій узнали, что «они послали» депутацію къ царю. На нѣкоторыхъ заводахъ они рѣзко высказывали порицаніе хозяевамъ и директорамъ за то, что тѣ согласились, безъ вѣдома рабочихъ, посылать отъ ихъ имени депутацію. На заводѣ Рѣчкина за московской заставой рабочіе въ видѣ протеста даже забастовали. На многихъ заводахъ они потребовали отъ «депутатовъ» объясненія, предварительно гарантировавъ имъ «неприкосновенность личности». И когда стали извѣстны подробности аудіенціи, рассказанныя по большей части сѣрыми и темными депутатами, къ негодованію рабочихъ прибавился и презрительный смѣхъ. Для политическаго развитія петербургскаго пролетаріата дѣйствительно, кромѣ ужаса и отвращенія къ власти имущимъ, въ то время было настоятельно необходимо еще и презрѣніе къ нимъ, и объ этомъ Треповъ отечески позаботился. Инцидентъ съ депутаціей былъ поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи рабочихъ. Растерянность мало-по-малу начинаетъ проходить и опять растетъ желаніе бороться. Средство борьбы и протеста остается прежнее, уже испытанное въ январскіе дни. Начинается широкое забастовочное движеніе, непрерывное, но безсистемное. Наиболѣе частымъ требованіемъ рабочихъ является восьмичасовой рабочій день, но каждая фабрика, каждый заводъ ведетъ борьбу за свои спеціальныя нужды, а иногда бастуетъ, не выставляя никакихъ требованій. Всѣ попытки социалдемократовъ упорядочить и объединить движеніе не имѣютъ успѣха. Имъ только удается—и чѣмъ дальше, тѣмъ легче—вносить политическія требованія, сообщать экономической борьбѣ рабочихъ политическій характеръ. На болѣе отсталыхъ заводахъ и фабрикахъ это давалось не безъ труда и послѣ 9 января. Но фактически рабочіе ведутъ все это время уже борьбу со всѣмъ режимомъ. Своей безпорядочной, непрекращающейся борьбой они расшатываютъ весь строй и не только вносятъ дезорганизацію въ хозяйственную жизнь, но и создаютъ состояніе неувѣренности и неустойчивости во всей жизни страны.

Центральнымъ боевымъ моментомъ этого, непосредственно слѣдовавшаго за январскими днями, періода была кампанія по поводу комиссіи Шидловскаго, когда социалдемократіи единственный разъ удается не только активно вмѣшаться по всей линіи въ эту кампанію, но и имѣть рѣшающее вліяніе на весь ходъ ея. Сама комиссія, которая должна была выяснитъ причины недовольства рабочихъ и выработать мѣры для его устраненія, вызвала въ разныхъ слояхъ петербургскаго пролетаріата не одинаковое отношеніе къ себѣ. Рабочіе

металлургическихъ заводовъ съ самаго начала смотрѣли на комиссію, какъ на ловкій приемъ для того, чтобы отвлечь вниманіе рабочихъ отъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ и направить ихъ на мелкія заводскія нужды. Практическихъ результатовъ они не ждали отъ этой комиссіи, какъ и отъ всѣхъ другихъ комиссій, которыя въ то время работали по всѣмъ вѣдомствамъ на благо русскому народу. Иначе относились отсталые рабочіе многихъ петербургскихъ фабрикъ. Въ ихъ средѣ велись неустанные разговоры о требованіяхъ, которыя слѣдуетъ предъявлять въ комиссію, о прошеніяхъ, которыя нужно туда направлять. Тамъ искренно вѣрили, что въ лицѣ комиссіи созданъ органъ, куда можно будетъ отправлять ходяковъ съ изложеніемъ нуждъ. Въ общемъ же комиссія Шидловскаго вызвала огромное оживленіе въ рабочихъ кругахъ и въ то время повсюду, на квартирахъ, за работой, въ трактирахъ, на улицѣ рабочіе оживленно обсуждали вопросы, связанные съ ней, охотно посѣщали массовки, шли въ кружки, посѣщали легальныя собранія разныхъ союзовъ и вездѣ настойчиво ставили вопросы о своей тактикѣ въ этой комиссіи. На почвѣ этого сильнаго интереса, вызваннаго комиссіей, социалдемократической мѣстной группѣ удалось развить интенсивную агитацію и значительно расширить свою организацію. О самой организаціи я расскажу подробнѣе въ слѣдующей главѣ, а пока буду продолжать рассказъ о личныхъ впечатлѣніяхъ своихъ за этотъ періодъ повышеннаго интереса петербургскихъ рабочихъ ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ.

Въ началѣ социалдемократы были склонны пропагандировать воздержаніе, бойкотъ выборовъ въ комиссію Шидловскаго. Они хотѣли прежде всего потребовать осуществленія условий, дѣлающихъ возможными правильные выборы депутатовъ. Въ частности они выставили требованія неприкосновенности личности, свободы собраній и публичности засѣданій комиссій. Только при осуществленіи этихъ требованій они рекомендовали рабочимъ принимать участіе въ выборахъ. Но очень скоро оказалось, что хотя открытыхъ собраній рабочихъ не было, была все таки возможность вести довольно широкую выборную агитацію, и стало очевидно, что болѣе или менѣе успѣшнаго бойкота провести во всякомъ случаѣ не удалось бы. Къ тому же выборы въ комиссію представляли такую прекрасную почву для политической агитаціи, что сразу разрушать ее многимъ казалось нелѣпымъ. Въ виду этого немедленно по опубликованіи правилъ о выборахъ въ комиссію социалдемократы рѣшили начать интенсивную выборную кампанію и обходя нѣкоторыя избирательныя ограниченія, повсюду провести выборы выборщиковъ, и если окажется необходимымъ, и депутатовъ, но потомъ либо отказать отъ выборовъ депутатовъ, либо отъ участія въ комиссіи, если не будетъ удовлетворенъ рядъ общедемократическихъ требованій, обнимающихъ всѣ гражданскія права и объединяемыхъ въ основномъ требованіи созыва учредительнаго собранія. Какъ извѣстно, всю эту кампанію удалось провести по этому плану.

Мнѣ приходилось, какъ я уже указалъ, работать за это время за нарвской заставой, — на Путиловскомъ заводѣ, и за московской заставой. Кромѣ того въ самый горячій періодъ кампаніи приходилось

также вести продолжительныя бесѣды съ крайне отсталыми депутатами и рабочими россійско-американской резиновой мануфактуры.

Путиловскій заводъ съ его 13000 рабочихъ до январскихъ дней былъ однимъ изъ самыхъ отсталыхъ металлургическихъ заводовъ Петербурга. Число рабочихъ, посѣщавшихъ социалдемократическіе кружки, до этого періода никогда не превосходило тамъ человѣкъ 50. Это былъ, какъ я уже указалъ, народъ очень молодой: 2—3 человѣка лѣтъ 25, а всѣ остальные 17—20 лѣтъ. Въ противоположность социалдемократамъ, гапоновское движеніе захватило кадры самыхъ пожилыхъ рабочихъ, и во главѣ его стояла старая заводская рабочая аристократія, сравнительно хорошо зарабатывавшая, имѣвшая порой даже свои домишки при заводѣ и прочно въ немъ усѣвшаяся. Я вспоминаю свое пріятное изумленіе, когда я явился впервые въ трактиръ на собраніе гапоновскихъ рабочихъ вожаковъ и увидѣлъ передъ собой зрѣлыхъ самостоятельныхъ людей съ опредѣленнымъ отношеніемъ къ людямъ и событіямъ. Настроеніе ихъ было очень боевое: и они, подобно своимъ товарищамъ за невской заставой, были проникнуты глубокимъ разочарованіемъ по отношенію къ рабочей массѣ, и главный, если не единственный, способъ воздѣйствія на заводъ или администрацію для завоеванія уступокъ, видѣли въ фабричномъ террорѣ. Это рѣшительное настроеніе наиболѣе вліятельныхъ рабочихъ, ужасныя жертвы, понесенныя рабочими этого завода 9 января, въ связи съ крайне неискреннимъ отношеніемъ къ рабочимъ со стороны администраціи завода съ директоромъ Смирновымъ во главѣ, поддерживали на заводѣ состояніе постоянного недовольства, готоваго каждую минуту перейти въ забастовку. И если рабочіе въ своихъ многочисленныхъ стачкахъ лишь попутно ставили политическія требованія, то ясно было, что ихъ борьба не прекратится, пока не исчезнетъ весь режимъ со всѣми его стѣсненіями, которыя онъ ставитъ свободному развитію классовой борьбы. На заводѣ почти немедленно послѣ январскихъ событій были выбраны представители мастерскихъ, которые вели постоянные переговоры съ администраціей, добились отъ нея значительныхъ уступокъ, но заводская масса стачками постоянно толкала своихъ представителей на новыя требованія: регулярная производственная жизнь не могла установиться на заводѣ за весь 1905 г. Когда были объявлены выборы въ комиссію Шидловскаго, у путиловцевъ прежде всего возникъ вопросъ, выбирать ли новыхъ депутатовъ или поручить старымъ представительство заводской массы въ комиссіи. По этому вопросу были созваны массовки, онъ также обсуждался въ социалдемократическихъ кружкахъ, сильно разросшихся за это время, и было рѣшено, въ виду присутствія среди прежнихъ заводскихъ депутатовъ нѣкоторыхъ нежелательныхъ элементовъ, а также изъ агитаціонныхъ цѣлей, добиваться новыхъ выборовъ. При этомъ предполагалось на дворѣ завода созвать обширный митингъ и провести выборы подъ объединяющимъ всѣ требованія лозунгомъ созыва учредительнаго собранія. Администрация завода приняла съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы помѣшать какъ собранію, такъ и новымъ выборамъ вообще; она не сдѣлала необходимыхъ для выборовъ техническихъ приготовленій, вывѣсила лишь поздно объявленіе о выборахъ и послѣдніе дѣйствительно

прошли при очень значительномъ числѣ воздержавшихся рабочихъ. Съ своей стороны полиція приняла всѣ мѣры, чтобы помѣшать постороннимъ заводу элементамъ проникнуть въ заводъ. У воротъ завода были арестованы 3 агитатора, и такимъ образомъ большія собранія не могли состояться. Пишущему эти строки удалось, однако, проникнуть на заводъ и присутствовать на выборахъ въ трехъ мастерскихъ. Въ большей части мастерскихъ выборы прошли подъ значительнымъ влияніемъ социалдемократовъ, и кандидаты, намѣченные ими, въ большинствѣ были избраны. Если большихъ рѣчей почти нигдѣ не было, то во время выборовъ социалдемократическіе рабочіе вели усиленную агитацію за извѣстныхъ кандидатовъ и опредѣленную избирательную платформу. Для рабочаго состава социалдемократическихъ кружковъ характерно то, что всѣ кандидаты и выборные, кромѣ одного, не принадлежали къ партійной организаціи, и намъ приходилось агитировать за нѣкоторыхъ изъ нихъ даже безъ ихъ вѣдома. Кое съ кѣмъ изъ выборныхъ мы знакомились лишь передъ самыми выборами для того, чтобы подвергнуть первоначальному «экзамену» ихъ «сознательность». Своихъ же организованныхъ рабочихъ вслѣдствіе ихъ малой вліятельности на заводѣ не было никакой надежды проводить.

Въ виду этого агитація среди самихъ выборныхъ получила громадное значеніе. И она дѣйствительно велась нами съ большой энергіей. Мнѣ напр. ежедневно приходилось бывать на собраніяхъ выборныхъ, къ которымъ обыкновенно присоединялось не мало и другихъ рабочихъ. О политическомъ уровнѣ выборныхъ путиловскихъ можегъ дать нѣкоторое понятіе то, что наиболѣе интересующимъ ихъ вопросомъ было требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. На первыхъ бесѣдахъ приходилось прежде всего устанавливать тѣсную зависимость экономической борьбы отъ осуществленія гражданскихъ правъ и затѣмъ подробно и популярно выяснять сущность этихъ правъ. И лишь на послѣднихъ собраніяхъ въ качествѣ вѣнца требованій поставить созывъ учредительнаго собранія. Изъ выборныхъ немедленно выдѣлились крайне интересныя личности. Несомнѣннымъ лидеромъ выборныхъ путиловскаго завода является рабочій—слесарь К., лѣтъ 40—45, очень интеллигентный, много читавшій на своемъ вѣку, въ особенности по изящной литературѣ и литературной критикѣ, вполне осведомленный по вопросамъ русской публицистики и самъ писавшій стихи, очень красивые и грустные. Онъ былъ прекраснымъ ораторомъ, говорившимъ вполне литературнымъ языкомъ, и въ особенности превосходнымъ чтецомъ, и обыкновенно въ трактирѣ, на улицахъ, и въ особенности у себя дома собиралъ вокругъ себя народъ и либо говорилъ, либо артистически читалъ имъ. Дома у него постоянно толпился народъ и онъ усердно приглашалъ насъ къ себѣ, обыкновенно прибавляя при этомъ, что онъ уже успѣлъ все разказать, что зналъ, что онъ уже «надоѣлъ» своимъ слушателямъ, и потому новые люди должны его замѣнить. И дѣйствительно у него всегда можно было найти свѣжую, жадно ловившую слова оратора, аудиторию, относившуюся къ хозяину съ большимъ уваженіемъ. Самъ К. когда-то былъ высланъ изъ одной изъ центральныхъ губерній, на Путиловскомъ заводѣ работалъ года 3, сначала попалъ въ зубатовское общество, и

даже окончательно не порвалъ съ нимъ связей до послѣдняго времени и рассказывалъ намъ о разныхъ гнусныхъ мѣрахъ, которыя тамъ затѣвались противъ передовыхъ рабочихъ. Въ общемъ К. былъ несомнѣнно талантливая натура, но слишкомъ мало инициативная и недостаточна активная; получивши толчекъ, онъ временно увлекался, проявлялъ довольно широкую дѣятельность, но потомъ быстро уставалъ и по обыкновенію... выпивалъ. Послѣ кампаніи по поводу коммисіи Шидловскаго, онъ ушелъ отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ и, кажется, даже уѣхалъ изъ Петербурга.

Другой, хотя и менѣе одаренной, но психологически чрезвычайно интересной и привлекательной личностью былъ партійный кандидатъ въ выборные также слесарь К. Онъ былъ очень преданный, очень революціонно настроенный, вѣчно чего-то ищущій и неудовлетворенный, очень мало свѣдущій рабочій съ чисто интеллигентской душой. Долженъ прибавить еще, что онъ сильно пилъ. За этотъ періодъ онъ безпрерывно и безстрашно агитировалъ, гдѣ только могъ. Трудно было часто уловить точный смыслъ его рѣчей, но онъ всегда сильно возбуждалъ слушателей, подкупая ихъ своей искренностью и страстностью. Когда я однажды сталъ его убѣждать воздержаться отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, онъ меня мрачно выслушалъ и столь же мрачно отвѣтилъ, что ему скучно жить. Тогда же онъ мнѣ рассказалъ, что когда онъ впервые познакомился съ интеллигентами социалдемократами, они произвели на него громадное впечатлѣніе. Онъ убѣдился, говорилъ онъ, что «если есть на свѣтѣ такіе люди, то еще стоитъ жить на свѣтѣ». Онъ бросилъ тогда пить, посѣщалъ кружки, ходилъ на домъ къ интеллигентамъ, присматривался, предлагалъ вопросы и скоро... опять сталъ пить. Онъ увидѣлъ, говорилъ онъ, что большинство интеллигентовъ дѣлаетъ свое прекрасное дѣло не потому, что ихъ толкаетъ внутренняя сила, а главнымъ образомъ потому, что и имъ нужно отогнать скуку и наполнить чѣмъ нибудь свою жизнь. О себѣ онъ говорилъ, что ему хочется быстро спорѣть, и глубоко жалѣлъ, что социалдемократы, къ которымъ онъ относился съ огромнымъ уваженіемъ, не признаютъ террора, къ которому онъ себя считалъ наиболѣе приспособленнымъ.

На собраніяхъ выборныхъ Путиловскаго завода изъ общаго числа 26-и перебивало 22, и когда на послѣднемъ собраніи былъ прочитанъ манифестъ, выработанный мѣстной центральной группой, который приведенъ ниже, онъ съ восторгомъ былъ ими принятъ.

За московской заставой руководящимъ заводомъ былъ вагоностроительный, бывшій Рѣчкина, съ 4000 рабочихъ. И на этомъ заводѣ удалось провести прекрасный составъ выборныхъ. Главную роль въ агитаціи среди нихъ играли однако не партійные агитаторы, а рабочій—электротехникъ С., сначала совсѣмъ не связанный съ партіей, а потомъ въ процессѣ работы все болѣе и болѣе сближавшійся съ ней и впослѣдствіи даже вошедшій въ нее. Это былъ чрезвычайно энергичный и умный рабочій лѣтъ 30, почти ничего не читавшій въ своей жизни и вообще не любитель чтенія, но съ прекраснымъ темпераментомъ и необыкновенной активности. Выдвинувшись еще въ гапоновскіе дни, онъ часто появлялся въ толпѣ, устраивалъ огромныя

собрания на дворѣ завода, на неподалеку лежавшемъ путиловскомъ валу, говорилъ ярко, картинно и пользовался громаднымъ вліяніемъ. Было отдано распоряженіе арестовать его, но въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ онъ былъ неуловимъ, хотя чуть ли не ежедневно являлся въ заводъ, заставлялъ себѣ открывать его и устраивалъ собранія. Онъ первымъ попалъ въ выборщики отъ завода въ комиссію Шидловскаго и тогда сталъ расширять свою агитацію, перенесъ ее на неподалеку отъ завода расположенную большую мануфактуру механической обуви съ 3000—3500 рабочихъ. Всякія требованія, принимаемая заводомъ Рѣчкина, онъ пересылалъ въ мануфактуру, и на слѣдующій день получалъ обратно листъ, на которомъ краснымъ карандашомъ отмѣчались непонятныя требованія. Онъ возвращалъ листъ съ необходимыми разъясненіями и потомъ, когда во всемъ районѣ были избраны выборные, онъ устраивалъ правильныя общія собранія выборныхъ, и въ качествѣ предсѣдателя на этихъ собраніяхъ руководилъ всей агитаціонной работой за московской заставой. Онъ не ограничивался агитаціей среди однихъ выборныхъ, а старался всѣ рѣшенія коллегіи выборныхъ довести до свѣдѣнія рабочихъ на большихъ собраніяхъ. Для того, чтобы защитить его отъ ареста, его обыкновенно до заставы сопровождала большая толпа рабочихъ, а тамъ онъ всегда искусно исчезалъ. Во всей этой работѣ онъ, конечно, дѣйствовалъ въ согласіи съ социалдемократической районной организаціей, но все время оставался душой движенія. Онъ же провелъ приводимый ниже социалдемократическій манифестъ на общемъ собраніи выборныхъ района.

Чтобы дать понятіе о настроеніи болѣе отсталыхъ круговъ петербургскихъ рабочихъ за этотъ періодъ, расскажу еще свои наблюденія надъ тѣмъ, какъ реагировали на комиссію Шидловскаго рабочіе російско американской резиновой мануфактуры. Это громадное предпріятіе, насчитывающее около 8000 рабочихъ, изъ которыхъ лишь 600—700 квалифицированныхъ, до сихъ поръ всегда очень слабо реагировало на общественныя событія и въ исторіи рабочаго движенія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Независимо отъ общаго низкаго культурнаго уровня большинства рабочихъ, этому способствовала еще и широкая черносотенная агитація, которую вела и ведетъ администрація завода, состоящая преимущественно изъ «истинно русскихъ» иностранцевъ. Социалдемократы имѣли на этомъ заводѣ лишь нѣсколько кружковъ молодыхъ рабочихъ, вліяніе которыхъ на остальную массу было равно нулю. Гапоновское движеніе возбудило было сильный интересъ, привлекло въ качествѣ дѣятельныхъ членовъ группы матеріально лучше поставленныхъ рабочихъ и въ качествѣ обыкновенныхъ посѣтителей собраній нѣсколько сотъ другихъ наиболѣе отзывчивыхъ рабочихъ, но послѣ 9 января реакція въ этомъ предпріятіи была особенно упорная. Не безъ участія администраціи здѣсь усиленно распространялись слухи, что деньги гапоновскихъ отдѣловъ были присвоены отдѣльными гапоновцами, что движеніе потерпѣло крахъ благодаря студентамъ и социалистамъ, выкинувшимъ красныя флаги и тѣмъ вынудившимъ правительство прибѣгнуть къ разстрѣламъ. Всѣ эти клеветы вмѣстѣ съ арестами и увольненіями болѣе сознательныхъ рабочихъ настолько испугали и сбили съ толку рабочихъ, что послѣ

9 января исчезъ всякій живой духъ на заводѣ, хотя, несомнѣнно, взбудораженное всѣми необычайными событіями чувство рабочихъ и этой мануфактуры, какъ и рабочихъ всего Петербурга, окончательно улечься не могло и нуженъ былъ лишь новый толчекъ, чтобы снова вызвать сильное броженіе. Такимъ толчкомъ и послужилъ указъ о созывѣ комиссіи Шидловскаго. Но въ массѣ рабочихъ резиновой мануфактуры, состоявшей главнымъ образомъ изъ недавно сидѣвшихъ на своей землѣ крестьянъ, вѣра въ комиссію была большая. Здѣсь подробно говорили о тѣхъ бѣдахъ, о которыхъ нужно будетъ черезъ ходоковъ—депутатовъ довести до свѣдѣнія «его превосходительства, сенатора Шидловскаго», и искренно надѣялись, что уже теперь, черезъ сенатора, рабочія бѣды будутъ услышаны, гдѣ слѣдуетъ. Словомъ настроеніе было крайне оптимистическое, и болѣе всего здѣсь настаивали на томъ, чтобы не ставить рѣзкихъ и широкихъ требованій, чтобы не допустить къ себѣ крамольниковъ, которые снова могутъ лишь увлечь рабочихъ на несправедные пути.

Выборы между тѣмъ приближались, въ каждомъ отдѣленіи мануфактуры были заранѣе намѣчены выборные,—то были наиболѣе пожилые и старые рабочіе; до рабочихъ мануфактуры все чаще стали доходить слухи о собраніяхъ на другихъ заводахъ, о прошеніяхъ, которыя посылались Шидловскому, о разговорахъ, которые съ нимъ имѣли выборные, и резиновцы съ своей стороны стали опасаться, что они «прозѣваютъ» ожидавшихся отъ комиссіи благодѣяній. Намѣченные выборные стали собираться съ другими вліятельными рабочими и обсуждать, что имъ предпринять, но по необходимости ли, или вообще по некультурности, ни до чего толкомъ не могли договориться. Пробовали было немногочисленные рабочіе социалдемократы этого завода привести свою агитаторшу на одно такое обсужденіе, но лишь только собраніе увидѣло передъ собой человѣка съ крамольной фізіономіей курсистки, какъ оно болѣе чѣмъ на $\frac{3}{4}$ уменьшилось: всѣ старые и вліятельные рабочіе немедленно искали спасенія отъ крамолы въ бѣгствѣ. Положеніе создалось такимъ образомъ довольно затруднительное.

При такихъ-то обстоятельствахъ мнѣ случайно удалось проникнуть къ резиновцамъ. На одномъ изъ собраній, когда они горевали, что у нихъ ничего толкомъ не выходитъ, одна недавно поступившая къ нимъ работница, умная и энергичная дѣвушка, которая вела знакомство съ социалдемократическими рабочими—путиловцами, предложила собранію привести къ нимъ своего брата, выборнаго Путиловскаго завода, человѣка уже не молодого, токаря и «умницу» («онъ у меня четыре класса городского кончилъ»), который и расскажетъ, какъ взялись за дѣло путиловскіе рабочіе. Предложеніе было охотно принято и на слѣдующій день въ качествѣ брата работницы «умницы и путиловскаго токаря» попалъ къ нимъ на собраніе и авторъ этихъ строкъ. Послѣ этого мнѣ приходилось съ ними имѣть частыя и продолжительныя бесѣды. Оказалось, что и въ ихъ средѣ, въ особенности среди квалифицированныхъ рабочихъ ремонтной слесарной мастерской, были люди, много читавшіе и очень мыслящіе и пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ за умъ и познанія. Но какъ

мнѣ приходилось не разъ уже замѣчать въ другихъ мѣстахъ, это были по большей части люди мало активные: они настолько дорожили своей «умственностью», настолько поглощены были своей духовной жизнью и въ то же время имъ такъ нравилось ихъ положеніе общепризнаваемого всей массой «умственного» авторитета, что въ мелкія дѣла «міра сего» они очень мало вмѣшивались. Были также среди рабочихъ и люди, выдавшіе разные виды и лучшія времена, потерпѣвшіе крушеніе на другихъ поприщахъ и стоявшіе значительно выше остальной массы, но къ нимъ большого довѣрія не было. Правда, всѣ эти люди въ бурные періоды выдвигались и даже становились во главѣ массы, но проходилъ острый моментъ, и прежняя, воспитанная всей русской жизнью, неактивность снова брала свое и они снова уходили въ свой уголъ. Вліяніемъ въ своей средѣ пользовались обыкновенно люди, не блещущіе познаніями, но сильные, умѣвшіе ладить съ администраціей, но никогда не терявшіе собственного достоинства и, способные въ нужные моменты показать ей острые зубы и настоять на своемъ, въ особенности хорошо знающіе свое ремесло рабочіе. Къ мнѣнію такихъ людей прислушивался весь заводъ и они задавали тонъ. Большинство выборныхъ состояло также изъ этихъ элементовъ, хотя были единичные представители и первыхъ двухъ категорій.

На первомъ собесѣдованіи резиновскіе депутаты засыпали меня своими требованіями, составлявшими злобу дня на заводѣ, и раскрыли такую картину не только экономической эксплуатаціи, но и моральныхъ стѣсненій, и при этомъ обнаружили такую вѣру въ то, что «сенаторъ» за нихъ заступится, что приходилось долго убѣждать ихъ въ томъ, что безъ правъ, создающихъ для рабочихъ возможность соединяться и совмѣстно обсуждать дѣла, никакія серьезныя улучшения не прочны. На второмъ собраніи они охотно приняли предложеніе обратиться къ Шидловскому съ письмомъ, заключающимъ въ себѣ требованія элементарныхъ гражданскихъ правъ. Я настоялъ однако на томъ, чтобы письмо до посылки было прочитано и распространено на заводѣ. Письмо съ требованіями было отбито на пишущей машинкѣ въ 4—5 экземплярахъ, и выборные стали показывать это письмо рабочимъ. Нѣкоторые рабочіе раньше, чѣмъ приступить къ чтенію, спрашивались, не нелегальный ли это листокъ, другіе высказывали недовольство, что въ письмѣ нѣтъ достаточной почтительности къ сенатору (не было обращенія «Ваше превосходительство», не было сказано «покорнѣйше просимъ», а «требуемъ») просили смягчить рѣзкія, по ихъ мнѣнію, выраженія, но въ общемъ большинство рабочихъ одобрило содержаніе письма. Письмо на слѣдующемъ нашемъ собраніи было на половину смягчено, и въ такомъ видѣ отправлено Шидловскому. Въ процессѣ нашихъ общихъ собесѣдованій выборные все расширяли свои требованія, охотно присоединились къ общимъ требованіямъ того времени, но учредительное собраніе приняли скорѣе изъ вѣжливости, чѣмъ отъ внутренняго убѣжденія. Въ общемъ однако мысль рабочихъ настолько сильно прогрессировала, что даже эти отсталые представители отсталыхъ рабочихъ болѣе, чѣмъ оправдали мои надежды. Мнѣ пришлось видѣть ихъ на общемъ собраніи выборщиковъ въ народномъ домѣ графини Паниной, и ока-

залось, что мои резиновскіе выборщики поддались общему боевому настроенію и обнаружили такую сознательность и пониманіе значенія всей затѣи Шидловскаго, что я ихъ просто не узнавалъ.

Въ остальной части Петербурга выборы дали приблизительно тѣ же результаты. Почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ былъ выбранъ народъ наиболѣе передовой и сознательный. Организованныхъ социалдемократовъ былъ лишь самый незначительный процентъ. Нѣсколько большій успѣхъ послѣдніе имѣли на Васильевскомъ островѣ и на отдѣльныхъ заводахъ за невской заставой. Но идейное вліяніе социалдемократіи было, повторяю, рѣшающее, и агитація среди выборщиковъ велась ею очень интенсивно и успѣшно. Большинство выборщиковъ приняло манифестъ, выработанный мѣстной центральной социалдемократической группой.

Когда результаты выборовъ стали извѣстны, центральная группа постановила рекомендовать выборнымъ выбирать депутатовъ въ комиссію, но лишь для того, чтобы депутаты явились на первое ея собраніе, провозгласили свои болѣе гражданскія требованія, и по полученіи несомнѣнно отрицательнаго отвѣта въ томъ смыслѣ, что комиссія не уполномочена обсуждать этихъ вопросовъ,—отказались бы отъ дальнѣйшаго участія въ комиссіи и удалились. Группа выработала и соотвѣтствующій манифестъ, который она и рѣшила предложить депутатамъ прочесть въ комиссіи передъ ихъ удаленіемъ. Привожу этотъ манифестъ цѣликомъ, какъ чрезвычайно характерный документъ для выясненія всей тактической позиціи и содержанія агитаціи меньшевистской организаціи въ Петербургѣ за это время. Манифестъ этого гласитъ:

...«Неслыханныя бѣдствія терзаютъ нашу родину. Второй годъ длится кровопролитнѣйшая, невиданная міромъ, война. Изъ дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ истребляются сотни тысячъ жизней, погибающихъ въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ. Сотни тысячъ семействъ, лишенныхъ кормильцевъ, обрекаются на голодную смерть. Каждый выбитый изъ строя солдатъ—это пущенная по міру семья.

«Хозяйственная жизнь страны пріостанавливается. Сокращается работа на фабрикахъ и заводахъ. Тысячи, десятки тысячъ рабочихъ выбрасываются на улицу. Земля, отъ которой отрывается работникъ-крестьянинъ, остается невоздѣланной. Насъ ждетъ еще такой голодъ, такой неурожай, какого даже наша многоизвѣдавшая Русь не видала. Или смерть на войнѣ отъ непріятельской руки, или смерть здѣсь дома отъ голода и безработицы—вотъ участь милліоновъ нашего народа.

«Кто вызвалъ эту ужасную войну? Кому она нужна была?

«Единственнымъ ея виновникомъ мы считаемъ правительство. Оно вызвало войну, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ неурядицъ. Война ему понадобилась, чтобы блескомъ военной славы ослѣпить волнуемую народную массу, чтобы громкими побѣдами заставить ее забыть о своихъ невзгодахъ и страданіяхъ.

«Но правительство ошиблось въ разсчетѣ.

«Какъ это случилось уже не разъ съ другими государствами, какъ это уже случилось съ Россіей въ Крымскую кампанію, война

только обнаружила внутреннюю гниль, полную неспособность самодержавной бюрократии управлять государствомъ. Милліарды денегъ они затрачивали на устройство и вооруженіе флота, на содержаніе безчисленнаго войска. По количеству солдатъ ни одна страна въ мірѣ не можетъ съ нами сравниться. И тѣмъ не менѣе съ самаго начала войны до настоящаго дня мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ, одно крупнѣе другого. Маленькая Японія, населеніе которой въ три раза, а занимаемая площадь въ 50 разъ меньше Россіи, оказалась во много разъ сильнѣе первой по военному могуществу мировой державы.

«И еще въ одномъ отношеніи ошиблось правительство. Народъ не забылъ своихъ страданій. Напротивъ. Война, увеличивая эти страданія, явилась могучимъ рычагомъ, развивающимъ его сознаніе. То, чего такъ не хотѣло правительство, наступило противъ его воли. Съ каждымъ днемъ умножается число тѣхъ, которые начинаютъ понимать, гдѣ корень нашихъ несчастій, кто виновникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. И скоро не останется ни одного человѣка на Руси, который не зналъ бы по имени этого виновника... имя его—*самодержавіе*.

«Сначала робко и одиноко потомъ смѣлѣе, шире и требовательнѣе стали раздаваться голоса недовольства. Заговорила либеральная печать. Зашумѣли либеральные банкеты. Посыпались резолюціи отъ разнаго рода обществъ. Потребовали реформъ, конституціи... «Все-подданѣйше припадая къ стопамъ Его Величества», часть земскихъ учрежденій высказалась за реформы политической жизни, за земскій соборъ. О необходимости политической свободы заявили московское купечество и петербургскіе фабриканты. Всеобщей забастовкой поддерживаетъ свое требованіе коренного политическаго переустройства все русское студенчество.

«Рѣшительнѣе и грознѣе всѣхъ высказался рабочій классъ. Первымъ поднялся петербургскій пролетаріатъ. А за нимъ съ поразительнымъ единодушіемъ выступили рабочіе массы всей Россіи. Противъ всероссійскаго самодержца сталъ лицомъ къ лицу всероссійскій пролетаріатъ...

«Злодѣйская бойня, устроенная правительствомъ въ отвѣтъ на мирное выступленіе рабочаго класса, превзошла всѣ его прежнія преступленія. Улицы почти всѣхъ городовъ Россіи снова, и на этотъ разъ обильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, оросились пролетарской кровью. Тысячи убитыхъ, тысячи раненыхъ,—вотъ чѣмъ заплатилъ рабочій классъ за попытку выразить свое недовольство.

«Общее положеніе нашей родины таково: полное разстройство всей народнохозяйственной и государственной жизни. Всѣ силы народныя истребляются двоякаго рода войной—внѣшней и внутренней: войной съ Японіей на далекихъ поляхъ Манчжуріи и войной съ русскимъ народомъ на нашихъ родныхъ нивахъ. На одной сторонѣ—самодержавное правительство, темная шайка грабителей, безжалостно расхищающихъ народное тѣло, на другой—весь русскій народъ и, какъ передовая его часть, революціонный рабочій классъ Россіи.

«Гдѣ выходъ изъ этого положенія? Какъ разрѣшить этотъ всеобщій государственный кризисъ?

«Самодержавіе ищетъ этотъ выходъ въ разнаго рода комиссіяхъ съ правленіемъ «свѣдущихъ лицъ изъ общества». Сегодня оно устроило комиссію «для составленія новаго устава о печати», комиссію «для разработки правилъ о полномочіяхъ правительственныхъ органовъ». Завтра оно «учредитъ» еще подобныя совѣщательныя комиссіи. Такую же комиссію «для выясненія причинъ нашего недовольства», послѣ кровавыхъ январскихъ дней, правительство даровало рабочимъ. Страна жаждетъ безотлагательнаго и кореннаго политическаго переустройства, а правительство подобными полумѣрами хочетъ *примирить* съ собою негодующую народную совѣсть. Неспособность самодержавія сдѣлать чтобы то ни было для блага родины стала ясна для всѣхъ, а оно все еще пытается удержать власть въ своихъ рукахъ. Самодержавіе научило насъ недовѣрчиво относиться къ его начинаніямъ. Еслибы у насъ еще осталась капля вѣры въ искренность правительства, то отвѣтъ его на требованія, выставленныя нами по поводу выборовъ депутатовъ въ комиссію, открылъ глаза самому довѣрчивому изъ насъ. Мы требовали свободы предвыборной агитаціи, мы хотѣли столковаться о нашихъ нуждахъ. Намъ этого не дали. Мы требовали освобожденія нашихъ депутатовъ, — этого требованія не удовлетворили. Мы хотѣли прямыхъ и честныхъ выборовъ, ихъ намъ не дали. Еще и еще разъ самодержавіе показало, что, покуда оно существуетъ, невозможны свободы мысли и слова, невозможно отстаивать и защищать свои интересы.

«Петербургскіе рабочіе рѣшили воспользоваться представившимся случаемъ, приглашеніемъ въ эту комиссію, чтобы заявить черезъ насъ передъ лицомъ всей Россіи свои требованія. Мы боремся за восьми часовую рабочій день, мы желаемъ фабричной инспекціи, составленной изъ представителей рабочаго класса, намъ нужно такое государственное страхование, при которомъ будутъ соблюдены ихъ интересы.

«Далѣе мы требуемъ немедленнаго прекращенія войны, свободы собраній, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы союзовъ и стачекъ, свободы совѣсти и неприкосновенности личности и жилища. дароваго всеобщаго народнаго образованія, мы требуемъ широкаго народнаго управленія.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы, представители петербургскаго пролетаріата, непоколебимо убѣждены въ томъ, что единственный способъ удовлетворить всѣ эти требованія, какъ и единственный выходъ изъ современнаго политическаго положенія, — немедленная передача государственной власти въ руки народа. Мы твердо увѣрены въ томъ, что единственнымъ спасителемъ нашей родины можетъ быть самъ народъ. Онъ самъ можетъ быть кузнецомъ своего счастья. Онъ долженъ взять свою судьбу въ собственныя руки.

«Отъ имени насъ избравшихъ мы требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Только такое собраніе выработаетъ новый государственный порядокъ, въ которомъ рабочій классъ, вооруженный всѣми политическими правами, сѣмъ повести

дальнѣйшую борьбу за свое полное освобожденіе отъ всякаго рода гнета и эксплуатаціи, за освобожденіе всего человѣчества.»

Предполагалось, повторяю, что это заявленіе будетъ прочтено депутатами на первомъ засѣданіи комиссіи, передъ ихъ уходомъ, но настроеніе выборныхъ оказалось болѣе революціоннымъ, чѣмъ мы предполагали. На общемъ собраніи всѣхъ выборщиковъ, состоявшемся наканунѣ выбора депутатовъ, было рѣшено послать Шидловскому ультимативныя требованія элементарныхъ свободъ, безъ предварительнаго осуществленія которыхъ рабочіе отказывались приступить къ выборамъ. Собраніе это прошло въ крайне приподнятомъ настроеніи. Застрѣльщиками являлись рабочіе металлургической промышленности, которые увлекли за собой громадное большинство остальныхъ выборныхъ. Небольшая группа выборныхъ Ушаковцевъ, встрѣченная негодующими криками собранія, публично отреклась отъ своего прошлаго и громогласно заявила, что и они всѣ присоединяются къ политическимъ требованіямъ. Въ центральной социалдемократической группѣ рѣшено было въ день перваго засѣданія комиссіи призывать рабочихъ къ стачкѣ для манифестированія солидарности всей рабочей массы со своими представителями. Это предложеніе было принято противъ другаго предложенія, рекомендующаго объявить забастовку тогда, когда неудовлетворенные депутаты удалятся изъ комиссіи. Предложеніе это обсуждалось рабочими въ разныхъ районахъ и во многихъ изъ нихъ было принято лишь потому, что первый день засѣданія предполагался 19 февраля, и рабочіе съ воодушевленіемъ высказывались за празднованіе этого историческаго дня. 18 февраля назначены были выборы по секціямъ; отвѣта на свои требованія отъ Шидловскаго рабочіе конечно не получили и во всѣхъ секціяхъ, кромѣ двухъ, отказались отъ выбора депутатовъ. Выборные покинули выборныя собранія возбужденные, съ криками, «это новый обманъ!» «Товарищи, бастуйте!» и разошлись по районамъ, чтобы призвать рабочихъ къ стачкѣ. Стачка была почти всеобщая, и хотя снова рабочіе толковали преимущественно объ экономическихъ нуждахъ, но на этотъ разъ требованіе учредительнаго собранія было гораздо болѣе популярно въ массахъ, чѣмъ когда либо раньше.

С. Сомовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“.

(Изъ воспоминаній).

Лѣтомъ 1882 года, когда я уже совсѣмъ собрался уѣзжать изъ Парижа въ Марсель, откуда съ ожидавшимъ меня тамъ Н. Судзиловскимъ мы должны были отправляться дальше въ Константинополь, я вдругъ получилъ телеграмму отъ Михаила Петровича Драгоманова: онъ звалъ меня въ Женеву «по очень важному дѣлу». Въ телеграммѣ не было сказано въ чемъ именно состояло дѣло; но такъ какъ Драгоманову извѣстно было мое плачевное матеріальное положеніе и то обстоятельство, что я приготовился уѣзжать изъ Франціи, и слѣдовательно совсѣмъ не имѣлъ ни свободного времени, ни лишнихъ денегъ, и разъ, несмотря на все это, онъ все же звалъ, то для меня это служило доказательствомъ того, что на самомъ дѣлѣ было какое то очень важное дѣло, а потому, не мѣшкая, съ ближайшимъ же поѣздомъ я отправился въ Женеву.

Въ Женевѣ на квартирѣ Драгоманова я былъ представленъ какому то господину, съ свей стороны рекомендовавшемуся мнѣ подъ польской фамиліей, которую съ точностью не могу теперь припомнить ¹⁾. Такъ какъ, по его словамъ, у него въ Петербургѣ имѣлось гдѣ то гидро-терапевтическое заведеніе, то я буду называть его просто «Докторомъ», хотя былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ докторъ или нѣтъ, я этого утверждать не могу. То былъ человѣкъ на видъ лѣтъ около сорока, полный, бѣлобрысый, въ золотыхъ очкахъ. Съ первыхъ же словъ онъ заявилъ, что состоитъ членомъ организациі «Добровольной Охраны», во главѣ которой стоитъ Шуваловъ (при этомъ, помню, онъ подчеркнул имя *Петра* Шувалова въ отличіе отъ какого то другого Шувалова) и что пріѣхалъ онъ изъ Петербурга за границу съ тою цѣлью, чтобы отыскать пути къ «Исполнительному Комитету» для вступленія съ нимъ въ соглашеніе. На вопросъ, — что за организациа «Добровольная Охрана» и каковы ея цѣли, — Докторъ разсказалъ, что въ правительственныхъ, придворныхъ кругахъ существуетъ два теченія — враждебныя, борющіяся между собою, — реакціонное и либеральное, и что либеральное теченіе, поставившее своей цѣлью проведеніе конституціонной реформы въ Россіи, именно и создало организацию «Добровольной Охраны»; а самое названіе «Охраны» организациа присвоила потому, что ближайшей задачей своей ставитъ охрану Царя отъ убійства, которымъ угрожаютъ ему революціонеры. При

¹⁾ Я почти увѣренъ теперь, что фамилія его была *Ночинскій*, но я долженъ объяснить, что эта увѣренность сложилась у меня окончательно послѣ того, какъ я вступилъ эту фамилію въ журналѣ «Былое».

этомъ Докторъ напиралъ на то обстоятельство, что не должно смѣшивать «Добровольной Охраны» съ обыкновенной полицейской охраной, окружающей Царя, такъ какъ если полиція свои усилія направляетъ на то, чтобы переловить такъ называемыхъ злоумышленниковъ, то «охранцы» никоимъ образомъ не ставятъ себѣ подобной задачи. «Въ опасные моменты говорилъ Докторъ—охранцы просто на просто окружаютъ Царя, не подпускаютъ къ нему никого посторонняго и защищаютъ его такъ сказать собою, своими собственными тѣлами. И если замѣтятъ злоумышленника, то не будутъ предавать его полицейскимъ властямъ, а возмутъ за руку и отведутъ въ сторону». Здѣсь я долженъ оговориться, что въ безусловной подлинности приводимыхъ мною словъ и выражений—конечно я не могу ручаться. Но въ какомъ видѣ воскресаетъ теперь въ моей памяти все происходившее—въ такомъ именно видѣ я и передаю.

Такъ какъ члены «Исполнительнаго Комитета» внутри Россіи держались конспиративно и не было никакой возможности вступить съ ними въ прямые сношенія, то поэтому «охранцы» намѣтили трехъ лицъ за границей, какъ посредниковъ для предполагаемыхъ переговоровъ, и съ этими тремя лицами Докторъ и долженъ былъ видѣться и начать переговоры. Эти три лица были: Михаилъ Петровичъ Драгомановъ, Петръ Лавричъ Лавровъ и я. Почему выборъ палъ на Драгоманова и Лаврова само собою понятно: то были самые видные представители нашей заграничной прессы, и слѣдовательно «охранцы» имѣли основаніе считать ихъ вліятельными среди революціонеровъ; но почему намѣченъ былъ я—нахожу нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя разъясненія. Въ то время почти всѣ наши эмигранты, проживавшіе въ г.г. Женевѣ и Парижѣ, были лица, покинувшія Россію значительно раньше народовольческаго періода; я же бѣжалъ за границу уже послѣ царевубійства; это обстоятельство повидимому давало основаніе «Охранцамъ» предполагать, что у меня имѣлись прямая связи съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», а это имъ и нужно было.

Правда, мѣсяца четыре передъ тѣмъ въ Парижъ пріѣхала Марина Никаноровна¹⁾, только что эмигрировавшая изъ Россіи, но свой пріѣздъ она до того законспирировала, что о ней знали только самые близкіе люди. Тихомирова же въ ту минуту, кажется, еще совсѣмъ не было за границей, по крайней мѣрѣ, на сколько мнѣ извѣстно появился онъ только осенью 1882 года, а то, о чѣмъ я рассказываю, происходило лѣтомъ.

Но «охранцы» ошибались относительно меня: прямыхъ сношеній съ «Исполнительнымъ Комитетомъ» у меня не было. Поэтому вмѣсто себя я предложилъ ввести въ переговоры Марину Никаноровну, а для этого нужно было мнѣ обратнo ѣхать въ Парижъ. Переговоривши обо всѣмъ съ Драгомановымъ, мы такъ и рѣшили сдѣлать; въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ Докторъ и я отправились въ Парижъ.

Я долженъ сказать, что въ то время я переживалъ очень тя-

¹⁾ Подъ псевдомъ Марины Никаноровны Полонской въ Парижѣ жила извѣстная дѣятельница партіи Народной Воли Марія Николаевна Оловенникова-Ошанина-Баранникова.
Ред.

желое настроеніе: разбитый въ своихъ революціонныхъ вѣрованіяхъ, въ замѣну ихъ я еще не успѣлъ выработать никакихъ твердыхъ, опредѣленныхъ взглядовъ. Правда, мнѣ удалось уже отрѣшиться отъ прежней исключительности и на добро, какъ бы мало оно ни было, я сталъ смотрѣть какъ на добро, а не какъ на зло; я уже отдѣлался отъ той теоріи, согласно которой реформы выходили вредны, а не полезны, такъ какъ онѣ притупляли у народа чувство ненависти къ своимъ угнетателямъ, тогда какъ нужно было стремиться къ обостренію этихъ чувствъ; я уже сознавалъ, что уступки со стороны правительства, хотя бы даже незначительныя, все же были плюсомъ для дальнѣйшаго прогресса, и потому я сочувствовалъ предложенію Доктора, мнѣ очень хотѣлось, чтобы люди какъ нибудь согласились, договорились до чего нибудь, чтобы хоть капельку чего то лучшаго возможно было добиться. Съ такимъ чувствомъ я ѣхалъ въ Парижъ.

Въ Парижъ нашъ поѣздъ прибылъ раннимъ утромъ. Докторъ остановился въ отелѣ; я же, чтобы не застать Петра Лаврича еще въ кровати, сначала побродилъ немного по улицамъ и бульварамъ, и потомъ зашелъ къ нему. Сообщивши въ общихъ чертахъ о дѣлѣ, я предложилъ ему пойти вмѣстѣ къ Маринѣ Никаноровнѣ, чтобы условиться, гдѣ и въ которомъ часу должна была произойти встрѣча съ Докторомъ. У Марины Никаноровны опять разсказалъ сущность дѣла и затѣмъ, договорившись собраться спустя часъ времени на квартирѣ Петра Лаврича, куда я долженъ былъ привести Доктора, я отправился въ отель за Докторомъ.

Но вотъ мы и собрались уже у Петра Лаврича на его безсмѣнной квартирѣ въ улицѣ St Jacques. Петръ Лавричъ помѣстился въ креслѣ за своимъ длиннымъ рабочимъ столомъ; Марина Никаноровна стояла сзади его; Докторъ съ низко стриженной, бѣлобрысой головой сѣлъ на стулѣ и, поворотившись лицомъ къ Петру Лавричу и блестя золотыми очками, принялся излагать все по порядку. Онъ началъ съ заявленія о томъ, что онъ членъ организаціи, называющейся «Добровольная Охрана», разъяснилъ какого рода была эта организація, каковы были ея цѣли, составъ (не помню, чтобы упоминалъ и въ этотъ разъ кого либо еще кромѣ Шувалова) и пр. Однимъ словомъ повторилъ то, что я уже передалъ выше. Но теперь изъ его словъ для меня яснѣе очертился характеръ борьбы, ведшейся партіями при дворѣ царя. Обѣ партіи, преслѣдуя различныя цѣли, одна—реакціонная, другая—либеральная, для достиженія этихъ своихъ цѣлей шли однимъ и тѣмъ же путемъ, держались одного и того же средства, именно стать къ царю ближе своихъ противниковъ. Такъ что все дѣло сводилось къ тому, которой изъ двухъ партій удастся заручиться большимъ довѣріемъ у царя Александра III. «Подъ страхомъ угрозы «Исполнительнаго Комитета», говорилъ далѣе Докторъ—Царь легко можетъ склониться въ сторону реакціонеровъ. Чтобы уменьшить ихъ шансы на успѣхъ, «Охранцы» рѣшили войти въ переговоры съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», убѣдить «Исполнительный Комитетъ» такъ сказать кассировать свой смертный приговоръ надъ царемъ Александромъ III.» «Охранцы» надѣялись, что когда Александръ III не будетъ ощущать занесенной надъ собою руки револю-

ціонеро́въ, то имъ возможно будетъ удержать свое вліяніе при Дворѣ и провести извѣстныя политическія реформы. При этомъ Докторъ высказалъ увѣренность, что конституцію желаютъ всѣ въ Россіи и вѣроятно точно также и социалисты. Но Петръ Лавричъ на это сталъ возражать. «Безъ всякаго сомнѣнія социалисты ставятъ въ свою программу завоеваніе свободы, говорилъ онъ, но свобода, къ которой стремятся социалисты-революціонеры, ничего общаго не имѣетъ съ конституціей, которая нужна буржуазіи, такъ какъ истинная свобода не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена экономическая эксплоатація». Потомъ Петръ Лавричъ сталъ укорять русскихъ либераловъ за то, что они мало дѣятельны, не энергичны, не предпринимають рѣшительныхъ мѣръ для осуществленія своей программы. Я не буду передавать всего того, что было сказано тогда Лавровымъ; знакомому съ революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ извѣстенъ, конечно, установившійся тогда взглядъ на политическую свободу, котораго держался покойный Лавровъ. Но того ли самаго взгляда на политическую свободу держался въ 1882 году и «Исполнительный Комитетъ», не знаю; помню только, что присутствовавшая при этомъ Марина Никаноровна ни однимъ словомъ не обмолвилась.

Такимъ образомъ предложеніе «Добровольной Охраны», какъ это выяснилось для меня на этомъ собраніи, состояло въ томъ, чтобы «Исполнительный Комитетъ» снялъ съ царя свой приговоръ (объявленный въ одной изъ прокламацій, не помню когда и по поводу чего выпущенной «Исполнительнымъ Комитетомъ»), о чемъ и долженъ былъ опубликовать; «охрана» же съ своей стороны надѣялась провести конституціонную реформу въ Россіи.

Но разговаривая съ нами отъ лица «Добровольной Охраны», Докторъ не могъ, конечно, не понимать того обстоятельства, что для насъ, непосвященныхъ въ придворныя тайны, эта представляемая имъ «охрана» могла казаться просто таки мифомъ, вымысломъ; правда, чтобы сколько нибудь легализировать такъ сказать ее въ нашихъ глазахъ, онъ упоминалъ о томъ, что въ ней принимаетъ участіе Шуваловъ, но сущность дѣла отъ упоминанія одного имени мало измѣнялась; не знаю, замѣтилъ ли Докторъ у кого либо изъ присутствовавшихъ сомнѣніе, или же все это раньше было имъ обдуманно, но вотъ какъ онъ пошелъ на встрѣчу этому щекотливому положенію вещей. «Мое положеніе, господа, выгодное вашего, замѣтилъ онъ; я знаю, кто вы всѣ. Но я для васъ неизвѣстная величина и слѣдовательно ко всему тому, что я здѣсь говорю и предлагаю, вы имѣете основаніе относиться съ недоувѣріемъ. Чтобы вы могли увѣриться въ томъ, что наша организація представляетъ дѣйствительную силу, я предлагаю слѣдующее доказательство: кого хотите изъ эмигрантовъ «Добровольная Охрана» возьмется легализировать и дастъ возможность воротиться въ Россію». Исключенію подлежали только двое: П. Кропоткинъ, легализація котораго невозможна была, на сколько припоминаю, по словамъ Доктора, по той причинѣ, что о немъ въ самыхъ высшихъ сферахъ составилось мнѣніе, какъ о весьма опасномъ человѣкѣ, и еще кто то, но я забылъ кто именно.

Вотъ болѣе или менѣе все, что тогда говорилось на этомъ собраніи.

Сколько разъ послѣ того еще собирались и бесѣдовали съ Докторомъ, введенъ ли былъ еще кто нибудь изъ эмигрантовъ въ эти переговоры и до чего въ концѣ концовъ договорились, рассказать не могу, такъ какъ своимъ отъѣздомъ изъ Франціи я совершенно устранилъ себя отъ дальнѣйшаго участія въ переговорахъ. Я въ тотъ же день уѣхалъ изъ Парижа.

Прошло послѣ того четыре года. Мнѣ случилось жить въ Женевѣ. Въ этотъ свой пріѣздъ я близко сошелся и полюбилъ Михаила Петровича Драгоманова. Одно время чуть не всякій день, когда только погода позволяла, онъ съ своимъ пятилѣтнимъ сыномъ, а я съ со-всѣмъ еще маленькой дочкой на рукахъ или въ колясочкѣ выходили на прогулки и гуляли вмѣстѣ по окрестностямъ Женевы. Собесѣдникъ онъ былъ удивительный, благодаря его огромной памяти и обширнымъ знаніямъ; всякій разъ что нибудь новое можно было отъ него услышать; всегда уравновѣшенный, бодрый, онъ вызывалъ такое же бодрящее чувство и у другихъ, съ кѣмъ сталкивался. Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ Доктора пріѣзжалъ еще какой то господинъ отъ «Добровольной Охраны» и велъ переговоры съ Тихомировымъ, но что всѣ эти переговоры ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ не привели, такъ какъ въ придворныхъ интригахъ «охранцы» потерпѣли неудачу, попали въ немилость и потеряли вліяніе на дѣла.¹⁾ Реакціонеры взяли верхъ. Далѣе Драгомановъ разсказалъ, что спустя нѣкоторое время ему пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ главарей этого придворнаго теченія, высокопоставленнымъ лицомъ (не помню, чтобы онъ называлъ имя этого человѣка), пріѣзжавшимъ за границу. Изъ бесѣды съ нимъ Драгомановъ узналъ, что освобожденіе Чернышевскаго изъ Сибири было устроено ими уже послѣ того, какъ они потеряли вліяніе при дворѣ; что съ этимъ имъ пришлось обратиться къ кому то изъ великихъ князей, который будто отвѣтилъ, что въ фактѣ освобожденія Чернышевскаго онъ не усматриваетъ ничего политическаго, а лишь простой гуманный поступокъ, и далъ свое согласіе ходатайствовать; послѣ чего и былъ освобожденъ Чернышевскій. Кромѣ того Драгомановъ передавалъ, что тогда же дѣлались попытки вступить въ соглашеніе съ «Исполнительнымъ Комитетомъ» и другими правительственными лицами, такъ сказать «правымъ» крыломъ его; переговоры эти велись въ тюрьмѣ съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ по такъ называемому процессу семнад-

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ эпизодѣ, разсказанномъ въ „Быломъ“ въ ст. Н. Я. Николадзе „Освобожденіе Чернышевскаго“. *Ред.*

цати. Господа «правые» (реакціонеры) сулили какія то экономическія реформы для народа. ¹⁾

Не помню, отъ Драгоманова или отъ кого то другого я слышалъ, будто бы «Исполнительнымъ Комитетомъ» тогда же (1882—1883 г.) была сдѣлана публикація въ желательномъ для «охранцевъ» смыслѣ въ одномъ изъ польскихъ революціонныхъ изданій, въ газетѣ, что ли, печатавшейся кажется въ Варшавѣ.

Но объ этомъ лучше пусть расскажетъ кто нибудь другой, ближе знакомый съ этимъ дѣломъ.

Февраль 1907 года.

Вл. Дебогорій-Монріевичъ.

¹⁾ Какъ извѣстно читателямъ изъ напечатанной въ декабрьской книжкѣ „Былого“ за прошлый годъ статьи А. П. Прибылевой-Корбы „по поводу процесса 17-ти“, никакихъ переговоровъ между правительствомъ и подсудимыми по этому процессу не велось, и всѣ слухи о такихъ переговорахъ были ни на чемъ не основаны. *L'ed.*

Западные друзья Герцена.

(По неизданным данным).

Въ жизни Герцена есть сторона, еще почти совсѣмъ неизвѣстная, это та, которая была обращена на западъ. Герценъ не только прожилъ въ Европѣ двадцать съ лишнимъ лѣтъ: въ отличіе отъ Тургенева, которому Европа служила только гостинницей, онъ много и интенсивно жилъ западной жизнью. Это объясняется, прежде всего, космополитическимъ характеромъ его міровоззрѣнія. Со дней своей возмужалости до смерти Герценъ сознавалъ себя свидѣтелемъ и участникомъ одной всемірной революціи,—не въ томъ наполовину символическомъ смыслѣ, какой обыкновенно придается понятію міровой борьбы за свободу и равенство, а въ самомъ конкретномъ и дѣловомъ. Старый феодально-монархическій міръ, выросшій на почвѣ порабощенія челоуѣка челоуѣкомъ, неправедный и неразумный, готовъ рухнуть; его мѣсто долженъ занять осмысленный укладъ жизни—соціализмъ. Мы наканунѣ этого переворота; въ 1847 году Герценъ, какъ и вся тогдашняя демократія, вѣрилъ, что онъ совершится завтра; но и послѣ великой катастрофы 1848—49 г. онъ считалъ побѣду дѣломъ сравнительно близкаго будущаго. Эта революція, по его мысли не только универсальна по своей сущности, но и фактически всѣ культурные народы, включая, разумѣется, и Россію, связаны съ ней круговой порукой. При такомъ взглядѣ на дѣло Герценъ естественно долженъ былъ принимать близко къ сердцу перипетіи западной борьбы; вотъ почему онъ даетъ деньги на пропаганду Прудона, почему итальянское дѣло ему „близко, какъ родное“, и т. д. и т. д. Такова была идейная сторона его отношеній къ западнымъ людямъ. А рядомъ съ нею дѣйствовалъ личный характеръ Герцена—его огромная и заразная экспансивность. Онъ не могъ жить безъ живого общенія съ людьми, а благодаря привлекательнымъ свойствамъ его натуры, это общеніе сплошь и рядомъ вело къ дружбѣ, къ теплымъ, сердечнымъ отношеніямъ.

Такихъ дружбъ, основанныхъ частью на идейной близости, частью на симпатіи, у Герцена за границей завязалось множество. Памятникомъ этихъ отношеній являются уцѣлѣвшія письма къ нему иностранцевъ, которыя здѣсь впервые предлагаются вниманію читателей.

Эти письма представляютъ собою первоклассный матеріалъ для біографіи Герцена въ заграничный періодъ его жизни. Принадлежа почти исключительно перу радикальныхъ дѣятелей тогдашней Европы,

они въ своей совокупности даютъ такое живое, наглядное представление о кругѣ, въ которомъ вращался тамъ Герценъ, онравлахъ, интересахъ и работѣ тогдашней европейской демократіи и особенно ея передовой фаланги—эмиграціи, какого не могутъ дать даже блестящіе литературные очерки самого Герцена. Многое въ немъ самомъ становится понятнымъ только на этомъ фонѣ. Кромѣ того, они содержатъ, разумѣется, богатый фактический матеріалъ, какъ въ смыслѣ характеристики его отношеній къ его западнымъ друзьямъ, такъ и со стороны его личныхъ дѣлъ и настроеній.

Обобщить всѣ эти данныя, ввести ихъ въ общую картину жизни Герцена—дѣло будущаго біографа. Задача предлагаемыхъ страницъ только сдѣлать доступнымъ сырой и доселѣ неизданный матеріалъ.

П р у д о н ъ.

1.

Годы 1848—1850 представляютъ собою кульминаціонный пунктъ жизни и дѣятельности Прудона. Февральская революція застала его совершенно сложившимся, но еще мало популярнымъ писателемъ. Онъ былъ до сихъ поръ только теоретикомъ; въ своихъ главныхъ двухъ сочиненіяхъ: „Что такое собственность“ и „Система экономическихъ противорѣчій“, онъ подвергъ беспощадному анализу основные устои современной социальной жизни, и людямъ, дорожившимъ свободою мысли, его имя было уже хорошо извѣстно. Ему было почти 40 лѣтъ; періодъ критической мысли для него завершился: его тянуло къ положительной, творческой, по возможности практической дѣятельности. Съ этимъ переходнымъ моментомъ въ его личномъ развитіи и совпала февральская революція, и онъ ринулся въ борьбу со всей энергіей большой нетронутой силы. Несокрушимая убѣжденность, острый аналитическій умъ, темпераментъ борца, первоклассный литературный талантъ—такія данныя не могли не выдвинуть его сразу. Въ срединѣ апрѣля началась журнальная дѣятельность Прудона изданіемъ *Représentant du Peuple*. Пламенно проповѣдуя социальную революцію, онъ въ ея интересахъ ратовалъ противъ политической доктринерства и революціонной традиціи, а когда обманутые временнымъ правительствомъ рабочіе вызвали ужасную іюньскую рѣзню, онъ съ такой силой обрушился на реакцію, что газета была закрыта. За немногіе мѣсяцы ея существованія онъ сталъ признаннымъ вождемъ пролетаріата. Еще въ мартѣ делегаты рабочихъ, засѣдавшіе въ Люксембургскомъ дворцѣ, вычеркнули его имя изъ списка кандидатовъ въ Національное Собраніе, а 5 іюня, на дополнительныхъ выборахъ, онъ уже былъ выбранъ 78 тысячами голосовъ депутатомъ отъ департамента Сены. Теперь онъ продолжалъ борьбу одновременно въ собраніи и въ газетѣ. Въ концѣ августа былъ закрытъ *Représentant du Peuple*, а въ сентябрѣ начала выходить новая газета Прудона, *Peuple*, тиражъ которой достигалъ 70.000 экземпляровъ; здѣсь, между про-

чимъ, онъ окончательно разработалъ свой завѣтный планъ мѣноваго банка и открылъ подписку на его акціи. Статьи Прудона въ этой газетѣ—непревзойденные образцы боевой публицистики. Съ безпредѣльнымъ напряженіемъ силъ, съ неистощимой страстью, дисциплинированной научнымъ умомъ, онъ безъ устали велъ борьбу на два фронта—противъ реакціонной буржуазіи и противъ безпочвеннаго радикализма, игравшаго ей въ руку, и ярость обоихъ становъ, казалось, только удваивала его энергію: «Я живу въ огнѣ, какъ саламандра», писалъ онъ въ эти дни. Его предсказанія оправдались вполнѣ; доктринерство и реакція соединенными силами похоронили республику: палата, увлеченная безумной импровизаціей Ламартина, вотировала прямое избраніе президента, и 10 декабря 1848 года страна пятью милліонами голосовъ выбрала Луи Бонапарта, который не замедлилъ самымъ недзусмысленнымъ образомъ протянуть руку реакціи. Прудонъ уже въ январѣ открылъ противъ него рѣзкую кампанію въ *Peuple*; результатомъ было то, что въ февралѣ Національное Собраніе постановило предать его суду за оскорбленіе прѣзидента, и въ мартѣ онъ былъ приговоренъ къ 3-хъ лѣтнему тюремному заключенію и штрафу. Мѣсяца два онъ скрывался, то въ Бельгіи, то въ самомъ Парижѣ, но наконецъ въ первыхъ числахъ іюня былъ взятъ. *Peuple* все время выходилъ неукоснительно, и почти ежедневно въ немъ появлялись статьи Прудона, пока въ день неудачной демонстраціи 13 іюня отрядъ національныхъ гвардейцевъ, ворвавшись въ редакцію *Peuple*, не разбилъ типографскіе станки и разбросалъ шрифтъ. Въ этотъ же день газета была пріостановлена формально. Прудонъ и не думалъ складывать оружіе. Для возобновленія газеты нужно было внести залогъ въ 24.000 франковъ; Прудонъ изъ тюрьмы лично и черезъ друзей обращался къ разнымъ лицамъ, и вотъ, по предложенію общаго пріятеля, Сазонова, эту сумму согласился дать Герценъ. Такъ нашъ изгнанникъ сталъ соиздателемъ третьей Прудоновской газеты *La Voix du Peuple*.

До этого Герценъ только два встрѣтилъ Прудона у Бакунина и вовсе не былъ съ нимъ близокъ. Но онъ давно зналъ и цѣнилъ его, какъ писателя, а въ данный моментъ, при тѣхъ взглядахъ, какіе сложились у Герцена подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1848-49 г.г., въ Европѣ, можетъ быть, не было человѣка, чья политическая дѣятельность вызывала бы въ Герценѣ большую симпатію, нежели дѣятельность Прудона.

Ихъ сближала, разумѣется, не общность положительныхъ стремленій. На что могъ надѣяться Герценъ въ ближайшемъ будущемъ, видя повсемѣстное торжество реакціи въ Европѣ и мертвый штиль, царившій въ Россіи? Онъ стоялъ, какъ Моисей, передъ разбитыми скрижалями, еще потрясенный крушеніемъ великихъ надеждъ, и маленькая идея дарового кредита, которую съ такимъ воодушевленіемъ проповѣдовалъ Прудонъ, какъ панацею, имѣющую спасти міръ, должна была казаться Герцену не болѣе, какъ дѣтской игрушкой. Ихъ сближала общая религія свободы и, въ особенности, одинаковое пониманіе того, что такое свобода.

Изъ горькихъ испытаній революціоннаго года Герценъ вынесъ эту свою вѣру не только негронутую, но еще очищенную и просвѣт-

ленной. Если до сихъ поръ онъ обожалъ свободу въ ея традиціонныхъ формахъ—партийнаго радикализма, республики, революціи,—то теперь онъ на дѣлѣ узналъ, какъ легко духъ свободы покидаетъ эти формы, уступая мѣсто пристрастію, корысти и произволу. Онъ понялъ, что истиннымъ врагомъ свободы является не что-либо конкретное, не старый политико-экономическій укладъ, основанный на насиліи, а самый этотъ духъ нетерпимости и насилія, еще болѣе опасный въ *своихъ*, нежели въ противномъ станѣ. Все его «Съ того берега» (1848—49 г.)—вдохновенный гимнъ истинной свободѣ въ разумѣ и совѣсти, звучащій бодрой вѣрою изъ самой глубины отчаянія.

Совершенно такое же пониманіе свободы выработалъ себѣ Прудонъ еще задолго до революціи. Когда въ 1846 г. Марксъ пригласилъ его къ сотрудничеству въ *Deutsch-französische Jahrbücher*, Прудонъ въ отвѣтномъ письмѣ писалъ ему, между прочимъ,—и съ какой радостью Герценъ подписался бы подъ этими строками!—«Покажемъ міру примѣръ мудрой и осмотрительной терпимости, но остережемся—(потому что мы стоимъ во главѣ движенія)—сдѣлаться вождями новой нетерпимости; не будетъ выдавать себя за апостоловъ новой религіи, хотя бы то была религія логики или разума»; и дальше: «Я полагаю, что мы не должны объявлять революціонное дѣйствіе средствомъ къ реформѣ, потому что это средство—ничто иное, какъ призывъ къ насилію и произволу, словомъ—противорѣчіе.»

Этими принципами было опредѣлено все направленіе журнальной дѣятельности Прудона въ 1848—49 г.г. Мы видѣли, что онъ направлялъ свои удары столько же противъ политическаго радикализма, сколько противъ реакціи, и обоихъ возстановилъ противъ себя одинаково. Онъ съ самаго начала указывалъ на опасность революціонныхъ средствъ и пріемовъ. «Февральская революція—говорилъ онъ,—разыгралась подъ звуки марсельезы и старыхъ республиканскихъ гимновъ. Снова воспоминаніе, снова противорѣчіе!... Марсельеза не просвѣщаетъ, а оглушаетъ гражданъ. Кто поетъ ее, тотъ творитъ реакцію и смуту.» Онъ писалъ, обращаясь къ радикаламъ: «Вы ищете свободы, равенства и братства, вы хотите организовать трудъ! И у васъ нѣтъ другого орудія, какъ насиліе, другого авторитета, какъ диктатура, другого принципа, какъ страхъ, другой теоріи, кромѣ штыка!» Съ самаго начала онъ предостерегалъ Францію противъ увлеченія политикой, доказывалъ народу, что сѣющій насиліе пожинаетъ не свободу, а насиліе же, и предсказывалъ въ результатѣ борьбы партій неизбѣжный деспотизмъ. Когда эти партіи заявляютъ, что социальная революція—цѣль, а политическая—средство, то это все равно, говоритъ онъ, какъ еслибы они сказали: предоставьте намъ власть надъ вѣщей жизнью и вашимъ имуществомъ, и мы сдѣлаемъ васъ свободными; «то же самое уже шесть тысячъ лѣтъ говорятъ намъ цари и священники». вмѣсто того, чтобы пріучить народъ самому организоваться, вмѣсто того, чтобы апеллировать къ его опытности и уму, отъ него требуютъ только власти и силы; между тѣмъ всякое правительство, даже самое радикальное, по самой своей природѣ враждебно той истинной, свободной, творческой революціи—соціальной—которая одна можетъ дать намъ свободу. Когда предсказанія Прудона

оправдались и Франція въ лицѣ Луи Бонапарта пріобрѣла новаго господина, Прудону оставалось только указать, что узурпація 2 декабря — логически-точное слѣдствіе направленія, которое приняла общественная жизнь страны за послѣднее время: всѣ партіи составляли заговоры, готовились къ переворотамъ, мечтали о диктатурѣ — и успѣхъ, какъ естественно, достался самому смѣлому или наиболѣе сообразительному.

Всѣ эти мысли были, какъ разъ въ это время, самими завѣтными мыслями Герцена. Онъ долженъ былъ съ глубокой отрадой читать пламенные передовыя Прудона въ *Représentant du Peuple* и въ *Peuple* и съ братскимъ участіемъ слѣдить за его дѣятельностью въ собраніи, за его борьбой и гоненіемъ. Подводя итогъ 1849 году, онъ писалъ въ *Omnia mea mecum porto*: «Прошедшій годъ, чтобъ достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: *борьбу свободнаго чело-вѣка съ освободителями чело-вѣчества*. Смѣлая рѣчь, ѣдкой скептицизмъ, беспощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмутила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ; они напали на него съ ожесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностью легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархій, они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не люди для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, они его предали революціонной анаемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего... И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привилегированные освободители чело-вѣчества! Они боятся свободы; имъ надобенъ господинъ для того, чтобъ не избаловаться, имъ нужна власть, потому что они не довѣряютъ себѣ».

Вотъ на чемъ основывалась солидарность Герцена съ Прудономъ: на общей ненависти — равно къ поработителямъ и къ освободителямъ чело-вѣчества, на общемъ культѣ истинной, неподдѣльной свободы. Это и было главной причиной, побудившей Герцена бросить деньги на вѣрную потерю, чтобы дать возможность Прудону продлить борьбу еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

2.

По разсказу Герцена въ «Быломъ и Думахъ» и по сохранившимся подлиннымъ бумагамъ мы можемъ возстановить исторію его переговоровъ съ Прудономъ. Они начались, повидимому, чрезъ общаго друга, Шарля Эдмонда (Хоецкаго). Надо думать, что Ш. Эдмондъ, посоветовавшись съ пріятелемъ Герцена, Сазоновымъ, находившимся въ Парижѣ, написалъ соотвѣтственное письмо Герцену въ Женеву, — и къ этому письму Прудонъ сдѣлалъ слѣдующую приписку (она сохранилась въ альбомѣ Герцена съ помѣткой: 1849 г.): «P. S. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію Шарля Эдмонда о необходимости безотлагательно приступить къ изданію новой демократической газеты. Законы

о печати не должны насъ останавливать; задача не въ томъ, чтобы возбудить народъ паѳосомъ, а въ томъ, чтобы уяснить самой буржуазіи ея истинные интересы. Главное, надо не дать демократіи впасть въ отчаяніе, что неизбежно случится, если не объяснять ей изо дня въ день положеніе вещей и смыслъ событій.»

Эта конкретная, мѣстная цѣль для Герцена отступала далеко назадъ передъ общими интересами свободы, и въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ онъ озаботился ясно подчеркнуть это. Онъ выражалъ согласіе внести требуемую сумму подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему предоставлено было право помѣщать свои и чужія статьи и завѣдывать всѣмъ иностраннымъ отдѣломъ, и при этомъ указывалъ, что *она* считаетъ основной задачей газеты: подобно Прудону, онъ съ радостью видитъ, какъ разваливается старый міръ,—и онъ думаетъ, что ихъ призваніе—возвѣщать этому міру его близкую кончину. «Ваши соотечественники,—продолжалъ онъ,—далеки отъ того, чтобы раздѣлять эти идеи. Я знаю одного свободнаго француза,—это васъ. Ваши революціонеры—консерваторы. Они христіане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы одни подняли вопросъ негации и переворота на высоту науки, и вы первый сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасти изъ него нечего, что самыя его понятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей. Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не больше, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую играютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ Барро и др. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало бы проводить въ разборѣ послѣднихъ европейскихъ событій, преслѣдовать реакцію, католицизмъ, монархизмъ не въ ряду нашихъ враговъ—это чрезвычайно легко,—но въ собственномъ нашемъ станѣ. Надобно обличить круговую поруку демократовъ и власти. Если мы не боимся затрогивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сентиментальности затрогивать и побѣжденныхъ.»

Прудонъ, какъ и надо было ожидать, отвѣчалъ полнымъ согласіемъ на такую постановку вопроса. «Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе насчетъ такъ называемыхъ республиканцевъ; разумѣется, это одинъ видъ общей породы доктринеровъ. Что касается этихъ вопросовъ, намъ не въ чемъ убѣждать другъ друга. Во мнѣ и въ моихъ сотрудникахъ вы найдете людей, которые пойдутъ съ вами рука въ руку».

Среди бумагъ А. И. Герцена сохранился подлинникъ его договора съ Прудономъ; этотъ любопытный документъ заслуживаетъ быть приведеннымъ полностью.

«Нижеподписавшіеся Александръ Герценъ, домовладѣлецъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ (пропускъ)¹⁾, и П.-Ж. Прудонъ, журналистъ и бывший депутатъ, живущій въ Парижѣ на улицѣ Мазась 70,

¹⁾ Герценъ скрывалъ фактъ покупки дома въ Парижѣ или, по крайней мѣрѣ, мѣстонахожденіе этого дома. См. М. К. Лемке, «А. И. Герценъ въ Европѣ», *Міръ Божій*, 1906 г., окт., стр. 54.

а нынѣ находящійся подъ заключеніемъ въ Консьержри, условились о слѣдующемъ.

«Нижеподписавшіеся имѣютъ намѣреніе сообща основать въ Парижѣ ежедневную газету подъ названіемъ *«La Voix du Peuple»*. Для осуществленія этого плана они заключили между собою слѣдующее соглашеніе.

«Ст. 1-ая. Г. Герценъ обязывается въ возможно кратчайшій срокъ внести въ казну 24000 фр., требуемые закономъ, какъ залогъ за названную газету.

«Ст. 2-ая. Во все время, пока означенная сумма будетъ оставаться, какъ залогъ въ государственномъ казначействѣ, администрація газеты уплачиваетъ г. Герцену дополнительный процентъ за нее въ размѣрѣ 5 годовыхъ.

«Ст. 3-ья. Г. Герценъ обязывается, сверхъ того, не требовать ея возвращенія ранѣе пяти лѣтъ, считая съ нынѣшняго числа. Однако г. Прудонъ вправѣ вернуть ее и раньше этого срока, заявивъ о томъ за три мѣсяца впередъ, и начисленіе процентовъ прекращается въ день уплаты капитальной суммы.

«Ст. 4-ая. Такъ какъ законъ о залогахъ требуетъ, чтобы поручитель являлся собственникомъ четвертой части залоговой суммы, то г. Герцену будетъ выдано формальное удостовѣреніе о принадлежности ему трехъ четвертей залога, внесеннаго въ казну, и въ удостовѣреніи будетъ указано, что его право подлежитъ удовлетворенію преимущественно передъ всякимъ другимъ.

«Ст. 5-ая. Общее завѣдываніе редакціей газеты *«La Voix du Peuple»* предоставляется исключительно г. Прудону.

«Ст. 6-ая. Что касается редакціонной части, то г. Герценъ оставляетъ за собою право во всякое время доставлять статьи по общей политикѣ; эти статьи должны быть помѣщаемы въ газетѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ неудобство будетъ очевиднымъ, или когда ихъ напечатаніе можетъ повлечь за собою судебную кару. Въ этомъ отношеніи обѣ стороны имѣютъ руководствоваться ст. 5 ой.

«Ст. 7-ая. Г. Прудонъ обязывается посвящать все свое вниманіе названной газетѣ и дѣлать все зависящее отъ него для ея успѣха.

«Ст. 8-ая. Такъ какъ предпріятіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, является по своей природѣ дѣломъ коммерческимъ, то оно можетъ потребовать соглашеній съ третьими лицами, имѣющихъ выразиться въ формальныхъ договорахъ. Опредѣленіе условій такихъ договоровъ предоставляется исключительно г. Прудону.

«Ст. 9-ая. Во всякомъ случаѣ онъ теперь же принимаетъ на себя обязательство тратить доходы предпріятія единственно на распространеніе тѣхъ идей, органомъ которыхъ будетъ газета, или—если на то представится возможность и удобство—на основаніе банка, предназначеннаго организовать и развивать даровой кредитъ.

«Ст. 10-ая. Такъ какъ г. Герценъ намѣренъ участвовать въ данномъ дѣлѣ лишь на правахъ финансирующаго предпріятіе, то ему въ возможно кратчайшій срокъ будутъ даны гарантіи, установленныя ст. 4-ой.

«Писано и подписано въ двухъ экземплярахъ въ Парижѣ г. Прудонъ 14 августа 1849 года.» Подпись: П.-Ж. Прудонъ.

3.

Пробный номеръ «*Voix du Peuple*» вышелъ 20 сентября 1849 г., а съ 1 октября газета начала выходить ежедневно. Она прекратилась вслѣдствіе цензурныхъ репрессій 14 мая 1850 г. на 223-мъ номерѣ. Все время ею руководилъ изъ тюрьмы Прудонъ.

Задачей «*Voix du Peuple*» онъ ставилъ—содѣйствовать примиренію классовъ. Онъ хотѣлъ уяснить народу, что реакція, монархія, государственные перевороты черпаютъ силы исключительно въ антагонизмъ между буржуазіей и пролетариатомъ, что въ разжиганіи этого антагонизма—вся тактика контр-революціи. Это «примиреніе классовъ» являлось для Прудона, конечно, не самоцѣлью, а лишь необходимой предпосылкой истинной, соціальной революціи. Въ концѣ октября онъ писалъ одному другу: «*Voix du Peuple*» идетъ тихо. Мнѣ нужно провести такія большія идеи, что приходится быть до-нельзя осторожнымъ. Одни говорятъ, что я мѣняюсь, другіе—что я продаюсь, третьи—что я трушу, четвертые—что тюрьма убиваетъ меня... Истина въ томъ, что, такъ какъ цѣль у меня высокая и далекая, и такъ какъ я не хочу промахнуться, то я долженъ быть такъ же плосокъ и благодушенъ, какъ *Siecle*.» ¹⁾

Газета шла отлично—отъ 35—60 тысячъ номеровъ въ день, но штрафы истощали кассу и постепенно съѣдали залогъ, а по мѣрѣ того, какъ «*Voix du Peuple*» становилась все неудобнѣе для правительства, оно тѣснило и самого Прудона: перевело его изъ одной парижской тюрьмы, гдѣ онъ содержался очень льготно, въ другую, худшую, а потомъ и вовсе увезло изъ Парижа—въ Дулланскую тюрьму. Кромѣ передовыхъ по вопросамъ дня, Прудонъ напечаталъ въ «*Voix du Peuple*» двѣ знаменитыя серіи политическихъ статей—противъ Бастіа, «о даровомъ кредитѣ» и противъ Луи Блана, «о пользѣ государства въ настоящемъ и возможности его въ будущемъ». Мѣновой банкъ и анархія—это и были тѣ «увѣсистыя идеи», которымъ онъ былъ теперь преданъ безраздѣльно.

Герценъ едва ли сколько нибудь серьезно вліялъ на общее веденіе газеты. Первые три мѣсяца (до конца декабря) его даже вовсе не было въ Парижѣ, онъ жилъ въ Женевѣ, потомъ ѣздилъ въ Цюрихъ къ матери, и вообще все время, до апрѣля 1850 г., былъ занятъ хлопотами по своимъ денежнымъ дѣламъ. Къ тому же, въ его семейной жизни было неладно: «штиль между двухъ ударовъ грома, штиль давящій, тяжелый, но не казистый...» говоритъ онъ объ этомъ времени. Онъ рассказываетъ, что по его предложенію, иностранный отдѣлъ «*Voix du Peuple*» былъ порученъ Сазонову, который однако же черезъ мѣсяцъ передалъ его Хоецкому, не ужившись съ Прудонъ. Этотъ иностранный отдѣлъ носилъ характерное двойное заглавіе:

¹⁾ Correspondance de P. J. Proudhon, v. III p. 38—39.

«Всеобщая политика.—Солидарность народовъ.» Здѣсь, въ трехъ номерахъ за ноябрь и декабрь 1849 г., была напечатана обширная статья Герцена о Россіи за подписью: «Русскій».

Это было первое публичное обращеніе Герцена къ западнымъ людямъ. Вступая въ компанію съ Прудономъ, онъ имѣлъ въ виду, разумѣется, послужить не только дѣлу свободы вообще, но и особенно дѣлу русской свободы. И вотъ онъ взялся за перо, чтобы завоевать русскому народу подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ народовъ, борющихся за свободу, мало того,—чтобы показать демократической Европѣ, насколько она сама заинтересована въ исходѣ русской борьбы. Позднѣе онъ еще не разъ возвращался къ этимъ вопросамъ,—тѣмъ любопытнѣе эта первая, неувѣренная попытка ихъ рѣшенія, гдѣ еще можно разглядѣть самый процессъ рожденія его идей.¹⁾

Онъ чрезвычайно искусно облекъ свое разсужденіе въ форму письма къ западному демократу, что даетъ ему возможность сразу стать на одну плоскость съ нимъ и такимъ образомъ сразу завязать узелъ общихъ судебъ Европы и Россіи. Онъ начинается съ того, что оба они—изгои: вы, говоритъ онъ, ушли, если не тѣломъ, то духомъ, изъ вашего стараго монархически-феодальнаго міра, гдѣ почернѣлыя и потрескавшіяся отъ времени стѣны ежеминутно грозятъ паденіемъ и гдѣ вамъ было до-нельзя душно; я же не вынесъ тепло-влажной атмосферы нашего недостроеннаго зданія, насыщенной испареніями извести,—и вотъ, выйдя изъ двухъ противоположныхъ пунктовъ—вы изъ госпиталя, я изъ дѣтскихъ яслей,—мы сошлись въ одной и той же точкѣ, оба чуждые своей родинѣ, оба на чужбинѣ. Но, установивъ общее сходство положеній, Герценъ спѣшитъ указать и на существенное различіе: его положеніе выгоднѣе, ему не пришлось выдержать такой трудной внутренней борьбы; мы, русскіе, морально свободнѣе европейцевъ, и не только потому, что мы были избавлены отъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, чрезъ которыя суждено было пройти западу, но и потому, что у насъ нѣтъ прошлаго, которое властвовало бы надъ нами. Наша исторія бѣдна, и первымъ условіемъ нашего обновленія было—отречься отъ нея совершенно; у насъ осталось отъ нашего прошлаго только національный бытъ, національный характеръ и государственная форма; все остальное—вопросъ будущаго.

Итакъ, позиція русскаго частью даже выгоднѣе позиціи западнаго человѣка; но въ какомъ отношеніи? передъ какимъ дѣломъ они равны, для какого дѣла русскій поставленъ удобнѣе? Рѣчь идетъ, очевидно, о нѣкоемъ общемъ идеальномъ дѣлѣ — о всемірно-историче-

¹⁾ Статья эта въ русской печати неизвѣстна, не вошла ни въ одно изданіе сочиненій Герцена и не была отдѣльно издана ни имъ самимъ, ни послѣ него. Она носитъ форму письма къ тогдашнему другу Герцена, Гервегу; въ *Voix du Peuple* адресъ помѣченъ только инициалами (A. G. H.). Въ 1850 г. Герценъ напечаталъ ее по нѣмецки въ видѣ приложения къ *Vom anderen Ufer* (Гамбургъ. Hoffmann und Campe), подъ заглавіемъ „An Georg Herwegh“, съ подписью „Варнарь“, и съ пометкою—не „Лондонъ“, какъ въ *Voix du Peuple*, а „Монреаль“. Отрывокъ отсюда о сельской общинѣ—Герценъ перепечаталъ потомъ въ приложеніи къ *Du développement des idées revolutionnaires en Russie*.

ской борьбѣ за свободу; и дальше, говоря оу этомъ дѣлѣ, Герценъ уже больше не отдѣляетъ себя отъ своего собесѣдника европейца, и все время говоритъ обѣ обоихъ: мы. Мы, это люди будущей свободы, все равно—русскій, или нѣмецъ; не съ точки зрѣнія русскаго, а съ точки зрѣнія демократа, исключительно въ видахъ общей борьбы за свободу, Герценъ и ведетъ свое разсужденіе о Россіи.

Въ немногихъ словахъ онъ набрасываетъ картину положенія дѣлъ въ Европѣ. Чудный весенній сонъ 1848 года быстро разсѣялся; старая Европа, обезсиленная, апатичная, стоитъ на краю обрыва, и Россія готовится столкнуть ее въ бездну, какъ злой мальчишка, ведущій къ пропасти слѣпого нищаго. Хуже всего то, что и большинство демократовъ умышленно закрываетъ глаза. Человѣкъ вообще не любитъ истины,—а когда она идетъ въ разрѣзъ съ его желаніями, когда она разрушаетъ его любимѣйшія мечты, когда усвоить ее онъ можетъ лишь цѣною своихъ надеждъ и иллюзій, тогда онъ чувствуетъ къ ней ненависть, какъ будто она виновата. Реакція торжествуетъ по всей линіи, а демократы считаютъ ее чѣмъ-то случайнымъ и скоропреходящимъ. Лишь немногіе изъ нихъ понимаютъ, что реакція сильна, потому что революція оказалась слаба: политическіе демократы испугались социалистическихъ демократовъ, и революція сломилась, обрушившись на самое себя.

Что же дальше? Примиреніе невозможно, всѣ мосты между прошлымъ и будущимъ разрушены. Или старая Европа падетъ подъ ударами социализма, какъ палъ Римъ подъ натискомъ христіанства, или же она побѣдитъ его и уцѣлѣтъ со своей рутиной вмѣсто идей и дряхлостью вмѣсто энергіи, и, какъ новая Византія, будетъ влечить черезъ вѣка апатичное существованіе, предоставивъ развитіе, будущность, жизнь другимъ народамъ и странамъ. Можетъ быть, впрочемъ, не случится ни то, ни другое, а воцарится надолго хаосъ непрерывной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, ожесточенная и пустая смута, которая приведетъ къ деспотизму и взаимному истребленію. Точно предвидя ужасы подавленія коммуны, Герценъ пророчитъ время слезъ и страданій, стонотъ и зубовнаго скрежета. Уже іюньскіе дни показали, какъ велика накопленная злоба. Третье сословіе, потратившее въ теченіе вѣковъ столько труда и усилій, чтобы добыть хоть немного свободы, готово опять пожертвовать всѣмъ. Оно видитъ, что на почвѣ законности, на которой стояли еще Полиньякъ и Гизо, ему не удержаться,—и оно сознательно отступаетъ къ временамъ Варволомеевой ночи, Тридцатилѣтней войны и Нантскаго эдикта, за которыми виднѣются варварство, разрушеніе, новыя скопленія народовъ и слабые зачатки новаго міра. Историческое зерно зрѣетъ медленно; понадобилось пять вѣковъ тьмы, чтобы сколько-нибудь организовать христіанскій міръ, а передъ тѣмъ пять же вѣковъ длилась агонія римскаго міра.

Трудное, печальное время! Все рушится, все кипитъ въ бесплодномъ волненіи, самыя мрачныя предчувствія оправдываются съ ужасающей быстротой. Вспоминая свой третій діалогъ, „Consolatio“, писанный шесть мѣсяцевъ назадъ, гдѣ ставился вопросъ, есть ли еще что дѣлать, Герценъ замѣчаетъ, что теперь этотъ вопросъ уже не имѣетъ

смысла: теперь люди уже начинают спрашивать себя, можно ли жить. Франція сдѣлалась западной Австріей и все глубже погружается въ грязь и безчестіе. Прусская сабля останавливаетъ послѣднія движенія нѣмецкой революціи, Венгрія истекаетъ кровью подъ топоромъ вѣнчаннаго палача, Швейцаріи грозятъ войною со всѣхъ сторонъ, Римъ гибнетъ геройски, наложивъ печать вѣчнаго позора на чело Франціи, бывшей до сихъ поръ либимицей народовъ. Для свободомыслящаго, который не хочетъ преклониться передъ силою, нѣтъ во всей Европѣ другого убѣжища, какъ только палуба корабля, готоватаго отплыть въ Америку.

Говорятъ, что гибель Франціи грозитъ опасностью всему человечеству; и это было бы вѣрно, еслибы подъ человечествомъ надо было разумѣть только германо-романскую Европу. Такъ ли это? Дѣйствительно ли все, что лежитъ за предѣлами нашего міра,—лишнее и ненужное? Катонъ пронзилъ себя грудь мечемъ, потому что Римъ погибалъ и потому что онъ не видѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ Рима; но правъ оказался не онъ, а Тацитъ, кинувшій взоръ за предѣлы римскаго міра и не убоявшійся признать, что будущее принадлежитъ варварамъ—германцамъ. Судьбы человечества не ограничены Западной Европой. Если она не сѹмѣетъ обновиться путемъ соціального преобразования,—преобразуются другія страны, и есть уже одна, которая готова къ этому, и другая, которая готовится: первую—Соединенные Штаты—Европа знаетъ, второй—Россіи—не знаетъ вовсе. Между тѣмъ Россія идетъ на Европу, вѣрнѣе уже пришла, уже врѣзалась въ нее, ведомая Габсбургами и Гогенцоллернами. Но Цезарь лучше зналъ галловъ, нежели Европа—русскихъ.

И точно: пока западная Европа вѣрила въ себя, пока будущее представлялось ей, какъ линія ея собственнаго развитія, она не могла заниматься Восточной Европой. Но теперь обстоятельства измѣнились: это надменное пренебреженіе уже не къ лицу теперешней Европѣ; оно смѣшно какъ высокомѣріе кастильскаго гидальго, на которомъ сапоги безъ подошвъ и рваный плащъ. Европѣ стало нечѣмъ гордиться передъ Россіей. Упрекайте русскихъ, сколько хотите, въ томъ, что они рабы; они въ свою очередь спросятъ васъ: а вы—свободны? Они могутъ даже прибавить, что Европа никогда не освободится иначе, какъ путемъ освобожденія Россіи; и вотъ почему ей полезно нѣсколько ближе познакомиться съ Россіей.

Герценъ рассказываетъ дальше, какъ впечатлѣніе поразительной фигуры Петра возбудило въ европейцахъ интересъ къ Россіи, какъ этотъ интересъ поддержала Екатерина II и побѣдитель Наполеона—Александръ, какъ потомъ его же союзъ съ европейской реакціей впервые пробудилъ въ европейцахъ враждебное чувство къ Россіи, и какъ, наконецъ, жестокое усмирненіе Польши поселило въ ихъ сердцахъ глубокую ненависть къ ней. Онъ характеризуетъ европейскую литературу о Россіи и подробно останавливается на книгахъ Кюстина и Гакстаузена. Первый видѣлъ тронъ, второй общину, но оба не замѣтили, что въ русской жизни есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ община, и болѣе сильное, нежели царская власть, что трудно выразить словами, еще труднѣе указать пальцемъ. Это—та глубоко-скры-

тая и не сознающая себя сила, которая такъ чудно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, которая, наперекоръ унизительной дисциплинѣ крѣпостного права, сохранила крестьянину его открытое, прекрасное лицо и живой умъ, которая на царскій приказъ образоваться отвѣтила вѣкъ спустя колоссальнымъ явленіемъ Пушкина и которая среди всѣхъ историческихъ превратностей поддерживаетъ въ русскомъ народѣ непоколебимую вѣру въ себя.

Оправдаетъ ли эта вѣра? Герценъ думаетъ, что да. Залогъ великой будущности русскаго народа онъ видитъ въ общинѣ. Онъ даетъ подробный очеркъ общиннаго строя, подчеркивая элементы социализма въ немъ, и приходитъ къ выводу, что полудикій укладъ русской жизни болѣе соотвѣтствуетъ идеалу, взлелѣянному Европой, нежели культурный бытъ романо-германскаго міра: что для Запада—лишь надежда, къ которой направлены его усилія, то—дѣйствительность нашихъ первыхъ шаговъ на міровой сценѣ; угнетенные абсолютизмомъ императорской власти, мы тѣмъ не менѣе идемъ навстрѣчу социализму, какъ древніе германцы, поклонники Тора и Одина, шли навстрѣчу христіанству.

Но община, говоритъ Герценъ, отучая отъ личной инициативы и замыкая кругъ интересовъ, ублаживала русскій народъ, и сонъ его становился все глубже, пока наконецъ Петръ грубымъ толчкомъ разбудилъ часть націи. Онъ вызвалъ искусственно нѣчто вроде борьбы и антагонизма, и именно въ этомъ провиденціальнѣйшій смыслъ петербургскаго періода русской исторіи. Петръ сдѣлалъ большую ошибку: онъ не понялъ, что тѣ элементы европейской цивилизаціи, которые вызвали его удивленіе, не только не обусловлены существовавшими тогда въ Европѣ политическими формами, но, напротивъ, стоятъ въ прямой оппозиціи къ этимъ формамъ, и что послѣднія сами обречены смерти; онъ ждали только своего Петра I—великой революціи,—чтобы исчезнуть. Ослѣпленный Западомъ, Петръ принялся его копировать, ненавидя все старо-русское, какъ дурное, такъ и хорошее, онъ подражалъ всему европейскому, хорошему, какъ и дурному. Добрая половина чужеземныхъ формъ, перенесенныхъ имъ въ Россію, была совершенно чужда духу русскаго народа. Онъ хотѣлъ сломить, разсѣять всеобщій застой и апатію, которые видѣлъ вокругъ себя,—и, рѣшивъ обновить кровь, текущую въ русскихъ жилахъ, взялъ для этого старую испорченную кровь, прививъ тѣмъ нашему молодому организму дряхлость Европы.

Реформа Петра разслоила Россію на три группы: правительство, интеллигенцію и народъ. Народъ остался тѣмъ же; благодаря своему пассивному сопротивленію и силѣ характера онъ уцѣлѣлъ морально и сохранилъ свой общинный строй—залогъ будущаго. Дворъ и правящіе классы остались вѣрны формальному наслѣдію Петра, той внѣшней государственной цивилизаціи, которая, въ видѣ заимствованнаго съ Запада канцеляризма, сочеталась съ московскимъ деспотизмомъ въ петербургское императорство. Духу Петровской реформы осталась вѣрна интеллигенція. Въ ней—зерно и умственный центръ будущей русской революціи. Ея положеніе въ высшей степени тра-

гично: она чужда народу, потому что ея отцы и дѣды примкнули къ цивилизирующему правительству, и чужда правительству, потому что она дѣйствительно цивилизовалась. 14 декабря она вызвала официальную Россію на бой. Декабрьскимъ возстаніемъ закончился первый этапъ петербургскаго періода. Вопросъ былъ рѣшенъ: своей активной ненавистью къ деспотизму образованный классъ доказалъ, что онъ догналъ своихъ западныхъ братьевъ, что онъ одушевленъ тѣми же чувствами и мыслями, какъ Ріего, Конфалоньери и карбонарии.

И вотъ правящая Россія стоитъ между двухъ буферовъ—между Россіей общинной и Россіей мыслящей, ненавидимая обѣими и гнетя обѣ. Первая пассивна, вторая активна, и противъ нея-то, обезумѣвъ отъ ярости, свирѣпствуетъ правительство. Но воздвигая гоненіе на культуру, оно подрубаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ оно сидитъ. Оно забыло, что оно родилось въ Петербургѣ, что оно правительство цивилизованной Россіи, что оно связано обязательствами, которыя оно приняло на себя передъ европейской цивилизаціей. Уничтожая культуру, оно роетъ себѣ могилу, но и позволяя ей расти, оно готовило бы себѣ гибель. Возможно, впрочемъ, что подъ давленіемъ невыносимаго гнета Россія распадется на части; возможно и то, что она просто ринется впередъ безъ оглядки и нетерпѣливымъ движеніемъ сброситъ съ себя своего неловкаго всадника.

Герценъ спрашиваетъ себя въ заключеніе, какова же всемірно-историческая идея русскаго народа? Въ этомъ первомъ своемъ обращеніи къ западнымъ людямъ онъ еще не рѣшается открыто выразить свою гордую патріотическую мысль. Онъ указываетъ, главнымъ образомъ, на общія преимущества Россіи: она выступаетъ на міровую арену въ блескѣ молодости и свѣжихъ силъ, когда остальные народы, уставъ отъ долгой, бурной жизни, уже жаждутъ покоя. А что до пресловутаго преимущества Европы—до ея свободы,—то что случилось съ нимъ? надо быть слѣпымъ или лицемѣромъ, чтобы замѣчать царизмъ только подъ 59° сѣверной широты. Издѣвайтесь сколько хотите надъ смиренной покорностью русскихъ и возмущайтесь русскимъ абсолютизмомъ, но научитесь же различать деспотизмъ подъ всякой личиной, которую онъ одѣваетъ, будь то президентъ республики, временное правительство или національное собраніе. Стыдно въ 1849 году, послѣ утраты всѣхъ надеждъ и всѣхъ пріобрѣтеній, передъ трупами павшихъ и разстрѣлянныхъ, при видѣ сосланныхъ и гонимыхъ изъ страны въ страну, цѣпляться, какъ прежде, за либеральный конституціонализмъ, за эту платоническую и бесплодную любовь къ политикѣ. Тотъ оптический обманъ, посредствомъ котораго рабству придавали видъ свободы, разсѣялся, маски упали, и мы теперь доподлинно знаемъ, чего стоитъ республиканская свобода Франціи и конституціонная свобода Германіи, мы видимъ теперь (или, если не видимъ, то это наша вина), что всѣ существующія правительства, отъ самаго скромнаго швейцарскаго кантона до самодержца всея Руси,—лишь варіаціи одной о той же темѣ: «надо пожертвовать свободой порядку, личностью обществу, и стало быть, чѣмъ сильнѣе правительство, тѣмъ лучше». Если тяжело жить въ Россіи, то и въ Европѣ не легче: она стала похожа на Петербургъ, и иныя мѣста въ ней стали хуже Петербурга.

Герценъ еще не рѣшался сказать, что въ русской общинѣ—ключъ къ рѣшенію соціального вопроса для всѣхъ народовъ.

4.

Какъ извѣстно, въ «*Voix du peuple*» была напечатана и статья Герцена о Донозо Кортесѣ, составившая потомъ послѣднюю главу «Съ того берега»; она появилась въ номерѣ отъ 15 марта 1850 г. и подписана: I—г, docteur en théologie. Эта статья, написанная, какъ рассказываетъ самъ Герценъ, по предложенію редакціи газеты, держится въ сферѣ общихъ идей: это—отвѣтъ социалиста апологету реакціи, варіація излюбленной Герценомъ темы о сходствѣ социализма съ зарождавшимся христіанствомъ.

La Voix du peuple прекратилась въ маѣ 1851 г., а въ іюнѣ Герценъ былъ высланъ изъ Франціи. Ближайшіе два года онъ прожилъ въ Ниццѣ. Это было самое страшное время его жизни, отсюда уѣхала отъ него Наталія Александровна къ Гервегу, здѣсь разразился надъ ними, по ея возвращеніи, ударъ 16 ноября 1851 г., здѣсь полгода спустя, умерла Н. А.—Прудонъ эти два года провелъ въ тюрьмѣ—частью въ Консьержи, частью въ Сень-Пелажи; срокъ его заключенія кончился только въ іюнѣ 1852 г.

23 марта 1851 года Герценъ писалъ Прудону:

«Давно уже я собираюсь напомнить вамъ о себѣ, но въ моей душѣ такое *vacuum horrendum*, я такъ боленъ и, если не впалъ въ малодушіе, то, по крайней мѣрѣ, жизнь мнѣ такъ опротивѣла, что я не находилъ ничего, что стоило бы сообщать вамъ. Наше время принадлежитъ къ тѣмъ изнурительнымъ эпохамъ, о которыхъ исторія ничего не говоритъ, въ которыя ничего не случается, но въ которыя годъ всетаки состоитъ изъ 365 дней и человеческое сердце дѣлаетъ свои 60 ударовъ въ минуту. Это—эпохи субъективныхъ страданій, лиризмъ которыхъ выдыхается, не достигая даже сухого почетнаго упоминанія въ лѣтописи.—По счастію, отрадное извѣстіе о малюткѣ нашего друга Эдмонда оживило насъ на нѣсколько часовъ, и я пользуюсь этимъ поводомъ, чтобы пожать вамъ руку и поблагодарить васъ также съ нашей стороны за ваше дружеское содѣйствіе, потому что и мы съ женой имѣемъ нѣкоторыя права на маленькую Марію... Вы должны скоро перемѣнить тюрьму. Дай Богъ, чтобы большая не показалась вамъ болѣе непріятной, нежели маленькая. Пьемонтъ—всетаки лучший уголокъ Европы. Можетъ быть, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ здѣсь? Привѣтствую васъ отъ всей души.»

Отвѣчалъ ли Прудонъ на это письмо, неизвѣстно, но въ ноябрѣ, узнавъ отъ общихъ друзей о несчастіи, постигшемъ Герцена (16 ноября утонула мать Герцена, его сынъ Коля и воспитатель послѣдняго Шпильманъ), Прудонъ написалъ ему то удивительное письмо, которое самъ Герценъ напечаталъ потомъ (въ переводѣ) въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды». Это письмо—вмѣстѣ плачь и проклятіе. Съ безпредѣльнымъ участіемъ, со страшной скорбью Прудонъ оплакивалъ ударъ, павшій на Герцена. Потеря друга напомнила ему соб-

ственныя потери—самоубійство брата, преждевременную смерть отца и матери, замученных проклятымъ режимомъ; раскрылись старыя раны, и онъ съ бѣшенствомъ посылаетъ проклятія ненавистному Молоху, отнимающему у насъ все, что намъ дорого,—потому что и въ горѣ, постигшемъ Герцена, онъ видитъ слѣдствіе все той же гнетущей силы, которою онъ самъ запертъ въ тюрьму. «Въ чемъ разница между крестьяниномъ, у котораго сынъ взятъ въ солдаты, хозяйство разорено налогами и пр., который ломится подъ тяжестью безвыходнаго положенія, — и вами, обреченнымъ на скитанье изъ страны въ страну, на всѣ случайности переѣздовъ, у котораго часть семьи гибнетъ въ волнахъ?.. О, сколько слезъ и крови, въ которыхъ я имѣю право спросить отчета у гнетущей силы!.. Такъ много, что я отчаиваюсь при жизни свести счеты и только повторю съ псалмопѣвцемъ: *Beatus qui retribuet tibi retributionem tuam, quam retribuisti nobis!*»

Это письмо было датировано 27 ноября 1851 г., и Герценъ въ Ниццѣ получилъ его почти одновременно съ потрясающимъ извѣстіемъ о переворотѣ 2 декабря. Подъ двойной тяжестью общаго и личнаго горя онъ отвѣчалъ Прудону 26 декабря:

«Благодарю васъ искренно за ваше прекрасное письмо отъ 27 ноября; оно было для меня благотворно. Ваше сочувствіе мнѣ дорого; оно сдѣлало мнѣ мои страданія менѣе тягостными, болѣе Человѣчными.

«Вы говорите мнѣ: «Торопитесь оплакать ваши домашнія горести, потому что, если вамъ не вернетъ спокойствія крайнее напряженіе умиротворяющаго разума, вы увидите скоро такія вещи, которыя сдѣлаютъ ваше сердце нечувствительнымъ для всѣхъ вашихъ бѣдъ.»

«Эти пророческія слова оправдались страшнымъ образомъ, и умиротворяющему разуму не пришлось сдѣлать крайнихъ усилій. У меня больше нѣтъ слезъ. Мнѣ кажется иногда, что ужасная катастрофа, лишившая меня матери, ребенка и друга, случилась уже очень давно. Со времени этого кораблекрушенія успѣлъ потерпѣть крушеніе цѣлый міръ. Горькая участь—перейти непосредственно отъ погребенія своихъ близкихъ на общія похороны, не давъ ни часу отдыха разбитому сердцу!

«Крушеніе этого міра всѣ предвидѣли, но горе всегда поражаетъ, какъ что-то неожиданное. Діалектическіе выводы не утѣшаютъ. Больше двухъ лѣтъ назадъ вы сказали: «Не Катилина у вашихъ воротъ, а смерть!» Тогда она постучалась, теперь она отперла ворота. Царство буржуазной революціи прошло, царство фрондирующаго либерализма, риторическаго республиканизма, словъ и абстракцій—кончилось. Буржуазія продала свободу, честь, словомъ—все, чтобы сохранить свои деньги и монополіи,—что жъ! развѣ не справедливо, чтобы за эту симонію она была наказана безграничнымъ рабствомъ? Она боялась чрезмѣрной свободы—и добилась чрезмѣрнаго деспотизма, боялась варварства снизу—и достигла варварства сверху, не хотѣла ничего уступить народу—и вотъ народъ спокойно смотритъ, какъ разстрѣливаютъ республиканцевъ во имя порядка. Существовала ли когда-нибудь на свѣтѣ болѣе тощая, болѣе жалкая идея, нежели идея порядка? Порядокъ и скупость взамѣнъ престола и церкви! Но принципъ католической мо-

нархія былъ въ тысячу разъ болѣе поэтиченъ и социаленъ. Манія порядка и барышничества—вотъ чума, губящая этотъ міръ; онъ умираетъ безобразно, но въ общемъ это убиваетъ его не хуже, нежели его убилъ бы коммунизмъ,—и въ результатѣ его судьбы исполнятся. Но надо предоставить мертвымъ хоронить мертвецовъ.

«Какъ намъ было бы отрадно знать, что вы внѣ Парижа и Франціи! Парижъ—это Іерусалимъ послѣ Іисуса; слава его прошлому, но это—прошлое.

«Теперь остается еще только одинъ культурный уголокъ, одна консервативная страна—Англія. Только тамъ личность можетъ быть свободна. Внѣ Англіи существуетъ одна только Россія—юная Россія петербургская и старая французская. Между ними, какъ тряпка межъ двухъ алмазовъ,—Германія, лимфатическая, трансцендентальная и пассивная. Мы можемъ различать сквозь варварство, поглотившее континентъ, красную нить прогресса, но безъ принужденія невозможно вести человѣческую жизнь среди необузданной низости, среди этой оргіи произвола.

«Вы сдѣлали безмѣрно много. Вы употребили всѣ усилія, чтобы показать Франціи приближающуюся опасность. Вы указали средства спасенія и перехода. Вамъ удивлялся весь міръ отъ Москвы до Нью-Йорка. Но, говоря откровенно,—поняла ли васъ Франція? Когда вы говорили о мирѣ, она слышала призывъ къ войнѣ, когда вы проповѣдывали примиреніе, она принимала ваши слова за крикъ ненависти.

«Теперь *terrore tardi*—катастрофа разразилась, венсенскіе казаки и попы порядка одержали верхъ. Отвернемся отъ печальнаго зрѣлища охваченнаго безуміемъ міра и постараемся освободить и спасти самихъ себя, если мы не сумѣли спасти міръ.

«Жму вашу руку съ искренней, глубокой симпатіей. Разсчитывайте на меня. Я былъ бы радъ доказать вамъ на дѣлѣ мою дружбу и преданность».

Все это время до переѣзда Герцена въ Лондонъ отношенія между нимъ и Прудонъ поддерживались черезъ Шарля Эдмонда, который жилъ, какъ и Герценъ, въ Ниццѣ, и съ которымъ Прудонъ былъ въ постоянной перепискѣ. Черезъ него Прудонъ то и дѣло посылаетъ поклонъ Герцену, черезъ него привлекаетъ Герцена къ сотрудничеству въ проектируемыхъ имъ изданіяхъ:—Исторіи современной демократіи, Всеобщемъ біографическомъ словарѣ, и т. п. По выходѣ изъ тюрьмы (въ іюнѣ 1852 г.) Прудонъ тотчасъ принялся хлопотать о возстановленіи въ правахъ своихъ ближайшихъ друзей—Pilhès'a, Duchêne'a, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ, и Ш. Эдмонда и Герцена, лишенныхъ права жить въ предѣлахъ Франціи. Извѣщая объ этомъ Герцена, онъ пишетъ ему 7 августа 1852 г.: «Запрещеніе въѣзда во Францію бесполезно для вашей славы и для нашего дѣла; продолжайте ваши переѣзды; но необходимо, чтобы вы могли пріѣзжать въ Парижъ, потому что, въ концѣ концовъ, только здѣсь человѣкъ свободенъ и только здѣсь мыслить ¹⁾» Эти хлопоты, конечно, не привели къ положительному результату,—да Герцену онъ уже и не

¹⁾ Correspond., v. IV, p. 317.

былъ нуженъ: въ срединѣ августа онъ уѣхалъ въ Лондонъ, и на многіе годы.

5.

Прошло три года. Лѣтомъ 1855 г. Герценъ, принимая изданіе «Полярной Звѣзды», въ числѣ другихъ славныхъ иностранцевъ пригласилъ къ сотрудничеству и Прудона. Роли перемѣнились, теперь въ бой ополчался Герценъ—и замѣчательно, что Прудонъ счелъ нужнымъ предостеречь его противъ той самой опасности, на которую шесть лѣтъ назадъ, при основаніи *Voix du peuple*, указывалъ ему Герценъ. Онъ выражалъ готовность участвовать въ журналѣ Герцена,—разумѣется, ихъ дѣло—общее, дѣло свободы; но онъ долженъ напомнить Герцену, кто истинный врагъ. «Наше положеніе ужасно трудно! Вы пока еще заняты правительствами, а я, напротивъ, смотрю на управляемыхъ. Не слѣдуетъ ли, прежде чѣмъ нападать на деспотизмъ притѣснителей, напасть на деспотизмъ освободителей? Видали ли вы что-нибудь ближе подходящее къ тираніи, чѣмъ народные трибуны, и не казалась ли вамъ иной разъ нетерпимость мучениковъ такъ же отвратительной, какъ бѣшенство ихъ гонителей? Деспотизмъ оттого такъ трудно сокрушить, что онъ опирается на внутреннее чувство своихъ антагонистовъ, я долженъ бы сказать—своихъ соперниковъ, такъ что писатель, дѣйствительно любящій свободу, истинный другъ революціи, часто не знаетъ, въ которую сторону ему направлять свои удары, въ скопище ли утѣснителей, или въ недобросовѣстность утѣсненныхъ. Вѣрите ли вы, напримѣръ, что русское самодержавіе произведено одной грубой силой и династическими происками?.. Смотрите, нѣтъ ли у него сокровенныхъ основаній, тайныхъ корней въ самомъ сердцѣ русскаго народа? Я спрашиваю васъ, какъ одного изъ самыхъ откровенныхъ людей, которыхъ я зналъ,—неужели вы не приходили въ негодованіе, въ отчаяніе отъ притворства, отъ макіавелизма тѣхъ, которыхъ такъ или иначе европейская демократія признаетъ или *выноситъ* своими главами? Не надо распадаться передъ непріателемъ, скажете вы; но, любезный Герценъ, что страшнѣе для свободы—распаденіе или измѣна?

...«Сдѣлаемъ союзъ, какъ Бертранъ дю Гекленъ и Оливье де Клиссонъ, за свободу quand même, противъ всѣхъ живыхъ и мертвыхъ. Будемъ поддерживать дѣло освобожденія, откуда бы оно ни шло и какимъ бы образомъ оно ни являлось, и будемъ безъ пощады сражаться противъ предразсудковъ, хотя бы мы ихъ и встрѣтили у нашихъ единомышленниковъ и братьевъ» ¹⁾).

Герценъ тотчасъ отвѣчалъ на это письмо:

«Дорогой и уважаемый другъ! Я отдалъ бы Богъ знаетъ что, чтобы пожать вамъ руку по прочтеніи вашего письма. Грустно, что мнѣ ни разу не довелось жить сколько-нибудь продолжительное время въ одномъ городѣ съ вами. У меня есть тщеславная увѣренность, что даже среди вашихъ друзей лишь немногіе понимаютъ васъ лучше и съ большимъ діалектическимъ сочувствіемъ, нежели я. Вы одни—я

¹⁾ Письмо отъ 23-го іюля 1855 г., Пол. За. V, стр. 225—227.

столько разъ говорилъ это другимъ, что не могу не сказать этого и вамъ—вы одни являетесь *автономнымъ* мыслителемъ революции; у большинства остальныхъ—готовая, законченная, безусловная система идей. Они похожи на протестантскихъ священниковъ, которымъ позволено разсуждать до богословскаго шлагбаума; достигнувъ его, они принуждены жевать жвачку въ видѣ безконечныхъ варіацій на старыя темы съ арабесками и риторикой. Этого довольно, чтобы показать вамъ, что я очень хорошо понялъ вторую часть письма, и я также живу почти въ полномъ обособленіи.

«Благодарю васъ отъ всего сердца за готовность поддержать нашъ журналъ. Ваше имя—уже важный залогъ успѣха,—васъ обожаютъ на сѣверѣ. Но позвольте мнѣ настаивать на статьѣ; у васъ еще много времени до 1-го декабря. Разрѣшите мнѣ два—три раза напомнить вамъ объ этомъ».

«Что касается Россіи и славянства, то мой взглядъ на нихъ едва ли можно назвать идеалистическимъ или «exaltado». Вотъ мои основныя положенія: 1. Сельская община, опирающаяся на постоянный переѣлъ земли между хлѣбопашцами, и рабочая артель, основанная на раздѣлѣ заработка, не уравнилельномъ, но по согласію всѣхъ,—даютъ мнѣ право заключать, что въ самой природѣ славянскаго племени заложены элементы социализма. 2. Государство—ни до Петра I, ни послѣ никогда не было въ силахъ искоренить эти элементы. Государство сдѣлалось очень сильнымъ, очень централистическимъ, послѣ Петра I оно стало искусственнымъ (что станутъ дѣлать теперь, вернувшись къ рационализму,—я не знаю); государство все спаяло—и Николай, послѣдній неограниченный самодержецъ, уже не зналъ, ни что ему дѣлать, ни куда идти ¹⁾. 3. Я думаю, что безъ участія западныхъ социалистическихъ идей у славянскихъ народовъ никогда не хватить пылкости, чтобы отъ патриархальнаго коммунизма перейти къ сознательному социализму. Россія скромнѣе Савойи и не *farà da se*; ей нужны сочувствіе и помощь европейскихъ народовъ. Но, съ другой стороны, я убѣжденъ, что свободная свобода не воцарится на Западѣ, пока Россія будетъ оставаться какъ-бы солдатомъ на службѣ петербургскаго императора. Послѣ смерти Николая уже все пошатнулось. Александръ колеблется между Нессельроде и Ермоловымъ, между своимъ братомъ Константиномъ—и стаей нѣмецкихъ родственниковъ. Онъ добръ и слабъ, плачетъ съ офицерами, цѣлуется съ солдатами; онъ разрѣшилъ солдатамъ (въ Россіи это равносильно конституціи) разстегивать воротникъ и всѣмъ желающимъ—курить на улицѣ. И Украина встаетъ, а крѣпостные говорятъ: мы готовы идти умирать подъ Севастополемъ, но барщины работать не будемъ. Можно ли наказыывать за это въ военное время?

«Прощайте, дорогой другъ,—не забывайте меня! Мысль о томъ, что вы немного меня любите, будетъ утѣшать меня за непонятную для меня ненависть многихъ. Во всякомъ случаѣ, не забывайте, что вы имѣете во мнѣ не только поклонника, но и друга».

¹⁾ Прим. Герцена. Хотя еще возможенъ царь-мужикъ, съ бородой и тройной силой.

Послѣдняя пара писемъ Герцена и Прудона, которою мы располагаемъ, относится къ марту 1860 г., когда Герценъ напомнилъ о себѣ Прудону, приславъ ему чрезъ одного русскаго письмо и французскій экземпляръ «Былого и Думъ». Прудонъ тотчасъ отозвался дружескимъ письмомъ. Это было время наибольшей силы Герцена; его «Колоколъ» не только пользовался громаднымъ вліяніемъ въ Россіи, но являлся и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ демократическихъ органовъ Европы,—и зоркій Прудонъ спѣшилъ использовать эту новую силу въ интересахъ общаго дѣла свободы. Онъ приступалъ въ это время къ печатанію выпусками второго изданія своей книги «De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise» съ поправками и обширными дополненіями въ каждомъ выпускѣ. И вотъ онъ предлагаетъ Герцену время отъ времени перепечатывать въ «Колоколѣ» кое-что изъ этихъ выпусковъ, общая съ своей стороны цитировать въ нихъ Герцена. Это имъ было бы положено начало единенію Франціи съ Россіей; мы найдемъ, пишетъ онъ, корреспондентовъ—нѣмцевъ, фламандцевъ, голландцевъ, можетъ быть также англичанъ, швейцарцевъ, австрійцевъ, итальянцевъ, испанцевъ, американцевъ, грековъ и т. д.,—и при нѣкоторомъ усердіи мы можемъ въ шесть мѣсяцевъ покрыть нашей сѣтью всю Европу ¹⁾).

На это приглашеніе Герценъ отвѣчалъ изъ Лондона, Park-House, 23 марта:

«Только что получилъ ваше письмо и тотчасъ отвѣчаю. Искренно благодарю васъ за приглашеніе помѣстить что-нибудь въ вашемъ изданіи. Но долженъ вамъ сказать, что я и мой другъ Огаревъ завалены работой (у насъ на рукахъ «Колоколъ», «Полярная Звѣзда» и «Голосъ изъ Россіи» все это мы одни редактируемъ, а въ «Колоколѣ» и «П. Звѣздѣ» основныя статьи пишутся нами же). Но вотъ что могу вамъ предложить—переводъ (приспособленный для французской публики) серіи писемъ о «Россіи и Польшѣ». Эти письма будутъ отвѣтомъ на три или четыре статьи, опубликованныя поляками въ Парижѣ ²⁾). Надо сообщить вамъ основную мысль этихъ писемъ. Въ моихъ глазахъ Польша представляетъ собою *старую цивилизацію* въ славянскомъ мірѣ,—и это при всей ея трагической красотѣ, при всѣхъ преимуществахъ несчастія, со своими героическими воспоминаніями, стремленіемъ къ свободѣ, просвѣщеннымъ католицизмомъ и радикальной аристократіей; все это прекрасно, но все это не жизнеспособно. Мы, русскіе, ненавидимъ свое двойное прошлое: московское преданіе и петербургскую *статистику*; мы—изгой челоѣчества, наше племя—помѣсь съ татарами, финнами, туранскими народами. Западная цивилизація становится намъ ненавистной, разъ она колеблется

¹⁾ Corresp. IX, стр. 347—350.

²⁾ Герценъ говоритъ, безъ сомнѣнія, о тѣхъ двухъ своихъ письмахъ „Россія и Польша“, которыя были напечатаны въ №№ 65—67 *Колокола* за 15 марта и 1 апрѣля 1860 г.

перейти Рубиконъ и вступить въ социализмъ. Мужичкій, раскольничій, сельскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ Петербургомъ. Наша аристократія—это *татары, произведенные въ нѣмцы*. Народъ выставляетъ, вмѣсто *права на трудъ*, даровое *право на землю*, общинный строй, раздѣлъ земли, общее владѣніе и артель.

«Если это подходитъ для васъ, я примусь за переводъ. Но за время пребыванія въ Лондонѣ я забылъ французскій языкъ, такъ что придется выправить слогъ и орфографію.

«Я поговорю о вашемъ изданіи въ «Колоколѣ»: васъ любятъ и почитаютъ въ Россіи. Вашими врагами въ Россіи являются экономисты, сторонники полнаго *laissez-faire*, либералы оттѣнка Ламартинъ—Одиллонъ Барро; но быть предметомъ ненависти этихъ кретиновъ—чистое удовольствіе.

«Имѣется ли проспектъ вашего изданія? Я напечаталъ бы его въ «Колоколѣ». Если вы будете называть имена вашихъ сотрудниковъ, назовите и меня. Огаревъ (онъ занимается специально общиннымъ, экономическимъ и административнымъ устройствомъ въ Россіи)—одинъ изъ самыхъ выдающихся людей—хочетъ прислать вамъ кое-что и впередъ вамъ напишетъ.

«Нашъ Людовикъ XVI ¹⁾, Александръ, хоть и дуется на насъ, но читаетъ насъ неизмѣнно. Съ мѣсяцъ тому онъ написалъ на одномъ докладѣ вн. дѣлъ: «Я читалъ это въ Колоколѣ еще двѣ недѣли назадъ». Онъ начинаетъ безумствовать: произведенъ рядъ арестовъ и затѣянъ политическій процессъ—первый за это царствованіе».

7.

Какъ показываетъ письмо Прудона къ Герцену отъ 21 апрѣля 1861 г. (въ отвѣтъ на утраченное письмо Герцена отъ 13-го) ²⁾, сношенія между ними не прекращались и позднѣе. Въ пятой книжкѣ «Полярной Звѣзды» (1859) Герценъ напечаталъ ту часть «Былого и Думъ», которая содержитъ разсказъ объ изданіи «*Voix du peuple*» и характеристику Прудона. Для насъ неважно знать, вѣрна ли эта характеристика объективно; но она, безъ сомнѣнія, въ высшей степени характерна для самого Герцена. Онъ совершенно игнорируетъ положительную сторону дѣятельности и ученія Прудона: согласно своему общему взгляду на европейскій міръ, онъ видитъ въ Прудонѣ только разрушителя и цѣнитъ въ немъ только идущее до конца безстрашіе аналитической мысли. Онъ говоритъ, что у Прудона нѣтъ никакой системы, что онъ просто изучаетъ и объясняетъ процессъ разложенія старой Европы и въ своей критикѣ не останавливается даже передъ освященными символами и кумирами революціи. Высшая его похвала Прудону—что онъ «перенесъ нравственность на единственную реальную почву—грудь человѣческую, признающую одинъ разумъ и никакихъ кумировъ «развѣ его». И потому онъ прощаетъ

¹⁾ Такъ называлъ Александра II въ своихъ письмахъ Прудонъ.

²⁾ Correspond. XI, p. 21.

Прудону всѣ ошибки и противорѣчія,—но когда Прудонъ, «великій иконоборецъ», испугался освобожденной человѣческой личности, и, освободивъ ее отвлеченно, повелъ на закланіе богу безчеловѣчному, холодному богу *справедливости*, новому кумиру,—Герценъ съ грустью закрылъ его книгу: «Тяжкое... тяжкое время!.. Разлагающій воздухъ его одуряетъ сильнѣйшихъ»...

Прудонъ умеръ 19 января 1865 г. Въ номеръ «Колокола» отъ 1 февраля (л. 194) Герценъ посвятилъ ему коротенькій, задушевный некрологъ. Здѣсь—та же оцѣнка, чрезвычайно отчетливая,—не со стороны положительныхъ результатовъ, а со стороны *метода*. «Прудонъ не разрѣшилъ великихъ вопросовъ, не снялъ страшныхъ сомнѣній, онъ не основалъ школы, но оставилъ деалектическій таранъ. Можетъ онъ и думалъ, что умѣетъ лечить, но сила его была не въ леченіи, а въ разсѣченіи труповъ. Прудонъ не создавалъ, онъ ломалъ, онъ воевалъ, а главное, онъ двигалъ, онъ все двигалъ, все покачивалъ, все затрагивалъ, отбрасывая условныя уваженія, освященныя навикомъ понятія и принятый безъ критики церемоніаль. Надобно вспомнить внутреннюю робость романской мысли—дерзкой снаружи, волнуемой на поверхности, быстро несущейся въ извѣстномъ слоѣ и упорно хранящей въ глубинѣ своей завѣтныя начала, занесенныя вѣковой тиной,—туда-то и проникалъ Прудонъ, и несмотря на крикъ негодованія и скрежетъ зубовъ, своей крѣпкой, плебейской, крестьянской рукой толкалъ эти мнимые клады въ общій цотокъ. Это была своего рода *ликвидациа*—нравственно недвижимыхъ имуществъ».

М и ш л е.

Осенью 1856 года въ фельетонъ газеты *Avènement du peuple* были напечатаны статьи Мишле о Косцюшкѣ—первая изъ его «Сѣверныхъ демократическихъ легендъ». Это была не простая біографія. Цѣль Мишле заключалась въ томъ, чтобы высказать порабощенной Польшѣ свое горячее сочувствіе и особенно свою вѣру въ ея будущее, въ ея великое всемірно-историческое назначеніе. Для этого ему пришлось развить полную философію русской и польской исторіи: эта философія исторіи и являлась основнымъ содержаніемъ очерка, біографія же Косцюшко служила лишь иллюстраціей къ ней.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мишле—цѣликомъ или въ изложеніи—читалъ знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева (онъ и упоминаетъ о немъ) и именно отсюда заимствовалъ свои главныя мысли о русскомъ народѣ. Но онъ самостоятельно обосновалъ и дополнилъ ихъ, а главное—горькое проклятiе Чаадаева подъ его перомъ превратилось въ безпощадный и враждебный приговоръ. Что внушило гуманному, благородному, мягкому Мишле эту жестокость и злобу, съ которыми онъ предсказывалъ или, вѣрнѣе, констатировалъ духовную гибель русскаго народа?—Тутъ соединились разныя причины. Главною изъ нихъ было, разумѣется, состраданіе къ Польшѣ и естественная ненависть къ ея поработителямъ. Далѣе, Мишле приступилъ къ размышленію о Россіи не только безъ знакомства съ нею, но такъ ска-

затѣ, во всеоружіи невѣжества: перечитавъ все, что было писано о ней европейцами, прочитавъ даже знаменитую книгу Гакстаузена о русской общинѣ (она вышла въ 1847 году), Мишле, конечно, не узналъ психологіи русскаго народа, но зато приобрѣлъ увѣренность въ своихъ сужденіяхъ о ней, и это увѣренное невѣжество, въ соединеніи съ галльской склонностью къ стройнымъ схемамъ, позволило ему на почвѣ чаадаевскихъ посылокъ воздвигнуть такую философію русской исторіи, въ которой нѣтъ ни русскаго, ни обще-историческаго правдоподобія. Наконецъ, не осталось безъ вліянія и то, что эти статьи писались наканунѣ переворота 2 декабря; душа Мишле была полна горечи и острой ненависти къ деспотизму, надвигавшемуся на Францію, и къ деспотизму вообще,—а это неминуемо должно было придать сугубую страстность его враждѣ къ царской Россіи.

Но въ послѣдней главѣ, какъ бы желая смягчить свой приговоръ, Мишле заявляетъ, что онъ далекъ отъ безнадежности чаадаевскаго взгляда на Россію: онъ видитъ искру подъ гробовой плитой. Къ этимъ словамъ онъ сдѣлалъ такую выноску: «Эта искра—не въ той ли она чудесной брошюрѣ, которая только что появилась? Авторъ, русскій по рожденію, но отчасти и съ благороднѣйшей рейнской кровью въ жилахъ, пишетъ на нашемъ языкѣ съ поразительной силой, которая разоблачаетъ его анонимъ и обнаруживаетъ всюду пламеннаго патріота. Я десять разъ перечитывалъ ее съ изумленіемъ. Мнѣ чудилось—древніе герои Сѣвера безпощаднымъ мечемъ начертали здѣсь приговоръ этому жалкому міру... Увы! Это приговоръ не одной Россіи, но и Франціи и Европѣ.—«Мы бѣжимъ изъ Россіи, говоритъ онъ; но Россія—всюду, Европа—тюрьма».—Но пока въ Европѣ есть такіе люди, еще нельзя отчаяваться». Мишле говоритъ о французской брошюрѣ Искандера—Герцена «Развитіе революціонныхъ идей въ Россіи», вышедшей лѣтомъ этого года (1851). Очевидно онъ еще не зналъ Герцена лично, но уже слышалъ о немъ отъ общихъ друзей.

Отвѣтъ Герцена на статьи Герцена о Косцюшкѣ («Русскій народъ и социализмъ») появился уже черезъ мѣсяцъ или два послѣ нихъ. Какъ разъ въ этотъ промежутокъ и завязалась переписка между Герценомъ и Мишле. Кто началъ ее, мы не знаемъ; но вотъ первое изъ сохранившихся тридцати писемъ Мишле. Оно не датировано. Герценъ жилъ въ это время въ Ниццѣ, куда только что вернулась къ нему и Наталія Александровна.

«Я былъ счастливъ,—писалъ Мишле,—по крайней мѣрѣ отчасти выразить въ моихъ польскихъ и русскихъ легендахъ мое глубокое уваженіе къ вашему таланту и характеру. Надѣюсь при случаѣ поговорить о вашей книгѣ обстоятельно и *по душѣ*.

«Пожалуйста, не судите этихъ легендъ по крайне неточному тексту, который появился въ газетѣ. Я собираюсь перепечатать ихъ книгою, и не премину доставить ихъ вамъ очищенными отъ типографскихъ и многихъ моихъ собственныхъ ошибокъ. Я вычеркну особенно мой несправедливо рѣзкій отзывъ о русской литературѣ. Мнѣ жаль сказаннаго мною о славныхъ патріотахъ, великая заслуга которыхъ заключалась въ томъ, что они своими головами приподня-

ли этот страшный ледяной сводъ и открыли хоть малую щель, чтобы погребенный народъ могъ нѣсколько вздохнуть.

«Мнѣ говорили, что вы собираетесь напечатать нѣкоторыя замѣчанія на мои легенды. Если это такъ, каковы бы они ни были, я буду вамъ благодаренъ за эту высокую честь и приложу всѣ старанія, чтобы дать вашей критикѣ возможно большое распространіе.

«Вѣрьте, что узы, соединяющія меня съ вами, слишкомъ прочны, чтобы какое нибудь внушеніе литературнаго тщеславія могло порвать или ослабить ихъ. Меня связываетъ съ вами и общность убѣжденій, и общность друзей, память Бакунина и всѣхъ великихъ патріотовъ, русскихъ и польскихъ, нашего времени».

Этимъ письмомъ, повидимому, и было положено начало перепискѣ. Герценъ отвѣчалъ, и слѣдующее письмо Мишле уже было отвѣтомъ на его письмо. У нихъ оказалось много общихъ интересовъ и, очевидно, также теплое взаимное чувство. Со стороны Мишле письма такъ и посыпались; послѣ перваго, сейчасть цитированнаго, они слѣдуютъ другъ за другомъ въ такихъ разстояніяхъ: 21 и 27 октября, 3, 7, 11, 17, 21, 30 ноября.

Здѣсь рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ. Кто-то, общій знакомый, вѣроятно участникъ революціи 48-года, томясь въ тюрьмѣ, по слухамъ началъ выдавать; Герценъ, повидимому, посылаетъ Мишле статейку, гдѣ опровергаетъ эти слухи, съ просьбою помѣстить ее въ какой-нибудь газетѣ посмѣлѣе; такъ надо понять начало письма Мишле отъ 21 октября. Онъ пишетъ, что употребитъ всѣ старанія, чтобы статейка была помѣщена, и что надѣется на успѣхъ: «Они нерѣшительны и робки, но напечатаютъ. Я думаю въ *post-scriptum* сказать нѣсколько словъ о нашемъ несчастьи; хочу сказать, главное, что изъ него невозможно извлечь что либо по той простой причинѣ, что онъ ничего не зналъ. Всѣ знали его непринужденность, открытый характеръ и героическую нескромность, и никто не рискнулъ бы довѣрить ему что нибудь. Эта ужасная вѣсть рѣзнула меня по сердцу. Я утѣшалъ себя мыслью, что онъ умеръ. Насколько это было бы лучше, нежели стать игрушкой тигровъ!..»

По поводу толковъ о намѣреніи Николая отмѣнить крѣпостное право Мишле высказываетъ свое предположеніе, что царь старается только запугать дворянство, но въ сущности ничего не думаетъ сдѣлать для крестьянъ; желая опровергнуть эти вредные слухи съ фактами въ рукахъ, онъ проситъ у Герцена совѣта и литературныхъ указаній. Онъ спрашиваетъ, есть ли портреты Пестеля, Рылѣева и Бакунина (онъ хотѣлъ бы помѣстить ихъ въ своемъ «кіотѣ»), добивается знать, вѣритъ ли Герценъ слуху о смерти Бакунина, проситъ у него біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ, чтобы воспользоваться ими при переизданіи своихъ сѣверныхъ легендъ, сообщаетъ ему о своихъ хлопотахъ по разсылкѣ «Развитія революціонныхъ идей въ Россіи» во французскія газеты для отзыва (конечно, по просьбѣ Герцена).

Между ними, повидимому, было условлено, что рукопись своей критики на «Легенду о Косцюшкѣ» Герценъ пришлетъ Мишле, который постарается помѣстить ее въ какомъ нибудь изъ передовыхъ

французскихъ органовъ печати. Въ началѣ ноября статья была въ рукахъ Мишле; это, какъ извѣстно, «Русскій народъ и социализмъ». Восторгъ Мишле не зналъ границъ. 3 Ноября, тотчасъ по полученіи рукописи, онъ пишетъ Герцену: «Каждое ваше слово *дѣло*. На этотъ разъ ваша рѣчь тронула меня до слезъ. Нѣтъ, вы не погибнете. Мы спасемся всѣ вмѣстѣ. Франція воскреснетъ въ 52 году, и міръ еще будетъ жить. Вы, очевидно, въ извѣстномъ смыслѣ,—авангардъ чело-вѣчества. Избави меня Богъ спорить съ тѣми, кто занимаетъ этотъ почетный постъ! Еще до полученія вашихъ замѣчаній я исправилъ сказанное мною о русской литературѣ». Онъ пишетъ, что въ новомъ изданіи своей легенды онъ публично выразить Герцену свою благодарность и изложить свои сомнѣнія по частнымъ пунктамъ, самую же статью Герцена постарается устроить въ какойнибудь ежедневной газетѣ, если же не удастся, то въ журналѣ. Очевидно, ему не удалось ни то, ни другое: статья Герцена была издана сразу отдѣльно, еще въ томъ же 1851 году, въ Ниццѣ ¹⁾.

Недѣлю спустя послѣ этой рукописи Мишле получилъ отъ Герцена другую, именно—просимыя біографическія свѣдѣнія о Бакунинѣ. «Только что,—пишетъ онъ 11 ноября, съ радостью получилъ вашу прекрасную замѣтку, полную душевной теплоты и благородства, какъ все, что вы пишете. Скажу откровенно, я считаю васъ однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей на нашемъ языкѣ, кто же осмѣлится васъ исправлять? Я извлеку большую пользу изъ этого прекраснаго письма для тѣхъ немногихъ словъ, которыя и говорю о Бакунинѣ въ концѣ моихъ «Русскихъ мучениковъ», первый экземпляръ коихъ вы скоро получите. Но необходимо, чтобы оно кромѣ того было напечатано *цѣликомъ* въ газетахъ съ прибавкою нѣсколькихъ словъ въ началѣ и концѣ. Мнѣ очень хочется, *если вы позволите это*, сдѣлать изъ него такое употребленіе, которое, я увѣренъ, пришлось бы по душѣ бѣдному Бакунину, если бы онъ былъ живъ: именно, использовать ваше письмо для прокормленія семьи, умирающей съ голоду. Я поручу его пополненіе одному бѣднягѣ, заслуживающему впрочемъ всякаго уваженія, Леону Нозлю, которому приходится содержать жену, дѣтей, отца и мать. Онъ помѣститъ его или въ *Avénement*, или въ *National*. Въ газетахъ уже было кое-что о Бакунинѣ, но, я думаю, онѣ не откажутся помѣстить такую подробную, вразумительную и краснорѣчивую замѣтку, какъ ваша. Отвѣчайте мнѣ объ этомъ какъ можно скорѣе. Я ничего не предприиму до полученія вашего согласія»

Въ половинѣ ноября, въ *Avénement*, конечно стараніями Мишле, были помѣщены обширныя выдержки изъ письма Герцена къ Мишле съ замѣткой отъ редакціи: «Чтеніе «Демократическихъ легендъ» г. Мишле, помѣщенныхъ въ *Avénement*, вызвало со стороны одного изъ наиболѣе выдающихся патріотическихъ писателей Россіи отвѣтъ, трогательное краснорѣчіе котораго заставитъ биться всѣ сердца. Спѣшимъ представить отрывки изъ него друзьямъ свободы во всѣхъ странахъ» ²⁾.—Теперь Мишле предлагалъ большую статью Герцена о Ба-

¹⁾ Что касается поправокъ въ первомъ отдѣльномъ изданіи „Легенды о Косцюшко“, то, не видѣвъ этого изданія, мы не можемъ о нихъ судить.

²⁾ *Avénement du peuple*, № 63, отъ 19-го ноября 1851 г.

кунинѣ отдать (какъ сказано, съ поправками Ноэля) въ National, и тамъ же помѣстить другую полученную имъ одновременно статью Герцена—о Петрашевскомъ. Но объ статьи, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, оставались въ рукописи еще лѣтомъ слѣдующаго 1852 г., когда Мишле писалъ Герцену, что его статья о Бакунинѣ («передѣланная на мой ладъ») и статья о Петрашевскомъ будутъ напечатаны «на-дняхъ»¹⁾.

Правда, въ промежуткѣ обоимъ было не до литературы: 16-го ноября утонули мать и сынъ Герцена, 2-го декабря Людовикъ Бонапартъ объявилъ себя господиномъ Франціи. 30-го ноября Мишле писалъ: «М-г Мишле, узнавъ о страшномъ несчастіи, постигшемъ м-г Герцена, пораженъ глубокой скорбью. Онъ знаетъ несокрушимую силу его характера и надѣется, что и на этотъ разъ онъ устоитъ противъ судьбы. Какъ перенесла м-те этотъ ужасный ударъ?» А спустя пять недѣль послѣ переворота, 10-го января 1852 г., онъ пишетъ: «Если можете, извѣщайте меня о вашемъ здоровьи и здоровьи вашей супруги. Мое сердце съ вами. Я раненъ, *но не мертвъ*. Какъ я хотѣлъ бы, чтобы вы были здѣсь; я сказалъ бы вамъ всю мою мысль. Состояніе больного вовсе не безнадежно. Не придавайте кризису слишкомъ большого значенія. Эту микстуру надо было проглотить; онъ принялъ ее потому, что хотѣлъ выздоровѣть. Безъ этого сильнаго рвотнаго онъ навсегда остался бы прикованнымъ къ постели: это метода Разори—500 гранъ рвотнаго... Лишь только рвотное подѣйствуетъ а этого недолго ждать,—онъ совершенно оправится». Это письмо, писанное эзоповскимъ языкомъ, подписано одной только буквой М.: такъ приходилось остерегаться въ тѣ мрачные дни, когда людей во Франціи хватали тысячами и судили военно-административнымъ судомъ безъ права обжалованія.

16-го марта Мишле, обезпокоенный молчаніемъ Герцена, проситъ у него свѣдѣній о состояніи здоровья Наталіи Александровны. При этомъ онъ рассказываетъ исторію того рисунка, который онъ на-дняхъ послалъ Герцену. За столомъ у него шелъ разговоръ о несчастіи, постигшемъ Герцена, и особенно о словахъ послѣдняго въ письмѣ къ Мишле: «Я погибъ вмѣстѣ съ цѣлымъ міромъ» (*J'ai péri avec un monde*). Среди находившихся здѣсь друзей былъ извѣстный скульпторъ Огюстъ Прео (Préaut): онъ-то, подъ впечатлѣніемъ этого разговора, и набросалъ рисунокъ: *Скорбь, владыкующая міромъ, терзающая его и приводящая его въ движеніе*: она попираетъ ногами земной шаръ, который вертится, не подвигаясь впередъ; даль—это либо море, либо Сибирь, вообще—безплодная безконечность, по выраженію Гомера. «Примите этотъ рисунокъ, какъ свидѣтельство горячей симпатіи, которую питаетъ къ вамъ здѣсь все, что мыслить, какъ залогъ глубокой связи между великими художниками и славными патріотами всѣхъ странъ».

¹⁾ Статья о Бакунинѣ, повидному, такъ и не попала въ печать. Въ январѣ 55 года Мишле пишетъ Герцену, что хотѣлъ помѣстить „нашу статью о Бакунинѣ“ въ одномъ журналѣ, но редакторъ отвѣтилъ ему, что не желаетъ закрывать себѣ доступа въ Россію.

Герценъ посвятилъ Мишле и въ ту исторію увлеченія Наталіи Александровны Гервегомъ, которая разсказана въ ненапечатанной доселѣ пятой части «Былого и Думъ». Эта исторія вообще получила большую огласку въ эмигрантскихъ кругахъ, и Герценъ глубоко страдалъ отъ кривотолковъ, отъ инсинуацій своихъ недруговъ или друзей Гервега. Болѣзненная чуткость, съ которою онъ воспринималъ все касавшееся этого дѣла, лишала его самообладанія и толкала на ложные шаги; онъ метался, какъ раненный звѣрь, изнемогая отъ боли и ярости, и если уцѣлѣлъ и не надѣлалъ безумствъ, то это была заслуга нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей, которые своимъ сердечнымъ участіемъ поддерживали и сдержали его. Къ числу этихъ друзей принадлежалъ и Мишле. Съ горячей любовью и нѣжной деликатностью писалъ онъ Герцену въ эти дни. Онъ самъ, уже почти старикъ, переживалъ тогда тяжелое время. Въ 1851 году онъ за пропаганду демократическихъ идей былъ лишенъ каѳедры въ Collège de France,—теперь, въ іюнѣ 1852 г., за отказъ дать присягу, онъ потерялъ свою службу въ Національномъ архивѣ и принужденъ былъ покинуть Парижъ.

2-го мая 1852 года умерла Наталія Александровна, а въ концѣ іюня Мишле изъ Нанта писалъ Герцену: «Нечего говорить вамъ, съ какимъ глубокимъ волненіемъ я узналъ объ этомъ новомъ несчастіи, постигшемъ васъ. Чувство вашего положенія превозмогло мою собственную грусть,—ибо что я потерялъ въ концѣ концовъ? Возможность жить въ Парижѣ, возвышенное общеніе съ публикою, которымъ я жилъ такъ давно, наконецъ мое трудовое уединеніе въ архивѣ, гдѣ я провелъ 22 года. Нѣтъ, все это ничто въ сравненіи съ невыразимой скорбью, павшей на васъ. Братъ! я давно написалъ бы вамъ, еслибы не это разореніе моего очага. Въ два мѣсяца я трижды мѣнялъ мѣсто жительства: изъ Терна въ Парижъ, и изъ Парижа въ Нантъ. Два обстоятельства побудили меня поселиться здѣсь. Во-первыхъ, дешевизна жизни (мой небольшой доходъ цѣликомъ уходитъ на уплату двумъ пансіонамъ за моихъ дѣтей); во-вторыхъ, въ нантскомъ архивѣ я нахожу цѣнные документы для окончанія моей исторіи революціи, что возьметъ у меня, можетъ быть, годъ, если только улучшеніе общихъ условій не позволитъ мнѣ вернуться въ Парижъ. Я хотѣлъ бы быть съ вами и видѣть вашу душу, знать, какъ ваше мужественное сердце переноситъ эти великія страданія; это дало бы мнѣ силу для меня самого. Я увѣренъ, что испытаніе не превышаетъ вашихъ силъ. *Magno magna*. Съ тѣхъ поръ, какъ и я сталъ изгнаникомъ, я чувствую себя въ болѣе тѣсномъ общеніи съ вами, и тѣмъ болѣе братски я жму вашу руку, дорогой и великій патріотъ».

Въ отвѣтъ на письма Герцена о дѣлѣ Гервега Мишле писалъ: «Ради Бога, не думайте, что у меня на одну минуту возникло сомнѣніе въ отношеніи тѣхъ интимныхъ и печальныхъ обстоятельствъ, о которыхъ вы мнѣ писали. Очевидно, я дурно выразился въ моемъ письмѣ. Напротивъ, во мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ безусловнаго довѣрія и благоговѣнія къ вамъ. Да, именно благоговѣніе чувствую я, читая вашъ возвышенный манифестъ о союзѣ Россіи съ Польшою. Эти строки исторгаютъ слезы нѣжности и удивленія». Другой разъ онъ пишетъ, очевидно—о томъ же дѣлѣ: «Позвольте мнѣ дать вамъ братскій со-

вѣтъ. Изложивъ ситуацію тѣмъ изъ нашихъ друзей, которые пользуются нравственнымъ авторитетомъ,—бросьте дѣло; когда ожидаемая обстоятельства явятся, оно пойдетъ своимъ путемъ. Первая работа демократіи будетъ состоять въ томъ, чтобы очиститься и запретить безчестнымъ людямъ вмѣшиваться въ ея дѣла». Въ этомъ письмѣ Мишле сообщаетъ, что онъ установилъ въ своемъ салонѣ на первомъ мѣстѣ портретъ «нашего Бакунина». Этотъ портретъ рисовала для него осенью 1851 года Наталія Александровна,—и потому, говоритъ Мишле, онъ дорогъ ему вдвойнѣ: ради Бакунина и ради нея. Это письмо онъ кончаетъ словами: «Сердечно жму вашу руку, дорогой другъ и дорогой братъ».

Съ половины 1852 года, когда Герценъ переселился въ Лондонъ, наступаетъ долгій перерывъ въ перепискѣ. Она возобновляется, по почину Герцена, въ началѣ 1855 года и, то учащаясь, то снова прерываясь надолго, тянется до конца жизни Герцена; за эти 15 лѣтъ накопилось, со стороны Мишле, 16 писемъ.

Теперь это была обыкновенная дружеская переписка двухъ писателей, сердечно симпатизирующихъ другъ другу и глубоко уважающихъ одинъ другого, но раздѣленныхъ пространствомъ и разностью умственныхъ интересовъ. Мишле неизмѣнно посылаетъ Герцену каждую свою новую книгу и при этомъ обыкновенно въ письмѣ объясняетъ ея характеръ или цѣль; часто онъ проситъ у него содѣйствія по разсылкѣ своихъ книгъ англійскимъ редакціямъ. И точно также Герценъ посылаетъ ему свои писанія и изданія, и Мишле заботится о появленіи отзывовъ во французскихъ журналахъ и старается пристроить у издателей французскій переводъ «Тюрьмы и ссылки».

Онъ по-старому обожаетъ Герцена, какъ человѣка и писателя, и по-прежнему съ интересомъ слѣдитъ за русскимъ дѣлами. «Мое сердце среди васъ», пишетъ онъ однажды. Онъ проситъ свѣдѣній о дѣятельности лондонской типографіи! «Это мнѣ нужно знать ради великаго дѣла—и ради васъ, дорогой другъ, чье благородное сердце послѣ столькихъ несчастій нашло въ немъ убѣжище». «Какъ обстоитъ дѣло съ вашей «Полярной Звѣздой» и другими вашими изданіями? Это меня крайне интересуетъ. Удалось ли вамъ завязать сношенія съ этимъ темнымъ и неизмѣримымъ океаномъ—Россіей? Говорятъ, тамъ есть сердца, бьющіяся за свободу,—но въ какомъ кругу?»—и онъ радуется отвѣту Герцена, что «Полярная Звѣзда» приобрѣла друзей въ Россіи, и отъ души привѣтствуетъ зарю русскаго пробужденія; онъ увѣренъ что при такихъ условіяхъ Герценъ долженъ былъ стать въ Россіи «королемъ сердецъ и властителемъ умовъ». Онъ былъ счастливъ, узнавъ, что Бакунинъ живъ: «Его легенда, его заключеніе, его смерть—все это сотни разъ вспоминалось мнѣ ночью». Когда въ 59 году Герценъ прислалъ ему портретъ свой и Чаадаева, онъ писалъ: «Сердечно благодарю васъ за прекрасныя гравюры. Похожъ ли вашъ портретъ? или васъ такъ измѣнила борода? Портретъ Чаадаева изумителенъ. Онъ запечатлѣнъ глубокой мыслью невѣдомаго міра». Получивъ лондонское изданіе записокъ Екатерины II, Мишле пишетъ: «Я рѣдко читалъ что-нибудь болѣе интересное и что лучше позволяло бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ нащупать самую основу натуры,

нежели ваши *Мемуары* Екатерины. Вы вѣрно сказали въ вашемъ чудесномъ введеніи: во всемъ этомъ недостаетъ одного—Россіи. Династическое таинство созданія наслѣдника *во что бы то ни стало* было уже раньше постигнуто одной датской королевой, но здѣсь оно было осуществлено, по признанію самой пациентки, гораздо лучше. Все это замѣчательно, да недурно и то, что она говоритъ дальше,—что первый мужчина былъ неваженъ, и второй былъ неваженъ, такъ—шутъ гороховый, и третій плохъ (это о Понятовскомъ); это должно было внушить пациенткѣ отчаянное презрѣніе къ мужчинамъ. По одному слову уже можно догадаться, что, примирившись со столькими вещами, она пойдетъ и на убійство Петра III. Это настоящая заслуга съ вашей стороны, и большое мужество. О такихъ вещахъ династіи помянуть вѣрнѣе, нежели о какой бы то ни было политической оппозиціи. Искреннимъ и теплымъ чувствомъ проникнуты строки Мишле, когда онъ касается личности Герцена. Въ 1861 г., по выходѣ во французскомъ переводѣ перваго тома. «Былого и Думъ», онъ пишетъ: «я только что съ живѣйшимъ интересомъ прочелъ вашу прелестную книгу. Въ ней тысяча вещей, трепещущихъ жизнью; еврейскіе мальчики, встрѣча съ женщиной вечеромъ—исторгаютъ слезы. Необыкновенно трогательно любовное свиданіе на кладбищѣ. Все это такъ живо напомнило мнѣ самыя тяжкія ваши страданія,—мое сердце скорбитъ о нихъ; и у меня есть драгоцѣнное напоминаніе объ этой прелестной женщинѣ—портретъ Бакунина, который она была такъ добра нарисовать для меня. «Иногда письма Герцена служили ему поддержкою въ его собственныхъ скорбяхъ»; такъ было, когда онъ потерялъ дочь, такъ и въ другой разъ онъ пишетъ: «для меня утѣшеніе въ моихъ тѣлесныхъ немощахъ получить письмо вродѣ вашего и чувствовать, что *наша церковь*, правовѣрная церковь, крѣпнетъ и сплачивается».

Когда Герценъ умеръ, Мишле было уже 72 года. Два года спустя, находясь временно во Флоренціи, гдѣ сынъ Герцена, Александръ Александровичъ, былъ профессоромъ университета, онъ перечиталъ свои письма къ Герцену и, возвращая ихъ, писалъ А. А-чу, что они напоминали ему его «страсть» къ его отцу и къ Мицкевичу, изъ которыхъ каждый воплотилъ въ себѣ сліяніе Россіи съ Польшею. «Господи! какъ я ихъ любилъ! И какой идеалъ будущаго!» Напомнили они ему и многое другое; въ Пизѣ, куда онъ ѣдетъ теперь, онъ хотѣлъ бы опять почитать о Россіи: «не знаете ли вы тамъ кого-нибудь, кто хотъ немного интересуется этими вещами?»

В. Гюго, Кинэ, Луи-Бланъ и др.

1.

Былъ ли Герценъ лично знакомъ съ В. Гюго, мы не знаемъ. Приступая къ изданію «Полярной Звѣзды», онъ въ числѣ другихъ демократическихъ знаменитостей Запада просилъ о сотрудничествѣ и Гюго, и послѣдній — тогда самъ изгнанникъ — отвѣчалъ съ Джерсея (25 іюля 1855 года) восторженнымъ согласіемъ, котораго, разумѣется

не предполагалъ осуществить. Отрывокъ изъ этого письма Герценъ напечаталъ въ первой книжкѣ «Пол. Зв.», значительно смягчивъ въ своемъ переводѣ его необузданную риторичность.

Сохранилось, кромѣ этого, еще пять писемъ Гюго къ Герцену;¹⁾ почти всѣ они писаны въ отвѣтъ на присылку послѣднимъ его новыхъ книгъ и статей. Такъ по поводу статьи Герцена «Смерть Ст. Ворцеля», онъ писалъ ему 15 марта 1857 г.: «Дорогой изгнанникъ и дорогой братъ по скитаніямъ! Благодарю за ваши великія и благородныя слова о доблестномъ умершемъ. Вы сказали о Ворцелѣ, какъ Ворцель сказалъ бы о васъ. Но вы—живите. Живите для борьбы, которой нужны свѣтлыя сердца и лучезарныя умы, какъ ваши. Жму вашу руку. Викторъ Гюго». Годъ спустя, очевидно по полученіи «*La France ou l'Angleterre*»? Гюго пишетъ (13 апрѣля 1858 г.): «Ваше сочиненіе, мой доблестный и дорогой согражданинъ, существенно, какъ мысль, и сильно, какъ убѣжденіе. Я называю васъ согражданиномъ, потому что у васъ и у меня — одна мысль: будущее, и подъ ногами одна почва — единеніе человѣчества. Вы освѣтили положеніе яркимъ лучемъ; я согласенъ съ вами почти во всемъ, и отъ полного сердца, съ кликомъ, смѣло впередъ! посылаю вамъ братское рукопожатіе». Любопытно впечатлѣніе, вынесенное великимъ французскихъ поэтомъ изъ чтенія 1-го тома «Былого и Думъ», который вышелъ по французски въ 1860 г. 15 іюля этого года, Гюго пишетъ Герцену: «Дорогой соотечественникъ по изгнанію—(потому что изгнаніе—нынѣ отечество всѣхъ честныхъ душъ)—жду вашу руку. Благодарю васъ за прекрасную книгу, которую вы прислали мнѣ. Ваши воспоминанія—это лѣтопись счастья, вѣры, высокаго ума и добродѣтели. Вы мастеръ мыслить и страдать—два высшихъ дара, какими можетъ быть надѣлена душа человѣка. Поздравляю васъ отъ глубины сердца. — Въ этой прекрасной и доброй книгѣ я пожалѣлъ лишь объ одной страницѣ (218); вы больше, чѣмъ кто нибудь, были достойны оцѣнить великое поколѣніе 1830 года, которое во Франціи довершило революцію дѣла революціей идей, которое сразу породило социализмъ и романтизмъ, т. е. новый міръ съ его глаголомъ, и которое нынѣ продолжаетъ свое апостольство сопротивленіемъ и свое служеніе—изгнанничествомъ. Когда-нибудь васъ охватитъ желаніе воздать ему справедливость, и вы прославите юношество 1830 гг. и заклейте молодежь 1860-хъ. Исключая этой страницы, повторяю, ваша книга восхищаетъ меня отъ начала до конца. Вы внушаете ненависть къ деспотизму, вы помогаете раздавить чудовище; въ васъ соединились неустрашимый боецъ и смѣлый мыслитель. Я съ вами. Викторъ Гюго». Нѣсколько лѣтъ спустя, получивъ отъ Герцена остальные томы французскаго перевода «Былого и Думъ» и медаль въ память десятилѣтія вольной русской типографіи въ Лондонѣ, Гюго писалъ Герцену 16 мая 1864 г.: «Дорогой соотечественникъ по изгнанію! Мнѣ подобаетъ благодарить васъ, и я благодарю васъ за медаль, благодарю за ваши прекрасныя воспоминанія, продолженіе которыхъ я буду читать съ тѣмъ же сочувственнымъ и глубокимъ интересомъ, съ какимъ чи-

¹⁾ См. кромѣ того „Колоколъ“ № 6 (1 дек. 1857 г.) и № 35 (1 февр. 1859 г.).

талъ начало; благодарю васъ наконецъ и особенно за то, что вы—вы, краснорѣчивый и доблестный человѣкъ, служащій дѣлу народовъ, русскій, реабилитирующій Россію писатель во имя прогресса и свободы, апостоль-патріотъ и космополитъ».

Въ февралѣ 1863 года, въ разгарѣ польскаго возстанія, Герценъ напечаталъ въ «Колоколѣ» (листъ 156 ой) обращеніе Гюго къ русскому войску. Сохранилось письмо, при которомъ Гюго послалъ Герцену это воззваніе: «Мой доблестный братъ по борьбѣ и испытаніямъ! Одинъ русскій офицеръ написалъ мнѣ, прося о тѣхъ строкахъ, которыя я посылаю вамъ здѣсь. Напечатайте ихъ, воспользуйтесь ими, если думаете, что это можетъ быть полезно. Будемъ помогать другъ другу. Мы всѣ — одинъ народъ, и законъ — одинъ: пока нѣтъ свободы — освобожденіе, по освобожденіи — прогрессъ. Я слѣжу за вашей краснорѣчивой и побѣдоносной пропагандой; я рукоплещу вамъ и люблю васъ. В. Гюго».

2.

Въ „Посмертныхъ сочиненіяхъ“ Герцена есть *примѣчаніе* о Луи-Бланѣ, болѣе содержательное, чѣмъ цѣлая біографія, и опять таки необыкновенно характерное для самого Герцена и его отношенія къ Европѣ. „Когда я ближе познакомился съ Луи-Бланомъ, пишетъ онъ, меня поразилъ внутренній невозмутимый покой его. Въ его разумѣниі все было въ порядкѣ и рѣшено; тамъ не возникало вопросовъ, кромѣ второстепенныхъ прикладныхъ. Умъ его, подвижной въ ежедневныхъ дѣлахъ и подробностяхъ, былъ японски неподвиженъ во всемъ общемъ. Эта незыблемая увѣренность въ основахъ, однажды принятыхъ, слегка провѣтриваемая холоднымъ раціональнымъ вѣтеркомъ, прочно держалась на нравственныхъ подпорочкахъ, силу которыхъ онъ никогда не испытывалъ, потому что вѣрилъ въ нее. Мозговая религіозность и отсутствіе скептическаго сосанія подъ ложечкой обводили его китайской стѣной, за которую нельзя было забросить ни одной новой мысли, ни одного сомнѣнія».

Письма Луи-Блана къ Герцену, немногочисленные и случайные, любопытны тѣмъ, что непосредственно вводятъ насъ въ интересы, печали и дразги той эмигрантской массы, среди которой Герценъ жилъ въ Лондонѣ. Вотъ два смежныхъ письма отъ 18 и 20 февраля 1857 года. Гражданинъ Кадэ, изгнанникъ, находится въ отчаянномъ положеніи; онъ безъ средствъ, а въ Бирмингемѣ ему навѣрное обѣщано мѣсто, которое обезпечить ему безбѣдное существованіе, но ему не на что добраться изъ Лондона въ Бирмингемъ. Луи-Бланъ его лично не знаетъ, но довѣряя представленной имъ рекомендаціи, самъ помогъ ему пятью шиллингами и проситъ о помощи для него и Герцена: «Въ числѣ тѣхъ изъ насъ, у кого великодушное сердце и кто менѣе бѣденъ, я называлъ васъ, хотя хорошо знаю, какія тяготы вы несете и какъ много вы уже сдѣлали для нашихъ товарищей. Простите. Съ такой просьбою можно обратиться лишь къ человѣку, котораго уважаешь и любишь». Герценъ немедленно отозвался, прося

Луи-Блана вручить гражданину Кадэ за его счет фунтъ стерл. Луи-Бланъ благодарить его, и тутъ же пишетъ: «Очень сожалѣю, что не былъ на погребеніи нашего бѣднаго друга Ворцеля, но я тутъ ни при чемъ, такъ какъ ничего не зналъ: распорядители похоронъ либо забыли, либо не сочли нужнымъ извѣстить меня». Слѣдующее затѣмъ письмо, отъ 21 апрѣля 1858 г., опять просьба о помощи французскому эмигранту, бывшему кавалерійскому офицеру, высланному изъ Брюсселя за то, что имѣлъ у себя складъ джерсейской газеты «L'Homme». Далѣе Луи-Бланъ пишетъ: «Съ живѣйшимъ интересомъ прочиталъ я вашу краснорѣчивую брошюру (рѣчь идетъ о «La France ou l'Angleterre?»). Въ ней есть страницы, которыя я радъ былъ бы считать своими и гдѣ ваше сердце билось въ униссонъ съ моимъ. Но вы почти склонны думать, что Франція умерла, я же вопреки всей видимости чувствую въ ней жизнь. Что касается вашего утвержденія, что философія социализма вся воплощена въ Прудонѣ, то я по совѣсти не могу согласиться съ вами. Скажу вамъ даже откровенно, что не понимаю этого. Но да здравствуетъ свобода мнѣній! Tradiditis mundum disputationibus eorum.»

Осенью 1860 г. между Герценомъ и Луи-Бланомъ возникла переписка, отъ которой уцѣлѣло только одно письмо послѣдняго (отъ 31 окт.) и предметомъ которой послужилъ, какъ видно, неблагоприятный отзывъ Герцена о французской революціонной власти 48 года. «Дорогой Герценъ,—пишетъ Луи-Бланъ. Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе. Я, разумѣется, ни одной минуты не думалъ, что ваше вступленіе относилось *лично* ко мнѣ, но я долженъ былъ думать, судя по тексту, что вы нападаете на временное правительство 48 года. Хотя я принадлежалъ къ меньшинству въ этомъ правительствѣ и роль моя въ немъ была отъ начала до конца оппозиціонной, тѣмъ не менѣе я не могу не признавать несправедливыми тѣ упреки, которыми теперь принято осыпать это правительство, остающееся все-таки однимъ изъ лучшихъ, какія знаетъ исторія. Оно могло сдѣлать и гораздо больше и гораздо лучше, пусть: не мнѣ отрицать это; но оно сдѣлало много, установивъ за два мѣсяца республику въ странѣ, еще глубоко взволнованной трагическими воспоминаніями 93 года, и если она была низвергнута, то отвѣтственность за это не можетъ падать на временное правительство, миссія котораго окончилась 4 мая 1848 года. Судить его надо по тѣмъ указамъ, которые оно обнародовало въ краткій промежутокъ двухъ мѣсяцевъ, а между ними нѣтъ ни одного, который не являлся бы торжественной данью верховенству разума и человѣческому достоинству. Его великой ошибкой было то, что оно удалилось слишкомъ рано, грѣхъ, во всякомъ случаѣ, довольно необычный для правительства. Въ заключеніе прошу васъ простить мою обидчивость, обусловленную ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ справедливости».

3.

Въ той же мѣрѣ, какъ съ Луи-Бланомъ, Герценъ былъ близокъ въ Лондонѣ и съ другими выдающимися представителями фран-

цузской эмиграции. Онъ сохранилъ на память—и вклеилъ въ свой альбомъ автографовъ—письмо Ледрю-Роллена, рекомендующее ему превосходное бургонское, которое берется доставлять одинъ его знакомый, эмигрантъ и прекрасный патріотъ,—коротенькую записочку (просьбу сообщить адресъ Виллиха) французскаго коммуниста Бартелеми (1854 г.), позднѣ казненнаго въ Англіи, записку Рибейроля, редактора джерсейской газеты l'Homme, извѣщающаго, что не можетъ сегодня прислать, какъ обѣщалъ, неизданные стихи В. Гюго, такъ какъ еще не получилъ изъ Бельгіи корректурнаго оттиска, и т. д. Всѣ они съ нимъ на короткой ногѣ, всѣ обращаются къ нему со словами «дорогой Герценъ», или, по крайней мѣрѣ «дорогой гражданинъ». Его общительность далеко оставляетъ за собой границы теоретическаго согласія: онъ пріятель и съ буржуазными республиканцами, и съ якобинцами социализма, и Бартелеми кончаетъ свою записочку къ нему увѣреніемъ въ искреннемъ уваженіи и дружбѣ, тотъ самый Бартелеми, который въ своей ненависти къ буржуазіи и буржуазному радикализму доходилъ до готовности истребить и Гюго, и Мацини, и Кошута, потому что—говорилъ онъ (и какъ близка была эта мысль Герцену!)—«чтобы революція десятый разъ не была украдена изъ нашихъ рукъ, надобно дома, въ нашей средѣ, сломить голову злѣйшему врагу. За прилавкомъ, за конторкой мы его всегда найдемъ,—въ своемъ станѣ слѣдуетъ его побить!»

4.

Переписка Герцена съ Кинэ относится къ послѣднимъ годамъ жизни перваго. Они познакомились, безъ сомнѣнія, еще въ началѣ 50-хъ годовъ (Кинэ былъ лучшимъ другомъ Мишле), Когда, въ 1865 г., вышла знаменитая книга Кинэ о революціи, Герценъ написалъ ему письмо, которое затѣмъ самъ напечаталъ въ «Колоколѣ», въ 5-мъ своемъ «Письмѣ къ будущему другу» («Кол.» 213, отъ 1 февраля 1866 г.). Въ этой книгѣ онъ опять увидѣлъ примѣръ западнаго чело-вѣка, наполовину освободившагося внутренно, но неспособнаго освободиться вполнѣ, останавливающагося въ суевѣрномъ почтеніи передъ идеей собственности,—и онъ считаетъ своимъ долгомъ сказать Кинэ, что для того, чтобы выйти изъ разваливающагося зданія старой Европы, надо перешагнуть черезъ эту идею, и что на это способна только юная Россія со своимъ общиннымъ строемъ. Сохранился отвѣтъ Кинэ на это письмо. 4 января 1866 г. онъ писалъ Герцену: «Было бы очень досадно, еслибы ваше письмо оказалось только для меня; мнѣ больше всего жаль, что оно появится по-русски. Вы имѣете за себя традицію, фактъ, очень мало извѣстный намъ. Многіе изъ насъ обнимаютъ облако: сведите ихъ на землю». Очевидно, Герценъ сообщалъ Кинэ, что письмо его будетъ напечатано въ «Колоколѣ».

Въ эти годы они, повидимому, не разъ видались въ Швейцаріи, гдѣ жилъ тогда добровольнымъ изгнанникомъ Кинэ и куда часто наѣзжалъ Герценъ. Такъ, въ цитированномъ сейчасъ письмѣ (изъ Вейто) Кинэ пишетъ Герцену, что ждетъ его у себя завтра.

Годъ спустя въ томъ же Вейто жилъ и Мишле. Однажды Герценъ прочиталъ ему, въ присутствіи Кинэ, переводъ своей статьи «Мазурка», напечатанной въ «Колоколѣ» отъ 15 іюня 1867 г.—и оба они стали настойчиво убѣждать его послать эти блестящія страницы въ какую-нибудь парижскую газету. Но «въѣтеръ былъ неблагопріятенъ»—газета отказалась напечатать статью. Года полтора спустя, въ началѣ января 1869 г., т. е. тотчасъ по прекращеніи французскаго «Колокола», Герценъ получилъ отъ Кинэ слѣдующее письмо: «Одно слово—и тысяча пожеланій для васъ. Никто больше меня не сожалѣетъ о прекращеніи «Колокола». Его ничто не замѣнитъ. Мнѣ нужно поблагодарить васъ за пріятные часы, которыми я обязанъ вамъ. Каждый вашъ нумеръ былъ лучезарнымъ сѣвернымъ сіяніемъ въ нашей западной ночи. Я прошу васъ дать намъ по крайней мѣрѣ переводъ той неподражаемой «Мазурки», которую вы читали намъ въ Вейто». Когда затѣмъ Кинэ снова подтвердилъ эту просьбу при личномъ свиданіи въ Женевѣ, Герценъ рѣшилъ исполнить ее. Всѣ эти подробности мы узнаемъ изъ предисловія Герцена къ отдѣльному французскому изданію «Мазурки», помѣченнаго 29 мая 1869 г. въ Женевѣ. Это рѣдкое теперь изданіе представляетъ собою тоненькую брошюрку всего въ 8 стр. подъ заглавіемъ: *«La Mazourka, un article du «Kolokol», dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen (Iskander)»*. Письмомъ отъ 16 іюня Кинэ благодарилъ Герцена за это посвященіе, и въ заключеніе писалъ отъ своего лица и отъ имени свой жены: «Какимъ вечеромъ мы обязаны вамъ! Какіе рассказы, какія краски, какая жизнь! Все это до сихъ поръ еще оживаетъ во мнѣ при всякомъ поводѣ. Если въ Брюсселѣ (куда ѣхалъ Герценъ) я смогу быть вамъ полезенъ чѣмъ-нибудь, это будетъ честью для меня. Дайте мнѣ только знать. Доброго здоровья, счастливаго пути, и возвращайтесь къ намъ поскорѣе».

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Гершензонъ.

Дѣло Карпинскаго.

(1862 года).

„Въ 1862 г. былъ преданъ военному суду дворянинъ Каменецъ-Подольской губ. Іеронимъ Карпинскій за храненіе и приобрѣтеніе запрещенныхъ книгъ, составленіе имъ самимъ политическихъ сочиненій предосудительнаго содержания и распространеніе возмутительныхъ воззваній.

Карпинскій въ 1860 г. поступилъ въ университетъ, откуда въ 1864 г. былъ исключенъ; затѣмъ онъ въ качествѣ домашняго учителя проживалъ разныхъ помѣщиковъ въ Подольской губерніи. По полученіи полиціею свѣдѣній о пропагандической дѣятельности Карпинскаго, онъ былъ арестованъ. При обыскѣ у него оказались: нѣсколько запрещенныхъ книгъ; рисованный карандашемъ портретъ человѣка подъ висѣлицею съ веревкой на шеѣ, вѣнкомъ на головѣ и съ подписью—Артуръ-Черный Завиши, казненный въ 1833 г.; такой же карандашный портретъ ксендза Людвига Ясинскаго, со знаменемъ въ рукѣ и надписью—впередъ, братья, во имя Бога и отчизны, впередъ, маршъ; восемь польскихъ стихотвореній самого Карпинскаго, гдѣ Польша уподобляется мученицѣ въ цѣпяхъ рабства; пять прозаическихъ статей, между прочимъ и самого Карпинскаго, о возстановленіи Польши; воззваніе Карпинскаго къ подольскимъ дворянамъ.

„Деспотизмъ дописываетъ уже свои послѣднія страницы своихъ гнусныхъ дѣяній, излагалось въ воззваніи, движеніе въ Варшавѣ, это востокъ новой жизни, заря воскресенія; весь міръ теперь смотритъ на Польшу и искренне сочувствуетъ всякимъ признакамъ нашего пробужденія. Повсюду начался поворотъ къ завоеванію самобытнаго существованія. Варшавяне изъ ударовъ сердца составили адресъ къ Императору, съ домогательствомъ возстановленія Польши. Неужели одни мы будемъ засыпать въ лѣнности? Неужели, держась особнякомъ, мы будемъ подкрѣплять мнѣніе Петербургскаго кабинета, что мы—россіяне? Нѣтъ! мы обманывали бы такимъ образомъ и свое отечество, и этихъ же самыхъ родственниковъ намъ россіянь. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о какой вооруженной демонстраціи, но пора напомнить Европѣ, что и мы должны пользоваться такими же правами, какъ и жители Царства, потому что мы составляли одну съ ними семью. Сама Россія будетъ благодарна намъ за это, потому“ Здѣсь воззваніе обрывается.

Военный судъ приговорилъ Карпинскаго къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію. Генераль-Аудиторіатъ полагалъ заключить его въ крѣпости на четыре года. Это заключеніе было Высочайше конфирмовано 14 іюня 1862 г.^а

Революціонеры во флотѣ.

(Очеркъ второй).

Въ послѣдующіе годы вплоть до 1879 года намъ не случалось приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ революціонерами—этому было много причинъ.

Революціонеры въ то время не задавались цѣлью политическаго переворота и не признавали политической борьбы. Это былъ періодъ хожденія въ народъ и „Земли и Воли“, а потому они не интересовались пропагандой среди войскъ и въ общемъ революціонные и радикальные кружки относились съ предубѣжденіемъ къ офицерской средѣ и мало знали ее.

Офицерство съ своей стороны совершенно не понимало революціонеровъ того времени и относилось къ нимъ съ неменьшимъ предубѣжденіемъ. Даже для болѣе образованнаго и оппозиціонно настроеннаго офицерства было совершенно чуждо господствовавшее тогда въ революціонной средѣ почти анархическое міровоззрѣніе. Да и трудно было бы оставаться на службѣ при этомъ міровоззрѣніи. Зачѣмъ? Съ какою цѣлью? Не легко было оставаться на службѣ и государственнику, враждебно настроенному противъ правительства, но тамъ было объясненіе, была цѣль и нѣкоторое право, опиравшееся на формулу „служба государству, а не правительству“. У революціонера же того времени не было ни смысла, ни оправданія для продолженія службы, а потому совершенно понятно, что тѣ сравнительно рѣдкіе офицеры, которые прониклись господствовавшимъ тогда ученіемъ, спѣшили оставить службу и уйти въ ту среду, которая стремилась провести это ученіе въ жизнь. Въ общемъ же офицеры, какихъ бы политическихъ воззрѣній не держались, въ большинствѣ случаевъ всегда государственники. Среди нихъ попадались люди, любившіе народъ, готовые сочувствовать всякимъ политическимъ и экономическимъ реформамъ, которые могли бы вывести народъ изъ его печальнаго униженнаго положенія. Были среди нихъ и люди понимавшіе, что тогдашній политическій строй былъ вреденъ для страны и которые относились бы сочувственно къ измѣненію его даже насильственнымъ

¹⁾ См. „Вѣстникъ“, февраль 1907 г.

путемъ. Но не только господствовавшій въ то время анархизмъ, но и социализмъ былъ вполне чуждъ для нихъ.

Выше я говорилъ только о незначительномъ меньшинствѣ. Огромное же большинство офицеровъ не имѣло никакого представления не только о политикѣ, но даже о своей собственной роли въ государствѣ. Они были преданы Императору и Россіи, но какія обязанности возлагала на нихъ эта преданность и въ чемъ она могла выразиться (кромѣ, конечно, участія въ сраженіяхъ), они себѣ не представляли. Да имъ и трудно было себѣ это представить, такъ какъ по большей части все промежуточное между Императоромъ и ими они не уважали и постоянно жаловались на все окружающее; среди нихъ господствовало недовольство довольно сильное, но неясное и неопредѣленное.

Насколько офицеры въ то время придавали мало значенія политическимъ убѣжденіямъ и тому или иному отношенію къ тогдашнему правительству, ярко характеризуется нѣкоторыми эпизодами, о которыхъ я буду говорить далѣе; теперь же приведу для иллюстраціи одинъ случай.

Среди моихъ товарищей и личныхъ пріятелей былъ нѣкто А. П., очень неглупый человекъ, по происхожденію изъ старой дворянской семьи, весь пропитанный дворянскими традиціями, презиравшій мужика и всѣ сословія, кромѣ дворянскаго, ярый защитникъ самодержавія со всѣми его атрибутами. Онъ искренно ненавидѣлъ не только революціонеровъ, но и самыхъ скромныхъ либераловъ. Онъ былъ до того нетерпимъ, когда дѣло касалось политики, что между нами было рѣшено никогда не затрагивать политическихъ вопросовъ.

И вотъ, когда въ 1878 году былъ арестованъ Луцкій и разнесся слухъ, что ему грозитъ висѣлица, ко мнѣ прибѣгаетъ весь блѣдный А. П.

— Ты слышалъ, Есперъ? — воскликнулъ онъ — что нашего Владиміра Владиміровича хотятъ повѣсить.

— Слышалъ, — отвѣчалъ я, — но это не можетъ быть, за что его вѣшать?

— О, они способны на все! Это такъ оставить нельзя, надо обдумать планъ его освобожденія. Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду къ другимъ.

И онъ въ волненіи побѣжалъ къ другимъ товарищамъ.

Я не знаю на какой шагъ онъ рѣшился бы, — человекъ онъ былъ твердый и смѣлый. Къ счастью, слухъ оказался ложнымъ и все успокоилось.

Въ этомъ случаѣ духъ товарищества одолѣлъ не только политическія убѣжденія, а чуть было не поставилъ въ открыто враждебныя отношенія съ существовавшимъ режимомъ его яраго защитника. И это было не исключеніемъ, но въ той или другой формѣ среди офицерства, по крайней мѣрѣ во флотѣ, духъ товарищества всегда пересиливалъ сознаніе долга предъ (не говоря уже о начальствѣ, оно не считалось) правительствомъ въ цѣломъ. Будь здѣсь вопросъ объ Императорѣ, то несомнѣнно А. П. былъ бы

противъ Лудкаго, но правительство никогда не отождествлялось ни съ Императоромъ, ни съ Россіей.

Кромѣ того въ этотъ періодъ сильно приподнялось патріотическое настроеніе. Возстаніе въ Востни и Герцоговинѣ, Сербско-Турецкая война, возстаніе Болгаріи и, наконецъ, русско-турецкая война волновали умы, возбуждали патріотизмъ и отвлекали отъ внутренней политики всю Россію, а тѣмъ паче офицерство. На сколько тогда было приподнято патріотическое настроеніе, можно видѣть изъ того, что нѣкоторые, почти революціонно настроенные офицеры ушли добровольцами въ Сербію. Изъ моихъ ближайшихъ товарищей вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Сербію мичманъ В. Лудкій, который по возвращеніи изъ Сербіи уже болѣе не поступалъ на службу.

Но къ концу 1878 года патріотизмъ упалъ. Война съ Турціей раскрыла глаза на печальную картину русскихъ порядковъ. Особенно сильно сказалось это на офицерахъ, бывшихъ свидѣтелями того, какъ несчастные солдаты, выносившіе на своихъ плечахъ всю тяжесть войны, питались гнилымъ хлѣбомъ съ известкой, ходили безъ подошвъ, оставались безъ медицинской помощи и не потому, что въ Россіи не было средствъ накормить своихъ солдатъ, а потому, что казнокрадство во время войны достигло размѣровъ открытаго дневного грабежа и никакіе протесты, никакія усилія и хлопоты порядочныхъ офицеровъ не могли помочь горю. Я не буду на этомъ долго останавливаться, приведу только два примѣра: одинъ—казнокрадства, а другой—отношенія офицеровъ къ интендантству.

Мои товарищи, бывшіе на войнѣ, рассказывали между прочимъ, что недалеко отъ моста, гдѣ они стояли, былъ расположенъ кавалерійскій запасъ; имъ завѣдовалъ какой-то ротмистръ. Онъ жилъ въ прекрасномъ домѣ и держалъ открытый столъ. Всякій знакомый и незнакомый офицеръ могъ къ нему заѣхать, сколько угодно ѣсть, пить шампанское, курить лучшія сигары,—все это стояло цѣлыми ящиками въ его квартирѣ. Откуда же такая роскошь? Очень просто: онъ получалъ по 2 рубля въ день на каждую лошадь, лошадей считалось двѣ тысячи, а никогда не было болѣе пяти сотъ, да и для тѣхъ фуражъ очень часто получался хозяйственнымъ образомъ. И вотъ, этотъ ротмистръ получалъ отъ *трехъ до четырехъ тысячъ* безгрѣшного дохода *въ день*. И, вы думаете, онъ скрывалъ это? Нисколько. Это былъ веселый, добродушный гуляка, откровенно ведшій свои дѣла, раздававшій деньги направо и налево—всѣмъ, кто попроситъ, и рассказывавшій всѣмъ и каждому, какое золотое дно ему досталось и что онъ не знаетъ, куда дѣвать деньги. Онъ, очевидно, не сознавалъ, что грабить казну—преступленіе. Объ этомъ знало и начальство, и окружающіе подчиненные.

Какъ смотрѣли офицеры на интендантовъ?

Вотъ сценка:

Собрались офицеры въ кафе-шантанѣ.—За отдѣльнымъ сто-

ликомъ расположились нѣсколько интендантовъ... одинъ изъ нихъ пошелъ за чѣмъ-то въ глубину залы... вдругъ раздается крикъ:

— Господа, бѣжимъ! Нашихъ бьютъ!—кричитъ спасающійся бѣгствомъ отлучившійся интендантъ, преслѣдуемый офицерами.

Его товарищи буквально исполняютъ его совѣтъ—и кто въ шапкѣ, кто безъ нея, кто съ саблей, кто позабывъ о ней,—спасаются бѣгствомъ.

Интендантовъ можно было бить и сорвать такимъ образомъ свою злобу. Но кто повыше, тѣхъ нельзя было бить, а недовольство ими было не меньшее, а большее. И не только потому, что не интенданты, а они были главными виновниками казнокрадства, а также и потому, что они выказывали не только невѣжество въ военномъ дѣлѣ, но полное равнодушіе къ интересамъ родины, къ страданіямъ солдатъ и офицеровъ и заботились только о чинахъ, орденахъ, да занимались взаимными интригами.

Само собою офицерство, оскорбленное въ своемъ патріотизмѣ, въ своей любви къ народу и къ солдату и обиженное лично, обратило свое вниманіе на изысканіе причинъ подобнаго положенія вещей.

Само собою взоры офицерства обратились въ сторону оппозиціи и революціонеровъ, и оно скупало нелегальную литературу въ Румыніи. Но офицеры нашли мало серьезныхъ и подходящихъ книгъ, а много всякаго хлама, благодаря тому, что аферисты изъ румынскихъ книготорговцевъ, въ виду огромнаго спроса на нелегальную литературу, скупили устарѣвшія и неудачныя произведенія, цѣлые годы валявшіяся на чердакахъ въ Цюрихѣ, Женевѣ, и у берлинскихъ книго-издательскихъ фирмъ и наводнили ими Бухарестъ и другіе города Румыніи, гдѣ они могли свободно продаваться. Только Драгомановъ написалъ двѣ-три брошюры на злобу дня, а революціонеры, по всей вѣроятности, продолжали игнорировать армию, какъ цѣлое, и не воспользовались удобнымъ моментомъ, не постарались дать отвѣтъ на вопросы, интересовавшіе офицерскія массы, взволнованныя видимыми ими на войнѣ послѣдствіями неурядицы, царствовавшей тогда въ Россіи, такъ что десятки пудовъ литературы, вывезенные изъ Румыніи офицерами, мало помогли разобраться въ волновавшихъ ихъ вопросахъ, и революціонеры для нихъ были такъ же чужды и непонятны, какъ и раньше. Мы не разъ приходилось видѣть офицеровъ, добросовѣстно прочитавшихъ романъ „На Жизнь и Смерть“ ¹⁾ или т. п. произведенія, и въ недоумѣніи спрашивавшихъ: „что же такое наши революціонеры? чего же они хотятъ?“.

А офицерство въ то время было настроено очень оппозиционно: съ одной стороны—война, съ другой—все усиливающійся и усиливающийся приливъ молодыхъ силъ, прошедшихъ школу въ реформированныхъ Милютиннымъ военно-учебныхъ заведеніяхъ,—

¹⁾ Впослѣдствіи за границей я не встрѣтилъ ни одного изъ студентовъ и революціонеровъ, которые читали бы мужество прочесть болѣе одной главы этого объемистаго романа.

нарушили рутину офицерской среды и заставили ее интересоваться вѣшнимъ міромъ. Мало-по-малу повсюду—и въ арміи и во флотѣ—возросъ интересъ къ политическимъ и философскимъ наукамъ: гдѣ въ одиночку, гдѣ цѣлыми кружками офицеры занялись серьезнымъ чтеніемъ; кое-гдѣ полковыя бібліотеки стали пополняться хорошо подобранными книгами, и спросъ на нелегальную литературу все возрасталъ и возрасталъ, и понемногу офицеры стали ознакомливаться съ революционными взглядами того времени.

У насъ, въ Кронштадтѣ, нелегальная литература среди молодого офицерства циркулировала довольно свободно. Кое-гдѣ во флотѣ, арміи и артиллеріи начали образовываться кружки, но революціонеры еще не входили въ серьезныя сношенія съ офицерствомъ. Революціонно настроенные офицеры тоже не очень довѣрливо относились къ способу и плану дѣйствій тогдашнихъ революціонеровъ, да къ тому же еще неясно понимали различіе программъ существовавшихъ тогда партій.

Въ то время нашъ товарищескій кружокъ ¹⁾ былъ уже иного состава, чѣмъ въ первое время. Луцкій къ этому времени уже вышелъ въ отставку, Паскевичъ поступилъ въ коммерческій флотъ, Уклонскій совсѣмъ разочаровался въ политикѣ; куда дѣлся Кулешъ—не помню, такъ что изъ китолововъ нашего выпуска я оставался одинъ. Зато многіе другіе изъ старыхъ товарищей прониклись большимъ интересомъ къ политикѣ, и мы вмѣстѣ не мало толковали и раздумывали о томъ, какъ быть и что дѣлать намъ въ такое тяжелое время. О революціонной дѣятельности мы не думали, хотя и встрѣчали по временамъ въ Петербургѣ у Луцкаго кое-кого изъ революціонеровъ; но какъ то у насъ съ ними находилось мало общаго. Это были, по большей части, люди съ анархическимъ міровозрѣніемъ, которое для насъ было тогда мало понятно и во всякомъ случаѣ казалось безпочвеннымъ въ современной Россіи. Помимо того, несмотря на оппозиціонность, мы были сравнительно мирно настроены, вѣрили въ возможность культурной работы, къ которой нѣкоторые изъ насъ готовились, мечтая выйти въ отставку и работать въ земствѣ.

Серьезныя сношенія революціонныхъ партій съ офицерствомъ начались въ 79 году. Послѣ раскола общества „Земля и Воля“ на двѣ фракціи: партію „Народной Воли“ и „Черный Передѣлъ“, первой изъ этихъ фракцій былъ ясно поставленъ вопросъ о необходимости политической борьбы и даже допустимости политическаго заговора, а слѣдовательно необходимость содѣйствія арміи немедленно же выяснилась для революціонеровъ.

Въ Кронштадтѣ первый партійный революціонный кружокъ создали черно-передѣльцы ²⁾. Это былъ кружокъ молодыхъ мичмановъ, который занимался пропагандой среди матросовъ съ цѣлью приготовить изъ нихъ будущихъ пропагандистовъ въ деревню.

¹⁾ См. Смотри Вѣстникъ, февраль 1897 г.

²⁾ Объ этомъ я узналъ впоследствии отъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ этого кружка.

Повидимому, пропаганда шла довольно успѣшно—такъ, по рассказамъ одного изъ участниковъ этого кружка, они съорганизовали на передѣльческой программѣ отъ 80 до 100 человекъ матросовъ. Но такъ какъ чернопередѣльческая программа не ставила своей задачей непосредственную политическую борьбу, то она и не могла имѣть успѣха среди офицерства, и черезъ сравнительно короткое время этотъ кружокъ распался и большая часть членовъ примкнула къ намъ.

Около того же времени образовался и артиллерійскій кружокъ среди офицеровъ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи. Какова была его программа въ то время, я не знаю. Впослѣдствіи этотъ кружокъ примкнулъ къ партіи „Народной Воли“. Около этого же времени кой-гдѣ на югѣ и въ центрѣ Россіи революціонеры завязали болѣе или менѣе серьезныя связи съ офицерствомъ, но настоящими основателями военной организаціи были Желябовъ и Сухановъ. Но объ этомъ въ слѣдующихъ главахъ.

II.

Ранѣе, чѣмъ продолжать дальше, скажу нѣсколько словъ о Сухановѣ, игравшемъ такую крупную роль въ дѣлѣ военной организаціи.

Николай Евгеньевичъ Сухановъ, какъ уже извѣстно читателю, участвовалъ въ китоловномъ обществѣ (я съ нимъ тогда былъ мало знакомъ), послѣ провала нашей кадетской конспираціи, онъ потерялъ интересъ къ внутренней политикѣ. По своему характеру и темпераменту онъ не былъ созданъ для политической дѣятельности. По натурѣ это былъ мягкій, добрый, мирный человекъ, съ большою склонностью къ наукѣ, и живи онъ въ другое время, изъ него, вѣроятно, выработался-бы крупный ученый культурный дѣятель. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Евгеньевичъ былъ глубоко честный и прямолинейный человекъ, не способный ни на какіе компромиссы—и если разъ онъ убѣждался въ чемъ нибудь, для него уже не существовало сомнѣній и колебаній—и онъ шелъ прямо, не уклоняясь въ сторону. Эти-то свойства его характера и сдѣлали изъ него, мирнаго, мягкаго человека—рѣшительнаго, ни передъ чѣмъ не останавливающегося революціонера.

Будучи произведенъ въ офицеры, онъ недолго пробылъ въ Кронштадтѣ, а перевелся въ сибирскую флотилію, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ. Служба на Дальнемъ Востокѣ много содѣйствовала его переходу въ революціонный лагерь. Тамъ онъ волей-неволей ознакомился съ продуктами господствовавшего тогда въ Россіи режима: казнокрадствомъ, произволомъ, униженіемъ человѣческой личности и т. п., которые гораздо рѣже выступаютъ на окраинахъ, чѣмъ въ центрѣ. Онъ даже самъ отчасти пострадалъ отъ этого режима.

Сухановъ былъ назначенъ ревизоромъ на одномъ изъ судовъ сибирской флотиліи. Въ заграничномъ плаваніи командиры, ревизи-

зоры и старшіе механики обыкновенно наживали цѣлыя состоянія на разныхъ закупкахъ. Главной доходной статьей былъ уголь: записывалось невѣрное число оборотовъ винта и благодаря этому въ расходъ выводилось гораздо большее, чѣмъ въ дѣйствительности, количество израсходованнаго угля; кромѣ того, по соглашенію съ консулами устанавливались искусственно высокія справочныя цѣны—въ концѣ концовъ загребались огромныя куши, которые дѣлились между командиромъ, ревизоромъ и старшимъ механикомъ. Конечно, часть перепадала консуламъ и подрядчикамъ за фиктивные счета. Когда Сухановъ принялъ должность ревизора, ему вскорѣ предложили подписать квитанцію въ пріемъ такого-то количества угля, по такой-то цѣнѣ. Сухановъ провѣрилъ количество и цѣны и отказался подписать. Командиръ просилъ и угрожалъ, Сухановъ требовалъ, чтобы количество и цѣны угля были выставлены настоящія. Дѣло кончилось тѣмъ, что Сухановъ подалъ рапортъ командиру, и никакія убѣжденія не могли заставить взять его обратно. Дошло до суда, въ которомъ, конечно, засѣдали такіе же командиры, также наживавшіеся на углѣ, но хотя имъ потушить дѣло не удалось, они приговорили своего коллегу-командира за *воровство* временно отставить отъ командованія, Суханова же за несоблюденіе какихъ то формальностей въ рапортѣ отставили отъ производства въ слѣдующій чинъ, не помню на какой срокъ, да и самый приговоръ составили такъ, что было трудно разобрать, въ чемъ дѣло, кто воровалъ уголь. Этотъ эпизодъ, конечно, былъ нагляднымъ урокомъ для Суханова, какъ легко бороться даже за казенные интересы легальными средствами.

Во время этой же службы въ Сибири Сухановъ познакомился съ нѣкоторыми изъ политическихъ ссыльныхъ, и онъ узналъ кого и за что отправляютъ въ Россію въ ссылку и каторгу. Ему волей неволей пришлось задуматься надъ вопросами внутренней политики. А разъ онъ задумался, то и пришелъ къ выводу, что необходимо бороться за измѣненіе порядковъ, господствовавшихъ въ Россіи.

Въ такомъ настроеніи онъ возвратился изъ Сибири въ Россію, и здѣсь у своей сестры Зотовой встрѣтился съ товарищемъ ея мужа Желябовымъ, а черезъ него познакомился и съ другими выдающимися членами партіи „Народной Воли“, заинтересовался ея программой, проникся къ ней сочувствіемъ, мало-по-малу сталъ ей содѣйствовать и въ концѣ концовъ сдѣлался членомъ „Исполнительнаго Комитета“ этой партіи.

Осенью 1879 года, возвратившись изъ плаванія, я отправился къ своимъ двумъ друзьямъ У. и З., съ которыми не видался уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

— А знаете-ли, Есперъ Александровичъ, сказалъ мнѣ У.,— что Сухановъ знакомъ съ социалистами и общалъ имъ набрать у насъ въ Кронштадтѣ 300 человекъ офицеровъ въ ихъ партію.

— Да—замѣтилъ З.—у него бываетъ членъ Исполнительнаго Комитета, и знаешь, Есперъ, онъ разсчитываетъ на тебя; ты ему почему-то очень понравился.

— Но я ему сказалъ—воскликнулъ У.,— что относительно васъ-то, онъ ошибается въ расчетѣ, что я знаю ваши убѣжденія и вы никогда не согласитесь на его предложенія.

— Вы совершенно правы—отвѣтилъ я—я никогда не соглашусь фигурировать на Казанской площади, чтобы быть побитымъ шорниками, или въ чемъ нибудь въ этомъ родѣ.

Разговоръ нашъ сейчасъ перешелъ на другіе предметы, и, расставаясь съ пріятелями, я почти забылъ объ этомъ эпизодѣ.

Недѣли черезъ двѣ, въ воскресенье, обѣдая въ клубѣ, я встрѣтился съ Сухановымъ, который, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Послушайте, Есперъ Александровичъ, зайдите-ка ко мнѣ сегодня вечеромъ: у меня хорошій человѣкъ будетъ.

Я сейчасъ же догадался, что этотъ хорошій человѣкъ никто иной, какъ тотъ членъ Исполнительнаго Комитета, о которомъ я слышалъ у пріятелей, и изъ любопытства согласился.

Когда я вечеромъ пришелъ къ Суханову, то засталъ у него одного штурманскаго офицера К. Николай Евгеньевичъ сообщилъ мнѣ, что пріятель его, съ которымъ онъ хотѣлъ меня познакомить, сегодня не будетъ, а придетъ въ слѣдующее воскресенье, а теперь онъ приглашаетъ меня провести вечеръ втроемъ и побесѣдовать.

Во время разговора въ этотъ вечеръ меня поразили крайніе взгляды Николая Евгеньевича и третьяго нашего собесѣдника. Особенно горячо я спорилъ съ ними обоими о французскомъ террорѣ девяностыхъ годовъ—они его защищали, доказывая его неизбежность, необходимость и продуктивность. Я же стоялъ на томъ, что французскій терроръ на половину погубилъ дѣло французской революціи. Ни они меня, ни я ихъ не разубѣдили и мы разстались каждый при своихъ взглядахъ.

На слѣдующее воскресенье я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми пріятелями, пошелъ къ Суханову. У него мы застали большую компанію офицеровъ и двухъ штатскихъ, которыхъ Николай Евгеньевичъ представилъ намъ, назвавъ одного Андреемъ, другого Глѣбомъ ¹⁾.

Сначала разговоръ шелъ объ общихъ предметахъ, мало интересныхъ. Въ разговорѣ я не принималъ почти никакого участія, а все свое вниманіе сосредоточилъ на присутствовавшихъ статскихъ, желая разгадать, кто изъ нихъ интересующій меня членъ Исполнительнаго Комитета. Назвавшійся Андреемъ былъ замѣчательно красивъ; высокаго роста, съ темнорусыми бородою и волосами; сѣрые глаза его, казавшіеся темными, были замѣчательно живы, и выразительны. Другой—невысокаго роста, съ лицомъ, почти совсѣмъ закрытымъ густой черной бородой, съ пронизательными черными, какъ уголь, глазами.

Разговоръ продолжался недолго. Немного времени спустя послѣ нашего прихода Сухановъ прервалъ разговоръ и, обратившись къ присутствующимъ, сказалъ:

— Господа, эта комната имѣетъ двѣ капитальныя стѣны; двѣ другія ведутъ въ мою-же квартиру; мой вѣстовой—татаринъ,

¹⁾ Это были, какъ мы узнали потомъ, Желябовъ и Колоткевичъ.

почти ни слова не понимающий по русски; а потому нескромныхъ ушей намъ бояться нечего, и мы можемъ приступить къ дѣлу. Потомъ, повернувшись къ высокому штатскому, прибавилъ:

— Ну, Андрей, начинай!

Тогда штатскій, назвавшійся Андреемъ, всталъ п, обращаясь къ офицерамъ, произнесъ съ большимъ энтузіазмомъ длинную горячую рѣчь.

— Такъ какъ Николай Евгеньевичъ передалъ мнѣ, началъ онъ, что вы, господа, интересуетесь программой и дѣятельностью нашей партіи, борящейся съ правительствомъ, то я постараюсь познакомить васъ съ тою и другою, какъ умѣю:—мы террористы-революціонеры требуемъ слѣдующаго...

Я не могу точно передать его рѣчи, но суть ея заключалась въ обзорѣ положенія дѣлъ въ Россіи, въ самой рѣзкой критикѣ правительства и его дѣйствій, въ доказательствахъ неизбежности революціи, въ изложеніи и объясненіи программы партіи и въ соотвѣтствіи ся тогдашнему положенію дѣлъ въ Россіи и въ доказательствахъ необходимости центральнаго террора.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на присутствующую публику этой рѣчью. Всѣ бывшіе въ этотъ вечеръ у Николая Евгеньевича, за исключеніемъ насъ, не были подготовлены услышать подобную смѣлую рѣчь. Всѣ они привыкли говорить о правительствѣ, особенно же о революціонныхъ партіяхъ, только въ своихъ тѣсныхъ кружкахъ и то въ извѣстной формѣ. Никому изъ нихъ Николай Евгеньевичъ не сказать, кто у него будетъ; и они даже не подозрѣвали, съ кѣмъ имѣють дѣло. Сухановъ всѣхъ, кто ему нравился, приглашалъ къ себѣ по одному и тому-же способу: „приходите ко мнѣ тогда-то, у меня хорошій человѣкъ будетъ“—говорилъ онъ и больше никакихъ объясненій не давалъ.

Когда Андрей произнесъ слова „мы террористы-революціонеры“, всѣ какъ бы вздрогнули и въ недоумѣніи посмотрѣли другъ на друга. Но потомъ, подъ вліяніемъ увлекательнаго краснорѣчія оратора, начали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ. Интересно было видѣть перемѣну, происшедшую въ настроеніи всего общества.—Беззаботная, довольно веселая компанія офицеровъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, стала похожа на группу заговорщиковъ. Лица понемногу блѣднѣли, глаза разгорались, всѣ какъ бы притаили дыханіе, и среди мертвой тишины раздавался звучный пріятный голосъ оратора, призывавшій окружавшихъ его офицеровъ на борьбу съ правительствомъ. Кто зналъ Желябова, тотъ, вѣроятно, помнитъ, какъ увлекательно онъ говорилъ. Эта же рѣчь была одною изъ самыхъ удачныхъ, по его же собственному признанію.

Андрей кончилъ... подъ вліяніемъ его рѣчи начались оживленные разговоры, строились всевозможные планы самаго революціоннаго характера. И если бы въ это время вошелъ посторонній человѣкъ, онъ былъ бы увѣренъ, что попалъ на сходку самыхъ горячихъ заговорщиковъ-революціонеровъ. Онъ не повѣрилъ бы, что за часъ до этого всѣ эти люди частью почти совсѣмъ не ду-

мали о политикѣ, частью даже относились отрицательно къ революціонерамъ. Ему и въ голову не пришло бы, что завтра же большая часть изъ этихъ революціонеровъ будетъ съ ужасомъ вспоминать объ этомъ вечерѣ.

Первый разъ мнѣ пришлось увидѣть, что можетъ сдѣлать талантливый ораторъ съ своими слушателями. Позови въ этотъ вечеръ Желябовъ все присутствовавшее офицерство на какое угодно предпріятіе—все пошли бы. Между тѣмъ дѣйствительно сочувствующихъ было ничтожное меньшинство: всѣхъ же офицеровъ было болѣе двадцати и большинство изъ нихъ продолжаетъ вѣроятно и теперь быть благополучными россіянами. Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что двадцать человѣкъ офицеровъ, не занимавшихся политикой,—подъ вліяніемъ сильной и увлекательной рѣчи оратора на минуту повѣрили въ силу революціонной партіи, въ слабость правительства—оказались готовыми вступить въ борьбу съ послѣднимъ?

По моему, это объясняется очень просто: усиліями воспитателей, начальства и властей, въ той части головы, въ которой у западнаго человѣка помѣщаются политическія убѣжденія, пониманіе своихъ обязанностей и своей роли въ государствѣ, у русскихъ офицеровъ образовалось пустое пространство, въ которомъ свободно перекачивались, подобно шарикамъ, ничѣмъ между собою не связанныя слова—православіе, самодержавіе и народность, и стояло умѣлому человѣку заполнить эту пустоту чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ, шарики переставали перекачиваться и офицеры начинали говорить другимъ языкомъ, а потомъ тѣ, у которыхъ головныя дверцы были слабы, выйдя на свѣжій воздухъ, растеривали вновь приобрѣтенное и у нихъ въ головѣ опять начинали перекачиваться излюбленные шарики.

Но на нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, въ томъ числѣ на моихъ товарищей и на меня этотъ вечеръ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Мы и ранѣе были болѣе, чѣмъ оппозиціонно настроены, и многое изъ того, что говорилъ ораторъ, отвѣчало нашему настроенію и было извѣстно намъ. На насъ произвела особенно сильное впечатлѣніе личность говорившаго, его вѣра и убѣжденность, а главнымъ образомъ ясное, точное пониманіе и послѣдовательное, логическое изложеніе плана и способа борьбы съ господствовавшимъ въ Россіи режимомъ и ихъ возможность и осуществимость. Ранѣе, какъ я уже упоминалъ, у насъ было недовѣріе къ революціоннымъ партіямъ и революціонной борьбѣ, главнымъ образомъ потому, что мы не вѣрили въ силу партій, будучи убѣждены, что онѣ не имѣютъ ясныхъ, опредѣленныхъ программъ и состоятъ главнымъ образомъ изъ зеленой молодежи и энтузіастовъ. Въ этомъ убѣжденіи поддерживало насъ и то обстоятельство, что сталкиваясь послѣдніе годы съ революціонерами, мы встрѣчали лицъ, которыя не могли намъ ясно показать, чего они хотятъ и какимъ образомъ могутъ добиться своей цѣли. Послѣ же встрѣчи съ Желябовымъ и Колоткевичемъ, наше мнѣніе о революціонерахъ рѣзко измѣнилось. Въ нихъ мы встрѣтили не только умныхъ, но силь-

ныхъ людей съ яснымъ политическимъ пониманіемъ. Такой же переворотъ въ нашихъ взглядахъ произвели программы партіи „Народной Воли“. Въ ней вопросы учредительнаго собранія и націонализаціи земли были поставлены ясно и точно, что вполне соответствовало нашему міровоззрѣнію, и не будь въ программѣ террора, мы немедленно бы примкнули къ партіи.

Во всякомъ случаѣ послѣ этого вечера, мы стали посѣщать Николая Евгеньича каждый разъ, когда къ нему пріѣзжали Андрей или Глѣбъ. Мы живо интересовались дѣятельностью партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ насъ все росла вѣра въ нее и въ людей ее составлявшихъ. Эти посѣщенія и душевныя бесѣды вели къ нашему тѣсному сближенію съ Николаемъ Евгеньевичемъ и посѣщавшими его нелегальными. Повидимому, самъ Сухановъ тоже еще въ то время не принадлежалъ къ организаціи. Это можно было заключить по той рѣзкой перемѣнѣ, которая произошла въ немъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время онъ хотя и относился крайне сочувственно къ партіи, но по многимъ вопросамъ относительно участія въ ней офицеровъ отказывался высказать свое категорическое мнѣніе—такъ, на мое заявленіе, что меня останавливаетъ отъ вступленія въ партію главнымъ образомъ ея террористическая дѣятельность, онъ отвѣчалъ:

— Я бы понялъ, если бы вы не соглашались принимать участіе въ террористической дѣятельности партіи только потому, что будучи офицеромъ и держась военныхъ традицій, вамъ тяжело принимать участіе въ тайномъ способѣ уничтоженія врага и вы предпочитаете способъ открытой борьбы. Но я не понимаю, какъ можетъ коробить человѣка уничтоженіе врага народнаго, разъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что это дѣйствительно врагъ народа.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ у Николая Евгеньевича не было никакихъ сомнѣній. Онъ уже состоялъ тогда членомъ Исполнительнаго Комитета. Кто зналъ характеръ Суханова, тому понятно было, что онъ не могъ вступить въ партію, не разрѣшивъ всѣхъ своихъ сомнѣній, но зато, если примкнетъ, то уже не станетъ оглядываться назадъ.

Свиданія наши у Суханова съ Желябовымъ и другими продолжались до марта мѣсяца 1880 года, но ни разу уже не собиралось такъ много офицеровъ, какъ въ первый разъ. Мы заявили Суханову, и Желябовъ насъ поддержалъ, что невозможно ходить на эти свиданія, если Николай Евгеньевичъ сохранитъ прежній запорожскій способъ приглашенія людей. Сухановъ съ трудомъ на это согласился.

— Между нами, господа, нѣтъ предателей,—возражалъ онъ—и по мнѣ такъ: если хорошій человѣкъ, то пусть придетъ послушать, не требовать же аттестата.

Около этого же времени возвратился изъ Сибирской флотиліи мой старый товарищъ Александръ Павловичъ баронъ Штромбергъ. Прекрасный и милый товарищъ, общій нашъ любимецъ, но всегда стоявшій далеко отъ политики, благодаря своему воспитанію и баронскимъ традиціямъ,—онъ былъ изъ Прибалтійскаго края.

И вотъ, къ удивленію, нашъ баронъ, какъ мы его шутя называли, оказался не такимъ, какимъ уѣхалъ. Онъ уѣхалъ на Дальній Востокъ—барономъ, возвратился—чистымъ народникомъ и почти революціонеромъ. Онъ не только принялъ сейчасъ-же участіе въ нашихъ посѣщеніяхъ Суханова, но относился ко всему гораздо горячѣ насъ, и все рвался впередъ.

Съ марта мѣсяца свиданія съ Желябовымъ прекратились, такъ какъ намъ нужно было готовиться къ плаванію. Свиданія эти на первый взглядъ казалось не привели ни къ какимъ результатамъ? Мы распространяли среди офицеровъ нелегальную литературу, занимались пропагандой партійной программы и оказывали кое-какія услуги партіи, но вопреки стараніямъ Желябова отказывались организоваться и принять на себя какія-нибудь ясныя и точныя обязательства. Это происходило потому, что мы не могли рѣшить вопроса, принимать ли намъ участіе въ дѣятельности партіи, какъ офицеры, или выйти въ отставку. Останавливать насъ также и вопросъ о террорѣ. Вскорѣ мы всѣ, въ томъ числѣ и Сухановъ, ушли въ плаваніе.

Во время плаванія мнѣ мало приходилось говорить о революціи, я былъ тогда вахтеннымъ начальникомъ на кадетскомъ отрядѣ и составъ офицеровъ, хотя и очень порядочный, былъ таковъ, что исключать всякую возможность политической пропаганды. Но во время плаванія мнѣ пришлось убѣдиться, что не мы одни входили въ сношенія съ революціонерами. Такъ, когда нашъ отрядъ пришелъ въ Либаву я, сойдя на берегъ, отправился повидать своего стараго товарища, лейтенанта Петра Осиповича Серебренникова, впослѣдствіи командира Бородина, погибшаго со своимъ кораблемъ въ Цусимскомъ бою. Во время разговора съ нимъ я передалъ ему о нашихъ сношеніяхъ съ революціонерами. Онъ отнесся къ этому весьма сочувственно и сообщилъ мнѣ, что у него также есть знакомства въ революціонной средѣ, что ему не разъ приходилось оказывать ему услуги, благодаря его службѣ на таможенной флотиліи. Еще не далѣе, какъ этимъ лѣтомъ онъ съ однимъ артиллерійскимъ офицеромъ перевезли ночью на лодкѣ изъ Либавы въ Мемель двухъ нелегальныхъ, желавшихъ скрыться за границу.

Сухановъ возвратился изъ плаванія раньше меня и уже успѣлъ переѣхать въ Петербургъ, къ тому времени, какъ я возвратился. Онъ прекрасно кончилъ минныя офицерскіе классы и былъ временно прикомандированъ въ Петербургъ для слушанія лекціи въ Университетѣ. Профессоръ физики Вандерфлитъ ваялъ его къ себѣ въ ассистенты.

III.

Въ началѣ осени 1880 года, возвратившись изъ плаванія, мы впятеромъ: Штромбергъ, З—въ, Р—въ, Юнгъ (впослѣдствіи командиръ броненосца „Орелъ“, убитый въ Цусимскомъ бою) и я стали обсуждать вопросъ о нашемъ отношеніи къ партіи. Штромбергъ стоялъ на немедленномъ и безусловномъ присоединеніи къ

ней. Другіе относились не вполне опредѣленно, а и Юнгъ былъ противъ. Штрюмбергъ, недовольный нашими колебаніями, заявилъ намъ, что если мы не присоединимся къ партіи всѣмъ нашимъ кружкомъ, то онъ присоединится къ образуемому среди артиллеристовъ кружку и вмѣстѣ съ нимъ войдетъ въ составъ партіи. Наши пренія закончились рѣшеніемъ присоединиться къ партіи, если наши обязательства будутъ таковы, что мы сохранимъ за собою свободу выбора нашей дѣятельности и мы условились обратиться къ Суханову съ просьбой устроить намъ свиданіе съ Желябовымъ.

Вскорѣ послѣ нашихъ совѣщаній я поѣхалъ въ Петербургъ и зашелъ къ Николаю Евгеньевичу; увидя меня онъ воскликнулъ:

— Ну, Есперъ Александровичъ, мы довольно философствовались въ прошломъ году; пора и за дѣло приниматься.

— Дайте мнѣ опомниться, Николай Евгеньевичъ, и тогда потолкуемъ, въ какомъ дѣлѣ и чѣмъ мы можемъ быть полезны.

— Но знаете, Есперъ Александровичъ, покуда будемъ толковать и опоминаться, то сдѣлаютъ все и безъ насъ.

Вскорѣ затѣмъ пришли Желябовъ, Вѣра Николаевна и одинъ изъ моихъ товарищей 3—нъ. Послѣ нѣкотораго совѣщанія вмѣстѣ съ пришедшими, мы порѣшили, что недѣли черезъ двѣ соберемъ нѣсколько сочувствующихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ, куда придутъ Желябовъ съ Сухановымъ, и мы покончимъ съ вопросомъ объ организаціи.

Недѣли черезъ двѣ, дѣйствительно, пріѣхали Желябовъ съ Сухановымъ и мы послѣ долгихъ обсужденій и споровъ согласились организовать въ кружокъ и принять небольшія обязательства, изложеніе которыхъ обѣщались приготовить къ слѣдующему пріѣзду Желябова. Въ тотъ же вечеръ Желябовъ съ Сухановымъ уѣхали.

Во время этихъ споровъ объ организаціи выяснилась разница между Сухановымъ, — для котораго дѣло организаціи было ново и который, подъ вліяніемъ охватившихъ его чувствъ, стремился какъ можно скорѣе привлечь симпатичныхъ ему людей на самую боевую дѣятельность въ партіи, а потому на самомъ дѣлѣ нѣсколько отпугивавшій ихъ — и Желябовымъ, опытнымъ организаторомъ, понимавшимъ, что не слѣдуетъ побуждать людей брать на себя большія обязательства, чѣмъ они въ настоящій моментъ вполне расположены на себя взять, что вообще обѣщанія въ заговорщическомъ дѣлѣ играютъ ничтожную, формальную роль. Въ дѣйствительности важны не большія или маленькія обязательства, а люди ихъ давшіе, что каждый, вступившій въ партію, выполнить свою роль соответственно своимъ свойствамъ, а не обязательствамъ имъ даннымъ.

На другой день вечеромъ мы почти въ томъ же составѣ, какъ и наканунѣ, сидѣли за чаемъ, вдругъ отворяется дверь, входитъ Сухановъ и, оглядѣвшись кто находится въ комнатѣ, говоритъ:

— Ну, господа, давайте писать конституцію.

— Вы поздоровайтесь, сперва, а потомъ, пожалуй, и будемъ писать конституцію, — закричали ему.

Для писанія конституціи мы перебрались въ отдаленную комнату квартиры, сказали вѣстовымъ никому не отворять дверей, не предупредивъ насъ. И, принявъ такимъ образомъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности, мы приступили къ составленію кружковой конституціи.

— Нужно обратить вниманіе, господа, началъ говорить Сухановъ, на то, чтобы въ первые пункты нашихъ обязательствъ не вошли устройство кружковой кассы и денежная помощь партіи, а то можетъ случиться, какъ съ другими кружками: напишутъ много параграфовъ о кассѣ, и больше ничего, или какъ мертворожденный кружокъ офицера Н., у котораго сколько угодно теоретическихъ разсужденій, а дѣла ни на грошъ.

Мы съ нимъ согласились и рѣшили, по его предложенію, поставить во главѣ обязательствъ слѣдующій параграфъ:

„Будучи убѣждены, что прогрессъ и счастье народа, а слѣдовательно и всей Россіи, не могутъ быть достигнуты безъ социально-политическаго переворота, и признавая, что программа партіи „Народной Воли“ вполне соответствуетъ нашему взгляду на лучший способъ достиженія возможно быстрого переворота, мы присоединяемся къ партіи „Народной Воли“ и объявляемъ, что отнынѣ первенствующей цѣлью нашей жизни будетъ работа въ пользу вышесказаннаго переворота въ рядахъ партіи „Народной Воли“ и что всю личную нашу жизнь мы подчиняемъ этой цѣли“.

Затѣмъ слѣдовали пункты, практически опредѣляющіе наши отношенія къ партіи и нашу дѣятельность; въ самомъ концѣ стояла касса, чѣмъ Николай Евгеньевичъ былъ очень доволенъ.

Обязательства, которыя мы взяли на себя, были гораздо обширнѣе, чѣмъ мы раньше предполагали взять на первый разъ, и это произошло, благодаря вліянію Суханова. Мы не хотѣли сразу брать большихъ обязательствъ не потому, что желаніе содѣйствовать партіи было у насъ недостаточнымъ, а частью по неувѣренности въ полномъ соотвѣтствіи организациі партіи, которая была намъ въ то время мало извѣстна, частью же потому, что не легко было превращаться сразу изъ простыхъ офицеровъ въ настоящихъ заговорщиковъ. Но такъ сильно вліялъ Николай Евгеньевичъ своей цѣльностью и нравственной чистотой, что ему трудно было возражать такъ: „хотя, дескать, я убѣжденъ въ необходимости борьбы съ правительствомъ и согласенъ на организацию, но не могу на это рѣшиться сразу.“

Но мы точно установили, что будемъ заниматься только военной организацией и, что тѣ изъ товарищей, которые захотѣли бы принять участіе въ боевой (кромѣ вооруженнаго возстанія) и террористической дѣятельности, должны выйти изъ военной организациі. Мы установили также, что если партіи понадобятся тѣ или другія услуги нашихъ товарищей, то они могутъ оказывать ихъ по взаимному согласенію, а не обязательно.

Взявъ нашу конституцію, Сухановъ уѣхалъ въ тотъ же ве-

черъ въ Петербургъ и пригласить насъ къ себѣ черезъ недѣлю, въ воскресенье, для полученія отвѣта отъ Исполнительнаго Комитета.

Въ назначенное воскресенье мы вчетверомъ или впятеромъ, хорошенько не помню, поѣхали къ Суханову. Тамъ мы застали большую компанію; кромѣ Суханова и его сестры у него были: Софья Львовна Перовская, называвшаяся тогда Софьей Павловой, Вѣра Николаевна Фигнеръ, Желябовъ и Колоткевичъ, а потомъ пришелъ нашъ старый товарищъ, недавно выпущенный изъ тюрьмы, В. В. Луцкій со своей женой. Когда мы пришли, шелъ оживленный разговоръ о черно-передѣльцахъ. Мы приняли въ немъ участіе, стараясь выяснить себѣ непонятную для насъ новичковъ въ партійныхъ розняхъ — острую враждебность между двумя такими родственными народническими фракціями.

Если деревенщики признаютъ, говорили мы, главнымъ образомъ работу въ деревнѣ, то пусть и работаютъ; вѣдь вы тоже признаете ее весьма важной, хотя въ настоящее время и не главной. Ваша же городская работа и политическая борьба ихъ работѣ мѣшать не могутъ, почему-же вмѣсто товарищескихъ споровъ такая острая вражда.

Намъ на это отвѣчали, что не только ничего не имѣли бы противъ работы деревенщиковъ въ деревнѣ, если они могутъ тамъ работать, а были бы даже рады ей; но дѣло въ томъ, что въ городахъ много деревенщиковъ и они вездѣ ведутъ враждебную агитацію противъ „Народной Воли“.

Эти объясненія меня не удовлетворили и мало что мнѣ объяснили. До сихъ поръ у меня плохо укладывается въ головѣ не споры, не антагонизмъ, и не соперничество, а враждебность часто очень близкихъ между собою фракцій, не умѣющихъ объединяться для борьбы и въ критическіе моменты переживаемые страной.

По окончаніи этихъ разговоровъ Желябовъ и Колоткевичъ пригласили насъ въ отдѣльную комнату, гдѣ и передали намъ отъ имени Исполнительнаго Комитета, что наши условія приняты — и мы съ этого дня состоимъ членами партіи. Они также просили насъ выбрать одного изъ нашихъ товарищей для предполагаемаго центрального военнаго кружка, который долженъ былъ состоять: изъ представителей кружковъ и двухъ членовъ Исполнительнаго Комитета. При этомъ они намъ заявили, что въ настоящее время представителями Исполнительнаго Комитета въ центральномъ военномъ кружкѣ назначены они — Желябовъ и Колоткевичъ.

По возвращеніи въ Кронштадтъ мы окончательно составили нашъ, такъ называемый, морской кружокъ. Въ первое время онъ состоялъ изъ лейтенантовъ: Штромберга, З—на, Р—ва, Г—го и меня; мичмана — Юнга и двухъ штурманскихъ офицеровъ К—ча и П—ва.

Организовать кружокъ, мы приступили къ выбору нашего представителя. Вопросъ для насъ очень нетрудный: мы были

старые товарищи, взаимно доверявшие другъ другу и не имѣвшие другъ отъ друга тайнъ, намъ было все равно кого послать представителемъ, и мы рѣшили выбрать Штромберга, какъ болѣе свободнаго, болѣе преданнаго партіи и имѣвшаго большія знакомства среди ея членовъ. Мы спросили Штромберга, согласенъ ли онъ, онъ согласился и дѣло было кончено.

Кронштадтскій артиллерійскій кружокъ, состоявшій, если я не ошибаюсь, изъ восьми—девяти человекъ, послать своимъ представителемъ подпоручика Папина

Петербургскіе артиллерійскіе академики, человекъ пять—шесть — штабсъ-капитана Похитонова.

Инженеры,—не помню сколько,—капитана К.

Кромѣ этихъ четырехъ представителей вошли въ центральный кружокъ Сухановъ, артиллерійскій поручикъ Рогачевъ, имѣвшій большія связи среди офицеровъ въ западномъ краѣ, отставной артиллерійскій штабсъ-капитанъ Дегаевъ и два члена комитета Желябовъ и Колоткевичъ.

Изъ этихъ лицъ и составилъ первый центральный военный кружокъ, при чемъ было рѣшено, что это не будетъ окончательнымъ военнымъ центромъ партіи, а послужить только временнымъ объединительнымъ центромъ, пока не разовьется военная организация, и что затѣмъ уже, сообразно силамъ и составу организации, будетъ созданъ соответствующій центръ, которому и уступить свое мѣсто центральный кружокъ.

Теперь, я думаю, кстати сказать нѣсколько словъ о первыхъ членахъ центральной военной организации. О Сухановѣ я уже говорилъ и еще много буду говорить впереди, а потому перейду къ другимъ.

Лейтенантъ Штромбергъ—лихой морской офицеръ, не знавшій страха, во многомъ походилъ на Суханова; онъ былъ человекъ рѣчистый, во всѣхъ отношеніяхъ прямолинейный и неспособный на компромисы; хотя и менѣе разносторонне образованный чѣмъ Сухановъ, и не имѣвшій его склонности къ теоріямъ, онъ обладалъ удивительной способностью разбираться—гдѣ кончается правда и начинается ложь; онъ, какъ бы чутьемъ, угадывалъ фальшь и этимъ своимъ свойствомъ вліялъ на многихъ, гораздо болѣе образованныхъ и талантливыхъ людей.

Штабсъ-капитанъ Похитоновъ—умный образованный офицеръ, отличившійся въ русско-турецкую войну, былъ убѣжденнымъ народовольцемъ и пользовался большимъ вліяніемъ среди своихъ товарищей.

Поручикъ Рогачевъ—настоящій атлетъ, обладавшій нечеловѣческой физической силой, имѣлъ пріятный, мягкій голосъ и всей своею личностью располагалъ къ себѣ людей. Офицерская молодежь приходила отъ него въ восторгъ. Онъ, благодаря своему брату Димитрію Рогачеву ¹⁾, съ давнихъ поръ имѣлъ постоянныя сношенія съ революціонерами.

¹⁾ Известный пропагандистъ, сосланный по процессу 193 на каторгу.

Подпоручикъ Папинъ—служившій въ Кронштадтской крѣпостной артиллеріи, былъ очень умный, образованный и даже талантливый человѣкъ, но нерѣшительный и слабохарактерный, и на его лицѣ всегда былъ какой-то отпечатокъ грусти. Онъ, какъ я слышалъ потомъ, покончилъ въ ссылкѣ самоубійствомъ.

Дегаевъ—въ то время недавно вышедшій въ отставку артиллерійскій штабсъ-капитанъ, успѣвшій въ то время оказать уже много услугъ партіи, а потому и пользовавшійся довѣріемъ и любовью многихъ изъ ея членовъ. Но одновременно съ этимъ нѣкоторые изъ ея членовъ не очень-то долюбливали его. Охарактеризовать его въ то время было бы затруднительно. Очевидно умный и очень способный человѣкъ—не безъ хитрости. Несомнѣнно, преданный въ то время партіи, онъ, несмотря на всѣ эти качества, нѣкоторымъ (весьма немногимъ) не внушалъ къ себѣ довѣрія: не то чтобы отъ него ожидали чего-нибудь грязнаго, нѣтъ, объ этомъ никто не думалъ; всѣ считали его честнымъ человѣкомъ и, по моему, совершенно правильно. Въ то время онъ дѣйствительно былъ таковымъ и я увѣренъ, что если бы онъ былъ арестованъ по серьезному дѣлу, то держалъ бы себя хорошо ¹⁾, и его жизнь сложилась бы совсѣмъ иначе. Но въ немъ какъ-то сказывалось, что преданность дѣлу и партіи у него только головная, а сердце, если и принимаетъ въ этомъ участіе, то ужъ очень мало и невольно чувствовалось, что онъ *единомышленникъ*, а не *товарищъ*.

Въ этомъ мнѣніи между прочимъ сходились Софья Львовна Перовская и Сухановъ. То же впечатлѣніе онъ производилъ на меня.

IV.

Послѣ нашего официальнаго вступленія въ партію, нѣкоторымъ изъ насъ, благодаря нашей дружбѣ съ Сухановымъ и постояннымъ съ нимъ сношеніямъ, пришлось познакомиться со многими нелегальными. Всякому извѣстно, какой замѣчательный подборъ нелегальныхъ людей (комитетскихъ) былъ тогда въ Петербургѣ. Это были люди, долгое время работавшіе для революціи, люди, можно сказать, закаленные въ бою; мало того—это были сливки партіи, собранные изъ лучшихъ ея элементовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. И вотъ, среди подобныхъ-то людей Николай Евгеньевичъ, офицеръ, раньше не занимавшійся революціонной дѣятельностью, дожившій до 28 лѣтъ въ офицерской средѣ, сразу сталъ своимъ, нисколько не отличаясь отъ окружающихъ его борцовъ, и сравнялся даже съ наиболѣе выдающимися изъ нихъ; такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ говорили его новые товарищи. Онъ приобрѣлъ общую любовь и уваженіе всѣхъ ея дѣятелей.—Да оно и не могло быть иначе при натурѣ Николая Евгеньевича. Ярый про-

¹⁾ Онъ дѣйствительно былъ арестованъ въ 81 году, но только по подозрѣніи и вскорѣ выпущенъ, такъ какъ полиція не удалось ничего открыть.

Баронъ Александръ Павловичъ
ШТРОМБЕРГЪ.

тивникъ всякихъ компромисовъ въ теоріи и практикѣ, Николай Евгеньевичъ никогда не входилъ въ сдѣлки со своею совѣстью. Для него непонятно было, какъ можно, будучи убѣжденнымъ въ одномъ, дѣлать другое или уклоняться отъ дѣла, которое нужно совершить. Натура самая чистая, онъ и другихъ людей считалъ такими же, и много нужно было совершить дурного человѣку, чтобы Сухановъ счелъ его дурнымъ; а то, о комъ ни заговори съ нимъ, всегда одинъ отвѣтъ: „Какъ хотите, господа, а по мнѣ это хорошій человѣкъ!“ Сдержанный обыкновенно въ сношеніяхъ съ людьми, онъ терялъ эту сдержанность при видѣ только какой нибудь явной подлости, что часто могло его очень компрометировать. Такъ, во время университетскаго акта въ Петербургѣ, когда Коганъ-Вернштейнъ говорилъ рѣчь, нѣкоторые изъ студентовъ, совмѣстно со шпионами и частью благонамѣренной публики, кричали: „вонъ его, вонъ его!“ Одинъ изъ такихъ стоялъ недалеко отъ Суханова.

— Вы вѣроятно служите въ третьемъ отдѣленіи?—спросилъ его громко Сухановъ.

Студентъ переконфузился и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, но почему же вы это думаете?

— Ваши крики изобличаютъ вашу профессію и вы лжете, называя себя студентомъ.

Студентъ, окончательно сконфуженный, замолкъ и куда-то скрылся.

Сухановъ былъ смѣлъ до безразсудства и не заботился почти о своей безопасности, но онъ страшно цѣнилъ безопасность другихъ. Онъ просто выходилъ изъ себя, если чья либо неосторожность хоть слегка компрометировала другого. Кто-то изъ офицеровъ, узнавъ, что фамилія Андрея—Желябовъ, сказалъ это двумъ-тремъ товарищамъ. Узнавъ объ этомъ, Сухановъ вышелъ изъ себя и требовалъ, чтобы съ этимъ офицеромъ никто не велъ сношеній.

— Человѣкъ, не умѣющій оберегать товарищей, не годится для насъ, говорилъ онъ.

Вѣра въ дѣло партіи, въ людей ее составляющихъ, у него была безпредѣльная. Честь партіи онъ цѣнилъ выше всего. Будучи замѣшанъ въ самыхъ крупныхъ дѣлахъ, онъ говорилъ:

— Если меня арестуютъ, то я сейчасъ признаюсь во всемъ, что я сдѣлалъ, конечно, никого не компрометируя, и заявлю властямъ, что поступалъ такъ по приказанію Исполнительнаго Комитета.

На возраженіе, что это глупо, что если онъ попадется съ пустяками и будетъ возможность оправдаться, то нечего губить себя задаромъ, онъ отвѣчалъ:

— Наше дѣло, господа, чистое, и мы не должны давать малѣйшаго повода думать, будто стыдимся своего дѣла или боимся отвѣтственности; мы должны всегда съ гордостью заявлять, кто мы и что мы дѣлаемъ, а не вилать въ разныя стороны.

Довѣріе къ Суханову изъ нелегальной комитетской среды пе-

ренеслось отчасти и на насъ, его друзей. Квартира Суханова была однимъ изъ центральныхъ сборныхъ пунктовъ тогдашнихъ нелегальныхъ, и мы, только что вступившіе въ организацію, бывали тамъ, какъ дома, встрѣчались съ комитетскими людьми, знали ихъ настоящія фамиліи; при насъ о многомъ говорилось, и многое мы знали—вообще нашимъ присутствіемъ не стѣснялись, и мы постепенно знакомились со средой этихъ замѣчательныхъ людей; а съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напримѣръ съ Желябовымъ, у насъ установились теплыя отношенія. Мнѣ лично пришлось въ это время познакомиться у Суханова съ Желябовымъ, Колоткевичемъ, Перовской, Фигнеръ, Кибальчичемъ, Исаевымъ, Златопольскимъ, Грачевскимъ и многими другими. Встрѣчу и разговоры съ этими обаятельными личностями производили на насъ неизгладимое впечатлѣніе: съ каждой новой встрѣчей мы все болѣе и болѣе уходили тѣломъ и душой изъ стараго міра, въ которомъ жили раньше, въ новый полный чистоты и самоотверженія. Мы чувствовали, что сами становимся лучше и нравственно вырастаемъ.

Вліяніе этихъ апостольскихъ натуръ я чувствую на себѣ и до сихъ поръ, несмотря на протекшіе многіе годы. И, если въ моей душѣ и до сихъ поръ, несмотря на все пережитое и всѣ испытанныя разочарованія, еще живетъ нѣсколько наивная, романтическая идеализація людей, то это благодаря тому, что я имѣлъ счастье бывать въ обществѣ нашихъ незабвенныхъ погибшихъ товарищей. Кто знаетъ ихъ, тотъ не можетъ разочароваться въ людяхъ,—онъ скорѣе будетъ склоненъ идеализировать ихъ.

V.

Образовавъ нашъ кружокъ, мы стали заниматься привлеченіемъ къ нашему дѣлу другихъ офицеровъ, и мало-по-малу нашъ кружокъ сталъ понемногу расширяться, и въ концѣ концовъ онъ состоялъ изъ четырнадцати человекъ: лейтенантовъ—Штромберга, З—на, Р—го, Г—ва, и меня; мичмановъ, Д—скаго, Д—на, С—ва. Е—чь, А—ва, А—нъ (впослѣдствіи командиръ одного изъ броненосныхъ кораблей Портъ-Артура), Юнга и штурманскихъ офицеровъ К—ча и П—ва.

Но помимо нашей пропаганды, о которой я буду говорить далѣе, мы оказывали кое-какія услуги партіи.

Наши поѣздки къ Суханову въ Петербургъ по дѣламъ военной организаціи и для бесѣдъ съ людьми партіи по поводу тѣхъ или другихъ политическихъ вопросовъ служили иногда поводомъ къ оказанію небольшихъ услугъ партіи. Такъ для примѣра разскажу, какъ двое изъ нашихъ товарищей очищали квартиру В. Н. Фигнеръ.

Какъ то разъ у Николая Евгеньевича сидѣли Штромбергъ и З—нъ и о чемъ-то бесѣдовали. Вдругъ приходитъ Грачевскій и сообщаетъ:

— Нужно очистить квартиру, Григорій (Исаевъ) взять.

Сухановъ сейчасъ же вскочилъ, сказавъ:

— Пойдемте, господа!

И компанія, состоявшая изъ трехъ офицеровъ и одного нелегальнаго, отправилась въ походъ. Подходя къ квартирѣ Вѣры Николаевны, они замѣтили подозрительное движеніе полиціи, которой около этихъ мѣстъ было болѣе обыкновеннаго. На бѣду еще не могли увидѣть знака, такъ что нельзя было опредѣлить: открыта полиціей квартира или нѣтъ. Что дѣлать. Идти назадъ? Нельзя же оставить товарища, который тамъ находится, безъ помощи; идти въ квартиру—почти вѣрный провалъ.

— Я пойду, господа, меня какъ офицера, не заподозрять; спрошу какуюнибудь фамилію,—и все,—сказалъ Сухановъ.

Его не пустили, пошелъ Грачевскій, условившись съ оставшимися, что если онъ тотчасъ же не выйдетъ, то значить—плохо. Съ замираніемъ сердца ждали его возвращенія офицеры. Вѣдь здѣсь дѣло шло о судьбѣ двухъ такихъ цѣнныхъ лицъ, какъ Грачевскій и Вѣра Николаевна, сидѣвшая въ квартирѣ. Ожиданіе продолжалось недолго. Минуты черезъ двѣ показался Грачевскій, и всѣ отправились на верхъ. Въ квартирѣ сидѣла Вѣра Николаевна; на столѣ былъ самоваръ, и она спокойная, веселая, занималась чаепитіемъ. Поздоровавшись съ пришедшими, Вѣра Николаевна сказала:

— Не хотите ли чаю, господа?

— Отстаньте вы со своимъ чаемъ, кругомъ полиція, давайте скорѣе вещи и идемъ¹⁾.

Въ этой квартирѣ была типографія „Рабочей Газеты“ и какія-то жестяныя бомбы съ бумажными фитилями (кажется, петарды для обороны конспиративныхъ квартиръ), всего было пудовъ около пяти, шести. Шрифтъ пришлось класть частью въ пакетахъ, подъ куртки, частью брать въ мѣшкахъ въ руки, а станки прятались въ чемоданъ. На 3—на, благодаря его крѣпкому тѣлосложенію, навалили массу груза. На грудь ему, напримѣръ, положили наборъ „объявленія къ крестьянамъ“, такъ что онъ сдѣлался весь синій и еле дышалъ, какъ онъ впослѣдствіи мнѣ рассказывалъ; да и всѣмъ было не легко. Когда забрали вещи, Вѣра Николаевна подмела комнату, и всѣ двинулись въ путь. Опять то же необыкновенное движеніе полиціи и усиленное количество ея. Удивительно, какъ тогда не арестовали очищавшихъ квартиру. Я думаю, что спасъ мундиръ, ибо въ то время онъ былъ еще вѣдь подозрѣній.

Какъ послѣ намъ сообщали, полицейское оживленіе происходило отъ того, что начальству была извѣстна мѣстность, гдѣ находилась квартира Исаева; домъ же еще не былъ опредѣленъ, и дворники этой улицы были уже въ это время посланы въ полицію, гдѣ имъ показывали Исаева, спрашивая, не узнаетъ ли кто изъ нихъ своего жильца.

Вскорѣ потомъ тѣ же товарищи перевезли эту типографію къ намъ въ Кронштадтъ и мы помѣстили ее у члена нашего кружка, штурманскаго поручика П—ва.

Подобныя услуги чаще всѣхъ оказывалъ Штротбергъ про-

¹⁾ Эту сцену я описалъ такъ, какъ мнѣ тогда рассказывали товарищи.

водившій почти половину своего времени въ Петербургѣ и не разъ принимавшій участіе въ очисткѣ нелегальныхъ квартиръ.

Мы доставляли также партіи нѣкоторые нужные для нея матеріалы и оружіе.

Мы такъ же сообщали кое-какія политическія свѣдѣнія, благодаря тому, что нѣкоторые изъ насъ вращались тогда въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества. У меня, напримѣръ, въ то время были обширныя знакомства во вліятельныхъ судейскихъ сферахъ, а въ двухъ знакомыхъ домахъ я имѣлъ возможность встрѣчаться съ членами государственнаго совѣта и сенаторами.

Двое изъ нашихъ товарищей по кружку отвозили номера „Народной Воли“ изъ Петербурга, гдѣ была тайная типографія, въ Москву. Р—въ отвезъ два чемодана, кажется, съ седьмымъ номеромъ, а Д—скій такое-же количество экземпляровъ девятого номера. Тогда очень строго слѣдили за проѣзжающими, и нелегальнымъ трудно было бы доставить быстро такое-же количество экземпляровъ для распространенія въ Россіи, потому обращались къ намъ, такъ какъ въ то время безъ особенно важныхъ причинъ, полиція не осмѣливалась задерживать офицеровъ или обыскивать ихъ багажъ.

Наши сношенія съ Сухановымъ и нелегальными поддерживались также пріѣздами ихъ къ намъ. Сухановъ часто бывалъ у насъ одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ нелегальныхъ. Вскорѣ послѣ 1-го марта, онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, привезя съ собою „Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III“, „Воззваніе къ европейскому обществу“ и „Объявленіе къ крестьянамъ“.

Прочитавъ письмо, Сухановъ передалъ намъ предложеніе И. К. освободить Нечаева, Ширяева и нѣкоторыхъ другихъ заключенныхъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Мы согласились, такъ какъ это вполне соответствовало нашему тогдашнему настроенію.

Я былъ увѣренъ въ этомъ, господа,—сказалъ Сухановъ,—и уже сообщилъ въ Комитетъ, что на такое дѣло морской кружокъ всегда согласится. Теперь намъ нужно выбрать распорядителя.

Нѣкоторые предложили выбрать распорядителемъ Суханова, но тотъ категорически отказался.

Я не способенъ быть начальникомъ въ такомъ дѣлѣ, сказали онъ; лучше выберемъ Г—го, онъ самый подходящій для этого человѣкъ, и я съ удовольствіемъ пойду за нимъ, какъ рядовой.

Г—го, дѣйствительно обладалъ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ и имѣлъ способность все видѣть, наблюдать и предусмотрѣть. Разсказывали, что еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ провозилъ въ Литву порохъ для заговорщиковъ (онъ былъ Литовецъ).

Когда начали обсуждать планъ освобожденія, Сухановъ сообщилъ, что Нечаевъ распропагандировалъ и сьорганизовалъ почти всю внутреннюю стражу равелина, а потому дѣло не будетъ представлять непреодолимыхъ затрудненій, такъ какъ намъ придется дѣйствовать только снаружи, внутри же будетъ помогать организованная Нечаевымъ стража.

Кромѣ насъ въ этомъ предпріятіи долженъ былъ принять участіе и Николай Михайловичъ Рогачевъ, но оно не состоялось, благодаря провалу Нечаевской организаціи среди равелинской стражи.

Въ этотъ же вечеръ Сухановъ спросилъ: „кто изъ насъ согласился бы принять участіе въ террористическихъ актахъ“, но мы всѣ отказались. И Сухановъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ этого, я какъ то сидѣлъ у себя дома, вдругъ неожиданно заходитъ Сухановъ.

— А я къ вамъ гостью привезъ—проговорилъ онъ.

— Кого? спросилъ я.

— Вѣру Николаевну, она внизу на извозчикѣ дожидается, нужно проводить ее на квартиру Штромберга и З—на.

Я спустился внизъ и мы проводили Вѣру Николаевну на квартиру къ названнымъ товарищамъ, гдѣ и устроили для нея комнату. Она провела дней десять—двѣнадцать. Оказалось, что ее ищетъ полиція по всему Петербургу, и ей необходимо было временно укрыться.

Пребываніе у насъ этой замѣчательной женщины было настоящимъ праздникомъ для всего нашего кружка; и мы всѣ къ ней привязались. Но не только на насъ она имѣла вліяніе, но и на многихъ, случайно заходившихъ сослуживцевъ, которымъ ее представляли, какъ кузину З—на, она оставляла глубокое впечатлѣніе своимъ умомъ и энергіей, соединенными съ поразительной женственностью и граціей.

Разскажу маленькій эпизодъ изъ ея пребыванія, который могъ бы окончиться очень печально:

Кто-то изъ товарищей, желая развлечь Вѣру Николаевну, предложилъ пойти вмѣстѣ съ нею въ клубъ, въ музыкальную комнату, поиграть на роялѣ. Нѣкоторые выразили опасеніе, но другіе настаивали на томъ, что это пустяки, разъ мы будемъ въ музыкальной комнатѣ, туда никто войти не сможетъ, да и Вѣру Николаевну здѣсь никто не знаетъ. В. Н. приняла ихъ сторону и мы пошли и провели очень пріятный вечеръ въ музыкальной комнатѣ—играли и пѣли.

Однако оказалось, что это было не такъ безопасно.

Уже послѣ отъѣзда Вѣры Николаевны, ко мнѣ въ клубъ подошелъ знакомый докторъ Н—въ и говоритъ:

— Какъ можно быть такими легкомысленными, какъ вы и ваши товарищи.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Ну, какъ можно было вести въ клубъ Вѣру Фигнеръ, я узналъ ее, когда она проходила съ вами по залѣ.

— Развѣ вы ее знаете?

— Встрѣчалъ въ Москвѣ, когда былъ студентомъ, да и я не одинъ ее здѣсь знаю.

Хорошо, что это былъ докторъ Н—въ, сочувствующій чело-вѣкъ, а не кто другой.

Былъ между прочимъ планъ освобожденія осужденныхъ по

дѣлу 1-го марта: Желябова, Перовской, Кибальчича, Михайлова и Рысакова.

Предполагалось собрать человекъ триста петербургскихъ рабочихъ, раздѣлить ихъ на три группы: двѣ—человекъ по пятидесяти, а одну—въ двѣсти. Во главѣ этихъ группъ должны были находиться всѣ петербургскіе и кронштадтскіе офицеры. Группы предполагалось распредѣлить на трехъ, выходящихъ на Литейный проспектъ параллельныхъ улицахъ: на крайнихъ—малыя группы, на средней—большую. И вотъ, когда процессія проходила бы среднюю группу, всѣ три группы, по сигналу, должны были броситься впередъ, увлекая въ своемъ порывѣ толпу, и одновременно прорвать шпалеры войскъ, боковыя группы произвели бы замѣшательство, а средняя окружила бы колесницы, вскочивъ на которыя офицеры обрѣзали бы веревки на осужденныхъ и увлекли бы ихъ въ толпу, съ которой вмѣстѣ отхлынули бы обратно въ боковую улицу, гдѣ должны были ожидать двѣ кареты съ платьемъ и всѣмъ нужнымъ для переодѣванія.

Не знаю кѣмъ былъ выработанъ этотъ планъ, но когда насъ о немъ извѣщали, то вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили, что инициатива освобожденія принадлежитъ рабочимъ, распропагандированнымъ Рысаковымъ, что нужно, число рабочихъ уже есть. Мы тоже были согласны. Но почему этотъ планъ не состоялся и насколько серьезно имъ занимались, я не знаю.

Вскорѣ послѣ этого намъ было предложено заняться печатаніемъ партійной литературы, особенно военной (гектографированіемъ мы уже занимались). Для этого предполагалось использовать перевезенную къ намъ типографію, а Грачевскій долженъ былъ насъ научить набору.

И вотъ, къ назначенному времени, насъ человекъ пять собралось на квартиру 3—на, туда П—въ перевезъ типографію, пріѣхалъ Грачевскій и долженъ былъ пріѣхать Сухановъ. Но только мы успѣли разложить типографскія принадлежности, и Грачевскій началъ намъ показывать, какъ надо набирать, раздался стукъ и вошелъ нашъ товарищъ по кружку лейтенантъ Г—го, только что возвратившійся изъ Москвы, куда онъ провожалъ Вѣру Николаевну.

Мы обрадовались его возвращенію и сейчасъ спросили его благополучно ли доѣхала Вѣра Николаевна.

— Она-то благополучно, но готовится другая бѣда,—отвѣтилъ онъ.

— Какая бѣда? Въ чемъ дѣло?—засыпали мы его вопросами.

— Подходя къ квартирѣ Суханова, я замѣтилъ усиленное движеніе полиціи,—разсказывалъ пріѣзжій—перешелъ на другую сторону, сталъ наблюдать за квартирой и замѣтилъ, что какую-то женщину, вышедшую съ запиской изъ дому, гдѣ жилъ Сухановъ, околodочный остановилъ, взялъ записку, вѣроятно посмотрѣлъ адресъ, и возвративъ записку, отпустилъ женщину. Замѣтивъ это, я рѣшился, не заходя къ Суханову, ѣхать предупредить васъ.

Мы, конечно, поняли, что дѣло неладно и немедленно-же сложили типографію, отправили ее сначала къ Р—ву, а потомъ опять

къ П—ву. Грачевскаго я взялъ къ себѣ на квартиру, и мы рѣшили на другой день встрѣтиться въ морскомъ клубѣ и тамъ узнать, какъ обстоятъ дѣла.

Хорошо, что Г—го во время предупредить насъ. На другой день въ 4 ч. утра были арестованъ Сухановъ, а въ 11 ч. того же дня были произведены обыски у Штромберга, Г—го и Θ—на. Черезъ два дня Штромбергъ и Г—го были арестованы и увезены въ Петербургъ. Все это произошло 28-го апрѣля 1881 года.

VI.

Далѣе мнѣ уже не придется говорить ни о Сухановѣ, ни о Штромбергѣ, ни о Г—го, а потому я считаю не лишнимъ познакомить теперь же читателей съ ихъ судьбою.

Г—го, когда его привезли въ Петербургское комендантское управленіе и тамъ потребовали у него оружіе, онъ иронически замѣтилъ „а, если я не отдамъ?“—и замолчалъ; и молчалъ всѣ одиннадцать мѣсяцевъ своего заключенія, что ему было весьма легко, такъ какъ и на волѣ онъ кромѣ друзей почти ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривалъ. Его заподозрили въ психическомъ разстройствѣ и помѣстили въ Николаевскій госпиталь. Оттуда онъ завелъ, черезъ докторовъ, сношенія съ нами. Наконецъ властямъ надоѣло его держать и, не имѣя противъ него никакихъ уликъ, его выпустили съ переводомъ въ Каспійскую флотилію.

Передъ отправленіемъ туда, онъ зашелъ въ Кронштадтъ къ одному изъ нашихъ сослуживцевъ и вотъ какъ послѣдній передавалъ происходившій между ними разговоръ. Г—го вошелъ, поздоровался и сейчасъ же спросилъ:—гдѣ З—нъ?

— Въ плаваніи.

— Серебряковъ?

— Въ плаваніи.

— Юнгъ? и т. д. въ томъ же родѣ. Г—го, пересчитавъ нѣсколькихъ друзей и, получая тотъ же отвѣтъ, сѣлъ за фисгармонику, проигралъ краковьякъ, поклонился удивленному хозяину квартиры и ушелъ, не произнося болѣе ни слова. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій.

Штромбергъ—при первомъ же допросѣ, когда у него спросили о комъ-то изъ знакомыхъ, съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Что-же, вы меня за шпіона принимаете!

Болѣе подобныхъ вопросовъ ему не задавали, да и вообще почти не допрашивали, такъ какъ онъ вскорѣ отказался давать какія бы то ни было показанія. Черезъ шесть или восемь мѣсяцевъ его сослали въ Верхоленскъ, тамъ онъ очень страдалъ тяжелой формой цыгги. Изрѣдка мы, черезъ его сестру, получали о немъ извѣстія и исполняли его порученія.

Черезъ два года, вслѣдствіе показаній Дегаева, Штромберга привезли обратно въ Петербургъ, гдѣ на первомъ же допросѣ онъ опять отказался давать показанія. Сидя въ заключеніи, онъ забо-

лѣлъ тифомъ, былъ при смерти, наконецъ оправился. По выздоровленіи опять допросъ и опять тотъ же отказъ отъ показаній.

Послѣ смертнаго приговора, когда осужденнымъ предложено было подать прошеніе о помилованіи, Штромбергъ на вопросъ Рогачева:

— Что вы думаете объ этомъ? отвѣтилъ: „я для этого не грамотенъ“.

Вскорѣ послѣ того они вмѣстѣ съ Рогачевымъ были перезезаны въ Шлиссельбургъ и тамъ повѣшены.

Квартира Суханова ¹⁾ была окружена полиціей съ воскресенья утра до понедѣльника, когда онъ былъ арестованъ. На квартирѣ у него былъ довольно большой складъ революціонной литературы. Узнавъ объ этомъ, Николай Михайловичъ Рогачевъ рѣшилъ пойти очистить квартиру. Войдя въ подъѣздъ, онъ замѣтилъ штатскаго, разговаривающаго со швейцаромъ и, между прочимъ, услышалъ слѣдующія слова:

— Это тотъ?—спросилъ штатскій, указывая глазами на Рогачева.

— Нѣтъ, тотъ маленькій съ большой бородой—отвѣтилъ швейцаръ ²⁾.

Поднявшись къ Суханову, Рогачевъ забралъ всю бывшую у него литературу, уложилъ ее подъ мундиръ, и уходя, спросилъ Суханова:

— Будете ли вы оказывать вооруженное сопротивленіе?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Сухановъ.—Я боюсь напугать сестру и племянника ³⁾.

Простившись съ Сухановымъ, Рогачевъ отправился. Увидя двухъ извозчиковъ, онъ хотѣлъ нанять лучшаго изъ нихъ. Тотъ отказался, сказавъ, что занятъ; другой же, плохенькій, согласился за неимовѣрно дешевую цѣну. Когда Рогачевъ поѣхалъ, вслѣдъ за нимъ поѣхалъ какой-то штатскій на хорошемъ извозчикѣ. По дорогѣ Рогачевъ соскочилъ съ извозчика и ушелъ черезъ проходной дворъ.

Насколько безукоризненный человекъ былъ Николай Евгеньевичъ, можно отчасти судить по тѣмъ толкамъ, которые шли среди офицеровъ въ Кронштадтѣ послѣ его ареста. Обыкновенно, когда случится несчастіе съ человекомъ и онъ уже не можетъ защищаться, начинается клевета; рассказываютъ небывалыя вещи, обвиняютъ въ невѣроятныхъ преступленіяхъ. Но такъ чиста была его репутація среди моряковъ, такимъ уваженіемъ онъ пользовался, что никто не рисковалъ рассказывать о немъ что нибудь позорящее. Даже враги его, которыхъ было не мало, довольствовались только тѣмъ, что обвиняли его въ соучастіи въ терроръ и въ томъ, что онъ опозорилъ морской мундиръ.

¹⁾ Суханова видалъ Меркуловъ, встрѣчавшій его на Малой Садовой у Кобозева-Богдановича, изъ квартиры котораго велся подкопъ.

²⁾ Очевидно, по описанію подразумѣвался Штромбергъ.

³⁾ Съ нимъ жила сестра съ синоиъ пяти лѣтъ.

Исторія адреса моряковъ по поводу ареста Суханова—такова: Завѣдующій миннымъ классомъ, капитанъ 1-го ранга Верховскій боялся, что арестъ Суханова отзовется на немъ, такъ какъ Сухановъ былъ переведенъ въ Петербургъ по его настоянію. Онъ напугалъ главнаго командира Кронштадтскаго порта тѣмъ, что тотъ можетъ потерять свое мѣсто.

Главный командиръ, согласившись съ нимъ, приказалъ старшинамъ клуба написать адресъ; члены же клуба для подписи адреса были созваны повѣстками отъ своихъ экипажныхъ командировъ слѣдующаго содержания:

„Предписываю Вашему Благородію явиться въ клубъ такого-то числа для подписанія адреса“.

Адресъ былъ составленъ старшиною клуба, капитанъ-лейтенантомъ Бирилевымъ (впослѣдствіи морской министр), и, какъ всѣмъ извѣстно, былъ составленъ не особенно удачно ¹⁾. Масса офицеровъ, собравшихся въ клубъ, была въ мрачномъ настроеніи. Всѣ были крайне недовольны этой комедіей.

Арестъ Суханова вызвалъ оживленные толки не только въ Кронштадтѣ, но и въ петербургскомъ обществѣ. О немъ слагались цѣлыя легенды. Нѣкоторые высказывали мнѣніе, что Сухановъ былъ председателемъ Исполнительнаго Комитета, что съ его арестомъ „Народная Воля“ окончательно разбита. Но въ петербургскомъ обществѣ, какъ и въ кронштадтскомъ, никто не смѣлъ бросить въ него грязью, какъ въ частнаго человѣка. Всѣмъ извѣстно, какъ держалъ себя Сухановъ во время суда, а также извѣстна и рѣчь его: простой, чистосердечный рассказъ о причинахъ, побудившихъ его выйти на борьбу съ правительствомъ. Сухановъ не былъ краснорѣчивъ, но когда онъ говорилъ, то въ его голосѣ, въ его манерахъ была такая чистосердечность и искренность, что онъ производилъ въ высшей степени сильное впечатлѣніе на слушателей. Когда онъ сказалъ свою рѣчь, то судьи прослезились, и даже, какъ мнѣ рассказывалъ членъ судебной палаты присутствовавшій на судѣ Дрейеръ ²⁾ и тотъ пролилъ крокодилову слезу.

Почти черезъ годъ послѣ ареста привезли Николая Евгеньевича въ сѣрой арестантской шинели въ Кронштадтъ для разстрѣла. Казнь совершалъ первый экипажъ. Зная любовь офицеровъ къ Суханову, начальство не рѣшилось назначить командиромъ взвода производившаго разстрѣлъ, офицера, а назначило унтеръ-офицера. Всею церемоніей командовалъ контръ-адмиралъ Крузенштернъ.

Очевидцы казни рассказывали, что Николай Евгеньевичъ за время своего заключенія почти не измѣнился и, какъ они выражались, во взглядѣ его было больше доброты, какъ бы святости. Держалъ себя во время казни Николай Евгеньевичъ смѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромно. Когда онъ вышелъ изъ кареты, то оки-

¹⁾ Вся легальная пресса осмѣяла его, а въ высшихъ сферахъ, какъ намъ передавали, нашли его неумѣстнымъ.

²⁾ Предсѣдатель особаго присутствія Сената, судившаго Суханова и др. народо-вольцевъ (Процессъ 20-ти).

нуль взглядомъ всёхъ присутствующихъ. Послѣ же во все время приготовления къ казни, онъ уже не смотрѣлъ на публику, какъ бы боясь своимъ взглядомъ скомпрометировать кого-нибудь изъ друзей. Послѣ прочтенія приговора онъ самъ надѣлъ рубаху съ длинными рукавами, когда же его привязали къ столбу и стали завязывать глаза, онъ что-то сказалъ матросу, который, поправивъ повязку, отошелъ.

— Мы всё какъ будто замерли, устремивъ глаза на Суханова— рассказывалъ мнѣ очевидецъ.— Вдругъ раздался залпъ, голова Суханова опустилась на грудь, и я почувствовалъ, какъ что-то у меня оборвалось въ груди; слезы подступили къ глазамъ и я, боясь разрыдаться, долженъ былъ быстро уйти.

VII.

Такъ какъ намъ приходилось главнымъ образомъ вести пропаганду въ той средѣ, въ которой мы выросли, которую считали своей и которой довѣряли, то мы вели ее недостаточно конспиративно, а потому вскорѣ во флотѣ мы стали извѣстны, какъ революціонеры и социалисты. Особенно сильно начали объ этомъ говорить послѣ ареста Суханова, Штрอมберга и Г—го. Но въ то время морская среда была такъ дружна и корпоративна, что изъ ея среды очень мало и очень рѣдко что либо могло дойти до ушей департамента полиціи. А наша популярность достигла обширныхъ размѣровъ.

Однажды я встрѣчаю на улицѣ знакомаго лейтенанта И., служившаго въ то время въ Инспекторскомъ Департаментѣ. Онъ съ удивленіемъ на меня взглянулъ и воскликнулъ:

— Какъ, вы не арестованы?!

— За что?—спросилъ я.

— Вѣдь вы въ одной компаніи съ Сухановымъ и Штромбергомъ.

Въ другой разъ въ клубѣ я познакомился съ одной барышней, дочерью адмирала ***, она просила меня бывать у нихъ и сказала, что ея отецъ пришлетъ мнѣ приглашеніе.

Приглашенія я не получилъ, но на слѣдующій разъ при встрѣчѣ въ клубѣ, она мнѣ съ удивленіемъ говоритъ:

— Ничего не понимаю, отецъ никогда не мѣшаетъ мнѣ приглашать, кого хочу; а теперь—только я успѣла упомянуть вашу фамилію, какъ онъ воскликнулъ: Я не хочу, чтобы этотъ социалистъ бывалъ у меня въ домѣ! я просто поражена.

Мой командиръ безъ моего вѣдома выхлопоталъ мнѣ переводъ въ артиллерійскіе офицерскіе классы, очевидно съ цѣлью избавиться отъ меня. А старшій офицеръ, заходя ко мнѣ, говаривалъ:

— Ну, Есперъ Александровичъ, если у васъ хорошенько поискать, то...—и онъ не доканчивалъ фразы.

Кстати расскажу маленькій эпизодъ, какъ всякое вѣдомство старается отклонить отъ себя непріятности.

Вскорѣ послѣ 1-го марта, еще до ареста Суханова, когда были найдены бомбы на Телѣжной улицѣ, заподозрили, что въ нихъ были употреблены запалы морского министерства; потребовали специалиста изъ Кронштадта. Былъ посланъ минный офицеръ лейтенантъ Б.—реакціонеръ по убѣжденію. И вотъ, что онъ говорить въ клубѣ о своей поѣздкѣ.

— Прихожу, показываютъ запалы... смотрю наши!—никакого сомнѣнія наши!... Но чортъ ихъ побери, я имъ втеръ очки... доказалъ, что австрійскіе. А то такую бы кашу заварили.

Но все это среди большого круга офицерства. Между-же близкими товарищами многіе хорошо знали, что мы въ партіи, даже тѣ, которые держались самыхъ реакціонныхъ взглядовъ. У насъ съ ними бывали страшные споры; нѣкоторые изъ нихъ ругали революціонеровъ; говорили, что для нихъ мало кола и висѣлицы; а на нашъ вопросъ,—что же такое мы?—отвѣчали:

— Вы?—вы—дураки! которыхъ водятъ за носъ эти хитрые и скверные людишки.

Нѣкоторые изъ нихъ шли дальше и если, приходя къ намъ въ наше отсутствіе, находили нелегальную литературу, то жгли ее съ желаніемъ спасти насъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось у меня раза два.

По большей части споры съ товарищами-реакціонерами оканчивались ничѣмъ. Они обыкновенно не приводили никакихъ аргументовъ, а просто бранились. Вотъ напр. мой разговоръ съ однимъ изъ нихъ, лейтенантомъ С—мъ. Войдя ко мнѣ, онъ увидѣлъ у меня на столѣ сочиненія Добролюбова.

— Затѣмъ у тебя этотъ мерзавецъ?—спросилъ онъ.

— А ты его читалъ?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Такъ почему-же ты знаешь, что онъ мерзавецъ; прочти, тогда и говори.

— Не хочу его читать, отвѣтилъ онъ.

— Воишься?

— Не боюсь, а не хочу! и онъ, проговоривъ это, поспѣшно ушелъ.

Очевидно, онъ боялся; чувствовалъ, что потеряетъ равновѣсіе. Это подтверждаетъ другой подобный случай: у меня съ другимъ сослуживцемъ, лейтенантомъ Т—мъ произошелъ почти такой-же разговоръ. Но послѣднему дней черезъ пять послѣ разговора я предложилъ вмѣсто Добролюбова, Бѣлинскаго. Онъ постѣснялся отказаться и, отъ нечего дѣлать, сталъ его читать. И что же? Мѣсяца черезъ три онъ прочелъ Лассалю, потомъ взялся за Маркса, а мѣсяцевъ черезъ шесть согласился работать для партіи.

Съ другимъ товарищемъ, убѣжденнымъ консерваторомъ, пришлось вести много споровъ, начиная съ избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, и разбирать вопросъ о томъ, представлялъ ли собою Земскій Соборъ всю Россію и вручилъ ли онъ самодержавіе избранному имъ Михаилу Ѳеодоровичу, или—сохранилъ за народомъ право голоса въ дѣлахъ страны. Нашъ това-

ришь все обдумывать, боролся, но мало-по-малу, убежденный историческими фактами, сталъ быстро отступать и наконецъ убедился, что ни въ одной странѣ, ни одинъ народъ никогда добровольно не отказывался имѣть голосъ въ рѣшеніи дѣлъ его касающихся. Разъ этотъ фундаментъ былъ разрушенъ, онъ чрезвычайно быстро сталъ воспринимать новое міровоззрѣніе, сталъ намъ сочувствовать и содѣйствовать. При этомъ интересно замѣтить, что жена его, бывшая курсистка, была либеральная дама и вначалѣ нашихъ споровъ поддерживала насъ, когда же онъ сталъ краснѣть, она начала блѣднѣть, и черезъ полгода онъ былъ съ нами, а она превратилась въ консервативную даму. Она знала, что ея мужъ человѣкъ честный и прямолинейный—онъ былъ прямолинейнымъ консерваторомъ и, если перемѣнилъ взглядъ, то будетъ такимъ-же прямолинейнымъ радикаломъ, и фразамъ не удовольствуется.

Вообще въ наше время, какъ я замѣтилъ, часто было легче имѣть дѣло съ чистымъ, убежденнымъ консерваторомъ, чѣмъ съ такъ называемыми либеральничаящими. Тутъ была борьба двухъ искреннихъ убежденій и, если спорящіе дѣйствительно искали истины, то правая сторона брала верхъ. Тогда, какъ либеральствующие очень много говорили высокихъ фразъ, но какъ дѣло касалось какого-нибудь опредѣленнаго окончательнаго мнѣнія, то сейчасъ какъ-то ускользали изъ рукъ. Они вообще были какіе-то половинчатые люди, не имѣвшіе яснаго опредѣленнаго міровоззрѣнія.

Наибольшимъ успѣхомъ наша пропаганда пользовалась среди офицеровъ серьезно образованныхъ и уже самостоятельно приходившихъ къ убежденію, что господствовавшій въ то время режимъ устарѣлъ и ведетъ Россію къ гибели.

Былъ еще одинъ типъ офицеровъ—философовъ.

Я зналъ кружокъ офицеровъ, перечитавшихъ почти всѣхъ философовъ, постоянно искавшихъ абсолютной истины и, конечно, никогда ее не находившихъ.

Съ ними невозможно было сговориться. Для рѣшенія самаго простаго вопроса нужно было выдвигать всю философскую армію и начинать чуть ли не съ Адама.

Что происходило во флотѣ, то отчасти происходило и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ войска. Такъ напр. не помню, кто изъ артиллеристовъ рассказывалъ мнѣ, что хотя онъ и одинъ изъ своей батареи состоитъ членомъ партіи, но вся батарея объ этомъ знаетъ и ея командиръ сказалъ ему съ глазу на глазъ:

— Если вы начнете серьезное дѣло (очевидно вооруженное возстаніе), то моя батарея будетъ съ вами.—Такихъ рассказовъ было много и ходъ организаціи доказывалъ, что эти рассказы не безосновательны.

Кромѣ личной пропаганды мы занимались и распространеніемъ партійной литературы среди офицерства. Въ этомъ намъ помогали всѣ сочувствующіе намъ офицеры, и литература распространялась въ довольно широкихъ размѣрахъ.

Партійная литература производила не одинаковое впечатлѣніе

на офицеровъ. Все, что было написано просто и ясно, читалось съ интересомъ. Нѣкоторыя вещи имѣли даже огромный успѣхъ, какъ напр. „Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III“. Мнѣ приходилось часто слышать не только отъ офицеровъ флота, но и въ обществѣ отъ многихъ лицъ, что они обѣими руками подписались бы подъ условіями, заключавшимися въ этомъ письмѣ. Среди лицъ, отъ которыхъ я это слышалъ, было не мало гвардейскихъ офицеровъ и лицъ высокопоставленныхъ судебного и другихъ вѣдомствъ.

Но то, что было написано въ слишкомъ приподнятомъ стилѣ, въ особенности, если дѣло касалось офицеровъ, вызывало неодобрение и даже насмѣшки. Такъ я помню Исполнительный Комитетъ выпустилъ, не посоветовавшись съ нами, прокламацію. Одинъ экземпляръ этой прокламаціи попалъ къ адъютанту перваго экипажа лейтенанту Сергѣеву, тотъ передалъ ее экипажному командиру, контръ-адмиралу Крузенштерну, а этотъ послѣдній созвалъ всѣхъ насъ въ комнату и прочелъ громко прокламацію. Отовсюду слышались остроты и насмѣшки. Прокламація, дѣйствительно, была составлена неудачно—въ высокомъ декламаторскомъ стилѣ.

Мы распространяли литературу и пропагандировали идею партіи не только среди офицерства, но и въ петербургскомъ обществѣ (объ этомъ, впрочемъ, въ другой разъ).

VIII.

Съ арестомъ Желябова, Колоткевича, Суханова и Штромберга центральный военный кружокъ лишился своей наиболее активной половины. Но туда вошелъ лейтенантъ Буцевичъ, замѣнившій потерю Суханова.

Это былъ чрезвычайно талантливый организаторъ, обладавшій удивительною способностью разыскивать связи и привлекать людей. Онъ окончилъ курсъ въ морской академіи, а затѣмъ прослушалъ курсъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и служилъ въ Петербургѣ въ министерствѣ путей сообщенія. Его знакомство въ обоихъ министерствахъ и въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества давали ему возможность примѣнить свои способности организатора. Темпераментъ онъ имѣлъ не очень горячій, но былъ настойчивый и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ человѣкъ.

Вскорѣ послѣ ареста Суханова къ намъ въ Кронштадтъ пріѣхалъ штабсъ-капитанъ Похитоновъ и передалъ, что, кромѣ ареста Суханова, все въ военномъ дѣлѣ обстоитъ благополучно. Онъ просилъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ пріѣхалъ для переговоровъ въ Петербургъ къ нему на квартиру, которую онъ вмѣстѣ съ Рогачевымъ нанялъ на Кирочной улицѣ. Черезъ нѣсколько дней нашимъ представителемъ поѣхалъ З—нъ и сношенія восстановились. Но это уже былъ май мѣсяцъ, и мы всѣ ушли въ плаваніе.

Я пробылъ въ плаваніи около четырехъ мѣсяцевъ и почти

сейчасъ-же по возвращеніи въ Кронштадтъ уѣхать въ отпускъ на два мѣсяца, по своимъ личнымъ дѣламъ; по пути въ Москвѣ исполнить небольшое порученіе—завязать связи съ двумя тамошними офицерами.

По моемъ возвращеніи, вслѣдствіе обыска сдѣланнаго у Похитонова, центральный военный кружокъ сталъ иногда собираться у меня на квартирѣ въ Кронштадтѣ. На первомъ его собраніи мы узнали, что произошло за время нашего отсутствія.

За эти шесть мѣсяцевъ, благодаря поѣздкамъ Буцевича и Рогачева, были завязаны связи и созданы кружки: въ Одессѣ, Николаевѣ, на Кавказѣ, Западномъ краѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, изъ которыхъ теперь я помню только Вильну. Въ самомъ Петербургѣ количество примкнувшихъ офицеровъ увеличилось, и Буцевичу удалось завязать связи въ штабѣ перваго армейскаго корпуса, такъ что онъ могъ содѣйствовать переводу нѣкоторыхъ офицеровъ въ полки этого корпуса. Онъ же завелъ связи съ нѣкоторыми изъ высокопоставленныхъ лицъ. Не могу теперь вспомнить какимъ образомъ и подъ какимъ предлогомъ онъ заручился обѣщаніемъ извѣстнаго генерала Драгомирова дать статью о русской арміи для нелегальнаго изданія.

Вообще въ это время дѣло военной организаціи обѣщало широкое распространеніе. Изъ разныхъ мѣстъ самыми разнообразными путями приходили извѣстія о самостоятельно образовавшихся офицерскихъ кружкахъ, ищущихъ связи съ центральной военной организаціей. Такъ, напримѣръ, черезъ петербургскую студенческую группу народовольцевъ получилось указаніе, что въ Минскѣ образовался кружокъ изъ четырехъ ротныхъ командировъ, полковаго адъютанта и доктора, который проситъ прислать къ нимъ агента центральной военной организаціи.

Въ другомъ мѣстѣ агентъ Исполнительнаго Комитета случайно натолкнулся на кружокъ офицеровъ, человекъ въ пятнадцать. Этотъ кружокъ не хотѣлъ входить въ сношенія съ мѣстной партійной организаціей, а просилъ дать ему связи съ центральнымъ военнымъ кружкомъ. Такіе случаи были не единственными. Вообще по всѣмъ признакамъ среди офицерства въ то время шло очень сильное броженіе. И если бы военная организація обладала, въ то время, хотя бы небольшимъ количествомъ свободныхъ людей, которые могли бы развѣзжать, то она достигла бы обширныхъ размѣровъ. Но въ этомъ отношеніи она была безсильна, офицерамъ очень трудно было получать отпуска, и то не болѣе, какъ на два мѣсяца и разъ въ два года. Болѣе частые и длинные отпуска можно было получать по особымъ причинамъ и съ большими затрудненіями. Опытныхъ нелегаловъ въ то время у партіи было очень мало, такъ что ихъ не хватало выполнять и другія нужды партіи. Такъ, напр., работавшіе въ то время съ военной организаціей члены Исполнительнаго Комитета Савелій Златопольскій и Анна Павловна Корба вели всѣ дѣла партіи въ Петербургѣ.

Благодаря подобному положенію вещей, центральный военный

кружокъ могъ мало содѣйствовать развитію дѣла военной организаціи. Даже выработанные центральнымъ кружкомъ уставы для себя и мѣстныхъ организацій, фактически, были мертвой буквой. Если дѣло шло впередъ, то только благодаря мѣстнымъ силамъ, а иногда и частной инициативѣ отдѣльныхъ офицеровъ.

Но и въ самомъ центральномъ военномъ кружкѣ постоянно мѣнялся составъ, старые члены его выбывали или лишались возможности энергично работать. Такъ Рогачевъ уѣхалъ изъ Петербурга къ своему мѣсту службы; Похитоновъ, въ виду сдѣланнаго у него обыска, долженъ былъ вести себя очень осторожно; Дегаевъ въ началѣ 32 года уѣхалъ на Кавказъ, и вся главная работа въ Петербургѣ лежала на Буцевичѣ; онъ, дѣйствительно, дѣлалъ много, но и онъ не могъ удѣлить всѣхъ своихъ силъ дѣлу военной организаціи.

Въ виду недостатка людей въ партіи, его привлекли и къ другой партійной дѣятельности. Онъ вмѣстѣ съ Анной Павловной Корбой и Грачевскимъ былъ выслѣженъ и арестованъ въ маѣ 1882 года по поводу устройства динамитной мастерской въ квартирѣ Прибылевыхъ.

Но несмотря на это, военная организація разрасталась. У насъ въ Кронштадтѣ къ веснѣ 82 года во всѣхъ трехъ кружкахъ: морскомъ, артиллерійскомъ и пѣхотномъ было въ общемъ чело-вѣкъ 25—30, а если считать сочувствующихъ, то набралось бы 50—60. Въ Петербургѣ было не меньше, если не больше. Во многихъ городахъ были группы и кружки. Теперь я могу вспомнить только, что кружки были въ Новгородѣ, Москвѣ, Орлѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Николаевѣ, на Кавказѣ, въ Минскѣ, въ Вильнѣ и во многихъ другихъ городахъ, такъ-что въ общемъ военная организація достигала нѣсколькихъ сотъ чело-вѣкъ. Но, какъ я выше указать, связь между этими кружками была весьма слабая.

IX.

Арестъ весною 1882 года Буцевича, Анны Павловны Корбы и Грачевскаго, нанесъ сильный ударъ военной организаціи. Этотъ арестъ совпалъ съ нашимъ уходомъ въ плаваніе, съ отъѣздомъ Похитонова къ мѣсту службы въ Кобеляки и съ разгромомъ партіи въ Москвѣ, такъ что все лѣто не существовало центральнаго военнаго кружка и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ мы были оторваны отъ партіи и другъ отъ друга. И когда мы возвратились изъ плаванія, то оказались вполне отрѣзанными и отъ военной организаціи и отъ партіи.

Въ сентябрѣ или октябрѣ неожиданно пріѣхалъ Дегаевъ и передалъ намъ, что, несмотря на пораженія, партія собирается съ силами и необходимо постараться возстановить единство военной организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ выслать ему въ Одессу хранившуюся у насъ типографію, которую мы ему и выслали.

Вокорѣ по его отъѣздѣ пріѣхали два артиллерійскихъ офи-

цера изъ Новгорода, и намъ удалось возстановить кое съ кѣмъ связи. Кромѣ того я съ артиллерійскимъ штабсъ-капитаномъ Кунаевымъ побывали у многихъ изъ петербургскихъ членовъ нашей организаціи и возстановили съ ними связи.

Приблизительно въ октябрѣ пріѣхалъ къ намъ поручикъ Николай Михайловичъ Рогачевъ и сообщилъ, что онъ прямо съ юга, гдѣ видѣлся съ Вѣрой Николаевной Фигнеръ, которая предложила ему выйти въ отставку въ виду того, что силъ у партіи мало, особенно недостаетъ опытныхъ и рѣшительныхъ людей для активной работы въ партіи. Она также просила его, чтобы онъ подобралъ еще нѣсколько офицеровъ, которые согласились бы выйти въ отставку для той-же цѣли. Онъ спросилъ, не хочетъ ли кто изъ насъ выйти въ отставку, но мы всѣ отказались. Между прочимъ онъ сообщилъ, что партія сильно озабочена разстройствомъ дѣла въ военной организаціи и хотѣла бы возстановить ея взаимную связь, что для переговоровъ объ этомъ отъ кожныхъ военныхъ кружковъ пріѣдетъ подполковникъ М. Ю. Ашенбреннеръ, который для этой цѣли возьметъ одиннадцатимѣсячный отпускъ.

Дѣйствительно, кажется, въ декабрѣ пріѣхалъ къ намъ подполковникъ Ашенбреннеръ. У насъ состоялись нѣсколько совѣщаній, въ которыхъ приняли участіе Ашенбреннеръ, З—тъ, Панинъ и я (не помню принималъ ли кто еще участіе или нѣтъ). На этихъ совѣщаніяхъ мы обсуждали вопросъ, какую форму придать центральной военной организаціи, такъ какъ въ прежней своей формѣ она не удовлетворяла своему назначенію, фактически не имѣя возможности вліять на офицерскіе кружки и содѣйствовать имъ въ ихъ работѣ. Было рѣшено устроить нѣсколько районовъ сообразно расположенію войскъ и путямъ сообщенія. Каждый районъ долженъ былъ имѣть свой центральный кружокъ, состоящій изъ делегатовъ мѣстныхъ кружковъ. Центральная военная организація должна была состоять изъ обязывающихъ районы агентовъ и еще нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ какъ бы штабъ военной организаціи. Имена офицеровъ знали бы только обязывающіе агенты, каждый въ своемъ районѣ; а центральный кружокъ зналъ бы только общія цифры и явку для возстановленія сношеній на случай ареста обязывающаго агента.

Однимъ изъ такихъ агентовъ предполагался М. Ю. Ашенбреннеръ, который между прочимъ предложилъ въ агенты также своего товарища капитана Крайскаго.

Для выполненія этого плана было рѣшено, что Ашенбреннеръ объѣхавъ нѣсколько городовъ, встрѣтится со мною въ Харьковѣ и мы съ нимъ поѣдемъ по южнымъ городамъ, гдѣ онъ познакомитъ меня съ мѣстными кружками и капитаномъ Крайскимъ, и тогда можно будетъ окончательно рѣшить, какіе устроить районы и кого еще можно будетъ выбрать въ обязывающіе агенты. И приблизительно въ половинѣ февраля Ашенбреннеръ уѣхалъ. Предъ его отъѣздомъ произошли два факта, оставившіе на насъ тяжелое впечатлѣніе. Штабсъ-капитанъ Кунаевъ зашелъ къ Ашенбреннеру и заявилъ, что онъ выходитъ изъ партіи на годъ. Что это означало,

такъ мы и не могли понять. Другимъ еще болѣе печальнымъ фактомъ для насъ явилось извѣстіе объ арестѣ Вѣры Николаевны Фигнеръ.

Послѣ отъѣзда Ашенбреннера, я съ большимъ трудомъ хлопоталъ себѣ отпускъ и въ назначенное время пріѣхалъ въ Харьковъ. Но тамъ не засталъ, какъ было условлено, М. Ю. Ашенбреннера. Вскорѣ я узналъ объ арестѣ его и Похитова. Такъ нашъ новый проектъ и остановился.

Изъ отпуска мнѣ пришлось ѣхать прямо въ Ревель на свой корабль, „Батарею Кремль“, находившійся въ артиллерійскомъ отрядѣ и уже начавшій кампанію. Прибылъ я на свой корабль въ маѣ мѣсяцѣ и до перваго августа ничего ни о комъ не слышалъ. Въ этотъ же день, когда я стоялъ на вахтѣ, ко мнѣ подошелъ матросъ, возвратившійся съ берега и, подавая маленькую бумажку, проговорилъ:

— Ваше благородіе, вольный на берегу просилъ передать вамъ записку.

Я развернулъ бумажку и прочелъ: „Ваши друзья хотятъ васъ видѣть, приходите въ такую-то гостиницу“.

По окончаніи вахты я съѣхалъ на берегъ и встрѣтилъ тамъ своего знакомаго Степурина, бывшаго артиллерійскаго офицера, но уже вышедшаго въ отставку. Онъ мнѣ сообщалъ, что по всей Россіи идутъ аресты офицеровъ. Со дня на день ждутъ арестовъ въ Кронштадтѣ, а на судахъ артиллерійскаго отряда должны арестовать меня и Р—ва, что эти извѣстія получены посредствомъ какихъ-то связей Сергѣй Петровичемъ (Дегаевымъ), который просилъ его, Степурина, извѣстить меня объ этомъ. Степуринъ ¹⁾ совѣтовалъ мнѣ ѣхать за границу; я не соглашался, и на этомъ мы съ нимъ разстались, условившись въ перепискѣ.

Возвратясь на батарею, я посоветовался съ лейтенантомъ Т—мъ (о которомъ я говорилъ раньше). Онъ тоже совѣтовалъ уѣхать. Пріѣхалъ ко мнѣ Р—въ, который служилъ, кажется, тогда на „Русалкѣ“. Я ему передалъ разговоръ со Степуринымъ, онъ категорически отказался уѣхать. Такъ прошло недѣли двѣ, я получилъ нѣсколько писемъ отъ Степурина, убеждавшаго меня поторопиться съ отъѣздомъ, но мнѣ не хотѣлось уѣзжать. На третьей недѣлѣ пріѣхалъ нелегальный Овчинниковъ, передалъ мнѣ паспорта и рассказалъ, что аресты среди военныхъ продолжаются; я рѣшилъ уѣхать, 19-го августа 1883 года оставилъ корабль и послѣ долгихъ мытарствъ попалъ за границу.

3. Серебряковъ.

¹⁾ Покончилъ самоубійствомъ въ домѣ предварительнаго заключенія въ 84 году.

Правила работы въ мастерской Шлиссельбургской крѣпости.

Всякій народъ имѣетъ свою Бастилю. Ея имя служить символомъ гнета и насилія. Ея мученики дороги всѣмъ прогрессивно-настроеннымъ людямъ, всѣмъ сочувствующимъ освободительной борьбѣ.

Для насъ русскихъ Бастилей была Шлиссельбургская крѣпость, павшая подъ напоромъ революціоннаго движенія. Правительство тратило огромныя суммы для содержанія нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. А передъ амнистіей узниковъ было всего 13. Тѣмъ не менѣе тюрьма стояла. Она была нужна, какъ *уроза*. Само правительство смотрѣло на нее, какъ на символъ своей власти, своего самовластія.

Но если самодержавному правительству было такъ трудно уничтожить Шлиссельбургъ¹⁾, то тѣмъ труднѣе изгладить теперь память о немъ у русскаго человѣка. Она намъ дорога, какъ память о героической борьбѣ, полной самоотверженія и любви къ родинѣ. Намъ дороги всѣ воспоминанія о жизни этихъ страдальцевъ, характеризующія мрачныя застѣнки Шлиссельбурга. Ниже мы приводимъ небольшой документъ, оставшійся въ одной изъ рабочихъ камеръ крѣпости, послѣ того какъ послѣдніе узники были оттуда увезены. Это—объявленіе, повидимому писанное рукой одного изъ заключенныхъ, все истлѣвшее и пожелтѣвшее, вѣроятно, висѣвшее долгіе годы. Камера служила для токарныхъ работъ. Текстъ объявленія таковъ:

Всѣмъ работающимъ въ этой мастерской предлагается:

- 1) По окончаніи работы вытирать весь станокъ тряпкой отъ стружекъ и пыли.
- 2) Приводить въ порядокъ болванки подъ нарами и за кроватью, а работу складывать на полку, выбрасывая всѣ ненужные остатки.
- 3) Лакъ плотно затыкать и складывать съ ватой и бумагой въ коробку и ящики. Лакъ съ чужими именами не трогать.
- 4) Расколотымъ ручки нистр. замѣнять сейчасъ-же новыми, а въ случаѣ какой-нибудь ломки нистр. или въ станкѣ исправлять самому, или . . .²⁾ и во всякомъ случаѣ записывать . . .²⁾
- 5) Кто разобьетъ посуду долженъ . . .²⁾ на замѣнъ ея и записать на доскѣ, что это онъ разбилъ.

¹⁾ Увы, Шлиссельбургъ оказался даже и не „уничтоженнымъ“: его снова „наседаютъ“.

Ред.

²⁾ Оторвано (истлѣло).

6) Не оставлять въ раковинѣ пролитыхъ красокъ, очищая ее пескомъ или стружками.

7) Не марать стола и наръ, подкладывая эк-нб. дощечку при употребленіи красокъ, лаку и клея.

8) Когда выходитъ укусъ, перецъ, горч., сч.-же отдавать посуду жн. ¹⁾ чб. дали къ слѣд. дню.

9) Въ случаѣ грязи и безпорядка при *приходѣ* въ мастерскую дѣлать надписи на доскѣ и извѣщать, послѣ кого именно найденъ безпорядокъ.

Это объявленіе написано чернилами на четвертушкѣ бумаги (съ 2-хъ сторонъ). Его текстъ показываетъ, съ какимъ вниманіемъ и любовью относились заключенные къ своему труду. Это умѣнье работать, эта безконечная энергія, непотухающая въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ даже у *вѣчныхъ* узниковъ — поражаетъ всякаго человѣка.

Отмѣтимъ и искру юмора, которая иллюстрируетъ бодрое настроеніе узниковъ. Подъ объявленіемъ внизу приписано карандашомъ слѣдующее четверостишіе:

Я эту конституцію
Охотно подпишу
И вплоть до революціи
Ни въ чемъ не погрѣшу.

Подпись (иниціалы) неразборчива, но напоминаетъ буквы В. Ф. (Вѣры Фигнеръ).

С. Кир—ъ.

¹⁾ Жандармъ.

Карательная экспедиція Генералъ-Лейтенанта П. К. Ренненкампа въ Забайкальской Области.

О черкъ первый.

До экспедиціи.

Генералъ Ренненкампфъ былъ посланъ въ январѣ 1906 г. въ Забайкальскую Область не для подавленія вспыхнувшего тамъ революціоннаго движенія, а для искорененія крамолы, для должнаго возмездія буйнымъ гражданамъ по старому приказному рецепту, «дабы другимъ неповадно было».

Какъ увидитъ читатель вполсѣдствіи, въ январѣ мѣсяцѣ въ Забайкальской Области уже нечего было усмирять. Подъ вліяніемъ событій въ Россіи, революціонная волна, взметнувшаяся очень высоко въ концѣ 1905 г., шла быстро на убыль, и поколебленные основы власти были снова водворены на мѣсто если не усиліями администраціи, то изволеніемъ утихшаго народа.

Да и сами пославшіе Ренненкампа очевидно именно такъ понимали его миссію. Въ началѣ января 1906 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, предписывая губернатору Забайкальской Области г.-л. П. В. Холщевникову рядъ предварительныхъ репрессивныхъ мѣръ противъ забастовщиковъ, стачечниковъ и вообще революціонеровъ, начинаетъ свою телеграмму заявленіемъ, что «командированныя въ Читѣ лица разберутъ всѣ подробности происходившаго мятежа. До прибытія этихъ лицъ прошу сдѣлать по всей области слѣдующія распоряженія и т. д.» Такимъ образомъ въ глазахъ правительства еще до появленія Ренненкампа въ Читѣ вопросъ о «мятежѣ», охватившемъ область, былъ вопросомъ прошлаго, а не настоящаго времени, что и было въ дѣйствительности.

Но въ виду того, что въ обществѣ, а отчасти у самого правительства, да даже и у генерала Ренненкампа, какъ можно судить по приказу его отъ 26 мая 1906 г., сложилось убѣжденіе, что генералу Ренненкампу выпало на долю усмирить мятежъ въ Забайкальѣ, а не разобратъ только «въ его подробностяхъ»,—необходимо для установленія истинной оцѣнки дѣйствій генерала выяснить съ точностью

тѣхъ условіяхъ, при которыхъ приходилось Ренненкампу исполнить свою миссію въ Забайкальѣ.

Чтобы избѣгнуть упрековъ въ пристрастіи, я рѣшилъ описать эти условія только при помощи тѣхъ данныхъ, которыя почерпнуты мною изъ официальныхъ источниковъ или изъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ очевидцами, впрочемъ послѣдняя категорія данныхъ играетъ въ моемъ изложеніи второстепенную роль: вездѣ по мѣрѣ возможности я стараюсь подтвердить свѣдѣнія, полученныя мною отъ частныхъ лицъ, тѣмъ или другимъ официальнымъ документомъ, исходящимъ отъ органовъ правительственной власти.

Я конечно далекъ отъ мысли представить полную картину революціоннаго движенія въ Забайкальѣ: во первыхъ, я думаю—для этого еще не настало время, во вторыхъ въ мою задачу не входитъ описать насколько возможно полнѣе карательную дѣятельность генерала Ренненкампа.

Я думаю, что я долженъ ограничиться только описаніемъ революціоннаго движенія въ Забайкальѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было представлено высшему правительству донесеніями его агентовъ. Въдѣ посылая Ренненкампа, оно руководилось только этими донесеніями и подлинной правды о событіяхъ не знало.

Составленіе, если можно такъ выразиться, официального отчета о главнѣйшихъ моментахъ освободительнаго движенія въ Забайкальѣ является необходимымъ и потому, что карательная дѣятельность генерала выразилась главнымъ образомъ въ судебныхъ процессахъ. Чтобы не дробить матеріала и избѣгнуть повтореній, удобнѣе предварительно представить картину событій, которыя вмѣнялись въ вину подсудимымъ въ разныхъ процессахъ.

Считаю также необходимымъ остановиться и на тѣхъ причинахъ, которыя обусловили исключительное даже для того времени безсиліе власти въ Забайкальѣ передъ возникшей революціей. Это безсиліе сыграло не малую роль въ созданіи преувеличенной, далеко не соответствующей дѣйствительности славы о Читинской революціи; поэтому правильная оцѣнка разыгравшихся тамъ событій невозможна безъ краткаго хотя бы очерка тѣхъ условій, при которыхъ приходилось въ 1905 г. дѣйствовать мѣстной администраціи. Условія эти тѣмъ болѣе интересны, что они были даны извнѣ и отъ доброй воли мѣстной власти совершенно не зависѣли.

I

Взрывъ революціоннаго движенія въ Забайкальской Области въ концѣ 1905 г. послѣдовалъ съ такой же стремительностью и быстротой, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ нашей родины. Администрація края, смущенная еще за долго до 17 октября неувѣренной и явно колеблющеюся политикой министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ многочисленнымъ и непрерывнымъ проявленіямъ «смуты», была положительно ошеломлена появленіемъ знаменитаго манифеста о свободахъ.

Буря революціонныхъ идей, стремительно ворвавшаяся въ мирный обиходъ жизни вслѣдъ за этимъ манифестомъ, окончательно поколебала устои мѣстнаго управленія, а быстрое проникновеніе въ ряды давно уже волновавшихся войскъ революціонныхъ лозунговъ окончательно лишило власть всякой возможности подавить смуту и возстановить порядокъ. Дружный стройный натискъ на власть былъ такъ неотразимъ, такимъ широкимъ и стремительнымъ разливомъ охватилъ «устои законности и порядка», что несомнѣнная и окончательная побѣда революціи стала убѣжденіемъ самихъ вчера еще «грозныхъ властителей земли», какъ острилъ по поводу губернаторовъ Сибири одинъ изъ мѣстныхъ юмористическихъ листовъ¹⁾. Укорененію этого убѣжденія не мало, конечно, способствовала отдаленность мѣстныхъ управленій отъ метрополіи, осложняла дѣло почтово-телеграфная забастовка, окончательно прекратившая возможность всякихъ непосредственныхъ сношеній мѣстныхъ властей съ Петербургомъ. Несмотря на крайне тревожные симптомы волненій среди рабочихъ Забайкальской ж. д., выражавшихся съ начала 1905 г. въ непрерывныхъ столкновеніяхъ съ начальствомъ, забастовкахъ, собраніяхъ и усиленной агитаціонной и организаціонной дѣятельности, о чемъ генераль-губернаторъ Области Холщевниковъ весьма обстоятельно и ясно доносилъ въ Петербургъ и главнокомандующему Манчжурской арміей, и въ Петербургъ и въ Харбинъ очевидно не представляли себѣ съ достаточной ясностью того опаснаго положенія, въ какое постепенно попадала администрація края. Изъ Петербурга въ отвѣтъ на тревожныя телеграммы Холщевникова, шли циркуляры, телеграммы съ указаніемъ на прежніе циркуляры сперва съ великолѣпной невозмутимостью бюрократической увѣренности въ силу всяческихъ предписаній, а потомъ съ явнымъ отраженіемъ той смуты и той нерѣшимости, какой отмѣчена вся дѣятельность высшихъ органовъ власти вплоть до кровавыхъ декабрьскихъ дней Московскаго возстанія.

Холщевниковъ между прочимъ постоянно просилъ войскъ для борьбы съ народнымъ движеніемъ. Съ Востока генераль Надаровъ отвѣчалъ ему сухими телеграммами, въ тонѣ которыхъ сквозило явное недовѣріе къ донесеніямъ губернатора и въ которыхъ Надаровъ, отказывая Холщевникову въ присылкѣ войскъ, заявлялъ ему, что никакого усиленія гарнизона ему, въ сущности говоря, не надо и онъ прекрасно можетъ справиться съ безпорядками и съ тѣми силами, которыя имѣются у него въ распоряженіи.

Изъ Петербурга циркулярно предписывалось не злоупотреблять военной силой при усмиреніи безпорядковъ; циркуляръ этотъ очевидно былъ отзвукомъ тѣхъ жалобъ военныхъ начальниковъ, которыя поступали въ военное министерство на слишкомъ усердное подавленіе безпорядковъ вооруженною силой.

Такъ въ циркулярѣ своемъ губернаторамъ отъ 3 сентября 1905 г. № 10053 министръ полиціи Треповъ писалъ слѣдующее. «... Изъ поступающихъ въ настоящее время сообщеній военнаго вѣдомства усматривается, что командированныя въ распоряженіе гражданскихъ

¹⁾ „Говаръ“ въ Красноярскѣ.

властей воинскія части вызываются иногда послѣдними безъ настоящей къ тому необходимости и часто употребляются не по предмету ихъ прямого назначенія.

Принимая во вниманіе, что такой способъ распоряженія воинскими частями ведетъ къ полному переутомленію послѣднихъ и заставляя непрерывно смѣнять командируемыя части, лишаетъ военное начальство возможности слѣдить за правильнымъ обученіемъ и спеціальнымъ воспитаніемъ войскъ, прошу Васъ, Милостивый Государь, прибѣгать къ содѣйствію командированныхъ въ Ваше распоряженіе воинскихъ частей лишь въ случаяхъ настоящей необходимости. . . . »

Однако вслѣдъ за этимъ циркуляромъ Треповъ, подъ давленіемъ быстро развивающихся событій, шлетъ Холщевникову другую телеграмму отъ 13 октября 1905 г., гдѣ говоритъ: «въ виду участившихся случаевъ уличныхъ безпорядковъ, прошу принимать рѣшительныя мѣры подавленія, не останавливаясь примѣненіемъ вооруженной силы. Особенное вниманіе обратите на охрану правительственныхъ учреждений и т. д. . . . »

Опубликованіе манифеста 17-го октября, кстати сказать, упавшаго, какъ снѣгъ на голову, мѣстнымъ властямъ, влечетъ за собой нѣкоторое ослабленіе воинственнаго тона министерскихъ телеграммъ, что вызываетъ у генерала Холщевникова недоумѣніе, какъ согласовать манифестъ и слѣдующія за нимъ телеграммы съ предыдущими циркулярами товарища министра (телеграмма Холщевникова Трепову отъ 25-го октября 1905 г., за № 9409).

Въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма интересная телеграмма Трепова относительно преслѣдованія политически неблагонадежныхъ лицъ, въ коей проглядываетъ явная тенденція стать на твердо законную почву. Въ телеграммѣ этой (военному губернатору изъ Петербурга отъ 24-го октября 1905 г. за подписью завѣдующаго политической частью Рачковскаго), между прочимъ говорится, что «лишеніе свободы по разслѣдованіямъ въ порядкѣ положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія отнынѣ должно примѣняться исключительно къ тѣмъ лицамъ, которыя своею ясно проявленною дѣятельностью внушаютъ безусловно основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, при томъ преступная дѣятельность коихъ въ теченіе указаннаго въ положеніи объ охранѣ срока можетъ быть доказана съ положительностью, и дѣло можетъ быть направлено безъ продленія срока ареста въ формальномъ ¹⁾ порядкѣ, указанномъ 1035 статьей уст. угол. суд. Изложенныя указанія товарищъ министра, завѣдующій полиціей, предлагаетъ принять къ неуклонному руководству».

Затѣмъ изъ телеграммъ Трепова, овѣянныхъ «духомъ манифеста 17-го октября», слѣдуетъ указать на двѣ: одну отъ 23-го октября 1905 г., а другую отъ 27-го того же октября, адресованныя: Чита—губернатору.

Въ первой изъ нихъ Треповъ говоритъ: «Вновь (?) прошу про-

¹⁾ Слово „формальный“ г. Рачковскій очевидно ставитъ здѣсь вѣсто „законный“

явить всю полноту власти для прекращенія безпорядковъ, насилій и погромовъ, дабы во что бы то ни стало обезпечить личную и имущественную безопасность обывателей; при этомъ считаю необходимымъ обратить вниманіе вашего превосходительства, что результаты достигаются своевременнымъ принятіемъ предупредительныхъ мѣръ, а не однимъ лишь кровопролитіемъ, которое всегда является неизбѣжнымъ, когда эти мѣры приняты не были».

Во второй телеграммѣ Треповъ, подтверждая свои прежніе циркуляры объ усмиреніи обывателя, предписываетъ «въ примѣненіи ихъ дѣйствовать въ духѣ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября».

Собственно этими телеграммами, редактированными въ выраженіяхъ весьма неточныхъ и только крайне смущавшими мѣстную администрацію, исчерпывается все разъясненіе свѣше «началъ манифеста 17-го октября». Къ концу октября событія принимаютъ бурный характеръ и явившійся на смѣну Трепова министръ внутреннихъ дѣлъ засыпаетъ администрацію рядомъ предписаній въ духѣ добраго стараго времени, гдѣ неподражаемо сплетаются жгучая ненависть къ свободѣ съ трепетнымъ страхомъ передъ грозой революціи. Но и телеграммы новаго министра все-таки не даютъ руководящихъ началъ, даются они по поводу отдѣльныхъ эпизодовъ борьбы со «смутой» и въ нихъ нѣтъ и тѣни того яснаго толкованія «началъ манифеста 17-го октября въ духѣ разумно понятой свободы», которое преподнесъ Россіи министръ-президентъ Столыпинъ.

Впрочемъ, Дурново не пришлось долго сноситься съ Забайкальской областью. Почтово-телеграфная забастовка, начавшаяся здѣсь 15-го ноября 1905 г., прекратила всякіе способы сношенія министерства съ подчиненными органами и если отъ Дурново и его соратниковъ приходили въ Читу какіе-либо приказы и посланія, то они достигали мѣста назначенія либо случайно, путемъ нарочныхъ, либо передавались самими бастовавшими почтово-телеграфными чиновниками, считавшими оглашеніе безсильныхъ приказовъ министра необходимымъ въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

Изъ «случайныхъ» телеграммъ Дурново небезынтересно отмѣтить одну, относящуюся къ днямъ, предшествующимъ декабрьскому возстанію въ Москвѣ, днямъ, когда бюрократія мучительно боролась между страхомъ передъ революціей и страстнымъ желаніемъ утопить въ крови ненавистную смуту. Телеграмма эта содержитъ приказъ о разоруженіи рабочихъ и составлена такъ неясно и сбивчиво, что изъ нея рѣшительно нельзя было сдѣлать никакихъ практическихъ выводовъ. Она такъ и осталась втунѣ и найдена была мною въ архивѣ генераль-лейтенанта Холщевникова, какъ яркій образчикъ трусливой и вмѣстѣ злобной канцелярской отписки. Вотъ ея текстъ: «Разоруженіе должно быть производимо съ большой осмотрительностью по вашему усмотрѣнію, но весьма рѣшительно, по очереди и съ такимъ расчетомъ, чтобы дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было сдѣлано навѣрняка».

Изъ приведенныхъ отрывковъ циркуляровъ и предписаній изъ Петербурга видно, что центральная власть не отдавала себѣ яснаго отчета о неуклонно возраставшемъ народномъ движеніи. На отчаян-

ныя телеграммы Холщевникова, стоявшаго лицомъ къ лицу съ грозно набѣгавшими волнами революціи, получались отвѣты, гдѣ было все: и совѣты осторожно дѣйствовать, и дѣйствовать навѣрняка, воздерживаться отъ кровопролитія и принимать немедленно рѣшительныя мѣры; циркуляры пестрѣли противорѣчивыми директивами и бессмысленными ссылками на старые циркуляры, но существеннаго отвѣта, отвѣта на то, какъ спасти колеблющуюся власть, не было въ этихъ сумбурныхъ предписаніяхъ изъ Петербурга. А кажется Холщевниковъ весьма ясно ставилъ вопросъ: революція одолѣваетъ, лѣзетъ изъ всѣхъ щелей, захватываетъ всѣ слои населенія, проникаетъ въ гарнизонъ, нѣтъ вооруженной силы, чтобы держать революцію въ страхѣ, пришлите войска, войска, войска—вотъ сущность его телеграммъ въ Петербургъ и на Востокъ въ теченіе всего 1905 года. Но изъ Петербурга шли канцелярскія отписки, циркуляры, разъясненія, а съ Востока... шли тоже телеграммы, но войскъ не давали. Ни тамъ, ни здѣсь не понимали, что надо дѣлать или можетъ быть боялись поступать круто. Врагъ былъ неопредѣленъ еще, а буря негодованія, глухіе раскаты народной ненависти очевидно сильно воздѣйствовали на полководцевъ и невольно заставляли откладывать минуту рѣшительнаго боя.

Всѣ просьбы губернатора и даже настойчивыя требованія о присылкѣ войскъ на усиленіе мѣстнаго гарнизона *долго* оставались безъ удовлетворенія, когда наконецъ пламя открыто вспыхнувшей революціи заставило власти приняться за крайнія мѣры, но, увы, и вслѣдствіе растерянности самихъ властей, и вслѣдствіе неотразимаго напора революціонныхъ идей, проникавшихъ въ войска съ невѣроятной быстротой, мѣры эти не могли дать желанныхъ результатовъ.

Войска поспѣшно были двинуты изъ Манчжуріи вглубь Сибири въ концѣ 1905 г., о чемъ начальникъ тыла дѣйствующихъ армій генералъ Надаровъ извѣщалъ мѣстныя власти слѣдующей телеграммой, въ которой ясно сквозитъ растерянность и страхъ передъ нахлынувшей грозой.

Харбинъ, 21-го октября 1905 г. Секретно.

«Чита—генералу Холщевникову. Сообщаю для свѣдѣнія и руководства телеграмму главнокомандующаго № 11670. Генералъ Кутайсовъ сообщаетъ нарочнымъ въ Мысовую и оттуда по телеграфу, что въ Иркутскѣ образовано революціонное правительство, мятежъ въ полномъ разгарѣ, рѣзня неизбежна и что необходима спѣшная помощь, присылка войскъ. Желѣзнодорожное и телеграфное сообщеніе съ Иркутскомъ прервано. Въ виду изложеннаго предлагаю вамъ всѣ телеграфныя и желѣзнодорожныя части, имѣющіяся въ вашемъ распоряженіи, немедленно направить къ полковнику Захарову въ помощь ему для скорѣйшаго открытія желѣзнодорожнаго и телеграфнаго сообщенія съ Читой и Иркутскомъ. О томъ, сколько именно желѣзнодорожныхъ и телеграфныхъ ротъ вы отправите, меня увѣдомить, на тотъ случай, если этого числа будетъ мало, чтобы приготовить новый резервъ. Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плеве, что я на него и на весь 13 корпусъ возлагаю охрану Забайкальской желѣзной дороги отъ ст. Манчжуріи до Иркутска включительно. Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плеве, чтобы онъ на каждой станціи оставлялъ та-

кую часть войскъ, какую онъ признаетъ необходимымъ... Сообщите мнѣ, гдѣ въ настоящее время находится генералъ Плеве... Вмѣстѣ съ симъ сообщите генералу Плеве, что по случаю тяжелаго положенія въ Читѣ и особенно въ Иркутскѣ необходимо генералу Плеве продвинуться съ войсками въ Читу и въ Иркутскъ возможно скорѣе. За тринадцатымъ корпусомъ непосредственно отправляется девятый армейскій корпусъ № 11670».

Характерно, что тотъ же самый Надаровъ еще 13-го октября 1905 г. т. е. за 5 дней до этой телеграммы на просьбу Холщевникова усилить гарнизонъ г. Читы отвѣтилъ отказомъ, закончивъ свою телеграмму изъ Харбина 13-го октября 1905 г. за № 3863 слѣдующей фразой: «Продолжаю настаивать, что имѣющихся у васъ войскъ достаточно для противодѣйствія безпорядкамъ въ Читѣ».

Этой телеграммой начинается рядъ мѣръ, направленныхъ къ спасенію отечества. Колоссальная Манчжурская армія была единственной опорой администраціи въ ея борьбѣ съ развертывающимся освободительнымъ движеніемъ, отсюда изъ этой массы вооруженныхъ силъ ждала она спасенія, туда съ надеждой и тоской обращала свои взоры и слала тревожные призывы, говоря о мятежѣ готовомъ уже смѣть основы порядка и полицейскаго благочинія. И отсюда дѣйствительно пришло спасеніе, но только не сразу; сперва отсюда неожиданно, негаданно явились силы, сыгравшія роль масла, подлитаго въ огонь революціи.

О томъ какое положеніе заняли въ области «желѣзнодорожныя и телеграфныя части», можно судить по даннымъ секретной переписки, возникшей между начальствомъ командированнаго въ Читу 3 резервнаго батальона и начальникомъ военныхъ сообщений тыла Манчжурскихъ Армій вскорѣ по прибытіи батальона на мѣсто. Уже 21 ноября 1905 г. командиръ этого батальона полковникъ Доріанъ доносилъ Начальнику Сообщеній рапортомъ за № 37, что среди нижнихъ чиновъ батальона возникаетъ недовольство тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ задерживаютъ на службѣ и не выдаютъ пособій ихъ семьямъ на родинѣ. Полковникъ глухо пишетъ, что недовольство это, «съ которымъ нельзя не считаться, съ теченіемъ времени будетъ усиливаться. Положеніе дѣла, говоритъ онъ, усложняется тѣмъ, что о времени увольненія нижнихъ чиновъ въ запасъ я не могу сообщить имъ ничего опредѣленнаго, вслѣдствіе чего находясь въ полной неизвѣстности о времени возвращенія на родину и получая изъ дому неутѣшительныя вѣсти о матеріальномъ положеніи своихъ семействъ, нижніе чины впадаютъ въ крайне угнетенное состояніе духа». Рапортъ этотъ заканчивается просьбой уволить нижнихъ запасныхъ чиновъ и пополнить составъ батальона чинами дѣйствительной службы, стоявшими въ Европейской Россіи въ мѣстечкѣ Барановичахъ.

Просьба эта была удовлетворена, и начальство вознамѣрилось прислать въ батальонъ молодыхъ солдатъ. Но 14 декабря 1905 г. тотъ же полковникъ Доріанъ въ отвѣтъ на запросъ, сколько требуется ему новыхъ солдатъ, пишетъ, другой рапортъ за № 47, гдѣ увѣдомляетъ начальника Военныхъ Сообщеній, что «большинство города Читы,

*гарнизона*¹⁾ и почти всѣ агенты Забайкальской желѣзной дороги принадлежатъ къ социаль-демократической партіи, пропаганда которой ведется въ настоящее время открыто и быстро охватываетъ вновь прибывающія части и команды, въ особенности, если въ составѣ ихъ много бывшихъ рабочихъ желѣзнодорожныхъ и вообще развитыхъ. Солдаты въ томъ числѣ и моего батальона участвовали и участвуютъ во всѣхъ митингахъ и поддерживаютъ всѣ резолюціи.

«При такомъ положеніи дѣла полагаю, пишетъ полковникъ, что прикомандированіе къ батальону новыхъ командъ хотя бы и дѣйствительной службы или пополненіе батальона молодыми солдатами изъ Барановичей не даетъ батальону надлежащаго спокойствія, *такъ какъ нѣтъ средствъ предохранить ихъ отъ пропаганды*. Я не могу поручиться, что въ случаѣ забастовки желѣзной дороги нижніе чины станутъ на эксплуатацію, имѣю основаніе предполагать, что они скорѣе примкнутъ къ забастовавшимъ. Вообще должно замѣтить, что событія здѣсь развиваются съ такой быстротой, что мѣра, цѣлесообразность которой была бы безспорна двѣ недѣли назадъ, теперь уже почти непримѣнима.»

Не лучше обстояло дѣло и съ тринадцатымъ корпусомъ генерала Плеве, о чемъ также свидѣлствуютъ данныя секретной переписки командующихъ эшелонами лицъ съ губернаторомъ области. Такъ въ рапортѣ командира 2 батальона 144 пѣхотнаго Каширскаго полка, состоявшаго въ этомъ корпусѣ, говорится (рапортъ 6 Декабря 1905 г. за № 567) что уже въ ноябрѣ 1905 г. «въ средѣ запасныхъ, мѣстной прессой, въ связи съ тоской по родинѣ и получаемыми извѣстіями изъ дому, что семьи на родинѣ, не получая вовсе никакого пособия, терпятъ крайнюю нужду, началось броженіе, которое привело къ заключенію, что, несмотря на царскую волю, ихъ запасныхъ задерживаетъ умышленно начальство²⁾. Убѣжденіе это все болѣе и болѣе крѣпнетъ до настоящаго времени, несмотря ни на какіе доводы и убѣжденія ихъ ближайшаго начальства». Далѣе въ рапортѣ говорится о волненіяхъ въ батальонѣ, о требованіяхъ солдатъ немедленно отправить ихъ на родину, о недовѣріи къ словамъ начальства, основанномъ между прочимъ на томъ, что «дорога можетъ пропускать по десяти паръ поѣздовъ въ сутки, а воинскихъ поѣздовъ приказано отправлять не болѣе четырехъ», и рапортъ кончается слѣдующимъ безнадежнымъ заявленіемъ: «Въ настоящее время я получилъ свѣдѣніе, что на сходкѣ 5 сего декабря рабочихъ на ст. Чита, въ которой участвовали и нижніе чины, было постановлено, чтобы роты ввѣреннаго мнѣ батальона, находящіяся на охранѣ, стянуть помимо распоряженія начальства въ Читу, а затѣмъ требовать о немедленной смѣнѣ и отправленіи въ мѣсто постоянной стоянки полка для увольненія въ запасъ арміи». Въ заключеніе надо добавить, что батальонъ добился немедленно удовлетво-

¹⁾ Курсивъ весь мой.

²⁾ Какъ и было на самомъ дѣлѣ. 13-й корпусъ былъ въ сущности отправленъ въ Россію и миссія умиротворенія, которую корпусъ долженъ былъ исполнять по дорогѣ, была извѣстна только начальству.

ренія своихъ требованій ¹⁾ и, продефилировавъ при огромномъ стеченіи народа съ красными флагами по главной улицѣ города, благополучно отбылъ на родину.

Безсиліе мѣстной власти въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ объясняется, какъ видимъ, весьма просто: сперва для подавленія движенія въ средѣ рабочихъ не доставало вооруженной силы—этого единственнаго практикуемаго нашей администраціей средства борьбы съ политическими движеніями русскаго народа; потомъ, когда эта сила явилась въ самый разгаръ политической борьбы, она была мгновенно охвачена огнемъ революціи и нанесла послѣдній роковой ударъ «престижу власти», тому самому страшному престижу власти, за поруганіе котораго генералы Ренненкамфъ и Меллеръ-Закомельскій явились мстителями безъ разбора и пощады.

II

Революціонное движеніе въ Забайкальѣ, для котораго весьма олагопріятными условіями было замѣшательство властей и полное ихъ безсиліе въ борьбѣ съ народомъ, было конечно самымъ тѣснымъ образомъ связано съ событіями въ Европейской Россіи. Оно и шло по пути Великой Сибирской Дороги, концентрируясь сперва на большихъ станціяхъ дороги, гдѣ имѣлись депо и мастерскія съ массой рабочихъ, охватывая затѣмъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и только въ концѣ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г., широкой волной разливаясь далеко въ глубину необозримыхъ лѣсовъ и равнинъ Сибири.

Для выясненія постепеннаго хода и развитія народныхъ волненій въ Забайкальѣ весьма цѣнный матеріалъ представляютъ показанія генераль-лейтенанта Холщевинкова, данныя имъ на дознаніи по возникшему противъ него обвиненію въ государственной измѣнѣ. Въ показаніяхъ этихъ генераль даетъ подробный отчетъ о всѣхъ случаяхъ безпорядковъ и забастовокъ на линіи желѣзной дороги, и въ этомъ перечнѣ фактовъ ярко развертывается движеніе, проникнутое духомъ возстанія и тѣсно связанное съ взрывомъ революціонныхъ страстей поколебавшихъ основы старой Россіи въ 1905 году. Мы позволимъ себѣ сдѣлать выдержки изъ этихъ показаній, приводя изъ нихъ только тѣ части, которыя касаются непосредственно фактической стороны дѣла.

«Рабочее движеніе въ Забайкальской области, говоритъ генераль, главнымъ образомъ въ Читѣ, рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и депо, началось еще съ ноября 1904 года, которое выразилось въ кратковременныхъ забастовкахъ на ст. Чита и Оловянная; по ближайшему изслѣдованію черезъ чиновъ жандармской желѣзно-дорожной полиціи забастовки эти были на экономической почвѣ.

«Съ началомъ 1905 года броженіе желѣзно-дорожныхъ рабочихъ вновь началось и продолжалось періодически въ теченіе всего времени

¹⁾ Они были отправлены по слѣдующей телеграммѣ: „Приказомъ начальника Военныхъ Сообщеній Тѣла роты Каширскаго полка съ полученіемъ сего должны быть сняты съ охраны и отправлены по назначенію“. Телеграмма эта отъ 9 декабря за № 11879 за подписью подполковника Дзевановскаго.

до октября включительно. 28 января рабочие депо и мастерских ст. Чита прекратили работы подъ предлогомъ невыдачи жалованья; железнодорожное начальство успѣшило удовлетворить претензію рабочихъ, и послѣдніе стали на работы 31 января.

«Въ февралѣ мѣсяцъ броженіе рабочихъ опять возобновилось. По должности военного губернатора я донесъ главному начальнику тыла отъ 13 февраля за № 127, что рабочие Забайкальской дороги намѣреваются произвести общую забастовку по всей линіи и тѣмъ самымъ пріостановить усиленное движеніе поѣздовъ, предполагая въ то же время произвести полный разгромъ станціи Чита»... Далѣе генераль говорилъ, что онъ окружилъ станцію войсками, поставилъ на ней эшелонъ проходящихъ войскъ и тѣмъ предотвратилъ грозившую по его мнѣнію опасность ¹⁾. «Рабочіе стали на работы, продолжаетъ Холщевниковъ, но броженіе не успокоилось. 19 февраля, въ одномъ домѣ на окраинѣ города Читы тайно собралось сборище до 80 железнодорожныхъ рабочихъ. Поставленной объ этомъ въ извѣстность городской полиціи удалось накрыть это сборище и задержать 8 человекъ рабочихъ, остальные разбѣжались; при рабочихъ было разное оружіе. Всѣ задержанные были заключены въ тюрьму. Большая часть железнодорожныхъ рабочихъ заволновалась, требуя выдачи арестованныхъ, такъ что для охраны меньшинства рабочихъ (около 150), выставленъ былъ войсковой нарядъ»...

«Въ мартѣ опять повторилась забастовка, началась 15 марта, окончилась 22 числа. Настроеніе рабочихъ было тревожное и вызывающее; можно было опасаться безпорядковъ, которые могли перейти въ городъ... Въ апрѣлѣ 5—7 опять повторилась забастовка, продолжалась два дня; выставлена была войсковая охрана внутри депо для безопасности желающихъ работать. Командированный изъ Иркутска, на усиленіе жандармскаго надзора, по дорогѣ подполковникъ Бушенъ, донося мнѣ объ этой забастовкѣ, 9 апрѣля назвалъ главныхъ вожakovъ рабочихъ: Карповича, Саламатова, Васильева, Антипова, Байчука, Свѣшковскаго и Холодова, и просилъ уволить ихъ изъ депо». Они были высланы административнымъ порядкомъ. Лѣтніе мѣсяцы іюнь и іюль генераль Холщевниковъ провелъ въ поѣздкахъ по области и по возвращеніи въ началѣ августа узналъ, что въ рабочихъ мастерскихъ и депо станціи Чита идетъ забастовка, начавшаяся 25 іюля. Забастовка эта кончилась 8 августа. Къ сожалѣнію, генераль ограничивается въ своихъ показаніяхъ только указаніемъ времени забастовокъ, причины же и характеръ ихъ остаются большею частью невыясненными; очевидно эта сторона дѣла была неясна для него самого; но насколько можно судить по отрывочнымъ замѣчаніямъ въ его показаніяхъ, съ февраля мѣсяца въ мотивы забастовокъ все болѣе и болѣе входятъ политическіе моменты. Такъ забастовка въ концѣ февраля возникла вслѣдствіе ареста товарищей на «тайномъ сборищѣ» 19 февраля, причемъ размѣры этой забастовки были довольно внушительны, если меньшинство, стоявшее на работахъ и нуждавшееся поэтому въ

¹⁾ На самомъ дѣлѣ рабочіе и не думали грозить станцію и портить пути. Въ такомъ видѣ забастовка была представлена генералу донесеніями чиновъ жандармской полиціи.
Авторъ.

охранѣ «войскового наряда», какъ видно изъ показаній Холщевникова, состояло изъ 150 человѣкъ, тогда какъ всѣхъ рабочихъ въ депо и мастерскихъ на ст. Чита нѣсколько тысячъ человѣкъ. Предшествовавшая этой забастовка 13 февраля, судя по тревожнымъ свѣдѣніямъ полученнымъ о ней администраціей края (намѣреніе произвести полный разгромъ станціи Чита и т. п.), также вѣроятно имѣла политическую подкладку. Относительно іюльской забастовки генераль Холщевниковъ въ своихъ показаніяхъ говорилъ слѣдующее: «Въ виду того, что эта забастовка имѣетъ политическую подкладку и есть основаніе предполагать, что рабочіе добиваются общими забастовками по линіи прекратить временно движеніе и т. д...» Такимъ образомъ несомнѣнно, что къ осени 1905 года волненія среди рабочихъ на линіи Забайкальской желѣзной дороги принимаютъ все болѣе и болѣе политическій характеръ, что видно также изъ тревожныхъ донесеній губернатора начальнику тыла армій, съ постоянно повторяющимися просьбами прислать желѣзно-дорожныхъ и строевыхъ войскъ, для борьбы съ забастовками, и подавленія безпорядковъ. Однако до августа 1903 г. политическій характеръ забастовокъ не былъ, очевидно, первенствующимъ мотивомъ въ тактикѣ рабочихъ, или вѣрнѣе говоря характеръ этотъ не былъ еще выраженъ настолько ярко и рѣзко, чтобы можно было всѣ волненія среди рабочихъ понимать, какъ чисто-революціонное движеніе.

Такъ мы думаемъ потому, что генераль Холщевниковъ, въ своемъ описаніи хода рабочихъ волненій на линіи, проводитъ рѣзкую черту между забастовками до и послѣ августа 1905 г. Описавъ забастовку, кончившуюся 8 августа, онъ говоритъ: «Такимъ образомъ окончился первый періодъ броженія въ 1905 году рабочихъ Читинскихъ депо и мастерскихъ». «Оставленіе станціи Читы безъ вооруженной силы, говорилъ онъ далѣе, дало возможность рабочимъ, какъ показали слѣдующія событія, сплотиться и сѣорганизоваться, составить серьезную силу, въ рукахъ которой въ концѣ концовъ и оказалась дорога». Продолжая далѣе лѣтопись революціонныхъ событій, генераль пишетъ: «Съ 29 сентября, я былъ въ служебной поѣздкѣ для обзора Нерчинской каторги, возвратился въ Читу 14 октября около 4 часовъ дня. На вокзалѣ дороги жандармскій подполковникъ Кохъ и полиціймейстеръ города Прошутинскій доложили мнѣ, что въ мастерскихъ и депо желѣзной дороги забастовка, движеніе поѣздовъ прекращено, повреждены телеграфъ и паровозы... 15 октября толпа рабочихъ на ст. Чита-Вокзалъ пыталась овладѣть вагономъ съ винтовками въ матеріальномъ складѣ желѣзной дороги, но была отбита войсками охраны, причемъ одинъ рабочій раненъ, затѣмъ толпа рабочихъ около 300 человѣкъ съ красными флагами двинулась къ станціи Чита-Городъ, но у самой станціи была остановлена войсками и послѣ увѣщанія опустила флаги и пошла обратно, затѣмъ однако по одиночкѣ прошла на базарную площадь и тамъ соединилась съ нѣсколькими стами городскихъ рабочихъ; но по прибытіи войскового наряда толпа постепенно разсѣялась».

«...16-го и 17-го броженіе среди рабочихъ продолжалось, перешло въ городъ». Губернаторъ, усилилъ караулы у правительственныхъ учре-

ждений и 17-го октября расклеилъ по городу объявление о воспрещеніи «всякаго рода сборищъ, сходокъ и собраний на улицахъ, площадяхъ и прочихъ публичныхъ мѣстахъ», гдѣ грозилъ слушникамъ примѣненіемъ вооруженной силы. Того же 17-го октября былъ отданъ имъ по гарнизону приказъ за № 424 о дѣйствіи войскъ при прекращеніи безпорядковъ, «предписывающій войскамъ дѣйствовать на точномъ основаніи устава гарнизонной службы... противъ всякой упорствующей толпы», т. е., попросту говоря, при первомъ случаѣ разстрѣливать непокорныхъ.

Какъ видимъ, въ доброй волѣ у генерала Холщевникова недостатка не было: и объявленіе расклеилъ, и приказъ «не жалѣть патроновъ» отдалъ, словомъ, онъ сдѣлалъ все, какъ полагается по ритуалу нашей бюрократической мудрости, но однако событія шли и нарастали съ головокружительной быстротой, сметая какъ вихремъ бумажные приказы и объявления власти. «18-го октября, читаемъ въ показаніяхъ генерала, предсѣдатель совѣта старшинъ желѣзно-дорожнаго собранія донесъ мнѣ, что въ собраніи, вопреки всякаго разрѣшенія со стороны администраціи, служащіе, рабочіе дороги и постороннія лица устраиваютъ самовольно сходки и сходбища». Къ этому времени волненіе передавалось уже въ городъ. Въ гимназіи была объявлена учащимися забастовка. Въ гимназіи устраивались митинги, учащіеся участвовали въ манифестаціяхъ, одну изъ которыхъ, состоявшую исключительно изъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній казаки, разогнали плетьюми по приказанію Холщевникова. Это вызвало страшный взрывъ негодованія въ городѣ. Въ чувствѣ возмущенія, ненависти и презрѣнія къ власти, напустившей на дѣтей казаковъ, слились всѣ классы населенія, не исключая чиновниковъ и военныхъ. При общемъ сочувствіи вспыхнула забастовка въ мѣстной классической гимназіи, и губернаторъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія долженъ былъ допустить митингъ въ окруженной войсками гимназіи: о митингѣ просилъ губернатора директоръ гимназіи Еленевъ, заявившій, что «на сходкѣ будетъ обсуждаться вопросъ, какъ приступить къ занятіямъ». Митингъ въ гимназіи былъ еще 20-го октября, и 27-го октября гимназія была закрыта по постановленію педагогическаго совѣта.

Съ другой стороны депутаты желѣзнодорожныхъ рабочихъ добились у губернатора разрѣшенія собираться рабочимъ и служащимъ дороги на митинги для разрѣшенія вопроса о забастовкѣ. Губернаторъ, уступая настояніямъ рабочихъ, приводитъ между прочимъ отъ себя слѣдующее соображеніе въ пользу разрѣшенія рабочихъ митинговъ: «я разрѣшилъ имъ собираться въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ опредѣленное время, чтобы эти сходки не сдѣлать уличными, къ которымъ присоединились бы толпы разнаго люда города и произошелъ бы тогда общій безпорядокъ, войскъ же для поддержанія порядка почти не было». Разрѣшеніе на сходки дано было рабочимъ 20-го октября.

Этимъ обращеніемъ депутатовъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ къ Холщевникову за разрѣшеніемъ собраний кончаются подчиненныя сношенія рабочихъ съ администраціей. Послѣ этого вплоть до среднихъ чиселъ января 1906 г. управленіе Забайкальской желѣзной дорогой, охватывающее всѣ распорядки на линіи по движенію поѣздовъ

и службѣ пути, а также работы въ депо и мастерскихъ и условія жизни и дѣятельности рабочихъ организацій, переходитъ всецѣло въ руки рабочихъ и агентовъ дороги и не только администрація края, но даже и прямое начальство дороги теряютъ фактически всякую силу и вліяніе на ходъ дѣлъ.

Произошло это съ одной стороны вслѣдствіе дѣйствительно широкаго развитія рабочихъ организацій и ихъ согласной дѣятельности, съ другой—въ силу отсутствія у начальства фактической возможности разрушить эти организаціи, а главнымъ образомъ вслѣдствіе открытаго перехода на сторону «забастовщиковъ» эшелоновъ запасныхъ, двигавшихся съ Востока домой и обремененныхъ тайной отъ нихъ самихъ миссіей попутнаго усмиренія революціи.

Эшелоны эти, какъ мы уже говорили, усиленно были двинуты съ Востока послѣ знаменитой телеграммы Надарова, увѣровавшаго наконецъ въ донесенія Холщевникова о безвыходномъ положеніи власти. Какъ мы уже говорили, этотъ первый опытъ былъ неудачнымъ. Собственно въ городѣ Читѣ прежде пресловутаго 13 армейскаго корпуса былъ двинутъ отрядъ забайкальскихъ казаковъ. Нельзя было придумать болѣе удачнаго средства поддержать революціонное броженіе въ Забайкальѣ, какъ присылка 4 казачьяго льготнаго третьей очереди батальона, состоявшаго по словамъ Холщевникова изъ стариковъ. Батальонъ этотъ явился въ Читѣ 25-го октября 1905 г. «Въ это время, говоритъ въ своихъ показаніяхъ Холщевниковъ, запасные нижніе чины всѣхъ частей гарнизона уже волновались на почвѣ просьбы немедленнаго увольненія ихъ въ запасъ, по случаю прекращенія яко бы пособій ихъ семействамъ на родинѣ и возникшей тамъ нищеты и голода. Волненія запасныхъ немедленно передались и на льготныхъ казаковъ стоявшихъ въ городѣ запасныхъ казачьихъ частей (2 сотни и артиллерійскій взводъ), а затѣмъ и батальона. Казаки начали предъявлять просьбы (и послѣднія становились весьма настойчивы) увольненія на льготу, ссылаясь, что они уже выслужили срокъ, война кончилась, дома нѣтъ работниковъ и наступила голодовка для людей и скота». Казаки эти дѣйствительно были скоро распущены по домамъ, но нѣсколько недѣль пребыванія ихъ въ Читѣ отразились на нихъ самымъ роковымъ образомъ. Они вошли въ прямое и весьма тѣсное общеніе съ мѣстной организаціей рабочей социаль-демократической партіи, составили вмѣстѣ съ мѣстными запасными и прочими частями гарнизона объединенный совѣтъ солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ выступленіяхъ революціонныхъ организацій противъ властей и наконецъ созвали сѣздъ депутатовъ Забайкальскаго казачьяго войска, поставившій на очередь разрѣшеніе самыхъ существенныхъ политическихъ и экономическихъ нуждъ мѣстнаго населенія. Въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи отдаленному Забайкальскому казачеству пришлось такимъ образомъ сыграть роль совершенно противоположную той, которая въ Европейской Россіи доставила столь своеобразную популярность казачьему войску. Забайкальскіе казаки не только поддерживали «крамольныхъ» рабочихъ во время своего невольнаго пребыванія въ городѣ Читѣ, они разнесли революціонныя идеи въ глу-

бину Забайкальской области въ свои отдаленныя, глухія станицы, они передали ихъ крестьянамъ и инородцамъ, имѣвшимъ, какъ и казаки, старые счета съ управленіемъ кабинетскихъ земель, тѣснымъ кольцомъ охватившихъ казачьи и крестьянскія земли. И въ исторіи красныхъ дней 1905 г. Забайкальскіе казаки имѣли своихъ героев и мучениковъ, память о нихъ ничѣмъ нельзя истребить среди казачьяго населенія, равно какъ ничѣмъ нельзя угасить духа свободы, принесеннаго ими въ дикое приволье Забайкальскихъ степей.

Самостоятельная дѣятельность служащихъ Забайкальской желѣзной дороги выразилась въ концѣ октября прежде всего въ возстановленіи пассажирскаго и грузового движенія по всей линіи, начиная отъ ст. Манчжуріи вплоть до Иркутска.

Настоятельная потребность въ усиленномъ движеніи по линіи вызывалась двумя весьма серьезными причинами. Съ одной стороны съ Востока двигались массы войскъ, нетерпѣливо рвавшихся домой; съ другой стороны, вслѣдствіе безобразныхъ порядковъ на дорогѣ, въ теченіе всего 1905 г. въ Забайкальѣ ощущался страшный недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ предметахъ потребленія, а къ концу 1905 г., вслѣдствіе неурожая мѣстныхъ хлѣбовъ, населенію всей огромной области сталъ грозить голодъ.

Для забравшихъ въ свои руки дорогу «забастовщиковъ» предстояло немедленно же привести въ порядокъ засоренную и вообще хаотически-беспорядочно работающую линію желѣзной дороги и не только возстановить по ней движеніе, но и усилить его до максимальныхъ предѣловъ провозоспособности.

Для того, чтобы сдѣлать это быстро и достичь желанныхъ результатовъ, что и было исполнено «забастовщиками» нужны были не только колоссальный трудъ и усердіе, но и согласная, добросовѣстная и неутомимая дѣятельность всѣхъ рабочихъ и всѣхъ высшихъ и низшихъ агентовъ дороги.

Какъ я уже замѣтилъ, задача эта была разрѣшена превосходно, а приходилось работать не только при неблагоприятныхъ, но и при весьма грозныхъ условіяхъ.

Военное начальство Дальняго Востока (собственно говоря завѣдующій передвиженіемъ войскъ генераль Надаровъ), признавъ необходимымъ сломить революцію и видя корень ея въ забастовочномъ движеніи на линіи, рѣшило дѣйствовать не только силой, на которую совершенно правильно оно и не рассчитывало, но и хитростью. Съ этою цѣлью вмѣстѣ съ усиленнымъ движеніемъ на Западъ эшелоновъ рвавшихся домой запасныхъ, оно стало внушать солдатамъ, негодовавшимъ не медленное отправленіе ихъ домой¹⁾, что задержка къ ихъ возвращенію на родину происходитъ по винѣ «забастовщиковъ» желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ, останавливающихъ ради своихъ цѣлей движеніе по линіи и препятствующихъ этимъ ускоренному проходу воинскихъ поѣздовъ. Это внушеніе дѣлалось обезумѣвшимъ отъ лишеній, тревогъ и тоски по родинѣ людямъ не только въ

¹⁾ Какъ читатель помнитъ изъ цитированныхъ выше документовъ военное начальство установило для запасныхъ только четыре поѣзда въ сутки

частяхъ и командахъ подлежащимъ начальствомъ, но и расклеивалось на станціяхъ, гдѣ это было возможно, и питательныхъ пунктахъ въ видѣ большихъ плакатовъ, напечатанныхъ огромными буквами.

Къ счастью эта военная хитрость нѣсколько запоздала. Еще до середины октября, когда съ Востока началось усиленное движеніе войскъ, желѣзно дорожные служащіе, усмотрѣли грозный признакъ въ странномъ бездѣйствіи своего главнаго начальства по установленію порядковъ на линіи. Цѣль этого бездѣйствія была ими понята въ томъ смыслѣ, что путемъ засоренія дороги и почти полного поэтому прекращенія движенія воинскихъ поѣздовъ, мудрое начальство желаетъ излить на ихъ головы неудержимый бѣшеный гнѣвъ темной и озлобленной массы запасныхъ, потерявшихъ надежду возвратиться на родину къ голоднымъ брошеннымъ семьямъ. Въ какомъ бы ужасномъ видѣ вылилась эта ярость отчаявшихся людей и какія непоправимыя послѣдствія для дороги и всего края могъ бы имѣть погромъ «забастовщиковъ», можно судить по тѣмъ къ счастью исключительнымъ эксцессамъ, извѣстнымъ намъ по газетамъ, какими сопровождалось движеніе эшелоновъ запасныхъ по великому Сибирскому пути.

Къ счастью эта опасность была своевременно замѣчена и предотвращена. Помимо распоряженій таинственно бездѣйствующаго начальства желѣзнодорожники образовали изъ своей среды такъ называемые смѣшанные комитеты, куда вошли представители всѣхъ службъ дороги, немедленно собрали и пересчитали всѣ теплушки, въ страшномъ безпорядкѣ разбросанныя по линіи и въ огромномъ количествѣ скопившіяся на различныхъ пунктахъ дороги, привели ихъ въ порядокъ и очень быстро организовали провозъ запасныхъ въ размѣрахъ дотолѣ небывалыхъ: въ сутки дорога пропускала по двадцать паръ поѣздовъ, въ которыхъ на Западъ шли эшелоны запасныхъ, а на Востокъ продукты для арміи и края.

Надо знать невѣроятный безпорядокъ, царившій до того на Забайкальской дорогѣ, чтобы по достоинству оцѣнить заслугу забастовщиковъ, какъ ихъ упорно величало начальство, передъ Манчжурской арміей и краемъ. Вѣдь если волненія находящихся въ пути запасныхъ могли быть опасны для рабочихъ и служащихъ дороги, то волненія въ арміи отрѣзанной отъ родины могли бы повлечь за собой такіа потрясенія и принять такіе размѣры, передъ которыми поблѣднѣли бы всѣ ужасы владивостокскихъ событій и первымъ бы поплатилось при этомъ хитроумное начальство, безмятежно натравливавшее запасныхъ на «забастовщиковъ» и крамольниковъ.

Конечно, при такомъ усиленномъ движеніи воинскихъ и товарныхъ поѣздовъ пришлось сократить до крайнихъ предѣловъ отправленіе пассажирскихъ поѣздовъ для «чистой публики», приходилось невольно лишать ее комфорта и желаемой скорости пробѣга по трехтысячеверстному пути, и вопли этихъ «обиженныхъ» защитниковъ родины, торопившихся увезти домой свои свѣжіе лавры, породили нелѣпый и ложный слухъ о забастовкѣ на линіи обслуживающей армію и о злостныхъ издѣвательствахъ революціонеровъ—желѣзнодорожниковъ надъ доблестными защитниками родины.

Злостная клевета на забастовщиковъ съ самаго-же начала своего

распространенія потеряла всякое значеніе въ глазахъ возвращавшихся съ Востока солдатъ. «Забастовщики», какъ я уже замѣтилъ выше, везли солдатъ въ хорошихъ теплушкахъ, по мѣрѣ возможности заминая ихъ вагонами 4 и 3 классовъ, везли ихъ, пропуская по 10 поѣздовъ въ сутки, тщательно заботясь о томъ, чтобы на питательныхъ пунктахъ солдаты получали своевременно горячую пищу. А какъ везло ихъ начальство, имѣвшее заднюю мысль удерживать ихъ въ различныхъ пунктахъ пути для усмиренія, лучше всего видно изъ официального уже цитированнаго нами документа—рапорта о волненіяхъ въ батальонъ Каширскаго полка. «При самомъ отправленіи изъ Харбина, говорится въ рапортѣ, произошелъ *незначительный случай*, который впоследствии далъ запаснымъ право винить начальство, что о нихъ мало заботятся, и подозрѣніе, что ихъ неохотно отправляютъ изъ Манчжуріи: по прибытіи батальона вечеромъ наканунѣ отправленія на станцію Харбинъ, оказалось, что *вовсе не были заготовлены теплушки*, такъ какъ по маршруту батальонъ долженъ былъ отправиться въ 7½ часовъ утра, а слѣдовательно прибыть на станцію для посадки съ вечера, а по наряду у коменданта станціи отправленіе эшелона должно было состояться лишь въ 6 часовъ вечера; поэтому люди должны были переночевать въ столовой продовольственнаго пункта, весьма тѣсной для 900 человѣкъ и ночью *вазъмнѣ настоящихъ теплушекъ были приспособлены для перевозки людей обыкновенные товарные вагоны*. Несмотря на то, что не было достаточно тепло, ¹⁾ такъ какъ *тонкія стѣнки покрывались къ утру отъ морозовъ инеемъ и платье примерзало ночью къ стѣнкамъ*, тѣмъ не менѣе люди не жаловались на это неудобство, благодаря радостному настроенію, что ихъ везутъ на родину. По прибытію на ст. Манчжурія я получилъ черезъ коменданта станціи телеграмму отъ командира корпуса, смѣнить роты Можайскаго полка на станціи Борзя, Оловянная, Адриановка и Чита. Вскорѣ послѣ смѣны наступили сильные морозы въ 30 и болѣе градусовъ, а между тѣмъ на постахъ не было теплой постовой одежды, а въ Харбинѣ *людямъ были выданы валенки и старые короткіе полушубки, часть состава ротъ получила папачи*».

Это эпическое спокойствіе, съ которымъ «отецъ-командиръ» рапортуетъ о «незначительномъ случаѣ» путешествія своихъ солдатъ въ нетопленныхъ сквозныхъ вагонахъ при 30° морозъ въ старыхъ короткихъ и рваныхъ полушубкахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ «случай» не былъ исключительнымъ, начальство присмотрѣлось къ подобнымъ ужасамъ солдатскаго положенія и если докладывало о неудобствахъ путешествія, то лишь затѣмъ, чтобы оправдать свое безсиліе въ борьбѣ съ вліяніемъ на солдатъ «митинговъ и агитациі мѣстныхъ органовъ социаль-демократической партіи».

Забайкальская желѣзная дорога начинается съ Востока отъ ст. Манчжурія. Отъ этой станціи до ст. Харбинъ идетъ Китайская дорога, которая была всецѣло въ рукахъ военнаго начальства. Поэтому районъ распространенія клеветы на забастовщиковъ ограничивается

¹⁾ Въ ноябрѣ морозы въ Забайкальѣ доходятъ до 30° по Реомюру.

только участкомъ дороги отъ Харбина до Манчжуріи и клевета эта жива была долгое время послѣ открытія по Забайкальской дорогѣ правильнаго и усиленнаго движенія воинскихъ поѣздовъ.

Начальство, которому надо было задерживать отходящія части для усмиренія, увѣряло солдатъ, что они задерживаются въ пути потому что тамъ дальше на западѣ бастуютъ желѣзнодорожники. Но вскорѣ эти наивныя хитрости надо было оставить: дѣйствительность слишкомъ явно и быстро разоблачила тайныя цѣли и явную ложь начальственныхъ увѣреній. Непреодолимая сила вещей не только заставила начальство умолкнуть о препятствіяхъ чинимыхъ отъѣзду солдатъ «забастовщиками» и снять со станцій клеветническіе плакаты, но и принудила его войти въ соглашеніе съ этими забастовщиками для согласованія и болѣе успѣшнаго движенія воинскихъ поѣздовъ Китайской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ. Генераль адъютантъ Линевицъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ принималъ представителей смѣшанныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ и вмѣстѣ съ ними вырабатывалъ схемы движенія воинскихъ и продовольственныхъ поѣздовъ. За эти дѣйствія вызванныя необходимостью и свидѣтельствующія только объ умѣ и добросовѣстности стараго генерала, онъ едва не былъ привлеченъ къ суду по обвиненію также какъ и Холщевниковъ въ государственной измѣнѣ, о которой въ 1906 году неустанно твердили Читинскіе усмирители.

Знаменитые плакаты о забастовщикахъ явились снова на сцену вмѣстѣ съ карательными поѣздами Ренненкампа. Съ восстановленіемъ «порядка» на линіи запасныхъ стали везти по прежнему въ скверныхъ вагонахъ, медленно, забывая то тамъ, то сямъ приготовить имъ пищу, а противъ «смѣшанныхъ комитетовъ» было возбуждено грозное обвиненіе въ посягательствѣ на государственный строй, и только сложность процесса вслѣдствіе громаднаго количества привлеченныхъ лицъ спасла ихъ всѣхъ отъ суда при отрядѣ генерала Ренненкампа, т. е. отъ смерти и безсрочной каторги. Громадный процентъ желѣзнодорожныхъ служащихъ былъ исключенъ изъ службы и теперь ждетъ надъ собою суда. Такъ военное начальство отплатило желѣзнодорожникамъ за услуги, оказанныя ими арміи въ смутное и тяжелое время всеобщей растерянности и замѣшательства.

Въ моемъ распоряженіи имѣются и официальные документы, подтверждающіе фактъ полезной для края дѣятельности упомянутыхъ смѣшанныхъ комитетовъ.

Генералу Холщевникову въ ряду другихъ обвиненій было предъявлено также обвиненіе въ сношеніи съ революціонными смѣшанными комитетами Забайкальской ж. д.

Обвиненіе это возникло на почвѣ слѣдующихъ фактовъ.

Со времени перевозки по Забайкальской ж. д. военныхъ грузовъ для области настало трудное время хроническаго недостатка предметовъ самой первой необходимости. Острота кризиса чувствовалась тѣмъ значительнѣй, что Забайкальская область за исключеніемъ весьма небольшой ея части представляетъ бесплодную пустыню, населенную кочевыми племенами или осѣдлыми инородцами, занимающимися исключительно скотоводствомъ для собственнаго потребленія. Бѣдность

естественныхъ запасовъ пищи и отдаленность отъ рынковъ ставили въ особенно тяжелое положеніе область съ населеніемъ, захваченнымъ въ располхъ желѣзнодорожной неурядицей.

Завѣдовавшее съ начало войны перевозкой частныхъ грузовъ министерство путей сообщенія, видя полную безпомощность своихъ агентовъ въ борьбѣ съ держателями пресловутыхъ военныхъ свидѣтельствъ на неочередный провозъ грузовъ, передало это дѣло Управленію Военныхъ Сообщеній Главнаго Штаба, полагая вполнѣ справедливо, что разъ выдача военныхъ свидѣтельствъ на провозъ грузовъ зависить отъ этого Управленія, то оно лучше чѣмъ кто либо другой парализуетъ зло, причиняемое не совсѣмъ осмотрительной, говоря деликатно, выдачей этихъ свидѣтельствъ. Но Управленіе военныхъ сообщений не справилось съ этой задачей и невѣроятные безпорядки въ доставкѣ частныхъ грузовъ, безпорядки, описаніе которыхъ могло составить цѣлый томъ и которые явились плодомъ наглаго и виртуознаго хищничества, заставили его передать дѣло по завѣдыванію и распоряженію доставкой частныхъ грузовъ военному губернатору Забайкальской области. Тотъ немедленно учредилъ въ Читѣ особый продовольственный комитетъ при городской управѣ, но и онъ безсиленъ былъ распутать гордіевъ узелъ, завязанный алчными руками мелкихъ и крупныхъ взяточниковъ военного и гражданскаго вѣдомства.

Чтобы охарактеризовать въ общихъ чертахъ каковы были порядки по доставкѣ частныхъ т. е. не военныхъ грузовъ въ Забайкальскую область въ 1905 г., достаточно привести слѣдующія цифры, почерпнутыя изъ отчетовъ Забайкальскаго продовольственнаго комитета.

Съ 1 января по 8 октября 1905 года забайкальскимъ губернаторомъ было передано въ Управленіе Военныхъ Сообщеній по телеграфу 513 ходатайствъ городскихъ управленій и разныхъ учреждений о нарядѣ въ отправку въ Забайкальскую область 4601 вагона съ продовольственными грузами. Изъ этого количества было доставлено всего лишь 1717 вагоновъ, такимъ образомъ область не получила 2884 вагона, т. е. около двухъ милліоновъ груза, составлявшего предметы первой необходимости.

Осенью 1905 г. стало ясно, что Забайкалью вслѣдствіе неурожая въ большой части области грозитъ голодъ. Администрація своевременно приняла мѣры къ выясненію недостающаго количества хлѣба и закупила 180.000 пудовъ хозяйственнымъ способомъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ, а на доставку 500.000 пудовъ ржи и 24.000 п. овса заключила контрактъ съ подрядчиками, обязавшимися доставить означенное количество хлѣба изъ Западной Сибири. Для провоза этого груза, который долженъ былъ приходить, начиная съ сентября, въ количествѣ отъ 50 до 70 тысячъ пудовъ въ мѣсяцъ выдавались особые разрѣшительныя свидѣтельства. «Такихъ свидѣтельствъ, melancholически заключаетъ въ своемъ отчетѣ Комитетъ, и выдано въ Сентябрь на 30 вагоновъ, октябрь 60, ноябрь 70, декабрь 123, январь 123, всего 406 ваг. или почти на 305 тысячъ пудовъ, что при правильной доставкѣ вполнѣ бы обезпечивало населеніе отъ голода. На самомъ же дѣлѣ было получено только 23-30 вагоновъ муки и нѣсколько вагоновъ овса».

Вообще положеніе къ концу 1905 г. создавалось отчаянное, а состояніе желѣзной дороги не давало никакихъ надеждъ на благополучный исходъ.

«Въ области наступилъ окончательный голодъ, телеграфируетъ осенью 1905 г. Холщевниковъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія, провозъ хлѣбныхъ грузовъ пріостановился. Для голоднаго населенія казаковъ и крестьянъ по 500 нарядамъ съ августа мѣсяца получено лишь 50 вагоновъ. На дорогахъ полное безначаліе, неизвѣстно къ кому обращаться... Населеніе волнуется: можно ожидать большихъ безпорядковъ на почвѣ исключительно голодовки».

Въ протоколѣ засѣданія Продовольственнаго Комитета 8 декабря 1905 г. мы находимъ рѣзкій отзывъ о возмутительныхъ порядкахъ на дорогѣ. «Что такое очередная отправка, читаемъ въ протоколѣ изъ рѣчи предсѣдателя К. А. Гриневицкаго, знаетъ по нынѣшнимъ временамъ каждый. Очередь исхлопатываетъ себѣ тотъ, кто везетъ товаръ, на которомъ можно нажать рубль на рубль, или кто изворотливѣе; при такомъ положеніи хлѣбные грузы должны обязательно итти гдѣ-нибудь во хвостѣ всѣхъ очередей, что въ дѣйствительности и видимъ».

Спиртъ, напирѣръ, для монополіи приходитъ по 70 вагоновъ, шляпы и модные товары также, а хлѣба нѣтъ 'какъ нѣтъ...'»

Въ такомъ безвыходномъ положеніи администрація рѣшилась обратиться къ смѣшаннымъ желѣзнодорожнымъ комитетамъ, начавшимъ уже тогда свою дѣятельность и сразу заявившимъ себя разумнымъ и энергичнымъ начальникомъ и хозяиномъ желѣзной дороги.

Объ обращеніи своемъ къ смѣшаннымъ комитетамъ генераль Холщевниковъ сообщаетъ Министрамъ въ только что цитированной телеграммѣ. 8 декабря 1905 г. въ засѣданіи Продовольственнаго Комитета, принявшаго уже въ свой составъ къ этому времени представителей мѣщанскаго общества, купцовъ, потребительныхъ обществъ и «всѣхъ прочихъ организацій, находящихся въ г. Читѣ» ¹⁾, было постановлено обратиться за содѣйствіемъ къ «мѣстному смѣшанному комитету служащихъ желѣзной дороги и рабочихъ и ко всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ остальной части Забайкальской и Сибирской желѣзныхъ дорогъ».

Тутъ же въ протоколѣ этого засѣданія находимъ и свѣдѣнія о составѣ, роли и дѣятельности смѣшанныхъ комитетовъ.

«Смѣшанные комитеты, говорится въ протоколѣ, состоятъ изъ выборныхъ представителей отъ всѣхъ службъ и рабочихъ известнаго участка желѣзной дороги, они связываются съ таковыми же сосѣдними по всей дорогѣ, а затѣмъ и съ сосѣдними дорогами. Смѣшанные комитеты имѣютъ своей цѣлью возможное ускореніе способа передвиженія войскъ, но въ силу того, что они состоятъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ, они пользуются громаднымъ фактическимъ вліяніемъ въ особенности въ смыслѣ контроля. Формированіе этихъ коми-

¹⁾ Протоколъ Засѣданія Забайкальскаго Областнаго Правленія отъ 22 ноября 1905 г. (Забайкальскія Областныя Вѣдомости № 250 1905 г.).

тетовъ, правда, еще не закончено, они не связаны еще между собою, но, по мнѣнію предсѣдателя, они или подобныя имъ учрежденія въ настоящее время являются единственно могущими оказать продовольственному комитету существенную помощь. 7 декабря, докладываетъ предсѣдатель, онъ входилъ въ сношеніе съ мѣстнымъ смѣшаннымъ комитетомъ и этотъ послѣдній принялъ самоеоживое участіе въ этомъ дѣлѣ и общалъ всякое содѣйствіе, какое онъ только будетъ въ состояніи оказать».

Въ томъ же засѣданіи присутствовалъ и членъ мѣстнаго смѣшаннаго комитета. Собраніе единогласно постановило командировать на линію особыхъ уполномоченныхъ, которымъ и «просить выдать всѣ необходимыя бумаги и полномочія Губернатора Забайкальской области и мѣстный смѣшанный комитетъ, чтобы такимъ образомъ уполномоченные дѣйствовали параллельно у *юридическихъ и фактическихъ властей*, вѣдающихъ движеніемъ по Забайкальской и Сибирской желѣзнымъ дорогамъ». При этомъ собраніе «выразило глубокую благодарность въ лицѣ представителя смѣшанному комитету».

Заботы «фактической власти» желѣзной дороги захватили всю дѣятельность смѣшанныхъ комитетовъ, которые одни только и представляли изъ себя сплоченную организацію желѣзнодорожно-служащихъ. Такимъ образомъ, выражаясь языкомъ бюрократическихъ донесеній, революція на Забайкальской желѣзной дорогѣ въ средѣ ея агентовъ къ концу 1905 году завершилась организаціей и работой смѣшанныхъ комитетовъ. Комитеты эти съ необычайной для нашихъ служебныхъ порядковъ быстротой привели въ порядокъ хронически засоренную линію 3-хъ тысячеверстнаго пути, гдѣ движеніе почти уже было парализовано, довели провозоспособность дороги до 20 паръ поѣздовъ въ сутки, избавили армію Линевица отъ буйныхъ элементовъ запасныхъ войскъ рвавшихся домой, обезпечили войскамъ стоявшимъ въ Манчжуріи правильный подвозъ необходимыхъ продуктовъ, избавили Забайкалье отъ голода, подступившаго уже что называется вплотную, разрѣшили хотя отчасти тяжкій товарный кризисъ въ области, и этотъ колоссальный нечеловѣческой трудъ, предотвратившій ужасы погромовъ и голодной смерти, «забастовщики» при явномъ равнодушіи и тайномъ противодѣйствіи «юридическихъ властей» дороги совершили въ теченіи 2—3 мѣсяцевъ. Они были такъ увлечены этимъ трудомъ, они такъ были увѣрены, что исполняя его, они служатъ цѣлямъ порядка и благополучія своихъ гражданъ, что когда съ Востока и Запада налетѣли на нихъ карательные поѣзда, эти скромные и безвѣстные труженики и не думали покидать своихъ постовъ.

И мстительная десница упала на нихъ прежде всего. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы скажемъ въ свое время. Но сколько погибло ихъ безвѣстныхъ въ зловѣщемъ молчаніи Сибирскихъ холодныхъ ночей, гдѣ ихъ застигла внезапно налетѣвшая смерть! Они шли къ лобному мѣсту, не вѣря страшной дѣйствительности—такъ невѣроятны были неожиданные приговоры, объявлявшіеся среди издѣвательствъ и глумленія. Суровая Сибирская тайга и молчаливыя пустынные степи, гдѣ затерялись печальныя станціи Великаго пути, хранятъ, какъ святыню, память этихъ невинныхъ страдальцевъ.

Страшная смерть надѣла имъ терновые вѣнцы и вчера еще простые, обычные и сѣрые люди стали героями свободы, и память о нихъ жжетъ сердца. Это они посылаютъ изъ далекихъ равнинъ Сибири лѣвыхъ депутатовъ въ Государственную Думу, это они требуютъ признанія ихъ правоты и невинности, тихіе, простые, скромные люди, сметенные кровавой рукою безумія. Міръ ихъ праху! Придетъ время, имена ихъ станутъ извѣстны, и родина отведетъ имъ должное мѣсто въ великомъ саркофагѣ жертвъ революціи. Но при жизни революціонерами они не были. Ихъ убили какъ революціонеровъ безъ суда и слѣдствія. А когда правосудіе, даже и военное, коснулось ихъ дѣяній въ судѣ надъ генераломъ Холщевниковымъ, оно не нашло въ ихъ поступкахъ вины: генераль Холщевниковъ, признавшій фактъ сношеній своихъ со смѣшанными комитетами и обвинявшійся въ этомъ прокуратурой какъ за сношеніе съ революціоннымъ сообществомъ, былъ по этому пункту обвинительнаго акта признанъ судомъ невиннымъ.

Революціонныя организаціи социалистическихъ партій вели усиленную дѣятельность среди рабочихъ и солдатъ мѣстнаго гарнизона, желая закрѣпить то положеніе, которое создалось, благодаря колебанію и безсилію власти.

Главное мѣсто въ этой дѣятельности принадлежало социаль-демократической рабочей партіи, которая вела усиленную пропаганду, выступая на митингахъ и агитируя среди демократическихъ слоевъ населенія. Благодаря этой энергичной работѣ въ Читѣ къ концу ноября 1905 г. образовался Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, охватившій собою весь гарнизонъ города и предъявившій 25 ноября губернатору, какъ начальнику гарнизона и наказному атаману, длинный рядъ требованій, касавшихся преимущественно казачьихъ и солдатскихъ нуждъ и заканчивавшихся требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ.—Внутренніе размѣры и крѣпкая сплоченность созданныхъ этою партіей организацій внушала особый страхъ мѣстной администраціи.

Администраціи было извѣстно, что революціонеры, къ услугамъ которыхъ были ружья и пушки гарнизона, располагаютъ еще складами взрывчатыхъ веществъ и винтовокъ похищенныхъ ими изъ вагоновъ съ грузами военного вѣдомства. Такъ въ декабрѣ губернатору говорили, что социаль-демократическая партія имѣетъ въ Читѣ четыре тысячи членовъ, вооруженныхъ винтовками и готовыхъ по первому сигналу выйти на улицу и дать бой вѣрнымъ присягѣ войскамъ.

Насколько точны были эти свѣдѣнія мы теперь судить не можемъ. Огнositельно похищенія революціонерами оружия по официальнымъ даннымъ намъ извѣстны два только случая: 5 декабря 1905 г. толпою рабочихъ Читинскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ было взято 787 винтовокъ изъ цѣйхауза 3 резервнаго желѣзнодорожнаго батальона, стоявшаго на линіи (Рапортъ полковника Доріана отъ 16 декабря 1905 г. за № 45). 4 января 1906 г. на станціи Чита былъ захваченъ революціонерами цѣлый транспортъ винтовокъ, шедшій въ 13 вагонахъ. Винтовокъ въ немъ было около 28000. (Рапортъ началь-

ника Читинского артиллерійскаго склада подполковника Боярскаго отъ 12 января 1907 г. за № 115).

Вотъ и все, что мы знаемъ о похищеніи оружія. Второе похищеніе винтовокъ сдѣлано было уже въ то время, когда высоко поднявшаяся волна революціи опадала и оружіемъ этимъ серьезно никто воспользоваться не думалъ. Вагоны просто были заведены въ депо и почти весь ихъ грузъ былъ отобрабъ властями послѣ прибытія Ренненкампа.

Вообще о дѣятельности революціонныхъ социалистическихъ партій, ведшихъ упорную и смѣлую работу для упроченія положенія, созданнаго неожиданно налетѣвшей революціонной грозой, властямъ въ точности было мало извѣстно. Обычный спутникъ русскаго подпольнаго революціонера—сыщикъ и провокаторъ испарился яко дымъ въ эти страшные дни свободы и великихъ надеждъ. Жандармы и полиція бездѣйствовали или скромно издали наблюдали за торжествомъ стариннаго врага. Этимъ объясняется также и то, что въ синодикѣ жертвъ карательныхъ экспедицій видные вожаки революціонныхъ партій и вообще партійные дѣятели, какъ таковые, составляютъ рѣдкое исключеніе.

Эта работа удаленная отъ глазъ перепуганной власти, была самой молчаливой, хотя можетъ быть поэтому и самой страшной для защитниковъ порядка. Она составляла основу революціи—ея глубоко уходящіе въ почву корни и движеніе этихъ корней заставляло сотрясаться всю ветхую и я скажу убогую махинацію средствъ защиты и нападенія, которую административный строй могъ и смѣлъ противопоставить побѣднымъ шагамъ революціи.

Гораздо больше шумѣло, больше бросалось въ глаза и больше потому было извѣстно администраціи то броженіе революціонныхъ идей, которое наблюдалось въ городскихъ буржуазныхъ слояхъ населенія, въ чиновничествѣ и офицерствѣ. Поддерживаемое могучимъ давленіемъ глубоко-революціонныхъ демократическихъ низовъ народа, это движеніе принимало яркія неожиданныя формы, въ немъ громко звучали увѣренныя ноты успѣха и надежды. И оно причинило начальству много хлопотъ. Оно заставило его проявить ту колеблющуюся политику «видимыхъ» уступокъ революціи, за которую потомъ пришлось нести тяжелый отвѣтъ передъ «безтрепетной» властью, разъяснившей послѣ усмиренія истинную сущность манифеста 17 октября.

Почтово-телеграфная забастовка началась въ Забайкальѣ 15 ноября 1905 г. и окончилась 12 января 1906 г. Протекала она также какъ и во всей остальной Россіи, но передъ концомъ своимъ осложнилась совершенно особеннымъ и своеобразнымъ образомъ. Все населеніе области или во всякомъ случаѣ большая часть его настолько были охвачены сочувствіемъ въ борьбѣ съ произволомъ, что никакой непріязни къ бастовавшимъ чиновникамъ не было и тѣни. Наоборотъ, многія состоятельныя лица даже оказывали бастующимъ матеріальную поддержку, послѣ того какъ имъ правительство прекратило выдачу жалованья. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ симпатій населенія, отчасти вслѣдствіе тяжелаго матеріальнаго положенія среди

почтово-телеграфныхъ чиновниковъ возникла странная, не вполне ясная мысль о передачѣ почты въ Забайкальской области народу и объ открытіи послѣ этого почтово-телеграфныхъ операций. Возникшая и разработанная на митингахъ, куда стекалось все многообразное населеніе города, мысль эта быстро и окончательно овладѣла умами почтовыхъ чиновниковъ. При обсужденіи этой мѣры на митингахъ представители революціонныхъ партій относились къ ней отрицательно и предлагали населенію захватъ въ свои руки всѣхъ правительственныхъ учреждений области. Рѣчи объ этомъ и породили слухи о Даурской республикѣ ¹⁾, но они такъ и остались рѣчами и городское населеніе болѣе склонялось къ передачѣ почты народу и немедленному открытіи ея функций въ предѣлахъ области. Революционеры, не сочувствуя въ принципѣ этому рѣшенію, общались городу свою поддержку, въ случаѣ если администрація силой будетъ противиться сдачѣ почтово-телеграфныхъ зданій и имущества чиновникамъ прекращающимъ забастовку на условіяхъ службы не правительству, а народу.

21 декабря въ 11 часовъ дня въ областное присутствіе, гдѣ находился губернаторъ Холщевниковъ, явилась депутація гражданъ съ городскимъ головой, Шешминцевымъ. Губернаторъ, засѣдавшій въ то время въ областномъ совѣтѣ, принялъ депутацію въ залѣ засѣданія въ присутствіи совѣта. Депутація состояла изъ городского головы начальника почтово-телеграфной конторы Замошникова, трехъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и поручика Дмитревскаго. Она заявила губернатору, что она явилась къ нему отъ имени Читинской городской думы, которая въ состоявшемся только что публичномъ собраніи съ участіемъ гражданъ постановила просить губернатора передать временно почтово-телеграфныя учрежденія въ руки города и особаго избраннаго комитета почтово-телеграфныхъ чиновъ. Губернаторъ отвѣтилъ депутаціи, что онъ не можетъ удовлетворить этой просьбы своею властью, а соберетъ для этого особое совѣщаніе представителей всѣхъ правительственныхъ учреждений области и поставитъ на ихъ обсужденіе этотъ вопросъ. Кузнецовъ и Шешминцевъ просили губернатора немедленно удовлетворить это ходатайство, утверждая, что этимъ онъ можетъ избавить себя отъ худшаго положенія, что если онъ хоть немного промедлитъ, «то будетъ поздно, нечего будетъ передавать, такъ какъ представители рабочихъ заявили на собраніи, что у администраціи ничего не слѣдуетъ просить, что почту нужно взять силой и предлагали свои услуги взять не только почту, но и другія учрежденія» ²⁾ губернаторъ однако отказался дать немедленно просимое разрѣшеніе, но въ виду серьезности положенія немедленно въ тотъ же день 21 декабря въ 3 часа дня созвалъ особое совѣщаніе представителей вѣдомствъ, которое по закону губернаторы могутъ созывать въ исключительныхъ случаяхъ (ст. 280 свода губернскихъ учреждений томъ II, св. зак.). Совѣщаніе это немедленно соб-

¹⁾ „Забайкальская область“—это русское бюрократическое названіе крал. Коренное населеніе—буриты называютъ свою родину Дауріей.

Авт.

²⁾ Показанія Холщевникова на дознаніи.

ралось въ областномъ присутствіи; на него явились: командиръ стоявшей въ области 1 сибирской пѣхотной дивизіи генераль-маіоръ Морозовъ, командиръ 1-го Читинскаго пѣхотнаго полка г. м. Румшевичъ, командиръ 2-го резервнаго батальона полковникъ Бѣляцкій, Читинскій воинскій начальникъ Воложаниновъ, и. о. начальника штаба Забайкальской дивизіи подполковникъ Гловачевскій, подполковникъ Виц — нуда, командиръ 6 Восточнаго Сибирскаго запаснаго батальона Плысковскій, помощникъ начальника Иркутскаго губернскаго жандармскаго управленія въ Забайкальской области ротмистръ Балабановъ, вице-губернаторъ Забайкальской области д. с. с. Бѣломѣстновъ, товарищъ председателя Читинскаго окружного суда с. с. Гервагенъ, и. д. управляющаго Забайкальской казенной палатой с. с. Тыжновъ, председатель комиссіи по размежеванію земель Забайкальскаго казачьяго войска д. с. с. Морозовъ, начальникъ Забайкальскаго почтово-телеграфнаго округа д. с. с. Данилевичъ, управляющій акцизными сборами въ Забайкальской области д. с. с. Вержболовичъ, Забайкальскій областной землемѣръ к. с. Поповъ, непремѣнный членъ областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія кол. ас. Гриневицкій, старшій совѣтникъ Забайкальскаго областного правленія с. с. Семидаловъ, совѣтники того же правленія с. с. Бочаровъ и н. с. Николаевъ, директоръ гимназіи с. с. Еленевъ, председатель казачьяго войскаго управленія полковникъ Головачевъ, и. д. Читинскаго уѣзднаго начальника коллежскій секретарь Глинка и за полиціймейстера его помощникъ тит. сов. Горпинченко. Въ засѣданіи же присутствовали и Читинскій городской голова Шешминцевъ ¹⁾. Предсѣдательствовалъ военный губернаторъ генераль-лейтенантъ Холщевниковъ. Въ началѣ засѣданія предсѣдателемъ была доложена, представленная городскимъ головой резолюція, принятая на экстренномъ засѣданіи 21 декабря городской думы «при участіи гражданъ и представителей отъ партій и союзовъ». Резолюція эта гласила слѣдующее: «гласные думы, собравшись 21 декабря 1905 г. въ экстренномъ засѣданіи, вмѣстѣ съ представителями партій и союзовъ выслушали: докладъ городского головы о почтово-телеграфной забастовкѣ въ г. Читѣ, резолюцію принятую на митингѣ 19 декабря 1905 года, на которомъ подробно обсуждался вопросъ о названной забастовкѣ, а также докладъ почтово-телеграфныхъ чиновъ союза объ организаціи почтово-телеграфнаго дѣла въ г. Читѣ. Обсудивъ всесторонне всѣ обстоятельства дѣла, въ присутствіи представителей партій, союзовъ и громадной массы гражданъ, единогласно постановили:

1. Господствующее правительство, а также и мѣстная администрація безсильны возстановить почтово-телеграфное сообщеніе, а потому оно должно быть временно изъято изъ рукъ правительства и передано при посредствѣ городского общества въ руки чиновъ почтово-телеграфнаго союза.

2. Городское общество изъ своей среды избрало комиссію для наблюденія за правильнымъ ходомъ почтово-телеграфныхъ дѣлъ и

¹⁾ Всѣ данныя о засѣданіи 21 декабря почерпнуты изъ подлинныхъ протоколовъ и резолюцій совѣщанія. *Авт.*

денежной отчетности, въ составѣ г.г. А. К. Кузнецова, Дмитревскаго, Н. Н. Соболева и Волкова, ¹⁾ сверхъ того партіямъ и союзамъ предоставляется право избирать своихъ представителей, которые и входятъ въ составъ комиссіи.

3. Временное управленіе почтово-телеграфнымъ дѣломъ возложить на исполнительный комитетъ союза Читинскихъ почтово-телеграфныхъ служащихъ, состоящій изъ слѣдующихъ лицъ: председатель Н. А. Хмѣлевъ, члены: Замошниковъ, Костыревъ, Запольскій, Андриевскій и Красовицкій.

4. Просить г. губернатора черезъ выборныхъ депутатовъ немедленно снять всѣ военные посты на почтово-телеграфной конторѣ.

5. По снятіи печати произвести описи всего наличнаго имущества при помощи почтово-телеграфныхъ чиновъ и совмѣстно съ выборными отъ общества.

6. Для приведенія дѣлъ въ порядокъ чины почтово-телеграфной конторы должны избрать комиссію, которая обязана составить протоколъ и представить его обществу.

7. По окончаніи засѣданія сѣзда чиновъ почтово-телеграфныхъ делегатовъ округа, созванныхъ на 21 декабря с/г. въ г. Читѣ, долженъ быть избранъ комитетъ изъ служащихъ почтово-телеграфныхъ конторъ Забайкалья для совмѣстнаго съ делегатами отъ общества опредѣленія порядка дальнѣйшей передачи почтово-телеграфнаго дѣла во всемъ Забайкальи въ руки общества и завѣдыванія этимъ дѣломъ.

8. Содержаніе чиновникамъ и служащимъ почтово-телеграфныхъ конторъ и другіе хозяйственные расходы будутъ выплачиваемы изъ поступающихъ на приходъ суммъ, остатки же сихъ суммъ будутъ храниться по указанію комитета изъ служащихъ почтово-телеграфныхъ конторъ Забайкалья, который долженъ быть организованъ на основаніи предъидущаго пункта, совмѣстно съ представителями городского общества».

Резолюція эта была представлена городскимъ головой въ копіи. Обсужденіе ея въ особомъ совѣщаніи и постановленіе, сдѣланное имъ, настолько интересны, такъ ярко характеризуютъ настроеніе переживаемаго населеніемъ момента, что несмотря на обширность протокола совѣщанія мы сочли нужнымъ привести изъ него большія выдержки.

«По выслушаніи этой резолюціи нѣкоторые члены совѣщанія заявили, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ передача правительственной регалии въ другія руки не достаточно одной копіи съ резолюціи, а необходимо подлинное постановленіе Городской Думы, дабы судить въ законномъ-ли составѣ оно состоялось; почему полагали бы обсужденіе этого вопроса отложить до завтра. На такое заявленіе однимъ изъ присутствующихъ было высказано, что будетъ-ли разрѣшаться этотъ вопросъ сегодня или завтра, положеніе дѣла не

¹⁾ Всѣ эти лица, кромя Кузнецова, не были гласными думы. Поручикъ Дмитревскій былъ представитель союза военнослужащихъ, а Н. Н. Соболевъ — с. д. р. партія. „Городское общество“ въ резолюціи замѣняло собой „народъ“, которому на мѣтивгъ рѣшено было передать почту.

измѣниться, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, Городская Дума не вправѣ подвергать своему обсужденію дѣла, не входящаго въ кругъ ея компетенціи и не можетъ ни принимать въ свое вѣдѣніе правительственнаго учрежденія, ни гарантировать отвѣтственности за послѣдствія. Почтово-телеграфныя учрежденія могутъ быть взяты въ руки общества лишь революціоннымъ путемъ подъ напоромъ вооруженной силы; другимъ изъ членовъ было обращено вниманіе на то, что въ 1 пунктѣ резолюціи говорится объ изъятіи изъ вѣдѣнія правительства и передачѣ почтово-телеграфнаго сообщенія при посредствѣ городского общества въ руки чиновъ почтово-телеграфнаго союза. Слѣдовательно, по смыслу этого пункта резолюціи выходитъ, что почтово-телеграфное дѣло должно быть передано не городскому общественному Управленію, а какому-то союзу почтово-телеграфныхъ чиновъ при посредствѣ лишь городского общества. Въ разъясненіи изложенныхъ замѣчаній Читинскій городской голова доложилъ, что особаго постановленія собственно Городской Думы объ изъятіи изъ вѣдѣнія правительства почтово-телеграфныхъ учреждений г. Читы, за неявкою въ засѣданіе опредѣленнаго закономъ числа гласныхъ, пока еще не составлено, но что послѣ этого засѣданія онъ видѣлся съ большинствомъ гласныхъ Думы и при обсужденіи съ ними въ частности настоящаго вопроса, послѣдніе тоже высказались за передачу почтово-телеграфнаго дѣла, черезъ посредство Думы, въ вѣдѣніе союза почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, такъ что вопросъ этотъ можно считать рѣшеннымъ Думой въ принципѣ утвердительно. При этомъ городской голова вновь подтвердилъ заявленіе депутаціи о томъ, что, въ случаѣ рѣшенія даннаго вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, можно ожидать очень серьезныхъ послѣдствій со стороны социаль-демократической рабочей партіи, т. е. насильственнаго захвата не только почтово-телеграфной конторы, но и другихъ правительственныхъ учреждений».

Послѣ этого заявленія возраженія со стороны чиновъ совѣщанія прекратились и было приступлено къ составленію резолюціи. Приводимъ ее цѣликомъ.

«Обсудивъ всесторонне обстоятельства настоящаго дѣла и принимая во вниманіе, 1) что для мѣстной администраціи, какъ это установлено неоднократно совѣщаніями, является полная невозможность возстановленія почтово-телеграфнаго движенія; 2) что почтово-телеграфные чиновники, несмотря на всѣ принятые мѣры увѣщанія обратиться къ занятіямъ, категорически заявили, что они служатъ правительству не желая до полнаго удовлетворенія политическихъ и экономическихъ требованій, предъявленныхъ ихъ союзомъ; 3) что освободительное движеніе приняло въ Забайкальѣ настолько широкіе размѣры, что захватило всѣ классы населенія, не исключая и военнаго; 4) что численность гарнизона совершенно недостаточна для огражденія почтово-телеграфной конторы въ случаѣ насильственнаго захвата ея; 5) что отрицательный отвѣтъ на требованія думы могъ бы послужить сигналомъ для начала кровавой анархіи, такъ какъ по заявленію депутаціи и городского головы, бывшаго на совѣщаніи, въ случаѣ неуваженія сего ходатайства социаль-демократическая партія въ числѣ

4000 человекъ, вооруженныхъ винтовками, предложила услуги насильственно взять не только контору, но и всѣ правительственныя учрежденія, *совѣщаніе единогласно постановило*: почтово-телеграфныя учрежденія области временно передать Читинской Городской Думѣ, какъ постоянному учрежденію, которая, какъ органъ юридическаго лица, подъ контролемъ гласныхъ Думы, можетъ передать эти учрежденія союзу почтово-телеграфныхъ чиновниковъ Забайкальскаго округа, но безъ всякой отвѣтственности правительства и казны за могущій быть ущербъ и вредъ. Сдача можетъ быть произведена только утромъ 22-го декабря».

Таковъ былъ текстъ смиренной капитуляціи мѣстной бюрократіи передъ «освободительнымъ движеніемъ». Несомнѣнно, что это было самое сильное униженіе власти передъ революціей, и изъ этого инцидента видно, какъ въ сущности еще далеко было населеніе города отъ насильственнаго сокрушенія существующаго строя. Смущенный лепетъ довольно-таки безтолковой резолюціи совѣщанія ¹⁾ достаточно свидѣтельствуетъ о совершенно безпомощномъ положеніи начальства. Хотя Холщевниковъ и думалъ, что у него находились тогда 600 «вѣрныхъ долгу солдатъ», но это было далеко не такъ и онъ дѣйствительно правильно поступилъ, отказавшись вызвать рабочихъ на открытый бой; «кровавой анархіи», какъ боялись чиновники, отъ этого не произошло бы, но можетъ быть нѣсколько дней Даурской республики стали бы не фразой въ устахъ обманутыхъ въ своихъ ожиданіяхъ усмирителей, а совершившимся фактомъ. Но повторяемъ, что очевидно въ населеніи не было сознанія въ необходимости и полезности вооруженнаго возстанія и это положеніе станетъ для насъ особенно яснымъ, если мы бросимъ хотя бы бѣглый взглядъ на остальные моменты «освободительнаго движенія» въ области.

Чтобы покончить съ передачей почты, надо сказать, что 23 го декабря почтово-телеграфная контора со всѣми аппаратами и имуществомъ была сдана представителямъ города и почтово-телеграфнаго союза и благополучно функционировала, служа нуждамъ мѣстнаго сообщенія, до 12-го января 1906 г., когда съ прекращеніемъ всероссійской почтово-телеграфной забастовки почтово-телеграфные чиновники снова явились къ губернатору и смиренно просили его принять почту въ вѣдѣніе правительства. За все время владѣнія почтой и телеграфомъ, какъ было установлено затѣмъ на судѣ, не пропало ни одной копѣйки казенныхъ денегъ, не было никакихъ поврежденій, безпорядковъ и упушеній въ дѣлахъ.

¹⁾ Она была редактирована товарищемъ предсѣдателя Читинскаго окружнаго суда Гервагенемъ, до крайности перепуганнымъ человекомъ. Ему, какъ юристу, растерявшіеся чиновники дали написать резолюцію въ слабой надеждѣ, что онъ сумеетъ написать ее такъ, что впоследствии „не къ чему будетъ придираться“. Вѣдливый Гервагенъ конечно могъ состригать только самую кривявальную резолюцію, ибо такова была сила вещей. Но онъ пытался все-таки „спасти положеніе“; сдѣлавъ этой попытки видень въ совершенно ненужной фразѣ: „какъ органъ юридическаго лица“, затѣмъ се вставилъ Г.—непонятно. Но нѣкоторые изъ чиновъ, особенно военныя власти, сколько можно было заключить впоследствии по ихъ разговорамъ, видѣли въ этомъ непонятномъ для нихъ „юридическомъ лицѣ“ какую-то тѣнь спасенія. Гервагенъ, подписавшій резолюцію, приложилъ еще къ ней „особое мнѣніе“ написанное на многихъ листахъ и совершенно уже безтолковое и непонятное.

Революціонное броженіе съ особенной силой сказалось также въ средѣ офицеровъ войскъ гарнизона и приходящихъ и проходящихъ мимо Читы частей. Стихійная сила возмущенія и гнѣва, которая волновала ряды нижнихъ чиновъ, отражалась и на ихъ непосредственномъ начальствѣ, пришедшемъ къ убѣжденію о радикальномъ и немедленномъ измѣненіи существующаго строя. Параллельно съ организаціей солдатскихъ и казачьихъ комитетовъ образуется движеніе въ средѣ офицеровъ и чиновниковъ мѣстныхъ строевыхъ и казачьихъ войскъ. Немедленно вслѣдъ за упомянутой выше резолюціей совѣта солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, собираются одинъ за другимъ (25 и 27 ноября) обширные митинги военно служащихъ, гдѣ присутствуютъ и „члены партій и союзовъ“ и гдѣ военными и штатскими говорятся пламенные рѣчи о свободѣ и гремятъ проклятія позору и безправію родины. На митингѣ 27 ноября вырабатывается и немедленно публикуется въ мѣстныхъ газетахъ резолюція, гдѣ офицеры и военные чиновники привѣтствуютъ резолюцію совѣта солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, объявляютъ лишеннымъ довѣрія страны «существующее самодержавное правительство, вся дѣятельность котораго направлена на вредъ народа», отказываются исполнять всѣ исходящіе отъ него приказы и распоряженія и объявляютъ, что они образуютъ союзъ, который «всѣми силами будетъ помогать борцамъ за народную свободу и свое оружіе будетъ употреблять только противъ враговъ освободительнаго движенія, дѣятельность же свою прекратитъ только послѣ созыва Учредительнаго Собранія, созваннаго всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ». Эта смѣлая резолюція была покрыта подписями 53 офицеровъ и 42 военныхъ чиновниковъ. Ее подписали офицеры всѣхъ родовъ службы, она пестритъ аристократическими фамиліями, ее подписали и военные врачи, и казаки, и мелкіе военные чиновники.

Въ декабрѣ мѣсяцъ сложился окончательно союзъ военнослужащихъ, выработалъ и опубликовалъ свой уставъ, избралъ комитетъ и выпустилъ нѣсколько воззваній къ арміи и народу. Но революціонный порывъ, сказавшійся со стихійною силою въ первыхъ выступленіяхъ радикальнаго офицерства, упалъ также быстро, какъ и налетѣлъ. Уже къ срединѣ декабря союзъ состоялъ изъ нѣсколькихъ только человекъ, его чуралось большинство подписавшихъ резолюцію 27 ноября, дѣятельность его была крайне слабой и ничтожной и въ началѣ января онъ тихонько умеръ естественной смертію. Не смотря на краткость своего существованія, союзъ военно-служащихъ сыгралъ большую роль въ революціонномъ движеніи въ Читѣ въ томъ смыслѣ, что выступленіемъ своимъ окончательно лишилъ администрацію края всякой надежды на подавленіе революціи вооруженной рукой. Генераль Ренненкамппъ хотѣлъ жестоко расправиться съ захваченными имъ послѣ 20 января 1906 г. участниками офицерскаго движенія и многіе изъ нихъ поплатились бы жизнью за смѣлую хотя и недолгую мечту о свободѣ. Но ихъ спасло отъ этой страшной участи юридическое безграмотство генерала и его свиты. Къ моменту суда надъ ними генераль успѣлъ перессориться со всѣми находящимися во временномъ военномъ судѣ судьями и прокурорами, настоялъ

передъ Гродековымъ на ихъ отозваніи, создавъ свой знаменитый «судъ при отрядѣ» и при помощи своихъ бравыхъ «молодыхъ друзей» сотниковъ, ротмистровъ и капитановъ сталъ ничто же сумняшеся стряпать обвинительные акты. Первые блины выходили конечно комомъ. Но хотя «судъ при отрядѣ» поглощалъ эти комья съ большою легкостью, актъ о военномъ союзѣ вышелъ настолько чудовищнымъ, что даже Ренненкампфъ не рѣшился судить по немъ людей. Есаулы при отрядѣ, исполнявшіе амплуа прокуроровъ, долго старались исправить это неудачное дѣтище поистинѣ «солдатской словесности», да такъ и не успѣли до того момента, какъ у Ренненкампфа къ великому облегченію края было отнято право суда, и десятки военной молодежи были спасены отъ смерти и каторги ¹⁾.

Революціонныя организаціи рабочихъ и солдатъ, какъ мы уже говорили выше, заняты были своей работой среди огромныхъ массъ трудового населенія и для администраціи ихъ роль выяснялась только на митингахъ, гдѣ выступали революціонные ораторы, принимались революціонныя резолюціи, откуда иногда исходили и рѣшенія, заставлявшія администрацію подчиняться волѣ народа. Такъ было, какъ я уже говорилъ, съ дѣломъ «передачи почты народу». Проникнутый революціоннымъ духомъ народъ еще разъ въ болѣе рѣшительной и болѣе

¹⁾ Вотъ нѣкоторые мѣста изъ обвинительнаго акта:

„Обращаясь къ сути этого постановленія (говорится о резолюціи 27 ноября) ясно видно, что собраніе гг. офицеровъ, военныхъ врачей и чиновниковъ, не смотря на то, что въ средѣ его были весьма почтенные офицеры какъ по чинамъ, такъ и по годамъ службы, во 1-хъ не опредѣлило смысла выраженія: „если они (т. е. приказъ и распоряженія) идутъ во вредъ народу“, во 2-хъ не потрудились удостовѣриться въ правильности газетныхъ извѣстій, хотя бы путемъ разсужденія, и въ 3-хъ или забыло или не знало или вовсе игнорировало, послѣднее же несомнѣнно, такъ какъ между ними были люди и съ высшимъ военнымъ образованіемъ, основные военскіе законы, точно указанные кн. XXII и XXIV С. В. П. 1869 г., законы гражданскіе обязательные для всѣхъ состоящихъ на службѣ Государственной и наконецъ тѣ подписки, которыя въ лицѣ своихъ членовъ, оно (?) давало при вступленіи въ службу Государеву—о непринадлежности къ недозволеннымъ и тайнымъ сообществамъ, а что главнѣе всего: *данную ими присягу* (курсивъ подлинника) Подобное отношеніе къ заведенно преступнымъ подчиненнымъ еще болѣе усиливало увѣренность въ *ихней* безнаказанности. Тутъ предсѣдательствовалъ поручикъ Родіоновъ, раздавались рѣчи, въ родѣ рѣчи Бирюкова, прославлявшія бывшихъ Государственныхъ преступниковъ, какъ Петрашевца, Землевозова, Ишутинца, ихъ главный козырь Каракозовъ и др., говорили и священники, и поручики-саперы, и прапорщики, и почтово-телеграфные чиновники (Карповъ). и какой-то молодой чиновникъ и кто-то сообщившій о забастовкѣ. Затѣмъ происходить смѣна предсѣдателя поручика Родіонова—штатскимъ Кузнецовымъ, нивѣ вр. Военнымъ Судомъ приговореннымъ къ смертной казни (болѣе въ актѣ объ этомъ Кузнецовъ и его дѣла—ви слова). Казалось бы на этомъ и стать, на этомъ и остановиться сказано все, чего не нѣтъ права, ни по совѣсти, ни по долгу, говорить честный и желающій пользы своему Отечеству офицеръ и солдатъ, такъ нѣтъ, показалось мало. Составитель „обвинительнаго акта“ рѣшилъ привлечь только тѣхъ лицъ, которыхъ Ренненкампфъ успѣлъ арестовать въ Читѣ, отъ другихъ онъ отказывается, мотивируя это слѣдующимъ образомъ: „Остальные лица хотя и подписали первую резолюцію, но никто не опрошенъ на дознаніи за отбѣтѣмъ изъ Читы, такъ какъ: кто вѣдалъ въслѣдствіе увольненія въ запасъ, кто въ командировкахъ, кто въ отпуску, одинъ убитъ и нѣсколько человекъ бѣжали со службъ“.

Такъ и не могли свести концовъ съ концами въ этомъ несчастномъ актѣ, и находящійся у меня печатный его экземпляръ не имѣетъ выводовъ и ссылокъ на статьи закона, за нарушенія коихъ привлекаются къ суду обвиняемые; такъ писали обвинительные акты въ карательномъ отрядѣ Ренненкампфа!

революціонной формѣ выставилъ передъ администраціей свои требованія и настоялъ на ихъ исполненіи. Объ этомъ случаѣ генераль Холщевниковъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ 26 ноября 1905 г. за № 8888 слѣдующее: «24 ноября въ 5¹/₂ час. дня къ моему дому прибыла демонстративно огромная толпа, представители которой явились ко мнѣ и предъявили мнѣ требованіе отъ составлявшихъ толпу рабочихъ, солдатъ и казаковъ Читинскаго гарнизона и нѣкоторыхъ гражданъ города объ освобожденіи бывшихъ матросовъ съ транспорта Прутъ, находящихся въ Акатуевской тюрьмѣ, а равно и всѣхъ пострадавшихъ за политическія дѣла, въ томъ числѣ содержавшагося въ Читинской тюрьмѣ мѣщанина Кривоносенко, ранившаго въ Читѣ городского, и двухъ казаковъ ПолUTOва и Мисюркѣва, осужденныхъ въ дисциплинарный батальонъ за оскорбленіе офицера».

Холщевниковъ освободилъ немедленно Кривоносенко, ПолUTOва и Мисюркѣва, а объ освобожденіи Акатуевскихъ заключенныхъ донесъ на благоусмотрѣніе главнокомандующему г.-а. Линевичу. Но «составлявшие толпу 24 ноября рабочіе, солдаты и казаки» не стали ждать отвѣта Линевица и въ среднихъ числахъ декабря отправили выборныхъ отъ себя по 2 человѣка въ количествѣ 6 человѣкъ, которые явившись въ Акатуй предъявили тюремной администраціи требованіе освободить арестантовъ матросовъ съ «Прута», что и было исполнено безпрекословно, хотя депутатовъ отъ читинскихъ рабочихъ и гарнизона было 6 человѣкъ безоружныхъ, а начальникъ Акатуевской тюрьмы, удаленной отъ Читы на 500 верстъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 70 человѣкъ конвойной команды. Такъ сильно было въ эти дни обаяніе «вѣлнѣй революціоннаго народа»! Матросы съ великимъ почетомъ и торжествомъ были приняты въ Читѣ, появлялись тамъ на митингахъ и благополучно въ 20 числахъ декабря уѣхали изъ Забайкалья. Амністія политическимъ была кажется единственнымъ завоеваніемъ читинской революціи, не отобраннѣмъ вновь воспрянувшей властью.

Къ срединѣ января 1906 г. высоко взметнувшаяся волна революціоннаго движенія, возникшаго въ связи съ событіями въ Европейской Россіи, совершенно упала. Желѣзнодорожники усиленно возили солдатъ и товарные грузы и были всецѣло поглощены этимъ дѣломъ, совершенно забросивъ политику; союзъ военнoслужашихъ прекратилъ свою дѣятельность; почтово-телеграфные чиновники пришли съ повинной, возвратили почту правительству и ждали разрѣшенія начальства тянуть снова старую лямку, движеніе среди солдатъ и казаковъ также улеглось: запасные давно, еще въ 20-хъ числахъ декабря, были распушены по домамъ и покинули Читу, а оставшіяся роты желѣзнодорожнаго и запаснаго Сибирскаго и резервнаго батальона неполнаго состава въ силу своей совершенно ничтожной численности никакого движенія опаснаго для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія не проявляли. Въ средѣ рабочихъ правда шла невидимая и грозная для начальства работа, и страхъ вооруженнаго возстанія, къ которому по слухамъ готовились рабочіе мастерскихъ и депо дороги, продолжалъ витать надъ смущенной душой представителей власти. Но всетаки слухи эти были

глухи и неопредѣленны и администрація справедливо могла думать, что страшный мигъ миновалъ и что появленіе новыхъ войскъ въ томъ количествѣ и составѣ, о которыхъ все время съ осени 1905 г. настойчиво доносилъ куда слѣдуетъ генераль Холщевниковъ, прекратить всякія мечты о возстаніи и старый порядокъ снова мирно водворится на аренѣ недавнихъ торжественныхъ выступленій «революціоннаго народа». Перепуганныя и растерявшіяся власти снова поднимали голову. Да и съ Запада шли благопріятныя вѣсти о подавленіи революціи; сношенія съ Петербургомъ возстановились, и 17 декабря отъ Дурново Холщевниковымъ была получена телеграмма, гдѣ уже звучалъ властный тонъ побѣдителя. Гласила она слѣдующее: «Командированныя въ Читу лица разберутъ всѣ подробности происходившаго мятежа. До прибытія этихъ лицъ прошу сдѣлать по области слѣдующія распоряженія: первое, начальника округа Данилевича устранить отъ должности ¹⁾, второе, начальника Читинской конторы и всѣхъ зачинщиковъ подстрекателей и членовъ почтового союза посадить въ тюрьму; третье, почтовую контору и управленіе округомъ поручить временно вполнѣ благонадежнымъ лицамъ; четвертое, всѣхъ забастовщиковъ и членовъ союза уволить отъ службы и выселить изъ казенныхъ квартиръ, оставить можно только тѣхъ, которые бастовали по малодушію. Кромѣ того, взять подъ стражу всѣхъ членовъ революціонныхъ комитетовъ, стачечныхъ комитетовъ и главныхъ революціонеровъ безъ различія званій. Также распорядиться со всѣми чиновниками и служащими по выборамъ, которые содѣйствовали мятежу или виновны въ попустительствѣ».

Такова была программа пролога къ послѣднему кровавому акту Читинской драмы. О «командированныхъ въ Читу лицахъ» было уже извѣстно администраціи: съ Востока двигался Ренненкампфъ, а съ Запада Меллеръ-Закомельскій. Въ засѣданіи 18 января 1906 г. особаго совѣщанія состоявшаго, за исключеніемъ немногихъ, изъ тѣхъ же лицъ, которыя 21 декабря 1905 г. сдали почту народу, было постановлено согласно этой телеграммѣ министра арестовать и выселить забастовщиковъ, зачинщиковъ и подстрекателей почтово-телеграфнаго вѣдомства; относительно членовъ революціонныхъ и прочихъ комитетовъ было рѣшено обождать прибытія отряда Ренненкампфа, такъ какъ присутствовавшіе на совѣщаніи жандармскіе офицеры, полковникъ Кохъ и ротмистръ Балабановъ заявили, что хотя ими и намѣченъ къ аресту цѣлый рядъ лицъ, но «таковой арестъ они предполагаютъ привести въ исполненіе только по обезоруженіи желѣзнодорожныхъ рабочихъ и городской милиціи». Въ томъ же засѣданіи

¹⁾ Ст. сов. Данилевичъ безтрепетно охранялъ казенный интересъ въ смутные дни, увѣщевалъ, интриговалъ, пускался въ провокацію, желая внести расколъ въ среду почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и сорвать забастовку. грозилъ имъ всѣми страхами, не платилъ жалованья на основаніи телеграммы Дурново отъ 26 ноября 1905 г. въ случайно полученныхъ въ Читѣ номерахъ „Руси“, „Начала“ и „Нашей Жизни“, вызвалъ неповиновеніе и презрѣніе своихъ подчиненныхъ, былъ лишенъ ими прислуги, объявленъ подъ бойкотомъ, бѣдствовалъ и дрожалъ за свою жизнь и за все это былъ по достоинству награжденъ своимъ высокимъ патрономъ, очевидно, ничего не знавшимъ объ истинномъ положеніи дѣлъ. Курьезно, что Данилевичъ такъ и не былъ реабилитированъ. Вотъ ужъ дѣйствительно пострадалъ за правду. Авторъ.

была доложена и другая телеграмма Дурново не менѣе грознаго содержанія: «Въ виду объявленнаго въ области военнаго положенія всѣ митинги, сборища и шествія должны быть запрещены. Газеты революціоннаго содержанія подлежатъ запрещенію. Съ нарушителями спокойствія и порядка справляться силою оружія, рѣшительно и безъ всякихъ колебаній. Виновныхъ въ сопротивленіи властямъ и насиліяхъ предавать военному суду». По поводу этой телеграммы Совѣщаніе между прочимъ замѣчаетъ, что «въ Читѣ за послѣднее время митинги совершенно не имѣютъ мѣста за самымъ малымъ исключеніемъ, когда на митингъ собираются незначительныя группы населенія для обсуждения экономическихъ и другихъ вопросовъ». *Замѣчаніе это какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ объ успокоеніи, наступившемъ къ этому времени въ Читѣ.* Въ этомъ же засѣданіи было постановлено закрыть мѣстныя прогрессивныя газеты «Азіатская Русь» и «Забайкалье».

Это совѣщаніе состоялось 18 января 1906 г.; изъ постановленій его видно, что мѣстныя власти были безсильны въ это время только передъ революціонными организаціями рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Все же населеніе города не внушало уже больше имъ никакихъ тревогъ своимъ настроеніемъ. Начальство постепенно натягивало бразды правленія и спокойно ждало «лицъ командированныхъ въ Читѣ», чтобы съ ними отпраздновать торжество «порядка и закона». А эти лица уже стремительно летѣли къ Читѣ съ Запада и Востока, быстро расправляясь на ходу съ крамолой и горя желаніемъ покорить мятежный городъ «Даурской республики». Въ Читѣ еще никто не зналъ, какой ужасъ несутъ съ собой эти командированныя лица.

19 января стало извѣстно, что рабочіе вооруженнаго сопротивленія правительственнымъ войскамъ оказывать не будутъ.

20 января прибылъ съ полкомъ стрѣлковъ новый губернаторъ области генералъ-маіоръ Сычевскій и арестовалъ въ мастерскихъ дороги безъ всякаго сопротивленія со стороны рабочихъ оставленное ими оружіе.

21 января къ Читѣ подошелъ карательный поѣздъ Ренненкамппа.

Революція кончилась. Начинаясь «разборъ» всѣхъ подробностей происходившаго мятежа.

П. Н. Переверзевъ.

Замѣтка и стихотворенія П. С. Поливанова.

Въ декабрѣ 1887 г. нашу тюрьму посѣтилъ какой то чинъ м-ва юстиціи,—не то одинъ изъ оберъ прокуроровъ сената, не то какой то другой сенатскій чиновникъ. Онъ держалъ себя очень развязно, нахально даже. Онъ говорилъ, между прочимъ, что нигдѣ не даютъ заключеннымъ такихъ «льготъ», какъ въ Шлиссельбургѣ; что такой тюрьмы нѣтъ ни въ Россіи, ни за границей; что у насъ «такой гуманный комендантъ», и т. п. Комендантомъ былъ Покрошинскій, жандармскій полковникъ, родомъ полякъ, служившій до того времени въ Польшѣ (былъ начальникомъ жанд. упр. въ Сувалкахъ); низкая, подлая тварь; къ чести его надо сказать, что подъ конецъ его замучила совѣсть. Въ 1888 г. онъ сталъ пить запоемъ и его постоянно преслѣдовала мысль, что его убьютъ за совершавшіяся въ Шлиссельбургѣ жестокости. Однажды онъ залѣзъ на стѣну и, увидѣвъ на озерѣ какого то рыбака, поднялъ страшную тревогу. Онъ былъ охваченъ паническимъ ужасомъ и сталъ говорить, что это ѣдутъ «соціалисты», что они взорвутъ крѣпость и убьютъ его, Покрошинскаго. Насилу успокоилъ его вахмистръ Жестовскій (проживающій теперь въ Полтавской губ., гдѣ онъ купилъ на свои «сбереженія» участокъ земли), убѣждавшій полоумнаго начальника, что это—чухонецъ, который выѣхалъ рыбки половить, и что онъ не имѣетъ никакихъ дурныхъ замысловъ, и т. д.

Когда ревизоръ ушелъ, Ла ¹⁾ простучала мнѣ: «Тригони спрашиваетъ тебя, кто былъ у тебя?»

Я отвѣтилъ: какой то *стриуцкій*. Спрашивалъ о здоровьи и не имѣю ли какихъ заявленій. Я, по обыкновенію, отвѣтилъ: «никакихъ». Тѣмъ дѣло и кончилось.

Тригони, не знавшій, что означаетъ на московскомъ жаргонѣ слово «стриуцкій», сталъ послѣ этого стучать дальше: «у Поливанова былъ прокуроръ Стрюцкій, спрашивалъ, и т. д.»

Это вызвало смѣхъ всей публики и самого Тригони, когда ему объяснили значеніе этого слова...

По этому поводу и написано мною слѣдующее стихотвореніе:

¹⁾ Такъ называли Людмилу Волкенштейнъ, сокративъ ея имя для удобства при перестукиваніи.

«Стрюцкій, стрюцкій, гдѣ ты былъ?
— Шлиссельбургъ я посѣтилъ.
Что, голубчикъ, видѣлъ тамъ?
Разскажи скорѣе намъ!»

— Я осматривалъ тюрьму,
И никакъ я не пойму,
Почему всѣ говорятъ,
Будто тамъ «людей морятъ»?...
Такъ гуманенъ комендантъ,
Такъ любезенъ адъютантъ,
Что, повѣрьте мнѣ, друзья,—
Много тюремъ видѣлъ я,
Но никто подобныхъ льготъ
Заключеннымъ не даетъ
Ни въ Европѣ ни у насъ,
Увѣряю честью васъ!—

«Стрюцкій, стрюцкій, полно врать,
Лучше было бъ ужъ молчать!
У тебя, кажись, мой свѣтъ,
Ни стыда, ни чести нѣтъ!»

— Стыдъ давно я потерялъ,
Чести отъ роду не зналъ:
Коли намъ еще да «честь»,
Такъ придется въ петлю лѣзть!

1887 г. декабрь.
Шлиссельбургская тюрьма.

ТИХІЙ УГОЛОКЪ.

Какъ люблю я свой тихій, глухой уголокъ,
Гдѣ весь день провожу одинокъ!
Въ немъ нашелъ, наконецъ, я душевный покой,
И могу я бороться съ тоской.
На меня здѣсь привѣтливо смотрятъ кусты,
Мнѣ киваютъ березки листы,
Надо мною синѣтъ лазури шатерь,
Подъ ногами зеленый коверъ.
Безпрерывно звучатъ среди чащи вѣтвей
Разговоры пернатыхъ гостей;
Въ вышинѣ вторятъ быстрыя ласточки имъ
Щебетаніемъ нѣжнымъ своимъ.
Далеко, далеко гдѣ-то свищетъ куликъ,
Слышенъ чаекъ пронзительный крикъ;
Хищный клекотъ внезапно раздастся порой,
Какъ тревоги сигналъ боевой,—

И смолкаетъ на мигъ перепуганный хоръ,
Къ небесамъ поднимая свой взоръ:
Чуть замѣтною точкою коршунъ парить,
И добычу свою сторожить.
Погруженный въ раздумье въ травѣ я лежу
И за коршуномъ взглядомъ слѣжу...
Мнѣ мучительно страстно хотѣлось бы знать
Все, что могъ бы онъ мнѣ рассказать:
Сколько видѣлъ онъ чудныхъ природы картинъ,
Горъ, потоковъ, морей и равнинъ.
Вѣдъ онъ видѣлъ, быть можетъ, какъ царственный Ниль
Свои мутныя воды катилъ,
И чернѣли вдали надъ пустыни пескомъ
Пирамиды въ величьи нѣмомъ.
Забѣлѣли потомъ паруса кораблей
Средь лазурныхъ Эллады морей,
И за островомъ островъ изъ водъ выступалъ,
Отражая ихъ пѣну отъ скалъ.
Онъ парилъ надъ вершинами горныхъ цѣпей,
Надъ просторомъ дунайскихъ степей,
И привѣтствовалъ радостно вешній разливъ
Мощныхъ рѣкъ средь покосовъ и нивъ...

На лужайкѣ, межъ тѣмъ, пестрыхъ кроликовъ ¹⁾ рать
Продолжала безпечно скакать.
Вотъ одинъ подбѣжалъ, мою руку лизнулъ,
И въ траву торопливо шмыгнулъ;
И я вновь возвращаюсь изъ міра чудесъ,
Вѣчно ясныхъ, далекихъ небесъ,
Въ свой забытый и тихій, глухой уголокъ,
Гдѣ весь день провожу одинокъ.
Мой мірокъ не великъ,—до смѣшного онъ малъ,
Но нашелъ я въ немъ то, что искалъ.
Эта зелень, цвѣты, этихъ птицъ голоса,
Совершили во мнѣ чудеса:
Разлетѣлося горе, что сердце гнело,
Стало мнѣ и легко и свѣтло...
Да! Природа вездѣ и во всемъ хороша...
Для того, чья страдаетъ душа,
Стоитъ только ей чудный бальзамъ свой пролить,
Чтобы рану души исцѣлить...

П. С. Поливановъ.

1899 г.

Шлиссельбургская тюрьма.

¹⁾ Заключеннымъ въ Шлисс. крѣп. было одно время разрѣшено держать кроликовъ, куръ, голубей. У П. С. Поливанова жили въ камерѣ два голубя, а въ садикѣ онъ выстроилъ домики для кроликовъ, отгородивъ при этомъ другую половину своего участка проволоочной рѣшеткой, чтобы кролики не бѣгали въ цвѣтникъ и не портили насаждений.

Замѣтки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г.

Александръ Николаевичъ Сутгофъ (по иному написанію Сутговъ) былъ однимъ изъ непосредственныхъ участниковъ возстанія 14 декабря: онъ вывелъ на Сенатскую площадь значительную часть лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и до конца оставался при возставшихъ. Это даетъ особое значеніе сохранившимся замѣткамъ Сутгофа о происшествіи 14 декабря.

А. Н. Сутгофъ родился въ 1801 г. Отецъ его былъ шведскаго происхожденія, а мать малороссіянка. Онъ въ дѣтствѣ былъ отданъ для ученія въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ Москвы, но въ 1812 г. онъ былъ перевезенъ въ Кіевъ, гдѣ въ это время состоялъ на службѣ его отецъ въ чинѣ уже генерала. Обученіе Сутгофа продолжалось, пока онъ въ 1816 г. не поступилъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ въ Петербургъ. Онъ вступилъ позднѣе въ Сѣверное тайное общество и, будучи уже поручикомъ, принялъ, какъ сказано, близкое участіе въ дѣлѣ 14 декабря. Онъ былъ преданъ верховному уголовному суду, былъ признанъ виновнымъ въ слѣдующемъ: «принадлежалъ къ тайному обществу безъ полнаго знанія о сокровенной его цѣли. Принялъ одного члена. Лично дѣйствовалъ. Возмущилъ роту и присоединился къ мятежникамъ. Команда его стрѣляла». Сутгофъ былъ отнесенъ къ 1-му разряду государственныхъ преступниковъ, который былъ приговоренъ къ смертной казни отсѣченіемъ головы, а за смягченіемъ приговора—къ вѣчной каторгѣ. Сутгофъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ другими декабристами въ Сибирь; за неоднократными смягченіями опредѣленнаго наказанія сроки пребыванія декабристовъ на каторгѣ были сокращены, и Сутгофъ въ 1836 г. былъ уже на поселеніи; онъ тутъ женился, занялся земледѣліемъ, устроившись подъ Иркутскомъ. Онъ уже не думалъ о дальнѣйшей перемѣнѣ въ своей судьбѣ, какъ вдругъ совершенно для него неожиданно, по хлопотамъ его родныхъ въ 1848 г. онъ былъ переведенъ на Кавказъ, рядовымъ Кубанскаго полка, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ произведенъ въ прапорщики, а послѣ амнистіи 1856 г. ему удалось перейти на службу въ Москву. Здѣсь онъ впрочемъ пробылъ недолго: разстроенное здоровье его требовало южнаго климата, и онъ вернулся на Кавказъ, гдѣ получилъ мѣсто управляющаго водами въ Кисловодскѣ, потомъ въ Боржомѣ. Онъ скончался въ 1872 г.

Въ библіотекѣ Е. И. Якушкина, очень много сдѣлавшаго для

собрания и сохраненія матеріаловъ о декабристахъ, сохранились замѣтки о 14 декабря, писанныя Сутгофомъ. Какъ разъ въ 1857 г., когда Сутгофъ переѣхалъ въ Москву, вышло въ свѣтъ третье изданіе книга Корфа: «Восшествіе на престолъ Императора Николая I»,— первое изданіе «для публики». Въ книгѣ подробно описывались происшествія 14-го декабря и, по просьбѣ Е. И. Якушкина, Сутгофъ написалъ на поляхъ книги свои замѣчанія и возраженія на разсказъ Корфа.

Замѣчанія Сутгофа, писанныя такимъ образомъ, конечно, отрывочны, но они содержатъ много исправленій и дополненій къ книгѣ, обнаруживая общую тенденцію ея, на основѣ официальныхъ донесеній, искажать истину въ извѣстномъ смыслѣ, представлять все въ самомъ неблагоприятномъ видѣ для мятежниковъ. Я приведу здѣсь одно за однимъ замѣчанія Сутгофа, не приводя ихъ въ особую систему и указывая только, къ какому мѣсту книги Корфа они относятся.

Корфъ, говоря о возмущеніи въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку, (стр. 127), указываетъ, что *часть* полка устремилась на площадь, а *другая часть* осталась въ казармахъ; Сутгофъ поясняетъ: «Рота гр. Ливена одна осталась въ казармахъ, всѣ прочія, за исключеніемъ многихъ солдатъ, вышли на площадь».

На стр. 140 Корфъ говоритъ, что въ наружности Якубовича было «что-то замѣчательно отвратительное»: Сутгофъ возражаетъ: «Якубовичъ превосходной наружности». Далѣе Корфъ разсказываетъ, что Якубовичъ ходилъ къ бунтовщикамъ съ порученіемъ Николая Павловича и затѣмъ «подъ личиною возвращенія къ законному долгу» старался развѣдать въ противныхъ рядахъ о положеніи дѣла, чтобы дѣйствовать по обстоятельствамъ. Противъ этого мѣста Сутгофъ на поляхъ замѣчаетъ: «все это несправедливо. Якубовичъ былъ оскорбленъ на площади К. Щепинымъ-Ростовскимъ. Порученіе государя безъ успѣха выполнилъ и, возвратившись вторично, получилъ приказаніе находиться въ свитѣ царской, гдѣ онъ недолго оставался: воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, онъ отправился въ театральную дирекцію, чѣмъ навлекъ на себя сильное, ни на чемъ не основанное подозрѣніе».

«Мятежныя роты Московскаго полка стояли въ густой неправильной колоннѣ»—противъ этихъ словъ Сутгофъ приписалъ: «Карее». Далѣе (147 стр.) Корфъ со словъ одного случайнаго очевидца описываетъ собравшуюся на площади толпу, представлявшую «зрѣлище совершенно своеобразное: шинели съ мужицкими шапками, полушубки при круглыхъ шляпахъ, полотенца вмѣсто кушаковъ и т. п., цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе. Солдаты, растегнутые, съ заваленными на затылокъ киверами, въ амуниціи безпорядочно накинута, были большею частью пьяны». Сутгофъ отрицаетъ все это: «очевидецъ или плутъ, или трусъ, всѣ были одѣты прилично; въ народѣ были точно лица, непрезентабельныя, но буйныхъ, пьяныхъ солдатъ не было, до прихода лейбъ-гренадеръ. Московцы стояли въ большомъ порядкѣ». Противъ словъ (стр. 148): «въ рядахъ мелькали по временамъ Александръ Бестужевъ, Рылѣевъ и нѣсколько другихъ, неизвѣстныхъ нашему зрителю лицъ, въ упомянутыхъ фантастическихъ нарядахъ. Одинъ Бестужевъ ходилъ въ мундирѣ; болѣе никого не было

видно въ этомъ мѣстѣ похожаго по одеждѣ на офицера или начальника. Вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ... Выстрѣлы были по генералѣ Волковѣ». Сутгофъ объясняетъ: «Рылѣевъ, закутанный въ мѣховой воротникъ, только одинъ разъ на нѣсколько минутъ пріѣзжалъ на площадь.—Всѣ офицеры, кромѣ поручика Сутгофа, были въ мундирахъ, шарфахъ и киверахъ.— Въ г. Волкова не стрѣляли, его народъ чуть не убилъ камнями».

По поводу разсказа о появленіи на Сенатской площади гвардейскаго экипажа, Сутгофъ замѣчаетъ: «гораздо прежде гвардейскаго экипажа пришла 1 рота лейбъ-гренадерскаго полка». Онъ исправляетъ указаніе Корфа, будто ротныхъ командировъ въ гвардейскомъ экипажѣ освободили матросы: «Ротныхъ командировъ освободили по совѣту Николая Бестужева младшіе офицеры». Корфъ о приходѣ гвардейскаго экипажа выражается (стр. 149):—«эта новая толпа» расположилась впереди Московскаго полка; Сутгофъ возражаетъ: «экипажъ въ большемъ порядкѣ остановился не передъ Московскимъ полкомъ, а въ колонѣ къ атакѣ между Московскимъ каре (котораго передній фасъ въ это время занимала 1 рота лейбъ-Гренадерскаго полка) и заборами».

Противъ словъ о появленіи Государя на площади передъ мятежниками и выстрѣлахъ въ него (стр. 150)—Сутгофъ приписалъ: «никто не видѣлъ и не стрѣлялъ въ Государя ни въ это время, ни послѣ.»

Корфъ разсказываетъ (стр. 150—151), что пріѣхавъ въ казармы Московскаго полка, часть котораго уже ушла на площадь, а часть не вернулась изъ караула, великій князь Михаилъ Павловичъ нашель на мѣстѣ «не болѣе четырехъ ротъ»,—«четырехъ сотъ человѣкъ» поясняетъ Сутгофъ, и о приводѣ этихъ людей къ присягѣ разсказываетъ: «Бистромъ не только словами, но и саблею старался заставить солдатъ присягнуть, когда же онъ убѣдился, что его краснорѣчіе не дѣйствуетъ на сборную команду, тогда онъ обратился къ фельдфебелю Бестужева роты и строго приказалъ ему привести къ присягѣ, что и было немедленно выполнено.—Фельдфебель не пошелъ съ ротой на площадь, привелъ команду къ присягѣ и за это былъ пожалованъ въ рядовые въ дальные сибирскіе батальоны.» Когда присягнувшая часть Московскаго полка была выведена къ адмиралтейству и встрѣтила Государя, «офицеры бросились цѣловать ему руки и ноги». «Правда» замѣчаетъ Сутгофъ.

Корфъ, передавая (стр. 156) объ атакахъ конно-гвардейцевъ на мятежниковъ, говоритъ, что атаки были безуспѣшны, были отбиваемы батальнымъ огнемъ. Сутгофъ вноситъ поправку: «первыя атаки производились на лейбъ-гренадеръ и московцевъ, которые съ большимъ успѣхомъ отражали конно-гвардейцевъ холостыми зарядами; послѣдняя атака была на гвардейскій экипажъ, тутъ имъ не поздоровилось, матросы ихъ встрѣтили боевыми зарядами, ранили полковника Вельо и многихъ конно-гвардейцевъ».

При пріѣздѣ конно-піонеровъ, вопреки разсказу Корфа (стр. 157) «они объѣхали кругомъ и никто имъ не хотѣлъ препятствовать».

Къ разсказу Корфа о лейбъ-гренадерахъ (стр. 160) Сутгофъ дѣлаетъ особенно много поправокъ. На караулъ въ Петропавловской

крѣпости подъ 14 декабря были не двѣ роты, а 3 разрядъ 1 батальона. Помѣшавшій присягѣ поручикъ Кожевниковъ былъ вовсе не пьянъ, а «трезвый». Далѣе Корфъ передаетъ, что командовавшій фузелерной ротой (Сутгофъ), присягнувшій уже раньше вмѣстѣ съ другими, сталъ уговаривать солдатъ присоединиться къ возставшимъ и обѣщалъ раздать имъ жалованье безъ приказа. Сутгофъ поясняеть: «лейбъ-гренадерскій полкъ былъ у присяги потому только, что подпоручикъ того же полка Жеребцовъ и гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ графъ Коновницынъ пріѣхали объявить поручику Сутгофу, что всѣ полки присягнули и что они сами видѣли, какъ знамена отнесли во дворецъ. Послѣ присяги кн. Одоевскій и подпоручикъ Палицынъ первые сообщили Сутгофу, что Московскій полкъ вышелъ и что на честное слово лейбъ-гренадеръ считаютъ.— О жалованьѣ разговоръ былъ послѣ, когда лейбъ-гренадеры уговаривали пор. Сутгофа скрыться, онъ отвѣчалъ, что этого никогда не сдѣлаетъ и что къ тому же ихъ жалованье у него въ карманѣ. Солдаты сказали тогда, что они безъ жалованья обойдутся, лишь бы онъ не попалъ въ руки правительства».

По словамъ Корфа, лейбъ-гренадеры направились черезъ Васильевскій островъ и Исаакіевскій мостъ, а Сутгофъ говорилъ, что они пошли «не на Васильевскій островъ, а прямо черезъ ледъ отъ крѣпости къ Сенатской плащади».

Когда пріѣхавшій полковой командиръ Стюрлеръ сталъ выводить оставшихся людей и готовился вести ихъ по требованію государя ко дворцу, поручикъ Пановъ успѣлъ увлечь нѣсколько ротъ, и по дорогѣ ему, рассказываетъ Корфъ, пришла ужасная мысль завладѣть дворцомъ. Но тутъ ему помѣшалъ бывшій во дворцѣ поручикъ того же лейбъ-гренадерскаго полка баронъ Зальца, смутилъ его своими вопросами, а приходъ саперъ заставилъ Панова воскликнуть: «да это не наши, ребята за мною!» и поворотить свою толпу назадъ. Сутгофъ рассказывалъ это иначе:

«Пановъ увлекъ не нѣсколько ротъ, а всѣхъ людей, бывшихъ въ казармахъ, кромѣ 1 взвода государевой роты; никакой ужасной мысли Панову въ голову не приходило; идя мимо дворца, онъ увидѣлъ на дворѣ солдатъ въ шинеляхъ, принялъ ихъ за 1 роту и началъ входить во дворецъ, здѣсь онъ замѣтилъ, что онъ ошибся, закрычалъ солдатамъ: ребята, это не наши, и въ ту же минуту вышелъ.— Исторія, рассказанная поручикомъ Зальца, отъ начала до конца, чистая ложь». Когда немного дальше (стр. 164) Корфъ ужасается, что опоздай немного саперы, Пановъ могъ бы почти безпрепятственно исполнить свое звѣрское намѣреніе, со всѣми неисчислимыми послѣдствіями,—Сутгофъ замѣчаетъ: «чистый вздоръ».

Когда лейбъ-гренадеры подъ предводительствомъ Панова пришли на Сенатскую площадь, они «соединившись съ 1 ротой, заняли остальные три фаса каре; москвичи въ это время отъ холода столпились въ середину каре и были въ безпорядкѣ». На свидѣтельство Корфа, что подпоручикъ Тутолминъ образумилъ стрѣлковый взводъ государевой роты лейбъ-гренадерскаго полка, и взводъ былъ приведенъ къ государю, Сутгофъ заявляетъ: «подпоручикъ Тутолминъ ровно ничего не сдѣ-

лалъ, весь стрѣлковый взводъ государственной роты пришелъ съ полкомъ на Сенатскую площадь и пристроился къ 1 ротѣ». Корфъ тутъ-же увѣряетъ, что всякій разъ, какъ государь показывался съ виду сенатской гауптъ-вахты, занимавшей ее караулъ финляндскаго полка всякій разъ отдавалъ честь. Сутгофъ замѣчаетъ: «еслибы государь и показывался, какъ могъ онъ (караулъ) его видѣть?»

По поводу разсказа поручика Зальца, какъ онъ велъ борьбу для спасенія лейбъ-гренадерскаго знамени,—о баронѣ Зальца выше уже было упомянуто,—Сутгофъ заявляетъ: «Все это происходило въ воображеніи поручика Зальца; онъ такъ былъ хорошъ, что полковой командиръ, близкій родственникъ, не могъ рѣшиться довѣрить ему роту».

По словамъ Корфа ротные командиры лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка Пущинъ и Штакельбергъ уже на площади убѣждали свои роты не бунтовать, два другіе офицеры на нихъ кинулись, крича солдатамъ—«ребята, коли ихъ», но солдаты отказались отъ этого кроваваго дѣла. Сутгофъ возражаетъ: «Пущина не было, а Штакельбергъ входилъ въ каре, но не уговаривать солдатъ, а доказывать свое старшинство и право командовать полкомъ, на что Пановъ ему отвѣчалъ, что онъ, Штакельбергъ, какъ пд. (подпоручикъ), лейбъ-гренадерами командовать не можетъ. Пущину и Штакельбергу было бы плохо, еслибы гренадеры получили приказаніе приколотъ ихъ, и того, и другого ненавидѣли за ихъ злость».

Въ противность словамъ Корфа (стр. 172) Сутгофъ заявляетъ, что возставшія войска «стрѣляли только во время кавалерійскихъ атакъ».

По поводу разсказа, какъ три матроса накинулись на Вильгельма Кюхельбекера за покушеніе его на жизнь великаго князя Михаила Павловича, Сутгофъ замѣчаетъ: «никто Кюхельбекера не тронулъ, его же родной братъ былъ ротнымъ командиромъ въ гвардейскомъ экипажѣ; вся эта исторія очевидцами не подтверждается».

Вопреки словамъ барона Корфа (стр. 179), «лейбъ гренадеръ и гвардейскаго экипажа еще не было на площади, когда митрополитъ подходилъ уговаривать возмущившихся». Когда стали передвигать артиллерію, «къ несчастію было темно и передвиженій этихъ никто не видалъ».

Передъ открытіемъ артиллерійскаго огня по мятежнымъ войскамъ къ нимъ былъ посланъ генералъ Сухозанетъ съ предложеніемъ помилованія. Онъ вѣхалъ въ средину мятежниковъ. Сказанныя имъ слова, по увѣренію Корфа, возымѣли было дѣйствіе на солдатъ, но Сухозанета окружили офицеры, и нѣсколько «постороннихъ лицъ распутнаго вида», они спрашивали, привезъ-ли онъ конституцію и грозились на него. Сухозанетъ въ отвѣтъ имъ сказалъ, что онъ присланъ съ пощадою, а не для переговоровъ и ускакалъ изъ среды отшатнувшихся передъ нимъ заговорщиковъ. Вслѣдъ ему раздался залпъ, онъ остался невредимъ, но посыпались перья съ его султана (стр. 183—184). Сутгофъ разсказываетъ дѣло совершенно иначе: «Сухозанетъ не доѣхалъ до фронта гвардейскаго экипажа, остановилъ лошадь, хотѣлъ что-то сказать, но только что его узнали, со всѣхъ сторонъ закричали ему—подлецъ, и въ ту же минуту Его Превосходительство легъ на лошадь

и помчался обратно; выстрѣлами его не удостоили. Когда дальше Корфъ приводитъ донесеніе Сухозанета: Ваше Величество, сумасбродные кричать: конституція!—Сутгофъ опять замѣчаетъ: «кричали: подлець».

Корфъ рассказываетъ: «Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ зданіе сената. На него отвѣчали неистовыми воплями и бѣглымъ огнемъ». «Вздоръ»—замѣчаетъ Сутгофъ; «Пушинъ, Оболенскій и Сутгофъ были въ это время впереди шагахъ въ 30, и когда добѣжали до каре, безпорядокъ былъ уже общій и ружейныхъ выстрѣловъ не было».

На указаніе Корфа, будто всѣ «зачинщики и заговорщики» немедленно обратились въ бѣгство, Сутгофъ возражаетъ: «несправедливо, Щепинъ-Ростовскій арестованъ на площади полковникомъ Засомъ, а поручикъ Сутгофъ съ частью лейбъ-гренадеръ отдалъ свою шпагу генералу Шипову. На слова Корфа, что Павловскій полкъ стрѣлялъ съ Галерной по убѣгавшимъ мятежникамъ, Сутгофъ замѣчаетъ: «неправда».

Вотъ и всѣ замѣчанія А. Н. Сутгофа, сдѣланныя имъ на поляхъ книги Корфа. Несмотря на ихъ отрывочность, они вносятъ опредѣленные черты въ рассказъ о происшествіяхъ 14 декабря, и мы не можемъ не цѣнить этихъ замѣчаній, хотя они и писаны были почти черезъ тридцать два года послѣ памятнаго дня.

В. Янушкинъ.

Въ Мценской „гостинницѣ“¹⁾).

Если Мценская тюрьма по справедливости слыла «гостинницей» среди тѣхъ, кто попадалъ туда изъ обыкновенныхъ мѣстъ заключенія, то, ужъ конечно, для насъ, только что пережившихъ режимъ централки, Мценскъ долженъ былъ показаться настоящимъ раемъ. Достаточно сказать, что, послѣ строго-одиочнаго заключенія, мы здѣсь свободно распоряжались двумя этажами тюремнаго зданія;— что носили мы всѣ собственное платье;—что, наконецъ, у насъ былъ прекрасный столъ, которымъ завѣдывали мы сами черезъ посредство выборныхъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи нанятыхъ на казенный счетъ слугъ. Можетъ быть, тутъ играла наиболѣе видную роль именно организованность и организація нашего хозяйства. Нашъ выборный староста, получивъ отъ насъ директивы, закупалъ продукты и заказывалъ повару кушанья;—раза 4 или 5 въ день вся компанія собиралась въ особую комнату, столовую, гдѣ образовывалось полное подобіе табльдота;—на особый столъ приносились слугою блюда или самоваръ, пища раскладывалась на тарелки и разливалась въ посуду, которая разносилась каждому къ занятому имъ мѣсту на столахъ, расположенныхъ, въ видѣ буквы л, по стѣнамъ комнаты. Замѣчу, что довольно таки часто, кромѣ «горячихъ» чаю и кофе, на нашемъ столѣ появлялись и «холодные» напитки,—водка, пиво, вино, что еще больше придавало нашей столовой видъ табльдота.

Однимъ словомъ: не житье, а малина...

Зданіе тюрьмы было въ 2^{1/2} этажа. Въ подвалѣ помѣщалась кухня и другія службы. Первый этажъ былъ раздѣленъ на камеры; тутъ-же была столовая, умывальная и ватерклозетъ. Въ верхнемъ этажѣ—также камеры и ватерклозетъ; и, кромѣ того, одна изъ комнатъ была отведена подъ контору, въ которой, впрочемъ, принималъ и докторъ своихъ немногочисленныхъ больныхъ (чаще, однако, фельдшеръ), а также стоялъ шкафъ съ кое-какими медикаментами.

Въ камерахъ обыкновенныя деревянныя кровати и у нихъ—

¹⁾ Статья эта служить непосредственнымъ продолженіемъ статей того-же автора: „Первое вооруженное сопротивленіе“ и „Въ централкѣ“, помѣщенныхъ въ №№ 2 и 7 „Вылого“ за 1906 годъ.

столики. Разиѣшались въ камерахъ по сколько хотѣли и кто съ кѣмъ хотѣлъ; были, впрочемъ, и очень маленькія камеры, и любители уединенія поселялись въ нихъ безъ товарищей. Такъ, помню, въ крайней камерѣ верхняго этажа жилъ я; наоборотъ, очень много народу поселилось въ большой комнатѣ, что была первою на лѣво отъ входа въ нижнемъ этажѣ.

Весь день и всю ночь камеры стояли у насъ незапертыми. Публика собиралась группами въ той и другой камерѣ, или же образовывала кучки въ столовой.

Время прогулки было довольно продолжительно (не помню, сколько именно, но во всякомъ случаѣ нѣсколько часовъ). На это время отпиралась дверь, ведущая во дворъ, и туда выходили, кто хотѣлъ, точно также какъ и возвращались въ помѣщеніе, кто когда хотѣлъ. Такимъ образомъ, на время прогулки къ внутреннему помѣщенію въ наше распоряженіе «прирѣзывалась», такъ сказать, и часть тюремнаго двора. Но тутъ не было никакой растительности и вообще никакого «благоустройства»: просто кусокъ двора, ограниченный каменною оградой—съ одной стороны и глухою стѣною тюремнаго зданія—съ другой. И потому, въ особенности къ веснѣ, прогулкою всѣ мы не особенно-то дорожили.

Когда мы, централисты, прибыли въ Мценскъ¹⁾, то тамъ находилось 4 человѣка заключенныхъ: Ив. Дебагоріо-Мокріевичъ (братъ знаменитости), Левченко (братъ каторжанина), Казанскій и Прибысовъ. Послѣ насъ одновременно появились: зеленая молодежь по процессу харьковскаго профессора Сыцяно—его сынъ,—Александръ, Филипповъ и Легкій, кіевлянинъ Малавскій, харьковецъ Буцинскій, воронежецъ Тулисовъ.

Весною, вообще, стояла у насъ въ тюрьмѣ толчея невообразимая. Безконечныя свиданія, хоровое пѣніе, плясъ, общіе съ приходшими на свиданіе обѣды и чаи (и выпивки), хлопоты со снаряженіемъ въ далекій путь, подчасъ болѣе или менѣе бурныя собранія по хозяйственнымъ дѣламъ или шумныя дебаты по теоретическимъ вопросамъ,—все это вело нашу жизнь въ страшно повышенномъ тонѣ и сильно ускореннымъ темпомъ.

Но, кромѣ жизни на глазахъ у всѣхъ, у каждого изъ насъ была еще своя интимная жизнь.

Неизгладимое впечатлѣніе оставили во мнѣ первое свиданіе съ матерью, а затѣмъ—разставаніе съ нею.

Я успѣлъ уже обмѣняться съ нею письмами, она уже знала, что я—не въ ужасной централкѣ, что жизнь въ Мценской тюрьмѣ—привольная. Но, тѣмъ не менѣе, когда я вошелъ въ контору, гдѣ она въ первый разъ меня ждала, то она кинулась мнѣ на шею и, изнемогая отъ рыданія-вопля и отъ душевной муки, повисла въ полномъ безсиліи... Это была потрясающая сцена!

А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы съ нею прощались. Она была болѣе спокойна, хотя и плакала слегка. Очевидно, то, что она видѣла въ Мценскѣ, заставило ее смягчить свое представленіе объ

¹⁾ Середина октября 1880 г.

ожидающей меня участи. Я также был наружно спокоен. Но что делалось у меня и у нея в тайниках души,—объ этомъ я не сумѣлъ бы рассказать. Во всякомъ случаѣ, я прошался съ ней навсегда,—а она у меня—единственный полный самопожертвованія безкорыстный другъ, котораго я когда-либо зналъ¹⁾.

И между этими двумя моментами въ тѣхъ-же тайникахъ души не переставалъ шевелиться червячекъ: оторванъ отъ жизни,—лишенный правъ каторжникъ,—матеріальныя и всякія другія невзгоды—твой удѣлъ до конца жизни...

Конечно, у каждого изъ насъ было если не то же самое, то что-нибудь въ томъ же родѣ. И не рѣдкость было видѣть, что тотъ или другой изъ товарищей начинаетъ грустить, уходитъ въ себя, избѣгаетъ общества.

Было и нѣсколько любовныхъ драмъ...

Мы, централисты, пріѣхали въ Мценскъ буквально еле живыми. Нервная система—ниже всякой критики, питаніе—отвратительное.

И мы первымъ долгомъ принялись за «поправку».

Очень быстро у насъ появились собственныя деньги, которыя, конечно, здѣсь ужъ намъ никто не препятствовалъ расходовать. Но и казенныя кормовыя были очень высоки,—что-то около 40 коп. въ сутки на человѣка. Мало того: скоро было сдѣлано представленіе о необходимости для насъ лучшаго питанія въ виду истощенности нашего организма,—и намъ увеличили кормовыя что-то до 70 коп.²⁾.

Въ началѣ мы накинулись на сырое мясо. Помню, я съѣдалъ его чуть не 2 ф. въ день. Мясо конечно, было рубленое и съ приправою; но всетаки долго сырьемъ мы не въ состояніи были набивать себѣ ротъ.

Да въ этомъ не было и надобности. Столъ у насъ былъ обильный, разнообразный, вкусный.

Утромъ къ чаю мы получали «пеклевашки»,—хлѣбецъ копѣекъ въ 5 цѣною, полубѣлый. Обѣдъ у насъ состоялъ изъ 2 блюдъ. Затѣмъ, безконечное число чаевъ и—ужинъ. Къ этому надо прибавить, что докторъ прописалъ намъ какую-то водочную настойку, а мы, съ своей стороны, нерѣдко покупали себѣ (каждый разъ—съ разрѣшенія смотрителя) пиво, вино и водку. Однимъ словомъ, недѣли черезъ 2 насъ, заморышей—централистовъ, нельзя было и узнать. Помню, когда къ намъ должно было явиться какое то начальство, то мы въ шутку говорили, что нѣкоторыхъ изъ товарищей мы спрячемъ (Здановича, наприм.),—до такой степени они раз-

¹⁾ Къ моему счастью, предположеніе мое не оправдалось: по возвращеніи изъ Сибиря въ 1897 г. я засталъ свою мать еще бодрою старушкою, и даже довольно долго прожилъ съ нею подъ одною кровлею, что доставило мнѣ невыразимое наслажденіе. Теперь она уже совсѣмъ дряхла и почти слѣпа.

²⁾ Здѣсь надо напомнить читателю, что дѣло происходило во времена «диктатуры сердца» и что изъ централики мы были вывезены, по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе вреднаго вліянія, оказываемаго заключеніемъ въ этой тюрьмѣ на состояніе нашего организма.

добрѣ. и—иначе намъ, молъ, никакихъ новыхъ льготъ отъ начальства не добиться. Правда, нѣкоторыхъ изъ насъ, между прочимъ и Здановича, очень скоро и сильно разнесло; но это, конечно, было не важно. За то мы не могли не порадоваться, глядя, какъ приобрѣтаютъ образъ человѣческій тѣ, кого мы готовились въ централкѣ хоронить. Это, между прочимъ, относится къ Джабадари и Сирякову: черезъ мѣсяцъ ихъ здоровье, можно сказать, совершенно возстановилось, тогда какъ въ централкѣ мы со дня на день ждали, что они свалятся въ постель, чтобы уже не встать съ нея.

Къ сказанному едва ли нужно добавлять, что многочисленная колонія родственниковъ, прожившая во все время пребыванія нашего въ Мценскѣ, не оставляла насъ своими приношеніями, и во всевозможныхъ печеніяхъ, соленіяхъ и вареньяхъ у насъ никогда не было недостатка. Въ частности, Рождество 1880 г. и масленную и Пасху 1881 г. мы праздновали на славу.

Конечно, не одинъ столъ способствовалъ тому, что мы быстро поправлялись и что, между прочимъ, за 7—8 мѣсяцевъ нашего пребыванія въ Мценскѣ, среди насъ не было ни одного случая серьезнаго заболѣванія: здѣсь немалую роль играли и условія нематеріальнаго характера, въ которыхъ мы были тамъ поставлены.

Но я долженъ тутъ упомянуть, что намъ пришлось въ Мценскѣ-же ликвидировать печальное наслѣдіе централки.

Съ нами было два умалишенныхъ—Александровъ и Боголюбовъ. Переписка о нихъ шла что-то довольно долго, и, прежде чѣмъ ихъ увезли, намъ пришлось пережить немало тягостныхъ минутъ.

Несчастнаго Александрова нельзя было выпускать изъ камеры. Пунктомъ его помѣшательства было то, что онъ давно уже освобожденъ, но по какому-то недоразумѣнію его не выпускаютъ изъ тюрьмы. Поэтому, онъ вѣчно стоялъ въ камерѣ одѣтый, съ шапкою на головѣ и у самой двери, и какъ только дверь отворялась, онъ стремительно кидался вонъ. Тоже было и въ пути въ Мценскъ, въ вагонахъ, а въ Мценскѣ, когда насъ вывели на платформу, то Александровъ ни за что не хотѣлъ ѣхать съ нами. Жандармскій офицеръ обратился къ намъ за разрѣшеніемъ взять его насильно, и мы скрѣпя сердце, должны были такое разрѣшеніе дать. Жандармы, не причиняя ему боли, насильно усадили его въ экипажъ.

Непріятно было, конечно, расхаживать по тюрьмѣ и пользоваться вообще относительно свободою, когда тутъ же подъ бокомъ одинъ изъ товарищей сидитъ вѣчно подъ замкомъ. Но едва ли не болѣе тягостное впечатлѣніе производилъ разгуливавшій среди насъ, въ видѣ мрачной тѣни, Боголюбовъ. Онъ велъ себя тихо; но разговаривать съ нимъ не было возможности, да и видъ его нависшихъ бровей и полныхъ мрачнаго безумія глазъ заставлялъ всѣхъ испытывать внутреннюю дрожь при каждомъ его приближеніи. Наконецъ, онъ устроилъ намъ ужасную сцену. Онъ созвалъ всѣхъ на «форму», т. е. въ столовую, и тутъ разразился цѣлымъ потокомъ обвиненій противъ отдѣльныхъ товарищей—обвиненій, явившихся плодомъ его безумія. Такъ, помню, Здановича онъ обвинялъ въ томъ, что тотъ одѣвался въ централкѣ въ жандармскій мундиръ и поспѣ-

шалъ камеры товарищей, меня—что я снималъ и вѣшалъ на стѣнку кандалы и ходилъ, въ компаніи съ надзирателями, съ повѣркой,— и т. п. Многіе изъ насъ выбѣжали изъ столовой, не будучи въ состояніи выдержать этой сцены; но Боголюбовъ такъ настойчиво требовалъ отчета отъ обвиняемыхъ, такъ убѣжденно доказывалъ справедливость своихъ обвиненій, что удивительныя «пренія» грозили затянуться до безконечности. Тутъ не сдержалъ себя Сажинъ и сталъ рѣзко обрывать Боголюбова, тогда Боголюбовъ отчаянно-грубо выругался и въ безумномъ гнѣвѣ, оглядываясь по сторонамъ, сдѣлалъ жестъ, какъ бы желая схватить что-нибудь и запустить въ Сажина... Къ счастью, дѣло какъ-то обошлось.

Скоро послѣ этого инцидента нашихъ несчастныхъ товарищей увезли. Былъ слухъ, что Боголюбовъ долго мучился въ Казани,—а затѣмъ и умеръ.

Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ упомянуть, что одно время въ тѣсномъ кружкѣ существовало предположеніе, что Боголюбовъ симулируетъ сумасшествіе. Какъ кажется, поводомъ къ возникновенію такого предположенія послужили какія-то сказанныя когда-то самимъ больнымъ слова или фразы. Но для громаднаго большинства уже тогда предположеніе это казалось неосновательнымъ: взглядъ Боголюбова былъ взглядъ безумнаго. Конечно, нечего и говорить, что если бы тогдашнее поведеніе Боголюбова было симуляціей, то онъ давно бы пересталъ уже играть роль сумасшедшаго и былъ бы давно на свободѣ. На самомъ-же дѣлѣ извѣстно, что онъ долго пробылъ въ Казани.

Съ увозомъ отъ насъ Александрова и Боголюбова и до самаго отъѣзда изъ Мценска среди насъ, повторяю, не было ни одного серьезнаго случая заболѣванія; какъ я сказалъ, этому способствовали и условія не матеріальнаго характера нашей жизни въ Мценскѣ.

Смотрителемъ тюрьмы состоялъ *Михаилъ Марковичъ Побывевскій*. Передъ тѣмъ онъ былъ помощникомъ начальника Предварилки. Не знаю, какую память оставилъ онъ по себѣ тамъ; но несомнѣнно, что по характеру своему, это былъ человѣкъ мягкій, добрый и сговорчивый. Допускаю, впрочемъ, что, если того потребовали бы обстоятельства, онъ могъ заставить себя быть и инымъ. Въ Мценскѣ же, по всѣмъ видимостямъ, ему было предписано ладить съ заключенными, и онъ, человѣкъ, при всемъ прочемъ, не безъ лѣнцы, радъ былъ не только не раздражать насъ чѣмъ бы то ни было, но и оказывать намъ снисхожденіе, и даже дѣлать поблажки.

Наблюденіе за тюрьмою имѣлъ еще и исправникъ. Онъ къ намъ частенько заходилъ. Но я не помню ни одного случая, когда исправникъ вмѣшался бы во внутренній распорядокъ тюремной жизни. Да и онъ былъ человѣкомъ безобиднымъ, по крайней мѣрѣ, ему было предписано быть таковымъ.

Караульные офицеры никогда къ намъ не заглядывали, и вообще мы съ ними никакихъ отношеній не имѣли.

«Помощникомъ» Побывевского былъ старшій надзиратель. Это человѣкъ имѣвшій медаль за 25-лѣтнюю безпорочную службу въ по-

лиціи, хотя сравнительно еще не старый. Возможно, что онъ былъ приставленъ къ Побывлевскому «на всякій случай». Правда, онъ былъ также мягокъ и безукоризненно вѣжливъ съ нами, и главною заботою его, какъ кажется, было—«аккуратно» вести денежные счета съ нашею артелью,—«аккуратно» въ томъ смыслѣ, чтобы какъ можно больше «заработать» на нашихъ закупкахъ, которыя велись черезъ него. Но это былъ типъ служаки, именно *полицейскаго* служаки. При малѣйшемъ намекѣ со стороны начальства онъ прибѣгъ бы по отношенію къ намъ и къ кулачной расправѣ, какъ къ дѣлу привычному, естественному, разумному. По крайней мѣрѣ онъ производилъ именно такое впечатлѣніе.

Немногочисленный штатъ надзирателей (что-то человѣка 4 или 6) состоялъ сплошь изъ безличностей.

Правильному регулированію взаимныхъ отношеній между администраціею тюрьмы и заключенными много содѣйствовало то обстоятельство, что кромѣ артельного старосты, вѣдавшего хозяйственныя дѣла (таковымъ все время состоялъ П. И. Войнаральскій), у насъ было еще одно должностное лицо,—«ходокъ», на обязанности котораго лежало входить съ администраціею въ объясненія, обращаться съ просьбами, выяснять вопросы, и пр. Сначала «ходокомъ» былъ избранъ Дмоховскій. Но очень скоро случилось такъ, что часть публики осталась недовольна какимъ-то его дѣйствіемъ. Дмоховскій заявилъ, что онъ отказывается отъ должности, и сколько его ни убѣждали, что въ его дѣйствіяхъ никто не видитъ чего-либо предосудительнаго, или даже просто неловкаго, но онъ стоялъ на своемъ. Были произведены новые выборы, и избраннымъ оказался я—большинствомъ одного или двухъ голосовъ. Я въ шутку говорилъ, что избранъ скандальнымъ «большинствомъ», и подумывалъ также отказаться (я былъ моложе всѣхъ централистовъ). Но меня убѣждали, чтобы я не смущался. Я рѣшилъ принять избраніе и оставался «ходокомъ» до нашего отъѣзда изъ Мценска.

Обыкновенно я въ теченіе дня заносилъ въ записную книжку всѣ обстоятельства, о которыхъ необходимо переговорить съ Побывлевскимъ, и на другой день утромъ «докладывалъ» ему, заглядывая въ книжку, и тутъ-же дѣлалъ отмѣтки о его «резолюціяхъ», которыя затѣмъ передавалъ общинѣ или отдѣльнымъ лицамъ. На моей-же обязанности было напомнить объ окончаніи прогулки и свиданій.

Въ заключеніе достаточно будетъ сказать, что за 7—8 мѣсяцевъ, нашей жизни подъ режимомъ Мценской тюрьмы, у насъ не было ни одного столкновенія съ начальствомъ, сколько-нибудь серьезнаго. Припоминаю случай, когда тюрьма дѣйствительно заволновалась, но случай этотъ я припоминаю только благодаря тому, что мнѣ врѣзалась въ память маленькая фигурка великаго Долгушина, кричавшаго, съ размахиваніями рукъ, по корридорамъ: «на форумъ! на форумъ!»—призывъ къ собранію сходки, самаго же инцидента, его сущности, причинъ, его вызвавшихъ, а также его исхода, я рѣшительно не могу теперь возстановить въ памяти. Полагаю, это лучшее доказательство тому, что серьезнаго здѣсь ничего не было.

Да еще подъ конецъ нашего пребыванія въ тюрьмѣ Побывлевскій

сталь съ большею осмотрительностью давать разрѣшеніе на покупку спиртныхъ напитковъ. Насколько помню, вызвано было такое отношеніе Побывлевскаго къ дѣлу не злоупотребленіемъ съ нашей стороны его «любезностью»: просто между нимъ и нами пробѣжала черная кошка. Припоминаю такую подробность: я былъ почти увѣренъ въ отказъ, но какъ «ходокъ» согласился наудачу послать старшаго надзирателя къ Побывлевскому за разрѣшеніемъ намъ купить пива, но старшій пришелъ съ отвѣтомъ, что Побывлевскій «только улыбнулся».

Но это, повторяю, произошло что-то къ самому концу нашего сидѣнія въ Мценскѣ. Раньше случалось, мы по многу выписывали и по многу выпивали. Помню, напр. классическую выпивку вечеромъ 1 марта 1881 г.; помню взрывъ всеобщаго веселья отъ выпивки въ день соглашенія группы Мышкина съ нашей группой (Коваликъ, Рогачевъ и др.¹⁾). А разрѣшеніе почти безконтрольно покупать горячительные напитки, пожалуй, можно назвать поблажкою намъ со стороны администраціи.

Гораздо болѣе важнымъ «снисхожденіемъ», и при томъ имѣвшимъ для насъ несравненно болѣе существенное значеніе, была безконтрольная переписка. Я едва ли поврежу этимъ сообщеніемъ Побывлевскому: онъ теперь или въ отставкѣ, или въ такихъ чинахъ, что разоблаченія ему не повредятъ. Дѣло въ томъ, что онъ охотно пересылалъ на почту наши письма, подаваемые ему въ запечатанныхъ конвертахъ, точно также какъ и передавалъ намъ нескрытыми получаемыя на наше имя письма. Обыкновенно, по соглашенію съ нимъ, посылалось нѣсколько писемъ черезъ канцелярію губернатора,—для отвода глазъ: чтобъ устранить опасность, что отсутствіе писемъ отъ насъ возбудитъ въ губернской администраціи подозрѣніе. Большая же часть писемъ шла частнымъ образомъ. Ни тогда, ни теперь у меня не возникали и не возникаютъ подозрѣнія, что Побывлевскій хитрилъ: письма доходили аккуратно и отвѣты на нихъ тоже получались аккуратно.

Само собою разумѣется, что книги, журналы и газеты мы получали безконтрольно. У насъ одно время даже велось реферированіе газетныхъ извѣстій. Обзоръ внутренней жизни Россіи дѣлалъ Мышкинъ, обзоръ жизни другихъ государствъ Коваликъ. Многіе довольствовались тѣмъ, что слышали на рефератахъ, и въ газеты уже не заглядывали.

Нескончаемые разговоры шли съ вновь прибывающими. Тутъ мы впервые познакомились основательно съ господствовавшими за время нашего сидѣнія въ централкѣ и съ нарождавшимися тогда теченіями революціонной мысли. Но немало поучительнаго могли рассказать другъ другу и централисты разныхъ эпохъ и разныхъ частей Россіи. Такъ, Рогачевъ одно время дѣлалъ въ тѣсномъ кружкѣ систематическое изложеніе своихъ наблюденій надъ психикою и настроеніемъ народа.

Изъ частныхъ, случайныхъ и групповыхъ бесѣдъ вопросы вы-

¹⁾ Объ этомъ я подробнѣе говорю ниже.

носились и на «форумъ». Одно время велись дебаты объ «анархизмъ» и «государственности». Съ особенною горячностью идею анархіи защищалъ В. П. Сажинъ. Изъ «государственниковъ», можетъ быть, наиболѣе чистымъ представителемъ былъ я, какъ недавній яacobинецъ. Какъ мнѣ передавалъ впослѣдствіи Рогачевъ, я недостаточно сильно защищалъ свои положенія, и большинство, какъ кажется, было на сторонѣ Сажина.

Изъ вопросовъ хозяйственнаго значенія выдвигался вопросъ о библіотекѣ. Было рѣшено обратить нашъ книжный инвентарь въ общественную собственность, затѣмъ каждому предоставлялось право составить списокъ книгъ, которыя онъ желалъ бы получить. Высказано было предложеніе, не рѣшать ли вопросъ, въ случаѣ предъявленія нѣсколькими лицами требованія одной и той-же книги, по жребію. Но противъ этого возсталъ,—и конечно, совершенно основательно,—Сажинъ, и для разсмотрѣнія этихъ случаевъ была избрана особая коммисія, въ которую вошелъ и Сажинъ. Дѣло это было закончено вполне успѣшно, и распредѣленіемъ книгъ всѣ, какъ кажется, остались совершенно довольны.

Произошелъ въ общинѣ, впрочемъ, крупный инцидентъ,—къ счастью, единственный. Дѣло шло о томъ, допустить ли въ тюрьму нелегальную литературу, или не допустить. Этотъ вопросъ раскололъ общину на два прямо-таки враждебныхъ лагеря. И въ одномъ, и въ другомъ были весьма солидные люди,—была и молодежь. Нашлись черезчуръ экспансивныя натуры тамъ и здѣсь—возгорѣлась полемика, пошли бурныя сходы, взаимное раздраженіе достигло высшей степени, и дѣло дошло до оскорбленій. Завершилось все тѣмъ, что одинъ изъ сторонниковъ немедленнаго и безконтрольнаго допущенія въ тюрьму нелегалщины, Филипповъ выразился по адресу противниковъ: «это съ вашей стороны *косвенный доносъ!*» Сходка была сорвана, и неосторожное выраженіе вызвало со стороны оскорбленныхъ негодованіе: они вышли изъ комнаты, гдѣ происходило собраніе. Но, конечно, насталъ моментъ, когда страсти улеглись, и «враждующія» стороны въ концѣ концовъ примирились.

Впрочемъ, въ самомъ актѣ «примиренія» и въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его и слѣдовавшихъ за нимъ, было очень много характернаго, и я не могу не посвятить этому нѣсколькихъ строкъ.

Довольно долго «стороны» дулись другъ на друга, и вообще между ними были натянутыя отношенія. Впрочемъ, до открытаго разрыва дѣло не дошло,—не было «прекращенія отношеній», «неговореній», и т. п. И вотъ однажды, въ разгаръ этой натянутости, какъ-то за послѣбобѣденнымъ чаемъ, Коваликъ, покуривая свою трубку, сталъ говорить... Сначала онъ обращался къ ближайшимъ сосѣдямъ; но скоро въ столовой стали прислушиваться, и онъ продолжалъ говорить, уже обращаясь ко всѣмъ. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Тутъ стали ему кричать (чуть-ли не я съ Рогачевымъ первые):

— Сережа, встань! Говори стоя!

Коваликъ всталъ и—полилась его плавная, образная рѣчь... Много ораторовъ приходилось мнѣ слышать съ тѣхъ поръ, въ особенности въ послѣднее время. Но отчего тогдашняя рѣчь Ковалика

такъ неизгладимо запечатлѣлась въ моей памяти? Вѣдь онъ—не то, что современный партійный «ораторъ»: въ ораторскомъ «искусствѣ» ему не угнаться бы не только за «непобѣдимыми» нашего времени, но даже за молодымъ человѣкомъ, командруемымъ изъ «бюро ораторовъ» на какое нибудь собраніе приказчиковъ, каталей и т. п. Между тѣмъ, впечатлѣніе отъ рѣчи Ковалика было прямо таки неотразимо. Когда онъ кончилъ, всѣ поняли, что и всему недоразумѣнію конецъ,—всѣ поняли, что это было только недоразумѣніе, что всѣ мы—вскормлены однимъ молокомъ и однимъ и тѣмъ же воздухомъ только и можемъ дышать...

Это не было примиреніе: это было возвращеніе къ сознанію, что мириться не въ чемъ. Сообразно съ этимъ, изголодавшіяся по общенію души распахнулись во всю. Устроена была знатная пирушка, въ программу которой включили, между прочимъ, и такой номеръ: каждый обязательно долженъ былъ пропѣть что-нибудь, хотя бы не обладалъ ни голосомъ, ни слухомъ, и протанцовать. И, какъ теперь, помню фигуру неуклюжаго Мышкина, отплясывавшаго какой-то невозможный танецъ, съ игривостью шестилѣтняго мальчишки, какъ теперь слышу скрипучій голосъ Дмоховскаго, тцившагося съ развязностью парижскаго уличнаго пѣвца исполнить французскую веселую пѣсенку. Конечно, ни до того, ни послѣ я никогда не видѣлъ Мышкина пляшущимъ, никогда не слышалъ Дмоховскаго поющимъ.

Въ тотъ же вечеръ, имѣвшаяся въ тюрьмѣ нелегальная литература была передана и тѣмъ, кто раньше протестовалъ противъ безконтрольнаго обращенія ея среди заключенныхъ, и этимъ «миръ» былъ укрѣпленъ гораздо болѣе, нежели пирушкой.

Для очень многихъ изъ насъ жизнь въ Мценской тюрьмѣ была первымъ шагомъ вступленія въ широкій товарищескій кругъ. Естественно, поэтому, что здѣсь зарождались и вырабатывались симпатіи на всю жизнь. По крайней мѣрѣ, я могу сказать о себѣ, что Мценскъ сыгралъ для меня именно такую роль. Съ Рогачевымъ у меня, за время жизни въ Мценскѣ, возникли самыя теплыя, интимныя, братскія и товарищескія, отношенія, а традиціи, которыя тогда царили въ кружкѣ Войнарьевскій, - Коваликъ, - Долгушинъ, - Рогачовъ, - Дмоховскій, остались для меня руководящими на всю жизнь. Увы! Слѣпой случай, сведшій Рогачева на Карѣ въ могилу, лишилъ меня очень скоро друга—брата, котораго не всякій встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути, да и изъ кружка остался въ живыхъ лишь одинъ Коваликъ, котораго я при томъ потерялъ изъ виду.

Чувства, которыя связывали меня и Рогачева какъ бы въ одно недѣлимое, очень скоро замѣчены были товарищами и подчасъ служили темой безобидныхъ подтруниваній, а кружокъ, о которомъ я только что упомянулъ и къ которому примкнулъ и я, былъ цементированъ опять таки чувствомъ теплой привязанности. Это чувство неизгладимыми чертами запечатлѣно въ моей душѣ, и оно встаетъ во мнѣ всякій разъ, какъ я пожелаю его вызвать въ себѣ,—даже теперь, когда послѣ описываемаго времени прошло ровно 25 лѣтъ.

Помню, подъ конецъ нашего пребыванія въ Мценскѣ у меня начали разстраиваться нервы. Я въ это время занимался съ сыномъ Долгушина. И вотъ какъ то разъ я сказалъ Долгушину, что долженъ прекратить занятія съ Шурой, такъ какъ чувствую, что нервы разгулялись.

— Понимаешь, не могу,—ну, не могу...

Очевидно, у меня было страдальческое лицо, и страданіе слышалось въ моемъ голосѣ.

И Долгушинъ взялъ меня за голову и нѣжно поцѣловаль...

— Ну, такъ о чемъ же и говорить?—промолвилъ онъ.—Успокойся, мой дорогой!

И мнѣ стало легче. Да и могло ли быть иначе при такомъ тепломъ, во-истину родственномъ отношеніи!

А вотъ еще.

Когда мы, при отѣздѣ изъ Мценска, прощались съ родственниками и знакомыми, то Войнаральскій и Долгушинъ, расцѣловавшись съ моей матерью, съ ласкою въ голосѣ успокаивали ее и давали тысячи обѣщаній, что они будутъ заботиться обо мнѣ, какъ о сынѣ, что они будутъ оберегать меня и мое здоровье. И старуха была покойна.

Нужно ли говорить, что они сдержали свое слово и что много теплыхъ заботъ я видѣлъ отъ этихъ чудныхъ людей и въ пути, и на Карѣ, а отъ Войнаральскаго—въ Якутскѣ?

И такъ, много чувства было въ отношеніяхъ между членами нашего тѣснаго кружка. Но это ни для кого изъ насъ не исключало хорошихъ, даже прекрасныхъ отношеній къ товарищамъ, стоявшимъ внѣ этого кружка. Вообще, процентъ выдающихся или, по крайней мѣрѣ, выдававшихся тогда личностей былъ въ тѣ времена гораздо выше, чѣмъ нынче. Что ни человѣкъ, то яркая индивидуальность, то сила характера, то оригинальность мышленія, то громада ума. Я не говорю о такой личности, какъ Мышкинъ. Это—прямо-таки чудесное явленіе. Его всякій замѣчалъ издалика, благодаря особому отпечатку индивидуальности, благодаря сектантскому исканію истины, благодаря оригинальности каждаго его сужденія и замѣчанія. А за Мышкинымъ выступали фигуры Іонова, Сажина, Здановича, Сирякова... Достаточно было вамъ поговорить съ любымъ изъ нихъ полчаса,—и за вами оставался рядъ разрѣшенныхъ вопросовъ, и передъ вами вставалъ рядъ вопросовъ, настоятельно требующихъ разрѣшенія...

Вотъ почему, несмотря на то, что мы въ Мценскѣ же разбились на кружки сообразно влеченіямъ сердца и особенностямъ характера, въ общемъ мы были одинаково дороги, одинаково важны другъ для друга.

Да! Это было начало серьезной школы...

Съ другой стороны, не влеченія сердца легли и въ основаніе организациі официальнаго «кружка», зародившагося въ Мценскѣ. Ближайшею задачею кружка была—взаимопомощь на случай побѣга изъ Сибири ¹⁾. Сердце тутъ оставалось въ сторонѣ, и въ «кружокъ» во-

¹⁾ У кружка была и „программа“. Но я ее не помню. Да и немудрено: ей никто въ сущности не придавалъ значенія, такъ какъ передъ каждымъ изъ насъ были годы тюрьмы и ссылки, въ продолженіи которыхъ программы могли измѣниться не разъ, а 10 разъ.

шло много лицъ, не бывшихъ въ близкихъ, интимныхъ отношеніяхъ къ ядру, и въ немъ не оказалось лицъ, которыя во многихъ отношеніяхъ стояли выше ихъ. Такъ, не вошли въ «кружокъ» Мышкинъ, Іоновъ. Когда я теперь бросаю ретроспективный взглядъ, то готовъ признать, что здѣсь были допущены нѣкоторыя ошибки; но критеріемъ для организаторовъ кружка служило представленіе о большей или меньшей способности того или другого лица къ кружковой дисциплинѣ. Съ этой-то именно точки зрѣнія Мышкинъ, человѣкъ вѣчно чего-то ищущій, вѣчно копающійся внутри у себя и ни въ чемъ не находящій успокоенія своей мятущейся душѣ,—съ этой точки зрѣнія, очевидно, Мышкинъ и оказался забракованнымъ для «кружка».

Я могу покончить съ этимъ «кружкомъ» теперь-же.

Даже послѣ Мценска кружокъ продолжалъ кооптировать членовъ. Такъ, дорогою членомъ кружка былъ принятъ извѣстный въ свое время Аптекманъ. Но, съ другой стороны, естественно, что, по мѣрѣ того какъ члены кружка разсѣивались по различнымъ частямъ Сибири, связь между ними терялась. Для громаднаго большинства членовъ ссылка затянулась на многіе годы, и объ общемъ практическомъ дѣлѣ не могло быть и рѣчи. Единственнымъ воспоминаніемъ впослѣдствіи для нѣкоторыхъ ¹⁾ членовъ кружка была небольшая сумма денегъ, полученная при выходѣ на поселеніе, специально на устройство побѣга изъ Сибири. Но, насколько мнѣ извѣстно, никто не бѣжалъ. Въ частности о себѣ скажу, что полученные мною деньги (что-то около 200 руб.) мною были впослѣдствіи переданы для побѣга же С. Ф. Михалевичу, о чемъ я его просилъ освѣдомить кое-кого изъ видныхъ представителей ссылки въ Якутской области. Онъ это исполнилъ, такъ какъ нѣкоторые товарищи говорили мнѣ, что Михалевичъ имъ сообщалъ о передачѣ мною ему денегъ ²⁾.

Вышедшіе изъ Централки въ ноябрѣ 1880 г., мы, централисты, къ 1 марта 1881 г. составляли все еще главный контингентъ заключенныхъ въ Мценской пересыльной тюрьмѣ. Въ ней мы застали только Ив. Дебагорію-Мокріевича и Левченко (братья своихъ однофамильцевъ-каторжанъ), Пришибысова и, кажется, никого больше. Изъ болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей предшествовавшаго времени къ 1 марта 1881 г., насколько помню, среди насъ никто не появлялся. Такимъ образомъ, о готовящемся новомъ покушеніи на цареубійство всѣ мы знали не болѣе того, что и заурядные обыватели того времени.

Въ числѣ льготъ, предшествовавшихъ переводу насъ изъ Централки черезъ Мценскъ на Кару, было разрѣшеніе получать календари. Попалъ къ намъ и «Русскій календарь» Суворина, въ которомъ, какъ извѣстно, имѣется перечисленіе выдающихся событій въ жизни Россіи за годъ, съ 1 іюля по 1 іюля. Изъ этого-то календаря мы знали

¹⁾ Можетъ быть и для всѣхъ,—я этого не знаю.

²⁾ Я считаю важнымъ отмѣтить этотъ фактъ, такъ какъ до меня тамъ же дошли слухи, что существуетъ противъ меня обвиненіе, будто я далъ деньгамъ „непалающее назначеніе“.

о проявленіяхъ революціонной жизни съ 1 іюля 1879 г. по 1 іюля 1880 г. (въ частности, я тутъ только впервые узналъ, что повѣшены Дробязгинъ и Малинка, которыхъ я хорошо зналъ по Одесской тюрьмѣ; о могущей стрястись надъ ними бѣдѣ я не могъ бы сдѣлать и весьма отдаленнаго предположенія). О покушеніи Соловьева и о его казни узнали мы изъ какого-то духовнаго журнала, которые намъ вообще разрѣшалось читать. Такимъ образомъ, о разцвѣтѣ терроризма вообще и, въ частности, о повторныхъ покушеніяхъ на цареубійство мы имѣли достаточно свѣдѣній. Не сомнѣвались, конечно, что покушенія эти будутъ повторяться и впредь. Но о томъ, что готовятся въ ближайшемъ будущемъ новыя покушенія, намъ, какъ я уже сказалъ, ничего не было извѣстно.

Помню 1 марта 1881 г., подъ вечеръ, я сидѣлъ въ какой-то камерѣ, во 2 этажѣ, со своимъ интимнымъ другомъ, Митькой Рогачевымъ, и мы вели, какъ обыкновенно, самую непринужденную бесѣду о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Отворяется дверь и входитъ Петруха Алексѣевъ. Онъ быстро направляется къ намъ и крѣпко пожимаетъ намъ руки.

— Поздравляю: царь убитъ!—дѣловымъ тономъ произноситъ онъ. Мы съ Рогачевымъ были поражены, какъ громомъ.

Свѣдѣнія, дошедшія къ тому моменту до тюрьмы, были, конечно, недостаточно опредѣленны. Разспрашивая Петруху о томъ, что онъ успѣлъ узнать, мы вдвоемъ кинулись въ нижній этажъ, гдѣ у насъ была столовая.¹⁾

На «форумѣ» (такъ звали мы нашу столовую) собрались скоро всѣ обитатели тюрьмы. Толкамъ и разговорамъ не было конца. Сто разъ передавались подробности, которыя удалось добыть; каждый по своему старался дорисовать неполную картину событія. Но въ общемъ царило необычайное оживленіе, и на лицахъ всѣхъ была написана радость: самый фактъ, что на этотъ разъ покушеніе увѣнчалось успѣхомъ, не вызывалъ никакихъ сомнѣній.

Не скрою, что въ концѣ концовъ рѣшено было справить по покойникъ тризну. Намъ смотритель (по всей вѣроятности, не безъ вѣдома высшаго начальства) разрѣшилъ выписывать крѣпкіе напитки. И мы на этотъ разъ воспользовались этимъ разрѣшеніемъ въ довольно широкихъ размѣрахъ... Надо знать, что свѣдѣніе о совершившемся фактѣ дошло до насъ не черезъ смотрителя; поэтому, разрѣшая намъ пирушку, смотритель и не подозрѣвалъ, что именно побудило насъ на этотъ разъ пировать.

Кромѣ старосты (П. И. Войнаральского), завѣдывавшаго нашимъ хозяйствомъ, у насъ бы еще и такъ называемый «ходокъ»—для сношеній съ начальствомъ по не хозяйственнымъ дѣламъ.

Въ таковой должности въ то время (и до нашего отъѣзда изъ Мценска) состоялъ пишущій эти строки. На обязанности «ходока» было передавать различныя просьбы и ходатайства, какъ всей тюрьмы, такъ и отдѣльныхъ заключенныхъ, смотрителю и резолюціи послѣд-

¹⁾ Въ Мценской тюрьмѣ все зданіе въ теченіи всего дня было въ нашемъ распоряженіи: камеры не запирались.

него сообщать тюремъ и отдѣльнымъ просителямъ. «Ходокомъ» посредникъ назывался потому, что ему вмѣнялось въ обязанность не только быть посредникомъ, но и защищать ходатайства передъ лицомъ смотрителя.

Когда я 2 марта кончилъ свой «докладъ» смотрителю (г. Побывлевскому), то онъ по секрету сообщилъ мнѣ, что Царь убитъ . . . Мнѣ пришлось изобразить на своемъ лицѣ изумленіе. Г. Побывлевскій просилъ меня сообщить о фактѣ и всѣмъ заключеннымъ. Весьма вѣроятно, конечно, что во время нашей ночной пирушки кто нибудь изъ прислуги ¹⁾ или стражниковъ подмѣтилъ, что пируемъ мы не просто, и это дошло до смотрителя. И, сообщая мнѣ о фактѣ съ просьбой передать это сообщеніе товарищамъ, г. Побывлевскій хотѣлъ, можетъ быть, соблюсти извѣстный декорумъ и обставить дѣло такъ, чтобы мы не имѣли права сказать, будто узнали о фактѣ не отъ него. Возможно, впрочемъ, что онъ не зналъ, что намъ фактъ уже извѣстенъ, и такъ какъ, въ сущности, скрывать его не было никакого основанія, то онъ и поспѣшилъ подѣлиться съ нами извѣстіемъ.

Во всякомъ случаѣ, помню, что разговоръ происходилъ въ присутствіи Мценскаго уѣзднаго исправника. Характерно при этомъ слѣдующее.

Г. Побывлевскій замѣтилъ, что надо ждать крупныхъ измѣненій въ нашей судьбѣ, и именно—въ хорошую сторону.

— Новый государь,—сказалъ онъ,—человѣкъ молодой. Онъ, конечно, понимаетъ духъ времени,—понимаетъ, что этому духу противодействовать больше нельзя.

Исправникъ стоялъ тутъ-же и спокойно все это слушалъ. Какъ теперь помню, въ этотъ моментъ его лицо, на которомъ обыкновенно не было написано особеннаго добродушія, сдѣлалось какимъ то особеннымъ. Казалось, будто «обыкновенное» его лицо было не обыкновенное,—что это—маска, которую онъ надѣваетъ на себя *ex officio*, а тотъ открытый и простой человѣческій взглядъ, которой онъ въ тѣ минуты переводилъ съ меня на г. Побывлевскаго и обратно, была его неподдѣльная личина *человѣка*. Рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти этотъ моментъ. И въ настоящую минуту, когда съ того времени прошло долгихъ 25 лѣтъ, я не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что три лица, ведшія описанный выше разговоръ,—«государственный преступникъ»—каторжанинъ, смотритель «политической» тюрьмы и «полицейскій», которому было ввѣрено правительствомъ Александра II высшее наблюденіе за этою тюрьмою,—что эти три лица въ тотъ моментъ были «ближними»,—людьми «безъ футляровъ»,—человѣческими личностями, которымъ одинаково доступны и одинаково дороги интересы отвлеченной человѣческой личности. . . .

Въ тюремной церкви должна была, конечно, состояться панихида по убитомъ императорѣ. А въ церкви обыкновенно пѣлъ нашъ хоръ. Пѣли мы и на панихидѣ. . . .

—Что это?—спросить читатель.

¹⁾ Прислуга у насъ была вольнонаемная.

Да, мы, заключенные Мценской политической тюрьмы пѣли въ церкви панихиду по убитомъ царѣ.

Скажу больше: я не могу припомнить даже, чтобы ктонибудь протестовалъ противъ этого.

Кто-то высказывался въ томъ смыслѣ, что молъ, почему-же и не пожелать «вѣчнаго покоя» Александру II?

Но возможно, что нами роководило здѣсь чувство, аналогичное тому, которое заставило Емельянова броситься на помощь умирающему царю съ тою бомбою подъ мышкой, которая предназначалась для этого же царя, если бы двѣ первыхъ бомбы не достигли цѣли.

Мнѣ кажется, именно, что фактъ свидѣтельствуется лишь о томъ, что конечною цѣлью цареубійства было не уничтоженіе личности царя, а созданіе извѣстнаго акта, значеніе котораго гораздо выше прекращенія жизни субъекта верховной власти.

Возможно и то, что передъ нами вставала глубоко-трагическая судьба Александра II,—этого мученика безвременья, которое и до сихъ поръ не пережито Россіей. Мы, конечно, не переоцѣнивали личныхъ качествъ покойнаго; но не могли мы отдѣлаться и отъ мысли, что, поскольку это зависѣло отъ личности носителя верховной власти, именно онъ санкціонировалъ освобожденіе крѣпостныхъ отъ рабства. А не слѣдуетъ забывать, что 25 лѣтъ тому назадъ реальнѣе представлялось каждому, даже молодому въ то время человѣку, что такое была крѣпостная зависимость. Напримѣръ, я въ дѣтствѣ видѣлъ въ своемъ домѣ нашихъ бывшихъ «дворовыхъ», я присутствовалъ неоднократно при спорахъ между моимъ отцомъ и бабушкой, которая не иначе какъ съ озлобленіемъ могла говорить объ актѣ 19 февраля, какъ о реформѣ, которая «раззорила» помѣщиковъ,—а 25 лѣтъ тому назадъ мнѣ было всего 23 года! И вотъ, съ одной стороны—личность, съ которой въ исторіи Россіи несомнѣнно будутъ на вѣки вѣковъ связаны событія рѣшительнаго характера и рѣшительной важности (каковы бы ни были другія обстоятельства ея жизни и дѣятельности), а съ другой—сознаніе, что совершенное 1 марта 1881 г. неизбѣжно должно было совершиться по законамъ той же исторіи,—вотъ обстоятельство, которое, какъ мнѣ кажется, несомнѣнно должно было заставить насъ, не разсуждая, безъ критики и анализа, взойти на церковный клиросъ и пропѣть Александру II «вѣчную память».

Теоретическіе разговоры, вызванные въ нашей средѣ актомъ 1 марта, теперь совершенно изгладились изъ моей памяти. Но хорошо помню, что не было среди насъ голосовъ, которые бы, по теоретическимъ-ли или по практическимъ соображеніямъ, отнеслись къ этому акту отрицательно. А между тѣмъ среди моихъ товарищей по заключенію въ то время находились такіе старые «пропагандисты», какъ Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій, Долгушинъ, Рогачевъ... Эволюція мысли, происходившая среди революціонеровъ на волѣ, одинаковымъ образомъ охватывала и тѣхъ, чей умъ продолжалъ работать въ четырехъ стѣнахъ «одиночки», внѣ вліянія идей, развивавшихся за тюремною оградой,—даже безъ скольконибудь основательнаго знакомства съ фактической стороной того, что за время заключенія совершилось въ русской жизни.

Я упомянулъ выше, что свиданія съ родственниками играли въ нашей жизни очень замѣтную роль.

На свиданіяхъ мы не только узнавали новости дня, но и знакомились съ фактами, явленіями и теченіями революціонной жизни за время нашего сидѣнія въ Централкѣ. Приѣзжіе были изъ различныхъ частей Россіи. Больше, впрочемъ, было южанъ. Но за то одни сообщенія Николая Рогачева (черезъ 2 года повѣшеннаго съ бар. Штромбергомъ за участіе въ военной организаціи партіи Народной Воли) о работѣ на Сѣверѣ были внушительны.

Родственники же помогли намъ на славу собраться въ дальнюю дорогу. Всѣ мелочи были предусмотрѣны. Изъ крупныхъ вещей припоминаю заказъ для всѣхъ изъ насъ поголовно по парѣ сапогъ и по мѣшку изъ брезента.

Свиданія наши носили на себѣ характеръ прямо-таки чего-то гомерическаго.

Прежде всего, укажу на то, что число одновременныхъ посѣтителей было громадно. Стоитъ отмѣтить, кто кого навѣщалъ.

У Дебагоріо-Мокріевича бывала жена и дочь, у Буцинскаго—его невѣста, П. И. Чернышева, у Малавскаго—мать, у Тулисова—жена и дочь, у Легкаго—жена, у Сыцянка—отецъ, 2 сестры и маленькій братъ, у Филиппова—сестра, у Дмоховскаго—мать, братъ съ женою, 2 сестры, изъ которыхъ одна съ мужемъ, и родственница съ мужемъ, у меня—мать, у Іонова—мать и отецъ, у Долгушина—жена и сынъ, у Мышкина—мать, у Ковалика—сестра, у Свити́ча—сестра, у Рогачева—братъ и 2 сестры, у Джабадари—отецъ, мать и братъ, у Здановича—кузина, у Сирякова—мать и братъ... Возможно, что я не припоминаю уже теперь всѣхъ посѣтителей. Но вѣдь я и безъ того насчиталъ около 40 человѣкъ.

И представьте себѣ, что вся эта компанія собирается въ верхнемъ этажѣ тюрьмы (главнымъ образомъ, въ конторѣ, конечно), и туда же являются не только тѣ, къ кому пришли на свиданіе, но и вообще всякій желающій. Представьте себѣ, далѣе, что свиданіе продолжается не часъ и не два, а часовъ съ 11 утра (если не раньше) до поздняго вечера, чуть ли не до повѣрки. Представьте себѣ, наконецъ, что тутъ же въ конторѣ вся публика,—т. е. какъ пришедшіе на свиданіе, такъ и тѣ, къ кому пришли, а, кромѣ того, и многіе изъ остальныхъ заключенныхъ,—и обѣдаютъ, и чай пьютъ, и—выпиваетъ. Вотъ если вы себѣ представите все это, то составите нѣкоторое понятіе о томъ, что творилось у насъ въ тюрьмѣ въ послѣднее передъ отправкою въ Сибирь время.

Дѣло не ограничивалось ѣдой и разговорами. Послѣ обѣда соби́рался въ конторѣ весь хоръ и начиналось веселье. Пѣли пѣсни, большею частью удалыя, а то такъ подъ пѣніе плясали и танцевали. На этотъ случай у насъ были разучены и плясовыя, и польки, и вальсы, и кадрили.

Среди насъ было два музыканта—піаниста: Дебагоріо-Мокріевичъ и Пришибисовъ. Первый вообще принималъ мало участія въ общинной жизни. Но Пришибисовъ увлекся хоровымъ пѣніемъ, и подъ его умѣлымъ управленіемъ нашъ хоръ изъ 15—16 свѣжихъ молодыхъ голо-

совъ приобрѣлъ относительную стройность. Впрочемъ, дѣло ограничивалось исполненіемъ народныхъ и quasi-народныхъ пѣсень, причемъ только немногія изъ нихъ были разучены по нотамъ, да участіемъ въ церковной службѣ, и ничего серьезнаго мы не разучивали. Особенною популярностью пользовались у насъ: разученная по нотамъ древняя разбойничья пѣсня: «Ты взойди, взойди, солнце красное» и славянской маршъ: «Мы дружно на враговъ», а изъ плясовыхъ—«Посѣю лебеду на берегу».

Признанными плясунами у насъ были Рогачевъ и младшая сестра Сыцянка. Первый всегда поддѣлывался подъ стать разудалаго добраго молодца, и Сыцянка, не достаточно тогда стройная и не всегда танцовавшая въ тактъ, робѣла передъ нимъ, хотя и «старалась». Но вотъ однажды съ Рогачевымъ, послѣ долгихъ упрасиваній, вышла плясать жена Тулисова, вышла—и сразу же всѣхъ очаровала: столько граціи, столько молодого задора, что нашъ знаменитый «добрый молодецъ» разинулъ ротъ и, вмѣсто того, чтобы вести за собой даму, лишь въ тактъ перебиралъ ногами. Но общій восторгъ вызвала въпослѣдствіи пляска Тулисовой съ братомъ Дмоховскаго, Михаиломъ. Если Тулисова плясала граціозно, съ огнемъ, то Дмоховскій оказался прямо артистомъ. Изъ своей пляски онъ дѣлалъ не просто танецъ, а плясовую сцену. Слава Рогачева и М. Сыцянка, такимъ образомъ, закатилась ¹⁾.

Отмѣчу, что Здановичъ лихо отплясывалъ свой національный танецъ—лезгинку.

Здѣсь я долженъ повторить, что среди плясокъ, пѣнія и веселья мы не могли забывать ужаснаго горя нашей жизни. И какимъ-то символомъ этого горя проносится теперь въ памяти послѣдняя кадрили въ Мценскѣ.

Это было наканунѣ отъѣзда. Нѣсколькихъ человѣкъ изъ насъ должны были заковать. И вотъ, какъ бы для того, чтобы подчеркнуть въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ остающихся здѣсь нашихъ родственниковъ и знакомыхъ наше общее горе, послѣднюю кадрили танцовали закованные въ кандалы.

— Кадрили кандалниковъ!—закричалъ кто-то.

Хоръ пропѣлъ ригурнель, Тулисовъ и остальные закованные подхватили дамъ и—началась «кадриль кандалниковъ».

Веселье, пѣніе, и плясъ,—но все же мы удручены страшнымъ горемъ нашей жизни, мы—носители идеи, изъ-за которой приходится переживать это горе!

Таковъ былъ смыслъ послѣдней нашей кадрили въ Мценскѣ,—«кадрилю кандалниковъ»,—такъ именно понимали ее и мы, и наши посѣтители. И многое изъ того, что таилось въ глубинѣ нашихъ душъ и о чемъ никто никогда не говорилъ, просилось въ этотъ моментъ наружу. Мы глядѣли другъ на друга, отъѣзжающіе на остающихся и остающіеся на отъѣзжающихъ,—но никто не промолвилъ и

¹⁾ Въпослѣдствіи Мих. Дмоховскій поступилъ на сцену и выступалъ даже на петербургскихъ подмосткахъ.

слова: каждая сторона была удовлетворена тѣмъ, что, послѣ «кадрилли кандалниковъ», сердце сердцу «вѣсть подало»...

А, кромѣ того, не у того, такъ у другого было и личное горе. Одинъ убѣждалъ съ предчувствіемъ тяжелой личной драмы въ будущемъ, другой оставлялъ эту драму позади себя, у третьяго драма уже развивалась и шла crescendo...

Объ одной изъ драмъ послѣдняго характера можно уже говорить, такъ какъ почти всѣ дѣйствующія лица сошли въ могилу.

Легкій женился, уже будучи осужденнымъ,—кажется, на дѣвушкѣ, которую зналъ весьма мало. Любилъ-ли онъ ее,—я не знаю; но когда эта дѣвушка появилась въ Мценскѣ, окруженная массою лицъ, то ея отношеніе къ мужу вызвало въ немъ если не ревность, то чувство сердечной обиды. Пошли сцены,—тяжелыя сцены для заинтересованныхъ лицъ и для окружающихъ. Дорогой Легкая, явно, отдавала предпочтеніе предъ мужемъ другому... Сцены продолжались. А изъ Иркутска Легкая, разорвавши окончательно съ мужемъ, возвратилась въ Россію.

Повторяю, я не знаю, любилъ-ли Легкій свою жену. Можетъ быть, здѣсь дѣйствовало уязвленное самолюбіе, горькая обида. Но, во всякомъ случаѣ, Легкій жестоко страдалъ,—и сердце ныло, глядя на этого молодого человѣка, почти мальчика. Наконецъ, это разрѣшилось ужасной трагедіей.

Легкій вздумалъ бѣжать изъ Иркутской тюрьмы. Рѣшительно никакой надобности въ этомъ не было: онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье, и бѣжать изъ тюрьмы это значило для него къ трудностямъ побѣга изъ мѣста поселенія прибавить ни на что ненужную трату силъ на выходъ за тюремную ограду. Очевидно, такимъ образомъ, что для Легкаго дѣло было не столько въ побѣгѣ, сколько въ томъ, чтобы дать исходъ накопившейся энергіи.

Онъ рѣшилъ оторвать тяжелую желѣзную ножку отъ кровати и подстеречь надзирателя, когда тотъ, по обыкновенію, поздно вечеромъ войдетъ въ камеру, чтобы погасить лампу. Разсчетъ Легкаго былъ таковъ: убить въ камерѣ надзирателя, положить его на свою кровать, самому переодѣться въ надзирательское платье и выйти изъ тюрьмы подъ видомъ надзирателя. Дрогнула-ли у Легкаго въ послѣднюю минуту рука, или же ударъ не былъ достаточно вѣрно рассчитанъ, но фактъ тотъ, что надзиратель, хотя и смертельно раненый, успѣлъ выскочить, обливаясь кровью изъ камеры и поднявъ крикъ. Прибѣжавшая стража застала Легкаго на корточкахъ въ углу камеры, и онъ, отдаваясь, просилъ только, чтобы его не били. Черезъ день или два надзиратель умеръ. Легкаго судили и приговорили къ смертной казни, и на самомъ дѣлѣ онъ былъ казненъ въ стѣнахъ Иркутской тюрьмы.

Что-то было, конечно, въ Легкомъ не уравновѣшенное отъ природы. Подчасъ, уже когда положеніе его выяснилось, въ его глазахъ горѣло безуміе. Но многіе-ли безупречно владѣли бы собой въ обстоятельствахъ, которыя мною описаны?—Иначе, какъ съ чувствомъ тягчайшаго сожалѣнія, я никогда не могу вспомнить о судьбѣ несчастнаго Легкаго...

Эту исторію я рассказываю здѣсь потому, что она всецѣло относится къ нашей жизни въ Мценскѣ.

Въ маѣ 1881 года насъ повезли изъ Мценска. Знали мы, что везутъ насъ въ Сибирь; но на каторгу ли мы попадемъ, или на поселеніе,—никому это не было извѣстно.

У всѣхъ насъ было общее горе, у каждого въ отдѣльности—свое личное. Но громадное большинство изъ насъ были люди совершенно молодые, а кто постарше, у того все-таки не было ни житейскаго опыта, ни знакомства съ жизнью. Долгушину было, напр., за 30 лѣтъ; но что значило это, если онъ лѣтъ съ 20-ти сидѣлъ въ тюрьмѣ?

И для громаднаго большинства изъ насъ продолжительное, опасное путешествіе въ Сибирь являлось не только «отправкою» на поселеніе или на каторгу, но и первыми шагами на пути обывательской жизни.

Лично я никакого страха передъ грядущимъ не испытывалъ. Какъ ни ужасающи были тогдашнія условія переѣзда въ Сибирь, какъ ни мало сулила радостей и красоть будущая жизнь на поселеніи, но все же я съ любопытствомъ и задоромъ заглядывалъ въ даль и хотѣлъ разсмотрѣть или, по крайней мѣрѣ, разгадать, что это за штука—жизнь, съ которой мнѣ впервые придется столкнуться лицомъ къ лицу. И даже та маленькая сердечная драма, въ тайникахъ моей души, съ которою я уѣзжалъ изъ Мценска, не мѣшала мнѣ съ задоромъ рваться впередъ: я зналъ, что тамъ меня ждетъ life as it is.

Н. Виташевскій.

Открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о невыдачѣ Л. Н. Гартмана. ¹⁾

Au Gouvernement français.

«Vous êtes un gouvernement loyal. Vous ne pouvez pas livrer cet homme. La loi est entre vous et lui. Et, audessus de la loi, il y a le droit. Le despotisme et le nihilisme sont les deux aspects monstrueux du même fait, qui est un fait politique. Les lois d'extradition s'arrêtent devant les faits politiques. Ces lois toutes les nations les observent, la France les observera.

Vous ne livrez pas cet homme!»

Victor Hugo.

27 février 1880

Переводъ.

Французскому Правительству.

Вы—правительство лойальное. Вы не можете выдать этого человѣка. Между вами и имъ—законъ, а надъ закономъ существуетъ право.

Деспотизмъ и нигилизмъ—это два чудовишные вида одного и того же дѣйствія, дѣйствія политическаго. Законы о выдачѣ останавливаются передъ политическими дѣянiями. Всѣми народами законъ этотъ блюдетъ. И Францiя его соблюдеть.

Вы не выдадите этого человѣка.

Викторъ-Гюго.

27 февраля 1880.

¹⁾ Русское правительство требовало выдачи Гартмана, обвиняя его въ участіи въ покушеніи на цареубійство, совершенномъ въ Москвѣ 19 ноября 1879 года. Французское правительство въ выдачѣ Гартмана отказало.

Ред.

Матеріали для біографіи Александра Серно-Соловьевича.

Читатели моей работы: «Дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ сношеніяхъ съ лондонскими пропагандистами» («Былое» 1906 г. сентябрь—декабрь), болѣе или менѣе знакомы съ Николаемъ Серно-Соловьевичемъ. Несомнѣнно, этотъ человѣкъ производитъ большое впечатлѣніе и своимъ умственнымъ развитіемъ и уровнемъ нравственныхъ убѣжденій. Гораздо менѣе извѣстенъ его непосредственно младшій братъ—Александръ, такъ трагически кончившій свою молодую и очень незаурядную жизнь. Литература о немъ поразительно ничтожна, какъ будто человѣкъ былъ самымъ рядовымъ, не заслуживающимъ ничего вниманія въ потомствѣ. На самомъ же дѣлѣ это объясняется иначе: въ Россіи, гдѣ Серно-Соловьевича знали очень многіе, писать о немъ не было никакой возможности. Это былъ горячій борецъ за народную свободу, честный, энергичный, преданный и безкрыстный человѣкъ,—какъ его характеризуетъ анонимный авторъ некролога въ «Народномъ Дѣлѣ». Шелгуновъ говоритъ, что объ Александрѣ Александровичѣ у него сохранились самыя свѣтлыя воспоминанія. «Это былъ человѣкъ кипучей энергіи, горячій, скорый, смѣлый и очень умный. По энергіи темперамента, по пылкой страстности характера, по быстротѣ соображенія, тонкому ироническому уму и по беззащитности, съ какой онъ отдавался дѣлу, не думая о себѣ, онъ былъ одинъ изъ самыхъ очень немногихъ людей того времени» ¹⁾).

Я очень радъ, что въ моемъ распоряженіи есть цѣнные матеріалы для наброска нѣкоторыхъ чертъ Александра Александровича Серно-Соловьевича. Это пачка писемъ, адресованныхъ юношей своему лицейскому другу и товарищу Ш., оказавшаяся въ копіяхъ въ архивѣ недавно скончавшагося друга Николая Серно-Соловьевича — А. А. Слѣпцова и переданная мнѣ вдовой покойнаго—М. А. Слѣпцовой, за что я и приношу ей мое сердечное спасибо. Г. Ш., занимающій нынѣ видное служебное положеніе, былъ любезенъ не только разрѣшить мнѣ воспользоваться этимъ матеріаломъ, но еще и далъ не мало очень цѣнныхъ указаній, безъ которыхъ моя работа не имѣла бы настоящаго вида и характера. Считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать ему мою искреннюю благодарность.

¹⁾ Изъ павленковскаго изданія сочиненій 1891 г., сожженного комитетомъ министровъ.

Братя СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧИ

Александръ.

Николай.

св
се
ка
ск
сы
ра
на

пр
не
са
ю
д
р
п
с
с
л
в
-
с
с

Александръ Александровичъ родился въ 1838 г. Обѣ отцѣ его свѣдѣній у меня нѣтъ. Мать, урожденная Кирилина, была родной сестрой Андрея Николаевича Кирилина, начальника военно-походной канцеляріи Николая I, потомъ управляющаго канцеляріей императорскаго двора. Кирилинъ оказывалъ замѣтное вліяніе на воспитаніе сыновей своей сестры, а потомъ, когда они были юношами, не мало рассказывалъ имъ изъ эпохи Николая, которую послѣ смерти грознаго повелителя окрашивалъ не всегда въ розовыхъ тѣняхъ...

Дѣтство Александра Александровича было не особенно свѣтло и проходило въ совершенно антипедагогической обстановкѣ, въ семьѣ, не знавшей тишины и покоя... Въ 1851 г. онъ поступилъ въ Александровскій лицей, гдѣ былъ уже его старшій братъ, Николай. Тамъ юноша быстро росъ, чему не мало помогала атмосфера учебнаго заведенія, при многихъ своихъ недостаткахъ, вселявшая, однако, либеральныя убѣжденія, традиціонно сохранявшіяся со временъ великаго поэта. Товарищи очень любили Серно-Соловьевича за его рѣдкую сердечность, доброту и прямоту. Онъ былъ, по словамъ г. Ш., несравненно одареннѣе Николая, на котораго, несмотря на разницу въ лѣтахъ, оказывалъ всегда замѣтное вліяніе. Кружокъ товарищей, группировавшійся около Александра Александровича, много читалъ и при томъ всегда отдавалъ преимущество гуманитарнымъ наукамъ, въ особенности же исторіи и литературѣ. Не рѣдко на этой почвѣ возникали горячіе споры, которые, какъ извѣстно всякому, не мало способствуютъ развитію юношей.

Все это не мѣшало братьямъ Серно-Соловьевичамъ быть настоящими франтами, любить пріодѣться, щегольнуть, потанцовать и вообще побыть въ свѣтской обстановкѣ. Не будучи очень богатыми, братья всегда были при деньгахъ и иногда располагали довольно значительными для своего возраста суммами.

За время лицейскаго періода у меня есть шесть писемъ Александра Александровича къ г. Ш. Приведу ихъ съ неизбѣжными пока сокращеніями, не опуская, однако, ничего, что бы могло характеризовать юнаго корреспондента.

Первое письмо относится къ семнадцати годамъ и даетъ возможность оцѣнить сердечность писавшаго.

1.

*1855 г. 3 іюля, воскресенье, 2 ч. ночи.
Село Прицы Воротынскіе.*

Милый, добрый NN, не знаю, какъ просить у тебя извиненія, поведеніе мое относительно тебя достойно болѣе, чѣмъ порицанія, но ты простишь меня, когда по пріѣздѣ въ Петербургъ, объясню въ подробности всѣ обстоятельства, которыми сопровождался мой отъѣздъ. Ты, по свойственной тебѣ добротѣ, уже теперь, вѣрно, не сердись на меня. Письмо твое отъ 19 іюня, которое получилъ я 29-го (такъ долго ходить сюда почта), доставило мнѣ больше, чѣмъ радость. Если ты писалъ только съ цѣлью доставить себѣ развлеченіе, то

беру свое слово назадъ; ежели въ немъ отпечатокъ чувствъ твоихъ ко мнѣ, то прими все писанное мною за чистую монету. Ты знаешь, что я чересчуръ откровененъ, это часто вредитъ мнѣ въ моей лицейской жизни, особенно въ любви товарищей ко мнѣ; много приобрѣлъ я черезъ это враговъ, но увѣренъ что тѣ, которые знаютъ меня, ежели не любятъ, то, по крайней мѣрѣ, видятъ во мнѣ благороднаго человека. Къ числу послѣднихъ причисляю я тебя; въ упрекахъ твоихъ вижу не совершенное равнодушіе ко мнѣ и этого достаточно, чтобы усилить во мнѣ любовь и привязанность, которыя питаю къ тебѣ, какъ къ другу, товарищу и человеку. Извини, что называю тебя этими тремя словами, но повѣрь, говорю тебѣ чистую правду. Чувства мои къ тебѣ выражаются совершенно въ этихъ трехъ словахъ. Повѣрь, что я одинъ изъ тѣхъ людей, которые болѣе другихъ въ нашемъ классѣ способны понимать тебя, но ты никогда не считалъ меня таковымъ. Однимъ словомъ, чтобы покончить разомъ о моихъ чувствахъ къ тебѣ, скажу, что люблю тебя очень много, такъ, какъ немногихъ своихъ товарищей.

„Скуку твою понимаю совершенно, потому что самъ хандрю, можетъ быть, болѣе тебя; этому способствуетъ не одна скучная, деревенская жизнь, есть еще много причинъ; ежели тебѣ интересно знать то, что касается меня лично, то потерпи немного, скоро приѣду назадъ (къ 25 или 26 іюля) и открою тебѣ душу мою.

„Выѣхали мы изъ Петербурга 16 іюня, въ Москвѣ прожили недѣлю. Прескучный городъ, пуста страшная, нѣтъ даже хорошихъ улицъ; Кузнечій мостъ и Тверская, считающіеся лучшими, въ подметки не годятся ни Невскому, ни Морской, въ родѣ Литейной. 24-го выѣхали въ деревню. Дорогой (мы ѣхали на перекладной) я мучился, трясло ужасно да при томъ нельзя было спать (а ты знаешь, какой я любитель сна), вздремнулъ полчаса и потерялъ съ головы лицейскую фуражку, также разную мелочь, которая была у меня въ узелкѣ. Всѣ старанія отыскать ихъ были напрасны, и вещи погибли безвозвратно.

Тотчасъ по приѣздѣ въ Ирицы Воротынскіе (село) разнеслась молва, что пріѣхалъ молодой баринъ (Митьковъ¹⁾), а съ нимъ кто то чужой (Я.) Личность моя, кажется, очень заняла всѣхъ, такъ что на другой день узнали, какъ меня зовутъ, хотя я еще покоился сладкимъ сномъ. Встаю я въ 11 часовъ. Сначала это всѣхъ очень удивляло, но мало-по-малу они свыклись съ моимъ образомъ жизни. Тотчасъ же ѣду верхомъ. Такъ проходитъ утро, обыкновенно очень скоро. Но вотъ настаетъ длинный вечеръ, продолжающійся у меня до второго и третьего часа ночи. Такъ привыкъ поздно ложиться, что, несмотря на движеніе, никакъ не могу заснуть раньше. Вечеромъ обыкновенно гуляю по вѣскольکو часовъ; здѣсь есть великолѣпныя мѣста; курю, читаю. Повидимому провожу время очень весело, но на самомъ дѣлѣ выхожу совершенно противное. Для тѣла, какъ ты видишь, много удовольствій, но для души нѣтъ; остается одинъ Митьковъ,—прескучная забава. Представь себѣ, здѣсь ни одной живой души! Крестьянъ, которые слишкомъ необразованы и грубы, я не считаю за таковыхъ. Нѣтъ человека, съ которымъ бы можно было поговорить дружески, которому можно бы влить всю свою душу, для меня же, съ моимъ характеромъ это необходимо. Дома я имѣлъ брата; въ лицѣ—товарищей отъ которыхъ ничего не скрывалъ; здѣсь же, еще разъ повторяю, никого нѣтъ.

¹⁾ Мих. Платоновичъ Митьковъ окончилъ лицей въ 1858 г. и потомъ служилъ въ государственномъ совѣтѣ. Умеръ въ 1889 дѣйствительнъмъ гласнымъ петербургской думы.

„Познакомлю тебя короче съ молодымъ Митьковымъ. Онъ препорядочный человекъ; съ нимъ можно быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но только до тѣхъ поръ, пока не будешь искать въ немъ того, чего онъ не въ состояніи выполнить. Я увѣренъ, что онъ къ нашему семейству питаетъ столько расположенія, сколько можетъ вмѣстить его холодная, эгоистическая натура. Для насъ онъ готовъ сдѣлать все, но не ищи въ немъ этого теплаго участія, этого дружескаго пожатія руки, этого горячаго чувства, которыя необходимы для меня.

„Еще позабылъ сообщить тебѣ одно очень для меня важное неудобство. Отъ природы брезгливаго характера, я всегда питалъ отвращеніе ко всякаго рода наѣжкомымъ, въ особенности къ прусакамъ и тараканамъ, а въ деревнѣ все наполнено этой дрянью. Зато я не упускаю случая и истребляю ихъ огнемъ, ногами и папиросами; табачный дымъ страшно ядовитъ для нихъ.

„Что подѣлываютъ товарищи наши? Гдѣ то они, вспоминаютъ ли о насъ? Вѣрно, большая часть никогда. Что С., несмотря на свое общаніе писать мнѣ? ¹⁾ Не получивъ отъ него ни одного письма. Я также, какъ и ты, помѣшанъ на товариществѣ. Если будешь писать Гревеницу, ²⁾ кланяйся очень отъ меня, поблагодари за письмо, которое онъ писалъ мнѣ, и скажи, что я бы съ удовольствіемъ писалъ ему, но не знаю, куда адресовать. Чго дѣлаетъ Николаевъ? ³⁾ Преблагородная душа, прекрасный человекъ, но, къ несчастію, холоднаго темперамента, кланяйся ему. Всѣмъ, кому будешь писать, или кого увидишь, поклонись очень отъ меня.

„Прощай, любезный Ш., желаю тебѣ быть здоровымъ, не скучать и вообще всего лучшаго. Не забывай того, который тебѣ душевно преданъ и который, еслибы въ чемъ нибудь серьезномъ понадобился его помощь, одинокъ изъ первыхъ будетъ готовъ всегда подать тебѣ руку.

А. Серно-Соловьевичъ.

„Если будешь писать, что доставить мнѣ большое удовольствіе, то пиши не въ деревню, а въ Москву, на Мясницкую улицу, въ Милютинъ переулокъ, противъ католической церкви, въ д. Митькова“.

Второе письмо—записка, посланная съ оказіей сидѣвшему подъ арестомъ другу Ш.

2.

1856 г. 10 марта, суббота. 7 ч. у.

„Вчера еще хотѣлъ написать тебѣ, дорогой Иванъ Ивановичъ, но боялся предательства, боялся, чтобы З—ъ, которому я не очень довѣряю, не передалъ бы письма моего въ другія руки, здѣсь подлецъ на подлецъ, подлецомъ по-

¹⁾ А. А. С., окончившій лицей въ 1857 г., одновременно съ Александромъ Серно-Соловьевичемъ, занимающій теперь видное служебное положеніе.

²⁾ Баронъ Александръ Александровичъ Гревеницъ окончилъ лицей одновременно съ А. Серно-Соловьевичемъ, служилъ въ канцеляріи статсъ-секретаря по принятію прошеній, кн. А. Ѳ. Голицына, потомъ былъ директоромъ Воспитательнаго дома и умеръ въ 1901 г.

³⁾ Василій Никитичъ Николаевъ, окончившій лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ, потомъ служилъ въ департаментѣ удрѣловъ, умеръ въ 1898 г.

гоняетъ, не на кого рѣшительно положиться (исключеніе составляетъ развѣ одинъ Николаевъ). Успокойся, пожалуйста, начальство не очень сардито на тебя и, вѣроятно, наказаніе твое окончится скоро, воскресеній болѣе двухъ не просидишь, потому что мы говѣемъ на 4-й. Старшій классъ нисколько не въ претензіи, напротивъ, всѣ очень жалѣютъ тебя; о нашихъ не буду и говорить много; всѣ, всѣ плачутъ по тебѣ и придумываютъ средства, чтобы хоть въ-сколько облегчить участь твою, но самъ знаешь, что можемъ мы, воспитанники, сдѣлать у начальства, окруженные со всѣхъ сторонъ подлецами и шпионами. О себѣ скажу, что арестъ твой привелъ меня въ отчаяніе, навелъ скуку и хандру. Дай Богъ, чтобы ты скорѣй возвратился къ тѣмъ, которые всѣ любятъ тебя и которыхъ одушевляешь ты присутствіемъ своимъ. День вчера былъ удивительно скученъ, хотя погода прекрасная, не весело встрѣчаешь ты первый весенній день. Лекція всѣ были. Съ Вужо ¹⁾ страшно холодно и никто почти не слушалъ его, Паукеръ ²⁾—дежурный, кажется очень хорошій человекъ. Посылаю тебѣ часы мои, чтобы хоть мысленно могъ ты перенестись къ намъ и знать, что мы дѣлаемъ. Книги у тебя есть. Если же нужно другихъ или вообще что набудь понадобится, то тотчасъ дай мнѣ знать. Если Спѣшевъ ³⁾ вздумаетъ зайти къ тебѣ, что весьма вѣроятно, то *vous sur vos gardis*, ты знакомъ съ этой скотиной, онъ будетъ выпытывать многое. Тороплюсь готовить репетицію статистики, которая огромна. Прощай, не скучай и молись Богу.

„На всегда преданный и много любящій тебя

А. С.-Соловьевичъ.

„Всѣ, всѣ очень и очень кланяются тебѣ“.

Вступивъ въ послѣдній классъ, Серно-Соловьевичъ отправился вмѣстѣ съ матерью, братомъ Николаемъ и родными за границу. Какъ только они обосновались въ Шлангенбадъ, онъ пишетъ своему другу пространное письмо, проливающее свѣтъ опять таки на нѣжную душу.

3.

1856 г. 17/29 іюня. Шлангенбадъ.

Вторникъ. 8 ч. вечера.

„Прости меня, дорогой Ш., за то, что не написалъ тебѣ до сихъ поръ ни слова. Боюсь, чтобы ты не подумалъ, что я забылъ за границей товарищей своихъ. Нѣтъ, ничто въ мірѣ не замѣнитъ мнѣ пріятельскаго кружка; къ вамъ, друзья мои, стремятся мои мысли, съ вами, и въ особенности съ тобой, привыкъ дѣлать я всѣ радости и горести; теперь, находясь въ разлукѣ, еще болѣе привязанъ къ вамъ и съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда снова буду посреди тѣхъ, которыхъ люблю болѣе всего на свѣтѣ. Что Германія, Парижъ и т. д. „когда нѣтъ друга... кому бы могъ пожать отъ сердца руку и пожелать счастливыхъ много дней“. Эти строки незабвеннаго Пушкина можешь принять на свой счетъ. Въ пять неразлучно проведенныхъ лѣтъ я вполнѣ узналъ и оцѣнилъ *твое сердце, умъ и высокій образъ мыслей*. Но отчего же быть можешь, спросишь ты, цѣлый мѣсяцъ о тебѣ ни слуху, ни духу?

¹⁾ А. Б. Вужо, преподаватель французскаго языка и литературы.

²⁾ Л. Е. Паукеръ, воспитатель и репетиторъ.

³⁾ П. Т. Спѣшевъ, воспитатель.

„Отвѣчу на это, что, оставя тебя въ сомнѣніи, какого рода жизнь избрать на предстоящее лѣто, я рѣшительно не зналъ, куда адресовать письма мои—вотъ, что удерживало меня писать и, повѣрь, это была единственная причина. Но живо вообразить печальное положеніе твое и скуку, не имѣя близкаго себя человѣка, который бы раздѣлялъ тоску твою, я рѣшился, наконецъ, писать въ лицей. Вѣли письмо мое и не скоро дойдетъ до тебя, то, все-таки, когда нибудь, прочтя его, ты узнаешь, что есть сердце исполнѣ тебѣ преданное.

„Начну теперь повѣствованіе о путешествіи нашемъ, но обо всемъ случившемся со мной скажу кратко, въ нѣсколькихъ словахъ, оставляя подробное описаніе до личнаго свиданія, которое, увы, будетъ еще не скоро.

„Грустно было уѣзжать изъ Петербурга, не простившись со многими товарищами, обѣщавшими пріѣхать проводить меня. Впрочемъ, я ни сколько не въ претензіи, нельзя требовать къ себѣ тѣхъ чувствъ, которыя самъ питаешь. Только Висковатовъ ¹⁾ и Ж. ²⁾ пріѣхали на пароходъ и добрый Юлукъ ³⁾ провожалъ меня до Кронштадта. Въ первые дни мореплаванія погода благопріятствовала намъ, больныхъ было очень мало, все, казалось, шло, какъ нельзя лучше. Но вотъ наступила роковая ночь съ 11 на 12 іюня, которая долго не изгладится изъ моей памяти. Ровно въ 12 часовъ началась жестокая буря, продолжавшаяся до 3-хъ слѣдующаго дня, т. е. до прибытія въ Свинемюндскую гавань. Не буду описывать теперь всѣхъ подробностей, скажу только, что жизнь наша висѣла на волоскѣ, мы только молились Богу, и прощались уже со всѣми милыми сердцамъ нашими. Изъ всѣхъ пассажировъ, которыхъ, вѣстать сказать, было очень много, только я и одинъ русскій помѣщикъ были здоровы. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ морской бури, всего отчаянія погибавшихъ и почти не оставлялъ палубы. Какъ жалки казались мнѣ тогда бонтоны петербургскаго общества, зараженные аристократизмомъ, этою податрою нравственнаго міра... Можетъ быть, ты не повѣришь мнѣ, подумаешь, что изъ мухи дѣлаю слона, но спроси у Кожуховскаго, ⁴⁾ который ѣхалъ на одномъ пароходѣ съ нами (онъ, вѣроятно, возвратится раньше меня въ лицей). Такъ промучившись около 15 часовъ, доплыли мы, наконецъ, до Штетина.

„Вообрази всеобщій восторгъ и радость! Отдохнувъ немного, отправились на другой день по жел. дорогѣ въ Берлинъ, куда пріѣхали въ среду въ 4 часа пополудни. Что сказать о столицѣ Пруссіи... Полторы недѣли, проведенныя здѣсь, были посвящены обзорѣнн города и его окрестностей. Всѣ достопримѣчательности, какъ-то: дворцы, галлерей, университетъ, сады, конечно Потсдамъ, Санъ-Суси и т. д. были осмотрѣны; многое хорошо, но почти ничего не бросается въ глаза. Кто видѣлъ Петербургъ, того удивить, развѣ, Парижъ или Лондонъ. Въ Берлинѣ дожидались мы дѣда и тетку, которымъ наши доктора совѣтовали ѣхать въ Теплицъ, но здѣшніе ескулапы (Schönlein, Rothberg и Hauck) отвергли ихъ мнѣніе и послали мать въ Шлангенбадъ, а тетку въ Висбаденъ, и такъ мы другъ отъ друга находимся въ разстояніи двухъ

¹⁾ Константинъ Александровичъ Висковатовъ окончилъ лицей въ 1857 г. и потомъ служилъ въ канцеляріи государ. совѣта, умеръ въ 1906 г.

²⁾ В. В. Ж., тоже выпуска 1857 г., потомъ секретарь посольства въ Константинополѣ.

³⁾ Прозвище Ж.

⁴⁾ Антонъ Антоновичъ. Кожуховскій кончилъ лицей двумя годами позже А. Серго—Соловьевича.

часовъ ѣзды. Можетъ быть, ты подумаешь, что я не совсѣмъ доволенъ подобнымъ распоряженіемъ; напротивъ, дѣдъ мой здѣсь совершенно другой чело-вѣкъ, добръ, любезенъ и во всѣхъ отношеніяхъ пріятный спутникъ; наконецъ, это дастъ болѣе свободы брату и мнѣ совершать различныя прогулки по берегамъ Рейна, потому что мать по слабости здоровья не въ состояніи много ходить.

„Итакъ, въ настоящую минуту мы находимся въ Шлангенбадѣ, въ герцогствѣ Нассаускомъ, богатомъ всѣми минеральными водами. Мѣстоположеніе удивительное, окруженное со всѣхъ сторонъ высокими горами, Taunus Gebirge;—мѣстечко это представляетъ изъ себя родъ ущелья, воздухъ удивительный, но при всемъ томъ мнѣ невыносимая хандра и еслибъ не книги, которыми запаслись мы въ Берлинѣ, я не зналъ бы, что дѣлать. Народу очень много, русскихъ и французовъ бездна, но я не люблю подобнаго общества и теперь я практикѣ доказываю то, что развивалъ въ теоріи. Здѣсь пробудемъ мы четыре недѣли или двѣ, а двѣ въ Швальбахѣ, однимъ словомъ, еще мѣсяцъ въ нассаускихъ владѣніяхъ; отсюда опять на двѣ недѣли въ Остенде, потомъ на три въ Парижъ и, наконецъ, черезъ Швейцарію, Ломбардію и Австрію назадъ въ родимый Питеръ.

„Впрочемъ, чело-вѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Едва не забылъ сказать, что нѣсколько разъ ѣздилъ въ Франкфуртъ, былъ у Глинки¹⁾, отвезъ письмо отъ сына.

Вотъ въ короткихъ словахъ жизнь моя за границей.

„Теперь предложу тебѣ нѣсколько вопросовъ, которые ты, вѣроятно, не оставишь безъ отвѣта. Какъ здоровъ, гдѣ живешь, что дѣлаешь, что дѣлаютъ другіе товарищи, лицей и вообще Петербургъ? Пожалуйста, напиши мнѣ поскорѣе и побольше. Адресъ мой: Duché de Nassau, Schlangenbad, poste restante; ежели насъ уже здѣсь не будетъ, то на почтѣ будутъ сдѣланы приличныя распоряженія. Мать и братъ очень тебѣ кланяются, а я крѣпко жму руку.

Навсегда твой

А. Серно-Соловьевичъ.

„Поклонись отъ меня Сабанскому²⁾ и скажи, что здѣсь много соотечественниковъ его, предубежденныхъ и премилыхъ людей. Поцѣлуй Васюку³⁾ и вообще очень кланяйся всѣмъ тѣмъ, которые спросятъ обо мнѣ. Прощай еще разъ и не забывай меня. Прости за нескладное письмо, но головная боль жаръ и мухи мѣшаютъ послѣдовательности мыслей моихъ.

Любопытно, что жившій въ одно время съ Серно-Соловьевичами въ Шлангенбадѣ Щербачевъ, замѣчаетъ, что своимъ умомъ и образованіемъ братья умѣли внести оживленіе въ тихую и однообразную жизнь курорта⁴⁾.

Въ то же лѣто г. Ш. получилъ еще три письма отъ странствовавшего друга.

¹⁾ Отецъ Николая Дмитріевича Глинки, окончившаго лицей вмѣстѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ, посланникъ въ Бразилію, потомъ въ Португалію.

²⁾ Михаилъ Федоровичъ Сабанскій, кончилъ лицей въ 1857 г. и скоро вышелъ въ отставку.

³⁾ В. П. Николаевъ.

⁴⁾ „Идеалы моей жизни“, М. 1895 г. 187—188 стр.

4.

1856 г. Шлангенбадъ. 4/16 августа. Суббота.

„Рѣшительно не знаю, чему приписать такое долгое молчаніе съ твоей стороны. Неужели письмо мое не дошло еще? или же забылъ ты совершенно о существованіи преданнаго тебѣ друга? Такъ или иначе, но вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ мы разстались, и я не знаю, живъ ли ты и что подѣливаешь. Жизнь твоя конечно не весела, но и моя не такъ красна, какъ, вѣроятно думаютъ всѣ тѣ, которые хоть изрѣдка вспоминаютъ обо мнѣ. Несносная грусть тѣснитъ мое сердце, многіе посмѣются надъ ней, но ты, я знаю, вполне поймешь меня.

„Несмотря на молодость мою, я не жажду наслажденій и нахожу удовольствіе въ томъ, въ чемъ другіе не находятъ. Для меня нужны люди, которыми бы могъ назвать душу свою, я ищу дружескаго слова и крѣпкаго пожатія руки. Черезъ три недѣли кончатся каникулы, и вы снова соберетесь въ лицей; счастливыцы—вы будете вмѣстѣ, а я далеко отъ васъ—одинъ. Часто, со многими говорилъ я о нашей братской жизни, но въ продолжительность ея никто не вѣритъ. „Юношеская мечта“—сказалъ мнѣ одинъ человѣкъ. „Подождите еще годъ, свѣтъ раздѣлитъ васъ, а съ этимъ разнесутся и иллюзіи“ Неужели общество дѣлаетъ человѣка такимъ холоднымъ эгоистомъ, да и есть ли это непреложный законъ, которому должны подчиниться всѣ? Нѣтъ, я еще вѣрю въ дружбу, вѣрю, что не всѣ изъ насъ, но нѣкоторые сохранять и послѣ выхода лицейское единство.

„Но довольно объ этомъ, не буду болѣе распространяться о моей привязанности къ вамъ—словами подобныхъ чувствъ не выразить.

„Въ четвергъ, если не послѣдуетъ contre—ordre, покидаемъ мы, наконецъ, Шлангенбадъ и отправляемся въ Остенде, куда и попрошу тебя адресовать письма (poste—restante). Пожалуйста, пиши все, что дѣлаешь, каждое малѣйшее обстоятельство твоей жизни много интересуетъ меня. На этихъ дняхъ совершили мы съ братомъ ¹⁾ маленькое путешествіе по берегамъ Рейна (отъ Майнца до Кельна). Въ Ахенѣ я встрѣтился съ Дурасовымъ—лицейстомъ; ²⁾ не могу сказать тебѣ, какъ порадовалъ онъ меня извѣстіемъ о выходѣ Гескетъ ³⁾ изъ лицея.

„Прости, дорогой NN. за безцѣвность письма моего; охота писать тебѣ велика, но въ матеріалахъ рѣшительный недостатокъ. Жизнь и занятія наши въ Шлангенбадѣ почти не выходятъ изъ опредѣленной рамы, вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня ночью и ночи днемъ. До свиданія, передай мой поклонъ Сабанскому и всѣмъ товарищамъ. Прошу объ одномъ, не забывайте меня и въ своихъ лицейскихъ бесѣдахъ вспоминайте о другѣ вашемъ, не такъ часто, какъ я, потому что это невозможно, а хоть изрѣдка.

Душевно твой

А. Серно-Соловьевичъ.

¹⁾ Николаевъ.

²⁾ XVII курса.

³⁾ Эсаулъ Д. Т. Гескетъ былъ однимъ изъ прикомандированныхъ къ лицейскимъ офицерамъ, ненавидѣвшихъ юношамъ свою казарменную муштровку.

„Вчера послалъ барону ¹⁾ просьбу о продолженіи отпуска (повѣрь, это не мое собственное желаніе), потрудись узнать о послѣдствіяхъ и уведомить меня“

5.

1856 г. Остенде. 28 авг. (9 сент.) 11 ч. веч.

„Въ четвергъ 9 августа покинули мы, наконецъ ненавистную Германію и благополучно добрались до Остенде, гдѣ находимся въ настоящую минуту. Путешествіе отъ Шлангенбада до Остенде, сначала Рейномъ до Кельна, а потомъ по желѣзной дорогѣ черезъ всю Вельгію, было весьма незагнѣчительно. Одно только скажу, что на пароходѣ познакомился я съ Ломоносовымъ, директоромъ перваго курса, нынѣ посланникомъ въ Гагъ ²⁾. Съ трепетомъ въ душѣ подошелъ къ нему, надѣясь поговорить съ нимъ о Пушкинѣ, о дорогомъ нашемъ лицѣ, но не нашелъ я въ немъ того, чего искалъ. Забылъ онъ уже товарищей своихъ, а о Пушкинѣ я не могъ ничего сказать. Просилъ онъ меня, однако, смотрѣть за племянникомъ, Алексѣемъ Ломоносовымъ, поступившимъ въ лицей.“

„Остенде съ перваго раза произвело на меня пріятное впечатлѣніе. И дѣйствительно нельзя не восхищаться, сидя на берегу моря. Въ каждое время для взору твоему представляются новыя картины: приливъ и отливъ, восхождение и захождение солнца, вечеромъ фосфорическій блескъ моря; все это такъ хорошо, такъ прекрасно. Народъ самый представляетъ такой удивительный контрастъ съ нѣмцами: живые, веселые бельгійцы (хотя до высшей степени дерашовенные) только и думаютъ о наслажденіяхъ. Театры, балы, вечера, постоянная музыка, однимъ словомъ, всѣ возможныя удовольствія. Не думай, однако же, чтобы я слишкомъ предавался имъ и проводилъ время очень весело. Правда, что я не скучаю уже такъ, какъ въ Шлангенбадѣ, но мысль, что далеко отъ васъ, постоянно со мной. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ дней, проведенныхъ здѣсь, былъ тотъ, въ который я получилъ письмо твое. Описать радостное впечатлѣніе, произведенное на меня—это повторять то, что уже было высказано въ предыдущихъ письмахъ. Благодарю, отъ всего сердца благодарю тебя за него и въ особенности за нѣсколько строчекъ, глубоко запавшихъ мнѣ въ душу. Выбѣсъ съ раздражительнымъ, подчасъ несноснымъ характеромъ получилъ я отъ природы и теплое сердце, которымъ постараюсь, сколько силъ будетъ, отплатить за привязанность ко мнѣ.“

„Письмо мое застанетъ васъ уже сооразившимися въ лицѣ. Пожалуйста, передай мой дружескій поклонъ всѣмъ товарищамъ и проси не забывать меня. Сабанскаго очень благодарю за расположеніе ко мнѣ; увѣрь его, что всегда желаю и желаю ему всего лучшаго. Надѣюсь, что смѣна наша останется почти въ томъ же составѣ и вы не исключите меня изъ нея. Надѣюсь, что ты будешь столь добръ и познакомишь брата моего съ лицейскими правилами и обычаями ³⁾. Ты самъ знаешь, какъ важны первые дни лицейской жизни, и потому прошу тебя не оставь его въ это трудное время. Береги свое здоровье и лѣчись серьезно. Мать и братъ очень, очень кланяются, а я отъ

¹⁾ Баронъ Штейнгель—директоръ Лицея, очень любимый воспитанниками.

²⁾ Полномочный министръ при Нидерландскомъ дворѣ.

³⁾ Рѣчь идетъ о братѣ Константиѣ.

всей души жму руку и молю Создателя, чтобы онъ сохранилъ тебя. До свиданія.

Навсегда твой другъ *А. Серно-Соловьевичъ.*

„Мой нижайшій поклонъ Лялину ¹⁾, всѣмъ воспитателямъ и въ особенности Строкину ²⁾. Пишите мнѣ въ Парижъ (*poste restante*). А. А. ³⁾ мое глубочайшее почтеніе, скажи ему, что видѣлъ отца его и сестеръ въ Соденѣ.

6.

1856 г. 19 (1 октября). Берлинъ. Среда.
(Не показывая никому моего письма).

„Всеобщее желаніе возвратиться скорѣй въ Петербургъ перемѣнило совершенно планъ дальнѣйшаго путешествія, и мы уже на возвратномъ пути. Черезъ недѣлю, много десять дней, я опять въ лицей, посреди насъ. Мы съ братомъ воспользовались долгимъ пребываніемъ нашихъ въ Остенде и успѣли побывать въ столицѣ міра. Парижъ воспитителенъ, въ томъ спорѣ нѣтъ; великолѣпнѣе и веселѣе города я не знаю, волшебнаго, однако, и чего то упоминательнаго, по выраженію всѣхъ почти русскихъ, не нашли мы въ немъ. Но близь, близь часъ свиданія и тогда на досугъ поговоримъ обо всемъ. Я расскажу все, что дѣлалъ въ четыре мѣсяца, ты, съ своей стороны, отплатишь мнѣ тѣмъ же.

„Оставивъ Остенде (въ которомъ, между нами, оставилъ и сердце свое) пустились мы въ обратное путешествіе, скучное и хандривое до невѣроятія. Въ каждомъ большомъ городѣ останавливаемся, слѣдовательно, возня съ вещами; дѣдъ мой еще несноснѣе, чѣмъ дома; мать, на которую желѣзная дорога имѣетъ весьма неблагопріятное дѣйствіе, раздражая нервы, также безпокойна. Съ одной стороны желаніе поскорѣе увидѣться съ вами, въ особенности съ тобой, въ совѣтахъ котораго нуждаюсь теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь; съ другой — тоска по той, которую оставилъ въ Остенде; постоянная семейная сцены, которыя хотя и бывали во время вояжа, но рѣдко доходили до такой степени, какъ теперь, — все это такъ отвратительно, что не знаю, какъ выразить тебѣ грусть мою. Единственное утѣшеніе — это написать тебѣ, въ расположеніи котораго убѣжденъ теперь, и ты, конечно, примешь участіе въ печальномъ положеніи моемъ.

„Вообще, любезный Ш., буду просить тебя быть теперь со мною дружнѣе и откровеннѣе по возвращеніи въ лицей и, говоря правду-матку въ глаза, сдѣлать характеръ мой болѣе пріятнымъ для товарищей. Какъ намѣрены вы встрѣтить 19 октября ⁴⁾. Кланяйся всѣмъ товарищамъ и брату моему, который, кажется, очень доволенъ настоящимъ положеніемъ своимъ.

„Итакъ, до свиданія, обнимаю тебя и остаюсь душевнымъ твоимъ другомъ

А. Серно-Соловьевичъ.

¹⁾ С. В. Лялинъ, воспитатель и репетиторъ въ лицей.

²⁾ Алексій Николаевичъ Строкинъ, магистръ, преподаватель закона Божія, психологіи и логики. Онъ очень былъ расположенъ къ А. Серно-Соловьевичу.

³⁾ С.

⁴⁾ Индейскій праздникъ.

„Нюнька очень тебѣ кланяется.

„Не забывай меня“.

Слѣдующее письмо отправлено уже изъ Маріенбада, когда Серно-Соловьевичу было девятнадцать лѣтъ.

7.

1857 г. *Маріенбадъ. 8 (20 іюля). Понедѣльникъ.*

„Большіе часы Маріенбада только что пробили полночь. Вокругъ меня все тихо и спокойно. Обитатели здѣшняго мѣстечка, которыхъ день начинается въ 7 часовъ утра, давно уже въ объятіяхъ Морфея. Одинъ я (а, можетъ быть, есть и другой несчастный, котораго судьба забросила въ это захолустье, такъ далеко отъ всего, что дорого и мило сердцу) бодрствую. Любитель ночныхъ бесѣдъ, не могу не выбрать времени этого, чтобы не побесѣдовать съ вами, любезные друзья, Звѣревъ ¹⁾, Николаевъ и Ш. Можетъ быть, сидите вы теперь за длиннымъ столомъ въ музыкальной, пьете пиво отъ Пискунова, вспоминаете о товарищахъ, а съ ними и о далекомъ другѣ, далекомъ по разстоянію, но душой всегда, какъ и въ настоящую минуту, близкомъ и тѣсно неразлучно соединенномъ съ вами.

„Скоро мѣсяцъ, какъ я расстался съ вами. Съ каждой минутой странство между нами становилось все больше и больше, и спрошу: неужели съ нимъ исчезла и память обо мнѣ? Невольно долженъ сдѣлать вопросъ этотъ, потому что, къ несчастію моему, не получалъ до сихъ поръ отъ васъ ни строчки. Что за причина? Долго ломалъ голову, придумывалъ все возможное и, наконецъ, пришелъ къ тому заключенію, что, вѣроятно, уѣхали вы изъ Петербурга; другой причины не могъ прибавить; или можетъ быть ожидали вы отъ меня перваго письма, чтобы испытать, не забылъ ли я васъ? Пренія повѣдка доказала вамъ противное, а нынѣшняя еще болѣе убѣдила меня, что гдѣ бы я ни былъ, никогда не буду совершенно веселъ и доволенъ въ разлукѣ съ вами. Всякое удовольствіе хотѣлось бы раздѣлить съ тѣми, которыхъ люблю всей душой, которыхъ судьба тѣсно связала со мной. Тѣсный кружокъ нашъ необходимъ для общаго счастья; горе тому, кто первый отстанетъ отъ него.

„Послѣ двухнедѣльнаго странствованія дотащились мы, наконецъ, до Маріенбада, первой цѣли нашего вояжа. Семь дней ѣхали мы до Варшавы, и въ эту недѣлю вполнѣ узналъ я всю пріятность путешествія по Россіи. Ыде съ *женщинами* въ собственномъ экипажѣ, гдѣ каждую минуту трепеталъ я за цѣлость кареты! Дѣйствительно, три раза были мы жертвою кузнецовъ, которые, какъ хищные звѣри, ожидаютъ пріѣзда на станцію и немилосердно грабятъ продажающихъ. Жара, блохи, мои вѣчные враги, возня съ жидками и съ поляками въ особенности, все это въ этотъ разъ соединено было, чтобы отвратить меня отъ подобаго путешествія. Разъ даже ночевали мы въ жидовской корчмѣ, и 18 е іюня останется надолго памятнымъ для меня днемъ.

„Невозможно описать всѣхъ мелкихъ непріятностей, которые испытывали

¹⁾ Модестъ Ивановичъ Звѣревъ, кончилъ курсъ лицей въ 1857 г. и служилъ въ министерствѣ юстиціи.

мы, потому вы легко поймете, съ какимъ возрастающимъ нетерпѣніемъ приближались мы къ Варшавѣ. Дѣйствительность, однако, не оправдала нашихъ ожиданій. По случаю огромнаго стеченія публики всѣ Hôtel' и были заняты, и мы нашли грязную комнату въ четвертомъ этажѣ. Совершенное незнаніе польскаго языка дѣлало еще болѣе невозможнымъ долгое пребываніе въ Польшѣ, такъ что, несмотря на усталость и желаніе отдохнуть, отправились мы на другой же день вечеромъ въ Вѣну. Все это живо напомнило мнѣ прошлогоднюю поѣздку на пароходѣ, которая имѣетъ, всетаки, преимущества; право, лучше 18 часовъ бури, нежели семь дней всевозможныхъ лишеній.

О столицѣ Австріи не могу ничего рассказывать вамъ, любезные друзья, потому что день, проведенный въ ней, былъ посвященъ хожденію по магазинамъ, которыми, впрочемъ, дамы мои остались очень недовольны. (Иностранцамъ рекомендую Hôtel zum goldenen Lam, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ женскомъ по красотѣ лицъ). Вообразите себѣ удивленіе мое, когда у банкира встрѣтилъ я Стефана ¹⁾ съ отцомъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ, согласились мы посмотрѣть вмѣстѣ Италію, куда отправлялись они послѣ десятидневнаго пребыванія въ Вѣнѣ. Но съ тѣхъ поръ многія изъ обстоятельствъ перемѣнились, и я посылаю письмо къ нему въ Миланъ, въ которомъ извиняюсь, что не могу пріѣхать подлѣ предлогомъ будто бы болѣзни маменьки. Вмѣсто того отправляюсь въ Муханомъ Митьковымъ, котораго нашелъ здѣсь, сначала въ Дрезденѣ, потомъ, вѣроятно, въ Мюнхенѣ, оттуда въ Шафгаузенъ, Цюрихъ, Люцернъ, Базель, вообще посмотрѣть на Швейцарію, а ежели будетъ время, то заглянуть и на югъ Франціи. Я получилъ отъ нашихъ отпускъ на 16 дней, по истеченіи которыхъ долженъ вернуться назадъ въ Маріенбадъ и вмѣстѣ уже ѣхать въ Ахенъ, гдѣ, пробывъ недѣли двѣ, возвращусь назадъ къ вамъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю путешествія этого, отчасти потому, что оно очень интересно, частью же оттого, что вздохну свободно послѣ столь долгой кабалы. Теперь болѣе чѣмъ когда либо понимаю всю прелесть свободы и во что бы то ни стало достигну желанной цѣли, живя съ товарищами послѣ выпуска, ежели только позволятъ финансы мои.

До сихъ поръ отзывы мои о заграничѣ были только съ невыгодной стороны, но, судя строго и справедливо, не могу не отдать полной справедливости устройству жизни, людямъ, однимъ словомъ, всему передъ нашимъ отечествомъ. Еще теперь мы въ Австріи, которая рѣзкими чертами отдѣляется отъ остальной Европы. Какъ посмотришь на все это, подивившись нашему застою. Здѣсь все проще какъ то и потому гораздо счастливѣе, хоть бы, напримеръ, въ настоящую минуту въ Маріенбадъ, лордъ Dundegъ съ женой; говорятъ, одинъ изъ первыхъ богачей Англіи. Онъ ведетъ себя такъ тихо и скромно, ни чѣмъ не отличаясь отъ толпы. Напротивъ того, русскіе, которыхъ здѣсь бездна (въ особенности же дамы), помѣшаны на бонтонахъ, важничаютъ страшно, знакомы только съ иностранцами и то съ немногими. Вслѣдствіе этого скучаютъ и носятъ съ собой ту хандру, которая теперь эпидемическая болѣзнь въ нашей сѣверной столицѣ. Изъ русскихъ дамъ здѣсь между прочими мать и сестра лицейста Данзаса ²⁾. Особы эти отвратительны для меня. Mademoiselle

¹⁾ Александръ Густавовичъ Стефанъ окончилъ лицей въ 1856 г. и потомъ служилъ въ военномъ министерствѣ.

²⁾ Борисъ Антоновичъ Данзасъ выпустился 1859 г. служилъ потомъ при посольствѣ въ Берлинѣ.

совершенная собачья старость. Везобразовъ ¹⁾, будущій профессоръ лицей, возбуждаетъ всеобщій смѣхъ своимъ фатовствомъ. Я, по свойственной дикости характера, рѣшительно ни съ кѣмъ не знакомъ, дни свои провожу въ прогулкахъ по горамъ, наслаждаюсь природой, горы (Hitzgebirge) похожи на шпангенбадскія, но болѣе дики и мрачны. Книгъ здѣсь нѣтъ, кромѣ глухихъ романовъ; папирсы не доставляютъ мнѣ большого удовольствія, частью потому, что Жернаковъ далъ мнѣ скверный табакъ, частью оттого, что здѣсь такъ сыро.

„Вотъ два дня, какъ у насъ страшная гроза, какой не запомнятъ маріенбадскіе старожилы. Каждый день хожу въ театръ. Недавно пѣли въ немъ пѣвцы, прѣхавшіе изъ Веймаръ; я познакомился съ ними, потому что восхищенъ былъ ихъ пѣніемъ. Они пѣли мнѣ *нѣкоторыя* изъ французскихъ пѣсней лицейскаго репертуара, которыя я самъ насвистываю цѣлый день. „*Слава*“ наша пройдетъ со мной по Европѣ: на многихъ столбахъ и бесѣдахъ написать я любимую пѣсню нашу, и вездѣ буду дѣлать тоже ²⁾. Желаніе учиться вѣмецкому языку осталось только желаніемъ; впрочемъ, не моя вина, что здѣсь нѣтъ учителя. Занятія англійскимъ языкомъ также невозможны, вообще я ужасно облѣнился; трудно будетъ въ лицей, особенно по возвращеніи, когда необходимо прилежиѣ взяться за дѣло ³⁾).

„Два листа пишу все о себѣ и не спросилъ еще, что подѣлываете вы, друзья и товарищи, живете ли все еще въ лицей? Катаюсь на лодкѣ, ѣздили ли 24 іюня на Крестовскій? Что твоя диссертация и головныя боли, NN? убѣжал ли Мудушка ⁴⁾ изъ Петербурга? А ты, Василій Никитичъ ⁵⁾, мой любезный, вспоминаешь ли обо мнѣ? Отложи на лѣнь, да напиши подробно о вашемъ житіи. Бываетъ ли у васъ Гриша? ⁶⁾ Я часто и много думаю о немъ, передайте ему мой душевный поклонъ. Имѣетъ ли онъ извѣстія объ Ильѣ? ⁷⁾ Не сомнѣваясь въ томъ, что вы напишете мнѣ, попрошу адресовать въ Маріенбадъ, zum goldenen Falken, № 35 да пишите побольше и почаще. Крѣпко жму вамъ руки и остаюсь вашъ другъ и товарищъ

Лиценствъ А. Серно-Соловьевичъ.

„Поклонитесь отъ меня товарищамъ, въ особенности Висковатову, Долгово, Ж., Рихтеру ⁸⁾, С., Черкесову и Сабанскому. Послѣдній, вѣрно, въ лицей. Со многими изъ нихъ вы въ перепискѣ; скажите, что я не пишу имъ потому, что вы центръ моей корреспонденціи, и отъ васъ, если интересуются, могутъ узнать обо мнѣ. Въ особенности *Тимаръ* ⁹⁾ скажите, что всякій день вспоминаю его и восхищаюсь подвигомъ его. Сабурову и Жадов-

¹⁾ Владиміръ Павловичъ Везобразовъ.

²⁾ Пѣсня того курса лиценстовъ, къ которому принадлежалъ А. С.-С.

³⁾ Т. е. за подготовку къ выпускнымъ экзаменамъ.

⁴⁾ Прозвище М. Н. Зѣрева.

⁵⁾ Николаевъ.

⁶⁾ Григорій Григорьевичъ Ворщевъ, XIX лицейскаго курса, очень близкій къ семьѣ Серно-Соловьевичей; потомъ прасянный повѣренный въ Саратовъ.

⁷⁾ Ильа Григорьевичъ Ворщевъ родной братъ Григорія, окончилъ лицей въ 1868 г. потомъ небезизвѣстный натуралистъ и профессоръ въ кіевскомъ университетѣ.

⁸⁾ Андрей Александровичъ Рихтеръ, выпуска 1856 г., потомъ мировой посредникъ Калужской губ.

⁹⁾ Прозвище Висковатова.

скому писалъ еще изъ Петербурга и отъ нихъ не имѣю извѣстій. Не знаете ли, гдѣ теперь Гревеницъ? Хотѣлось бы встрѣтить его за границей. Васъ то лично я не благодарилъ еще за участіе, которое вы оказали мнѣ во время мнимой болѣзни, при отъѣздѣ изъ Петербурга; то, что вы дѣлали, глубоко запечатлѣлось въ памяти моей. Напишите мнѣ, что знаете о другихъ товарищахъ. Выбавашъ ли въ Парголовѣ, Ш.? и не былъ ли недоволенъ букетомъ баронъ, здоровъ ли онъ? Хотѣлъ бы еще продолжить, но уже 3-й часъ, да и бумага пришла къ концу“.

Осенью Александръ Александровичъ вернулся въ Петербургъ. Желая стѣснять себя возможно меньше, братья, Николай и Александръ, въ компаніи съ А. А. Черкесовымъ и Долгово-Сабуровымъ сняли себѣ по окончаніи лица самостоятельную квартиру, довольно хорошо ее обставили, держали повара и еженедѣльно принимали товарищей. Собранія были очень оживленны... Это было время пробужденія русскаго общества послѣ тяжелаго сна при Николаѣ I... Бесѣды все больше и больше велись на политическія темы и злобы дня. Это, впрочемъ, не мѣшало и карточной игрѣ. Чтобы иллюстрировать тогдашнее настроеніе братьевъ, небезынтересно сообщить слѣдующій фактъ. Какъ то они были на именинахъ въ одномъ знакомомъ домѣ, за городомъ. Былъ нанятъ хоръ конногвардейцевъ. Случайно проѣхалъ мимо дачи Александръ II. Узнавъ, что онъ скоро вернется, Николай Серно-Соловьевичъ очень хлопоталъ, чтобы не пропустить его и во-время сыграть «Боже, царя храни»... Въ этой же квартирѣ была окончательно отредактирована извѣстная записка (см. стр. 173—174 IX книжки за прошлый годъ) Николая къ государю. Александръ Александровичъ настаивалъ на ея подачѣ и только его другъ Ш. былъ противъ этого. Николай подчинился вліянію брата.

Проживъ зиму и весну въ Петербургѣ, Александръ Александровичъ снова въ началѣ лѣта поѣхалъ за границу и оттуда написалъ своему другу одно письмо.

8.

1858 г. августъ.

„Наконецъ-то, и на моей улицѣ праздникъ, долгое ожиданіе вознаграждено: я получилъ ваши письма отъ 27 іюня. Хотя, по совѣсти, слѣдовало бы отвѣчать вамъ, но рѣшительно не имѣю времени,—скоро пускаюсь въ обратный путь и занявъ счетами и т. п. 3/15 сентября, во вторникъ, отправился я на либекскомъ пароходѣ и ежели не утону, то въ пятницу 6-го вечеромъ или въ субботу утромъ надѣюсь быть въ Петербургѣ. Какъ порадовало бы меня, еслибъ кто нибудь изъ васъ пріѣхалъ встрѣтить. О днѣ и часѣ прихода можно узнать въ почтамтѣ. Еще разъ спасибо вамъ за письма, до свиданія.

Не забывайте

А. Серно-Соловьевича.

„Поблагодари Гришу за его дружеское посланіе; нѣсколько разъ принимался писать ему, набрасывая двѣ-три строчки и не имѣлъ рѣшительно моральныхъ силъ продолжать.

„Не знаю, гдѣ находится Нюшка ¹⁾; ежели въ Петербургѣ, сообщи ему о моемъ возвращеніи.

„Крѣпко цѣлую тебя, любезный N N; много придется поговорить намъ и я съ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ помышляю объ этомъ времени.

„Пожалуйста, не сердись на меня.

„Гревеницѣ всѣмъ очень кланяется“.

Но въ Петербургъ онъ вернулся ненадолго. Въ концѣ ноября или началѣ декабря Серно-Соловьевичъ снова уѣзжаетъ и опять таки съ своими родными за границу, откуда въ теченіе первой половины 1859 г. присылаетъ своему другу девять писемъ, изъ которыхъ ясно уже и будущее юноши и его общественные идеалы.

9.

1859 г. 10—11 января. Берлинъ.

1858 г. 29—30 декабря.

„Первыя замиранія, раздиравшія душу при прощаніи со всѣмъ дорогимъ и милымъ, прошли, конечно, на время, чтобы снова явиться съ бѣлшей силой и ожесточеніемъ; успокоились на мигъ, разломанные дорогой, члены моего тѣла, и я впервые могу отдать отчетъ всему тому, что происходило и происходитъ во мнѣ и кругомъ.

„Прежде всего нѣсколько словъ о путешествіи по Россіи. Оно запечатлѣно глубокими страданіями, каждый суставчикъ вопіетъ громко.

„Въ Лугѣ разстался я съ Митьковымъ и, утомленный нѣсколькими бессонными ночами, впечатлѣніями послѣднихъ дней, забылся и заснулъ. Долго спалъ я непробуднымъ сномъ, ничто не могло воззвать къ жизни, физика брала верхъ. Только ночью, когда колымага наша остановилась, пришелъ я въ себя и глазамъ представилась воистинѣ картина: кондукторъ гребетъ руки на спинѣ ящика, ящики вымѣщаетъ побой на лошадахъ; лошади бьютъ копытами землю, не двигаясь съ мѣста; путешественники вытѣзли изъ экипажа и оглашаютъ воздухъ стонами... Вѣтеръ воетъ, кругомъ пусто, нигдѣ не видно человѣческаго слѣда. И съ этой самой минуты начались бѣдствія всѣхъ возможныхъ родовъ: дороги отвратительныя, нигдѣ нѣтъ чистой комнаты, нѣтъ свѣжаго куска хлѣба.

We are six. Моимъ собесѣдникомъ, по счастью, случился артиллерійскій полковникъ и бесѣда съ нимъ составляла единственную отраду въ этомъ безвыходномъ положеніи. Твои предчувствія не оправдались. Все располагало къ откровенному слову, и мы, кажется, вполне поняли другъ друга. Затѣмъ архитекторъ, обрусѣлый нѣмецъ, отличавшійся своею нѣжностью къ сестрѣ, маленькому, отвратительному созданію, про которую онъ не иначе выражался, какъ: онъ такъ нѣженъ, такъ деликатенъ, онъ не въ состояніи выдержать этотъ вояжъ; французъ-фабрикантъ, потѣшавшій публику площадными восклицаніями, и нѣмецъ—купеческій комиссіонеръ изъ Гамбурга, блочурый лаваша страстубадура. Впрочемъ, общество наше, несмотря на всю разнохарактерность, отличалось взаимными услугами и чрезвычайной предупредительностью.

¹⁾ Старшій братъ, Николай.

„Отъ Петербурга до Варшавы 1090 верстъ. Проѣхавъ 638, пересажая насъ въ сани попарно и повезли на перекладной. Такъ добрались мы до Ковна, гдѣ обѣщанъ былъ diligensъ на колесахъ. Продержавъ въ этомъ грязномъ городѣ цѣлый день, дѣйствительно дали намъ только не карету, а чортъ знаетъ, что такое, и запрягли туда, какъ свиней. Вездѣ щели, отовсюду дуетъ, окно разбито, ни стать, ни сѣсть, ни протянуть ногъ, ни сдѣлать малѣйшее движеніе. Послѣ 100 верстъ подобной ѣзды, рѣшились мы, наконецъ, съ полковникомъ взять простую телѣгу: болѣе не было возможности терпѣть, уже и такъ поплатился зубомъ, который выдернуть сегодня.

„И все это могло быть устранено простымъ распоряженіемъ, приказаніемъ заготовить намъ по пути экипажи, а для этого стоило только узнать почептальному начальству почтового управленія, гдѣ кончается зимняя дорога. И мнѣ кажется, что это его прямая обязанность. Но къ чему? Между нами не было ни одного генерала, ни одного сколько нибудь достойнаго уваженія лица. Будьте благодарны и за то, что васъ не кинули посредиѣ дороги, не бросили на произволъ судьбы, на жертву всѣмъ мерзостямъ. И это уваженіе къ личности, къ праву человѣка!

„Французъ нашъ кричалъ: *c'est un vol*, но хитрый на выдумки имѣецъ поддакивалъ и вторилъ ему; архитекторъ не смѣлъ очень громко высказывать своего мнѣнія. Я повторялъ: бѣдная, несчастная Россія!

„Какая то давящая грусть овладѣвала мной при видѣ этихъ широко раскинутыхъ полей, лѣсовъ и разбросанныхъ кое-гдѣ на далекомъ разстояніи хижинъ, занесенныхъ снѣгомъ. Я пользовался длинными часовыми остановками на станціяхъ и забѣгалъ въ деревни. Какая бѣдность, какая нравственная нищета. Вывалъ ли кто нибудь изъ васъ зимой въ деревнѣ? Я не бывалъ тамъ и лѣтомъ. И воображеніе невольно переносило меня къ *мноmu міру*, къ *другимъ людямъ*, невольно заглядывалъ я въ себя самого, въ свою собственную душу, въ нашу семью и спрашивалъ: близки ли, знакомы ли намъ вполнѣ подобныя страданія? И какъ то глухо отзывалось внутри.

„Сломаю голову, не жалѣя ни денегъ, ни боковъ, летѣлъ я въ надеждѣ, если не въ тотъ же вечеръ, то на другое утро непременно ухватъ куда нибудь, только скорѣе прочь. Но иначе вышло на дѣлѣ. Два дня продержали меня въ Варшавѣ, два утра обивалъ я пороги канцеляріи, комиссій, таможенъ, экспедицій; 8 бумагъ было написано и переписано изъ-за 5 фунтовъ табаку, изъ-за 5 руб. сер., которые я предлагалъ заплатить при самомъ въѣздѣ въ городъ. И все это оттого, что этимъ людямъ хотѣлось получить денегъ, а даже видѣлъ на заставѣ движеніе руки и подмигиваніе глазъ одного изъ чиновниковъ, но сдѣлалъ видъ, что ничего не примѣчаю. И что за личности, съ которыми пришлось имѣть дѣло! Съ какимъ убійственнымъ ехидствомъ, съ какимъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ дѣлаютъ они всѣ эти мелкія придирки, способныя вывести изъ себя и возмутить самого спокойнаго человѣка.

„Презрительной усмѣшкой отвѣчалъ я имъ и только, когда приходилъ домой, чувствовалъ, какъ слабѣлъ. Слезы навертывались на глазахъ, но онѣ не выливались, а только жгли, и разлившаяся желчь подступала къ горлу.

„Нѣтъ, мало посылаемыхъ проклятій, мало заливаемой неважности, нужно воспитывать ядовитую злобу, лелѣять ее, довести до послѣднихъ предѣловъ пусть будетъ она не вспышками, медленно уничтожающими, а нормальнымъ состояніемъ. Пусть будетъ она левизномъ, вѣчнымъ знаменемъ, съ которымъ

нужно идти на борьбу, потому что невозможно никакое примирение тамъ, гдѣ не хотятъ его знать, гдѣ все окружающее напоминаетъ только о томъ, что ты грязь и ничтожество.

„Во имя всего святого, узами дружбы умоляю васъ, не будьте равнодушны къ общественнымъ интересамъ. Больше энергіи, больше жизни; иначе умрешь и сгниешь.

„Я ничего не видѣлъ въ Варшавѣ, да ничего и видѣть не хотѣлъ. Только вечеромъ, когда зажигались огни, выходилъ на улицу и что же: эти самые поляки, за часъ передъ тѣмъ, черезъ часъ послѣ того, готовые броситься въ страстные объятія—съ зажженными свѣчами стоятъ передъ статуями святыхъ и молятся. Грустный фактъ и вотъ послѣдствія угнетенія: или апатія и равнодушие или развратъ и мистицизмъ.

„Машина свистнула,—граница, еще разъ—Берлинъ, и я повторяю: „часъ отъ часу нелегче“. Быть можетъ, и вы упрекнете меня въ вѣчномъ недовольствѣ; скажете, что по первымъ впечатлѣніямъ судить нельзя и что сужденія мои незрѣлы, что нужно пожить между людьми, чтобы произнести свой приговоръ, и пожить вообще больше для того, чтобы имѣть право судить. Пусть будетъ такъ и припишете это чему хотите: молодости, идеализму... но здѣсь душно и скверно. Та же тема, только измѣненныя варіація, немного замаячивше и лучше. И не забудьте, что эти люди въ своемъ высокомѣрїи дошли почти до *statu quo*, развитіе ихъ едва ли можетъ идти дальше, потому что всякая мысль, выходящая изъ глухо запаяннаго ихъ круга понятій, дика и непонятна имъ. Наши барскія и господскія удовольствія, пожалуй, еще глупѣе и пошлѣе, но, согласитесь сами, что въ кружкѣ пива, въ нѣсколькихъ часахъ безсловеснаго молчанія и бессмысленно выдуленныхъ глазъ есть что то страшно узкое и тупое. Вспомните наши споры, вспомните, какъ горячо защищалъ я чувство собственнаго достоинства трактирной прислуги, и теперь отрекаюсь, отрекаюсь вполне отъ словъ своихъ. Вы, судившіе этихъ людей практически, вы были правы. Не только сапогъ съ ноги вашей, но что угодно за золотые. За деньги—все, безъ денегъ—ничего. Дайте деньги и вопреки всякаго желанія, вопреки всякихъ просьбъ, какъ это было со мной, васъ будутъ называть княземъ, графомъ, барономъ. Дайте денегъ, а потомъ приказывайте и дѣлайте все, все, что хотите. Впрочемъ, я дѣйствительно слишкомъ скоръ и по нѣсколькимъ личностямъ заключаю обо всѣхъ.

„Завтра хочу отправиться въ университетъ. Тамъ, безъ сомнѣнія, найду чтонибудь отличное, лучшее и болѣе утѣшительное. Можетъ быть, здѣсь придется поселиться, а это для меня въ настоящую минуту одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ. Четыре мѣсяца займусь нѣмецкимъ языкомъ, накопилъ себѣ уже нѣсколько классическихъ книгъ, а въ Ахенѣ будетъ много свободного времени. Тяжело будетъ разстаться со всѣми и страшно трудно отдѣлаться отъ всего родного. Одиночество невыносимо, а для меня, можетъ быть болѣе, чѣмъ для кого нибудь. Но вѣдь мы, какъ социалисты, должны смотреть впередъ и повторять: *l'avenir est à nous*. Впереди видѣется берегъ, берегъ, правда, далекій. Развитіе—нужно оно намъ, при поднимающихся вопросахъ, нужно оно для того, чтобы съ большимъ сознаніемъ привести себя въ жертву, ежели того потребуютъ обстоятельства; нужно оно намъ для самолюбія, для того, чтобы быть въ состояніи со временемъ кинуть перчатку людямъ, называющимъ это восторженностью воображенія, и съ большимъ правомъ сказать: смотрите, лѣта насъ не измѣнили, все тѣ же мы, все также горячо любимъ

людей, все также вѣримъ въ ихъ развитіе и мечты, надъ которыми вы смѣялись. Не одинъ иллюзіи, не одинъ бредъ больной головы!

„Главное—заглянуть строго и безпристрастно въ самого себя, создать цѣль и отъ нея не отступать. И тутъ вы можете помочь—это ваша обязанность и долгъ. Одному заглянуть въ себя страшно, хотя это то и нужно главнымъ образомъ. Первая задача—пронести надъ собою приговоръ. Печальная дѣйствительность лучше заманчивыхъ мечтаній, особенно, когда отъ нея зависитъ многое, ежели не все мое будущее. Вудущее... Какъ много въ этомъ емовъ, сколько надеждъ, сколько вѣры.

„Но довольно, оставимъ пока всѣ эти большія и малыя цѣли, оставимъ ихъ,—впереді много времени. Мнѣ хочется поговорить еще немного сердцемъ, сладкими воспоминаніями, къ которымъ, вѣроятно, не разъ придется возвращаться. Потолковать о близкомъ прошедшемъ, такъ высоко поднимавшимъ грудь и отъ чего и теперь, когда пишу эти строки, сердце бьется такъ сильно, такъ скоро... А какъ недавно, казалось мнѣ, что эти чувства утрачены уже навсегда, что кровь не можетъ больше броситься въ голову. И думалось мнѣ, что не сильна была натура, которая не только пошатнулась, но и надломилась при первой встрѣчѣ съ дѣйствительностью. Но тотъ же огонь вспыхиваетъ снова и пробѣгаетъ по жиламъ. И не отдамъ я его ни за что на свѣтѣ. За него все, всѣ лишенія и муки! Для насъ настала эпоха, всѣ мы стоимъ на перекресткѣ и не знаемъ, итти вправо или влѣво. Недугъ нашъ общъ: та же жажда дѣятельности, потребность вылиться въ извѣстную форму. До сихъ поръ мы жили только сердцемъ, и оно выработалось у насъ, струны его при малѣйшемъ прикосновеніи издають звукъ. Теперь пора подумать о другомъ, время серьезнаго труда пришло. Больше работы надъ собой, больше сосредоточенности, больше анализа.

Вотъ вамъ, товарищи, мои желанія на новый годъ.

„Тебѣ III., въ моемъ прошедшемъ принадлежитъ одна изъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ страничекъ. Тебѣ блаже, чѣмъ кому нибудь, знакомы всѣ мои слабости, всѣ волновавшія меня страсти. Кто подавалъ мнѣ всегда руку помощи, кому не чужды и не дикі мои сомнѣнія и надежды? Загляни въ нашу лицейскую жизнь, въ прошедшій послѣ выпуска годъ, и въ него то въ особенности. Съ тобой прочность нашихъ отношеній перешла, кажется, границу колебаній. Спасибо, задушевное спасибо и крѣпкое дружеское пожатіе!

„Насъ, Долгово и Черкесовъ, сама судьба сплотила тѣснѣе, вмѣстѣ проша мы первые шаги въ жизни и вмѣстѣ встрѣтили первый рядъ томительныхъ и удушливыхъ дней, который пронесся надъ нашими головами. Разѣхавшись, считалъ я домъ вашъ своимъ, вотъ почему разлука съ вами отзывалась чувствительнѣе и больнѣе. Мы могли слѣдить другъ за другомъ и носить лица и тутъ еще болѣе я оцѣнилъ васъ. Вы оба на отличной дорогѣ, но чувствами оставайтесь тѣ же и только больше работайте надъ собой. Сколько лѣтнжности выказали вы мнѣ и въ это послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ! Спасибо, спасибо и вамъ за все, и тоже крѣпкое, братское пожатіе.

„Съ тобой, Гавриловъ, ¹⁾ мы недавно обнялись. Долго не довѣрялъ ты

¹⁾ Михаилъ Ильичъ Гавриловъ окончилъ лицей вмѣстѣ съ Серго-Соловьевичемъ и служилъ въ канцеляріи Ком. Министровъ, а потомъ въ министерствѣ финансовъ; умеръ въ 1901 г.

мнѣ, долго сомнѣвался—и это испытаніе служить вѣрнымъ залогомъ нашего соединенія. Тебѣ нужно одно: идти непреклонно тѣмъ же путемъ, ты первый изъ насъ сталъ трудиться. Тебѣ честь и слава. Позволь же и тебѣ послать мой горячій поцѣлуй.

„Кто будетъ писать Николаеву, Риктеру, С. и другимъ изъ нашихъ, не находящихся въ Петербургѣ, всѣмъ передайте мое привѣтствіе.

„Прощайте, я уѣзжаю въ Ахенъ.

„Передай, пожалуйста, мой душевный поклонъ и поздравленіе въ особенности Лазаревымъ ¹⁾, Люб. Ив. ²⁾, а черезъ Ньюку и Алек. Никола. Штакембергъ, Трубицкой ³⁾, Тургеневой ⁴⁾, Вѣрѣ Васильевѣ ⁵⁾, семейству барона, Гришѣ, Володѣ Миткову. Если увидишь—Петру Васильевичу, Строкину, Неварокому, etc, etc. Когда уѣхалъ Ньюка и какъ ему писать? Въ какомъ положеніи дѣла дома? Гдѣ вы встрѣтили новый годъ?

„Еще разъ крѣпко цѣлую и тебя. Пиши мнѣ подробно обо всемъ, что интересуетъ меня, а ты это очень хорошо знаешь. Но напередъ всего сдѣлаемъ условіе не считаться письмами. Я по своему положенію долженъ писать очень многимъ, потому тебѣ и стыдно и грѣшно будетъ только отвѣчать. Ты знаешь, какъ мнѣ необходимъ разборъ самого себя, и ты долженъ непременно помогать мнѣ въ этомъ.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Главное побольше политическихъ новостей“.

10.

1859 г. 10 январ. Ахенъ.

N N, я прибѣгаю къ тебѣ съ просьбою, которая, знаю, будетъ стоить огромныхъ хлопотъ, но во что бы то ни стало исполни ее. Мнѣ необходимо 400 р. сер.—Зачѣмъ, не могу теперь сказать—послѣ все узнаешь. Дѣло очень важное и не касается меня одного, для многихъ оно должно всегда оставаться тайной. Займи у какого нибудь ростовщика, дай ему вексель на свое имя, попроси кого нибудь поручиться. Я дамъ до 20 іюня 600 р. с., т. е. 200%. Въ крайнемъ случаѣ попроси нашихъ (только не всѣхъ) сдѣлать складчину. Конечно, нужно, сколько возможно, держать въ секретѣ.

„Деньги мнѣ необходимы къ 1 марта нашего стиля, но, пожалуйста дай скорѣй отвѣтъ, есть ли какая нибудь надежда. Поговори съ Коковцевымъ ⁶⁾ у него есть акціи; пусть онъ продастъ мнѣ ихъ, я возвращу ему не только съ преміей, но отдамъ ту сумму, которую онъ будетъ стоить въ іюнѣ. Ты знаешь, что 15 іюня получу я капиталъ свой и въ отдачу буду аккуратенъ. Если возможно, устрой съ Коковцевымъ это, потому что чѣмъ меньше будутъ знать,

¹⁾ Александръ Алексѣевичъ и Ирина Ивановна Лазаревы.

²⁾ Сестра Лазаревой Любовь Ивановна Караулова.

³⁾ Марія Васильевна Трубицкая, урожденная Изашева, дочь декабриста, чело-
вѣкъ очень замѣтный въ общественной работѣ шестидесятихъ годовъ.

⁴⁾ Ольга Борисовна Тургенева, впоследствии Соколовна.

⁵⁾ Родная сестра М. В. Трубицкой, впоследствии вышедшая замужъ за А. А. Черкесова и нинѣ живущая съ мужемъ въ Херсонѣ.

⁶⁾ Сергѣй Николаевичъ Коковцевъ окончилъ лицей нинѣшнѣ съ А. Серно-Соловьевичемъ и служилъ въ канцеляріи морского министерства.

чѣмъ скорѣе я получу деньги, тѣмъ лучше. Извини меня за не деликатность, но и ты бы на моемъ мѣстѣ поступилъ также.

Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта.

А. Серно-Соловьевичъ.

Р. С. Получилъ ли ты первое письмо? Я знаю одного господина, у котораго можно занять, это булочникъ Реккеръ, перейдя Намайловскій мостъ съ правой стороны, во второмъ домѣ Съ поручителемъ онъ дастъ, только не говори, что присланъ отъ меня. Еще разъ извини. Распечатываютъ ли мои письма?

11.

1859 г. 17/29 января. Суббота. Ахенъ ¹⁾.

(Пиши, котораго числа получилъ).

„Воображаю себѣ, какъ удивила, какъ озадачила тебя записка, посланная въ письмѣ къ Гаврилову ²⁾. Нелегко было и мнѣ рѣшиться, но, повѣрь, только крайняя необходимость заставила обратиться къ вамъ, которые одни можете вывести меня изъ страшно непріятнаго и щекотливаго положенія. Мысль, что я какъ будто требую назадъ данныя въ займы деньги, долго убивала меня; хотя, конечно, нѣсколько рублей ни въ чемъ не помогли бы и ни на волосъ не улучшили моей тягостной позиціи. Вы, т. е. ты, вѣроятно, это очень хорошо понимаешь. Свои люди—сочтемся: вотъ что утѣшало меня и извиняло нѣсколько не деликатную просьбу. Какъ приговора, ожидаю отвѣта. Деньги! деньги! сколько вы заставили меня переносить скорбныхъ минутъ, сколько разъ жестоко страдало изъ за васъ самолюбіе мое! Кто не испыталъ себя на этомъ оселкѣ, тому не достаетъ большой опытности. Впрочемъ, все это вадоръ, непростительная слабость характера, малодушіе, ничѣмъ неоправдываемое. Ставить существованіе свое въ зависимость благороднаго металла несовмѣстно съ свободой человѣка. Послѣ этого, пожалуй, и принципы и убѣжденія пойдутъ къ дьяволу. Это также одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые нужно обратить вниманіе. Надѣюсь, что для меня былъ послѣдній урокъ.

„Много ожидалъ я отъ настоящей поѣздки, съ самаго начала поколебался въ достиженіи чего либо, теперь снова просвѣчиваетъ лучъ надежды. Отчаяніе, вырвавшееся изъ груди, когда писалъ Долгово, было сильнымъ кризисомъ; нервы не совсѣмъ еще успокоились. Да и что-жъ тутъ удивительнаго: я слишкомъ горячія привязанности оставилъ въ Петербургѣ; немудрено, что сердце часто надрывается. Однако, чѣмъ глубже всматриваюсь въ себя чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе сознаю пользу заграничнаго путешествія. Вѣдь, вояжъ былъ предпринятъ не зря, для другихъ былъ онъ прогулкой, для меня имѣлъ или долженъ былъ имѣть болѣе серьезный смыслъ. Это совсѣмъ не значить, что вотъ уже все готово, маршъ въ дорогу; совсѣмъ нѣтъ; я далеко отъ подобной мысли. Не начато, не рѣшено еще ничего, а только прибавилось больше спокойствія, несмотря на всю нелѣпость обстановки, которая во всякое другое время имѣла бы самыя мрачныя послѣдствія. Письмо твое

¹⁾ Въ верхнемъ лѣвомъ углу почтоваго листа вытисненъ дворянскій гербъ съ инициалами А. С. Александръ Александровичъ пишетъ около него: „хорова не моя, а матеря“.

²⁾ Предыдущее письмо.

въ этомъ отношеніи не осталось безъ громаднаго значенія. Представь себѣ, увидя его помѣченнымъ 2-мъ января, я такъ былъ доволенъ, какъ будто ничего болѣе и не хотѣлось (человѣкъ твой, вѣроятно, забылъ отнести его на почту, потому что въ нашемъ почтамтѣ поставленъ штампель 9 января, да иначе не могъ бы объяснить себѣ, отчего оно шло 14 дней). Прочтя его, еще болѣе убѣдился, сколько добра могу вынести изъ нашей корреспонденціи. Непривычка класть свои мысли на бумагу, хотя и является большой помѣхой, тѣмъ не менѣе восполняетъ нѣкоторымъ образомъ совершенное отсутствіе въ людяхъ, съ которыми бы можно было перемолвить слово о томъ, о чемъ такъ хочется поговорить. Здѣсь меня никто не понимаетъ: ни свои, ни чужіе. Я, точно, очутился въ другомъ мірѣ, взаимныхъ интересовъ у насъ рѣшительно нѣтъ, не на комъ отдохнуть, не съ кѣмъ подѣлиться. Мнѣ же по преимуществу нужны обмѣны, нужны, если хочешь, сцена и зрители, тогда являются мысли; въ противномъ случаѣ остаюсь при двухъ—трехъ идеяхъ, далѣе которыхъ не двигаюсь ни съ мѣста. Причина этого заключается, полагаю, въ маломъ чтеніи дѣльных книгъ, и въ безтолковомъ чтеніи прочитанныхъ.

„Вчера вечеромъ получилъ я, наконецъ, письмо твое,—сегодня берусь за перо. Тонъ твой какъ то особенно порашилъ меня, обрадовалъ той довѣренностью, той теплотой, которыми онъ дышетъ. Насъ разлука на довольно продолжительное время сведетъ еще крѣпче, мнѣ дастъ еще сильнѣе почувствовать ту нужду, которую имѣю въ себѣ. Не знаю, можетъ быть, нехорошо еще провѣрилъ себя, но, всетаки, кажется, что люблю тебя сильнѣе, чѣмъ кого либо. Болѣе того,—я съ полнымъ сознаніемъ, съ полной готовностью отвѣтить называю тебя другомъ. Не подумай, что тутъ скрывается аггріе репсѣе, невысказанный упрекъ, нисколько. Не скрою, конечно, и того, что памятенъ будетъ тотъ день, въ который назовешь ты меня этимъ дорогимъ именемъ. Въ твоемъ письмѣ вижу вызовъ на болѣе серьезную переписку и съ полною готовностью откликаюсь на нее. Это мое самое искреннее желаніе. Все, что было говорено, писано, сбывается опять таки на общія мѣста. Сегодняшнимъ письмомъ хочу тебя познакомить съ моей обстановкой, а на всѣ слѣдующіе раза оставить интимную переписку, обмѣняться убѣжденіями, чувствами и сказать другъ другу, какъ ты выражаешься, *sans ménagement*, всю правду.

„Мы остановились на Берлинѣ. Послушать университетскія лекціи не удалось, потому что въ этотъ день онѣ были только въ медицинскомъ факультетѣ. Но есть сказать и о немъ кое что утѣшительное: это необыкновенно милый пріемъ, сдѣланный мнѣ нашимъ священникомъ, къ которому имѣлъ письмо отъ Строкина. Къ несчастію, недолго могъ я бесѣдовать съ нимъ, но все, что было говорено, вѣяло нашими идеями. Последнія слова его были: „душевно сожалею, что въ настоящую минуту ничѣмъ быть вамъ полезнымъ не могу; пожалуйста, напишите мнѣ изъ-за границы, ежели будете имѣть хоть въ чемъ нибудь нужду“. Чистосердечность, съ которой это сказано было, глубоко тронула меня, и я не могъ не спросить его, покраснѣвъ до ушей, чему обязанъ. Вѣрнѣе сказать, просто хотѣлось узнать, что пишетъ про меня Строкинъ. Любопытство было удовлетворено только отчасти; письма онъ не показалъ, но на словахъ передалъ рекомендацію, которая превзошла всѣ ожиданія. Вотъ ужъ никогда бы не сказалъ, что А. Никол.¹⁾ подобнаго мнѣнія обо мнѣ. По-

¹⁾ Строкинъ.

жалуйста, передай Строкину огромную благодарность за лестный отзывъ, скажи ему однако, что это слишкомъ много.

„30 го вечеромъ сѣлъ въ вагонъ, провелъ всю ночь въ разговорахъ съ однимъ англійскимъ лордомъ, удавившимъ меня своею любезностью. Я не видѣлъ, какъ время шло,—такъ было интересно. Много спорили мы на счетъ Россіи, много рассказывалъ онъ про Англію, и мы разстались большими пріятелями. Прощаясь, лордъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ нѣсколько комплиментовъ нашему молодому поколѣнію; я отвѣчалъ тѣмъ же, говоря, что оно полно сочувствія къ Англіи. Меня удивляло, съ какимъ вниманіемъ слушалъ онъ мои нападки, во многомъ конечно, очень невѣрныя, на англійскую аристократію и аристократизмъ вообще.

„31 декабря прибылъ въ Ахенъ, и со второго же дня образъ жизни принялъ такой однообразный ходъ, что достаточно описать одинъ день, для того, чтобы имѣть полное понятіе о томъ, что я дѣлаю. Въ 8 час. встаю; въ 9 приносятъ кофе и газеты; отъ 10—11½ ѣзжу верхомъ; по приходѣ домой сижу съ нашими, которыя въ это время пьютъ чай; отъ 1 до 2½, занимаюсь нѣмецкимъ языкомъ, перевожу или читаю что нибудь; послѣ обѣда читаю матери часовъ до 5; затѣмъ иду гулять, пью чай, послѣ котораго, глядя по обстановкѣ пишу, читаю или бесѣдую съ дамами. По субботамъ хожу вечеромъ въ собраніе работниковъ (фабричныхъ), которые отлично поютъ; тутъ иногда раздаются сильно демократическія рѣчи, нѣчто въ родѣ митинговъ, остающихся пока безъ послѣдствій. Съ 14 февраля начнутся здѣсь процессы и мнѣ заготовили уже одно изъ лучшихъ мѣстъ.

„Мать моя впала въ совершенный мистицизмъ; иначе и быть не могло. Тетка влюблена въ одного изъ католическихъ петеровъ. Общество заключается въ нѣсколькихъ духовныхъ, докторъ и двухъ-трехъ нѣмецкихъ барышняхъ. Я постоянно удаляюсь къ себѣ при появленіи кого нибудь изъ чужихъ. Духовные здѣсь или очень умны, но страшные каналы, или набитые дураки. Есть единъ порядочный молодой человѣкъ и у него беру уроки на нѣмецкомъ языкѣ. Отношенія съ матерью очень хороши; я по возможности стараюсь лгать себя и быть внимательнымъ, она очень деликатна и мила. Понятія наши еще болѣе отдалились; иногда бываютъ схватки изъ-за религіи, но кончаются всегда мирно. Ты знаешь, однако, что я никогда особенно не любилъ ее. Иногда хочется возбудить въ себѣ это чувство, когда, строго критикуя, не можешь не воздать ей должнаго, просто заставляешь себя разнѣжиться; но нѣтъ, видно, ужъ тутъ ничего не закажешь. Въ моей головѣ теперь бродить планъ оставить ихъ совсѣмъ за границей. Онѣ съ восторгомъ приняли его, но главное препятствіе со стороны дѣда.

„*Пожалуйста, отнынѣ моихъ писемъ никому не показывай и о семействѣ вообще ничего никому не говори.*

„Въ началѣ марта я поѣду путешествовать на двѣ недѣли, но портрета не пришлю, потому что весной лучше его снять. Хотѣлось бы написать С., но время бѣжитъ безъ оглядки, не успѣваешь ничего сдѣлать. Если ты будешь писать ему, увѣдоми о моемъ мѣстопробываніи. Когда они выѣзжаютъ изъ Ниццы? Нельзя ли намъ назначить гдѣ нибудь rendez-vous? Узнай мнѣ, пожалуйста, все это и дай нѣсколько инструкцій относительно Е. А. ¹⁾).

„Прости за отвратительное письмо, но я до многого не хотѣлъ дотроги-

¹⁾ Сестра А. А. С.

ваться, желаю включить въ другой отдѣлъ. Отчего ты ни слова не говоришь о Николаевѣ? Что Гриша? Попроси его написать мнѣ нѣсколько строкъ. Путь избранный вами, очень хорошъ: не забудь, что я руку всѣхъ знаю.

„Поздравляю тебя съ мѣстомъ и окончаніемъ работы.

„Баронамъ и баронессамъ мой поклонъ, старуху поцѣлуй.

„Незабудь узнать все о С—выхъ, да поскорѣй.

„Долго и всѣмъ нашимъ мой поцѣлуй. Нѣтъ ли чего новаго. Тебя не спрашивалъ, ни о комъ, потому что когда думаю о себѣ, тогда думаю и о тебѣ; чего желаю себѣ, того желаю и тебѣ, потому что съ тобой неразлучно и тѣсно связано все свѣтлое, все хорошее, все милое мое.

„Кончаю отвратительное письмо мечтой, которую желѣю съ 1 января. Вотъ въ чемъ она заключается: ежели осуществится мое переселеніе за границу, поѣдемъ вмѣстѣ. Выслушай меня безъ гримасъ. Мы будемъ работать для *будущаго*, для *Россіи*, слѣдовательно тутъ всякую деликатность въ сторону. Денегъ у меня есть и за прожитіемъ, которое по справкамъ оказалось очень дешево, останется еще маленькій капиталъ. Наконецъ, ты мнѣ отдашь ихъ, когда заработаешь. Ежели не служба, а одна церемонія, то это меня глубоко оскорбитъ. Какъ бы это ни показалось тебѣ дико и странно сначала, подумай хорошенько, я требую *спори*. Не прошу этого во имя мое, но умоляю для общественной пользы. Во всякомъ случаѣ займись, т. е. начини читать нѣмецкія книги.

Цѣлую тебя.

Твой другъ А. Серно-Соловьевичъ.

„Рекомендую тебѣ: Шиллера и исторію Гервинуса. Итакъ, до слѣдующаго раза. Пиши каждую недѣлю. Знаете, можно устроить колонію за границей, если залучить Черкесова и Гришу. Скажи нянюшкѣ С—выхъ, что я о ней часто вспоминаю. Спроси, забыла ли она меня? Пришли мнѣ обратчикъ письма къ Гаугеру ¹⁾, самаго officialнаго.

12.

1859 г. 12/24 февраля. Четвергъ.

„Вчера получилъ вексель и письмо къ Гаугеру. Крѣпко цѣлую за все. Передай это кому слѣдуетъ, напиши мой адресъ, а меня извѣсти тотчасъ, какъ отдашь. Скоро побесѣдуемъ съ тобой побольше, не сердись на меня за то, что медлю отвѣтомъ на два письма.

„Отчего всѣ письма доходятъ до меня черезъ двѣ недѣли, когда самый долгій срокъ восемь дней?

„Также напиши о подробностяхъ вашего свиданія“.

А. С.-С.

13.

1859 г. 17-го февраля. Вторникъ. Ахенъ. 4 часа ночи.
1-го марта.

„Ровно мѣсяцъ тому назадъ писалъ я тебѣ въ послѣдній разъ, драгоценный Ш. Съ тѣхъ поръ получилъ отъ тебя два приложенія и ни на одно не отвѣчалъ. А между тѣмъ послѣ каждого изъ нихъ первымъ порывомъ,

¹⁾ Помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ.

первымъ желаніемъ было броситься къ перу. Всякая почти строка задираала одну изъ самыхъ чувствительныхъ, самыхъ слабыхъ струнъ. Не правильнѣе ли будетъ сказать—изъ самыхъ сильныхъ? Зачѣмъ не поддавался я этому вѣянію? Выслушай мои оправданія.

1. Внутреннее безпокойство, томившее меня, не дававшее столько свободного времени, сколько нужно было для того, чтобы отвѣчать такъ, какъ хотѣлось. Причинъ такого состоянія очень много; я постараюсь коснуться до нихъ въ разныхъ мѣстахъ нашей бесѣды.

2. Цѣлая недѣля, проведенная въ ассизномъ судѣ (утромъ и вечеромъ)

3. Зубная боль, продолжавшаяся нѣсколько дней.

Но главной причиной долгаго молчанія была мысль окончить всю переписку, написать всѣ отвѣты, а затѣмъ уже посвятить тебѣ одному нѣсколько дней, дней, въ которые я выложилъ бы передъ тобой душу мою.

И вотъ, когда всѣ препятствія устранены, я чувствую себя до такой степени нездоровымъ, что не въ состояніи связать двухъ словъ. Третью ночь не смыкаю глазъ, лицо пожелтѣло, какъ лимонъ. Но, несмотря на это, моральныя силы свѣжи и никогда не было у меня столько энергіи въ душѣ, столько страстности стремленій. Дрожаніе руки напоминаетъ о лихорадочномъ положеніи, голова горитъ, но потребность писать сдѣлалась слишкомъ громадна.

„Всегда соглашусь, что у меня мало еще выработаннаго, мало завершеннаго, но отказать себѣ въ убѣжденіяхъ значило бы уничтожить все прошшее, признать, что никогда не мыслилъ, не чувствовалъ. Но подобнаго приговора произнести нельзя, какъ бы пуста ни была жизнь моя до сихъ поръ, какъ бы строго не судили меня. Каждое столкновеніе, возникнувшій вопросъ, книги даютъ толчокъ влѣво или вправо, но главная тема должна оставаться и останется неизмѣнной, и если бы для того повзбѣдилась жизнь моя, я и тогда бы не призадумался. Неужели же все, что было говорено,—пустыя фразы, громкія слова, всѣ дѣйствія безсознательныя или по вкодоченной привычкѣ? Неужели нѣтъ той искры, которая бы произвела пожаръ? Ты знаешь почти все существованіе мое вдоль и поперекъ.

„Дѣтство мое—борьба съ семействомъ, съ существовавшимъ у насъ порядкомъ, рядъ наказаній, побѣговъ, запиравій въ дворницкую, розогъ (объ одномъ изъ такихъ безчеловѣчныхъ поступковъ я и теперь не могъ равнодушно вспомнить, хотя это было восемь лѣтъ тому назадъ). Могло ли это даромъ пройти, не оставивъ отпечатка на молодой душѣ. Та же мысль, то же чувство просвѣчиваютъ во всѣхъ поступкахъ, восходя мало-по-малу до совершеннаго сознанія ихъ.

„Лицейская жизнь—опять противодѣйствіе, опять сильныя ощущенія ненависти и симпатіи. Ежели я опустился послѣ выпуска, ежели не перенесъ прежнихъ стремленій, столкнувшись съ дѣйствительностью, зато я страдалъ я, зато и душило меня во временахъ. И вотъ отчего знакомство съ человекомъ, которому ты передалъ мое письмо ¹⁾, имѣетъ громадное значеніе. Онъ указалъ мнѣ на необходимость серьезной работы, какъ на единственный выходъ изъ того состоянія, котораго послѣдствіями бѣлая горячка, или еще хуже нравственная смерть, апатія. Я не вѣрю въ будущій міръ, потому дѣятельность здѣсь составляетъ для меня вопросъ жизни и смерти. Стать на пьеде-

1) ?

сталъ и съ высоты величія наблюдать за всѣми тревоженіями, не принимая въ нихъ участія, а также не въ состояніи, потому что слишкомъ люблю людей. слѣдовательно, и себя, слишкомъ горячъ отъ природы и перегорю. Людей, оматрающихъ съ холоднымъ безпристрастіемъ, никогда не увлекающихся, смѣющихся надъ внутренними страданіями, надъ неравномѣрнымъ біеніемъ сердца потому только, что онѣ имъ незнакомы—я всегда нетерпѣль. Сдѣлаться подобнымъ имъ также трудно, какъ превратиться въ католическаго монаха.

„Можетъ быть, это то же самое, что я писаю тебѣ въ первомъ письмѣ, въ такомъ случаѣ извини за повтореніе.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Хотѣлъ поговорить о многомъ. Во всякомъ случаѣ можно заняться нѣм. яз. Будь здоровъ, цѣлую тебя крѣпко. Главное не дай глѣни овладѣть“.

14.

1859 г. 22 февраля. Воскресенье. 6 ч. веч.
7 марта.

„Припоминая сегодня писанное тебѣ во вторникъ, мнѣ пришла мысль просить тебя критиковать письма мои какъ можно строже и безпристрастѣе. Мнѣ кажется, что я вдаюсь въ очень частыя повторенія. Но это бы еще ничего. Важнѣе то, что читающему ихъ можетъ броситься въ голову претензія на непонятую будто бы натуру и т. п., чего бы мнѣ очень не хотѣлось. Пожалуйста, прими это безъ всякой задней мысли, я говорю то, что думаю. Можетъ быть, на меня бы прозвучали подобное впечатлѣніе такіа строки. Дѣйствительно, я все кричу о внутреннихъ страданіяхъ, о самопожертвованіи, ненависти. Гдѣ же право? на чемъ оно основано и не противорѣчу ли ежедневно тому, что проповѣдую съ такимъ озлобленіемъ? При томъ такая переписка будетъ полезна для насъ обоихъ, да и, по правдѣ сказать, мнѣ не совсѣмъ навѣстимъ твои теоріи, съ которыми бы хотѣлось познакомиться во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ.

Съ нашего выпуска меня постоянно преслѣдовало опасеніе, чтобъ ты не сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ. Выраженіе это такъ ясно, имѣетъ столько значеній и мнѣ слышится вопросъ, что понимаю я подъ нимъ? Трудно хорошо отвѣтить. Конечно, я теперь не думаю, чтобъ пустыя приличія взяли надъ тобой верхъ—для этого ты слишкомъ уменъ; на короткое время, мгновенно—пожалуй. Меня мучитъ совсѣмъ другое. Я опасюсь: 1). чтобъ ты не потерялъ полную чистоту, 2) за твои политическія убѣжденія. Опять двусмысленно. Вотъ что значитъ непривычка писать.

Подъ чистотою я понимаю неотступленіе ни въ чемъ, при какихъ бы те ни было обстоятельствахъ отъ истины, т. е. отъ того, что принимаешь за правду. Другими словами, не дѣлать уступокъ quand même. Нѣсколько выше я дѣлаю то же обвиненіе самому себѣ, но у тебя гораздо больше искушеній. Вотъ къ достиженію этой то чистоты и нужно намъ стремиться, а свѣтскія условія и склонности противоположны ей. Теперь, пока не приходится дѣйствовать въ большихъ размѣрахъ, все наше поле въ мелочахъ, въ самыхъ обыкновенныхъ событіяхъ, слѣдовательно, въ ожиданіи будущаго намъ нужно

борются въ этихъ предѣлахъ. Тогда какъ гостинныя заставляютъ часто не только быть уклончивыми, но придавать значеніе такимъ людямъ и вещамъ, отъ которыхъ нужно бѣгать. Уступая въ ничтожностяхъ, дойдемъ мало-по-малу до уступки въ серьезномъ дѣлѣ. Этого я страшусь, зная, какъ одно извиненіе ведетъ за собой цѣлый рядъ. Впрочемъ, долженъ тебѣ сказать, что этого рода опасенія развились сознательнѣе только теперь; въ Петербургѣ они являлись болѣе со стороны формальностей. Въ особенности не могъ я переварить двухъ знакомствъ: Д—выхъ и Т. О первыхъ у насъ былъ разговоръ. Ты отвѣчалъ, что изучаешь людей. Позволь возразить на это, что обстоятельства, служба сталкиваютъ насъ достаточно съ такого рода людьми, для того, чтобы мы еще сами сближались съ ними. Наконецъ, при нашей неарѣлости, юности слѣдуетъ сначала окрѣпнуть, а пока нельзя безъ боязни ѣздить всюду. Это страшная самоувѣренность и вѣра въ свои силы. „Нѣтъ здоровья, которое бы вынесло каплю гнилой крови“, а кто ручается, что ты не заразишься. Можетъ быть, нерѣдко, не имѣя положительныхъ доказательствъ, а только одно предчувствіе, нюхъ, ты невольно поддаешься противной сторонѣ, которая также бываетъ сильна. Недаромъ одинъ мой знакомый нѣмецъ повторяетъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: *vieles hat seine zweierseiten*.

„Насчетъ опасенія за политическія убѣжденія могу сказать только: боюсь, чтобы мы не разошлись, или правильнѣе боюсь, что ты не примешь крайнихъ, къ которымъ питаю все сочувствіе, имѣю склонность и буду обрабатывать.

„Затѣмъ рѣшительно не знаю, откуда ты взялъ, что я сержусь на тебя что между нами существуютъ недоразумѣнія (въ первомъ письмѣ). Все, что я могъ имѣть противъ тебя это то, что ты не останавливалъ моего дурного поведенія въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ товарищей, въ особенности съ моей нетерпимостью, которая поселила такую страшную вражду во многихъ изъ нихъ. Впрочемъ, не ты ли же одинъ указалъ мнѣ, какъ далеко это поведетъ. Къ несчастію, было уже поздно. Да будто возможно намъ примириться чисто-сердечно съ тѣми, на которыхъ намекаю? Мы идемъ по слишкомъ разнымъ дорогамъ и чѣмъ старше становимся, тѣмъ рѣче проводится черта. Кто нибудь долженъ уступить, иначе отношенія будутъ вертѣться на дипломатіи и при первомъ представившемся случаѣ разлетятся въ дребезги.

„Въ какомъ положеніи нашъ товарищескій кружокъ?

„О перепечатываніи сомнѣваюсь.

„Извѣстія о Катковѣ привели меня въ восторгъ и въ ошѣенство. Въ послѣднемъ номерѣ отличный отвѣтъ на письмо русской дамы. Твое и вообще впечатлѣніе протеста на обвинительный актъ? ¹⁾.

Сейчасъ получилъ великолѣпное посланіе отъ Нюньки: онъ сильно зрѣетъ. Черезъ двѣ недѣли я ѣду. До тѣхъ поръ хотѣлъ бы многое сдѣлать: прочесть еще кое-что, поговорить съ тобой о многомъ, написать Черкесову, Гришѣ (обвинительное письмо), Нюнькѣ, не знаю успѣю ли.

(Съ нетерпѣніемъ жду подробностей вашего свиданія и знакомства).

Неизвѣстно ли чего нибудь тебѣ о предположеніяхъ Штакальберговъ на счетъ заграничной поѣздки (это былъ секретъ)? Ежели „задушевный поклонъ“ были подлинныя слова Алекс. Никол., ²⁾, скажи, что они глубоко тронули меня.

¹⁾ Рѣчь идетъ о герценовскомъ „Колоколѣ“, который читался Серно-Соловьевичемъ въ засѣд. „Отѣтъ русской дамы“ напечатанъ въ № 36, отъ 15 февраля, а „Обвинительный актъ“ въ 29, отъ 1 декабря 1858 г.

²⁾ Строганъ.

„Передай всѣмъ товарищамъ и знакомымъ, которые помнятъ меня, что я обо всѣхъ думаю.

„Прощай, бѣгу, у насъ начинается карнавалъ, о которомъ вы не имѣете понятія. Крики, музыка, веселье на пропалую на улицѣ. Я въ отличномъ расположеніи духа, здоровье только швахъ. Пиши же въ Ахенъ, да почаще. Крѣпко цѣлую тебя.

Твой другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

„Я думаю, что письма мои хоть отчасти должны доказать, что нисколько не сомнѣваюсь въ чувствахъ твоихъ ко мнѣ. Да и не имѣю права.

О благотворительности мало думаю, но что видѣлъ и узналъ, сообщу объ этомъ.

15.

1859 г. 1—13 марта. Воскресеніе. 10 час. веч.

„Чрезвычайно какъ порадовало меня твое желаніе заняться социальнымъ вопросомъ, и потому съ поспѣшностью сообщаю нѣкоторыя свѣдѣнія объ Овенѣ.

У меня подъ рукой все книги подобнаго содержанія, на которыя съ жаромъ набросился (впрочемъ находящіися въ моемъ владѣніи болѣе относятся до Германіи и Франціи). Еще разъ, однако, прошу тебя читать по преимуществу нѣмецкія сочиненія, потому что, съ своей стороны, не считаю дѣло наше оконченнымъ, до моего возвращенія и личнаго объясненія.

Р. Owen родился въ 1771 г. въ Newton (графство Монгомери) отъ бѣдныхъ родителей. Первое поприще его было торговое. Скопивъ небольшое состояніе, онъ употребилъ его на ученіе. 30 лѣтъ женился онъ на дочери богатаго купца Дала (въ Манчестерѣ), который взялъ его, какъ главнаго ассистента въ хлопчатобумажную прядильню (New Lenark въ Шотландіи). Овенъ засталъ жителей этой деревни (основанной самимъ Далемъ) въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Своими трудами, примѣромъ, въ особенности же громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ преобразовалъ онъ въ 4 года всю деревню, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась примѣромъ по благосостоянію, честности и развитію обывателей. На свой счетъ основалъ онъ здѣсь школу для дѣтей. Ободренный успехомъ въ практической жизни, является Овенъ, какъ теоретикъ, въ 1812 г. Систему свою излагаетъ онъ въ первый разъ въ брошюрѣ „New views of society, or essays upon the formation of human character“. Для истребленія бѣдствій и упадка общества, должны, по его мнѣнію, отношенія между людьми совершенно измѣниться, а для этого нужна другая система воспитанія. Принципъ, на который онъ опирается: неответственность человѣка относительно его положенія и поступковъ. Слѣдствіемъ этого не должно быть ни вознагражденія, ни наказанія, совершенное равенство въ правахъ и обязанностяхъ, уничтоженіе всякаго превосходства (образованія и капитала).

„Денежными средствами, брошюрами, митингами проводитъ Овенъ на дѣлѣ свои теоріи. Быстро росло число его приверженцевъ во всѣхъ сословіяхъ, и по подпискѣ была основана колонія въ Шотландіи. Съ 1816—18 призывалъ парламентъ Овена для составленія законовъ относительно фабричныхъ и народныхъ школъ. Къ этому же времени относится основаніе имъ училищъ для

маленькихъ дѣтей. Огромными суммами поддерживалъ онъ Белье и Ланкастера. Несмотря на весь энтузіазмъ народа и огромное количество послѣдователей, навлекъ Овенъ своими релігіозными и политическими проповѣдями противодѣйствіе, особенно со стороны духовенства.

„Преслѣдуемый ругательствами и насмѣшками (послѣ смерти покровителя своего, принца Кентскаго), отправился Овенъ въ 1823 г. въ Соед. Штаты, гдѣ основалъ на свой счетъ общину (коммунистическую). Онъ купилъ колонію (New Harmony) въ штатѣ Индіана, съ 30 т. дес. пахотной земли и жилищами на 2 т. человѣкъ и призываетъ къ себѣ желающихъ работать. Капиталисты были уstraшены коммунистическими правилами и потому къ нему стремились все бѣднѣе. Уже въ 1826 г. оказался страшный дефицитъ въ капиталахъ, а за нимъ пошли безпорядки. Тогда Овенъ вступаетъ въ переговоры съ Мексикою и колонизацію въ Техасъ, но они не сходятся въ условіяхъ. Въ 1827 г. возвращается Овенъ въ Англію для распространенія коммунизма. Раздавъ все оставшееся имущество дѣтямъ, онъ начинаетъ свое литературное поприще. Съ 1827—37 г. говорилъ онъ 1000 рѣчей, написалъ 500 адресовъ къ народу, 2000 журнальныхъ статей и сдѣлалъ 250 путешествій (2 во Францію). Изъ его сочиненій (которыя онъ написалъ въ формѣ трактатовъ) особенно замѣчательны: „Lectures on a new state of society“, „Essays on the formation of human character“, „Outline of the rational system“, наконецъ, главное — „The book of the new moral world“, въ которомъ онъ называетъ себя изобрѣтателемъ и основателемъ разумной и социальной системы. Однако, въ эти годы не оставлялъ онъ и практической дѣятельности и съ своими учениками (овенитами) былъ душою рабочей общины, изъ которой выродился чартизмъ. Это и новое сочиненіе „National labour equitable exchange“ (въ которомъ онъ намекаетъ на уничтоженіе денегъ) навлекли на него опять гоненія. (Въ 1832 г. основываетъ банкъ, который лопнулъ). Въ 1834 г., когда рабочая община, требуя большой платы, прекращаетъ работу, является опять Овенъ представителемъ ея. Вскорѣ оставляетъ онъ Лондонъ и является въ Манчестеръ во главѣ Community friendly society“, которая извѣстна подъ именемъ „Association of all classes or all nations“. Въ 1840 г. лордъ Мельбурнъ доставляетъ ему аудіенцію Викторіи, противъ которой дѣйствуетъ Bischof Henry Phillpotts. Овенъ печатаетъ манифестъ, въ которомъ излагаетъ свою систему подтверждая каждый пунктъ свѣдѣніями изъ практики. Но съ этого времени онъ теряетъ расположеніе народа и въ 1847, какъ кандидатъ Magylebore, получаетъ онъ всего одинъ голосъ. Неудачи не сломали и не поколебали его вѣрованій, и въ 1850 г. издаетъ онъ новое изложеніе своихъ идей — „Revolution in the mind and practice of the human race“. Овенъ умеръ въ концѣ прошлаго года (1859). Смотри въ некрологъ „Nord“, есть замѣчательный анекдотъ, помнится мнѣ, что я читалъ его передъ самымъ отъѣздомъ. Прочти его, кажется, впрочемъ, что это въ томъ же номерѣ, въ которомъ помѣщено описаніе суда надъ Монталамберомъ (свѣдѣнія переведены изъ „Real-Encyclopedie“).

„По части судопроизводства не могу дать отвѣта. Мой знаменитый адвокатъ уѣхалъ въ Берлинъ, а на книгопродавца не могу положиться. Хотѣлось бы раздвинуть шире письмо, сообщить кое-что о благотворительности, но кончаю.

„Моя комната отдѣляется узкимъ проходомъ отъ спальни нашей хозяйки, которая рождаетъ въ страшныхъ мученіяхъ. Крики и стоны какъ то раздражаютъ и къ тому же наши безпрестанно приходятъ отъ нея ко мнѣ.

„Я все въ томъ же отличномъ настроеніи духа. Цѣлые дни провожу за чтеніемъ; оставилъ прогулки, ѣзду и чувствую себя довольнымъ въ этомъ затворничествѣ. Нужно отдать также полную справедливость матери: она чрезвычайно деликатна со мной, почти совсѣмъ не стѣсняетъ моей свободы, такъ что я хозяйниъ располагать часы, какъ угодно. Кромѣ того она мнѣ подарила много книгъ, конечно, по моему выбору. Я также принялся за англійское чтеніе, посвящая ему два часа въ день. Сначала было ужасно трудно, чуть ни каждое слово приходилось отыскивать въ лексиконѣ. Теперь становится легче. Нѣм. языкъ (на счетъ книгъ) идетъ довольно успѣшно. Скажи, пожалуйста что у насъ говорятъ о войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ страшная. Неужели насъ втянутъ? успѣютъ отвлечь вниманіе отъ домашнихъ дѣлъ? Я слѣжу за политикой, благодаря доктору введенъ членомъ одного общества и пользуюсь даромъ всѣми газетами. Но всѣ онѣ мало касаются Россіи, „Nord“ только посылаетъ хвалебные гимны Наполеону. Правда ли? „Nord“ опять печатаетъ слухъ о назначеніи Ростовцева министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ужасно, если правда.

„Потрудись отослать письмо это по адресу, взявъ въ почтамтѣ росписку для большей вѣрности. Получилъ ли ты письмо съ письмомъ? Я начинаю беспокоиться доходить ли до тебя мои письма. Я писалъ тебѣ съ записочками 30 декабря, 10, 17 января, 11, 12, 17, 22 февраля.

„Я писалъ Володѣ, чтобы онъ отправился къ Лазаревымъ и спросилъ отъ моего имени, не нужно ли имъ что нибудь изъ заграницы купить; я съ радостью исполню всякую комиссію. Это, можетъ быть, покажется очень страннымъ. Объясни И. И., что я выдумалъ этотъ предлогъ для того, чтобы доставить случай Володѣ побывать у нихъ—онъ мнѣ пишетъ письма полныя отчаянія; дѣйствительно, ему тоска невыносимая. Я надѣюсь, что И. И. не будетъ въ претензіи.

„Давай же мнѣ въ самомъ дѣлѣ знать о себѣ почаще. Твой какъ и всегда

А. Серно-Соловьевичъ.

„Ты мнѣ не пишешь, проходятъ ли мои письма черезъ цензуру. Нѣтъ ли радостныхъ новостей? Недавно вышла въ Лейпцигѣ маленькая книга. Не знаю, что за произведеніе. Мнѣ ее только что прислали: — „Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ чрезъ посредство ликвидационныхъ уѣздныхъ конторъ“ князя Львова. Въ какомъ настроеніи Черкесовъ? Сообщилъ ли ты ему мой планъ?

16.

1859 г. 20 апрѣля. Четвертъ. Ахенъ.

„Наконецъ то, могу я исполнить твое давнишнее желаніе: послать портретъ мой, отличный по работѣ и столь же хорошій по сходству. Такъ говорить всѣ, которые его видѣли. Первый вполнѣ удавшійся снимокъ моего изображенія. Кому же отдать его, какъ не тому, котораго я не переставалъ любить съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, любилъ неровно, то бурно, то тихо, порою бѣшено, порою нѣжно, но всегда тепло, всегда глубоко. Въ моихъ отношеніяхъ къ тебѣ отразилась всего ярче сгорающая, несчастная натура, быстро переходящая отъ страсти къ ненависти, отъ броженія къ покою, отъ

самой возбужденной энергіи къ самой ужасной апатіи. Сильно боролся я съ собою въ эти затворническіе дни, многое старался перешибить, сломить, а на повѣрку выходить, что все тотъ же. Ни горячая слеза вѣры въ людей, ни горечь отчаянія не исправили неисправимой головы. Съ тобой дѣлилъ я всѣ темныя и свѣтлыя минуты души, какъ будто ты былъ тутъ и слушалъ меня, какъ будто мы жили вмѣстѣ. Помнишь ли наши ночныя прогулки, наши бѣотѣды на набережной. Какой свѣжестью, какой силой, какимъ здоровьемъ дышетъ отъ нихъ. Ты прикрѣпляешь какими то желѣзными нитками ко мнѣ и оттого оторвать тебя значить вырвать половину сердца, половину самого себя.

Твой старый другъ

А. Серно-Соловьевичъ.

17.

1859 г. 12 мая. Вторникъ.

„Три недѣли страдаю я головой и едва въ состояніи сегодня набросать тебѣ нѣсколько строкъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ порученіе, которое, пожалуйста, исполни немедленно и въ точности:

„1. Сходи къ К., узнай въ какой день, какого числа онъ ѣдетъ за границу и какъ: моремъ ли черезъ Штетинъ, Любекъ, Ростокъ или сухимъ путемъ черезъ Варшаву или Кенигсбергъ? Узнавъ у него объ этомъ, отправишься на почту и спросишь, когда предполагается пароходу или каретѣ достигнуть одного изъ вышеупомянутыхъ городовъ. Володя писалъ, что онъ выѣзжаетъ 21 мая, но куда и вѣрно ли это? Будь такъ добръ, дай знать *непретяжно* телеграфомъ, письмо не дойдетъ такъ скоро, чтобъ я могъ встрѣтить его, а мнѣ необходимо переговорить съ нимъ. Деньги получишь тотчасъ по возвращеніи моемъ, въ депешѣ напишешь глаго.

„2. Поздравь Долгово съ именинами, не могу самъ этого сдѣлать по вышеуказанной причинѣ.

„3. Сколько разъ принимался я благодарить Черкесова и вмѣстѣ перетолковать съ нимъ длиннымъ письмомъ.

„4. С. спасибо за его письмо, на которое хотѣлось бы отвѣчать, но въ мозгу страшная революція. С—вымъ нижайшій поклонъ.

„5. Передъ Штакельбергами я такъ виноватъ,—не знаю, какъ являюсь къ нимъ, вѣдь я даже не благодарилъ его за шубу, безъ которой бы пропалъ. Вму я ей дружескій и душевный *shak-hands*.

„6. Варона поздравь съ 12 маемъ.

„7. Кланяйся Трубниковымъ.

„8. Порученіе Висковатова исполню; никто ничего не выигралъ; Володю я просилъ подождать до моего возвращенія.

„9. Тѣмъ, которые забыли меня, напоминаю о своемъ существованіи.

„Мать остается за границей, я возвращаюсь въ самый скоромъ времени, жду только отвѣта отъ Н., ¹⁾ который долженъ быть на дняхъ, и возможности видѣться съ К. Последнее много зависитъ отъ твоей аккуратности, а на все я разсчитываю на этотъ разъ.

„Итакъ, къ 1 іюня нашего стilia я надѣюсь быть въ Петербургъ.

Твой

А. Серно-Соловьевичъ.

¹⁾ Братъ Николай.

Это было послѣднее письмо. Вслѣдъ затѣмъ Серно-Соловьевичъ вернулся въ Россію и вступилъ на поприще общественной дѣятельности, совершенно не желая отдаваться государственной службѣ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никакихъ свѣдѣній о его работѣ. Поневолѣ приходится ограничиться такимъ глухимъ или вѣрнѣе неопредѣленнымъ указаніемъ, которое дѣлается въ некрологѣ «Народнаго Дѣла». Возвратившись изъ-за границы, оба брата, Николай и Александръ, который, между прочимъ, имѣлъ значительное вліяніе на старшаго брата и который звалъ его на прямое дѣло, оба они стали въ передовые ряды революціонныхъ организаторовъ, время для которыхъ наступило съ лѣта 1861 года, съ появленія «Великорусса». Съ этого времени Николай и Александръ ни минуты не покидаютъ революціоннаго дѣла. Во время осенней студентской исторіи въ Петербургѣ, когда 400 человѣкъ брошено было въ Кронштадскую и Петропавловскую крѣпости, и когда Шуваловы, Паткули, Игнатьевы и Панины наровили сдать студентскую молодежь въ солдаты и арестантскія роты, на Кавказъ и въ Сибирь, общественная агитація заставила отцовъ отечества остепениться и задержать свою жажду крови. Въ этой агитаціи оба брата играли значительную роль и готовы были итти до крайнихъ мѣръ, полагая, что при дальнѣйшихъ насиліяхъ правительства и при поддержкѣ, которую тогда готовы были оказать молодежи нѣкоторые элементы низшихъ слоевъ, можно будетъ повести общество на энергическую оппозицію правительственнымъ мѣрамъ¹⁾.

Съ другомъ Ш. и товарищами Александръ Александровичъ былъ уже, въ сущности, не такъ близокъ. Разница ихъ политическихъ убѣжденій дѣлалась все яснѣй и яснѣй. На празднованіи лицейской годовщины 19 октября 1860 г. Серно-Соловьевичъ предложилъ исключить изъ круга товарищей троихъ, ведшихъ вполне свѣтскую, разсѣянную жизнь. Остальные возстали противъ такой мѣры... Это было первое проявленіе отсутствія солидарности... Затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, весной 1861 г. г. Ш., въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, гуляя на островахъ, убѣждалъ Серно-Соловьевича вступить на путь открытой общественной работы, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе... Наконецъ, въ январѣ 1862 г. Александръ Александровичъ явился къ нему съ предложеніемъ сдѣлать какое нибудь пожертвованіе въ пользу польскихъ повстанцевъ и получилъ отказъ... Отношенія ихъ окончательно испортились...

Весной 1862 г. Александръ Александровичъ уѣхалъ за границу, чтобы выдержать полный курсъ крайне необходимаго ему лѣченія. Пользовавшіе его доктора настоятельно требовали этого. И только благодаря отъѣзду, онъ не былъ арестованъ вмѣстѣ съ братомъ въ іюлѣ. III Отдѣленіе съ нетерпѣніемъ поджидало его возвращенія въ Россію, но Серно-Соловьевичъ навсегда остался за границей въ качествѣ государственнаго преступника²⁾.

¹⁾ „Народное Дѣло“ 1869 г. №№ 7, 8, 9 и 10, стр. 106—107.

²⁾ Разказы о томъ, что Александру Александровичу удалось уѣхать только благодаря своевременному предупрежденію о возможности ареста, равно ни на чемъ не основаны.

Что дѣлалъ вначалѣ за границей въ Лондонѣ Александръ Александровичъ? Для отвѣта и на этотъ вопросъ тоже пока имѣется очень мало данныхъ.

Извѣстно, что онъ велъ дѣятельную жизнь вмѣстѣ съ одновременно съ нимъ прїѣхавшими изъ Россіи Николаемъ Утинымъ и Николаемъ Жуковскимъ, что велъ съ Герценомъ какіе то переговоры— вотъ и все. Судя по показанію г. Огаревой-Тучковой, Герценъ былъ къ нему очень расположенъ и, въ свою очередь, пользовался тѣмъ же отъ Серно-Соловьевича.

Разумѣется, двухгодичное заключеніе въ крѣпости брата Николая не прошло безслѣдно. Слабое здоровье Александра сильно разстраивалось, благодаря постоянной мысли о горячо любимомъ петербургскомъ узникѣ. Не мало доставляло горячи и заключеніе Чернышевскаго, къ которому Александръ Александровичъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и просто благоговѣніемъ. По справедливому указанію «Народнаго Дѣла» «еще мучительнѣе становилось положеніе Александра Серно-Соловьевича вдали, изолированное отъ мѣста дѣйствія, когда вслѣдъ за погромомъ 1862 г. уцѣлѣвшіе и новые борцы не захотѣли предательски бросить дѣла, поднятаго старшими братьями и стали спланивать революціонныя силы молодой Россіи, не взирая ни на какія преслѣдованія правительства, только болѣе вызывавшія энергію и охоту борьбы. Пораженіе польскаго возстанія рядомъ съ пораженіемъ революціонной организаціи въ Россіи тѣмъ болѣе потрясло Соловьевича, что какъ въ той, такъ и въ другой организаціи было много товарищей его и многіе друзья его, польскіе и русскіе, дрались отважно и смѣло съ петербургскимъ императорствомъ въ Польшѣ»...

Дѣятельная натура Александра Александровича не могла допустить отсутствія организованности той массы эмигрантской молодежи, которая хлынула въ 1863 году изъ Россіи и царства Польскаго. Онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ созданіи въ Женевѣ, куда потомъ переѣхалъ, тѣснаго круга, который своею готовностью и положеніемъ могъ бы служить постояннымъ резервомъ пропагандистовъ въ Россіи. На этомъ пути было не мало треній и непріятностей, на немъ же пришлось въ концѣ концовъ порвать со старой эмиграціей, не признававшей открытой революціонной борьбы... Разрывъ этотъ вотъ—вотъ приближался...

1 мая 1866 г. Герценъ такъ отозвался о покушеніи Каракозова: «Выстрѣлъ 4 апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, *которую на себя бралъ какой то фанатикъ*. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ—первые никогда не удаются, вторые почти всегда вредны. Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами» ¹⁾).

Молодая эмиграція не могла не осудить эту выходку... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ началѣ 1867 г., Герценъ писалъ статью «Порядокъ торжествуетъ», въ которой умалилъ значеніе Чернышев-

¹⁾ «Колоколъ», № 219.

скаго, бывшаго въ то время нравственной опорой и социалистической и революціонной пропаганды.

Александръ Серно-Соловьевичъ не выдержалъ и разразился очень рѣзкимъ памфлетомъ по адресу главы старой эмиграціи. Это была напечатанная въ Вѣнѣ (1867 г.) брошюра: *«Наши домашнія дѣла. Ответъ г. Герцену на статью «Порядокъ торжествуетъ»*. Сами друзья автора соглашались, что въ нее напрасно внесены тонъ личной насмѣшки и поясненія домашняго характера. Нельзя также не замѣтить, что въ пылу полемики авторъ перешелъ границы, которыя слѣдовало бы, пожалуй, соблюсти именно въ отношеніи Герцена. Но такъ или иначе, брошюра теперь историческій фактъ и, какъ таковой, требуетъ ознакомленія съ нею читателя. Съ этою цѣлью я приведу все наиболѣе замѣчательное.

„Молодое поколѣніе поняло васъ—писалъ Серно-Соловьевичъ—и, понявъ васъ, отвернулось съ отвращеніемъ, а вы все еще мечтаете, что направляетъ его“ (стр. 5). „Вы поэтъ, художникъ, артистъ, разказчикъ, романистъ, вы все, что хотите, только не политическій дѣятель и еще менѣе теоретикъ, основатель школы, ученія“ (6). „Нѣтъ, г. основатель русскаго социализма, молодое поколѣніе не проститъ вамъ отзыва о Каракозовѣ,—этихъ строкъ вы не выскоблите ничѣмъ“ (10). Далѣе Серно-Соловьевичъ бросаетъ Герцену очень тяжелый упрекъ, будто онъ позволилъ себѣ „издѣваться, съ обычнымъ остроуміемъ, надъ русскими офицерами, участвовавшими въ возстаніи (въ августѣ 66 года, при мнѣ, на pont des Bergnes) и кричать на Corgaterie, въ Женевѣ, à qui veut l'entendre, что пора перестать деликатничать съ поляками, пора высказать имъ все правду. Исторія видите ли, въ томъ, что вы, не понимая того, что дѣлается кругомъ васъ, не понимая, что не польскія дѣла, а отсутствіе въ васъ внутренняго содержанія, заставило публику отвернуться отъ васъ, приписали паденіе „Колокола“ своимъ симпатіямъ къ полякамъ, которыми, разумеется, тотчасъ и пожертвовали, когда вопросъ коснулся самолюбія“ (11—12). „Знаете ли, какъ вашъ „братъ и другъ Потебня“ отзывался мнѣ о васъ, когда мы однажды въ Лондонѣ, уже въ послѣднюю его поѣздку въ Англію, выходили вмѣстѣ отъ васъ. Онъ съ озабоченіемъ говорилъ мнѣ о васъ, о вашихъ отношеніяхъ къ офицерскому обществу и въ заключеніе сказалъ: „Герценъ годится уже теперь только на то, чтобы быть убитымъ на баррикадѣ, на которую онъ, впрочемъ, никогда не пойдетъ“ (13).

Затѣмъ, сказавъ о наплывѣ изъ Россіи и Польши въ Женеву и Лондонъ молодежи, Серно Соловьевичъ продолжалъ: «Когда эти юноши съ святыми ранами, о которыхъ вы проливали слезы, сдѣлались вдругъ эмигрантами и спасаясь въ Швейцаріи отъ каторги и висѣлицы, ободранные и голодные обратились къ вамъ—вождю, миллионеру и неисправимому социалисту, обратились не съ просьбой о насущномъ хлѣбѣ, а съ предложеніемъ общей работы, вы отвернулись и съ гордымъ презрѣніемъ отвѣчали: «Что это за эмиграція? Я не признаю эмиграціи! Не надо эмиграціи!» «Въ то время, какъ вы, неисправимый социалистъ, распивали въ своемъ буасьеровскомъ дворцѣ шампанское за социальную пропаганду и вспыскивали русскій социализмъ, около васъ русскіе эмигранты не обѣдали по недѣлямъ» (19—20).

Наконецъ, Серно-Соловьевичъ отвѣчаетъ на фразу Герцена о

томъ, что они съ Чернышевскимъ не только не представляли антагонизма, но служили взаимнымъ дополненіемъ другъ друга.

„Вы дополняли Чернышевскаго Нѣтъ, г. Герценъ, теперь ужъ поздно прятаться за Чернышевскаго. *Troppo tardi*, удобное время упущено. Между вами и Чернышевскимъ нѣтъ, не было да и не могло быть ничего общаго. Вы два противоположные элемента, которые не могутъ существовать рядомъ, другъ возлѣ друга. Вы представители двухъ враждебныхъ натуръ, не дополняющихъ, а истребляющихъ одна другую, до того расходитесь вы во всемъ—отъ міросозерцанія до отношеній къ самимъ себѣ и къ людямъ, отъ общихъ вопросовъ до мельчайшихъ проявленій частной жизни. Чернышевскій человѣкъ по преимуществу логической, сдержанной, строго продуманной мысли,—вы специалистъ по энтузіазму. Чернышевскій человѣкъ науки, популяризировавшій всѣ послѣдніе выводы ея,—между вами и наукою столько же общаго, сколько между Валуевымъ и свободой. Чернышевскій человѣкъ объективной истины—вы субъективныхъ ощущеній и восторговъ. Чернышевскій шелъ неуклонно однимъ вѣрнымъ путемъ къ цѣли,—вы сами сознаетесь, что безпрестанно мѣняете мундиры, путаетесь, сбиваетесь съ пути. Чернышевскій училъ: не вѣрьте ни одному правительству, хотя бы оно состояло изъ ангеловъ, и въ тотъ день, когда я сдѣлался бы правительствомъ, перестаньте вѣрить мнѣ,—вы умидлялись передъ идейкой земскаго царя и воскликнули: „побѣдилъ, Галилеянина!“ Чернышевскій ненавидѣлъ декорации, роли, громкія фразы,—вы олицетвореніе эффекта, театральныхъ подмостковъ, крика. Чернышевскій злобно преслѣдовалъ всякое обожаніе,—вы, какъ институтка, все обожаете, кого нибудъ, вы молитесь сами себѣ, вы ненавидите того, кто умилительно не смотритъ вамъ въ глаза, кто не исторгаетъ слезъ восторга, слушая, какъ вы читаете собственныя произведенія. Чернышевскій говорилъ: „и сойдутъ эти (понимаете?) люди со сцены гордые, но скромные, суровые но добрые, какъ всегда; они сдѣлали свое дѣло, люди получили отъ нихъ пользу, съ нихъ и этого довольно“,—вы чеканите медали съ своимъ портретомъ и формально требуете себѣ исторической благодарности. Чернышевскій со скромностью всѣхъ великихъ людей признавалъ умственное превосходство надъ собой юноши Добролюбова,—вы со скромностью, свойственной вамъ, заявляете себя основателемъ школы. Чернышевскому идеаломъ была истина,—ваши идеалы смѣняются по настроенію духа: сегодня это Прудонъ, завтра Маццини, послѣзавтра Викторъ Гюго, самъ Викторъ Гюго! Чернышевскій, этотъ холодный недоступный Чернышевскій радовался, какъ ребенокъ, всякому проявленію жизни въ Россіи, всякому поступку, выражавшему сознаніе, энергію,—вы до того только поэтъ свободы, что васъ поразили и грубо оскорбили даже свободный языкъ молодой эмиграціи, и вы совсѣмъ растерялись, найдя въ Женевѣ не толпу хамовъ и обожателей, а свободныхъ людей, говорящихъ съ вами такимъ же языкомъ, какъ со всеми, и примѣнявшихъ къ вамъ тотъ же критерій, что и ко всѣмъ смертнымъ. Чернышевскій основалъ дѣйствительную школу, онъ воспитывалъ людей, онъ образовалъ цѣлую фалангу людей,—гдѣ ваши послѣдователи, не знаю. Въ чемъ же, г. Герценъ, дополняли вы Чернышевскаго? (25—28)*.

Этимъ памфлетомъ молодая эмиграція порвала со старой... Разумѣется, здѣсь не мѣсто разбирать, кто и въ какой мѣрѣ изъ нихъ былъ правъ и виноватъ. Для этого даже нѣтъ еще и достаточнаго числа неоспоримыхъ данныхъ...

Помимо посильнаго участія въ русской революціонной дѣятельности, Серно-Соловьевичъ не мало потрудился въ Интернаціоналѣ и при томъ въ самое трудное время его народженія. «Когда онъ былъ нуженъ на трибунѣ, онъ являлся на нее, и не разъ общее собраніе всѣхъ секцій звало его въ президенты собранія. Но гораздо важнѣе, чѣмъ на трибунѣ, была его дѣятельность въ кружкахъ рабочихъ, въ личныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ ними: тамъ, гдѣ онъ могъ что либо заимствовать для выясненія основныхъ началъ и практическаго пути дѣйствій, тамъ онъ слушалъ жадно и являлся ученикомъ; тамъ же, гдѣ онъ могъ дать что либо отъ своего знанія и изученія, которое столь цѣннѣе работникамъ, неимѣющимъ достаточно ни времени, ни средствъ для самостоятельнаго знанія, тамъ онъ обращался въ искренняго, добросовѣстнаго учителя и будилъ сознаніе въ уснувшихъ, или еще не пробужденныхъ, и вселялъ смѣлость въ робкихъ, и звалъ къ единству разрозненныхъ, и всѣ научились понимать его, всѣ его любили, всѣ его уважали въ Интернаціоналѣ. Ему принадлежитъ заслуга въ томъ, что своей безкорыстною преданностью онъ сдѣлалъ то, что Интернаціоналы встрѣчаютъ радушно и привѣтливо своихъ русскихъ братьевъ,—братьевъ по одному и тому же дѣлу общаго всенароднаго освобожденія, во имя однихъ и тѣхъ же началъ новой народной жизни!»¹⁾.

Извѣстный изслѣдователь исторіи Интернаціонала—леккъ говоритъ: «Серно-Соловьевичъ въ Женевѣ оказалъ очень большія услуги дѣлу рабочихъ».

И дѣлая дѣло Интернаціонала, Серно-Соловьевичъ не переставалъ думать о своей несчастной родинѣ. Онъ иногда говорилъ: «меня мучить, что я не иду въ Россію мстить за гибель моего брата и его друзей, но мое единичное мщеніе было бы недостаточно и безсильно; работая здѣсь въ общемъ дѣлѣ, мы отомстимъ всему этому проклятому порядку повсюду, повсемѣстно»...

Но болѣзнь замѣтно подтачивала жизнь этого человѣка. Кромѣ того, не мало повліяло на здоровье и то нервное состояніе, въ которомъ Серно-Соловьевичъ находился, благодаря любимой имъ женщинѣ, назвать которую мы пока не считаемъ себя въ правѣ, хотя въ литературѣ это почти уже сдѣлано въ весьма прозрачныхъ инициалахъ.

«Постоянно сильное возбужденіе, экзальтація и жизнь во всю разбили наконецъ сильный организмъ, и Серно-Соловьевичъ сошелъ съ ума—говоритъ Шелгуновъ... Въ началѣ болѣзнь перемежалась со свѣтлыми промежутками и когда свѣтлый промежутокъ приходилъ къ концу и наступалъ приступъ болѣзни, Серно-Соловьевичемъ овладѣвало сильное безпокойство, и онъ очень мучился. Но, должно быть, состояніе помѣшательства было еще мучительнѣе и томило нравственно гордаго и самолюбиваго Серно-Соловьевича, потому что онъ просилъ доктора заведенія, въ которомъ лѣчился, сказать ему, когда наступитъ послѣдній свѣтлый промежутокъ. И докторъ имѣлъ неосторожность исполнить просьбу больного. Тогда Александръ Александровъ

¹⁾ «Народное Дѣло», стр. 111—112.

вичъ поставилъ на ночь къ себѣ въ комнату жаровню съ калеными угольями, легъ и кончилась его боевая, дѣятельная и рано погибшая несчастная жизнь» ¹⁾).

Это произошло 4—16 августа 1869 г. въ Женевѣ.

Въ заключеніе приведу буквальный переводъ статьи «Освященіе памятника Серно», напечатанной въ „L'Égalité“ 1 января 1870 г. ²⁾.

„Въ воскресенье 27 декабря, въ Женевѣ, на кладбищѣ Пленпале (Plain-palais) происходило освященіе памятника на могилѣ Серно; при этомъ присутствовали члены Интернаціонала и значительное число русскихъ и польскихъ эмигрантовъ.

„Памятникъ этотъ простой, неотдѣланный, гранитный камень, на одной сторонѣ котораго вѣзанъ большой медальонъ бѣлаго мрамора со слѣдующей надписью:

A la mémoire
D'Alexandre Serno-Solowiewitsch
Les Internationaux de Genève
1839 — 1869.

„Внизу медальона оставлено мѣсто, чтобы награвировать по русски:

Серно-Соловьевичу
политическому осужденному
отъ нѣсколькихъ друзей.

„Рѣчь Перрона (Perrot) прервала глубокую задумчивость присутствовавшихъ. Онъ сказалъ:

„Граждане,

„Когда вѣсть о смерти Серно такъ тяжело поразила насъ, тѣло нашего друга уже было покрыто землей, и никто изъ насъ не могъ присутствовать при его погребеніи.

„Съ тѣхъ поръ прошло пять мѣсяцевъ, время, котораго часто бываетъ достаточно, чтобы забыть челоѡѡка, но память о Серно живетъ среди насъ. Она не ослабнетъ. Рабочіе не могутъ забыть этого преданнаго страстнаго неутомимаго товарища, который разрывался, чтобы оказать помощь я котораго мы находили вездѣ, гдѣ его поддержка была нужна.

„Серно былъ бѣденъ; какъ мы онъ жилъ своимъ трудомъ, но онъ умѣлъ отказываться отъ необходимаго, чтобы смягчить страданія, которыя ему ежедневно встрѣчались. Какъ многимъ изъ насъ онъ помогъ сдѣлать трудный шагъ или не унать подъ бременемъ нужды! Какъ многихъ изъ насъ въ минуты упадка духа поддержали трогательныя и дружескія заботы этого замѣчательно добраго челоѡѡка.

„Челоѡѡкъ науки, Серно не вѣрилъ въ Бога, онъ жилъ и умеръ атеистомъ, но онъ любилъ челоѡѡчество и всѣмъ людямъ онъ дѣлалъ столько добра, сколько могъ. Вся его жизнь—самоотверженіе, долгое мученичество.

„Онъ родился въ Петербургъ и пробылъ тамъ до тѣхъ поръ, пока императоръ всероссійскій не приговорилъ его къ смерти, какъ революціонера ему удалось бѣжать, но братъ его погибаетъ въ Сибири, сестра умираетъ отъ горя, и состояніе его конфисковано.

¹⁾ Изъ экземпляра сожженнаго изданія сочиненій.

²⁾ За доставленіе его прыному свою благодарность В. А. Ляцкой.

„Онъ могъ бы вернуться на родину, снова тамъ приобрести состояніе и положеніе—ему стоило только послѣдовать совѣту нѣсколькихъ высокопоставленныхъ людей; написать словечко раскаянія Его Величеству... но какъ Бакуниинъ, какъ Герценъ, какъ Огаревъ, какъ многіе изъ нашихъ русскихъ друзей, онъ былъ неспособенъ на низость. Онъ остался достойнымъ почтенія и уваженія честныхъ людей.

„Именно тогда пріѣхалъ онъ въ Женеву, проживъ передъ тѣмъ нѣкоторое время въ Германіи.

„Вы знаете, граждане, что онъ дѣлалъ, когда былъ среди насъ; позвольте мнѣ коротко сказать вамъ, какое было у Серно великое желаніе, сказать для того, чтобы всѣ мы могли работать для осуществленія его мечты.

„Я былъ близкимъ другомъ Серно, я заботился о немъ въ послѣдніе недѣли его жизни, я проникалъ въ глубину его мысли и могу сказать, что онъ постоянно былъ занятъ изысканіемъ средствъ для улучшенія Интернаціональной Ассоціаціи рабочихъ, организація пока еще неудовлетворительная была по его мнѣнію величайшей опасностью, которой слѣдовало избѣгать рабочему классу.

„Серно не сомнѣвался, что социальная революція близка, потому что онъ лучше чѣмъ кто-либо зналъ, что современное экономическое положеніе близко къ паденію подъ тяжестью неустройствъ и нищеты имъ разниможенныхъ; другъ нашъ понималъ, что пробьетъ часъ, когда на видъ, въ большей своей части, равнодушный, спокойный и смиренный пролетаріатъ поднимется огромный, сплоченный, непреодолимый, чтобы сбросить гнетъ буржуазіи.

„Но этотъ грандіозный переворотъ можетъ оказаться неудачнымъ, если при этомъ для укрѣпленія пути пролетаріата не будетъ просвѣщеннаго и стойкаго вожака; кто же можетъ быть этимъ вожакомъ, этой поддержкой, какъ не Интернаціональ? Таково было мнѣніе Серно.

„Въ силу такой важной роли, которую въ недалекомъ будущемъ призвана выполнить наша ассоціація, такихъ людей какъ Серно по справедливости занимала возможность ускоренія полной законченности нашего грандіознаго учрежденія.

„Граждане, члены Интернаціонала, общаемъ на могилѣ нашего друга, всѣми силами содѣйствовать тому успѣху, котораго такъ горячо желалъ онъ; общаемъ принимать въ свою среду людей сердца и энергіи, которыхъ тирани заставляютъ искать у насъ убѣжища, принимать такъ, какъ мы приняли Серно, то есть, какъ брата, а не какъ иностранца. Главное, сумѣемъ при ихъ жизни признавать отличающія ихъ большія достоинства, при помощи которыхъ только и можетъ быть упрочено торжество социальной революціи.

„Этими чувствами, граждане, мы воздаемъ истинное почтеніе памяти того, кого мы оплакиваемъ; это лучшій способъ освященія скромнаго памятника, который мы нынче воздвигаемъ нашему другу, о которомъ мы такъ скорбимъ—Серно Соловьевичу“.

Шеназъ (Chénaz), предсѣдатель секціи гранитщиковъ и каменщиковъ, въ нѣсколькихъ задумчивыхъ словахъ напоминаетъ о томъ, что для рабочихъ на постройкахъ сдѣлалъ Серно во время послѣдней забастовки, приписывая его сверхъ человеческой дѣятельности, его энергіи и совѣтамъ значительную долю успѣха, которымъ закончился этотъ кризисъ и послѣдовавшія затѣмъ улучшенія въ судьбѣ рабочихъ. Онъ заканчиваетъ трогательнымъ прости этому человеку, котораго они такъ любили.

Утѣнь отъ имени молодой русской партіи благодарить рабочихъ Женевы за почести, оказываемыя ими памяти Серно, чловѣка, всю жизнь свою положившаго за великое дѣло народа, съ юности ушедшаго изъ привилегированнаго круга, чтобы смѣшаться съ классомъ, который буржуа называютъ презрѣннымъ (sapaille).

„Серно былъ осужденъ на смерть за стремленіе вести къ свободѣ пролетаріатъ, но придетъ день, когда мы потребуемъ отчета у его убійцъ, которые опираются на законъ и религію, два средства притѣсненія и тираніи; придетъ день, когда наши умершіе братья будутъ отомщены, и въ тотъ день мы не простимъ.“

„Серно, который въ Россіи боролся подъ революціоннымъ знаменемъ „Земля и Воля“, долженъ былъ, укрываясь на западѣ, вступить въ Интернациональ, который также хочетъ земли и свободы. Онъ хочетъ земли для людей, которые на ней живутъ, а не для какихъ-то паразитовъ, которые пользуются трудами тѣхъ, кто ее обрабатываетъ; онъ хочетъ свободы, но свободы истинной, свободы, которая опирается на равенство, свободы, которая основана на правѣ жизни, правѣ интегральнаго развитія чловѣческихъ способностей, а не такъ называемой свободы, проповѣдуемой буржуа и состоящей въ правѣ эксплуатаціи рабочихъ до смерти.“

„Пусть настоящая минута послужитъ союзомъ молодой революціонной Россіи и Интернациональной Ассоціаціи рабочихъ!“

Гражданинъ Дартуцци (полякъ) прочелъ хвалу усопшему. Онъ воздастъ должное широкому и истинно интернаціональному характеру Серно. видѣвшему въ полякахъ, подавляемыхъ царемъ, братьевъ, которымъ въ день революціи должна быть возвращена свобода и независимость.

Гражданинъ Серебренниковъ, за день или два прибывшій изъ Россіи, пришелъ на могилу соотечественника, чтобы подтвердить, что дѣло, на которое Серно положилъ всю свою жизнь, преуспѣваетъ послѣ его смерти. Соціалъ-революціонное движеніе растетъ въ Россіи, несмотря на всѣ преслѣдованія.

Послѣ этой рѣчи, закончившей погребальное торжество, собраніе безмолвно разошлось*.

Мы слышали, что мѣсто для могилы Серно-Соловьевича было куплено только на десять лѣтъ. Петербургскіе друзья покойнаго рѣшили откупить мѣсто навсегда, и для этого одинъ изъ нихъ ѣздилъ въ 1879 г. въ Женеву. Но оказалось, что онъ пріѣхалъ, когда могила была уже скрыта.

Такимъ образомъ ея теперь уже не существуетъ.

Мих. Лемке.

Къ исторіи ограниченія гласности судопроизводства.

(Циркулярное отношеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по Главному Управленію по дѣламъ печати 18-го января 1879 г., № 238, къ начальникамъ губерніи).

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ воспретить на будущее время вообще печатаніе самостоятельныхъ стенографическихъ отчетовъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы всякаго рода изданія, какъ повременныя, такъ и не повременныя, ограничивались по этимъ дѣламъ лишь перепечаткою того, что будетъ напечатано: о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Верховнаго Уголовнаго Суда и Особаго Присутствія Правительствующаго Сената,—въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, а о дѣлахъ, подлежащихъ вѣдѣнію Судебныхъ Палатъ и Военныхъ Судовъ,—въ мѣстныхъ официальныхъ изданіяхъ, т. е. въ „Губернскихъ“ или „Областныхъ Вѣдомостяхъ“.

Во исполненіе такового Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу Васъ. Милостивый Государь, объявить о вышеизложенномъ, за подписками, редакторамъ выходящихъ въ губерніи повременныхъ изданій и содержателямъ типографій. За симъ, въ случаѣ разбирательства подобныхъ дѣлъ въ районѣ ввѣренной Вамъ губерніи, составленіе отчетовъ для мѣстнаго официального органа надлежитъ возлагать, по Вашему усмотрѣнію, на одного изъ состоящихъ въ вѣдѣніи Вашемъ чиновниковъ, или на редактора „Вѣдомостей“, причемъ, однако, отчеты эти должны быть печатаемы не иначе, какъ по одобреніи оныхъ прокуроромъ суда, разсматривавшаго дѣло и съ Вашего письменнаго, на оригиналѣ каждаго отчета, разрѣшенія.

Независимо отъ сего, считаю долгомъ разъяснить, что по смыслу вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія и по самому свойству дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, отчеты по этимъ дѣламъ должны въ большинствѣ случаевъ ограничиваться, по возможности, краткою фактической передачею судебного разбирательства съ устраненіемъ всякихъ неумѣстныхъ подробностей, а тѣмъ болѣе какихъ-либо тенденціозныхъ выходовъ со стороны обвиняемаго или его защиты.

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ
Статсъ-Секретарь Л. Маковъ.
Прavitель Дѣлъ В. Адикаевскій.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. ¹⁾

Изученіе общественныхъ движеній всѣхъ странъ и народовъ даетъ, намъ думается, возможность сдѣлать тотъ выводъ, что формы этихъ движеній всегда находятся въ соотвѣтствіи съ режимомъ страны, или, вѣрнѣе,—съ правительствомъ, находящимся у власти въ моментъ пробужденія народа и стремленія его перейти къ новымъ условіямъ жизни. Чѣмъ упорнѣе и дольше правительство стремится сохранить старый строй, чѣмъ больше проявляетъ оно жестокости по отношенію къ новымъ вѣяніемъ, тѣмъ, въ концѣ концовъ, ужаснѣе проявляется революція, какъ противовѣсъ правительственному упорству. Доведенное до отчаянія репрессіями, населеніе выдѣляется изъ своей среды уже не носителей свѣтлыхъ идеаловъ, которыми всегда являются лучшіе и умнѣйшіе люди страны, а фанатиковъ, не менѣе жестокихъ и упорныхъ, чѣмъ само правительство, такъ какъ, изъ чувства простаго самосохраненія, является необходимость противъ грубой силы стараго режима выставить не менѣе грубую силу оппозиціи. Вслѣдствіе такого рода условій, освободительное движеніе, въ конечныхъ фазахъ своего развитія, нерѣдко сопровождается весьма тяжелыми явленіями, совершенно противорѣчащими, повидимому, тѣмъ благимъ цѣлямъ, какія имѣется въ виду достигнуть.

¹⁾ При составленіи настоящей статьи я, помимо моихъ собственныхъ статей, воспоминаній и данныхъ, собранныхъ мною въ теченіе 15-ти лѣтълго непосредственнаго участія въ земской жизни (1887—1902 г.), въ качествѣ „третьяго элемента“, пользовался еще ниже слѣдующими литературными источниками: *Самодержавіе и земство*. Конфиденціальная записка министра финансовъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.) съ предисловіями и примѣчаніями Р. И. С. Печатано „Зарей“. Stuttgart, 1901 г.; В. Ю. Скалонъ. *По земскимъ вопросамъ*. I. Въ переходное время. 1880—1882 г. Спб. 1905 г.; *Хроника социалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887 г.г.* Официальный отчетъ (переводъ съ строго-конфиденціальнаго французскаго текста). Изд. В. М. Саблина. Москва, 1907 г.; Н. А. Бьлюоловый. Воспоминанія и другія статьи. Москва, 1897 г.; *Полное собраніе рѣчей Императора Николая II-го*. 1894—1906 г. Составлено по официальнымъ даннымъ „Правительственнаго Вѣстника“. Спб., книгоиздательство „Другъ Народъ“, 1906 г. *Воспоминанія*. Вл. Дебагорія-Мокріевича. Спб. 1906 г. *Владиміръ Короленко. Въ голодный годъ*. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изд. ж. „Русское Богатство“. Изд. третье Спб., 1897 г.; *Журналъ собранія нижегородской губернской продовольственной комиссіи 27 мая, 1892 г.*; *Исторія С.-Петербургскаго Комитета грамотности*, состоявшаго при Имп. В. Эк. обществѣ. Составилъ Д. Д. Протопоповъ. Спб., 1898 г. *А. В. Пышехоновъ. На очередныхъ темахъ*. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи изд. рек. ж. „Русское Богатство“, Спб., 1904 г.; *Частное соотѣчаніе земскихъ дѣятелей*, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 года въ С.-Петербургѣ. Москва, 1905 г. *Неизданные журналы съѣздовъ*

Въ частности русскій режимъ никогда не способствовалъ мирному и планоѣрному разрѣшенію назрѣвающихъ народныхъ нуждъ. Русское правительство по отношенію къ освободительному движенію во всѣ времена примѣняло, если можно такъ выразиться, шлюзную систему. Какъ только замѣчало оно проявленіе «вольнаго духа» среди населенія, тотчасъ воздвигало шлюзъ. Когда онъ наполнялся недовольствомъ, и послѣднее начинало переливаться черезъ первый шлюзъ, правительство ставило второй, третій и т. д., совершенно не соображая или не желая соображать, что при такомъ способѣ самый источникъ недовольства не только не уничтожался, а страшно возрасталъ, и что, въ концѣ концовъ, никакой шлюзъ уже не будетъ въ состояніи сдерживать напора недовольства, которое постепенно переходитъ въ негодование, въ злобу, въ отчаяніе.

Эта шлюзная система примѣнена была русскою самодержавною бюрократіею и къ земству.

Земская реформа 1864 года явилась продолженіемъ тѣхъ «великихъ реформъ», которыя осуществились вслѣдствіе несчастной сева-стопольской войны, какъ реформы 1905 года были слѣдствіемъ, главнымъ образомъ, позорной русско-японской войны. Тогда, какъ и теперь, обезсиленная войною бюрократія стремилась предупредить «внутреннія осложненія» выраженіемъ нѣкотораго «довѣрія» населенію впредь до того момента, когда, окрѣпнувъ, она сможетъ взять обратно все дарованное.

Совершенно невѣренъ долго господствовавшій взглядъ, будто бы правительство «добровольно» совершило реформу 1861 года, освободивъ крестьянъ, а затѣмъ «дало» земскія учрежденія. Севастопольская война также обанкротила полицейско-бюрократическій режимъ въ 50-хъ годахъ, какъ японцы въ наше время. Тогда, какъ и теперь, воспользовавшись этимъ банкротствомъ, общество стремилось освободиться отъ самодержавнаго ига. Въ этомъ можно легко убѣдиться изъ знаменитаго «Колокола» Герцена, къ властному звону котораго

земскихъ и городскихъ дѣателей за 1905—1906 г. *Неизданное письмо* И. Дурново къ графу И. Д. Делянову отъ 5 февраля 1895 г.; *«Былое»*: январь, февраль, мартъ, апрѣль, іюль и августъ 1906 г. *«Освобожденіе»* за все время его изданія; *«Русскія Вѣдомости»* съ 1890 по 1905 г.; *«Право»* съ 1900 по 1905 г. *Неизданный журналъ* совѣщаній председателей губернскихъ земскихъ управъ въ Н.-Новгородѣ 8—11 августа 1896 г. — *Труды Секціи* всероссійскаго съѣзда сельск.-хоз. Москв. 1896 г. *Дневники и Труды слѣдова.* (IX, X и XI) естествоиспытателей и врачей: Московскаго за 1894 г., Кіевскаго за 1898 г. и С.-Петербургскаго за 1901 г.; *Журналъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова* за 1906 г.; *Отчетъ* по областной с.-хоз. и кустарной выставкѣ Сѣвернаго края 1903 г. Ярославль, 1905 г.; *Труды императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества* съ 1894 по 1900 г.; *Труды комиссіи по вопросамъ земской статистики* Сиб., 1901 г. (статистич. комиссія при III Отд. Имп. В. Экон. об-ва); *Сю-маръ* Брокгауза и Ефрона. *Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ* 12 іюня 1890 г. изд. третье. М. И. Мышь т. I. Спб. 1900 г. *Сводъ постановленій, журналы, доклады и отчеты* нѣкоторыхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ съ 1866 по 1905 г.

Кромѣ того мнѣ даны были цѣнные матеріалы или указанія Д. Н. Шиповитъ, Ф. А. Головинитъ, В. Е. Якушкинитъ, В. А. Розенбергитъ, кн. П. Д. Долгоруковитъ, кн. Д. И. Шаховскитъ, П. Б. Струве, В. Г. Короленко, В. Я. Богучарскитъ, С. Ф. Русовой, А. А. Русовитъ, Ф. И. Родичевитъ, Н. Ф. Амненскитъ, Л. Я. Гуревичъ, Н. Я. Гуревичемъ, И. И. Петрункевичемъ, П. Н. Милюковитъ, Е. Д. Кусковой и нѣкоторыми друими, которыми приношу мою глубокую благодарность.

не могла не прислушиваться бюрократія. Еще до освобожденія крестьянъ рядъ заявленій и адресовъ со стороны лучшаго дворянства, единственной тогда интеллигенціи, хранившей традиціи декабристовъ, не оставлялъ никакого сомнѣнія въ стремленіи образованной части русскаго общества къ представительному образу правленія, а послѣ реформы 1861 года такого рода заявленія дѣлались еще откровеннѣе. Затѣмъ, слѣдуетъ не упускать изъ виду громаднаго значенія для русскаго освободительнаго движенія польскаго возстанія въ 1863 году. Въ то время оно сыграло такую же роль, какъ въ 1904—1905 году борьба Финляндіи за свою свободу. Впрочемъ и тогда Финляндія съ ея самостоятельнымъ сеймомъ являлась большимъ соблазномъ для вѣрноподданныхъ Россіи, и здѣсь надо было идти на компромиссъ. Каково было слушать россійскимъ обывателямъ такое, напримѣръ, обращеніе Александра II къ финляндскому сейму 1863 году: «въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать заодно съ своимъ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

Конституціонныя помыслы были настолько развиты, что на эту тему, по словамъ Леруа Болье, Александръ II въ томъ же 1863 году, бесѣдовалъ даже съ Н. А. Милутинымъ, заявивъ послѣднему, что онъ, императоръ, «не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподданнымъ русскимъ», а этихъ Александръ II «не считалъ зрѣлыми для конституціи».

Однако, *volens—nolens*, приходилось дать. И вотъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ выработана была земская реформа, поспѣшно осуществленная въ 1864 году, чтобы, между прочимъ, «положить предѣлъ возбужденнымъ по поводу образованія земскихъ учреждений несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій»,—какъ говорила въ объяснительной запискѣ.

По этому «Положенію», земскія учрежденія образовывались «для завѣдыванія дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и cadaго уѣзда». Но мы сейчасъ же должны сказать, что русское земство при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности совершенно вышло изъ намѣченныхъ ему рамокъ и вступило немедленно на политическій путь. И это произошло совершенно естественно, болѣе того—иначе это и не могло быть.

Дѣло въ томъ, что какъ только земство принялось за исполненіе своихъ основныхъ задачъ, какъ только оно пожелало внести широкое просвѣщеніе въ народныя массы и поднять ихъ экономическій уровень,—тотчасъ же на этомъ пути оно встрѣтилось съ самодержавно-бюрократическимъ строемъ, оказавшемъ земству непреодолимое сопротивленіе.

Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что земство очень скоро пришло къ непоколебимому убѣжденію въ невозможности работать на пользу населенія, покуда не будетъ свергнутъ самодержавный режимъ. Вотъ почему культурно-экономическія задачи земства должны были отойти на задній планъ, и въ этой области, несмотря на всѣ

усилія, оно не имѣло физической возможности сдѣлать всего того, что проектировало и что могло бы осуществить, при отсутствіи тормазовъ со стороны неограниченной бюрократіи, на которой лежитъ и вся отвѣтственность за обнищаніе и невѣжество страны. Мы поэтому вовсе почти не касаемся земскаго движенія въ смыслѣ культурно-экономическомъ, а имѣемъ въ виду лишь политическое движеніе, игравшее, какъ мы говоримъ, значительную роль съ самого момента возникновенія земскихъ учреждений.

Несмотря на всѣ недочеты земскаго положенія 1864 года, построеннаго, между прочимъ, на высокомъ цензѣ, оно дало нѣкоторую возможность къ постепенному проторенію пути не только къ истинному мѣстному самоуправленію, но и къ попыткѣ, объединенными силами земствъ, достигнуть народнаго представительства въ дѣлахъ государственныхъ. На основаніи фактовъ, которые мы ниже приводимъ, для насъ яснымъ дѣлается, что выборное земство, совмѣстно съ земствомъ служилымъ, съ интеллигенціею, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности начало стремиться къ самоуправленію и къ конституціи на чисто демократическихъ началахъ. Уже въ 1865 году оно положило основаніе осуществившейся въ наше время партіи Народной Свободы, почему мы считаемъ послѣднюю по преимуществу земскою партіею. Если бы правительство въ теченіе всѣхъ 40 лѣтъ не вставляло палокъ въ это совершенно планомѣрное движеніе, то, кто знаетъ, быть можетъ мы давно бы уже безъ особенной борьбы, жертвъ и крови, устроили нашъ государственный строй на широкомъ народномъ представительствѣ, но самодержавная бюрократія не могла допустить этого и, отдаливъ на громадный періодъ осуществленіе земскихъ стремленій, превратила страну въ военный лагерь и добила... революціи, разоривъ предварительно страну. Но не будемъ забѣгать впередъ, а прослѣдимъ земское движеніе, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ. Правительство начало войну съ земствомъ въ первый же годъ дѣятельности земскихъ учреждений. Дѣло началось съ Петербургскаго губернскаго земскаго собранія, которое въ декабрѣ 1865 года единогласно постановило ходатайствовать объ образованіи центрального земскаго учрежденія для завѣдыванія государственными земскими повинностями, а въ 1867 году уже потребовало участія земства въ законодательныхъ работахъ. Въ отвѣтъ на это правительство закрыло земскія учрежденія С.-Петербургской губерніи, выслало административнымъ порядкомъ въ Оренбургъ предсѣдателя Петербургской губернской земской управы Крузе, удалило въ отставку гласнаго сенатора Любошинскаго, а гласный графъ Шуваловъ принужденъ былъ ухаживать за границу.

Цѣлый рядъ земскихъ собраній въ первыхъ же своихъ сессіяхъ, стремясь къ расширенію и внѣдренію земскаго самоуправления, уже въ 60-хъ годахъ обсуждали вопросъ о мелкой земской единицѣ, земскомъ единеніи и т. д., а правительство тотчасъ же ставило шлюзъ. Оно объясняло, по обыкновенію, земское движеніе «крамольнымъ духомъ» и употребляло всѣ усилія искоренить этотъ «духъ».

Уже, напримѣръ, въ 1866 году, въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 октября выясняется страхъ предъ служилою зем-

скою интеллигенціею, предъ зарождавшимся «третьимъ элементомъ»: земскіе служащіе — врачи, учителя и т. д. — были поставлены въ полную зависимость отъ администраціи. 21 ноября того же года были изданы законы, въ силу которыхъ ограничивалось право земства въ обложеніи сборами торговыхъ и промышленныхъ заведеній. 16 декабря, разъясненіемъ Правительствующаго Сената, губернаторамъ дано было право отказывать въ утвержденіи всѣхъ избранныхъ собраніемъ лицъ, если губернаторъ признаетъ ихъ неблагонадежными¹⁾. 4 го мая 1867 года тотъ же Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что «постановленіе губернскаго земскаго собранія о сообщеніи возбужденнаго въ ономъ предположенія всѣмъ губернскимъ управамъ другихъ губерній съ той цѣлью, чтобы этимъ путемъ оно могло идти до такой опредѣленности, которая сдѣлала бы возможнымъ обобщить для всей Имперіи предлагаемую мѣру, представляется не согласнымъ съ закономъ, ограничивающимъ кругъ дѣйствій земскихъ учреждений предѣлами губерній или уѣздовъ, каждому изъ сихъ учреждений ввѣренныхъ». Это въ высшей степени вѣрное «разъясненіе» свидѣлствуетъ, что уже на первыхъ порахъ земства проявили тенденцію къ единенію, непрерывно продолжавшуюся въ теченіе всего времени существованія земства, и, какъ дальше увидимъ, черезъ 34 года министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ издалъ циркуляръ, съ цѣлью воспрепятствовать земской солидарности. И какъ велико было это стремленіе земства, видно изъ того, что всего черезъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго разъясненія Сената, 13 іюня 1867 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственного Совѣта, которымъ, безъ разрѣшенія губернатора, воспрещалось печатаніе земскихъ отчетовъ о засѣданіяхъ, преніяхъ и рѣчахъ, бывшихъ на земскихъ собраніяхъ. Въ тотъ же самый день и годъ, т. е. 13 іюня 1867 г., вышелъ законъ, предоставлявшій громадную власть предсѣдателямъ земскихъ собраній до закрытія послѣднихъ включительно, если на собраніи возбуждался какой либо нежелательный вопросъ.

Въ 1868 году министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярами отъ 28 августа и 8 октября опять напоминаетъ о зависимости земскихъ служащихъ отъ правительства и опять требуетъ, чтобы земства не обмѣнивались своими изданіями, печатая ихъ только въ количествѣ, не превышающемъ число гласныхъ. Въ томъ же году Херсонское губернское земство уже жалуется, что правительство не удовлетворяетъ земскихъ ходатайствъ.

Въ 70-хъ годахъ земская оппозиція не только возрастаетъ, но, подъ гнетомъ репрессіи, стремится объединить всѣ земскія оппозиціонныя силы.

Въ 1872 году Владимірское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи всероссійскаго земскаго съѣзда. Конечно, оно получило категорическій отказъ. Тогда другія земства, замаскировавъ основную мысль, стали ходатайствовать объ област-

¹⁾ Въ томъ же 1866 году между земствами Херсонской губерніи и властями вышли такіе пререканія, что губернскае земское собраніе требовало отъ министра внутреннихъ дѣлъ разслѣдованія при участіи высшаго правительства.

ныхъ сѣздахъ, съ участіемъ «третьяго элемента», для разрѣшенія различныхъ вопросовъ: по страхованію, народному образованію, медицинѣ и т. д. И эти сѣзды не были разрѣшены. Надо было изыскивать иные пути, и земцы стали устраивать частные земскіе сѣзды, нелегальные, такъ сказать, въ родѣ «сѣздовъ» и «совѣщаній» земскихъ дѣятелей, имѣвшихъ мѣсто въ наше время, съ которымъ мы ниже подробно познакомимся. Такихъ сѣздовъ было немного, но на нѣкоторые изъ нихъ являлись представители подавляющаго числа земскихъ губерній. Тогда, какъ и въ наше время, земцы для сѣздовъ пользовались, обыкновенно, всякимъ удобнымъ моментомъ: разрѣшенными профессиональными сѣздами, выставками и т. п. Но были случаи, когда они сѣзжались и безъ «благопріятныхъ обстоятельствъ», вполне конспиративно...

Данныхъ объ этихъ сѣздахъ, покуда, весьма мало. Правительству, насколько извѣстно, ни разу не удалось надлежащимъ образомъ выслѣдить ихъ, а потому оно знало кое что о сѣздахъ, кажется, только изъ туманныхъ и невѣрныхъ показаній извѣстнаго предателя Курицына и изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года. Курицынъ показывалъ, что «когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался сѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ Черниговскаго земства Линденсъ или Линдесъ, то на бывшей по этому поводу сходкѣ изъ представителей разныхъ соціально-революціонныхъ партій и украинофиловъ присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ. Житецкій и Беренштамъ, съ цѣлью отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи». Что эти свѣдѣнія не точны и добыты на основаніи слуховъ, видно уже изъ перевранной фамиліи извѣстнаго въ свое время земца Линдфорса въ Линденса или Линдеса. Курицынъ не упоминаетъ о такихъ видныхъ лицахъ, какъ И. И. Петрункевичъ, тогда гласный Черниговскаго земства, о земцѣ Савичѣ, объ украинофилахъ: А. А. Русовѣ ¹⁾, В. Л. Бернштамѣ, М. П. Старицкомъ, Н. В. Ковалевскомъ, И. А. Житецкомъ, профессоръ Гордѣенко, земцѣ, бывшемъ въ то время городскимъ головою г. Харькова, о трехъ представителяхъ отъ поляковъ ²⁾. Полицейскими же разслѣдованіями дознано было, что такіе сѣзды въ семидесятыхъ годахъ были не только въ Кіевѣ, но въ Москвѣ и въ Харьковѣ. Кіевскій же сѣздъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ принимали участіе и соціалисты революціонеры, и украинофилы. Земцы на этомъ сѣздѣ вели переговоры главнымъ образомъ съ революціонерами, предлагая имъ не предпринимать террористическихъ актовъ и работать совмѣстно для достиженія парламентарнаго строя. Переговоры эти, однако, ни къ

¹⁾ Тогда уже бывшимъ статистикомъ Черниговскаго земства.

²⁾ Предъ этимъ сѣздомъ былъ еще предварительный сѣздъ въ г. Нѣжинѣ, Черниговской губ., на которомъ былъ А. Ф. Линдфорсъ, А. А. Русовъ, Н. А. Ковстантиновичъ, секретарь черниговскаго губ. статистическаго комитета, а отъ радикаловъ былъ Бѣловодскій. Черниговскій губернаторъ Даравенъ узналъ объ этомъ сѣздѣ, о чемъ самъ говорилъ Ковстантиновичу, но никакихъ печальныхъ послѣдствій не было.

чему не привели, такъ какъ правительство своими дѣянiями продолжало до красна раскалять молодежь.

По этому поводу мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ воспоминанiй виднаго революціонера Вл. Дебагорiя Мокріевича, относящихся ко времени переговоровъ съ земцами: «Русскій терроръ,—говоритъ онъ,— носилъ исключительно политическій характеръ и ни разу не измѣнилъ этому направленію. Правда у насъ поднимались разговоры объ «аграрномъ» и «фабричномъ» террорѣ, но, по счастью, дѣло ограничилось одними разговорами. Этотъ исключительно политическій характеръ нашего террора, или другими словами, террористическая борьба за политическую свободу, къ сожалѣнію, не была понята всѣми. Сами революціонеры не сознавали этого, а это отсутствіе яснаго пониманiя отразилось вредно на дальнѣйшемъ ходѣ событiй. Южные террористы—Осинскій, Попко и другіе уже признавали необходимость и полезность конституціоннаго режима, и на югѣ одно время были шансы выработаться правильной программѣ. Но эта группа лицъ, слабо организованная, была скоро цѣликомъ выхвачена жандармами, а «Земли и Воли», организовавшаяся около этого же времени въ Петербургѣ, оказалась въ этомъ отношеніи несравненно менѣе зрѣлою. Въ октябрѣ 1878 года появился №1 «Земли и Воли». Здѣсь опять на сцену выступили социалисты-революціонеры—Стенька Разинъ, Пугачевъ и ихъ сподвижники, а по вопросу о политической свободѣ сразу наговорено было цѣлый коробъ старыхъ народническихъ глупостей... А какой грубой ироніей звучатъ теперь слова «Земли и Воли», что паденіе современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и что вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Вотъ уже почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это писалось, а скоро наступитъ четверть столѣтiя... Цѣлая четверть вѣка! Что же, уже не этотъ ли періодъ времени имѣли ввиду землевольцы, когда писали вышеприведенныя строки!? О, конечно, нѣтъ! Да, мы ожидали тогда социальную революцію раньше 25 лѣтъ, не то что какую-то конституцію. Но жизнь жестоко посмѣялась надъ нами, и въ настоящее время мы были бы рады—преграды даже плохонькой лорисъ-меликовской конституціи. Пусть бы себѣ на здоровье организовалась наша буржуазія! А то вотъ у насъ до сихъ поръ и буржуазiя нѣтъ, и все еще одни военачальники, какъ у какихъ-нибудь кафровъ или готентотовъ». Далѣе Дебагоріо-Мокріевичъ сообщаетъ, какъ въ 1878 г. пріѣзжали два земскихъ дѣятеля для переговоровъ съ кiевскими либералами и украинофилами, а также съ революціонерами относительно совмѣстнаго образа дѣйствiй для завоеванiя конституціи. «Въ переговорахъ этихъ изъ революціонеровъ принимали участіе Осинскій (впослѣдствіи повѣщенный), Ковалевская (впослѣдствіи умершая на каторгѣ) и еще нѣсколько челоувѣкъ.. Помню собраніе было открыто рѣчью земца. Онъ развилъ мысль, что конституціонная реформа необходима для Россiи и будетъ полезна для всѣхъ русскихъ группъ, а въ томъ числѣ и для социалистовъ, такъ какъ даетъ больше простора для дѣятельности. Затѣмъ, какъ выводъ изъ этого, предлагалъ соединиться всѣмъ группамъ для добытiя конституціи. По его мнѣнію, нужно было испробовать первоначально всѣ

легальные пути: подачи петицій, мирныя демонстраціи и т. п. Чтобы вовлечь въ движеніе побольше людей, предполагалось развить сильную агитацію въ обществѣ посредствомъ печати. Брошюры конституціоннаго характера, которыя нельзя было печатать по цензурнымъ условіямъ внутри Россіи, земець находилъ нужнымъ издавать за границей и оттуда доставлять контрабанднымъ путемъ. Все это были мысли, съ которыми наши террористы, вѣроятно, согласились бы, еслибъ не оказалось одного пункта разногласій. По мнѣнію земца, однимъ изъ первыхъ условій для успѣха конституціонной агитаціи было приостановленіе террористической дѣятельности революціонеровъ, запугавшей извѣстную часть общества, а равно и правительство. Съ этими требованіями террористы не согласились, переговоры не привели ни къ какому результату¹⁾.

Неудачны были попытки переговоровъ земцевъ и въ другихъ мѣстахъ. Тогда они рѣшили образовать собственную нелегальную организацію, получившую названіе «Общество земскаго союза и самоуправленія», сокращенно именовавшуюся также «Земскій Союзъ». Этотъ «Союзъ», какъ въ наше время «Союзъ Освобожденія», занялся широкой пропагандою въ земствахъ, а въ скоромъ времени рѣшилъ завести и собственный органъ за границу. Первая попытка въ этомъ направленіи была неудачна: въ Галиціи, гдѣ предполагалось обосноваться, арестована была и первая земская агитаціонная литература, и лица, ее напечатавшіе. Въ числѣ этой литературы въ руки полиціи попала и програмная брошюра—«Ближайшія задачи земства», въ которой основными лозунгами земства были поставлены: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ учредительнаго собранія.²⁾

Эта неудача года на два съ лишнимъ отдалила изданіе заграницею земскаго органа, который осуществился лишь въ 1881 году, уже въ царствованіе Александра III.

¹⁾ Въ концѣ своихъ интересныхъ воспоминаній Вл. Дебагоріо-Мокрієвичъ, на основаніи многолѣтняго опыта своей революціонной дѣятельности, приходитъ къ убѣжденію, «что для русскаго общественнаго дѣятеля вопросъ объ обузданіи правительства или, другими словами, вопросъ о политической свободѣ, самъ собою ставится въ первую очередь. Вотъ этого то мы и не должны забывать».

²⁾ Полная программа «Земскаго Союза» детальнѣйшимъ образомъ касалась всѣхъ сторонъ государственнаго и мѣстнаго широкаго самоуправленія, основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Центральное Управленіе, по этой программѣ, должно было сосредоточиваться въ двухъ «Думахъ»: *Государственной* и *Союзной*. Первая, избираемая всеобщей подачей голосовъ, имѣла своимъ назначеніемъ законодательную дѣятельность, примѣняя къ внутреннему строительству и внѣшнимъ сношеніямъ государства начала братской взаимности, социальной справедливости и свободы. Задача Союзной Думы, составленной изъ представителей областныхъ собраній, помимо законодательства совмѣстно съ Государственной Думой, состояла, главнымъ образомъ, въ гарантіи интересовъ отдѣльныхъ областей и націй, входящихъ въ составъ Россіи. Обѣ эти палаты, пользуясь правомъ внутреннего распорядка, должны были собираться въ свои назначенные сроки и засѣдать одновременно. Обѣ онѣ имѣютъ право запросовъ и выраженія довѣрія или недоувѣрія отдѣльнымъ министрамъ и всему правительству. Всѣ законы, а также государственный бюджетъ, не утвержденные обѣими палатами, не имѣли обязательной силы. Пересмотръ конституціи могъ осуществляться лишь по взаимному соглашенію обѣихъ палатъ. Рѣшеніе вопроса о соответствіи или несоответствіи новыхъ законовъ Думы съ конституціею рѣшается кассационнымъ судомъ. Глава государства обязавъ, подъ отвѣтственностью министровъ, обнародовать законы, признанные кассационнымъ судомъ правильными.

Между тѣмъ, какъ свѣтъ вызываетъ тѣнь, такъ всякое освободительное движеніе вызываетъ правительственныя репрессіи.

Въ семидесятыхъ годахъ онѣ проявились съ особенною силою по отношенію къ обществу вообще и къ земству въ частности. Къ послѣднему самодержавная бюрократія относилась все съ большею и большею подозрительностью и сыпала, какъ изъ рога изобилія, реакціонными законами и циркулярами. Въ 1870 году вслѣдъ за законами 4-го іюля выходитъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го октября, относящійся къ земскимъ служащимъ, въ которыхъ правительство основательно видитъ грядущую силу. Еще и еще разъ оно стремится изъять ихъ изъ рукъ земства и совершенно подчинить своему вѣдѣнію. Въ слѣдующемъ, 1871 году вырабатывается «инструкція» инспекторамъ народныхъ училищъ, учрежденныхъ въ 1869 году. Въ силу этой «инструкціи», инспектора сдѣлались единоличными властителями земскихъ начальныхъ школъ, съ правомъ удалять учителей, которыхъ они найдутъ «неблагонадежными», накладывать veto на всѣ рѣшенія училищныхъ совѣтовъ, входя въ сношенія съ попечителемъ. Но и эти мѣры не успокаивали бюрократію, ясно сознававшую, что съ просвѣщеніемъ народа роль ея низводится къ нулю. Всего черезъ два года послѣ названной «инструкціи» появляется «рескриптъ» на имя министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ указывалось, что въ народной школѣ замѣчается стремленіе отклонить учащихся «отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣною которыхъ въ теченіе вѣковъ собиралась, крѣпла и возвеличивалась Россія». На слѣдующій годъ появляется извѣстное «новое» «Положеніе о народныхъ училищахъ» 1874 года, по которому предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ дѣлались предводители дворянства, а неограниченное господство надъ школами переходило къ дирекціи народныхъ училищъ. Ходатайство Казанскаго губернскаго земства о пересмотрѣ этого закона съ участіемъ земскихъ представителей встрѣтило со стороны правительства отказъ. Не увѣнчались успѣхомъ и ходатайства земствъ объ изданіи обще-земскаго органа.

Весьма возможно, что въ 70-хъ годахъ земство низведено было бы къ нулю, если бы правительственный гнетъ не вызвалъ сильное революціонное движеніе, настолько осложнившее внутреннее состояніе страны, что, дабы отвлечь вниманіе общества отъ собственныхъ язвъ, была предпринята «освободительная» война съ Турціею. Когда же и это средство не помогло, какъ въ наше время не помогла война съ Японіею, сдѣлана была попытка обратиться, для уничтоженія крамолы, за содѣйствіемъ къ обществу ¹⁾.

¹⁾ Напоминаю здѣсь въ самыхъ краткихъ чертахъ о революціонныхъ проявленіяхъ въ 70-хъ годахъ. Въ 1871 году Нечаевское дѣло; начиная съ 1872 года, правительство замѣчаетъ усиленную пропаганду среди народа, причемъ съ 1873 года организаторомъ пропагандистовъ является Николай Чайковскій, завязавшій сношенія и съ русскими эмигрантами. Одновременно изъ за границы начинается вліяніе «интернациональнаго общества рабочихъ», Бакунина, Петра Лаврова, начавшихъ въ 1873 г. издавать журналъ «Впередъ», Ткачева, кн. Кропоткина. Подъ этимъ вліяніемъ въ Россіи начинаютъ организовываться кружки и усиливается пропаганда среди крестьянъ и рабочихъ. Правительство усиленно преслѣдуетъ пропагандистовъ и привлекаетъ къ отвѣтственности до 2000 человекъ, но суду предастъ лишь 193 лицъ. Ихъ судили съ

20 ноября 1878 года, въ Москвѣ, Императоръ Александръ II, обращаясь къ представителямъ различныхъ сословій, сказалъ: «Я надѣюсь на ваше содѣйствіе, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и да даруетъ Онъ намъ въ утѣшеніе видѣть дорогое наше отечество постепенно развивающимся мирнымъ законнымъ путемъ. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено будущее могущество Россіи, столь же дорогое Вамъ, какъ и мнѣ».

Странно было слышать приведенныя слова изъ устъ Верховной Власти. Ясно было, что они внушены были бюрократіею. Въ самомъ дѣлѣ, во всей Россіи совершался ужасающій произволъ. III-е отдѣленіе насмѣхалось надъ законами. Обыски, аресты, административныя ссылки, тяжелое тюремное заключеніе, наконецъ, смертная казнь ¹⁾, — вотъ чему свидѣтелями были всѣ «сословія». Никто не могъ поручиться за завтрашній день, а тутъ говорилось «о законахъ». Нужно ли говорить, что земство не могло не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы не указать правительству на ужасающія нестроенія въ Россіи и указать на тотъ путь, который могъ бы вывести страну изъ невыносимаго положенія. Этотъ путь тогда былъ такой-же, какъ и сейчасъ — это созывъ народныхъ представителей съ законодательными функциями. При томъ ужасѣ, который наводило правительство на все населеніе, нелегко было «земскому союзу» организовать обще-земское требованіе относительно уничтоженія самодержавнаго строя, но все-же пять губернскихъ земскихъ собраній (Черниговское, Тверское, Харьковское, Полтавское и Самарское) открыто высказались за созывъ земскаго собора. Особенно откровенны были адреса первыхъ двухъ земствъ.

Въ Черниговскомъ адресѣ, составленномъ И. И. Петрункевичемъ, указывалось, между прочимъ, на отсутствіе свободы слова, печати, законности, на ужасающій режимъ въ сферѣ высшей и средней школы, который въ то время повелъ уже къ тому, что болѣе шести тысячъ молодежи были выброшены изъ стѣнъ высшихъ учебныхъ заведеній и представляли изъ себя богатый матеріалъ для крайнихъ революціонныхъ партій ¹⁾. Въ силу всѣхъ этихъ и многихъ другихъ

18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., причемъ многіе были оправданы и среди нихъ такіе, какъ Желябовъ, Перовская, Левъ Тихомировъ, Келтковский, Грачевскій, Лешернъ-фонъ-Гернцфельдъ, впоследствии, подъ напоромъ неслыханныхъ репрессій, превратившіеся изъ мирныхъ пропагандистовъ въ террористовъ. Террористическіе акты начались въ 1878 году покушеніемъ Вѣры Засуличъ на Трепова. Въ томъ же году въ Кіевѣ было покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго и совершилось убійство жандармскаго капитана Гейкинга. Въ Петербургѣ въ 1878 году былъ убитъ начальникъ третьяго отдѣленія шефъ жандармовъ генералъ Мезенцевъ.

¹⁾ 2 го августа 1873 года въ Одессѣ былъ казненъ Ковальскій.

²⁾ Съ 1865 и по 1880 годъ, т. е. въ теченіе 15 лѣтъ народнымъ образованіемъ безконтрольно распоряжался графъ Д. А. Толстой. Въ 1865 году онъ сдѣланъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода, а въ 1866 г. и министромъ народнаго просвѣщенія. Быть можетъ, ни одинъ министръ не принесть столько зла Россіи, какъ этотъ черствый, сухой бюрократъ, стремившійся превратить всю учащуюся молодежь въ безмысленныхъ марионетокъ, пригодныхъ лишь для укомплектованія кадровъ работнствующихъ чиновниковъ, единственною задачею которыхъ была бы только поддержка абсолютизма. Изъ

условій, всѣ реформы царствованія Александра II-го стали въ полное противорѣчіе съ существующимъ въ дѣйствительности строемъ. Поэтому и земскія учрежденія совершенно не могутъ стоять на высотѣ своего призванія. «Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться законодательству,—говорилось далѣе въ Черниговскомъ адресѣ,—не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики возникающихъ среди него идей,—русское общество представляетъ разобщенную, инертную массу, способную поглощать все, но не способную къ борьбѣ». Въ виду этого, «земство Черниговской губерніи съ невыразимымъ огорченіемъ констатируетъ свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства». Другими словами, Черниговское губернское земское собраніе отказывало правительству въ помощи въ борьбѣ съ крамолой.

Тверское губернское земское собраніе точно также, не соглашаясь поддерживать правительство, еще болѣе рельефно выясняло причины крайнихъ революціонныхъ теченій.

Политическія преступленія являются результатомъ глубокихъ недуговъ, которыми поражена страна. Указавъ, какъ и черниговскіе земцы, на тяжелое положеніе высшей и средней школы, на ненормальныя условія, въ которыхъ поставлено земство, тверское земское собраніе въ концѣ адреса напомнило, что, если Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ труднаго ига болгарскаго народа, признаетъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, независимость суда, свободу печати,—нужно надѣяться, и русскій народъ воспользуется тѣми же благами.

Правительство крайне недовольно было такого рода заявленіями земства на призывъ его къ борьбѣ съ крамолой, и И. И. Петрунkevичъ, напримѣръ, былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ Черниговской губерніи, но внутренняя смута достигала такихъ размѣровъ, что приходилось что либо предпринять ¹⁾. Какъ въ наше

профессоровъ университетовъ и учителей гимназій онъ сдѣлалъ также сдѣлать самыхъ заурядныхъ чиновниковъ, молчаливо исполнявшихъ велѣнія его, министра народнаго просвѣщенія. Мы думаемъ, что эта ужасающая „толстовская“ система была и до сихъ поръ еще является источникомъ всѣхъ бѣдъ нашей высшей и средней школы.

¹⁾ Въ 1879 и въ началѣ 1880 года произошли, между прочимъ, такія событія: въ Харьковѣ былъ убитъ губернаторъ кн. Крапоткинъ, началась сильная пропаганда среди рабочихъ, организованная комитетомъ „Земля и Воля“, результатомъ которой явились неизвѣстные почти до тѣхъ поръ стачки рабочихъ въ Петербургѣ, (первыя проявленія ихъ были въ концѣ 1878 г.), покушеніе на шефа жандармовъ Древетельва, 2-го апрѣля совершенно покушеніе Соловьева на Императора Александра II-го, ограбленіе Херсонскаго казначейства, Липецкій съѣздъ и второе неудачное покушеніе на жизнь Императора Александра II-го, на юго-западной дорогѣ, третье покушеніе на Императора Александра II близъ Москвы, на москов.-курск. ж. д. Затѣмъ дѣло Осипскаго въ Кіевѣ, дѣло Липогуба и др. 27 лицъ въ Одессѣ и т. д.

Лѣтомъ 1879 г. начала функционировать партія „Народной Воли“, въ № 3 газеты того же наименованія отъ 1 января 1880 г. были выставлены такія требованія: 1) созданіе народнаго представительства, облеченнаго полною властью, 2) организація широкаго мѣстнаго самоуправленія, основаннаго на выборности началь, 3) самостоятельность міра (сель-

время, въ 1904 году, являлось намѣреніе, «отдѣлаться отъ смутъ небольшимъ довѣріемъ», точно этотъ же рецептъ прописанъ былъ 27 лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1880 года. Мы объ этомъ «довѣріи» узнали отъ князя Святополкъ-Мирскаго, въ 1880 г. о немъ возвыстилъ глава вновь учрежденной Верховой Распорядительной Комиссіи графъ Лорисъ-Меликовъ¹⁾. Въ воззваніи къ жителямъ Петербурга онъ говорилъ, что «на поддержку общества» онъ смотритъ, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого населенія. Какъ бы въ подтвержденіе своихъ намѣреній, графъ Лорисъ-Меликовъ упразднилъ ненавидимый для всѣхъ застѣнокъ, именовавшійся «III-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», а на праздникъ Пасхи 1880 года, въ родѣ «краснаго яичка», послѣдовало удаленіе губителя учащейся молодежи, всѣми ненавидимаго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого. Затѣмъ, въ бесѣдѣ съ редакторами петербургскихъ газетъ и журналовъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, между прочимъ, заявилъ, что въ его программу входитъ—«дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность въполнѣ воспользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ законами, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстности..... Привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ существовавшимъ доселѣ, дать провинціальнымъ

ской общины), какъ экономической и административной единицы, 4) признаніе принципа, что земля есть собственность народа, 5) система шѣръ, нѣмѣющихъ передать фабрики и заводы въ руки рабочихъ, 6) полная свобода совѣсти, свобода печати, союзовъ, собраній и выборной агитаціи. 7) всеобщее избирательное право, безъ всякихъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій, 8) забота постояннаго арміи — территориальной, 5-го февраля 1880 г. произошло взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

¹⁾ Учрежденіе этой комиссіи объясняется серьезными затрудненіями, въ которые было поставлено правительство. Черезъ три дня послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, именно 8-го февраля 1880 г., государь вызвалъ къ себѣ министровъ—внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, военнаго, флота и шефа жандармовъ и высказалъ имъ взглядъ, что для борьбы съ хамолопомъ необходимо сосредоточить власть въ однихъ рукахъ, именно въ рукахъ графа Лорисъ-Меликова. Министры должны были выработать соотвѣтственный проектъ, и вотъ уже 12 февраля опубликованы были указы Правительствующему Сенату объ учрежденіи «Верховой распорядительной Комиссіи для поддержанія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Члены комиссіи избирались самимъ ея предсѣдателемъ, т. е. Лорисъ-Меликовымъ; министры, по требованію, также должны были присутствовать въ ней. Лорисъ-Меликовъ, въ качествѣ распорядителя комиссіи пользовался правами главнокомандующаго въ Петербургѣ и окрестностяхъ. Вся администрація, на всемъ пространствѣ Россіи, включая генералъ-губернаторовъ, была подчинена ему, причѣмъ Лорисъ-Меликовъ пользовался правомъ личнаго сношенія съ Государемъ. Всѣ шѣры и указы, которые разсылалъ Лорисъ-Меликовъ, были для всѣхъ обязательны, и съ предсѣдателемъ Верховой комиссіи не могъ ничего сдѣлать даже Сенатъ. Комиссія эта просуществовала до августа, когда Лорисъ-Меликовъ изъ всепсалнаго диктатора былъ сдѣланъ просто министромъ внутреннихъ дѣлъ съ расширенными правами. Скажемъ здѣсь къ слову, что черезъ 8 дней послѣ указа о Верховой комиссіи, 20 го февраля на Лорисъ-Меликова сдѣлано было покушеніе Молодцовымъ, который 22 февраля былъ повѣшенъ.

учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, познать желанія, нужды, состояніе населенія, обративъ при этомъ вниманіе и на его экономическое положеніе. Нужно ли говорить, что земство не могло не воспользоваться такимъ благоприятнымъ моментомъ для указанія на нужды страны ¹⁾, хотя «лисій хвостъ», какъ прозванъ Лорисъ-Меликовъ, не преминулъ заявить, что «мечтательныя иллюзіи» печати «о привлеченіи, общества къ участию въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ ли представительныхъ собраній европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ соборовъ»—не значатся въ правительственной программѣ.

«Земскій Союзъ» поспѣшилъ созвать сѣздъ, на которомъ было постановлено употребить всѣ усилія для созыва народнаго представительства при непремѣнномъ условіи одной палаты и всеобщаго голосованія. Земскимъ собраніямъ сессіи 1880 года данъ былъ сѣздомъ соответствующій лозунгъ и собраніями сдѣланы были нужныя постановленія, но, понятнo, въ формахъ и выраженіяхъ, которыя были допустимы на собраніяхъ, на которыхъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, трудно было открыто провести оппозиціонныя требованія. Мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ, иллюстрирующихъ земское настроеніе въ періодъ Лорисъ Меликовскаго «довѣрія» ²⁾.

Такъ, въ новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ 1880 году, гласный г. Румянцевъ, между прочимъ, говорилъ, что земское собраніе боится высказаться по вопросу объ общихъ мѣрахъ къ развитію народнаго благосостоянія. Эта боязнь объясняется тяжелымъ положеніемъ земства, которое принужденно ходить вокругъ да около одной изъ самыхъ серьезныхъ задачъ. Чтобы избавиться отъ такихъ невыносимыхъ условій,—необходимо хадатайствовать предъ правительствомъ о неприкосновенности личности, о томъ, чтобы оно признало, что каждый изъ гласныхъ отвѣтствененъ лишь предъ закономъ и только по суду. Безъ этого земство будетъ безсильно и нѣмо во всякомъ серьезномъ вѣпросѣ.

Еще опредѣленнѣе въ томъ же году высказался въ запискѣ по продовольственному вопросу гласный того-же земства г. Нечаевъ. Доказывая необходимость дальнѣйшихъ реформъ, чтобы выдти изъ тяжелаго экономическаго положенія, авторъ записки указываетъ, что реформы эти, для того, чтобы получить надлежащую крѣпость и принести

¹⁾ Въ 1880 г., въ Москвѣ подъ редакціею В. Ю. Сялoна, стала издаваться серьезная еженедѣльная газета «Земство», въ которой принимали участіе многіе видные писатели и общественные дѣятели, какъ-то: Н. А. Каблуковъ, С. А. Муромцевъ, Н. А. Кыршевъ, В. А. Гольцевъ, Д. Н. Ждановъ, З. А. Осиповъ, А. Ф. Фортунатовъ, баронъ Н. А. Корфъ, Ф. Ф. Эрншанъ, С. А. Приклонскій и др. Газета эта просуществовала лишь до 1881 г. Съ момента насгупленія реакціи, въ названномъ году, она получила два предостереженія—за «недозволительное и несправедливое осужденіе дѣятельности лицъ, занимающихъ важныя государственныя должности», и 10 октября 1881 г. была закрыта.

²⁾ Кажется къ этому времечу относится подробно разработанный проектъ конституціи суджанскимъ, Курской губ., земствомъ. въ лицѣ, если не ошибаюсь, г. Жекулина. Мы когда то читали этотъ проектъ, но, къ сожалѣнію, для настоящей статьи раздобыть его не могли.

желанные плоды, должны соответствовать действительнымъ нуждамъ страны и большинства населенія. Для того, чтобъ познакомиться съ желаніями и нуждами большинства, правительству необходимо выслушать голосъ народа, дать ему возможность и средство высказаться. Что касается земства, то для наилучшаго служенія государству, необходимо многое измѣнить, многое пополнить, а главное—даровать земству широкія права и сдѣлать его действительнымъ представителемъ населенія и выразителемъ его интересовъ; нужно ввести земство въ сѣть государственныхъ учреждений со всѣми необходимыми правами и преимуществами; необходимо сдѣлать земство средоточіемъ всего мѣстнаго управленія, дать ему право свободно высказываться по всѣмъ вопросамъ общественной жизни. Свобода мысли и слова, немыслимая безъ личной неприкосновенности, строгое господство законности, расширение правъ земства и преобразованіе его въ смыслъ болѣе истиннаго и вѣрнаго выраженія общественныхъ интересовъ и желаній, болѣе тѣсная связь и возможность общенія между земствами остальныхъ губерній—вотъ тѣ принципы, которые должны быть положены въ основу дальнѣйшихъ реформъ.

Черниговское губернское земское собраніе, для выраженія своихъ взглядовъ, воспользовалось случаемъ административнаго произвола.

Въ 1879 году, какъ мы уже знаемъ, былъ высланъ административнымъ порядкомъ гласный черниговскаго губернскаго и борзенскаго уѣзднаго земскаго собранія, И. И. Петрункевичъ. Въ 1880 году, не взирая на отсутствіе, онъ опять избранъ былъ гласнымъ тѣхъ же земствъ, причемъ 37 гласныхъ черниговскаго губернскаго земства сдѣлали слѣдующее заявленіе собранію: «Недовѣріе, выраженное администраціей Петрункевичу, высылкой его безъ суда, не раздѣляется мѣстными жителями, такъ какъ тремя выборами они ясно выразили, что попрежнему довѣряютъ г. Петрункевичу быть ихъ земскимъ представителемъ. Такая противоположность въ оцѣнкѣ дѣятельности одного и того же лица возможна потому, что какъ администрація въ вопросахъ о высылкѣ безъ суда, такъ и земство въ выборѣ своихъ представителей, уполномочены закономъ дѣйствовать вполне дискреціонно. Но само собою разумѣется, что подобная коллизія законныхъ правъ двухъ государственныхъ учреждений—земства и администраціи—въ высшей степени прискорбна, такъ какъ въ основѣ колеблетъ въ мѣстныхъ жителяхъ ту вѣру въ законъ, которая необходима для правильнаго теченія государственной жизни. Гласный черниговскаго губернскаго земства, г. Карпинскій, по поводу той же административной высылки г. Петрункевича, предлагалъ ходатайствовать объ ограниченіи дѣйствій административной власти въ примѣненіи ея къ общественному представительству. Неограниченность власти въ этомъ отношеніи мѣшаетъ, по мнѣнію Карпинскаго, болѣе глубокому изслѣдованію причины движенія, мѣшаетъ правильному развитію русскаго общества; оно противно основному принципу самоуправленія—гласности.

Не ограничиваясь политическимъ «вольномудствомъ», земство проявило его и въ вопросахъ экономическихъ, что особенно

возбудило противъ себя крѣпостниковъ. Характернымъ образчикомъ злобы послѣднихъ явился, между прочимъ, знаменитый харьковскій предводитель дворянства Шидловскій. бывшій затѣмъ въ реакціонный періодъ царствованія Александра III го губернаторомъ сначала Орловскимъ, а затѣмъ Костромскимъ. Въ 1880 году онъ на Харьковскомъ губернскомъ собраніи, чтобы сорвать вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, придавъ послѣднему политическое значеніе. Шидловскій проводилъ мысль, что земство, ратуя за устройство земельного банка, «имѣетъ, должно быть, въ виду какое-то учрежденіе политическаго свойства». Исходя изъ факта крестьянскаго малоземелья, земцы, молъ, въ душѣ желаютъ упразднить крупную собственность и раздробить ее на мелкіе участки. Какъ вамъ угодно,—воскликнулъ испуганный и негодующій крѣпостникъ,—это уже цѣль политическая», стремясь къ которой, «земство выходитъ изъ своей роли». Въ Дорогобужскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи другой представитель крупной земельной собственности, г. Игнатьевъ, въ меньшей степени возмущался «соціалистическими тенденціями» земства. «Жутко не мужику,—говорилъ онъ,—а землевладѣльцу, о которомъ, однако, никто не думаетъ. Насъ спрашиваютъ не о помѣщикѣ, не о священникѣ, а о «господинѣ крестьянинѣ»,—такъ пусть же этотъ «господинъ крестьянинъ» и скажетъ, что ему нужно. А, по мнѣнію Игнатьева,—«зло извести, устранить его, въ нашей власти, слѣдовательно, нечего хлопотать... Пока будетъ существовать община, будетъ и бѣдствіе»...

Черезъ 27 лѣтъ, въ наши дни, предсѣдатель «конституціоннаго» кабинета министровъ исполнилъ, къ слову сказать, завѣты Игнатьева,—формально уничтожилъ общину закономъ 9-го ноября 1906 года,—но прекратится ли отъ этого «бѣдствіе»—покажетъ будущее.

Искренне или неискренне, но Лорисъ-Меликовъ, повидимому, прислушивался къ земскимъ заявленіямъ. По крайней мѣрѣ изъ разговора съ Кошелевымъ, въ 1880 году, выясняется, что графъ бесѣдовалъ на эту тему съ Александромъ II мъ и, «не надѣясь получить соизволенія Государя на созваніе Земской Думы», проектировалъ собрать «Комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ» ¹⁾ Однако и «Земская Дума» и «комиссія» Лорисъ-Меликова въ основахъ своихъ совершенно не со-

¹⁾ Нужно думать, что эти взгляды являлись дѣйствительнымъ политическимъ credo Лорисъ-Меликова. По крайней мѣрѣ въ «Письмахъ о современномъ состояніи Россіи», Р. А. Оудѣва,—бывшаго товарища Лорисъ-Меликова на Кавказѣ,—относительно которыхъ онъ просилъ у Государя разрѣшеніе напечатать за границею и допустить въ Россіи и содержаніе которыхъ излагалъ въ своемъ вышеупомянутомъ докладѣ, между прочимъ говорится, — что, —послѣ крушенія дворянства,—„Земство—единственная живая общественная сила, могущая стать для вл-сти такою же песокрушимою опорою, какою было прежде дворянство; и такъ какъ громадное большинство русскихъ людей искренно въруеть въ широкую власть, то земство, выражающее собой это большинство, представляетъ, нѣтъ съ тѣмъ, и силу самую благонадежную“. „Воспоминанія“ извѣстнаго врача Н. А. Вѣзюковаго точно также подтверждаютъ, что Лорисъ-Меликовъ былъ искренній „умѣренный постепеновецъ“, который „не мечталъ ни о какихъ коренныхъ превроотахъ въ государственномъ строѣ"... Поэтому онъ былъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за самостоятельность науки, за расширеніе и большую самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ обществъ къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣзательныхъ членовъ. Дальше этого его реформативные идеалы не шли"...

отвѣтствовали земскимъ стремленіямъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, отъ 28-го января 1881 года, онъ, излагая свой взглядъ, между прочимъ говорить, что «для Россіи немислима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствіе коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ, представляется далеко несвоевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ Россійскаго государства предположеніе о пользѣ образованія у насъ Земской Думы или Земскаго Собора. Наше время настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и современному географическому его очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему». Но что же надо предпринять? Лорисъ Меликовъ проектировалъ сгруппировать матеріалъ, добытый тогда сенаторскими ревизіями и подвергнуть его разсмотрѣнію и обсужденію особыхъ «подготовительныхъ комиссій» изъ лицъ, выбранныхъ правительствомъ и имъ же назначенныхъ чиновниковъ, а также изъ «приглашенныхъ съ Высочайшаго соизволенія свѣдущихъ и благонадежныхъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія и народной жизни». И вотъ такого-то рода комиссіямъ проектировалось поручить «составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны Высочайшею волею». Законопроекты эти должны были быть направлены въ «Общую Комиссію», которая и являлась россійскимъ парламентомъ. Въ этой комиссіи предсѣдатель долженъ былъ утверждаться Государемъ, а составъ его предполагался такой: 1) предсѣдатели и члены подготовительныхъ комиссій, 2) гласные и другія лица, избранныя губернскими земскими собраніями и думами большихъ городовъ и 3) назначенныя особымъ порядкомъ представители тѣхъ губерній, въ которыхъ не было земскихъ учрежденій.

Вотъ, собственно говоря, и вся Лорисъ-Меликовская конституція. По нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что самъ авторъ сознавалъ всю несостоятельность такого представительства, но во всякомъ случаѣ оно безусловно не могло удовлетворить земскую партію, что и выяснилось въ 1881 году, тотчасъ послѣ смерти императора Александра II го.

«Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года» видно, что событіе 1-го марта 1881 г. вызвало усиленную дѣятельность «Земскаго Союза». Члены его, спѣшно съѣхавшись въ Харьковъ, въ количествѣ 30 ти человекъ, выработали и отлитографировали программу, названную «Программою Земскаго Союза 1881 г.». Основные пункты ея были таковы: 1) отрицаніе террора правительственнаго и революціоннаго, 2) упраздненіе подушной подати и уравниеніе налоговъ, податей и повинностей, 3) децентрализація государственнаго управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ, 4) центральное народное представительство («Государственная Дума»), въ смыслѣ полноправнаго

законодательного органа (избраннаго всеобщимъ голосованіемъ), ограничивающаго и прямо упраздняющаго самодержавную власть ¹⁾).

Земскія собранія конечно, не могли такъ откровенно высказываться, но, слѣдуя по стопамъ «Союза», и въ рѣчахъ на собраніяхъ дѣлались довольно откровенные намеки.

Такъ, въ Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Ждановъ находилъ несвоевременныхъ ходатайствовать «о мелочахъ», а указать на необходимость «расширенія правъ народа и участіе его, въ лицѣ своихъ представителей, въ самоуправленіи всей страны»; въ Новгородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Нечаевъ, о которомъ мы уже говорили, точно также доказывалъ необходимость, чтобы правительство выслушало «свободный голосъ русскаго народа»; въ Таврическомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Винбергъ говорилъ, что «только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей, въ состояніи указать на средство спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ. Намъ же остается только стремиться, чтобы голосъ народа былъ заслушанъ ²⁾).

Въ другихъ земствахъ проводились тѣ же конституціонныя мысли подъ разными видами. Тверское земское собраніе, указывая на событіе 1-го марта, говорило въ адресѣ, что «въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій Царь и народъ всегда пріобрѣтали могучую, неодолимую силу; Казанское собраніе выражало надежду на «завершеніе великаго дѣла обновленія государства», начатаго Александромъ II-мъ и т. д. и т. д.

Но «Земскій Союзъ» недовольствовался дѣятельностью въ однихъ земскихъ собраніяхъ и на сѣздахъ. Онъ рѣшилъ въ 1881 году издавать свой органъ за границей. Земцы вступили въ переговоры съ другимъ извѣстнымъ эмигрантомъ, профессоромъ Кіевскаго университета

¹⁾ Нельзя не отмѣтить, что послѣ убійства императора Александра II го партія Народной Воли пришла ко взглядамъ, очень близкимъ къ земской партіи. Это можно видѣть изъ знаменитаго историческаго письма (отъ 10-го марта 1881 года) Исполнительнаго Комитета названной партіи къ Александру III-му, которое Марксъ и Энгельсъ называли «положительно прекраснымъ по своей политичности и спокойному тону». „Оно“, говорили далѣе отцы марксизма, — „доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находится люди съ государственной складкой ума“. Въ этомъ письмѣ, въ редактированіи котораго принималъ близкое участіе Н. К. Михайловскій, основными пунктами были: 1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданского долга и 2) Созаніе представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями. Затѣмъ далѣе, какъ и въ программѣ „Земскаго Союза“, выработанной еще въ 1879 году, — о которой мы говорили выше, — въ письмѣ къ Александру III-му говорится о необходимости свободы: выборовъ, печати, слова, сходокъ и избирательныхъ программъ.

²⁾ Скажемъ къ слову, что въ томъ же 1881 году В. К. Винбергъ былъ заподозрѣнъ въ сочувствіи революціонерамъ, причемъ дознаніемъ, произведеннымъ Таврическимъ жандармскимъ управленіемъ, обнаружено было, что какъ въ Симферопольской губернской управѣ, такъ и въ Симферопольскомъ обществѣ взаимнаго кредита, предсѣдателями которыхъ В. К. Винбергъ состоялъ, разновременно служили не только лица неблагонадежныя, но и политическіе преступники, какъ Софія Церовская, Телаловъ и др., причемъ В. К. оказывалъ имъ матеріальную помощь, а нѣкоторые изъ политическихъ преступниковъ и неблагонадежныхъ ушли въ вѣнчѣ Винберга на южномъ берегу Крыма и были воспитателями его дочерей. Въ 1881 году Винбергъ былъ высланъ изъ Крыма.

М. П. Драгомановымъ, оставившимъ Россію въ 1876 году, который и сдѣлалъ земскимъ органомъ издававшееся имъ «Вольное Слово», которое сначала служило для всѣхъ оппозиціонныхъ партій, кромѣ террористической ¹⁾).

Такое соглашеніе съ земцами соотвѣтствовало тогдашнимъ взглядамъ М. П. Драгоманова. Въ своей автобіографіи онъ, между прочимъ, писалъ: «Будучи социалистомъ по своимъ идеаламъ,—прибавлю: социалистомъ западно-европейской школы,—я убѣжденъ, что осуществленіе этого идеала возможно только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ возстаній»... «Въ Россіи нужно прежде добиться политической свободы; социалистическія же идеи могутъ быть пока распространяемы въ Россіи только научно-литературнымъ способомъ. Получить же свободу въ Россіи украинской націи, по моему мнѣнію, можно не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма»... «Я дѣйствительно постепенно все больше и больше становился противникомъ русскихъ революціонеровъ. Кромѣ ихъ великорусскаго централизма и антикультурныхъ тенденцій, народническихъ иллюзій, макіавелизма средствъ, меня раздѣляло съ ними и возведеніе политическаго убійства, или, какъ они говорили, «террора», въ принципъ революціонной борьбы, тогда какъ я смотрѣлъ на этотъ терроръ только какъ на естественное, хотя и патологическое, послѣдствіе террора самого правительства»... «Статья моя («Историческая Польша и Великорусская демократія») печаталась въ «Вольномъ Словѣ» въ 1881 г. въ то время, какъ въ «Земскомъ Союзѣ» вырабатывалась своя программа реформы Россіи,—и оказалось, что наши программы сошлись въ основахъ. Въ концѣ 1882 г. мнѣ было предложено специальнымъ делега-

¹⁾ Любопытно, что въ 1880 году,—въ письмѣ отъ 12-го мая,—къ М. П. Драгоманову обращался А. И. Желябовъ, писавшій, между прочимъ: «Съ проваломъ типографіи мы лишились возможности разъяснять ее (программу) путемъ печати. Выходитъ въ результатъ, что комментаторами ея вообще, и за границею чуть-ли не исключительно являются лица, отрицающія ея вполне или въ значительной мѣрѣ. А намъ крайне интересно было бы знать ваше личное мнѣніе о программѣ, и было бы очень хорошо, если бы вы прислали критику ея черезъ ZZ, пока не будутъ установлены между нами непосредственныя отношенія, и, можетъ быть, и сотрудничество ваше въ „Народной Волѣ“. Это первое, о чемъ пишу я по порученію товарищей. Второе: вы, конечно, согласитесь склонять общественное мнѣніе Европы въ нашу пользу, о чемъ подробно сообщите черезъ подателей письма. Третье: Ваше положеніе, какъ представителя украинскаго революціоннаго направленія, какъ дѣятеля, извѣстнаго въ Россіи, какъ революціонера съ исключительнымъ прошлымъ, обязываетъ Васъ, Михайла Петровичъ, принять дѣятельное участіе въ злобѣ дня родной страны. Вѣдь не даромъ же на Украинѣ многіе зовутъ Васъ „батькой“! А что дѣлаютъ они? И кто повиненъ кромѣ нихъ? Намъ, убѣжденныхъ автономистовъ, вникать въ централизмъ... за Учредительное Собраніе. Во-первыхъ, не хотѣть понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидаціонная коммиссія, а, во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такіе, за которыми нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Шарнеалы? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, а ставишь ближайшей задачей требованія политическіе, видяши спасеніе въ распадѣніи имперіи на автономныя части и требуешь Учредительнаго Собранія. Не велика заслуга предъ отечествомъ аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы, по крайней мѣрѣ, предпочитаемъ міранамъ».

томъ «Земскаго Союза», принять на себя редакцію «Вольнаго Слова». Я согласился и старался сдѣлать изъ газеты, первоначально основанной съ цѣлью дать возможность разнымъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ элементамъ въ Россіи высказать свободно свои мнѣнія,—прямо органъ агитаціи въ пользу политической свободы съ земскимъ самоуправленіемъ; при этомъ я отводилъ въ газетѣ много мѣста социальному вопросу, имѣя въ виду представить русской публикѣ, какъ социалистической, такъ и болѣе консервативной *всѣ* оттѣнки въ постановкѣ социального вопроса въ Западной Европѣ и Америкѣ, чтобы такимъ образомъ отклониться отъ суммарныхъ приговоровъ всякаго рода по этому вопросу».

Въ тоже время бюрократія, также воспользовавшись событіемъ 1-го марта, рѣшила устроить шлюзъ и закупорить всякое освободительное теченіе, поставивъ крестъ даже надъ Лорисъ-Меликовскою конституціею. Черезъ недѣлю послѣ смерти императора Александра II-го, именно 8-го марта 1881 года состоялось знаменитое погребальное, если можно такъ выразиться, засѣданіе государственнаго совѣта, подѣ предсѣдательствомъ новаго императора Александра III-го. Главнымъ предметомъ обсужденія былъ проектъ Лорисъ-Меликова. Засѣданіе открылось рѣчью императора, который, изложивъ въ общихъ чертахъ исторію этого проекта, просилъ членовъ совѣта откровенно высказаться о немъ, сдѣлавъ при этомъ довольно ясный намекъ, что проектъ еще не былъ утвержденъ, а потому вопросъ о немъ остается открытымъ. Такое заявленіе, понятно, ободрило представителей реакціи и отняло всякую надежду у сторонниковъ Лорисъ-Меликова. Только графъ Милютинъ болѣе или менѣе стойко защищалъ его проектъ, другіе же, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Валувъ, Сольскій, Абаза и нѣкоторые другіе говорили болѣе чѣмъ осторожно. Но за то Маковъ и особенно оберъ-прокуроръ Св. Синода произнесли громовые рѣчи противъ «куцой» Лорисъ-Меликовской конституціи. Послѣдній, «блѣдный какъ полотно», говорилъ, что у него «сжимается сердце» при одной мысли объ осуществленіи проекта Лорисъ-Меликова. Если бы это случилось, то, какъ предъ гибелью Польши говорили—«Finis Poloniae», такъ, въ случаѣ осуществленія плановъ Лорисъ-Меликову пришлось бы воскликнуть—«Finis Russiae»! Всероссійскій мракобѣсъ не преминулъ при этомъ охать земскія и городскія учрежденія и суды, вообще всѣ реформы предшествующаго царствованія. Земскія и городскія учрежденія—это, по мнѣнію Побѣдоносцева,—«говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкосъ о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимали лица, не живущія съ своими семьями, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту». Суды—это тоже «говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными». Свобода печати—это «самая ужасная говорильня, которая во всѣ концы необъятной

русской земли, на тысячи, десятки тысячъ верстъ разносить хулу и порицаніе на власть, посягаетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ». Закончили Побѣдоносцевъ рѣчь свою тѣмъ, что и убійство Александра II явилась результатомъ того, что «всѣ мы» такъ «легко смотрѣли на совершавшееся вокругъ насъ... «Всѣ мы должны каяться!»—«Сушая правда,—соглашался съ Побѣдоносцевымъ Александръ III,—всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя». И въ этихъ словахъ заключалась вся программа новаго императора: во все царствованіе онъ, согласно взгляду Побѣдоносцева, стремился снять съ себя вину, т. е. не только уничтожить всѣ признаки освободительнаго движенія, но уйти какъ можно дальше назадъ, за царствованіе Александра II-го, ближе къ дѣду своему Николаю I-му.

Проектъ Лорисъ-Меликова былъ проваленъ и дни автора его были сочтены. Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ этого засѣданія, именно 29 апрѣля, былъ обнародованъ манифестъ императора Александра III-го, 4 мая была принята отставка Лорисъ-Меликова, мѣсто котораго занялъ графъ Игнатьевъ. Въ манифестѣ 29 апрѣля, между прочимъ, говорилось: «Посвящая себя великому нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и Государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую,—къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи Благоустроителемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ».

Въ то время никто, конечно, не зналъ о засѣданіи государственнаго совѣта 8 марта и о похоронахъ «конституціи» Лорисъ-Меликова, а потому въ словахъ «къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений» Императора Александра II-го видѣли нѣкоторый намекъ на продолженіе реформъ прошлаго царствованія. Такое мнѣніе еще болѣе утвердилось послѣ опубликованія циркуляра графа Игнатьева, который утверждалъ, что не только права, дарованныя дворянству, земству и городскимъ сословіямъ «останутся, согласно высочайшей волѣ, въ полной неприкосновенности», но что «правительство приметъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній».

Воспользовавшись этимъ манифестомъ и циркуляромъ земства, подъ разными предлогами и въ разныхъ формахъ, опять настаивали на необходимости выборнаго представительства.

Тверское губернское земское собраніе въ 1881 г. заявило, что «никакія, какъ частныя, такъ и общія мѣропріятія или реформы не могутъ достигнуть цѣли, поставленной властью, безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ реформъ выборными представителями всей русской земли».

Новгородская губернская земская управа полагала необходимымъ заявить правительству, что «земство, при настоящихъ условіяхъ своей дѣятельности не можетъ принять участія въ борьбѣ правительства

съ противообщественными элементами и въ преслѣдованіи задачъ, намѣченныхъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ вопросъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ общество можетъ оказать правительству желаемое содѣйствіе, безусловно необходимое для достиженія народнаго благоденствія, можетъ получить правильное разрѣшеніе лишь при участіи въ его разсмотрѣніи уполномоченныхъ отъ земскихъ учреждений, выбранныхъ земствомъ спеціально для этой цѣли.

Череповецкое, новгородской губерніи, земское собраніе заявило, что преобразование мѣстныхъ учреждений «возможно будетъ лишь тогда, когда земствамъ предоставятъ не только право дать свои отдѣльныя письменныя заключенія, но когда представители всѣхъ земствъ получатъ возможность объединить и согласовать заключенія... Если окончательная разработка этого вопроса будетъ возложена на бюрократическіе органы правительства, то весьма вѣроятно, что вниманіе будетъ обращено на тѣ изъ рѣшеній, которыя ближе подходятъ къ видамъ и взглядамъ этихъ органовъ, чѣмъ большинства земствъ».

Харьковское губернское земское собраніе находило необходимымъ, чтобы для разрѣшенія вопроса о преобразованіи крестьянскихъ учреждений былъ созванъ съѣздъ, въ составъ котораго должны входить и депутаты отъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній.¹⁾

Вообще, какъ писалъ Драгомановъ въ заграничномъ земскомъ «Вольномъ Словѣ», заявленія земствъ, поступившія въ то время въ министерство внутреннихъ дѣлъ, вполне соотвѣтствовали той программѣ самоуправленія, которая выставлена была названнымъ органомъ.

Но скоро заявленія земствъ о содѣйствіи правительству были прекращены, опубликованія земскихъ постановленій по этому вопросу воспрещены, и вмѣсто всего этого было рѣшено вызывать «свѣдущихъ людей» по усмотрѣнію и назначенію правительства. Съ этими свѣдущими людьми «произошло почти то же самое, что черезъ 21 годъ въ 1902—1903 г. произошло съ устроенными С. Ю. Витте совѣщаніями о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить.

Въ ноябрѣ 1881 года, по Высочайшему повелѣнію была образована комиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, почему она и названа была «Кахановскою комиссіей»²⁾. На нее

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что если въ земскихъ собраніяхъ говорилось о выборномъ представительствѣ только отъ земства, то это объяснялось, во первыхъ, невозможностію въ иной формѣ трактовать вопросъ на собраніяхъ, и во вторыхъ—тѣмъ, что выборные отъ земства, приглашенные въ центральное управленіе, немедленно возбудили бы вопросъ о народномъ представительствѣ.

²⁾ Созыву этой комисіи, являвшейся Лорисъ-Меликовскую «конституцію», предшествовали знаменитыя реакціонныя «Правила объ охранѣ государственнаго строя и общественной безопасности», утвержденныя Александромъ III-мъ 14-го августа 1881 года. Они назывались, по обыкновенію, «временными», но сохранились собственно говоря, до нашего времени. Эти «правила» устанавливали исключительныя мѣропріятія. Вся Россія была отдана частью подъ усиленную, частью подъ чрезвычайную охрану, сообразно чѣму расширялась власть администраціи, особенно генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Серьезное вниманіе было обращено на полицію, особенно на сыскавую, которая была «реформирована по европейскъ», и это явилось

возложено было составление проектов мѣстнаго управленія, по программѣ, преподанной комитетомъ министровъ. Какъ матеріалы, ей переданы были все тѣ же данныя сенаторскихъ ревизій, произведенныхъ въ 1880 г., которыя Лорисъ-Меликовъ проектировалъ разсматривать въ его «подготовительныхъ» и «Общей» «комиссіяхъ», а также земскіе отвѣты по вопросамъ земскаго самоуправленія. Въ комиссію входили ревизовавшіе разныя губерніи сенаторы и представители министерствъ, въ лицѣ, главнымъ образомъ, товарищей министровъ; что же касается «свѣдущихъ людей», то приглашеніе послѣднихъ было предоставлено предсѣдателю комиссіи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Земцы, несмотря на „предупредительныя мѣры“, принятія правительствомъ, высказали рѣзкій протестъ противъ фальсификаціи народнаго представительства. Бессарабское, Владимірское, Казанское, Калужское, Костромское, Новгородское, Петербургское, Полтавское, Псковское, Смоленское, Харьковское и Херсонское губернскія земскія собранія отказались признать «свѣдущихъ людей» компетентными и уполномоченными рѣшать вопросы мѣстнаго самоуправленія. «Въ послѣднее время, заявляло, напримѣръ, Владимірское губернское земское собраніе, для разрѣшенія нѣкоторыхъ государственныхъ вопросовъ были вызываемы свѣдущіе люди, которымъ, къ сожалѣнію, придается названіе людей земскихъ, такъ что вся неудачная работа ихъ падаетъ упрекомъ на земство». «Мы полагали бы ходатайствовать, чтобы въ числѣ ихъ были лица, избранныя земскими собраніями, которыя вѣрнѣе могутъ выяснить нужды и потребности населенія всѣхъ разнородныхъ мѣстностей, и чтобы выработанный комиссіею проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе земскихъ собраній». А въ концѣ заявленія, земцы выражали желаніе, чтобы «свѣдущимъ людямъ», вызываемымъ правительствомъ по его усмотрѣнію, не давалось названіе «земскихъ людей». Новгородское губернское земское собраніе согласилось съ мнѣніемъ гласнаго Рагозина, который говорилъ, что «призванные правительствомъ свѣдущіе люди не могутъ быть названы земскими; они составляютъ фиктивное земское представительство, и обсужденіе ими вопросовъ земско-государственной важности поселяетъ лишь недоразумѣніе въ средѣ населенія губерніи, такъ какъ ихъ мнѣніе принимаютъ за мнѣніе представителей земства, посланныхъ населеніемъ, между тѣмъ какъ они въ дѣйствительности выбраны министерствомъ

единственною „европейскою“ „реформою“. Была уничтожена гласность политическихъ процессовъ, такъ что послѣдній гласный политическій процессъ былъ—надъ виновниками 1-го марта, приговоренными къ смертной казни и повѣшенными ровно черезъ мѣсяцъ послѣ событій—1 апрѣля. Наконецъ, „правила“ давали неограниченное право министру внутреннихъ дѣлъ. Къ слову сказать, въ это же время зародились и „истинно-русскіе люди“, образовавшіе „брюжокъ добровольцевъ со спеціальнымъ наміреніемъ помочь суду и полиціи въ ихъ розыскахъ“. Эта ассоціація называлась „дружиной“ и въ составъ ея входили „лица, занимавшія самое высокое положеніе въ столнѣ“.

Кромѣ этой высокопоставленной „дружины“, образовалась еще „группа мужественныхъ добровольцевъ“ которая рѣшила организовать съ оружіемъ въ рукахъ тайный крестовый походъ противъ враговъ порядка; цѣлью этого похода—было вырѣзать анархистовъ (родъ тайныхъ судившихъ въ средніе вѣка)“. Отсюда мы видимъ, что 26 лѣтъ тому назадъ было тоже, что и въ наши дни. Исторія, значитъ, повторяется и ничто не ново подъ луной.

внутренних дѣлъ». Харьковское губернское земское собраніе поручило управѣ ходатайствовать «о постановленіи, взаимнѣ существующаго порядка выбора свѣдущихъ людей, такихъ основаній для выбора ихъ, которыя обезпечивали бы возможность видѣть въ свѣдущихъ людяхъ дѣйствительныхъ представителей общества».

Въ Самарскомъ губернскомъ земскомъ собраніи по этому же вопросу были внесены такія предложенія, что предсѣдатель собранія не допустилъ ихъ обсуждения и закрылъ собраніе.

Такое отношеніе земства къ Кахановской комиссіи, въ которой правительство, совмѣстно съ славянофилами и реакціонерами, видѣло единственно допустимую форму представительства, послужило предлогомъ для окончательнаго уничтоженія ненавистнаго бюрократіи мѣстнаго самоуправленія, неослабно стремившагося расширить рамки до народнаго представительства.

Съ цѣлью совершенно «укротить» земство и сокрушить крамолу, 30 мая 1882 года былъ призванъ удаленный Лорисъ-Меликовымъ графъ Д. А. Толстой. Тогда составилъ ужасающій триумвиратъ, въ руки котораго отдана была Россія: редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Катковъ, этотъ хамелеонъ, всю жизнь мѣнявшій свои взгляды, ханжа и фанатикъ реакціи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ и мрачный, ненавидимый всѣми бюрократъ Д. А. Толстой, о которомъ мы уже не разъ говорили. Послѣдній сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и, при помощи упомянутыхъ товарищей, немедленно принялся за систематическое уничтоженіе малѣйшаго проявленія всякой живой мысли.

По отношенію къ земству онъ, конечно, проявилъ самую усердную дѣятельность ¹⁾.

На земскія учрежденія начались систематическія гоненія и при-мѣнялись самыя крутыя расправы, какъ только то или иное земство

¹⁾ Усиленный надзоръ за провозомъ печатнаго слова изъ за границы заставилъ земцевъ въ маѣ 1883 года прекратить изданіе „Вольнаго Слова“; одновременно приостановилъ свою дѣятельность и „Земскій Союзъ“, или, вѣрнѣе, ушелъ въ подполье. По крайней мѣрѣ въ томъ-же 1883 году въ тайной типографіи было напечатано „воззваніе“ „отъ группы русскихъ конституціоналистовъ“, которая вѣроятно всего образовалась изъ земской среды, если это не былъ тотъ же самый „Земскій Союзъ“. Въ этомъ воззваніи, между прочимъ, говорилось: „мы не сочувствуемъ средствамъ, къ которымъ прибѣгаетъ террористическая группа русской соціально-революціонной партіи, и вступаемъ на борьбу съ правительствомъ только путемъ пропаганды нашихъ убѣжденій, но мы не можемъ, по совѣсти, осуждать рядъ насилій и преступленій вызванныхъ дикимъ, безжалостнымъ, вѣковнымъ насилиемъ самого правительства. Это правительство употребляетъ подкупъ, тюрьму, кандалы и висѣлицу, чтобы отстоять свое существованіе, чтобы задушить свободную мысль, чтобы не дать отчета обществу въ невѣроятномъ грабѣжѣ народнаго имущества“. Далѣе въ „воззваніи“ говорилось: „правительство все больше и больше разоряетъ народъ, оно все позорнѣе и позорнѣе держитъ себя въ вопросахъ международной политики, ладалъ ницъ передъ Бисмаркомъ, заискивая расположенія испытаннаго врага свободы и просвѣщенія—напскаго престола. Славянскія племена, для освобожденія которыхъ пролило столько русской крови, потрачено столько средствъ, отворачиваются отъ насъ, благодаря политикѣ нашего правительства, вездѣ отстаивающаго „священныя основы“ деспотизма, хищничества и „тѣхъ же безмолвнаго житья“. Пора проснуться русскому обществу, пора выступить съ открытымъ протестомъ противъ мрачнаго и безсовѣстнаго произвола, который обратилъ въ гнусную казарму русскую школу, уроду нашихъ дѣтей, сжималъ, заглушалъ у нихъ всякій проблескъ самостоятельной мысли и твердыхъ убѣжденій“.

выходило изъ намѣченныхъ рамокъ. Череповецкое, Новгородской губерніи, земство было, напримѣръ, совершенно раскассировано и замѣнено «правительственною комиссіею», вслѣдствіе заявленія Новгородскаго губернатора во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ, что названное земство устраиваетъ «систематическую оппозицію правительству».

Но репрессіи не помогали: то и дѣло губернаторы доносили о «вредномъ направленіи» земствъ, и на всеподданнѣйшемъ, напримѣръ, отчетѣ Вятскаго губернатора о вятскомъ земствѣ, въ 1887 году, т. е. черезъ 5 лѣтъ послѣ назначенія Толстого, Александръ III дѣлаетъ отмѣтку: «Печально», «Почти вездѣ тоже самое».

Слѣдовательно надо было изобрѣсть другія, еще болѣе крутыя мѣры.

И графъ Толстой рѣшилъ покончить съ земствомъ совершенно, вовсе уничтожить его.

Онъ составилъ проектъ «новаго» земскаго положенія.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ этомъ своемъ проектѣ графъ Толстой поставилъ крестъ надъ Положеніемъ 1864 года. вмѣсто земскихъ управъ, какъ исполнительныхъ органовъ собраній, гр. Толстой проектировалъ правительственный комиссіи—земскія присутствія. Земскія собранія превращались въ совѣщанія свѣдущихъ людей при губернаторахъ. Всѣ, безъ всякаго исключенія, постановленія земствъ, по мысли гр. Толстого, требовали правительственной санкціи. Въ іерархическомъ отношеніи земства совершенно подчинялась администраціи и лишены были даже права обжаловать въ сенатъ дѣйствій административныхъ властей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта «реформа» всеильнаго временщика прошла бы цѣликомъ, но въ 1889 году гр. Толстой умеръ ¹⁾, а государственной совѣтъ выработалъ, собственно говоря, новый проектъ земской реформы, хотя и значительно рознящійся отъ положенія 1864 года, но все же съ нѣкоторыми признаками земскаго самоуправления. Опубликованное 12 іюня 1890 года «новое» земское положеніе внесло такія измѣненія, сравнительно съ положеніемъ 1864 года: земскія учрежденія признаны государственными установленіями и подчинены по судебнымъ дѣламъ правиламъ, установленнымъ для дѣлъ казенныхъ управленій; усиленъ контроль за земскими учрежденіями въ томъ смыслѣ, что губернатору предоставленъ надзоръ не только за законностью дѣйствій земства, но и за правильностью, и, кромѣ того,—производство ревизіи земскихъ управъ и другихъ исполнительныхъ органовъ земскаго управленія и всѣхъ подвѣдомственныхъ земству учрежденій; учреждена новая мѣстная инстанція,—въ видѣ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія,—для обсужденія правильности и законности постановленій и распоряженій земскихъ учрежденій: земская служба признана государственной, вслѣдствіе чего установлена дисциплинарная отвѣтственность предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ въ административномъ порядкѣ; министру внутреннихъ дѣлъ и губернатору предоставлена дискреціонная власть не утверждать изъ-

¹⁾ На его мѣсто министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Дурново, занимавшій этотъ постъ до 1893 г.

бранныхъ земскими собраніями лицъ въ должность предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, а министру предоставлено еще право замѣщать въ извѣстныхъ случаяхъ эти должности по назначенію; дворяне выдѣлены въ особое избирательное собраніе и вообще усиленъ дворянскій элементъ въ земскихъ собраніяхъ, съ такимъ притомъ разсчетомъ, чтобы число гласныхъ въ земскомъ собраніи отъ дворянскаго избирательнаго собранія превышало половину всего назначеннаго для уѣзда общаго количества гласныхъ; уничтожено представительство по довѣренностямъ въ земскихъ собраніяхъ, за немногими исключеніями и устранены отъ участія въ земскихъ выборахъ лица духовнаго званія и евреи; уменьшено вообще число гласныхъ земскихъ собраній; установлено правило объ обязательномъ присутствіи гласныхъ на земскихъ собраніяхъ подъ страхомъ взысканій; установленъ порядокъ обжалованія постановленій земскихъ собраній.

И. П. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ событію 4 августа 1878 года ¹⁾.

Настоящую замѣтку я составилъ по прочтеніи сообщенія Иванчина-Писарева въ январской книжкѣ «Былого» за этотъ годъ (стр. 41), по поводу участія доктора Веймара въ дѣлѣ объ убійствѣ шефа жандармовъ Мезенцева. Это, конечно, не первый случай, когда суды по политическимъ процессамъ выносили свое обвиненіе на основаніи случайныхъ соображеній, не имѣвшихъ никакого юридическаго характера, и такимъ образомъ осуждали невинныхъ. Сообщение объ О. Э. Веймарѣ вызвало во мнѣ воспоминаніе о моемъ собственномъ отношеніи къ этому дѣлу. По просьбѣ Сергѣя Михайловича Кравчинскаго, я выполнилъ одно порученіе, имѣвшее связь съ подготовленіемъ къ убійству шефа жандармовъ, не зная, для чего собственно моя услуга была нужна. Будь я тогда арестованъ, я, какъ и Веймаръ, легко могъ бы быть обвиненъ по дѣлу Мезенцева. Съ другой стороны, моя замѣтка въ историческомъ отношеніи прибавитъ неизвѣстную еще деталь въ дѣлѣ выполненія наиболѣе крупнаго террористическаго акта до-народовольческаго періода.

Не помню точно чиселъ, но это было въ началѣ іюля 1878 г. Одинъ московскій кружокъ, членами котораго состояли главнымъ образомъ студенты московскаго университета, поручилъ мнѣ съѣздить въ Петербургъ для того, чтобы привезти оттуда въ Москву транспортъ заграничной литературы. Я незадолго передъ этимъ пріѣхалъ въ Москву изъ-заграницы и зналъ, что большой транспортъ лондонскихъ и женевскихъ изданій находится въ пути въ Петербургъ. Членами этого кружка состояли между прочимъ Л. Г. Левенталь, впослѣдствіи осужденный на каторгу по дѣлу Веймара, не имѣя къ этому дѣлу никакого отношенія, и Татьяна Лебедева, примкнувшая впослѣдствіи къ террористической организаціи партіи «Народной Воли». Въ этотъ же кружокъ, завязавшій сношенія съ рабочими, успѣлъ втереться убитый потомъ провокаторъ Рейнштейнъ.

Въ Петербургѣ я еще не засталъ ожидавшагося транспорта, но А. И. Зунделевича, организовавшаго переправу изданій черезъ границу, ждали со дня на день, и я остался въ Петербургѣ въ ожиданіи его пріѣзда. Будучи нелегальнымъ, я предпочелъ не прописываться и ночевалъ у знакомыхъ, большей частью въ милой семьѣ, изъ которой вышелъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей.

¹⁾ Въ этотъ день въ Петербургѣ былъ убитъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Мезенцевъ.

На второй или третій день моего пребыванія въ Петербургѣ я встрѣтился на квартирѣ Малиновской съ С. М. Кравчинскимъ, съ которымъ я познакомился еще за границей. Для характеристики его заграничнаго настроенія того періода я хочу здѣсь привести одинъ эпизодъ. Мы видѣлись въ Германіи, гдѣ С. М. былъ проездомъ изъ Швейцаріи въ Россію. Я работалъ въ качествѣ волонтера на машино-строительномъ заводѣ, желая научиться токарному дѣлу на желѣзѣ, чтобы въ Россіи поступить на заводъ въ качествѣ рабочаго. Когда я сообщилъ С. М. Кравчинскому о своихъ намѣреніяхъ, онъ сказалъ со свойственной ему добродушной улыбкой:

— На что вамъ машиностроеніе,—поступили бы лучше на оружейный заводъ. Вотъ, когда мы поднимемъ деревню, намъ нужны будутъ оружейники.

Сергѣй Михайловичъ вѣрилъ тогда въ возможность крестьянскаго возстанія. Но, пріѣхавъ въ Россію, онъ вмѣсто организаціи народнаго возстанія, взялся за выполнение террористическаго акта.

— Послушайте, обратился ко мнѣ С. М. въ срединѣ разговора съ Малиновской, рисовавшей какой-то портретъ, у меня къ вамъ просьба,—не съѣздите ли по одному дѣлу въ Москву въ ожиданіи пріѣзда въ Петербургъ Зунда?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте сейчасъ, сказалъ С. М.—Дѣло въ томъ, что нужно привезти оттуда нашу пролетку и какъ можно скорѣй, а отсюда некому теперь ѣхать.

— Ладно, отвѣтилъ я и прибавилъ: Очевидно, опять какое-нибудь бѣгство замышляется?

Я имѣлъ въ виду бѣгство П. А. Кропоткина.

— Да, вѣроятно,—отвѣтилъ С. М. сдвинувъ брови,—но лучше не спрашивайте, это не мой личный секретъ. При этомъ онъ какъ то машинально вынулъ изъ кармана короткій кинжалъ въ ножнахъ и снова положилъ его въ карманъ.

С. М. написалъ тутъ же записку въ Москву, вручилъ мнѣ деньги на нужные расходы, и съ первымъ скорымъ поѣздомъ я уѣхалъ изъ Петербурга.

Въ Москву я пріѣхалъ утромъ и отправился сейчасъ же въ Петровскую Академію. Тамъ именно я долженъ былъ передать записку. Лицо, которому я передалъ записку, сейчасъ же отправилось со мной въ одно изъ подмосковныхъ селеній къ распропагандированному крестьянину, у котораго пролетка находилась на храненіи.

Насколько мнѣ помнится, пролетка эта была привезена изъ Петербурга въ Москву для устройства побѣга доктору Ивановскому. Рысакъ «Варваръ», который игралъ роль въ бѣгствѣ Кропоткина и при убійствѣ Мезенцева, тоже былъ привезенъ въ Москву, но ко времени моего пріѣзда онъ уже былъ возвращенъ обратно въ Петербургъ.

Крестьянинъ запрегъ свою лошадь въ телѣгу, вытащилъ изъ сарая пролетку, привязалъ ея оглобли къ задку телѣги, и мы вмѣстѣ поѣхали въ Москву на Николаевскій вокзалъ. Тамъ я сдалъ пролетку, какъ товаръ большой скорости на предъявителя. Имя и адресъ

отправителя были вымышлены. Желѣзнодорожные артельщики при мнѣ вкатили пролетку въ товарный вагонъ и за приличное вознагражденіе закрыли ее рогожами и привязали къ крюкамъ въ вагонѣ, чтобы она не двигалась. Пролетка была отправлена въ Петербургъ съ товарно-пассажирскимъ поѣздомъ, а я поѣхалъ вечеромъ, скорымъ. Когда я на слѣдующій день утромъ пріѣхалъ въ Петербургъ, пролетка уже была тамъ. На вокзалѣ, согласно посланной мной на адресъ Малиновской условной телеграммы, ждалъ меня Кравчинскій. Мы получили съ товарной станціи пролетку и повезли ее привязанной къ задку извозничьей пролетки въ татерсаль, гдѣ находился «Варваръ». Тамъ Сергѣй Михайловичъ сказалъ, что онъ покупаетъ у меня пролетку, просилъ хозяина татерсаля и конюховъ ее осмотрѣть, и тѣ ее вполне одобрили, какъ равно и цѣну, за которую я ее продавалъ. Чтобы испробовать пролетку въ ѣздѣ, въ нее впрягли «Варвара», и С. М., правя самъ лошадыю, прокатился со мной по нѣкоторымъ улицамъ.

Послѣ этого я провелъ въ Петербургѣ еще нѣсколько дней. Къ тому времени пріѣхалъ Зунделевичъ; ожидавшійся транспортъ прибылъ и розданъ былъ разнымъ организаціямъ: лавристамъ, землевольцамъ, ткачевцамъ. При всѣхъ теоретическихъ разногласіяхъ, между тогдашними революціонными партіями въ такихъ дѣлахъ, какъ доставка агитационной литературы, не было враждебнаго сопернованія. Другъ другу оказывали помощь; особенно безпартійнымъ былъ Зунделевичъ. Къ тому же времени пріѣхали въ Петербургъ съ юга участники неудачной попытки подъ Харьковомъ освободить Войнаральскаго, а также бѣжавшіе изъ Кіевской тюрьмы Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій и еще нѣсколько человѣкъ, бѣжавшихъ изъ ссылки. Всѣхъ бѣглецовъ Зунделевичъ долженъ былъ переправить за границу,—и я оставилъ Петербургъ послѣ отъѣзда всей этой компаніи.

По просьбѣ моего друга Зунделевича, я долженъ былъ проводить на вокзалъ лицъ, бѣжавшихъ изъ ссылки, которые не знали, что въ одномъ съ ними поѣздѣ отправляются за-границу также Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій. Однимъ изъ этихъ бѣглецовъ былъ нынѣ пишущій подъ псевдонимомъ Яковлева сотрудникъ «Новаго Времени», ренегатъ Исаакъ Павловскій, имѣвшій впоследствіи столь тлетворное вліяніе на Льва Тихомирова.

Въ Москвѣ, куда я доставилъ, наконецъ, нелегальную литературу, я задержался ненадолго, оттуда я отправился съ порученіями на югъ, и только послѣ 4 го августа, когда былъ убитъ Мезенцовъ, я изъ газетъ узналъ, для чего понадобилась С. М. пролетка и вмѣстѣ съ этимъ, по ассоціаціи идей, мнѣ живо вспомнился тотъ моментъ, когда С. М. вынулъ машинально изъ кармана кинжалъ.

Съ С. М. Кравчинскимъ я встрѣтился за границей снова только года черезъ три съ половиной—въ 1881 г., и послѣ этого въ теченіе двухъ лѣтъ часто сталкивался съ нимъ, но ни разу онъ не вспоминалъ про нашу встрѣчу въ Петербургѣ. Я въ свою очередь никогда не предлагалъ ему по этому поводу никакихъ вопросовъ.

В. І.

Въ Архангельской ссылкѣ.

Въ одну глубокую январскую ночь 1904 года въ квартирѣ моей раздался звонокъ. Я только что вернулся съ одного изъ собраний и утомленный тревоженіями дня, спалъ крѣпкимъ сномъ, когда у постели моей послышался звонъ шпоръ и топотъ многихъ ногъ.

— Господинъ Л., потрудитесь проснуться!

Я не безъ усилій протеръ глаза, и взору моему представилась хорошо знакомая каждому русскому обывателю картина: у кровати моей стоялъ бравый полицейскій офицеръ съ какою-то бумагою въ рукахъ, а вся комната была наполнена множествомъ людей: тутъ были и околоточные, и городовые, и дворники и еще какія то совершенно невѣдомыя личности. Вся эта компанія, при тускломъ свѣтѣ крошечной лампы, принесенной посѣтителемъ съ собою, производила странное впечатлѣніе, и только совершенно очнувшись, я понялъ, что это за люди и зачѣмъ они пришли. Обыскъ! Что могло быть обычнѣе этого визита во времена всемогущаго Плеве, который всякое частное жилище разсматривалъ прежде всего какъ вмѣстилище всякой крамолы, открытое во всякое время дня и ночи вторженію жандармовъ и полиціи.

— Что вамъ угодно?—обратился я для формы съ вопросомъ къ приставу.

— Будьте любезны одѣться: я имѣю предписаніе градоначальника произвести у васъ обыскъ, а васъ арестовать независимо отъ результатовъ обыска.

Началась обычная процедура обшариванія человѣческой души. Приставъ занялъ позицію у моего письменнаго стола, штатскій господинъ и два околоточныхъ занялись книжными шкапами, городовые были разставлены у выходныхъ дверей, квартиры и около моей особы, а дворники, изъ которыхъ одинъ былъ мой большой пріятель, не разъ присутствовавшій при обыскахъ въ моей квартирѣ, стояли какъ виноватые, конфузливо переминаясь съ ноги на ногу и боязливо поглядывая на начальство.

Замѣтивъ, съ какою жадностью набрасывались приставъ со штатскимъ на всякія брошюры, доклады, рукописи и замѣтки, имѣвшіе отношеніе къ только что закрытому тогда градоначальникомъ III Всероссійскому съѣзду дѣятелей по техническому и

профессиональному образованию, я понял причину появления у меня непрошенных гостей.

26 декабря 1903 года въ Петербургѣ происходилъ выше упомянутый сѣздъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Не смотря на то, что правительство всѣми мѣрами старалось сначала оттянуть созывъ сѣзда, а затѣмъ затормозить и по возможности урѣзать его занятія, сѣздъ въ назначенное время состоялся и привлекъ болѣе двухъ тысячъ наиболѣе демократичныхъ дѣятелей по народному образованію. Видя крамолу въ каждомъ сообществѣ людей, министръ вн. дѣлъ В. К. Плеве особенно не любилъ всякія собранія и сѣзды. Предвидя настроеніе III сѣзда, онъ назначилъ весь его президіумъ и бюро всѣхъ его отдѣловъ изъ числа самыхъ надежныхъ людей; отдѣлы сѣзда были допущены только самые спеціальныя, не былъ допущенъ даже отдѣлъ „общихъ вопросовъ“, въ которомъ на предыдущемъ сѣздѣ былъ выдвинутъ и разработанъ цѣлый рядъ самыхъ насущныхъ вопросовъ народнаго образованія; программа сѣзда была урѣзана до такой степени, что казалось, сѣздъ утратить всю свою жизненность и потеряетъ все свое значеніе; наконецъ, занятія сѣзда были опутаны такою густою сѣтью всевозможныхъ полицейскихъ правилъ, что на сѣздѣ, по выраженію нѣкоторыхъ его провинціальныхъ членовъ, „дыхнута нельзя было“. Несмотря на всѣ эти препятствія, сѣздъ не только состоялся, но работалъ съ такой энергіей и плодотворностью и внесъ въ свои постановленія столько горячаго энтузіазма, выказалъ такое глубокое пониманіе общенародныхъ нуждъ и такъ ярко отразилъ настроеніе всей прогрессивной Россіи, что труды его займутъ почетное мѣсто въ исторіи развитія русской общественности. Работы сѣзда по многимъ вопросамъ можно назвать преддверіемъ нынѣ переживаемой нами революціи, такъ какъ сѣздъ впервые во всеуслышаніе провозгласилъ тѣ демократическія лозунги, которые легли въ основу нынѣшней революціи. Правда, большинство постановленій сѣзда изобличаетъ въ авторахъ ихъ нерѣшительность и половинчатость, но общественное мнѣніе, видя тотъ цензурно-полицейскій прессъ, подъ которымъ сѣзду приходилось работать, само восполнило эти недочеты и утвердило за сѣздомъ репутацію предтечи русской революціи. Еще болѣе чутко отнесся къ сѣзду В. К. Плеве. Находя, что въ дѣятельности сѣзда не только простой крамолы, но и самой настоящей революціи было болѣе, чѣмъ достаточно, онъ рѣшилъ пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. По его приказанію, градоначальникъ закрыть сѣздъ, не давъ ему довести до конца свои работы, а затѣмъ началась расправа и съ участниками сѣзда. Въ ночь закрытія сѣзда былъ арестованъ одинъ изъ видныхъ его дѣятелей Г. А. Фальборкъ. Прошло нѣсколько дней. Всѣ думали, что этимъ ограничится месть В. К. Плеве, гнѣвъ котораго на членовъ сѣзда не поддавался описанію. Но оказалось, что мстительность его этимъ не исчерпалась. Не имѣя возможности посадить въ тюрьму весь сѣздъ, всемогущій министръ обрушился на наиболѣе безправныхъ его членовъ: всѣ

евреи, участвовавшие въ сѣздѣ, были въ 24 часа высланы изъ Петербурга, а затѣмъ были обысканы и арестованы члены сѣзда: В. И. Чарнолуцкій, Н. И. Воробьевъ и пишущій эти строки; предписано было также арестовать и Н. А. Рубакина, но за болѣзнь онъ былъ оставленъ дома и затѣмъ ссылка была ему замѣнена обязательствомъ выѣхать за границу.

Потянулись долгіе дни предварительнаго заключенія. Зная настроеніе министра вн. дѣлъ, я не сомнѣвался въ томъ, что участіе въ сѣздѣ будетъ вмѣнено мнѣ въ политическое преступленіе, я даже готовился къ несенію высшей мѣры наказанія, которое можно было, по тогдашней конъюнктурѣ, покарать за такое „преступленіе“—къ высылкѣ изъ Петербурга на одинъ или два года. Каково же было мое изумленіе, когда, вызванный въ охранное отдѣленіе на допросъ, я услышалъ изъ устъ допрашивавшаго меня жандарма фразы, не оставлявшія никакого сомнѣнія въ томъ, что изъ занятій нашего сѣзда полиція и жандармерія намѣрены создать чуть ли не цѣлый политическій заговоръ. Въ прочитанныхъ мнѣ жандармомъ выдержкахъ изъ шпионскихъ донесеній, моя скромная фигура рядового работника на сѣздѣ была возвеличена до степени опаснаго демагога и революціонера, приведшаго весь сѣздъ къ совершенію цѣлаго ряда преступленій. Я понялъ, что вступать въ какія бы то нибыло объясненія и въ опроверженіе показаній „невидимыхъ свидѣтелей“ будетъ бесполезно, и терпѣливо ждалъ рѣшенія своей участи. Вскорѣ послѣ этого я имѣлъ случай приблизительно узнать ожидавшую меня судьбу: сосѣди по заключенію сообщили мнѣ, что арестованный ранѣе меня Г. А. Фальборкъ приговоренъ „особымъ совѣщаніемъ“ къ ссылкѣ на пять лѣтъ въ Якутскую Область. Просидѣвъ еще недѣль шесть, я узналъ, что мнѣ назначена болѣе легкая кара: ссылка на три года въ Архангельскую губернію. Такой же „приговоръ“ былъ вынесенъ и Н. И. Воробьеву, а В. И. Чарнолуцкому срокъ ссылки увеличенъ на два года. Мы избавлены были отъ Восточной Сибири, но причиною этому была, конечно, не „мягкость“ Плеве, а начавшаяся русско-японская война, вслѣдствіе которой перевозка политическихъ въ Сибирь была приостановлена.

Даже по тѣмъ временамъ, такая расправа съ нами поразила русское общество. Лучшіе годы нашей жизни намъ предстояло прозябать въ неприглядныхъ условіяхъ Сѣверной ссылки, неся наказаніе за провозглашеніе идей, которыя годъ спустя сдѣлались не только не наказуемыми, но даже въ обиходѣ самой бюрократіи—по крайней мѣрѣ болѣе передовыхъ ея слоевъ—казались повинчатными и устарѣлыми.

II.

Конвоируемый двумя жандармами, я, послѣ долгихъ мытарствъ, прибылъ, наконецъ, въ Архангельскъ. Несмотря на мартъ мѣсяцъ, числящійся по календарю весеннимъ, стоялъ крѣпкій морозъ, и

Сѣверная Двина, эта краса Архангельска—была скована толстымъ льдомъ и покрыта ярко сверкавшимъ на Сѣверномъ солнцѣ ослѣпительно бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ.

Размѣстившись на двухъ повозкахъ, мы двинулись по направлению къ губернаторскому дому. Проѣзжая по пустыннымъ, еще не проснувшимся улицамъ Архангельска, я съ любопытствомъ разглядывалъ этотъ городъ, съ именемъ котораго связаны судьбы столькихъ русскихъ революціонеровъ. Веселый видъ нарядныхъ деревянныхъ домиковъ, бѣлая отъ пушистаго снѣга улицы, яркій блескъ весенняго солнца придавали городу веселый, привѣтливый видъ и ничто не говорило о той мрачной роли, которую призванъ былъ играть этотъ городъ въ исторіи русской общественности.

Мы подъѣхали къ канцеляріи губернатора. Не смотря на ранній часъ, губернаторъ ¹⁾ тотъ-часъ же меня принялъ. Я предсталъ предъ лицомъ челоѣка, которому была вѣрена моя дальнѣйшая судьба. Это былъ весьма корректнаго вида господинъ съ немного инглизированной внѣшностью, въ контръ-адмиральскомъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы.

— Вы г. Лавриновичъ?—привѣтливо обратился ко мнѣ губернаторъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

Принявъ отъ старшаго жандарма пакетъ и расписавшись въ полученіи его и прилагаемой къ нему моей личности, Н. А. Римскій-Корсаковъ отослалъ жандармовъ въ переднюю комнату и сталъ разспрашивать меня о дѣлѣ, по которому я подвергнутъ былъ ссылкѣ.

— Я оставилъ бы васъ въ Архангельскѣ, сказалъ онъ, переходя послѣ разспросовъ въ оффиціальныи тонъ,—если бы вы дали мнѣ обѣщаніе не участвовать въ безпорядкахъ и сходкахъ и не поддерживать близкихъ отношеній съ политическими ссыльными.

— Я не могу дать вамъ обѣщанія не поддерживать общенія съ ссыльными,—отвѣчалъ я.—Вѣдь это мои товарищи по участи, многихъ изъ нихъ я знаю по Петербургу, да и вообще, это—единственное общество, съ которымъ, въ моемъ положеніи, я могу и захочу сойтись.

— О, нѣтъ,—возразилъ мнѣ губернаторъ,—я вовсе не требую, чтобы вы съ ними не знакомились, но надѣюсь, что отъ этого не произойдетъ никакихъ безпорядковъ.

Я молчалъ; молчалъ и губернаторъ. Прошла минута этого неловкаго молчанія.

— Ну, такъ вотъ,—прервалъ губернаторъ наше молчаніе,—для опыта я оставляю васъ въ Архангельскѣ, но прошу васъ не забывать, что если вы будете не спокойны, то я вынужденъ буду выслать васъ въ уѣздъ.

Я поклонился, и аудіенція наша окончилась. Губернаторъ позвалъ жандармовъ и объявилъ имъ, что конвой для меня болѣе

¹⁾ Контръ-адмиралъ Н. А. Римскій-Корсаковъ, умершій въ январѣ 1907 года. Былъ губернаторомъ въ Архангельскѣ до мая 1904 года.

не нуженъ, и они могутъ возвращаться въ Петербургъ, а мнѣ предложилъ отправиться въ управление Архангельскаго полиціймейстера для регистраціи и полученія вида на жительство.

Выйдя изъ губернаторскаго дома, я отправился въ канцелярію полиціймейстера. Почти трехсуточное путешествіе подъ прессомъ жандармскаго конвоя такъ приучило меня къ этому положенію, что я, не видя по бокамъ своихъ конвоировъ, никакъ не могъ себѣ представить, что я свободенъ и могу идти куда хочу, разговаривать съ людьми и быть, вообще, хозяиномъ своихъ дѣйствій.

Въ канцеляріи мнѣ пришлось пройти цѣлый рядъ формальностей и подписать цѣлую кучу всевозможныхъ обязательствъ. Во первыхъ, отъ меня отобрали собственноручное описаніе моихъ примѣтъ; затѣмъ, я долженъ былъ выдать подписку въ томъ, что не буду отлучаться за черту города безъ разрѣшенія начальства; подписать обязательство обращаться по всѣмъ моимъ дѣламъ, требующимъ вмѣшательства губернатора или высшихъ властей — не непосредственно къ губернатору, а черезъ полиціймейстера; наконецъ, я расписался въ томъ, что мнѣ объявлено „Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей“.

Это „Положеніе“, которое въ нашей колоніи въ шутку называли „конституціей“, представляетъ сводъ правилъ, устанавливающихъ обязанности и права состоящихъ подъ надзоромъ полиціи ссыльныхъ. Изданное въ 1882 году, какъ приложение, къ статьѣ I Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, это измышленіе покойнаго В. К. Плеве проникнуто такимъ духомъ мстительности и недоброжелательства, что примѣненіе его дѣлаетъ жизнь въ ссылкѣ невыносимой. Но мѣстная администрація въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивается точнымъ примѣненіемъ „Положенія“; въ большинствѣ случаевъ, къ этому еще присоединяются личное усмотрѣніе и распространительное толкованіе придуманныхъ г-мъ Плеве стѣсненій, и только въ рѣдкихъ случаяхъ допускаются изъятія, ослабляющія давленіе этого административнаго прессы.

„Конституція“, подъ гнетомъ которой приходится до настоящаго времени томиться десяткамъ тысячъ политическихъ ссыльныхъ, настолько характерна для отживающаго полицейскаго режима, что мы не можемъ не привести здѣсь хотя бы избранныя мѣста ея.

Несмотря на то, что первый пунктъ „Положенія“ говоритъ о полицейскомъ надзорѣ, какъ мѣрѣ *предупрежденія* преступленій противъ существующаго Государственнаго порядка, все „Положеніе“ составлено такъ, что примѣненіе его къ ссыльнымъ является *наказаніемъ* и весьма строгимъ. Вотъ, напримѣръ, правила объ отлучкахъ, изложенныя въ 7—16 пунктахъ „Положенія“. Тщательнѣйшимъ образомъ регламентируя отлучки ссыльныхъ изъ мѣста ихъ поднадзорнаго жительства, правила предоставляютъ право разрѣшать отлучки: въ предѣлахъ уѣзда — мѣстнымъ начальникамъ полиціи; въ предѣлахъ губерніи — губернаторамъ, и

въ другія губерніи — министру внутреннихъ дѣлъ. Разрѣшеніе отлучекъ обусловлено „особо уважительными причинами“ и „одобрительнымъ поведеніемъ“. Эти два условія дѣлають совершенно фиктивнымъ право ссыльныхъ пользоваться отлучками, такъ какъ исключительно отъ личнаго усмотрѣнія полицейскаго чина или губернатора зависить разрѣшить отлучку или нѣтъ, ибо „одобрительность поведенія“ и „уважительность причинъ“ ничѣмъ не регламентированы и всецѣло отъ названныхъ властей зависить признать наличность требуемыхъ для разрѣшенія отлучки условій: все будетъ зависѣть отъ того, хорошія или дурныя отношенія установились у васъ съ ближайшими властями.

Пунктъ 17-ый обязываетъ поднадзорнаго, „какъ въ мѣстѣ своего жительства, такъ и временнаго пребыванія, — являться въ полицію по первому ея требованію“. Это правило даетъ полиціи возможность совершенно отравить существованіе ссыльнаго: бываютъ случаи, что полиція, желая насолить какому нибудь ссыльному, чѣмъ нибудь ей не угодившему, заставляеть являться въ полицейское управленіе ежедневно и даже по нѣсколько разъ въ день; не говоря уже объ униженности и совершенной безцѣльности такого паломничества въ участокъ, оно разбиваетъ у человека весь день, мѣшая ему чѣмъ нибудь заняться. Такимъ образомъ, одно это правило способно обратить ссылку въ жесточайшее наказаніе.

Такой же произволъ предоставленъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ въ отношеніи и жилища поднадзорнаго: полиція имѣетъ право во всякое время дня и ночи не только входить въ его квартиру, но и производить у него обыски и выемки. Хотя по правиламъ требуется, чтобы о каждомъ произведенномъ обыскѣ или выемкѣ былъ составленъ протоколъ, съ изложеніемъ какъ поводовъ къ этимъ дѣйствіямъ, такъ и результатовъ обыска, но это не предохраняетъ поднадзорныхъ отъ безцѣльныхъ вторженій къ нимъ полиціи, къ услугамъ которой имѣется ни къ чему не обязывающая отговорка вродѣ того, что „обыскъ произведенъ по подозрѣнію въ храненіи нелегальной литературы“ (или оружія, прокламацій и т. п.). Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что полиція даже въ Архангельскѣ весьма охотно прибѣгала къ ночнымъ нашествіямъ на квартиры ссыльныхъ, мстя такими визитами за всякое столкновеніе съ нею. Обыски сопровождались такимъ безобразнымъ поведеніемъ полиціи въ домѣ обыскиваемого, что скорѣе носили характеръ разбойничьихъ набѣговъ и являлись для ссыльныхъ настоящимъ бичемъ. Особенно любилъ этимъ заниматься полиціймейстеръ Н. И. Губскій, облюбовавшій для этой цѣли нѣсколько наиболѣе ненавистныхъ ему лицъ, къ которымъ онъ вторгался всегда въ сопровожденіи цѣлой своры городовыхъ и шпионовъ.¹⁾

¹⁾ Н. И. Губскій при губернаторѣ Н. Г. Бюнтингѣ былъ совершенно уволенъ со службы, но вскорѣ ему удалось вновь поступить на полицейскую службу на должность помощника Гродненскаго полиціймейстера. Здѣсь въ него была брошена бомба, тяжело его ранившая. Но оправившись, онъ вновь продолжалъ полицейскую службу.

Ставя поднадзорныхъ въ такую зависимость отъ личнаго усмотрѣнія полицейскихъ властей, „Положеніе“ и въ остальныхъ отношеніяхъ создаетъ такое ограниченіе правъ ссыльныхъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ *предупрежденіемъ* преступленій. Такъ, пунктомъ 21 поднадзорнымъ воспрещается состоять на государственной или общественной службѣ, 22 — быть учредителями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, предсѣдателями и членами конкурсныхъ управленій; 24 — воспрещается: всякая педагогическая дѣятельность; принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ихъ искусствамъ и ремесламъ; чтеніе публичныхъ лекцій; участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ и вообще всякаго рода публичная дѣятельность: содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и служба при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ; торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненія. Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ видите, все, чѣмъ ссыльный могъ бы заработать себѣ на пропитаніе или скрасить свое поднадзорное существованіе удовлетвореніемъ своихъ духовныхъ потребностей, все это представляетъ для него запретный плодъ. Но и относительно остальныхъ, не перечисленныхъ здѣсь занятій составителями „Положенія“ приняты мѣры: въ пунктѣ 28 сказано, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному набранное имъ занятіе, если оно служитъ ему „средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія“.

Насколько вредна для интересовъ ссыльныхъ эта оговорка — пришлось испытать всякому изъ насъ, искавшему труда. Если губернаторъ или полиціймейстеръ ничего не имѣли противъ поступленія кого либо изъ „политиковъ“ на ту или другую должность или работу, то на сцену нерѣдко выступали мѣстные жандармы, выдвигавшіе пресловутые „предосудительные замыслы“ или „опасность для общественнаго порядка и спокойствія“. Вмѣшательство жандармовъ особенно часто практиковалось въ отношеніи нашихъ товарищей-рабочихъ, поступавшихъ на заводы; благодаря этому, многіе хорошіе мастера сидѣли безъ работы, влача полуголодное существованіе, въ то время, какъ въ ихъ трудѣ такъ нуждалось мѣстное населеніе. Правда, что интеллигентные ссыльные находились въ этомъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ; 12 человекъ изъ нихъ даже приняты были на службу въ мѣстную казенную палату, но этимъ они обязаны были либерализму управляющаго палатой г. Ушакова, служебное положеніе котораго не помѣшало ему увидѣть въ „отверженныхъ“ ссыльныхъ талантливыхъ и образованныхъ работниковъ, могущихъ быть весьма полезными для дѣла. И дѣйствительно, группа работавшихъ у г. Ушакова земскихъ статистиковъ, получая грошовые оклады (отъ 25 до 40 рублей въ мѣ-

сяцъ), произвела по порученію г. Ушакова цѣлый рядъ статисти-
ческихъ изслѣдованій края, давшихъ цѣнный матеріалъ для изу-
ченія дальняго сѣвера. Извѣстный докторъ С. В. Мартыновъ,
послѣ поѣздки въ Печорскій край, вывезъ оттуда настолько цѣн-
ные матеріалы объ этомъ необыкновенномъ краѣ, что, обработавъ
ихъ, онъ опубликовалъ любопытную книгу „Печорскій Край“. —
Еще болѣе существенные результаты дала командировка по-
койнаго нынѣ приватъ-доцента М. Ю. Гольдштейна, геолога г. Пи-
вовара и студента С. С. Иванова на Новую землю для изученія
соціально-экономическаго быта самоѣдовъ. Экспедиція эта соб-
рала богатый матеріалъ по этому вопросу, но трагическая смерть
М. Ю. Гольдштейна помѣшала разработкѣ и своевременному
опубликованію добытыхъ данныхъ.

Однако, большинство и интеллигентныхъ ссыльныхъ, благо-
даря стѣсненіямъ, установленнымъ „Положеніемъ о надзорѣ“, не
могли получить никакихъ заработковъ, такъ какъ почти всѣ про-
фессіи были подъ запретомъ. Какое отношеніе имѣлъ этотъ за-
претъ къ предупрежденію преступленій — извѣстно одному толь-
ко Богу, да творцу этого замѣчательнаго „Положенія“.

Стѣсняя такимъ образомъ ссыльныхъ въ матеріальномъ от-
ношеніи, подъ предлогомъ пресѣченія преступленій, „положеніе“
не оставляетъ безъ вниманія и духовную жизнь плѣнниковъ са-
модержавія. Такъ, оно предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ
въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воспрепятъ поднадзорнымъ не-
посредственное полученіе ихъ частной корреспонденціи; въ такомъ
случаѣ, всѣ письма и депеши, получаемыя на имя такого лица,
препровожаются почтово-телеграфнымъ вѣдомствомъ на просмотръ
къ начальнику жандармскаго управленія, а въ уѣздахъ — испра-
внику, которые или передаютъ ихъ по принадлежности или, „въ
случаѣ предосудительнаго содержанія корреспонденціи“, задер-
живаютъ; равнымъ образомъ, и поднадзорный всю отправляемую
имъ корреспонденцію обязанъ представлять на просмотръ тѣмъ
же лицамъ. Для обезпеченія исполненія этихъ предписаній, мѣст-
нымъ почтовымъ и телеграфнымъ учрежденіямъ сообщаются
списки поднадзорныхъ, которымъ воспрещено непосредственное
полученіе корреспонденціи, — дабы это вѣдомство содѣйствовало
полиціи и жандармеріи въ ихъ погонѣ за чтеніемъ чужихъ писемъ.
Такимъ образомъ, надзоръ учреждается не только внѣшній, но и
внутренній, и въ то время, какъ въ передней квартиры ссыльнаго
постоянно топчется городской или околоточный, наводящій справки,
дома ли такой то и что онъ дѣлаетъ, — въ душу и сердце его
постоянно влѣзаетъ жандармъ или полицейскій, попирая грязнымъ
сапогомъ всѣ сокровенные его помыслы.

Но кромѣ этой, такъ сказать, законной, явной перлюстраціи,
существуетъ еще сверхзаконная, тайная. Вышеуказанный способъ
чтенія въ сердцахъ примѣняется обыкновенно лишь по распоря-
женію министра внутреннихъ дѣлъ, но такъ какъ мѣстныя власти
интересуются интимной жизнью ссыльныхъ не только по приказу
высшаго начальства, а и по своему собственному побужденію, то

корреспонденція ссыльныхъ всегда подвергается тайной перлюстраціи и весьма часто перехватывается; въ почтовой конторѣ всегда можно встрѣтить жандарма, трущагося въ отдѣленіи, гдѣ разбирается почта, и только придумываніе конспиративныхъ адресовъ могло избавить насъ отъ перехватыванія нашихъ писемъ. Эта перлюстрація дѣлается такъ грубо, съ такимъ отсутствіемъ всякаго стѣсненія, что на письмахъ часто можно было замѣтить явные слѣды жандармскаго любопытства. Вольшая часть обысковъ обыкновенно производилась жандармами на основаніи вычитанныхъ такимъ образомъ въ нашихъ же письмахъ свѣдѣній.

Такова была наша „конституція“. Каждый пунктъ ея былъ ловко приспособленъ къ тому, чтобы отравлять каждый часъ нашего существованія, но ни одинъ изъ нихъ не достигалъ намѣченной цѣли—„предупрежденія и пресѣченія преступленій“. Наоборотъ—мстительность и несправедливость, положенныя въ основу „положенія о полицейскомъ надзорѣ“, только способствовали озлобленію и развитію революціоннаго духа у всѣхъ, кто подпалъ подъ ферулу этихъ безчеловѣчныхъ правилъ. Но объ этомъ я еще буду имѣть случай говорить.

III.

Я водворился въ Архангельскѣ и этимъ самымъ сдѣлался полноправнымъ членомъ архангельской колоніи политическихъ ссыльныхъ.

Я быстро перезнакомился со всей колоніей и въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль зналъ весь ея составъ, организацію и внутреннюю жизнь со всѣми ея печальми и радостями.

Архангельская колонія была самая многочисленная изъ всѣхъ колоній губерніи. Мое вступленіе въ нее совпало со временемъ самаго пышнаго ея расцвѣта, какъ впрочемъ, и расцвѣта всей ссылки вообще, обязанной этимъ усердію В. К. Плеве. Губернская администрація, стремясь къ наибольшему разъединенію ссыльныхъ и, по степени ихъ „виновности“ (въ опредѣленіи которой она могла руководствоваться только срокомъ ссылки, да скудными данными, имѣвшимися въ „дѣлѣ“ каждого ссыльнаго), выбирая для нихъ ближайшіе или отдаленные уѣзды, старалась наиболѣе революціонную молодежь и рабочихъ разсылать по такимъ медвѣжьимъ угламъ, какъ Печорскій Край, Кола, Александровскій уѣздъ, Мезенскій и Камскій уѣзды и т. п., въ Архангельскѣ же оставались преимущественно люди болѣе зрѣлыхъ возрастовъ, „либералы“ и больные, нуждавшіеся въ постоянной помощи врача. Но ссыльныхъ было такъ много и вся губернія была настолько переполнена ими, что въ концѣ концовъ осуществленіе этой политики было очень затруднено и сортировка ссыльныхъ утратила свое значеніе. Такимъ образомъ, въ Архангельскѣ собралась очень разнообразная публика, и колонія наша сдѣлалась наиболѣе интересною по своему составу. Ко времени

моего прибытія, здѣсь не было и 50 человѣкъ, а мѣсяца черезъ 2 колонія насчитывала болѣе 100 ссыльныхъ и составъ ея все еще продолжалъ расти — такъ старательно колонизировать В. К. Плеве дальній сѣверъ людьми, не раздѣлявшими его полицейскихъ убѣжденій.

Здѣсь были представители всевозможныхъ профессій и направленій: земскіе дѣятели, врачи, адвокаты, литераторы, учителя и учительницы, земскіе статистики, инженеры, фельдшерицы, акушерки, зубные врачи, ветеринары, техники, студенты и курсистки всевозможныхъ учебныхъ заведеній, рабочіе, крестьяне, приказчики, одинъ привать доцентъ. Такъ же разнообразенъ былъ составъ колоніи и по политическимъ убѣжденіямъ ея членовъ: преобладающій, по численности, элементъ представляли социаль-демократы и социалисты-революціонеры, но было много и „освобожденцевъ“, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась партія конституціоналистовъ-демократовъ; наконецъ, было большое число безпартійныхъ. В. К. Плеве такою щедрою рукою разсыпалъ административныя кары, что въ ссылку попадали не только революціонеры или хотя бы люди, вредные съ полицейской точки зрѣнія для государственнаго порядка, а любой обыватель, не угодившій почему либо мѣстной предержавной власти, или удостоенный вниманія со стороны какого нибудь шпиона, весьма легко попадалъ въ мѣста не столь отдаленныя. Извѣстно, напримѣръ, что при Плеве, да и до него въ ссылку попадало множество рабочихъ, участвовавшихъ въ экономическихъ забастовкахъ и по большей части не имѣвшихъ никакого отношенія къ политикѣ; также охотно ссылали крестьянъ, попадавшихъ въ какія нибудь аграрныя недоразумѣнія; наконецъ, въ ссылку попадали люди просто „по пьяному дѣлу“, рѣшительно ни въ чемъ, кромѣ слабости къ выпивкѣ, передъ государственнымъ порядкомъ не повинные; такъ, напримѣръ, въ Архангельскъ былъ сосланъ одинъ обыватель только за то, что послѣ кутежа въ какомъ то значномъ мѣстѣ, онъ, расплачиваясь съ прислугой, недостаточно почтительно отнесся къ рублевой монетѣ, на которой изображенъ былъ царскій портретъ.

Но если высылку бастующихъ рабочихъ или безразличныхъ къ политикѣ обывателей можно было объяснить нежеланіемъ администраціи долго разбираться въ массѣ подобныхъ дѣлъ, то ужъ совершенно непонятною и необъяснимою представляется высылка такъ называемыхъ „либераловъ“, въ числѣ которыхъ насчитывалось много извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Таковыми особенно изобиловала архангельская колонія, и по обстоятельствамъ, приведшимъ ихъ въ ссылку, можно судить о той неразборчивости и безцеремонности въ выборѣ средствъ, при помощи которыхъ В. К. Плеве боролся съ крамолою.

Вотъ, напримѣръ, извѣстный воронежскій врачъ и земскій дѣятель Сергѣй Васильевичъ Мартыновъ. Онъ былъ сосланъ сюда еще въ 1902 году за участіе въ трудахъ воронежскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. Из-

вѣстно, что когда С. Ю. Витте учреждалъ эти комитеты, то привлекая къ участию въ нихъ общественныхъ дѣятелей, онъ просилъ ихъ высказаться о нуждахъ Россіи съ совершенной откровенностью. С. В. Мартыновъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ легко-вѣрныхъ людей, которые воображали, что бюрократіи нужна откровенность честныхъ дѣятелей; онъ выступилъ съ докладомъ, въ которомъ указывалъ на необходимость участія народныхъ представителей въ дѣлахъ управленія.

Мысль, выраженная въ докладѣ, повторялось вскорѣ послѣ этого совершенно безнаказанно на всѣхъ банкетахъ и митингахъ, но С. В. Мартыновъ за свою „совершенную откровенность“ былъ немедленно схваченъ и подъ конвоемъ жандармовъ отправленъ въ С.-Петербургскій домъ предварительнаго заключенія, а оттуда этапнымъ порядкомъ—въ Архангельскъ. С. Ю. Витте, вызвавшій С. В. Мартынова на столь печальную для него откровенность, умылъ руки, и почтенному дѣятелю пришлось протомиться на сѣверѣ цѣлыхъ два года; только смерть В. К. Плеве явилась для него избавительницею; первымъ дѣломъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополка-Мирскаго было освобожденіе С. В. Мартынова изъ ссылки.

Присяжный повѣренный П. Н. Переверзевъ, сосланный въ Архангельскъ въ февралѣ 1904 г., провинился передъ В. К. Плеве участіемъ въ процессѣ о кишиневскомъ погромѣ. Если министерству внутреннихъ дѣлъ было легко „опровергать“ появившееся въ заграничныхъ газетахъ сообщеніе о томъ, что кишиневскій погромъ былъ организованъ по внушенію свыше,—то ссылая П. Н. Переверзева, В. К. Плеве только утвердилъ въ обществѣ мысль объ участіи своемъ въ организаціи погрома, потому что единственной причиною высылки г. Переверзева послужили разоблаченія, сдѣланныя имъ на судѣ, и доклады, которые онъ дѣлалъ о кишиневскомъ процессѣ въ петербургскихъ кружкахъ. Убравъ этого неудобнаго свидѣтеля, Плеве рассчитывалъ скоро замѣять непріятныя впечатлѣнія, но этимъ только подлилъ масла въ огонь, такъ какъ изгнаніе г. Переверзева окончательно утвердило общество въ мысли о причастности министра внутреннихъ дѣлъ къ кишиневской бойнѣ. Только смерть Плеве возстановила П. Н. Переверзева въ его поправныхъ правахъ, такъ какъ замѣнившій Плеве князь Святополкъ-Мирскій поспѣшилъ возвратитъ и ему свободу.

Еще болѣе замѣчательна высылка въ Архангельскую губернію пяти уфимцевъ: помощника присяжнаго повѣреннаго А. Н. Плаксина, секретаря уфимской губернской земской управы И. К. Гудзь, земскихъ статистиковъ Е. В. Пашковскаго, Н. И. Ильинскаго и инженера А. Р. Брилинга. Эти лица, занимавшія въ мѣстномъ интеллигентномъ обществѣ видное положеніе, въ одинъ прекрасный день, по приказанію губернатора Соколовскаго, были обысканы и, хотя ничего „предосудительнаго“ у нихъ найдено не было, но ихъ посадили въ тюрьму и немедленно выслали въ отдаленныя уѣзды Архангельской губерніи. Тщетно жены вы-

славныхъ добивались узнать о причинѣ постигшей ихъ мужей кары; Соколовскій „честнымъ словомъ губернатора“ увѣрялъ ихъ, что онъ тутъ ни при чемъ и совершенно не знаетъ, за что высланы ихъ мужья; въ департаментѣ же полиціи имъ объявили, что тамъ не имѣется никакихъ свѣдѣній о виновности высланныхъ, такъ какъ высылка состоялась по ходатайству уфимскаго губернатора, аттестовавшаго высланныхъ, какъ вредныхъ для государственнаго порядка людей. Только впоследствии, для соблюденія декорума, ихъ пристегнули какимъ-то образомъ къ дѣлу объ убійствѣ уфимскаго губернатора Богдановича, хотя никто не могъ имъ объяснить, какъ и почему ихъ считаютъ прикосновенными къ этому дѣлу. Какъ бы для подкрѣпленія этого обвиненія, одного изъ „уфимцевъ“, именно А. Н. Плаксина департаментъ полиціи пытался притянуть къ процессу боевой организаціи (дѣло Гершуни и другихъ). Не успѣвъ А. Н. оглядѣться въ мѣстѣ своей ссылки, какъ былъ арестованъ и подъ жандармскимъ конвоемъ отвезенъ въ Петербургъ. Изъ предлагавшихся ему слѣдственной властью вопросовъ, онъ понялъ, что его подозреваютъ въ соучастіи въ убійствѣ губернатора Богдановича. Оказалось, что простого упоминанія его имени извѣстнымъ по процессу Гершуни поручикомъ Григорьевымъ, всѣми мѣрами старавшимся себя выгородить, было достаточно для привлеченія Плаксына. Обвиненіе оказалось до такой очевидности нелѣпнымъ, что онъ былъ вскорѣ отъ него освобожденъ и отправленъ тѣмъ же порядкомъ обратно въ Архангельскъ. Нечего и говорить, что послѣ смерти Плеве, всѣ „уфимцы“ были освобождены. Студентъ петербургскаго технологическаго института И. М. Труба былъ сосланъ въ Архангельскую губернію на 3 года по причинамъ, которыя такъ и остались для него неизвѣстными во все время ссылки.

Во время царившей при Сипягинѣ и министрѣ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповѣ аракчеевщины, когда непокорныхъ студентовъ усмиряли отдачею въ солдаты и ссылкой въ Сибирь, И. М. Труба былъ сосланъ, въ числѣ нѣсколькихъ студентовъ, въ Иркутскую губернію. Все общество было возмущено тогда этой бездѣльной жестокостью властей, думавшихъ задержать такимъ образомъ освободительное движеніе. Глухое негодованіе общества заставило правительство отмѣнить эту нелѣпую мѣру и сосланнымъ студентамъ было даровано „прощеніе“. Возвѣстивъ объ этомъ ссыльныхъ студентовъ поручено было состоявшему тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому. Но миссія его окончилась неудачно: студенты не только не выразили раскаянія, но не приняли и прощенія, и вообще, не захотѣли даже разговаривать съ высокопоставленнымъ гонимомъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ они были возвращены въ Россію, хотя болѣе строптивымъ изъ нихъ сохраненъ былъ полицейскій надзоръ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и И. М. Труба, возвращенный изъ Верхнеудинска въ Полтаву. Здѣсь онъ долго, но безуспѣшно, искалъ занятій: куда онъ ни обращался—вездѣ поперекъ дороги становились жандармскія власти, какъ-бы

мстившія ему за содѣянные имъ въ Сибири „дерзости“. Въ самый разгаръ своей борьбы съ одолѣвавшею его нуждой, И. М. Труба былъ неожиданно арестованъ и отправленъ этапнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію; никакихъ обвиненій ему предъявлено не было, на допросъ его не вызывали и, такимъ образомъ, онъ такъ и не узналъ о причинѣ своей новой высылки. Только со смертью Плеве выяснилось, что никакихъ причинъ для высылки не существовало, и И. М. Труба былъ освобожденъ и, по возвращеніи въ Петербургъ, даже принятъ обратно въ технологическій институтъ. Курьезно, что свидѣтельство о благонадежности, требовавшееся для поступленія въ институтъ, выдано было г. Трубѣ тѣмъ же департаментомъ полиціи, который въ 1903 году распорядился о высылкѣ его въ Архангельскую губернію.

Другой студентъ-химикъ юрьевского университета Д. Н. Кладищевъ былъ сосланъ за несчастный случай, который едва не стоилъ ему жизни: въ его лабораторіи, во время занятій Д. Н. Кладищева, случился взрывъ, причинившій ему серьезные ожоги и повредившій помѣщеніе лабораторіи. Никакой политической подкладки этотъ случай не имѣлъ, тѣмъ не менѣе, Д. Н. былъ сосланъ въ Архангельскую губернію, какъ „неблагонадежный“ и „вредный“. Насколько неосновательна была эта высылка, власти могли убѣдиться на дальнѣйшемъ поведеніи Кладищева; уже освобожденный по распоряженію того же кн. Святополкъ-Мирскаго, и слѣдовательно не нуждавшійся ни въ какихъ „милостяхъ“ бюрократіи, онъ заявилъ о своемъ желаніи вступить добровольцемъ въ дѣйствующую манчжурскую армію, желая принять участіе, какъ онъ объяснилъ товарищамъ, въ защитѣ родины отъ грозившей ей отъ внѣшняго врага опасности. Было ли основаніе объявлять „вреднымъ“ этого человѣка, пусть судить департаментъ полиціи.

По совершенно нелѣпому поводу попасть въ Архангельскъ и извѣстный врачъ С. А. Никоновъ, бывшій главнымъ врачомъ севастопольской городской больницы. Въ высылкѣ его администрація проявила столько цинизма, что было бы ущербомъ для исторіи борьбы русскаго правительства съ крамолою умолчать объ этомъ удивительномъ инцидентѣ. Привожу краткій рассказъ объ этомъ со словъ „Освобожденія“, лично подтвержденный мнѣ С. А. Никоновымъ:

Въ концѣ октября 1903 г., въ Севастополѣ на Сѣверной сторонѣ былъ арестованъ Н. Л. Канторовичъ, завѣдывавшій аптекой при севастопольской городской больницѣ. Послѣ ареста, въ квартирѣ его былъ произведенъ обыскъ, но полиціи не удалось ничего найти. Смотритель больницы В. Т. Голиковъ, не ожидая скорого освобожденія Канторовича, поручилъ своему помощнику г. Петропавловскому освободить его комнату. Исполняя это порученіе, Петропавловскій „нашелъ“ въ комнатѣ Канторовича шесть нелегальныхъ книгъ, о чемъ онъ услужливо сообщилъ полиціи. Отъ градоначальника было получено предписаніе немедленно удалить смотрителя больницы г. Голикова и замѣстить его Петропавловскимъ. С. А. Никоновъ отказался исполнить это требованіе

и, когда оно было повторено, причѣмъ было предписано удалить г. Голикова въ 24 часа, С. А. Никоновъ подалъ въ отставку.

Городская управа отставку не приняла, а созданный медико-санитарный совѣтъ избралъ на мѣсто смотрителя кандидата, предложеннаго Никоновымъ. По просьбѣ совѣта, Никоновъ взялъ свою отставку обратно. Но новый смотритель не былъ утвержденъ градоначальникомъ, а д-ру Никонову предложено было городскимъ головою г. Максимовымъ назначить Петропавловскаго „хоть временно“ замѣстителемъ смотрителя. Получивъ отказъ, голова созываетъ правленіе больницы, которое также отказывается согласиться на замѣщеніе Петропавловскимъ должностію смотрителя, въ виду его непригодности для этого, и заявляетъ, что въ противномъ случаѣ, оно слагаетъ съ себя отвѣтственность за хозяйственную часть больницы и могущія быть послѣдствія. Несмотря на это, управа на слѣдующій день прислала д-ру Никонову предписаніе передать хозяйственную часть Петропавловскому. На этотъ разъ, не только С. А. Никоновъ, а еще два врача: Л. А. Флеровъ и Н. И. Потоковъ подали въ отставку, а за ними ушли и всѣ фельшерицы, 4 служителя и 3 сидѣлки... Администрація принесла въ жертву одному „благодарному“ господину цѣлую дюжину необходимыхъ для общественнаго дѣла работниковъ. Но этимъ еще не кончился этотъ замѣчательный конфликтъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ д-ръ Никоновъ получилъ отъ властей „приговоръ“ о ссылкѣ его въ Архангельскъ на 3 года. Престижъ власти окончательно... восстановленъ.

Наконецъ, извѣстный московскій присяжный повѣренный и тверской земецъ С. А. Балавинскій былъ сосланъ на пять лѣтъ по причинамъ, которыя такъ и остались неизвѣстны, ибо ему предъявлено было лишь неопредѣленное обвиненіе во „вредномъ направленіи“. Здѣсь Плевѣ разошелся „во мнѣніяхъ“ съ населеніемъ цѣлаго края, которое считало С. А. Балавинскаго настолько полезнымъ, что избрало его въ земскіе гласные, въ то время, какъ Плевѣ считалъ его настолько вреднымъ, что ничего, кромѣ ссылки для него придумать не могъ.

Я привелъ лишь весьма немногіе примѣры неразборчивости департамента полиціи и его вдохновителей въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ. Такихъ примѣровъ, какъ въ самомъ Архангельскѣ, такъ и въ уѣздахъ, было множество. Несмотря, однако, на особенности режима Плевѣ, способствовавшаго наполненію ссылки умѣренными элементами, основу ссылки и наиболѣе вліятельный ея элементъ составляли все-таки революціонеры. Ихъ вліяніе было настолько сильно, что въ немъ растворялась вся умѣренность либераловъ. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ убѣжденными, глубоко преданными революціонной идеѣ людьми, самые мирные изъ ссыльных убѣждались, что единственный путь, ведущій къ освобожденію народа, представляетъ революція. Тѣ изъ нихъ, которые по природной своей скептичности или флегматичности, избѣгли этой эволюціи, — впоследствии, когда жизнь въ ссылкѣ со всѣмъ ея административнымъ гнетомъ дорп-

совывала на ихъ глазахъ картину надругательства надъ человеческой личностью,—также отдавали дань вліянію ссылки, выходъ изъ которой былъ только одинъ—въ ряды революціи.

IV.

Колонія наша жила весьма интенсивною внутреннею жизнью, съ необыкновенной чуткостью отзываясь на всѣ событія внѣшняго міра. Въ описываемую мною пору (1904 г.) все общество переживало чрезвычайный годъ и находилось въ состояніи напряженнаго ожиданія величайшихъ событій. Все плотнѣе и плотнѣе стягивавшееся желѣзное кольцо реакціи, при Плеве, казалось, готово было совершенно задушить всю Россію; атмосфера сдѣлалась настолько сгущенною, что дальнѣйшій гнетъ, казалось, былъ невозможенъ, и котелъ общественнаго терпѣнія готовъ былъ каждую минуту взорваться отъ накопившагося въ немъ негодованія и ненависти. Каждую минуту можно было ждать, что акція выступить противъ реакціи, и хотя Плеве старательно открывалъ клапаны... сажая по тюрьмамъ и отправляя въ ссылку все, что было тогда оппозиціоннаго, но съ накопившейся въ обществѣ революціонной энергіей трудно было бороться энергіей полицейской. Всѣ чувствовали, что наступаетъ кризисъ. Не чувствовала этого только бюрократія, ослабленіе которой дошло до того, что она сама подписала себѣ смертный приговоръ, затѣявъ русско-японскую войну. На войнѣ-то сосредоточились всѣ чаянія русскаго общества. Уже послѣ первыхъ поражений, всѣмъ стало понятно, что дѣло бюрократіи безвозвратно проиграно, и что манчжурская авантюра будетъ послѣднимъ актомъ ея своеволія. На войну были обращены всѣ взоры и, хотя революціонеры не считали ее, по примѣру русскихъ либераловъ, панацеей противъ всѣхъ золъ, причиненныхъ Россіи бюрократіей, тѣмъ не менѣе, они старались использовать войну въ своей борьбѣ съ правительствомъ. Занявъ, какъ и все либеральное общество, враждебную, по отношенію къ войнѣ, позицію, революціонеры безопасно разоблачали всѣ темныя стороны политики правительства, вскрывая, какъ скальпелемъ опытнаго хирурга, злосчастною войною. На свою бѣду, правительство и во внутренней политикѣ дѣлало ошибку за ошибкою. Въмѣсто того, чтобы въ это тяжелое для себя время привлечь на свою сторону либераловъ, бывшихъ тогда очень склонными къ сближенію съ правительствомъ на условіяхъ либеральныхъ реформъ, Плеве вступилъ съ ними въ открытую и ожесточенную войну: къ этому именно времени относятся разгромъ тверскаго и суджанскаго земствъ, набѣгъ подъ видомъ ревизіи на московское земство, „ликвидация“ земской дѣятельности Д. Н. Шипова, преслѣдованія „третьяго элемента“ и т. п.

Ссылка, чутко вглядывавшаяся въ эту борьбу, не могла относиться къ ней равнодушно, но, изолированная отъ „гущи“ жизни,

естественно, не могла принять въ ней активное участіе, и тѣмъ чувствительнѣе реагировала она на всякій шагъ бюрократіи, направленный противъ революціи. Наша колонія съ жадностью читала извѣстія съ театра войны и разоблаченія нашихъ заграничныхъ журналовъ о подвигахъ бюрократіи и военнаго начальства. Не имѣя возможности дѣлать активныхъ выступленій, она при всякомъ удобномъ случаѣ отзывалась на тѣ или другія событія, вліяя такимъ образомъ на общественное мнѣніе.

Однимъ изъ такихъ удобныхъ случаевъ явилась въ это время довольно странная попытка правительства обезвредить революцію. Предпринята она была по слѣдующему поводу. Вскорѣ послѣ начала Русско-японской войны, одинъ изъ находившихся въ домѣ предварительнаго заключенія студентовъ военно-медицинской академіи подалъ на высочайшее имя прошеніе о зачисленіи его въ дѣйствующую армію, участіемъ въ которой онъ желалъ „загладить“ свое политическое преступленіе. По поводу этого ходатайства было опубликовано повелѣніе, приглашавшее всѣхъ „впавшихъ въ преступленіе противъ государственнаго порядка“, — загладить свою вину вступленіемъ въ ряды дѣйствующей арміи. Это приглашеніе, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, было объявлено во всѣхъ тюрьмахъ и мѣстахъ ссылки съ очевидной цѣлью внести въ среду борцовъ за освобожденіе дезорганизацію и расколъ. Было оно объявлено и всѣмъ ссыльнымъ Архангельской губерніи. Въ большинствѣ колоній оно вызвало сильное возмущеніе и рѣзкіе отказы отъ предложенной милости. Нѣкоторыя колоніи рѣшили отвѣтить на этотъ вызовъ и опубликовали цѣлый рядъ протестовъ, характеризующихъ царившее среди ссыльныхъ настроеніе. Вотъ, напримеръ, протестъ архангельской колоніи, который мы приводимъ здѣсь, несмотря на его рѣзкость, какъ историческій документъ, вычеркнувъ только нарушающія 103 и 129 статьи угол. уложенія слова:

„Правительство, воспользовавшись единичнымъ случаемъ ребяческаго малодушія, предложило политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ загладить свою вину вступленіемъ въ ряды дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи.

„Мы, политическіе ссыльные г. Архангельска, усмотрѣвъ: во-первыхъ, что означенное предложеніе правительства является средствомъ очернить російскихъ революціонеровъ въ глазахъ неосознательной части общества, либо представивъ ихъ идущими на позорную сдѣлку съ (если они примутъ это предложеніе), либо объявивъ ихъ измѣнниками отечества (если они отвергнутъ „царскую милость“);

„во-вторыхъ, что война, которую ведетъ на Д. Востокѣ правительство, можетъ принести выгоды только капитализму и бюрократіи, за счетъ полнаго разоренія рабочихъ и крестьянъ, выносящихъ на своихъ плечахъ всѣ тяготы государственныхъ бюджетовъ, и

„въ третьихъ, что эта война, искусственно возбуждая пож-

ный патриотизмъ, отвлекаетъ вниманіе населенія отъ господствующихъ въ странѣ тьмы, нищеты и безправія и служить для правительства лишь средствомъ хотя бы на одно мгновеніе уклониться отъ предначертаннаго ему исторіей удара—

„постановили: выразить свое глубокое презрѣніе правительственному акту“.

Въ менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, но съ одинаковою непримиримостью отвѣчали холмогорскіе ссыльные.

„Правительство, заявляли холмогорцы, движимое желаніемъ внести въ среду революціонеровъ деморализацію и распри, сочло возможнымъ обратиться къ намъ, политическимъ ссыльнымъ въ г. Холмогорахъ, съ манифестомъ, въ которомъ намъ предлагается поступить въ дѣйствующую армію на Дальній Востокъ; правительство „движимое чувствомъ милосердія къ революціонерамъ“, даетъ имъ возможность загладить грѣхъ своего прошлаго, принявъ въ ряды борцовъ за интересы его и интересы капитализма на Дальнемъ Востокѣ.

„Возмущенные вождедѣніемъ правительства пустить кровь революціонизму въ Россіи, мы, политическіе ссыльные въ Холмогорахъ, въ количествѣ 18 чел. (единогласно), съ негодованіемъ отвергли предлагаемую милость, какъ новое проявленіе зубатовской политики. Мы не можемъ допустить совмѣстимость достоинства революціонера съ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ арміи ни въ качествѣ рядового, ни въ качествѣ санитаря или медика, если это участіе покупается цѣною компромисса. Мы горячо призываемъ и другихъ политическихъ ссыльныхъ товарищей, разбѣянныхъ по городамъ и селамъ Архангельской губерніи, присоединиться къ настоящему протесту“.

Совершенно своеобразно реагировалъ на приглашеніе правительства вышеупомянутый С. В. Мартыновъ. Отвѣтъ его, сдержанный по формѣ, но полный прони и сарказма, хорошо характеризуетъ настроеніе, въ которомъ находился въ ссылкѣ этотъ добродушный, съ юмористической складкой, человекъ. Вотъ этотъ отвѣтъ:

„Его Превосходительству, г. Начальнику Архангельской губерніи.

„Д-ра С. В. Мартынова, высланнаго за участіе въ комитетахъ о нуждахъ с.-хоз. промышленности въ Россіи.

„9 февраля Ваше Превосходительство изволили обратиться ко мнѣ, также какъ и къ другимъ лицамъ, находящимся въ одномъ со мною положеніи, съ предложеніемъ, принявъ участіе въ настоящей войнѣ, заслужить тѣмъ амнистію. Съ своей стороны полагаю, что Россія не нуждается въ дальнѣйшемъ расширеніи своихъ границъ и что приращенія, сдѣланныя правительствомъ за послѣднее время на Дальнемъ Востокѣ, не будучи вызваны жизненными интересами страны, ложатся тяжелымъ бременемъ на населеніе. Государство, полагаю, слишкомъ нуждается въ коренныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, потребность которыхъ выражается весьма настойчиво не только зажиточными и просвѣ-

щенными классами, но и самимъ народомъ. Я считалъ бы для себя возможнымъ трудиться только въ направленіи преобразованій народной жизни, на что готовъ отдать въ распоряженіе правительства свои силы и знанія. Всякаго же рода дѣятельность, клонящуюся къ расширенію территоріи или къ сохраненію ненужныхъ для Россіи областей, я считаю несоотвѣтствующей жизненнымъ интересамъ страны и никакого участія въ ней принять не нахожу возможнымъ. Полагалъ-бы, что ни международнымъ положеніемъ государства, ни потребностью обезпечить свои границы, ни интересами торговли не можетъ быть оправдана русско-японская война. Склоненъ думать, что національное самолюбіе не препятствовало бы прекратить разорительную для Россіи войну и, продавъ портовые и желѣзно-дорожные сооруженія, направить матеріальныя и духовныя силы страны на свои собственные внутренніе интересы.

„Дѣлая такое заявленіе, я, конечно, предвижу, что оно поведетъ новыя для меня репрессіи со стороны департамента полиціи. Но иного пути я не вижу и могу лишь повторить то, что высказанно было мною о потребностяхъ страны въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сел.-хоз. промышленности въ Россіи“.

Такъ отвѣтили политическіе ссыльные на приглашеніе „раскаяться“.

Въ большинствѣ колоній отвѣты вотированы были единогласно или огромнымъ большинствомъ голосовъ, несмотря на присутствіе въ нихъ умѣренныхъ элементовъ.

Съ такою же чуткостью отзывалась колонія и на событія, не имѣвшія прямой связи съ общою политикою правительства. Изъ такихъ событій особенно сильно волновали нашу колонію разыгравшіяся въ началѣ 1904 года въ Якутской губерніи двѣ драмы, дѣйствующими лицами въ которыхъ были наши якутскіе товарищи. Первая изъ нихъ „Романовскій фортъ“; подъ этимъ именемъ извѣстна она въ публикѣ по заключительному ея акту. Выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями мѣстной администраціи и невозможными условіями существованія, ссыльные, разселенные по улусамъ, вблизи Якутска, собрались въ числѣ 50 чело-вѣкъ въ Якутскѣ, и на требованіе полиціи возвратиться въ улусы отвѣтили отказомъ. Зная, что полиція не остановится передъ насиліемъ, они собрались въ одномъ частномъ домѣ и забаррикадировались, съ цѣлью дать отпоръ угрожавшей полиціи. Послѣдняя, пригласивъ военный отрядъ, повела правильную осаду „Романовскаго форта“, какъ называли эту своеобразную крѣпость, осыпая ее градомъ ружейныхъ пуль. Осажденные также отвѣчали выстрѣлами. Съ обѣихъ сторонъ оказались убитые, причемъ пѣз числа революціонеровъ палъ рабочій Матлаховъ. Истощенные долговременною осадой и не видя никакого выхода, осажденные, послѣ упорнаго боя, сдались. Начались судъ и расправа. Къ всеобщему удивленію и негодованію, судили не администрацію, своими незаконными дѣйствіями вызвавшую это кровавое стол-

кновение, а тѣхъ же жертвъ ея произвола, которыя были ею вынуждены къ единственному, остававшемуся имъ доступнымъ способу самообороны. Въ результатѣ—55 участниковъ были приговорены къ 12-ти лѣтнимъ каторжнымъ работамъ, а тѣ стѣсненія, изъ-за которыхъ осужденные испили эту глубокую чашу горечи и страданій, были отмѣнены.

Другая драма разыгралась въ одномъ изъ этаповъ, направлявшихся къ Якутску, вслѣдствіе безчестнаго, грубаго поведения сопровождавшаго этапъ начальника конвоя поручика Сикорскаго, требовавшаго, между прочимъ, насильственного привода къ нему въ комнату одной изъ политическихъ ссыльныхъ. Слѣдовавшій въ томъ же этапѣ студентъ Минскій застрѣлилъ Сикорскаго, а конвой, мстя за своего начальника, сталъ стрѣлять въ этапъ и убилъ политическаго ссыльнаго Шаца и ранилъ Минскаго.

Эти событія произвели такое потрясающее впечатлѣніе на всю ссылку, что изъ самыхъ отдаленныхъ угловъ Восточной Сибири, гдѣ томились изолированные отъ всего человѣческаго общества борцы за свободу, полетѣли къ правительству протесты, полные глубокаго негодованія и отчаянной рѣшимости раздѣлить трагическую судьбу якутскихъ товарищей, если правительство не исполнитъ требованій, предъявленныхъ къ нему въ этихъ заявленіяхъ. Къ ссыльнымъ Европейской Россіи сибирскіе товарищи обратились съ просьбой поддержать ихъ требованія, сводившіяся къ ослабленію административнаго произвола и отмѣнѣ противозаконныхъ распоряженій якутскаго генераль-губернатора.

Полученныя въ Архангельской губерніи подробности произошедшей катастрофы произвели на всѣхъ ссыльныхъ ошеломляющее впечатлѣніе. То, что произошло тамъ, въ далекой Сибири, могло вѣдь повториться и здѣсь въ Архангельской губерніи, такъ какъ мѣстнымъ властямъ вездѣ предоставлено одинаковое право во всемъ, что касается ссыльныхъ, нарушать законъ и попираетъ справедливость. Являлась естественная потребность поддержать товарищей и выразить имъ свое сочувствіе, а правительству—негодование. Въ нашу колонію изъ всѣхъ уѣздовъ стали приходить протесты, резолюціи и прокламаціи, выпущенные по этому поводу мѣстными колоніями. Въ однихъ изъ нихъ выражалось сочувствіе пострадавшимъ Якутскимъ товарищамъ, въ другихъ—негодование по адресу правительства, третьи были приурочены къ собственнымъ невзгодамъ и заключали въ себѣ рядъ требованій, предъявляемыхъ къ администраціи, четвертые, наконецъ, ставили ребромъ общій вопросъ о положеніи административныхъ ссыльныхъ и требовали его улучшенія, угрожая поддержать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ. Копія всѣхъ этихъ актовъ, подписанныя полными именами всѣхъ участвовавшихъ въ ихъ составленіи ссыльныхъ, были разосланы министру внутреннихъ дѣлъ, въ департаментъ полиціи, губернатору и мѣстнымъ властямъ, и въ редакціи зарубежныхъ революціонныхъ изданій.

Въ скоромъ времени колоніи нашей пришлось выступить съ еще болѣе рѣшительнымъ заявленіемъ.

Поводомъ для этого явилось убійство Плеве. Никогда еще не приходилось мнѣ наблюдать такой радости, какая охватила все общество при извѣстїи объ этомъ событіи. Плеве палъ въ 10 ч. утра 15 іюля, а къ полудню вѣсть объ этомъ прилетѣла въ Архангельскъ и взбудоражила весь городъ. На всѣхъ лицахъ былъ написанъ неподдѣльный восторгъ, и обыватели, при встрѣчѣхъ со ссыльными, поздравляли ихъ, какъ будто получено было извѣстіе не о трагической смерти человѣка, а объ освобожденіи Россіи. Даже чиновники, которыми Архангельскъ изобилуетъ, какъ всякій губернской городъ, не могли скрывать своего удовольствія и ходили съ радостными лицами, передавая другъ-другу потрясающую новость. Нечего и говорить, что наша колонія провела этотъ день, какъ самый свѣтлый праздникъ. Мы праздновали не только паденіе человѣка, которому всѣ мы были обязаны своимъ изгнаніемъ, долгимъ томленіемъ въ тюрьмахъ и скитаніями по этапамъ.

Но этотъ взрывъ всеобщей радости и ликованія не помѣшалъ колоніи вспомнить, что смерть Плеве представляетъ прекрасный моментъ для раскрытія передъ обществомъ всего зла, причиненнаго Россіи абсолютизмомъ, усерднѣйшимъ слугою котораго былъ погибшій министръ. И на слѣдующій же день были опубликованы обращенныя къ мѣстному обществу прокламаціи социалистовъ-революціонеровъ и социаль-демократовъ. Разъясняя смыслъ и значеніе катастрофы на Измайловскомъ проспектѣ, прокламаціи рисовали потрясающую картину зла, причиненнаго Россіи всемогущимъ министромъ, и горячо призывали общество къ безпощадной борьбѣ съ этимъ зломъ и къ низверженію абсолютизма. Сдѣлавшіеся теперь чуть-ли не анахронизмомъ, эти лозунги произвели тогда сильное впечатлѣніе, и появленіе прокламацій, выпущенныхъ въ такой удачный моментъ, поставило на ноги всю жандармерію и полицію. Начались самые жестокіе и бессмысленные обыски. Жандармы цѣлыми толпами во всякое время дня и ночи врываются въ квартиры наиболѣе излюбленныхъ ими для такихъ случаевъ ссыльныхъ, и въ неудержимомъ стремленіи отличиться отысканіемъ хоть какого нибудь намѣка на участіе намѣченной жертвы въ изданіи прокламацій, производили разгромъ, напоминавшій разбойничье нападеніе. Но ни одинъ изъ набѣговъ не увѣнчался успѣхомъ, и власти въ безсильной злобѣ мстили колоніи совершенно произвольной высылкой многихъ ея членовъ въ уѣзды. Обостривъ еще больше отношенія колоніи съ администраціей, это событіе способствовало большому сближенію ссыльныхъ съ мѣстнымъ обществомъ.

V.

Описанными выше случаями далеко не исчерпывалась борьба, которую приходилось вести колоніи съ властями. То была борьба, которая не обѣщала намъ ни побѣды въ близкомъ будущемъ, ни улучшенія условій жизни ссылки. Наоборотъ, она при-

носила новыя тяготы въ видѣ каръ за участіе въ опубликованіи протестовъ, за сходки и т. п. Это была своего рода партизанская война, къ которой переходить одна изъ сторонъ, тѣснимая численнымъ перевѣсомъ своего противника и не надѣющаяся на скорый исходъ борьбы. Партизанскіе отряды, съ которыми въ данномъ случаѣ можно сравнить отдѣльныя колоніи ссыльныхъ, пользуясь всякимъ случаемъ оплошности врага, дѣлають нападенія на болѣе слабыя его позиціи, ослабляя такимъ образомъ его армію.

Гораздо больше нервовъ и силъ отнималъ другой видъ борьбы, которую неустанно приходилось вести въ ссылкѣ; это—борьба съ мѣстной администраціею за тѣ немногія права, которыя не могла у насъ отнять наша „конституція“, но на которыя постоянно посягали низшіе агенты власти. Особенно ожесточенно приходилось бороться съ поползновеніями властей разселить ссыльныхъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ не только не было никакой врачебной помощи, но гдѣ пребываніе само по себѣ представляло опасность для здоровья. Эти поползновенія, какъ и другія попытки ухудшить положеніе ссыльныхъ, представляютъ прямой результатъ установившагося у администраціи взгляда на ссылку не только какъ на мѣру предупредительную, но и какъ наказанія, причемъ функціи наказующей власти присваиваютъ себѣ не только губернаторъ, но даже исправники. Яркій образецъ такого своеобразнаго взгляда на ссылку представляетъ случай, который послужилъ даже предметомъ судебного разбирательства лѣтомъ 1904 года: два политическихъ ссыльныхъ, г.г. Чернякъ и Дрейеръ, были назначены Архангельскимъ губернаторомъ въ село Несь, Мезенскаго уѣзда. Прибывъ туда, они тотчасъ же убѣдились, что жить въ этомъ селѣ совершенно невозможно, потому что помимо обычныхъ причинъ, дѣлающихъ жизнь въ такомъ глухомъ углу тяжелымъ испытаніемъ, все населеніе Неси было поголовно заражено сифилисомъ, и Чернякъ и Дрейеръ не могли найти ни одной квартиры, гдѣ бы имъ не угрожала сифилитическая зараза. Никакія просьбы ихъ о переводѣ въ другое мѣсто не помогали, и имъ оставалось только одно средство для сохраненія своего здоровья—оставить Несь. Они такъ и сдѣлали и самовольно ушли въ г. Мезень, отстоящій отъ Неси въ 100 верстахъ. Но оттуда они снова были выселены въ Несь и снова же перекочевали обратно въ Мезень. Мезенскій исправникъ привлекъ ихъ къ суду за самовольную отлучку, но судья призналъ, что условія, въ которыхъ обвиняемымъ приходилось жить въ Неси, представляли опасность для ихъ здоровья и жизни, и оправдать обоихъ. Только послѣ этого имъ было разрѣшено жить въ Мезени.

Случаи, вродѣ описаннаго, были такъ часты, что вступать всей ссылкой въ борьбу по поводу каждаго изъ нихъ не было никакой возможности.

Но зимою 1905 года въ Печорскомъ краѣ назрѣвало такое столкновеніе ссыльныхъ съ администраціей, что вмѣшательство всей архангельской ссылки сдѣлалось неизбѣжнымъ. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время губернская администрація стала

усиленно заселять ссыльными Печорскій уѣздъ, представлявшій огромную необитаемую тундру съ кое-гдѣ разсѣянными селами, заселенными полудикими зырянами. Условія существованія въ этихъ селахъ были настолько невозможны, что только полудикіе ихъ обитатели были способны ихъ переносить, для культурныхъ же людей существованіе тамъ было совершенно невозможно. Между тѣмъ, несмотря на наличность другихъ, болѣе пригодныхъ для колонизаціи мѣстъ въ губерніи, администрація продолжала заселять наиболѣе глухіе углы печорскаго уѣзда. Даже въ самомъ этомъ уѣздѣ были два пункта, гдѣ жизнь была сноснѣе и гдѣ можно было рассчитывать, въ случаѣ надобности, на медицинскую помощь. Это были большія села: Усть-Цыльма и Ижма. О переводѣ въ эти села и стали просить всѣ печорскіе товарищи. Власти отказали. Тогда, доведенные до крайности невозможными условіями своей жизни, печорцы рѣшили самовольно съѣхаться въ Усть-Цыльмѣ и Ижмѣ и не возвращаться въ дальнія села ни подъ какимъ видомъ, даже въ томъ случаѣ, если къ нимъ будетъ примѣнено насиліе. Принявъ такое рѣшеніе, они привели его въ исполненіе и сообщили объ этомъ губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ, ко всѣмъ же уѣзднымъ и архангельской колоніямъ они обратились съ просьбой поддержать предъявленные ими требованія.

Вся архангельская ссылка немедленно откликнулась на призывъ товарищей и къ губернатору и въ министерство внутреннихъ дѣлъ полетѣли заявленія о томъ, что печорцы будутъ поддержаны въ своихъ требованіяхъ ссыльными всей губерніи, которые не остановятся даже передъ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Въ этомъ отношеніи, особенно большія надежды возлагались на поддержку архангельской колоніи, которая была и многочисленнѣе, и насчитывала въ своемъ составѣ не мало авторитетныхъ лицъ. Извѣстіе о готовящемся столкновеніи произвело на нашу колонію сильное впечатлѣніе. На колоніальномъ собраніи рѣшено было энергично поддержать товарищей, о чемъ и довести до свѣдѣнія губернской и центральной власти. Составленное колоніей съ этою цѣлью обращеніе, подписанное всѣми членами колоніи, было отправлено губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и въ редакціи газетъ и журналовъ. Обращеніе это въ короткихъ словахъ ярко рисовало положеніе, приведшее печорцевъ къ необходимости заявить такой рѣшительный протестъ, и заканчивалось обѣщаніемъ самымъ энергичнымъ образомъ вступить за товарищей, если ихъ захотятъ насильно удалить изъ Усть-Цыльмы и Ижмы.

Тотъ заявленія архангелогородцевъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что на защиту печорскихъ товарищей встанетъ вся колонія. Съ другой стороны, не было никакихъ основаній надѣяться на то, что администрація пойдетъ на уступки. Создалось такимъ образомъ весьма серьезное положеніе, и на глазахъ всей страны готова была разразиться еще одна катастрофа—на подобіе якутской. Но если якутская трагедія разыгралась

подъ покровомъ тайны, такъ сказать, за закрытымъ занавѣсомъ и при всеобщемъ гробовомъ молчаніи, то печорская, наоборотъ, сразу привлекла къ себѣ вниманіе многихъ тысячъ людей, такъ какъ заявленіе архангельскихъ ссыльныхъ было предано широкой гласности. Но благодаря-ли именно спасительной гласности или, вообще, наступившимъ новымъ временамъ, такъ какъ хотя знаменитая эра „довѣрія“ и была уже ликвидирована, но въ воздухѣ носились предвѣстники грядущей свободы — печорскій конфликтъ окончился совершенно мирно. Съѣхавшіеся въ Усть-Цылымъ и Ижмѣ печорцы, ожидая, что исправникъ потребуетъ, чтобы они разѣхались по своимъ селамъ, готовились оказать ему сопротивление, а всѣ колоніи, принявшія участіе въ протестѣ, были наготовѣ, чтобы вступить за товарищей. Но прошло больше мѣсяца, а миръ нигдѣ не нарушался, и къ своему удивленію, печорцы вскорѣ узнали, что губернаторъ прислалъ исправнику бумагу, предписывавшую оставить всѣхъ ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они издумали поселиться. Такимъ образомъ, все окончилось благополучно, и уступчивостью администраціи было достигнуто спокойствіе, отъ котораго выиграли обѣ стороны.

VI

Послѣ смерти Плеве вся Россія зажила новою жизнью. Атмосфера прояснилась, и обыватель вздохнулъ свободнѣе. Еще никакихъ признаковъ грядущей весны не было, да и судя по предшествовавшимъ событіямъ, нельзя было ожидать ея, такъ какъ до сихъ поръ на каждый террористическій актъ правительство отвѣчало новыми репрессіями, назначая на мѣсто убитаго администратора еще болѣе свирѣпаго чиновника. Но вся Россія поняла, что наступилъ переломъ и что реакціи трудно снова поднять голову. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ еще не былъ назначенъ, но всѣмъ было ясно, что преемника, похожаго на Плеве или на Сипягина, не найдется. Первымъ признакомъ „весны“ былъ новый языкъ, которымъ заговорила печать. Началось это съ того, что газеты очень „смѣло“ высказывались по поводу убійства Плеве, и въ ихъ сужденіяхъ на эту тему не было ни прежней оглядки, ни суесловія; даже рептильные газеты оставили свой специфическій тонъ, которымъ принято было клеймить „гнусныя злодѣянія“ и заговорили о необходимости устраненія причинъ, вызывающихъ политическія убійства. Затѣмъ понемногу газеты стали высказываться на тему о томъ, что „такъ дальше жить нельзя“. Съ каждымъ днемъ печать становилась смѣлѣе, и обыватель пересталъ узнавать свои газеты — такъ онѣ сдѣлались живы и интересны.

Нечего и говорить, что ссылка также встрепенулась. Извѣстія изъ столицъ доходили до насъ медленно, но волна всеобщаго возбужденія опередила факты, и докатившись до нашей глуши, захлестнула не только насъ, но и все окружающее насъ

сонное царство. Мы еще не знали, какъ отразится смерть Плеве на нашей судьбѣ, но не сомнѣвались въ томъ, что для всѣхъ насъ наступаетъ новая пора. Прошло двѣ недѣли со дня катастрофы на Измайловскомъ проспектѣ, какъ произошло событіе, имѣвшее огромную важность для міра заточенія и ссылки: родился наследникъ престола.

По этому случаю, 11 августа 1904 г. былъ опубликованъ манифестъ, коснувшійся и ссылки. Какъ и слѣдовало ожидать, „милости“, оказанныя политикамъ, были довольно проблематичны; онѣ сводились къ тому, что срокъ ссылки былъ сокращенъ на одну треть, полное же освобожденіе получили лишь тѣ, которые были административно высланы на срокъ менѣе трехъ лѣтъ, и несовершеннолѣтніе. Последняя категория ссылныхъ была вскорѣ разочарована, такъ какъ оказалось, что подъ несовершеннолѣтними манифестъ разумѣлъ не тѣхъ, которые были таковыми въ моментъ совершенія „преступленія“, за которое они были сосланы, а лишь тѣхъ, которымъ не исполнилось 21 года ко дню опубликованія манифеста. Какъ бы то ни было, но свободу получили многіе изъ нашихъ товарищей, срокъ ссылки нѣкоторыхъ, за скидкой одной трети, оканчивался тотчасъ же по примѣненіи къ нимъ манифеста; много оказалось и такъ называемыхъ „малолѣтковъ“, т. е. лицъ моложе 21 года — лучшая иллюстрація неразборчивости Плеве, не стѣсняяшагося ссылать и прятать по тюрьмамъ подростковъ, почти дѣтей. Въ общемъ, во всей губерніи освобождалось немедленно или черезъ нѣсколько недѣль послѣ опубликованія манифеста нѣсколько сотъ человекъ, т. е. цѣлая половина всей архангельской ссылки. Освобожденные члены архангельской колоніи тотчасъ же снялись и уѣхали, и число колонистовъ у насъ значительно поубавилось.

Въ это время, пустовавшій полтора мѣсяца постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ замѣщенъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, крылатые слова котораго о „довѣріи“ вызвали въ обществѣ столько надеждъ и упованій. Пробудили они надежды и у насъ. О томъ, что пора репрессій миновала и не вернется, мы уже не говорили — это разумѣлось само собой. Но мечты наши шли дальше, и фантазія разыгрывалась до того, что мы уже строили предположенія о будущемъ руссійскомъ парламентѣ, намѣчая тѣхъ или другихъ лицъ въ число его членовъ.

Такъ жили мы въ гаданіяхъ и волненіяхъ. Со времени вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго прошло уже около мѣсяца. Печать все еще пережевывала его либеральную болтовню съ иностранными журналистами, дѣлала робкіе намеки на необходимость приступить къ исполненію обѣщаній, данныхъ министромъ; въ воздухѣ носились если не признаки реформъ, то микробы свободы, отравлявшие наше воображеніе и волновавшіе всю колонію. Наше начальство было, однако,免疫но къ этой „заразѣ“, и политика „твердой руки“, провозглашенная Плеве, считалась здѣсь еще неотмѣненной. Но, вотъ, скоро и къ намъ стали прилетать первыя „лас-

точки свободы“, такъ поэтично называли у насъ отношенія департамента полиціи къ губернатору объ освобожденіи то того, то другого изъ нашихъ товарищей. Первымъ былъ освобожденъ С. В. Мартыновъ, но такъ какъ ему и безъ этого оставалось всего нѣсколько недѣль до окончанія срока ссылки, то это освобожденіе не имѣло для насъ симптоматическаго значенія. Вся наша колонія отправилась провожать всѣми уважаемаго товарища. Прощаясь съ нами на пароходѣ, отвозившемъ его на вокзалъ, С. В. Мартыновъ предсказывалъ, что мы всѣ скоро послѣдуемъ его примѣру.

Предсказаніе его сбылось, но лишь отчасти. Вскорѣ послѣ отъѣзда С. В. Мартынова, получилоcь извѣстіе объ освобожденіи В. И. Чарнолукаго; затѣмъ были освобождены Н. И. Воробьевъ и я; такимъ образомъ было ликвидировано „дѣло“ о III съѣздѣ по технич. и профес. образованію (одновременно съ нами былъ возвращенъ изъ Сибири и Г. А. Фальборкъ). За нами слѣдовали П. Н. Переверзевъ, И. М. Труба, всѣ пять „уфимцевъ“, Д. Н. Кладичевъ, С. А. Балавинскій и еще нѣсколько товарищей. Всѣ мы были сосланы „въ порядкѣ охраны“ и числились въ ссылкѣ „либералами“, „культурниками“, „освобожденцами“. Поэтому и наше освобожденіе, зависѣвшее всецѣло отъ усмотрѣнія министра, все еще не знаменовало собою поворота въ политикѣ, это была только ликвидация неистовствъ покойнаго Плеве, который кн. Святополкъ-Мирскій, повидимому, не хотѣлъ брать на свою совѣсть. Мы отпраздновали свое освобожденіе, колонія устроила намъ торжественные проводы, и этимъ, казалось, окончилась пора ожиданій. Отъ новаго министра, повидимому, большаго ждать не приходилось, и всей ссылкѣ оставалось ждать освобожденія отъ самаго народа, въ которомъ освободительное движеніе уже начинало принимать форму, граничившую со стихійностью. Впрочемъ, черезъ мѣсяцъ послѣ нашего освобожденія, а именно въ ноябрѣ, кн. Святополкъ-Мирскій еще разъ заставилъ встрепенуться всю ссылку. Онъ освободилъ около 100 социаль-демократовъ въ архангельской губ. и нѣсколько десятковъ въ Сибири и Вологдѣ. Изъ нашихъ товарищей благодаря этому очутились на свободѣ какъ разъ тѣ, которыхъ наши административные царьки считали наиболѣе опасными и выслали незадолго до этого въ уѣзды.

Всѣ снова стали ждать общаго освобожденія. „Если начали освобождать революціонеровъ, значитъ ссылка приходитъ конецъ“, разсуждали оптимисты. Газеты запестрѣли именами освобожденныхъ—также новость по тѣмъ временамъ, такъ какъ во времена Плеве газеты не смѣли и пикнуть о высылкахъ и арестахъ и, вообще, о всемъ, что касалось застѣночной дѣятельности правительства. Появились и статьи на эту тему. Извѣстный фельетонистъ А. А. Яблоновскій написалъ въ „Сынѣ Отечества“, только что начавшемъ выходить въ изданіи С. П. Юрицына, остроумный фельетонъ объ „архангельскихъ грекахъ“... Но ожиданія и на этотъ разъ не оправдались: кн. Святополкъ-Мирскій, повидимому, подъ тѣмъ то давленіемъ, пересталъ тѣшить общество подобными

пріятными сюрпризами, и оставшимся въ ссылкѣ такъ и не удалось испытать на себѣ всю благодѣть министерскаго либерализма.

VII.

Получивъ свободу безъ ограниченій въ выборѣ мѣста жительства, я вернулся въ Петербургъ, но съ моимъ освобожденіемъ не прекратилась моя связь съ Архангельскомъ, гдѣ остались близкіе мнѣ люди и многіе товарищи по неволѣ. Окунувшись съ головою въ водоворотъ петербургской жизни въ самый разгаръ начала освободительнаго движенія, я поддерживалъ однако постоянныя сношенія съ нашею колоніей и зналъ всю ея жизнь, всѣ событія, происходившія тамъ послѣ моего отъѣзда. Лѣтомъ 1905 года я вновь посѣтилъ Архангельскъ и прожилъ въ колоніи почти до самаго конца „до-конституціонной“ ссылки, до знаменитой октябрьской амнистіи. Такимъ образомъ, и этотъ періодъ жизни колоніи мнѣ приходилось близко наблюдать, и нѣкоторые эпизоды его я уже разсказать въ предыдущихъ главахъ. Мнѣ остается сказать очень мало о послѣднихъ моментахъ архангельской ссылки.

Послѣ разѣзда товарищей, освобожденныхъ по манифесту 11 августа и по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, архангельская колонія просуществовала еще цѣлый годъ. Въ ней уже не было оживленія, которое раньше отличало нашу колонію, потому что число ея членовъ уменьшилось на половину и уже до самаго роспуска почти не возрастало, такъ какъ вслѣдствіе примѣненія новаго закона (іюньскій законъ 1904 г.) о передачѣ всѣхъ политическихъ дѣлъ въ особія присутствія судебныхъ палатъ, притокъ новыхъ ссыльныхъ прекратился, и архангельская колонія пополнялась лишь время отъ времени тѣми ссыльными, которыхъ губернаторъ переводилъ изъ уѣздовъ. Но настроеніе колоніи оставалось прежнее. Она чутко присматривалась къ все болѣе развивавшемуся освободительному движенію. Въ эпоху либеральныхъ банкетовъ, происходившихъ по всей Россіи, колонія рѣшила использовать приподнятое настроеніе мѣстнаго общества, и организовала въ Архангельскѣ нѣсколько публичныхъ банкетовъ, на которыхъ члены колоніи пропагандировали идею учредительнаго собранія и призывали гражданъ къ борьбѣ за освобожденіе Россіи. Когда въ Петербургѣ открылся знаменитый ноябрьскій сѣздъ представителей земствъ, колонія откликнулась и на это событіе, стоявшее ей многихъ волненій. По поводу сѣзда было созвано колоніальное собраніе, на которомъ рѣшено было послать сѣзду срочную привѣтственную телеграмму; смыслъ этой телеграммы сводился къ пожеланію, чтобы въ вырабатываемую сѣздомъ политическую платформу было включено требованіе созыва учредительнаго собранія. По краткости ли срочной телеграммы, или по увѣренности колоніи въ достаточной революціонности настроенія самыхъ земцевъ, но въ резолюцію не было вклю-

чено требованіе извѣстной демократической четырехчленной формулы, на основѣ которой должно быть создано учредительное собраніе. Это обстоятельство породило въ колоніи расколъ и чуть не нарушило цѣльность задуманной манифестаціи: уже подъ телеграммою собрано было болѣе половины подписей, когда группа особенно радикально настроенныхъ товарищей потребовала пересмотра резолюціи въ смыслѣ включенія въ нее упомянутой формулы.

Начались снова споры; часть подписавшихся взяла свои подписи обратно, и телеграмма была отправлена не отъ имени колоніи, а отъ имени подписавшихся ссыльныхъ, протестанты же на своемъ собраніи выработали особую резолюцію, посланную для напечатанія въ революціонныя газеты. Вотъ эта резолюція: „Принимая во вниманіе: что сѣздъ председателей управъ не обладаетъ полномочіями отъ народа для выработки того „основного закона“, который долженъ лечь въ основу будущаго правового порядка; что только учредительное собраніе, избранное всѣмъ населеніемъ, можетъ взять на себя эту задачу—собраніе приходитъ къ заключенію, что главная и единственная задача сѣзда должна заключаться въ требованіи немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго для всѣхъ голосованія“.

Результаты занятій сѣзда и въ особенности послѣдующіе сѣзды земцевъ показали, что они были вовсе не такъ революціонно настроены, какъ это казалось большинству нашей колоніи, и напоминаніе имъ демократической формулы было далеко не излишне.

Послѣ этого произошло столько крупныхъ событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ съ такою головокружительною быстротою, что колонія не успѣвала отозваться на нихъ, да и что она могла прибавить своими отзывами къ потрясающему краснорѣчію развертывавшейся передъ взорами всего міра всероссійской драмы. Указъ 12 декабря 1904 года, обѣщающій странѣ „охраненіе полной силы закона“, трагедія 9 января, бомба Ивана Каляева и слѣдовавшій за нею рескриптъ на имя Булыгина о разработкѣ закона о Государственной Думѣ, Мукденская катастрофа, Цусима, возстаніе „Потемкина“, заключеніе мира съ Японіей, Манифестъ 6 августа о созывѣ Государственной Думы, великая политическая забастовка, подарившая Россіи манифестъ 17-го октября, обнародованіе конституціоннаго манифеста и, наконецъ, амнистія 21 октября, вотъ тѣ гигантскіе шаги, которыми шла исторія нашей родины въ коротенькій промежутокъ какихъ нибудь 10—11 мѣсяцевъ. Колонія съ замираніемъ сердца слѣдила за этимъ небывалымъ шествіемъ. Нужно ли говорить о томъ настроеніи, которое царило въ ней, о тѣхъ чувствахъ, которыя она переживала. Это были настроеніе и чувства всей мыслящей Россіи. Но не однимъ этимъ жила въ то время ссылка. Каждое новое событіе пробуждало у истомленныхъ изгнанниковъ надежду на то, что освобожденная Россія разрушитъ, наконецъ, Бастицію и дастъ борцамъ за ея счастье давно желанную свободу. Начиная со словъ кн. Свято-

полкъ-Мирскаго о „довѣріи“, ссылка не переставала надѣяться на амнистію и съ жадностью ловила всѣ слухи о ней; а на слухи эти столичныя газеты были особенно падки. Но дни шли за днями, одно событіе смѣнялось другимъ, а желанный вѣсти все не приходило, и обманутыя надежды повергали плѣбниковъ въ уныніе. Бывали дни, въ которые казалось, что вотъ вотъ раздастся магическое слово „амнистія“; сроки амнистіи даже указывались печатью на основаніи „самыхъ достовѣрныхъ источниковъ“, но ожиданіе ихъ оканчивалось разочарованіемъ: бюрократія упорно не хотѣла выпустить изъ своихъ когтей борцовъ, свобода которыхъ несомнѣстима была съ ея существованіемъ. Только, когда народъ сдѣлался, хотя и временно, хозяиномъ положенія, и пролетаріатъ властно диктовалъ правительству свои требованія, идея амнистіи претворилась въ фактъ и подъ первымъ же натискомъ овладѣвшей позиціями демократіи подались двери тюремъ и жандармскія заставы ссылки. Вся ссыльная и почти вся тюремная Россія была объявлена свободною.

Наша колонія торжествовала побѣду. Еще амнистія не была объявлена, но знаменательныя слова о народопрравствѣ были пропавесены, и никто не сомнѣвался ни на минуту въ томъ, что ссылкѣ пришелъ конецъ. Ей, дѣйствительно, былъ объявленъ конецъ черезъ пять дней послѣ 17 октября, но раньше, чѣмъ пала послѣдняя преграда, отдѣлявшая подневольный міръ отъ міра свободнаго, колонія пришлось пережить жестокую потерю. Раздавленная, казалось, реакція не хотѣла сдаваться, и уступая вездѣ свои позиціи, мстила пролитіемъ потока крови многихъ невинныхъ жертвъ. Это была такъ называемая контръ-революція, объединившая всѣ темныя силы, всю несознательную массу въ борьбѣ съ Новой Россіей, рвавшейся къ свѣту и свободѣ. Такою искупительною жертвой былъ и Михаилъ Юрьевичъ Гольдштейнъ, бывшій все время душою нашей колоніи. Онъ во всѣ выдающіеся моменты ея жизни всегда шелъ впереди колоніи и былъ ея вдохновителемъ. Какъ только прилетѣла въ Архангельскъ вѣсть о манифестѣ 17 октября, колонія откликнулась на это событіе рядомъ митинговъ и манифестацій. Эти митинги, на которыхъ М. Ю. явился вдохновеннымъ ораторомъ, какъ нельзя лучше показали силу освободительнаго движенія въ мѣстномъ обществѣ. М. Ю. воспользовался энтузіазмомъ, овладѣвшимъ публикою; въ рѣчи своей, въ которой онъ пѣлъ восторженный гимнъ свободѣ, онъ призывалъ гражданъ свободной Россіи къ дальнѣйшей борьбѣ съ реакціей и къ защитѣ завоеванной свободы. Восторженная толпа торжественно клялась не отдавать свободы ея палачамъ и довѣрить судьбу Россіи только великому Учредительному Собранію. Но не на однихъ митингахъ царило такое настроеніе. Весь городъ переживалъ состояніе великаго энтузіазма и представлялъ какъ бы огромный сплошной митингъ. Не радовалась только одна реакція, и на улицахъ ея царилъ зловѣщій мракъ. Въ Архангельскѣ, въ сущности, не было реакціонныхъ партій, и какъ это ни странно для захолустнаго губернскаго города, переполненнаго

чиновниками—этимъ прочнымъ оплотомъ бюрократіи,—все населеніе города было „заражено“ освободительными идеями. Была только небольшая кучка реакціонеровъ, отъ всей души ненавидѣвшихъ все, что рвется къ свободѣ. Это были мѣстные промышленники, безсовѣстные эксплуататоры рабочаго населенія, которымъ, въ сущности, не было никакого дѣла ни до бюрократіи, ни до демократіи, но которые видѣли, что освободительныя идеи уже захватили рабочій людъ, который начинаетъ вырываться изъ ихъ когтей и вступать съ ними въ борьбу за свои права на лучшую жизнь. Эти люди отлично знали, что такимъ поворотомъ въ отношеніи къ нимъ со стороны рабочихъ они обязаны пропагандѣ, ведущейся политическими ссыльными, и ненавидѣли нашу колонию всей душой. Въ этой ненависти они могли срываться только съ полиціей, и въ союзѣ съ нею они всегда стремились къ мести. Настоящій моментъ оказался какъ нельзя болѣе подходящимъ для выполненія адскаго замысла: на одномъ изъ митинговъ, къмъ то изъ публики, а можетъ быть и провокаторомъ, былъ разорванъ царскій портретъ. Этого было достаточно для черносотенцевъ. Они начали вести дѣятельную агитацію среди подонковъ архангельскаго рабочаго люда, убѣждая ихъ въ томъ, что социалисты хотятъ убить царя, и приводя въ доказательство случай съ портретомъ; они склоняли невѣжественную толпу, не понимавшую значенія происходящихъ событій, истребить ненавистныхъ социалистовъ и тѣмъ совершить патріотическій подвигъ. Сѣмя было брошено на благодарную почву, и на слѣдующій день, когда организованная колоніею манифестаціонная процессія вошла въ городъ, она была встрѣчена выстрѣлами черносотенной толпы, вооруженной револьверами, дубинами и кольями. Среди манифестантовъ произошло замѣшательство, большинство ихъ разбѣжалось, и на улицѣ осталась лишь небольшая кучка ссыльныхъ въ нѣсколько десятковъ человекъ. Черносотенцы съ гикомъ бросились на нихъ, немилосердно избивая беззащитныхъ людей, не разбирая ни женщинъ, ни дѣтей. Съ особенною ожесточенностью набрасывались на тѣхъ, которыхъ указывали ихъ вожаки, видимою заранѣе намѣтившіе своихъ жертвъ. М. Ю. Гольдштейнъ, окруженный толпою хулигановъ, тщетно отстрѣливался, и когда онъ выпустилъ послѣдній зарядъ изъ своего револьвера, злодѣи оглушили его брошеннымъ въ голову камнемъ и добили его кольями. Несчастный М. Ю. былъ доставленъ въ городскую больницу еще съ признаками жизни, но черезъ нѣсколько минутъ скончался, не приходя въ сознаніе. Ненасытный Молохъ чело-вѣконенавистничества принялъ эту крупную жертву. Остальные колонисты были жестоко избиты, а изъ числа обывателей убита молодая учительница А. Покотило.

Все архангельское общество было до глубины души возмущено этимъ звѣрскимъ преступленіемъ, невозмутимою осталась только одна бюрократія, совершенно открыто радовавшаяся успѣхами черной сотни: архангельскій вице-губернаторъ Хрипуновъ цѣловался на улицахъ съ черносотенцами, пожимая ихъ обгорен-

няя кровью руки, а власти ничего не сдѣлали не только для того, чтобы покарать убійцу, но даже для предотвращенія побоища, въ которомъ участвовала и полиція.

М. Ю. пользовался рѣдкой популярностью не только въ тѣсномъ кругу нашей колоніи, но и во всемъ мѣстномъ обществѣ. Его разностороннія, богатые познанія въ области науки и искусства и открытій, добродушный и пріятельскій характеръ влекли къ нему всѣхъ, кому когда либо въ жизни приходилось съ ними сталкиваться. Чуткій и отзывчивый, онъ старался прійти на помощь всякому своими знаніями и опытомъ, и двери его квартиры были широко открыты для всѣхъ. Талантливый химикъ, онъ щедро дѣлился своими обширными знаніями съ товарищами по ссылке, читая имъ лекціи по химіи и давая даже отдѣльные уроки, конечно, бесплатно. Его попытки подѣлиться своими знаніями съ болѣе широкимъ кругомъ слушателей путемъ организаціи публичныхъ лекцій встрѣтили неодолимое препятствіе въ нашей нелѣпой „конституціи“, запрещавшей всякое публичное выступленіе, и обществу такъ и не удалось воспользоваться рѣдкимъ въ этомъ глухомъ углу случаемъ вкусить истинной науки. Вообще, безсмысленно свирѣпое отношеніе правительства къ ссылке всегда стояло преградой на пути М. Ю., и этотъ богато одаренный человѣкъ, по волѣ тупой администраціи влачилъ свою жизнь въ крайней нуждѣ въ то время, какъ люди подобные М. Ю., были такъ нужны населенію края. Съ большимъ трудомъ добился М. Ю. разрѣшенія на устройство въ Архангельскѣ химической лабораторіи, но положеніе ссылки и здѣсь ставило ему препятствія, и прекрасно оборудованная по послѣднему слову науки лабораторія, могущая служить украшеніемъ любому университетскаго города, здѣсь пустовала, не принося никому никакой пользы. Тоскуя по наукѣ, М. Ю. съ нетерпѣніемъ ждалъ амнистіи, чтобы вернувшись изъ ссылки, отдаться любимымъ своимъ занятіямъ. Еще живя въ Новгородѣ, онъ былъ избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета профессоромъ химіи, но ссылка помѣшала ему занять эту кафедру, теперь онъ мечтаетъ о возвращеніи къ университетской работѣ, но черная реакція пересѣкла его жизнь на самомъ порогѣ осуществленія его мечты.

Похороны М. Ю. произведены были на счетъ архангельскаго общества. Тѣло его перевезено въ Петербургъ и погребено на литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, гдѣ могила его была покрыта цѣлою горою вѣнковъ, возложенныхъ всевозможными революціонными и общественными организаціями и друзьями и почитателями М. Ю. Вмѣстѣ съ его останками, увезенными изъ Архангельска, выѣхала и вся наша колонія.

Политическая ссылка была ликвидирована, но, какъ очень скоро оказалось—лишь на время. Мѣста ссылки не успѣли еще окончательно освободиться отъ своихъ невольныхъ обитателей, задержанныхъ тамъ бездорожьемъ, какъ бюрократія, поднявшая снова голову послѣ короткихъ дней свободы, стала вновь ихъ

заселять и такъ энергично, что времена Плеве показались дѣтской забавой въ сравненіи съ временами П. Н. Дурново, заткнувшаго своего бывшаго шефа за поясъ жестокостью и массою пролитой крови. Многіе изъ моихъ товарищей по Архангельску и по уѣзднымъ колоніямъ уже успѣли испытать на себѣ тяжесть „новаго режима“, и вновь попали на сѣверъ Россіи и въ Сибирь, или сидятъ по тюрьмамъ въ ожиданіи новой ссылки, а нѣкоторые не миновали и каторги или ждутъ суда по предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ. Архангельская губернія въ настоящее время переполнена ссылными такъ, какъ никогда, да и другія мѣста сплошь переполнены ссылными.

Ю. Лавриновичъ.

По поводу статьи Н. С Русанова „П. Л. Лавровъ“.

(Былое, 1907 г., февраль).

Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду указать на небольшія неточности, вкравшіяся въ указанную статью г. Русанова и касающіяся нѣкоторыхъ эпизодовъ моей литературной дѣятельности. Въ этой статьѣ г. Русановъ между прочимъ пишетъ.

„Духовному вождю (разумѣется Н. Г. Чернышевскій) тогдашней революціонной (?) интеллигенціи, очевидно казалось, что Лавровъ черезъ-чуръ завертываетъ прогрессивный характеръ своихъ воззрѣній въ аппаратъ излишней эрудиціи, сбивая тѣмъ лишь съ толку русскую читающую публику, для которой по мнѣнію Н. Г. Чернышевскаго, нужны прежде всего ясныя и опредѣленные взгляды. А ученики Чернышевскаго преувеличивали такое отношеніе Николая Гавриловича и доходили, разъ ступивъ на такую почву, уже до явной несправедливости (курсивъ мой, А.).—Такъ, когда П. Л. Лавровъ прочиталъ въ 1860 году въ пользу литературнаго фонда—однимъ изъ первыхъ членовъ котораго онъ былъ—три публичныя лекціи о значеніи философіи (три бесѣды о современномъ значеніи философіи, напечатанныя въ „Отеч. Записк.“ 1861 г.), онъ подвергся *рѣзкой критикѣ* (курс. мой, А.) М. А. Антоновича. И послѣдній повторилъ *нападеніе на Лаврова* (курс. мой, А.) по поводу „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“, начавшаго выходить въ 1861 г. подъ общей редакціей Краевского, при редакціи по философскому отдѣлу Лаврова, скоро ставшаго главнымъ редакторомъ. Тутъ что называется, *свои своихъ не познали* (кур. мой, А.); въ то время какъ архіереи и свѣтскіе доносчики, въ родѣ Аскаченскаго призывали на голову Лаврова правительственные громы за безбожіе, проповѣдуемое „Энциклопедическимъ Словаремъ“, и требовали наказанія церковной анафемой (?) и царской каторгой, Антоновичъ обрушивался на редактора Словаря за умѣренность его взглядовъ. Насколько эта полемика противъ Петра Лавровича *держалась на недоразумѣніи* (кур. мой, А.), видно было изъ того, что вскорѣ послѣ того *самъ Антоновичъ предложилъ Лаврову* (кур. мой А.) свое сотрудничество въ Словарѣ и далъ, между прочимъ, статью объ Евангеліяхъ, которая подобно многимъ вещамъ Антоновича, была написана очень ясно и талантливо и произвела въ свое время большой фуроръ.“

Совершенно вѣрно, что я подвергъ рѣзкой, можетъ быть даже очень рѣзкой, критикѣ не только указанная три бесѣды, и всю тогдашнюю философію Петра Лавровича Лаврова. («Современникъ» 1861,

№ 4). Но къ этой критикѣ никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено изреченіе: своя своихъ не познаша. Точно также она вовсе не была плодомъ *недоразумѣнія*. И я смѣю думать, что въ ней не было не только *явной*, но даже и скрытой *несправедливости*.— Не нужно упускать изъ виду, что Лавровъ въ тогдашнихъ своихъ первыхъ статьяхъ по философіи, былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ является въ послѣдующихъ и особенно въ послѣднихъ его статьяхъ. Лаврова по тогдашнимъ его философскимъ воззрѣніямъ я ни въ какомъ случаѣ не могъ и не имѣлъ основанія считать *своимъ*, равно какъ и онъ по моимъ статьямъ въ «Современникѣ» не могъ признавать меня *своимъ*. Мы были люди разномыслящіе, философскіе противники и я рѣзко критиковалъ *не своею единомышленника*, а *своею* противника. И никакого *недоразумѣнія* тутъ и не могло быть. Моя критика, по моему искреннему убѣжденію, была вполнѣ добросовѣстна, чистосердечна и руководилась справедливыми побужденіями, исключавшими всякую несправедливость.— Всѣ мои утвержденія я доказывалъ подлинными словами Лаврова, такъ что читатель имѣлъ полную возможность провѣрить меня. Да наконецъ, кто же какъ не тотъ же Чернышевскій напечаталъ мою статью въ «Современникѣ». Еслибы онъ замѣтилъ въ ней хоть малѣйшіе признаки недоразумѣнія, пристрастія или несправедливости, то онъ или не напечаталъ-бы ее, или предложилъ-бы мнѣ передѣлать ее.

Въ своей статьѣ я старался изобразить два типа нашихъ тогдашнихъ философовъ, старыхъ и новыхъ. Самымъ выдающимся представителемъ новыхъ философовъ я призналъ Лаврова и поставилъ его гораздо выше Эдельсона и даже Страхова, о которомъ сказалъ только нѣсколько словъ. Я думаю, что съ моей стороны это была справедливость относительно Лаврова. Далѣе, я отдалъ полную справедливость новымъ философамъ, значить главнымъ образомъ Лаврову, и поставилъ ихъ безконечно выше старыхъ. Именно я писалъ: «Наши новые философы составляютъ совершенную противоположность старымъ; они не вѣрятъ *абсолюту* (послѣднее слово вставлено по цензурнымъ соображеніямъ Чернышевскимъ, а у меня въ рукописи было: *во вѣнъ міровое и управляющее міромъ существо*), не толкуютъ о безусловныхъ вѣчныхъ идеяхъ, не слишкомъ убиваются изъ-за ограниченной морали, никого не пугаютъ страшными привидѣніями, хотя бы современными, придерживаются новыхъ философскихъ системъ, признаютъ полноправность философіи и самозаконіе разума, который знаетъ только себя и никому подчиняться не обязанъ». И въ другомъ мѣстѣ я писалъ о Лавровѣ. «Съ цѣлію предупредить и отвратить его (Лаврова) отъ эклектизма и сдѣланы были нами нѣкоторыя замѣчанія, за которыя г. Лавровъ не будетъ на насъ въ претензіи, судя по его искренности и по тому философскому благородству, просто рыцарской мыслительной честности, которая замѣтна почти на каждой страницѣ его статей». И наконецъ одну отрасль философіи Лаврова я характеризовалъ такъ. «О практической философіи Лаврова мы не будемъ говорить; правила ея заслуживаютъ полного уваженія и дѣлають большую честь высокимъ практическимъ идеаламъ г. Лаврова; но метафизическія основанія, изъ которыхъ выведены эти

правила, тоже неудовлетворительны». Приведенные отрывки показывают, что мою критику можно характеризовать как угодно, что она может быть была очень резка, несдержанна, придирчива, заносчива, непочтительна—и все такое; но назвать ее несправедливой—это в высшей степени несправедливо.

Съ чѣмъ я былъ согласенъ въ статьяхъ Лаврова, противъ того я не возражалъ и можетъ не все то указалъ въ своей статьѣ. Я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду всю философскую систему, все общее міросозерцаніе Лаврова. И эту систему я находилъ—справедливо или нѣтъ, это другой вопросъ—совершенно неудовлетворительной.—Прежде всего Лавровъ много занимался вопросомъ, что такое философія; и послѣ долгихъ разсужденій далъ на него такой отвѣтъ: «философія есть процессъ отождествленія мысли, образа и дѣйствія». Назвать это опредѣленіе наборомъ непонятныхъ словъ, какъ это сдѣлалъ я, ужели это будетъ несправедливостью.—Вся теоретическая философія Лаврова была въ то время компромисной мозаикой отдѣльных отрывковъ изъ разныхъ философій. Прежде всего онъ признаетъ основной принципъ кантовой философіи: «мы не можемъ знать сущности вещи, а знаемъ только явленія». Слѣдуя Гегелю, Лавровъ утверждалъ: «все сущее представляется намъ фактомъ феноменологіи *нашего* духа». Чистый гегельянецъ впрочемъ вычеркнулъ бы изъ этой фразы слово *нашего*, а вмѣсто его поставилъ бы *всеобщаю* или *абсолютною*. Съ тѣхъ поръ, говоритъ Лавровъ, какъ человѣкъ убѣдился (вотъ видите не философы, а вообще человѣкъ, такъ сказать человечество) убѣдился, что онъ сознаетъ не сущность вещей, но только явленія, и даже не внѣшнія явленія, а только внутреннія собственнаго процесса мышленія, чувствованія, желанія, съ тѣхъ поръ необходимость психологіи, какъ центра всѣхъ прочихъ міровъ (?), представлялась болѣе и болѣе ясно человѣку». Это преувеличенное значеніе психологіи Лавровъ позаимствовалъ у существовавшей въ то время школы эмпириковъ-субъективистовъ, которые все основывали на внутреннемъ опытѣ и наблюденіи надъ собственной душой, субстанціально отличной отъ тѣла и которые вообще были крайними спиритуалистами. Они и упрекали идеалистовъ, какъ упрекали ихъ и Лавровъ, будто они не придавали психологіи первенствующаго значенія и не занимались внутреннимъ самонаблюденіемъ и самопознаніемъ. Но почему въ основѣ не только всей философіи, но и «всѣхъ прочихъ міровъ» должна лежать спиритуалистическая психологія, а не антропологія, напр., какъ требовалъ Фейербахъ или Чернышевскій,—этого не разъяснили и не доказали ни эмпирики-субъективисты ни Лавровъ. Наконецъ Лавровъ не прочь бы былъ включить въ свою философскую коллекцію даже матеріализмъ, противъ котораго онъ вообще ратовалъ и привелъ много ходячихъ и своихъ собственныхъ возраженій и который, по его мнѣнію, призываетъ человѣчество «увѣровать и поклониться новому кумиру—веществу». И послѣ этого онъ произнесъ такой приговоръ матеріализму. «Какъ метафизическая теорія, матеріализмъ, имѣя преимущество предъ нѣкоторыми другими ученіями, неполонъ, потому что не обнимаетъ теоріи явленій сознанія, слѣдовательно *пока* нельзя на немъ остановиться, какъ нельзя

остановиться ни на одной изъ существующихъ системъ идеализма». А если матеріализмъ имѣетъ преимущества передъ другими ученіями и если нельзя остановиться на идеализмѣ, то почему же тогда не остановиться на матеріализмѣ. А иначе на чемъ же окончательно остановиться.

Итакъ тогдашняя философія Лаврова представляла собою не сцементированный конгломератъ изъ нѣсколькихъ кусковъ, отбитыхъ отъ разныхъ философскихъ системъ; въ немъ рядомъ лежали идеализмъ, спиритуализмъ и отчасти даже матеріализмъ. Такая разношерстная философія казалась мнѣ неудовлетворительной, нелогичной, непоучительной и не прогрессивной. Я былъ вполне убѣжденъ, что она можетъ произвести только путаницу и сумбуръ въ головахъ читателей, особенно тогдашнихъ, совершенныхъ новичковъ въ философіи. И потому я считалъ своимъ долгомъ бороться съ такой философіей и дискредитировать ее въ глазахъ читателей.—Г. Русановъ рассказываетъ въ своей статьѣ, что однажды, когда онъ представилъ Лаврову для напечатанія въ журналѣ «Вѣстникъ» продолженіе своей статьи, начало которой уже было напечатано въ этомъ журналѣ, то Лавровъ забраковалъ это продолженіе, возмутился имъ и грозилъ отказаться отъ редакторства, если продолженіе будетъ помѣшено въ журналѣ. Впослѣдствіи, когда г. Русановъ познакомился съ Лавровымъ, послѣдній по поводу продолженія сказалъ ему, что онъ лично ничего не имѣлъ противъ него и что если онъ далъ «черезчуръ рѣзкій отзывъ» о продолженіи, «то дѣлалъ это въ силу сознанія долга...» Вотъ это и я имѣю право сказать про мой можетъ быть тоже черезчуръ рѣзкій отзывъ о философіи Лаврова.

Но помимо неудовлетворительной философіи въ статьяхъ Лаврова было не мало ересей уже не философскихъ, а чисто научныхъ, совершенно опредѣленныхъ, относительно которыхъ уже невозможны были никакія сомнѣнія, возможныя относительно умозрительныхъ сюжетовъ философіи. Вотъ, напр., что писалъ Лавровъ. «Для явленій, обозначаемыхъ названіемъ духовныхъ, матеріализмъ можетъ быть въ теперешнемъ состояніи науки *только вреденъ* (курс. мой. А.), потому что отклоняетъ большинство ученыхъ отъ точныхъ психологическихъ изслѣдованій, возможныхъ и теперь, чтобы гнаться за мечтою, которую фізіологія еще очень долго не въ состояніи выполнить». И это было написано въ то время, когда уже зарождалась новая наука психо-физика, которая стремилась органически слить матеріалистическую фізіологію со спиритуалистической психологіей. И написано было послѣ того, какъ матеріалистическая фізіологія дала опытные доказательства, подтверждающія въ извѣстномъ смыслѣ основный принципъ Канта и показала, что мы не знаемъ не только сущности вещей, но не знаемъ непосредственно даже явленій вещей и ихъ дѣйствительнаго отношенія къ намъ, на что указывалъ знаменитый Гельмгольцъ.—Далѣе Лавровъ, подобно старымъ философамъ, признавалъ, что въ природѣ существуетъ причинная цѣлесообразность, что въ ней все совершается по кѣмъ-то предустановленной гармоніи и по кѣмъ-то предначертанному плану. И на этомъ основаніи онъ писалъ вотъ что. «Одинъ пунктъ въ развитіи организмовъ слу-

жить для противниковъ матеріализма *могущественнымъ* (кур. мой, А.) аргументомъ: это присутствіе извѣстнаго плана въ развитіи. Организмы строятся по нѣкоторому первообразу (?).» Это было напечатано въ то время (1861), когда уже явилась на свѣтъ (1859) теорія Дарвина,—которая уже имѣла блестящіе успѣхи въ ученomъ мѣрѣ, но съ которою Лавровъ вѣроятно еще не былъ знакомъ въ то время. Меня, въ то время горячаго послѣдователя и поклонника дарвинизма, просто возмутилъ этотъ аргументъ, признававшій предначертанный планъ и какой-то первообразъ въ эволюціи органическихъ формъ, и потому я отвѣтилъ Лаврову репликой, можетъ быть несдержанной и чересчуръ рѣзкой. «Что же касается присутствія плана въ развитіи организмовъ, то, представьте себѣ, матеріалисты видятъ въ немъ могущественное доказательство въ пользу своего принципа; по всей вѣроятности они не читали статьи г. Лаврова; по ихъ словамъ, оно свидѣтельствуетъ о томъ, что разнообразныя организмы произошли отъ одного организма, и это единство ихъ происхожденія обнаруживается ихъ сходствомъ и тѣмъ именно указываетъ на развитіе и происхожденіе организмовъ изъ одного общаго источника. Посмотрите, съ какою радостью они ухватились за Дарвинову теорію видовъ; эта теорія и другія въ томъ же родѣ,—прочитайте Льюиса въ «Русскомъ Вѣстникѣ»,—по ихъ мнѣнію очевидно докажутъ, что рыбы и птицы не явились самостоятельно и независимо другъ отъ друга и высшія животныя появились не независимо отъ низшихъ формъ, а что всѣ организмы произошли отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ типовъ и даже отъ одного; оттого-то, что они выросли, такъ сказать, изъ одного корня и имѣютъ общее начало, намъ и кажется, что они строятся по нѣкоторому первообразу. Какъ ни видоизмѣняли ихъ внѣшнія обстоятельства, но не могли уничтожить признаковъ ихъ общаго происхожденія; общій типъ организмовъ,—это то же, что фамиліное сходство въ нѣкоторыхъ семействахъ, сходство между бурбонскими носами и подбородками». Далѣе для меня было большимъ сюрпризомъ встрѣтить въ одной статьѣ Лаврова такую непростительную для него научную ересь. «Механическая теорія матеріалистовъ, писалъ онъ, еще далека отъ своего осуществленія въ самой области явленій, подлежащихъ чувствамъ. Въ явленіяхъ свѣта не доказано прямымъ наблюденіемъ существованіе волнообразнаго движенія». Напротивъ очень доказано; измѣрена даже длина волнъ и волнами объяснена интерференція свѣта. А въ настоящее время доказано, что электрическіе герцовскіе лучи тоже настоящія волны. Эта ересь сильно поколебала въ моихъ глазахъ ученый авторитетъ Лаврова.

Все изложенное даетъ мнѣ право еще разъ повторить, что моя критика философіи Лаврова и разныхъ его утвержденій не была недоразумѣніемъ и къ ней вовсе непримѣнимо изреченіе «своя своихъ не познаша». Впослѣдствіи послѣ личнаго знакомства съ Лавровымъ въ бесѣдахъ и спорахъ съ нимъ я убѣдился, что онъ постепенно освобождался отъ эклектизма и старался придать своему міровоззрѣнію болѣе цѣльный, однородный и научно-состоятельный видъ. И мы сошлись съ нимъ если не во всемъ, то во многомъ въ области философіи. Г. Русановъ свидѣтельствуетъ, что «по мѣрѣ того, какъ

деспотизмъ все больше и больше снималъ съ себя либеральную маску, Лавровъ все далѣе и далѣе *передвигался влѣво*» (курсивъ мой, А.) и что въ началѣ 60-хъ годовъ взгляды Лаврова подверглись первому наиболѣе замѣтному преобразованію на пути отъ либерализма къ социализму». Вотъ такая же эволюція произошла и въ философіи Лаврова; онъ очень полѣвѣлъ и въ этой области. Если бы Лаврову въ старости показали его стихотвореніе «отзывъ на манифестъ», о которомъ говоритъ г. Русановъ и которое цѣликомъ напечатано въ той же книжкѣ «Былого», то онъ навѣрное сказалъ бы: это я написалъ тогда, когда легковѣренъ и молодъ я былъ. Я думаю, что онъ сказалъ бы тоже самое и про свои первыя философскія статьи.

Что же касается «Энциклопедическаго Словаря», то г. Русановъ представилъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто въ то время, когда архіереи и свѣтскіе доносчики грозили «Словарю» анафемой и каторгой, я съ своей стороны поджигалъ и подбивалъ редакцію его къ неумѣренности, т. е. былъ въ нѣкоторомъ родѣ провокаторомъ изъ за враждебности моей къ Лаврову, и какъ будто «Словарь» былъ для меня только поводомъ и предлогомъ повторить «нападеніе на Лаврова» и «обрушиться» на него. Все это крайне не точно. Рецензія на «Словарь» была напечатана анонимно, («Современникъ», 1861, № 7) безъ моей подписи; но она дѣйствительно написана мною и я признаю ее своею. Рецензія говоритъ *только* о I томѣ «Словаря», который былъ редактированъ не Лавровымъ. И потому въ рецензіи я судилъ и рядилъ вовсе не о Лавровѣ, а о неизвѣстной безличной «редакціи», и если обрушивался накогонибудь, то на эту «редакцію», но никакъ не на редактора и въ частности на Лаврова. И обрушивался я на редакцію за весьма многое, но никакъ не за умѣренность ея взглядовъ. Нашъ споръ можно было бы рѣшить моментально; мнѣ слѣдовало бы только сказать: прочитайте, читатели, мою рецензію и вы увидите, что въ ней нѣтъ ничего того, что говоритъ г. Русановъ. Но къ сожалѣнію это значило бы требовать неисполнимаго, невозможнаго. Поэтому я поневолѣ принужденъ хотъ кратко указать, что содержится въ моей рецензіи. Прежде всего я упрекалъ редакцію за то, что она не уяснила себѣ и не опредѣлила плана и существеннаго характера своего изданія. «Словарь» могъ бы быть или просто справочной книгой, перечнемъ голыхъ фактовъ, безъ всякаго освѣщенія, безъ всякихъ обсужденій и толкованій, или же книгой поучительной, по которой можно было бы изучить тѣ или другіе сюжеты и почерпнуть изъ нея такой или другой взглядъ на нихъ. Редакція говорила въ предисловіи, что она желаетъ дать то и другое,—что я считалъ невыполнимымъ и не по силамъ редакціи, и что поэтому было бы лучше, если бы редакція держалась одной какойнибудь цѣли и тѣмъ болѣе, что сама редакція повидимому склонялась въ пользу голы фактичности и говорила: «мы стремились не проповѣдывать какое либо ученіе (?), но поставить читателя на современно научную (?) *фактическую точку зрѣнія*». Затѣмъ я упрекалъ опять таки редакцію, а не редактора и не Лаврова за то, что она напихала въ «Словарь» разный негодный хламъ и всякую дребедень, никому не нужную и совершенно лишнюю, что она не выполнила даннаго ею обѣщанія подробно говорить о русскихъ

сюжетахъ. Какъ на примѣръ хлама я указаль на такую статью. «ААА, химическая аббревіатура. Подъ этими тремя буквами въ старинныхъ химическихъ сочиненіяхъ понимали амальгаму, сплавъ металловъ съ ртутью». А какъ на доказательство неисполненія обѣщанія редакціи я указаль на то, что напр. Августину отведено больше печатнаго листа, а нашему протопопу Аввакуму только 4 странички. Упрековъ же редакціи «за умѣренность» не было въ рецензіи никакихъ ни явныхъ ни даже сокровенныхъ, езоповскихъ. Что у меня не было предвзятой враждебности къ Словарю—это доказываетъ между прочимъ слѣдующія мѣста. «Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что въ I томѣ «Словаря» есть нѣсколько статей очень дѣльныхъ, составленныхъ тщательно, съ знаніемъ дѣла...» — «Статья объ аграрныхъ законахъ составляетъ блистательное исключеніе изъ всѣхъ статей историческихъ... она изложена ясно и отчетливо, безъ ученичeskъ замашекъ и ежеминутные ссылки на ученые авторитеты...» — «Статьи по расколу также замѣтно выступаютъ изъ кучи другихъ статей и имѣютъ въ себѣ задатки для того, чтобы быть интересными.» Кончилъ я свою рецензію слѣдующими словами:

„На дняхъ вышелъ и второй томъ „Энциклопедическаго Словаря“. Онъ похожъ на первый, несмотря на перемѣну общаго редактора. Это мы хотимъ объяснить тѣмъ, что много матеріаловъ новый общій редакторъ получилъ по наслѣдству отъ прежняго. Чтобы судить о будущности «Энциклопедическаго Словаря» при новой общей редакціи, надобно подождать третьяго тома, при составленіи котораго г. Лавровъ будетъ менѣе спутанъ рухлядью, заготовлявшею еще при г. Краевскомъ“.

Послѣ всего этого утверждать, что я по поводу и подъ предлогомъ «Словаря» «повторилъ нападеніе» и обрушился лично на редактора «Словаря» и именно на Лаврова,—по моему мнѣнію невѣрно и несправедливо. Такъ же точно невѣрно и несправедливо то, будто бы «самъ Антоновичъ предложилъ Лаврову свое сотрудничество въ Словарѣ». Я всегда отлично понималъ, что предлагать свое сотрудничество — дѣло рискованное и навязчивое; а въ данномъ случаѣ это было бы большой безтактностью и даже нѣкоторымъ нахальствомъ. Предлагать кому нибудь сотрудничество въ дѣлѣ, по поводу котораго обрушивался на него за это дѣло,—это было бы чѣмъ-то неслыханнымъ. Я никогда и ни къ кому не навязывался съ своимъ сотрудничествомъ. И въ данномъ случаѣ Лавровъ предложилъ мнѣ сотрудничество, и я, склонившись на его очень резонныя, основывавшіяся и на моей рецензіи убѣжденія, принялъ его предложеніе.

Далѣе г. Русановъ говоритъ, будто моя статья объ Евангеліяхъ «произвела въ свое время *большой фуроръ*». Это тоже не точно. Дѣйствительно, статья обратила на себя вниманіе столичныхъ читателей—о провинціальныхъ ничего не знаю—главнымъ образомъ тѣмъ, что въ ней были приведены рѣшительные и рѣзкіе факты, сильно колебавшіе традиціонное понятіе о евангеліяхъ. Но сказать, что статья произвела *большой фуроръ*,—это преувеличенно.

Г. Русановъ въ своей статьѣ мимоходомъ коснулся одного сюжета, къ которому я также былъ прикосновененъ. «Когда въ Петербургѣ, разсказываетъ онъ, стало основываться Общество Женскаго труда, при

ближайшемъ участіи Стасовой, Анны Павловны Филосововой и графини Ростовцевой, приглашенный въ члены Лавровъ представилъ въ свою очередь списокъ новыхъ членовъ. И характеръ этихъ членовъ, намербованныхъ почти исключительно изъ нигилистовъ, показался учредительницамъ настолько страшнымъ, что онѣ отказались принять кандидатовъ Лаврова. На это послѣдній отвѣтилъ рѣзкою рѣчью о филантропіи праздныхъ барынь и насущной потребности въ трудѣ дѣловыхъ женщинъ. Въ числѣ учредительницъ была еще А. Н. Энгельгардтъ, горячая и энергическая піонерка по женскому дѣлу. Я также предполагалъ въ члены общества; но я самъ не навязывался въ члены, а меня опять таки пригласилъ и убѣдилъ вступить въ общество тотъ же Лавровъ. На тѣхъ предварительныхъ собраніяхъ, на которыхъ я присутствовалъ, Лавровъ не предлагалъ въ члены нигилистовъ и не произносилъ обличительной рѣчи. Но дѣйствительно въ возникавшемъ обществѣ сразу образовались двѣ враждебныя партіи, которыя не могли согласиться и спѣться между собою. Такъ на одномъ собраніи одна партія предлагала въ предсѣдательницы общества даму изъ высшаго круга, а другая протестовала противъ этого и требовала, чтобы предсѣдательницей была избрана набожица Нагорнова. Лавровъ дѣйствовалъ при этомъ нейтрально и даже въ примирительномъ духѣ. Долженъ сознаться, что я по своей безтактности, но неумышленно и ненамѣренно мѣшалъ примиренію. Когда на этомъ собраніи Лавровъ представилъ меня одной изъ учредительницъ и рекомендовалъ какъ усерднаго члена, и когда она стала благодарить меня, то я отвѣтилъ ей такой репликой: мадамъ, не вы должны благодарить насъ, а напротивъ мы должны быть глубоко благодарны вамъ за то, что вы, движимыя гуманными чувствами, рѣшились придти на помощь нашимъ женщинамъ, которыя знаютъ трудъ не по наслышкѣ только, которыя работаютъ до изнеможенія, чтобы добыть себѣ скудное пропитаніе; поэтому мы, мы должны быть благодарны вамъ, а не вы намъ. И я внутренне гордился и воображалъ, какой ловкій комплиментъ я отпустилъ свѣтской дамѣ. Но увѣ! оказалось, какъ объяснили мнѣ пріятели, что это не комплиментъ, а если не оскорбленіе, то во всякомъ случаѣ не тонкая но злая иронія.

М. Антоновичъ.

По поводу „Воспоминаній Народовольца“ А. Н. Баха.

Въ январской книжкѣ «Былого» (стр. 119) Бахъ говоритъ: «Росси былъ взятъ на похоронахъ Судейкина и, кажется, погибъ въ Петропавловской крѣпости». Послѣднее невѣрно. «Симпатичный» Росси, такъ «нравившійся» автору, вскорѣ послѣ своего ареста, «вывернулъ кафтанъ» и далъ обстоятельнѣйшія, предательскія показанія относительно всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ убійству Судейкина (въ томъ числѣ и обо мнѣ). Эти показанія были *единственною* уликою противъ Стародворскаго и Конашевича до собственнаго сознанія Стародворскаго, которое повлекло за собой и сознаніе Конашевича. Росси выговорилъ себѣ одно: чтобы его не ставили публично на судъ лицомъ къ лицу съ преданными имъ людьми. Это условіе было исполнено и онъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ суду департаментомъ полиціи, былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Западную Сибирь, гдѣ онъ и находился во все время нашего процесса ¹⁾. Гдѣ онъ теперь,—я не знаю.

Многочисленныя «субъективности» автора «Воспоминаній Народовольца» я оставляю безъ оговорокъ, такъ какъ исправленіе ихъ потребовало бы обстоятельнаго, связнаго разсказа о дѣлахъ того времени, на что у меня пока нѣтъ охоты. Но я позволю себѣ исправить мимоходомъ маленькую «абerraцію памяти» почтеннаго автора только по одному пункту (Февраль 1907, стр. 20).

Не знаю,—насколько энергично противился Бахъ помѣщенію въ № 10 «Н. В.» некролога Бердичевского *до* моего пріѣзда въ Ростовъ; но помню твердо, что, когда я пріѣхалъ туда и, узнавъ отъ него о помѣщеніи этого некролога, сказалъ, что я не могу допустить этого, онъ всѣми силами возсталъ противъ меня, говоря между прочимъ: «это потребуетъ переверстки всего перваго листа. Типографшики ни за что не согласятся на это. Вы только взбунтуете типографію!»— Не беспокойтесь. Я сумѣю найти слова, которыя заставятъ ихъ повиноваться мнѣ.—«Вы не знаете этихъ людей; это безуміе; я вамъ не дамъ ни сигнала, ни пароля». Разъ что я знаю адресъ типографіи, я обойдусь и безъ пароля.—«Васъ застрѣлятъ. Они твердо рѣ-

¹⁾ По всѣмъ нѣющимъ у насъ даннымъ, Росси въ Западную Сибирь высланъ не былъ. Какъ итальянскій подданный, онъ, вѣроятно, воспользовался своимъ правомъ быть высланнымъ вмѣсто Сибири за границу. Ред.

шились не даваться живыми; а къ нимъ никто не ходитъ; значить всякій неожиданный посѣтитель есть врагъ; повторяю,—вась застрѣлять»—Авось нѣтъ. Для пули мѣста много, какъ говариваль на такіа угрозы одинъ знакомый мнѣ сибирскій разбойникъ. Въ меня уже не разъ стрѣляли, а я все еще живъ,—закончилъ я смѣясь.

Съ дачи въ Ростовъ я явился уже въ сумерки. Пройдя дворомъ, я беззвучно вошелъ въ квартиру, черезъ незапертую по оплошности дверь. Меня услышали только, когда я кашлянулъ, стоя посреди гостиной, гдѣ было уже совсѣмъ темно, а огонь не былъ еще зажженъ. «Кто вы? Что вамъ нужно?» сурово воскликнулъ выросшій передо мною хозяинъ. Въ то же время за перегородкой послышался подозрительный шорохъ: выдвигали ящикъ комода. «Господа! громко сказалъ я, не трогаясь съ мѣста—не спѣшите хвататься за револьверы. Я одинъ, значить съ этимъ дѣломъ всегда поспѣется. Я пришелъ безъ пароля; но хозяйка знаетъ меня въ лицо,—позовите ее». Хозяинъ на секунду исчезъ, и я услышалъ шопотъ: «онъ одинъ и говоритъ, что ты его знаешь; выходи, — хуже не будетъ». Еще черезъ секунду передо мною стояла маленькая женщина и тѣшечно старалась распознать меня въ темнотѣ и въ смущеніи. Я положилъ ей руки на плечи и, наклонясь къ ея уху, сказалъ тихонько: «Руня! не узнаешь? А Садовая?!» Она взвизгнула и бросилась мнѣ на шею. Затѣмъ все шло «по хорошему». Я послалъ за Антоновымъ и разъяснилъ всѣмъ—почему Распорядительная Коммиссія, вполнѣ понимая и раздѣляя ихъ товарищескія чувства къ Бердичевскому, не можетъ допустить помѣщенія такого некролога такъ сказать въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» партіи. Никто не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія и всѣ принялись поспѣшно переверстывать первый листъ.

Кстати уже: на стр. 214 Бахъ говоритъ: «Часть этой суммы я передалъ Лопатину». Изъ всѣхъ денегъ, полученныхъ разновременно Бахомъ съ К-ва и изъ другихъ источниковъ, онъ вручилъ мнѣ ровно 200 рублей для совершенно спеціального назначенія. Позже были посланы мнѣ въ Петербургъ съ тою же цѣлью еще 300 руб., но, послѣ моего ареста, они были выданы обратно отправителямъ (собственно С. Иванову) моимъ посредникомъ по денежной части.

Еще слово. Какъ извѣстно, *народный* «аграрный терроръ» выражается прежде всего поджогами,—подпусканіемъ «краснаго пѣтуха», чѣмъ и объясняется данная мною «молодымъ народовольцамъ» кличка, представлявшая краткую характеристику практической *программы* дѣйствій, а не насмѣшку надъ *личностями*, какъ можно пожалуй подумать изъ словъ Баха. (Февр., стр. 201). Когда всѣ недоразумѣнія выяснились и уладились, безъ всякаго умиротворяющаго посредничества Баха, Якубовичъ и К^о были моими дѣятельнѣйшими сотрудниками и наши взаимныя отношенія стали самыми тѣсными и сердечными.

Германъ Лопатинъ.

Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ.

Скончался замѣчательный литературный труженикъ, угасла одна изъ тѣхъ большихъ силъ, безъ наличности которыхъ не могло бы существовать,—и притомъ существовать прочно,—ни одно широко поставленное литературное дѣло. Журналъ «Міръ Божій» въ теченіе многолѣтняго существованія своего являлся несомнѣнно однимъ изъ тѣхъ огоньковъ, откуда распространялся свѣтъ во время самыхъ безпросвѣтно-темныхъ періодовъ русской жизни, откуда пробивались на просторъ черезъ всѣ цензурныя заставы лучи свѣтлой человѣческой мысли, откуда поддерживалась вѣра въ лучшее будущее. А «Міръ Божій» и А. И. Богдановичъ одинъ отъ другого рѣшительно неотдѣлимы.

Велика въ исторіи русскаго освободительнаго движенія роль такъ называемыхъ «толстыхъ журналовъ». Достаточно припомнить, что въ качествѣ ихъ фактическихъ редакторовъ или идейныхъ вдохновителей въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ являлись одинъ за другимъ такіе выдающіеся люди, какъ Новиковъ, Рылѣевъ, Бѣлинскій, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Салтыковъ, Михайловскій. И это только «главные», не говоря уже о цѣломъ рядѣ «второстепенныхъ», но такихъ «второстепенныхъ», мимо именъ которыхъ никогда не пройдетъ историкъ нашей литературы и тѣсно связанныхъ съ нею судьбъ нашего освободительнаго движенія.

За послѣдніе 3—4 года надъ русской литературой пронесся какой-то смерчъ: одинъ за другимъ сошли въ могилу К. М. Станюковичъ, Н. К. Михайловскій, А. П. Чеховъ, В. В. Лесевичъ, С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенскій, Н. Г. Михайловскій-Гаринъ, В. А. Гольцевъ.

Все это люди не только съ крупными литературными именами, но и съ крупными заслугами передъ родиной въ дѣлѣ борьбы за ея освобожденіе. Въ частности смерчъ, о которомъ мы говоримъ, особенно тяжело отозвался на «Мірѣ Божіемъ». Давно ли мы, работавшіе въ этомъ журналѣ, встрѣчали тамъ въ качествѣ членовъ редакціи В. П. Острогорскаго, А. А. Давыдову, Л. К. Туганъ-Барановскую? Изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ никого. Оставался А. И. Богдановичъ, стоявшій,—безъ преувеличенія можно сказать,—на своемъ тернистомъ журнальномъ посту въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ вѣрный своему долгу часовой.

И вотъ, не стало и его...

Не богата внѣшними событіями жизнь Ангела Ивановича: полякъ по національности, онъ тѣломъ и душой былъ преданъ дѣлу служенія интересамъ трудящихся массъ всей Россіи. Это служеніе онъ началъ еще съ университетской скамьи. Читатели, знакомые съ печатавшимися у насъ «Воспоминаніями Народовольца» (А. Н. Баха) припомнятъ и тѣ мѣста изъ этихъ воспоминаній, въ которыхъ говорится объ А. И. Богдановичѣ. Преданный кievскому военно-окружному суду за то, что при обыскѣ въ его квартирѣ была найдена «81 точка типографскаго шрифта», Богдановичъ произнесъ остроумную защитительную рѣчь и былъ оправданъ. Оправданіе, какъ водится, не помѣшало администраціи заставить «оправданнаго» покинуть Кіевъ и тѣмъ не дать ему возможности окончить университетъ. Благодаря этому, Богдановичъ появляется въ Поволжѣ (онъ окончилъ гимназію въ Нижнемъ Новгородѣ) и начинаетъ усиленно работать въ поволжской прессѣ. Въ дѣлѣ этомъ онъ обнаружилъ сразу недюжинное дарованіе, и скоро въ средѣ провинціальныхъ писателей приобрѣлъ себѣ замѣтное имя. Въ началѣ 90-хъ годовъ Богдановичъ переселился въ Петербургъ и одно время работалъ въ „Русскомъ Богатствѣ“; къ этому времени относится его энергическое участіе и въ возникавшей тогда политической партіи «Народнаго Права». Среди членовъ этой партіи онъ былъ однимъ изъ выдающихся публицистовъ: его перу принадлежитъ, между прочимъ, напечатанная партіей извѣстная въ свое время нелегальная брошюра «Насущный Вопросъ». Но объ участіи Богдановича въ этой партіи быть можетъ когда нибудь расскажетъ подробнѣе кто либо изъ людей, знакомыхъ лучше насъ съ этимъ періодомъ его жизни.

Въ «Мірѣ Божіемъ» Богдановичъ началъ работать съ самого возникновенія этого журнала, являясь его главнѣйшей рабочей силой. Нельзя было не изумляться той трудоспособности, которой обладалъ этотъ человѣкъ: самый внимательный просмотръ огромнаго количества рукописей, требующій весьма большого напряженія силъ, собственно редакторскій трудъ, сношенія съ сотрудниками, типографіей, цензорами, чтеніе новыхъ книгъ и журналовъ и собственныя ежемѣсячныя «Критическія Замѣтки»,—и такъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, почти безъ отдыха, безъ передышки... Надо было любить журнальное дѣло такъ, какъ его любилъ Богдановичъ, чтобы выносить, казалось, безъ усталости прямо таки непосильный трудъ.

По убѣжденіямъ Богдановичъ былъ социаль-демократъ, но социаль-демократъ широкій, терпимый, чуждый всякаго фанатизма и сектантства.

Миръ праху труженика на нивѣ родной литературы и дѣятеля на аренѣ борьбы за свободу!

В. Б.

Историческая библіографія.

А. Н. Брячаниновъ. *Роспускъ Государственной Думы*. Причины—послѣдствія. Съ приложеніемъ офиц. документовъ. Псковъ. 1906 г. Ц. 60 к.

Проф. Т. В. Локоть. *Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ*. Москва. 1907 г. Книгоиздательство „Польза“. Ц. 1 р.

В. П. Алеховъ. *Первый русскій парламентъ*. Изд. Е. В. Кожовниковой и Е. А. Коломійцевой. Москва. 1906 г. Ц. 15 к.

Проф. Т. В. Локоть. *Первая Дума*. Статьи, замѣтки, впечатлѣнія. Книгоизд. „Польза“. Москва. 1906 г. Ц. 1 р. 20 к.

Н. Езерскій. *Государственная Дума перваго созыва*. Пенза. 1907 г. Ц. 80 к.

П. П. Семенюта. *Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть*. Въ очеркахъ и картинахъ. С.-Петербургъ. 1907 г. Ц. 50 к.

М. Б—овъ и Ф. Данъ. *Рабочіе депутаты въ первой Государственной Думѣ*. Книгоиздат. Глаголевой. Годъ необозначенъ. Ц. 60 к.

В. Г. Танъ. *Мужики въ Государственной Думѣ*. Москва. 1907 г. Ц. 10 к.

В. В. Бруслинъ. *Судьба первыхъ депутатовъ*. Книгоизд. „Современникъ“. С.-Петербургъ. 1906 г. Ц. 20 к.

Первая Государственная Дума, ея дѣятельность, роспускъ и послѣдствія породили въ короткое время междудумья значительную литературу, давшую въ общемъ счетъ нѣсколько десятковъ книгъ, множество брошюръ и неисчислимое количество статей въ періодической печати. Разобраться въ этой литературѣ, дать ей оцѣнку, отдѣлить плевелы отъ здоровыхъ всходовъ и привести ее въ библиографическую систему—составляетъ хорошую плодотворную и нелегкую задачу будущимъ библіографовъ. Пока же эта литература растетъ, множится и, вѣроятно, долго еще первая Государственная Дума будетъ привлекать вниманіе историковъ и публицистовъ. Поэтому, не представляется никакой возможности подвести теперь же итоги названной литературы. Для историческаго журнала, каковымъ является „Былое“, литература о Гос. Думѣ имѣетъ значеніе богатаго историческаго матеріала, характеризующаго первые шаги нашего парламента, условія его дѣятельности и дающаго оцѣнку какъ момента, недавно нами пережитаго, такъ и созданнаго имъ политическаго положенія. Разсмотрѣть ее подъ этимъ угломъ зрѣнія и составляетъ задачу настоящей статьи. Вполнѣ повѣрно, что для выполненія этой задачи нѣтъ ни возможности, ни необходимости разсмотрѣть все, что въ этой области появилось до сихъ поръ. Поэтому, въ свой обзоръ мы включили по возможности такіа работы, которыя или выдаются глубиной анализа, или даютъ освѣщеніе вопроса съ точки зрѣнія опредѣленной партіи, или интересны общимъ освѣщеніемъ дѣятельности Думы, или, наконецъ, характеризуютъ ту или другую группу депутатовъ, какъ представителей опредѣленной политической идеи.

Къ числу книгъ первой категоріи слѣдуетъ прежде всего отнести книгу проф. Т. В. Локотя „Политическія партіи и группы въ Государственной Думѣ“. Основной его тезисъ сводится къ констатированію политическаго безсилія Думы. Выясненію характера и причинъ этого безсилія и посвящена большая часть книги.

Констатируя блестящій въ смыслѣ интеллигентности и знаній составъ Думы и ясность политическаго положенія, авторъ съ первыхъ же строкъ заявляетъ, что „политическая мысль и характеръ политической дѣятельности первой Думы совершенно не вылились въ тѣ опредѣленные, отчетливыя, ясныя и категорическія формы, которыхъ, какъ будто, можно бы было ожидать отъ нея. Ни одна политическая партія или группа Думы не обнаружила вполнѣ отчетливаго, строго продуманнаго и до конца послѣдовательнаго плана политической дѣятельности Думы, плана осуществленія той основной политической задачи, которая, казалось бы, столь ясно стояла передъ Думой. Мало того, ни одна партія и ни одна группа не обнаружила даже вполнѣ яснаго, политически-трезваго, реальнаго пониманія какъ того момента, который переживала тогда Россія, такъ и той роли, какую могла и должна была играть Дума имѣющъ въ этотъ моментъ, при данномъ сочетаніи и соотношеніи политическихъ силъ страны“ (стр. 4). Въ дальнѣйшемъ анализѣ 72 дневной работы Думы, авторъ еще безпощаднѣе вскрываетъ непрактичность ея политической мысли, окрашенной „историческимъ идеализмомъ“, противорѣчіе ея внутренняго, теоретическаго пониманія борьбы за власть съ практическимъ ея осуществленіемъ. Не отрицая того, что Дума ясно сознавала свое безсиліе измѣнить политическій строй безъ поддержки реальныхъ силъ страны, авторъ упрекаетъ ее въ томъ, что она въ своей дѣйствительной политической тактикѣ увлекалась иллюзіей, позволявшей думать, что соотношение этихъ силъ всетаки продолжало оставаться столь же благоприятнымъ для освободительной борьбы, какъ и въ октябрьскіе дни. Впадъ въ эту ошибку, Дума, „забывшая объ истинныхъ реальныхъ движущихъ силахъ той борьбы, центромъ которой она сама явилась, или замалчивавшая эти силы, нежелавшая поставить ихъ исходной точкой для своей политической дѣятельности—такая Дума неизбежно должна была быть разогнанной“. Читая эти строки, можно думать, что авторъ считалъ бы нецѣлесообразною, ошибочною такую тактику, въ основу которой должны быть положены категорическія требованія народа, заявленныя въ октябрьскіе дни: вѣдь такія требованія только тогда имѣли бы реальное значеніе, если бы они были подкрѣплены стоящею за Думою реальною силою, а этой силы, по признанію г. Локотя, не было. Между тѣмъ, авторъ считаетъ „еще большимъ вопросомъ, какой путь къ достиженію Думой хотя бы минимальныхъ конституціонныхъ гарантій былъ бы правильнѣе: путь ли рѣшительнаго, категорическаго заявленія Думой народныхъ *требованій*, въ формѣ ультиматума, влекшаго за собою или роспускъ Думы или уступки,—или же тотъ, гораздо менѣе рѣшительный, обходный, „строго—конституціонный“ путь, на который въ дѣйствительности вступила Дума, подчинившись влиянію охватившихъ ее иллюзій, противорѣчія и непослѣдовательности“. Какъ видно изъ дальнѣйшаго, г. Локоть даже склоняется въ пользу перваго изъ путей: „если бы Дума стояла на почвѣ рѣшительности, прямолинейности и категоричности, то ей не пришлось бы переходить къ тѣмъ крайне обостреннымъ внѣшнимъ формамъ ея отношеній къ правительству, которыя, во всякомъ случаѣ, не составляютъ положительной стороны дѣятельности первой Думы“ (24). Но для такой рѣшительности, по

признанію самого автора, Дума не располагала достаточными силами. Поэтому, отвергнувъ этотъ крайній путь и путь „компромисснаго минимума“, на который готовъ былъ „старый строй“, она „пошла по среднему, промежуточному пути, крайне неровному, непослѣдовательному, противорѣчивому и—въ конечномъ результатѣ—столь же практически безплодному, какъ и оба воплѣтъ послѣдовательные пути“ (стр. 28).

Дѣлая такую оцѣнку тактики Думы, авторъ, однако, не винить ее за такой выборъ: „стремленіе къ „практическимъ“ результатамъ, конечно, обязательно для политическихъ дѣятелей“—но въ этомъ поведеніи онъ и усматриваетъ политическое безсиліе или, во всякомъ случаѣ, слабосиліе Думы.

Въ заключительной главѣ г. Локоть дѣлаетъ опытъ прогноза для второй Думы. Учитывая участіе во второй избирательной кампаніи крайнихъ лѣвыхъ, авторъ хотя и не рассчитываетъ на избирательные успѣхи с-ровъ и с-двѣ (вслѣдствіе крайняго произвола и репрессій со стороны властей), тѣмъ не менѣе предсказываетъ имъ въ Думѣ большое значеніе, соответствующее значенію этихъ партій въ демократическихъ массахъ. Въ зависимости отъ этого, авторъ хотя и отводитъ кадетамъ въ будущей Думѣ руководящую роль, но не сомнѣвается въ томъ, что имъ придется „въ гораздо болѣе чувствительной степени подѣлиться успѣхами“ съ лѣвыми. На „полѣзніе“ правыхъ г. Локоть возлагаетъ надежды главнымъ образомъ потому, что отъ нихъ должны отклониться тѣ трудовые элементы, которые вовлечены въ союзъ только обѣщаніями матеріальной поддержки, до сихъ поръ неисполненными и не могущими осуществиться. Такимъ образомъ, создастся очень лѣвая Дума, и контръ-конституціонныя выступленія старой власти окажутся безплодными. При такомъ положеніи, Думѣ съ первыхъ же шаговъ придется возбудить вопросъ о пересмотрѣ основныхъ законовъ, созданныхъ 20 февраля и 23 апрѣля, объ амнистии и о созданіи отвѣтственнаго министерства. Насколько оправдались предположенія автора—знаетъ теперь уже вся страна. Автору нельзя отказать въ извѣстной степени политической прозорливости, но и онъ могъ довести свой прогнозъ лишь до первыхъ шаговъ второй Думы. Сказать, чѣмъ кончится конфликтъ ея со старой властью и пойдетъ ли вторая Дума по стопамъ первой въ ея „строго-конституціонной тактикѣ“ или заявить открыто народныя требованія—авторъ не берется и лишь заявляетъ себя сторонникомъ рѣшительной тактики даже въ томъ случаѣ, если рѣшительность вызоветъ немедленный роспускъ Думы.

Мы съ большимъ интересомъ дочитали до конца книгу г. Локтя. По проявленной авторомъ вдумчивости и аналитическому чутью, она ярко выделяется изъ многихъ книгъ, посвященныхъ Думѣ и помогаетъ читателю разобраться во многомъ, что ему въ дѣятельности Думы и ея судьбѣ было непонятно.

Совершенно другой характеръ имѣетъ книга А. Н. Брянчанинова: „Роспускъ Государственной Думы“. Авторъ написалъ ее какъ будто съ цѣлью „облегчить своимъ согражданамъ уясненіе истиннаго значенія происходящихъ событій“—но крайней мѣрѣ, онъ самъ заявляетъ объ этомъ въ началѣ своей книжки,—а между тѣмъ, прочтя ее, читатель только окончательно запутается. Выдерживая октябристско-мирнообновленческій тонъ, авторъ освѣщаетъ вопросъ о Думѣ и объ отношеніи ея къ правительству такъ односторонне, что получается не уясненіе, а только затуманиваніе „происходящихъ событій“.

Зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось автору утверждать, что московское возстаніе произошло „незавѣсто, въ пользу кого и чего“, если всему міру извѣстны причины этого возстанія, да и авторъ не отрицаетъ, что одною изъ причинъ возстанія была оттяжка созыва Думы и несовершенство выборнаго закона (стр. 4.) Выходки г. Брянчанинова по адресу революціонеровъ, помимо ихъ непристойности, отличаются изрядной неправдивостью и напоминаютъ собою черносотенные листки, въ которыхъ о правдѣ никто не думаетъ. Характеризуя стремленія социалистовъ къ новому строю, авторъ ничто же сумняшеся заявляетъ, что они хотятъ „привести людей въ первобытное состояніе“ (стр. 27), что это — „люди, подкапывающіеся подъ свободу народа, что это худшіе изъ его враговъ“. За то лучшими людьми авторъ считаетъ такихъ господъ, какъ Гурко. Разнося кадетскій проектъ аграрной реформы и аграрныя домогательства лѣвыхъ въ Думѣ, г. Брянчаниновъ характеризуетъ ихъ, какъ бессмысленныя мечтанія и находитъ, что по аграрному вопросу съ трезвыми рѣчами выступали гг. Стишинскій и Гурко (37).

Не лучше „освѣщаетъ“ авторъ и дѣятельность самой Думы. Дума была груба, говорлива и неблагодарна Государю за призванъ ея къ работѣ. Отъ такой Думы, конечно, нельзя было ожидать толку: вмѣсто того, чтобы вѣжливо и почтительно ходатайствовать передъ Государемъ о помилованіи пострадавшихъ за освободительное движеніе, Дума грубо требовала амнистіи для убійцъ, грабителей и смутьяновъ войска. Поэтому, „несмотря на все желаніе Государя поладить съ Думой, онъ не могъ согласиться на такую (курсивъ автора) амнистію“. „Амнистія—поясняетъ далѣе авторъ—была замѣнена частичными освобожденіями отдѣльных лицъ, заключенныхъ или сосланныхъ“ (стр. 12). Здѣсь убѣдительности автора сильно мѣшаетъ враждебное отношеніе его къ правдѣ: вся страна помнитъ, чѣмъ замѣнена была требовавшаяся не только Думою, но и всей страной амнистія. Именно къ этому времени относится расширение „мѣстъ отдаленныхъ“ приспособленіемъ для административной ссылки Нарымскаго края и Туруханска, а г. Брянчаниновъ говоритъ о немъ не вѣдомыхъ и вовсе не имѣвшихъ мѣста частичныхъ освобожденій ссыльныхъ. Это грубое уклоненіе отъ правды не случайный lapsus, а повидимому—основа той системы, на которой г. Брянчаниновъ строитъ „освѣщеніе происходящихъ событій“. Такъ, заступаясь за покойнаго нынѣ главнаго военнаго прокурора ген. Павлова, г. Брянчаниновъ осуждаетъ нападки Думы на этого „исполнителя закона“ и при этомъ замѣчаетъ: „вмѣсто того, чтобы наливать свою злобу на личность военнаго прокурора и попутно задѣвать честь арміи (деп. Якобсонъ), надлежало немедленно выработать законопроектъ, отмѣняющій смертную казнь“ (стр. 13). Кто хоть вскользь понитересовался дѣятельностью первой Думы, тотъ не могъ не знать, что единственный законъ, который успѣла Дума выработать и окончательно принять за короткое время своего существованія, былъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни. Изъ „освѣщенія“ же г. Брянчанинова читатель узнаетъ, что Дума не только не хотѣла вырабатывать такого закона, но замѣнила эту дѣятельность бесполезными „словопрениями“. Такъ пишетъ исторію г. Брянчаниновъ.

Не смотря на всѣ свои стремленія обвинить Думу, установить ея неадекватность, неработоспособность и отсутствіе истиннаго патріотизма, авторъ въ концѣ концовъ все-таки приходитъ къ выводамъ весьма нелестнымъ и для каббета г. Столыпина и для всей бюрократіи. Говоря объ обстоятельствахъ роспуска Думы и о содержаніи наданнаго по этому поводу манифеста, авторъ

укоряет „бюрократовъ-совѣтниковъ Государя“ въ безтактности, а о манифестѣ замѣчаетъ, что онъ произвелъ на страну впечатлѣніе „прежнихъ холодно-вымученныхъ чиновничьихъ писаній, пропитанныхъ неискренностью и самовосхваленіемъ.“ „Фальшь и самохвалство, опротивившія русскому народу до тошноты, звучатъ въ этомъ манифестѣ, и тѣ совѣтники, которые поднесли его въ такомъ видѣ Государю, были плохіе совѣтники“ (стр. 55).

Весьма критически относится авторъ и къ дѣятельности кабинета г. Столыпина послѣ роспуска Думы: безпричинное закрытіе цѣлаго ряда газетъ, введеніе всюду исключительнаго положенія, массовые аресты и высылки по голымъ доводамъ полиціи и жандармовъ, безсудныя и военно-полевые казни, отдачу всей Россіи на расправу мѣстнымъ генераламъ-администраторамъ, законодательство на основаніи 87 ст. осн. законовъ и самую программу министерства, опубликованную 24 августа, г. Брянчаниновъ безъ обиняковъ характеризуетъ, какъ произволъ. Правда, что все это снабжено вѣскими оговорками, а столь порицаемый произволъ г. Столыпина авторъ рекомендуетъ замѣнить диктатурой временныхъ совѣтовъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и при участіи прокурора, предсѣдателя губернской земской управы и городского головы, но критика все же остается критикой и именно въ устахъ г. Брянчанинова эта критика „успокоительной“ дѣятельности кабинета разгона Думы пріобрѣтаетъ такую силу и значеніе, какихъ не могла бы имѣть самая безпощадная критика дѣлхъ. Если въ мѣропріятіяхъ г. Столыпина не можетъ усмотрѣть ничего, кромѣ произвола, даже г. Брянчаниновъ, не брезгающій, какъ мы видѣли, даже неправдой, для того, чтобы очернить въ глазахъ народа первую Думу, то повидимому, оправдать прославленныхъ дѣяніи „либеральнаго“ кабинета будетъ послѣ этого положительно некому—въдъ г. Брянчаниновъ по своимъ взглядамъ является представителемъ того значительнаго слоя буржуазіи, которая, отрекшаяся отъ дѣлхъ, отличается отъ подлинной черной сотни только „октябрьскимъ“ либерализмомъ, не помѣшавшимъ ей впрочемъ, на выборахъ почти вездѣ идти за одно съ союзомъ русскаго народа. Прочитавъ книгу г. Брянчанинова, можно сдѣлать выводъ, что только въ союзъ русскаго народа можетъ найти кабинетъ г. Столыпина поклонниковъ его кроваваго либерализма, и то, что авторъ при всемъ своемъ желаніи не могъ подсказать читателю иного вывода, и составляетъ единственную цѣнность труда г. Брянчанинова.

Къ тому же, что и рассмотрѣнныя выше двѣ книги, типу аналитическихъ опытовъ оцѣнки первой Думы слѣдуетъ отнести брошюру В. П. Алексѣева: „Первый русскій парламентъ“. Авторъ задался цѣлью изучить тѣ законодательные акты, на основаніи которыхъ дѣйствовала распушенная Дума, и отвѣтить на вопросъ, возможно ли вторую Думу ставить въ тѣ же условія и вообще возможно ли функционированіе народнаго представительства и установленіе конституціоннаго образа правленія при сохраненіи законовъ 20 февраля и 26 апрѣля.

Вольшую часть разсматриваемой брошюры авторъ посвятилъ анализу упомянутыхъ двухъ законовъ. Въ сжатомъ, литературнымъ языкомъ написанномъ изложеніи, г. Алексѣевъ устанавливаетъ совершенную не-конституціонность законовъ 20 февраля и 26 апрѣля, отрицающихъ у Думы даже призракъ полноты законодательной власти. Разсматривая дѣятельность Думы, сжатую въ рамкахъ или, вѣрнѣе, въ тискахъ, этой своеобразной конституціи, г. Алек-

свѣвъ отмѣчаетъ, что эти неблагоприятныя условія, сводившія работу Думы къ борьбѣ съ правительствомъ, не помѣшали Думѣ постепенно укрѣплять въ народномъ сознаніи идею парламентаризма. Дума, такимъ образомъ, явилась лучшей практической школой для политическаго воспитанія народа. Авторъ, въ оцѣнкѣ первой Думы, идетъ даже дальше, утверждая, что борьба ея съ правительствомъ привела къ установленію фактической отвѣтственности министерства. Но съ этимъ послѣднимъ положеніемъ г. Алексѣева едва ли можно согласиться. Если можно сказать, что выраженное Думою недовѣріе правительству и требованіе его смѣны имѣло огромное нравственное значеніе, то о какомъ бы то ни было фактическомъ значеніи этого акта не можетъ быть и рѣчи, и послѣдовавшій вскорѣ разгонъ Думы служить лучшимъ подтвержденіемъ этого.

Да едва ли и самъ авторъ вѣрить въ то, что онъ сказалъ объ отвѣтственности министерства, такъ какъ въ концѣ своей брошюры онъ приходитъ къ совершенно естественному послѣ критики нашей конституціи выводу, что „Дума по законамъ 20 февраля и 26 апрѣля безсильна что либо измѣнить въ существующемъ порядкѣ. Все осталось по старому, какъ было до Думы“. Только такой выводъ и могъ привести автора къ воплѣ справедливому заключенію, что „члены второй Думы должны прежде всего добиваться измѣненія ихъ юридическаго положенія—новая Дума должна обладать всей полнотой законодательной власти, имѣть дѣйствительный контроль надъ администраціей и располагать парламентарнымъ, отвѣтственнымъ передъ народными представителями министерствомъ“.

Изъ числа книгъ, представляющихъ общій очеркъ дѣятельности первой Думы наиболѣе выгодно отличается книга уже знакомаго намъ профессора Т. В. Локтя „Первая Дума“. Въ объемистомъ томикѣ авторъ собралъ очерки главнѣйшихъ моментовъ въ жизни и дѣятельности первой Думы. Очерки эти печатались въ свое время въ „Кіевскихъ Отголоскахъ Жизни“ и въ „Нашей Жизни“, и такимъ образомъ, уже извѣстны читающей публикѣ. Но книга г. Локтя интересна не этими бѣглыми очерками, довольно поверхностно рисующими настроеніе и работу Думы. Значительную часть книги составляютъ статьи о выборномъ періодѣ, характеризующія роль политическихъ партій въ провинціальныхъ выборахъ, предвыборныя собранія и ходъ выборовъ, народныя требованія и ожиданія, отношеніе избирателей къ политикѣ и къ еврейскому вопросу. Въ этихъ статьяхъ авторъ какъ бы подготавливаетъ читателя къ составу и характеру, настроенію и дѣятельности Думы и помогаетъ разобратъ въ всемъ, происходившемъ въ ней въ теченіе короткой ея сессіи, чѣмъ восполняется до нѣкоторой степени краткость и неполнота фактическаго матеріала, собраннаго въ вышеупомянутыхъ очеркахъ. Очерку партійной группировки первой Думы авторъ также посвящаетъ большую статью. Останавливаясь здѣсь на природѣ конституціонно-демократической партіи, авторъ предсказываетъ ей въ будущемъ положеніе могущественнаго „либеральнаго центра“, если же въ первой Думѣ эта партія оказалась скорѣе революціонной, чѣмъ конституціонной, то революціонность эта, по мнѣнію г. Локтя, была чисто стихійной, подневольной. Во всякомъ случаѣ, к.-д. партію авторъ ни въ какомъ случаѣ не считаетъ представительницей и выразительницей истиннаго характера первой Думы“. „Первая Дума, говоритъ г. Локоть, была Думой стихійно-революціонной, и въ ней не было той политической партіи, которая

съ полнымъ правомъ могла бы быть признана выразительницей этого стихийно-революціоннаго характера" (стр. 121). Съ этой точки зрѣнія авторъ и освящаетъ дѣятельность первой Думы. Если такой взглядъ находитъ себѣ въ которое оправданіе въ поведеніи кадетовъ во время обсужденія горемыкинской деклараціи, законопроекта объ отбѣи смертной казни и нѣкоторыхъ запросовъ, то еще большаго основанія было бы утверждать противоположное, т. е. что на настроеніе Думы кадетская партія имѣла огромное вліяніе, и это особенно ярко сказалось въ самые рѣшительные моменты дѣятельности Думы. Такіе важные акты, какъ отвѣтныя адреса, обращеніе къ народу по земельному вопросу, выборгское воззваніе составлены были всецѣло подъ вліяніемъ кадетовъ и потому они и не выражаютъ того революціоннаго настроенія, какимъ было проникнуто большинство Думы во время принятія этихъ актовъ. Учесть это вліяніе въ смыслѣ опредѣленія его историческихъ послѣдствій едва ли теперь еще возможно, но умалять его, какъ это дѣлаетъ г. Локоть—ошибочно.

За кадетовъ вступается въ своей книгѣ „Государственная Дума перваго созыва“ г. Н. Езерскій—также бывшій депутатъ и, притомъ, членъ кадетской фракціи. Защищая партію отъ нападокъ за ея умѣренность, медлительность, колебанія, авторъ доказываетъ, что „она жила въ Думѣ наиболѣе интенсивною жизнью изъ всѣхъ партій, потому что ей принадлежатъ почти всѣ проекты, внесенные въ Думу, а въ главныхъ чертахъ—и весь планъ думской кампаніи“.

За то для критики трудовиковъ г. Езерскій не пожалѣлъ ни красокъ, ни желчи. Нельзя сказать, чтобы авторъ предъявлялъ имъ несправедливыя обвиненія: трудовики страдали всѣми тѣми недостатками, которыми страдала и вся Дума въ цѣломъ; въ основѣ всѣхъ этихъ недостатковъ лежала перестройка силъ. Но едва ли они одни повинны въ этомъ грѣхѣ, а одно изъ крупныхъ обвиненій г. Езерскаго по адресу трудовиковъ—ихъ многорѣчивость,—пожалуй, съ такимъ же успѣхомъ могло бы быть предъявлено и кадетамъ.

Если оставить въ сторонѣ этотъ споръ, неизбежный между столь близко соприкасавшимися людьми на такой аренѣ, какъ политическая, то за книгою г. Езерскаго можно признать много достоинствъ. Авторъ прекрасно владѣетъ литературнымъ языкомъ и въ работѣ своей очень умѣло отбѣнилъ выдающіяся стороны дѣятельности Думы, избѣгая деталей и мало характерныхъ подробностей. Г. Езерскій задался цѣлью показать, „какъ естественно развивался конфликтъ съ исполнительной властью, вытекавшій изъ общихъ условій, въ какія была поставлена Дума“—и эту цѣль онъ выполнилъ вполне удовлетворительно. Въ сжатомъ изложеніи авторъ знакомитъ со всѣми перипетіями борьбы Думы съ правительствомъ и даетъ совершенно ясное представленіе о характерѣ работы нашего перваго парламента. Разсыпанные по книгѣ замѣчанія не бесполезно прочесть и членамъ нынѣшней Думы: въ соображеніяхъ автора о парламентскомъ тактѣ многіе изъ нихъ найдутъ цѣнныя въ практикѣ депутата указанія. Изъ недостатковъ книги слѣдуетъ отмѣтить обобщенія, которыя авторъ дѣлаетъ для всей Россіи, основываясь на опытѣ такой негнѣпичной области, какъ пензенская губернія; это замѣчаніе особенно относится къ главѣ „Выборная кампанія“.

Чтобы покончить съ сочиненіями описательнаго характера, намъ остается

сказать нѣсколько словъ о небольшомъ сочиненіи П. П. Семенюты: „Первая Государственная Дума, ея жизнь и смерть“. Составленная изъ бѣглыхъ очерковъ, повидимому, печатавшихся въ какой-нибудь газетѣ, эта книга не претендуетъ на освѣщеніе дѣятельности Думы съ какой либо партійной или групповой точки зрѣнія. Авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за работою Думы, за общественнымъ настроеніемъ, которое создавали ея созывъ и дѣятельность, и добросовѣстно знакомитъ съ тѣмъ и другимъ читателей въ живыхъ, легкихъ очеркахъ. Не давая ничего новаго въ смыслѣ уясненія политическаго строенія депутатовъ и объясненія тактики Думы, книга г. Семенюты представляетъ полезное чтеніе для широкихъ слоевъ публики, незнакомыхъ съ общою картиною работы первой Думы и созданнаго ею политическаго положенія.

Совершенно особое значеніе имѣетъ книга М. Б—ова и Ф. Дана: „Работѣ депутаты въ первой Государственной Думѣ“. Книга эта написана социаль-демократами меньшевиками и, повидимому, преслѣдуетъ прежде всего цѣли агитаціонныя. Въ этомъ отношеніи авторы отлично выполнили свою задачу: каждый болѣе или менѣе значительный шагъ Думы разсмотрѣтъ и оцѣнить ими съ точки зрѣнія задачъ россійской с.-д. рабочей партіи, а въ очеркахъ г.г. Б—ова и Дана россійскому пролетариату и всѣмъ борцамъ за его благо преподавъ толковый урокъ пониманія партійныхъ цѣлей, стремленій и программы. То же самое можно сказать о критикѣ входившихъ въ Думу партій и группъ, сдѣланной авторами.

Но не одну только агитаціонную въ узкомъ смыслѣ цѣль имѣли въ виду г.г. Б—овъ и Данъ. Они удѣляютъ значительное вниманіе вопросу о политическомъ значеніи самой Думы, о роли, которую она должна была играть въ вызвавшемъ ее къ жизни всенародномъ движеніи. Въ этомъ отношеніи, авторы, разумѣется, расходятся съ авторами всѣхъ книгъ, разсмотрѣнныхъ нами выше. Въ то время, какъ эти послѣдніе рассматриваютъ Думу, какъ учрежденіе чисто законодательное, созданное для перестройки русской жизни путемъ законодательнымъ, г.г. Б—овъ и Данъ совсѣмъ иначе представляютъ задачи Думы: „стать во главѣ народнаго движенія, слиться съ этимъ движеніемъ, сдѣлаться его душой, опираться на него во всякомъ своемъ шагѣ... рѣшить твердо и безповоротнo всѣми помыслами своими, всѣми своими поступками и рѣшеніями обращаться „книзу“, къ народу, а не „кверху“, не къ власти мущинамъ, наперекоръ самодержавію бюрократіи провозгласить самодержавіе народа“ (стр. 14)—вотъ что должна была сдѣлать Дума, по мнѣнію нашихъ авторовъ. Исполнила ли она эту задачу? На этотъ вопросъ получается отрицательный отвѣтъ. „Дума явилась всенароднымъ агитаторомъ огромной силы“, но „для организаціи народныхъ силъ, для указанія имъ дѣйствительнаго пути къ свободѣ, къ землѣ, Дума сдѣлала очень мало, почти ничего“ (стр. 173). Въ этомъ исходѣ авторы винятъ к.-д. партію, которая „и въ отдаленной степени не понимала дѣйствительныхъ задачъ Г. Думы“. „Они (кадеты) употребляли всѣ усилія, чтобы отдѣлать „парламентскую“ дѣятельность цѣлой пропастью отъ революціоннаго движенія народа“ (стр. 15). Такимъ образомъ, если Дума и послужила дѣлу революціи, то „косвенно, противъ воли своего большинства“ (стр. 16).

Въ этой оцѣнкѣ значенія кадетской тактики въ Думѣ есть большая доля истины, ибо всѣмъ извѣстно, что к.-д. партія вліяла сдерживающимъ образомъ на революціонно настроенную лѣвую, но едва ли можно согласиться съ авто-

рами въ опредѣленіи причинъ кадетской сдержанности. Говорить, какъ дѣлаютъ это авторы, что думское большинство, (т. е. кадеты) „боялось, разбудить народныя силы, потерять власть надъ ними; боялось, что революціонный народъ зайдетъ въ своемъ движеніи „слишкомъ далеко“, занесетъ руку надъ интересами не только реакціи, но и либеральныхъ помѣщиковъ, либеральныхъ купцовъ и фабрикантовъ; оно боялось, что придется слишкомъ многимъ поступиться въ пользу народа“ (стр. 174) говорить это, значитъ во первыхъ приписывать кадетамъ такое вліяніе на народъ, которымъ не только они, но и болѣе демократическія партіи не располагали, а во вторыхъ—совершенно невѣрно опредѣлять значеніе всей борьбы, которая велась въ первой Думѣ. Если исключить аграрный вопросъ, въ которомъ кадетовъ еще можно было бы упрекнуть въ снисходительности къ помѣщикамъ, всѣ поднимавшіеся въ Думѣ вопросы въ одинаковой степени касались интересовъ всѣхъ классовъ, всего народа, и приписывать въ этой борьбѣ кадетамъ особые поползновенія узко-классоваго характера, значитъ оказывать исторіи весьма плохую услугу.

Совершенно неосновательно винять авторы думское большинство и въ томъ, что оно не осмѣлилось объявить актъ распусканія Думы незаконнымъ, а Думу продолжающую существовать. Имъ, какъ и всей Россіи, должно быть извѣстно, какъ реагировалъ народъ на роспускъ Думы, какой результатъ дала попытка отвѣтить на роспускъ всеобщей забастовкою и, вообще, какую возможность имѣла Дума для того, чтобы противостоять насилію правительства. Поэтому, разсужденія г.г. Б—ова и Дана на эту тему представляютъ голую фразеологию. О примѣненіи авторами такихъ пріемовъ приходится очень пожалѣть, такъ какъ они вредятъ общему характеру книги, заслуживающей большаго вниманія.

Г. Танъ въ своей брошюрѣ „Мужики въ Государственной Думѣ“, также, какъ и авторы предыдущей книги, задался цѣлью нарисовать картину представительства въ Думѣ трудящихся, но уже не рабочихъ, а крестьянъ. Авторъ, впрочемъ, совершенно иначе использовалъ свою тему: онъ далъ не изслѣдованіе дѣятельности трудовой группы, а рядъ набросковъ, характеризующихъ настроеніе крестьянской массы, поскольку оно выразилось въ настроеніи ея депутатовъ, профили нѣкоторыхъ трудовиковъ. Очерки эти написаны живо, мѣстами остроумно и много облегчаютъ читателю уяснить фязіономію и внутреннее содержаніе представленнаго въ первой Думѣ крестьянства.

Брошюра В. В. Врусянина „Судьба первыхъ депутатовъ“ относится уже къ междудумскому періоду. Собранный въ ней матеріалъ важенъ не столько для выясненія того, что стало съ первыми депутатами, сколько для характеристики нашей бюрократіи и нѣкоторыхъ слоевъ русскаго общества, поскольку она выразилась въ гоненіяхъ, которымъ подверглись съ ихъ стороны многіе депутаты. Хотя авторъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ почти никакихъ обобщеній и выводовъ, но приводимые имъ факты говорятъ сами за себя, и небольшая книжка г. Врусянина представляетъ довольно основательную часть того литературнаго памятника, который воздвигнуть первому русскому парламенту и россійской общественности этой эпохи.

Ю. Лавриновичъ.

И. П. Ювачевъ (И. П. Миромлюбовъ). Шлиссельбургская крѣпость. Изд. книгоиздательства „Посредникъ“. № 639. Москва. 1907 г. Цѣна 80 к. I—XVI. 232 стр.

Странное впечатлѣніе произведетъ эта книга на современнаго читателя, хоть сколько-нибудь умѣющаго мыслить политически. А сознательный читатель изъ молодежи, навѣрное, презрительно отброситъ ее въ сторону не дочитавши.

Изъ всей огромной уже литературы о русскихъ политическихъ узникахъ и ссыльных это чуть ли не единственная книга, въ которой мягкому и благодушному тону совершенно соответствуетъ почти идиллическая манера разсказа и чисто младенческая наивность анализа.

Изъ подъ пера г. Ювачева даже генералы, привозившіе въ Шлиссельбургъ „громъ и молнію“ и откровенно бросавшіе циничныя резолюціи, вроде: „отсюда не выходить, а выносить“,—даже эти генералы выглядятъ изъ подъ пера нашего автора добродушными и стыдливими буршами, за которыхъ онъ мысленно краснѣетъ, воображая ихъ смущеніе при входѣ къ страждущему узнику (стр. 84). Даже знаменитый Иродъ, который теперь перейдетъ и въ исторію подъ этимъ именемъ, для него былъ только *неподкупный* служака, упоенный сознаніемъ того, что онъ исполняетъ долгъ службы, и тягостный для заключенныхъ, главнымъ образомъ, своимъ обращеніемъ съ ними на ты (стр. 30, 31). А вся администрація (очевидно, высшая) повинна только въ ошибкахъ (стр. 31), да въ недосмотрѣ или невѣдѣніи (стр. 147, 148), либо недостаткѣ соображенія (стр. 78). Я нарочно подчеркнул терминъ *неподкупный* въ отношеніи ротмистра Соколова (Ирода), до такой степени онъ показался мнѣ неумѣстнымъ. Какъ будто г. Ювачевъ не знаетъ, что этотъ палачъ былъ именно подкупленъ (точнѣе—*закупленъ*) непомерно высокими окладами, которыми наградило его правительство (Д. Толстой и Плеве), посылая на это человекоубійственное дѣло! Вѣроятно безызвѣстно автору и то, что этотъ ротмистръ успѣлъ сколотить себѣ домишко въ Петербургѣ отъ своихъ трудовъ „праведныхъ“.

По своему составу, книга представляетъ изъ себя также странный винегретъ. Наполовину она состоитъ изъ очерковъ, печатавшихся въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и описывающихъ то, что авторъ самъ пережилъ въ заключеніи. Въ другой половинѣ перемѣшана древняя и новѣйшая историческая хроника, относящаяся къ Шлиссельбургу, съ личными впечатлѣніями автора при посѣщеніи крѣпости въ мартѣ 1906 г., когда туда пускали публику. Въ заключеніи нѣсколько главъ о личности княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой и объ ея посѣщеніи Шлиссельбурга въ послѣдній годъ.

Такъ какъ авторъ самъ жилъ въ Шлиссельбургской крѣпости только 2 г. и въ самое глухое время, ни съ кѣмъ не имѣлъ сношеній посредствомъ стука, а встрѣчался тамъ только съ Морозовымъ и нѣсколько разъ съ Юрковскимъ, то ничего о жизни товарищей *непосредственно* онъ и знать не могъ. Все же, что онъ говоритъ о нихъ во второй части, онъ рассказываетъ уже исключительно съ чужихъ словъ. Отъ этого всѣ разказы выходятъ необыкновенно поверхностны, какъ у туриста, который проѣхалъ по странѣ, записать въ книжку разговоры съ ямщикомъ и составилъ по нимъ географическое описаніе ея.

Когда мы въ Шлиссельбургѣ прочли одинъ изъ очерковъ г. Ювачева, помѣщенный въ январской кн. „Историческаго Вѣстника“ за 1902 г., мы порѣшили согласно, что авторъ много забылъ за давностью лѣтъ, а много не могъ

сказать по условіямъ тогдашней цензуры. Увы, онъ и при свободѣ печати оставилъ этотъ очеркъ въ томъ же самомъ видѣ, точно и теперь ему грозитъ какое-нибудь возмездіе за излишнюю откровенность. И когда въ изданіи, вышедшемъ въ мартѣ 1907 г., прочтешь тѣ же самыя слова, которыя были напечатаны еще при Сипягинѣ, а именно: „можетъ быть, теперь вѣтъ ничего подобнаго въ современныхъ тюрьмахъ“ (стр. 72), то не знаешь, чему больше дивиться, небрежности ли автора при переизданіи, опасливости его, или чисто дѣтскому невѣдѣнію.

Что авторъ многое забылъ, въ этомъ онъ отчасти самъ сознается, когда описываетъ, какими маленькими показались ему размѣры камеры, въ которой онъ, сидѣлъ 20 л. назадъ (стр. 147). Забылъ онъ, конечно, не только вѣшнюю обстановку, въ описаніи которой дѣлаетъ немало погрѣшностей, не только такія важныя для одиночки вещи, какъ способъ перестукиваться (35 стр., сноски), но и многое другое, посущественнаѣ. Этимъ забвеніемъ можно объяснить и такой lapsus linguae, что черный хлѣбъ казался ему „несравненно вкуснѣе сахарныхъ булочекъ“ (стр. 50); и такой, что въ заключеніи „умъ освобождается отъ узъ и способность къ мышленію усиливается“ (стр. 41. Срав. эпиграфъ къ гл. XVII, слова П. С. Поливанова), и, наконецъ, такой, что „можно въ одиночномъ заключеніи просидѣть и 10 лѣтъ, и все-таки сохранить здоровый разумъ *въ прежнемъ видѣ*“ (стр. 56).

Можетъ быть, этою же тогдашнею ненормальностью нужно объяснить и нежеланіе г. Ювачева перестукиваться съ сосѣдями, которое такъ неумѣло онъ старается аргументировать и оправдать (стр. 36). Другіе наши товарищи, которые иначе чувствовали и иначе понимали свои обязанности по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ, нуждавшимся въ словѣ участія и утѣшенія, совершенно иначе рѣшали для себя этотъ вопросъ, и притомъ безъ всякой софистики. Одни стучали совершенно открыто, отсиживали за это въ карцерѣ цѣлые мѣсяцы и успѣвали добиться того, что самъ Пролъ говорилъ имъ, какъ, напр., В. С. Панкратову: „стучи, да чтобъ я не видѣлъ тебя!“ Другіе припоминали заповѣдь о мудрости змѣиной и практику *укрывательства*, широко допускаемую во всѣ эпохи гоненій, и освященную всей мученической исторіей христіанства первыхъ 3 вѣковъ.

Я отнесъ бы къ винѣ забывчивости автора и ту обмолвку, что онъ успѣлъ за 2 года въ Шлиссельбургѣ прочесть нѣсколько разъ Библію гражданской печати, читая по 1 стр. въ день (стр. 50, 106 и 107. Вѣдь въ этой Библіи ровно 1278 страницъ! (Изданіе третье, 1882 г.)

Напрасно мы стали бы искать у г. Ювачева святого негодованія на порядки, дѣлающіе возможнымъ Шлиссельбургскій режимъ, или открытую угрозу по адресу лицъ, *сознательно и планомерно* создавшихъ этотъ режимъ со всѣми его скоростпжвыми смертями. Онъ какъ будто никогда не читывалъ ни всемірныхъ исторій, ни Кеннана, ни Кропоткина. Иначе они доказали бы ему съ подавляющею очевидностью, что свирѣпость и кровожадность находятся въ природѣ того политическаго уклада жизни, который манифестомъ 17 октября объявленъ подлежащимъ упраздненію и въ Россіи. Для нашего сердобольнаго автора есть только несчастные, и на стр. 77 онъ съ поразительно неразборчивостью называетъ несчастными и Грачевскаго, доведеннаго до ужаснаго самосожженія, и тюремщиковъ, которые довели его до этого!

Я уже предупредилъ вначалѣ, что читатель не найдетъ въ этой книгѣ признаковъ политическаго смысла или политическаго пониманія судебъ госу-

дарственныхъ „преступниковъ“. Авторъ ея какъ будто даже не слышалъ, что кромѣ „самоотверженныхъ женщинъ въ великобританскомъ обществѣ“ (стр. 211) есть знаменитый „красный крестъ“ въ ковычкахъ, который уже цѣлыхъ 80 л. организируетъ дѣло помощи политическимъ узникамъ и продолжаетъ до сихъ поръ приносить имъ широкую помощь, несмотря на всѣ препоны, которыя ставить ему администрація.

Но въ этой книгѣ есть кое-что такое, за что автору можно извинить указанные выше недостатки. А именно: та подкупающая сердечная доброта, гуманность и человечность, то уваженіе и преклоненіе предъ страдавшими „за идею“, то отвращеніе ко всякому мучительству, которыя до сихъ поръ далеко еще не стали всеобщими въ русскомъ царствѣ и далеко еще не достигли торжества въ нашей государственной жизни. Далеко не всѣ еще скажутъ нынѣ вмѣстѣ съ г. Ювачевымъ:

„Я самъ удивляюсь этимъ людямъ и преклоняюсь предъ ихъ нравственною силою, предъ ихъ страданіями“ (стр. 124). Эти люди оказались въ своемъ родѣ тоже богатырями духа. Они не сдались, не вошли въ сдѣлку со своей совѣстью,—и они побѣдили! Съ какой бы точки зрѣнія ни взглянули на нихъ, за ними навсегда останется ореолъ мучениковъ за идею“ (стр. 127). Или: „Я предвижу, что на этомъ островѣ, политомъ кровью и слезами политическихъ и религіозныхъ мучениковъ цѣлаго ряда (?) столѣтій, самъ русскій народъ выстроитъ грандіозныхъ храмъ, который осыплетъ кости погибшихъ въ борьбѣ за вѣру и свободу“ (стр. 232).

До сихъ поръ такъ писали только „революціонеры“. И можно отмѣтить, какъ знаменіе времени, что подобныя строки могли появиться въ изданіи Суворина А. С., у котораго въ „Новомъ Времени“ продолжаютъ еще инсинуировать по адресу политическихъ „преступниковъ“.

У г. Ювачева, навѣрное, найдутся свои читатели. Всѣ тѣ, кому запрещается брать въ руки „антиправительственную“ печать, и кто составляетъ свои сужденія по релиціямъ прокуроровъ, жанлармовъ и охранниковъ, прочтутъ эту книгу съ огромною пользою для себя. Она не обременитъ ихъ мозги идеями, но, можетъ быть, заставитъ задать себѣ хоть одинъ вопросъ:

„Почему это люди, которые еще 2—3 г. назадъ третировались, какъ величайшіе злодѣи, вдругъ становятся теперь, по словамъ вѣрующаго и благонамѣреннаго автора, и „мучениками, достойными преклоненія“, и, страшно сказать,—даже „богатырями духа“, конхъ еще недавно такъ тщетно искали для помѣщенія во 2-ю Государ. Думу?

Эту книгу особенно полезно прочесть казеннымъ писателямъ изъ „Россіи“, которые съ 1/2 г. назадъ въ своемъ отрывѣ о журналѣ „Былое“ не задумались обозвать „преступными типами“ всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье долго страдать за свободу своей родины и сохранить свое имя совершенно непричастнымъ къ интересамъ карьеры, личной выгоды и житейскаго благополучія.

Въ книгѣ помѣщено много снимковъ, виды крѣпости и тюрьмы. Нѣкоторые изъ нихъ появляются въ печати впервые.

27 марта.

Виборгъ.

М. Новорусскій.

Галлерей шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакцію. Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Ботучарскаго, В. И. Семеевскаго и П. Ф. Якубовича. Часть I. Съ 29 портретами. Весь чистый доходъ предназначается въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Спб. 1907. 298 стр. Цѣна 3 рубля.

Долгое время господствовало мѣніе, что въ Шлиссельбургской крѣпости запираются накрѣпко не только люди, но и государственныя тайны; можно было опасаться, что общество никогда не узнаетъ ни условій суровой жизни въ этомъ мрачномъ застѣнкѣ, ни его исторіи, ни исторіи заключенныхъ въ немъ людей. Это опасеніе не оправдалось, и настоящій сборникъ даетъ длинный рядъ очень цѣнныхъ работъ, освѣщающихъ эту исторію. Онъ открывается исторіей Шлиссельбургской крѣпости, какъ государственной тюрьмы, написанной А. С. Пругавинымъ. Исторія крѣпости, какъ тюрьмы, какъ оказывается, начинается съ начала XVIII вѣка, и одною изъ первыхъ заключенныхъ въ ней была Евдокія Лопухина, первая жена Петра Великаго, и царевна Марія Алексѣевна, дочь царя Алексѣя Михайловича. Далѣе казематы Шлиссельбурга видѣли Бирона и вслѣдъ за нимъ несчастнаго императора Іоанна VI Антоновича. Въ концѣ XVIII вѣка въ нихъ томился знаменитый работникъ на нивѣ русскаго просвѣщенія Н. И. Новиковъ. Такимъ образомъ, каменные мѣшки Шлиссельбургскихъ казематовъ раскрывались въ XVIII в. безразлично и для благороднѣйшихъ жертвъ деспотизма, и для деспотовъ, пережившихъ свое паденіе. Въ XIX вѣкѣ Шлиссельбургская тюрьма оживаетъ, но составъ ея подневольнаго населенія становится болѣе однороднымъ: она дѣлается мѣстомъ заключенія сразу цѣлыхъ десятковъ русскихъ и польскихъ политическихъ борцовъ за свободу.

Вслѣдъ за статьей Пругавина въ сборникѣ помѣщены воспоминанія Л. Мельшина о Шлиссельбургской крѣпости, которую авторъ посѣтилъ послѣ ея упраздненія; статья называется: „Раскрытый тайникъ“.

Но главное мѣсто въ сборникѣ занимаютъ 30 біографій различныхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей, либо томившихся въ крѣпости, либо людей, все отношеніе къ Шлиссельбургской крѣпости которыхъ ограничивается тѣмъ, что они были въ ней казнены. Тутъ мы находимъ четырехъ декабристовъ: Пущина, Ник. и Мих. Вестужевыхъ и Поджіо (написанный В. Богучарскимъ, С. Венгеровымъ и В. Семейскимъ); за ними слѣдуетъ малоизвѣстный польскій революціонеръ Валеріанъ Лукасинскій, который, просидѣвъ въ заключеніи въ разныхъ тюрьмахъ 9 лѣтъ, начиная съ 1822 г., въ 1831 попалъ въ Шлиссельбургъ и, обойденный амністіей по поводу коронаціи Александра II, умеръ въ немъ въ 1868 г.; итого 46 лѣтъ непрерывнаго одиночнаго заключенія въ ужасныхъ условіяхъ. Между тѣмъ преступная дѣятельность этого Лукасинскаго заключалась только въ томъ, что онъ основалъ тайный союзъ „Вольномулярства Народоваго“ (національный союзъ массоновъ) и послѣ закрытія этого союза, раскрытаго властями, — другой союзъ, подъ названіемъ „Патріотическое Товарищество“. Оба эти союза вмѣстѣ существовали не болѣе 3 лѣтъ и ничего не успѣли сдѣлать. Арестованный по доносу нѣкоего Карскаго, артиллерійскаго капитана, которому Лукасинскій неосторожно довѣрился, онъ въ минуту слабости сдѣлалъ признаніе, которое и привело къ гибели и его самого, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. За Лукасинскимъ слѣдуетъ біографія Гулака, товарища Н. И. Костомарова по дѣлу Кирилло-Мефодіевскаго братства, арестованнаго въ 1846 г. и сидѣвшаго въ крѣпости съ 1847 г. по 1850 г. (умершаго только въ 1899 г.). Далѣе слѣдуетъ біографія и характеристика Бакунина, написанная Е. Тарле, и затѣмъ уже біографіи дѣятелей эпохи Земли и Воли и Народной Воли. Многіе изъ нихъ, какъ Лопатинъ, Лукашевичъ, Морозовъ, Новорусскій и другіе, воскресли къ новой жизни и жи-

вуть теперь среди насъ, другіе погибли въ крѣпости, не перенеся продолжительнаго заключенія, или же на висѣлицѣ, или подъ пулями.

Находя біографіи этихъ людей, мы не находимъ здѣсь біографій дѣятелей XVIII в. — имѣвшихъ несчастье познакомиться съ Шлиссельбургомъ, какъ Новикова съ одной, и Евдокія Лопухиной, Іоанна Антоновича или Вирона — съ другой стороны; не находимъ также Валмашева и Каляева, которые погибли въ Шлиссельбургской крѣпости. По всей вѣроятности, указанные пробѣлы будутъ заполнены во второй части „Галлерей“, которая обѣщана редакторами. Пока же подборъ біографій въ первой части оказывается нѣсколько произвольнымъ, или, можетъ быть, случайнымъ. Но это не мѣшаетъ ей быть въ высшей степени интересной. Біографіи старыхъ дѣятелей, какъ Лукасинскаго и декабристовъ, представляются цѣнными изслѣдованіями, произведенными на основаніи изученія всѣхъ доступныхъ источниковъ; біографіи новѣйшихъ дѣятелей являются по большей части воспоминаніями людей, лично и притомъ близко знавшихъ этихъ дѣятелей. Въ нихъ числѣ выдѣляются біографія и характеристика Германа Лопатина, написанная Н. Кудринымъ, А. И. Ульянова, написанная его сестрой Анной Ульяновой, двѣ характеристики Вѣры Фигнеръ, даванныя С. Елпатьевскимъ и ея товарищемъ по Шлиссельбургскому заключенію С. Ивановымъ. Въ свою очередь В. Фигнеръ дала характеристики своихъ товарищей: Морозова, Антонова, Похитонова, Лукашевича, Новорусскаго и Фроленко. Всѣ эти біографіи, начиная съ первыхъ біографій декабристовъ и кончая послѣдними біографіями нашихъ, живущихъ еще современниковъ, представляютъ одинъ въ высшей степени интересный мартирологъ борцовъ за русскую свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный обвинительный актъ противъ русскаго правительства. Со временъ Александра I, чрезъ времена Николая I, Александра II и Александра III до нашего времени русское правительство въ своей неослабной жестокости остается всегда вѣрнымъ самому себѣ.

Къ каждой біографіи приложенъ очень хорошо исполненный портретъ; отсутствуетъ только портретъ Поджіо, котораго, по объясненію редакторовъ, имъ не удалось найти.

Интересующимся столь недавней еще исторіей русскаго освободительнаго движенія эту книгу можно порекомендовать отъ всей души.

В. Водовозовъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- Преступленіе и наказаніе (Прошлое, настоящее и будущее уголовн. права). Изъ публ. лекцій М. Н. Гернетъ въ Н.-Новгородѣ. Ц. 5 к.
- Русская Историческая Библіотека. Убіиство императора Павла I. Разказы современниковъ. Подъ ред. П. Е. Щеголева. К-во „Донская Рѣчь“. Ц. 20 к.
- Ем. Стратоновъ. Настоящее состояніе средней школы и средство ея возрожденія. Ц. 25 к. Москва.
- Д. Ефременковъ. Запѣтки изъ исторіи славянофильства. Воронежъ.
- Правописаніе Сербовъ и Болгаръ.
- В. Ефременковъ. По поводу обзора русской исторіи, печатаемаго въ журналѣ „Міръ Божій“.
- 42 книжки на еврейскомъ языкѣ. К-ва „Деръ Вельтъ“, Вильна, 1907 г.
- Популярная б-ка № 23. О. Тищенко. Кормилецъ въ тюрьмѣ. Ц. 5 к. К-во „Новое Товарищество“.
- К-во „Сѣверная Россія“. Современные вопросы. Сборникъ I. Ц. 15 к. Москва. 1907 г.
- Для народа. Статьи по современнымъ вопросамъ III. Ц. 20 к. Москва, 1907 г.
- Народный сборникъ по современнымъ вопросамъ II. Ц. 17 к. Москва, 1907 г.
- Шейкманъ. Каталогъ социалиста. К-во „Волна“, Ц. 7 к., Москва, 1906 г.
- К-во Л. И. Комватова. Послѣдняя исповѣдь. Ц. 3 к.
- Маленькій Наполеонъ. (По В. Гюго). Ц. 7 к.
- В. Кокосовъ. Разказы о Карійской каторгѣ. Изд. „Русское Богатство“ Ц. 1 р. СПб., 1907 г.
- М. И. Боголѣповъ. Финансы, правительство и общественные интересы. Ц. 1 р., Изд. О. Н. Поповой СПб., 1907 г.
- Политическая Энциклопедія. т. I, вып. IV., Изд. „Ключъ“. СПб., 1907 г.
- Собраніе сочиненій Виктора Гюго. кн. 42-ая, б-ка „Сѣверъ“, СПб., 1907 г.
- „Сборникъ статей“. К-во „Наша Мысль“ № 1, СПб., 1907, ц. 25 к.
- Сборникъ статей. К-во „Воля труда“, № 1, Москва, 1907.
- А. Лотоцкій. На поворотѣ СПб., 1907.
- Н. Маклецова (Дегаева) Предатель. Повѣсть изъ жизни „Народной Воли“. Ц. 75 к., СПб., 1907.
- Н. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Изд. редакціи журн. „Былое“, СПб., 1907. Ц. 1 р. 35 к.
- Николай Морозовъ. Периодическія системы строенія вещества. Изд. Т-ва Сытина., Ц. 3 р. 60 к., Москва 1907.
- Записки княг. Дашковой подъ ред. и съ предисл. Н. Чечулина., Изд. А. С. Суворина., СПб., 1907.
- Цареубійство 2 марта 1801 г. Записки участниковъ и современниковъ Изд. А. С. Суворина СПб., 1907.
- Къ солдатамъ, № 2. Тюмень. 7 февр. К. Т. О. п. с.-р.
- Къ товарищамъ солдатамъ 9-го Тобольскаго полка. Союзъ солдатъ, № 3. Т. О. п. с.-р.
- Ко всѣмъ бакинскимъ рабочимъ, ноябрь 1906 г. Бак. Ком. п. с.-р.

- Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П. Изд. Амур. Гр. Соб. Союза Р. С.-Д. Р. П. янв. 1907.
Граждане! Изд. Ам. гр. Соб. Союза Р. С.-Д. Р. П. янв. 1907.
Социалдемократъ № 1. 1 окт. 1904 г. Р. С.-Д. Р. П.
Ко всѣмъ партійнымъ организациямъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Письма 8-ое, 11-ое (14 февр. 1907).
Ко всѣмъ партійнымъ организациямъ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 1 февр. 1907.
Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П.
Открытие Госуд. Думы } Ко всѣмъ петербургскимъ рабочимъ П. К. Р. Годовщина 19 февр. } С.-Д. Р. П.
Наказъ нижнихъ чиновъ арміи и флота депутатамъ С.-Д. Р. П. въ Гос. Думѣ. Пет. Воен. Орг. Р. С.-Д. Р. П.
Пролетарій, № 2. 29 ав. 1906 г. Орг. Моск. П. К. Р. С.-Д. Р. П.
Солдатская бесѣда, № 4. Воскр. 12 нояб. 1906 г. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
Списокъ выборщиковъ блока лѣвыхъ различныхъ частей СПб-га.
Предвыборный плакатъ лѣваго блока. (Выборы 1907).
Списокъ выборщиковъ пар. народ. свободы и (предвыб.) воззваніе пар. нар. своб.
Крестыанскій Листокъ № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 (16 мая 1906 г.—28 янв. 1907 г.).
Вят. Ком. п. с.-р.
Рабочій классъ и его представители. Пет. Ком. п. с.-р. 21/2 1907.
Всероссійскій союзъ равноправія женщинъ. Женщины Россіи!
Солдатская Мысль № 2 и 3 (окт.—дек. 1906). Изд. Воен. Рев. Орган. Пет. Воен. Округа.
Солдатская бесѣда № 5 и 6 (2 и 23 декаб. 1906 г.). Изд. Цент. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Казарма, № 6, 8, 10 и 12 (авг., окт., ноябрь 1906 и февр. 1907). Орг. Пет. Воен. Орг. Р. С.-Д. Р. П.
Граждане! Выбирайте не кадетовъ, а социалдемократовъ! }
Кризисъ. } Избирательные
Граждане! Выбирайте социалдемократовъ! } листки Р. С.-Д.
Выкупъ или конфискація. } Р. П.
Даровое обученіе.
О гражданскихъ свободахъ.
Къ солдатамъ. Товарищи—солдаты! Воен. Орг. при Краснояр. Ком. п. с.-р.
Къ крестьянамъ. Киев. Отд. Всерос. Кр. союза.
Ко всему трудовому народу. Раб. орг. Симфероп. Ком. Тавр. союза п. с.-р. Мартъ 1907.
Къ солдатамъ и матросамъ Севастопольскаго гарнизона. Всерос. Воен. Союзъ п. с.-р. Мартъ 1907.
О двухъ великихъ дняхъ 19 и 20 февраля 1907 г. } Елизаветград. Комит. п. с.-р.
Къ гражданамъ.
Къ учащимся. Учащіеся.
Голосъ революціи. № 4. Декабрь 1906 г. Изд. Краснояр. Ком. п. с.-р.
Сибирскій путь. № 1. 10 февр. 1907 г. Красноярскъ.
Къ крестьянамъ виленской губ. п. с.-р. Вилен. Ком. п. с.-р.
Письмо отъ русскихъ крестьянъ царю Николаю Второму. Типогр. Вил. Ком. п. с.-р.
Извѣщеніе по поводу покушенія на Родзѣвскаго. Орг. Боев. Друж. при П. К. п. с.-р.
Письмо отъ депутатовъ. Члены 2-й Госуд. Думы.
Земля и Воля. Крестьянская газета № 1. 20 янв. 1907 г. Ц. 5 к.
Партійныя извѣстія № 5. 15 февр. 1907 г. Изд. Ц. К. п. с.-р.
Товарищи—крестьяне! Крестьян. Орг. П. К. п. с.-р. февр. 1907 г.
Резолюція, принятая на митингѣ рабочихъ Трубнога завода и др. Екате- ринбург. желѣзно-дор. мастер. 28 фев. 1907 г. Федерация рабочихъ анархистовъ-комму- нистовъ Трубнога завода.
Солдатъ, № 31. 23 февр. 1907. Орг. Либав. С.-Д. Воен. Орг.
Товарищи! Батум. организ. учащихся Дашнакистовъ. 17 февр. 1907.
Ко всѣмъ гражданамъ! Елизаветгр. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
Къ морякамъ. Стачечный комитетъ моряковъ.

- Ко всѣмъ рабочимъ брянскаго завода. Федерация рабочихъ анархистовъ брянскаго завода.
- Наказъ солдатъ и рабочихъ г. Севастополя гр. с.-р. и трудовиковъ въ Гос. Думѣ.
- 7 листовъ на еврейск. яз. изд. „Бунда“.
- Царская милостыня евреямъ Ц. К. „Бунда“, сент. 1904 г.
- Всероссійскій Военный Союзъ. Товарищи-солдаты! Тип. Вил. Ком. п. с.-р. Граждане! Чит. Ком. п. с.-р. Мартъ 1907.
- Борьба № 1. 20 марта 1907 Орг. Моск. Окр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
- Товарищи новобранцы! Солдаты Воен. Революц. Организ. Варш. Воен. Окр. Февр. 1907 Варшава.
- Наша платформа (июль 1906 г.) Офицерская Рев. Организ. Изд. Воен. рев. орг. Варш. Воен. окр.
- Солдатская Доля. (доб. къ № 16-му) Изд. Воен. Рев. Орг. Варш. Воен. Окр. Мартъ 1907 г.
- Крестьянскій Листокъ № 1. Изд. Черниг. Ком. п. с.-р. Ноябрь. 1906 г.
- Царь Николай II-й! Письмо отъ русскихъ крестьянъ Николаю Второму. Переизд. Черн. Ком. п. с.-р. 1906 г. дек.
- Отчеты Чернигов. Ком. п. с.-р. на 1 окт. 1906 г. и съ 1 окт.—1 янв. 1907 г.
- Ко всѣмъ избирательнымъ куріямъ. Черн. Ком. п. с.-р.
- Варшавянка
- Українська сільська пісня. Дек. 1906 г.
- Воля, № 75 и № 76, изд. с.-р. Нагасаки Японія (окт. 1906 г.).
- Партийныя извѣстія № 1 и № 2 Изд. Объед. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. фев. и мартъ 1906.
- Козарма, 15 фев. 1906 г. № 1.
- Солдатская доля! Изд. Воен. рев. орг. Варш. Воен. Окр., № 6 1906 г. ¹/₂.
- Соціалист. газета Ростовъ на Д. организ. с.-р. № 1 ав. 1905 г.
- Голосъ солдата № 3 Изд. Пет. Воен. орг. п. с.-р. 15 авг. 1906 г.
- Солдатская Мысль № 1 сент. 1906 г. Изд. Воен. Рев. орг. Пет. Воен. окр.
- Извѣстія Южно-русскаго Областн. Ком. № 2 май 1906 г.
- Голосъ рабочихъ № 1 Изд. П. К. п. с.-р. янв. 1907 г. Предвыборн. Листокъ.
- Рабочая газета № 4 мартъ 1906 г. Изд. Моск. Ком. п. с.-р.
- Предвыборныя листки пар. с.-р.
- Почему всѣ прогрес. избиратели должны голосовать за с.-р.
- Куда идутъ народныя деньги.
- О партіи, „мирнаго обновленія“:
- Царская власть и народовольцы.
- Инструкція по выборамъ, къ выборамъ въ Г. Д. Къ гражданамъ.
- 2-е письмо отъ депутатовъ 15 марта 1907 г. Чл. Г. Д. с.-р. труд. В. К. С.
- Н. С. Ар. парт. дашнакцiонъ.
- 15 Юля 1904—1905 г. п. с.-р. Ц. К.
- Летучій Листокъ п. с.-р. апр. 1905 г.
- Къ солдатамъ.
- Письмо Каляева. } Сам. Ком.
- Къ обществу. } п. с.-р.
- Къ рабочимъ. } 1905 годъ.
- Ко всему трудящемуся люду.
- Къ представителямъ Самарскаго земства и думы.
- Амфитеатровъ. Сказаніе объ одной головѣ и ея облодателѣ.
- Письма къ молодежи Е. Брешковской переп. изъ Р. Р. 1905 г.
- Извѣщеніе отъ Комит. Труд. группы авг. 1906 г.
- Варш. Почт. Телегр. союзъ. Товарищи! авг. 1906 г.
- В. Ад—ръ. Царская власть ц. 5 к.
- Извѣстіе Волжск. Судоходной организ. п. С.-Р. Мартъ, 1907 г., № 2 Ти-погр. В. С. О. 2 экз.
- Извѣщеніе Виленск. С.-Д. комитета „Бунда“.
- Товарищи! (По поводу годовщины казни Шмидта и др.) П. С.-Р., 1907, мартъ.
- Отъ еврейск. пролетаріата къ с.-д. фракціи Г. Д. (О законѣ 15 ноября 1906 г.).

Проектъ программы еврейск. с.-д. р. п. „Поалей-ціонъ“, предлагаемый Ц. К., 1906, мартъ.
Соціалистъ, № 3. Уфимск. рабоч. союзъ П. С.-Р., Уфа, Мартъ., 1907. Типогр. Уф. К. П. С.-Р.
Думское Эхо. № 1 Изд. Севастоп. ком. П. С.-Р., Мартъ, 1907, № 1.
Вторая Госуд. Дума и армія. Изд. Моск. орган. Всерос. военного союза.
Инструкція затонскимъ группамъ. Центр. бюро Волжск. судох. орг. П. С.-Р. мартъ. 1907 г.
Чего хочетъ к.-д. партія. Изд. Елизаветградск. отдѣла партіи.
„Молоть“, № 1. Изд. Бакинск. орг. П. С.-Р.
„Трудъ“. (Рабочая газета) № 10, Изд. Петерб. К. и Совѣта Рабочаго Союза. Мартъ, 1907.
2-е Письмо отъ депутатовъ, Марта 15-го, 1907, СПб.
Рѣчь Г. А. Гершуни на экстренномъ съѣздѣ П. С.-Р., 1907. ц. 2 к.
О солдатской службѣ въ Россіи и друг. государствахъ; выпускъ 1. При-
ложение къ № 1 „Народной Арміи“, Изд. Всероссійск. Офиц. союза.
Первое письмо отъ депутатовъ.
М. М. „Земля и воля“ (черносотенная брошюра), Москва, 1906. Университ.
типографія, Страстной бульваръ. ц. 5 к.
Извѣстія Курскаго К—та П. С.-Р. № 1, февраль, 1907. Изд. Курск. К—та
П. С.-Р.
Прибавленіе къ № 1 Курскихъ Извѣстій П. С.-Р., Изд. Курск. К—та
П. С.-Р.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ получено:

Отъ рабочихъ Т-ва Нобель для ссыльныхъ Нарымскаго Края 25 р. Отъ
Анны Лебензовой изъ Михайлова, Рязанской губ. 6 р. Отъ студента Теофила
Степановича Война 25 р. Отъ Г. А. А. со спеціальнымъ назначеніемъ 8 р.
Отъ д-ра И. В. С. для ссыльныхъ 20 р. Отъ Р. Н. К. изъ Вильны для акатуй-
цевъ 100 р. Отъ Е. З. Х. въ пользу полит. ссыльныхъ изъ Харькова
27 р. 25 к. % отчисленіе черезъ М. П. 20 р. Сборъ черезъ Ш. 16 р. Отъ ти-
пографіи Г. Б. 4 р. 19 к. Отъ служащихъ Г. Б. 17 р. 81 к. Изъ Балты 35 р.
Отъ Виленскаго союза равноправія женщинъ, служащихъ на жел. дорогахъ,
40 р. 70 к. % отчисленіе отъ служащихъ конторы Т-ва Амурскаго пароходства
41 р. 25 к.

Деньги переданы по назначенію.

Отъ Петербургскаго Общества Народныхъ Университетовъ.

Настоятельная необходимость распространения образованія въ широкихъ слояхъ населенія давно уже сознается всѣми, и давно уже идея народныхъ университетовъ, которые на Западѣ получили разнообразное и широкое развитіе, сосредоточиваеъ на себѣ вниманіе русскаго интеллигентнаго общества, дѣлавшаго немало попытокъ къ ея осуществленію. Этого требуютъ жизненные интересы родной страны. Всѣ члены семьи культурныхъ народовъ, сознавая великую значительную силу просвѣщенія народныхъ массъ, дѣлають въ немъ быстрые успѣхи. Въ настоящее время начинающагося обновленія наша великая неотложная задача—энергично бороться съ народною темнотою и широкою рукою насаждать учрежденія для умственного просвѣтленія народныхъ массъ. Въ предстоящей работѣ должны сойтись на почвѣ безпартійности представители всѣхъ слоевъ общества, всѣ, кому дороги правильное развитіе и преуспѣваніе родной страны.

Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ, задающеея цѣлю внѣшкольнаго образованія, представляетъ собою одну изъ попытокъ удовлетворенія этой неотложной всенародной нужды. Общество возникло въ предположеніи, что открытіе его дѣйствій послужитъ исходнымъ пунктомъ для организаціи ряда автономныхъ отдѣловъ на всемъ пространствѣ Россіи¹⁾. Несмотря на то, что инициатива его въ этомъ направленіи пока все еще встрѣчаетъ нѣкоторыя препятствія, Всероссійское Общество Народныхъ Университетовъ, объединенное въ своихъ частяхъ одною просвѣтительною мыслью,—дѣло ближайшаго будущаго. Пока Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ получило возможность дѣйствовать только въ Петербургѣ и его губерніи. Не прошло еще и года со времени начала его дѣятельности, а она уже обратила на себя общественное вниманіе. Въ работѣ Общества приняли участіе 170 лекторовъ, которые образовали 5 секцій (общественно-юридическую, физико-математическую, естественно-историческую, гуманитарную и секцію новыхъ языковъ). Организовалось чтеніе лекцій и курсовъ и руководство занятіями по отдѣльнымъ областямъ научныхъ и техническихъ знаній.

Въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ аудиторіяхъ Общества (всѣхъ аудиторій—одиннадцать) на чтеніяхъ по различнымъ отраслямъ знанія перебувало свыше 10000 слушателей.

Для начала цифры утѣшительныя, но что онѣ въ сравненіи съ огромными

¹⁾ По имѣющимся свѣдѣніямъ слѣдующія общества народныхъ университетовъ уже начали дѣйствовать: Московское, Псковское, Воронежское; организуются: Рижское, Ливанское, Тверское, Орловское, Казанское, Смоленское, Екатеринодарское, Полтавское, Ялтинское, Тифлиское, Астраханское и Ярославское.

размѣрами нужды въ просвѣщеніи, нужды въ борьбѣ съ невѣжествомъ и безграмотностью... Для ея удовлетворенія необходимы большія денежныя средства, необходимы трудовыя силы, и Петербургское Общество Народныхъ Университетовъ обращается ко всѣмъ слоямъ русскаго народа, ко всѣмъ, кому не чуждо пониманіе жизненныхъ интересовъ родины, кому дорого ея культурное развитіе, съ горячею просьбой о поддержкѣ его дѣятельности, какъ вступленіемъ въ члены Общества и привлеченіемъ въ число ихъ другихъ лицъ, такъ и всѣми иными путями, которые могутъ вести къ одной великой цѣли—просвѣщенію родныхъ народныхъ массъ.

Въ составъ Совѣта Общества входятъ слѣдующія лица: Н. П. Азбелевъ, П. Н. Бекетовъ, акад. В. М. Бехтеревъ, проф. А. А. Брандтъ, проф. П. И. Броуновъ, С. С. Григорьевъ, Н. В. Дмитріевъ, Д. А. Дриль, проф. А. А. Исаевъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. М. М. Ковалевскій, А. Л. Ковалева, П. Г. Мижуевъ, проф. П. Н. Милуковъ, проф. Н. Н. Митинскій, В. Д. Набоковъ, прив.-доц. А. П. Нечаевъ, докт. мед. М. Н. Нижегородцевъ, А. И. Никольская, докт. мед. Д. П. Никольскій, акад. С. Ф. Ольденбургъ, А. Я. Острогорскій, Л. Ф. Пантелѣевъ, М. И. Петрункевичъ, проф. Н. І. Рачинскій, проф. А. Д. Романовъ, Н. А. Рѣзцовъ, Л. М. Рѣдько, проф. С. Е. Савичъ, прив.-доц. В. В. Святловскій, А. С. Таль, акад. кн. И. Р. Тархановъ, прив.-доц. А. Г. Тимофѣевъ, проф. Л. В. Ходскій, В. І. Шиффъ, и прив.-доц. П. Ю. Шмидтъ.

Предсѣдатель Совѣта С.-Петербургскаго Общества
Народныхъ Университетовъ Д. Дриль.

Секретарь Совѣта прив.-доц. П. Шмидтъ.

Книгоиздательство Н. Е. Парамонова

„Донская Жызь“.

№	цѣна.	№	цѣна.
Беллетристика.			
1	Короленко—Приемышъ	2	
2	Дмитріева—Майна-вира	3	
3	Чириковъ—Маленьк. грѣшникъ.	1	
4	Андреевъ—Баргам. и Гараська.	1 1/2	
5	Кретцеръ—Истор. чер. сюртука.	1	
6	Крандівская—Для души	2	
7	Чириковъ—Свинья	2	
8 ²	Н.-Данченко—Старый замокъ	3	
9	Свирскій—Забракованный	2	
10 ²	Костинъ—Ошибка	3	
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ	3	
12	Станюковичъ—За „Щупленьк.“	2	
13	Митропольскій—Вода	2	
14	Серафимовичъ—Местъ	3	
14 ³	Курочкинъ—Принцъ Лутова	6	
15	Мельшинъ—Искорка	3	
16	Мельшинъ—Чортовъ Яръ	4	
17	Андреевъ—Гостинецъ	2	
18	Андреевъ—Петька на дачѣ	2	
19	Дмитріева—Мама на войнѣ	3	
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ	2	
21	Бѣлоконскій—Страховка	2	
22	Ивашева—Мой день	2	
23	Короленко—Ночью	5	
24	Тыиковскій—Среди людей	5	
25	Русова—Біографія Гарibaldi	4	
26	Отч. Пар. не выуч. грам.	3	
27	Златовратскій—Мечтатели	4	
28 ²	Н.-Данченко—Махмудины дѣти	3	
29	Ожешко—Гedaли	3	
30	Юшкевичъ—Ханникъ и Юська	2	
31	Вересаевъ—Въ пути	1	
32	Франко—Самъ виновать	1 1/2	
33	Алексѣевъ—Изъ-за хлѣб. насущ.	1 1/2	
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3	
35	Вересаевъ—Въ сухомъ туманѣ	2	
36	Митропольскій—Отсрочка	1	
37	Яблоновскій—Удружилъ	1	
38	Франко—Хорошія заработокъ	1	
39 ²	Мать (съ армянскаго)	1 1/2	
40	Остон—Поденщикъ	2	
41	Некрасовъ и Никитинъ	4	
42	Бунинъ—Вайбаки	3	
43	Петровскій—Не дался	1	
44	Дмитріева—Бѣлыя крылья	2	
45	Серафимовичъ—Въ бурю	3	
46	Яблоновскій—Конокрадъ	3	
47	Франко—На днѣ	9	
49	Н.-Данченко—Воскрес. пѣснь	5	
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4	
51	Бѣлоконскій—Деревня Печаль	3	
52	Дмитріева—Волки	3	
53 ²	Мирбо—Война	3	
55	Короленко—Черкесь	4	
56	Вересаевъ—Звѣзда (вост. сказ.)	1 1/2	
57	Телешевъ—Противъ обычая	2	
58	Яблоновскій—Въ консультаціи	3	
59	Пѣсни труда	8	
60	Темный—Сироткинъ	3	
61	Кранд. — Только часть и др. разск.	10	
61 ²	Сазановъ—Въ пути	3	
62	Бунинъ—Надъ городомъ	1	
63	Изнайловъ—Мать	3	
64	Станюковичъ—Эмигрантъ	3	
65	Избр. стихотв. Надсона	3	
66	Андреевъ—Ангелочекъ	3	
67	Андреевъ—Жили-были	3	
69	Серафимовичъ—Въ камышахъ	2	
70 ²	Бѣлоконскій—За что и почему	3	
71	Яблоновскій—Завѣтная мечта	3	
72	Прияжн. застѣдатель	2	
73	Вересаевъ—Къ спѣху	1	
74	Серафимовичъ. На льдинѣ	3	
75	Мельшинъ—Маленькіе люди	4	
76 ²	Франко—Лѣса и пастбища	2	
77 ²	Яковлева—Свидѣтель	8	
243	Шатрианъ—Исторія крестьянина	20	
276	Мирбо.—Дурные пастыри	10	
278	Вересаевъ—Честнымъ путемъ	7	

№	цѣна.
304 Ярошъ—Послѣдній король	20
253 Гра—Марсельцы	25
325 Морозовъ—Стихотворенія	25
292 „Впередъ“, Сборникъ стихотвор.	20
80 Короленко—Соколинцевъ	7
82 Елеовскій—Огорченіе	3
83 Русова—Братья Гракки	3
84 Телешовъ—Нужда	1 1/2
84 1/2 В. Гюго—Клодъ Ге	3
86 1/2 Молодая жизнь	7
87 Золя—Кровь	3
88 Бѣлоконскій—Фейга	3
89 Успенскій—Будка	3
90 Короленко—Мгнов. и огоньки	2
91 Пѣсни мира. Сборн. стих.	2
92 1/2 Бѣлоконскій—Дерев. консп.	2
93 Бѣлоконскій—Страшное мѣсто	1 1/2
94 Мирбо—Бродяга	1
95 1/2 Гези—Ант. Матье (жизнь руд.)	3
96 Тимковскій—Травля	5
97 Наживинъ—Волось Малодны	1
98 Франко—Къ свѣту	3
99 Чириковъ—Въ отставку	7
100 Зарницы—Сборникъ стихотвор.	5
101 Андреевъ—На станціи	1
102 1/2 Бѣлоконскій—На высотѣ своего призванія	3
103 Рубакинъ—Искорки	5
104 Хангъ Гершковичъ	5
105 П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
106 Мирбо—Крест. и Пропов.	1 1/2
107 Андреевъ—Валя	2
109 Короленко—Послѣдній лучъ	3
110 Короленко—Морозъ	4
111 1/2 Малатеста—Въ кофейнѣ	7
112 М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
113 Чириковъ—Танино счастье	7
114 Рубакинъ—Книгоноша	20
115 В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
116 Андреевъ—Весеннія общанія	3
117 Наживинъ—Ложь	1 1/2
118 Суздальц.—Ричардъ Остл.	3
119 Крюковъ—Въ родн. мѣстахъ	5
120 Короленко—Госуд. Ящички	7
121 М. Конопницкая—Яктонъ	1 1/2
122 А. Яблоновскій—Нухимъ	3
123 П. Бутошинъ—Случай № 212	1
125 В. Короленко—На затменіи	3
126 Сказка о 4 братьяхъ	4
127 Юшкевичъ—Кабатъ. Гейманъ	4
128 Наживинъ—Въ степи	1 1/2
129 Конопницкая—Менд. Гданскій	3

№	цѣна.
130 Пругавинъ—Милліонъ.	6
131 1/2 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь	5
132 Гези—Благотворительность	2
135 Короленко—Чудная	3
137 Разрушенный моль	1
138 Успенскій—Неизлѣчимый	5
139 Погорѣловъ—Въ глуши	2
139 1/2 Бунинъ—Черноземъ	2
140 Л. Андреевъ—Предст. кража	1 1/2
141 Конопницкая—Дымъ	1 1/2
143 Амичисъ—Красная гвоздика	2
147 Бирскій—Безъ исхода	3
149 Союзъ подъ 1-е мая	3
199 Мельшинъ—Школа въ каторгѣ	7
200 Короленко—Союзъ Макара	
200 1/2 Наши братья	8
401 Радловъ—Пощумѣли	4
402 Русова—Луиза Мишель	5
403 Рыбакій—Шестипалый	1
404 Питомецъ воспитательн. дома	2
405 Ямайкинъ—Поручикъ Эрве	1
406 Юшкевичъ—Ита Гайне	2
407 Какъ муж. наш. то, что нужно	2
408 Бруснинъ—Заразные люди	2
409 Ежъ—На разсвѣтѣ	
153 1/2 Джаво (перев. съ армянск.)	1 1/2
157 Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ...	3
160 Л. Толстой—О смертной казни	8
163 Радловъ—Котлолистъ Ваня	5
165 Журавлевъ—Убийство	2
166 Юшкевичъ—Левко Гемъ	1
167 Пѣсни борцовъ—Сборн. стих.	3
168 Конопницкая—Юзефова	3
170 Дѣти рабочихъ	9
171 Серафимовичъ—Подъ землей	1
172 О. Зювигскій—Въ чертѣ осядл.	3
173 Ив. Наживинъ—Братья	1
174 Ивановичъ—Не понравилось	2
178 Костинъ—Одинъ	6
179 Шевченко—Избранныя стихотво- твор. (малор.)	2
180 Поливановъ—Кончился	3
181 Какъ мужикъ въ долгу остался	4
182 Не въ ногу	3
183 Почему бѣдна Россія	1
184 Пѣсни рабочихъ	3 1/2
185 Ибаньесъ—Должностное лицо (палацъ)	1 1/2
187 1/2 Радловъ—Семень	2
192 Какъ господа 1-ое мая празд.	5
193 Что видно въ подзорную трубу	1 1/2
196 За свободу—Сборн. стихотвор.	2

№	цѣна.
215 Гауптманъ—Ткачи	12
230 Лангманъ—Вартель Туразерь	15

Историческая беллетристика и публицистика.

48 ² Какъ сипяч. крест. боролись	6
48 Слово вѣрующаго	3
78 Катехизисъ рабочаго	6
79 ² Русова—На счастлив. остров	3
85 ² Народоходецъ—Почему крест. требуютъ земли и воли	6
54 ² Звѣг. До чего нужд. дов. крест.	3
124 Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу	3
125 Какъ вѣнцы добыли себѣ свободу	1 1/2
133 Дикштейнъ.—Кто чѣмъ живетъ	3
108 Ирланд. Джонъ и голод. муж.	1 1/2
214 ² Г. К-ша—Национальныя на-стерскія во Франціи 1848 г.	15
142 Национальное собраніе	3
301 Толстой—Исповѣдь	3
347 Последний день Калыева	4
150 ² Кабановъ—Какъ улучшить кре-стьянское хозяйство	6
151 ² Ключковъ—Крестьянство и воля	3
152 ² Бѣгство короля	1 1/2
156 ² Взятіе Бастиліи	4
158 Какъ франц. добыли себѣ свобод.	3
159 Л. Толст.—Неуж. это такъ надо?	4
161 Новиковъ—Женщ.—тов. мужч.	6
164 Проектъ основ. закона о землѣ	5
175 Русова—Свобод. респ. Швейц.	15
177 Новиковъ—Враги народа	4
178 Г. Джорджъ, его жизнь и ученіе	1
187 Народный трибунъ—Бабефъ	4
189 Общанія правительств. о землѣ	1
189 ² Почему треб. свободы личности	1
190 Для чего требуютъ свободу схо-докъ	1
191 Англійскіе раб. прежде и теп.	4
297 Васильевъ—Что такое отечест.	8
145 Права человѣка и гражданина	1 1/2
205 Процессъ Жирондистовъ	8
207 Булгакова—Японія и японцы	20
233 Пругавинъ—Прошл. Шлис. крѣп.	5
317 Роль—Какъ прошл. рев. на Зап.	35
303 Кропоткинъ—Къ молодежи	4
334 Реклю—Анархія	3
340 Малатеста—Немного теорій	3
345 Министры—слуги народа	2
331 Каутскій—Памяти Маркса	4
313 Эрихъ—Револ. студ. во Фран.	4

№	цѣна.
311 Каутскій—Всѣобщ. стач.	4
327 Жоресъ—Всѣобщ. стачка	3
338 Лафаргъ—Всѣобщая стачка	3
344 Сатуринъ—Исторія одной стач.	3

Вопросы избирательной компании и первая Государственная Дума.

136 Какъ выбирать нар. представ.	1
162 Что такое тайная под. голосовъ	1
169 Танъ—Истин. народн. предст.	4
211 Водовозовъ—Всѣобщ. избир. право на Западѣ	5
268 Пр. изб. закон. въ Учред. соб.	3
312 Петровский—Изб. кам. въ св. гос.	4
176 Партіи и крест. въ Госуд. Думѣ	15
194 Что сказали наши пред. Царю	4
195 Что министры сказали народа. представителямъ	2
241 Созывъ народныхъ представ.	10
266 Якушкинъ—Государствен. Дума	3

Государственное устройство и политическія права гражданъ.

213 Горбунъ—Гарантіи личн. своб.	10
202 ² Новиковъ—Какъ должны писат. законы	5
306 Иеллинекъ—Бюджетное право	6
145 Права человѣка и гражданина	1 1/2
153 Что такое государств. роспись	3
154 Областное народоправіе	1
189 Почему треб. свободы личности	1
190 Для чего треб. своб. сходокъ	1
197 Женщина избирательница	1
299 В. Алексѣевъ—Отвѣтственность министровъ	4
239 Лассаль—Сущн. конституціи	8
254 Котляревскій—Совѣщ. представ.	4
263 Дживелеговъ—Отвѣст. министр.	3
282 Госуд. устр. въ зап.-евр. стран.	6
294 Права и обязан. англійск. гражд.	10
283 Митинга въ Англіи	10

Исторія иностранная.

209 А. Ө. Выкова—Англія и англійч.	15
210 В. В.—Великая франц. револ.	15
216 Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр.	7
217 Жываго—Освобожд. Швейцаріи	6
219 К. Каутскій—Ирландія	7
232 Петрушевскій—Вел. харт. вольн.	15
247 Каръевъ—Франц. писат. XVIII в.	10

№	цѣна.
265	Общественное движ. въ Японіи 6
274	48-й годъ въ Германіи . . . 12
285	Парижск. ком. 1870—1871 гг. 10
287	Волкенштейнъ—Борьба за нар. предст. въ Англіи 15
288	Революція въ Вѣнѣ 3
302	Сатуринъ—Ирландія 15
314	Быкова—Гос. уст. С.-А. Штат. 20
328	Сатуринъ—Индіа и ея горе 15
342	Сатуринъ—Герм. Имп. и народъ 3
348	Дубровский—Бур. и пролет. въ іюльск. дни во Франціи . . 8
257	Марксъ—Гражданская война . 18

Политич. экономія и рабочій вопросъ.

220	Каутскій—Прот. клас. интерес. 15
221	Каутскій—Разв. формъ государ. 7
277	Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды 15
234	Прокоповичъ—Длина рабоч. дня 5
237	Б. С. Трудъ и Капиталъ . . 6
242	Лассаль—Программа работн. 8
248	Бебель—Государство будущаго. 10
249	К. Каутскій—Соціальн. реформа 25
250	Жилищный вопросъ 10
251	Зомбартъ—Соціализмъ въ XIX в. 15
252	Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в. 20
255	Гэдъ—Коллективизмъ 4
258	Либкнехтъ—Отъ обор. къ напад. 10
259	Шиппель—Профес. рабоч. союзы 10
264	Амичисъ—Студенты и соц. вопр. 5
273	Бахъ—Экономическіе очерки . 10
275	Экон. положеніе еврейск. прол. въ Россіи. 4
279	Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ. 4
280	Книга русскаго рабочаго . . 12
284	Страхованіе рабочихъ 15
295	Бернштейнъ—Формы хоз. жизни. 8
296	Приказничій вопросъ въ Рос. 4
309	Кабановъ—О налогахъ 2
319	Организованный трудъ 8

Русская исторія и вопросы русскои общественной жизни.

201 ²	Вѣлюковскій—Голодъ, вымирание и невѣжество рус. нар., какъ слѣдствіе полицейскаго строя. 3
203	В. Алексѣевъ—Народовластіе. 15
204	В. Алексѣевъ—Земскіе соборы. 10
206	Вѣлюковскій—Самоупр. и земство 5
208	Алексѣевъ—Изъ ист. верх. власти 15

№	цѣна.
214	И. Дятятинъ—Екатерин. Комис. 15
215	И. Дятятинъ—Роль челообитій. 15
218	Звагинцевъ—Общ. движ. въ Рос. 15
222	Павловъ—Фабричное законодат. и его развитіе въ Россіи. . . 5
223	Кизеветтеръ—Русское общество въ XVIII столѣтіи 15
224	Кизеветтеръ—XIX в. въ ист. Рос. 10
225	Кизеветтеръ—Протоп. Аввакумъ 8
226	Кизеветтеръ—Кузнецъ-Гражд. 10
226 ³	Религія и социализмъ 5
235	Строевъ—Моск. гос. передъ реф. 10
236	Семевскій—Изъ исторіи общест. теч. въ 40 г. 15
238 ²	Князьковъ—Какъ начался раск. русской церкви 25
240 ²	Федоровъ—Къ вопр. о воинской повинности въ Россіи 8
244	Рожковъ—Ист. крѣп. пр. въ Рос. 10
245	Прокоповичъ—Аграрное движ. 5
246	Милуковъ—Верховн. и шляхет. 15
260	Голубевъ—Роль земства . . . 12
261	Н. Щепкинъ—Земская и город. Россія о народномъ представит. 10
262	Милуковъ—Исконныя начала . 5
269	Жбанковъ—Когда въ Рос. окон. тѣлесныя наказанія 3
270	Семевскій—Кр. пр. въ пр. Щедр. 20
271	Русская исторія ч. I 10
272	" " " II 12
289	Каутскій—Аграр. вопр. въ Рос. 3
290	Рубакинъ—Русск. исторія ч. I. 15
291	" " " " ч. II. 18
291 ²	" " " " III. 20
293	Туровъ—Восьмич. раб. день . 3
310	Князьковъ—Освобожд. крест. . 15
315	Отъ деревни до парламента . 6
316 ²	Дятятинъ—Ког. воз. рознь въ Рос. 20
320	М. Р. Поповъ—Биогр. Мышкина. 5
323	Смер. Имп. Павла I (ред. Щегол.)
324	Процессъ 16-ти (ред. Бурцева) 60
329	Кавелинъ—Изъ ист. земел. соб. 4
332	Бернштамъ—Якутскій процессъ 15
336	Алексѣевъ—Самодержавіе . . 4
343	Волкенштейнъ—Вопр. о всеоб. заб. 1 ¹ / ₂
346	Пѣшеоновъ—Осн. зад. агр. реф. 3
349	Пругавинъ—Петропав. крѣп. . 5
350	Кайдановъ—Декабристы . . . 10

Новая библіотека.

299	Мартовъ—Пролетар. праздн. . 4
298	Мазовецкій—Процессъ пролет. 6

№	цѣна.	№	цѣна.	
330	К. Шиндтъ—Общая безработица и борьба съ ней.	10	308	Матеріалы револ. движенія. 75
228	Струмилинъ долой забастовщик.	10	324	Процессъ 16-ти террористовъ 60
321	Люсня. Существуетъ ли барщина 5			Былое (издав. загр.) вып. 1 50
335	Герронтъ—Судн. день капитализ. 6			 вып. 2 50
240	Федоровъ. Воин. пов. въ Россіи 8			
81 ²	Маньковск.—У поднож. вистл. 6			
300	Жоресъ и Гэдъ—Так. с.-демокр. 8			
318	Петровъ—Прогрес.-эконом. пар. 8			
322	Данъ—Исторія рабочаго движенія въ Россіи	15		
186	Товарищъ, не измѣняй	2		
305	Мазовецкій—Полит. пар. въ Пол. 12			
337	Загаровъ—Партія правов. поряд. 7			
339	Арну—Коммуна	50		

Отлики современности.	
Статьи Мартова, Потресова, Дана, Кольцова и др.	кн. I 20
	II 35
	III 25
	IV 30
	V 25

Народный Вѣстникъ.	
	кн. I 1

Остатки современности.

Статьи Мартова, Потресова, Дана, Кольцова и др.	кн. I	20
	II	35
	III	25
	IV	30
	V	25

Народный Вѣстникъ.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.	кн. I	10
	II	10
	III-IV	15
	V	10
	VI	10
	VII	10

Народная Жизнь.

Статьи Кудрина, Максимова, Шишко, Чернова, Швецова, Тана и др.	кн. I	6
	II	6
	III	6
	IV	6
	V	6

Въ помощь читателю:		
198 ¹	Обзоръ литературы по	Аграрн. вопросъ в. I. 5
198 ²		Рабочій вопросъ . 5
198 ³		Избирател. право 5
198 ⁴		Историческія книги. 5
198 ⁵		Беллетристика. . . 5
198 ⁷		Практич. политика. 5
198 ⁹		Аграр. вопросъ в. II. 5
198 ¹⁰		" " в. III. 5
198 ¹¹		Крестьянск. вопросъ. 5
Русская историческая бібліотечка.		
307	Государственныя преступ. т. I. 1 р. 50	

Главный складъ: Ростовъ н-Д. Казанская, 42.

О Т Д Ъ Л Е Н І Я:

С.-Петербургъ, Лиговская, 44, кв. 22. Москва, Стрѣтенка, Ащеуловъ пер., д. 13.
 Кіевъ, Крешатикъ, д. 27, кв. 13. Одесса, Колодезный пер., д. 4, кв. 29.
 Ница. Nice. Avenue de la gare 62. Agence Générale pour la Riviera. De la presce Russe. M. Hirschman.

Книжные склады и магазины пользуются 30% скидки.

Пересылка за счетъ издательства при заказахъ на 75 р. послѣ скидки.
 Лица. выписывающія на 3 руб., за пересылку въ Европейской Россіи не платять.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я:

Вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ новая книга:

„ ГАЛЛЕРЕЯ ШЛИССЕЛЬБУРГСКИХЪ УЗНИКОВЪ “

подъ редакціей *Н. Ф. Анненскаго, В. Я. Богугарскаго, В. И. Селевскаго и Л. Ф. Якубовича.*

Часть 1, съ 29-ю портретами.

Цѣна ТРИ рубля.

Весь чистый сборъ съ этого изданія
поступитъ въ пользу бывшихъ Шлиссель-
бургскихъ узниковъ.

НОВАЯ КНИГА

НИКОЛАЙ МОРОЗОВЪ.

Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.

ИСТОРИЯ

ВОЗНИКНОВЕНІЯ АПОКАЛИПСИСА.

Съ рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ
Пулковской обсерваторіи.

Изданіе редакціи журнала „БЫЛОЕ“.

X+304 стр.

Цѣна 1 руб. 35 коп.

„РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17. Въ нихъ помѣщ:

1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). **ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. **ПЕРВОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Цѣна 75 к.

3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Цѣна 60 к.

4) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціей В. Л. Бурцева. Выпускъ I. (1900—1902 г.). Съ пред. В. Я. Богучарскаго. Цѣна 50 к.

5) „Былое“—журналъ, издававшійся **ЗА ГРАНИЦЕЮ** подъ редакціей В. Л. Бурцева. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.

6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. **ТОМЪ ВТОРОЙ.** Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.

7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). **ТОМЪ ТРЕТІЙ.** (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Ц. 1 р.

8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, **ВТОРОЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Ц. 1 р.

9) „Литература партіи Народной Воли“. **ТРЕТЬЕ** приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Выпускъ первый. Ц. 1 р.

11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго. Ц. 30 к.

12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.

13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. В. Л. Бурцева. Ц. 6 к.

14) Литература партіи Народной Воли. Выпускъ второй. Ц. 1 р.

15) Декабристъ Пестель передъ Вѣрховнымъ Уголовнымъ судомъ Н. Павлова-Сильванскаго. Ц. 70 к.

16) Убіиство императора Павла. (Разсказы современниковъ). Подъ редакціей П. Е. Щеголева. Ц. 20 к.

17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. Н. А. Виташевскаго. Ц. 8 к.

Печатаются:

18) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская (матеріалы для біографіи). Съ предисловіемъ В. Л. Бурцева.

19) Общество „Земля и Воля“. І. В. Аптекмана.

20) Къ событію 1-го марта 1881 года. А. В. Тырнова.

21) Государственныя преступленія въ Россіи. Т. IV. Сборникъ подъ редакціей В. Я. Богучарскаго.

22) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній о государственныхъ преступленіяхъ за 1901 годъ.

Вышедшія изданія продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Лица, подписавшіяся на „Государственныя преступленія въ Россіи“ на условіяхъ, объявленныхъ въ декабрь 1905 года, получаютъ за внесенную ими плату первый, второй и третій тома „Государств. преступленій“ и три тома приложеній къ нимъ. („Матер. для исторіи револ. движенія въ 60-хъ годахъ“, „Революц. журналистика 70-хъ годовъ“ и „Литература партіи Народной Воли“). Всего шесть томовъ.

Всѣ остальные изданія „Русской исторической Библіотеки“ приобретаются и путемъ подписки на нихъ, а каждое особо.

